

БОЯРСКАЯ ДУМА

ДРЕВНЕЙ РУСИ.

В. Ключевскаго.

Изданіе третье.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1902.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вступленіе.

Въ судьбѣ учрежденія, исторія котораго послужила предметомъ предлагаемаго опыта, изучающій встрѣчаетъ много неяснаго, много неразрѣшимыхъ пока вопросовъ; но и въ томъ, что доступно изученію, въ чемъ можно отдать полный историческій отчетъ, остается много любопытнаго, возбуждающаго живѣйшій научный интересъ. Этимъ, съ одной стороны, объясняются недостатки предлагаемаго изслѣдованія, съ другой, оправдывается рѣшимость автора предпринять его, не взирая на встрѣчаемыя изслѣдователемъ затрудненія.

Съ X и до XVIII в. боярская дума стояла во главѣ древнерусской администраціи, была маховымъ колесомъ, приводившимъ въ движеніе весь правительственный механизмъ: она же большею частью и создавала этотъ механизмъ, законодательствовала, регулировала всѣ отношенія, давала отвѣты на вопросы, обращенные къ правительству. Въ періодъ наиболѣе напряженной своей дѣятельности, съ половины XV и до конца XVII в., это учрежденіе было творцомъ сложнаго и во многихъ отношеніяхъ величественнаго государственнаго порядка, установившагося на огромномъ пространствѣ московской Руси, того порядка, который только и сдѣлалъ возможными смѣлыя внѣшнія и внутреннія предпріятія Петра, далъ необходимыя для того средства, людей и самыя идеи: даже идеи Петра, по крайней мѣрѣ основныя, наиболѣе плодотворныя его идеи выросли изъ московскаго государственнаго порядка и достались Петру по наслѣдству отъ предшественниковъ вмѣстѣ

съ выдержаннымъ, удивительно дисциплинированнымъ политически обществомъ, руками и средствами котораго пользовался преобразователь.

Но эта правительственная пружина, все приводившая въ движеніе, сама оставалась невидимкой для тѣхъ, кто двигался по ея указаніямъ. Боярская дума рѣдко становилась, при московскихъ государяхъ не становилась никогда прямо передъ обществомъ, которымъ она управляла: ее закрывали отъ этого общества, съ одной стороны, ея верховный предсѣдатель, князь-государь, съ другой, ея докладчикъ и протоколистъ, дьякъ. Общество видѣло и слушало государя, мало зная его совѣтниковъ; къ нему обращалось оно съ своими запросами, его именемъ и авторитетомъ покрывались законодательные отвѣты, внушенные его совѣтниками; приговоры думы, законы доходили до управляемыхъ, какъ ихъ формулировалъ думный дьякъ и какъ подчиненное думѣ вѣдомство прилагало ихъ къ частнымъ лицамъ или къ отдѣльнымъ случаямъ. Отсюда трудность уловить правительственную дѣятельность думы. По существу своему она была законодательнымъ учрежденіемъ, устанавливала общія правила, постоянныя нормы; но передъ нами только практическіе результаты ея законодательной работы: мы видимъ эти нормы, насколько онѣ удавались въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ жизни, въ большинствѣ случаевъ знаемъ эти правила, насколько они отражались въ указахъ, инструкціяхъ, въ отдѣльныхъ актахъ подчиненныхъ думѣ учрежденій. Въ думу «взносили» свои вопросы и недоумѣнія правительственные органы, съ которыми общество имѣло непосредственное соприкосновеніе; изъ думы выносили они приговоры, выражавшіеся въ тѣхъ актахъ, которые теперь лежатъ передъ изслѣдователемъ: но сама она оставалась на своей заоблачной высотѣ, сокрытая и отъ общества, и отъ изслѣдователя: какъ вырабатывались эти приговоры, какіе интересы и мнѣнія боролись при этой работѣ, того почти никогда не видитъ изслѣдователь, какъ въ свое время не видѣло и общество. Столь же неуловимо и политическое значеніе думы. Люди, появлявшіеся въ ней на пространствѣ восьми вѣковъ, князья-государи и ихъ

совѣтники, не чувствовали потребности точно опредѣлить свои взаимныя отношенія и закрѣпить эти опредѣленія надлежащимъ актомъ; никогда не были точно обозначены и отношенія этого совѣта къ низшимъ подчиненнымъ ему органамъ управленія. Въ тѣ вѣка политическіе дѣльцы не любили задавать себѣ общаго вопроса, какъ далеко простираются прерогативы верховнаго правителя, князя-государя, и гдѣ начинаются права его совѣтниковъ: политическій глазомѣръ и обычай указывали въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предѣлы власти, избавляя обѣ стороны отъ труднаго дѣла точной формальной разверстки политическихъ правъ и обязанностей. Ко всякому учрежденію, подобному нашей боярской думѣ, мы привыкли обращаться съ вопросомъ, имѣло ли оно обязательное для верховной власти или только совѣщательное значеніе; а люди тѣхъ вѣковъ не различали столь тонкихъ понятій, возникавшія столкновенія разрѣшали практически въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, отдѣльные случаи не любили обобщать, возводить въ постоянныя нормы, и не подготовили намъ прямаго отвѣта на нашъ вопросъ.

Благодаря всему этому политическая и административная исторія боярской думы темна и бѣдна событіями, лишена драматическаго движенія. Закрытая отъ общества государемъ сверху и дьякомъ снизу, она является конституціоннымъ учрежденіемъ съ обширнымъ политическимъ вліяніемъ, но безъ конституціонной хартіи, правительственнымъ мѣстомъ съ обширнымъ кругомъ дѣлъ, но безъ канцеляріи, безъ архива. Такимъ образомъ изслѣдователь лишенъ возможности возстановить на основаніи подлинныхъ документовъ какъ политическое значеніе думы, такъ и порядокъ ея дѣлопроизводства. Въ предлагаемомъ опытѣ читатель не найдетъ удовлетворительнаго отвѣта на многіе вопросы, касающіеся того и другого, и встрѣтитъ не мало догадокъ, которыми авторъ пытался восполнить недостатокъ прямыхъ историческихъ указаній.

Благодарнѣе и любопытнѣе соціальная исторія думы. Впродолженіе столѣтій встрѣчаемъ въ ней людей, которые носятъ одно и то же званіе бояръ, думцевъ князя-государя; но какое разнообразіе ролей и физіономій! Русскій бояринъ X в.,

не то купецъ, не то воинъ, хорошо помнившій, что онъ—варягъ, морской наѣздникъ-викингъ, на славянскомъ Днѣпрѣ переименованный въ витязя и не успѣвшій еще пересѣсть съ лодки на коня, чтобы стать степнымъ наѣздникомъ, «удалой поленицей»; кіевскій бояринъ XI—XII в., вольный товарищъ своего князя и подобно ему политическій бродяга, нигдѣ не пускавшій глубокихъ корней, не завязывавшій прочныхъ связей ни съ какимъ мѣстнымъ обществомъ: галицкій бояринъ-крамольникъ XIII в., старавшійся прочно укрѣпиться въ краѣ, ставъ между княземъ и простымъ обывателемъ, держа въ рукахъ того и другаго; сѣверный великорусскій бояринъ XIV в., служилый кочевникъ подобно своимъ южнымъ предкамъ, но очутившійся среди множества князей-хозяевъ, столь непохожихъ на своихъ южныхъ предковъ, не знавшій, что дѣлать, какъ стать между княземъ, плотно усѣвшимся въ своей вотчинѣ, и между подвижнымъ, текучимъ населеніемъ, и наконецъ подобно князю принявшійся за землевладѣльческое хозяйство: новгородскій бояринъ XV в., повидимому безсильный и покорный передъ вѣчевой сходкой, неразъ ею битый и грабленный, но богатый капиталистъ, крѣпко державшій въ своемъ кулакѣ нити народнаго труда и помощію ихъ вертѣвшій вѣчевою сходкой; московскій бояринъ XVI в., недавно переименовавшійся изъ удѣльнаго князя, жалѣвшій о своемъ ростовскомъ или ярославскомъ прошломъ и недовольный московскимъ настоящимъ, ни политическимъ, ни хозяйственнымъ, не знавшій, какъ поладить съ своимъ государемъ; наконецъ московскій бояринъ XVII в., смирившійся князь или выслужившійся разночинецъ, отказавшійся отъ политическихъ грезъ XVI в., покорный и преданный своему государю и широкой рукой забиравшій нити крестьянскаго труда: такой рядъ фигуръ проходитъ передъ наблюдателемъ черезъ боярскую думу въ разныхъ краяхъ древней Руси и въ разные вѣка ея исторіи. Каждый изъ этихъ типовъ сообщилъ свой особый складъ и характеръ боярской думѣ, въ которой онъ господствовалъ; но каждый изъ нихъ отражалъ въ себѣ складъ и характеръ общества въ разныхъ краяхъ Руси и въ разные вѣка ея исторіи.

Такъ изученіе древнерусской боярской думы ставитъ изслѣдователя прямо передъ исторіей древнерусскаго общества, передъ процессомъ образованія общественныхъ классовъ.

Исторія нашихъ общественныхъ классовъ представляетъ немало поучительнаго въ научномъ отношеніи. Въ ходѣ ихъ возникновенія и развитія, въ процессѣ опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній видимъ дѣйствіе условій, похожихъ на тѣ, какими создавались общественные классы въ другихъ странахъ Европы; но эти условія у насъ являются въ другихъ сочетаніяхъ, дѣйствуютъ при другихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, и потому созидаемое ими общество получаетъ своеобразный складъ и новыя формы.

Въ исторіи общественнаго класса различаются два главные момента, изъ которыхъ одинъ можно назвать экономическимъ, другой политическимъ. Первый выражается въ расчлененіи общества согласно съ раздѣленіемъ народнаго труда: тогда классы различаются между собою родомъ капитала, которымъ работаетъ каждый, и значеніе общественнаго класса опредѣляется цѣной, какую имѣетъ тотъ или другой капиталъ въ народномъ хозяйствѣ извѣстнаго времени и мѣста. Обыкновенно политическій моментъ завершаетъ соціальную работу народнаго хозяйства: господствующій капиталъ становится источникомъ власти, его операціи соединяются съ привилегіями, его владѣльцы образуютъ правительство, экономическіе классы превращаются въ политическія сословія.

Въ этомъ порядкѣ явленій политическіе факты вытекаютъ изъ экономическихъ, какъ ихъ послѣдствія. Но можно представить себѣ историческій процессъ, гдѣ явленія слѣдуютъ одни за другими въ обратномъ порядкѣ. Въ странѣ промышленная культура сдѣлала уже нѣкоторые успѣхи, трудъ населенія успѣлъ до извѣстной степени овладѣть силами и средствами мѣстной природы, народное хозяйство уже установилось съ нѣкоторой прочностью, когда эта страна подверглась завоеванію, которое ввело въ нее новый общественный классъ, измѣнивъ положеніе и отношенія прежнихъ туземныхъ. Пользуясь правомъ побѣды, этотъ классъ беретъ въ свое распоряженіе

трудъ побѣжденнаго народа. Перемѣны, какія происходятъ отъ этого въ теченіи народно-хозяйственной жизни, являются прямыми послѣдствіями политическаго факта, вторженія новаго класса, который начинаетъ править обществомъ въ силу завоеванія. Завоевателямъ для своего матеріальнаго обезпеченія нѣтъ нужды заводить вновь хозяйство въ захваченной странѣ, указывать пріемы и средства для эксплуатаціи ея естественныхъ богатствъ. Они насильственно вторглись въ установившійся экономическій порядокъ, стали съ оружіемъ въ рукахъ у готоваго хозяйственнаго механизма; по указанію собственныхъ потребностей имъ только нужно переставить нѣкоторыя его части, задать ему нѣкоторыя новыя работы, направить народный трудъ преимущественно на разработку тѣхъ естественныхъ богатствъ края, обладаніе которыми они нашли наиболѣе сподручнымъ и прибыльнымъ. Послѣ того у нихъ оставалась бы забота не устроять технически этотъ механизмъ, а только обезпечить за собой послушное дѣйствіе приставленныхъ къ нему рабочихъ рукъ. Этого обезпеченія господствующій классъ будетъ стараться достигнуть политическими средствами, извѣстной системой законодательства, приспособленной къ цѣли организаціей сословій, соотвѣтственнымъ устройствомъ правительственныхъ учрежденій. Все это съ теченіемъ времени во многомъ измѣнитъ народное хозяйство, вызоветъ въ немъ много новыхъ отношеній, и всѣ эти новые экономическіе факты будутъ слѣдствіями предшествовавшихъ имъ фактовъ политическихъ. Думаемъ, что такимъ или подобнымъ такому процессомъ создавались многія государства средневѣковой Европы, образовавшіяся изъ провинцій Римской имперіи.

Можетъ показаться, что разница между обоими указанными порядками явленій ощутительнѣе въ ихъ схемахъ, чѣмъ въ исторической дѣйствительности, что оба они вели къ одинаковому историческому результату: вытекали ли политическіе факты изъ экономическихъ, или было наоборотъ—въ томъ и другомъ случаѣ наступалъ моментъ, когда оба ряда фактовъ начинали дѣйствовать вмѣстѣ, вліяя другъ на друга, и на ихъ взаимодѣйствіи созидался общественный порядокъ, характеръ

котораго зависѣлъ отъ вызванныхъ этимъ взаимодѣйствіемъ новыхъ сочетаній тѣхъ и другихъ фактовъ, а не отъ первоначальнаго ихъ хронологическаго или причиннаго отношенія другъ къ другу, не оттого, которые изъ нихъ предшествовали другимъ и были ихъ источникомъ. Мы думаемъ напротивъ, что это первоначальное отношеніе кладетъ печать на всю последующую судьбу общества, что характеръ взаимодѣйствія политическихъ и экономическихъ фактовъ, всѣ ихъ дальнѣйшія сочетанія во многомъ зависятъ отъ того, которые изъ нихъ предшествовали другимъ и были ихъ причиной. Представимъ себѣ еще разъ ходъ дѣла во второмъ изъ описанныхъ выше историческихъ процессовъ. *Сила*, механически вторгшаяся въ общество со стороны или образовавшаяся внутри его и вооруженной рукой захватившая распоряженіе народнымъ трудомъ, становится *властью*, чтобы мирно пользоваться плодами захвата: съ цѣлью обезпечить за собой завоеванныя экономическія выгоды она создаетъ такой государственный *порядокъ*, посредствомъ котораго она, ставъ его движущей пружиной, могла бы распоряжаться народнымъ трудомъ, не прибѣгая постоянно къ своему первоначальному средству дѣйствія, къ оружію. Основанія государственнаго устройства, отношенія къ верховной власти и къ другимъ сословіямъ при такомъ ходѣ дѣлъ привлекаютъ къ себѣ заботливое вниманіе господствующаго класса: вопросы государственнаго права выступаютъ на первый планъ, составляютъ самыя видныя явленія въ исторіи общества; частныя гражданскія отношенія лицъ, какъ и ихъ экономическое положеніе, устанавливаются подъ прямымъ вліяніемъ этихъ вопросовъ, въ прямой зависимости отъ того, какъ они разрѣшаются, а не наоборотъ,—и это потому, что господствующій классъ старается такъ опредѣлить свои политическія отношенія, чтобы можно было мирно пользоваться экономическими выгодами, пріобрѣтенными завоеваніемъ. Такимъ образомъ, гдѣ политическіе факты шли впереди, давая направленіе хозяйственной жизни народа, тамъ исторія получала, такъ сказать, боевой характеръ: вооруженная борьба смѣнялась борьбой политической, оружіе передавало свое дѣло закону и работа обѣихъ

силъ, оружія и закона, направлялась къ одной цѣли, къ упроченію обладанія властью, а властью дорожили потому, что она доставляла обладаніе народнымъ трудомъ; подъ вліяніемъ этой борьбы всѣ отношенія обострялись, учрежденія и классы получали рѣзкія очертанія. Иной характеръ получала жизнь, когда не политическая сила, захвативъ господствующій въ странѣ капиталъ, становилась распорядительницей народнаго труда, а наоборотъ господствующій капиталъ страны, овладѣвъ народнымъ трудомъ, создавалъ изъ своихъ владѣльцевъ политическую силу, правительственный классъ. Такой ходъ дѣла обыкновенно встрѣчаемъ тамъ, гдѣ исторія начиналась съ начала, съ первичныхъ процессовъ общежитія, гдѣ трудъ только еще начиналъ овладѣвать силами природы и его скудные успѣхи ни въ комъ не возбуждали завоевательнаго аппетита. Вліяніе на общество пріобрѣталось здѣсь не оружіемъ или правомъ и не закрѣплялось обычными средствами власти, хартіями и учрежденіями: люди добровольно отдавались тому, въ чьихъ рукахъ скоплялся капиталъ, кто давалъ имъ хлѣбъ, т. е. средства для работы; дѣйствительная власть часто дѣйствовала безъ аттрибутовъ правительственнаго авторитета, основанія общественнаго порядка не обозначались явственно, не проводились послѣдовательно въ практикѣ отношеній, формами демократіи иногда прикрывалась очень замкнутая и себялюбивая олигархія, вообще факты неполно и неточно отражались въ правѣ.

Который изъ указанныхъ выше процессовъ господствовалъ въ нашей исторіи, этотъ вопросъ нельзя считать въ числѣ рѣшенныхъ. По отношенію къ исторіи нашего общества его можно выразить въ такой формѣ: который изъ двухъ моментовъ, политическій или экономическій, предшествовалъ другому въ образованіи нашихъ общественныхъ классовъ и всегда ли одинъ и тотъ же изъ нихъ шелъ впереди другаго?

Видимъ, что у насъ общество иногда начинало разчленяться по роду занятій, по свойству капиталовъ, а потомъ уже сообразно съ значеніемъ разныхъ капиталовъ въ хозяйствѣ общества опредѣлялось политическое значеніе разныхъ его

классовъ, распредѣлялись между ними права и обязанности. Довольно послѣдовательно развивался этотъ процессъ въ исторіи Новгорода. Рано освободившись отъ непосредственнаго давленія со стороны князя и служилой аристократіи, этотъ вольный городъ усвоилъ себѣ формы демократическаго устройства. Но еще раньше успѣхи внѣшней торговли, ставшей главнымъ жизненнымъ нервомъ города, создали въ немъ нѣсколько крупныхъ торговыхъ домовъ, которые были руководителями новгородской торговли и въ силу этого сдѣлались потомъ руководителями новгородскаго управленія, правительственной аристократіей, господство которой однако всегда оставалось простымъ фактомъ, не сопровождалось отмѣной демократическихъ формъ новгородскаго устройства. И все общество Новгорода Великаго устроилось по образцу его вершины: новгородскія сословія были собственно торгово-промышленные разряды, гильдіи, политическое значеніе которыхъ точно соотвѣтствовало ихъ торговому вѣсу. Боярство превратилось постепенно въ кругъ главныхъ капиталистовъ-дисконтеровъ, которые не столько сами вели торговые обороты, сколько направляли ихъ, ссужая торговцевъ своими капиталами. Такую же роль игралъ въ мѣстной промышленности слѣдовавшій за боярами классъ *житыхъ людей*, капиталистовъ средней руки. Ниже тѣхъ и другихъ стояли *купцы*, настоящіе торговцы или агенты крупныхъ фирмъ, кредитовавшіеся у бояръ и житыхъ людей или дѣйствовавшіе по ихъ порученіямъ. Наконецъ *черные люди*, ремесленники и рабочіе, брали работу и деньги для работы у высшихъ классовъ. На самомъ низу соціальной лѣстницы въ Новгородской землѣ помѣщались классы, дальше всѣхъ стоявшіе отъ главнаго источника богатства и политическаго значенія, именно *земцы*, мелкіе землевладѣльцы, и *смерды съ половниками*, крестьяне, работавшіе на государственныхъ или частныхъ земляхъ: это были сельскіе, а не городскіе классы и въ политической жизни вольнаго города они значили гораздо меньше, чѣмъ даже городскіе черные люди; половники являются уже съ признаками полусвободныхъ крестьянъ, приближавшихся къ холопамъ.

Въ другихъ областяхъ древней Руси изслѣдователь наблюдаетъ другіе соціальные процессы и притомъ одинъ на другой непохожіе. Въ нашей исторіи можно отмѣтить двѣ эпохи, когда потребности внѣшней обороны вызывали напряженное развитіе военныхъ силъ страны. Въ XV и XVI в. государство создало усиленной вербовкой многочисленный вооруженный классъ, которому постепенно передало посредствомъ вотчинныхъ и помѣстныхъ дачъ огромный земельный капиталъ. Помощію этого капитала и соединенныхъ съ нимъ привилегій этотъ классъ въ XVII в. взялъ въ свое распоряженіе огромное количество земледѣльческаго труда. Дворянство, образовавшееся изъ этого класса, долго и съ большою пользой служило странѣ, обороняя ее отъ враговъ, никогда не завоевывало общества, но въ XVIII в., уже освободившись отъ обязательной службы, оно такъ правило обществомъ, что въ странахъ, гдѣ дворянство считало себя потомками завоевателей, власть его не отличалась ни большей энергіей и широтою привилегій, ни большими злоупотребленіями. Точно также въ IX в. внѣшнія опасности создали по большимъ городамъ Поднѣпровья значительный вооруженный классъ для обороны границъ и торговыхъ путей. Иногда оружіемъ, чаще не однимъ оружіемъ, онъ подчинилъ своимъ городамъ и потомъ своимъ князьямъ-вождямъ большую часть восточныхъ Славянъ и сталъ правительственнымъ классомъ. Но по роду капитала, по своему экономическому положенію онъ долго былъ товарищемъ промышленнаго городскаго населенія, изъ котораго онъ вышелъ, долго дѣлился съ этимъ населеніемъ выгодами внѣшней торговли и только два-три вѣка спустя сталъ дѣлать замѣтные успѣхи въ землевладѣніи, и хотя нѣкогда онъ завоевалъ большую часть страны, ему по разнымъ причинамъ не удалось достигнуть полнаго обладанія обществомъ.

Такъ въ исторіи нашего общества повидимому господствовали смѣшанные процессы. Иногда образованіе сословій и у насъ какъ будто начиналось политическимъ моментомъ: общественное дѣленіе первоначально основывалось на различіи правъ и обязанностей, и уже потомъ классы, обособившіеся

политически, стремились обособиться и экономически, занявъ въ народномъ хозяйствѣ мѣсто соотвѣтственно своему политическому положенію. Но у насъ въ эту соціальную работу обыкновенно вмѣшивались условія, которыя измѣняли ея первоначальное направленіе, лишали ее послѣдовательности развитія и приводили не къ тому концу, къ какому она была направлена своимъ началомъ. Въ этомъ вмѣшательствѣ источникъ одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей нашей исторіи, въ которой простѣйшія политическія и общественныя формаціи создавались посредствомъ очень сложныхъ процессовъ, короткія разстоянія проходились длинными извилистыми путями. Изъ такихъ условій укажемъ на одно очень важное по своимъ послѣдствіямъ. Исторія нашего общества измѣнилась бы существенно, еслибы впродолженіе восьми-девяти столѣтій наше народное хозяйство не было историческимъ противорѣчіемъ природѣ страны. Въ XI в. масса русскаго населенія сосредоточивалась въ черноземномъ среднемъ Поднѣпровьѣ, а къ половинѣ XV в. передвинулась въ область верхняго Поволжья. Казалось бы, въ первомъ краю основаніемъ народнаго хозяйства должно было стать земледѣліе, а во второмъ должны были получить преобладаніе внѣшняя торговля, лѣсные и другіе промыслы. Но внѣшнія обстоятельства сложились такъ, что пока Русь сидѣла на днѣпровскомъ черноземѣ, она преимущественно торговала продуктами лѣсныхъ и другихъ промысловъ и принялась усиленно пахать, когда пересѣла на верхневолжскій суглинокъ. Слѣдствіемъ этого было то, что изъ обѣихъ руководящихъ народно-хозяйственныхъ силъ, какими были служилое землевладѣніе и городской торговый промыселъ, каждая имѣла неестественную судьбу, не успѣвала развиться тамъ, гдѣ было наиболѣе природныхъ условій для ея развитія, а гдѣ развивалась успѣшно, тамъ ея успѣхи были искусственны и сопровождались задержкой народныхъ успѣховъ въ другихъ отношеніяхъ.

Итакъ исторія общественныхъ классовъ у насъ не отличается простотой и однообразіемъ своихъ процессовъ. Изслѣдователь, хорошо изучившій происхожденіе и развитіе западноевропейскихъ сословій, не встрѣтитъ у насъ повторенія зна-

комыхъ ему явленій: онъ встрѣтитъ сходные моменты и условія, но встрѣтитъ ихъ въ своеобразныхъ сочетаніяхъ и при невиданныхъ имъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Во всякомъ случаѣ исторія западно-европейскихъ общественныхъ классовъ не можетъ дать полнаго отвѣта на вопросъ о томъ, какъ созидались европейскія общества.

Обращаясь къ изученію боярской думы, авторъ не надѣялся изобразить съ достаточной послѣдовательностью и полнотой исторію ея политическаго значенія и правительственной дѣятельности. Тѣмъ больше вниманія обращалъ онъ на то, въ чемъ выражалась непосредственная связь учрежденія съ обществомъ, на соціальный составъ думы, на происхожденіе и значеніе классовъ, представители которыхъ находили въ ней мѣсто. Составомъ своимъ дума касалась только верхнихъ слоевъ древнерусскаго общества: потому исторія изучаемаго нами учрежденія даетъ возможность слѣдить за складомъ общества, насколько онъ отражался въ образованіи общественныхъ вершинъ.

Глава I.

Въ боярскомъ совѣтѣ кіевскаго князя X в. еще сидѣли представители класса, правившаго обществомъ раньше князя съ его боярами.

Древнѣйшіе памятники нашей исторіи сообщаютъ намъ очень мало извѣстій объ устройствѣ управленія на Руси до половины XI в., до смерти Ярослава I. Среди этихъ скудныхъ извѣстій получаютъ особенную цѣну черты, которыми они изображаютъ учрежденіе, стоявшее во главѣ тогдашней княжеской администраціи. Съ этимъ учрежденіемъ знакомитъ насъ внесенный въ начальную лѣтопись разсказъ о дѣлахъ князя Владиміра Святаго. При кіевскомъ князѣ въ концѣ X в. встрѣчаемъ правительственный классъ или кругъ людей, которые служатъ ближайшими правительственными сотрудниками князя. Эти люди называются то *боярами*, то *дружиной* князя и составляютъ его обычный совѣтъ, съ которымъ онъ думаетъ о ратныхъ дѣлахъ, объ устроеніи земли: «бѣ Володимеръ любя дружину, говоритъ начальная лѣтопись, и съ ними думая о строи земленѣмъ и о ратехъ и о уставѣ земленѣмъ». Итакъ эта боярская или дружинная дума была обычнымъ, постояннымъ совѣтомъ князя по дѣламъ военнаго и земскаго управленія. Со времени принятія христіанства подлѣ князя являются новые совѣтники, епископы. Извѣстный русскій священникъ Иларіонъ, ставшій въ 1051 г. митрополитомъ кіевскимъ, въ своемъ похвальномъ словѣ «кагану» Владиміру пишетъ, что этотъ просвѣтитель Русской земли, «съ новыми отцы нашими епископы снимаяся (собираясь) часто, съ многимъ смиреніемъ свѣщавашеся, како въ человѣцѣхъ сихъ, новопознавшихъ Господа, законъ уставити». Въ начальной лѣтописи находимъ разсказъ изъ временъ Владимірова кня-

женія, который подтверждаетъ слова Иларіона и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что совѣщанія князя съ духовными совѣтниками не ограничивались установленіемъ церковнаго закона въ новопросвѣщенномъ обществѣ, но касались и очень важныхъ вопросовъ государственнаго законодательства. Когда умножились разбои на Руси, епископы посовѣтовали князю замѣнить прежнее наказаніе за это преступленіе новымъ. До тѣхъ поръ, какъ узнаемъ изъ этого разсказа, за разбой взимали *виру*, денежную пеню. Теперь епископы посовѣтовали князю замѣнить виру за разбой «казнью», сказавъ: «достоитъ ти казнити разбойника, но со испытомъ». Князь принялъ совѣтъ, отмѣнилъ виры и началъ казнить разбойниковъ. Вслѣдъ за этимъ постановленіемъ, внесшимъ важную перемѣну въ уголовное право, лѣтопись разсказываетъ о финансовой мѣрѣ, внушенной также епископами и вмѣстѣ съ тѣмъ вносившей дальнѣйшее измѣненіе въ дѣйствовавшую систему наказаній. Тогда шла непрерывная борьба съ Печенѣгами, требовавшая усиленныхъ расходовъ. Епископы сказали князю: «война теперь большая; если случится вира, пусть идетъ она на оружіе и на коней». Князь принялъ и этотъ совѣтъ *).

Рядомъ съ боярами и епископами въ составѣ думы Владиміра присутствовалъ еще третій элементъ. Онъ появляется въ разсказѣ начальной лѣтописи раньше принятія христіанства княземъ. Когда возникалъ вопросъ, выходившій изъ ряда обычныхъ дѣлъ княжескаго управленія, совѣтниками князя вмѣстѣ съ боярами являлись еще *старцы градскіе*. Въ 983 г., когда Владиміръ, воротясь изъ похода на Ятвяговъ, приносилъ жертву кумирамъ своимъ, «старцы и боляре» посовѣтовали ему принести въ жертву отрока и дѣвицу, выбравъ ихъ по жребію. Въ 987 г. Владиміръ созвалъ «боляры своя и старцы градскіе», чтобы посовѣто-

*) Лѣтопись по Лаврент. списку, изд. Археогр. Ком. 1872 г., стр. 124. Прибавленія къ Твор. Св. Отц., ч. 2, стр. 245. Объясненіе обоихъ постановленій см. въ приложеніи II.

ваться о вѣрахъ, которыя предлагали ему разные иноземные миссіонеры. Когда воротились изъ Царьграда мужи, посланные для испытанія вѣръ, тотъ же князь опять собралъ бояръ своихъ и старцевъ, чтобы выслушать отчетъ пословъ объ ихъ поѣздкѣ. Эти извѣстія окружены въ лѣтописномъ сказаніи такими подробностями, въ которыхъ подозрѣваютъ участіе легендарнаго творчества. Но старцы градскіе присутствуютъ въ думѣ князя и подаютъ голосъ вмѣстѣ съ епископами по такимъ дѣламъ, о которыхъ начальная лѣтопись разсказываетъ безъ замѣтной примѣси легенды: обратить виры на вооруженіе ратныхъ людей посовѣтовали Владиміру вмѣстѣ съ епископами и старцы. Изъ разсказа лѣтописи не видно, одни ли кіевскіе старцы садились въ думѣ князя рядомъ съ боярами и епископами, или приглашали туда и старѣйшинъ другихъ городовъ; по крайней мѣрѣ въ другихъ случаяхъ рядомъ съ боярами и кіевскими старцами являлись при князѣ и иногородные старѣйшины. На знаменитыхъ пирахъ, которые задавалъ Владиміръ по воскресеньямъ или по случаю построенія новой церкви, онъ любилъ видѣть вокругъ себя верхи тогдашняго русскаго общества, представителей господствующихъ классовъ, «нарочитыхъ мужей». Счастливо избѣгнувъ опасности при нападеніи Печенѣговъ на Василевъ, князь построилъ въ городѣ церковь и «сотворилъ праздникъ великій», продолжавшійся 8 дней; на этотъ пиръ вмѣстѣ съ боярами и областными правителями, посадниками, князь пригласилъ и «старѣйшинъ по всѣмъ градомъ». Внесенная въ древнюю лѣтопись повѣсть о крещеніи Владиміра соединяетъ бояръ и городскихъ старѣйшинъ подъ однимъ общимъ названіемъ «дружины», которымъ обозначались собственно служилые люди князя. Созвавъ бояръ и старцевъ, чтобы выслушать отчетъ посланныхъ для испытанія вѣръ, князь обратился къ посламъ съ словами: «скажите предъ дружиною». Но съ другой стороны, тѣ же старцы градскіе являются представителями неслужилаго населенія: въ древнѣйшемъ спискѣ начальной лѣтописи они иногда называются старцами *люд-*

скими, а *людьми* тогда назывались въ отличіе отъ служилыхъ *княжихъ мужей* простые люди, простонародье *).

Въ этихъ городскихъ старцахъ обыкновенно видятъ остатокъ древнихъ родовыхъ союзовъ, нѣкогда господствовавшихъ у восточныхъ Славянъ: это родовые старшины, преемники тѣхъ родоначальниковъ, которые правили восточными Славянами до появленія пришлыхъ князей въ Кіевѣ, когда, по словамъ древней *Повѣсти* о началѣ Русской земли, «живяху кождо съ своимъ родомъ, владѣюще кождо родомъ своимъ». Византійскіе писатели, разсказывая о Славянахъ VI—VII в. и въ частности о Славянахъ восточныхъ, обитавшихъ по сѣверному берегу Чернаго моря, которыхъ они называли иногда Тавроскиѳами, говорятъ о многочисленныхъ царькахъ или филархахъ, которыми управлялись эти племена, не повиновавшіяся единому верховному властителю. Эти царьки или филархи и были отдаленными соціальными, если не генеалогическими предками нашихъ градскихъ старцевъ X вѣка: не утверждая, что эти старцы были прямые потомки древнихъ родовыхъ князей, предполагаютъ, что первые имѣли такое же представительное значеніе въ своихъ родахъ, какимъ пользовались послѣдніе **). Но такой взглядъ не дастъ отвѣта на два вопроса. Если въ Кіевѣ и подобныхъ ему большихъ городахъ X в. родовые союзы хранили еще столько цѣльности и силы, что были въ со-

---

*) Лѣтоп. по Лавр. списку, стр. 122, примѣчанія.

**) *Соловьева*, Ист. Росс. I, по 4 изданію стр. 238 и сл.; его же статья о нравахъ Славянъ въ Архивѣ историко-юрид. свѣдѣній, *Калачова*, кн. 1, отд. 1, стр. 19 и 20. *Эверсъ* видѣлъ въ старцахъ почетнѣйшихъ мужей въ знаменитѣйшихъ воинскихъ родахъ Кіева, мужей, которые по своей старости и опытности имѣли рѣшительное преимущество передъ своими согражданами. Древн. русское право, въ переводѣ *Платонова*, стр. 244. *Рейцъ* нерѣшительно видитъ въ старцахъ знатныхъ начальниковъ славянскихъ племенъ, которые поступили на княжескую службу. Истор. росс. законовъ, въ переводѣ *Морошкина*, стр. 29 и слѣд. *Г. Иловайскій* считаетъ городскихъ старцевъ домовладыками, наиболѣе зажиточными и семейными людьми города. Ист. Россіи, ч. 2, стр. 301.

стояніи поддержать политическое значеніе своихъ старѣйшинъ при дворѣ кіевскаго князя, то еще бо́льшей крѣпостью должны были отличаться роды, не попавшіе въ большіе города, разсѣянные по селамъ, гдѣ было больше возможности обособиться, жить «съ родомъ своимъ на своемъ мѣстѣ», избѣгая разрушительныхъ для родоваго союза ежедневныхъ столкновеній съ чужеродцами, какія неизбѣжны въ городѣ. Что сталось съ этими сельскими родами и почему незамѣтно участіе ихъ старѣйшинъ въ правительственной дѣятельности кіевскаго князя? Съ другой стороны, хотя начальная лѣтопись раньше Владиміра не упоминаетъ о совѣщаніяхъ князя съ городскими старцами, но это не значитъ, что прежде князь не призывалъ ихъ въ совѣтъ своихъ бояръ. До Владиміра лѣтопись не говоритъ и о совѣтѣ бояръ, какъ о постоянномъ правительственномъ учрежденіи, какимъ она изображаетъ совѣщанія этого князя съ своей дружиной. Однако въ той же лѣтописи остались слѣды, указывающіе на то, что совѣтъ бояръ былъ такимъ учрежденіемъ и до Владиміра. Начальная лѣтопись не помнила отчетливо событій того далекаго времени. Другое значеніе имѣетъ ея молчаніе объ участіи городскихъ старцевъ въ совѣтѣ бояръ послѣ Владиміра, во времена къ ней близкія и ей хорошо извѣстныя: это значитъ, что тогда старцевъ уже не призывали въ думу кіевскаго князя. Итакъ присутствіе старцевъ въ боярской думѣ не началось, а кончилось при Владимірѣ. Отсюда возникаетъ другой вопросъ, на который трудно отвѣтить при указанномъ взглядѣ на городскихъ старцевъ. Кіевъ и другіе города Поднѣпровья, по разсказу древней *Повѣсти* о началѣ Русской земли *), въ IX в. не призывали къ себѣ князей съ ихъ дружинами, а принуждены были волей-неволей принять ихъ, когда они пришли сюда. Съ теченіемъ времени жизнь вмѣстѣ, общіе интересы и общія предпріятія

---

*) Эта «Повѣсть временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля», занесенная въ начальную лѣтопись и служащая введеніемъ въ нее, составлена, какъ мы думаемъ по нѣкоторымъ признакамъ, около половины XI в., не позже Ярослава I.

могли сблизить властныхъ и вооруженныхъ пришельцевъ съ верхнимъ слоемъ туземнаго общества. Но въ первое время пришлая сила должна была живѣе чувствовать, чѣмъ чувствовала потомъ, свое превосходство передъ туземцами или свое недовѣріе къ нимъ; по происхожденію и соціальному положенію обѣ стороны должны были тогда стоять дальше другъ отъ друга, чѣмъ стояли потомъ: отчего же потомъ старцы городскіе или людскіе, представители неслужилаго общества, городскаго простонародья, не сидятъ рядомъ съ боярами въ думѣ кіевскаго князя, не являются такими обычными его совѣтниками, какими были они въ X в.?

Чтобы объяснить историческое происхожденіе и значеніе городскихъ старцевъ X в., мы должны сдѣлать небольшое отступленіе и коснуться первоначальной исторіи городовъ на Руси *).

Исторія Россіи началась въ VI в. на сѣверовосточныхъ склонахъ и предгорьяхъ Карпатъ, на томъ обширномъ водораздѣлѣ, гдѣ берутъ свое начало Днѣстръ, оба Буга, правые притоки верхней Вислы, какъ и правые притоки верхней Припети. Обозначая такъ начало нашей исторіи, мы хотимъ сказать, что тогда и тамъ впервые застаемъ мы восточныхъ Славянъ въ общественномъ союзѣ, о происхожденіи и характерѣ котораго можемъ составить себѣ хотя нѣкоторое представленіе, не касаясь труднаго вопроса, когда, какъ и откуда появились въ томъ краю эти Славяне. Въ тотъ вѣкъ среди прикарпатскихъ Славянъ господствовало воинственное движеніе за Дунай противъ Византіи, въ которомъ принимали участіе и вѣтви славянства, раскинувшіяся по сѣверовосточнымъ склонамъ этого горнаго славянскаго гнѣзда. Это воинственное движеніе сомкнуло племена восточныхъ Славянъ въ большой военный союзъ, политическое средоточіе котораго находилось на верхнемъ теченіи Западнаго Буга и во главѣ котораго стояло съ своимъ

*) Предлагаемый здѣсь очеркъ этой исторіи есть сокращеніе II—V главъ изслѣдованія, помѣщенныхъ въ №№ 1, 3, 4 и 10 *Русской Мысли* за 1880 г.; тамъ подробно изложены соображенія, на которыхъ основанъ помѣщаемый здѣсь краткій очеркъ.

княземъ жившее здѣсь племя Дулѣбовъ-Волынянъ. Остаются неясны причины, разрушившія этотъ союзъ; можно думать только, что это были тѣ же причины, которыя повели къ другому еще болѣе важному послѣдствію, къ разселенію восточныхъ Славянъ съ карпатскихъ склоновъ далѣе на востокъ и сѣверовостокъ. Нападенія на Византію взволновали, приподняли Славянъ съ насиженныхъ мѣстъ. Нашествіе Аваровъ (во второй половинѣ VI в.) на карпатскихъ Славянъ, которые то воевали противъ нихъ, то вмѣстѣ съ ними громили имперію, еще болѣе усилило среди нихъ броженіе, слѣдствіемъ котораго и было занятіе Славянами области средняго и верхняго Днѣпра съ его правыми и лѣвыми притоками, какъ и съ воднымъ продолженіемъ этой области, съ бассейномъ Ильменя-озера.

Это передвиженіе совершилось въ VII и VIII в. Днѣпръ скоро сталъ бойкой торговой дорогой для поселенцевъ, могучей питательной артеріей ихъ хозяйства. Своимъ теченіемъ, какъ и своими лѣвыми притоками, такъ близко подходящими къ бассейнамъ Дона и Волги, онъ потянулъ населеніе на югъ и востокъ, къ черноморскимъ, азовскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Въ то самое время, съ конца VII в., на пространствѣ между Волгой и Днѣпромъ утвердилось владычество Хозарской орды, пришедшей по аварскимъ слѣдамъ. Славяне, только что начавшіе устроиться на своемъ днѣпровскомъ новосельѣ, подчинились этому владычеству. Съ тѣхъ поръ какъ въ Хозарію проникли торговые Евреи и потомъ Арабы, хозарская столица на устьяхъ Волги стала сборнымъ торговымъ пунктомъ, узломъ живыхъ и разностороннихъ промышленныхъ сношеній. Покровительствуемые на Волгѣ и на степныхъ дорогахъ къ ней, какъ послушные данники Хозаръ, днѣпровскіе Славяне рано втянулись въ эти обороты. Арабъ Хордадбе, писавшій о Руси въ 860—870-хъ годахъ, знаетъ уже, что русскіе купцы возятъ товары изъ отдаленнѣйшихъ краевъ своей страны къ Черному морю, въ греческіе города, что тѣ же купцы ходятъ на судахъ по Волгѣ, спускаются до хозарской столицы, выходятъ въ Каспійское море и проникаютъ на юговосточные берега его, даже иногда провозятъ свои товары въ Багдадъ на верблю-

дахъ *). Нужно было не одно поколѣніе, чтобы съ береговъ Днѣпра или Волхова проложить такіе далекіе и разносторонніе торговые пути. Эта восточная торговля Руси оставила по себѣ выразительный слѣдъ, который свидѣтельствуетъ, что она завязалась по крайней мѣрѣ лѣтъ за сто до Хордадбе. Въ монетныхъ кладахъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ древней кіевской Руси, самое большое количество восточныхъ монетъ относится къ IX и X в. Попадались клады, въ которыхъ самыя позднія монеты принадлежатъ къ началу IX вѣка, значительное число относится къ VIII в.; но очень рѣдко встрѣчались монеты VII в. и то лишь самаго конца его.

Къ VIII вѣку и надобно отнести возникновеніе древнѣйшихъ большихъ городовъ на Руси. Ихъ географическое размѣщеніе довольно наглядно показываетъ, что они были созданіемъ того торговаго движенія, которое съ VIII в. пошло среди восточныхъ Славянъ по рѣчной линіи Днѣпра-Волхова на югъ и по ея вѣтвямъ на востокъ, къ черноморскимъ, азовскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Большинство ихъ (Ладога, Новгородъ, Смоленскъ, Любечъ, Кіевъ) вытянулось цѣпью по этой линіи, образовавшей операціонный базисъ русской промышленности; но нѣсколько передовыхъ постовъ выдвинулось уже съ этой линіи далѣе на востокъ: таковы были Переяславль южный, Черниговъ, Ростовъ. Эти города возникли, какъ сборныя мѣста русской торговли, пункты склада и отправленія русскаго вывоза. Каждый изъ нихъ былъ средоточіемъ извѣстнаго промышленнаго округа, посредникомъ между нимъ и приморскими рынками. Но скоро новыя обстоятельства превратили эти торговые центры въ политическіе, а ихъ промышленные округа въ подвластныя имъ области.

Уже въ первой половинѣ IX в. становятся замѣтны признаки упадка хозарскаго владычества въ южной Россіи. Изъ-за Волги сквозь хозарскія поселенія и кочевья проникаютъ къ Днѣпру Печенѣги. Эта хищная орда начала загораживат

---

*) *Г. Гаркави,* Сказанія мусульм. писателей о Славянахъ и Русскихъ, стр. 49.

торговые пути днѣпровской Руси и отрѣзывать ее отъ приморскихъ рынковъ. Лишившись безопасности, какой пользовались днѣпровскіе города подъ покровомъ хозарской власти, они должны были собственными средствами возстановлять и поддерживать свои старыя торговыя дороги. Тогда они начали вооружаться, опоясываться укрѣпленіями, стягивать къ себѣ боевыя силы и выдвигать ихъ на опасныя окраины страны сторожевыми заставами или посылать вооруженными конвоями при своихъ торговыхъ караванахъ. Первое хронологически опредѣленное иноземное извѣстіе о Руси, сохранившееся въ Бертинской лѣтописи, говоритъ о томъ, что въ 839 г. русскіе послы жаловались въ Константинополѣ на затрудненіе сношеній Руси съ Византіей «варварскими свирѣпыми народами». Одно изъ первыхъ хронологически опредѣленныхъ извѣстій о Кіевѣ, сохранившихся въ нашихъ лѣтописяхъ, говоритъ о томъ, что въ 867 г. Аскольдъ и Диръ, обороняя этотъ городъ, избили множество Печенѣговъ *).

Вооруженный торговый городъ сталъ узломъ первой крупной политической формы, завязавшейся среди восточныхъ Славянъ на новыхъ мѣстахъ жительства. На карпатскихъ склонахъ у нихъ господствовали родовые союзы, которыми руководили родовые и племенные князья, филархи и царьки, какъ ихъ называли византійскіе писатели. Военный волынскій союзъ, во главѣ котораго стоялъ князь Дулѣбовъ, былъ соединеніемъ такихъ родовъ и племенъ. Съ разрушеніемъ этого союза восточные Славяне остались раздѣленными «на многія племена и многочисленные роды», которые еще существовали или о которыхъ по крайней мѣрѣ помнили на Руси въ половинѣ X в., сколько можно судить о томъ по разсказамъ арабовъ Ибнъ-Даста и Масуди **). Но передвиженіе восточнаго славянства съ карпатскихъ склоновъ разбивало эти племенные и родовые союзы. Одни родичи уходили, другіе оставались; ушедшіе селились на новыхъ мѣстахъ не рядомъ, сплошными

*) Никон. I, 17.

**) *Г. Гаркави* въ указанномъ изданіи, стр. 137 и 268.

родственными поселками, а въ разброску, одинокими, удаленными другъ отъ друга дворами. Къ этому вынуждало тогдашнее состояніе страны, куда направлялась славянская колонизація: каждый выбиралъ для поселенія мѣсто удобное для лова и пашни, а среди лѣсовъ и болотъ такія мѣста не шли обширными сплошными пространствами. Такое топографическое удаленіе членовъ рода другъ отъ друга затрудняло практику власти родоваго старшины надъ всей родней, колебало и затрудняло имущественное общеніе между родственными дворами, помрачало въ родичахъ мысль объ общемъ родовомъ владѣніи, людей разныхъ родовъ дѣлало ближайшими сосѣдями другъ другу. Такъ разрушались юридическія связи рода и подготовлялся переходъ общежитія на новыя основанія; обязательныя родовыя отношенія превращались въ родословныя воспоминанія или въ требованія родственнаго приличія, родство замѣнялось сосѣдствомъ. Съ теченіемъ времени успѣхи промысла и торга создавали среди разбросанныхъ дворовъ сборные пункты обмѣна, центры *гостьбы* (торговли), *погосты;* нѣкоторые изъ нихъ превращались въ болѣе значительныя торговыя средоточія, въ города, къ которымъ тянули въ промышленныхъ оборотахъ окрестные погосты, а города, возникшіе на главныхъ торговыхъ путяхъ, по большимъ рѣкамъ, выростали въ большія торжища, которыя стягивали къ себѣ обороты окрестныхъ городскихъ рынковъ. Такъ племенные и родовые союзы смѣнялись или поглощались промышленными округами. Когда хозарское владычество поколебалось, малые и большіе города начали укрѣпляться и вооружаться. Тогда погосты стали подчиняться ближайшимъ городамъ, къ которымъ они тянули въ торговыхъ оборотахъ, а малые города подчинялись большимъ, которые служили имъ центральными рынками. Подчиненіе вызывалось или тѣмъ, что вооруженный и укрѣпленный городъ завоевывалъ тянувшій къ нему промышленный округъ, или тѣмъ, что населеніе округа находило въ своемъ городѣ убѣжище и защиту въ случаѣ опасности, иногда тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Такъ экономическія связи становились основаніемъ политическихъ, торговые районы городовъ превращались въ городовыя *волости*.

Эти области старинныхъ большихъ городовъ и легли въ основаніе областнаго дѣленія, какое видимъ на Руси впослѣдствіи, въ XI и XII в. Этнографическій составъ этихъ городовыхъ областей показываетъ, что онѣ созидались на развалинахъ древнихъ племенныхъ и родовыхъ союзовъ. *Повѣсть* о началѣ Русской земли пересчитываетъ нѣсколько племенъ, на которыя распадалось восточное славянство до появленія князей въ Кіевѣ, и при этомъ довольно отчетливо указываетъ мѣстожительство каждаго племени. Но въ половинѣ IX в. эти племена были уже только этнографическими или географическими группами населенія, а не политическими союзами, хотя, быть можетъ, и составляли нѣкогда такіе союзы. *Повѣсть* смутно помнитъ, что когда-то у каждаго племени было «свое княженіе», но не запомнила ни одного племеннаго князя, который въ IX в. руководилъ бы цѣлымъ племенемъ. Областное дѣленіе Русской земли при первыхъ кіевскихъ князьяхъ, въ основаніе котораго легли городовыя области болѣе ранняго происхожденія, далеко не совпадало съ племеннымъ, какъ его описываетъ *Повѣсть*. Не было ни одной области, которая состояла бы изъ одного цѣльнаго племени: большинство ихъ составилось изъ частей разныхъ племенъ; въ нѣкоторыхъ къ цѣльному племени примкнули части другихъ племенъ *). Племена, части которыхъ, политически разбившись, притянуты были чужеплеменными большими городами, были именно тѣ, которыя и до этого не имѣли политическаго единства, а послѣднее не завязалось среди нихъ потому, что у нихъ не было большихъ городовъ, которые могли бы

*) *Полоцкая* составилась изъ вѣтви Кривичей съ частью Дреговичей, *Смоленская* изъ другой вѣтви Кривичей съ частью Радимичей и, кажется, съ нѣсколькими поселками Дреговичей и Вятичей, *Черниговская* изъ части Сѣверянъ съ другой частью Радимичей и съ большинствомъ Вятичей. *Кіевская* состояла изъ Полянъ, почти всѣхъ Древлянъ и части Дреговичей, *Новгородская* изъ племени ильменскихъ Славянъ съ изборской вѣтвью Кривичей. Одна *Переяславская* область имѣла одноплеменное славянское населеніе, состоявшее изъ южной половины Сѣверянъ.

торгомъ или оружіемъ стянуть къ себѣ разрозненныя части своихъ племенъ, прежде чѣмъ сдѣлали это большіе города чужихъ племенъ. Около половины IX в. на длинной рѣчной полосѣ Днѣпра-Волхова между Кіевомъ и Ладогой положеніе дѣлъ, можно думать, было таково: изъ восьми занимавшихъ эту полосу славянскихъ племенъ четыре (Древляне, Дреговичи, Радимичи и Вятичи), жившія нѣсколько въ сторонѣ отъ торговаго движенія по главнымъ рѣчнымъ путямъ и слабо имъ захваченныя, оставались разбитыми на мелкіе независимые одинъ отъ другаго округа, средоточіями которыхъ были земледѣльческіе укрѣпленные пункты, городки, пашущіе свои нивы, какъ выразилась лѣтопись о городахъ Древлянъ; у четырехъ другихъ племенъ (Славянъ ильменскихъ, Кривичей, Сѣверянъ и Полянъ), жившихъ на главныхъ рѣчныхъ путяхъ и принимавшихъ болѣе дѣятельное участіе въ шедшемъ здѣсь торговомъ движеніи, такіе округа уже соединялись подъ руководствомъ большихъ промышленныхъ и укрѣпленныхъ городовъ, образуя шесть или семь крупныхъ городовыхъ областей, которыя захватывали значительныя части этихъ племенъ или цѣлыя племена и даже начинали втягивать въ себя ближайшія поселенія четырехъ другихъ племенъ *). Процессъ образованія этихъ областей и расхищенія ими сосѣднихъ племенъ, не успѣвшихъ объединиться, начался до кіевскихъ князей, но завершился уже при нихъ и съ ихъ содѣйствіемъ.

Переходъ на военную ногу, вынужденный внѣшними обстоятельствами IX в., сдѣлалъ большіе промышленные города политическими центрами областей; такое политическое значеніе, въ свою очередь, создало въ этихъ городахъ особый правительственный классъ. Мы не знаемъ, какъ Хозары сбирали дань съ подвластныхъ имъ славянскихъ племенъ, какъ правили своими данниками, посредствомъ ли своихъ или тузем-

*) Это были области Новгородская, Полоцкая, Смоленская, Черниговская, Кіевская и Переяславская, вѣроятно уже существовавшая въ то время; къ нимъ можно причислить и область Любеча, если только она по своимъ размѣрамъ соотвѣтствовала важному торговому значенію этого города въ X в.

ныхъ уполномоченныхъ. Во всякомъ случаѣ, вооруженіе города, оборона торговыхъ путей, расширеніе области и укрѣпленіе власти надъ нею—все это создавало большому промышленному городу много новыхъ заботъ. Все это были дѣла правительственныя; но они были тѣсно связаны съ торговыми оборотами, и потому руководителями ихъ прежде всего стали люди, въ чьихъ рукахъ сосредоточивались эти обороты. Такъ въ одно время съ превращеніемъ большихъ городовъ въ политическіе центры промышленныхъ округовъ городской классъ, который держалъ въ рукахъ нити промышленности, пріобрѣталъ власть надъ городомъ и его областью. Одно внѣшнее обстоятельство помогло образоваться этому классу, усиливъ его пришлымъ элементомъ. Въ то время, какъ на южный конецъ торговаго пути Днѣпра-Волхова налегла опасность изъ степи отъ новыхъ кочевниковъ, заставивъ прибрежный торговый міръ запасаться ратными людьми, на сѣверномъ концѣ этого рѣчнаго пути появились или чаще прежняго стали появляться пришельцы другаго рода. То были Норманны, начавшіе тогда тревожить берега западной Европы и извѣстные тамъ подъ именемъ Дановъ, а у насъ прозванные Варягами. Они появлялись на Волховѣ больше для того, чтобы отсюда Днѣпромъ проникнуть въ богатыя южныя страны, преимущественно въ Византію, и тамъ поторговать, послужить императору, при случаѣ пограбить. Вооруженный купецъ-варягъ, идущій «въ Греки», сталъ тогда обычнымъ явленіемъ на кіевскомъ Днѣпрѣ; купца привыкли видѣть въ вооруженномъ варягѣ, шедшемъ изъ Руси, и на балтійскомъ побережьи; когда русскому военному варягу приходилось скрывать свое ремесло подъ наиболѣе вѣроятной маской, онъ и по древнему кіевскому преданію, и по скандинавской сагѣ (объ Олафѣ) прикидывался купцомъ. Съ тѣхъ поръ рѣчная дорога по Днѣпру-Волхову стала «путемъ изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ», какъ зоветъ ее древняя *Повѣсть* о началѣ Русской земли. Но военно-торговыя нужды прибрежныхъ большихъ городовъ доставляли шедшимъ мимо нихъ Варягамъ выгодныя занятія и на этомъ пути, заставляя значительную часть ихъ здѣсь осаживаться. Сходство занятій

и интересовъ сближало пришельцевъ съ туземными руководителями промышленности по большимъ городамъ: тѣ и другіе были вооруженные торговцы; содѣйствіе первыхъ было полезно вторымъ для расширенія городовыхъ областей и укрѣпленія ихъ за своими городами; тѣ и другіе одинаково нуждались въ безопасныхъ торговыхъ путяхъ къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Присутствіе этихъ иноземцевъ на Руси становится замѣтно уже въ первой половинѣ IX в., въ одно время съ «варварскими свирѣпыми народами», начавшими грозить сношеніямъ Руси съ Византіей, и эти иноземцы являются на Руси не простыми прохожими, а исполнителями порученій туземной власти: люди, которые въ 839 г., по разсказу Бертинской лѣтописи, въ Константинополѣ объявили себя послами отъ народа Руси, пришедшими «ради дружбы», оказались потомъ Шведами. Съ того времени Варяги приливали на Русь въ такомъ изобиліи, что кіевское общество XI в., историческія воспоминанія котораго передаетъ *Повѣсть* о началѣ Русской земли, наклонно было даже преувеличивать численность этихъ пришельцевъ. Въ XI в. ихъ представляли на Руси такимъ густымъ наноснымъ слоемъ въ составѣ русскаго населенія который уже въ IX в. распространился по главнымъ городамъ тогдашней Руси и въ нѣкоторыхъ даже закрылъ собою туземцевъ, «первыхъ насельниковъ»: по мнѣнію автора *Повѣсти*, новгородцы, прежде бывшіе Славянами, вслѣдствіе прилива варяжскихъ «находниковъ» стали «людьми отъ рода варяжска», а Кіевъ, по одному преданію, будто бы и основанъ Варягами. которые были его первыми насельниками *).

Такъ правительственный классъ, взявшій въ свои руки военно-торговыя дѣла главныхъ областныхъ городовъ, составился изъ двухъ элементовъ, изъ вооруженныхъ промышленниковъ туземныхъ и заморскихъ. Этотъ классъ создалъ въ большихъ городахъ то военно-купеческое управленіе, которое много вѣковъ оставалось господствующимъ типомъ городового устройства на Руси. Къ главному городу, старшему или

*) Полн. Собр. Русск. Лѣтописей, VII, стр. 268.

великому, какъ онъ назывался, тянула, какъ къ своему политическому центру, болѣе или менѣе обширная **земля** или **волость** съ *пригородами*, младшими городами. Все вооруженное населеніе города дѣлилось на десять ротъ или *сотенъ*, изъ которыхъ каждая подраздѣлялась на *десятки;* такимъ образомъ весь городъ составлялъ полкъ или *тысячу*. Этой тысячей командовалъ тысяцкій, какъ военный управитель города; ему подчинены были предводители частей тысячи, сотскіе, десятскіе. Замѣчательно, что только главные города старинныхъ областей образовали полныя тысячи; младшіе города или пригороды не были такими цѣльными полками или тысячами, хотя дѣлились на сотни подобно старшимъ. Такъ Псковъ долго былъ новгородскимъ пригородомъ и только съ XIV в. сталъ самостоятельнымъ главой особой волости; онъ также дѣлился на сотни, но во все время своей самостоятельной жизни не составлялъ тысячи и не имѣлъ тысяцкаго въ составѣ своей администраціи *). Изъ преданій IX в. не запало въ наши древніе памятники ни одного намека на то, какъ эти тысяцкіе, сотскіе и другія городскія власти назначались на свои должности. Но впослѣдствіи на противоположныхъ окраинахъ Русской земли, сѣверной и южной, встрѣчаемъ двѣ правительственныя формы, которыя при всѣхъ своихъ мѣстныхъ особенностяхъ были родственны по происхожденію, обѣ отлились по типу древняго городового устройства: одна была въ Новгородѣ, другая въ

*) Съ пріобрѣтеніемъ самостоятельности Псковъ сталъ выбирать двухъ посадниковъ вмѣсто одного, какъ было въ Новгородѣ; но должность тысяцкаго не была учреждена, потому что Псковъ, какъ бывшій пригородъ, не имѣлъ тысячнаго устройства. Впрочемъ, гдѣ правительственный порядокъ устанавливался князьями, а не самимъ городскимъ обществомъ, тамъ и пригороды, становясь стольными великокняжескими городами, устроялись въ тысячи: такъ встрѣчаемъ тысяцкихъ въ двухъ бывшихъ ростовскихъ пригородахъ, во Владимірѣ на Клязьмѣ въ XIII в. и въ Москвѣ въ XIV в. Тысяцкаго имѣлъ и Новгородъ Нижній, когда сталъ великокняжескимъ городомъ. Сторожевое укрѣпленіе въ Кіевской землѣ Бѣлгородъ, возникшее при св. Владимірѣ изъ княжескаго дворцоваго села, при Мономахѣ также было *тысячей*.

казачествѣ. Тамъ и здѣсь управленіе было выборное. Но казачество было чисто военнымъ товариществомъ, и потому казацкій кругъ отличался демократическими привычками: при избраніи войсковой старшины тамъ всѣ выбирали и каждый могъ быть выбранъ. На вѣчевой сходкѣ въ Новгородѣ также выбирали всѣ, но далеко не изъ всѣхъ, а только изъ одного довольно тѣснаго круга лицъ. Это различіе происходило оттого, что военное устройство Новгорода осложнялось дѣйствіемъ торговаго капитала. Собравшійся на вѣчѣ городъ представлялъ собою верховную власть въ правительственныхъ дѣлахъ; но внѣ вѣча промышленными дѣлами согражданъ руководили крупные капиталисты. Изъ ихъ круга державный городъ обыкновенно и выбиралъ свою правительственную старшину, что сообщало новгородскому управленію аристократическій характеръ. Правительственный порядокъ въ большихъ русскихъ городахъ IX в., всего вѣроятнѣе, былъ ближе къ позднѣйшему новгородскому, который изъ него прямо и развился. Едва ли тысяцкіе и другія власти этихъ городовъ назначались гдѣ-либо хозарскимъ правительствомъ: съ того времени какъ Печенѣги, проникнувъ въ область нижняго Днѣпра, поколебали хозарское владычество въ южной Руси, Хозары не могли дѣятельно вмѣшиваться въ управленіе подвластныхъ имъ Славянъ, хотя и продолжали нѣкоторое время брать съ нихъ дань.

Такъ до половины IX в. русскій городъ пережилъ рядъ экономическихъ и политическихъ переворотовъ. Возникнувъ среди разрушавшихся старыхъ племенныхъ и родовыхъ союзовъ, изъ погоста, изъ незначительнаго, но счастливо помѣщеннаго сельскаго рынка онъ превращался въ средоточіе нѣсколькихъ такихъ рынковъ, становился сборнымъ пунктомъ обширнаго промышленнаго округа. Успѣхи торговли создавали въ немъ кругъ торговыхъ домовъ, которые ворочали оборотами округа, служа посредниками между туземными производителями и иноземными рынками, а внѣшнія опасности заставили его потомъ вооружиться и укрѣпиться. Тогда его торговый округъ превратился въ подвластную ему область, а изъ его главныхъ торговыхъ домовъ, подкрѣпленныхъ вождями заморскихъ ва-

ряжскихъ компаній, составилась военно-торговая аристократія, которая взяла въ свои руки управленіе городомъ и его областью. Эту торговую аристократію городовъ начальная лѣтопись въ разсказѣ о временахъ князя Владиміра и называетъ «нарочитыми мужами», а выходившихъ изъ нея десятскихъ, сотскихъ и другихъ городскихъ управителей «старцами градскими» или «старѣйшинами по всѣмъ градомъ». Таково было значеніе и происхожденіе городскихъ старцевъ: это образовавшаяся изъ купечества военно-правительственная старшина торговаго города, который внѣшнія обстоятельства въ IX в. заставили вооружиться и устроиться повоенному *).

Но въ концѣ X в., во времена князя Владиміра, политическое положеніе городовой старшины было уже не то, какъ въ первой половинѣ IX в. До кіевскихъ князей классъ, через эту старшину правившій городомъ и его областью, былъ здѣсь единственной правительственной силой. Въ X в. онъ уже долженъ былъ дѣлиться выгодами власти съ соперникомъ, созданію котораго самъ болѣе всего содѣйствовалъ. Это были князь съ своей дружиной, выдѣлившіеся изъ той же военно-торговой аристократіи большихъ городовъ. Это выдѣленіе было тѣсно связано съ образованіемъ Кіевскаго княжества. Волостной городъ по его первоначальному устройству можно назвать вольной

*) Какъ выбирались эти старцы, вѣчемъ всего города, или только нарочитыми мужами, собиралось ли тогда самое вѣче,—на эти и другіе подобные вопросы можно отвѣчать только гадательно по сравненію съ позднѣйшимъ новгородскимъ управленіемъ, которое, устанавливаясь на большемъ просторѣ, долго хранило въ себѣ старинные докняжескіе порядки, подавленные въ другихъ старшихъ городахъ княземъ и его дружиной. Не здѣсь ли кроется отвѣтъ на вопросъ, почему начальная лѣтопись упоминаетъ о старцахъ городскихъ только при Владимірѣ? Выросши въ Новгородѣ и привыкнувъ тамъ дѣйствовать объ руку съ мѣстной городской старшиной, этотъ князь приблизилъ ее къ себѣ и въ Кіевѣ, гдѣ ея значеніе было уже затерто господствомъ княжей дружины. Точно также Владиміръ поспѣшилъ возстановить въ Кіевѣ кумиры Перуна и другихъ боговъ, еще сильныхъ на далекомъ сѣверѣ, но уже начинавшихъ терять свое обаяніе на близкомъ къ Греціи днѣпровскомъ югѣ.

общиной, республикой, похожей на Новгородъ и Псковъ позднѣйшаго времени. Имъ управляла мѣстная военно-промышленная знать, у которой примѣсь заморскаго элемента не отнимала характера туземной аристократіи. Но тамъ, куда усиленно приливали вооруженныя компаніи изъ-за моря, пришлый элементъ въ составѣ правительственнаго класса получалъ перевѣсъ, а гдѣ притомъ и внѣшняя опасность чувствовалась сильнѣе, тамъ военные интересы брали верхъ надъ интересами мирнаго промысла. Тогда городъ съ своей областью получалъ характеръ варяжскаго владѣнія, военнаго княжества: изъ центральнаго рынка округа онъ превращался въ постоянный укрѣпленный лагерь, изъ котораго рѣже выходили купеческіе караваны, чѣмъ вооруженныя толпы для набѣговъ; вождь города изъ выборнаго тысяцкаго превращался въ военнаго властителя, варяжскаго конунга, а кормъ, который получалъ онъ съ своей дружиной за военныя услуги съ оберегаемой области, замѣнялся данью или окупомъ, какого потребовали въ 980 г. у Владиміра посадившіе его въ Кіевѣ Варяги, сказавъ князю: «вѣдь городъ-то нашъ, мы его взяли». Въ IX в. встрѣчаемъ четыре такихъ варяжскихъ княжества: Рюриково въ Новгородѣ, Труворово въ Изборскѣ, Синеусово въ Бѣлозерской землѣ, Аскольдово въ Кіевѣ; въ X в. являются еще два, Рогволодово въ Полоцкѣ и Турово въ Туровѣ. Да и до Рюрика бывали на Руси случаи варяжскаго властительства. *Повѣсть* о началѣ Русской земли знаетъ одинъ изъ нихъ, чѣмъ и начинаетъ свой разсказъ о призваніи князей изъ-за моря. Здѣсь читаемъ, что еще до прихода Рюрика съ братьями Варяги изъ заморья брали дань на Славянахъ новгородскихъ, Чуди и на другихъ сѣверныхъ племенахъ, которыя потомъ выгнали пришлыхъ властителей и перестали платить имъ дань. Преданіе не помнило, когда и какъ основалось это варяжское владѣніе, кто былъ вождемъ Варяговъ, долго ли продолжалось ихъ владычество; но оно помнило послѣдствія вторженія, дань, возстаніе данниковъ и изгнаніе пришельцевъ. Стороннимъ наблюдателямъ эти варяжскія владѣнія на Руси казались дѣломъ настоящаго завоеванія: одинъ изъ нихъ писалъ, что «племена сѣвера»,

т. е. Норманны, завладѣли нѣкоторыми изъ Славянъ и по сіе время обитаютъ между ними, даже усвоили себѣ ихъ языкъ, смѣшавшись съ ними *). При содѣйствіи этихъ военныхъ варяжскихъ княжествъ внѣшняя оборонительная борьба, какую вели русскіе промышленные города, перешла въ наступательную: по замѣчанію одной лѣтописи **), Рюрикъ съ братьями, какъ только усѣлись на своихъ княженіяхъ, «начаша воевати всюду». Рядъ воинственныхъ морскихъ набѣговъ Руси на далекіе черноморскіе и каспійскіе берега, начавшійся еще въ первой половинѣ IX в. и закрывшій собою мирныя торговыя сношенія русскихъ городовъ прежняго времени, имѣлъ тѣсную связь съ этими сношеніями: то были вооруженныя рекогносцировки русскаго купечества съ цѣлію прочистить засорявшіеся пути русской торговли и открыть доступъ къ приморскимъ рынкамъ. Исходнымъ пунктомъ этихъ смѣлыхъ предпріятій, сборнымъ мѣстомъ русскихъ *витязей* ***) былъ Кіевъ: къ этому городу, находившемуся, по выраженію араба X в. Ибнъ-Даста, на самой границѣ страны Славянъ, сходились главныя рѣчныя дороги Руси; все движеніе русской промышленности прекращалось, какъ скоро перехватывалась врагами ея водная днѣпровская артерія ниже Кіева. Поэтому въ Кіевѣ издавна скоплялось много Варяговъ: не даромъ одно попавшее въ лѣтопись преданіе считаетъ ихъ первыми обитателями Кіева, а по словамъ *Повѣсти* о началѣ Русской земли Аскольдъ могъ набрать здѣсь столько Варяговъ, что отважился напасть на самый Царьградъ. Поэтому же военно-торговая аристократія другихъ промышленныхъ городовъ готова была поддерживать и издавна поддерживала всякаго вождя, направлявшагося къ Кіеву, чтобы отсюда возстановить старые пути русской торговли. Аскольдъ съ Диромъ, отдѣлившіеся отъ дружины новгородскаго конунга Рюрика, безъ борьбы утвердились

*) Еврей X в. Ибрагимъ въ отрывкахъ, приведенныхъ у араба Ал-Бекри. *А. Куника и бар. Розена,* Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ. Ч. I, стр. 46 и 54.

**) Полн. Собр. Русск. Лѣтописей, VII, 268.

***) Русская форма скандинавскаго *викинга.*

въ Кіевѣ, не встрѣтивъ препятствій на своемъ пути; шедшаго по ихъ слѣдамъ преемника Рюрикова Олега днѣпровскіе города Смоленскъ, Любечъ и тотъ же Кіевъ также встрѣтили безъ замѣтной борьбы. Конунгъ, сидѣвшій въ Кіевѣ, держалъ въ своихъ рукахъ нити русской промышленности. Отсюда соперничество между конунгами за этотъ городъ. Бродячіе искатели торговыхъ барышей, хорошихъ кормовъ за военныя услуги или военной добычи, они перебивали другъ у друга ратныхъ людей, доходные города, выгодные торговые пути. Понятія и привычки, питавшія безконечную усобицу русскихъ князей XI и XII в. за города, за волости, родились еще въ IX в. Кіевъ по своему значенію для русской промышленности болѣе другихъ городовъ вызывалъ это соперничество. Олегъ новгородскій за него погубилъ Аскольда и Дира кіевскихъ; потомъ другой новгородскій конунгъ Владиміръ, истребивъ конунга полоцкаго Рогволода съ сыновьями, погубилъ другаго конунга кіевскаго Ярополка, собственнаго брата. Изъ этого соперничества вышла первая русская династія: сперва восторжествовалъ родъ Рюрика, истребивъ или подчинивъ себѣ своихъ соперниковъ, другихъ такихъ же конунговъ; потомъ въ родѣ Рюрика восторжествовало племя младшаго его правнука Владиміра. Эта династія, утвердившись въ Кіевѣ и пользуясь экономическимъ его значеніемъ, постепенно стянула въ свои руки разрозненныя дотолѣ части Русской земли.

Такъ первый опытъ политическаго объединенія Русской земли былъ дѣломъ того же интереса, которымъ прежде созданы были независимыя одна отъ другой городовыя области, дѣломъ внѣшней русской торговли. Кіевское княжество, какъ и городовыя области, ему предшествовавшія, имѣло не національное, а соціальное происхожденіе, создано было не какимъ-либо *племенемъ*, а *классомъ*, выдѣлившимся изъ разныхъ племенъ. Руководившая городовыми областями военно-торговая аристократія поддержала самаго сильнаго изъ конунговъ, помогла ему укрѣпиться въ Кіевѣ, а потомъ военными походами и торговыми договорами съ Византіей возстановить и обезпечить торговыя сношенія съ приморскими рынками. Это общее дѣло разрознен-

ныхъ дотолѣ волостныхъ торговыхъ городовъ было завершеніемъ давнихъ усилій русскаго промышленнаго міра, которому съ начала IX в. враги начали загораживать торговые пути къ Черноморью и Каспію. Та же аристократія помогла кіевскимъ князьямъ распространить свою власть изъ Кіева. Этимъ содѣйствіемъ объясняется неодинаковый успѣхъ князей въ подчиненіи разныхъ племенъ. Гдѣ этотъ классъ былъ сосредоточенъ въ большихъ торговыхъ центрахъ, какъ у Сѣверянъ черниговскихъ или переяславскихъ, тамъ вся область безъ борьбы или послѣ легкой борьбы подчинялась кіевскому князю, увлекаемая своей старшиной, тянувшей къ нему по единству интересовъ и частію даже по племенному родству. Напротивъ, Древлянъ и Вятичей, у которыхъ, при отсутствіи центральнаго властнаго города, этотъ классъ еще не сложился или былъ разбитъ на мелкія мѣстныя общества, кіевскимъ князьямъ пришлось завоевывать по частямъ, долгой и упорной борьбой. Значитъ, военно-торговая аристократія большихъ городовъ была самою дѣятельною силой въ созданіи политическаго единства Руси, которое тѣмъ и началось, что этотъ классъ сталъ собираться подъ знаменами вышедшаго изъ его среды кіевскаго князя. Но это политическое объединеніе класса было началомъ его соціальнаго раздѣленія. Его прошлое сообщило ему двойственный характеръ: руководя торговыми оборотами городовыхъ областей, онъ былъ для нихъ и военно-правительственной силой. Теперь его боевые элементы начали переходить въ дружину кіевскаго князя, образуя новый правительственный классъ *княжихъ мужей,* получавшій уже не мѣстное, а общерусское значеніе. Другіе болѣе мирные люди того же класса оставались на своихъ мѣстахъ, продолжая руководить городскими обществами.

Такъ изъ правительственнаго класса большихъ городовъ выдѣлился соперникъ, съ которымъ онъ долженъ былъ подѣлиться властью. Впрочемъ при первыхъ кіевскихъ князьяхъ соперничество обоихъ классовъ смягчалось памятью объ ихъ недавнемъ товариществѣ, о близкомъ соціальномъ родствѣ. Въ X в. между княжеской дружиной и городской торговой аристократіей еще не было значительнаго разстоянія ни экономи-

3*

ческаго, ни политическаго. Въ начальной нашей лѣтописи слово *Русь*, этимологическое и историческое происхожденіе котораго доселѣ остается необъясненнымъ, имѣетъ измѣнчивое значеніе, то географическое, то племенное, то сословное: подъ нимъ разумѣются и Кіевская земля въ тѣсномъ смыслѣ, и пришлые Варяги въ отличіе отъ туземцевъ Славянъ, и высшій классъ, собравшійся вокругъ кіевскаго князя, безъ различія племеннаго происхожденія. Отсюда можно заключить между прочимъ, что начальная лѣтопись разсказываетъ о временахъ, когда въ составѣ русскаго общества мѣшались племена и начинали раздѣляться сословія. Константинъ Багрянородный и арабскіе писатели X в. противополагали Русь Славянамъ, какъ господствующій классъ простонародью, которое платило дань Руси. Но можно замѣтить, что арабы къ этому господствующему классу по сходству экономическаго быта причисляли и городское купечество, не умѣя отличить его отъ княжеской дружины. Одинъ изъ нихъ зналъ Русь того времени, когда кіевскій князь съ своими намѣстниками изъ Кіева и другихъ главныхъ городовъ Руси завоевывалъ славянскія племена, еще остававшіяся независимыми, продолжая дѣло, начатое городовой старшиной прежняго времени *). По его словамъ, Русь не имѣетъ ни недвижимаго имущества, ни пашенъ, и единственный ея промыселъ—торговля мѣхами; но эта же торговая Русь «производитъ набѣги на Славянъ, подъѣзжаетъ къ нимъ на корабляхъ, высаживается, забираетъ ихъ въ плѣнъ, отвозитъ къ Хозарамъ и Болгарамъ и продаетъ тамъ». Изъ договоровъ Руси съ Греками X в. знаемъ, что князь кіевскій, его родня и бояре были тогда главные русскіе купцы, посылавшіе съ своими агентами торговые корабли въ Византію. Но между тѣмъ какъ правительственный классъ Руси торговалъ, торговая аристократія большихъ городовъ продолжала пользоваться правительственнымъ значеніемъ. Городскія общества оставались

---

*) Ибнъ-Даста, писавшій приблизительно въ 930-хъ годахъ. *Г. Гаркави*, Сказанія мусульм. писателей о Славянахъ и Русскихъ, стр. 267 и сл.

въ ея рукахъ. Города и при князьяхъ сохраняли свое прежнее военное устройство; ихъ полки участвовали въ походахъ княжеской дружины подъ начальствомъ городовой старшины. Князь Владиміръ на свои воскресные пиры приглашалъ вмѣстѣ съ боярами и сотскихъ, десятскихъ и нарочитыхъ мужей. Не принадлежа къ княжеской дружинѣ, эти сотники и десятники городовъ въ X в. повидимому еще выбирались своими горожанами. Но трудно сказать, что сталось съ главнымъ вождемъ городоваго полка, съ тысяцкимъ, который, по выраженію лѣтописей XI—XIII в., держалъ воеводство своей тысячи и «весь рядъ» *). Позднѣе, въ XI и XII в., эта важная должность не была уже выборной: тысяцкаго назначалъ самъ князь изъ членовъ своей дружины, изъ своихъ «мужей». Въ 1089 г. тысяцкимъ въ Кіевѣ былъ Янъ, который въ разсказѣ кіевскаго лѣтописца является дружинникомъ князя, вліятельнымъ бояриномъ. Отца этого Яна Вышату Ярославъ I назначилъ въ 1043 г. воеводой въ походѣ на Грековъ, куда посланы были дружина князя и городовые полки. Но читая разсказъ лѣтописи объ этомъ походѣ, легко замѣтить особенную близость Вышаты къ этимъ полкамъ. Рядомъ съ нимъ видимъ особаго «воеводу Ярославля», вѣроятно командовавшаго собственно княжей дружиной. Когда бурей выбросило на берегъ нѣсколько тысячъ городскаго ополченія, никто изъ княжей дружины не хотѣлъ вести ихъ домой; одинъ Вышата сказалъ: «я пойду съ ними; останусь ли живъ, или погибну—только съ своими вмѣстѣ». Это сообщаетъ вѣроятность догадкѣ, что Вышата былъ кіевскимъ тысяцкимъ **). Можетъ быть, Вышата по происхожденію принадлежалъ къ городской неслужилой знати, но служба въ санѣ тысяцкаго по назначенію князя ввела его съ сыномъ въ княжескую дружину. Точно также новгородская знать XI—XII в., занимая должности въ мѣстной администраціи по назначенію князя, получила значеніе и званіе служилаго боярства. Такъ прежняя старшина большихъ городовъ

*) Лаврент. 201 и 450.

**) Тамъ же, стр. 201, 212, 271, 150. *Соловьевъ*, I, 252 по 4-му изданію.

преобразовывалась въ княжескую дружину. Назначая тысяцкаго изъ среды городской знати, князь могъ поручать эту должность и члену своей дружины, но съ согласія города. Нѣчто подобное было съ должностью кіевскаго тіуна, городскаго судьи, въ 1146 г., когда князь обѣщалъ кіевлянамъ замѣщать ее «по ихъ волѣ». Тѣмъ или другимъ порядкомъ назначенія тысяцкаго могли примиряться и въ X в. притязанія обѣихъ силъ, дѣлившихъ между собою власть надъ обществомъ. Эта политическая и экономическая близость двухъ господствующихъ классовъ и обозначилась присутствіемъ городской старшины въ совѣтѣ князя Владиміра рядомъ съ княжеской дружиной, *старцевъ градскихъ* рядомъ съ *боярами*.

Глава II.

Съ XI в. правительственный совѣтъ при князѣ кіевской Руси является односословнымъ, боярскимъ.

Пока новое правительство, князь съ дружиной, не укрѣпилось и нуждалось въ помощи городской знати, изъ которой оно само вышло, обѣ общественныя силы стояли очень близко другъ къ другу. Весь X вѣкъ онѣ дѣйствуютъ дружно и остаются очень похожи одна на другую, вмѣстѣ воюютъ и торгуютъ, вмѣстѣ обсуждаютъ въ думѣ князя важнѣйшіе вопросы законодательства. Но потомъ обѣ эти силы, столь родственныя по происхожденію, расходятся все дальше. Это взаимное удаленіе обнаруживается съ половины XI в., при дѣтяхъ Ярослава; оно было подготовлено разными обстоятельствами. Княжеское правительство, устроившись и укрѣпившись въ административномъ и военномъ отношеніи, стало меньше нуждаться въ содѣйствіи городоваго управленія и городовыхъ полковъ. Княженіе Владиміра, когда городскіе старѣйшины такъ часто появлялись въ княжескомъ дворцѣ рядомъ съ боярами, было временемъ самой напряженной борьбы съ степью. Тогда кіевское правительство всюду усиленно искало ратныхъ

людей. Но страшное пораженіе, нанесенное Ярославомъ Печенѣгамъ въ 1036 г. подъ стѣнами Кіева, на нѣкоторое время развязало руки правительству съ этой стороны. Въ то же время стало замѣтно расширяться политическое и экономическое разстояніе между княжеской дружиной и городской аристократіей. Служебныя преимущества все болѣе сообщали первой значеніе дворянства, низводя послѣднюю въ положеніе простыхъ мѣщанъ. Торговые успѣхи распространили въ странѣ значительный оборотный капиталъ, подняли денежные доходы правительственнаго класса насчетъ дохода натурой и ослабили его непосредственное участіе въ торговыхъ операціяхъ городовъ. Появленіе у бояръ привилегированной земельной собственности, признаки которой становятся замѣтны съ XI в., еще болѣе удалило этотъ классъ отъ городскаго общества, владѣвшаго торговымъ капиталомъ.

По памятникамъ X—XII в. можно видѣть, изъ какихъ элементовъ составлялся и какъ обособлялся служилый классъ. Въ него переходили люди изъ городской знати и даже изъ городскаго простонародья: извѣстно лѣтописное сказаніе о скорнякѣ, котораго кн. Владиміръ сдѣлалъ «великимъ мужемъ» вмѣстѣ съ отцомъ его за то, что онъ одолѣлъ печенѣжскаго богатыря въ 992 г. Обособленію класса отъ остальнаго общества содѣйствовалъ прежде всего племенной его составъ. Въ дружину варяжскаго конунга, утвердившагося въ Кіевѣ, въ первое время вступали преимущественно его соотчичи, приливъ которыхъ продолжался почти до половины XI в.; благодаря этому слово *бояринъ* долго сохраняло у насъ преимущественное значеніе знатнаго служилаго варяга *). Въ лѣтописи сохра-

*) Въ перечняхъ русскихъ пословъ, заключавшихъ договоры съ Греками въ X в., рѣшительно преобладаютъ скандинавскія имена. Въ словѣ о смиреніи, одномъ изъ древнихъ словъ на св. Четыредесятницу, сохранившихъ признаки принадлежности первымъ временамъ христіанства на Руси, проповѣдникъ представляетъ современнаго ему русскаго боярина непремѣнно человѣкомъ одного племени съ кіевскими мучениками-варягами. «Не хвались родомъ, благородный, поучаетъ онъ, не говори: отецъ у меня бояринъ, *а мученики Христовы*

нилось извѣстіе о вступленіи одного печенѣжскаго князя на службу къ Владиміру въ 992 г. Въ дружинѣ князей XI и XII в. встрѣчаемъ людей изъ Финновъ, Угровъ, Половцевъ, Хозаръ, Поляковъ, Торковъ. Среди этихъ пестрыхъ по соціальному и племенному происхожденію элементовъ класса уже въ XI в. замѣтны слѣды іерархическаго дѣленія. Нося общее неопредѣленное названіе *дружины*, служилый классъ распадался на дружину *старѣйшую* или *большую* и *молодшую*. Первую составляли *княжи мужи*. Если дошедшій до насъ текстъ договоровъ Руси съ Греками точно воспроизводитъ соціальную терминологію X в., то старшая дружина уже тогда носила еще названіе *бояръ;* доселѣ не объяснено удовлетворительно этимологическое значеніе этого термина. Въ глазахъ простаго неслужилаго населенія и младшая дружина считалась мужами, боярами; но лѣтопись XI—XIII в. называетъ ее въ отличіе отъ настоящихъ бояръ *боярцами* или боярами *молодыми* *). Старшая дружина отличалась отъ младшей не только правительственнымъ и придворнымъ своимъ значеніемъ, но и нѣкоторыми юридическими преимуществами, сообщавшими ей характеръ привилегированнаго сословія. Главное изъ этихъ преимуществъ состояло въ болѣе заботливомъ огражденіи личной безопасности закономъ: за убійство княжа мужа законъ грозилъ вдвое болѣе тяжкой вирой, чѣмъ за убійство младшаго дружинника и простолюдина. Съ другой стороны, всякій дружинникъ, старшій и младшій, пользовался нѣкоторыми землевладѣльческими привилегіями, если пріобрѣталъ землю въ

братья мнѣ». Это намекъ на варяговъ-христіанъ, отца съ сыномъ, пострадавшихъ отъ кіевскихъ язычниковъ при кн. Владимірѣ въ 983 г., и ничего другаго значить не можетъ: въ XI в. на Руси было распространено преданіе о мученикахъ-варягахъ, и русская служилая знать любила хвалиться племеннымъ родствомъ съ ними, т. е. была въ большинствѣ скандинавскаго происхожденія или по крайней мѣрѣ сама такъ думала. См. объ этихъ словахъ въ Прибавленіяхъ къ твор. св. отцовъ, ч. XVII, кн. 1, стр. 34, и Опис. слав. рукоп. Синод. библ., отд. 2, прибавленіе, стр. 89.

*) Никон. I, 104. Лавр. 121, 256, 211, 361, 129. Ипат. (по изд. Археогр. Комм. 1871 г.), стр. 604.

собственность. Благодаря этимъ разнообразнымъ преимуществамъ, служебнымъ, личнымъ и хозяйственнымъ, принадлежавшимъ не всѣмъ членамъ дружины въ одинаковой мѣрѣ, слово *бояринъ* съ теченіемъ времени перестало быть синонимомъ *княжа мужа* и получило различныя спеціальныя значенія въ разныхъ сферахъ жизни. Около половины XI в. еще не было проведено точной и окончательной юридической межи между старшей и младшей дружиной. Такъ изъ Русской Правды знаемъ, что «конюхъ старый у стада», т. е. староста конюшій князя впервые причисленъ былъ къ привилегированнымъ княжимъ мужамъ однимъ частнымъ приговоромъ кн. Изяслава Ярославича, присудившаго двойную виру за убійство своего конюха. Такой же привилегіей двойной виры пользовался и другой приказчикъ по дворцовому хозяйственному управленію, «тивунъ огнищный» (дворецкій). Какъ видно изъ этихъ указаній Русской Правды, князья старались распространить права старшей дружины на своихъ дворовыхъ слугъ. Такъ расширенъ былъ первоначальный составъ класса княжихъ мужей, къ которому принадлежали собственно старшіе военные сотрудники князя, а не дворовые слуги, завѣдовавшіе его хозяйствомъ и нигдѣ не являющіеся въ званіи бояръ. Это званіе напротивъ сузилось, стало тѣснѣе класса княжихъ мужей: оно усвоено было верхнему слою этого класса, сановникамъ, занимавшимъ высшія военныя и правительственныя должности и преимущественно тѣмъ, которые составляли совѣтъ князя *). Но получивъ болѣе тѣсное значеніе при княжемъ дворѣ, званіе боярина расширилось внѣ правительственной сферы: на языкѣ частныхъ гражданскихъ отношеній боярами независимо отъ придворной іерархіи назывались всѣ служилые привилегированные землевладѣльцы и рабовладѣль-

*) Въ переводныхъ произведеніяхъ XI—XII в. терминомъ *бояринъ* передаются греческія или латинскія слова, означающія начальника, правителя, члена государственнаго совѣта (ἄρχων, praefectus, senator); *боярство*—сенатъ и правительственная должность вообще. См. эти слова въ Словарѣ *Востокова*. Ср. *Калачова*, О значеніи Кормчей, стр. 61.

цы по тѣсной связи тогдашняго землевладѣнія съ рабовладѣніемъ. Такимъ является бояринъ въ Русской Правдѣ и съ такимъ же значеніемъ проходитъ это слово по памятникамъ нашего права до самаго XVIII в.

Подъ вліяніемъ перемѣнъ, испытанныхъ обоими господствующими классами, княжеской дружиной и городской знатью, въ XI и XII в., отношенія между ними облеклись въ своеобразныя формы, которыя существенно измѣнили составъ думы при князѣ и самое ея значеніе. Владиміръ Св. правилъ Русской землей съ совѣтомъ своихъ бояръ, въ который иногда призывалъ и городскихъ старѣйшинъ. Со смерти Владиміра Св. въ Кіевѣ и другихъ старшихъ городахъ рядомъ съ княземъ и его боярами, а иногда и противъ нихъ все замѣтнѣе выступаетъ *вѣче*, общая городская сходка. Читая нѣкоторыя извѣстія кіевской лѣтописи XI и XII в., можно подумать, что и при болѣе дѣятельномъ участіи городскаго вѣча въ политическихъ дѣлахъ княжескій совѣтъ оставался въ прежнемъ составѣ, представители городскихъ міровъ сохраняли ту же близость къ князю и его боярамъ, какая существовала между ними во времена кн. Владиміра. Въ 1096 г. князья Святополкъ и Мономахъ позвали Олега черниговскаго въ Кіевъ подумать вмѣстѣ, «рядъ учинить» передъ епископами и игуменами, передъ мужами отцовъ своихъ и передъ «людьми градскими» о томъ, какъ оборонить землю Русскую отъ поганыхъ. Въ важныхъ или торжественныхъ случаяхъ великіе князья звали къ себѣ «кіянъ» на совѣщаніе или на пиръ, какъ дѣлалъ св. Владиміръ *). Но эти кіяне, «люди градскіе», не были прежніе городскіе старѣйшины, «старцы людскіе». Городовая старшина, т. е. тѣ высшіе сановники, тысяцкій съ сотскими, которые сидѣли въ думѣ кн. Владиміра, теперь назначались княземъ изъ его дружины и не были уже представителями городскихъ міровъ. О тысяцкомъ лѣтопись прямо указываетъ на это; о сотскихъ можно такъ думать потому, что въ немногихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, ихъ касающихся, они являются въ составѣ княжеской администра-

*) Лаврент. 222. Ипат. 160, 288 и 290.

ціи рядомъ съ тысяцкими *). Этой перемѣной объясняется, почему съ XI в. лѣтопись не говоритъ о городскихъ старѣйшинахъ: ихъ мѣста въ городскомъ управленіи занимали уже члены княжей дружины, могли занимать и люди изъ городской знати по назначенію князя; но такое назначеніе вводило ихъ въ составъ княжей дружины и лишало характера городскихъ старцевъ. Обезсиливаемая этими переходами и вытѣсняемая изъ городскаго управленія княжей дружиной, аристократія большихъ городовъ однако не утратила своего мѣстнаго значенія. Отдалившись отъ княжей дружины, она стала ближе къ городскому простонародью, руководила вѣчемъ и въ столкновеніяхъ послѣдняго съ княземъ являлась посредницей между ними. Такими посредниками и были тѣ «кіяне», которые по временамъ приходили къ князю на его дворъ говорить о политическихъ дѣлахъ. Они не были должностными лицами, являлись передъ княземъ въ качествѣ вліятельныхъ вождей городской сходки, и потому лѣтопись называетъ ихъ не «старцами градскими», а просто «лучшими людьми». Въ событіяхъ XII в. довольно явственно выступаетъ такое значеніе этихъ лучшихъ людей. Въ 1146 г. великій кн. Всеволодъ на пути въ Кіевъ изъ похода разболѣлся. Ставъ подъ Вышгородомъ, онъ призвалъ къ себѣ кіевлянъ и предложилъ имъ въ преемники брата своего Игоря. Тѣ согласились. Явившись съ ними въ Кіевъ, Игорь созвалъ «всѣхъ кіянъ,» которые, собравшись на вѣче, присягнули новому князю. По смерти Всеволода всѣ кіевляне, собравшись на Ярославовомъ дворѣ, вторично присягнули Игорю, но потомъ, сошедшись на другомъ мѣстѣ, позвали къ себѣ князя. Послѣдній, остановившись съ дружиною поодаль отъ вѣча, послалъ туда брата своего Святослава. Кіевляне начали жаловаться ему на тіуновъ Всеволода и потребо-

*) Ипат. 231, 527 и 198: тысяцкій Путята, братъ упомянутаго выше Яна Вышатича, является по лѣтописи въ числѣ «мужей», бояръ кн. Святополка. См. тамъ же, стр. 180 и 186. Въ извѣстномъ законѣ Мономаха о ростахъ, занесенномъ въ Русскую Правду, тысяцкіе названы «дружиной» князя. О сотскихъ см. Ипат. 231 и 509. Излагаемыя здѣсь соображенія не относятся къ Новгороду Великому, гдѣ съ XII в. дѣла шли инымъ путемъ, какъ увидимъ далѣе въ VIII главѣ.

вали обязательства, чтобы въ обидахъ князь самъ творилъ расправу. Святославъ отвѣчалъ: «цѣлую крестъ за брата, что не будетъ вамъ никакого насилія, будетъ у васъ тіунъ по вашей волѣ». Во время этихъ переговоровъ князь и присутствовавшіе на вѣчѣ горожане были на коняхъ: то были переговоры военнаго общества, вооруженнаго города съ своими вождями. Обѣ стороны, спѣшившись, скрѣпили взаимныя обязательства крестоцѣлованіемъ. Потомъ Святославъ, взявъ съ вѣча «лучшихъ мужей», привелъ ихъ къ дожидавшемуся его Игорю, который, также сошедши съ коня, поцѣловалъ имъ крестъ «на всей ихъ волѣ» и поѣхалъ обѣдать. Эти лучшіе люди, очевидно, не постоянная городская власть, а депутаты вѣча, выбиравшіеся изъ городской знати особо всякій разъ, какъ являлась въ нихъ нужда: лѣтопись иногда и называетъ ихъ «послами». Ихъ не видимъ въ думѣ князя рядомъ съ боярами: князь призывалъ ихъ, чтобы черезъ нихъ сообщить вѣчу рѣшеніе, принятое имъ на совѣтѣ съ своей братіей князьями или съ боярами, и черезъ нихъ же узнать отвѣтъ вѣча. Такими посредниками были и кіевляне, призванные Всеволодомъ подъ Вышгородомъ. При смерти больной князь не могъ много говорить съ большой толпой; онъ только сообщилъ приглашеннымъ свое распоряженіе о преемникѣ, еще за годъ передъ тѣмъ обдуманное имъ сообща съ его ближайшими родичами. Не «лучшіе люди созывались на княжескій дворъ для совѣщанія вмѣстѣ съ его боярами и дружиною подъ непосредственнымъ предсѣдательствомъ самого князя»*), а наоборотъ князь съ своими боярами и дружиной иногда являлся на городской площади среди вѣча, чтобы сообща обсудить дѣло и уговориться. Извѣстно нѣсколько такихъ случаевъ, бывшихъ въ Кіевѣ и Новгородѣ. Гдѣ лѣтопись ставитъ рядомъ дружину и горожанъ на княжескомъ совѣтѣ, тамъ слѣдуетъ видѣть не одно, а два собранія, боярскую думу и вѣче горожанъ, дѣйствующія раздѣльно или соединенно **). Лѣтопись иногда очень наглядно изображаетъ эти

*) Слова г. *Иловайскаго* въ его Исторіи Россіи, ч. 2, стр. 301. Ипат. 229 и слѣд.

**) См. напримѣръ по Ипатьевскому списку лѣтописи разсказъ

соединенныя присутствія думы и вѣча, если можно такъ выразиться о сходкѣ на городской площади съ участіемъ князя и его дружины. Въ 1147 г. Изяславъ въ Кіевѣ созвалъ бояръ своихъ, всю свою дружину и кіевлянъ и «явилъ» имъ свою мысль, принятую по совѣту съ братіей, идти на дядю Юрія. Бояре и дружина молчали, т. е. соглашались на предложеніе своего князя; но кіевляне возражали и между прочимъ заявили, что не могутъ поднять руки на Мономахово племя, т. е. на Юрія. Изяславъ выступилъ въ походъ, отвѣтивъ на возраженіе горожанъ: «а тотъ добръ, кто за мной пойдетъ». Нѣсколько времени спустя онъ прислалъ въ Кіевъ посла, приказывая оставшемуся тамъ брату своему, митрополиту и кіевскому тысяцкому созвать кіевлянъ на вѣче на дворъ къ св. Софіи. Здѣсь въ присутствіи Изяславова брата, владыки и тысяцкихъ обоихъ князей посолъ отъ лица Изяслава напомнилъ собравшимся «отъ мала и до велика» горожанамъ прежнее совѣщаніе, предложеніе князя и отвѣтъ кіевлянъ на него и пригласилъ ихъ исполнить данное ими на томъ же совѣщаніи слово пойти на Ольговичей черниговскихъ. Очевидно, и прежнее совѣщаніе было такое же вѣче, только съ участіемъ самого князя, его бояръ и всей дружины. Но лѣтописецъ хорошо отличалъ боярскую думу князя отъ городскаго вѣча и другихъ большихъ народныхъ собраній. Въ 1093 г. въ походѣ на Половцевъ князья Святополкъ, Владиміръ и Ростиславъ на берегахъ Стугны «созваша дружину свою на совѣтъ, хотяче поступити черезъ рѣку, и начаша думати». На этомъ совѣтѣ присутствовалъ и извѣстный намъ Янъ. Онъ со «смысленными мужами» присталъ къ мнѣнію Мономаха, который высказался за миръ съ Половцами. Но кіевляне были противъ этого мнѣнія, объявили, что хотятъ драться съ погаными, и ихъ голосъ одержалъ верхъ. Эти кіев-

---

о борьбѣ Изяслава съ Юріемъ Долгорукимъ подъ г. 1151, стр. 295: «Вячеславъ же и Изяславъ и Ростиславъ, съзвавше братію свою, и почаша думати... Дружина же Вячеславля и Изяславля и Ростиславля и всихъ князій устягивахуть отъ того и кіяне, наипаче же Черніи Клобуци... Вячеславъ же, Изяславъ и Ростиславъ, послушавше дружины своея и кіянъ и Черныхъ Клобуковъ»...

ляне—кіевскій городовой полкъ, участвовавшій въ походѣ. Говоря о совѣтѣ князей съ дружиной, лѣтопись не упоминаетъ о кіевлянахъ. Но пока князья думали съ боярами, кіевскій полкъ «всталъ» вѣчемъ, сидя на коняхъ, какъ онъ дѣлалъ и въ самомъ Кіевѣ. Когда на этомъ вѣчѣ сдѣлалось извѣстно предложеніе Мономаха, кіевляне, вооруженная *тысяча*, «не вехотѣша совѣта сего», разошедшись въ этомъ случаѣ даже съ собственнымъ командиромъ, если только Янъ тогда еще оставался въ должности кіевскаго тысяцкаго, которую онъ занималъ въ 1089 г. *). Въ 1187 г. Ярославъ Осмомыслъ, князь галицкій, почувствовавъ близость смерти, созвалъ къ себѣ въ стольный городъ дружину, «мужей своихъ», духовенство всѣхъ соборовъ и монастырей, нищихъ, словомъ всю Галицкую землю, и три дня прощался со всѣми. Но въ это же время у князя разрѣшался вопросъ о передачѣ стола галицкаго младшему сыну Ярослава мимо старшаго и разрѣшался съ одними боярами: князь объ этомъ государственномъ дѣлѣ «молвяшеть мужемъ своимъ» и только имъ. Въ разсказѣ лѣтописи явственно выражается мысль, что собравшіеся въ Галичъ всякіе люди не участвовали въ обсужденіи этого дѣла, не составляли всесословнаго собора или земскаго вѣча ни законодательнаго, ни совѣщательнаго. Подобное явленіе встрѣчаемъ и на суздальскомъ сѣверѣ. Рѣшившись передать свой столъ и старшинство младшему сыну Юрію, Всеволодъ III въ 1212 г. созвалъ «всѣхъ бояръ своихъ съ городовъ и съ волостей и епископа Іоанна и игумены и попы и купцы и дворяны и вси люди» и заставилъ ихъ присягнуть Юрію; но «думцами», съ которыми великій князь «смышлялъ» объ этомъ дѣлѣ, которые послѣ многихъ «словесъ» и пререканій «сдумаша сія тако сотворити», были только бояре князя да епископъ Іоаннъ **).

*) Ипат. 243 и 246. Лавр. 300 и 212.

**) Ипат. 442. Воскрес. въ Полн. Собр. лѣтописей VII, 117. Никон. II, 311. Точно также Мстиславъ, получивъ Волынское княжество по завѣщанію отъ брата своего Владиміра Васильковича въ 1287 г., пріѣхалъ въ г. Владиміръ, созвалъ бояръ и горожанъ, даже Нѣмцевъ, и велѣлъ прочитать завѣщаніе умиравшаго тогда брата. Когда всѣ отъ

Такъ дума и вѣче представляли собою не параллельныя государственныя вѣдомства и не разныя правительственныя инстанціи, а два общественные класса, двѣ различныя политическія силы, другъ съ другомъ соперничавшія. Эти учрежденія различались между собою не столько правительственными функціями, сколько социально-политическими интересами. Отношенія между обоими классами, интересы которыхъ находили себѣ выраженіе въ думѣ и на вѣчѣ, въ XII в. основывались на взаимномъ соглашеніи, на договорѣ или «рядѣ». Въ старыхъ городахъ кіевской Руси этотъ договоръ не успѣлъ развиться въ точно опредѣленныя постоянныя условія, подобныя позднѣйшимъ новгородскимъ, въ такія условія, которыя вездѣ имѣли бы одинаково обязательное значеніе: они опредѣлялись обстоятельствами, расширялись или стѣснялись, даже иногда совсѣмъ исчезали, смотря по тому, на которую сторону склонялся перевѣсъ силы. Князь, садясь на какой-либо столъ, долженъ былъ прежде всего «утвердиться съ людьми» обоюднымъ крестоцѣлованіемъ: таково было господствующее мнѣніе. По понятіямъ вѣка всѣ отношенія князя должны были держаться на крестномъ цѣлованіи, на договорѣ съ политическими силами времени, среди которыхъ онъ вращался. «Богъ велѣлъ вамъ такъ быть, говорили тогдашнимъ князьямъ: творить правду на семъ свѣтѣ, по правдѣ судъ судить и въ крестномъ цѣлованіи стоять». Къ числу этихъ силъ принадлежали и старшіе стольные города: князь долженъ былъ «взять рядъ» съ горожанами, чтобы укрѣпить свой столъ подъ собою *). Необходимость этого вытекала изъ положенія, какое занимали тогда обѣ стороны, старшіе города и князья съ своими дружинами. Первый опытъ политическаго объединенія Русской земли былъ дѣломъ дружныхъ усилій торговаго населенія

мала до велика выслушали грамоту, епископъ благословилъ Мстислава на княженіе. Это не совѣщаніе земскихъ людей съ боярами и даже не городское правительственное вѣче въ присутствіи бояръ и князя, а простое оповѣщеніе обывателей о распоряженіи умиравшаго князя, сдѣланномъ безъ ихъ участія. Ипат. 596.

*) Ипат. 326, 360, 363, 365 и 375.

большихъ городовъ и военнаго класса, созданнаго въ его средѣ внѣшними опасностями русской торговли IX в. Но это объединеніе разъединило прежнихъ союзниковъ и поставило ихъ другъ противъ друга. Эта перемѣна тотчасъ отразилась на составѣ правительственнаго совѣта при князѣ: представителей городской торговой знати, въ X в. сидѣвшихъ въ думѣ рядомъ съ боярами, не видимъ тамъ въ XI и XII в. Но политическая роль этой знати не пала, а только перемѣстилась на другую сцену: переставъ давать князю совѣтниковъ изъ своей среды, этотъ классъ сталъ заправителемъ городскаго вѣча. Сами князья помогли ему найти это новое поприще. Политическое единство Руси, созданное совокупными усиліями обѣихъ общественныхъ силъ, но еще не упроченное, стало разрушаться по смерти Ярослава I. Княжескій родъ, шедшій отъ Владиміра Св., признавался носителемъ верховной власти, призваннымъ творить правду въ Русской землѣ, думать о земскомъ строѣ и земской оборонѣ, чѣмъ и были его равноапостольный родоначальникъ съ своимъ сыномъ Ярославомъ Правосудомъ. Но въ правительственномъ обиходѣ долго и послѣ Ярослава князья, за исключеніемъ Мономаха, ставъ уже степными наѣздниками, боронившими Русскую землю отъ поганыхъ, во многомъ оставались вѣрны привычкамъ и понятіямъ своихъ языческихъ предковъ IX и X в., морскихъ викинговъ на русскихъ рѣкахъ, которые мало думали о земскомъ строеніи. Двухвѣковою дѣятельностію въ русскомъ князѣ выработался типъ, завязавшійся въ самомъ ея началѣ: это военный сторожъ земли, ея торговыхъ путей и оборотовъ, получавшій за то кормъ съ нея. Когда князей развелось много, они стали дѣлиться сторожевыми обязанностями и выгодами, сторожевыми кормами, дѣля между собою и мѣняя области по очереди старшинства. Это очередное владѣніе дѣлало князя бродячимъ гостемъ области, подвижнымъ витяземъ, какимъ онъ былъ два вѣка назадъ. Тогда старшіе города остались одни постоянными и привычными руководителями своихъ областей. Политическія отношенія начали локализоваться попрежнему: мѣстные міры, стянутые къ Кіеву князьями X в., опять потянули къ своимъ мѣстнымъ

центрамъ: пригороды опять, какъ въ старину, стали послушно принимать то, что рѣшали на вѣчѣ «старѣйшіе» города, и этими «старѣйшими», «властями», какъ ихъ называетъ сѣверный владимірскій лѣтописецъ XII в., являются въ разсказѣ послѣдняго тѣ же самые города, которые стояли во главѣ областей еще до объединенія Русской земли кіевскими князьями, Новгородъ. Смоленскъ. Кіевъ. Полоцкъ *). Возстановивъ значеніе старшихъ городовъ, какъ руководителей областныхъ обществъ, князья своимъ порядкомъ владѣнія указали и направленіе ихъ руководящей дѣятельности. Этотъ порядокъ далеко не отвѣчалъ нуждамъ времени и создавалъ мѣстнымъ обществамъ немало затрудненій. Очередной князь-владѣтель нерѣдко оказывался плохимъ правителемъ и защитникомъ; самая очередь владѣнія все болѣе запутывалась по мѣрѣ размноженія княжья; отсюда возникали споры и усобицы, подвергавшіе страну внутреннимъ и внѣшнимъ бѣдствіямъ. Князьямъ приходилось улаживать свои раздоры взаимными договорами. Все это, роняя авторитетъ княжеской власти, побуждало старшіе города вмѣшиваться въ княжескія отношенія, съ которыми не могли справиться сами князья, и въ свои отношенія къ князьямъ вносить то же начало договора. Не отрицая державныхъ правъ цѣлаго княжескаго рода, старшіе города не признавали ихъ полноты за отдѣльными родичами и считали себя въ правѣ договариваться съ ними, какъ они договаривались между собою, требовать, чтобъ князья садились на ихъ столы съ ихъ согласія, «взявъ рядъ» съ ними. Такъ при отсутствіи постояннаго закона, котораго не умѣли выработать, случайный и измѣнчивый договоръ становился временной скрѣпой всѣхъ отношеній, и князей къ городамъ, и между самими князьями. Но по мѣрѣ того какъ князья превращались въ подвижныхъ земскихъ сторожей, перебивавшихъ другъ у друга волости, т. е. волостные кормы, какъ они поступали нѣкогда, и волостные города все рѣшительнѣе выступали хозяевами-наемщиками, разборчиво принимавшими или перебивавшими

*) Лаврен. 350.

этихъ сторожей другъ у друга. Городъ выражалъ свою волю на вѣчевой сходкѣ. Какъ скоро старшіе города стали руководителями своихъ областей, а княжіе мужи вытѣснили изъ городского управленія ихъ старшину, вѣче должно было стать на ся мѣсто блюстителемъ городскихъ и областныхъ интересовъ. Наиболѣе обычнымъ поводомъ, собиравшимъ вѣче, были замѣшательства въ княжескихъ дѣлахъ, когда-либо князь обращался за содѣйствіемъ къ городу, либо городъ находилъ нужнымъ оказать противодѣйствіе князю. Потому со смерти Ярослава I вѣча появляются въ лѣтописи все чаще и шумятъ все громче. Здѣсь и нашла себѣ новое общественное дѣло городская знать «лучшихъ мужей», изъ которой выходила прежняя старшина: потерявъ участіе въ княжескомъ управленіи, она естественно становилась во главѣ городского простонародья, собиравшагося на вѣче. Такъ политическія отношенія XI—XII в. во многомъ были возвратомъ къ порядку, дѣйствовавшему до основанія великаго княжества Кіевскаго. Русская земля первоначально сложилась изъ самостоятельныхъ городовыхъ областей помощію тѣснаго союза двухъ аристократій, военной и торговой. Когда этотъ союзъ земскихъ силъ распался, составныя части земли стали также возвращаться къ прежнему политическому обособленію. Тогда знать торговаго капитала осталась во главѣ мѣстныхъ міровъ, а аристократія оружія съ своими князьями скользила поверхъ этихъ міровъ, едва поддерживая связь между ними. Борьба этихъ двухъ силъ и была основнымъ фактомъ, изъ котораго развивались политическія явленія при Ярославичахъ: то была борьба двухъ правъ, княжескаго и городового, двухъ земскихъ порядковъ, изъ коихъ одинъ объединялъ землю посредствомъ очереднаго княжескаго владѣнія, другой разбивалъ ее на самостоятельныя городовыя волости. При тогдашнемъ положеніи обѣихъ соперничавшихъ силъ договоръ, «рядъ» оставался единственнымъ мирнымъ выходомъ изъ этой борьбы двухъ порядковъ, единственнымъ средствомъ поддержанія разрушавшихся земскихъ связей. Онъ не вводилъ новаго порядка взамѣнъ обоихъ боровшихся, а только помогалъ ихъ возстановленію и примиренію.

Такъ правительственный совѣтъ при князѣ сталъ чисто боярскимъ, служилымъ. Но начало договора, лежавшее въ основаніи отношеній князя къ своей братіи и къ старшимъ городамъ, оказывало сильное дѣйствіе и на отношенія князя къ его вольнымъ слугамъ. Княжескіе споры и распри за старшинство, за очередь владѣнія, давали старшимъ городамъ возможность выбирать между соперниками, не выходя изъ-подъ власти русскаго княжескаго рода. Точно также при переходахъ князей изъ волости въ волость вольные слуги могли переходить отъ князя къ князю, оставаясь на службѣ у русскаго княжья. Какъ выборъ князя городомъ велъ къ договору между ними, такъ и вступленіе вольнаго слуги на службу къ князю вызывало соглашеніе между ними, обоюдныя обязательства. Въ княжескихъ отношеніяхъ дружина является на ряду съ господствующими общественными силами, съ которыми приходилось считаться каждому князю, на ряду съ князьями, высшимъ духовенствомъ, старшими городами. Садясь на кіевскій столъ, новый великій князь «бралъ рядъ» съ братіей, дружиной и горожанами. Дружина отца, переходя на службу къ сыну, цѣловала ему крестъ и при этомъ переходѣ иногда рѣшала судьбу княжескаго стола вопреки княжеской очереди. По смерти Святослава Ольговича въ 1164 г. черниговскій столъ по старшинству принадлежалъ его племяннику Святославу Всеволодовичу. Но дружина покойнаго князя, именно «передніе мужи» его, бояре, хотѣли посадить его сына Олега на опустѣвшій столъ и по думѣ съ княгиней-вдовой и мѣстнымъ епископомъ поцѣловали Спасовъ образъ, поклявшись не посылать за очереднымъ владѣльцемъ до пріѣзда Олегова. Послѣдній добровольно уступилъ потомъ черниговскій столъ старшему двоюродному брату. Когда князья цѣловали крестъ другъ другу, ихъ клятва скрѣплялась крестоцѣлованіемъ ихъ бояръ. На княжескихъ съѣздахъ дружина, бояре были необходимыми дѣятельными участниками совѣщаній, вступали въ пренія съ князьями: не считалось возможнымъ рѣшить дѣло соглашеніемъ однихъ князей, безъ согласія ихъ бояръ. Мономахъ подговаривалъ великаго князя Святополка на поганыхъ. Свято-

полкъ не возражалъ, но отдалъ дѣло на обсужденіе своей дружинѣ. Та, какъ и Мономахова дружина, была противъ похода. Святополкъ послалъ сказать двоюродному брату: «съѣдемся и подумаемъ о томъ съ дружиною». На съѣздѣ Мономахъ держалъ сильную рѣчь къ своимъ и братнимъ боярамъ, стараясь разбить ихъ возраженія, и только когда дружина согласилась съ нимъ, великій князь заключилъ совѣщаніе словами: «я готовъ, братъ, идти съ тобою». Иногда, напротивъ, князья должны были принимать мнѣніе дружины, отказываясь отъ своего, съ которымъ она не соглашалась: такъ поступили даже настойчивый Изяславъ Мстиславичъ съ братомъ въ 1151 г., во время борьбы съ Юріемъ Долгорукимъ, когда противъ нихъ высказалась дружина всѣхъ шести присутствовавшихъ на совѣщаніи князей и была поддержана кіевлянами и Черными Клобуками *).

Общественное мнѣніе тогдашней Руси давало большую политическую цѣну боярскому совѣту и считало его необходимымъ условіемъ хорошаго княжескаго управленія. Если князь не совѣтовался съ своими боярами, если онъ «думы не любяшеть съ мужми своими», лѣтописецъ XII в. отмѣчалъ это, какъ признакъ недобраго князя **). Отъ свойства совѣтниковъ зависѣли политическіе успѣхи князя, его добрыя или враждебныя отношенія къ другимъ князьямъ. Среди житейскихъ афоризмовъ, щедро разсыпанныхъ въ извѣстномъ древнемъ *Словѣ* Даніила Заточника и заимствованныхъ изъ запаса народной наблюдательности, читаемъ такую политическую притчу: «съ мудрымъ думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ» ***). Бояре были ближайшими посредниками между князьями: черезъ нихъ послѣдніе улаживались въ размолвкѣ,

---

*) Ипат. 365, 357, 278, 191 (ср. Лаврент. 267), 295 и 368.

**) Тамъ же 444.

***) Въ томъ же *Словѣ:* «Князь не самъ впадаетъ во многія вещи злыя, но думцы вводятъ»; «умныхъ дума добра, тѣхъ бо и полцы крѣпцы и гради тверды» и т. п. Ср. Описан. слав. рукоп. Моск. Синод. библ., отд. 2, прибавленіе, стр. 88.

разбирали свои взаимные счеты; крестоцѣлованіе князей скрѣплялось присягой ихъ бояръ на томъ, чтобы «между ними добра хотѣть, честь ихъ стеречь и не ссорить ихъ другъ съ другомъ». Бояринъ Давида Ростиславича Василь донесъ своему князю, что Владиміръ Мстиславичъ, князь волынскій, замышляетъ противъ своего племянника, великаго князя Мстислава. Давидъ сказалъ объ этомъ Мстиславу. Пріѣхавъ въ Кіевъ, Владиміръ увѣрялъ, что это неправда. Мстиславъ сослался на Давида, который послалъ Василя уличать провинившагося князя, и началась «тяжа», судъ по формѣ. Василь явился съ двумя приставами, Давидовымъ тысяцкимъ и другимъ бояриномъ; представителями обвиняемаго на судѣ были два его боярина, которые спорили съ Василемъ, отрицая взводимое на ихъ князя обвиненіе; но по Василѣ «вылѣзъ послухъ», который подтвердилъ его показаніе. Мстиславъ покончилъ тяжбу однимъ изъ видовъ суда Божія, предложивъ дядѣ поцѣловать крестъ на томъ, что не умышлялъ лиха на племянника. Такимъ общественнымъ значеніемъ бояръ опредѣлялось политическое значеніе боярской думы для князя, которое, можетъ быть, никогда въ тѣ вѣка не выражалось въ видѣ непремѣннаго условія, точно формулированнаго боярскаго права, но тѣмъ не менѣе служило основаніемъ отношеній между княземъ и его боярами. Совѣтоваться съ боярами было для князя не столько формальной обязанностью, сколько практической необходимостью. Бояринъ былъ не столько слуга, сколько правительственный сотрудникъ князя, отвѣтственный свидѣтель и участникъ его политическихъ думъ и предпріятій. Князь долженъ былъ «являть» ему свою думу; въ каждомъ важномъ дѣлѣ предварительное соглашеніе князя съ боярами предполагалось само собою. Бояре считали себя въ правѣ отказать князю въ своемъ содѣйствіи, если дѣло задумано безъ ихъ вѣдома, а князя, дѣйствовавшаго безъ бояръ, общество встрѣчало съ недовѣріемъ. Князю принадлежалъ выборъ совѣтниковъ; онъ могъ измѣнять составъ своего совѣта, но не считалъ возможнымъ остаться совсѣмъ безъ совѣтниковъ, могъ разойтись съ лицами, но не могъ обойтись безъ учрежденія. Черты, которыми характеризовалось полити-

ческое значеніе бояръ, какъ совѣтниковъ князя, особенно полно и осязательно выступаютъ въ дальнѣйшемъ разсказѣ лѣтописи о тѣхъ же князьяхъ Мстиславѣ и Владимірѣ, между которыми шла описанная выше тяжба. Не смотря на данную племяннику клятву, Владиміръ безъ вѣдома своихъ бояръ завелъ сношенія съ Черными Клобуками, поднимая ихъ на Мстислава. Ужъ послѣ того какъ варвары обѣщали свое содѣйствіе, Владиміръ явилъ боярамъ «думу свою». Но дружина сказала ему: «ты это, князь, самъ собою замыслилъ, такъ не ѣдемъ за тобою: мы того не вѣдали». Взглянувъ на свою младшую дружину, на *дѣтскихъ,* князь отвѣчалъ боярамъ: «ну, такъ вотъ эти будутъ моими боярами». Онъ поѣхалъ къ Клобукамъ безъ бояръ. Но тѣ встрѣтили его враждебно, сказавъ ему между прочимъ: «ты обманулъ насъ, пріѣхалъ одинъ, безъ братіи и безъ мужей своихъ». Съ этими словами они принялись стрѣлять въ князя и перебили его дѣтскихъ. Мстиславъ отставилъ отъ службы двоихъ изъ своей дружины за то, что ихъ холопы украли коней изъ княжаго стада. Злобясь на то, отставленные бояре на походѣ князей въ степь наговорили Давиду Ростиславичу, будто Мстиславъ хочетъ схватить его съ братомъ. Ростиславичи повѣрили клеветѣ и потребовали отъ Мстислава новаго крестоцѣлованія на томъ, что онъ не замыслитъ на нихъ лиха. Мстиславъ обратился за совѣтомъ къ своей дружинѣ. Та посовѣтовала ему согласиться на крестоцѣлованіе, но съ тѣмъ, чтобы Ростиславичи выдали ссорщиковъ. При этомъ она сказала своему князю: «ты правъ передъ Богомъ и передъ людьми; тебѣ нельзя было того безъ насъ ни замыслить, ни сдѣлать, а мы всѣ вѣдаемъ твою истинную любовь ко всей братіи». Значитъ, бояре поставили себя въ *послухи,* свидѣтели правоты своего князя въ тяжбѣ его съ братіей *).

Князь XII в. часто думаетъ съ своей дружиной. Разсказъ лѣтописи объ этихъ «думахъ» даетъ понять важное полити-

---

*) Ипат. 278. О Мстиславѣ и Владимірѣ тамъ же подъ годами 1169 и 1170, стр. 366—371.

ческое значеніе боярскаго совѣта; но его устройство и значеніе правительственное не раскрываются въ этомъ разсказѣ съ достаточной полнотой. Отношеніе боярской думы къ князю ясно; но неясно ея отношеніе къ административному механизму, двигателемъ котораго былъ князь съ боярской думой. Главная причина этого въ томъ, что мы знаемъ боярскую думу того времени почти исключительно по лѣтописи, а лѣтопись выводитъ бояръ-совѣтниковъ почти только въ походахъ князя на враговъ и въ отношеніяхъ его къ другимъ князьямъ. То были чрезвычайные, хотя и частые случаи, такъ сказать, дѣла внѣшней политики князя. Ходъ внутренняго управленія, теченіе ежедневныхъ административныхъ дѣлъ остаются у лѣтописца въ тѣни, въ глубинѣ сцены, на которой разыгрываются описываемыя имъ событія. Благодаря этому многое въ устройствѣ и дѣятельности боярской думы тѣхъ вѣковъ остается необъяснимымъ.

Обозначая составъ думы, лѣтопись XII в. часто говоритъ, что князь думалъ съ своей «дружиной». Но подъ этимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ лѣтописецъ разумѣлъ только верхній слой класса, носившаго такое названіе, «старѣйшую» или «большую» дружину, «переднихъ» или «лѣпшихъ мужей», которые были обычными, постоянными совѣтниками князя. Если князь предпринималъ дѣло, «не повѣдавъ мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своея», лѣтописецъ отмѣчалъ это, какъ необычное и неправильное явленіе *). Въ лѣтописномъ разсказѣ о засѣданіяхъ княжескаго совѣта эти обычные и постоянные совѣтники чаще всего зовутся просто «мужами» или «боярами». Въ исключительныхъ случаяхъ, на походѣ, когда князь спрашивалъ мнѣнія своей младшей дружины, лѣтописецъ точно отличаетъ послѣднюю отъ старшихъ дружинниковъ, замѣчая, что была дума не только съ мужами, но и со *всей* дружиной **). Повидимому *бояринъ* уже тогда получалъ спеціальное значе-

*) Ипат. 357: дружина въ думѣ—передніе мужи; 250: «съзва дружину свою старѣйшюю и яви имъ»; 416. Ср. Лаврент. 211 и 361.

**) Ипат. 252 и 266: Изяславъ съ братіей «съзваша бояры свое и всю дружину свою и нача думати съ ними».

ніе совѣтника, постояннаго княжаго «думцы» или «думника»: одинъ князь XII в., герой *Слова о полку Игоревѣ*, отличалъ «бояръ думающихъ» отъ «мужей храборствующихъ», отъ военной дружины, не имѣвшей мѣста въ думѣ *). Выше было разсказано, какъ кн. Владиміръ Мстиславичъ пригрозилъ своимъ несговорчивымъ боярамъ возвести въ званіе бояръ своихъ *дѣтскихъ*, людей младшей дружины. Можетъ быть, князь и не исполнилъ своей угрозы, не возвелъ дѣтскихъ въ бояре; но если онъ грозилъ этимъ, то, значитъ, считалъ пожалованіе боярскаго сана своимъ княжескимъ правомъ. Трудно сказать, чѣмъ руководились князья при этомъ пожалованіи, были ли необходимы какія-либо личныя или генеалогическія качества, чтобы получить это званіе. Очень вѣроятно, что къ концу XII в. на Руси образовался уже кругъ служилыхъ фамилій, члены которыхъ, достигнувъ надлежащаго возраста, служили боярами при многочисленныхъ княжескихъ дворахъ того времени. По лѣтописи извѣстны случаи, впрочемъ очень рѣдкіе, когда даже въ важной должности кіевскаго тысяцкаго являлись преемственно отецъ и сынъ, старшій и младшій братъ. Но въ составѣ дружины, даже въ числѣ бояръ, по крайней мѣрѣ галицкихъ, встрѣчаемъ людей и неслужилаго происхожденія, не только изъ духовнаго званія, но и «отъ племени смердья», по выраженію лѣтописца **).

Правительственный составъ думы доступенъ изученію не болѣе соціальнаго. Трудно сказать, каково было административное положеніе ея членовъ, занимали ли всѣ они какія-либо должности внѣ думы, или правительственное значеніе нѣкоторыхъ ограничивалось званіемъ княжихъ совѣтниковъ. Въ старыхъ областяхъ кіевской Руси при княжескихъ дворахъ XII и XIII в. встрѣчаемъ довольно значительный штатъ сановниковъ. То были: *тысяцкій* съ *сотскими*, обыкновенно командовавшій полкомъ стольнаго города, *дворскій* или дворецкій, *печат-*

---

*) Ипат. 434.

**) *Погодина*, О наслѣдственности древнихъ сановъ, въ Архивѣ ист.-юр. свѣдѣній, *Калачова*, кн. 1, отд. 1, стр. 78 и 79. Ср. *Соловьева*, Ист. Росс. III, 15 по 4 изд. Ипат. 508 и 525.

никъ, *стольникъ*, *меченоша*, *мечники*, *конюшій*, *сѣдельничій*, *покладникъ* или постельничій, *ловчій*, *ключники* и *тіуны* разныхъ родовъ, *осменикъ* и *мытники*, *биричи*, *подвойскіе*. Нѣкоторыя изъ этихъ должностныхъ лицъ были очевидно дворцовые слуги невысокаго ранга; другія, напротивъ, входили въ составъ того, что можно назвать высшимъ центральнымъ правительствомъ въ княжествѣ того времени. Тысяцкій и дворскій принадлежали къ «великимъ боярамъ» и въ разсказѣ лѣтописцевъ иногда являются самыми видными и вліятельными сановниками. Волынскій лѣтописецъ XIII в. причисляетъ къ боярамъ вмѣстѣ съ дворскимъ и стольника, который даже является у него потомъ въ должности дворскаго, а при кн. Андреѣ Боголюбскомъ въ числѣ бояръ и важнымъ дипломатическимъ агентомъ встрѣчаемъ мечника. Печатникъ и меченоша командовали полками, а первый кромѣ того является въ одной провинціи Галицкой земли съ порученіемъ отъ князей устроить мѣстныя дѣла и успокоить общество. Тіуны у князей, какъ и у бояръ, служили по домашнему хозяйству въ городѣ при дворцѣ и въ княжихъ селахъ; принадлежа къ штату простыхъ дворовыхъ слугъ, они отличались отъ «мужей» родомъ службы, не входили въ составъ ратной дружины, хотя по личнымъ правамъ Русская Правда ставитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ тіуна конюшаго, даже наравнѣ съ членами старшей дружины. Но были еще правительственные тіуны, которымъ князь поручалъ судъ и расправу въ городахъ своего княжества, даже въ столицѣ. Эти городовые судные тіуны были важные сановники съ большою властью: кіевляне въ 1146 г. жаловались на тіуновъ, поставленныхъ вел. кн. Всеволодомъ въ Кіевѣ и Вышгородѣ, говоря, что они неправдами своими «погубили» оба города; идя въ Кіевъ на великокняжескій столъ, князь посылалъ туда напередъ своего тіуна. Если Татищевъ въ своемъ повѣствованіи о полоцкихъ событіяхъ 1217 г. и о княгинѣ Святохнѣ точно передалъ административную терминологію исчезнувшей лѣтописи, изъ которой заимствованъ этотъ любопытный разсказъ, то въ г. Полоцкѣ, какъ и въ Новгородѣ, кромѣ тысяцкаго былъ еще *посадникъ*. Мало

того: рядомъ съ этими сановниками тамъ въ числѣ знатнѣйшихъ вельможъ и «главныхъ совѣтниковъ князя» является ключникъ, называвшійся иначе **казначеемъ** *).

Въ думѣ князя XII и XIII в. имѣли мѣсто важнѣйшія изъ этихъ должностныхъ лицъ, служившихъ органами княжескаго центральнаго и дворцоваго управленія. Это можно сказать о дворскомъ, печатникѣ, стольникѣ, меченошѣ, главномъ мечникѣ, казначеѣ. Участіе тысяцкаго въ княжескомъ совѣтѣ извѣстно по лѣтописи; въ смоленскихъ актахъ 1284 г. боярами-совѣтниками князя являются намѣстникъ, соотвѣтствовавшій полоцкому посаднику, и *окольничій*, придворный сановникъ, который становится впервые извѣстенъ по одной изъ этихъ грамотъ, а въ другой, излагающей условія торговаго договора съ Ригой, рядомъ съ боярами и другими совѣтниками смоленскаго князя поставленъ «таможникъ ветхій», повидимому соотвѣтствовавшій кіевскому осменику **). Почти всѣхъ этихъ сановниковъ центральной и дворцовой администраціи встрѣчаемъ позднѣе и въ совѣтѣ князей сѣверовосточной удѣльной Руси. Но въ боярской думѣ на югозападѣ XII—XIV в. была особенность, которая сближала ее съ польской и литовской радой: это—присутствіе въ ней представителей областной администраціи. Изъ одной статьи Русской Правды видимъ, что въ думѣ великаго князя Владиміра Мономаха, приговорившей ограничить размѣръ роста по долгосрочнымъ займамъ, присутствовали тысяцкіе переяславскій и бѣлгородскій вмѣстѣ съ кіевскимъ. Еще значительнѣе этотъ элементъ въ составѣ думы галицко-

---

*) Ипат. 518, 525, 529, 530, 230, 388, 389, 526, 274, 326, 365, 229. Лаврент. 413 и 433. Русская Правда, по изд. *Калачова*, II, 10 и 11. О значеніи осменика въ Кіевѣ XV и XVI в. см. Акт. Зап. Росс. I, №№ 120 и 170, и *Михалона Литвина* Отрывки въ Архивѣ ист.-юр. свѣдѣній, *Калачова*, II, отд. V, стр. 67. *Татищ.* III, 403—409. Никон. II, 207.

**) Русско-Ливонск. акты, № 37. Собр. гос. грам. и договоровъ, II, № 3: «таможникъ ветхій», вѣроятно, былъ главный таможникъ, староста таможенный, какъ «конюхъ старый» Русской Правды былъ *тіунъ* или *староста конюшій*. Ср. г. *Любавскаго*, Литовско-русскій сеймъ, стр. 157.

волынскаго князя. Впрочемъ составъ галицко-волынскаго совѣта узнаемъ по памятникамъ довольно поздняго времени, составленнымъ наканунѣ паденія политической самостоятельности княжества. Это двѣ сохранившіяся на латинскомъ языкѣ грамоты послѣдняго галицко-волынскаго князя Юрія къ великимъ магистрамъ Нѣмецкаго ордена о мирѣ и дружбѣ. Здѣсь князь обращается къ магистрамъ съ своими «любезными и вѣрными баронами» или «соратниками». Изъ семи бароновъ-совѣтниковъ князя, поименованныхъ въ одной изъ этихъ грамотъ, четверо были «палатинами», т. е. воеводами или намѣстниками главныхъ городовъ княжества *).

Эту особенность можно объяснить характеромъ княжескаго хозяйства и связаннаго съ нимъ княжескаго управленія въ древней кіевской Руси. Тамъ главными средствами княжеской казны были правительственные доходы князя, дани, судебныя и другія пошлины. Въ лѣтописяхъ XII и XIII в. находимъ указанія на дворцовыя княжескія земли, дворы городскіе и загородные, села, цѣлыя волости и даже города, на то, что князья звали «своею жизнью». Но при тогдашней подвижности князей эти недвижимыя дворцовыя имущества не были значительны, не могли стать главнымъ основаніемъ княжескаго хозяйства. Свой дворъ, свою дружину князь содержалъ преимущественно тѣмъ, что онъ получалъ, какъ правитель и военный сторожъ земли, а не какъ личный собственникъ, хозяинъ. Дворецъ еще не былъ такимъ могущественнымъ центромъ управленія, какимъ онъ сталъ потомъ въ удѣльныхъ княжествахъ на верхневолжскомъ сѣверѣ, гдѣ дворцовая хозяйственная администрація слилась съ центральнымъ управленіемъ, поглотила его и провела рѣзкую административную и хозяйственную грань между дворцовыми и недворцовыми землями, взявъ въ свое непосредственное распоряженіе первыя и отдавъ по-

---

*) Это были палатины: *бельзскій* Михаль Елезаровичъ, *перемышльскій* Грицко Косачовичъ, *львовскій* Бориско Кракула и *луцкій* Ходоръ Отекъ. Обѣ грамоты, писанныя въ 1334 и 1335 г., см. у *Карамзина*, IV, примѣч. 276.

слѣднія въ руки органовъ областной администраціи, намѣстниковъ и волостелей. Въ бродячей правительственной средѣ старой кіевской Руси не могло образоваться такое рѣзкое разграниченіе между дворцовымъ центромъ и намѣстничьей провинціей, уѣздомъ. Сѣвъ на новомъ столѣ, князь спѣшилъ разсажать по городамъ и волостямъ княжества своихъ мужей и дѣтскихъ, оставляя нѣкоторыхъ при себѣ для правительственныхъ и дворцовыхъ надобностей. Но общество всѣхъ этихъ большихъ и малыхъ «посадниковъ» не теряло характера лагеря, разсѣявшагося по княжеству на торопливый и кратковременный «покормъ» до скораго похода или перемѣщенія въ новое княжество. Совѣтуясь съ своими боярами на походѣ, князь не различалъ между ними дворцовыхъ сановниковъ и областныхъ управителей; сидя въ своемъ стольномъ городѣ, отдыхая между двумя походами, онъ для рѣшенія важнаго вопроса вмѣстѣ съ сановниками столичнаго правительства призывалъ къ себѣ посадниковъ или тысяцкихъ и изъ пригородовъ, кого было нужно и можно призвать. Признаки нѣкоторой устойчивости и сложности управленія, слѣды развитія дворцоваго штата становятся замѣтны уже съ XIII в. преимущественно тамъ, гдѣ князья выбивались изъ очереднаго порядка владѣнія и дѣлались болѣе осѣдлыми правителями и хозяевами. Можетъ быть, поэтому старшій ключникъ полоцкаго князя сталъ однимъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ и главныхъ княжихъ совѣтниковъ. Къ числу такихъ княжествъ принадлежало и Галицкое. Въ лѣтописи встрѣчаемъ намеки на зарождавшійся тамъ контроль надъ областными управителями: въ 1241 г. кн. Данилъ съ братомъ послали печатника разслѣдовать незаконныя дѣйствія, «исписати грабительства» бояръ, расхватавшихъ части Галицкой земли въ управленіе. Галицкій князь располагалъ такими административными средствами, что могъ сосчитать, сколько погибло народа въ его княжествѣ отъ Татаръ, въ 1283 г. прошедшихъ черезъ Галицію, и сосчитать довольно точно, судя по обозначенной лѣтописцемъ цифрѣ 12,500 *). Здѣсь же и двор-

*) Ипат. 526 и 589.

цовые сановники, дворскій и стольникъ, выступаютъ видными управителями и совѣтниками князя. Такимъ образомъ въ составѣ боярской думы въ Галицкомъ княжествѣ XIII и XIV в. можно различить три административные элемента: это были областные воеводы или намѣстники, дворцовые сановники и наконецъ органы того, что можно назвать тогдашнимъ центральнымъ или столичнымъ управленіемъ. Сходный составъ правительственнаго совѣта встрѣчаемъ и въ сосѣднихъ съ Галиціей странахъ, въ Польшѣ, Литвѣ и Молдавіи. Въ литовской радѣ, какъ обозначается ея обычный составъ въ актахъ XIV—XV в., преобладали областные управители, воеводы, намѣстники и старосты, иногда соединявшіе съ этими должностями и придворныя званія. Среди «жупановъ», составлявшихъ совѣтъ молдавскаго господаря XV в., самымъ значительнымъ элементомъ былъ сложный штатъ собственно дворцовыхъ сановниковъ *). Тотъ же элементъ получаетъ рѣшительное преобладаніе и въ боярской думѣ сѣверной Руси XIV и XV в.—знакъ, что не столько иноземное вліяніе, сколько постепенное измѣненіе княжескаго хозяйства и связаннаго съ нимъ управленія дѣйствовало на составъ боярской думы въ старыхъ княжествахъ юго-западной Руси. На верхней Волгѣ XIV и XV в., какъ и на Прутѣ и нижнемъ Дунаѣ тѣхъ же вѣковъ, складъ боярскаго совѣта былъ развитіемъ того, что завязывалось въ области средняго Днѣпра и верхняго Днѣстра XII в. Уже при дворѣ Владиміра Мономаха, какъ видимъ изъ его *Поученія*, существовали эти «наряды» ловчій, сокольничій и другіе, изъ которыхъ состоялъ дворцовый штатъ московскаго князя удѣльнаго времени.

---

*) Это были: *великій дворникъ* (главный дворецкій), *вестіаръ* (казначей), *стольникъ, чашникъ* или *пахарникъ, комисъ* (конюшій), *постельникъ*. Эти придворные являются въ молдавскихъ актахъ совѣтниками господарей рядомъ съ *спатаромъ* (меченошей), *логоветомъ* (печатникомъ), областными *старостами* и другими жупанами или боярами. См. *Калужняцкаго,* Documenta moldawskie i multanskie z archivum miasta Lwowa. 1878. We Lwowie. *Г. Любавскаго,* Литовско-русскій сеймъ, стр. 25, 54, 320, 323 и сл.

Памятники XII и XIII в. даютъ немного чертъ для изображенія ежедневной дѣятельности боярской думы. Лѣтопись обыкновенно ограничивается краткимъ замѣчаніемъ, что князь «сдума съ мужи своими», не указывая, сколько совѣтниковъ присутствовало на этихъ «думахъ» или засѣданіяхъ. По другимъ памятникамъ видимъ, что обычныя собранія боярскаго совѣта не были многолюдны. Дума, собранная вел. кн. Владиміромъ Мономахомъ въ подгородномъ селѣ Берестовѣ и постановившая ограничить росты, состояла изъ шести мужей, одинъ изъ коихъ былъ представителемъ князя черниговскаго Олега. Въ 1284 г. смоленскій князь Өедоръ Ростиславичъ разбиралъ споръ нѣмца съ русскимъ: «а ту были на судѣ со мною, замѣчаетъ князь въ своемъ приговорѣ, бояре мои» такіе-то; ихъ названо шестеро, въ томъ числѣ намѣстникъ, окольничій и печатникъ, печатавшій грамоту. Въ томъ же году смоленское правительство заключило торговый договоръ съ Ригой. Въ трактатѣ обозначены имена десяти членовъ смоленскаго правительственнаго совѣта, его заключившихъ: то были князь Андрей, родственникъ отсутствовавшаго кн. Өедора, намѣстникъ, печатникъ, таможникъ ветхій, 4 боярина, поименованные безъ обозначенія ихъ должностей, наконецъ намѣстникъ смоленскаго владыки и «Андрей попъ», можетъ быть, духовникъ князя: двоихъ послѣднихъ можно назвать экстренными членами совѣта, присутствовавшими здѣсь только въ особыхъ случаяхъ. Въ упомянутыхъ выше галицкихъ грамотахъ XIV в. названы совѣтники князя, по семи въ каждой; они не всѣ одни и тѣ же въ обѣихъ; одна изъ нихъ въ числѣ «бароновъ и соратниковъ» князя ставитъ и епископа Өеодора; въ обѣихъ значится среди бояръ дворскій *).

---

*) *Judex curiae nostrae,* какъ называетъ его князь въ грамотахъ. Въ латинскомъ описаніи молдо-валахскаго двора, составленномъ въ XVII в., judex curiae—*великій дворникъ. Калужняцкаго,* Documenta, 33. Хотя количество совѣтниковъ въ каждомъ засѣданіи повидимому не имѣло значенія, однако намѣреннаго подбора ихъ княземъ не одобряли въ обществѣ. Намекъ на это можно видѣть въ порицаніи лѣтописцемъ великаго князя Всеволода за то, что онъ подъ старость «нача любити

Когда князь жилъ дома, совѣтъ собирался при немъ по-видимому ежедневно, рано по утрамъ. Если Владиміръ Мономахъ самъ поступалъ такъ же, какъ въ *Поученіи* совѣтовалъ поступать своимъ дѣтямъ, то обыкновенно, встрѣтивъ молитвой восходъ солнца, сходивъ въ церковь, онъ садился «думать съ дружиной» и «оправливалъ людей», судилъ. Преп. Ѳеодосій, по разсказу его древняго жизнеописателя, разъ на зарѣ возвращаясь въ Печерскій монастырь отъ великаго князя Изяслава, встрѣчалъ по пути бояръ, которые уже ѣхали къ князю. Но князь часто думалъ съ своими мужами и въ полѣ на походѣ или въ станѣ подъ осажденнымъ городомъ. Походъ обыкновенно сопровождался рядомъ совѣщаній съ боярами; князь не дѣлалъ шага, не размысливъ съ дружиною, не повѣдавъ мужамъ думы своей и не спросивъ ихъ совѣта *). Предметомъ совѣщаній, о которыхъ разсказываетъ лѣтопись, чаще всего служили военныя дѣла и отношенія князя къ братіи, къ другимъ князьямъ. Какъ оборонить землю Русскую отъ поганыхъ, предпринять ли походъ въ степь или въ другую русскую волость противъ соперника, какою идти дорогой, мириться ли съ врагами, какъ подѣлиться волостями: всѣ эти вопросы князья рѣшали, «сгадавъ съ мужи своими». Въ присутствіи бояръ князь творилъ судъ и расправу, по совѣту съ ними заключалъ договоры съ иноземцами, издавалъ новые законы, дѣлалъ предсмертныя распоряженія о своемъ княжествѣ, измѣнялъ порядокъ княжескаго преемства; князь черниговскій въ 1159 г. совѣтуется съ мужами своими и епископомъ даже о томъ, какъ похоронить тѣло митрополита Константина, выброшенное за городъ согласно съ завѣщаніемъ владыки **). Лѣтопись иногда

смыслъ уныхъ, совѣтъ творя съ ними» и пренебрегая старшей дружиной, если только подъ «юными» разумѣются младшіе бояре, а не младшая дружина. Лаврент. 209. См. другое объясненіе этого мѣста у *Соловьева*, II, 33.

*) Ипат. 347, 351, 461, 284 и сл., 335, 615, 326. Лаврент. 212, 238 и 242.

**) Ипат. 379, 412, 251, 422, 430, 459, 236, 442. Лаврент. 331. Никон. II, 311. Впрочемъ, судя по разсказу лѣтописи о томъ, какъ

съ живымъ драматизмомъ изображаетъ ходъ думскихъ совѣщаній, описываетъ поднимавшіяся на нихъ пренія, передаетъ рѣчи, какія держали бояре къ князьямъ и князья къ боярамъ, излагаетъ возраженія, какія вызывалъ князь со стороны думцевъ своимъ предложеніемъ. Князь или соглашался съ боярами, или же ему «бяшеть нелюбо, оже ему тако молвять дружина», и онъ поступалъ посвоему. Разсказъ лѣтописи объ одномъ случаѣ такого несогласія вскрываетъ нравственныя побужденія, которымъ иногда подчинялись политическіе планы, обсуждавшіеся въ думѣ. Кн. Ярославъ отнялъ Луцкъ у Данила Романовича. Данилъ въ 1227 г. возвратилъ себѣ городъ и взялъ въ плѣнъ самого Ярослава. Но не задолго передъ тѣмъ Данилъ ѣздилъ въ Жидичинъ помолиться св. Николѣ. Тамъ былъ и Ярославъ, звавшій Данила къ себѣ въ Луцкъ. Бояре Данила совѣтовали ему воспользоваться случаемъ, схватить Ярослава и взять Луцкъ. Данилъ не согласился, сказавъ: «не могу—я пришелъ помолиться св. Николѣ». Иногда совѣтъ раздѣлялся, и высказывались различныя мнѣнія; князь выслушивалъ обѣ стороны и рѣшалъ вопросъ, присоединяясь къ одной изъ нихъ. Ходъ дѣла осложнялся еще вліяніемъ или прямымъ вмѣшательствомъ другихъ политическихъ силъ, съ которыми должны были считаться князь и его думная дружина, городскаго вѣча, духовенства, союзныхъ или служилыхъ инородцевъ Черныхъ Клобуковъ, вожди которыхъ въ походахъ также иногда приглашались на совѣтъ вмѣстѣ съ боярами. Въ особо важныхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, присутствовалъ въ боярскомъ совѣтѣ мѣстный епископъ или его намѣстникъ. Разъ, когда въ Кіевѣ не было митрополита, городское духовенство вмѣшалось въ политическое дѣло и склонило князя на свою сторону. Въ

въ 1289 г. волынскій князь наложилъ «ловчее» на жителей Бреста за крамолу, можно подумать, что князь считалъ себя въ правѣ вводить новые налоги, не совѣтуясь о томъ съ боярами. Князь только спросилъ бояръ, есть ли ловчій въ Брестѣ; получивъ отвѣтъ, что его не бывало отъ вѣка, онъ продиктовалъ своему писцу уставную грамоту о новомъ налогѣ, указывавшую, сколько должны были платить обыватели крамольнаго города. Ипат. 613.

1127 г. кн. Всеволодъ выгналъ изъ Чернигова дядю своего Ярослава. Великій князь кіевскій Мстиславъ, поклявшійся Ярославу посадить его въ Черниговѣ, сталъ собираться въ походъ на обидчика. Всеволодъ началъ умаливать Мстислава отложить походъ, подговаривалъ и подкупалъ его бояръ, упрашивая ихъ дѣйствовать за него передъ великимъ княземъ. Ярославъ явился къ Мстиславу и напомнилъ ему о крестномъ цѣлованіи. Игуменъ одного кіевскаго монастыря, всѣми уважаемый, никому не давалъ слова молвить въ пользу похода, не позволялъ и Мстиславу идти на Всеволода, говоря: «меньше грѣха нарушить крестное цѣлованіе, чѣмъ лить кровь христіанскую». Онъ созвалъ «весь соборъ іерейскій», который сказалъ князю: «мирись! беремъ на себя твой грѣхъ». Мстиславъ послушался собора и плакался объ этомъ всю свою жизнь, прибавляетъ лѣтописецъ *). Вообще въ дѣятельности боярскаго совѣта, какъ изображаетъ ее лѣтопись XII в., мало порядка, совсѣмъ незамѣтно канцелярскихъ формальностей, зато много шума, говора, движенія. Если сказанныя въ думѣ княжія и боярскія рѣчи хотя нѣсколько похожи были на то, какъ ихъ передала лѣтопись, то можно почувствовать, какъ откровенно любили высказываться князья и ихъ бояре, какъ они привыкали къ устному слову и гласному обсужденію дѣлъ, какіе были охотники и мастера поговорить. Но можно замѣтить также, что эта шумная и говорливая дѣятельность была довольно поверхностна, шла за текущими дѣлами, не направляя ихъ, обращалась къ случайнымъ вопросамъ и интересамъ, всплывавшимъ на поверхность жизни, не касалась существовавшаго порядка, съ трудомъ его поддерживая. Въ этомъ отношеніи она была рѣзкой противоположностью дѣятельности боярскаго совѣта на удѣльномъ сѣверѣ, тихой, молчаливой и кропотливой, какою является она въ памятникахъ XIV и XV в.

Такой характеръ боярской думы въ кіевской Руси XII в. былъ отраженіемъ той подвижности, слабости связей съ мѣст-

---

*) Ипат. 286, 383, 430, 326, 461, 266, 501, 210. Лаврент. 211, 282. Ср. Полн. Собр. Русск. Лѣт. VII, 27.

ными обществами, какой отличалась жизнь тогдашнихъ князей и ихъ дружинъ. Только съ половины XII в., по мѣрѣ того какъ падала очередь въ княжескомъ владѣніи и росла среди князей мысль о «моемъ», о *своей* волости, замѣченная пѣвцомъ *Слова о полку Игоревѣ*, и въ служиломъ классѣ становятся замѣтны признаки большей осѣдлости. Боярское землевладѣніе дѣлаетъ нѣкоторые успѣхи; боярство становится менѣе бродячимъ. Тотъ же очередной порядокъ княжескаго владѣнія, который производилъ эту бродячесть, содѣйствовалъ и скопленію дружинъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Этотъ порядокъ пріучалъ бояръ мѣнять волости, какъ мѣняли ихъ князья, мѣнять и князей, какъ мѣняли ихъ волости. Когда соперникъ сгонялъ князя съ лучшаго стола на худшій, дружинѣ изгнанника выгоднѣе было остаться въ прежней волости; когда князь переходилъ изъ худшей волости въ лучшую, его слугамъ лучше было остаться при прежнемъ князѣ. Когда князь добирался наконецъ до вершины лѣствицы старшинства, до стола кіевскаго, выгоды мѣста побуждали его дружину здѣсь осѣсться. Новый великій князь волей-неволей долженъ былъ принимать въ составъ своей дружины остававшихся въ Кіевѣ слугъ своихъ предшественниковъ. Святополкъ Изяславичъ, ставъ великимъ княземъ, привелъ изъ Турова въ Кіевъ свою дружину. Лѣтописецъ осуждаетъ его за то, что онъ сначала не хотѣлъ думать «съ большей дружиной» отца своего и дяди, совѣтовался только съ своими старыми туровскими боярами. Значитъ, эти послѣдніе вошли въ ряды боярства, осаживавшагося въ Кіевѣ впродолженіе 40 лѣтъ, при великихъ князьяхъ Изяславѣ и Всеволодѣ *). Такъ къ Кіеву шелъ постоянный прибой, который наносилъ на поверхность тамошняго общества одинъ дружинный слой за другимъ. Это дѣлало Кіевскую

---

*) Одинъ изъ этихъ кіевскихъ бояръ Янъ преемственно служилъ въ Кіевѣ великимъ князьямъ Святославу, Всеволоду и Святополку; братъ его Путята служилъ тамъ же Святополку, по смерти его въ 1113 г. держалъ сторону черниговскихъ Святославичей, за которыми была очередь княжить въ Кіевѣ, а отецъ обоихъ уже при Ярославѣ въ 1043 г. является кіевскимъ воеводой. Лаврент. 211. *Соловьевъ*, II, 36 и 85.

область одною изъ наиболѣе дружинныхъ по составу населенія, если только не самой дружинной. Враждебныя смѣны князей должны были противодѣйствовать такому скопленію служилыхъ людей въ краѣ, заставляя часть туземной дружины убѣгать оттуда вслѣдъ за прогнаннымъ княземъ. Но на кіевскомъ столѣ впродолженіе 70 лѣтъ, со смерти Святослава Ярославича до смерти Всеволода Ольговича въ 1146 г., не было насильственныхъ смѣнъ. Притомъ бо́льшая осѣдлость служилыхъ людей вела къ болѣе успѣшному развитію частнаго служилаго землевладѣнія, которое въ свою очередь становилось новой связью, прикрѣплявшей землевладѣльцевъ къ краю. Разсказъ лѣтописи о движеніи Изяслава къ Кіеву на дядю Юрія въ 1150 г. вскрываетъ всѣ эти условія, и помогавшія, и мѣшавшія дружинѣ усаживаться въ Кіевской землѣ. Съ Изяславомъ шло много кіевской дружины, которая бѣжала съ нимъ, когда Юрій выгналъ его изъ Кіева, и теперь возвращалаcь на покинутыя мѣста. Въ думѣ на походѣ Изяславъ говорилъ ей: «вы изъ Русской (Кіевской) земли ушли за мною, потерявъ свои *села* и жизни (движимое имущество), да и я не могу отказаться отъ своей дѣдины и отчины; либо голову свою сложу, либо добуду свою отчину и всю вашу жизнь». Когда Изяславъ приблизился къ Тетереву, къ нему пришло «многое множество» дружины, которая «сидѣла» по этой рѣкѣ, имѣла здѣсь свою «жизнь» и села *). Изъ этого разсказа видимъ, какъ служилые люди гнѣздами усаживались въ Кіевской землѣ и какъ княжескія усобицы разоряли эти гнѣзда. У лѣтописца находимъ другой намекъ на то же скопленіе служилыхъ силъ въ Кіевской землѣ XII вѣка: въ 1136 г. онъ говоритъ о «боярахъ кіевскихъ». Это не какіе-либо особые *земскіе* бояре, а тѣ же княжіе мужи, составлявшіе мѣстный осадокъ, какой отлагался отъ дружины среди княжескаго круговорота. Такъ складывалось въ Кіевѣ боярство, которое привыкало мѣнять князей, чтобы не покидать своей волости, какъ другіе мѣняли тогда волости, чтобы не покидать своихъ князей. По мѣрѣ того какъ

*) Ипат. 284 и 286.

разгорались усобицы и линіи княжескаго рода обособлялись, замыкаясь по своимъ волостямъ, ихъ старшіе стольные города становились также пунктами, гдѣ осаживались служилыя силы. Съ конца XII в. лѣтопись говоритъ о боярахъ «владимірскихъ» на Волыни и «галицкихъ», а *Слово о полку Игоревѣ* поетъ объ удалыхъ «черниговскихъ быляхъ» или боярахъ, которые «безъ щитовъ съ засапожными ножами однимъ кликомъ побѣждаютъ полки, звоня въ прадѣднюю славу»; оно перечисляетъ даже шесть славныхъ въ то время фамилій этого черниговскаго быльства *).

Галицкое княжество принадлежало къ числу тѣхъ русскихъ окраинъ, которыя рано выбились изъ круга областей, гдѣ дѣйствовалъ очередной порядокъ княжескаго владѣнія, стали отрѣзанными ломтями въ семьѣ русскихъ княжествъ. Тамъ боярство сложилось въ многочисленный и могущественный классъ, который успѣшно соперничалъ съ княземъ и не разъ рѣшительно торжествовалъ надъ нимъ. Тамъ бояринъ на пиру плескалъ виномъ въ лицо князю, изъ чванства ѣздилъ во дворецъ къ князю запросто въ одной рубашкѣ и даже однажды попытался «вокняжиться», посидѣть на галицкомъ столѣ. Но трудно сказать, какъ это преобладаніе боярства отражалось на политическомъ авторитетѣ и устройствѣ галицкой боярской думы. Значеніе этого класса въ Галицкой землѣ вскрывается среди борьбы съ княземъ, а въ борьбѣ трудно отличить случайность отъ нормы, фактъ отъ права, потому что право перестаетъ дѣйствовать, а фактъ иногда принимаетъ наружность права. Можно замѣтить, что боярство стремилось тамъ поставить князя въ такое положеніе, чтобы онъ только княжилъ, а не правилъ, отдавъ дѣйствительное управленіе страной въ руки бояръ: «бояре галицкіе, замѣчаетъ лѣтописецъ, Данила княземъ собѣ называху, а самѣ всю землю держаху». Они отмѣняли княжеское завѣщаніе, скрѣпленное ихъ же крестоцѣлованіемъ, призывали и прогоняли князей, вѣшали ихъ, разбирали по рукамъ землю въ управленіе, раздавали своимъ

*) Тамъ же 214, 446, 480, 486 и др.

сторонникамъ волости и доходныя казенныя статьи, не спросясь у князя. Но трудно разобрать, гдѣ во всемъ этомъ кончалось право и начинался захватъ, крамола; по крайней мѣрѣ ни князь, ни бояре не считали всего этого признаннымъ, безспорнымъ боярскимъ правомъ. Въ смутныхъ обстоятельствахъ, когда внутри дѣйствовала боярская крамола, а извнѣ грозили Венгры и Поляки, приближенные «великіе» бояре совѣтовали княжившему въ Галичѣ Мстиславу Удалому отдать Галичъ вмѣстѣ съ рукой дочери венгерскому королевичу, чтобы этимъ сдержать короля и прекратить смуту. Они говорили Мстиславу: «самъ ты не можешь держать Галича, а бояре не хотятъ тебя». Значитъ, при другихъ обстоятельствахъ, когда бы князь могъ держать Галичъ самъ, обходясь безъ содѣйствія недовольныхъ бояръ, ихъ недовольство не было бы для него достаточнымъ побужденіемъ отказываться отъ власти. Повидимому все зависѣло отъ измѣнчиваго перевѣса силъ. Бояре, которые при случаѣ обращались съ своимъ княземъ такъ нахально, въ другое время падали ему въ ноги, прося милости и каясь: «согрѣшили мы, принявъ чужаго князя» *). Самое основаніе политической силы боярства обозначается въ лѣтописи неясно. Классъ вовсе не дѣйствовалъ дружно въ одномъ направленіи, дѣлился на партіи. Онъ стремился стать стѣной между княземъ и народомъ, «простою чадью»; но народъ склонялся болѣе на сторону князя, видя въ немъ своего «держателя, Богомъ ему даннаго». Незамѣтно также, чтобы бояре были сильны землевладѣніемъ. Господствующимъ ихъ интересомъ и средствомъ вліянія было управленіе. Они хлопотали о томъ, чтобы «держать всю землю», чтобы новый князь раздавалъ имъ правительственныя должности, города и волости для «корма», отдавалъ имъ «весь нарядъ» земскій. Вѣроятно какъ областные управители, они имѣли при себѣ «свои» полки, съ которыми возставали противъ князей **). Значитъ, они боролись съ княземъ не будучи представителями интересовъ народа, и хотѣли пра-

*) Ипат. 525, 442, 500 и 518.

**) Тамъ же 517, 514, 592, 445, 444 и 490.

вить народомъ, не держа въ рукахъ нитей народнаго труда. Въ этомъ отношеніи боярство Галича рѣзко отличалось отъ знати другаго аристократическаго города древней Руси, Новгорода Великаго. Вообще господство галицкаго боярства, какъ его изображаетъ лѣтопись XII и XIII в., производитъ впечатлѣніе боярской анархіи, которой не удалось превратиться въ прочный аристократическій порядокъ. Потому, можетъ быть, это господство не отразилось замѣтно на галицкой боярской думѣ. Она могла быть многочисленнѣе обычнаго боярскаго совѣта кіевскихъ князей, и могли быть точнѣе опредѣлены ея составъ и отношенія къ другимъ органамъ управленія; но былъ ли опредѣленнѣе и выше ея политическій авторитетъ передъ лицомъ князя, этого не видно изъ лѣтописи. Послѣдняя даже сравнительно рѣдко упоминаетъ о думѣ галицкаго князя съ боярами. Въ сосѣднемъ Волынскомъ княжествѣ, очень близкомъ къ Галицкому по своему строю и историческимъ связямъ, боярская дума является съ такимъ же политическимъ значеніемъ, какое она имѣла въ другихъ княжествахъ кіевской Руси: и тамъ князь многое дѣлалъ безъ совѣта бояръ, такъ же иногда слушался больше «молодыхъ бояръ», чѣмъ старыхъ, и такъ же не всегда принималъ мнѣніе своихъ совѣтниковъ *).

Итакъ боярскую думу въ кіевской Руси XI—XIII в. надобно отличать отъ двухъ другихъ правительственныхъ формъ, въ которыхъ проявлялась тогда политическая дѣятельность разныхъ классовъ общества, отъ совѣщанія князя со всей дружиной и отъ городскаго вѣча, на которомъ иногда также появлялся князь съ своей дружиной. Боярская дума была третьей формой, отличавшейся отъ двухъ другихъ тѣмъ, что она была учрежденіемъ постояннымъ, дѣйствовавшимъ ежедневно. Въ обычномъ своемъ составѣ она была односословнымъ совѣтомъ, состоявшимъ изъ людей верхняго дружиннаго слоя, изъ бояръ. Но въ особыхъ случаяхъ въ нее приглашались представители духовенства, мѣстный владыка и даже священники. Всего труднѣе опредѣлить въ думѣ то, чего не опредѣляли сами дѣйство-

---

*) Ипат. 611, 501, 594 и сл.

вавшія въ ней лица, ея политическій авторитетъ. Въ ней обсуждались дѣла законодательнаго свойства; она была также высшимъ судебнымъ мѣстомъ. Имѣла ли она обязательный для князя и рѣшающій голосъ, или была только совѣщательнымъ собраніемъ, къ которому князь обращался за справкой, когда хотѣлъ, оставляя за собой рѣшающее слово? Отвѣтъ на этотъ вопросъ легче почувствовать, чѣмъ формулировать. Думаемъ, что не можетъ быть рѣчи ни о совѣщательномъ, ни объ обязательномъ голосѣ. Въ отношеніяхъ между княземъ и боярами открывается совсѣмъ иной порядокъ понятій и побужденій. Прежде всего надобно различать обязательность для князя самаго совѣщанія съ боярами и обязательность для него мнѣнія совѣтниковъ. Припомнимъ политическій характеръ обѣихъ сторонъ, какъ онъ обнаруживался въ большинствѣ князей и бояръ XI и XII в. Весь княжескій родъ владѣлъ всей Русской землей по извѣстному порядку; но каждый князь былъ лишь временнымъ «держателемъ» той или другой волости. Точно также дружинники были постоянными сотрудниками и слугами всего русскаго княжья; но отдѣльныя лица обѣихъ сторонъ связывались другъ съ другомъ только временнымъ личнымъ уговоромъ. Этимъ уговоромъ опредѣлялись обоюдныя права и обязанности: бояринъ обязывался помогать князю въ его предпріятіяхъ, за что князь платилъ ему жалованье или давалъ доходную должность при дворѣ либо въ областномъ управленіи. Но «сидѣнье въ думѣ о дѣлахъ» едва ли могло входить въ условія этого уговора: оно не сопровождалось прямыми осязательными выгодами для бояръ, а дальновидное стремленіе посредствомъ законодательства перестроить порядокъ въ волости согласно съ своими интересами едва ли можно предполагать въ людяхъ, которые были временными дѣльцами въ волости и выгоды которыхъ были уже хорошо обезпечены общимъ порядкомъ, дѣйствовавшимъ тогда на Руси. Но если обычай совѣщаться съ боярами не могъ считаться правомъ послѣднихъ, то нарушеніе его создавало важныя неудобства для обѣихъ сторонъ. Общество не довѣряло князю, который дѣйствовалъ безъ соглашенія съ боярами; не думая съ ними, князь могъ

задумать дѣло, которому они не могли или не хотѣли содѣйствовать. Значитъ, совѣщаніе съ боярами было не *политическимъ правомъ* бояръ или обязанностью князя, а *практическимъ удобствомъ* для обѣихъ сторонъ, не условіемъ взаимнаго уговора, а средствомъ его исполненія. Такимъ же образомъ опредѣлялось отношеніе князя къ мнѣнію совѣтниковъ. Прежде всего князь иногда «являлъ свою думу» боярамъ только къ свѣдѣнію: хозяинъ долженъ былъ напередъ дать знать своимъ наемнымъ сотрудникамъ, какое дѣло будутъ они дѣлать. Трудное или важное дѣло нужно было обсудить сообща, чтобы уговориться, какъ лучше его сдѣлать. Князь или принималъ мнѣніе совѣтниковъ, или отвергалъ его и объявлялъ свое. Разногласіе разрѣшалось не общимъ обязательнымъ правиломъ, а соображеніемъ обстоятельствъ минуты и обоюдныхъ интересовъ. Собираясь въ походъ, великій князь спрашивалъ кіевлянъ на вѣчѣ, могутъ ли они идти за нимъ. Если они отвѣчали, что не могутъ, то князь или отлагалъ походъ, или шелъ съ одной своей дружиной, когда надѣялся справиться съ врагомъ безъ кіевскаго полка. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ оставался «держателемъ» Кіева. Но бояре были не простые граждане, а наемные сотрудники князя; отказывая князю въ своемъ содѣйствіи, они разрывали свой уговоръ съ нимъ. Въ случаѣ столкновенія мнѣній обѣ стороны соображали, стоитъ ли дѣло того, чтобы изъ-за него разрывать взаимныя связи и расходиться. Такъ разногласіе разрѣшалось не *обязательностью* мнѣній одной стороны для другой, а *возможностью* навязать свое мнѣніе противной сторонѣ. Изъ совокупности этихъ условій вытекала для князя и практическая *необходимость* совѣщаться съ боярами, и *возможность* не принять ихъ мнѣніе въ иномъ случаѣ. Смѣшивать политическую обязательность съ практической необходимостью значитъ рисковать утратить самое понятіе о правѣ. Многое, что часто *обходятъ*, не перестаетъ быть обязательнымъ; наоборотъ многое, безъ чего обойтись нельзя, не считается обязательнымъ и никогда не будетъ считаться, хотя всегда останется необходимымъ. То и другое— отношенія совсѣмъ различныхъ порядковъ, изъ которыхъ каж-

дый имѣетъ свою исторію, и прилагая къ одному изъ нихъ терминологію другаго, мы только затруднимъ себѣ пониманіе обоихъ. Обязательность—понятіе изъ области права, а необходимость—простой фактъ. Гдѣ дѣйствуетъ постоянное обязательное право, тамъ не остается мѣста для личнаго уговора. Совѣщаніе князя съ боярами было возобновленіемъ ихъ личнаго уговора въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, практическимъ приложеніемъ его къ обстоятельствамъ минуты.

Глава III.

Военный сторожъ и подвижной вотчичъ всей Русской земли, князь съ XIII в. становится на сѣверѣ сельскимъ хозяиномъ-вотчинникомъ своего удѣла.

Въ XI и XII в. элементы государственнаго единства Руси были еще очень слабы. Въ XIII и XIV в., когда господствовалъ такъ-называемый *удѣльный* порядокъ княжескаго владѣнія въ сѣверной Руси, этихъ элементовъ стало въ ней еще меньше, чѣмъ было прежде. Южные князья прежняго времени хотя въ добрыя минуты вспоминали, что они внуки единаго дѣда. Свѣжее преданіе отцовъ и близость враговъ поддерживали въ нихъ сознаніе необходимости, даже обязанности общими силами защищать землю Русскую, не давать поганымъ нести ее розно, а еще державшійся кой-какъ порядокъ владѣнія частями Руси по очереди старшинства не позволялъ отношеніямъ и интересамъ князей слишкомъ локализоваться. Среди удѣльныхъ князей сѣверной Руси XIII и XIV в. незамѣтно и этого: прежнія чувства слабѣютъ съ исчезновеніемъ условій, ихъ питавшихъ. Размѣщаясь по своимъ «опричнинамъ», дѣля ихъ между своими дѣтьми, внуки Всеволода III повидимому гораздо скорѣе забыли своего дѣда, чѣмъ внуки Ярослава I—своего. Сидя по своимъ удѣльнымъ гнѣздамъ и вылетая изъ нихъ только на добычу, бѣднѣя и дичая въ одиночествѣ съ каждымъ поколѣніемъ, эти князья постепенно отвыкали отъ помысловъ, шедшихъ дальше заботы о птенцахъ. Наблюдатели-современники

иногда будто невзначай отмѣчали въ событіяхъ черты, сопоставленіе которыхъ живьемъ выдастъ переломъ, совершившійся въ промежутокъ двухъ близкихъ другъ къ другу эпохъ. Въ концѣ XII в. въ южной Руси правнуки Мономаха еще говорили его внуку, своему дядѣ: «ты старшій во Владиміровомъ племени, такъ думай-гадай о Русской землѣ, о чести своей и о нашей». Въ началѣ XIII в. въ сѣверной Руси младшіе сыновья того же Всеволода Юрьевича, къ которому южные племянники обращались съ сейчасъ приведеннымъ приглашеніемъ, отвѣчаютъ на предложеніе своего старшаго роднаго брата подѣлиться мирно, какъ слѣдуетъ роднымъ: «перемоги насъ, и тогда вся земля тебѣ» *). Въ удѣльномъ князѣ XIV в. меньше земскаго сознанія и гражданскаго чувства; въ этомъ отношеніи онъ болѣе варваръ, чѣмъ его южный предокъ, какой-нибудь младшій областной Ярославичъ XII в., и если онъ меньше послѣдняго дерется, то лишь потому, что онъ по воспитанію и вкусамъ больше мужикъ, малопривычный ко всякому бою, въ сравненіи съ старымъ южнымъ княземъ, еще сохранявшимъ наслѣдственныя привычки витязя. Изъ общественныхъ чувствъ и понятій князя XII в. еще можно было при благопріятныхъ обстоятельствахъ составить кой-какое представленіе объ охранителѣ общаго земскаго блага; въ понятіяхъ и интересахъ удѣльныхъ князей XIV в. труднѣе было найти какой-нибудь годный для того матеріалъ. Государство, національное русское государство вышло изъ этого удѣльнаго порядка XIV в., а не изъ прежняго, но не потому, что прежній порядокъ былъ болѣе далекъ отъ національно-государственнаго, чѣмъ удѣльный XIV вѣка: сами по себѣ оба они имѣли мало того, изъ чего складывается народное государство, и послѣдній даже меньше имѣлъ этого, чѣмъ первый. Оба они должны были разрушиться, чтобы могло создаться такое государство; но послѣдній гораздо легче было разрушить, чѣмъ первый,—и только поэтому одно изъ удѣльныхъ княжествъ, вотчина Даниловичей, стало зерномъ народнаго русскаго государства.

---

*) Ипат. 461. Лаврент. 469.

Хорошо извѣстно, какъ все это сдѣлалось. Но прежде чѣмъ сложилось это національное русское государство, на значительномъ пространствѣ Руси, раздѣленной на удѣлы, дѣйствовалъ довольно своеобразный общественный порядокъ, остатки котораго долго жили подъ покровомъ новой формы политическаго быта, его смѣнившей.

Утрата Кіевомъ прежняго значенія для князей и земли, разрывъ связей, соединявшихъ съ нимъ другія области, торжество степныхъ поганыхъ, признаки паденія матеріальнаго благосостоянія общества, запутанность княжескихъ споровъ, ставшихъ въ XIII в. неразрѣшимыми, наконецъ уходъ значительной части придпѣпровскаго населенія въ другіе края Руси — эти и другія явленія, указывавшія на разгромъ установившагося порядка жизни, должны были сильно подѣйствовать на русскіе умы, на общественное сознаніе. Однимъ изъ самыхъ важныхъ послѣдствій этого общественнаго потрясенія было то, что замутилось понятіе о единой Русской землѣ, воспитанное въ обществѣ политическими, экономическими и церковными связями прежняго времени. По крайней мѣрѣ съ половины XIII в. литературные памятники, особенно лѣтописи, употребляютъ выраженіе ***Русская земля*** далеко не такъ часто и не съ такою любовью, какъ это было въ XII в. Общественныя понятія людей сузились и локализовались, какъ тѣ мелкіе областные міры, на которые внѣшними и внутренними ударами разбивалась Русская земля Ярослава Стараго и Мономаха.

Оскудѣніе нравственно-гражданскаго чувства въ удѣльныхъ князьяхъ XIII и XIV в. было однимъ изъ признаковъ этого общаго упадка земскаго сознанія. Взаимное отчужденіе князей становится замѣтнѣе; каждый изъ нихъ все болѣе привыкаетъ дѣйствовать особнякомъ. Княжескіе съѣзды, довольно частые въ XII в., становятся очень рѣдки въ XIII и XIV в., притомъ теряютъ прежній характеръ и превращаются или въ собранія подручныхъ удѣльныхъ князей, повелительно созываемыхъ великимъ, или въ тѣ частныя случайныя соглашенія, памятниками которыхъ остались договорныя грамоты

князей XIV и XV в. Правительственный характеръ удѣльнаго князя соотвѣтствовалъ уровню его общественнаго сознанія и его политическому одиночеству. Онъ все болѣе уединялся въ своей отчинѣ, переставалъ чувствовать себя звеномъ въ родственной цѣпи князей, облегавшей кольцомъ всю землю Русскую. Но и въ своемъ удѣлѣ онъ собственно былъ не правитель, а владѣлецъ; его княжество было для него не обществомъ, а хозяйствомъ; онъ имъ не правилъ, не устроялъ его, а эксплуатировалъ, разрабатывалъ. Онъ считалъ себя собственникомъ всей территоріи княжества, но только территоріи съ ея хозяйственными угодьями. Люди, свободныя лица юридически не входили въ составъ этой собственности. Свободный человѣкъ приходилъ, работалъ и уходилъ, былъ экономической случайностью въ княжествѣ. Князь не видѣлъ въ немъ подданнаго въ нашемъ смыслѣ этого слова, потому что и себя не считалъ государемъ. Этихъ политическихъ понятій тогда не существовало; не существовало и отношеній, изъ нихъ вытекающихъ. Словомъ *государь* выражалась тогда личная власть свободнаго человѣка надъ несвободнымъ, надъ холопомъ, и удѣльный князь подобно всякому землевладѣльцу считалъ себя государемъ только для своей челяди.

Итакъ княжеское удѣльное владѣніе по характеру своему приблизилось къ простому частному землевладѣнію, къ той привилегированной собственности, которая на языкѣ древнерусскаго права называлась ***боярской.*** На это сходство обоихъ видовъ владѣнія, прежде столь различныхъ, особенно указываютъ два признака, которые теперь стали общи имъ обоимъ: одинъ изъ этихъ признаковъ назовемъ юридическимъ, другой хозяйственно-административнымъ. Теперь удѣлы вообще наслѣдуются по завѣщанію, передаются по личному усмотрѣнію завѣщателя, а не по какой-либо установленной очереди. Таковъ обычный порядокъ наслѣдованія частнаго имущества и по Русской Правдѣ, по которой наслѣдованіе по закону вступало въ дѣйствіе только при отсутствіи завѣщанія умершаго хозяина. Удѣльный князь XIII и XIV в., не имѣя другихъ ближайшихъ наслѣдниковъ. могъ передать свой удѣлъ или

часть его князю-сосѣду, женѣ и даже дочери. Случаи такихъ передачъ извѣстны. До XIII в. княжескія волости не переходили къ женщинамъ. По Русской Правдѣ право передать имущество дочери за отсутствіемъ сыновей у владѣльца есть юридическая особенность, отличающая боярское владѣніе отъ смердьяго. Это значитъ не то, что тогдашнее право равняло князя со смердомъ, одинаково лишая того и другого привилегіи боярскаго состоянія, а только то, что имущество безсыновняго смерда отходило послѣ него къ мѣстному волостному князю, а волость безсыновняго князя возвращалась въ княжескій родъ, который отдавалъ ее очередному наслѣднику; оба вида владѣнія считались не частной, а государственной собственностью, какъ тогда ее понимали. Теперь удѣльное княжеское владѣніе усвоило себѣ юридическую особенность владѣнія боярскаго— знакъ, что оно стало считаться полной частной собственностью владѣльца. Другой признакъ заключался въ способѣ веденія удѣльнаго хозяйства. Изстари на Руси значительныя хозяйства частныхъ лицъ управлялись посредствомъ рабовъ; на это указываютъ иностранцы въ своихъ извѣстіяхъ о русскихъ купцахъ X в. Это до такой степени было въ обычаѣ, что самую службу по частному хозяйству безъ особаго договора, «тіунство безъ ряду», законъ признавалъ источникомъ рабства. Взглядъ Русской Правды не чуждъ и Судебнику Ивана III: «по тіунству и по ключу по сельскому холопъ», гласитъ онъ, перечисляя источники рабства. Такое свойство службы по частному хозяйству сообщалось въ нѣкоторой степени и хозяйственной службѣ у князя: въ духовной удѣльнаго серпуховскаго князя 1410 г. встрѣчаемъ постановленіе, изъ котораго видно, что свободные люди, которые купили земли, служа ключниками у князя, лишались этихъ земель, если покидали службу. Теперь, когда удѣльное княжеское управленіе усвоило характеръ поземельнаго вотчиннаго хозяйства, даже не всегда крупнаго благодаря измельчанію удѣловъ въ далекихъ поколѣніяхъ суздальскихъ Всеволодовичей, теперь согласно съ чисто хозяйственными цѣлями этого управленія и органами его могли служить люди, бывшіе хозяйственною при-

надлежностью княжескаго дворца. У московскихъ князей XIV в. на второстепенныхъ должностяхъ по дворцовому вѣдомству встрѣчаемъ людей купленныхъ, полныхъ холоповъ, которыхъ князья, умирая, отпускали на волю ради спасенія души. Въ этой сферѣ, въ должности начальника какого-нибудь хозяйственнаго департамента, холопъ былъ даже удобнѣе свободнаго человѣка, могъ оказать больше покорности, сноровки и даже больше охоты къ дѣлу, нежели вольный слуга, ратный человѣкъ въ тѣ вѣка, когда всякая невоенная частная служба считалась холопской или приближалась къ ней.

Таковы признаки, указывающіе на перемѣну, какая произошла въ характерѣ княжескаго владѣнія, приблизивъ его къ вотчинному владѣнію частнаго собственника. Впрочемъ, утверждая, что удѣльный князь усвоилъ себѣ значеніе и владѣльческіе пріемы простого вотчинника, не надобно думать, что вслѣдствіе этого онъ пересталъ быть политической властью для своего удѣла: съ обычными правами собственника онъ соединялъ и настоящія государственныя права, впослѣдствіи отдѣлившіяся и вошедшія въ составъ верховной власти, право суда, налоговъ, войны и проч. Но эта правительственная примѣсь нисколько не мѣшала князю оставаться простымъ вотчинникомъ или очень похожимъ на него владѣльцемъ, не измѣняла значенія поземельнаго собственника удѣла, какое онъ себѣ усвоилъ: его верховныя государственныя права такъ сливались съ владѣльческими, вытекавшими изъ поземельной собственности, что и сами разсматривались, какъ статьи простого поземельнаго хозяйства. Князь и поступалъ съ ними, какъ съ послѣдними, дробилъ ихъ, отдавалъ въ частное пользованіе цѣликомъ или частями.

Характеръ личнаго хозяина удѣла съ указанными сейчасъ особенностями выражался въ отношеніяхъ князя къ тремъ разрядамъ земель, изъ которыхъ состояла его удѣльная вотчина. Это были земли дворцовыя, черныя и боярскія, т. е. вообще земли частныхъ собственниковъ, свѣтскихъ или церковныхъ. Различіе между этими разрядами происходило отъ чисто хозяйственной причины, оттого, что къ разнымъ частямъ

своей удѣльной собственности владѣлецъ прилагалъ различные пріемы хозяйственной эксплуатаціи. Дворцовыя земли въ княжескомъ поземельномъ хозяйствѣ похожи на то, чѣмъ была барская запашка въ хозяйствѣ частнаго землевладѣльца: доходы съ нихъ натурой шли непосредственно на содержаніе княжескаго дворца. Эти земли эксплуатировались обязательнымъ трудомъ несвободныхъ людей князя, дворовыхъ холоповъ, посаженныхъ на пашню, *страдниковъ*, или отдавались въ пользованіе вольнымъ людямъ, крестьянамъ, съ обязательствомъ ставить на дворецъ извѣстное количество хлѣба, сѣна, рыбы, подводъ и т. п. Первоначальной и отличительной чертой этого разряда земель было *издѣлье*, натуральная работа на князя, поставка на дворецъ за пользованіе дворцовой землей. Черныя земли сдавались въ аренду, на оброкъ, отдѣльнымъ крестьянамъ или цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ, иногда людямъ и другихъ классовъ, какъ это дѣлали и частные землевладѣльцы; онѣ собственно и назывались *оброчными*. Сложнѣе кажутся отношенія князя къ третьему разряду земель въ удѣлѣ. Весь удѣлъ былъ наслѣдственной собственностью своего князя; но послѣдній раздѣлялъ дѣйствительное владѣніе имъ съ другими частными вотчинниками. Въ каждомъ значительномъ удѣлѣ бывало такъ, что первый князь, на немъ садившійся, уже заставалъ въ немъ частныхъ землевладѣльцевъ, свѣтскихъ или церковныхъ, которые водворились здѣсь прежде, чѣмъ край сталъ особымъ княжествомъ. Потомъ первый князь и его преемники сами уступали другія земли въ своемъ удѣлѣ лицамъ и церковнымъ учрежденіямъ, которыя были имъ нужны для службы или молитвы. Какимъ образомъ князь могъ оставаться поземельнымъ собственникомъ всего удѣла рядомъ съ этими также полными земельными собственниками, которые владѣли частями того же удѣла? При сліяніи правъ государя и землевладѣльца въ лицѣ князя это не только было возможно юридически, но и доставляло князю важныя политическія выгоды. Вмѣстѣ съ правомъ собственности на землю въ своемъ удѣлѣ князь уступалъ владѣльцу и свои государственныя права въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, превращая его такимъ образомъ

въ свое административное орудіе. Обыкновенно при этой передачѣ князь удерживалъ за собою дань и судъ по важнѣйшимъ, т. е. доходнѣйшимъ преступленіямъ. Но такъ какъ и эти правительственныя права, которыя князь удерживалъ за собою, считались владѣльческими и наравнѣ съ другими входили въ юридическій составъ привилегированной земельной собственности, то появленіе въ удѣлѣ земли, принадлежавшей другому владѣльцу, не мѣшало князю считать себя такимъ же собственникомъ всего удѣла; тотъ и другой различались между собою не свойствомъ правъ, которыя въ сущности всѣ были финансовыя, хозяйственныя, а ихъ количествомъ. Поэтому, какъ бы много ихъ ни уступалъ князь привилегированному частному землевладѣльцу, онъ не разрывалъ своей владѣльческой связи съ пріобрѣтенной послѣднимъ землей, не терялъ ея для своего хозяйства. Существенная особенность, которой этотъ разрядъ земель отличался отъ другихъ, состояла въ томъ, что съ такихъ земель отбывалась ратная служба въ пользу князя, обязательная или необязательная. Служилый человѣкъ, имѣвшій вотчину въ удѣлѣ одного князя, по дѣйствовавшему тогда междукняжескому праву могъ состоять на личной службѣ у другого, не теряя ничего изъ своихъ вотчинныхъ правъ. Но очень понятныя побужденія заставляли вольнаго слугу держаться на службѣ у того князя, въ удѣлѣ котораго онъ «жилъ», т. е. имѣлъ земельную собственность. Поэтому, чѣмъ больше земли въ удѣлѣ отходило въ собственность такихъ вотчинниковъ, тѣмъ лучше обезпечивалось удовлетвореніе едва ли не самой важной и дорогой потребности княжескаго хозяйства, какою была нужда въ вольныхъ слугахъ, хотя пріобрѣтаемая такимъ средствомъ личная служба вольнаго слуги не была обязательна. Частное землевладѣніе доставляло князю не только личную, но и поземельную службу, притомъ обязательную. Это такъ-называемая въ договорныхъ грамотахъ князей XIV и XV в. *городная осада*: когда нужно было защищать городъ, въ оборонѣ его обязаны были принимать участіе всѣ землевладѣльцы, владѣвшіе землей въ уѣздѣ этого города, даже тѣ, которые служили въ другомъ удѣлѣ. Отъ этой повинности были свободны только

землевладѣльцы, которые занимали при князѣ нѣкоторыя должности по дворцовому управленію. Церковныя учрежденія, владѣвшія землями, также окупали передъ обществомъ свои земельныя богатства участіемъ въ военной защитѣ страны, независимо отъ тѣхъ духовныхъ и благотворительныхъ задачъ, какія принимала на себя церковь, пріобрѣтая эти богатства. Поэтому всѣ земли, составлявшія собственность частныхъ лицъ и церковныхъ учрежденій, въ отличіе отъ двухъ другихъ разрядовъ можно назвать *служилыми*.

Такимъ образомъ всѣ земли въ удѣльной вотчинѣ, издѣльныя, оброчныя и служилыя, различались существенно тѣмъ хозяйственнымъ употребленіемъ, какое дѣлалъ князь изъ каждаго ихъ разряда. На этомъ хозяйственномъ различіи держалось все удѣльное устройство административное, судебное, финансовое, держалась вся внутренняя политика удѣла; имъ же опредѣлялось и юридическое положеніе классовъ удѣльнаго общества. Владѣніе удѣломъ, видѣли мы, довольно своеобразно раздѣлено было между княземъ и другими вотчинниками, лицами и учрежденіями, гдѣ они были. Князь отличался отъ этихъ вотчинниковъ не какъ политическій владѣтель территоріи отъ частныхъ землевладѣльцевъ, а какъ общій вотчинникъ удѣла отъ частичныхъ, на земли которыхъ онъ сохранялъ нѣкоторыя вотчинныя, хозяйственныя права. Но предметомъ владѣнія княжескаго, какъ и боярскаго, одинаково была только земля, а не люди, т. е. не свободные люди. Такъ какъ понятія о политической связи подданнаго съ государемъ помимо земельныхъ отношеній не существовало въ удѣлѣ, то масса удѣльнаго населенія, свободные обыватели городскіе и сельскіе, каково бы ни было ихъ дѣйствительное положеніе, по праву, по выражавшимся въ тогдашнихъ юридическихъ памятникахъ понятіямъ, были вольные арендаторы, снимавшіе землю по гражданскому договору у князя или у частныхъ землевладѣльцевъ. Политическая зависимость этихъ арендаторовъ была послѣдствіемъ ихъ хозяйственной связи съ удѣльнымъ владѣльцемъ и прекращалась съ разрывомъ послѣдней, съ отказомъ отъ пользованія удѣльной землей.

Такъ удѣльное княжеское владѣніе сложилось по типу частной земельной вотчины, и князь сталъ наслѣдственнымъ землевладѣльцемъ, сельскимъ хозяиномъ своего удѣла. Въ кіевской Руси XI и XII в. князь не имѣлъ такого значенія въ своей волости, не былъ ея постояннымъ наслѣдственнымъ владѣтелемъ и не носилъ характера сельскаго хозяина-землевладѣльца въ ея управленіи. Причинъ такой перемѣны надобно искать въ самомъ происхожденіи удѣльнаго порядка княжескаго владѣнія.

Глава IV.

И общество удѣльнаго княжества на сѣверѣ становится болѣе сельскимъ, чѣмъ оно было прежде на югѣ.

Когда сѣверная Русь начала дѣлиться на удѣлы, разрываемое ими общество состояло изъ тѣхъ же элементовъ, какіе присутствовали въ составѣ прежняго общества кіевской Руси. Но теперь на сѣверѣ они входили въ иное сочетаніе, и этотъ новый складъ измѣнилъ общежитіе въ томъ же направленіи, въ какомъ, видѣли мы, измѣнились порядокъ и характеръ княжескаго владѣнія. Чтобы объяснить причины и значеніе этой перемѣны какъ въ княжескомъ владѣніи, такъ и въ складѣ общества, надобно припомнить рядъ фактовъ, очень отдаленныхъ отъ правительственнаго учрежденія, нами изучаемаго.

Удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія, установившійся впродолженіе XIII и XIV в. на сѣверѣ и сѣверовостокѣ отъ лѣсовъ древнихъ Вятичей, имѣлъ довольно сложное происхожденіе. Онъ произошелъ не оттого только, что среди князей, усѣвшихся въ этомъ краю, понятіе объ отдѣльномъ наслѣдственномъ владѣніи восторжествовало надъ прежнимъ княжескимъ представленіемъ о землѣ Русской, какъ нераздѣльномъ дѣдовскомъ достояніи, которымъ всѣ внуки владѣютъ сообща, т. е. по извѣстной очереди. Говоря точнѣе, самое понятіе объ

отдѣльномъ наслѣдственномъ владѣніи есть не причина, а скорѣе содержаніе, сущность удѣльнаго порядка. Первоначальныя и важнѣйшія причины, его создавшія, лежали внѣ круга князей, не были прямо связаны съ крѣпостью или ослабленіемъ ихъ родственнаго союза. Еслибы возможность владѣльческаго обособленія князей заключалась единственно въ томъ простомъ фактѣ, что исчезла родственная близость между князьями, то въ суздальской Руси XIII в. понятію, на которомъ держался удѣльный порядокъ, было бы труднѣе возникнуть, чѣмъ въ кіевской Руси второй половины XII в.: вѣдь сыновья и внуки Всеволода III, раздѣлившіе свою заокскую отчину и дѣдину на удѣлы, были больше родня между собою, чѣмъ Мономаховичи и Ольговичи XII в., отдѣленные другъ отъ друга троюроднымъ, четвероюроднымъ, если еще не болѣе далекимъ братствомъ, что не мѣшало нѣкоторымъ изъ нихъ въ самомъ концѣ этого столѣтія выражать мысль о нераздѣльности земли и о родственной связи князей, ея владѣльцевъ, такъ ясно, какъ не выражали ея никогда птенцы Всеволодова гнѣзда. Эти причины были не генеалогическія, а географическія и экономическія. Онѣ были вызваны къ дѣйствію ходомъ русской колонизаціи по Окѣ, верхней Волгѣ и сѣверному Заволжью.

Въ широкомъ, медленномъ и разсѣянномъ движеніи, которое переносило массы изъ югозападной полосы Руси на сѣверовостокъ въ XII—XIV в., можно различить два послѣдовательные момента, изъ коихъ второй началомъ своимъ совпадаетъ съ концомъ перваго. Въ первый изъ нихъ поселенцы скучивались въ треугольникѣ между Окой и верхней Волгой. То было время образованія и возвышенія владимірскаго края, возникновенія въ немъ первыхъ удѣловъ, время экономическаго возрастанія Москвы и ея первыхъ политическихъ успѣховъ: все это факты, имѣвшіе тѣсную внутреннюю связь съ колонизаціей той страны. Такое скопленіе населенія въ междурѣчьи Оки и Волги было въ значительной степени насильственнымъ. Поселенцы, подвигавшіеся изъ-за Оки и Угры, здѣсь задерживались, потому что дальнѣйшій путь въ ту или другую сторону долго оставался закрытымъ. Востокъ и юговостокъ былъ запертъ сперва

Мордвой и волжскими Болгарами, а потомъ Татарами; за Волгой къ сѣверу и сѣверовостоку колонистамъ перебивало дорогу еще продолжавшееся напряженное движеніе изъ Новгорода. Второй моментъ наступаетъ по мѣрѣ устраненія этихъ задержекъ. Онъ совпадаетъ съ тѣми крупными шагами, какіе стала дѣлать Москва съ половины XIV вѣка въ расширеніи своей территоріи на востокъ и сѣверовостокъ, и трудно сказать, которое изъ этихъ одновременныхъ движеній шло за другимъ или вело за собою другое. Но несомнѣнно, что пріобрѣтеніе Москвой обширныхъ пустырей въ захваченныхъ сыномъ Донскаго княжествахъ Нижегородскомъ, Муромскомъ и Тарусскомъ и въ примыслахъ на сѣверъ отъ верхней Волги открывало сравнительно густому населенію московскаго и клязьминскаго края свободный путь въ эти стороны, особенно на сѣверъ за Волгу *). Русская колонизація Заволжья была продолженіемъ процесса, заселившаго центральное междурѣчье. Остановимся предварительно на ея политическихъ послѣдствіяхъ, чтобы лучше видѣть, какъ въ первые моменты этого процесса завязывался удѣльный порядокъ.

Эта колонизація создавала міръ русскихъ поселковъ, послужившій готовой почвой для удѣльнаго княжескаго владѣнія. Заволжскій сѣверъ и сѣверовостокъ и теперь не вездѣ доступенъ заселенію. Четыреста или пятьсотъ лѣтъ назадъ поселенецъ съ великимъ трудомъ искалъ здѣсь твердаго и чистаго мѣста, гдѣ бы можно было безопасно и съ нѣкоторымъ удобствомъ поставить ногу. Стоя на возвышенномъ холму у стѣны какого-нибудь сѣвернаго монастыря и разсматривая открывающійся передъ нами широкій видъ, мы часто удивляемся эстетическому чутью, которое указало основателю это мѣсто. При этомъ мы забываемъ, что четыре вѣка назадъ этого ландшафта не было видно изъ-за лѣса и во всей окрестности этотъ холмъ былъ, можетъ быть, единственнымъ обитаемымъ пунктомъ. Мѣстами, гдѣ прежде всего осаживалось населеніе, естественно становились нагорные берега рѣкъ и сухія рамени по окраинамъ вѣковыхъ непроходимыхъ лѣсовъ. Такъ вытягивались жилыя полосы, обитаемые острова

---

*) Нѣкоторыя подробности этого движенія см. въ приложеніи III.

среди дремучихъ теперь исчезнувшихъ лѣсовъ и заросшихъ или заростающихъ болотъ. Первое поселеніе, возникавшее на такомъ острову, забиралось повыше, очищая окрестность, выжигая лѣсъ; новыя займища, выставки, выселки, починки на лѣсѣ, заводимые новыми пришельцами со стороны или выходцами изъ стараго поселенія, сползали пониже, садясь по окрестнымъ возвышеніямъ и образуя болѣе или менѣе правильную сѣть пролагаемыми между ними соединительными тропами. Пришлое населеніе, занимавшее эти полосы, было земледѣльческое; но въ каждой изъ нихъ была какая-нибудь мѣстная природная особенность, открывалось какое-нибудь угодье, разработка котораго, служа подспорьемъ къ скудному хлѣбопашеству на верхневолжскомъ суглинкѣ, становилась основаніемъ экономическаго быта всего географическаго округа, сообщала ему особый промышленный типъ. Такъ возникали разнообразные мѣстные промыслы бортниковъ, огородниковъ, садовниковъ, рыболововъ, звѣрогоновъ, лыкодеровъ и т. п. Эти промыслы издавна составляли характеристическую особенность центральной Великороссіи и только съ недавняго времени стали падать подъ давленіемъ фабричной централизаціи промышленности. Такія промысловыя спеціальности облегчали задачу администратора, приходившаго въ край, чтобы раздѣлить его на административныя части, станы и волости: административный округъ обозначался самъ собою экономическими гранями, какъ районъ экономическій обозначался географическими межами обитаемой полосы *). Читая акты и писцовыя книги XV и XVI в., встрѣчаемъ на всемъ пространствѣ тогдашняго Московскаго государства слѣды такого географическаго или промысловаго, кустарнаго происхожденія сельскихъ административныхъ округовъ, иногда отражавшагося въ самыхъ названіяхъ Загорья, Заболотья, Залѣсья, Замошья, Раменейца, Раменки, Суходола, Вышелѣса, Бортнаго стана, Соли и т. п. Раз-

---

*) Одинъ приходъ на Андогѣ, какъ онъ описанъ лѣтъ 35 назадъ, тянулся по этой рѣкѣ длинной и узкой полосой версты на 2—3 въ ширину и на 20 верстъ въ длину; изъ 26 составлявшихъ его деревень 22 расположены были въ линію по одной дорогѣ на протяженіи 20 верстъ. Новгор. Сборникъ, выпускъ V, 1866 г.

витіе мѣстныхъ промысловъ вызывало обмѣнъ; но мы ошиблись бы, еслибы предположили, что уже въ первую пору колонизаціи обмѣнъ достигалъ въ этомъ краю той живости, какую дѣлаетъ возможной сѣть великорусскихъ рѣкъ при достаточной населенности страны. Первоначально экономическое общеніе въ сѣверномъ Заволжьѣ долго ограничивалось сосѣдними округами, наиболѣе удобно связанными другъ съ другомъ географически: поселенія питательныхъ вѣтвей, притоковъ, тянули къ округу главной рѣчной артеріи. Такъ изъ экономическихъ округовъ отдѣльныхъ рѣкъ создавалась экономическая область или уѣздъ цѣлаго бассейна.

Повидимому въ эту первую пору экономическаго общенія стали появляться въ колонизуемомъ краю многочисленные мелкіе удѣлы княжескихъ линій ростовской и ярославской съ ихъ бѣлозерскими, заозерскими и другими отростками. Небольшіе бассейны рѣкъ того края, Суды, Кемы, Андоги, Ухтомы, Сити, Мологи, Кубены, Бохтюги, представляли такіе недавно заселенные или только еще заселявшіеся острова, открытыя и сухія прогалины среди моря лѣсовъ и болотъ. Когда для счастливо размножавшихся князей упомянутыхъ линій надобились отдѣльные участки въ ихъ отчинахъ, эти рѣчные округа и области служили готовымъ основаніемъ для удѣльныхъ дѣленій и подраздѣленій. Такъ возникали въ XIV и XV в. всѣ эти мелкія княжества Кемское, Андожское, Ухтомское, Сицкое, Кубенское, Бохтюжское и многія другія, называвшіяся по именамъ рѣчекъ, бассейнами которыхъ, даже не всегда цѣлыми бассейнами, ограничивались ихъ территоріи *). Можно найти нѣкоторые признаки такого положенія края въ моментъ образованія въ немъ этихъ удѣловъ. Большая часть послѣднихъ по свойству поселеній носила чисто сельскій характеръ, представляла міръ селъ и деревень и не имѣла жилаго мѣста, которое можно было бы назвать городомъ въ тогдашнемъ экономическомъ и административномъ смыслѣ этого слова. На рѣкѣ Андогѣ, среди тянувшихся по ней и ея

*) Такъ по рѣкѣ Андогѣ рядомъ съ Андожскимъ княжествомъ простирался еще удѣлъ Вадбольскій, въ которомъ было 3—4 десятка деревень, составлявшихъ не болѣе двухъ приходовъ.

притокамъ селъ, селецъ и деревень, не было ни одного городка, а между тѣмъ здѣсь находились стольныя мѣста, резиденціи трехъ удѣльныхъ княжескихъ династій, Андожской, Шелешпанской и Вадбольской. Далѣе на востокъ являются слѣды еще большей простоты общественнаго склада. Въ духовныхъ грамотахъ московскихъ князей XIV и XV в. великокняжескія волости на Вологдѣ и Костромѣ обозначаются просто именами рѣкъ: завѣщатель отдаетъ наслѣдникамъ Обнору, Сяму, Пельму, Комелу — знакъ, что эти волости состояли изъ разбросанныхъ деревень и починковъ, административнымъ центромъ которыхъ служило какое-нибудь поселеніе на главной рѣкѣ округа. Не вездѣ даже, быть можетъ, успѣли возникнуть такіе окружные центры, которые по своей населенности отличались бы отъ простой сѣверной деревни того времени. На это есть намекъ въ договорныхъ грамотахъ. Великій князь Василій Темный подѣлилъ бывшее Заозерское княжество (на сѣверовостокъ отъ Кубенскаго озера) съ верейскимъ княземъ Михаиломъ Андреевичемъ: послѣдній получилъ половину Заозерья и еще 100 деревень изъ другой половины,—деревень и ничего больше, ни одного села. Самая резиденція иного удѣльнаго князя въ этомъ краю имѣла видъ простой барской усадьбы, одинокаго большаго двора при погостѣ. Въ житіи преп. Іоасафа Каменскаго есть маленькая, но очень изобразительная картинка мѣстопребыванія его отца, заозерскаго князя Димитрія Васильевича, одного изъ удѣльныхъ князей ярославской линіи (XIV—XV вѣка): на рѣкѣ Кубенѣ стоялъ его княжескій дворъ; подлѣ храмъ св. Димитрія Солунскаго, вѣроятно, имъ же и построенный въ честь своего ангела; въ сторонѣ отъ княжескаго двора «весь» Чиркова, которая вмѣстѣ съ нимъ служила приходомъ этого храма: «весь же зовома Чиркова къ нему прихожаше».

Удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія начался не этими мелкими заволжскими удѣлами и не въ XIV—XV в., когда они возникали. Но по ихъ образованію можно наблюдать продолженіе или даже конецъ того процесса, начало котораго, менѣе для насъ открытое, создало первые удѣлы въ сѣверной Руси, и многія явленія, вскрывающіяся въ исторіи заволж-

скихъ удѣловъ, были повтореніемъ того, что происходило раньше по сю сторону Волги. Первые князья, владѣвшіе этой Русью въ XII и началѣ XIII вѣка (не говоримъ о тѣхъ немногихъ, которые прежде являлись туда на время), не были чужды если не чувствъ и понятій, то привычекъ и преданій, на которыхъ держались отношенія ихъ южныхъ отцовъ и дѣдовъ. Они иногда вспоминали о правахъ старшинства, о владѣніи землей по очереди, на немъ основанной, пытались сдѣлать изъ Владиміра центръ такого же княжескаго круговращенія, какое происходило прежде вокругъ Кіева. Но эти преданія и привычки какъ-то плохо прививаются къ дѣйствительнымъ отношеніямъ на сѣверѣ и довольно скоро исчезаютъ, уступая мѣсто удѣльному порядку. По владѣльческимъ понятіямъ и отношеніямъ поколѣнія князей здѣсь расходятся между собою гораздо дальше, чѣмъ по росписи родства: внуки Всеволода III чувствуютъ меньше взаимной близости, чѣмъ правнуки Ярослава I. Когда ищемъ причинъ этого, прежде всего останавливаемся на складѣ того общества, какое создавала въ этомъ краю колонизація, на томъ дѣйствіи, какое она производила на общественныя и владѣльческія понятія здѣшнихъ князей.

Колонизація колебала и разрывала общественныя и экономическія связи тамъ, откуда выходила, и давала мало средствъ установить ихъ въ томъ краю, гдѣ понемногу осаживались переносимыя ею массы населенія. Отсюда происходило общее потрясеніе экономической жизни, невозможность разсчитать взаимное матеріальное отношеніе частей колонизуемой страны. Значеніе каждой мѣстности въ народномъ хозяйствѣ зависѣло не отъ ея внутреннихъ постоянныхъ средствъ, которыя большею частію еще оставались неразработанными, а отъ внѣшней случайности, отъ прилива и отлива бродячихъ рабочихъ силъ, и измѣнялось вмѣстѣ съ передвиженіемъ послѣднихъ. Общественная почва страны такъ же тряслась подъ ногами князей-устроителей, какъ зыбучая поверхность полузаросшаго сѣвернаго болота подъ ногами крестьянина-колониста. Каждый край для князя былъ экономическимъ вопросомъ. Во второй половинѣ XIII в., когда Всеволодовы потомки еще доро-

жили великокняжеской волостью Владиміра на Клязьмѣ, едва ли кто-нибудь изъ нихъ предчувствовалъ скоро обнаружившійся быстрый экономическій ростъ московскаго края: еслибы они предчувствовали это, изъ тогдашнихъ князей Москва досталась бы кому-нибудь постарше кн. Данила Александровича. Къ тому времени, когда южные князья завели очередное владѣніе Русской землей по старшинству, въ широкой полосѣ по Днѣпру съ его притоками экономическій бытъ настолько установился и опредѣлился, что княжеская администрація могла взвѣсить сравнительную стоимость каждой волости, чтобы рѣшить, какой степени на лѣствицѣ княжескаго старшинства она должна соотвѣтствовать. При этой оцѣнкѣ князья ошиблись развѣ только въ двухъ волостяхъ: въ XI в. они не предвидѣли, что область южнаго Переяславля, слишкомъ углубленная въ опасную степь, скоро станетъ хуже другихъ, поставленныхъ ниже ея въ росписи старшинства, а окрайная Галицкая земля черезъ столѣтіе съ чѣмъ-нибудь переростетъ многія другія. За Окой въ XIII в. нельзя было распредѣлить волости съ такою точностію, потому что ихъ экономическое отношеніе иногда измѣнялось съ быстротой человѣческаго возраста, и сынъ или внукъ младшаго Александровича, поднявшись на лѣствицѣ старшинства, едва ли промѣнялъ бы охотно свою московскую область на какую-либо изъ старшихъ, тверскую или ростовскую, послѣ того какъ событія первой половины XIV в. перетянули значительную часть населенія изъ обѣихъ этихъ областей въ московскій край.

Въ то же время ходъ дѣлъ, направляемый колонизаціей, отвлекая вниманіе князей отъ общихъ интересовъ, сосредоточивалъ его на мѣстныхъ явленіяхъ. Общество колонизуемой страны дробилось, отношенія локализовались, обособлялись. Отсюда происходила другая рѣзкая черта жизни, отличавшая сѣверную Русь XIII в. отъ южной прежняго времени. Вслѣдствіе давняго и живаго общенія интересовъ между волостями этой послѣдней общія условія жизни тамъ могущественно дѣйствовали на положеніе мѣстныхъ дѣлъ, а мѣстныя явленія дѣйствовали далѣе предѣловъ своихъ мѣстностей, отражались

на общемъ благосостояніи. Засорится степь кочевниками близъ русской границы, переймутъ они южные торговые пути, умретъ великій князь въ Кіевѣ и заспорятъ между собою его младшіе родичи: каждое изъ этихъ событій почувствуется съ большей или меньшей силой во всѣхъ волостяхъ, скажется на всѣхъ рынкахъ, спутаетъ и разстроитъ множество дѣлъ и разсчетовъ. Въ этомъ отношеніи кіевская Русь похожа была на нервный организмъ, въ которомъ мѣстная или даже совершенно внѣшняя непріятность производитъ общее болѣзненное разстройство: вѣдь эта Русь и выросла на бассейнѣ одной рѣки, которая съ своими идущими съ разныхъ сторонъ притоками представляла географическій становой хребетъ Русской земли съ его отростками. Сѣверная Русь при сыновьяхъ и внукахъ Всеволода III не была такимъ чувствительнымъ организмомъ. Перемѣна въ общемъ положеніи дѣлъ здѣсь слабо отражалась на мѣстной жизни, какъ и мѣстныя явленія мало измѣняли общее положеніе дѣлъ: подвижность населенія и производимая ею измѣнчивость отношеній не давали установиться въ странѣ одному центру ни политическому, ни экономическому, и разрывали нити, которыя могли бы связывать этотъ центръ съ областями. Поссорятся князья-сосѣди, сойдутся съ своими полками, потолкуютъ и разойдутся безъ боя; Татары нападутъ на какой-нибудь уголъ рязанскаго или нижегородскаго края—спасшееся населеніе убѣжитъ въ сосѣдніе края, а когда минуетъ бѣда, воротится на прежнія мѣста, покинувъ большую или меньшую долю своей массы въ бывшемъ убѣжищѣ. Слѣдовательно, какъ на югѣ княжеское владѣніе землей по очереди старшинства было возможно только при тѣсной взаимной связи ея частей, политической, экономической и географической, такъ на сѣверѣ созданная природой страны и колонизаціей разорванность населенныхъ мѣстностей и людскихъ отношеній давала готовое основаніе для удѣльнаго порядка владѣнія.

Наконецъ, сосредоточивая вниманіе князей на мѣстныхъ интересахъ, колонизація производила на нихъ впечатлѣніе, которое, быть можетъ, составляло самую глубокую черту въ характерѣ удѣльнаго порядка и всего лучше объясняетъ его

происхожденіе. На югѣ впродолженіе трехъ столѣтій смѣнилось много княжескихъ поколѣній въ управленіи Русской землей. Каждое изъ нихъ принималось за это дѣло съ мыслію, что общественный порядокъ, среди котораго оно дѣйствуетъ, создался задолго до него, и ни одинъ князь, умирая, не могъ сказать, что онъ совершилъ коренное измѣненіе земскаго строя, который онъ засталъ на Руси. Общество кіевской Руси было старше своихъ князей; расширяя и обороняя Русскую землю, они могли считать ее своимъ достояніемъ, которое отцы и дѣды ихъ стяжали «трудомъ своимъ великимъ»; правя ею, они поддерживали въ ней существовавшій житейскій порядокъ, опредѣляли подробности земскаго строя, но не могли сказать, что они создали самыя основанія этого строя, были творцами общества, которымъ правили. Совсѣмъ иной взглядъ складывался самымъ ходомъ вещей у князей сѣверной Руси. Начиная съ Юрія Долгорукаго, оставившаго своимъ дѣтямъ столько новыхъ городовъ и селеній въ Суздальской землѣ, каждый князь, правившій этой землей или ея частью, покидалъ свое владѣніе далеко не такимъ, какимъ заставалъ его. Край оживалъ на его глазахъ: глухія дебри расчищались, пришлые люди селились на новяхъ, возникали промыслы, новые доходы прибывали въ княжескую казну, новые классы завязывались въ обществѣ. Путемъ соблазнительной административной логики, которой не чуждались и позднѣйшіе правители, гораздо болѣе привычные къ анализу явленій, князь, собираясь писать духовную и припоминая всѣ новости, совершившіяся при немъ въ его отчинѣ, приходилъ къ мысли, что все это—его личное дѣло, создано имъ, его личными усиліями, и по праву можетъ быть передано имъ женѣ и дѣтямъ, мимо братьевъ и племянниковъ. Въ половинѣ XII в. одинъ изъ южныхъ князей, Изяславъ Мстиславичъ волынскій, считалъ себя въ правѣ распоряжаться Кіевомъ и Переяславлемъ помимо очереди старшинства только потому, что взялъ ихъ съ бою у соперниковъ, «своей головой добылъ» эти города, какъ говорилъ самъ въ оправданіе присвояемаго имъ права. Если мысль о личной собственности возникала въ головѣ этого князя изъ права

завоеванія у своихъ же родичей, то у сѣверныхъ князей она выростала изъ взгляда на свое княжество, подобнаго тому, какимъ хозяинъ смотритъ на свой домъ, имъ же построенный. Родоначальникъ домовитыхъ суздальскихъ князей-хозяевъ Юрій Долгорукій, такъ усердно обзаводившій свою волость новыми городами и деревнями, не успѣлъ еще усвоить этотъ взглядъ и отрѣшиться отъ наслѣдственной привязанности, которая влекла его къ Кіеву. Въ дѣтяхъ его этотъ взглядъ становится уже очень замѣтенъ. Въ немъ надобно видѣть истинный источникъ отчужденія Андрея Боголюбскаго отъ южной Руси и его стремленія обособить отъ нея свою сѣверную волость въ политическомъ и даже церковномъ отношеніи. Онъ бралъ Кіевъ своими полками, но не имѣлъ охоты садиться на его «златокованный столъ», предметъ думъ и желаній для южнаго князя XII в. Андрей прожилъ всю жизнь на сѣверѣ и видѣлъ, какъ при отцѣ его оживалъ этотъ край и выростала въ немъ новая Русь. На югѣ онъ бывалъ на короткое время съ полками отца и въ послѣднюю поѣздку бѣжалъ оттуда украдкой на свою Клязьму. По смерти отца онъ хвалился, что Суздальскую землю «городами и селами великими населилъ и многолюдной учинилъ»: онъ могъ сказать, что это они съ отцомъ сдѣлали суздальскую Русь, и не имѣлъ охоты дѣлиться ею съ другими, вводить ее въ кругъ общаго родоваго владѣнія князей; онъ распоряжался ею, какъ «самовластецъ», по выраженію южнаго лѣтописца, т. е. не обращая вниманія на другихъ князей и на обычные порядки управленія. Подобно старшему брату поступалъ и Всеволодъ, а ихъ образъ дѣйствій сталъ преданіемъ, правиломъ для потомковъ послѣдняго. Мысль: это мое, потому что мной заведено, пріобрѣтено, эта мысль, внушаемая колонизаціей цѣлому ряду княжескихъ поколѣній, сгладила самую существенную юридическую черту, отличавшую княжеское владѣніе отъ частнаго, отъ простой земельной собственности; а удѣльный порядокъ зародился въ тотъ моментъ, когда княжеская волость усвоила себѣ юридическій характеръ частной вотчины привилегированнаго землевладѣльца.

Остается обозначить, какой видъ приняло гражданское общество въ рамкахъ удѣльнаго порядка, подъ дѣйствіемъ экономическаго быта, какой создавался въ колонизуемой странѣ.

Каждый удѣльный князь подобно великому имѣлъ свой дворъ, свою дружину. Это были вольные слуги-землевладѣльцы; по крайней мѣрѣ въ такомъ двойственномъ значеніи разсматриваютъ ихъ договорныя грамоты князей XIV и XV в., основные памятники междукняжескаго права тѣхъ вѣковъ. Какъ вольные слуги, дружина и теперь составляла подвижную, бродячую ратную массу, кочевавшую по русскимъ княжествамъ въ силу права вольнаго слуги выбирать себѣ мѣстомъ службы любой изъ тогдашнихъ княжескихъ дворовъ. Но какъ землевладѣльцы, эти вольные слуги уже тогда начинали складываться въ земскій классъ, отбывавшій финансовыя и нѣкоторыя ратныя повинности по землѣ и водѣ, по мѣсту землевладѣнія. По своимъ поземельнымъ отношеніямъ бояре и вольные слуги уже въ XIV в. составляли уѣздные міры или землевладѣльческія общества, подобныя тѣмъ, на какія дѣлился классъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ XVI и XVII в. Вольный слуга, служившій великому князю московскому Димитрію Ивановичу, по вотчинѣ своей могъ входить въ составъ какого-нибудь уѣзднаго общества землевладѣльцевъ въ серпуховскомъ удѣлѣ князя Владиміра Андреевича и въ случаѣ осады защищать свой уѣздный городъ.

Не смотря на такое простое опредѣленіе своихъ служебныхъ и поземельныхъ отношеній, этотъ классъ бояръ и вольныхъ слугъ среди удѣльнаго общества XIV в. въ значительной степени былъ соціальнымъ и политическимъ анахронизмомъ. Въ его общественномъ положеніи находимъ черты, которыя совсѣмъ не шли къ удѣльному порядку, къ общему направленію удѣльной жизни. Строгое разграниченіе служебныхъ и поземельныхъ отношеній вольныхъ слугъ, какое проводятъ договорныя грамоты князей XIV и XV в., мало согласовалось съ стремленіемъ удѣльнаго княжескаго хозяйства соединить личную службу вольныхъ слугъ съ землевладѣніемъ въ удѣлѣ, закрѣпить первую послѣднимъ. Возможность для воль-

наго слуги служить въ одномъ княжествѣ и оставаться землевладѣльцемъ въ другомъ противорѣчила стремленію удѣльныхъ князей возможно болѣе замкнуться, обособиться другъ отъ друга политически. Съ этой стороны бояре и вольные слуги замѣтно выдѣлялись изъ состава удѣльнаго гражданскаго общества. Положеніе остальныхъ классовъ въ удѣлѣ опредѣлялось болѣе всего поземельными отношеніями къ князю, вотчиннику удѣла. Хотя землевладѣніе теперь все болѣе становилось и для бояръ основой общественнаго положенія, однако они одни продолжали поддерживать чисто личныя отношенія къ князю, вытекавшія изъ служебнаго договора съ нимъ и сложившіяся еще въ то время, когда не на землевладѣніи основывалось общественное значеніе этого класса. Такія особенности въ политическомъ положеніи служилыхъ людей не могли создаться изъ удѣльнаго порядка XIII—XIV вѣковъ: онѣ очевидно были остатками прежняго времени, когда господствовалъ очередной порядокъ княжескаго владѣнія и ни князья, ни ихъ дружины не были прочно связаны съ мѣстными областными мірами; онѣ шли къ тому времени, когда Русская земля распадалась на удѣльныя опричнины, которыя, переходя къ дѣтямъ по завѣщанію отцовъ, съ каждымъ поколѣніемъ подвергались дальнѣйшему дробленію. Самое право выбирать мѣсто службы, признаваемое въ договорныхъ грамотахъ князей за боярами и вольными слугами и бывшее одной изъ политическихъ формъ, въ которыхъ выражалось земское единство кіевской Руси, теперь стало несвоевременнымъ: этотъ классъ и на сѣверѣ попрежнему оставался ходячимъ представителемъ политическаго порядка, уже разрушеннаго, продолжалъ служить соединительной нитью между частями земли, которыя уже не составляли цѣлаго. Поэтому нельзя видѣть ничего неожиданнаго въ томъ, что въ *Златой Цѣпи* *) одно поученіе уговариваетъ бояръ служить вѣрно своимъ князьямъ, не переходить изъ удѣла въ удѣлъ, считая такой переходъ измѣной наперекоръ продолжавшемуся обычаю. Въ тѣхъ же договорныхъ

*) По редакціи XIV в.

княжескихъ грамотахъ, которыя признаютъ за боярами и вольными слугами право служить въ одномъ княжествѣ, оставаясь землевладѣльцами въ другомъ, встрѣчаемъ совсѣмъ иное условіе, которое лучше выражало собою удѣльную дѣйствительность, расходившуюся съ унаслѣдованнымъ отъ прежняго времени обычаемъ: это условіе затрудняло для князей и ихъ бояръ пріобрѣтеніе земли въ чужихъ удѣлахъ и запрещало имъ держать тамъ закладней и оброчниковъ, т. е. запрещало обывателямъ уѣзда входить въ личную или имущественную зависимость отъ чужаго князя или боярина. Съ другой стороны, жизнь при сѣверныхъ княжескихъ дворахъ XIV в. наполнялась далеко не тѣми явленіями, какія господствовали при дворахъ прежнихъ южныхъ князей и на которыхъ воспитывались понятія и привычки тогдашнихъ дружинъ. Въ одномъ сказаніи о побоищѣ на Калкѣ читаемъ, что до нашествія Монголовъ было на Руси много князей храбрыхъ и высокоумныхъ, имѣвшихъ многочисленную и храбрую дружину и величавшихся ею *). Теперь ходъ дѣлъ давалъ дружинѣ мало случаевъ искать себѣ чести, а князю славы. Княжескія усобицы удѣльнаго времени были не меньше прежняго тяжелы для мирнаго населенія, но не имѣли прежняго боеваго характера: въ нихъ было больше варварства, чѣмъ воинственности. И внѣшняя оборона земли не давала прежней пищи боевому духу дружинъ сѣверныхъ князей: изъ-за литовской границы до второй половины XIV в. не было энергическаго наступленія на востокъ, а ордынское иго надолго сняло съ князей и ихъ служилыхъ людей необходимость оборонять юго-восточную окраину, служившую для южныхъ князей XII в. главнымъ питомникомъ воинственныхъ слугъ, и даже послѣ Куликовскаго побоища въ эту сторону шло изъ Руси больше денегъ, чѣмъ ратныхъ силъ. Но всего чувствительнѣе была перемѣна, происшедшая въ экономическомъ положеніи служилаго класса. Въ давнія времена X вѣка онъ вмѣстѣ съ князьями собиралъ дань съ подвластнаго населенія натурой и этой

*) Полн. Собр. Лѣт. XV, 336.

данью выгодно торговалъ съ Хозарами, съ Византіей. Потомъ, когда успѣхи торговли разлили въ странѣ оборотный капиталъ по всѣмъ классамъ общества, князья стали замѣнять прежніе поборы денежными налогами и давать своимъ боевымъ слугамъ денежное жалованье. Съ половины XII в. стало замѣтно, съ конца еще замѣтнѣе обѣднѣніе Руси. Оно обнаруживалось между прочимъ въ постепенномъ вздорожаніи денегъ—знакъ, что одною изъ причинъ его былъ упадокъ внѣшней торговли, ослабившій приливъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ-за границы. Русская ходячая гривна, такъ-называемая *гривна кунъ* становилась все легковѣснѣе: въ началѣ XIII в. она содержала въ себѣ только $^1/_4$ фунта серебра, а въ 1230 г. равнялась въ Новгородѣ даже $^1/_7$ ф., тогда какъ въ болѣе раннее время ходили гривны въ треть фунта и даже въ полфунта *). Но въ одномъ позднѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ сохранилось размышленіе стараго лѣтописца XIII—XIV в., который, ставя современнымъ ему служилымъ людямъ въ образецъ жизнь прежнихъ дружинъ, замѣчаетъ, что княжіе слуги прежняго времени не говорили: «мало мнѣ, князь, 200 гривенъ» **). Лѣтописецъ-обличитель хочетъ сказать, что его ратные современники говорили это своему князю, и расположенъ видѣть въ этомъ слѣдствіе роскоши и «несытства» дружины своего времени. Вѣроятнѣе, что въ этой дружинной жалобѣ сказалось обычное затрудненіе, испытываемое служащими людьми среди народно-хозяйственныхъ переломовъ, когда прежній окладъ служилаго жалованья теряетъ на рынкѣ прежнюю цѣну. Большинство князей XIII—XIV в. не могло вывести дружину изъ этого затрудненія. Они сами должны были тяжело чувствовать общее колебаніе отношеній политическихъ и экономическихъ, какимъ характеризуется русская жизнь того времени. Тогда быстро измѣнялись княжескія состоянія и за немногими исключеніями измѣнялись къ худшему: одни удѣльныя хозяйства едва заводились, другія уже разрушались и ни одно не стояло на твер-

---

*) См. приложеніе къ этой страницѣ.

**) Полн. Собр. Р. Лѣт. V, 87.

домъ основаніи; никакой источникъ княжескаго дохода не казался надежнымъ. Измѣнчивость состояній заставляла служилый классъ искать обезпеченія въ экономическомъ источникѣ, который былъ надежнѣе другихъ, хотя вмѣстѣ съ другими испытывалъ дѣйствіе неустроенности общественнаго порядка, въ землевладѣніи: оно по крайней мѣрѣ ставило положеніе боярина въ меньшую зависимость отъ хозяйственныхъ случайностей и капризовъ князя, нежели денежное жалованье и административное кормленіе. Такъ служилые люди на сѣверѣ усвояли себѣ интересъ, господствовавшій въ удѣльной жизни, стремленіе стать сельскими хозяевами, пріобрѣтать земельную собственность, населять и расчищать пустоши, а для успѣха въ этомъ дѣлѣ работить и кабалить людей, заводить на своихъ земляхъ поселки земледѣльческихъ рабовъ-страдниковъ, выпрашивать землевладѣльческія льготы и ими приманивать вольныхъ крестьянъ на свои земли. И въ кіевской Руси прежняго времени были въ дружинѣ люди, владѣвшіе землей; тамъ сложился и первоначальный юридическій типъ боярина-землевладѣльца, основныя черты котораго долго жили на Руси и оказали сильное дѣйствіе на характеръ позднѣйшаго крѣпостнаго права. Но, вѣроятно, боярское землевладѣніе тамъ не достигло значительныхъ размѣровъ или закрывалось другими интересами дружины, такъ что не производило замѣтнаго дѣйствія на ея политическую роль. Теперь оно получило важное политическое значеніе въ судьбѣ служилаго класса и съ теченіемъ времени измѣнило его положеніе и при дворѣ князя, и въ мѣстномъ обществѣ.

По сказанному выше объ общественныхъ вершинахъ можно уже судить, какъ и все остальное общество сѣверовосточной, верхневолжской Руси XIII и XIV в. мало было похоже на прежнее общество средняго Днѣпра. Двѣ тѣсно связанныя между собою черты, отличавшія его отъ этого послѣдняго, особенно близко касаются изучаемаго правительственнаго учрежденія. Во-первыхъ, это общество бѣднѣе прежняго южнорусскаго. Капиталъ, который созданъ былъ и поддерживался живой и давней заграничной торговлей кіевскаго юга, на суз-

дальскомъ сѣверѣ въ тѣ вѣка является столь незначительнымъ, что перестаетъ оказывать замѣтное дѣйствіе на хозяйственную и политическую жизнь народа. Соразмѣрно съ этимъ уменьшилось и то количество народнаго труда, которое вызывалось движеніемъ этого капитала и сообщало такое промышленное оживленіе городамъ Днѣпра и его притоковъ. Это сокращеніе хозяйственныхъ оборотовъ, какъ мы видѣли, обнаруживалось въ постепенномъ вздорожаніи денегъ. Землевладѣльческое хозяйство съ его отраслями, сельскими промыслами, теперь оставалось если не совершенно одинокой, то болѣе прежняго господствующей экономической силой страны. Но очень долго это было подвижное, полукочевое хозяйство *на нови*, переносившееся съ одного едва насиженнаго мѣста на другое нетронутое, и рядъ поколѣній долженъ былъ подсѣкать и жечь лѣсъ, работать сохой и возить навозъ, чтобы создать на верхневолжскомъ суглинкѣ пригодную почву для прочнаго, осѣдлаго земледѣлія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ строя общественныхъ силъ на сѣверѣ выбылъ и классъ, преимущественно работавшій торговымъ капиталомъ, тотъ классъ, который состоялъ изъ промышленныхъ обывателей большихъ волостныхъ городовъ прежняго времени. Въ суздальской Руси ему не посчастливилось съ той самой поры, какъ сюда стала замѣтно отливать руская жизнь съ днѣпровскаго югозапада. Старые города здѣшняго края Ростовъ и Суздаль, послѣ политическаго пораженія, какое потерпѣли они тотчасъ по смерти Андрея Боголюбскаго въ борьбѣ съ «новыми» и «малыми» людьми, т. е. съ пришлымъ низшимъ населеніемъ заокскаго Залѣсья, потомъ не поднимались и экономически. Изъ новыхъ городовъ долго ни одинъ не заступалъ ихъ мѣста въ хозяйственной жизни страны и никогда ни одинъ не заступилъ его въ жизни политической, не сдѣлался самобытнымъ земскимъ средоточіемъ и руководителемъ мѣстнаго волостнаго міра, потому что ни въ одномъ обыватели не сходились «на вѣче, какъ на думу», и въ силу старшинства своего города не постановляли рѣшеній, обязательныхъ для младшихъ городовъ области. Это служитъ яснымъ

знакомъ того, что въ суздальской Руси XIII и XIV в. изсякли источники, изъ которыхъ прежде старшій волостной городъ почерпалъ свою экономическую и политическую силу. Вмѣстѣ со вздорожаніемъ денегъ падала политическая цѣна посадскаго человѣка сравнительно съ горожаниномъ кіевской Руси. Послѣдній въ X в. стоитъ высоко надъ сельскимъ смердомъ и приближается къ мужамъ княжимъ, къ большимъ людямъ общества. Въ XIV в. *посажанинъ* сливается въ одинъ классъ съ поселяниномъ подъ общимъ названіемъ *чернаго человѣка:* такъ грамоты великихъ и удѣльныхъ князей того вѣка говорятъ, что у чернаго человѣка нельзя покупать земли въ селѣ и двора въ городѣ. Послѣ, когда Московское государство устроилось, уѣздные и посадскіе люди, т. е. сельскіе и городскіе обыватели, въ иныхъ мѣстахъ соединялись въ одномъ и томъ же областномъ мірскомъ учрежденіи, въ *земской избѣ,* сливались въ одинъ уѣздный тяглый міръ, какъ одинаково пассивные элементы государства, мѣстныя орудія центральной администраціи. Языкъ московскихъ канцелярій довольно выразительно отмѣтилъ тягловое и экономическое различіе и одинаковое политическое положеніе обоихъ этихъ элементовъ, назвавъ однихъ *черносошными* людьми, другихъ людьми *черныхъ сотенъ и слободъ.* Вмѣстѣ съ выходомъ областнаго города изъ строя активныхъ силъ общества исчезъ изъ оборота общественной жизни и тотъ рядъ интересовъ, который прежде создавался отношеніями обывателей волостнаго города къ другимъ общественнымъ силамъ.

Итакъ съ XIII в. общество сѣверовосточной суздальской Руси, слагавшееся подъ вліяніемъ колонизаціи, стало бѣднѣе и проще.

Глава V.

Согласно съ политическимъ характеромъ удѣльнаго князя на сѣверѣ и удѣльное управленіе было довольно точною копіей устройства древнерусской боярской вотчины.

Чтобы облегчить себѣ изученіе боярской думы, какою является она при удѣльныхъ и великихъ князьяхъ на сѣверѣ съ XIII в., надобно припомнить въ общихъ чертахъ механизмъ, посредствомъ котораго управлялось удѣльное княжество тѣхъ вѣковъ. Въ нашей исторической литературѣ этотъ механизмъ и особенно тѣ его колеса, которыя находились ближе къ князю, не привлекли къ себѣ всего вниманія, какого они заслуживаютъ по своему значенію въ исторіи нашего государственнаго устройства. Между тѣмъ именно эти ближайшія къ князю центральныя части административной машины удѣльнаго времени всего болѣе дѣлаютъ понятнымъ тотъ своеобразный характеръ, съ какимъ является изучаемое нами учрежденіе при князьяхъ XIV и XV в. Памятники того времени очень скудны и не воспроизводятъ съ достаточною полнотой существовавшаго въ удѣлахъ правительственнаго порядка; но въ московскомъ государственномъ управленіи долго сохранялись мелкія, иногда малозамѣтныя черты, унаслѣдованныя имъ отъ этого удѣльнаго порядка. Надобно внимательно всматриваться въ сложное и запутанное зданіе московской приказной администраціи, чтобы разглядѣть въ ней остатки этой старой правительственной кладки удѣльныхъ вѣковъ. Вотъ почему предпринимаемая попытка изобразить управленіе удѣльнаго княжества не могла освободиться отъ мелочныхъ разысканій и навѣрное не свободна ни отъ недомолвокъ, ни даже отъ значительныхъ обмолвокъ.

Администрація, дѣйствовавшая по удѣламъ, вездѣ имѣла одинаковыя основанія, различаясь въ большихъ и малыхъ княжествахъ развѣ только сложностью административнаго персонала. Она очень точно соотвѣтствовала характеру, какой сообщала колонизація удѣльному князю-вотчиннику, его удѣльному хозяйству и обществу, стоявшему подъ его управленіемъ.

Наши привычныя понятія о центральномъ и мѣстномъ управленіи мало приложимы къ административному устройству удѣла. Въ немъ дѣйствовали рядомъ два порядка учрежденій, между которыми существовало отношеніе, совсѣмъ непохожее на то, какое мы привыкли представлять между органами центральнаго и мѣстнаго управленія. Одинъ изъ этихъ порядковъ, который можно назвать тогдашнимъ центральнымъ управленіемъ, составляло дворцовое вѣдомство; другимъ была администрація намѣстниковъ и волостелей, которая по своему отношенію къ правительственному центру далеко не походила на нынѣшнее областное управленіе. Но между обоими этими порядками существовалъ еще третій, посредствующій и смѣшанный, который не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ нынѣшнемъ управленіи: это администрація частныхъ привилегированныхъ вотчинниковъ. Указанные три ряда учрежденій соотвѣтствовали тремъ разрядамъ, на которые дѣлились земли въ удѣльномъ княжествѣ по своему отношенію къ владѣльцу удѣла: первый рядъ вѣдалъ земли дворцовыя, второй—черныя, третій—земли служилыя.

Средоточіемъ перваго порядка удѣльныхъ учрежденій былъ дворецъ князя въ широкомъ смыслѣ этого слова: это было обширное хозяйственное вѣдомство, въ которомъ предметами управленія были, во-первыхъ, дворцовыя земли, села, деревни и различныя угодья съ предметами дворцоваго потребленія, потомъ дворцовые слуги и дѣловые люди съ ихъ разнообразными службами и издѣльями на дворецъ. Въ этомъ вѣдомствѣ надобно различать два главныя отдѣленія, между которыми довольно своеобразно распредѣлялись обозначенныя сейчасъ статьи княжескаго дворцоваго хозяйства: однимъ былъ *дворецъ* въ тѣсномъ смыслѣ, состоявшій подъ управленіемъ дворецкаго; другое отдѣленіе составляли дворцовые *пути*. Начнемъ съ послѣднихъ.

Великіе князья Василій Темный и Иванъ III, перечисляя въ духовныхъ грамотахъ областные города своихъ княжествъ, различаютъ въ административномъ составѣ городовой области или уѣзда волости, *пути* и села: городъ обыкновенно является въ этихъ грамотахъ съ своими «волостьми и съ путьми и съ селы». Какъ извѣстно, волости были административные округа,

на которые раздѣлялся уѣздъ. Духовныя разумѣютъ подъ селами собственно дворцовыя села, разсѣянныя по разнымъ волостямъ и имѣвшія особое управленіе. Но что такое были *пути?* Великій князь Василій Димитріевичъ въ своихъ духовныхъ упоминаетъ о Нерехтѣ съ варницами, бортниками и бобровниками, потомъ о переяславской волости Юлкѣ «также со всѣми людьми, котораго пути въ ней люди ни будутъ» *). Значитъ, по путямъ распредѣлены были разные дворцовые люди, такъ часто упоминаемые въ княжескихъ духовныхъ XIV и XV в., всѣ эти бортники, бобровники, садовники, псари и т. п. Уже въ договорной грамотѣ сыновей Калиты 1341 г. названы три пути: *сокольничій, конюшій и ловчій.* Въ актахъ XV—XVI в. встрѣчаемъ указанія на составъ и устройство каждаго изъ этихъ вѣдомствъ. Къ ловчему пути принадлежали государевы бобровники и псари, къ сокольничему сокольники и другіе служители государевой птичьей охоты; въ конюшемъ вмѣстѣ съ лошадьми и конюхами вѣдались и государевы луга, разсѣянные по разнымъ уѣздамъ государства. Но кромѣ трехъ указанныхъ путей въ актахъ XVI в. встрѣчаемъ еще два: *стольничій* и *чашничій.* Уже въ XIV в. при дворахъ великихъ и значительныхъ удѣльныхъ князей являются въ штатѣ придворныхъ должностныхъ лицъ стольникъ и чашникъ. При московскомъ царскомъ дворѣ XVI—XVII в. эти сановники уже не имѣли спеціальнаго административнаго значенія: стольничество превратилось въ званіе или служебный чинъ, а чашникъ сталъ простымъ оберъ-шенкомъ безъ правительственной должности, «государю пить подносилъ». Но въ удѣльное время тотъ и другой управлялъ особымъ дворцовымъ вѣдомствомъ, у того и другаго былъ свой «путь». Чашничій путь былъ вѣдомствомъ дворцоваго пчеловодства и государевыхъ питей; въ немъ вѣдались села и деревни дворцовыхъ бортниковъ, лѣсныхъ пчеловодовъ вмѣстѣ съ бортными дворцовыми лѣсами. Къ стольничему пути принадлежали дворцовыя рыбныя ловли и также, кажется, дворцовые сады и огороды съ дворцовыми рыболовами, са-

*) Собраніе государ. грам. и догов. I, стр. 202, 389, 81 и 84.

довниками и огородниками. Уставная грамота 1555 г. говоритъ еще о переяславскихъ «рыболовахъ и всѣхъ крестьянахъ стольнича пути». Въ началѣ XV в. стольникъ въ Московскомъ княжествѣ былъ еще судебно-административной властью для людей, земель и водъ этого пути. Когда нужно было помочь частному владѣльцу заселить его пустыя земли, на которыя могли падать повинности этого вѣдомства или которыя находились въ предѣлахъ его административнаго округа, правительство давало землевладѣльцу жалованную грамоту, по которой ни намѣстникъ того уѣзда, ни *стольникъ*, ни посельскій съ ихъ тіунами не могли ни брать съ поселенцевъ тѣхъ земель своихъ поборовъ, ни судить ихъ ни въ чемъ кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ *). Всѣ эти вѣдомства, судя по указаніямъ позднѣйшихъ актовъ, въ удѣльное время были точно разграничены между собою и обособлены отъ другихъ правительственныхъ учрежденій. Изъ одной грамоты Троицкаго Сергіева монастыря 1599 г. узнаемъ, что находившійся въ Муромскомъ уѣздѣ царскій лугъ Конюшъ-островъ управлялся Конюшеннымъ приказомъ, а рыбныя ловли въ озеркахъ на этомъ островѣ состояли въ вѣдомствѣ приказа Большаго Дворца. Въ началѣ XVI в. переяславскіе рыболовы стольнича пути, живя особою слободой на посадѣ г. Переяславля, не зависѣли отъ переяславскаго намѣстника, не тянули ни въ чемъ съ черными городскими людьми, а тянули «въ поварню великаго князя», управлялись особымъ «волостелемъ стольнича пути», были подданы ему «судомъ и кормомъ» и выбирали своего «старосту рыболовля», безъ котораго волостель не могъ судить никакого суда. Въ составѣ городскаго населенія Переяславля

*) Грамота 1423 г. въ Акт. Арх. Эксп. I, № 21. По сотной выписи 1562 г. переяславскіе рыболовы ловили одну ночь «на стольника» (тамъ же, № 261). Вѣроятно, это—особое пожалованіе какому-нибудь лицу, получившему «стольничество съ путемъ», а не должностной административный доходъ стольника, тогда уже не управлявшаго стольничимъ вѣдомствомъ: по грамотѣ 1555 г. переяславскихъ дворцовыхъ рыболововъ вѣдали судомъ и оброкомъ московскіе казначеи. Въ уставной грамотѣ 1506 г. (тамъ же, № 143) нѣтъ этой «ночи на стольника».

эта слобода была совершенно обособленнымъ административнымъ округомъ: о дѣвицѣ, выходившей изъ нея замужъ на сторону, говорили, что она выходила «изъ стольнича пути на посадъ или въ волость». Но на томъ же посадѣ Переяславля стояло 20 дворовъ сокольниковъ «сокольнича пути»: еще новый міроекъ въ административномъ составѣ города съ своимъ управленіемъ на мѣстѣ и съ особымъ пунктомъ прикрѣпленія въ центрѣ, при дворцѣ государя; этимъ пунктомъ служилъ *сокольничій*. Такъ посадъ небольшаго города, въ которомъ считалось всего 400 тяглыхъ дворовъ во второй половинѣ XVII в., раздѣленъ былъ въ XVI в. между тремя особыми вѣдомствами, которыя различались между собою не свойствомъ административныхъ отправленій, не родомъ правительственныхъ дѣлъ, а родомъ управляемыхъ лицъ *).

Управленіе путей составляло особую административную систему, которая, исходя изъ княжескаго дворца, перерѣзывала областное управленіе намѣстниковъ и волостелей. По городамъ и сельскимъ волостямъ княжества разсѣяны были слободы, села и деревни, приписанныя къ тому или другому пути, находившіяся въ очень слабой административной связи съ общимъ областнымъ управленіемъ или даже совершенно отъ него обособленныя. Каждый путь состоялъ изъ этихъ раскиданныхъ тамъ и сямъ клочковъ, иногда очень мелкихъ: московскій сокольничій вѣдалъ во всѣхъ дѣлахъ кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ дворцовыхъ сокольниковъ и на посадѣ г. Переяславля, и въ Авнежской волости Вологодскаго уѣзда, и вездѣ, гдѣ ни находились поселенія людей этого званія или промысла. Пути переплетались не только съ общимъ областнымъ управленіемъ, но

---

*) Акт. Арх. Эксп. I, №№ 242, 143 и 147; IV, стр. 349. Сборникъ грамотъ Троицк. Сергіева монастыря, составленный въ XVII в. при архим. Діонисіи, въ библіотекѣ Тр. Серг. лавры, № 530, л. 962. Такое же административное значеніе имѣли чашникъ, стольникъ и другіе упомянутые выше во II главѣ дворцовые сановники при дворѣ молдавскихъ господарей XV вѣка: такъ чашникъ управлялъ тѣмъ старостомъ, гдѣ приготовлялось лучшее вино. *Калужняцкаго*, Documenta moldawskie etc., стр. 21, 28, 44 и др.

и между собою. Въ Бортномъ стану (Переяславскаго уѣзда), который самымъ названіемъ своимъ указываетъ на принадлежность чашничу пути, въ XVI в. Лихая Слободка входила въ составъ ловчаго пути. Повельскій станъ былъ сельскимъ административнымъ округомъ Дмитровскаго уѣзда. Въ немъ находилось село Куликово, по нѣкоторымъ признакамъ дворцовое, составлявшее съ своими многочисленными деревнями и пустошами особый сельскій округъ подъ высшимъ управленіемъ великокняжескаго дворецкаго; но среди этихъ деревень замѣшались двѣ деревни сокольнича пути и одна псарская, слѣдовательно принадлежавшая ловчему пути. Не смотря на свою разбросанность, селенія каждаго пути соединялись въ волости, которыми управляли особые волостели стольнича, чашнича или другого пути, отличные отъ обыкновенныхъ непутныхъ. Эти путные управители дѣйствовали посредствомъ выборныхъ старостъ отдѣльныхъ путныхъ селъ и слободъ, бортныхъ, рыболовлихъ и другихъ. Въ половинѣ XVI в. эти вѣдомства еще носили старыя удѣльныя названія путей конюшаго, чашнича, стольнича; область каждаго изъ нихъ дѣлилась на части, называвшіяся по именамъ городовъ или уѣздовъ, въ которыхъ находились земли и селенія, принадлежавшія тому или другому пути: такъ былъ стольничъ путь костромской, переяславскій и др. Отсюда необычайная дробность удѣльнаго управленія, увеличивавшаяся еще тѣмъ, что и среди путнаго округа появлялись въ свою очередь селенія совсѣмъ другихъ вѣдомствъ: въ волосткѣ чашнича пути Славцовѣ Владимірскаго уѣзда, выдѣлявшейся изъ мѣстной уѣздной администраціи подъ управленіемъ путнаго великокняжескаго волостеля, въ 1504 году встрѣчаемъ три деревни митрополичьи, не имѣвшія ни въ чемъ кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ никакого отношенія ни къ путной, ни къ уѣздной администраціи *). Въ этой дробности управленія удѣльнаго времени, унаслѣдованной потомъ администраціей Московскаго государства, сказывался древній

*) Сборн. гр. Тр. Серг. мон. № 530, л. 678. Акты Ист. I, № 295. Акты Арх. Эксп. I, №№ 215 и 139. *О. Горчакова,* О земельн. владѣніяхъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода, приложенія, стр. 42. Арх. ист.-юр. свѣд., *Калачова,* кн. 3, отд. 2, стр. 48, 55 и 59.

административный взглядъ, столь непохожій на установившійся позднѣе. Позднѣйшее управленіе стремилось сосредоточить въ извѣстномъ вѣдомствѣ все населеніе, но только по нѣкоторымъ административнымъ дѣламъ; древнее напротивъ сосредоточивало въ немъ всѣ дѣла, но не всего населенія, а лишь какой-либо его части. Первое административно дробило лица, централизуя общество, если можно такъ выразиться; второе, дробя общество, щадило лицо, представляя его недѣлимой единицей со всѣми его многообразными житейскими отношеніями. Въ такомъ порядкѣ было одно удобство, исчезнувшее въ позднѣйшей администраціи при большей сложности людскихъ отношеній: административная сосредоточенность управляемаго лица позволяла ему хорошо знать, куда обращаться съ своими дѣлами.

Итакъ *пути* были дворцовыя вѣдомства, между которыми была раздѣлена эксплуатація принадлежавшихъ княжескому дворцу хозяйственныхъ угодій. Но эти вѣдомства касались и недворцовыхъ земель. Пути можно было бы назвать промысловыми регаліями, еслибы право эксплуатаціи путныхъ угодій въ княжествѣ принадлежало исключительно княжескому дворцу. Но акты удѣльнаго и московскаго времени не указываютъ на такую исключительность: промысловыя угодья являются простою принадлежностью земельной собственности, и князь удѣльный или великій, передавая свою землю въ руки частнаго собственника, обыкновенно вмѣстѣ съ нею передавалъ и право пользованія находившимися на ней промысловыми угодьями, передавалъ ее, по обычному выраженію грамотъ, «и съ лѣсомъ и со всѣми угодьи». Такъ Иванъ IV промѣнялъ боярину кн. Кубенскому упомянутое село Куликово со всѣми деревнями, между которыми были двѣ сокольнича пути, и передача послѣднихъ не оговорена въ актѣ ничѣмъ, что показывало бы, что передавалась хозяйственная статья, составлявшая особенное и исключительное право казны. По актамъ XV и XVI в. борти встрѣчаются и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, которые владѣютъ ими на одинаковомъ правѣ съ прочими своими землями, а изъ Уложенія царя Алексѣя знаемъ, что частныя лица владѣли на правѣ собственности бобровыми гонами, бортными ухожьями и другими угодьями

не только въ своихъ, но и въ чужихъ, даже «государевыхъ» лѣсахъ. Великая княгиня Марья Ярославна въ льготной грамотѣ 1453 г. на деревни Киржацкаго монастыря въ Переяславскомъ уѣздѣ пишетъ, что въ бортное дубье, какое есть на тѣхъ монастырскихъ земляхъ, чашникъ княгининъ и староста бортный не вступаются. Это не значитъ, что монастырь не могъ пользоваться своимъ бортнымъ дубьемъ безъ особаго пожалованія права на то со стороны удѣльнаго правительства. Отсюда видно только, что монастырскія деревни находились въ округѣ дворцовыхъ бортниковъ, съ которымъ онѣ до пожалованія ихъ монастырю составляли одно административное и хозяйственное цѣлое, и что теперь понадобилось опредѣлить отношеніе прежняго начальства, чашника и старосты округа, къ бортному угодью, отошедшему вмѣстѣ съ деревнями къ новому владѣльцу. Въ княжескомъ хозяйствѣ бортничество было такимъ же путемъ, какими были рыбныя ловли и луга, а эти статьи не были княжескими регаліями ни въ удѣльное время, ни послѣ *). Правда, доходныя угодья, принадлежавшія частнымъ землевладѣльцамъ, не были свободны отъ налоговъ. Вообще на земли владѣльческія и черныя крестьянскія падали разные путные сборы и повин-

*) Въ особенныхъ случаяхъ, при переходѣ казенной земли въ частныя руки, право на нѣкоторыя угодья отдѣлялось отъ права на землю. Изъ одной неизданной грамоты Троицкаго Сергіева монастыря по городу Мурому узнаемъ, что въ 1566 году отведены были Краснослѣповымъ въ обмѣнъ на ихъ суздальскую вотчину казенныя деревни въ Муромскомъ уѣздѣ, но съ условіемъ въ государевы оброчныя и откупныя угодья не вступаться, государевъ бортный лѣсъ, находившійся въ переданныхъ Краснослѣповымъ деревняхъ, «бортное деревье» по полямъ, заполицамъ и лѣсамъ, съ пчелами и безъ пчелъ, беречь, не сѣчь и не поджигать и пчелъ не выдирать, чтобы тотъ государевъ бортный лѣсъ не запустѣлъ; за порчу лѣса назначенъ былъ штрафъ въ пользу государя. Какъ видно изъ акта, мѣняли землю на землю такъ, чтобы вотчинники получили ровно столько же десятинъ пашни и сѣнокоса, сколько значилось въ ихъ прежней вотчинѣ; но въ послѣдней не было такого бортнаго лѣса, такихъ разработанныхъ и доходныхъ угодій, какія находились въ вымѣненныхъ Краснослѣповыми муромскихъ деревняхъ, и мѣна не была бы равномѣрна, еслибы вмѣстѣ съ землей имъ уступили и эти угодья. Сборн. грам. Тр. Серг. мон. № 530, л. 951.

ности, которые взимались администраціей того или другого пути смотря по роду налога или подлежавшаго ему угодья. На эти налоги косвенно указываютъ льготныя грамоты XV и XVI вѣковъ, освобождавшія отъ нихъ нѣкоторыя привилегированныя земли. Въ договорѣ сыновей Калиты рядомъ съ конюшимъ путемъ упомянуто о правѣ князя «кони ставити», т. е. ставить ихъ на обывательскій кормъ; изъ льготныхъ грамотъ видно, что на Конюшенный приказъ ясельничіе сбирали съ непривилегированныхъ землевладѣльцевъ *туковыя* деньги, что крестьяне кормили государева коня, косили сѣно на государевыхъ лугахъ, ловчіе съ государевыми бобровниками и псарями, проѣзжая по частнымъ землямъ на свое дѣло, брали у крестьянъ кормы себѣ и собакамъ, брали людей и подводы на медвѣжьи и лисьи поля, что въ пользу стольнича пути взималось *езовое*, сборъ съ рыбныхъ ловель и т. п. Но все это не сообщало путямъ характера регалій: угодья и доходные сельскіе промыслы подлежали путнымъ налогамъ и повинностямъ наравнѣ съ другими доходными статьями городскаго и сельскаго хозяйства. Хлѣбопашество не было регаліей; однако съ хлѣба въ землѣ или на корню казна взимала, какъ извѣстно, пошлину или подать, «доколѣ рожь изъ земли выйдетъ» или «по кои мѣста была рожь въ земли», по выраженію актовъ XVI вѣка *). Такъ администрація каждаго пути слагалась изъ двухъ главныхъ отправленій: она завѣдовала эксплуатаціей извѣстнаго хозяйственнаго угодья на дворцовыхъ земляхъ князя и взиманіемъ извѣстныхъ налоговъ и повинностей, падавшихъ на недворцовыя земли, если онѣ не были освобождены отъ того особыми льготными грамотами.

По актамъ удѣльнаго времени управители дворцовыхъ путей вмѣстѣ съ дворецкимъ всего чаще являются при князѣ, какъ его правительственные сотрудники; почти только изъ нихъ

---

*) А. А. Э. I, №№ 53, 21 и 215. А. И. I, № 74. *Уложеніе*, X, 214, 239—243. Собр. гос. гр. и догов. I, № 23. Въ XVII в. одному царю принадлежало право охоты въ подмосковныхъ лѣсахъ верстъ на 30 во всѣ стороны отъ столицы, и владѣльцамъ этихъ лѣсовъ запрещено было рубить ихъ. Существовали ли такія мѣстныя регаліи въ удѣльное время, неизвѣстно. *Котоших.* стр. 69.

и состояло высшее центральное управленіе въ сѣверномъ удѣльномъ княжествѣ. Къ нимъ можно развѣ присоединить еще казначея съ печатникомъ да тысяцкаго съ намѣстникомъ, гдѣ они были *). Въ этомъ поглощеніи центральнаго управленія княжескимъ дворцомъ всего явственнѣе сказался политическій характеръ сѣвернаго удѣльнаго князя, хозяина-землевладѣльца, для котораго дворцовое хозяйство стало главнымъ предметомъ правительственныхъ заботъ. Но были ли пути, какъ отдѣленія дворцоваго хозяйства, подчинены дворецкому, какъ главному управителю дворца, на это не даютъ прямаго отвѣта ни удѣльные, ни позднѣйшіе памятники. Вѣроятнѣе, что пути были самостоятельныя вѣдомства. Московская дворцовая администрація XVI и XVII в. довольно крѣпко держалась обычаевъ и формъ удѣльнаго управленія, изъ котораго она развилась. Но въ XVI в. дворецкій московскій не былъ первымъ придворнымъ сановникомъ: управитель одного изъ путей, конюшій бояринъ былъ «чиномъ и честію» выше его. Удѣльные пути потомъ превратились въ дворцовые приказы; но въ XVII в. не всѣ прежнія путныя вѣдомства вошли въ составъ приказа Большаго Дворца, которымъ управлялъ дворецкій. Притомъ, судя по остаткамъ удѣльнаго административнаго языка, уцѣлѣвшимъ въ позднѣйшихъ актахъ, можно думать, что вѣдомство дворецкаго не только не сосредоточивало въ себѣ всѣхъ путей, но само считалось однимъ изъ нихъ **). Наконецъ удѣльной

*) Къ числу высшихъ придворныхъ сановниковъ удѣльнаго времени принадлежалъ еще *окольничій;* но на его вѣдомство нѣтъ указаній въ памятникахъ того времени.

**) Чашничій путь преобразился въ Сытенный дворъ или приказъ, а стольничій раздѣлился на два двора, Кормовой и Хлѣбенный, и всѣ три были подчинены приказу Большаго Дворца, составляли его департаменты. Но конюшій путь сталъ самостоятельнымъ приказомъ. Государева птичья охота, которую вѣдалъ прежде сокольничій, отчислена была къ приказу Тайныхъ Дѣлъ, а звѣриная, которой завѣдовалъ ловчій, входила въ составъ Конюшеннаго приказа. *Котоших.* 69—82. Въ жалованной грамотѣ В. В. Бутурлину 1654 г. доходы съ дворцовыхъ ярославскихъ рыбныхъ слободъ названы «дворецкаго пути» доходами. Древн. Росс. Вивл. XV, 225. Полн. Собр. Зак. № 125.

администраціи вообще было чуждо стремленіе сосредоточивать вѣдомства; напротивъ, въ ней замѣтна наклонность дробить власть и управленіе, обособляя административныя части, центральныя и областныя, въ самостоятельныя учрежденія.

Но если дворецкій не былъ высшимъ управителемъ всего дворцоваго хозяйства, значитъ, въ его управленіи сосредоточивался какой-нибудь спеціальный кругъ дѣлъ по этому хозяйству. Кромѣ дворовыхъ слугъ дворецкій вѣдалъ дворцовыя земли съ жившими на нихъ крестьянами и несвободными людьми. Начальники путей также вѣдали крестьянскія поселенія съ ихъ пашнями, но только тогда, когда они служили орудіемъ эксплуатаціи того или другого путнаго угодья, принадлежавшаго дворцу. Раздѣльная черта здѣсь проводилась свойствомъ княжескаго дохода: съ земель, управляемыхъ дворецкимъ, этотъ доходъ шелъ земледѣльческими произведеніями, а съ путей продуктами угодій или промысловъ, медомъ, рыбой, мѣхами и пр. На земляхъ вѣдомства дворецкаго были устроены княжескія дворцовыя пашни, поля, засѣваемыя на князя; люди, жившіе на путныхъ земляхъ, пахали только на себя. Говоря короче, дворецкій завѣдовалъ дворцовымъ хлѣбопашествомъ, а управители путей дворцовыми промыслами.

Въ такомъ видѣ является центральное или, говоря точнѣе, дворцовое управленіе въ значительномъ княжествѣ XIV и XV в. Другой правительственный порядокъ простирался на все, что не было прямо приписано къ княжескому дворцу: это были земли тяглыхъ или черныхъ людей, городскихъ и сельскихъ, и земли частныхъ владѣльцевъ, церковныхъ и свѣтскихъ. Это сфера областнаго управленія.

Можетъ показаться, что обѣ сферы удѣльнаго управленія были неодинаковы по самому своему политическому характеру, что среди своихъ дворцовыхъ земель и угодій князь былъ частнымъ владѣльцемъ-вотчинникомъ, тогда какъ въ отношеніяхъ своихъ къ другимъ частнымъ землевладѣльцамъ и къ чернымъ тяглымъ людямъ онъ являлся съ физіономіей и характеромъ государя въ настоящемъ политическомъ смыслѣ этого слова. Разница существовала; но она была не полити-

ческая, а административно-хозяйственная. Въ обѣихъ половинахъ своего княжества, въ дворцовой и недворцовой, князь одинаково былъ верховнымъ правителемъ, установителемъ общественнаго порядка и блюстителемъ своего и общаго блага; но неодинаково совершалъ онъ эти государственныя функціи въ той и другой половинѣ. Если нужно обозначить эту разницу, примѣняясь къ терминологіи государственнаго права, можно сказать, что въ дворцовомъ управленіи князь былъ вотчинникомъ съ правами государя, а въ областномъ являлся государемъ съ привычками вотчинника. Это значитъ, что тамъ и здѣсь власть его была одна и та же, только дѣйствовала различно. Для объясненія этого различія надобно сопоставить удѣльное управленіе съ хозяйственной практикой древнерусскаго землевладѣнія. Центръ и провинція въ удѣльномъ княжествѣ, дворецъ и уѣздъ намѣстника съ волостелями—это почти то же, что въ частной вотчинѣ XV в. боярская запашка и земля, отдаваемая въ оброчное пользованіе. Дворцовыя имущества княжескій дворецъ эксплуатировалъ самъ на собственное содержаніе; остальныя владѣнія свои князь отдавалъ эксплуатировать другимъ лицамъ, боярамъ и слугамъ вольнымъ. Механизмомъ, посредствомъ котораго совершалась хозяйственная эксплуатація дворцовыхъ владѣній, и было то, что можно назвать центральнымъ управленіемъ въ княжествѣ удѣльнаго времени, и мы видѣли, какой это былъ по своей конструкціи сложный и дробный механизмъ при видимой простотѣ своихъ отправленій. Все остальное, чего дворецъ не эксплуатировалъ самъ, предоставлено было мѣстному управленію. Органы этого мѣстнаго управленія, намѣстники и волостели съ своими тіунами и доводчиками, были правительственными арендаторами у князя-хозяина, подобно тому какъ перехожіе крестьяне были поземельными арендаторами у вотчинника XV в. Сходство аренды того и другого рода простиралось даже на ея условія. Извѣстно, что въ древнерусскомъ землевладѣніи господствовалъ обычай отдавать землю въ наемъ *испому* и господствовалъ въ такой степени, что крестьянинъ-наниматель звался *половникомъ* даже и въ томъ случаѣ, когда обязывался по

контракту платить землевладѣльцу за пользованіе его землей гораздо меньше половины валоваго дохода съ арендуемаго участка. Великій князь московскій Семенъ Гордый, отказывая свой удѣлъ женѣ, въ духовной дѣлаетъ распоряженіе по областному управленію, чтобы бояре великаго князя, которые останутся на службѣ у его княгини и будутъ править волостями, отдавали ей *половину* дохода съ управляемыхъ ими округовъ *). На такомъ или иномъ условіи князь передавалъ такому правительственному арендатору, намѣстнику или волостелю, всѣ права своей власти на арендуемый участокъ территоріи, какія были необходимы для правительственной его эксплуатаціи, судъ и расправу, прямые и косвенные налоги. Если измѣрить широту власти, какой обыкновенно пользовался тогда областной администраторъ, и припомнить, что онъ обыкновенно самъ создавалъ и весь штатъ подчиненныхъ ему орудій управленія изъ своихъ же дворовыхъ людей, что до половины XV вѣка со стороны центральнаго правительства почти не замѣтно попытокъ регулировать и подчинить постоянному контролю дѣйствія областной администраціи; тогда и самое дворцовое вѣдомство представится намъ своего рода областью, одною изъ единицъ мѣстнаго административнаго дѣленія, болѣе обширной и важной для князя, чѣмъ другія единицы, но изолированной отъ нихъ и обнаруживавшей мало дѣйствительнаго на нихъ вліянія. Въ этомъ отношеніи намѣстникъ удѣльнаго времени вовсе не былъ похожъ на своихъ административныхъ преемниковъ, воеводу и губернатора: по-

*) Собраніе госуд. грам. и дог. I, № 24. Это условіе дѣйствовало и въ кормленіяхъ или *путяхъ,* какіе давались въ награду за службу чиновникамъ по дворцовому управленію даже въ XVII в. Бояринъ В. В. Бутурлинъ въ 1654 г. пожалованъ былъ *дворечествомъ съ путемъ;* въ *путь* ему даны были дворцовыя ловецкія свободы на посадѣ и въ уѣздѣ г. Ярославля съ тѣмъ, чтобы онъ получалъ *половину* всѣхъ денежныхъ дворцовыхъ доходовъ, оброчныхъ, таможенныхъ и другихъ, какіе шли съ тѣхъ слободъ, да изъ печатныхъ, откупныхъ и судныхъ пошлинъ, какія сбирались въ приказѣ Большаго Дворца, Бутурлину назначено было $^2/_3$. Древн. Росс. Вивліоѳ. XV, 225 и сл.

слѣдніе служили звеньями административной цѣпи, связывавшей область съ правительственнымъ центромъ; первый напротивъ разрывалъ эту цѣпь, изолируя область отъ центра. Такимъ образомъ областное управленіе удѣльнаго княжества нельзя подвести ни подъ одинъ изъ двухъ административныхъ порядковъ, господствовавшихъ въ послѣдующее время: это не была ни система централизаціи, ни система мѣстнаго самоуправленія. Кажется, всего лучше характеризовать этотъ порядокъ, назвавъ его ***локализаціей*** управленія.

Въ этомъ можно видѣть дѣйствительную особенность, отличавшую удѣльное управленіе отъ позднѣйшаго государственнаго. Со временемъ, когда вмѣстѣ съ правительственными задачами становились сложнѣе и пріемы управленія, образовались постоянныя связи, соединявшія мѣстную администрацію съ правительственнымъ центромъ. Эти связи большею частію обозначились уже въ то время, когда удѣльный порядокъ уступалъ мѣсто государственному московскому. Но тогда и центральное управленіе существенно измѣнилось въ своемъ характерѣ, вышедши далеко за предѣлы дворцоваго вѣдомства. Впрочемъ изложенное выше описаніе удѣльнаго управленія изображаетъ послѣднее въ первоначальномъ и чистомъ, такъ сказать, математическомъ его видѣ. Въ сохранившихся памятникахъ, большею частію очень близкихъ ко времени торжества московскаго государственнаго порядка, удѣльная администрація обыкновенно является уже съ нѣкоторою примѣсью: въ ней можно замѣтить одну черту, которая проходила связующею нитью между областью и дворцовымъ центромъ, противодѣйствуя указанной выше локализаціи управленія, хотя эта черта сама выходила прямо изъ той же локализаціи. Эта своеобразная нить сплеталась изъ землевладѣльческой привилегіи.

Князь правилъ съ двумя классами, господствовавшими въ обществѣ, военно-служилымъ и духовнымъ. Въ рукахъ этихъ классовъ сосредоточивалась частная земельная собственность, и землевладѣніе все болѣе становилось главнымъ экономическимъ средствомъ обезпеченія ихъ общественнаго положенія. Привилегіи, бывшія послѣдствіемъ ихъ господствующаго поло-

женія въ обществѣ, теперь также переносились на эту экономическую основу, становились опорой главнаго хозяйственнаго ихъ интереса, какъ прежде, когда землевладѣніе не было еще такимъ интересомъ, онѣ цѣплялись за операціи съ движимымъ имуществомъ, болѣе всего за главную статью домашняго и промышленнаго хозяйства въ древней Руси, за рабовладѣніе. Привилегированный рабовладѣлецъ X и XI в. теперь превратился въ привилегированнаго землевладѣльца. Привилегіи эти состояли въ томъ, что князь передавалъ землевладѣльцу правительственную власть, похожую по своему составу на ту, какой облекалъ онъ областнаго правителя, именно право суда и обложенія въ извѣстной мѣрѣ. Привилегированная вотчина сохраняла лишь слабую зависимость отъ управителя административнаго округа, въ которомъ она находилась: эта зависимость обыкновенно ограничивалась тѣмъ, что мѣстный управитель удерживалъ за собой право судить подвластное вотчиннику населеніе въ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлахъ, часто даже только въ дѣлахъ о душегубствѣ. Какъ извѣстно, власть намѣстника города простиралась въ полномъ своемъ объемѣ не на весь уѣздъ этого города, а только на подгородные станы. Всѣ остальныя сельскія волости управлялись до введенія земскихъ учрежденій XVI в. своими особыми волостелями независимо отъ намѣстника. Обыкновенно, но не всегда, только важнѣйшія уголовныя дѣла по этимъ волостямъ и чаще всего только дѣла о душегубствѣ были подсудны намѣстнику. Такимъ образомъ вотчина привилегированнаго землевладѣльца становилась въ административномъ составѣ своего правительственнаго округа тѣмъ же самымъ, чѣмъ была сельская волость въ административномъ составѣ своего уѣзда. Мѣстное управленіе, разбившееся, подъ вліяніемъ удѣльной наклонности дробить власть, на городскіе и сельскіе округа намѣстниковъ и волостелей съ указаннымъ выше отношеніемъ къ центру, локализовалось еще болѣе благодаря землевладѣльческой привилегіи: привилегированная вотчина сама становилась административнымъ округомъ, волостью въ волости. Предоставляя землевладѣльцу правительственную власть надъ людьми его вотчины, удѣльное

управленіе совершенно послѣдовательно освобождало самихъ такихъ волостелей-вотчинниковъ съ ихъ правительственными помощниками, приказчиками, отъ подсудности мѣстной власти: въ искахъ на нихъ они судились княземъ или его «бояриномъ введеннымъ», обыкновенно тѣмъ изъ бояръ, который управлялъ княжескимъ дворцомъ, т. е. дворецкимъ. Вслѣдствіе этого въ правительственномъ округѣ намѣстника или волостеля съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія привилегированнаго землевладѣнія, появлялось все больше земель, куда, по выраженію жалованныхъ грамотъ, «намѣстницы мои и ихъ тіуни не всылаютъ дворянъ своихъ ни по что». Этимъ же объясняется, почему впослѣдствіи, когда въ московскомъ управленіи выступила цѣлая система приказовъ, носившихъ характеръ настоящихъ центральныхъ учрежденій, привилегированные землевладѣльцы и между ними монастыри вѣдались по своимъ землевладѣльческимъ дѣламъ въ Дворцовомъ приказѣ: въ удѣльное время, прежде чѣмъ сложилась эта система центральнаго управленія, отдѣльная отъ дворцоваго вѣдомства, значеніе центральнаго правительства имѣло преимущественно это послѣднее вѣдомство.

Значитъ, дальнѣйшая локализація удѣльнаго управленія путемъ привилегіи вызвала и реакцію противъ себя, повела къ тому, что извѣстный слой областнаго общества и извѣстный кругъ мѣстныхъ общественныхъ отношеній ускользали изъ-подъ рукъ областной администраціи и привязывались прямо къ княжескому дворцу, какъ средоточію центральнаго управленія. Но такая же реакція возникла и съ другой стороны, хотя изъ того же источника, изъ землевладѣльческой привилегіи. Оба Судебника, говоря о мѣстномъ управленіи, различаютъ намѣстниковъ и волостелей «съ боярскимъ судомъ» и мѣстныхъ управителей «безъ боярскаго суда». Этотъ терминъ толкуютъ двояко: одни думаютъ, что намѣстникъ или волостель съ боярскимъ судомъ имѣлъ кромѣ обычныхъ составныхъ частей власти областнаго управителя еще право такого суда, какой производили въ Москвѣ назначенные для того великимъ княземъ бояре «введенные»; другіе утверждаютъ, что «боярскимъ судомъ» назывался судъ областныхъ управителей, по-

добный суду бояръ въ ихъ вотчинахъ *). Но дѣлами, подлежавшими «суду боярскому», далеко не ограничивалась компетенція бояръ введенныхъ, а съ другой стороны, эти именно дѣла и не подлежали суду бояръ-вотчинниковъ. Судебникъ 1550 г. очень точно опредѣляетъ сферу этого суда: «а судъ боярской тотъ: которому намѣстнику дано съ судомъ съ боярскимъ, и ему давати полныя и докладныя (грамоты на холопство), а правыя и бѣглыя давати съ докладу, а безъ докладу правыя не дати». Статья эта, очевидно, уже ограничиваетъ объемъ боярскаго суда, въ который первоначально входили, надобно думать, и тѣ дѣла о холопствѣ, рѣшеніе которыхъ излагалось въ правыхъ и бѣглыхъ грамотахъ и которыя по этой статьѣ окончательно рѣшались не областнымъ правителемъ, а по его докладу центральными учрежденіями. Кажется, точнѣе будетъ такое опредѣленіе «боярскаго суда», что это былъ судъ по *боярскимъ* дѣламъ: значитъ, въ терминѣ этомъ заключается указаніе на предметы подсудности, а не на судью, которому они подсудны. *Боярскимъ* назывался собственно судъ по дѣламъ о холопствѣ. Эти дѣла были первоначальнымъ и существеннымъ содержаніемъ привилегированнаго русскаго замлевладѣнія, такъ какъ рабовладѣніе было юридической и экономической основой боярской вотчины. Частное привилегированное землевладѣніе въ древней Руси развилось изъ рабовладѣнія. Вотчина частнаго владѣльца юридически и экономически зарождалась изъ того, что рабовладѣлецъ сажалъ на землю для ея хозяйственной эксплуатаціи своихъ холоповъ: земля прикрѣплялась къ лицу, становилась его собственностью посредствомъ того, что къ ней прикрѣплялись люди, лично ему крѣпкіе, составлявшіе его собственность; холопъ становился юридическимъ проводникомъ права владѣнія на землю и экономическимъ орудіемъ хозяйственной эксплуатаціи послѣдней. На языкѣ древнерусскаго гражданскаго права *бояринъ* отъ временъ Русской Правды и

---

*) Первое мнѣніе высказано г. *Ланге,* второе *Костомаровымъ.* См. ихъ статьи въ Русск. Вѣстн. 1876 г., № 5, и Вѣстн. Европы 1876 г., № 9. Значеніе бояръ введенныхъ объяснено въ слѣдующей главѣ.

вплоть до указовъ Петра Великаго значилъ не то, что при дворѣ древнерусскаго князя и московскаго царя: здѣсь онъ былъ высшимъ служилымъ чиномъ, а тамъ служилымъ привилегированнымъ землевладѣльцемъ и рабовладѣльцемъ; холопъ назывался *боярскимъ*, село *боярскимъ селомъ*, работа на пашнѣ землевладѣльца *боярскимъ дѣломъ*, *боярщиной*, независимо отъ того, носилъ ли землевладѣлецъ при дворѣ званіе боярина, или нѣтъ. На сельскомъ холопѣ выработалась прежде всего и вотчинная власть древнерусскаго землевладѣльца, который иногда съ успѣхомъ распространялъ ея рабовладѣльческія права и пріемы и на вольнонаемныхъ крестьянъ, какъ видно изъ того полусвободнаго состоянія, въ какомъ является «ролейный закупъ», вольнонаемный рабочій-земледѣлецъ, на землѣ частнаго владѣльца по Русской Правдѣ. Вотъ почему судъ по указаннымъ въ Судебникахъ дѣламъ о холопствѣ получилъ названіе «боярскаго суда». Суду областныхъ правителей Судебники противополагаютъ судъ великаго князя, судъ высшихъ центральныхъ органовъ княжеской власти, слѣдовательно и судъ надъ привилегированными лицами, изъятыми изъ подсудности намѣстникамъ и волостелямъ. Надобно думать, что первоначально въ удѣльномъ управленіи, любившемъ дробить власть и обособлять ея части, указанныя дѣла о холопствѣ вполнѣ принадлежали всѣмъ безъ различія намѣстникамъ и волостелямъ, которые всѣ были управителями «съ боярскимъ судомъ». Но съ развитіемъ боярскихъ землевладѣльческихъ привилегій и «боярскій судъ» намѣстниковъ и волостелей подвергся ограниченію: онъ остался за нѣкоторыми высшими или наиболѣе довѣренными областными правителями, а для остальныхъ введенъ былъ *докладъ*, контроль или ревизія со стороны центральнаго правительства, какъ тогда понимали контрольный и ревизіонный порядокъ дѣлопроизводства *).

---

*) Этимъ можно объяснить то мѣсто жалованной грамоты 1494 г., гдѣ великій князь Иванъ III, освобождая игумена Троицкаго Сергіева монастыря съ людьми монастырскихъ селъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ отъ подсудности бѣжецкимъ намѣстникамъ, говоритъ, что эти намѣстники «игуменова приказщика ни *могитъ* судомъ великаго князя, ни *боярскимъ*

Значитъ, вслѣдъ за дѣлами о привилегированныхъ землевладѣльцахъ къ центральному правительству стали стягиваться и дѣла объ ихъ людяхъ, холопяхъ и крестьянахъ, ускользая изъ-подъ юрисдикціи областныхъ управителей или подчиняя ее надзору центральной власти. Изучая дѣятельность боярской думы при князѣ удѣльнаго времени, мы увидимъ, что весь кругъ развивавшихся поземельныхъ отношеній прикрѣпился къ центру, составивъ главный предметъ его правительственныхъ заботъ. Такъ княжеское правительство выступало постепенно изъ тѣсной сферы дворцовыхъ дѣлъ, дворцоваго хозяйства. Землевладѣльческая привилегія была причиной ограниченія не только территоріальнаго пространства, но и политическаго объема власти областнаго управителя; она не только сообщала дворцовому вѣдомству первыя черты характера центральнаго правительства, но и противодѣйствовала удѣльной локализаціи управленія, сообщая намѣстнику и волостелю, правительственнымъ арендаторамъ князя, характеръ мѣстныхъ органовъ центральнаго правительства, которые стоятъ подъ нѣкоторымъ надзоромъ послѣдняго.

Изученіе характера удѣльнаго княжескаго владѣнія привело насъ выше къ мысли, что оно сложилось по юридическому типу частной земельной вотчины. Разсматривая политическое устройство княжества удѣльнаго времени, находимъ въ этомъ устройствѣ такое же сходство съ хозяйственнымъ управленіемъ той же боярской вотчины. Дворцовое вѣдомство княжества соотвѣтствовало *дворцу* боярской вотчины съ его боярской запашкой и дворовыми рабочими, *дѣлюями*, а областное управленіе боярскимъ землямъ, сдаваемымъ въ аренду обыкновенно

судомъ не судятъ ихъ (монастырскихъ) людей». Эта слишкомъ сжато выраженная формула значитъ, что намѣстники не судятъ игуменова приказщика судомъ, какимъ судились привилегированныя лица и который принадлежалъ князю, а людей монастырскихъ не судятъ боярскимъ судомъ, какому подлежали дѣла о холопствѣ. Здѣсь судъ надъ монастырскими крестьянами названъ уже «боярскимъ судомъ», т. е. судомъ по дѣламъ о холопствѣ, какъ потомъ дѣла о крестьянахъ являются въ вѣдѣніи Холопьяго приказа. А. Арх. Эксп. I, № 131.

крестьянамъ, съ завѣдовавшими этимъ населеніемъ приканцикаміи; наконецъ земли частныхъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ нѣкоторыми чертами своего положенія въ княжествѣ напоминали тѣ участки въ составѣ крупной древнерусской вотчины, которые отдавались во владѣніе *дворянамъ*, приканцикамъ или тіунамъ и тому подобнымъ дворовымъ слугамъ вотчинника за ихъ службу.

Глава VI.

Боярская дума при князѣ удѣльнаго времени является совѣтомъ главныхъ дворцовыхъ прикащиковъ, бояръ введенныхъ, по особо важнымъ дѣламъ.

Согласно со всѣмъ строемъ управленія въ княжествѣ удѣльнаго времени и боярская дума при тогдашнемъ князѣ является съ такими особенностями, которыя во многомъ отличаютъ ее отъ позднѣйшаго боярскаго совѣта московскихъ государей, хотя послѣдній развился прямо изъ первой. Къ сожалѣнію, трудно рѣшить, насколько эти особенности новы, т. е. перешли ли онѣ въ сѣверныя княжества XIII и XIV в. по наслѣдству съ кіевскаго югозапада, или впервые возникли при княжескихъ столахъ на сѣверовостокѣ. Трудность рѣшить это происходитъ отъ того, что мы узнаемъ княжескую думу въ обѣихъ этихъ половинахъ Руси или, точнѣе, въ оба эти періода нашей исторіи, кіевскій и удѣльный, по историческимъ памятникамъ совершенно различнаго характера и слѣдовательно узнаемъ ее не съ одинаковыхъ сторонъ. Въ разсказѣ южной лѣтописи XI и XII в. княжеская дума является преимущественно въ рѣшительныя, торжественныя минуты, когда обсуждался вопросъ особенно важный для князя и общества; но мы можемъ только догадываться о томъ, какъ велись текущія дѣла управленія въ тѣхъ ежедневныхъ утреннихъ ея засѣданіяхъ, о которыхъ говоритъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ *Поученіи*. Напротивъ сѣверный лѣтописецъ XIII и XIV в. очень рѣдко и большею

частію мимоходомъ упоминаетъ о княжеской думѣ; мы знаемъ ее больше всего по частнымъ актамъ XIV и XV в., въ которыхъ отражается ежедневный, будничный ходъ высшаго управленія. Впрочемъ черты, которыми обозначаются въ этихъ актахъ характеръ и дѣятельность удѣльной думы, не перестаютъ принадлежать ей, если даже не ею самой созданы, а достались ей по наслѣдству отъ Руси другихъ вѣковъ и другихъ географическихъ широтъ. Притомъ перемѣна, происшедшая во всемъ складѣ русской жизни съ отливомъ ея на сѣверовостокъ изъ средняго Поднѣпровья, поможетъ намъ замѣтить по актамъ дѣятельности боярской думы, въ какомъ направленіи должно было измѣниться и это правительственное учрежденіе. Теперь благодаря удѣльному уединенію сѣверныхъ князей у нихъ рѣже, чѣмъ у ихъ южныхъ предковъ, бывали рѣшительныя, торжественныя минуты, и мелкія будничныя дѣла хозяйственной администраціи княжества становились для нихъ важнѣе прежнихъ воинственныхъ занятій и генеалогическихъ счетовъ.

Прежде всего попытаемся разсмотрѣть составъ думы. И на удѣльномъ сѣверовостокѣ встрѣчаемъ случай, напоминающій тѣ времена старой кіевской Руси, когда соціальное разстояніе между обѣими аристократіями, служилой и торговой, не успѣло значительно раздвинуться и люди послѣдней часто переходили въ первую, становились боярами. Сохранились поздніе списки двухъ «мѣстныхъ грамотъ», въ которыхъ великій князь нижегородскій Димитрій Константиновичъ († 1383 г.) указываетъ, какъ, въ какомъ порядкѣ сидѣть его боярамъ *). Въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ нижегородской лѣтописи подъ 1371 г. есть разсказъ о набольшемъ нижегородскомъ гостѣ Тарасѣ Петровѣ, который выкупилъ въ Ордѣ множество плѣнниковъ, «всякихъ чиновъ людей», и у своего великаго князя купилъ вотчины на рѣкѣ Сундовикѣ за Кудьмой. Въ упомянутыхъ мѣстническихъ грамо-

*) Одинъ списокъ найденъ *Соловьевымъ* въ дѣлѣ объ А. П. Волынскомъ (напечатанъ въ Исторіи Россіи, XX, 484). Другой оказался недавно въ рукописи XVIII в. изъ Мазуринскаго собранія въ Моск. арх. мин. ин. дѣлъ (№ 822, л. 57—59). Нѣкоторыя соображенія объ этихъ документахъ см. въ приложеніи къ этой страницѣ.

тахъ встрѣчаемъ среди нижегородскаго боярства и служившаго казначеемъ у кн. Димитрія Константиновича боярина Тарасія Петровича Новосильцева, о которомъ грамоты разсказываютъ, что онъ два раза выкупилъ изъ плѣна своего великаго князя и одинъ разъ великую княгиню, за что былъ пожалованъ въ бояре и даже повидимому не одинъ: рядомъ съ нашимъ Тарасомъ поставленъ, очевидно, братъ его Василій Петровичъ Новосильцевъ, тоже бояринъ. Изъ этого случая, повидимому довольно исключительнаго, можно извлечь по крайней мѣрѣ то заключеніе, что въ XIV в. высшій служилый чинъ боярина былъ доступнѣе для людей, поднимавшихся изъ среды городскаго промышленнаго класса, чѣмъ сталъ онъ впослѣдствіи: два съ половиной вѣка спустя землякъ Новосильцева и подобно ему купецъ Кузьма Мининъ за свой великій патріотическій подвигъ удостоенъ былъ только званія думнаго дворянина, т. е. чина 3-го класса.

Высшій правительственный классъ или, точнѣе, личный составъ высшаго управленія въ княжествѣ удѣльнаго времени обозначается въ княжескихъ грамотахъ XIV и XV в. названіемъ бояръ *введенныхъ* и *путныхъ* или *путниковъ*. Значеніе этихъ терминовъ не указывается въ актахъ съ достаточной ясностью и толкуется сбивчиво. Одна изъ причинъ этого въ томъ, что на древнерусскомъ дѣловомъ языкѣ смыслъ слова *путь* колебался. Договорныя грамоты князей обыкновенно упоминаютъ о боярахъ введенныхъ и путныхъ въ связи съ одной привилегіей, которою они пользовались и которой не имѣли остальные бояре и служилые люди. По обычному условію княжескихъ договоровъ служилый человѣкъ отбывалъ ратную службу въ пользу того князя, которому онъ служилъ, хотя бы его вотчина находилась въ другомъ княжествѣ. Но повинность *городной осады* временно отдавала такого служилаго человѣка въ военное распоряженіе чужого князя, того, въ чьихъ владѣніяхъ была вотчина слуги: въ случаѣ непріятельскаго нашествія онъ съ своими людьми обязанъ былъ садиться въ осаду для защиты города, въ уѣздѣ котораго владѣлъ землей, «жилъ», по техническому выраженію грамотъ. Отъ этой повинности, очень тяжелой по обстоятельствамъ того времени, были свободны бояре введенные и путные.

Отсюда слѣдуетъ, что существовала какая-то связь, привязывавшая такихъ бояръ къ князю тѣснѣе, чѣмъ остальныхъ, не позволявшая имъ отрываться отъ *личной* службы для несенія ратной *поземельной* повинности. Въ договорѣ в. кн. Димитрія Донскаго съ удѣльнымъ серпуховскимъ Владиміромъ Андреевичемъ 1388 г. читаемъ условіе, что когда первый возьметъ дань на своихъ боярахъ, на *большихъ* и на путныхъ, тогда и второй долженъ взять дань на своихъ боярахъ «такъ же по кормленью и по путемъ» и передать собранныя деньги великому князю. Другія договорныя грамоты говорятъ не о *большихъ* и путныхъ боярахъ, а о боярахъ *введенныхъ* и путныхъ: можно думать, что введенные назывались еще большими. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ старинныхъ бумагахъ встрѣчаемъ замѣчаніе объ иномъ служиломъ человѣкѣ XIV—XV в., что онъ былъ у своего князя «бояринъ введенный и горододержавецъ», держалъ такіе-то города безъ отнимки. Зная, что значили пути на языкѣ дворцовой хозяйственной администраціи удѣльнаго времени, можно прежде всего подумать, что введенные или большіе бояре были городовые намѣстники князя, пользовавшіеся доходами съ своихъ административныхъ округовъ, какъ кормленіемъ, а путные управляли путями, извѣстными вѣдомствами центральнаго или дворцоваго хозяйства, получали содержаніе изъ доходовъ этихъ вѣдомствъ и считались меньшими боярами сравнительно со введенными *). Но такое толкованіе возбуждаетъ рядъ затрудненій. Во-первыхъ, непонятно, почему областные управители считались большими боярами по отношенію къ главнымъ управителямъ центральныхъ вѣдомствъ, *путей*, а не наоборотъ. Во-вторыхъ, очень важныхъ сановниковъ дворцовой администраціи, окольничаго, казначея, можетъ быть, самого дворецкаго, такое толкованіе ставитъ внѣ разряда: это ни большіе, ни меньшіе бояре, потому что они не были ни намѣстниками, горододержавцами, ни управителями дворцовыхъ путей. Притомъ пути въ значеніи кормленія, т.-е. дворцовыя земли въ пользованіе за службу давались не только меньшимъ слугамъ князя, но и большимъ боярамъ,

*) *Соловьева,* Ист. Рос., IV, стр. 200 по 3-му изданію.

не только управителямъ извѣстныхъ путныхъ вѣдомствъ, но и дворцовымъ сановникамъ, вѣдомства которыхъ не назывались путями: въ актахъ XVI в. встрѣчаемъ постельничихъ, крайчихъ, даже ключниковъ «съ путемъ». Вотъ почему и княжескія договорныя грамоты XV в. не различаютъ строго званій бояръ введенныхъ и путныхъ: здѣсь свободными отъ повинности городной осады являются то бояре введенные и путные, то одни путные, но никогда одни введенные. Отсюда слѣдуетъ, что эти званія не были ни несовмѣстимы другъ съ другомъ, ни вполнѣ тожественны. Они не исключали одно другого, но и не совпадали одно съ другимъ, а только соприкасались: введенные обыкновенно пользовались извѣстными дворцовыми землями или доходами «въ путь», на правахъ кормленія, и потому считались путными боярами; но не всѣ путники, пользовавшіеся такими кормленіями, были бояре введенные. Далеко не всѣ служилые люди, получавшіе пути въ кормленіе, носили даже боярское званіе. Намекъ на это можно видѣть въ договорной грамотѣ можайскихъ князей съ Василіемъ Темнымъ, написанной около 1433 г., гдѣ отъ городной осады освобождаются не бояре введенные и путные, а «бояре и путники» *).

Бояринъ введенный, какъ должностное лицо, обыкновенно является въ тѣхъ жалованныхъ грамотахъ, которыми землевладѣльцы церковные или свѣтскіе освобождались отъ юрисдикціи областныхъ управителей, намѣстниковъ и волостелей, и подчинялись прямо суду самого князя, ставились въ непосредственную зависимость отъ центральнаго правительства. Привилегіи, какія получали такіе землевладѣльцы, обыкновенно завершались въ грамотахъ постановленіемъ, что въ случаѣ чьего-либо иска на привилегированномъ лицѣ «ино сужу его язъ, великій князь, или мой бояринъ введеной». Иныя грамоты вносятъ въ эту обычную формулу любопытный варіантъ: вмѣсто боярина введеннаго является дворецкій. Объясненіе этого варіанта встрѣчаемъ въ одномъ актѣ Троицкаго Сергіева монастыря. У древнихъ нашихъ великихъ княгинь и царицъ

*) Собр. гос. гр. и дог. I, №№ 45, 37 и 46.

былъ свой особый «дворецъ», особое дворцовое вѣдомство съ своимъ служебнымъ и административнымъ штатомъ, съ своими дворцовыми землями, которыя преемственно переходили отъ одной къ другой. Въ 1543 г. «богомольцу матери великаго князя», игумену приписнаго къ Троицкому Махрицскаго монастыря дана была въ память покойной государыни жалованная грамота, въ которой читаемъ: «кому будетъ чего искати на самомъ игуменѣ или на братьѣ и на ихъ людехъ и на крестьянехъ, ино ихъ сужу язъ, князь великій, или мой бояринъ введеной, у котораго будетъ матери моей великой княгини *дворецъ* въ приказѣ». Монастырь подчиненъ юрисдикціи дворецкаго великой княгини, вѣроятно, потому, что значительное количество его земель находилось въ Марининской волости Переяславскаго уѣзда, а эта волость принадлежала къ дворцовымъ землямъ великой княгини Елены, матери Ивана IV. Таковъ былъ обычный порядокъ: и въ церковномъ управленіи привилегированныя лица и учрежденія церковнаго вѣдомства въ XVII в. освобождались отъ суда мѣстныхъ десятинниковъ и судились самимъ патріархомъ или его дворецкимъ *). Значитъ, дворецкій былъ тотъ бояринъ введенный, который служилъ органомъ непосредственнаго княжескаго суда, дворцовой юрисдикціи для тѣхъ, кто освобождался отъ подсудности мѣстнымъ властямъ. Но дворецкій не былъ единственнымъ органомъ этой дворцовой юрисдикціи. Слуги и крестьяне, приписанные къ разнымъ дворцовымъ путямъ, также освобождались отъ суда областныхъ управителей и подчинялись княжеской юрисдикціи. Органами этого суда при дворцѣ князя были управители дворцовыхъ путей. По грамотѣ 1540 г. оброчныхъ дворцовыхъ сокольниковъ Авнежской волости областные управители не судили ни въ чемъ кромѣ дѣлъ высшей уголовной юрисдикціи. Иски на нихъ стороннихъ людей разбирались тѣмъ же порядкомъ, какой былъ установленъ для привилегированныхъ лицъ, освобождавшихся отъ подсудности намѣстникамъ и волостелямъ,

---

*) Сборн. грам. Тр. Серг. мон. № 530, л. 796 и 775. *Иванова*, Опис. Архива Стар. Дѣлъ, стр. 244.

т. е. ихъ судилъ самъ великій князь или его бояринъ введенный; только этимъ бояриномъ, органомъ непосредственнаго княжескаго суда, былъ не дворецкій: «ино ихъ язъ сужу самъ, князь великій, или мой *сокольничей* *). Такимъ же органомъ княжескаго суда, дворцовымъ судьей былъ, какъ мы видѣли выше, стольникъ для людей, которые жили на земляхъ, подвѣдомственныхъ стольничу пути.

Такъ объясняется правительственное значеніе бояръ введенныхъ. Это были управители отдѣльныхъ вѣдомствъ дворцовой администраціи или дворцоваго хозяйства, дворецкій, казначей, сокольничій, стольникъ, чашникъ и проч. Можно понять, почему въ княжескихъ договорныхъ грамотахъ бояре введенные то подразумѣваются подъ общимъ названіемъ бояръ путныхъ, то отличаются отъ путниковъ, какъ большіе бояре. Путными назывались всѣ дворцовые чиновники, высшіе и низшіе, получавшіе за службу дворцовыя земли и доходы въ путь или въ кормленіе. Бояринъ введенный былъ вмѣстѣ и путнымъ, потому что обыкновенно пользовался такимъ жалованьемъ; но какъ большой бояринъ, онъ возвышался надъ простыми путниками, которые не были главными управителями отдѣльныхъ вѣдомствъ дворцоваго хозяйства. Занятые постоянно текущими дѣлами дворцоваго управленія, бояре введенные и путные съ своими людьми не могли отрываться отъ своихъ должностей для несенія поземельной повинности городной осады, и потому князья въ своихъ договорахъ освобождали ихъ отъ этой обязанности **).

Изъ начальниковъ отдѣльныхъ вѣдомствъ дворцовой администраціи, изъ этихъ бояръ введенныхъ собственно и состояла

---

*) Акты Ист. I, № 295. Ср. Акт. Арх. Эксп. I, № 147.

**) Труднѣе объяснить происхожденіе самаго названія бояръ *введенныхъ*. Вѣроятно, въ немъ скрывается намекъ на то, что князь, назначая ихъ главными распорядителями своего дворцоваго хозяйства, поручая имъ своихъ домовыхъ слугъ и свои домашнія дѣла, какъ бы *вводилъ* ихъ въ свой дворецъ, такъ что они считались какъ бы живущими во дворцѣ. Въ такомъ случаѣ этотъ терминъ былъ близокъ по значенію къ позднѣйшему званію бояръ *комнатныхъ* или *ближнихъ*.

боярская дума удѣльнаго времени. Указанія съ двухъ сторонъ говорятъ въ пользу этого. Во-первыхъ, на это указываетъ позднѣйшій административный языкъ московскихъ канцелярій. Терминъ, о которомъ идетъ рѣчь, здѣсь держался едва ли не до конца XVI в., и можно замѣтить, что въ актахъ этого времени названіе «введеннаго» было уже устарѣлымъ словомъ, подъ которымъ разумѣли *думнаго* человѣка. Въ нѣкоторыхъ актахъ 1571 г. дьякъ В. Я. Щелкаловъ называется «дьякомъ введенымъ», а въ 1570-хъ годахъ этотъ дьякъ былъ уже думнымъ. Бояре введенные, какъ мы видѣли, въ грамотахъ удѣльнаго времени зовутся еще «большими»; точно такъ же и въ позднѣйшихъ московскихъ актахъ думные дворяне отличались отъ простыхъ званіемъ «большихъ дворянъ». Боярину введенному удѣльнаго времени въ XVI в. соотвѣтствовало также названіе «старѣйшаго человѣка» *). Административный архаизмъ, какимъ былъ въ XVI в. титулъ «введеннаго», повидимому служилъ уже тогда почетнымъ отличіемъ и для членовъ думы, такъ что не всякій думный человѣкъ, а только наиболѣе приближенный къ государю изъ думныхъ носилъ это званіе. Упомянутый дьякъ введенный Щелкаловъ въ дипломатическихъ дѣлахъ является съ званіемъ «дьяка ближняго». Въ 1587 г. онъ вмѣстѣ съ другимъ думнымъ дьякомъ Дружиной Петелинымъ, управителемъ Казанскаго Дворца, отправленъ былъ въ числѣ великихъ московскихъ пословъ хлопотать на польскомъ избирательномъ сеймѣ объ избраніи царя Ѳедора на престолъ Польши и Литвы; но Петелинъ назывался просто думнымъ дьякомъ, а Щелкаловъ *ближнимъ*. Въ XVI в. не всѣ ближніе люди были думными и наоборотъ; но ближніе и вмѣстѣ думные люди, какъ увидимъ, преимущественно занимали высшія должности по дворцовому управленію, а высшіе дворцовые сановники, даже не принадлежавшіе

---

*) Акты Ист. I, № 180. Дѣла, неподсудныя областнымъ управителямъ, въ удѣльное время докладывались самому князю или его боярину введенному. Вь 1520 г. тіунъ намѣстника перевитскаго съ Рязани, разбирая дѣло, превышавшее его компетенцію, сказалъ тяжущимся, что онъ доложитъ о немъ «государя великаго князя или человѣка старѣйшаго». *Пискаревъ,* Древн. грамоты Рязанск. края, № 13.

къ числу думныхъ, входили въ составъ особаго интимнаго совѣта, очень похожаго на думу удѣльнаго времени. Значитъ, въ XVI в. удѣльное званіе *введеннаго* разложилось на два понятія, прежде въ немъ сливавшіяся: это не всякій думный и не всякій ближній человѣкъ, но только ближній изъ думныхъ, а такими обыкновенно были высшіе сановники дворцоваго управленія. Другое указаніе находимъ въ самыхъ актахъ удѣльнаго времени. Когда извѣстное дѣло рѣшалось самимъ княземъ съ его боярскимъ совѣтомъ, въ грамотѣ обыкновенно обозначались имена бояръ, присутствовавшихъ на совѣтѣ. Къ сожалѣнію, при этомъ не всегда указывались должности, какія занимали участвовавшіе въ дѣлѣ совѣтники князя. Тамъ, гдѣ эти должности отмѣчались, мы чаще всего встрѣчаемъ окольничаго, стольника, чашника, иногда казначея, а это все бояре введенные, ближайшіе къ князю придворные сановники, начальники отдѣльныхъ вѣдомствъ дворцовой администраціи *).

Итакъ правительственный совѣтъ князя удѣльнаго времени состоялъ изъ главныхъ дворцовыхъ прикащиковъ: такъ можно назвать бояръ введенныхъ, и такое названіе поддерживается языкомъ актовъ древней Руси. Въ жалованныхъ грамотахъ привилегированнымъ лицамъ обычное выраженіе удѣльнаго времени: «сужу ихъ язъ, великій князь, или мой бояринъ введенный» въ XVI в. иногда замѣнялось однозначащею формулой: «сужу ихъ язъ, царь и великій князь, или кому *прикажемъ*».

Теперь обратимся къ актамъ удѣльнаго времени, въ которыхъ дѣла рѣшаются не единолично княземъ или бояриномъ, а совѣтомъ бояръ съ княземъ во главѣ или княземъ въ присутствіи совѣта. Такихъ актовъ уцѣлѣло довольно много отъ удѣльныхъ вѣковъ, и по нимъ можно составить понятіе о томъ, съ какимъ характеромъ и въ какомъ составѣ являлась боярская дума въ правительственной практикѣ. Въ сѣверо-восточной Руси XIII—XIV в., въ княжествахъ по Окѣ и

---

*) Памятн. дипл. снош. I, стр. 544 и 1183. *Флетчеръ*, гл. 10. О ближнихъ людяхъ см. ниже въ гл. XIII.

верхней Волгѣ, нельзя ожидать установившихся политическихъ формъ и отношеній, сложнаго правительственнаго механизма. Многія изъ здѣшнихъ княжествъ, какъ младшія вѣтви, только еще выдѣлялись изъ старшихъ по мѣрѣ разветвленія княжескихъ линій. Это постепенное удѣльное дробленіе вмѣстѣ съ политическими границами колебало и политическіе порядки. Впрочемъ и здѣсь въ составѣ и дѣятельности боярскаго совѣта можно замѣтить черты, напоминающія боярскую думу, какую мы видѣли на Днѣпрѣ и Волыни XII и XIII в. По одной грамотѣ великій князь рязанскій Олегъ Ивановичъ во второй половинѣ XIV в. продалъ селище Солотчинскому монастырю, «поговоря» съ зятемъ своимъ (по сестрѣ), рязанскимъ бояриномъ Ив. Мирославичемъ, и въ присутствіи двухъ бояръ, изъ которыхъ одинъ былъ стольникомъ, а другой чашникомъ. Тому же князю принадлежитъ другой подобный актъ частнаго характера. Олегъ далъ село Ольгову монастырю, «сгадавъ» съ епископомъ рязанскимъ и съ своими боярами, которыхъ поименовано девять и притомъ одинъ «съ братьей», не перечисленной въ грамотѣ; въ числѣ этихъ совѣтниковъ князя встрѣчаемъ его дядьку, окольничаго и чашника. Въ другихъ случаяхъ при князѣ, у котораго можно предполагать значительное по числу боярство, боярскій правительственный совѣтъ является въ составѣ еще болѣе ограниченномъ. У преемниковъ Олега, великихъ князей рязанскихъ, былъ большой дворъ, не было недостатка въ боярствѣ; отъ нихъ сохранилось значительное количество актовъ съ обозначеніемъ присутствовавшихъ при ихъ совершеніи совѣтниковъ князя, и почти каждый разъ этотъ совѣтъ составляется всего изъ двухъ бояръ. Внукъ Олега вел. кн. Иванъ Өедоровичъ (1409—1456) далъ дворцовое село Солотчинскому монастырю, «поговоря» съ своимъ дядей, сыномъ упомянутаго выше Мирославича, бояриномъ Григоріемъ Ивановичемъ, и въ присутствіи четырехъ другихъ бояръ. Но жалуя самому этому дядѣ землю со льготами, тотъ же князь имѣлъ при себѣ только двухъ бояръ. Иванъ Селивановичъ Коробья, сынъ рязанскаго боярина и родоначальникъ рязанской боярской фамиліи Коробьиныхъ, купилъ село и самъ объ этомъ

докладывалъ своему вел. кн. Василію Ивановичу (1464—1483), прося утвердить покупку: «а тогда были у великаго князя бояре» такіе-то, прибавляетъ докладная грамота, называя двухъ бояръ. Въ 1519 г. рязанскій вел. кн. Иванъ далъ деревню дѣтямъ боярскимъ Ворыпаевымъ даже съ однимъ только бояриномъ Ѳ. И. Сунбуломъ. То же встрѣчаемъ и при другомъ большомъ дворѣ. Служилые люди Подосеновы продали свою землю, «доложа вел. кн. Михаила Борисовича» (тверскаго 1461—1485): въ докладной грамотѣ, сохранившейся въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, обозначены имена двухъ бояръ, которые «у доклада были у великаго князя». Даже вел. кн. московскій Василій Темный, мѣняясь селами съ Троицкимъ Сергіевымъ монастыремъ, пишетъ въ мѣновой грамотѣ: «а туто были на мѣнѣ бояре мои», которыхъ названо трое. Такой же составъ имѣлъ въ ежедневной правительственной практикѣ и совѣтъ значительнаго удѣльнаго князя. Дума князя верейскаго около половины XV в. составлялась по одному дѣлу изъ трехъ, по другому изъ двухъ бояръ; а когда этотъ князь, выслушавъ докладъ о размежеваніи своей земли съ землей Троицкаго Сергіева монастыря, велѣлъ дать монастырскому повѣренному межевую или *разъѣздную* грамоту, «туто былъ у него» всего одинъ бояринъ кн. В. В. Ромодановскій *).

Изъ перечисленныхъ актовъ видно, что боярскій совѣтъ при князѣ удѣльнаго времени не имѣлъ постояннаго состава. Совѣтниками князя были всѣ его бояре введенные. Одна изъ упомянутыхъ выше «мѣстныхъ» нижегородскихъ грамотъ XIV в., перечисляя совѣтниковъ в. кн. Димитрія Константиновича, называетъ восемь лицъ, въ томъ числѣ тысяцкаго княжеской столицы и казначея; по другой ихъ можно предполагать до пятнадцати. На одномъ засѣданіи совѣта современ-

*) Акты Вердеревскихъ и Ворыпаевыхъ въ Родословной *Иванова* (рукоп. Моск. Арх. мин. юстиціи); напечатаны въ Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс. 1898 г. кн. 2, отд. 1, №№ 2, 11 и 110. Акт. Ист. I, №№ 2 и 36. *Пискарева,* Др. гр. Ряз. края, №№ 3 и 4. Акты, относ. до юр. быта, II, № 156, VIII. *Калачова,* Арх. ист.-юр. свѣд., кн. 2, полов. 1, отд. 3, стр. 129. Сборн. гр. Тр. Серг. мон. № 530, л. 274, 269 и 360.

ника Димитріева вел. кн. рязанскаго Олега присутствовало болѣе 9 бояръ; даже у Владиміра Андреевича, удѣльнаго серпуховскаго князя того же времени, было 10 бояръ введенныхъ и путныхъ; не говоримъ уже о боярахъ великаго князя московскаго. Но обычныя засѣданія совѣта составлялись далеко не изъ всѣхъ бояръ, и трудно отгадать, чѣмъ опредѣлялся этотъ составъ. Иныя дѣла князь рѣшалъ, «сгадавъ» съ довольно значительнымъ числомъ совѣтниковъ, даже иногда при участіи высшаго мѣстнаго представителя церковной іерархіи; при рѣшеніи другихъ повидимому столь же важныхъ или столь же неважныхъ дѣлъ присутствовало всего два-три боярина даже при такихъ дворахъ, гдѣ ихъ всегда можно было собрать гораздо больше.

Объясняя, почему составъ боярской думы удѣльныхъ вѣковъ былъ такъ измѣнчивъ, надобно коснуться политическаго значенія тѣхъ актовъ удѣльнаго времени, которые исходили отъ князя съ его боярскимъ совѣтомъ. Акты эти въ большинствѣ частнаго характера: это все жалованныя, докладныя и тому подобныя грамоты. Но въ такихъ именно актахъ и выражалось княжеское законодательство того времени. Оно не знало основныхъ законоположеній, общихъ регламентовъ; точнѣе говоря, при установленіи правительственнаго и общественнаго порядка оно шло не отъ такихъ законоположеній и регламентовъ, опредѣляя ими частные случаи, а наоборотъ. Каждый частный случай, разрѣшенный въ извѣстномъ смыслѣ по указанію опыта или потребности данной минуты, становился прецедентомъ; приговоръ правительства по частной просьбѣ служилъ примѣромъ, образцомъ на долгое время для многихъ однородныхъ ходатайствъ. Такъ мозаически складывался общій порядокъ. Значитъ, частные акты, исходившіе отъ князя съ его боярскимъ совѣтомъ, имѣли учредительное значеніе, какъ бы ни были маловажны опредѣлявшіяся ими отношенія. Читая всѣ эти жалованныя, докладныя и другія грамоты, въ значительномъ количествѣ уцѣлѣвшія отъ удѣльнаго времени, мы присутствуемъ при строеніи удѣла, слѣдовательно при закладкѣ основаній правительственнаго и общественнаго порядка

въ Московскомъ государствѣ, строй котораго былъ послѣдовательнымъ развитіемъ удѣльнаго. Такой ходъ дѣлъ былъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ процесса, которымъ создавалась удѣльная Русь. Удѣлъ въ ту минуту, когда на немъ садился тотъ или другой князь, не былъ готовымъ обществомъ съ установившимися отношеніями, съ достаточно устроившимся правительственнымъ, общественнымъ и экономическимъ бытомъ, который оставалось бы только скрѣпить общими законоположеніями. Все только что завязывалось, только еще прокладывало себѣ дорогу; однородныя явленія опредѣлялись законодательствомъ по мѣрѣ того, какъ возникали одно за другимъ. Какъ съ развитіемъ колонизаціи изъ новаго села, постепенно оброставшаго новыми деревнями, возникалъ новый административный округъ, волость; такъ по мѣрѣ успѣховъ хозяйственной эксплуатаціи княжества въ центральномъ его управленіи появлялись новыя вѣдомства. Дворецъ князя былъ первичнымъ зерномъ, изъ котораго выросло все въ значительныхъ княжествахъ довольно сложное центральное управленіе удѣльнаго времени, какъ дворецкій былъ первообразомъ центральнаго администратора, боярина введеннаго и потомъ судьи московскаго приказа. Гдѣ на дворцовыхъ земляхъ достигала значительныхъ размѣровъ разработка «бортныхъ ухожьевъ», рыбныхъ ловель и другихъ угодій стольнича пути, тамъ рядомъ съ дворецкимъ становились стольникъ и чашникъ, даже два стольника и чашника. Въ большихъ княжествахъ очень рано должны были явиться около дворецкихъ окольничіе, казначеи, конюшіе, стольники, чашники, ловчіе и пр.; въ мелкихъ удѣлахъ штатъ дворцовой администраціи и въ позднѣйшее время не достигалъ такой полноты развитія. Образованіе постоянныхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ дворцоваго управленія, установленіе однообразнаго порядка текущаго дѣлопроизводства вызывались постепеннымъ накопленіемъ или частымъ повтореніемъ однородныхъ правительственныхъ дѣлъ, а это накопленіе или повтореніе было слѣдствіемъ успѣховъ развитія извѣстныхъ общественныхъ отношеній и интересовъ. Но прежде чѣмъ эти отношенія и интересы проторили себѣ привычную дорогу въ

удѣльномъ управленіи и улеглись въ извѣстныхъ вѣдомствахъ, они являлись передъ удѣльнымъ правительствомъ экстренными дѣлами, которыя разрѣшались такимъ же экстреннымъ способомъ. Здѣсь начало тѣхъ правительственныхъ порученій, временныхъ и случайныхъ, посредствомъ которыхъ вершились дѣла, прежде чѣмъ образовались для нихъ постоянныя учрежденія. Такой порядокъ веденія дѣлъ былъ замѣтенъ въ разныхъ отрасляхъ московскаго управленія даже XVI вѣка. Чиновника, завѣдовавшаго той или другою частью дворцоваго хозяйства, иногда встрѣчаемъ за правительственнымъ дѣломъ, не имѣвшимъ повидимому ничего общаго съ тѣмъ вѣдомствомъ, къ которому онъ принадлежалъ по своей должности: дворцовый дьякъ ѣздилъ посланникомъ къ императору германскому, а казначей назначался «въ отвѣтъ», для переговоровъ съ иностраннымъ посольствомъ, пріѣхавшимъ къ московскому государю, или вмѣстѣ съ дьякомъ Казанскаго Дворца посылался на съѣздъ со шведскими послами для заключенія мира. Въ удѣльномъ княжествѣ сѣверовосточной Руси, только еще устроявшемся, правительству на каждомъ шагу встрѣчались дѣла, которыя не укладывались въ существовавшія постоянныя учрежденія. Самый языкъ старинныхъ актовъ долго хранилъ на себѣ слѣды того, что въ высшей удѣльной администраціи для многихъ правительственныхъ дѣлъ не существовало спеціальныхъ постоянныхъ должностей или учрежденій, а дѣлались особыя временныя назначенія. Выше было уже замѣчено, что жалованныя грамоты XIV и XV в., опредѣляя подсудность привилегированнаго землевладѣльца, обыкновенно говорятъ, что судитъ его самъ князь или его бояринъ введенный, не указывая, какой именно по должности, какъ бы разумѣя того, который будетъ нарочно назначенъ для этого. Позднѣе, когда вѣдомства въ центральномъ управленіи разграничились, грамоты стали точнѣе обозначать этого боярина введеннаго, говоря, что жалуемое лицо судитъ самъ князь или его дворецкій.

Всѣ чрезвычайныя для тогдашняго управленія дѣла, случавшіяся однако довольно часто, восходили, разумѣется, къ самому князю и рѣшались тѣмъ же способомъ особыхъ пору-

ченій. Вопросъ объ этомъ способѣ представляетъ нѣкоторый историческій интересъ, потому что касается происхожденія центральныхъ правительственныхъ учрежденій, дѣйствовавшихъ въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII в. Порядокъ порученій не всегда была одинаковъ. На это различіе указываютъ жалованныя грамоты, когда говорятъ, что привилегированнаго землевладѣльца судитъ самъ князь или его бояринъ введенный. Слова этой формулы не значатъ, что все равно, судилъ ли въ этомъ случаѣ самъ князь, или бояринъ введенный: судъ того и другого—это различные виды дворцоваго или центральнаго суда, которые иногда прямо различаются и въ актахъ. Великій князь Иванъ III далъ въ кормленіе волость Бѣль Кушальскую въ Тверскомъ уѣздѣ дмитровскому намѣстнику Еремѣеву и въ жалованной грамотѣ прибавилъ, что въ случаѣ иска на людяхъ той волости со стороны «введенные мои бояре не судятъ, а судитъ ихъ намѣстникъ нашъ, или ихъ сужу язъ самъ, великій князь». Частное привилегированное лицо подлежало суду самого князя или его боярина введеннаго. Но намѣстникъ не частное лицо: по своимъ правительственнымъ полномочіямъ онъ самъ становился въ положеніе боярина введеннаго, надъ которымъ стояла одна власть князя, и потому дѣла, переносившіяся изъ намѣстничьей волости въ центральное управленіе, восходили къ самому князю помимо того или другого боярина введеннаго *). Значитъ, въ разсматриваемомъ выраженіи жалованныхъ грамотъ о подсудности самому князю или его боярину введенному различаются судъ боярскаго совѣта при князѣ и единоличный судъ

---

*) Временникъ Общ. Ист. и Древн. Росс., кн. 20, смѣсь, стр. 23. Такое отношеніе намѣстника къ центральному правительству можно сопоставить съ 75-ю статьей Судебника 1550 г., по которой вызывать намѣстника изъ его округа раньше, чѣмъ онъ «съѣдетъ съ жалованья», можно было только по такой записи, «которую запись велятъ дати бояре, приговоря вмѣстѣ, а одному боярину и дьяку пристава съ записью не давати». Вызвать намѣстника могла только боярская дума, т. е. самъ государь, а не бояринъ, управлявшій тѣмъ или другимъ приказомъ.

того боярина, которому князь поручалъ дѣло. Обычная формула жалованныхъ грамотъ, опредѣляющая подсудность привилегированныхъ лицъ, можно думать, идетъ отъ того еще времени, когда въ центральномъ управленіи княжества впервые начали разграничиваться правительственныя инстанціи, какими впослѣдствіи являются московскій приказъ и московская боярская дума.

Если такое объясненіе указанной формулы жалованныхъ грамотъ заслуживаетъ вѣроятія, то по частнымъ актамъ, уцѣлѣвшимъ отъ удѣльнаго времени, мы застаемъ боярскую думу въ ея первоначальномъ, еще неотвержденномъ состояніи и можемъ слѣдить, какъ изъ княжескаго совѣта, случайнаго и измѣнчиваго по составу и кругу дѣлъ, она превращается въ учрежденіе съ твердыми формами и опредѣленнымъ вѣдомствомъ. Съ теченіемъ времени все большее количество дѣлъ, превышавшихъ компетенцію областныхъ правителей, но имѣвшихъ уже прецеденты, ставшихъ обычными, рѣшалъ тотъ или другой бояринъ введенный по особому порученію князя или въ качествѣ начальника особаго постояннаго вѣдомства. Но въ свое время подобныя дѣла имѣли значеніе экстренныхъ, и тогда каждое такое дѣло восходило къ самому князю. Послѣдній призывалъ къ себѣ для его рѣшенія нѣкоторыхъ изъ своихъ бояръ, имена которыхъ и прописывались въ актѣ, излагавшемъ приговоръ совѣта: такъ въ иной грамотѣ читаемъ, что на докладѣ объ извѣстномъ дѣлѣ у князя были такіе-то бояре, что князь пожаловалъ извѣстное лицо окольничимъ и чашникомъ или *съ* окольничимъ и чашникомъ такими-то. Составъ такого совѣта зависѣлъ отъ усмотрѣнія князя. При недостаткѣ знакомства съ подробностями административныхъ отношеній времени и мѣста этотъ составъ кажется совершенно случайнымъ; притомъ грамоты не всегда обозначаютъ должности бояръ, составлявшихъ совѣтъ князя при рѣшеніи дѣла. Въ большей части случаевъ нѣтъ возможности догадаться, почему на совѣтѣ у князя присутствовали такіе, а не другіе бояре, почему однородныя повидимому дѣла рѣшались то въ присутствіи окольничаго и чашника, то стольника и двухъ чашниковъ. Но нѣкоторыя

грамоты наводятъ на мысль, что составъ такихъ совѣтовъ въ иныхъ случаяхъ опредѣлялся извѣстными административными соображеніями. Грамота рязанскаго князя Ивана Ѳедоровича, утверждая служилыхъ людей Бузовлей во владѣніи наслѣдственнымъ селомъ, жалуетъ имъ при этомъ обычныя землевладѣльческія льготы *). Въ актѣ обозначены имена двухъ бояръ, присутствовавшихъ при его совершеніи, окольничаго и чашника. Трудно объяснить присутствіе перваго; но второй имѣлъ прямое административное отношеніе къ дѣлу, потому что къ селу, о которомъ говоритъ грамота, принадлежала «земля бортная», а доходы князя съ частныхъ бортныхъ угодій, если послѣднія не были освобождены отъ налоговъ особымъ пожалованіемъ, вѣдалъ чашникъ. Здѣсь надобно искать причины, почему князь, обладавшій значительнымъ боярствомъ и рѣшавшій мелкія частныя дѣла съ двумя, даже иногда съ однимъ бояриномъ, по дѣламъ особенно важнымъ созывалъ многочисленный совѣтъ. Великій князь рязанскій Олегъ Ивановичъ, жалуя Ольгову монастырю село Арестовское, подтвердилъ право обители на владѣніе обширною вотчиной, пріобрѣтенной ею отъ прежнихъ рязанскихъ князей и бояръ и состоявшею изъ многихъ бортныхъ земель и погостовъ съ озерами, бобровыми ловлями, перевѣсищами и со всѣми пошлинами: все это касалось многихъ вѣдомствъ княжеской администраціи. Притомъ Олегъ отдавалъ богатую обитель въ пожизненное управленіе игумену Арсенію съ правомъ назначить себѣ преемника, а это прямо касалось епархіальнаго рязанскаго архіерея. Такое важное и сложное дѣло великій князь рѣшаетъ, «сгадавъ» съ отцомъ своимъ владыкою Василіемъ и со многими боярами, въ числѣ которыхъ названы и окольничій съ чашникомъ; но въ актѣ нѣтъ и намека на то, чтобъ это было общее собраніе всѣхъ совѣтниковъ князя. Памятники удѣльнаго времени не даютъ возможности видѣть, насколько правильно и послѣдовательно проводился такой правительственный подборъ совѣт-

---

*) Акты рода Бузовлевыхъ въ упомянутой выше рукописной Родословной *Иванова*. Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1898 г. кн. 2, отд. 1, № 8.

никовъ въ боярскихъ совѣтахъ разныхъ княжествъ. Онъ былъ, разумѣется, возможенъ только тамъ, гдѣ центральное дворцовое управленіе достигало нѣкотораго развитія и расчлененія, нѣкотораго отвержденія вѣдомствъ. Благодаря такому подбору боярскій совѣтъ при князѣ, первоначально случайный и измѣнчивый по составу, потомъ, оставаясь измѣнчивымъ попрежнему, становился менѣе случайнымъ по крайней мѣрѣ въ значительныхъ княжествахъ, составлялся изъ тѣхъ бояръ введенныхъ, которыхъ наиболѣе касалось извѣстное дѣло по роду управляемыхъ ими вѣдомствъ. Такіе боярскіе совѣты, составлявшіеся особо для каждаго дѣла или для нѣсколькихъ дѣлъ изъ прикосновенныхъ къ нимъ управителей, на современномъ административномъ языкѣ можно было бы назвать правительственными коммиссіями, еслибы только при коммиссіи не предполагалось общее собраніе, на утвержденіе котораго восходятъ ея рѣшенія. Вопросъ о существованіи общихъ собраній княжескихъ совѣтниковъ рядомъ съ тѣсными и частными совѣтами едва ли приложимъ къ правительственнымъ порядкамъ и понятіямъ того времени, и мы нигдѣ не находимъ намека на нихъ. Правительственная практика была еще такъ проста, что не возбуждала въ правителяхъ мысли о различіи между общимъ собраніемъ боярской думы и думскою коммиссіей. Обыкновенные, ежедневные совѣты, какіе являются при князѣ по актамъ удѣльнаго времени, скорѣе можно было бы назвать отдѣленіями или департаментами боярской думы, еслибы встрѣтились въ памятникахъ указанія на то, что одни дѣла князь постоянно рѣшалъ, напримѣръ, со стольникомъ и чашникомъ, а другія всегда съ дворецкимъ, окольничимъ и т. п. При отсутствіи такихъ указаній остается признать, что боярская дума, смотря по важности дѣла, собиралась въ болѣе полномъ или въ менѣе полномъ составѣ; но состояла ли она изъ двухъ бояръ, или изъ десяти, даже съ представителемъ мѣстной церковной власти, въ томъ и другомъ случаѣ это была все та же обыкновенная боярская дума подъ предсѣдательствомъ князя, и ея постановленіе считалось окончательнымъ приговоромъ самого князя. Въ правительственныхъ соображеніяхъ послѣдняго могло быть мѣсто вопросу, кого

изъ наличныхъ бояръ призвать на совѣтъ по извѣстному дѣлу: но трудно себѣ представить, что могло побудить его думать о томъ, сколько ихъ призвать.

Два обстоятельства должны были мѣшать развитію мысли о правительственномъ значеніи числа, о политической ариѳметикѣ, вообще о составныхъ элементахъ боярскаго совѣта при князѣ. Во-первыхъ, мы ошиблись бы, еслибы стали представлять себѣ боярскую думу того времени законодательнымъ или совѣщательнымъ собраніемъ государственныхъ совѣтниковъ, все правительственное назначеніе которыхъ только въ томъ и состояло, чтобы собираться и вотировать законы или давать князю полезные совѣты. Званіе боярина еще не получило такого спеціальнаго правительственнаго значенія. Онъ былъ просто старшимъ служилымъ человѣкомъ князя и удовлетворялъ различнымъ потребностямъ княжескаго управленія. Онъ водилъ полки своего князя въ походы, былъ въ то же время бояриномъ введеннымъ, т. е. занималъ какую-нибудь должность по центральному дворцовому управленію; онъ же служилъ орудіемъ областной администраціи, получалъ какой-либо городъ въ кратковременное кормленіе за свою службу. Все это должно было сообщать кругу наличныхъ совѣтниковъ князя въ значительномъ княжествѣ характеръ подвижнаго и измѣнчиваго общества. Всѣ бояре, занимавшіе должности по военному, дворцовому и областному управленію, считались совѣтниками князя. Но чѣмъ сложнѣе становилось управленіе, тѣмъ болѣе должно было увеличиваться количество бояръ, которые по дѣламъ службы не присутствовали въ княжескомъ совѣтѣ, и тѣмъ труднѣе было возникнуть мысли о постоянномъ или нормальномъ численномъ составѣ боярской думы. Съ другой стороны, боярство въ княжествѣ удѣльнаго времени не составляло плотной и устойчивой мѣстной корпораціи привилегированныхъ землевладѣльцевъ, въ силу этого руководившихъ управленіемъ княжества въ качествѣ совѣтниковъ князя. Бояринъ былъ такою же случайностью въ княжествѣ, гдѣ служилъ, какъ и всякій другой свободный обыватель. Онъ свободно переходилъ отъ князя къ князю, могъ имѣть и не имѣть земельной собствен-

ности тамъ, гдѣ служилъ, и часто имѣлъ землю не тамъ, гдѣ служилъ. Его служебныя отношенія, его правительственное значеніе не были связаны съ землевладѣльческимъ его положеніемъ: онъ былъ совѣтникомъ князя потому, что былъ его слугой, а не потому, что былъ землевладѣльцемъ въ его княжествѣ, какъ не былъ слугой его потому, что имѣлъ вотчину въ предѣлахъ его владѣній, хотя часто становился вотчинникомъ въ княжествѣ потому, что служилъ его князю. Поэтому въ исторіи боярской думы не замѣтно многихъ явленій, какія встрѣчаемъ въ исторіи подобныхъ учрежденій тамъ, гдѣ верховная власть имѣла дѣло съ такими обществами привилегированныхъ землевладѣльцевъ. Такъ средневѣковые короли Франціи должны были вести съ ними борьбу по вопросамъ о составѣ высшаго центральнаго управленія и въ частности своего правительственнаго совѣта. Не безъ труда удавалось имъ превратить какой-либо придворный санъ, наслѣдственно связанный съ извѣстнымъ леномъ, въ правительственную должность по королевскому назначенію (dignitas non propria, sed mandata), какъ это было съ великимъ сенешаломъ при Капетингахъ. Они должны были одолѣть сопротивленіе главныхъ феодаловъ королевства, чтобы слить совѣтъ пэровъ съ совѣтомъ главныхъ сановниковъ королевскаго дворца *). Точно также нужны были усилія, чтобы дать мѣсто и значеніе въ королевскомъ совѣтѣ или парламентѣ рядомъ съ баронами и прелатами приказному элементу, если позволено такъ назвать легистовъ, знатоковъ римскаго права, съ ихъ теоріей королевской власти и стремленіемъ къ политической централизаціи. Въ боярскомъ совѣтѣ русскаго князя, даже такого значительнаго, какимъ былъ московскій въ началѣ XV в., не встрѣчались элементы, столь разнородные по происхожденію и политическому характеру. Бояринъ введенный обыкновенно былъ крупнымъ землевладѣльцемъ въ княжествѣ;

---

*) Ministeriales palatii domini regis, наши бояре введенные. Тѣ и другіе носили почти однозначащія должностныя званія: *connétable* нашъ конюшій, *grand maître* дворецкій, *grand chambrier* казначей, *panetier* стольникъ, *bouteiller* или *échanson* чашникъ.

не занимая должность по дворцовому управленію, онъ дѣйствовалъ исключительно по полномочію, полученному отъ князя, имѣлъ значеніе его большого приказчика. Онъ былъ въ то же время и привычнымъ авторитетомъ для подчиненныхъ, знатокомъ правительственнаго дѣлопроизводства. Въ средѣ боярскаго совѣта русскому князю не приходилось различать совѣтниковъ наслѣдственныхъ и пожалованныхъ (les conseillers nés et les conseillers faits, пэры и коронные сановники) и противопоставлять однихъ другимъ. Въ большихъ княжествахъ удѣльнаго времени встрѣчаемъ боярскія фамиліи, какъ будто наслѣдственно пользовавшіяся извѣстными правительственными должностями. Такъ родословная тверскихъ бояръ Шетневыхъ говоритъ о дѣдѣ, отцѣ и внукѣ, преемственно занимавшихъ въ Твери XIII—XIV в. должность тысяцкаго; ту же должность занимали въ Москвѣ при Иванѣ Калитѣ и его преемникахъ родоначальникъ Вельяминовыхъ Протасій-Вельяминъ съ сыномъ и внукомъ. Но это было слѣдствіемъ правительственныхъ соображеній князя, а не какого-либо независимаго отъ него политическаго значенія фамиліи среди мѣстнаго общества. Значитъ, совѣтники князя были простыми административными его орудіями, а не политическими голосами: ихъ не было нужды считать при рѣшеніи дѣлъ и рѣдко приходилось считаться съ ними въ политическихъ затрудненіяхъ.

Сравненіе сѣверорусской боярской думы удѣльнаго времени съ правительственнымъ совѣтомъ средневѣковыхъ французскихъ королей помогаетъ лучше видѣть, чѣмъ не была и не могла быть первая. Сопоставленіе ея съ правительственнымъ совѣтомъ другого ближайшаго къ Москвѣ и притомъ полурусскаго государства поможетъ разсмотрѣть, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ и что значили ея члены въ ежедневномъ правительственномъ обиходѣ. Встрѣчая подъ какой-либо жалованною грамотой князя удѣльнаго времени перечень именъ двухъ или трехъ бояръ, присутствовавшихъ у князя при совершеніи акта, въ первую минуту недоумѣваешь, засѣданіе ли это боярской думы, или что иное. Великій князь московскій Василій Димитріевичъ промѣнялъ митрополиту Кипріану слободу Свя-

тославлю на митрополичій городъ Алексинъ *). Обѣ власти совершили мѣну съ своими боярами, и подъ актомъ подписаны были имена шести бояръ великокняжескихъ и пяти митрополичьихъ. Частная ли эта сдѣлка съ обозначеніемъ свидѣтелей, или соединенное засѣданіе двухъ думъ и двухъ ли думъ, или только ихъ коммиссій? И то и другое въ извѣстномъ смыслѣ: и частная сдѣлка при свидѣтеляхъ по формѣ, и актъ двухъ правительственныхъ совѣтовъ по существу, хотя мы не можемъ сказать, состоялся ли онъ на соединенномъ засѣданіи обоихъ, или какъ иначе. Князь удѣльнаго времени былъ государь съ правами верховной власти, и собиравшійся при немъ совѣтъ бояръ былъ государственный совѣтъ въ тогдашнемъ смыслѣ этихъ словъ. Но управленіе въ княжествѣ того времени складывалось по типу частной привилегированной вотчины и заимствовало формы изъ круга частныхъ юридическихъ отношеній. Такой политическій актъ, какъ передача княжества наслѣдникамъ, совершался посредствомъ духовной грамоты, по формѣ сходной съ завѣщаніемъ частнаго лица. Въ XV в. политическій бытъ и общественныя отношенія обѣихъ половинъ Руси, западной литовской и восточной, объединявшейся подъ властью Москвы, представляли еще много сходнаго. Жалованныя грамоты великихъ князей литовскихъ, какъ и нашихъ, обыкновенно оканчиваются перечнемъ совѣтниковъ, въ присутствіи которыхъ совершался актъ, и этотъ перечень начинается почти тѣми же словами: «а при томъ были» такіе-то паны. Извѣстны двѣ жалованныя грамоты в. кн. Свидригайла, написанныя въ 1438 году на разстояніи менѣе чѣмъ трехъ мѣсяцевъ. Личный составъ великокняжескаго совѣта не могъ измѣниться значительно въ такой короткій промежутокъ времени; между тѣмъ подъ первымъ актомъ обозначены имена одиннадцати пановъ, подъ вторымъ восьми, и изъ всѣхъ этихъ именъ только три стоятъ въ обоихъ актахъ. Еще скромнѣе по составу правительственный совѣтъ, изъ котораго исходили жалованныя грамоты короля польскаго и великаго князя литовскаго Казимира: въ

*) Акты Ист. I, № 215.

этомъ отношеніи онѣ близко напоминаютъ акты рязанскихъ князей XV в. Изъ двухъ грамотъ 1450 г. одному и тому же пану подъ одной, данной въ Вильнѣ, значится четыре панскихъ имени, а подъ другой, написанной въ Городнѣ всего недѣлю спустя, только три, и имена эти въ обоихъ актахъ всѣ разныя кромѣ одного. Кажется, и тамъ, какъ у насъ, количество совѣтниковъ, призываемыхъ для рѣшенія дѣла, зависѣло отъ политической важности послѣдняго: для жалованной грамоты простому пану на вотчину считали достаточнымъ присутствіе трехъ или четырехъ думныхъ людей, а при утвержденіи за кн. Ѳ. Воротынскимъ наслѣдственнаго обладанія данными ему въ вотчину волостями въ 1455 г. присутствовали виленскій епископъ, четыре сановника, поименованные въ актѣ, «и иные панове вси старшіе»; въ заключеніи Свидригайломъ союза съ Орденомъ въ 1431 г. участвовали 3 епископа, 8 князей и 9 пановъ. Однако каждое изъ указанныхъ собраній, столь измѣнчивыхъ по составу и иногда столь малочисленныхъ, считалось настоящимъ правительственнымъ совѣтомъ, *радой* великаго князя: въ одной изъ грамотъ 1438 г. Свидригайло пишетъ, что онъ далъ ее, «порадивше съ нашими князи и съ паны и съ нашею вѣрною радою»; точно такъ же и Казимиръ пожаловалъ пана, «подумавши съ князьми и съ паны, съ вѣрною радою», хотя эта рада состояла всего изъ четырехъ пановъ, изъ которыхъ ни одинъ не носилъ княжескаго титула *).

Любопытнѣе всего то, что въ этихъ русско-литовскихъ актахъ члены правительственнаго совѣта обозначаются терминомъ, прямо взятымъ изъ круга частныхъ юридическихъ отношеній; великій князь обыкновенно говоритъ, перечисляя своихъ совѣтниковъ: «а притомъ были *свѣдоки*, рада наша». Думаемъ, что этотъ терминъ указываетъ на первоначальное

*) Акты Зап. Росс. I, №№ 36, 37, 54, 57. Ср. тамъ же №№ 53, 70, 77, 129 и 170. Русск. Ист. Библіотека, изд. Археогр. Комм., II, № 17. О радѣ короля Казимира 1463 г. и о думѣ кн. Димитрія Ольгердовича 1388 г. см. *Срезневскаго,* Свѣд. и зам. о малоизвѣстн. пам. №№ X и LIII. *Григоровича,* Бѣлорусск. Архивъ, I, № 6. *Г. Любавскаго,* Литовско-русскій сеймъ, стр. 324 и слѣд.

простѣйшее значеніе, какое имѣлъ княжескій совѣтникъ въ удѣльное время: онъ былъ не болѣе какъ свидѣтелемъ, который скрѣплялъ своимъ присутствіемъ актъ верховной власти. Памятники права, обращавшіеся въ древней Руси, даютъ и съ другой стороны указаніе на ту же близость терминологіи высшаго княжескаго управленія къ языку частныхъ юридическихъ отношеній. Слово *совѣтникъ* старинный терминъ, извѣстный на московскомъ придворномъ языкѣ въ смыслѣ боярина уже по актамъ начала XVI в., но вѣроятно употреблявшійся и ранѣе. Древнерусскій *послухъ,* свидѣтель, часто становился на мѣсто тяжущейся стороны, въ пользу которой показывалъ, принималъ на себя такую отвѣтственность за ея дѣло, что оно становилось его собственнымъ дѣломъ. Въ этомъ отношеніи послушество имѣло нѣкоторое сходство съ порукой за чужой долгъ передъ кредиторомъ. Въ старинномъ славяно-русскомъ переводѣ византійскаго *Прохирона* имп. Василія Македонянина, вошедшемъ въ составъ нашей Кормчей подъ названіемъ *Градскаго Закона,* останавливаетъ на себѣ вниманіе одинъ видъ поручительства за должника: отвѣчающій за взятыя взаймы деньги (constitutae pecuniae reus, ἀντιφωνητής) названъ въ переводѣ «совѣтникомъ» *). Такимъ образомъ, если правительственный совѣтникъ являлся въ актахъ съ названіемъ свидѣтеля, то и отвѣтственный передъ заимодавцемъ свидѣтель займа назывался совѣтникомъ должника. Какъ бы оправдывая такое сродство терминологіи государственнаго и гражданскаго права, по актамъ какъ западной, такъ и восточной Руси боярскій совѣтъ иногда является въ такомъ видѣ, что бояринъ-совѣтникъ очень походитъ на частнаго случайнаго свидѣтеля акта, по крайней мѣрѣ сидитъ съ нимъ рядомъ. Въ первой половинѣ XV в. правилъ Кіевомъ въ качествѣ намѣстника великаго князя литовскаго внукъ Ольгерда Александръ (Олелько) Владиміровичъ, а преемникомъ его былъ сынъ его Семенъ. Намѣстники въ Литвѣ тогда дѣйствовали еще, какъ удѣльные

---

*) *Zachariae,* Prochiron, tit. XVI, cap. 10 ср. съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ 48-ой главы печатной Кормчей.

князья: Олелько и его сынъ имѣли своихъ служилыхъ князей и бояръ, раздавали земли въ управляемой области. Жена князя-намѣстника Олелька была московка, дочь великаго князя московскаго Василія Димитріевича Настасья. По смерти мужа она вспомнила свою далекую родину и пожертвовала въ обитель преп. Сергія двѣ волости, Передолъ и Почапъ, въ тогдашнемъ Малоярославскомъ уѣздѣ. Этотъ частный актъ личнаго усердія къ монастырю княгиня-вдова облекла въ торжественную форму приговора кіевской боярской думы, въ которой она сама является предсѣдательницей, а сынъ-правитель однимъ изъ совѣтниковъ рядомъ съ архимандритомъ печерскимъ. Въ одной неизданной грамотѣ Троицкаго Сергіева монастыря читаемъ: «Милостію Божіею мы, княгини Александровая Настасья кіевская, подумавши есмь съ своими дѣтьми, со кн. Семеномъ Александровичемъ и со кн. Михаиломъ Александровичемъ, и съ нашимъ отцемъ съ архимандритомъ печерскимъ Николою и съ нашею вѣрною радою, съ князьми и съ паны, придали есмя у домъ св. Троицы къ монастырю Сергіеву двѣ волости нашихъ, Передолъ и Почапъ» *). Еще своеобразнѣе было одно засѣданіе думы другого служилаго литовскаго князя Андрея Владиміровича, деверя упомянутой кіевской княгини-московки. Пріѣхавъ съ семьей и дворомъ въ Кіевъ въ 1446 г., онъ написалъ духов-

*) Сборн. грам. Тр. Серг. мон. № 530, л. 315. Подлинной грамоты Настасьи не могли уже найти въ монастырѣ при архимандритѣ Діонисіи, когда приводили въ порядокъ монастырскіе акты. Но при Грозномъ эта повидимому грамота хранилась въ одномъ изъ ящиковъ царскаго архива. Акт. Арх. Эксп. I, стр. 346. Дата (6907 г., индикта 7) передана въ копіи невѣрно: вѣроятно, пропущена цифра десятковъ. Число индикта показываетъ, что это могъ быть или 6937 или 6967 годъ. Вѣроятнѣе послѣдній: въ 1429 г. Николай еще не былъ печерскимъ архимандритомъ и, кажется, былъ еще живъ Олелько. *Строева*, Списки іерарховъ, стр. 12. О Настасьѣ наши лѣтописи упоминаютъ въ 1447 г. Объ Олелькѣ и Семенѣ см. Акт. Зап. Росс. I, №№ 8 и 77. *Соловьева*, Ист. Росс. IV, прим. 39. Опис. Кіевопеч. Лавры, стр. 20: митр. *Евгеній* называетъ Семена Олельковича княземъ слуцкимъ, можетъ быть, смѣшивая его съ племянникомъ Семеномъ Михайловичемъ, который въ нашихъ старинныхъ родословныхъ носитъ этотъ титулъ. Врем. Общ. Ист. и Др. Рос., X, II, 83 и 139.

ную, въ которой отказалъ женѣ и дѣтямъ «свою отчину и свою выслугу», гдѣ онъ правилъ, какъ удѣльный князь. Онъ совершилъ этотъ актъ, подумавши съ своей княгиней, съ архимандритомъ печерскимъ и со святыми старцами, также съ своими боярами; на засѣданіи присутствовали вмѣстѣ съ архимандритомъ уставщикъ, ключникъ, келарь монастыря «и иныхъ господы нашее старцевъ много»; наконецъ «при томъ были» три боярина и «моршалка» завѣщателя, обозначенные поименно, изъ нихъ одинъ князь, «и иные бояре наши и слуги при томъ были», прибавляетъ завѣщатель въ заключеніе перечня. Служилые литовскіе князья-братья Бабичи-Друцкіе въ 1460-хъ годахъ пожертвовали основанному смоленскимъ епископомъ Михаиломъ монастырю свои вотчинныя села. Какъ частныя лица, совершившія частный актъ, они потомъ лично подтвердили, «очивистѣ вызнали» свои вкладныя записи на докладѣ передъ королемъ Казиміромъ. Какъ частный актъ, каждая вкладная скрѣплена свидѣтелями, которые «при томъ были»; этими свѣдоками были собственные бояре вкладчиковъ и рядомъ съ ними сторонніе лица, священники, государственный чиновникъ, маршалокъ епископа и даже сторонніе князья, такіе же служилые, какъ сами Бабичи, притомъ одинъ такъ же съ своими боярами *).

Въ восточной Руси политическая централизація шла быстрѣе и дѣйствовала исключительнѣе. У служилыхъ князей здѣсь не видимъ ни бояръ, ни боярскихъ совѣтовъ, какъ скоро они теряли удѣльную самостоятельность и становились простыми землевладѣльцами. Но въ церковномъ управленіи долго и по исчезновеніи удѣловъ держались удѣльныя формы и порядки. У митрополита и епархіальныхъ архіереевъ были свои бояре, міряне или иноки, и свои дьяки введенные; тѣ и другіе составляли думу владыки, и извѣстные акты этой думы ни по формѣ, ни по содержанію не отличаются отъ большей части грамотъ, какія исходили отъ князя съ его боярскимъ совѣтомъ. Митрополиту докладывали поземельныя дѣла каѳедры и монастырей, непосредственно ей подчиненныхъ; на докладныхъ

*) Акты Зап. Росс. I, № 46; III, № 101.

помѣчалось, что «на докладѣ были у господина митрополита его бояре» такіе-то, обыкновенно двое или трое, и грамота подписывалась его дьякомъ думнымъ или введеннымъ. Жалованная грамота ростовскаго архіепископа Вассіана 1468 г. Кириллову монастырю оканчивается обычной формулой: «а пожаловалъ есмь своими бояры», которыхъ было трое на засѣданіи епархіальной думы по этому дѣлу. На описи одного изъ Вассіановыхъ преемниковъ Кирилла митрополиту Даніилу о взаимномъ невмѣшательствѣ въ рыбныя ловли обоихъ на Шекснѣ приписано: «а у архіепискупа въ ту пору были бояре» Писемскій да Плишка. Но въ поземельныхъ сдѣлкахъ, однородныхъ съ тѣми, на докладѣ о которыхъ при митрополитѣ присутствовали его бояре въ качествѣ совѣтниковъ, тѣ же бояре писались въ актахъ простыми свидѣтелями, «послухами». Окольничій великаго князя Ощера въ 1486 г. взялъ въ пожизненное пользованіе село митрополичьяго домоваго монастыря Новинскаго съ доклада митрополиту и его боярамъ. Въ 1499 г. каѳедра помѣнялась землями съ другимъ митрополичьимъ домовымъ монастыремъ, и тѣ же самые бояре, которые на докладной 1486 г. обозначены, какъ совѣтники владыки, здѣсь являются простыми «послухами», хотя скорѣе можно было бы ожидать наоборотъ, что они явятся совѣтниками каѳедры въ сдѣлкѣ съ подчиненнымъ ей церковнымъ учрежденіемъ, а свидѣтелями въ соглашеніи съ постороннимъ лицомъ, сановникомъ великаго князя. Еще замѣчательнѣе то, что когда сдѣлка каѳедры совершалась съ разрѣшенія или доклада великаго князя, послухами являлись рядомъ съ митрополичьими и великокняжескіе бояре. Поэтому, читая грамоту, въ которой князь верейскій Михаилъ Андреевичъ пишетъ, что онъ помѣнялся землями съ нѣкоимъ Алешкой Аѳанасьевымъ и что «туто были» такія-то лица, которыя по другимъ грамотамъ извѣстны, какъ бояре этого князя, трудно разобрать, въ качествѣ ли совѣтниковъ, или простыхъ свидѣтелей частной сдѣлки своего князя обозначены здѣсь эти верейскіе бояре *).

*) Акт. Арх. Эксп. I, № 85. Акты, относящ. до юрид. быта др. Росс. I, № 69; II, №№ 183, 147 (грамота 17-я) и 156.

Слѣдовательно и на востокѣ Руси бояринъ имѣлъ значеніе, близко подходившее къ названію свидѣтеля, какое даютъ государственному совѣтнику, члену рады, русско-литовскіе акты XV в. Въ грамотахъ князей удѣльной Руси мы застаемъ политическую роль боярина еще не вполнѣ выдѣлившейся изъ круга отношеній частнаго гражданскаго права: это черта боярской думы удѣльныхъ вѣковъ, наиболѣе заслуживающая вниманія. И въ старой кіевской Руси XII в. бояринъ иногда являлся при князѣ съ характеромъ отвѣтственнаго свидѣтеля. Но это частное значеніе тогда закрывалось политическимъ: бояринъ прежде всего былъ правительственнымъ сотрудникомъ и постояннымъ, необходимымъ совѣтникомъ князя. Теперь это частное значеніе выступило впередъ, какъ самая характерная черта въ правительственномъ положеніи боярина. Слѣдовательно роль послѣдняго, какъ и все на удѣльномъ сѣверѣ, стала проще. Такая перемѣна въ значеніи боярина вполнѣ отвѣчала политическому характеру князя удѣльнаго времени. Главный землевладѣлецъ удѣла и его государь вмѣстѣ, этотъ князь плохо отличалъ свои частныя землевладѣльческія операціи отъ правительственныхъ отправленій. Къ свободнымъ обывателямъ княжества онъ относился не какъ къ своимъ подданнымъ, а какъ къ людямъ, вступавшимъ къ нему въ добровольныя гражданскія отношенія по землѣ или службѣ, которыя они такъ же добровольно могли разорвать и перейти въ другое княжество. Правительственный сотрудникъ князя и вмѣстѣ посредникъ между двумя гражданскими сторонами, бояринъ, обыкновенно самъ землевладѣлецъ, юридически являлся свидѣтелемъ въ ихъ взаимныхъ сдѣлкахъ, вытекавшихъ изъ поземельныхъ отношеній хозяина удѣла къ нанимателямъ его земли. Политическое значеніе государственнаго совѣтника при князѣ сливалось съ гражданскимъ *послушествомъ*, потому что государственная власть въ лицѣ князя еще не отдѣлилась отъ правъ и отношеній землевладѣльца. Потому же и правительственныя дѣйствія князя съ его совѣтомъ иногда были такъ похожи на юридическіе акты частныхъ лицъ. Послѣднія въ сдѣлкахъ другъ съ другомъ или въ предсмертныхъ распоряженіяхъ своимъ

имуществомъ призывали свидѣтелей изъ лицъ, имъ знакомыхъ и знавшихъ ихъ дѣла, и эти свидѣтели брали на себя извѣстную отвѣтственность за актъ, совершенный въ ихъ присутствіи. Съ значеніемъ подобныхъ отвѣтственныхъ свидѣтелей являлись и бояре введенные въ думѣ своего князя. Сущность юридическаго и нравственнаго обязательства, вытекавшаго изъ такого послушества, просто и ясно выражена въ дарственной записи княгини Збаражской, урожденной княжны Мстиславской, которая, перечисляя пановъ, призванныхъ ею въ качествѣ свѣдоковъ, пишетъ: «а туто были и того добрѣ свѣдомы» такіе-то паны. Читая въ концѣ второй духовной великаго князя Димитрія Донскаго, что когда она писалась, «туто были» десять бояръ вмѣстѣ съ двумя игуменами, духовными отцами завѣщателя, мы имѣемъ передъ собою и собраніе совѣтниковъ князя по поводу важнаго государственнаго акта, даже довольно полное собраніе, и обычныхъ при составленіи такихъ грамотъ свидѣтелей, «послуховъ», какъ они и названы въ первой духовной того же князя *).

Представимъ себѣ теперь какого-нибудь князя XIII или XIV в., который садился на новый еще не обсиженный столъ въ значительномъ краю верхневолжской Руси, выдѣленномъ ему по духовной отца, среди населенія, бóльшая часть котораго только-что сѣла или садилась «ново», на «сыромъ корню». Собравъ разсѣянныя по памятникамъ указанія, можно безъ особенныхъ усилій воображенія уяснить себѣ, какъ складывалась въ такомъ княжествѣ боярская дума, какъ опредѣлялись ея составъ и политическое значеніе ея членовъ. Когда князь садился на свой столъ, у него не было подъ руками ни думы, ни приказовъ, но былъ кругъ бояръ и слугъ, данныхъ ему отцомъ или вызвавшихся служить ему, съ которыми онъ будетъ думать и которымъ станетъ приказывать разныя дѣла. Онъ будетъ вмѣстѣ съ ними дѣлать эти дѣла; но не было

*) Акт. Зап. Р. III, № 36, 1564 г.; буквально сходной формулой скрѣпленъ и сеймовой приговоръ о выдачѣ бѣльскаго привилея того же года. Лит. Стат. во Времен. Общ. Ист. и Др. Р. кн. 23, стр. 10, Собр. гос. гр. и дог. I, №№ 30 и 34.

нужды всѣмъ имъ вмѣстѣ дѣлать одно и то же дѣло. Однихъ бояръ князь посылалъ въ города и волости на кормленія, другихъ удерживалъ при себѣ для дворцовыхъ дѣлъ. Это ближайшіе къ нему люди, его бояре введенные: одному изъ нихъ поручалъ онъ вѣдать дворовыхъ слугъ и земли, отведенныя на содержаніе дворца, другому хранить домашній скарбъ, домовую казну, третьему править конюшнями съ приписанными къ нимъ слугами и лугами и т. п. Но все это кратковременныя порученія: черезъ годъ или меньше одни возвращаются съ кормленій, другіе ѣдутъ на ихъ мѣста покормиться послѣ дворцовой службы, и наличный штатъ бояръ введенныхъ измѣняется. Съ другой стороны, казначея съ дворцовымъ дьякомъ назначають въ посольскую поѣздку или на съѣздъ съ боярами сосѣдняго удѣла для улаженія пограничнаго спора, а управителю дворцовыхъ слугъ и земель поручають разобрать тяжбу игумена изъ дальняго уѣзднаго города съ посадскими людьми. Этотъ игуменъ вмѣстѣ съ жалобой на отвѣтчиковъ положилъ передъ княземъ данную еще отцомъ послѣдняго *несудимую* грамоту, освобождавшую монастырь въ тяжбахъ со сторонними людьми отъ подсудности намѣстникамъ и волостелямъ; при этомъ настоятель, очутившійся подъ властію новаго правительства, просилъ сына подтвердить грамоту отца, подписать ее на свое имя. Въ актѣ поименованы два боярина, присутствовавшіе при его совершеніи, и одинъ изъ нихъ служилъ теперь при дворѣ князя-сына. Справка подтвердила дѣйствительность отцовскаго пожалованія. Но вотъ слуга вольный бьетъ челомъ о такой же жалованной грамотѣ на купленную имъ или данную княземъ вотчину, прося 5 лѣтъ льготы отъ дани, яма и всякой тягости для крестьянъ старожильцевъ и 10 лѣтъ для новоприходцевъ, которыхъ онъ перезоветъ къ себѣ «съ иныхъ сторонъ»; онъ проситъ при этомъ, чтобы «въ его околицу» не въѣзжали ни за чѣмъ ни волостели, ни бобровникъ, ни закосникъ и т. п. Дѣло новое, разрѣшеніе котораго станетъ прецедентомъ для многихъ другихъ. Князь властенъ и одинъ разрѣшить его; но онъ призываетъ для этого двухъ-трехъ бояръ, которымъ, по его мнѣнію, ближе другихъ вѣдать о томъ

падлежитъ, имена которыхъ и прописываются въ актѣ вмѣстѣ съ именемъ дьяка, его писавшаго. По смерти князя, въ случаѣ просьбы о подписаніи грамоты, или даже при жизни его, въ случаѣ жалобы на нарушеніе льготы новымъ волостелемъ, эти имена укажутъ, на кого сослаться или у кого навести справку для провѣрки дѣла и возстановленія силы акта: вѣдь грамота едва ли тогда записывалась въ какую-нибудь книгу исходящихъ бумагъ и руки князя подъ ней не было, онъ и писать не умѣетъ, «книгамъ не ученъ бѣаше», а только «книги духовныя въ сердцѣ своемъ имяше». Это и есть боярская дума въ ея простѣйшемъ составѣ, какою она является по актамъ удѣльнаго времени въ ежедневномъ правительственномъ обиходѣ. Ни князю, ни боярамъ не было нужды настаивать, чтобы всѣ они, сколько ихъ было налицо при дворѣ, присутствовали при рѣшеніи такихъ частныхъ актовъ: дѣло шло не о власти, не о политическихъ правахъ той или другой стороны, а объ административныхъ удобствахъ, о средствахъ устроиться и завести порядокъ. Заболѣвъ тяжко, князь велитъ писать духовную. Частные люди въ этомъ случаѣ, какъ и въ сдѣлкахъ другъ съ другомъ, призывали свидѣтелей изъ лицъ имъ знакомыхъ. Князь собиралъ къ себѣ бояръ, съ которыми привыкъ дѣлать всякія дѣла, «веселился и скорбѣлъ, отчину соблюдалъ и укрѣплялъ, подъ которыми города держалъ и великія волости». Князь могъ желать, чтобы «туто было» возможно больше его сотрудниковъ. Въ его «душевной грамотѣ» описывается весь полуустроенный имъ правительственный и хозяйственный порядокъ, который поддерживать и довершать завѣщатель поручаетъ дѣтямъ. Бояре, какъ люди, вѣдавшіе правительственныя дѣла, должны были знать эти распоряженія и не только знать, но присутствіемъ своимъ обязаться юридически и нравственно исполнять ихъ, служа вдовѣ и дѣтямъ. «Припомните, говорилъ имъ князь при этомъ, на чемъ вы дали мнѣ слово нѣкогда—положить головы свои, служа мнѣ и дѣтямъ моимъ: и вы, братія моя бояре, послужите имъ отъ всего сердца, въ скорби не оставьте ихъ, напоминайте имъ, чтобы жили въ любви и княжили, какъ я въ грамотѣ душев-

ной указалъ имъ, какъ раздѣлилъ между ними свою отчину». Такъ говорятъ, умирая, великіе князья Димитрій Донской и Михаилъ Александровичъ тверской въ составленныхъ современниками сказаніяхъ о нихъ. Въ этихъ словахъ картина торжественнаго засѣданія боярскаго совѣта при князѣ и лучшая политическая характеристика боярина-совѣтника. По условіямъ русской жизни тѣхъ вѣковъ онъ не былъ ни представителемъ сплоченнаго мѣстнаго общества привилегированныхъ землевладѣльцевъ, который въ силу этого, независимо отъ князя, имѣлъ политическое значеніе, ни ученымъ законовѣдомъ съ выгодной для князя политической теоріей, призываемымъ на совѣтъ въ качествѣ эксперта для разрѣшенія важныхъ государственныхъ и юридическихъ вопросовъ. Но онъ большой, «старѣйшій человѣкъ» въ землѣ, «старецъ земскій», который, служа то въ томъ, то въ другомъ княженіи по личному «ряду» съ княземъ, вездѣ становясь у важныхъ дѣлъ, какъ «нарочитый поставленикъ» князя, извѣдалъ правительственные порядки, пріобрѣлъ навыкъ въ искусствѣ строить и водить полки, судить и рядить людей. Онъ правительственный «свѣдокъ» и «знахарь», отвѣтственный свидѣтель и сотрудникъ князя по дѣламъ управленія, давшій ему слово на томъ и крестъ цѣловавшій. Князь слушаетъ его и думаетъ съ нимъ «добрую думу, коя бы пошла на добро», потому что онъ лучше другихъ знаетъ «добрые нравы и добрую думу и добрыя дѣла», вѣдаетъ, какъ князю «безбѣдно прожити» и «како княжити, чтобы его христіаномъ малымъ и великимъ было добро»*).

Первый князь, умирая, вѣроятно еще не могъ завѣщать дѣтямъ вполнѣ устроеннаго центральнаго управленія, ни постоянныхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, ни постоянной организованной боярской думы во главѣ ихъ. При дворѣ его по утрамъ всегда можно было встрѣтить нѣсколько думныхъ людей, бояръ введенныхъ, которымъ давались временныя и случайныя порученія по текущимъ дѣламъ и изъ которыхъ составлялся со-

---

*) Пол. Собр. Р. Лѣт. IV, 353 и 359. Собр. гос. гр. и дог. II, № 15. Ср. Никон. V, 27—29.

вѣтъ князя по отдѣльнымъ экстреннымъ случаямъ; но этотъ совѣтъ не имѣлъ ни опредѣленнаго круга дѣлъ, ни постояннаго состава. Притомъ и весь дворъ князя разбивался послѣ его смерти: старые бояре и слуги отца, съ раздѣленіемъ отчины между сыновьями, расходились по дворамъ молодыхъ князей. Но гдѣ жизнь устроивалась, тамъ отверждалось, расчленяясь, и управленіе: текущія дѣла, усложняясь, распадались на отдѣльныя постоянныя вѣдомства; случайныя и измѣнчивыя порученія превращались въ постоянные *приказы* пока еще только въ смыслѣ постоянныхъ правительственныхъ должностей, а не сложныхъ правительственныхъ присутствій и канцелярій. Тогда и бояринъ введенный, которому по обстоятельствамъ минуты поручались разныя дѣла, становился приказщикомъ князя по какому-либо одному разряду дѣлъ дворцоваго хозяйства. Военное управленіе стольнымъ городомъ, устроеннымъ въ *тысячу*, поручалось тысяцкому; въ другихъ дѣлахъ вѣдалъ столицу намѣстникъ. Съ развитіемъ бортнаго промысла въ дворцовыхъ лѣсахъ князя эти лѣса вмѣстѣ съ поселками бортниковъ выдѣлялись изъ круга дворцовыхъ земель въ особое вѣдомство, которое поручалось чашнику. Такъ при значительныхъ дворахъ складывался штатъ высшей центральной администраціи: то были *тысяцкій, намѣстникъ* столицы, *дворецкій, казначей, окольничій, конюшій, стольникъ, чашникъ, сокольничій, ловчій.* Къ членамъ думы надобно причислить и *печатника,* которымъ бывало иногда духовное лицо, монахъ или бѣлый священникъ. При большихъ дворахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ сановниковъ бывало по двое. Привычка и другія административныя удобства вели къ тому, что эти должности подолгу оставались въ рукахъ однихъ и тѣхъ же лицъ, даже иногда переходили отъ отца къ сыну прямо или черезъ извѣстный промежутокъ времени. Такъ можно думать по извѣстіямъ о тверскихъ и московскихъ тысяцкихъ XIV вѣка; подобное было въ Рязани съ должностью чашника, какъ можно догадываться по именамъ лицъ, занимавшихъ ее въ XV в.; послѣ московскіе великіе князья любили назначать казначеевъ изъ фамиліи Ховриныхъ-Головиныхъ. Съ образованіемъ административныхъ вѣдомствъ,

съ превращеніемъ порученій въ постоянныя должности, въ кругу думныхъ людей при дворѣ князя, располагавшаго значительнымъ боярствомъ, должны были обозначиться два элемента: должностныя лица и бояре, не занимавшіе постоянныхъ придворныхъ должностей. Эти послѣдніе, кажется, преимущественно получали назначенія по областной администраціи, образуя подвижной кружокъ бояръ, которые то дѣйствовали при дворѣ, то сидѣли на кратковременныхъ кормленіяхъ по городамъ и волостямъ. Боярамъ этого круга, надобно думать, поручались при дворѣ текущія дѣла, которыя еще не нашли себѣ постояннаго мѣста въ существующихъ центральныхъ учрежденіяхъ и велись старымъ порядкомъ временныхъ порученій. Указанными перемѣнами въ центральномъ правительствѣ обозначился второй моментъ въ развитіи боярской думы. Она осталась совѣтомъ князя по чрезвычайнымъ дѣламъ, попрежнему не имѣла опредѣленнаго числа членовъ, и попрежнему не возникало вопроса о политическомъ значеніи численнаго ея состава; но теперь получаетъ значеніе административный подборъ этого состава для каждаго засѣданія. Чрезвычайными дѣлами были теперь тѣ, которыя превышали компетенцію отдѣльныхъ центральныхъ вѣдомствъ или касались многихъ изъ нихъ. Для рѣшенія такого дѣла князь призывалъ управителей дворцовыхъ вѣдомствъ, которыхъ оно касалось, и къ нимъ присоединялъ иногда недолжностныхъ бояръ, присутствіе которыхъ почему-либо считалось нужнымъ: могло, напримѣръ, понадобиться присутствіе боярина, бывшаго намѣстникомъ въ городѣ, откуда поступило разбиравшееся княземъ дѣло. Наконецъ и представители мѣстнаго духовенства, епископъ, даже архимандритъ, являлись въ числѣ совѣтниковъ князя, приглашались принять участіе въ дѣлѣ, которое касалось церкви или признавалось особенно важнымъ.

Таковы два момента, обозначающіеся въ исторіи боярской думы удѣльнаго времени, если слѣдить за ея дѣятельностію, какъ она отразилась въ уцѣлѣвшихъ актахъ тѣхъ вѣковъ. По скуднымъ извѣстіямъ трудно представить себѣ обычное теченіе правительственнаго дворцоваго дѣлопроизводства въ его

ежедневной обстановкѣ. Можно думать, что чѣмъ проще мы представимъ его себѣ, тѣмъ станемъ ближе къ дѣйствительности. Всѣ дѣла велись во дворцѣ, куда по утрамъ собирались правительственныя лица. Дьяки докладывали боярамъ текущія дѣла по вѣдомству каждаго и писали грамоты; у каждаго дьяка были свои «ларцы» для храненія судныхъ списковъ и другихъ актовъ. Текущихъ дѣлъ не могло быть слишкомъ много, какъ и дѣлъ особо важныхъ, которыя не могли быть разрѣшены однимъ бояриномъ и докладывались самому князю. Докладъ и рѣшеніе такого дѣла происходили при двухъ или болѣе боярахъ, которыхъ тутъ же приглашалъ къ себѣ князь по указаннымъ соображеніямъ изъ числа присутствовавшихъ во дворцѣ. И частныя лица съ своими просьбами допускались не только въ дворцовыя палаты или «избы», гдѣ бояре съ дьяками творили судъ и расправу, но и къ самому князю съ его боярскимъ совѣтомъ. Сохранился рядъ грамотъ XV в., которыя изображаютъ очень живо и иногда съ наивностью, исчезающей въ позднѣйшихъ актахъ, какъ вершились дѣла самимъ княземъ, какъ челобитчикъ излагалъ свою просьбу передъ нимъ и его боярами, какъ князь опрашивалъ «обоихъ истцовъ», ищею и отвѣтчика, съ ихъ свидѣтелями, послухами или знахарями, и какъ, разобравъ дѣло, приказывалъ дать той или другой сторонѣ грамоту съ своимъ приговоромъ и съ обозначеніемъ именъ «туто» бывшихъ бояръ *). На такой порядокъ дворцоваго управленія при его обычномъ ежедневномъ ходѣ указываетъ повидимому и краткая, но любопытная замѣтка, сдѣланная авторомъ жизнеописанія тверскаго великаго князя Михаила Александровича **). Біографъ разсказываетъ, что незадолго до смерти князя (въ 1399 г.) дѣти его утромъ были у больного отца, «прочимъ же княземъ и боярамъ и всѣмъ людемъ ждущимъ и хотящимъ пріити къ нему обычнаго градскаго ради управленія»; но князь уже готовился къ смерти и

*) Изъ актовъ изданныхъ см. Акт. Юр., стр. 8, 13, 25, 27; Акты, относящ. до юр. быта, I, стр. 169 и 639; Арх. ист.-юр. свѣд., *Калачова*, II, отд. 3, стр. 129.

**) Никон. IV, 289.

никого не принялъ. Сложнаго канцелярскаго дѣлопроизводства не замѣтно еще въ половинѣ XV в., по крайней мѣрѣ въ удѣльныхъ княжествахъ. Къ удѣльному верейскому князю Михаилу Андреевичу является отвѣтчикъ по одному земельному дѣлу и бьетъ челомъ: «назначилъ ты мнѣ, господарь, словесно срокъ на Сборное воскресенье стать передъ тобой, чтобы отвѣчать по дѣлу, а вотъ истецъ не сталъ на срокъ, послуха не поставилъ и купчей на спорную землю не положилъ». Князь припомнилъ, что дѣйствительно былъ назначенъ словесно такой срокъ, и оправилъ отвѣтчика, велѣвъ выдать ему правую безсудную грамоту. При такой простотѣ дѣлопроизводства едва ли могли точно обозначиться предѣлы вѣдомства думы и ея дѣловыя отношенія къ князю и другимъ учрежденіямъ. Она была высшимъ правительственнымъ мѣстомъ по дѣламъ дворцоваго хозяйства, высшимъ судебнымъ учрежденіемъ, совѣтомъ князя по всѣмъ дѣламъ, которыя не могли быть рѣшены низшими учрежденіями и восходили къ князю. Но по сохранившимся памятникамъ трудно разобрать, насколько точно было опредѣлено, какія дѣла должны восходить къ князю, какія онъ рѣшалъ одинъ и какія съ боярами. Видно только, что одни дѣла онъ поручалъ рѣшать своимъ боярамъ, одному или двоимъ, другія рѣшалъ самъ въ присутствіи одного, двухъ или болѣе бояръ, а при рѣшеніи третьихъ вовсе не замѣтно присутствія бояръ. Въ дѣлахъ важныхъ или касавшихся церкви въ думу призывали церковныхъ іерарховъ. Но при вел. кн. Димитріи Донскомъ самые важные вопросы церковнаго устройства и управленія рѣшались иногда безъ участія духовныхъ властей. По смерти митрополита Алексія архимандритъ Митяй объявилъ себя кандидатомъ на митрополію только «по совѣту великаго князя и бояръ его». Когда Митяй, ссылаясь на церковныя правила, предложилъ, чтобы его рукоположили въ санъ митрополита русскіе епископы независимо отъ патріарха цареградскаго, великій князь и бояре «восхотѣша тако быти». Переворотъ въ церковномъ порядкѣ былъ рѣшенъ княземъ и боярами; потомъ уже созваны были русскіе епископы, чтобы посвятить Митяя. Сохранилось сказаніе о ростовскомъ епи-

скопѣ XIV в. Іаковѣ, которое даетъ почувствовать неопредѣленность правительственныхъ отношеній въ удѣльное время. Ростовскій князь съ совѣтомъ бояръ судилъ женщину, захваченную на мѣстѣ преступленія, и осудилъ ее на смерть. Дѣло, повидимому семейное, касалось и церковнаго суда. Неизвѣстно, присутствовалъ ли епископъ въ думѣ при его рѣшеніи. Осужденная обратилась къ владыкѣ съ мольбой о помилованіи, и онъ разрѣшилъ ее отъ казни. Князь и бояре разсердились на владыку за отмѣну ихъ приговора, подняли на него городъ и выгнали его изъ Ростова *). Приговоры думы по текущимъ дѣламъ излагались въ грамотахъ, которыми разрѣшались спорныя дѣла, утверждались за лицами и обществами пріобрѣтенныя права, жаловались имъ льготы или устанавливались ихъ обязанности къ правительству.

Глава VII.

Московская боярская дума уже въ XV вѣкѣ, съ образованіемъ въ Москвѣ болѣе плотнаго боярства, становилась дворцовымъ совѣтомъ по недворцовымъ дѣламъ.

Трудно опредѣлить, шло ли развитіе думы въ сѣверныхъ княжествахъ удѣльнаго времени дальше второго изъ указанныхъ моментовъ. Только въ княжествѣ Московскомъ замѣтны признаки значительныхъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ ея устройствѣ и политическомъ значеніи, достигнутыхъ прежде, чѣмъ исчезли немосковскіе удѣлы.

Оставаясь въ ежедневной дѣятельности совѣтомъ по экстреннымъ дѣламъ дворцоваго управленія, который составлялся то изъ тѣхъ, то изъ другихъ дворцовыхъ сановниковъ, смотря по свойству восходившихъ къ князю дѣлъ, дума и въ другихъ княжествахъ могла во многомъ измѣнить первоначаль-

*) Никон. IV, 70 и 233: біографъ преп. Сергія считалъ выборъ Митяя «мірскимъ избраніемъ и хотѣніемъ». Іерархи Рост.-Яросл. паствы, стр. 69. Арх. ист.-юр. свѣд., II, отд. 3, стр. 131.

ный порядокъ удѣльной администраціи. Прежде всего можно замѣтить, что ея дѣятельность начинала точнѣе опредѣлять отношенія центральнаго правительства къ областному управленію, ослабляя удѣльную локализацію послѣдняго. Въ вѣдомство областнаго управителя по самому значенію кормленщика входили текущія доходныя дѣла: намѣстникъ и волостель вѣдали и судили обывателей и доходы съ нихъ брали по наказному списку, какъ выражаются *ввозныя* грамоты на кормленія XV в. Потому дѣла новыя, не дававшія указнаго дохода, вопросы законодательнаго свойства стояли внѣ компетенціи областной администраціи. Важнѣйшими изъ нихъ были дѣла по землевладѣнію. Въ исторіи восточной Руси XIV и XV вѣка были временемъ устройства новаго порядка поземельныхъ отношеній; на этихъ отношеніяхъ держался общественный и политическій строй княжества удѣльнаго времени. Поземельныя дѣла идутъ изъ уѣзда въ центральныя учрежденія и обратно мимо областныхъ властей, или послѣднія въ такихъ дѣлахъ служатъ только вспомогательными орудіями органовъ центральнаго правительства. По актамъ этого рода мы болѣе всего и знаемъ о правительственной дѣятельности думы того времени: купчія, межевыя, жалованныя и тому подобныя грамоты исходятъ отъ самого князя съ его совѣтомъ или имъ утверждаются. Въ дѣлахъ о *разъѣздѣ,* размежеваніи спорныхъ земель, замлевладѣльцы били челомъ князю дать имъ *разъѣзжиковъ,* которые, какъ впослѣдствіи писцы, переписывавшіе земли въ книги сошныя, оброчныя и другія, разбирали при этомъ и поземельныя тяжбы, докладывая о нихъ для окончательнаго рѣшенія самому князю или одному изъ бояръ при его дворѣ помимо областныхъ управителей. Одинъ фамильный актъ кашинскихъ дворянъ Бѣдовыхъ начала XVI в. указываетъ, какъ дѣйствовало центральное правительство при устройствѣ поземельныхъ отношеній въ удѣльномъ княжествѣ. Въ 1511 г. дмитровскій князь Юрій Ивановичъ послалъ своего боярина кн. Давида Даниловича въ отчину свою въ Кашинъ «для смотрѣнія селъ». Предпринятъ былъ въ уѣздѣ большой «земляной разводъ» или разъѣздъ, и для него учреждена цѣлая

межевая коммиссія, во главѣ которой сталъ бояринъ, а товарищемъ къ нему назначенъ кашинскій разъѣзжикъ Бѣдовъ; кашинскимъ намѣстникамъ и тіунамъ велѣно ихъ слушать и почитать, а двоимъ дѣтямъ боярскимъ быть докладчиками у обоихъ уполномоченныхъ. Такъ какъ при межеваніи предвидѣлось много поземельныхъ тяжебъ, которыя должна была разобрать коммиссія, то половина «присуда», судебныхъ пошлинъ отъ этихъ дѣлъ, назначена боярину, четверть его товарищу, а остальная четверть докладчикамъ съ тіунами и другими чиновниками кашинскихъ намѣстниковъ*). Въ удѣльное время не замѣтно контроля центральнаго правительства надъ областными правителями по дѣламъ кормленія, и въ этой сферѣ администраціи они не похожи на орудія центральной власти, вѣдали дѣла больше на себя, чѣмъ на князя. Но чрезвычайныя дѣла по устройству землевладѣнія, которыя вѣдалъ самъ князь съ боярскою думой, давали много случаевъ пользоваться областнымъ управленіемъ, если не какъ прямымъ и постояннымъ органомъ, то какъ временнымъ пособіемъ централизаціи. Вслѣдъ за новыми поземельными дѣлами, не входившими въ вѣдомство областныхъ правителей, къ центральному правительству отошли путемъ доклада и нѣкоторыя дѣла старыя, связанныя съ землевладѣніемъ и прежде вершившіяся въ уѣздѣ. Вслѣдъ за судомъ надъ землевладѣльцами, которыхъ привилегія подчиняла прямо юрисдикціи князя или его боярина введеннаго, къ этой юрисдикціи отошло вершеніе важнѣйшихъ поземельныхъ тяжебъ непривилегированныхъ лицъ, какъ и рѣшеніе дѣлъ о холопствѣ, возникавшихъ въ административныхъ округахъ, управители которыхъ держали кормленія «безъ боярскаго суда». Въ XIV—XV в. князья, освобождая монастырскихъ крестьянъ отъ подсудности намѣстникамъ и волостелямъ во всѣхъ дѣлахъ кромѣ душегубства, просто замѣчаютъ въ грамотахъ, что тѣхъ крестьянъ судитъ игуменъ; иногда они прибавляютъ оговорку, что какого суда игуменъ не захочетъ судить, онъ долженъ послать людей къ князю, который ихъ разсудитъ. По Судебнику 1497 г. за

*) См. родъ Бѣдовыхъ въ Родословной *Иванова*.

областными правителями «съ боярскимъ судомъ» оставалось право судить безъ доклада татей, душегубцевъ и всякихъ лихихъ людей; другіе областные судьи не могли судить такихъ дѣлъ безъ доклада. По грамотѣ 1498 г. въ Волоцкомъ княжествѣ крестьянъ привилегированнаго монастыря намѣстникъ князя такъ же не судилъ ни въ чемъ кромѣ душегубства, а судилъ ихъ игуменъ; но въ дѣлахъ о разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ для него обязателенъ былъ докладъ князю или его боярину введенному*). Такъ благодаря тому, что устройство землевладѣнія стало главнымъ предметомъ устроительной дѣятельности думы, именно развитіе поземельныхъ отношеній прежде всего выводило слишкомъ локализованную областную администрацію изъ ея удѣльнаго обособленія: согласно со всѣмъ строемъ тогдашняго княжества землевладѣніе стало первымъ проводникомъ и административной централизаціи.

Содѣйствуя централизаціи управленія, боярская дума по своему удѣльному складу должна была сама становиться въ иныхъ случаяхъ болѣе сосредоточенной. Въ ежедневномъ правительственномъ обиходѣ боярскій совѣтъ составлялся изъ бояръ, которыхъ наиболѣе касалось то или другое экстренное дѣло. Но въ исключительныхъ случаяхъ, касавшихся всѣхъ одинаково, въ вопросахъ, стоявшихъ выше каждаго отдѣльнаго вѣдомства, князь долженъ былъ призывать къ себѣ на совѣтъ всѣхъ наличныхъ совѣтниковъ. Такіе случаи чаще всего вызывались внѣшнею политикой князя, взаимными княжескими отношеніями и столкновеніями. Политическій характеръ бояръ-совѣтниковъ дѣлалъ для князя необходимыми въ этихъ случаяхъ такіе большіе совѣты. Теперь, какъ и въ старой кіевской Руси, бояринъ былъ не подданный, а вольный сотрудникъ князя, служившій ему по *ряду*, уговору. Въ дѣлахъ, требовавшихъ содѣйствія всѣхъ бояръ, рѣшеніе, принятое «всѣхъ общею думою», имѣло значеніе круговаго обязательства со стороны бояръ дружно помогать князю въ предпринятомъ съ ихъ согласія дѣлѣ. Такіе большіе совѣты можно видѣть въ тѣхъ

---

*) Акт. Ист. I, № 106.

совѣщаніяхъ князя съ боярами при исключительныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ изрѣдка разсказываетъ лѣтопись XIV и XV вѣковъ: только о такихъ исключительныхъ совѣщаніяхъ она и разсказываетъ, умалчивая объ обычномъ ходѣ управленія при княжескихъ дворахъ. Лѣтописный разсказъ о послѣднемъ совѣтѣ нижегородскаго князя съ своими боярами въ 1390 г. наглядно изображаетъ такое значеніе думы князя со всѣми боярами. Когда великій князь московскій Василій, выхлопотавъ себѣ въ Ордѣ Нижегородское княжество, послалъ въ Нижній бояръ съ посломъ татарскимъ, нижегородскій князь Борисъ созвалъ своихъ бояръ и молилъ ихъ «съ плачемъ и со слезами», говоря: «господа и братья, бояре и друзья! помяните свое крестное цѣлованіе ко мнѣ и нашу къ вамъ любовь». Старѣйшій бояринъ Румянецъ, тайный сторонникъ Москвы, увѣрялъ Бориса въ единомысліи всѣхъ бояръ съ своимъ княземъ и посовѣтовалъ ему впустить московскихъ пословъ въ городъ, сказавъ: «что они могутъ сдѣлать? мы всѣ за тебя». Когда посланцы Василія, вступивъ въ городъ, велѣли звонить въ колокола, Борисъ опять обратился къ своимъ боярамъ, прося ихъ не выдавать его врагамъ. На этотъ разъ тотъ же Румянецъ отвѣчалъ ему за всѣхъ своихъ товарищей: «не надѣйся на насъ, господинъ князь! теперь мы не твои и не за тебя, а на тебя» *).

Оба процесса, и опредѣленіе отношеній правительственнаго центра къ области, и сосредоточеніе состава думы, въ Москвѣ шли дальше, чѣмъ въ другихъ княжествахъ. Во-первыхъ, здѣсь дума стала болѣе замкнутымъ совѣтомъ. И на удѣльномъ сѣверѣ замѣтны нѣкоторые слѣды того, что мы видѣли въ думѣ кіевскихъ и галицкихъ князей, какъ и въ литовской радѣ. На обычныхъ засѣданіяхъ послѣдней большинство членовъ, какъ они обозначаются въ актахъ XV—XVI в., состояло изъ санов-

---

*) Никон. IV, 240. Ср. разсказъ о томъ, какъ Шемяка, «обдумавъ съ бояры своими», освободилъ взятую имъ въ плѣнъ мать Василія Темнаго Софью, свою тетку. Тамъ же, V, 214. Иногда удѣльный князь совѣтовался не только съ своими боярами, но и со всей дружиной, какъ это бывало и въ кіевской Руси. Тамъ же, III, 81.

никовъ двухъ разрядовъ: одни были областные управители, воеводы, намѣстники, старосты; другіе съ этими должностями соединяли придворныя должности канцлера, маршалка дворнаго, маршалка земскаго, подчашаго и др. Нѣчто подобное встрѣчаемъ въ Московскомъ и другихъ княжествахъ XIV—XV в. Въ 1572 г. думный дворянинъ Олферьевъ писалъ про одного изъ своихъ предковъ, служившаго около половины XV в. у верейскаго князя, что онъ былъ у этого князя дворецкимъ, «а было за нимъ княжаго жалованья Бѣлоозеро да Верея и иныя жалованья». Ближайшій смыслъ этихъ словъ Олферьева тотъ, что его предокъ правилъ городами, оставаясь бояриномъ введеннымъ, дворецкимъ. Такъ повидимому надобно понимать и извѣстія о служилыхъ людяхъ XIV и XV в., которые были «боярами введенными и горододержавцами» *). Въ 1420 г. намѣстникомъ великаго князя московскаго въ Новгородѣ былъ кн. Ѳедоръ Патрикѣевичъ, сынъ выѣзжаго изъ Литвы Гедиминовича и родоначальникъ князей Хованскихъ; въ то же время кн. Ѳедоръ оставался чашникомъ великаго князя. Другой пришлецъ изъ Литвы, панъ Судимонтъ является у великаго князя Ивана III бояриномъ введеннымъ и намѣстникомъ въ Костромѣ, потомъ во Владимірѣ, такъ что и объ немъ можно сказать: «былъ онъ бояринъ введенный и горододержавецъ, а было за нимъ княжаго жалованья Кострома да Владиміръ». Такъ областные управители удерживали придворныя званія; съ другой стороны, бояре, дѣйствовавшіе при дворѣ, носили иногда званія областныхъ правителей. Извѣстно, что московскіе думные люди, назначавшіеся для переговоровъ съ иностранными послами въ XV и XVI в., писались въ дипломатическихъ бумагахъ намѣстниками московскимъ, новгородскимъ, коломенскимъ и т. п. Повидимому эти званія уже при Иванѣ III были только почетными титулами. Изъ грамоты Ивана III пану Судимонту

---

*) Акт. Зап. Росс. I, №№ 118, 189, 191 и другіе, указанные въ предыдущей главѣ; ср. № 192, стр. 267. Разрядн. книга въ Моск. Архивѣ мин. иностр. дѣлъ, № 99/131, л. 468 и сл. Родословная роспись рода Кикиныхъ въ Синбирск. Сборн. *Валуева*, стр. 3. Полн. Собр. Лѣт. VIII, 161.

видно, что иногда этотъ намѣстникъ, правя Костромой, пріѣзжалъ въ Москву; вѣроятно, онъ появлялся тогда и въ боярскомъ совѣтѣ, какъ бояринъ. Собираясь на Новгородъ въ 1471 г., Иванъ III сначала посовѣтовался съ митрополитомъ, съ своею матерью и «сущими у него боярами», а потомъ «розосла по всю братію свою и по всѣ епископы земли своея и по князи и по бояре свои и по воеводы». Этому многолюдному собранію сановниковъ, вызванныхъ изъ областей, великій князь явилъ свою мысль идти на Новгородъ и предложилъ на обсужденіе вопросъ: идти ли лѣтомъ, или дождаться зимняго пути? Однако можно замѣтить, что призывъ въ думу областныхъ управителей плохо прививался въ Москвѣ и прекратился, не сдѣлавшись обычаемъ. Намекъ на это встрѣчаемъ уже въ лѣтописи начала XV в., въ разсказѣ о размирьѣ вел. кн. Василія Димитріевича съ тестемъ Витовтомъ (1406—1408 г.). Когда Эдигей, подстрекая зятя на тестя, прислалъ въ Москву съ предложеніемъ своей помощи, Василій собралъ своихъ думцевъ, князей и бояръ, и «повѣда имъ таковая словеса». Думцы съ радостью приняли татарское предложеніе. Этими думцами были «юные» бояре, которые, по словамъ лѣтописца, тогда совѣтовали обо всемъ, радуясь размирію и кровопролитію, а князь слушалъ ихъ и не выступалъ изъ ихъ думы. Но опытные старики въ Москвѣ не одобряли такой политики, говорили: «не добра дума бояръ нашихъ, что Татаръ приводятъ къ себѣ на помощь». И въ извѣстномъ письмѣ Эдигея великому князю дается совѣтъ не слушать молодыхъ, а собрать старыхъ бояръ и съ ними думать добрую думу. Причиной такого господства молодыхъ бояръ было то, что на ту пору не случилось въ Москвѣ старыхъ. Всего вѣроятнѣе объясняется ихъ отсутствіе тѣмъ, что они сидѣли намѣстниками по городамъ или стояли съ полками на границахъ. Если это было такъ, то въ разсказѣ лѣтописи вскрываются и желаніе московскаго общества, чтобы въ важныхъ дѣлахъ князь призывалъ въ думу всѣхъ бояръ, даже правившихъ областями, и привычка князей московскихъ думать только съ тѣми совѣтниками, какіе были подъ рукой. Иванъ III въ грамотѣ своей запрещаетъ Судимонту ѣздить въ Москву изъ Костромы

безъ предварительной «обсылки». Послѣ бояре, правя областями, иногда сохраняли придворныя должностныя званія, но не появлялись въ думѣ, пока сидѣли на своихъ областныхъ кормленіяхъ *).

Такъ въ Москвѣ дума по своему личному составу обособилась отъ областной администраціи въ то самое время, когда послѣдняя стала подвергаться болѣе дѣятельному контролю со стороны центральнаго правительства. Между боярскимъ совѣтомъ и бояриномъ-намѣстникомъ сталъ московскій *приказъ*, и мы не видимъ въ Москвѣ явленій, какія бывали въ Литвѣ, гдѣ въ числѣ трехъ членовъ рады, изъ которой въ 1494 г. вышла одна грамота на имя смоленскаго намѣстника, присутствовалъ на засѣданіи этотъ самый намѣстникъ. Съ другой стороны, если въ другихъ княжествахъ только исключительные случаи внѣшней политики выводили боярскую думу изъ ея обычнаго тѣснаго состава, то въ Москвѣ она превращалась въ постоянный совѣтъ всѣхъ наличныхъ бояръ благодаря послѣдовательному развитію внутренняго управленія. Дума вѣдала всѣ новыя, чрезвычайныя дѣла; но по мѣрѣ того какъ послѣднія, повторяясь, становились обычными явленіями, они отходили въ составъ отдѣльныхъ центральныхъ вѣдомствъ, старыхъ или особо для нихъ учреждавшихся. Центральныя вѣдомства формировались, такъ сказать, изъ тѣхъ административныхъ осадковъ, какіе постепенно отлагались отъ законодательной дѣятельности думы по чрезвычайнымъ дѣламъ, входя въ порядокъ текущаго дѣлопроизводства. Такъ складывались дворцовыя вѣдомства удѣльнаго времени. Вслѣдъ за первоначальными дворцовыми вѣдомствами тѣмъ же самымъ путемъ шло образованіе позднѣйшихъ московскихъ приказовъ. Такимъ ходомъ дѣла объясняются нѣкоторыя особенности въ системѣ московскаго центральнаго управленія, которыя на первый взглядъ кажутся странными. Впослѣдствіи, не смотря на чрезвычайное усложненіе своихъ занятій, боярская дума не обнаруживала наклонности распасться

*) Полн. Собр. Р. Лѣт. IV, 119. Русско-Лив. Акты, стр. 175: въ нѣмецкомъ текстѣ договора 1420 г. кн. Ѳедоръ Патрикѣевичъ названъ *мундшенкомъ* великаго князя. Акт. Ист. I, № 110. Никон. V, 21.

на отдѣленія, постоянные департаменты, и не смотря на развитіе канцелярскаго дѣлопроизводства въ нѣсколькихъ десяткахъ подчиненныхъ ей приказовъ, одна не имѣла особой канцеляріи. Съ другой стороны, самые важные изъ этихъ приказовъ по своимъ вѣдомствамъ, Рязрядный, Помѣстный и Посольскій, почти до 1670-хъ годовъ управлялись не людьми высшихъ чиновъ, не боярами, окольничими или думными дворянами, какъ другіе приказы, а только дьяками (за исключеніемъ немногихъ случаевъ, въ томъ числѣ когда первые дьяки этихъ приказовъ возводились въ званіе окольничихъ или думныхъ дворянъ). Эта видимая несообразность объясняется тѣмъ, что обыкновенно первые дьяки этихъ приказовъ были и думными дьяками, государственными секретарями. Приказы эти именно потому, что были важнѣе другихъ, долго не обособлялись въ самостоятельныя вѣдомства, министерства, а служили только отдѣленіями канцеляріи государственнаго совѣта, секретари которыхъ были непосредственными докладчиками и секретарями думы. Вотъ почему, вѣдая «всякія воинскія дѣла», дьякъ Разряда былъ въ то же время ближайшимъ дѣлопроизводителемъ думы: онъ приказывалъ разсылать думнымъ людямъ повѣстки о чрезвычайныхъ ея засѣданіяхъ и передавалъ другимъ приказамъ касавшіяся ихъ распоряженія боярскаго совѣта вовсе не военнаго свойства.

Исторія Посольскаго приказа наглядно указываетъ на ходъ образованія такихъ отдѣленій думской канцеляріи. Не смотря на многостороннее развитіе дипломатическихъ сношеній московскаго двора со времени Ивана III, долго не замѣтно особаго завѣдовавшаго ими учрежденія: ихъ велъ непосредственно самъ государь съ думой. Въ 1565 г. построено было особое зданіе для этого учрежденія на томъ мѣстѣ въ Кремлѣ, гдѣ его находимъ и въ XVII в. Это учрежденіе зовется въ актахъ *Посольной палатой*, *Посольской избой* или *Посольскимъ приказомъ*. Но оно остается очень близкимъ къ государю учрежденіемъ, какъ бы его собственной канцеляріей по иностраннымъ дѣламъ: выѣзжая изъ Москвы, царь беретъ съ собой его или скорѣе его отдѣленіе вмѣстѣ съ управлявшимъ

нымъ дьякомъ А. Щелкаловымъ*). Изъ описи царскаго архива времени Грознаго и изъ посольскихъ книгъ его отца и дѣда видно, что при московскомъ дворѣ еще до Ивана III вакопился значительный запасъ дипломатическихъ бумагъ, потомъ все болѣе увеличивавшiйся; эти бумаги хранились въ ящикахъ, которые по роду дѣлъ назывались «нѣмецкимъ», «волошскимъ», или обозначались именами дьяковъ, при которыхъ велись дѣла. Уже при дѣдѣ Грознаго въ концѣ XV в. дипломатическiе документы передавались казначею для храненiя въ его приказѣ вмѣстѣ со всякой домовою казною государя. Съ этимъ въ связи надобно поставить и то, что въ концѣ XV и во весь почти XVI вѣкъ дипломатическiя порученiя очень часто возлагались на казначеевъ; трудно только рѣшить, что здѣсь было причиной и что слѣдствiемъ, бывалъ ли казначей дипломатомъ, потому что хранилъ дипломатическiя дѣла въ своемъ приказѣ, или наоборотъ. Другимъ важнымъ дѣльцомъ по дипломатическимъ дѣламъ является въ XVI в. печатникъ. Этимъ объясняется тѣсная административная связь двухъ столь различныхъ учрежденiй, какъ Казенный Дворъ и вѣдомство иностранныхъ дѣлъ: казначей въ XVI в. бывалъ въ то же время и печатникомъ, а думный дьякъ А. Щелкаловъ, правя Посольскимъ приказомъ, занималъ должность казначея. Первоначально приказъ казначея служилъ архивомъ и канцелярiей думы по иностраннымъ дѣламъ, а потомъ, при осложненiи дипломатическихъ сношенiй, для нихъ образовали особое отдѣленiе думской канцелярiи, при чемъ однако не перенесли всѣхъ дипломатическихъ дѣлъ изъ Казеннаго приказа въ новое учрежденiе и потому иногда

*) Русск. Ист. Библ. III, 264: новое зданiе лѣтопись называетъ «полатой Посольской». Акт. Арх. Экс. I, стр. 336: *Посольная палата* въ 1567 г. Русск. Ист. Сборн. подъ редакцiей *Погодина,* II, 80: *Посольская изба* въ 1572 г. Памятн. дипломат. снош. I, 505: *Посольскiй приказъ* въ 1576 г. Ср. *Неволина,* Полн. собр. сочиненiй VI, 172. Опись царскаго архива упоминаетъ о какой-то *походной полатѣ,* куда въ 1564 г., до постройки зданiя Посольскаго приказа, взяты были нѣкоторыя дипломатическiя бумаги изъ этого архива, если только не вслѣдствiе опечатки эта палата названа «походной» вмѣсто «Посольной». Акт. Арх. Эксп. I, стр. 346. *Г. Лихачева,* Дипломатика, стр. 101 и сл.

поручали посольскому дьяку управленіе и Казеннымъ приказомъ *). Посольскій приказъ подобно Разрядному и Помѣстному велъ дѣла, не входившія въ первоначальный составъ дворцоваго управленія удѣльнаго времени. Ихъ вѣдалъ самъ князь съ своею думой, а канцелярское ихъ производство въ первое время распредѣляли, какъ могли, по наличнымъ дворцовымъ вѣдомствамъ. Но когда послѣднимъ становилось трудно справляться съ ними, для нихъ создавались сперва только отдѣленія думской канцеляріи подъ управленіемъ дьяковъ, а потомъ, когда такія дѣла переставали быть исключительными, экстренными, отдѣленія эти превращались въ особыя вѣдомства съ боярами и окольничими во главѣ и съ болѣе широкою компетенціей. Подобнымъ образомъ, вѣроятно, складывались и нѣкоторые другіе новые приказы въ XV—XVII вѣкахъ, напримѣръ Холопій, Казанскій.

Можетъ показаться, что этотъ процессъ былъ только повтореніемъ или продолженіемъ того, которымъ образовались и первоначальныя дворцовыя вѣдомства дворецкаго, казначея, конюшаго и т. д. Но теперь этотъ процессъ совершался надъ дѣлами далеко не прежняго дворцоваго характера, и возникновеніемъ новыхъ приказовъ обозначился новый политическій моментъ въ исторіи боярской думы. Его трудно опредѣлить хронологически; но можно предполагать, что онъ имѣлъ мѣсто въ исторіи только московскаго управленія: другія княжества повидимому исчезали, не доживъ до него. Дума удѣльнаго времени была совѣтомъ управителей, вѣдавшихъ текущія дѣла дворцоваго хозяйства, но совѣтомъ по вопросамъ управленія, выходившимъ изъ ряда текущихъ. Такіе вопросы впрочемъ были болѣе или менѣе связаны съ дворцовымъ хозяйствомъ въ его удѣльномъ объемѣ. Но пока эти экстренныя дѣла, становясь обычными, укладывались въ существующія дворцовыя вѣдомства, въ управленіи вмѣстѣ съ успѣхами московскаго объединенія Руси накоплялись задачи, выходившія далеко за предѣлы дворцовой

---

*) Др. Росс. Вивліоѳ. XX, 364. Дѣло о печатникѣ и казначеѣ Олферьевѣ въ указанной выше Разрядной подъ 1572 г.

администрацiи. Они сначала задавали рядъ новыхъ отправленiй, лишнихъ работъ старымъ правительственнымъ мѣстамъ, а потомъ вызывали рядъ новыхъ правительственныхъ учрежденiй. Вмѣстѣ съ тѣмъ боярская дума становилась совѣтомъ дворцовыхъ сановниковъ по недворцовымъ дѣламъ. Съ этой минуты долженъ былъ измѣниться ея удѣльный складъ. Прежде она составлялась обыкновенно или преимущественно изъ управителей вѣдомствъ, которыхъ касалось дѣло, подлежавшее обсужденiю; теперь этому обсужденiю большею частiю подлежали дѣла, не касавшiяся ни одного изъ нихъ или касавшiяся всѣхъ одинаково. Думаемъ, что съ этой минуты стали входить въ обычай собранiя всѣхъ наличныхъ совѣтниковъ независимо отъ спецiальнаго вѣдомства каждаго, вытѣсняя постепенно прежнiя обычныя собранiя то тѣхъ, то другихъ изъ нихъ. Значитъ, въ Москвѣ послѣдовательный ростъ администрацiи сдѣлалъ обычнымъ порядкомъ то, что прежде было исключительнымъ случаемъ какъ здѣсь, такъ и въ другихъ княжествахъ. Въ памятникахъ дѣятельности московскаго центральнаго правительства такой порядокъ открывается уже въ XVI в., не раньше; но едва ли ошибемся, если отнесемъ его завязку еще ко временамъ до княженiя Ивана III. Съ одной стороны, въ Москвѣ чаще, чѣмъ при другихъ дворахъ, повторялись исключительные случаи, заставлявшiе князя думать со всѣми его наличными думцами, благодаря разностороннему развитiю ея внѣшнихъ сношенiй и столкновенiй, вообще благодаря болѣе широкому поприщу дѣятельности, на какое она выступила уже въ XIV вѣкѣ. Съ другой стороны, внѣшнiе успѣхи Москвы должны были рано осложнить ея внутреннее управленiе настолько, чтобы вывести центральное правительство изъ тѣснаго круга дворцоваго хозяйства. Такъ уже въ лѣтописномъ разсказѣ о событiяхъ княженiя Ивана III открываются слѣды такого устройства службы многочисленнаго служилаго класса и служилаго землевладѣнiя по мѣсту службы, что если не самые приказы Разрядный и Помѣстный, то дѣла, которыми они потомъ завѣдовали, должны были завязаться раньше этого княженiя.

Такъ московская боярская дума, строясь на одинаковыхъ основаніяхъ съ боярскими совѣтами другихъ княжествъ, еще въ удѣльное время вышла непохожей на нихъ во многомъ. Она отличалась отъ нихъ и количествомъ думныхъ людей, и болѣе раннимъ выходомъ изъ тѣснаго круга дворцоваго хозяйства, и болѣе раннею выработкой постоянной формы; думаемъ, что она отличалась отъ другихъ и общественнымъ характеромъ своихъ членовъ. Если припомнимъ общественное положеніе и служебные нравы тогдашнихъ бояръ, ихъ бродячесть, недостатокъ прочныхъ связей между собою и съ мѣстными обществами, привычку служить князьямъ по личному временному договору, то поймемъ, что люди, которымъ князь поручалъ высшее управленіе своею вотчиной, были для него собственно чужіе, сторонніе люди, его случайные гости или, точнѣе, наемные сотрудники. Вся совокупность этихъ людей, разсѣянныхъ по княжествамъ, составляла слой, отличавшійся отъ остальнаго общества богатствомъ, вліяніемъ, родомъ дѣятельности, можетъ быть, даже понятіями; но при каждомъ дворѣ это былъ не общественный классъ, а измѣнчивый кругъ одинокихъ лицъ, случайно встрѣтившихся другъ съ другомъ. Такое положеніе думнаго боярства было отраженіемъ общаго состоянія Руси, создавшаго тѣ великія и удѣльныя княжества, по которымъ служили бояре. Тогда все здѣсь дробилось, обособлялось. Складывался великорусскій народъ; но онъ оставался пока единицей этнографической и церковной, не ставъ еще цѣлымъ ни экономическимъ, ни политическимъ. Только въ Москвѣ обстоятельства начали соединять эти одинокія лица въ нѣчто цѣлое, въ плотный общественный классъ. Уже въ XIV в. московская служба представляла выгоды, какихъ бояринъ не находилъ при другихъ дворахъ: отсюда и усиленный приливъ служилыхъ людей въ Москву, и сравнительно меньшая наклонность московскихъ бояръ переѣзжать къ другимъ князьямъ. Уже около половины XV в. московское боярство по происхожденію своему представляло собою всю Русскую землю, состояло изъ многочисленныхъ фамилій, родоначальники которыхъ сошлись въ Москву чуть не изъ всѣхъ угловъ Руси,

даже изъ такихъ, гдѣ тогда еще слабо пахло Русью *). Это сообщало здѣшнему боярству бо́льшую устойчивость, его положенію и отношеніямъ бо́льшую опредѣленность. Выгоды московской службы росли вмѣстѣ съ политическими успѣхами Москвы: отсюда дружное содѣйствіе, какое московскій великій князь XIV вѣка находилъ въ своихъ и иногда даже въ чужихъ боярахъ. Это пріучало московскихъ бояръ дѣйствовать въ одномъ направленіи, воспитывало въ нихъ твердыя политическія привычки и сочувствія, политическое преданіе. Изъ событій XIV в., въ которыхъ они играли такую дѣятельную роль, они должны были вынести и больше сословной сплоченности, и больше политической выправки сравнительно съ своей братіей другихъ княжествъ; надобно думать, что они крѣпче послѣдней привязывались къ мѣсту своего служенія и нитями экономическими благодаря болѣе успѣшному развитію боярскаго землевладѣнія въ Московскомъ княжествѣ. Тѣснѣе связанные между собою и съ княземъ, московскіе бояре переставали быть случайными товарищами по службѣ, подвижными

*) Это боярство представляло собою Русскую землю не только въ тогдашнемъ этнографическомъ, но и въ нынѣшнемъ географическомъ значеніи этого слова. Къ половинѣ XV в. въ Москвѣ обособились или только начинали отдѣляться отъ родословныхъ своихъ стволовъ фамиліи, которыя по мѣсту происхожденія родоначальниковъ можно распредѣлить на такія мѣстныя группы: съ Волыни шли *Волынскіе,* изъ Кіева *Квашнины, Разладины,* изъ Чернигова и княжествъ черниговской линіи *Плещеевы, Ѳомины, Игнатьевы,* князья *Звенигородскіе* и *Оболенскіе,* изъ Смоленска *Ѳоминскіе, Всеволожскіе,* изъ Мурома *Овцыны,* изъ Твери *Нащокины* съ позднѣйшими вѣтвями *Олферьевыми* и *Безниными,* изъ Стародубскаго удѣла на Клязьмѣ князья *Ряполовскіе* и *Палецкіе,* изъ Орды *Сабуровы съ Годуновыми, Старковы, Сорокоумовы* и *Бѣлеутовы,* изъ Крыма *Ховрины-Головины,* изъ Литвы князья *Патрикѣевы* съ позднѣйшими отраслями *Голицыными и Куракиными,* изъ Пруссіи *Кошкины* съ отраслями своими *Захарьиными, Беззубцевыми* и съ родичами *Колычовыми, Беклемишевы* и др. Фамиліи различнаго происхожденія, первыя поколѣнія которыхъ нѣкоторое время кружились по сѣверной Руси, пока не усѣлись въ Москвѣ къ половинѣ XV в.: *Вельяминовы съ Воронцовыми, Морозовы* съ обозначившимися при Иванѣ III вѣтвями *Скрябиными, Поплевиными, Шеиными* и *Тучковыми, Бутурлины, Челяднины* и мн. др.

правительственными наемниками. Все это должно было отразиться на значеніи московскаго боярина, какъ совѣтника княжескаго. Въ думѣ съ княземъ онъ былъ нуженъ послѣднему не столько какъ прикащикъ, завѣдующій извѣстною частью дворцоваго хозяйства, или какъ пріѣзжій вольный наемникъ, котораго надобно было связать словомъ въ пользу извѣстнаго предпріятія: здѣсь онъ былъ важенъ для князя больше какъ хранитель мѣстной политической пошлины, какъ старый и вѣрный отцовскій слуга, радѣвшій княжескому дому и его отчинѣ, связанный съ ними одинаковыми постоянными интересами. Отсюда большое политическое вліяніе, съ какимъ является московское боярство при своемъ князѣ въ событіяхъ XIV и XV в. Князь того времени едва ли могъ еще сказать своимъ боярамъ, что говорилъ потомъ отецъ Грознаго своимъ: «мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре». Но московскій князь XIV в. говорилъ имъ: «вы звались у меня не боярами, а князьями земли моей». Современникъ біографъ, вложившій эти слова въ уста умиравшаго великаго князя Димитрія Донскаго, заставляетъ его сказать своимъ дѣтямъ: «бояръ своихъ любите, безъ воли ихъ ничего не дѣлайте»; а дядя Донскаго великій князь Семенъ въ своей духовной даетъ завѣтъ братьямъ: «слушали бы есте отца нашего владыки Олексѣя, также старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ». Согласно съ завѣтомъ отца сынъ Донскаго давалъ своимъ боярамъ такое широкое и дѣятельное участіе въ управленіи, что московская политика при вел. князѣ Василіи Димитріевичѣ представлялась обществу прямо дѣломъ его бояръ.

Такъ, когда московская боярская дума начала выступать изъ тѣсной сферы дворцоваго хозяйственнаго управленія, и московскій бояринъ изъ дворцоваго прикащика князя сталъ превращаться въ государственнаго совѣтника, приближавшагося по своему значенію къ тому, что потомъ разумѣли при московскомъ дворѣ подъ этимъ словомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ измѣняться и характеръ всего управленія, а за нимъ и характеръ самой правительственной среды. Удѣльный князь правилъ

собственно посредствомъ *лицъ*, случайныхъ, слабо связанныхъ и съ нимъ, и между собою; московскій князь еще прежде, чѣмъ сталъ во главѣ объединенной сѣверовосточной Руси, правилъ уже посредствомъ довольно плотнаго *класса*.

Это былъ фактъ новый, можетъ быть, первый, которымъ обозначился выходъ верхневолжской Руси изъ состоянія удѣльнаго дробленія. Потому онъ раньше и замѣтнѣе чѣмъ гдѣ-либо обнаружился въ княжествѣ, которое положило конецъ этому состоянію. Онъ сообщилъ московской думѣ характеръ, отличавшій ее отъ боярскаго совѣта какъ въ старой кіевской Руси, такъ и въ сѣверныхъ удѣльныхъ княжествахъ. Бояре были вольные слуги, служившіе тому или другому князю по вольному уговору. Князь долженъ былъ обдумывать дѣла сообща съ ними, чтобы заручиться ихъ содѣйствіемъ въ задуманномъ предпріятіи. Такъ было въ удѣльное время; такъ же было и въ старой кіевской Руси въ періодъ очередного княжескаго владѣнія. Но при сходствѣ политическихъ побужденій, вызывавшихъ такіе совѣты въ то и другое время, была разница въ характерѣ ихъ дѣятельности и въ отношеніи совѣтниковъ къ обществу. Подвижные князья прежняго времени съ своими дружинами были связующимъ элементомъ для общества среди городовыхъ волостей, на которыя распадалась кіевская Русь: не привязываясь прочно къ почвѣ, князья скользили по поверхности этихъ земскихъ міровъ, противодѣйствуя ихъ мѣстному обособленію, вытягивая изъ нихъ своихъ слугъ и сотрудниковъ. Теперь въ верхневолжской Руси, напротивъ, князья съ своими дворами были силой, разъединявшей общество: они крѣпко ухватились каждый за свою вотчину, и мимо нихъ шло народное движеніе, увлекавшее всѣ классы, которые не хотѣли знать политическихъ перегородокъ, какія ставилъ удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія. Вся внутренняя политика князей теперь состояла въ томъ, чтобы остановить это народное движеніе, задержать текучія силы въ своемъ княжествѣ административными и хозяйственными плотинами, усадить на мѣстѣ. Служилые люди были также захвачены этимъ потокомъ, и правительственное искусство князя состояло теперь въ томъ,

чтобы поймать и удержать при себѣ служилаго человѣка, какъ прежде оно состояло въ умѣньи вырвать его изъ мѣстнаго общества и увлечь за собой. Лучшимъ средствомъ удержать при себѣ вольныхъ слугъ было для князя развитіе служилаго боярскаго землевладѣнія: чрезъ него не только самъ слуга привязывался къ княжеству, но и становился орудіемъ привязи для низшаго населенія. Потому князь щедро надѣлялъ своего боярина поземельными льготами съ тѣмъ, чтобъ онъ привлекалъ на свою землю и удерживалъ на ней вольныхъ поселенцевъ. Этимъ общимъ экономическимъ интересомъ обѣихъ сторонъ смѣнился прежній политическій. Совѣтъ съ бояриномъ оставался и теперь необходимъ для князя; но онъ надобился теперь чаще по другимъ дѣламъ. Борьба за столы, за старшинство или очередь смѣнилась борьбою за земли, за рабочія тяглыя руки. Поэтому не было случайностью и свойство историческихъ памятниковъ удѣльнаго времени, по которымъ мы узнаемъ дѣятельность боярской думы не съ той стороны, съ какой изображаетъ ее древняя лѣтопись. Думу XI—XII в. мы встрѣчаемъ преимущественно въ лѣтописномъ разсказѣ о важныхъ, торжественныхъ минутахъ, когда для князя рѣшался вопросъ власти, чести, даже иногда жизни, а дѣятельность удѣльной думы открывается преимущественно изъ мелкихъ ежедневныхъ случаевъ управленія, по актамъ поземельнымъ, жалованнымъ, купчимъ, межевымъ и т. п.

Повидимому въ удѣльное время положеніе боярина, какъ и его значеніе, осталось прежнее. Прежде онъ вмѣстѣ съ княземъ бродилъ по землѣ среди населенія, разбивавшагося на замкнутые политически областные міры; теперь онъ бродилъ вмѣстѣ съ населеніемъ среди князей, стремившихся замкнуться въ удѣльныя гнѣзда. Прежде значеніе боярина выражалось въ словахъ къ князю: «ты это безъ насъ задумалъ, такъ не *идемъ* съ тобой». Теперь бояре могли сказать князю: «ты безъ насъ думаешь, такъ не хотимъ *сидѣть* съ тобой въ твоемъ удѣлѣ». Но характеръ политической дѣятельности думы значительно измѣнился. Прежде она устрояла преимущественно внѣшнія дѣла князя, его отношенія къ другимъ князьямъ, къ волост-

нымъ городамъ, къ внѣшнимъ врагамъ или союзникамъ. Теперь она преимущественно устрояла домашнія хозяйственныя дѣла князя, управленіе вотчиной, отношеніе къ обывателямъ. Среди этой перехожей дѣятельности при неподвижныхъ князьяхъ выгоды службы потянули боярство къ одному изъ нихъ, и подъ рукой этого князя оно стало могущественнымъ орудіемъ политическаго объединенія Русской земли. Съ превращеніемъ московскаго удѣла въ государство Русской земли и удѣльная работа думы превратилась въ земское строеніе. Но теперь измѣнилось и положеніе боярина. Эту перемѣну онъ могъ обозначить словами: «теперь *уйти* стало некуда, такъ надобно подумать, какъ намъ *сидѣть* съ своимъ государемъ». Благодаря такой перемѣнѣ московская боярская дума вынесла изъ удѣльнаго времени двѣ задачи, важныя для дальнѣйшей судьбы представляемаго ею класса: она должна была строить объединявшуюся землю вмѣстѣ съ государемъ и устроить отношенія своего класса къ этому государю.

Глава VIII.

Въ Новгородѣ и Псковѣ XIII—XV в. боярская дума при князѣ превратилась въ исполнительный и распорядительный совѣтъ выборныхъ городскихъ старшинъ при вѣчѣ.

Изучивъ устройство и дѣятельность боярской думы при князѣ удѣльныхъ вѣковъ, коснемся мимоходомъ учрежденія, которое соотвѣтствовало ей по своему правительственному значенію, но развивалось при другихъ обстоятельствахъ и изъ другихъ общественныхъ элементовъ. Это учрежденіе складывалось и дѣйствовало въ тѣ же удѣльные вѣка, но погибло прежде, чѣмъ въ московской Руси исчезли послѣдніе удѣлы. Мы говоримъ о боярскомъ совѣтѣ въ вольныхъ городахъ Новгородѣ и Псковѣ. Мы остановимся на этомъ мѣстномъ явленіи лишь для того, чтобы видѣть, какова была дальнѣйшая политическая судьба древнихъ «старцевъ градскихъ» тамъ, гдѣ они уцѣлѣли при установленіи новаго порядка князьями кіев-

ской Руси и даже пережили этотъ порядокъ, сгубившій или принизившій ихъ собратьевъ въ другихъ волостныхъ городахъ.

И въ вольныхъ городахъ люди мѣстнаго правительственнаго класса обозначались одинаковымъ соціальнымъ терминомъ съ совѣтниками князей удѣльнаго времени, назывались боярами. Въ основѣ различныхъ значеній, какія имѣло слово *бояринъ* на древнерусскомъ языкѣ, оставалась та мысль, что это «княжь мужъ», служилый человѣкъ, ближайшій сотрудникъ и совѣтникъ князя, пользующійся за то извѣстными преимуществами. Древнѣйшіе памятники нашей письменности, ни оригинальные, ни переводные, не указываютъ въ этомъ терминѣ другого болѣе ранняго или болѣе общаго значенія: не видно, напримѣръ, чтобы этимъ званіемъ отличались всѣ вообще знатные люди независимо отъ того, пріобрѣталась ли эта знатность службой, правительственною дѣятельностію, или другимъ путемъ. Отсюда возникаетъ вопросъ, какъ образовалось боярство въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ политическое положеніе людей этого званія опредѣлялось не княжескою службой, гдѣ князья были сторонней, пришлой и постоянно мѣнявшеюся силой, приходили туда съ своими особыми боярами и не входили съ ними органически въ жизнь мѣстнаго общества, заботливо устраняемые отъ того самимъ мѣстнымъ боярствомъ. Различныя рѣшенія этого вопроса строятся на той мысли, что боярство родилось на Руси не съ княжескою властью, что и до князей, и долго при нихъ у насъ существовали въ старинныхъ волостныхъ городахъ мѣстные бояре, не принадлежавшіе къ «княжимъ мужамъ», къ служилой дружинѣ; этихъ неслужилыхъ бояръ въ отличіе отъ княжихъ принято называть *земскими*. Это, по мнѣнію изслѣдователей, вліятельные и богатые граждане-землевладѣльцы, члены знаменитыхъ фамилій, составлявшихъ коренное, старшее населеніе городовъ, высшіе представители земщины и т. п. Но кромѣ Новгорода и Пскова древніе памятники нашей исторіи нигдѣ не знаютъ подобнаго боярства. Тамъ, гдѣ древнія лѣтописи говорятъ о мѣстныхъ боярахъ, онѣ ни одною чертой не намекаютъ на такой земскій ихъ характеръ: это обыкновенные служилые бояре, плотнѣе другихъ усѣвшіеся въ извѣстной волости или

княжествѣ среди общаго кочеванья князей и ихъ слугъ, но остававшіеся тѣми же княжими боярами. Напротивъ, неслужилыхъ вліятельныхъ людей, имѣвшихъ значеніе въ томъ или другомъ мѣстномъ обществѣ кромѣ Новгорода и Пскова, ни лѣтописи, ни другіе памятники нашей древней исторіи не называютъ ни земскими боярами, ни просто боярами. Самое выраженіе *земскіе бояре* не было чуждо языку древней Руси; но оно становится извѣстно довольно поздно и означаетъ явленія, вовсе непохожія на то земское боярство, о которомъ идетъ рѣчь. Боярамъ, которые не были зачислены въ опричнину и остались во главѣ управленія земщиной, Московскимъ государствомъ, царь Иванъ Грозный, по словамъ лѣтописи, «велѣлъ быть въ земскихъ». Въ договорныхъ грамотахъ Новгорода и Пскова съ ливонскими Нѣмцами XV в. земскими боярами называются посылавшіеся для переговоровъ рыцари, сановники Ордена, въ отличіе отъ бургомистровъ и ратмановъ, пріѣзжавшихъ уполномоченными отъ ливонскихъ городовъ. Но изъ этого термина, передаваншаго понятіе о нѣмецкихъ Landesherren, нельзя заключать о существованіи на Руси класса, спеціально имъ обозначавшагося, какъ изъ того, что тѣ же рыцари назывались у насъ «слугами Божіими» и «Божіими дворянами», нельзя заключать о существованіи на Руси класса, носившаго такія названія. *Земскій бояринъ* терминъ, искусственно составленный, а не взятый изъ живаго общественнаго словаря, и псковской лѣтописецъ XV в., хорошо знакомый съ неслужилымъ боярствомъ своего города, однако плохо понимаетъ это выраженіе: одного изъ дерптскихъ пословъ, названнаго земскимъ бояриномъ въ заключенномъ ими съ Псковомъ договорѣ 1474 г., этотъ лѣтописецъ зоветъ то «бояриномъ земнымъ», то просто «Иваномъ земскимъ» безъ титула боярина. Это потому, что и бояре вольныхъ городовъ, не принадлежавшіе къ княжимъ служилымъ людямъ, однако не назывались земскими боярами, а мелкіе новгородскіе и псковскіе землевладѣльцы, извѣстные подъ названіемъ *земцевъ*, ни въ одномъ памятникѣ не причисляются къ мѣстному боярству. Но если бояре вольныхъ городовъ, не входившіе въ составъ княжеской дружины, не являются съ названіемъ земскихъ, то

мѣстное боярство другихъ областей Руси, въ которомъ находятъ признаки земскаго характера, оказывается обыкновенною княжеской дружиной. Какъ на образчикъ такого боярства, подобнаго новгородскому, обыкновенно указываютъ на бояръ ростовскихъ, поднявшихъ извѣстную шумную борьбу по смерти кн. Андрея Боголюбскаго противъ его младшихъ братьевъ. Но во-первыхъ, современный мѣстный лѣтописецъ выводитъ двигателями этой борьбы не ростовскихъ городскихъ бояръ, а «ростовцевъ и бояръ», всюду въ своемъ разсказѣ строго отличая послѣднихъ отъ горожанъ Ростова и Суздаля и иногда противополагая ихъ этимъ горожанамъ, какъ членовъ княжеской дружины. Во-вторыхъ, одно случайно уцѣлѣвшее извѣстіе показываетъ, что такъ-называемые земскіе ростовскіе бояре не только были обыкновенными княжескими дружинниками, но не всѣ принадлежали къ мѣстному земству и по происхожденію, не всѣ были изъ туземцевъ. Вмѣстѣ съ этими боярами дѣйствовалъ противъ братьевъ Андрея и воевода послѣдняго, являющійся во время борьбы на службѣ у рязанскихъ князей, нѣкто Борисъ Жидиславичъ. Нашелся памятникъ, изъ котораго узнаемъ, что этотъ Борисъ былъ внукъ Славяты, служившаго великому князю кіевскому Святополку и извѣстнаго по лѣтописи участіемъ въ избіеніи Половцевъ въ Переяславлѣ по порученію Мономаха въ 1095 году. Тамъ, въ южномъ Переяславлѣ, жила сестра Бориса, игуменья основаннаго ихъ дѣдомъ монастыря; тамъ, вѣроятно, служилъ Мономаху отецъ ихъ Жидиславъ Славятиничъ и оттуда, можетъ быть, пришелъ на суздальскій сѣверъ служить сыну или внуку Мономаха Борисъ Жидиславичъ *).

---

*) О земскихъ боярахъ см. напримѣръ у *Бѣляева* въ Лекціяхъ по ист. русск. законод., стр. 51, 167 и др. *Пассекъ* въ соч. «Новгородъ самъ въ себѣ» характеризуетъ ихъ названіемъ «докняжескихъ бояръ». Акты Зап. Росс. I, №№ 69 и 75. Полн. Собр. Лѣт. IV, 246 и 248; ср. 201. Точно также шведско-ливонскаго ландрата московскія канцеляріи XVII в. называли «земскимъ думнымъ». Дворц. Разр. III, 915. О Борисѣ Жидиславичѣ см. въ «Сказ. о чудесахъ Владимірской иконы Божіей Матери XII в.», изданномъ пишущимъ эти строки для Общества любителей древней письменности.

Тотъ классъ общества, который назывался въ древней Руси боярами, былъ вездѣ служилымъ по происхожденію и значенію, созданъ былъ княжескою властью и дѣйствовалъ, какъ ея правительственное орудіе. Такое же служилое происхожденіе имѣло и боярство вольныхъ городовъ; только здѣсь оно складывалось нѣсколько иначе, чѣмъ въ другихъ областяхъ древней Руси, и со временемъ утратило служилый характеръ, переставъ быть правительственнымъ орудіемъ князя.

Мысль о земскихъ, докняжескихъ или некняжескихъ боярахъ есть предположеніе, не поддерживаемое историческими свидѣтельствами, въ которомъ притомъ нѣтъ никакой научной нужды. При кіевскихъ князьяхъ долго сохранялись слѣды общественнаго порядка, который задолго до нихъ началъ устанавливаться по большимъ городамъ Руси. По этимъ слѣдамъ можно разглядѣть тотъ классъ, который руководилъ этимъ порядкомъ. То было вооруженное купечество, составившееся изъ туземныхъ и пришлыхъ заморскихъ элементовъ. Изъ его среды выходила городовая старшина, правившая городовыми волостями, эти тысяцкіе, сотскіе, старосты и другія власти. Остатки этой военно-правительственной городовой старшины являются, какъ мы видѣли, еще вліятельною силой при кіевскомъ князѣ X вѣка подъ именемъ «градскихъ старцевъ». Но эти старцы нигдѣ не называются боярами; напротивъ, древній лѣтописецъ, указывая на политическую близость ихъ къ боярамъ, ясно отмѣчаетъ соціальное различіе между тѣми и другими, какъ между классомъ земскимъ и классомъ служилымъ, между старѣйшинами «людскими» и княжими мужами. Князья вытѣснили изъ управленія эту старшину своими слугами, принявъ впрочемъ нѣкоторую часть ея въ составъ дружины. Остальные люди этого класса являются на городовыхъ вѣчахъ подъ именемъ «лучшихъ мужей» съ политическимъ вліяніемъ, но безъ оффиціальнаго правительственнаго значенія.

Такъ было во всѣхъ областяхъ Русской земли. Только въ Новгородской волости старая городовая старшина уцѣлѣла. Разныя обстоятельства помогли этому. Во-первыхъ, здѣсь дольше чѣмъ гдѣ-либо продолжался процессъ, которымъ образовались

старинныя городовыя волости на Руси, вооруженное распространеніе и укрѣпленіе границъ промышленнаго округа, тянувшаго политически и экономически къ главному городу. Новгородцы и при князьяхъ впродолженіе многихъ столѣтій раздвигали предѣлы своей волости большею частью собственными средствами, безъ поддержки со стороны князей, своими «молодцами». Вооруженный торгъ оставался однимъ изъ самыхъ напряженныхъ нервовъ новгородской жизни, и далекіе военно-промышленные походы были обычными въ ней явленіями. Это поддерживало и питало сложившійся въ мѣстномъ обществѣ еще до князей кругъ вліятельныхъ руководителей этого вооруженнаго промысла, тогда какъ въ другихъ областяхъ, съ переходомъ военнаго управленія и вооруженной охраны рынковъ и торговыхъ путей въ руки князей съ ихъ дружинами, эти руководители оставались безъ дѣла и теряли главное средство вліянія на мѣстныя общества. Сверхъ того, вытѣсненный изъ управленія старый правительственный классъ въ другихъ волостныхъ городахъ встрѣтилъ опасныхъ соперниковъ и въ экономической жизни, на внутреннихъ рынкахъ, которыми онъ руководилъ прежде. Въ XII в. становятся замѣтны успѣхи частнаго землевладѣнія на Руси. Князья и ихъ слуги преимущественно старались овладѣть этой экономической силой, особенно въ приднѣпровскихъ областяхъ. Такимъ образомъ село, откуда торговые дома большихъ городовъ снабжались для своихъ заграничныхъ оборотовъ, ускользало изъ ихъ рукъ: новые землевладѣльцы ослабляли ихъ промышленное вліяніе на сельскій міръ. Служилые вотчинники начали плотными гнѣздами усаживаться по волостямъ, служа готовой опорой князьямъ въ ихъ столкновеніяхъ съ волостными городами, отбивая у высшаго городскаго класса власть и вліяніе, частью даже внутренніе рынки, въ то время какъ Половцы все успѣшнѣе отбивали у нихъ рынки заграничные. Новгородская волость не отставала отъ другихъ въ развитіи частнаго землевладѣнія. Но это было, такъ сказать, землевладѣніе неземледѣльческое, которое держалось не столько хлѣбопашествомъ, сколько разработкой промысловыхъ угодій. Оно требовало осо-

быхъ хозяйственныхъ пріемовъ, непривычныхъ южнорусскому служилому человѣку, прежде всего требовало непосредственнаго руководства знатока-промышленника. Потому на него обратились усилія городскихъ капиталистовъ; но оно не привлекало къ себѣ князей и ихъ слугъ въ то время, когда Новгородъ еще не ставилъ препятствій пріобрѣтенію земель въ его волости князьями и ихъ служилыми людьми. Такъ въ Новгородской землѣ не завелось гнѣзда служилыхъ землевладѣльцевъ, которые такъ стѣсняли вліятельныхъ горожанъ въ другихъ волостяхъ. Князь и его дружина всегда являлись тамъ пришлымъ элементомъ, лишь механически входившимъ въ составъ мѣстнаго общества. Это же было одною изъ причинъ, почему ни одна княжеская линія не основалась въ Новгородской волости. Но всего важнѣе было то обстоятельство, что въ Новгородѣ прежняя правительственная старшина не была вытѣснена изъ управленія. По разнымъ причинамъ, исчислять которыя здѣсь не мѣсто, князья, правившіе Новгородомъ, не могли или не хотѣли удовлетворять потребностямъ мѣстнаго управленія одними собственными административными средствами, замѣщая всѣ должности своими служилыми людьми. Гораздо раньше, чѣмъ высшая новгородская администрація стала выборной, она становилась уже туземной по происхожденію своего личнаго состава: князья часто назначали на иныя правительственныя мѣста мѣстныхъ обывателей, а не людей изъ своей дружины. Въ началѣ XII вѣка туземный элементъ повидимому если уже не преобладалъ, то былъ очень значителенъ въ составѣ новгородскаго управленія. Впослѣдствіи новгородцы въ договорахъ съ князьями ставили имъ условіе волостей новгородскихъ «не держати своими мужи, но держати мужи новгородскими». Это условіе было лишь закрѣпленіемъ обычая, который завелся задолго до этихъ договоровъ. Можно даже замѣтить, что уже при дѣтяхъ и внукахъ Ярослава I въ Новгородѣ успѣлъ обозначиться извѣстный кругъ лицъ или фамилій, изъ котораго выходили новгородскіе сановники, еще не будучи или не ставъ окончательно выборными. Сопоставляя уцѣлѣвшій списокъ новгородскихъ посадниковъ съ разсказомъ

древней мѣстной лѣтописи, видимъ на должности посадника въ первой половинѣ XII вѣка рядъ туземцевъ, отцы или дѣды которыхъ занимали эту должность по назначенію князя въ XI и въ началѣ XII вѣка. Не будетъ слишкомъ смѣлою догадкой мысль, что эта новая правительственная знать была лишь преемницей городовой военной старшины, нѣкогда правившей городомъ и его областью. Присутствіе тамъ этой старшины при первыхъ кіевскихъ князьяхъ ощутительно даже по краткимъ и отрывочнымъ извѣстіямъ лѣтописи о томъ, что дѣлалось на сѣверной окраинѣ Русской земли. Въ X и XI в. эти князья не разъ обращались за помощью къ новгородскимъ ополченіямъ; сотскіе, старосты и другіе военачальники, которые водили эти полки на югъ, были, какъ можно думать, всѣ или въ большинствѣ изъ мѣстныхъ «нарочитыхъ мужей», «славныхъ воевъ», о которыхъ говоритъ лѣтопись, описывая событія XI вѣка *).

Этимъ важнымъ обстоятельствомъ объясняется и происхожденіе новгородскаго боярства. Впослѣдствіи занятіе должности посадника, тысяцкаго или сотскаго въ Новгородѣ не сообщало лицу значенія служилаго княжаго человѣка, потому что эта должность была выборной, поручалась лицу согражданами, а не княземъ. Но въ XI и въ началѣ XII в., когда живѣе чѣмъ потомъ помнилась еще прежняя соціальная близость княжеской дружины къ верхнему слою городскаго населенія, назначеніе вліятельнаго новгородца княземъ на правительственную должность, какую въ другихъ волостяхъ обыкновенно занималъ большой княжъ мужъ, сообщало назначенному служилый характеръ, вводило его въ кругъ княжихъ мужей, бояръ. Два указанія, близкія другъ къ другу по времени, поддерживаютъ такое объясненіе дѣла. Въ 1118 г. Мономахъ вызвалъ къ себѣ въ Кіевъ всѣхъ нарочитыхъ мужей новгородскихъ. Они являются здѣсь какими-то представителями своего города. Повидимому это были лица должностныя или

*) Новгор. лѣт. по академ. списку въ Продолж. Др. Росс. Вивл. II, 317.

по крайней мѣрѣ пользовавшіяся вліяніемъ на мѣстное управленіе: великій князь для чего-то приводитъ ихъ къ присягѣ; на нѣкоторыхъ онъ разсердился за произведенное ими въ Новгородѣ самоуправство; въ числѣ опальныхъ прямо названъ одинъ сотскій. Разсказывая объ этомъ случаѣ, мѣстная лѣтопись впервые называетъ нарочитыхъ мужей Новгорода новгородскими *боярами*. Внукъ Мономаха Всеволодъ въ данномъ Новгороду церковномъ уставѣ, который по сличеніи съ лѣтописью всего вѣроятнѣе можно отнести къ 1135 г., упоминаетъ и о сотскихъ въ числѣ своихъ совѣтниковъ, призванныхъ въ думу по этому дѣлу. Князь отличаетъ ихъ отъ «своихъ бояръ», но въ концѣ устава называетъ *своими* мужами: «та вся дѣла приказахъ св. Софѣи и всему Новуграду, *моимъ* мужемъ десяти соцкимъ». На югѣ повидимому уже раньше привыкли смотрѣть на новгородскую знать, какъ на княжихъ мужей, если древнему кіевскому лѣтописцу принадлежитъ извѣстіе начальной лѣтописи 1018 г., гдѣ эта знать названа боярами *).

Еслибы въ Новгородѣ утвердилась какая-нибудь постоянная линія княжескаго рода, то смотря по направленію, какое приняла бы мѣстная политическая жизнь, новгородское боярство, слившись съ княжескою дружиной и рѣзче отдѣлившись отъ мѣстнаго земства, вышло бы или соперникомъ строптивыхъ горожанъ, готовымъ всегда поддерживать противъ нихъ своего князя, какъ въ большей части другихъ областей Руси, или соперникомъ и горожанъ, и князя подобно галицкому боярству, сдерживавшему власть послѣдняго и не допускавшему до власти первыхъ. Но политическія отношенія въ Новгородѣ сложились нѣсколько иначе. Взаимные споры и частыя смѣны князей въ Новгородѣ вызывали столкновенія его съ князьями, побуждая его дѣйствовать противъ одного, чтобы пріобрѣсти или удержать у себя другого. При этихъ столкновеніяхъ во главѣ города естественно становились люди того вліятельнаго круга, изъ котораго выходили туземные сановники мѣстной администраціи. Этотъ классъ сталъ привычнымъ

*) Митроп. *Макарія,* Ист. Р. Церкви, II, 362. Лаврент. 140.

политическимъ руководителемъ мѣстнаго общества еще прежде, чѣмъ должностные члены этого круга начали получать свои полномочія отъ мѣстнаго вѣча, сдѣлались выборными. Новгородцы стали успѣшно добиваться и этой перемѣны, какъ только упала тяжелая рука, ихъ сдерживавшая: вслѣдъ за смертью Мономаха въ Новгородѣ появляются выборные посадники, нѣкоторое время впрочемъ еще чередовавшіеся съ назначенными княземъ. Любопытно, что первый посадникъ, о вступленіи котораго въ должность мѣстная лѣтопись выражается такъ, какъ она потомъ обыкновенно говоритъ о выборныхъ посадникахъ, былъ сынъ новгородца, посадничавшаго по назначенію князя, принадлежалъ къ мѣстному боярскому кругу *). Перенесеніе права замѣщать высшія правительственныя должности въ Новгородѣ на вѣче, къ «сонмищу людскому», на которомъ не разъ являлась рѣшительницей политическихъ вопросовъ «простая чадь», нисколько не уронило политическаго значенія этого боярскаго круга, людей котораго городъ привыкъ видѣть во главѣ своего управленія; напротивъ, эта перемѣна еще болѣе обособила его и сдѣлала необходимымъ для согражданъ. Занятіе должности посадника или тысяцкаго требовало богатства, вліянія, политическаго навыка и преданія, условій, которыя соединялись только въ этомъ кругу; зато послѣдній теперь избавился отъ соперничества княжихъ бояръ на правительственномъ поприщѣ. Съ появленіемъ выборной администраціи правительственный классъ въ Новгородѣ, не смотря на зависимость отъ демократическаго вѣча по выборамъ, даже какъ будто становился болѣе прежняго замкнутымъ и олигархичнымъ. Народъ иногда жестоко расправлялся съ неугоднымъ или провинившимся сановникомъ, могъ разграбить его домъ, распродать его села и челядь, самого «казнить ранами близъ смерти» и даже сбросить съ моста

---

*) Полн. Собр. Р. Лѣт. III, 5: «*вдаша* посадницьство Мирославу Гюрятиницю» въ 1126 г. Гюрята, тотъ самый, который разсказывалъ кіевскому лѣтописцу о дальнемъ сѣверѣ, посадничалъ въ началѣ XII в., раньше смерти Мономаха, судя по его мѣсту въ спискѣ новгородскихъ посадниковъ.

въ Волховъ, «яко разбойника»; но онъ долженъ былъ на мѣсто низложеннаго выбирать другого изъ того же круга: отнявъ посадничество у знатнаго и богатаго боярина Михалка Степанича, онъ передавалъ должность не менѣе знатному и богатому боярину Миронкѣ Нездиничу. Произволъ капризнаго и недовѣрчиваго къ знати вѣча не помѣшалъ ей даже завести извѣстную очередь старшинства въ занятіи выборныхъ должностей, подобную той, какую князья XI и XII в. старались установить между собою въ занятіи столовъ, и вѣче сообразовалось съ этой очередью при выборахъ. Во второй половинѣ XII в. въ Новгородѣ пользовались большимъ вліяніемъ два боярина, упомянутый выше Михалко и Якунъ Мирославичъ, сынъ того Мирослава, котораго можно считать первымъ выборнымъ новгородскимъ посадникомъ. Оба они неоднократно избираемы были въ посадники; Якунъ даже породнился съ князьями и былъ тестемъ одного изъ племянниковъ Андрея Боголюбскаго. Онъ былъ гораздо старше Михалка, былъ уже избранъ въ посадники въ 1137 г., тогда какъ Михалко въ первый разъ посадничалъ въ 1180 г. Въ 1209 г., когда сына Якунова не было въ Новгородѣ, посадничество дали Михалкову сыну Твердиславу; но какъ скоро въ 1211 г. Якуничъ воротился въ городъ, Михалковичъ «по своей волѣ» уступилъ ему должность, какъ старшему, и вѣче уважило это новгородское боярское *отечество*, выбрало посадникомъ старшаго *).

Такъ создавалось политическое положеніе новгородскаго боярства. Это боярство переродилось изъ древней городской знати, правившей городомъ еще до князей. Военныя дѣла Новгорода поддерживали мѣстное вліяніе этой знати при первыхъ князьяхъ; административная служба по назначенію князя дала ей званіе и значеніе боярства; боярскій авторитетъ и правительственное вліяніе помогли ей стать руководительницей мѣстнаго общества въ его столкновеніяхъ съ князьями и при содѣйствіи вѣча превратить высшую мѣстную администрацію въ выборную, а избирательность должностей обезпечила за

*) Полн. Собр. Р. Лѣт. III, 31.

ней, такъ сказать, правительственную монополію и тѣснѣе прежняго сомкнула ее въ мѣстный правительственный классъ. Экономическое положеніе боярства опредѣлялось въ связи съ политическимъ. Этотъ классъ былъ руководителемъ промышленной жизни края еще прежде, чѣмъ сталъ называться боярствомъ; онъ остался такимъ руководителемъ и послѣ, получивъ это новое значеніе. Въ Новгородѣ были очень крупные землевладѣльцы *). Но не въ землевладѣніи заключалась главная экономическая сила здѣшняго боярства. Представленіе о богатѣйшемъ купцѣ соединилось съ мыслью о бояринѣ въ сѣверной новгородской былинѣ, которая поетъ о добромъ молодцѣ, задавшемся «къ купцу, купцу богатому, ко боярину». Но чѣмъ болѣе входило это боярство въ правительственныя дѣла края, тѣмъ меньше могло оно принимать непосредственное участіе въ купеческихъ оборотахъ. Значительная часть его, если не большинство, со временемъ превратилась въ капиталистовъ, отдававшихъ свои капиталы купцамъ, по техническому выраженію древнерусской торговли, «на торговлю въ куны». Новгородская лѣтопись и легенда согласно отмѣчаютъ такое значеніе правительственной знати города въ мѣстной торговлѣ. Разграбивъ въ 1209 году домъ посадника Дмитра Мирошкинича, народъ нашелъ у него долговыя «доски», на которыхъ значилось отданнаго взаймы «безъ числа», и новгородская толпа какъ будто даже относилась къ этимъ доскамъ съ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ къ остальному имуществу опальнаго посадника: расхитивъ его сокровища, распродавъ села и рабовъ, она не уничтожила досокъ, а передала ихъ князю. Извѣстное сказаніе о богатомъ посадникѣ Щилѣ, который занимался тѣмъ, что давалъ многимъ купцамъ деньги въ лихву, свидѣтельствуетъ о необыкновенной дешевизнѣ новгородскихъ боярскихъ капиталовъ. Если легенда хотя въ нѣкоторой степени отражаетъ дѣйствительное состояніе новгородскаго денежнаго

---

*) *Ланнуа* пишетъ о Новгородѣ въ началѣ XV в.: «Y a dedans la dicte ville molt grans seigneurs qu'ilz appellent *bayars;* et y a tel *bourgeois* qui tient bien de terre deux cens lieues de long, riches et puissans à merveilles. Voyages et ambassades, p. 20.

рынка, по ней можно видѣть, въ какомъ изобиліи предлагались эти капиталы мѣстной торговлѣ. Посадникъ собралъ «многое множество» имѣнія, взимая роста по 1 деньгѣ въ годъ на новгородскій рубль, т. е. всего по $^1/_2\%$, тогда какъ даже древнерусскія церковныя поученія, горячо возстававшія противъ отдачи денегъ въ лихву, считали легкимъ и нравственно-простительнымъ ростомъ 7 рѣзанъ на гривну кунъ или 14% *). Такое употребленіе торговаго капитала ставило въ зависимость отъ боярства массу горожанъ и надежнѣе обезпечивало общественное его значеніе, чѣмъ крупныя боярскія вотчины, населенныя обыкновенно челядью и получавшія значеніе въ хозяйствѣ того края только при помощи того же капитала.

Такое своеобразное положеніе создало себѣ новгородское боярство. Въ другихъ областяхъ Руси боярство или стояло одиноко между княземъ и городомъ, или зависѣло отъ князя, соперничая съ городомъ. Въ Новгородѣ оно дѣйствовало то противъ князя, опираясь на городъ, то противъ города, опираясь на князя. Оно и зависѣло отъ мѣстнаго общества, и господствовало надъ нимъ: зависѣло, какъ правительственный классъ, отъ него получавшій полномочія и передъ нимъ отвѣтственный, господствовало, какъ классъ, державшій въ своихъ рукахъ главный рычагъ хозяйственной жизни края.

Теперь посмотримъ, въ какихъ формахъ выражалась политическая дѣятельность этого правительственнаго класса въ Новгородѣ и въ Псковѣ, который долго входилъ въ составъ волости перваго, какъ его пригородъ, и ставъ вольнымъ городомъ въ XIV вѣкѣ, устроился по образцу своего старшаго брата. Въ мѣстныхъ лѣтописяхъ и актахъ XIII—XV вѣковъ эти формы являются довольно разнообразными. Во-первыхъ,

---

*) Извѣстная редакція сказанія о Щилѣ сложилась уже въ то время, когда въ новгородскомъ рублѣ считали 14 гривенъ и 4 деньги или 200 денегъ, т. е. уже послѣ присоединенія вольнаго города къ Москвѣ, въ концѣ XV или въ началѣ XVI в. Памятн. стар. русск. лит., г. *Пыпина* и *Костомарова,* I, 21. Поученіе изъ Златоуста у *Срезневскаго* въ Свѣдѣн. и замѣтк. о малоизвѣстн. памятн., ст. LVII.

бояре и выбранные изъ ихъ среды городскіе сановники или одни сановники дѣйствуютъ вмѣстѣ со всѣми горожанами, входя въ составъ городскаго собранія или даже становясь во главѣ его. Посадники и «весь Псковъ» бьютъ челомъ уѣзжавшему князю не покидать княженія; посадникъ и съ нимъ много «бояръ добрыхъ людей» ѣдутъ послами отъ Пскова звать другого князя на псковской столъ; князь псковской, «сдумавши съ посадники и съ бояры и со псковичи на вѣчѣ», посылаетъ гонца къ великому князю московскому просить помощи на Нѣмцевъ. Въ дѣлѣ церковномъ посадники являются на вѣчѣ вмѣстѣ съ представителемъ церковной власти и духовенствомъ города: въ 1442 г. князь псковской, посадникъ, псковской намѣстникъ митрополита и попы всѣхъ трехъ соборовъ, «погадавше съ псковичи», поставили новую церковь по случаю мора. Но лѣтописи хорошо отличаютъ участіе бояръ и городскихъ сановниковъ въ вѣчевыхъ совѣщаніяхъ отъ правительственныхъ дѣйствій тѣхъ же бояръ и сановниковъ, при которыхъ не присутствовало вѣче и на которыя оно иногда не давало даже особыхъ полномочій. При отъѣздѣ изъ Пскова московскаго воеводы, котораго великій князь въ 1463 г. присылалъ на помощь городу противъ Нѣмцевъ, его провожали посадники и «всѣ бояре псковскіе». Передъ смертью новгородскаго архіепископа Далмата въ 1274 г. посадникъ съ «мужи старѣйшими» спрашивали владыку, кого онъ благословитъ на свое мѣсто, и когда Далматъ назвалъ кандидатовъ, изъ которыхъ городъ долженъ былъ выбрать ему преемника, посадникъ созвалъ вѣче и объявилъ народу волю владыки. Въ 1375 г. новгородцы съ вѣча послали великокняжескаго намѣстника, посадника, тысяцкаго «и иныхъ многихъ бояръ и добрыхъ мужь» просить владыку не оставлять епископіи. Когда архіепископъ новгородскій посѣщалъ свою псковскую паству, его въ случаѣ добраго согласія между обѣими сторонами выѣзжали встрѣчать, чествовали и дарили отъ всѣхъ концовъ мѣстный князь, посадники и бояре безъ особаго вѣчеваго приговора о томъ. Наконецъ въ иныхъ случаяхъ сановники города дѣйствуютъ одни, безъ вѣча и безъ бояръ.

Таковы три формы, въ которыхъ проявлялась дѣятельность высшей администраціи вольнаго города. Легко замѣтить, что бояре не были постоянными правительственными сотрудниками мѣстнаго князя и посадниковъ. Такія же дѣла, при отправленіи которыхъ бояре становились рядомъ съ городскими правителями, иногда дѣлались послѣдними и безъ нихъ. Бояре присоединялись къ высшимъ должностнымъ лицамъ, когда обстоятельства сообщали дѣлу особенную важность или когда желали придать ему особенно торжественный характеръ. Такъ бывало чаще всего въ посольствахъ или при заключеніи договоровъ. Но тогда призывались къ дѣлу обыкновенно не всѣ или не безразлично какіе-нибудь бояре, а спеціально на тотъ случай уполномоченные представители отъ городскихъ концовъ. Каждый конецъ въ такихъ случаяхъ выставлялъ по одному, по два или по три боярина. Такъ въ 1499 г. Псковъ послалъ къ великому князю Ивану III трехъ посадниковъ и по три боярина отъ конца по поводу назначенія сына Иванова Василія княземъ Новгорода и Пскова. Такіе бояре иногда дѣйствовали и одни безъ посадниковъ, исполняя порученія вѣча. Такъ въ 1476 г. Псковъ посылалъ своихъ бояръ изъ всѣхъ концовъ жаловаться великому князю на его «злосердаго» намѣстника кн. Оболенскаго. Но подобныя порученія возлагались не на однихъ бояръ, а иногда вмѣстѣ съ ними или даже безъ нихъ и на людей другихъ классовъ. Такъ въ 1386 г., послѣ неудачной поѣздки владыки къ шедшему на Новгородъ войной Димитрію Донскому, новгородцы послали къ нему съ поклономъ и челобитьемъ о мирѣ архимандрита, семь священниковъ и по человѣку отъ конца *житьихъ* людей, класса, стоявшаго ниже бояръ въ общественной іерархіи города. Значитъ, бояре отъ концовъ были не особыми и постоянными должностными лицами при посадникахъ, а только временными депутатами отъ частей города въ экстренныхъ случаяхъ. Поэтому въ текущихъ дѣлахъ управленія или когда обыватели обращались съ важнымъ дѣломъ къ постоянному правительству города, при посадникахъ и другихъ властяхъ не встрѣчаемъ бояръ. Въ Псковѣ князь и посадники распоряжаются закладкой новой городской стѣны,

посылаютъ одного изъ посадниковъ возстановлять сгорѣвшій городъ Опочку, посылаютъ въ Выборгъ судью выкупать у Шведовъ плѣнныхъ псковичей, собираютъ ратныхъ людей изъ пригородовъ и сельскихъ волостей, готовясь къ походу на Нѣмцевъ. Священники, которые не входили въ составъ существовавшихъ трехъ псковскихъ соборовъ, въ 1453 г. обращаются съ челобитьемъ о четвертомъ соборѣ къ князю, степенному посаднику и ко всѣмъ посадникамъ псковскимъ, и тогда эти власти идутъ къ навѣстившему Псковъ епархіальному новгородскому архіерею съ ходатайствомъ о позволеніи учредить новый соборъ *).

Въ устройствѣ высшаго управленія Новгорода и Пскова многія подробности остаются еще не разъясненными. Причина этого въ томъ, что администрація вольныхъ городовъ вовсе не отличалась простотой. Новгородское и псковское общество мозаически сложено было изъ множества мелкихъ мѣстныхъ міровъ, которые входили въ составъ болѣе крупныхъ, а изъ послѣднихъ составлялись еще болѣе крупные союзы. Каждый изъ нихъ пользовался извѣстною долей самоуправленія, имѣлъ свою администрацію, своего старосту. Такъ Новгородъ независимо отъ административно-топографическаго дѣленія на концы, сотни, улицы, слободы и посады, дѣлился еще на соціальные слои, представлявшіе подобіе сословій, также съ признаками особаго управленія у каждаго изъ нихъ. Изъ всего этого сплеталась сложная и довольно запутанная сѣть властей мелкихъ, и крупныхъ, мѣстныхъ и общихъ, взаимныя отношенія и значеніе которыхъ очень трудно разобрать. Въ этой сложности общественнаго склада и административнаго устройства вольнаго города источникъ затрудненій, съ которыми сопряжено изученіе постояннаго правительственнаго мѣста, стоявшаго во главѣ его управленія.

Церковный уставъ кн. Всеволода Мстиславича описываетъ это учрежденіе, какимъ оно было въ Новгородѣ XII в., въ ту

---

*) Полн. Собр. Р. Лѣт. IV, 216, 213, 274, 212, 226, 271, 251, 211, 224, 215; III, 63, 90; V, 241.

эпоху, когда высшая администрація города становилась выборной. Для обсужденія устава князь призвалъ на совѣтъ кромѣ мѣстнаго епископа и своихъ бояръ еще десять новгородскихъ сотскихъ, бирича и двухъ старостъ *). Это, очевидно, та же старинная боярская дума при князѣ съ участіемъ мѣстной городовой старшины, какая собиралась, по разсказу древней лѣтописи, при кіевскомъ князѣ X в. Изъ этой боярской думы при князѣ развился боярскій совѣтъ, впослѣдствіи руководившій дѣлами Новгорода подъ надзоромъ вѣча, а по новгородскому образцу устроился такой совѣтъ и въ Псковѣ. Но при своемъ развитіи въ продолженіе удѣльныхъ вѣковъ боярскій совѣтъ вольныхъ городовъ, присутствіе котораго въ старшемъ изъ нихъ подозрѣвалъ уже Рейцъ, потерпѣлъ существенныя перемѣны, коснувшіяся его состава и политическаго положенія **).

Непремѣнными членами его и послѣ видимъ высшихъ городскихъ сановниковъ, степенныхъ посадника и тысяцкаго въ Новгородѣ, одного или двухъ посадниковъ въ Псковѣ, гдѣ не было тысяцкаго. Сотскіе также принадлежали къ его составу: они всегда причислялись къ «добрымъ людямъ» или «лучшимъ мужамъ», къ высшему правительственному классу, и по мѣстнымъ лѣтописямъ не разъ являются при князѣ и посадникахъ участниками важнѣйшихъ правительственныхъ дѣлъ. Биричи, исполнительно-полицейскіе чиновники, объявлявшіе народу распоряженія правительства и руководившіе исполненіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, вѣроятно, и послѣ присутствовали въ правительственномъ совѣтѣ: по крайней мѣрѣ эту должность занимали люди высшаго круга общества, и одинъ биричъ XII в. Незда былъ родоначальникомъ знатной боярской фамиліи Нездини-

*) Не упомянуты въ уставѣ ни посадникъ, ни тысяцкій, первый вѣроятно потому, что занимавшій эту должность Мирославъ во время составленія устава (въ 1135 году) былъ на югѣ по одному политическому дѣлу, а второй, можетъ быть, по какой-нибудь подобной же причинѣ или же потому, что его должность еще не сдѣлалась выборной и онъ разумѣлся въ числѣ княжихъ бояръ, призванныхъ на совѣтъ.

**) *Рейца*, Опытъ исторіи росс. законовъ, въ перев. *Морошкина*, § 43, примѣч. 2.

чей, игравшей видную роль въ исторіи Новгорода. Въ одномъ нѣмецкомъ донесеніи (1331 года) рижскому городскому совѣту о ссорѣ новгородцевъ съ нѣмецкими купцами упомянуты «позовники при совѣтѣ господъ», то-есть биричи *). Въ русскихъ памятникахъ мы не знаемъ прямыхъ указаній на кончанскихъ старостъ, какъ членовъ высшаго правительственнаго совѣта въ Новгородѣ и Псковѣ. Но изъ другого нѣмецкаго донесенія узнаемъ, что въ началѣ XV в. иноземный посолъ, имѣвшій дѣло до высшаго новгородскаго правительства, обращался къ архіепископу, посадникамъ, тысяцкимъ и «пяти старостамъ отъ пяти концовъ **). Этимъ свидѣтельствомъ объясняются нѣкоторыя косвенныя указанія новгородскихъ памятниковъ. Сохранившаяся грамота Соловецкаго монастыря на владѣніе Соловецкими островами составлена около половины XV вѣка отъ имени всего Новгорода, который «на вѣцѣ на Ярославлѣ дворѣ» пожаловалъ обитель тѣми островами. Но древній біографъ основателей монастыря разсказываетъ, что грамота дана боярами, собравшимися для того по приглашенію владыки, то-есть правительственнымъ совѣтомъ, разумѣется, по докладу о томъ на вѣчѣ. Къ акту приложено восемь печатей: то были печати новгородскаго владыки, посадника, тысяцкаго и еще «пять печатей, съ пяти концовъ града того по печати». Поэтому, читая разсказъ лѣтописца о томъ, что въ 1478 году къ присяжной записи новгородцевъ на подданство Ивану III по волѣ великаго князя приложены были и печати отъ пяти концовъ вмѣстѣ съ владычней, можно думать, что прикладывали эти печати не особо для того избранные «бояре изо всѣхъ концовъ», а кончанскіе старосты въ боярскомъ совѣтѣ, куда

*) Roperen bi der heren radè. Русско-Лив. Акты, стр. 61. Изъ дѣйствующихъ лицъ, поименованныхъ въ этомъ любопытномъ донесеніи, по крайней мѣрѣ троихъ можно признать такими *Roperen* или биричами. Они являются къ Нѣмцамъ для переговоровъ какъ отъ вѣча, такъ и отъ посадника и называются въ донесеніи еще посланцами (boden). Одинъ изъ нихъ носилъ званіе старосты (olderman).

**) To vif olderluden van vif enden. *Bunge*, Urkundenbuch, IV, 531. Это мѣсто донесенія приведено у *Никитскаго* въ Очеркахъ изъ жизни В. Новгорода (Журн. Мин. Нар. Просв. 1869 г., № 10, стр. 301).

эту запись принесъ подьячій великаго князя *). По псковской лѣтописи въ составѣ высшаго городскаго правительства рядомъ съ княземъ, посадниками, боярами и сотскими иногда являются еще «судьи». По псковской Судной грамотѣ извѣстенъ составъ, въ какомъ собирался судъ у князя на сѣняхъ въ XV в.: онъ состоялъ изъ князя, степенныхъ посадниковъ и сотскихъ; такимъ же является онъ и въ одномъ уцѣлѣвшемъ судебномъ дѣлѣ 1483 г. Значитъ, псковской судъ при князѣ состоялъ изъ членовъ обычнаго боярскаго правительственнаго совѣта **). Ни въ лѣтописи, ни въ Судной грамотѣ слово *судья* не имѣло постояннаго точнаго значенія. Послѣдняя въ одной статьѣ называетъ судьями всѣхъ членовъ суда, и посадниковъ, и сотскихъ, въ другой отдѣляетъ судей отъ князя и посадниковъ, какъ бы разумѣя подъ ними одпихъ сотскихъ, а лѣтопись отличаетъ судей отъ сотскихъ, слѣдовательно разумѣетъ подъ ними посадниковъ, разсказывая, что въ 1461 г. перемиріе съ Нѣмцами скрѣпили крестоцѣлованіемъ «судьи и сотскіе», хотя въ другомъ мѣстѣ она же отличаетъ судей отъ посадника, бояръ и сотскихъ, а въ третьемъ называетъ судьей одного псковскаго сотскаго. Но въ Псковѣ и кромѣ посадниковъ съ сотскими были должностныя лица, которыя носили или могли носить общее званіе судей. Въ псковской судебнѣ присутствовали два «подверника» или придверника, одинъ отъ князя, другой отъ Пскова. По нѣкоторымъ признакамъ ихъ значеніе въ мѣстномъ судѣ и управленіи было важнѣе, чѣмъ можно думать, судя по ихъ званію: подобно посадникамъ и сотскимъ они при вступленіи въ должность цѣловали крестъ на томъ, что имъ «праваго не погубити, а виноватаго не оправити»;

---

*) Полн. Собр. Р. Лѣт. VI, 217 и сл. Соловецкая грамота у архим. *Досиѳея* въ Опис. Солов. монастыря, I, 48, и въ Акт. Арх. Эксп. I, № 62.

**) Акты Юр. № 2. Въ Новгородѣ тяжба сельскаго Княжъ-островскаго общества съ однимъ изъ его членовъ, не хотѣвшимъ «давать разрубъ», платить съ другими, рѣшена была двумя посадниками съ однимъ сотскимъ. См. снимокъ съ правой грамоты въ *Нивѣ* 1881 г., № 28, стр. 618. Судя по имени одного посадника, актъ относится къ послѣднимъ годамъ новгородской вольности.

подобно князю и другимъ судьямъ они брали свою пошлину со всякаго суднаго дѣла. Есть извѣстіе объ одномъ сотскомъ, «старомъ придверникѣ», котораго въ 1491 г. вмѣстѣ съ бояриномъ послало вѣче описать одну слободу псковскаго Печерскаго монастыря. Это неясное указаніе значитъ, что подверникомъ отъ города бывалъ одинъ изъ городскихъ сотскихъ, какъ въ Новгородѣ биричи при совѣтѣ господъ иногда занимали и должность старосты. Намѣстникъ новгородскаго владыки въ Псковѣ кромѣ своего церковнаго суда имѣлъ еще мѣсто въ псковской судебнѣ рядомъ съ княземъ и другими судьями. Это бывало въ случаяхъ *смѣснаго* или общаго суда, когда сторонами являлись лица разныхъ подсудностей, княжеской и владычней. Намѣстникъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ владычнимъ печатникомъ; оба они съ половины XIV в. обыкновенно и даже обязательно назначались владыкой изъ мѣстныхъ обывателей, принадлежали къ мѣстному правительственному кругу, были для него своею братіей и наравнѣ съ другими сановниками города исполняли порученія мѣстнаго правительства вовсе не судебнаго свойства. Такъ въ 1445 г. псковской князь и посадники послали намѣстника Прокофья выкупать плѣнныхъ у Шведовъ. Какъ лица судебнаго вѣдомства, всѣ эти должностные люди носили общее званіе судей: судьей и называетъ лѣтопись упомянутаго сейчасъ владычняго намѣстника Прокофія. Какъ людей мѣстнаго правительственнаго круга, ихъ призывали на совѣтъ высшихъ властей города, когда того требовало дѣло. Такъ можно понимать разсказъ псковской лѣтописи объ одномъ дѣйствіи мѣстнаго правительства 1472 г., въ которомъ рядомъ съ посадникомъ, боярами и сотскими участвовали еще «судьи» *).

Но это повидимому не были постоянные члены боярскаго совѣта, какъ и бояре отъ концовъ. Появленіе такихъ вре-

---

*) Полн. Собр. Р. Лѣт. IV, 220, 222 и 226, 212 и 215, 243. *Востокова,* Опис. рукоп. Рум. Муз. 87 и сл. Наконецъ, можетъ быть, и въ Псковѣ были при правительственномъ совѣтѣ или при высшихъ сановникахъ судебные засѣдатели, не входившіе въ обычный составъ боярскаго совѣта, какіе являются въ новгородскихъ актахъ наканунѣ паденія вольнаго города. См. приложеніе къ этой страницѣ.

менныхъ совѣтниковъ было одной изъ тѣхъ перемѣнъ, какія испытала старая боярская дума при князѣ въ вольныхъ городахъ. Двѣ изъ нихъ оказали здѣсь особенно сильное дѣйствіе на судьбу и характеръ этого учрежденія. Во-первыхъ, въ составѣ его съ XIII в. появляется элементъ, котораго прежде не было замѣтно: это *старые*, т. е. бывшіе посадники въ Псковѣ, *старые* посадники и тысяцкіе въ Новгородѣ. *Степенные* посадникъ и тысяцкій, слагая съ себя должности, «слѣзая съ степени», удерживали за собой свои должностныя званія и сохраняли правительственное значеніе, оставаясь совѣтниками и товарищами своихъ преемниковъ, новыхъ степенныхъ посадниковъ и тысяцкихъ, раздѣляя съ ними правительственные труды; мѣстныя лѣтописи, какъ и мѣстныя канцеляріи, даже не всегда различаютъ тѣхъ и другихъ, рѣдко отмѣчаютъ, кто степенный и кто старый. Трудно угадать побужденія, заставлявшія удерживать правительственный авторитетъ за бывшими высшими сановниками. Въ псковской Судной грамотѣ есть постановленіе, въ силу котораго посадникъ, сложивъ съ себя должность, обязанъ былъ покончить самъ судебныя дѣла, начатыя въ его управленіе: можетъ быть, это заставляло удерживать званіе посадника за сложившимъ эту должность *). Можетъ быть, источникъ явленія скрывается во всемъ строѣ управленія вольныхъ городовъ. По новгородскимъ актамъ XV в. видно, что дипломатическія порученія Новгорода иногда исполняли въ качествѣ бояръ отъ концовъ старые посадники и тысяцкіе. Значитъ, уполномоченными отдѣльныхъ городскихъ міровъ являлись люди, которые и безъ этихъ мѣстныхъ кончанскихъ полномочій имѣли мѣсто въ общемъ городскомъ управленіи, были членами высшаго правительственнаго совѣта. Въ этомъ можно видѣть указаніе на тотъ путь, которымъ отставные сановники вошли въ составъ боярскаго совѣта. Посадникъ, сложивъ съ себя должность, продолжалъ пользоваться вліяніемъ въ своемъ концѣ по мѣсту жительства. Къ нему, какъ къ привычному руководителю, вѣроят-

---

*) Замѣчаніе это принадлежитъ *Костомарову*. Сѣверно-русск. народопр., II, 50.

но, чаще всего обращалось общество, когда требовалась депутація отъ конца. Еще вѣроятнѣе, что его обыкновенно выбирали въ старосты конца, и вотъ почему, можетъ быть, туземные памятники не указываютъ кончанскихъ старостъ въ числѣ членовъ совѣта: они сидѣли тамъ, но обозначались болѣе почетнымъ званіемъ старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ. Частое появленіе въ совѣтѣ въ качествѣ ли кончанскихъ старостъ, или временныхъ уполномоченныхъ отъ концовъ, постепенно превратило обычное явленіе въ постоянный обычай. Какъ бы то ни было, вступленіе въ совѣтъ старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ значительно расширило его составъ. Судя по списку новгородскихъ посадниковъ, въ старое время, когда ихъ назначалъ еще князь, они подолгу занимали должность. Но съ установленіемъ избирательности высшихъ должностей и съ развитіемъ политическихъ партій посадники и тысяцкіе смѣнялись очень часто; французскій путешественникъ Ланнуа, посѣтившій Новгородъ въ началѣ XV в., говоритъ даже, что эта смѣна происходила ежегодно. Это содѣйствовало накопленію старыхъ сановниковъ въ боярскомъ совѣтѣ. Въ 1471 г. псковская сила пошла противъ Новгорода на помощь Ивану III подъ начальствомъ 14 псковскихъ посадниковъ, а въ 1510 году ихъ поѣхало къ великому князю въ Новгородъ 11 человѣкъ. Еще больше было ихъ въ Новгородѣ: по лѣтописному разсказу о пріѣздѣ великаго князя въ вольный городъ въ 1476 году можно насчитать болѣе 20 старыхъ посадниковъ и 5 тысяцкихъ сверхъ степенныхъ *).

Съ другой стороны, элементъ, господствовавшій въ боярской думѣ при князѣ, княжеское боярство, съ XIII в. падалъ постепенно и почти исчезъ изъ боярскаго совѣта вольныхъ городовъ. Это паденіе легко замѣтить, читая мѣстныя лѣтописи. Всюду дѣйствуютъ, всѣмъ руководятъ посадники и другія городскія власти съ мѣстнымъ княземъ или безъ него. Изрѣдка упоминается намѣстникъ князя; но княжихъ бояръ совсѣмъ не замѣтно. Иногда какъ будто обнаруживалось стремленіе

*) Акт. А. Эксп. I, №№ 57, 58, 90, 91. Полн. Собр. Р. Лѣт. IV, 240, 273 и 284; VI, 200 и сл.

поддержать равновѣсіе между обѣими сторонами: въ концѣ XIII в., чтобы выслушать посольство, пріѣхавшее въ Новгородъ отъ ганзейскихъ городовъ, князь назначилъ съ своей стороны намѣстника и трехъ бояръ, а съ новгородской тысяцкаго и столько же мѣстныхъ бояръ, и всѣ эти уполномоченные заявили посольству, что они «очи, уши и уста» своего князя. Въ XV в. новгородскій князь посылалъ къ ливонскимъ Нѣмцамъ послами для заключенія договоровъ по боярину отъ себя и отъ Новгорода, или своего намѣстника и одного боярина съ двумя посадниками и тремя боярами отъ Новгорода. Но въ дошедшемъ до насъ нѣмецкомъ текстѣ одного такого договора даже не обозначено имя участвовавшаго въ его заключеніи княжескаго боярина. Напротивъ нелюбье между обоими правительственными элементами иногда выражалось въ очень рѣзкихъ формахъ. Въ 1384 г. пріѣхали въ Новгородъ за ордынскою данью бояре великаго князя московскаго. Новгородскіе бояре ѣздили на княжій дворъ «тягаться съ княжими боярами о обидахъ», и тяжба эта приняла такой характеръ, что многіе изъ москвичей поспѣшили бѣжать въ Москву. На ходъ управленія въ Новгородѣ и Псковѣ княжескіе бояре не оказывали замѣтнаго дѣйствія и въ XV в. едва ли присутствовали въ обычныхъ собраніяхъ боярскаго совѣта того и другого города. Вмѣстѣ съ княжескими боярами изъ состава этого совѣта вышелъ и другой элементъ, представлявшій уже не пришлую стороннюю силу, а часть мѣстнаго общества. Въ XII в. князь Всеволодъ по дѣлу о церковномъ уставѣ для Новгорода призвалъ на совѣтъ вмѣстѣ съ сотскими и своими боярами старосту образовавшагося тогда здѣсь купеческаго союза. Въ XV в. существовало уже много купеческихъ старостъ въ обоихъ вольныхъ городахъ. Псковская лѣтопись разсказываетъ, что изъ Пскова въ 1510 г. поѣхали къ великому князю съ своими жалобами «купецкіе старосты всѣхъ рядовъ». Эти ряды были, вѣроятно, похожи на ряды или сотни гостиную и суконную въ позднѣйшей Москвѣ: «*суконники* были и въ Псковѣ, какъ видно изъ мѣстной лѣтописи XV в. Потому въ псковскихъ рядскихъ старостахъ надобно видѣть предста-

вителей мѣстныхъ купеческихъ гильдій. Слѣды торговыхъ гильдейскихъ сотенъ, подобныхъ московскимъ съ ихъ старостами, замѣтны и въ древнемъ Новгородѣ: уже въ XIII в. тамъ существовало «купецкое сто», не входившее въ число тѣхъ десяти военно-административныхъ сотенъ, на которыя дѣлился городъ. По распорядку общественныхъ слоевъ здѣсь, какъ и въ Псковѣ, купцы принадлежали къ меньшимъ, *молодшимъ* людямъ, стояли ближе къ низшему черному населенію, чѣмъ къ боярамъ, отдѣляясь отъ послѣднихъ промежуточнымъ слоемъ житьихъ людей. По мѣстнымъ лѣтописямъ купеческіе старосты не являются въ составѣ высшаго правительства вольнаго города рядомъ съ посадниками и сотскими: повидимому въ XIV и XV вѣкахъ они не имѣли мѣста въ боярскомъ совѣтѣ ни въ Новгородѣ, ни въ Псковѣ. Это предположеніе поддерживается однимъ нѣмецкимъ извѣстіемъ. Въ Новгородѣ произошло одно изъ обычныхъ столкновеній туземцевъ съ нѣмецкими купцами. Совѣтъ одного нѣмецкаго города, имѣвшаго торговыя дѣла съ Новгородомъ, въ 1412 г. писалъ по поводу ихъ къ тамошнему правительству. Но жившіе въ томъ городѣ новгородскіе купцы заявили совѣту, что новгородскій владыка, посадникъ, тысяцкій и бояре скрываютъ подобныя бумаги отъ своего купечества и народа. Поэтому Нѣмцы обратились съ новымъ посланіемъ уже не къ боярамъ, а прямо къ купеческимъ старостамъ Новгорода, которые, значитъ, не входили въ составъ боярскаго совѣта *).

Такъ этотъ совѣтъ сжался сверху и снизу, обособился и отъ княжескаго боярства, и отъ представителей собственныхъ согражданъ, не принадлежавшихъ къ мѣстному боярству; по мѣрѣ удаленія отъ князя онъ становился болѣе замкнутымъ и однороднымъ по своему составу. Послѣ указанныхъ перемѣнъ этотъ совѣтъ состоялъ въ Новгородѣ изъ князя, когда онъ жилъ тамъ, и его намѣстника, изъ владыки архіепископа, степенныхъ посадника и тысяцкаго, старыхъ посадниковъ и

---

*) Полн. Собр. Р. Лѣтоп. IV, 91, 284 и 225. *Никитскаго*, Очеркъ внутр. ист. Пскова, 146 и сл. *Bunge*, Urkundenbuch, I, 682. Русско-Лив. Акты, 167 и 175; ср. П. С. Лѣт. IV, 119.

тысяцкихъ, старостъ концовъ и сотскихъ; при совѣтѣ состояло еще нѣсколько биричей. Остается неяснымъ, принадлежалъ ли къ составу совѣта дворецкій князя, который при содѣйствіи посадниковъ спеціально завѣдовалъ княжескими доходами въ Новгородской области, а также былъ ли вѣчевой или «вѣчный» дьякъ въ Новгородѣ и секретаремъ совѣта, или у послѣдняго была особая канцелярія. Въ Псковѣ не было ни епископа, ни тысяцкихъ, но выбирались обыкновенно два степенныхъ посадника. Трудно рѣшить, былъ ли здѣсь намѣстникъ новгородскаго владыки постояннымъ членомъ боярскаго совѣта, или только приглашался въ особыхъ случаяхъ. Таковъ былъ правительственный боярскій совѣтъ въ собственномъ смыслѣ, въ постоянномъ своемъ составѣ. Если предположить, что когда-нибудь на засѣданія приходили всѣ члены совѣта, то зная, какъ иногда много бывало старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ, въ полномъ собраніи новгородскаго совѣта около половины XV в. можно было насчитать до 50 присутствующихъ. Въ пользу такого численнаго состава совѣта повидимому говоритъ одна подробность, отмѣченная современнымъ лѣтописцемъ въ разсказѣ о паденіи Новгорода. Въ 1478 г. новгородцы должны были выдать московскимъ боярамъ и ту грамоту, по которой они обязались всѣмъ городомъ стоять противъ великаго князя. Грамота была скрѣплена 58 печатями, а подобные акты обыкновенно скрѣплялись печатями высшихъ городскихъ сановниковъ, составлявшихъ правительственный совѣтъ. Это было полное собраніе совѣта по особо важному дѣлу. Текущія дѣла велись немногими лицами, обыкновенно степенными посадникомъ и тысяцкимъ съ пятиконецкими старостами подъ предсѣдательствомъ владыки *). Иногда этотъ совѣтъ расширялся призывомъ въ него бояръ отъ концовъ и другихъ сановниковъ, которыхъ псковской лѣтописецъ обозначаетъ неопредѣленнымъ названіемъ «судей». Впрочемъ бояре отъ концовъ часто были тѣ же старые посадники или тысяцкіе. Притомъ они обыкно-

---

*) О численномъ составѣ совѣта см. еще разборъ нѣмецкаго донесенія 1331 г. въ приложеніи къ этой страницѣ.

венно присоединялись къ посадникамъ для содѣйствія имъ въ исполненіи вѣчевыхъ постановленій или для того, чтобы придать извѣстному дѣйствію правительства болѣе торжественный характеръ: ихъ посылали съ посадниками закладывать городскія укрѣпленія, построить которыя приговорило вѣче, встрѣчать и провожать владыку, князя или его воеводу; съ посадниками или безъ нихъ, но иногда съ представителями житьихъ людей также по концамъ, они ѣздили вести дипломатическіе переговоры и заключать трактаты, жаловаться великому князю отъ имени сограждань на его намѣстника и т. п. Не встрѣчаемъ въ памятникахъ Новгорода и Пскова постояннаго спеціальнаго термина, которымъ назывался этотъ боярскій совѣтъ; мѣстныя лѣтописи и акты обыкновенно обозначали его перечнемъ сановниковъ, входившихъ въ его составъ. Слово *дума* и тамъ значило совѣтъ въ смыслѣ не правительственнаго учрежденія, а его отдѣльнаго акта, постановленія или совѣщанія. Но правительственный совѣтъ имѣлъ тѣсную связь съ мѣстнымъ судомъ: въ Псковѣ высшій городской судъ былъ тотъ же правительственный совѣтъ, только въ тѣсномъ составѣ, и псковская судебня у князя на сѣняхъ служила мѣстомъ собраній того и другого учрежденія. Точно такъ же и въ Новгородѣ боярскій совѣтъ засѣдалъ «у владыки въ полатѣ» или во «владычнѣ комнатѣ», гдѣ судили и посадникъ съ княжескимъ намѣстникомъ. Судебная коллегія въ Псковѣ называется въ псковской Судной грамотѣ *господой*. Это названіе не имѣло спеціальнаго техническаго значенія, не принадлежало исключительно этому учрежденію: вольные города называли такъ князей, а отдѣльныя лица согражданъ, собравшихся на вѣчѣ. Можно думать, что такъ называли и боярскій совѣтъ; по крайней мѣрѣ названіе, какое давали ему Нѣмцы въ XIV в. (heren rad или просто heren), является близкимъ переводомъ этой *господы* *).

---

*) Назывался ли совѣтъ бояръ *малымъ* вѣчемъ, на это нѣтъ прямыхъ указаній. Новгородцы, грубя Ивану III передъ разрывомъ съ нимъ въ 1471 г., «на дворъ великаго князя на Городище съ *болшего* вѣча присылали многихъ людей, а намѣстникомъ его да и

Перемѣны въ составѣ боярскаго совѣта сопровождались измѣненіемъ его политическаго значенія и характера его правительственной дѣятельности. Измѣненіе того и другого было связано съ ходомъ отношеній совѣта къ князю и вѣчу. Новгородъ и Псковъ съ успѣхомъ шли къ цѣли, которой не успѣли достигнуть другіе волостные города древней Руси, къ возстановленію того значенія, какое имѣли князья на Руси въ давнее время образованія первыхъ городовыхъ волостей. Пока московскій государь не взялъ всей своей воли надъ вольными городами, князь былъ для нихъ наемный оберегатель ихъ владѣній и промышленныхъ оборотовъ, служившій за «кормлю», «воевода и князь кормленый, о комъ было имъ стояти и боронитися», какъ выражается псковской лѣтописецъ о В. В. Шуйскомъ, послѣднемъ такомъ князѣ въ Новгородѣ. Пока эти города принимали князя «по своимъ старинамъ, кой намъ любъ», князь среди мѣстнаго боярства не могъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ среди своей боярской думы въ княжествахъ удѣльной Руси: тамъ онъ превратился въ простого предсѣдателя собра-

---

послу в. князя лаяли и безчествовали» (Полн. Собр. Р. Лѣт. VI, 3). Но это пишетъ не новгородецъ, а москвичъ, который могъ посвоему называть новгородскія учрежденія. Притомъ онъ могъ считать малымъ вѣчемъ не боярскій совѣтъ, а эти шумные переговоры вѣчевыхъ уполномоченныхъ, «многихъ людей», съ намѣстниками и посломъ великаго князя. Когда палъ Псковъ въ 1510 г., оттуда увезены были въ Москву оба политическіе колокола, «вѣчевой», которымъ созывали вѣче, и «Корсунскій *вѣчникъ,* что на сѣни ъъ него звонили, какъ вѣчье было», замѣчаетъ мѣстная лѣтопись 8 лѣтъ спустя послѣ паденія Пскова. Это значитъ по нашему мнѣнію, что во время вѣчевой вольности въ Корсунскій колоколъ звонили, чтобы созвать бояръ на сѣни, т. е. на княжій дворъ, гдѣ обыкновенно засѣдалъ правительственный совѣтъ Пскова. Вел. князь Василій потомъ прислалъ два другихъ колокола вмѣсто увезенныхъ, «болшой и меншой». Но изъ того, что совѣтъ «на сѣняхъ» собирался по звону Корсунскаго вѣчника, нельзя заключать, что и этотъ совѣтъ назывался *вѣчемъ,* и еще менѣе можно заключать, что онъ назывался *малымъ* вѣчемъ: великій князь прислалъ «меншой» колоколъ вмѣсто Корсунскаго; но псковская лѣтопись не называетъ Корсунскаго *меньшимъ* вѣчникомъ, а только говоритъ о немъ, какъ о «другомъ» колоколѣ, увезенномъ въ Москву. Полн. Собр. Р. Лѣт. IV, 286, 288, 291 и 292.

ній городскихъ сановниковъ, не отъ него получавшихъ свои полномочія и не ему отдававшихъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Мѣстныя лѣтописи вообще мало занимаются отношеніями этихъ князей къ выборнымъ властямъ своихъ городовъ. По разсказу псковскаго лѣтописца, мѣстный князь, обыкновенно посаженный «изъ руки» великаго князя московскаго, въ своей правительственной дѣятельности мало выдѣлялся изъ ряда высшихъ городскихъ сановниковъ, составлявшихъ боярскій совѣтъ: вмѣстѣ съ посадниками и боярами онъ исполнялъ порученія вѣча, ѣздилъ по дипломатическимъ дѣламъ, вмѣстѣ со всѣми посадниками ходилъ по просьбѣ духовенства бить челомъ архіепископу объ учрежденіи новаго собора. Удобно обходясь въ текущихъ дѣлахъ управленія безъ князя, боярскій совѣтъ иногда и при немъ дѣйствовалъ противъ него. Донесеніе ганзейскаго посольства конца XIII в. живо рисуетъ отношенія князя съ его боярами къ новгородской господѣ. Въ Новгородѣ отняли что-то у Нѣмцевъ, вѣроятно, товары, въ чемъ участвовали, кажется, и нѣкоторые новгородскіе сановники, члены совѣта, раздѣлившіе отнятое «съ своими смердами». Въ княжихъ хоромахъ двѣ недѣли шли шумныя совѣщанія новгородскихъ сановниковъ съ княземъ и его боярами по поводу заявленныхъ послами жалобъ. Князь хотѣлъ быть безъ грѣха въ этомъ дѣлѣ, настаивалъ на удовлетвореніи Нѣмцевъ; по его порученію бояре шесть разъ просили о томъ новгородцевъ, самъ князь лично умолялъ (supplicuisset) ихъ о томъ же и очень сокрушался объ ихъ упрямствѣ. Послы обращались послѣ того къ одному старостѣ, также къ посаднику и тысяцкому, но ни отъ кого не получили удовлетворительнаго отвѣта. Тысяцкій даже высказался прямо, безъ обиняковъ, съ досадой замѣтивъ посламъ: «что это вамъ не сидѣлось дома, да зачѣмъ было и князю на этотъ годъ пріѣзжать въ Новгородъ?» По поводу этого отказа въ отвѣтѣ на глазахъ пословъ произошла горячая сцена между новгородскимъ старостой и однимъ изъ бояръ князя. Но особенно характеренъ совѣтъ, какой послалъ князь уже выѣхавшимъ изъ города Нѣмцамъ вмѣстѣ съ продовольствіемъ и подарками. Умывъ руки во всемъ, что сдѣлали

новгородцы, князь велѣлъ сказать посламъ по секрету безъ переводчика: «если вы мужи, отплатите имъ хорошенько тою же монетою». Весь этотъ случай былъ опроверженіемъ отвѣта, даннаго послами на это любезное приглашеніе князя, что возмездіе за обиду его дѣло и онъ вполнѣ можетъ сдѣлать его въ силу своей верховной власти *).

Господа тяготѣла къ вѣчу, а не къ князю. Вѣче избирало ее; къ вѣчу обращалась она за разрѣшеніемъ политическихъ вопросовъ, ему отдавала отчетъ въ своихъ правительственныхъ дѣйствіяхъ; вѣче ее судило и наказывало. Русскіе и нѣмецкіе памятники сохранили нѣсколько чертъ, рисующихъ обычный порядокъ ея дѣятельности и ея отношенія къ вѣчу. Боярскій совѣтъ созывался княземъ или посадникомъ, иногда владыкой; ни откуда не видно, чтобъ у него было урочное время для засѣданій. Житіе преп. Зосимы разсказываетъ, какъ состоялось засѣданіе новгородскаго боярскаго совѣта по дѣламъ Соловецкаго монастыря. Пришедши въ Новгородъ, Зосима жаловался владыкѣ и боярамъ на обиды, какія терпитъ братія на острову отъ окрестныхъ обывателей, холоповъ и крестьянъ, «насельниковъ» боярскихъ земель. Владыка обѣщалъ «оповѣдать» объ этомъ «боляромъ первымъ, содержащимъ градъ». Нѣсколько времени спустя архіепископъ созвалъ къ себѣ бояръ и сказалъ имъ о насельникахъ, «пакости дѣющихъ преподобному». Всѣ бояре «со множѣмъ обѣщаніемъ изволиша помогати монастырю его». Слѣдствіемъ этого ходатайства была грамота монастырю на владѣніе Соловецкими островами, скрѣпленная восемью оловянными печатями владыки, посадника, тысяцкаго и пятиконецкихъ старостъ. Въ XIV в. одно нѣмецкое посольство обратилось съ своими жалобами прежде всего къ владыкѣ, который послалъ его съ своимъ приставомъ къ посаднику, а послѣдній сказалъ посламъ, что созоветъ «господъ» и съ ними поговоритъ о дѣлѣ. Въ Псковѣ, какъ замѣчено выше, совѣтъ созывался особымъ для того назначеннымъ колоколомъ. Въ Новгородѣ князь созывалъ совѣтъ на Горо-

*) *Bunge*, Urkund. I, 682—685.

диицѣ, своемъ загородномъ дворѣ. Безъ него бояре обыкновенно собирались «у владыки въ полатѣ», во дворцѣ архіепископа на Софійской сторонѣ города. Въ отсутствіе князя владыка былъ первенствующимъ членомъ новгородскаго совѣта, предсѣдательствовалъ въ немъ, какія бы дѣла тамъ ни обсуждались *). Такъ иноземныя посольства правились всегда владыкѣ и Новгороду, т. е. прежде всего правительственному совѣту съ владыкой во главѣ. Иногда впрочемъ правительственный совѣтъ, по крайней мѣрѣ въ Псковѣ, совершалъ свои акты на самомъ вѣчѣ, въ присутствіи собравшагося народа. Псковской лѣтописецъ разсказываетъ, что князь, посадники и сотскіе на вѣчѣ «передъ всѣмъ Псковомъ» скрѣпляли крестоцѣлованіемъ договоръ съ находившимися здѣсь же нѣмецкими уполномоченными. Народное собраніе въ этихъ случаяхъ оставалось простымъ зрителемъ или свидѣтелемъ дѣйствій своего правительства. Точно такъ же псковское духовенство въ 1469 году, рѣшивъ установить у себя церковное самоуправленіе помимо владыки, на вѣчѣ предъ всѣмъ Псковомъ составило грамоту или уставъ, ухитрившись какъ-то основать его на Номоканонѣ, положило актъ въ государственный архивъ, въ «ларь» при Троицкомъ соборѣ, и тутъ же выбрало въ блюстители новаго порядка двухъ священниковъ: вѣче только смотрѣло на эти дѣйствія и одобряло ихъ. По политическому складу вольнаго города правительственный совѣтъ долженъ былъ имѣть самыя близкія отношенія къ вѣчу: по каждому вопросу, котораго не могли разрѣшить правители, они обращались къ вѣчу съ докладомъ. Во время переговоровъ съ Иваномъ III въ 1478 г. новгородскій владыка, посадники и другіе представители города на каждое новое предложеніе великаго князя давали одинъ отвѣтъ: «скажемъ то, господине, Новугороду». Иностранный посолъ въ Новгородѣ обращался съ своимъ дѣломъ иногда прямо въ совѣтъ къ владыкѣ, посадникамъ, тысяцкимъ и пятиконецкимъ

---

*) *G. de Lannoy* (Voyages et ambassades, p. 19) говоритъ о новгородскомъ владыкѣ въ 1412 году: s'y ont ung évesque, *qui est comme leur souverain.*

старостамъ; собравшись на владычнемъ дворѣ и разсмотрѣвъ дѣло, они объявляли, что «поговорятъ съ Великимъ Новгородомъ» и сообщатъ послу его приговоръ. Въ началѣ XV в. нѣмецкіе послы въ Новгородѣ съ просьбой дать имъ путь въ Псковъ обратились къ степеннымъ посаднику и тысяцкому: тѣ чрезъ нѣсколько времени дали имъ отвѣтъ, что говорили о дѣлѣ «съ своимъ отцомъ владыкой, съ господами и съ Новгородомъ». Послѣ драки Нѣмцевъ съ новгородцами въ 1331 г. первые принесли тысяцкому свой проектъ мировой записи: тысяцкій доложилъ его посадникамъ и господамъ (den borchgreuen unn den heren). Точно опредѣленнаго порядка веденія дѣлъ, очевидно, не существовало; но хорошо различались три правительственныя инстанціи: *степенные* посадникъ и тысяцкій, которые вели текущія дѣла, *совѣтъ господъ* съ владыкой во главѣ, предварительно обсуждавшій дѣла по докладу этихъ исполнительныхъ сановниковъ, и наконецъ *вѣче*, которое обыкновенно созывали тѣ же сановники для окончательнаго приговора. Иногда совѣтъ и вѣче какъ будто собирались одновременно по одному и тому же дѣлу, но въ разныхъ мѣстахъ. Въ 1495 г. Псковъ, собирая ратныхъ людей для похода на Шведовъ по зову великаго князя, положилъ сборъ и на церковныя земли. Духовенство возстало, ссылаясь на правила св. отцовъ, на Номоканонъ. Степенные посадники были съ вѣчемъ противъ освобожденія церковныхъ земель отъ ратной повинности; но въ совѣтѣ, засѣдавшемъ у князя на сѣняхъ, повидимому были сторонники духовенства *). Посадники много разъ ходили съ вѣча на сѣни и съ сѣней на вѣче, «лазили многажды на сѣни и въ вѣчье», хотѣли поповъ кнутомъ избезчествовать и двоихъ поставили на вѣчѣ въ однѣхъ рубашкахъ, изсоромотили всѣхъ поповъ и дьяконовъ. Однако при поддержкѣ въ совѣтѣ духовенство отстояло свою привилегію.

---

*) Говоримъ это въ томъ предположеніи, что мѣстная лѣтопись разумѣетъ здѣсь сѣни на дворѣ князя, а не при Троицкомъ соборѣ, гдѣ въ ларѣ вмѣстѣ съ государственными актами могъ храниться и списокъ Номоканона, понадобившійся теперь властямъ для справокъ.

Боярскій совѣтъ былъ страдательнымъ орудіемъ вѣча, исполнителемъ его постановленій: такимъ можетъ онъ показаться по оффиціальнымъ формамъ своей дѣятельности, по заведенному порядку своихъ отношеній къ вѣчу. Но по самому своему устройству вѣче не могло постоянно и послѣдовательно руководить управленіемъ, не было способно къ правильной, послѣдовательной законодательной работѣ. На дѣлѣ совѣтъ былъ часто руководителемъ вѣча, направлялъ его рѣшенія. Вопросы текущаго законодательства предварительно обсуждались въ совѣтѣ. Онъ велъ дипломатическую переписку, и купцы въ началѣ XV вѣка жаловались, что совѣтъ не все доводитъ до свѣдѣнія народа; слѣдовательно совѣтъ же рѣшалъ, доложить ли обсуждаемое дѣло вѣчу, или покончить безъ него. Когда Иванъ III въ 1478 году предъявилъ владыкѣ и другимъ властямъ Новгорода запись, на которой всѣ новгородцы должны были цѣловать ему крестъ, власти просили явить ее всему Новгороду. Иванъ послалъ запись съ подьячимъ, велѣлъ явить ее Новгороду у владыки въ палатѣ, гдѣ засѣдала новгородская господа. Дьякъ владыки списалъ запись, владыка подписалъ ее и приложилъ къ ней свою печать; приложили также печати пяти концовъ: о вѣчѣ всего Новгорода повѣствователь и не упоминаетъ. Въ исключительныхъ случаяхъ боярскій совѣтъ облекался чрезвычайной властью, какъ высшее правительственное учрежденіе. Въ 1230 г. былъ голодъ въ Новгородской землѣ; многіе изъ простонародья ѣли конину, псину, кошекъ, мертвечину, даже рѣзали живыхъ людей и съѣдали. Виновныхъ разыскивали и казнили, однихъ сожигали, другимъ рубили головы, третьихъ вѣшали. Изъ одной лѣтописи узнаемъ, какая власть производила эти розыски и казни: то были *бояре*. Есть намекъ и на участіе боярскаго совѣта въ законодательствѣ. По псковской Судной грамотѣ *господа*, т. е. князь съ посадниками и сотскими, судитъ, но не законодательствуетъ: посадники только докладываютъ Пскову на вѣчѣ о новыхъ законахъ, новыхъ «строкахъ». Но въ одной статьѣ грамоты читаемъ, что если случится бой безъ грабежа и этотъ бой видѣли многіе люди, «а ставши передъ *нами* человѣки четыре или пять».

подтвердятъ это, битому выдать того, кто билъ его. Значитъ, одна и та же господа правила городомъ, въ тѣсномъ составѣ своемъ судила и сверхъ того составляла проекты законовъ, даже не скрывая этого въ ихъ текстѣ *).

Распорядительное, руководящее значенiе совѣта должно было еще съ бóльшею силою сказываться въ его отношенiяхъ къ властямъ отдѣльныхъ частей города. Эти отношенiя наиболѣе темная сторона административнаго устройства обоихъ городовъ. Есть два акта XV в., бросающiе на нее нѣкоторый свѣтъ, но сохранившiеся подобно многимъ другимъ въ неисправныхъ спискахъ. Преп. Савва обратился къ Новгородъ съ просьбой о землѣ, на которой онъ въ началѣ XV в. основалъ монастырь недалеко отъ города (на р. Вишерѣ). Посадники и тысяцкiе, степенные и старые, пожаловали старцу эту землю, лежавшую въ округѣ Славенскаго конца. По смерти Саввы понадобилось опредѣлить границы этой земли и уладить споръ монастыря съ двумя сосѣдними землевладѣльцами. То и другое сдѣлано управленiемъ конца въ двухъ уцѣлѣвшихъ грамотахъ: первая дана посадниками «великаго конца Славенскаго», боярами, житьими людьми и всѣмъ «господиномъ» великимъ концомъ Славенскимъ, а вторая одними посадниками конца, которыхъ поименовано восемь. Эти кончанскiе посадники были обыкновенные старые посадники Новгорода, составлявшiе по мѣсту жительства управленiе конца; между ними, вѣроятно, скрытъ подъ общимъ званiемъ посадника и староста конца **). Вторая грамота имѣетъ характеръ исполнительнаго листа по отношенiю къ первой, «данной»: на основанiи ея отводилась монастырю земля, утвержденная за нимъ приговоромъ конца. Перечисленные въ ней старые посадники съ старостой конца составляли коллегiю, которая вела текущiя дѣла конца подъ надзоромъ кончанскаго схода. Значитъ, каждый новгородскiй

*) П. С. Лѣт. IV, 225 и 226, 232, 269, 292; VI, 216 и 218. *Bunge*, Urkund. IV, 531 и 755; III, 298. Полн. Собр. Р. Лѣт. III, 47 Арханг. лѣт. 56.

**) Ист. Росс. Iер. III, 559. Нѣкоторые изъ этихъ 8 посадниковъ извѣстны и по лѣтописямъ.

конецъ былъ тотъ же Новгородъ въ маломъ видѣ, имѣлъ свою исполнительную управу и свое распорядительное вѣче, гдѣ присутствовали тѣ же общественные элементы, какіе являлись въ высшихъ учрежденіяхъ. Черезъ эти кончанскія вѣча и управы дѣйствовалъ боярскій совѣтъ, возлагая на нихъ практическую разработку и исполненіе своихъ и вѣчевыхъ постановленій. Далеко не всѣ наличные бояре входили въ составъ боярскаго совѣта; но остававшіеся внѣ его не оставались внѣ управленія, заняты были въ разнообразныхъ мѣстныхъ мірахъ, не теряя связи съ высшимъ правительствомъ. Бояре отъ концовъ призывались содѣйствовать членамъ совѣта; въ свою очередь члены совѣта, старые посадники, дѣйствовали въ концахъ, сотняхъ и т. д. Руководящій голосъ на вѣчѣ, разумѣется, принадлежалъ тѣмъ же мѣстнымъ и общимъ властямъ. Весь этотъ должностной персоналъ отъ старосты улицы до степеннаго посадника, захватывая не только боярство, но и часть примыкавшаго къ нему слоя житьихъ людей, иногда выступалъ противъ самаго вѣча сомкнутымъ правительственнымъ классомъ подъ руководствомъ посадниковъ. Такъ было въ Псковѣ въ 1484—1486 гг. Посадники съ княземъ-намѣстникомъ московскимъ, не спросясь у вѣча, составили и положили въ ларь важный актъ, опредѣлявшій повинности смердовъ, государственныхъ крестьянъ, съ ущербомъ для Пскова. Вѣче раздѣлилось: «черные молодые люди» возстали и начали расправу съ виновными; но посадники, бояре и житьи люди стали заодно противъ черныхъ и поддержанные великимъ княземъ восторжествовали. Отказывая своимъ властямъ въ довѣріи, чернь однако должна была выбирать послами въ Москву тѣхъ же посадниковъ и бояръ *). И въ Новгородѣ правительственный классъ выдѣлялся на вѣчѣ изъ остальной массы, какъ ея руководитель: въ ссорѣ съ Нѣмцами въ 1331 году онъ является посредникомъ между враждующими сторонами, ведетъ переговоры съ иноземцами чрезъ своихъ посланцовъ, сдерживаетъ вѣчевую толпу и улаживаетъ столкновеніе новымъ трактатомъ.

*) Полн. Собр. Лѣт. IV, 266; V, 43.

Такъ боярство покрывало общество сѣтью учрежденій, въ которой переплетались мѣстныя правительственныя дѣла и власти съ общими и концы которой сосредоточивались въ боярскомъ совѣтѣ, завязывавшемъ ихъ въ одинъ общій узелъ. Послушное повидимому орудіе вѣча, совѣтъ былъ дѣятельнымъ рычагомъ, часто двигавшимъ самое вѣче.

Въ этомъ двойственномъ характерѣ учрежденія отражалась двойственность положенія класса, въ немъ и чрезъ него дѣйствовавшаго: завися отъ массы по политическому устройству вольнаго города, этотъ классъ господствовалъ надъ ней въ экономической жизни.

Глава IX.

Изъ разсѣянныхъ по удѣламъ князей и ихъ слугъ съ XV в., вслѣдствіе московскаго собиранія Руси, складывается въ Москвѣ правительственная аристократія.

Въ то время какъ вотчина московскихъ Даниловичей, расширяясь во всѣ стороны, превращалась въ государство Московское и всея Руси, въ составѣ и положеніи господствующаго класса московскаго общества происходила очень важная перемѣна. Въ половинѣ XV в. дворъ московскаго великаго князя былъ уже наиболѣе боярскимъ изъ всѣхъ великокняжескихъ дворовъ на Руси того времени. Но вопросъ о политическихъ отношеніяхъ къ князю, о власти независимо отъ службы еще не возбуждался. Московскіе бояре усердно поддерживали своего князя въ его стремленіяхъ; князь дѣлился съ ними плодами своихъ успѣховъ, награждая ихъ за усердную службу почетомъ, вліяніемъ, доходами, льготами; отдѣльныя личныя столкновенія разрѣшались попрежнему разрывомъ отношеній, боярскимъ отъѣздомъ. Самыя поземельныя льготы имѣли еще характеръ личнаго пожалованія, не успѣвъ обобщиться и стать сословными привилегіями. Обстоятельства, которыми сопровождались дальнѣйшіе политическіе успѣхи Москвы, вызвали и этотъ политическій вопросъ.

Съ половины XV в. измѣнился прежде всего генеалогическій составъ московскаго боярства. Если въ боярской родословной книгѣ, составленной въ концѣ XVI в., можно видѣть полное собраніе генеалогическихъ деревьевъ, процвѣтавшихъ тогда въ Москвѣ, то по ней нетрудно замѣтить, что старинное московское боярство, съ которымъ внукъ Калиты «мужествовалъ на многія страны», съ XV в. было если не подавлено, по крайней мѣрѣ закрыто массой пришельцевъ. Въ этой родословной книгѣ перечислено около 200 *родословныхъ*, т. е. родовитыхъ фамилій, успѣвшихъ достаточно обособиться и упрочить свое положеніе въ высшемъ слоѣ служилаго общества. Изъ нихъ едва ли наберется болѣе 40 такихъ, о которыхъ съ большей или меньшей увѣренностью можно было бы сказать, что онѣ въ началѣ XV в. уже дѣйствовали въ Москвѣ; притомъ многія и изъ этихъ фамилій тогда были еще недавними отсадками отъ старыхъ генеалогическихъ стволовъ. Такой наплывъ пришельцевъ самъ по себѣ не былъ новостью для московской служилой знати: посредствомъ такихъ же мелкихъ приливовъ складывалось московское боярство и въ XIV в. Но съ половины XV в. этотъ боярскій приливъ сталъ сопровождаться явленіями, которыхъ не было замѣтно прежде.

Дворъ московскаго князя уже въ XIV в. былъ наполненъ плотнѣе другихъ княжескихъ дворовъ. Выгоды московской службы привлекали къ ней сравнительно большее количество слугъ; но это не мѣшало сосѣдямъ по имѣнію, даже членамъ одной фамиліи служить при разныхъ дворахъ. Такъ устанавливалось служебное, т. е. политическое отчужденіе между людьми, связанными экономически или происхожденіемъ. Къ концу XVI в. всѣ наличныя служилыя силы, разсѣянныя дотолѣ по отдѣльнымъ княжествамъ, стали рядомъ въ распоряженіи одной власти, подъ дѣйствіемъ одного государственнаго порядка; даже люди, разъединенные между собой экономическими отношеніями и фамильными счетами, теперь по крайней мѣрѣ политически пришли во взаимное соприкосновеніе, если и не сплотились тотчасъ въ цѣльный и единодушный классъ. Въ нѣкоторыхъ сферахъ государственной жизни того времени

довольно ясно отражался процессъ этого политическаго сближенія. Въ первое время по присоединеніи удѣльныхъ княжествъ къ Москвѣ дворы ихъ еще не сливались съ московскимъ, оставаясь особыми мѣстными группами, военными и административными. По разряднымъ книгамъ, т. е. походнымъ росписямъ тогдашняго главнаго штаба въ Москвѣ, видно, что при великомъ князѣ Иванѣ III, много лѣтъ спустя по присоединеніи къ Москвѣ Воротынска, Бѣлева и Одоева, военныя силы этихъ удѣловъ еще не вводились въ общій распорядокъ московскихъ полковъ большаго, передоваго и другихъ. Владѣльцы этихъ удѣловъ, теперь служилые московскіе князья, составляли съ своими дворами особые полки, и московскій Разрядъ предоставлялъ имъ въ походѣ становиться подлѣ того или другого московскаго полка, справа или слѣва, «гдѣ похотятъ». Впрочемъ уже въ послѣдніе годы княженія Ивана III они не присоединяются къ московскимъ корпусамъ съ своими удѣльными вспомогательными отрядами, а сами становятся во главѣ того или другого московскаго полка, но только когда другими частями той же арміи командуютъ служилые князья, которые сравнительно со старымъ боярствомъ Москвы еще недавно, какъ и они сами, признали себя слугами московскаго государя. Въ княженіе Иванова сына исчезаетъ и этотъ остатокъ прежней удѣльной особности служилыхъ князей. Тотъ же самый кн. Василій Семеновичъ Швихъ-Одоевскій или кн. Иванъ Михайловичъ Воротынскій, которые или отцы которыхъ командовали своими удѣльными полками въ московскихъ походахъ, теперь водили московскіе полки по росписи не только вмѣстѣ съ кн. Даниломъ Васильевичемъ Щенятемъ, литовскіе предки котораго уже съ начала XV в. служили Москвѣ, но и съ такими представителями стариннаго нетитулованнаго московскаго боярства, какъ Яковъ Захарьевичъ Кошкинъ, Андрей Васильевичъ Сабуровъ или Иванъ Андреевичъ Колычовъ. Это значитъ, что пришельцы нашли себѣ наконецъ опредѣленное и постоянное мѣсто въ рядахъ московской знати. Такой же процессъ совершался на всѣхъ ступеняхъ тогдашней служилой іерархіи отъ верхняго слоя бывшихъ удѣльныхъ князей и до

низшей ступени уѣздныхъ дѣтей боярскихъ; только сохранившіеся памятники не позволяютъ намъ наблюдать его внизу такъ же легко, какъ онъ замѣтенъ наверху. Князь В. В. Ромодановскій, потомокъ утратившихъ удѣльную самостоятельность князей Стародубскихъ, служилъ *бояриномъ* у удѣльнаго верейскаго князя Михаила Андреевича. Много лѣтъ спустя по смерти своего государя, именно въ 1501 г., этотъ титулованный удѣльный бояринъ является въ спискѣ думныхъ людей Московскаго государства; но онъ стоитъ здѣсь чиномъ пониже, т. е. въ званіи *окольничаго*, въ которомъ и умеръ, не дослужившись до боярства. Можно отмѣтить еще случай, показывающій, какъ шло сліяніе дворовъ другихъ княжествъ съ московскимъ. Ив. Никит. Жито-Бороздинъ, членъ знатнаго боярскаго рода Твери, перешедшій на московскую службу лѣтъ за 9 до паденія Тверскаго княжества, является потомъ бояриномъ и въ московскомъ спискѣ. Сынъ его Петръ Ивановичъ Житовъ едва ли успѣлъ получить боярство еще въ Твери, до эмиграціи отца въ Москву. Въ московской разрядной росписи 1509 года, спустя 33 года послѣ этого переселенія и 24 года послѣ паденія Твери, Петръ Ивановичъ Житовъ прописанъ *тверскимъ бояриномъ;* между тѣмъ въ Москвѣ онъ служилъ и умеръ въ званіи *окольничаго*. Значитъ, тверской эмигрантъ служилъ по двумъ спискамъ, бояриномъ по тверскому, окольничимъ по московскому. Съ половины XVI в. такое чиновное двоеніе исчезаетъ. Такимъ образомъ удѣльные ручьи, вливавшіеся въ московскій служилый водоемъ, нѣкоторое время текли еще отдѣльными струями, которыя замѣтно отличались отъ воспринимавшей ихъ массы, пока не исчезали въ общемъ водоворотѣ *).

И до XV в. московское боярство отличалось сброднымъ составомъ, слагалось изъ единицъ различнаго происхожденія, прибывавшихъ въ Москву при различныхъ обстоятельствахъ.

*) См. боярскій списокъ въ Древн. Росс. Вивл., т. XX. И. В. Ощера, служившій до 1472 г. бояриномъ у удѣльнаго дмитровскаго князя Юрія, въ Москвѣ болѣе 10 лѣтъ числился окольничимъ и умеръ, не дослужившись до полнаго боярства. Собр. гос. гр. и дог. I, № 96.

Политическія бури, которыя неслись тогда на Русскую землю съ востока, юга и запада,—да простятъ намъ это новое риторическое сравненіе, наглядно изображающее историческій фактъ,—эти бури, сокрушая общественныя вершины по окраинамъ, чаще всего заносили сорванныя вѣтки въ центральное междурѣчье Оки и верхней Волги, на берега рѣки Москвы. Не разъ сюда попадалъ пришлецъ изъ какой-нибудь далекой нерусской страны, изъ Прусской земли, изъ «Волошскаго» или «Тврижскаго» государства, даже изъ Орды. Такимъ образомъ уже ко времени Василія Темнаго среди суздальскаго крестьянскаго чернолѣсья въ Москвѣ поднялось десятка два-три красныхъ генеалогическихъ деревьевъ. Во время безпорядковъ въ Литвѣ въ 1378 г. князь трубчевскій Димитрій Ольгердовичъ пріѣхалъ въ Москву, какъ говоритъ лѣтопись, «въ рядъ къ великому князю Димитрію Ивановичу и урядися у него въ рядъ и крѣпость взя». Великій князь далъ ему крѣпость и рядъ, принялъ съ честію великою и со многою любовію столь знатнаго слугу и пожаловалъ ему городъ Переяславль со всѣми пошлинами *). Подобнымъ образомъ опредѣлялось въ Москвѣ положеніе и другихъ менѣе знатныхъ пришельцевъ: они также рядились съ великимъ княземъ и брали крѣпости, образчики которыхъ можно видѣть въ нѣкоторыхъ сохранившихся жалованныхъ грамотахъ, которыя давали московскіе князья пріѣзжимъ слугамъ своимъ «на пріѣздъ» въ XIV и XV в. По этимъ грамотамъ можно видѣть, что каждый гость принимался въ Москвѣ охотно по личному уговору съ княземъ, получалъ мѣсто по личнымъ качествамъ, какъ они тогда цѣнились въ Москвѣ, держался на этомъ мѣстѣ, падалъ или поднимался по личнымъ заслугамъ или личной удачѣ, вообще вступалъ въ личныя отношенія къ принявшему его хозяину. Пріѣхавшая служилая единица со временемъ становилась единицей фамильной, родословной; но къ послѣдней переходила по наслѣдству та случайность отношеній, которая господствовала въ положеніи ея родоначальника среди

*) Никон. IV, 84.

московскаго служилаго люда. Въ XV и XVI в. новые слуги приливали въ Москву цѣлыми массами, а не единицами. Подъ рукой московскаго князя собиралось все наличное количество служилыхъ людей, разсѣянное дотолѣ по разнымъ княжествамъ, съ прибавкой людей, которые прежде не служили, а сами имѣли вольныхъ слугъ. Московскій государь не уговаривался съ каждымъ лицомъ, которое Разрядный приказъ заносилъ въ московскіе списки; на мѣсто личнаго *ряда* въ опредѣленіи положенія новаго слуги должно было явиться *уложеніе*, общая норма. Образчики такихъ уложеній находимъ въ тѣхъ опредѣленіяхъ княжескихъ договорныхъ и духовныхъ грамотъ того времени, которыя касаются служилыхъ князей и вольныхъ слугъ.

Одна важная перемѣна успѣла къ половинѣ XVI в. обозначиться въ томъ положеніи, какое создано было для московскаго боярства событіями послѣднихъ ста лѣтъ. Это былъ іерархическій порядокъ, въ который стали складываться служебныя отношенія людей этого класса. Приливъ новыхъ слугъ въ Москву цѣлыми массами съ половины XV в. возбудилъ въ служилой средѣ множество казуистическихъ вопросовъ, безъ которыхъ обходилось московское боярство прежде при своемъ болѣе простомъ составѣ. Всѣ эти вопросы касались того, какъ размѣститься на московской іерархической лѣстницѣ, въ государственномъ управленіи и за великокняжескимъ столомъ, какъ размѣститься здѣсь людямъ, столь непохожимъ другъ на друга по характеру, происхожденію и по прежнему общественному положенію, которые до той поры не имѣли между собой ничего общаго и теперь встрѣтились въ передней палатѣ московскаго дворца. По мѣстническимъ столкновеніямъ московскихъ бояръ съ конца XV в. можно слѣдить за тѣмъ, какъ устанавливалась эта новая боярская іерархія въ Москвѣ. Кажется, прежде всего восторжествовало общее правило, что бывшій удѣльный князь становится и садится выше нетитулованнаго боярина, хотя бы первый былъ вчерашнимъ слугой Москвы, а послѣдній могъ указать въ своей родословной нѣсколько поколѣній знатныхъ предковъ, ей служившихъ. Извѣстенъ мѣстническій случай, въ которомъ самъ Иванъ III

выразилъ мысль о служебномъ преимуществѣ служилаго князя передъ простымъ, хотя бы и родовитымъ московскимъ бояриномъ. Юр. Зах. Кошкинъ въ литовскомъ походѣ на Ведрошу не хотѣлъ командовать сторожевымъ полкомъ подъ воеводой большаго полка кн. Дан. В. Щенятемъ. Великій князь, объяснивъ ему неприличіе его жалобы съ политической точки зрѣнія, напомнилъ ему одинъ служебный случай изъ первыхъ лѣтъ своего княженія: бояринъ Ѳ. Дав. Хромой, одного корня съ старинными московскими фамиліями Бутурлиныхъ и Челядниныхъ, командовалъ сторожевымъ полкомъ, когда главнымъ воеводой былъ послѣдній великій князь ярославскій, только въ 1463 г. съ своими удѣльными родичами бившій челомъ на московскую службу. Великій князь хотѣлъ сказать Захарьичу этимъ служебнымъ напоминаніемъ, что прежде бояринъ изъ фамиліи родовитой не менѣе Кошкиныхъ не обижался, отступая на низшее мѣсто передъ княземъ ярославскимъ, гораздо менѣе давнимъ московскимъ слугой, чѣмъ потомокъ Гедимина кн. Щеня-Патрикѣевъ. Такъ генеалогической знатности стали жертвовать давностью службы. Этимъ объясняется явленіе, рѣзко бросающееся въ глаза при чтеніи московскихъ разрядныхъ книгъ съ конца XV вѣка: вездѣ на первыхъ мѣстахъ государственнаго управленія стоятъ почти одни служилые князья, и только какой-нибудь Воронцовъ изъ старой первостепенной боярской фамиліи Москвы Вельяминовыхъ да столь же знатные Кошкины еще держатся кое-какъ на поверхности служилаго потока. Выражавшійся въ этомъ служебномъ явленіи взглядъ сдѣлался мѣстническимъ преданіемъ, которое крѣпко держалось въ московскихъ служилыхъ умахъ и тогда, когда уже съ успѣхомъ стала пробиваться совсѣмъ иная оцѣнка сравнительнаго достоинства служилаго человѣка. Вельяминовы-Зерновы, не Воронцовы, начали служить въ Москвѣ гораздо раньше князей Вяземскихъ. Въ XVII в. одинъ изъ этихъ князей, доказывая свое служебное превосходство передъ Вельяминовымъ, говорилъ на мѣстническомъ судѣ: «да и по степени мы выше Вельяминовыхъ, потому что пошли отъ старшаго Мономахова сына, а Вельяминовы изъ Орды пришли, а не отъ великихъ и не отъ удѣльныхъ князей:

такъ мы больше Вельяминовыхъ». Правило, которымъ опредѣлялось общее отношеніе по службѣ между служилымъ княжьемъ и простымъ боярствомъ, легло въ основаніе распорядка служебныхъ отношеній и между самими князьями. Здѣсь было признано, что послѣдніе разставливаются въ рядахъ московской служебной іерархіи по качеству столовъ, на которыхъ сидѣли ихъ владѣтельные предки: потомокъ княжеской вѣтви, занимавшей старшій изъ столовъ извѣстной линіи, ростовской, ярославской или тверской, по этому самому становился выше своихъ родичей, предки которыхъ пришли въ Москву съ младшихъ удѣльныхъ столовъ тѣхъ же линій. По разряднымъ росписямъ съ конца XV в. можно замѣтить, что всякій разъ, когда кн. Дан. А. Пенку (правильнѣе Пеньку) или его сыновьямъ приходилось идти въ походъ воеводами вмѣстѣ съ ихъ ярославскими родичами, князьями Сицкими, Ушатыми, Курбскими, Дуловыми, Прозоровскими, они становились выше послѣднихъ иногда на много іерархическихъ степеней. Фамилія князей Пенковыхъ пошла отъ упомянутаго выше послѣдняго великаго князя ярославскаго Александра Ѳедоровича, и объ ней родословная книга замѣчаетъ: «и потому княжъ Даниловъ родъ Пенковъ въ своемъ роду (въ ярославской княжеской линіи) большой, что до отца его были они на Ярославлѣ на большомъ княженіи». Князья Сицкіе, Прозоровскіе, Ушатые, Дуловы напротивъ шли отъ родоначальника, сидѣвшаго на одномъ изъ ярославскихъ удѣловъ, на Мологѣ *). Послѣдовательное примѣненіе того же

*) Замѣчательно, что это служебное преимущество Пенковыхъ вовсе не было основано на ихъ родовомъ старшинствѣ среди линіи ярославскихъ князей. Въ этомъ отношеніи князья Курбскіе, пришедшіе изъ другого ярославскаго удѣла, были выше Пенковыхъ, потому что шли по прямой линіи отъ князя, который былъ старшимъ братомъ родоначальника князей Пенковыхъ. Но этотъ старшій братъ не сидѣлъ на великомъ княженіи въ Ярославлѣ, а старшій, отецъ кн. Александра Ѳедоровича, сидѣлъ. Отсюда произошло любопытное явленіе въ московскомъ мѣстничествѣ, само по себѣ противорѣчившее первоначальному основанію мѣстничества, различіе между старшинствомъ родовымъ и служебнымъ, такъ что члены нѣкоторыхъ фамилій имѣли двоякое мѣстническое *отечество*, по «родословцу» и по «разрядамъ».

правила приводило и къ одному исключенію изъ него. Когда служилый классъ въ Москвѣ началъ разстанавливаться по общему *уложенію*, а не по личному уговору новаго слуги съ великимъ княземъ, тогда на служебную карьеру фамиліи стало оказывать рѣшительное дѣйствіе то общественное положеніе, какое занимала она или ея родоначальникъ въ минуту перехода на московскую службу. Съ этимъ въ связи стоитъ и то извѣстное въ московскомъ мѣстничествѣ явленіе, что въ Москвѣ считались отношеніями предковъ, имѣвшими мѣсто еще до перехода послѣднихъ на московскую службу въ исчезнувшихъ уже княжествахъ. Удѣльный князь, дѣлаясь слугой Москвы, потому и становился выше стариннаго московскаго боярина, что послѣдній служилъ, когда первый самъ былъ государемъ, имѣвшимъ такихъ же своихъ слугъ. Но къ началу XVI в., когда исчезали послѣднія самостоятельныя княжества, въ спискахъ московскаго штаба накопилось много такихъ удѣльныхъ князей, которые перешли въ переднюю московскаго дворца не прямо съ удѣльныхъ столовъ: раньше этого они успѣли уже сдѣлаться слугами другихъ такихъ же удѣльныхъ князей, какими были прежде сами. Строгое примѣненіе указаннаго выше правила къ такому случаю уничтожало іерархическія преимущества, вытекавшія изъ княжескаго происхожденія: нетитулованный бояринъ, служившій московскому *великому* князю, становился выше князя, служившаго до перехода въ Москву князю *удѣльному*, какъ становился онъ выше и простаго удѣльнаго боярина. Нащокины старинная боярская фамилія, усѣвшаяся въ Москвѣ еще до половины XIV в. Она потомъ захудала, и только въ XVII в. знаменитый Аѳ. Лавр. Ординъ-Нащокинъ напомнилъ, что нѣкогда его предки служили боярами у потомковъ Калиты. Въ 1572 г. членъ этой фамиліи, думный дворянинъ Ром. Вас. Олферьевъ-Безнинъ былъ назначенъ товарищемъ казначея кн. В. В. Литвинова-Масальскаго, потомка черниговскихъ-карачевскихъ князей. Олферьевъ жаловался на униженіе и представилъ судившимъ его боярамъ родословную роспись своей фамиліи вмѣстѣ съ росписью князей Масальскихъ. Въ числѣ доказательствъ служебнаго превосходства своего рода

передъ этими князьями, даже главнымъ доказательствомъ Олферьевъ приводилъ въ своей челобитной царю такое соображеніе: «мы, холопи твои, искони вѣчные ваши государскіе, ни у кого не служивали окромя васъ, своихъ государей, а Масальскіе князи служили Воротынскимъ княземъ, кн. Ив. Масальскій-Колода служилъ кн. И. Воротынскому, были ему приказаны собаки», т. е. онъ былъ у него ловчимъ или, выражаясь языкомъ удѣльнаго времени, путнымъ бояриномъ ловчаго пути. Кн. Масальскій призналъ силу этого доказательства, заявивъ на судѣ, что Романъ человѣкъ великій, а онъ человѣкъ молодой и счету съ Романомъ не держитъ никотораго.

Такъ вскрывается цѣлый слой общественныхъ понятій, принесенныхъ въ Москву вмѣстѣ съ родовитыми именами, которыя съ половины XV в. въ такомъ множествѣ нахлынули въ служилые списки московскаго Разряда. Эти понятія замѣтно подѣйствовали на правительственный порядокъ, какой съ того времени устанавливался въ Москвѣ. Они главнымъ образомъ создали не самое мѣстничество, слѣды котораго становятся замѣтны гораздо прежде, а ту особую эпоху въ его исторіи, какой было столѣтіе съ княженія Ивана III до перемѣнъ, внесенныхъ въ мѣстничество московской боярской думой при его внукѣ, потому что надобно строго отличать старинныя общія основанія мѣстничества отъ своеобразнаго строя мѣстническихъ отношеній, сложившагося въ служиломъ обществѣ Московскаго государства. Благодаря тѣмъ же понятіямъ разнообразные элементы, изъ которыхъ составилось служилое московское общество, распредѣлились на нѣсколько іерархическихъ разрядовъ, которые довольно явственно обозначились въ XVI в. Первый разрядъ, который тонкимъ слоемъ легъ на поверхности московскаго боярства, составили высшіе служилые князья, предки которыхъ пріѣхали въ Москву изъ Литвы или съ великокняжескихъ русскихъ столовъ: таковы были потомки литовскаго князя Юрія Патрикѣевича, также князья Мстиславскіе, Бѣльскіе, Пенковы, старшіе Ростовскіе, Шуйскіе и другіе; изъ простаго московскаго боярства одни Кошкины съ нѣкоторымъ успѣхомъ держались среди этой высшей знати. Затѣмъ слѣдуютъ князья, предки которыхъ

до подчиненія Москвѣ владѣли значительными удѣлами въ бывшихъ княжествахъ Тверскомъ, Ярославскомъ и другихъ, князья Микулинскіе, Воротынскіе, Курбскіе, старшіе Оболенскіе; къ нимъ присоединилось и все первостепенное нетитулованное боярство Москвы, Воронцовы, Давыдовы, Челяднины и другіе. Въ составъ третьяго разряда вмѣстѣ со второстепеннымъ московскимъ боярствомъ, съ Колычовыми, Сабуровыми, Салтыковыми, вошли потомки мелкихъ князей удѣльныхъ или оставшихся безъ удѣловъ еще прежде, чѣмъ ихъ бывшія отчины были присоединены къ Москвѣ, князья Ушатые, Палецкіе, Мезецкіе, Сицкіе, Прозоровскіе и многіе другіе. Этотъ іерархическій распорядокъ былъ основанъ на происхожденіи, мало поддавался дѣйствію личныхъ заслугъ, какъ и дѣйствію произвола московскихъ государей, и дѣлалъ большіе успѣхи въ стремленіи стать наслѣдственнымъ. На этомъ распорядкѣ держалось и мѣстническое боярское *отечество*, т. е. созданное предками и переходившее по наслѣдству къ потомкамъ служебное отношеніе лица и фамиліи къ другимъ служилымъ лицамъ и фамиліямъ. Іерархію должностныхъ лицъ, выстраивавшуюся на такомъ основаніи, нельзя назвать иначе, какъ правительственной аристократіей, какъ бы строго, т. е. узко ни понимали мы это слово. У насъ не любятъ называть имъ старое московское боярство, и въ приложеніи къ послѣднему оно звучитъ парадоксомъ. Но тѣ, кому не жаль тратить слова, доказывая невозможность аристократіи при такой неограниченной власти, какую имѣли московскіе самодержцы XVI и XVII в., забываютъ или не хотятъ припомнить, что само московское правительство прямо признавало боярское *отечество* независимымъ ни отъ служебныхъ успѣховъ, ни отъ воли государя и рѣдко нарушало эту независимость даже при такихъ государяхъ, которые совсѣмъ не были склонны высказывать такое признаніе. Въ 1616 году кн. Ѳ. Волконскій жаловался, что ему *по своей службѣ* обидно быть меньше боярина П. П. Головина. Кн. Волконскій былъ человѣкъ «неродословный» и могъ сослаться только на свою личную службу, а не на предковъ. Бояре, разбиравшіе дѣло по приказу царя, послали князя въ тюрьму за то, что онъ своимъ бездѣльнымъ

челобитьемъ обезчестилъ и опозорилъ Головина и его «родителей». На допросѣ бояре напомнили кн. Ѳедору, что по государеву указу неродословнымъ людямъ съ родословными суда и счету въ отечествѣ не бывало, а что касается до его службы, то *за службу жалуетъ государь помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ* *). Феодальный баронъ едва ли сумѣлъ бы аристократичнѣе формулировать одно изъ основныхъ воззрѣній политической аристократіи.

Итакъ, когда правительственныя силы, разсѣянныя по удѣламъ, собрались въ Москвѣ и вошли въ составъ здѣшняго боярства, въ немъ установился распорядокъ лицъ и фамилій, отличавшійся аристократическимъ характеромъ. Это была главная перемѣна, происшедшая въ положеніи московскаго боярства при его новомъ составѣ. Она даетъ возможность опредѣлить, что такое было московское боярство въ этомъ составѣ, который, измѣняясь, сохраняетъ свои основы до конца XVII в., до отмѣны мѣстничества. Въ памятникахъ тѣхъ вѣковъ не находимъ такого опредѣленія. Тогда различали людей *родословныхъ* и *неродословныхъ;* но бояре, какъ отдѣльные сановники, не всѣ были родословные люди, а родословные люди далеко не всѣ бывали боярами. Слово *боярство* тогда значило чинъ боярина, а не классъ. Чтобы не слишкомъ расходиться съ тогдашнимъ соціальнымъ дѣленіемъ, можно дать боярству, какъ классу, условное значеніе круга московскихъ фамилій, считавшихся въ XVI в. родословными. Въ опредѣленіи этой родословности надобно различать ея источники и ея признаки, показатели. Въ мѣстническихъ дѣлахъ трудно найти точныя и полныя указанія на источники по ихъ разнообразію; наиболѣе обычными доказательствами родословности служили ея признаки, на которые ссылались мѣстники, спорившіе о мѣстахъ. Основнымъ и общимъ источникомъ можно признать происхожденіе отъ лица титулованнаго или простого, состоявшаго на московской службѣ въ званіи боярина или окольничаго приблизительно до XVI в. Съ начала этого вѣка, сколько из-

*) Книги Разр. I, 206.

вѣстно, только знатные князья, принятые на московскую службу, каковы Мстиславскіе, Черкасскіе, Урусовы, Сулешовы, начинали собою родословныя московскія фамиліи. Осязательнѣе признаки родословности: они были убѣдительнѣе и чаще надобились. Въ сложныхъ мѣстническихъ дѣлахъ эти признаки постепенно по мѣрѣ движенія процесса выступаютъ съ обѣихъ тяжущихся сторонъ, какъ исковые «доводы», доказательства, или какъ отвѣтныя «встрѣчи», возраженія. Затѣвая искъ, родословный «мѣстникъ» прежде всего искалъ въ *разрядныхъ книгахъ* «случая», такого должностнаго назначенія изъ прежнихъ лѣтъ, которое дало бы ему возможность опредѣлить родословную «мѣру» своего «совмѣстника», соперника, кого онъ больше или меньше и кому «въ версту», т. е. кому ровня. Въ этихъ книгахъ изъ году въ годъ записывались высшія военныя и другія служебныя назначенія, которыя преимущественно принимались къ мѣстническому учету родовитости. Если тамъ не оказалось никого изъ предковъ и старшихъ родственниковъ учитываемаго лица, значитъ, это человѣкъ «неразрядный». Въ противномъ случаѣ надобно было брать хранившійся въ Разрядномъ приказѣ оффиціальный родословецъ съ поименными росписями поколѣній боярскихъ родовъ и по нимъ искать, въ какомъ генеалогическомъ отношеніи стоитъ это лицо къ его предку, найденному въ разрядной книгѣ *). Если у этого лица въ родословцѣ не имѣлось такой росписи его рода, значитъ, это человѣкъ «неродословный»: родословные люди собственно потому такъ и назывались, что такія поименныя росписи ихъ родовъ помѣщались въ общемъ боярскомъ родословцѣ. Тогда можно было возразить въ спорѣ, что предки соперника въ родословцѣ поименно не описаны, служили гдѣ-то «съ городомъ», въ провинціальной глуши, и про нихъ почему знать, «сколько ихъ тамъ плодилось и кто у нихъ большой и меньшій братъ и какъ съ ними считаться по роду»? Наконецъ, въ

*) Объ этомъ «Государевѣ родословцѣ» XVI в. см. въ Извѣстіяхъ Русск. Генеал. Общ., вып. I, отд. 1, стр. 49 статью г. *Лихачева* Государевъ родословецъ и Бархатная книга. Авторъ относитъ составленіе этого родословца къ 1555 г.

отвѣтъ на возраженіе противника, оказавшагося и неразряднымъ и неродословнымъ, могла понадобиться справка о его чиновной «чести», въ какихъ государевыхъ чинахъ бывали его предки и сколь «стара» ихъ честь. Въ XVI в. было немало служилыхъ фамилій, отвѣтвившихся отъ родовитыхъ деревьевъ, но потомъ захудавшихъ, первыя поколѣнія которыхъ перечислялись въ боярскомъ родословцѣ, а родоначальники бывали гдѣ-нибудь даже боярами введенными и горододержавцами, что придавало фамиліи родословный видъ. Люди такихъ палыхъ фамилій любили, особенно послѣ Смуты, задирать родословныхъ людей мѣстническими кляузами. Имъ надо было показать, что ихъ отцы и дѣды ни въ какой чести не бывали, ни въ окольничихъ, ни въ стольникахъ, что сами они просто «молодые дѣтишки боярскіе», а потомъ ихъ смотря по степени генеалогической дерзости посылали въ тюрьму либо сѣкли кнутомъ и выдавали головою тѣмъ, съ кѣмъ они такъ неосторожно вздумали мѣряться отечествомъ. Таковы наиболѣе явственные признаки принадлежности къ тому кругу фамилій, который принято называть московскимъ боярствомъ. Примѣняясь къ языку мѣстничества, эти признаки можно обозначить словами: *разрядность, родословность* и *чиновность.*

Глава X.

Въ составѣ московской боярской думы XVI в. отразились довольно точно перемѣны въ составѣ московскаго боярства съ половины XV в.

Появленіе у московскаго правительственнаго механизма многочисленнаго класса съ такимъ аристократическимъ складомъ было естественнымъ послѣдствіемъ успѣшнаго собиранія Руси московскими князьями. Однако явленіе это было довольно неожиданно: его едва ли предвидѣли и навѣрное не пожелали бы, еслибы предвидѣли, сами собиратели Руси, когда сосредоточивали въ своихъ рукахъ разбитую на части Русскую землю съ такимъ терпѣливымъ усердіемъ и съ такою изобрѣтательностію въ способахъ дѣйствія.

Посмотримъ, какъ отразился этотъ неожиданный фактъ на составѣ изучаемаго правительственнаго учрежденія. Для этого мы разберемъ погодный списокъ думныхъ московскихъ сановниковъ, которые съ начала XVI и почти до конца XVII в. приходили одни за другими въ переднюю государевыхъ кремлевскихъ хоромъ, чтобы подъ предсѣдательствомъ государя или безъ него «посидѣть о дѣлахъ» *). Разбирая этотъ списокъ, мы пересчитаемъ особо людей каждаго изъ трехъ чиновъ, составлявшихъ іерархію думы, т. е. бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ, пока не касаясь служилаго значенія этихъ чиновъ. Беремъ хронологическое пространство въ 176 лѣтъ, съ 1505 года, когда сѣлъ на великокняжескій столъ Василій Ивановичъ, и до смерти царя Ѳеодора Алексѣевича въ 1682 году, то-есть до эпохи, съ которой пошла усиленная ломка вѣковыхъ порядковъ и понятій въ Московскомъ государствѣ и обществѣ. Дѣлимъ это пространство на двѣ равныя половины, по 88 лѣтъ въ каждой, и фамиліи людей, присутствовавшихъ въ думѣ въ ту и другую половину, сортируемъ по ихъ происхожденію и *отечеству*.

Съ 1505 года до 1593 включительно насчитываемъ до 70 фамилій, члены которыхъ перебывали въ московской государевой думѣ въ званіи бояръ. Изъ нихъ слишкомъ 40 носили княжескій титулъ; остальныя были простыя боярскія фамиліи. Пересчитывая бояръ того и другого разряда поголовно, находимъ, что изъ двухъ сотенъ бояръ, посидѣвшихъ въ думѣ въ этотъ періодъ времени, было почти 130 князей и только 70 лицъ съ чѣмъ-нибудь некняжескаго происхожденія. Пользуясь

*) Др. Росс. Вивл. ч. XX. Списокъ этотъ не совсѣмъ исправенъ. Провѣривъ его, сколько было возможно, съ помощію лѣтописей, *разрядныхъ* и *боярскихъ* книгъ и списковъ, изданныхъ и рукописныхъ, мы могли замѣтить, что съ княженія Василія Ивановича неисправность списка состоитъ не столько въ неполнотѣ перечня, сколько въ невѣрности хронологическихъ показаній: многіе бояре и окольничіе были пожалованы въ эти званія раньше, чѣмъ показано въ спискѣ. Ср. этотъ списокъ съ помѣщеннымъ въ Архивѣ ист.-юр. свѣд., кн. 2, половина 1, отд. 2, стр. 121. Разумѣется, въ выводахъ, излагаемыхъ далѣе, нельзя искать полной точности.

наиболѣе обычнымъ способомъ обозначенія количественныхъ отношеній, можно сказать, что княжескихъ фамилій, члены которыхъ сидѣли въ думѣ боярами, было около 61,5%, а некняжескихъ около 38,5%. Считая лица, а не фамиліи, видимъ, что титулованная знать выслала въ думу въ званіи бояръ около 65%, а нетитулованная около 35%. Значитъ, княжье численно преобладало въ составѣ думы великаго князя Василія, его сына и внука. Это княжье почти все состояло изъ лицъ, которыя или отцы которыхъ покинули свои княжескіе столы для московской службы недавно, при Иванѣ III или его сынѣ. Притомъ уже въ XVI вѣкѣ замѣтно дѣйствіе привилегіи, которая дѣлила боярскія фамиліи на два разряда, высшій и низшій: члены однѣхъ достигали боярства, проходя предварительно званіе окольничаго, а члены другихъ становились прямо боярами, минуя эту ступень. Къ привилегированному слою принадлежатъ все тѣ же недавніе московскіе слуги съ громкими удѣльными титулами, князья Ростовскіе, Пенковы-Ярославскіе, Пронскіе, Микулинскіе, Шуйскіе, Воротынскіе, Мстиславскіе, Глинскіе, Щепятевы и ихъ родичи Булгаковы съ своими вѣтвями, Голицыными и Куракиными, Оболенскіе-Репнины и Оболенскіе-Серебряные. Изъ фамилій стараго московскаго нетитулованнаго боярства этимъ служебнымъ преимуществомъ пользуются лишь нѣкоторые изъ Воронцовыхъ, Бутурлиныхъ и Челядниныхъ, Яковлей и Юрьевыхъ, двухъ вѣтвей фамиліи Кошкиныхъ, если только здѣсь не обманываетъ насъ неполнота списка, не обозначившаго, когда бояре этихъ фамилій были окольничими. Съ 1594 года до смерти царя Ѳедора Алексѣевича въ 1682 году слишкомъ 60 фамилій попали въ списокъ бояръ думы; изъ нихъ княжескихъ было до 40, около 62%. Но мы ошиблись бы, подумавъ на основаніи этого процента, что боярская дума и въ XVII в. сохраняла свой прежній родовитый составъ, даже стала немного аристократичнѣе сравнительно съ думой предшествующаго столѣтія. Напротивъ, съ точки зрѣнія родословной знати XVI в. можно сказать, что по прекращеніи старой династіи московская боярская дума «захудала», стала наполняться «молодыми людь-

ми», дворянскою демократіей. Хотя процентъ княжескихъ фамилій въ высшемъ думномъ чинѣ теперь нѣсколько поднялся, зато численное отношеніе бояръ-князей ко всему количеству бояръ думы значительно упало: теперь титулованныя фамиліи выставили въ думу около 110 человѣкъ почти на 200 бояръ, отмѣченныхъ въ спискѣ членовъ думы, т. е. около 56% вмѣсто 65%, какъ приблизительно было впродолженіе 88 лѣтъ до 1594 года. Слѣдовательно нетитулованное боярство въ думѣ выиграло у князей въ XVII в. до 9%. Притомъ княжескія фамиліи, представители которыхъ сидѣли боярами въ думѣ съ 1594 года, въ значительномъ большинствѣ были уже далеко не тѣ, какія то-и-дѣло мелькаютъ въ спискѣ бояръ прежде. До 20 княжескихъ фамилій XVI в. исчезли для думы XVII вѣка: ни одного члена ихъ не встрѣчаемъ въ числѣ московскихъ государевыхъ совѣтниковъ, которымъ сказано боярство послѣ 1593 года. На мѣсто этихъ выбывшихъ фамилій появляется до 17 новыхъ, изъ которыхъ никто не бывалъ бояриномъ до 1594 года. Справившись по родословнымъ о происхожденіи этихъ новыхъ думныхъ фамилій, находимъ, что большею частью это были младшіе отпрыски генеалогическихъ стволовъ, старшія вѣтви которыхъ наполняли своими именами списки думныхъ людей XVI в. Не появляются болѣе въ думѣ боярами ни князья Пенковы, ни князья Курбскіе, ни князья Шастуновы, ни Кубенскіе, большіе роды ярославской княжеской линіи; на смѣну имъ приходятъ люди младшихъ родовъ той же линіи, князья Прозоровскіе, изъ которыхъ было 6 бояръ съ 1613 года, князья Шаховскіе, князья Львовы. То же явленіе можно замѣтить и въ другихъ боярскихъ фамиліяхъ, не только княжескихъ, но и простыхъ. Въ спискахъ бояръ нѣтъ болѣе Поплевиныхъ, старшей линіи Морозовыхъ; но вторая линія Салтыковыхъ, появляющаяся въ думѣ довольно поздно, уже во второй половинѣ XVI вѣка, въ XVII в. проводитъ туда болѣе 10 бояръ. Не встрѣчаемъ въ думѣ XVII в. и людей четвертой линіи того же стараго боярскаго рода Москвы Тучковыхъ, строптивыхъ нѣкогда свойственниковъ князей Курбскихъ; но пятая линія Шеиныхъ, появившаяся въ думѣ гораз-

до раньше Салтыковыхъ, держится въ ней и въ XVII в. Точно такъ же исчезаютъ старшія линіи фамиліи, шедшей отъ боярина XIV в. Акиноа Великаго, Чоботовы и Давыдовы-Челяднины; но младшіе Бутурлины остаются въ думѣ, а совсѣмъ невидные до XVII в. родичи Акиновичей Пушкины, которые прежде не бывали боярами, теперь проводятъ въ думу троихъ изъ своей фамиліи въ званіи бояръ. Вообще до 15 простыхъ боярскихъ фамилій XVI вѣка, большею частію старинныхъ, выбыло изъ списка бояръ въ XVII вѣкѣ; на ихъ мѣсто явилось до дюжины такихъ неродословныхъ сравнительно съ Челядниными или Яковлями фамилій, какъ Стрѣшневы, Милославскіе, Нарышкины и др.

Особый служебный міръ открывается передъ нами, когда разсматриваемъ списокъ окольничихъ. Окольничество для однихъ служилыхъ лицъ и цѣлыхъ фамилій было переходною ступенью къ боярству, для другихъ составляло вершину почестей, высшій предѣлъ чиновной карьеры. Если списокъ бояръ наполнялся именами знатнаго княжья, которое здѣсь своей численностью давило нетитулованную знать, то окольничество служило пріютомъ для этой послѣдней. Съ 1505 по 1594 годъ насчитываемъ въ составѣ боярской думы до 140 окольничихъ; изъ нихъ князей было всего съ небольшимъ 30, менѣе 23%. Слѣдовательно нетитулованной знати въ этомъ чинѣ было гораздо больше, приблизительно на 12%, чѣмъ знати титулованной въ чинѣ бояръ. Притомъ князья, появлявшіеся въ званіи окольничихъ, большею частью далеко не принадлежали къ первостепенной знати: то были князья Ушатые, Сицкіе, Ноздроватые-Звенигородскіе, Великого-Гагины (вѣтвь Шастуновыхъ-Ярославскихъ), Хворостинины и т. п. Значительное большинство этихъ князей даже и не дослуживалось до боярства, оканчивая свое служебное поприще въ чинѣ окольничихъ, тогда какъ настоящіе титулованные бояре возводились въ высшій чинъ прямо, не бывавъ окольничими. Припоминая родословную нетитулованныхъ окольничихъ XVI в., видимъ, что это почти все люди изъ фамилій стариннаго московскаго боярства: изъ нихъ вышло въ этотъ періодъ времени не ме-

нѣе 85 окольничихъ, т. е. около 62%, такъ что на остальные некняжескіе роды досталось только 14—15% всего количества окольничихъ. Всего чаще появляются въ спискѣ людей этого чина немногія коренныя фамиліи стараго московскаго боярства съ ихъ вѣтвями, Морозовы съ Тучковыми, Салтыковыми и Шеиными, Захарьины-Кошкины съ Беззубцевыми, Яковлями и Шереметевыми, Акинѳовичи-Давыдовы съ Жулебиными, Бутурлиными и Чоботовыми, Сабуровы съ Годуновыми, Колычовы, Плещеевы, Головины. Такъ въ спискѣ окольничихъ XVI в. вскрывается само собою коренное гнѣздо стараго московскаго боярства, свившееся еще въ XIV в., при первыхъ московскихъ князьяхъ. Оно уцѣлѣло среди потока нахлынувшаго въ Москву знатнаго княжья; придавленное имъ на верху, вытѣсняемое съ высшей служебной ступени, это боярство отстояло вторую ступень и господствовало на ней въ XVI в., стараясь въ свою очередь придавить и пришлое боярство изъ удѣловъ, и второй слой бывшаго удѣльнаго княжья, пробивавшійся на верхъ къ своимъ старшимъ родичамъ. Но и это удавалось ему только до конца XVI в. Съ начала XVII в. въ спискѣ окольничихъ обнаруживаются явленія параллельныя тѣмъ, какія мы замѣтили при разборѣ списка бояръ. Нѣкоторое время съ 1594 г. окольничіе въ значительномъ количествѣ выходятъ все изъ тѣхъ же коренныхъ московскихъ фамилій Бутурлиныхъ, Годуновыхъ, Головиныхъ и др. При новой династіи изъ этихъ фамилій въ спискѣ остаются только четыре: Салтыковы, Бутурлины, Головины и Колычовы, да и тѣ даютъ всего 11 на 114 окольничихъ, занесенныхъ въ списокъ съ начала царствованія Михаила Ѳедоровича. Зато списокъ окольничихъ съ этого времени поражаетъ множествомъ и разнообразіемъ фамилій, которыхъ на пространствѣ 70 лѣтъ съ 1613 года обозначено больше, чѣмъ впродолженіе 88 лѣтъ съ 1505 года. Очень многихъ изъ этихъ фамилій нельзя даже найти въ боярскихъ родословныхъ XVI в., и большинство ихъ, всѣ эти Чоглоковы, Соковнины, Нарбековы, Матюшкины, Чириковы, Чаадаевы, Хлоповы, теперь впервые появляются среди думныхъ фамилій, чтобы занести въ ихъ списокъ по одному, много по два околь-

ничихъ. Видно, что прежняго окольническаго класса уже не существуетъ; плотный кругъ фамилій, представители которыхъ прежде чаще другихъ являлись въ званіи окольничихъ, разбился, и служебный или придворный случай вырывалъ теперь снизу одну за другой неизвѣстныя фамиліи, которыя скоро исчезали опять, оставивъ по себѣ слѣдъ въ спискахъ думныхъ людей однимъ или двумя именами.

Такъ на обѣихъ высшихъ ступеняхъ чиновной лѣствицы замѣчаемъ слѣды одной важной перемѣны, испытанной московскимъ боярствомъ. Въ XVII в. генеалогическій составъ этого боярства далеко не тотъ, какой былъ въ XVI в.: «прежніе большіе роды многіе, по выраженію Котошихина, безъ остатку миновались». Трудно уловить всѣ причины, которыя произвели этотъ генеалогическій переворотъ. Однѣ большія фамиліи XV—XVI в., какъ напримѣръ князья Щенятевы, Дорогобужскіе, Микулинскіе, Холмскіе, Пенковы, вымерли естественною смертью; другіе извелись отъ казней и побѣговъ въ Литву во время страшной развязки, какою разрѣшилась во второй половинѣ XVI в. размолвка московскихъ государей съ своимъ притязательнымъ боярствомъ. Но можно замѣтить и слѣды причинъ менѣе понятнаго свойства. Нѣкоторыя боярскія фамиліи исчезаютъ изъ думы, не даютъ ей ни бояръ, ни окольничихъ. Но онѣ остаются живы: ихъ членовъ иногда въ значительномъ числѣ встрѣчаемъ въ чинахъ, слѣдующихъ за думными, въ стольникахъ и дворянахъ московскихъ. Можетъ быть, и ихъ думные предки XVI в. начинали служебную карьеру въ этихъ же чинахъ; но теперь прямые ихъ потомки почему-то не поднимаются выше на думныя мѣста отцовъ или поднимаются очень рѣдко. Въ неисчислимомъ родѣ князей Оболенскихъ уже въ XVI в. можно насчитать до 20 обособившихся фамилій. Къ концу этого столѣтія старшія линіи одна за другой вымираютъ съ быстротой, какая могла только радовать царя Ивана Грознаго. Въ два-три поколѣнія исчезаютъ Курлятевы, Нагіе, Телепневы, Ноготковы, Горенскіе. Уже при Грозномъ выбываетъ изъ думы только-что поднявшаяся при отцѣ его младшая линія кн. Димитрія Щепы,

князья Серебряные; старшіе Золотые как-то не попали въ ходъ уже въ XVI в. На мѣсто ихъ изъ глубины титулованной служилой массы съ XVI в. пробираются въ думу младшіе птенцы этого плодовитаго родословнаго гнѣзда, князья Лыковы, Долгорукіе, Щербатые. Одинъ изъ Долгорукихъ былъ окольничимъ во второй половинѣ XVI вѣка; но въ числѣ бояръ они появляются вмѣстѣ съ Лыковыми только съ начала XVII в. Щербатые и ихъ дальніе родичи Барятинскіе попадають въ думу еще позднѣе, уже во второй половинѣ XVII в. Причиной этого вовсе не было то, что они не успѣли отдѣлиться отъ родословнаго ствола, когда уже процвѣтали въ думныхъ чинахъ старшія его вѣтви, князья Стригины, Нагіе или Репнины. Напротивъ, въ поколѣнной росписи эти фамиліи Барятинскихъ, Долгорукихъ и Щербатыхъ появляются даже раньше Курлятевыхъ, Стригиныхъ и Репниныхъ на одно или на два поколѣнія: послѣднія фамиліи старше первыхъ по происхожденію, но позже ихъ принимаютъ свои фамильныя прозванія; нѣкоторые изъ Барятинскихъ и Долгорукихъ встрѣчаются уже въ актахъ XV в. Стóитъ заглянуть въ боярскую книгу 1627 года: тамъ въ чинахъ, непосредственно слѣдовавшихъ за думными, въ стольникахъ и дворянахъ московскихъ, встрѣчаемъ 9 князей Щербатыхъ, 11 Барятинскихъ и 12 Долгорукихъ. Они стоятъ у самыхъ дверей думы, ожидая своей очереди, пока еще не имѣютъ возможности протѣсниться въ думу сквозь густые ряды болѣе родовитаго княжья и проходятъ туда по мѣрѣ того, какъ эти ряды рѣдѣютъ. Между тѣмъ живутъ еще остатки нѣкоторыхъ старшихъ вѣтвей: князья Черные-Оболенскіе, князья Тюфякины, прямые предки которыхъ въ XVI в. бывали боярами и которымъ какъ по родословцу, такъ и по службѣ отцовъ не слѣдовало бы, кажется, стоять ниже своихъ родичей Лыковыхъ или Долгорукихъ, нерѣдко мелькаютъ въ спискахъ тѣхъ же стольниковъ и дворянъ московскихъ XVII в., но не дослуживаются ни до боярства, ни даже до окольничества. Точно такъ же до 1613 года въ думѣ не находимъ никого изъ Прозоровскихъ, принадлежавшихъ къ числу младшихъ вѣтвей огромнаго рода князей Ярославскихъ,

который успѣшнѣе другихъ соперничалъ съ Оболенскими обиліемъ лицъ и фамилій. Между тѣмъ уже Грозный писалъ кн. Курбскому, что у него и у его батюшки Прозоровскихъ было «не одно сто»; слѣдовательно они долго ждали, и когда не стало въ думѣ старшихъ фамилій линіи, ни Пенковыхъ, ни Курбскихъ, ни Кубенскихъ, они вмѣстѣ съ своими родичами князьями Львовыми пришли занять опустѣлыя мѣста. Иныя знатныя фамиліи XVI вѣка не выбываютъ изъ думы и въ слѣдующемъ столѣтіи; однако и по ихъ судьбѣ можно замѣтить, что служебное счастье не везетъ попрежнему старымъ большимъ боярскимъ родамъ. При царѣ Иванѣ Грозномъ въ московской служилой іерархіи немного можно было найти фамилій выше князей Воротынскихъ. Кн. И. М. Воротынскому, сыну одного изъ самыхъ заслуженныхъ и доблестныхъ воеводъ временъ Грознаго, сказано было боярство по списку въ 1592 году. До смерти своей въ 1627 г. онъ оставался единственнымъ представителемъ своей фамиліи въ думѣ. Послѣ него здѣсь не было никого изъ Воротынскихъ до 1664 года, когда пожаловали въ бояре его внука: ни братъ, ни сынъ, ни правнукъ этого Ивана Михайловича не попали въ бояре, тогда какъ отецъ его и двое дядей были ими и нѣсколько лѣтъ сидѣли вмѣстѣ въ думѣ царя Ивана. Сабуровы не принадлежали къ первостепенной московской знати XVI в. Однако, слѣдя за ними по разряднымъ росписямъ до XVII в., легко замѣтить, что это были люди очень «великіе»: немногіе изъ стариннаго нетитулованнаго боярства Москвы становились выше ихъ, и члены не всякой княжеской фамиліи могли безнаказанно держать съ ними счетъ. Въ XV и XVI в. этотъ старый боярскій родъ выслалъ въ думу длинный рядъ представителей въ званіи бояръ. Послѣднимъ изъ нихъ былъ Михаилъ Богдановичъ, которому по списку сказано боярство въ 1606 г. Съ тѣхъ поръ никто болѣе изъ Сабуровыхъ не былъ пожалованъ въ бояре до смерти царя Өедора. Между тѣмъ родословная, составленная въ концѣ XVII в., выписываетъ вереницу дальнѣйшихъ поколѣній этой фамиліи, а въ боярскихъ и разрядныхъ книгахъ при царяхъ Михаилѣ и

Алексѣѣ находимъ много Сабуровыхъ между стольниками, дворянами московскими и даже ниже *).

Итакъ рядомъ съ боярскими фамиліями, вымиравшими естественною смертью, встрѣчаемъ рядъ другихъ, которыя подвергались, такъ сказать, политическому вымиранію. Однѣ, не успѣвъ развѣтвиться, исчезали безъ остатка; въ другихъ выбывали изъ служилыхъ рядовъ старшія вѣтви, уступая свои мѣста поднимавшимся младшимъ отросткамъ однихъ съ ними родословныхъ корней; наконецъ въ третьихъ старшія линіи мѣнялись положеніемъ съ младшими, падая сами, пускали ихъ на верхъ, начинали «худать» прежде, чѣмъ изводились, передавая другимъ свое прежнее политическое дородство. Причины этой политической худобы остаются неясны, какъ неясенъ во многомъ весь этотъ процессъ генеалогическаго обновленія московскаго боярства. Полнаго разъясненія этого процесса едва ли не слѣдуетъ искать преимущественно въ томъ соціально-экономическомъ переворотѣ, который тихо совершился подъ шумъ политическихъ событій XVI и XVII в., захвативъ весь служилый классъ, а не однѣ его боярскія вершины, подготовивъ тотъ складъ нашего дворянства, въ какомъ видимъ его въ XVIII в. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы коснемся мимоходомъ нѣкоторыхъ явленій этого переворота.

Пересчитавъ фамиліи московскаго боярства, члены которыхъ съ начала княженія Ивана III до конца царствованія Ивана IV сидѣли въ думѣ боярами или окольничими, найдемъ, что такихъ фамилій было около ста. Но въ боярской родословной, составленной во второй половинѣ XVI в., обозначено около 200 боярскихъ фамилій, т. е. такихъ, члены которыхъ служили нѣкогда боярами въ разныхъ великихъ и удѣльныхъ княжествахъ или сами сидѣли на великихъ и удѣльныхъ княжескихъ столахъ. Слѣдовательно къ концу XVI вѣка должно было оказаться, что цѣлая половина московскаго боярства при его новомъ составѣ впродолженіе ряда поколѣній не имѣла

*) Боярская книга № 1, 1627 г., въ Моск. Архивѣ мин. юстиціи. Бархатная кн. I, 241 и сл.

доступа въ думу и была лишена политическаго признака, который преимущественно сообщалъ служилому роду характеръ боярской фамиліи. Въ число такихъ родовъ, оставшихся за думнымъ штатомъ, попадали и нѣкоторыя старыя московскія боярскія фамиліи; но чаще всего такая участь постигала нетитулованные боярскіе роды, пришедшіе изъ другихъ княжествъ, и нѣкоторыя вѣтви княжескихъ родовъ. Такъ началъ складываться особый слой въ составѣ московскаго служилаго класса, непосредственно слѣдовавшій за боярствомъ: онъ былъ боярскимъ по происхожденію, по родословному *отечеству*, не переставалъ быть имъ по службѣ, *по разрядамъ*, и долго обозначался названіемъ *дѣтей боярскихъ* *). Причиной появленія этого слоя было то же обиліе знатныхъ титулованныхъ фамилій, нахлынувшихъ въ Москву и затѣснившихъ не только пришлое удѣльное, но и старое московское боярство. Московская судьба тверскаго боярскаго рода Бороздиныхъ наглядно показываетъ ходъ этого служебнаго приниженія простаго боярства. При Иванѣ III, вскорѣ по переходѣ на службу въ Москву, когда служилое княжье не успѣло затопить простое боярство, Бороздины держатся еще въ званіи бояръ. Въ княженіе Иванова сына и внука они уже не поднимаются выше окольничества, а въ первой половинѣ XVII в. обѣихъ вѣтвей этого рода, ни Борисовыхъ, ни Житовыхъ, нѣтъ въ думѣ, а надобно ихъ искать въ самомъ концѣ длиннаго списка дворянъ московскихъ. Но и этотъ захудалый слой не совсѣмъ пропалъ для боярской думы. Не говоря теперь о происхожденіи возникшаго въ XVI

*) Говоря это, мы хотимъ обозначить не происхожденіе всего сложнаго класса, носившаго это названіе въ XVII в., а только одинъ изъ многихъ его элементовъ, самый видный въ XVI в. и по происхожденію своему тѣсно связанный съ исторіей московскаго боярства того времени. Такихъ захудалыхъ «княжатъ», иногда упоминаемыхъ въ памятникахъ рядомъ съ *дѣтьми боярскими*, къ концу XVI в. накопилось такъ много, что Флетчеръ въ своемъ перечнѣ общественныхъ состояній въ Россіи сдѣлалъ изъ нихъ особую, низшую степень знати, прибавивъ преувеличенно, что ихъ считаютъ за ничто и что нерѣдко можно встрѣтить князей, готовыхъ служить простолюдину за 5 или за 6 рублей въ годъ (гл. 9).

вѣкѣ третьяго разряда въ чиновномъ составѣ думы, чина *думнаго дворянства,* укажемъ пока на ту черту его, что первыя попавшія въ думскій списокъ имена думныхъ дворянъ принадлежатъ именно такимъ упавшимъ фамиліямъ, московскимъ и пришлымъ. Олферьевъ и Безнинъ были представители двухъ вѣтвей стариннаго московскаго служилаго рода Нащокиныхъ, Зюзинъ и Нагой члены двухъ фамилій прежняго тверскаго боярства. Это думные дворяне времени Ивана Грознаго, а въ царствованіе его сына въ этомъ чинѣ являются два члена успѣвшей захудать титулованной фамиліи князей Буйносовыхъ-Ростовскихъ.

Такъ въ спискѣ трехъ чиновъ московской боярской думы XVI в. открываются слѣды трехъ различныхъ слоевъ московскаго боярства. Эти слои не отдѣляются одинъ отъ другого глубокой политической межой. Званія бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ не были замкнутыми, неподвижными политическими состояніями: члены одной и той же фамиліи и въ одно время служили въ разныхъ думныхъ чинахъ: думный дворянинъ повышался въ окольничіе, окольничій дослуживался до боярства. Но думные чины еще не превратились въ простые служебные ранги: между ними замѣтно въ XVI в. нѣкоторое социальное различіе, уже начавшее исчезать въ слѣдующемъ столѣтіи. За каждымъ изъ нихъ стоялъ особый генеалогическій кругъ. Бояре выходили преимущественно изъ знатнѣйшихъ княжескихъ родовъ, къ которымъ примыкали немногія нетитулованныя фамиліи стариннаго московскаго боярства. Окольничество принадлежало преимущественно тѣмъ фамиліямъ этого боярства, которыя успѣли спасти свое положеніе при наплывѣ новыхъ титулованныхъ бояръ; къ нимъ примкнуло второстепенное княжье съ немногими фамиліями удѣльнаго боярства. Наконецъ думное дворянство было убѣжищемъ выслужившихся лицъ смѣшаннаго класса, который составлялся изъ упадавшихъ старыхъ московскихъ фамилій, изъ массы пришлаго удѣльнаго боярства, даже частію титулованнаго, и нѣкоторыхъ другихъ элементовъ. Легко замѣтить, что эта чиновная іерархія думныхъ людей была тѣсно связана съ тою

генеалогической іерархіей, въ какую, какъ мы видѣли, сложилось новое московское боярство въ XV и XVI в., и чиновный составъ боярской думы былъ лишь отраженіемъ этого аристократическаго склада боярства.

Глава XI.

Вмѣстѣ съ тѣмъ московская боярская дума стала оплотомъ политическихъ притязаній, возникшихъ въ московскомъ боярствѣ при его новомъ составѣ.

Самый важный фактъ, открывающійся при разборѣ списка членовъ боярской думы, тотъ, что до конца XVI в. въ московскомъ государственномъ совѣтѣ преобладали старшія по происхожденію боярскія фамиліи, а въ XVII в. количественный перевѣсъ рѣшительно склонился на сторону младшихъ. Представивъ себѣ количество старшихъ боярскихъ родовъ, уступившихъ въ XVII в. свои мѣста въ думѣ младшимъ, и количество новыхъ неизвѣстныхъ дотолѣ фамилій, пришедшихъ съ служилаго низа занять мѣста выбывшихъ знатныхъ, мы поймемъ, что разница въ составѣ боярской думы того и другого вѣка была слишкомъ значительна, чтобъ ея послѣдствія не шли далѣе родословной московскаго боярства. Смѣнились не только поколѣнія одного и того же класса, смѣнились самые классы, и еслибы гордому своимъ происхожденіемъ кн. А. М. Курбскому показать списокъ членовъ боярской думы XVII в., онъ навѣрное покачалъ бы головой и сказалъ: да, правду писалъ мнѣ въ Литву князь великій московскій Иванъ Васильевичъ, по своей привычкѣ злоупотребляя словами Св. Писанія, что «можетъ Богъ и изъ камней воздвигнуть чадъ Аврааму». Выходя за предѣлы генеалогіи боярства, этотъ фактъ долженъ былъ отразиться на политическомъ его настроеніи. Старшія знатныя фамиліи были преимущественными хранительницами тѣхъ правительственныхъ понятій и обычаевъ, подъ вліяніемъ которыхъ складывались политическія отношенія въ Москвѣ съ половины XV в. Изучая значеніе этого факта,

надобно помнить одно свойство московскихъ умовъ того времени. Отношенія и стремленія людей, правившихъ тогдашнимъ обществомъ, управлялись гораздо болѣе привычками, преданіемъ, нежели идеями. Преданіе хранится въ памяти и нравахъ, поддерживаемое напоминающею его житейскою обстановкой, которая вмѣстѣ съ нимъ сложилась. Иныя явленія московской государственной старины кажутся намъ непонятными лишь потому, что мы предполагаемъ обдуманныя цѣли, политическія задачи тамъ, гдѣ дѣйствовали только передаваемыя по наслѣдству политическія привычки. О времени царя Ивана Грознаго преимущественно можно сказать, что люди тогда дѣйствовали такъ, а не иначе, не потому, что извѣстнымъ образомъ предначертали себѣ будущее, а потому, что не умѣли достаточно отвыкнуть отъ прошедшаго.

Помня, съ кѣмъ имѣемъ дѣло, отъ поколѣнныхъ боярскихъ росписей и разрядныхъ книгъ обратимся къ документамъ, изображающимъ экономическую обстановку московскаго боярства въ XVI в. Еслибы сохранились въ достаточной полнотѣ писцовыя книги московской Руси отъ конца XV и первой половины XVI в., по нимъ безъ труда можно было бы видѣть одну черту этой обстановки, которую безъ нихъ надобно возстановлять по отрывочнымъ мелкимъ указаніямъ. Легко было бы замѣтить, что въ началѣ XVI в., когда было уже снесено столько перегородокъ, дѣлившихъ сѣверную и центральную Русь на удѣльныя большія и малыя клѣтки, всюду еще видны были слѣды недавняго удѣльнаго дробленія. Масса князей и бояръ, переставъ быть удѣльными, оставалась еще простыми земельными владѣльцами въ своихъ бывшихъ удѣлахъ. Это понятно само по себѣ и едва ли нуждается въ пространныхъ доказательствахъ: порядокъ, дѣйствовавшій три вѣка, не могъ исчезнуть безъ слѣда въ одно или два поколѣнія. Мы ограничимся немногими указаніями, наиболѣе выразительно рисующими хозяйственную обстановку новаго боярства, заимствуя ихъ преимущественно изъ неизданныхъ актовъ. Князь Курбскій въ своей исторіи Ивана Грознаго, разсказывая о гибели двухъ бояръ его, князей М. И. Воротынскаго и

Н. Р. Одоевскаго, замѣчаетъ, что эти княжата въ то время, т.-е. въ 1570-хъ годахъ, еще сидѣли на своихъ удѣлахъ и огромныя отчины подъ собою имѣли. По духовной царя Ивана, написанной въ 1570-хъ годахъ, князь М. И. Воротынскій еще владѣлъ третью г. Воротынска. Выше было указано, что по разряднымъ росписямъ конца XV в. князья Воротынскіе и Одоевскіе ходили въ московскіе походы съ своими особыми удѣльными полками. Въ одной разъѣзжей (межевой) грамотѣ конца XV в. по уѣзду Малаго Ярославца является свидѣтелемъ намѣстникъ княгини Тарусской: эта княгиня не только оставалась землевладѣлицей въ прежнемъ Тарусскомъ удѣлѣ, но и продолжала пользоваться нѣкоторыми удѣльными правительственными правами. Изъ тяжебнаго дѣла о землѣ между Троицкимъ Сергіевымъ монастыремъ и однимъ изъ князей Воротынскихъ того же времени видно, что въ тогдашнемъ Малоярославецкомъ уѣздѣ рѣчка Ичея служила межой, отдѣлявшей почанскія и другія земли монастыря отъ владѣній *всѣхъ* князей Оболенскихъ кромѣ кн. Д. С. Щепы. Очевидно, владѣнія этой фамиліи составляли здѣсь сплошное пространство, цѣлый округъ, средоточіемъ котораго былъ фамильный городъ, потому что на вопросъ судьи, отчего монастырь не напоминалъ отвѣтчику кн. Оболенскому о захватѣ, старецъ, представлявшій интересы истца, отвѣчалъ, что напоминали объ этомъ ежегодно, но что «приставъ государя великаго князя къ *нимъ* въ Оболенескъ не въѣзжалъ». Значитъ, бывшіе удѣльные князья сохраняли еще долю своей удѣльной независимости въ видѣ землевладѣльческихъ привилегій. Еще въ началѣ второй половины XVI в. нѣкоторые изъ князей Оболенскихъ отказываютъ въ тотъ же монастырь по душѣ свои вотчинныя села съ деревнями въ уѣздѣ города Оболенска. Между тѣмъ Татищевъ по поводу одного дополнительнаго указа къ Судебнику 1550 года о княжескихъ вотчинахъ въ бывшихъ удѣлахъ замѣчаетъ, хотя недостаточно ясно, что онъ видѣлъ у князя Д. М. Голицына, извѣстнаго верховника, договорную грамоту, по которой князья Оболенскіе продали великому князю Ивану III за 2 села и 5.000 руб. свое право собственности на Оболен-

ское княжество въ случаѣ пресѣченія мужской нисходящей линіи въ ихъ родѣ. Такимъ образомъ и другимъ вѣтвямъ обширнаго черниговскаго племени, родственнымъ кн. М. И. Воротынскому и кн. Н. Р. Одоевскому, вотчинные приказчики до самой половины XVI в. еще живо напоминали своими хозяйственными отчетами минувшія удѣльныя времена, не смотря на то, что напримѣръ князья Оболенскіе задолго до Ивана III стали записываться на московскую службу. То же видимъ въ двухъ другихъ многочисленныхъ княжескихъ линіяхъ, ярославской и бѣлозерской. Актъ 1564 года указываетъ вотчины множества князей Сицкихъ и Прозоровскихъ по обѣ стороны р. Мологи. Очевидно, древній Моложскій удѣлъ и теперь оставался въ рукахъ потомковъ его основателя, которые сплошными гнѣздами сидѣли еще здѣсь на своихъ вотчинахъ сто лѣтъ спустя по присоединеніи ярославскихъ удѣловъ къ Москвѣ. Князья Кемскіе, Согорскіе, Ухтомскіе, Шелешпанскіе, уже въ XIV в. утратившіе удѣльную самостоятельность, въ первой половинѣ XVI в. все еще сидятъ на своихъ бывшихъ миніатюрныхъ удѣлахъ по Кемѣ, Ухтомѣ и другимъ рѣкамъ, иногда по нѣскольку на одномъ, правятъ и хозяйничаютъ попрежнему, иные въ качествѣ намѣстниковъ великаго князя московскаго, межуются землями другъ съ другомъ или съ Кирилловымъ монастыремъ и хоронятся въ этомъ монастырѣ или у своихъ вотчинныхъ церквей, какъ видно изъ ряда похоронныхъ записей на одной рукописи мѣстнаго происхожденія *). Въ той же духовной царь Иванъ отдаетъ старшему сыну бывшій тверской удѣльный городъ Микулинъ съ вотчиною кн. Семена Микулинскаго, «которая не отдана». Князь Семенъ Ивановичъ Микулинскій былъ извѣстный бояринъ 1550—60-хъ годовъ. Находимъ двѣ вкладныя грамоты, по которымъ вдова этого боярина и вдова его брата кн. Д. И. Микулинскаго, погибшаго при осадѣ Казани, первая въ 1567 г., вторая въ 1557 г.,

---

*) Духовн. Ивана IV въ Доп. къ Акт. Ист. I, № 222. Сказ. кн. *Курбскаго,* изд. 2, стр. 99. Судебникъ, изд. *Татищевымъ,* изд. 2, стр. 166. Акт. Арх. Эксп. I, № 269. Акт. Юр. №№ 140, 146, 147 и 152. Церк. уставъ XVI в., рукоп. *Е. В. Барсова.*

отдали въ Сергіевъ монастырь по приказу мужей нѣсколько ихъ вотчинныхъ селъ съ десятками деревень въ Тверскомъ и *Микулинскомъ* уѣздахъ, а первая присоединила къ этому цѣлую дюжину дворовъ въ самомъ г. Микулинѣ, можетъ быть, еще уцѣлѣвшихъ отъ того времени, когда предки ея мужа сидѣли на удѣлѣ въ этомъ городѣ.

Обратимся еще разъ къ той же любопытной, но не вездѣ ясной духовной царя Ивана, чтобы замѣтные въ ней слѣды изучаемаго факта пояснить указаніями другихъ документовъ того вѣка. Завѣщатель пишетъ, что онъ далъ упомянутому выше боярину кн. М. И. Воротынскому взамѣнъ взятой у него старой вотчины Стародубъ Ряполовскій на Клязьмѣ, бывшій удѣлъ князей этого имени. Въ другомъ мѣстѣ царь отдаетъ старшему своему сыну бывшія вотчины князей Стародубскихъ въ Стародубѣ Ряполовскомъ, замѣчая, что онѣ остались за нимъ, царемъ, у кн. М. Воротынскаго. Здѣсь онъ пересчитываетъ до 30 князей и княгинь стародубской линіи и до 40 принадлежавшихъ имъ селъ съ деревнями въ бывшемъ Стародубскомъ удѣлѣ. Перебирая фамильные акты многочисленныхъ князей этой линіи, уцѣлѣвшіе среди грамотъ Троицкаго Сергіева монастыря, встрѣчаемъ длинный рядъ межевыхъ, вкладныхъ и духовныхъ, въ которыхъ разные князья Стародубскіе, Нагаевы-Ромодановскіе, Тулуповы, Осиповскіе являются еще повидимому полными владѣльцами своихъ измельчавшихъ вотчинъ въ бывшемъ удѣлѣ Стародуба Ряполовскаго, распоряжаются ими свободно. Эти акты относятся къ 1554—1574 годамъ, и въ нихъ названы нѣкоторыя изъ тѣхъ самыхъ лицъ и селъ съ деревнями, которыя пересчитываются въ духовной царя Ивана. Потомки удѣльныхъ бояръ и въ XVI в. едва ли еще не въ большей цѣлости, чѣмъ дѣти и внуки ихъ бывшихъ удѣльныхъ государей, сохраняли за собою старыя вотчины своихъ отцовъ и дѣдовъ. Бороздины, Кондыревы и Нагіе, старые боярскіе роды Тверскаго княжества, во второй половинѣ XVI в., сто и больше лѣтъ спустя по присоединеніи Тверскаго княжества къ Москвѣ, еще продаютъ и отказываютъ въ монастыри по душѣ свои вотчины «старинныя», «благо-

словеніе отцовъ и прародителей», въ уѣздахъ Тверскомъ и Старицкомъ *).

Обиліе такихъ указаній въ актахъ, случайно подвернувшихся подъ руки, освобождаетъ отъ обязанности увеличивать ихъ перечень. Если съ ихъ помощью представимъ себѣ московское боярство конца XV в., когда въ средѣ его многіе хорошо помнили, какъ они сидѣли на своихъ удѣлахъ, а многіе еще не успѣли забыть, какъ хозяйничали тамъ ихъ отцы, намъ станетъ ясно, какъ много удѣльнаго должно было тогда оставаться въ ежедневныхъ дѣлахъ и помыслахъ большей части бояръ. Пріѣзжая во дворецъ, они входили въ кругъ отношеній, къ которымъ не могла пріучить ихъ прежняя жизнь на удѣлѣ; но въ своихъ вотчинахъ и на московскихъ подворьяхъ они видѣли себя въ обстановкѣ, чувствовали въ своихъ рукахъ нити отношеній, которыя возвращали ихъ къ мыслямъ и привычкамъ прежняго времени. Эти привычки и мысли отразились въ литературныхъ памятникахъ XVI в., чужихъ и своихъ. Читая въ запискахъ барона Герберштейна разсказы, слышанные имъ въ Москвѣ, чувствуешь, въ какой водоворотъ политическихъ сплетенъ и толковъ попадалъ иноземный посолъ, пріѣзжавшій въ Москву въ первыя десятилѣтія того вѣка. Эти толки и сплетни касались преимущественно удѣловъ исчезавшихъ, исчезнувшихъ или ждавшихъ своей очереди исчезнуть. Читая разсказъ кн. Курбскаго объ Иванѣ IV и переписку между ними, видишь, что головы обоихъ корреспондентовъ, отдаленныхъ потомковъ удѣльныхъ князей, еще полны свѣжими удѣльными воспоминаніями, отъ которыхъ они не умѣютъ отрѣшиться даже тогда, когда замѣчаютъ, что установившаяся дѣйствительность даетъ мало опоры этому запоздалому археологическому грузу памяти.

Еще важнѣе то, что само московское правительство Ивана III и его сына не только отлично помнило удѣльный порядокъ, но повидимому охотно признавало въ своей практикѣ

*) Сб. гр. Тр. С. мон. № 530, л. 326, 1093—1128; сб. № 532, грам. по г. Твери №№ 2, 12, 13, 28 и др.

нѣкоторые его остатки или послѣдствія, прямо изъ него вытекавшія. Не видно съ его стороны желанія мѣшать тому участію, какое получили удѣльныя генеалогическія преданія въ установленіи боярскаго служебнаго старшинства, и власти, разбиравшія въ 1576 г. мѣстническій споръ двухъ потомковъ тверскихъ бояръ, Зюзина съ Нагимъ, не возражали одному изъ тяжущихся, когда онъ въ отвѣтъ сопернику, указывавшему на «случаи» своей московской службы, заявилъ, что ему нѣтъ дѣла до московскихъ разрядовъ, что онъ знаетъ только отношенія, бывшія между ихъ предками въ Твери, и лишь ими желаетъ считаться съ соперникомъ. Служилый князь Одоевскій или Воротынскій шелъ въ походъ съ своимъ особымъ удѣльнымъ полкомъ, какъ будто эти князья были удѣльными союзниками московскаго государя, а не такими же слугами-воеводами, какъ кн. Щеня или бояринъ Яковъ Захарьичъ. Политическое объединеніе не сопровождалось немедленно административнымъ. Центральная администрація Московскаго государства долго носила на себѣ отпечатокъ пестроты частей, вошедшихъ въ составъ его территоріи. Присоединенныя къ нему княжества и вольные города по многимъ дѣламъ долго управлялись особо; мѣстныя ихъ учрежденія только переносились въ Москву, становились мѣстными приказами, не сливаясь съ центральными учрежденіями прежняго Московскаго княжества. Такъ въ XVI в. въ Москвѣ дѣйствуютъ особые *дворцы* или дворцовые приказы Новгородскій, Тверской, Дмитровскій, Ростовскій, Нижегородскій и Мещерскій, Рязанскій, всѣ съ своими дворецкими; остались также слѣды мѣстныхъ *разрядовъ* или военно-административныхъ учрежденій, дѣйствовавшихъ изъ Москвы. Въ областномъ управленіи Московскаго государства при Иванѣ III и его сынѣ также найдемъ слѣды этой политической осторожности, старавшейся смягчить боль удѣльныхъ обществъ отъ операціи государственнаго объединенія. Какъ скоро московскому великому князю удавалось оружіемъ или сдѣлкой водворить свою власть въ извѣстномъ княжествѣ, изъ Москвы не поднимали нетерпѣливаго гоненія ни противъ обычаевъ, ни противъ персонала прежняго управленія и даже

готовы были оставить за прежнимъ княземъ часть его правительственной власти, если онъ умѣлъ мириться съ своей зависимостью. Выше былъ уже указанъ актъ, изъ котораго видно, что въ исходѣ XV в. у княгини Тарусской все еще оставался намѣстникъ въ краѣ, который перестал уже быть Тарусскимъ удѣломъ. Въ 1463 г. князья ярославскіе отдались московскому государю со всѣми своими вотчинами. Въ повѣсти объ открытіи мощей предка ихъ кн. Ѳеодора Чернаго въ томъ же году есть указанія на то, что тогдашній глава ярославской княжеской линіи Александръ Ѳедоровичъ, переставъ быть великимъ княземъ въ Ярославлѣ, остался здѣсь намѣстникомъ московскаго государя, «старѣйшиной града», какъ называетъ его повѣствователь. Лѣтопись косвенно подтверждаетъ это указаніе извѣстіемъ, что бывшій великій князь ярославскій умеръ въ Ярославлѣ и погребенъ въ монастырѣ, гдѣ лежали новоявленныя мощи его предка. Сынъ этого Александра князь Даниилъ Пенко выросъ уже московскимъ слугой; однако въ 1497 г., 26 лѣтъ спустя по смерти отца, онъ подтверждаетъ жалованною грамотой Спасо-Каменному монастырю вклады дѣда и отца, жалуетъ обитель землями въ своей ярославской вотчинѣ, даже съ посаженными на нихъ крестьянами, «по старинѣ, какъ жаловалъ дѣдъ мой и отецъ мой», и по выраженіямъ грамоты трудно догадаться, что ее писалъ не владѣтельный князь, а московскій бояринъ. Казалось, особенно непримиримо относилась Москва къ быту вольнаго Новгорода, стараясь разбить не только его политическій строй, но и самое населеніе, особенно боярскій правительственный классъ; однако и послѣ паденія города договоръ съ ливонскимъ магистромъ въ 1481 г. скрѣпляютъ крестоцѣлованіемъ «новгородскіе бояре», какъ бывало въ вольную старину. Лѣтъ 60 спустя послѣ паденія Тверскаго княжества потомки тверскихъ удѣльныхъ князей и бояръ все еще являются при московскомъ дворѣ особымъ разрядомъ служилыхъ людей, который въ приказныхъ бумагахъ зовется «дворомъ тверскимъ» или «боярами съ Тверской земли», а въ упомянутомъ мѣстническомъ спорѣ потомковъ тверскихъ бояръ Нагого и Зюзина послѣдній показывалъ, что, взявъ Тверь,

великій князь Иванъ отдалъ ее сыну своему Ивану, который «бояръ прежняго государя Михаила Борисовича и у себя пожаловалъ, въ боярехъ учинилъ и грамоты свои на вотчины ихъ тверскія имъ давалъ и велѣлъ ихъ писать въ грамотахъ своими боярами». Одна половина Ростовскаго княжества, какъ извѣстно, еще до княженія Ивана III была присоединена къ Москвѣ, а другая находилась подъ сильнымъ ея давленіемъ еще прежде, чѣмъ была куплена Иваномъ. Великій князь Василій Темный, отказывая Ростовъ своей княгинѣ, пишетъ въ духовной 1462 года: «а князи ростовскіе что вѣдали при мнѣ, ино потому держатъ и при моей княгинѣ, а княгиня моя у нихъ въ то не вступается». Сынъ Темнаго Юрій, къ которому имѣлъ перейти Ростовъ по смерти княгини, долженъ былъ по этой духовной точно такъ же поступать съ мѣстными князьями: «что они вѣдали свое, ино потому же держатъ» *). Благодаря такой политикѣ осторожности создавалось переходное среднее состояніе между удѣльнымъ княземъ и простымъ служилымъ бояриномъ, которое можно назвать состояніемъ *служилаго князя на удѣлѣ*. Если владѣтельный князь добровольно подчинялся Москвѣ, его обыкновенно оставляли владѣльцемъ всей его прежней вотчины, и тамъ новый московскій слуга пользовался значительною долей своихъ прежнихъ владѣтельныхъ правъ, оставался въ кругу старыхъ политическихъ обычаевъ и отношеній, заведенныхъ самостоятельными отцами. Въ 1493 г., когда московскіе воеводы взяли у Литвы Вязьму и князей Вяземскихъ привели въ Москву, великій князь ихъ «пожаловалъ ихъ же вотчиною Вязьмою и повелѣлъ имъ себѣ служити». Такъ же поступилъ онъ съ пріѣхавшимъ тогда служить ему кн. М. Мезецкимъ; но братья послѣдняго, насильно при-

---

*) Этимъ объясняется сообщеніе Татищева, который видѣлъ въ архивѣ кн. Д. М. Голицына акты, свидѣтельствовавшіе о томъ, что великій князь Василій Темный «велѣлъ ростовскимъ боярамъ судить по ихъ старымъ законамъ», что Иваномъ III, при которомъ Рязань не была еще окончательно подчинена Москвѣ, подобное дозволеніе дано было и рязанскимъ боярамъ по ихъ ходатайству. Продолж. Др. Росс. Вивліоѳ. I, 6.

везенные имъ въ Москву, были посланы въ заточеніе. Иноземный наблюдатель отмѣтилъ довольно точно самое время, когда сталъ исчезать удѣльный порядокъ. Англійскому послу Флетчеру, пріѣхавшему въ Москву въ 1588 г., разсказывали, что еще недавно были въ Москвѣ лица изъ древняго дворянства, «которыя владѣли по наслѣдству различными областями съ неограниченной властью и съ правомъ судить и рядить всѣ дѣла въ своихъ владѣніяхъ безъ апелляціи и даже не отдавая отчета царю». При Грозномъ еще можно было застать такихъ владѣльцевъ; но при сынѣ его, послѣ опричнины, они были уже только предметомъ воспоминаній *).

Въ перечисленныхъ мелкихъ явленіяхъ вскрываются политическія понятія, которыми руководились люди, правившіе Московскимъ государствомъ въ XV и XVI в. Ходъ политическаго объединенія Руси Москвой становится яснѣе. Это не былъ крутой и быстрый переломъ, какимъ онъ иногда кажется. Покоривъ новую область, Москва не спѣшила разрушить дѣйствовавшій тамъ старый привычный порядокъ, чтобы замѣнить его своимъ московскимъ «обычаемъ». Напротивъ, не только этому порядку, но и старымъ привычнымъ охранителямъ его, прежнимъ властямъ, она предоставляла нѣкоторое время дѣйствовать попрежнему, пользуясь ими для своихъ цѣлей. Власть московскаго государя становилась не на ихъ мѣсто, а надъ ними, и новый государственный порядокъ являлся тамъ, такъ сказать, новымъ слоемъ отношеній и учрежденій, который ложился поверхъ дѣйствовавшаго прежде, не разрушая его, а только возлагая на него новыя обязанности, указывая ему новыя задачи. Можно думать, что большая

*) Русск. Ист. Сб. V, 2 и 3. Дѣла Польскія въ Моск. Архивѣ мин. ин. дѣлъ, № 3. Тамъ же Разр. кн. № 99/151. Доп. къ Акт. Ист. I, № 21. П. С. Р. Л. VI, 185; IV, 162. Акты З. Р. I, № 75. Собр. гос. гр. и дог. I, стр. 204; ср. №№ 80 и 81. *Флетчеръ*, гл. 7. Въ указанной Разрядной подъ 1500 г. замѣчено, что когда князья С. И. Можайскій и В. И. Шемячичъ пріѣхали къ великому князю служить съ вотчинами, великій князь ихъ пожаловалъ, «подавалъ имъ удѣлы». Эти и подобные имъ князья и по вступленіи на московскую службу въ отличіе отъ другихъ служилыхъ князей продолжали оффиціально называться «удѣльными».

часть удѣльныхъ князей и бояръ перенесла безъ особенной боли перемѣну въ своемъ положенiи, переѣздъ изъ удѣла въ Москву. Это перемѣщенiе не было для нихъ разгромомъ; съ нимъ они далеко не теряли всего, что имѣли въ удѣлахъ. Они вѣдь и здѣсь имѣли не особенно много и не подчинились бы Москвѣ такъ легко и охотно, еслибъ имѣли много. Большая часть ихъ уже до этого утратила нѣкоторую долю правъ и привычекъ власти, а остатокъ этихъ правъ вмѣстѣ съ удѣльными понятiями и воспоминанiями сначала щадили и въ Москвѣ, не чувствуя ни надобности, ни охоты добивать ихъ, пока они ничему не мѣшали. Главнымъ политическимъ достоянiемъ, которымъ они дорожили больше всего, были ихъ удѣльныя землевладѣльческiя хозяйства и ихъ генеалогическiе счеты и споры о старшинствѣ. За бывшими удѣльными державцами въ Москвѣ оставляли вотчины въ ихъ прежнихъ удѣлахъ съ обширными привилегiями; ихъ иногда даже назначали намѣстниками въ города, гдѣ недавно были ихъ княжескiе столы; наконецъ нисколько не стѣсняли ихъ неумѣренной привязанности къ генеалогической археологiи, предоставляя имъ изучать въ волю свои удѣльныя родословныя и на основанiи ихъ высчитывать другъ другу служебное старшинство въ Москвѣ. Пока хранились остатки удѣльной житейской обстановки, не могли погаснуть и удѣльныя понятiя и преданiя, которыя были съ нею связаны, ею воспитаны.

Но самый тотъ фактъ, что удѣльные владѣльцы или ихъ ближайшiе потомки теперь принуждены были ежедневно видаться другъ съ другомъ въ московскомъ Кремлѣ, сообщалъ запасу удѣльныхъ преданiй и отношенiй, уцѣлѣвшихъ отъ крушенiя при перевозкѣ въ Москву, иное направленiе, какого они не могли получить при прежнемъ удѣльномъ уединенiи князей. Прежде каждый изъ нихъ сознавалъ себя безспорнымъ, наслѣдственнымъ и пожалуй даже полновластнымъ владѣтелемъ части Русской земли, и это сознанiе господствовало въ умахъ, подавляя мысль о совокупности такихъ владѣльцевъ и такихъ частей, о генеалогической или народной связи между ними. Теперь чувство этой связи было ежедневнымъ впеча-

тлѣніемъ, какое привозилось изъ Кремля, выносилось изъ каждаго служебнаго столкновенія. Съ минуты своего подчиненія Москвѣ бывшій удѣльный князь привыкалъ сознавать себя если не самостоятельнымъ владѣльцемъ извѣстной части Русской земли, какимъ онъ уже перестатъ быть на дѣлѣ, то частью многочисленнаго класса, который подъ руководствомъ московскаго государя правилъ всей Русской землей, ему повиновавшейся. Преданіе власти не прервалось, а преобразилось: власть эта стала теперь собирательной, сословной и общеземской, переставъ быть одиночной, личной и мѣстной.

Верхи этого класса, составившагося изъ удѣльныхъ элементовъ, сидѣли въ боярской думѣ и двигали правительственною машиною государства. Непрерывность правительственнаго преданія, шедшаго изъ удѣловъ, должна была чувствоваться здѣсь еще живѣе, чѣмъ въ другихъ слояхъ того же класса, если припомнить, каково было по происхожденію большинство бояръ въ думѣ XVI в. То были потомки удѣльныхъ державцевъ; рядомъ съ ними появлялись иногда потомки удѣльныхъ бояръ, гораздо чаще люди большихъ и старинныхъ боярскихъ фамилій Московскаго княжества. Глядя на такой составъ боярской думы въ первой половинѣ XVI вѣка, приказный московскій публицистъ, умѣвшій «воротить» лѣтописцами и родословными, могъ основательно сказать: то все старинныя, привычныя власти Русской земли, тѣ же власти, какія правили землей прежде по удѣламъ; только прежде онѣ правили ею по частямъ и поодиночкѣ, а теперь, собравшись въ Москвѣ, онѣ правятъ всею землей и всѣ вмѣстѣ, въ извѣстномъ порядкѣ старшинства разстанавливаясь у главныхъ колесъ правительственной машины. Но если московское боярство своимъ новымъ составомъ могло производить такое впечатлѣніе на общество, то его правительственное положеніе давало и ему право сказать: мы, совѣтники государя московскаго и всея Руси, потому и призываемся къ власти, въ думу, что мы сами по себѣ власти всей Русской земли; теперь государь правитъ Русской землей съ нами именно потому, что мы, то-есть наши отцы, правили ею и безъ него. Нѣчто подобное такимъ умозаключеніямъ стало

проникать въ среду тѣхъ пришлыхъ фамилій, главы которыхъ сидѣли въ московской боярской думѣ, въ умы удѣльнаго княжья и боярства, когда оно увидѣло себя въ сборѣ вокругъ московскаго Кремля. Окруженные остатками удѣльныхъ отношеній, не видя со стороны московскаго государя рѣшительнаго отрицанія удѣльныхъ преданій, встрѣчая напротивъ прямое признаніе ихъ во многомъ, эти люди взглянули на свое общество, какъ на собраніе подчиненныхъ государю властей Русской земли, а на боярскую думу, какъ на сборное мѣсто, откуда они будутъ продолжать править Русскою землей, какъ отцы ихъ правили ею, сидя или служа по удѣламъ. Слѣды этого взгляда встрѣчаемъ въ памятникахъ, гдѣ находили себѣ выраженіе боярскія политическія сужденія XVI в.; на него указываетъ аристократическій характеръ, какимъ отличался составъ думы въ этотъ вѣкъ; наконецъ этотъ взглядъ съ вытекавшей изъ него мыслью, что такъ составленная дума есть необходимая и естественная посредница между государемъ и землей, былъ прямо признанъ царемъ Иваномъ IV въ самый разгаръ его борьбы съ боярствомъ.

Такъ боярская дума въ Москвѣ съ половины XV в. является или стремится стать оплотомъ политическихъ притязаній, какія сами собою возникали въ служилой и землевладѣльческой московской аристократіи подъ вліяніемъ обстоятельствъ, при которыхъ она складывалась изъ удѣльныхъ элементовъ. Собравшись въ Москвѣ, люди этого класса стали смотрѣть на себя, какъ на властныхъ представителей Русской земли при князѣ, который нѣкогда былъ однимъ изъ нихъ, такимъ же княземъ, какъ ихъ предки, но потомъ благодаря счастью собралъ землю и потомковъ бывшихъ ея правителей призвалъ управлять ею.

Глава XII.

Политическія привычки и стремленія московскихъ государей не противорѣчили этимъ притязаніямъ по крайней мѣрѣ до половины XVI в.

Сущность этихъ притязаній состояла въ требованіи, чтобы центральнымъ и областнымъ управленіемъ руководили вмѣстѣ съ государемъ люди извѣстнаго класса, разстанавливаясь согласно съ мѣстническимъ отечествомъ, въ порядкѣ родословнаго старшинства лицъ и фамилій.

Въ запасѣ правительственныхъ привычекъ и понятій, доставшемся Ивану III и его преемникамъ по наслѣдству отъ предковъ, не было ничего непримиримаго съ такими притязаніями. Московскіе князья XIV и XV в. даже болѣе другихъ великихъ князей привыкли дѣйствовать дружно съ своими боярами. Изъ всѣхъ великокняжескихъ городовъ тогдашней Руси ни одинъ не былъ въ такой степени боярскимъ, какъ Москва, по числу и знатности дѣйствовавшихъ здѣсь боярскихъ фамилій, и нигдѣ великокняжеская власть не была больше обязана своими успѣхами людямъ этого класса.

Правда, съ половины XV в. сталъ обнаруживаться одинъ новый фактъ, который стóитъ лишь назвать, чтобы понять его политическую важность. Московское княжество становится великорусскимъ государствомъ: предѣлы его, доселѣ опредѣлявшіеся случайными успѣхами князей-собирателей, которые раздвигали ихъ въ ту или другую сторону, уже въ первой половинѣ XVI в. встрѣтились наконецъ съ границами народности, незамѣтно образовавшейся сложнымъ и медленнымъ движеніемъ колонизаціи на сѣверъ и югъ отъ верхней Волги. Эта народность, среди удѣльнаго дробленія остававшаяся явленіемъ этнографическимъ, теперь впервые получила политическое значеніе. Московское княжество, удѣльное по происхожденію, въ XIV в. ставшее великимъ по своимъ успѣхамъ, сдѣлалось національнымъ великорусскимъ государствомъ по своимъ территоріальнымъ границамъ при Иванѣ III и его ближайшихъ преемни-

кахъ: таковъ коренной и даже единственный фактъ, оправдывающій привычку нашей исторіографіи класть грань новаго историческаго періода въ началѣ княженія Ивана III. Всѣ новыя политическія явленія нашей исторіи, внѣшнія и внутреннія, обнаруживающіяся съ той поры, суть прямыя или отдаленныя послѣдствія этого факта.

Съ распространеніемъ удѣльной политической формы на цѣлую народность въ кругъ хозяйственныхъ правъ и отношеній московскаго государя, изъ которыхъ собственно и состояло государство удѣльнаго времени, сталъ входить рядъ новыхъ политическихъ соображеній, которыя должны были измѣнить прежнія понятія о государствѣ и государѣ. Но во-первыхъ, люди, съ появленіемъ которыхъ въ московской боярской думѣ обнаруживаются новыя политическія притязанія со стороны боярства, съ конца XV в. много, если не болѣе всего, содѣйствовали успѣху указаннаго факта. Всѣ эти князья Одоевскіе, Воротынскіе, Мстиславскіе, Микулинскіе, Ярославскіе и другіе, которые занимали первыя мѣста и въ думѣ, и за государевымъ столомъ, и въ полкахъ, добровольно, по крайней мѣрѣ безъ прямаго принужденія съ московской стороны стали слугами московскаго государя и этимъ помогли ему какъ овладѣть сосѣдними великими княжествами по верхней Волгѣ, такъ и раздвинуть свои владѣнія на югозападъ до верховьевъ Оки и до Днѣпра. Ихъ появленіе при московскомъ дворѣ всего болѣе и сообщило здѣшнему хозяину значеніе національнаго государя всея Руси и блескъ князя всѣхъ русскихъ князей. Они явились сюда не побѣжденными врагами и не случайными наемниками, а добровольными и усердными поборниками идеи, бывшей преданіемъ, завѣтнымъ помысломъ московскаго княжескаго дома. Допущенные къ власти, они не могли внести въ правительство стремленій враждебныхъ тому, во имя чего они пришли въ Москву съ своими вотчинами, пожертвовавъ удѣльною самостоятельностью или привольной литовской зависимостью. Они слѣдовательно продолжали образъ дѣйствій московскихъ бояръ XIV в. Примѣняя къ обстоятельствамъ своего времени слова духовной великаго князя Семена, завѣщавшаго

братьямъ слушаться старыхъ бояръ, которые хотѣли добра ихъ отцу и имъ, Иванъ III не погрѣшилъ бы противъ истины, еслибы написалъ въ своемъ завѣщаніи сыну: и *новыхъ* бояръ слушайся, потому что они не меньше старыхъ хотѣли добра отцу моему и мнѣ. Притомъ новое національное значеніе московскаго государя въ первое время внушало больше неясныхъ чувствъ, чѣмъ опредѣленныхъ политическихъ понятій, выражалось не столько въ новыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, въ перестройкѣ государственнаго права, сколько въ стремленіи создать новую обстановку придворной жизни, завести новый церемоніалъ, построить новый дворецъ и соборъ при немъ лучше и просторнѣе прежнихъ, достать жену знатнаго, настоящаго царскаго корня, прибавить къ своему имени новый пышный титулъ, скрѣпить назначеніе преемника торжественнымъ церковнымъ вѣнчаніемъ. Новое положеніе указало одну новую цѣль, удивительно ясно сознанную и твердо поставленную въ московской политической программѣ. Но и эта цѣль касалась внѣшней, а не внутренней политики: обладая Великою Русью, московскій великій князь съ чисто московскимъ, великорусскимъ постоянствомъ сталъ добиваться обладанія и всею Русью, какая еще оставалась въ чужихъ рукахъ. Но обрусѣвшіе и пріѣхавшіе въ Москву служить Гедиминовичи, князья Бѣльскіе, Мстиславскіе, Патрикѣевы, все большіе люди въ новомъ московскомъ боярствѣ, могли только оправдывать и поощрять эту національную политику московскаго государя.

Значитъ, ни московское правительственное преданіе, ни политическія задачи, стоявшія у московскаго государя на очереди, ни отношеніе къ нимъ новаго боярства не давали повода къ рѣшительному противодѣйствію боярскимъ политическимъ притязаніямъ. Мысль о неосуществимости этихъ притязаній чаще всего подсказывается однимъ терминомъ въ титулѣ московскаго государя. Чтобы выразить особое почтеніе, нашихъ князей и прежде иногда величали «самодержцами». Съ Ивана III это слово было оффиціально введено въ постоянный титулъ московскаго государя и освящено церковнымъ обрядомъ, благословеніемъ духовной власти. При вѣнчаніи Иванова внука Ди-

митрія на великое княженіе въ 1498 г. митрополитъ называлъ великаго князя-дѣда «преславнымъ царемъ самодержцемъ». Разжаловавъ потомъ внука, Иванъ перенесъ этотъ титулъ на новаго наслѣдника, благословилъ и посадилъ сына своего Василія на великое княженіе «самодержцемъ» по благословенію митрополита, и великій князь Василій писался самодержцемъ по смерти отца даже въ жалованныхъ грамотахъ частнымъ лицамъ, гдѣ обыкновенно употреблялся не полный торжественный, а малый будничный титулъ государя. Но не слѣдуетъ думать, что въ этомъ терминѣ уже тогда сказалась ясно сознанная мысль, отрицавшая всякій раздѣлъ правительственной власти московскаго государя съ какою-либо другой внутренней политической силой. Политическіе термины имѣютъ свою исторію, и мы неизбѣжно впадемъ въ анахронизмъ, если, встрѣчая ихъ въ памятникахъ отдаленнаго времени, будемъ понимать ихъ въ современномъ намъ смыслѣ. Болѣе ста лѣтъ спустя послѣ вѣнчанія на царство Иванова внука вступилъ на московскій престолъ царь Василій изъ фамиліи князей Шуйскихъ съ формально ограниченною властью; но въ грамотѣ объ его вступленіи на престолъ, разосланной по областямъ государства, боярская дума и всѣ чины называютъ новаго царя самодержцемъ. Не одно свидѣтельство XVII вѣка говоритъ также о томъ, что первый царь новой династіи не пользовался неограниченною властью; однако онъ не только писался въ актахъ самодержцемъ подобно предшественникамъ, но и на своей печати прибавилъ это слово къ царскому титулу, чего не дѣлали его предшественники, власть которыхъ не подвергалась формальному ограниченію. Съ другой стороны, трудно подумать, чтобы для людей тѣхъ вѣковъ этотъ терминъ былъ простымъ титулярнымъ украшеніемъ, чтобъ они не соединяли съ нимъ никакого политическаго понятія или соединяли понятіе прямо противоположное дѣйствительности. Это слово, переводъ извѣстнаго греческаго термина, сдѣланный очевидно старинными книжниками, судя по его искусственности, стало входить въ московскій оффиціальный языкъ, когда съ прибытіемъ «царевны царегородской» Софьи къ московскому двору здѣсь робко нача-

ла пробиваться мысль, что московскій государь и по женѣ, и по православному христіанству есть единственный наслѣдникъ павшаго цареградскаго императора, который считался на Руси высшимъ образцомъ государственной власти вполнѣ самостоятельной, независимой ни отъ какой сторонней силы. Эта мысль высказывалась въ подробностяхъ придворнаго церемоніала, въ новомъ государственномъ гербѣ, даже въ попыткѣ создать новую родословную московскихъ государей, давъ Рюрику прямаго предка въ лицѣ Августа, кесаря римскаго. ***Самодержецъ*** входитъ въ московскій титулъ одновременно съ ***царемъ***, а этотъ послѣдній терминъ былъ знакомъ того, что московскій государь уже не признавалъ себя данникомъ татарскаго хана, которому доселѣ Русь преимущественно усвояла названіе царя. Значитъ, словомъ ***самодержецъ*** характеризовали не внутреннія политическія отношенія, а внѣшнее положеніе московскаго государя: подъ нимъ разумѣли правителя, не зависящаго отъ посторонней, чуждой власти, самостоятельнаго; самодержцу противополагали то, что мы назвали бы вассаломъ, а не то, что на современномъ политическомъ языкѣ носитъ названіе конституціоннаго государя. Такъ и смотрѣли на московскаго государя современники Ивана III: они видѣли въ немъ «русскихъ земль государя», независимаго главу православнаго русскаго христіанства. Какой пророкъ пророчествовалъ, спрашивалъ архіепископъ ростовскій Вассіанъ въ посланіи къ Ивану III на Угру, какой апостолъ училъ, чтобы ты, «великій русскихъ странъ христіанскій царь», повиновался басурманскому царю? Съ понятіемъ о самодержавіи общество соединяло мысль о внѣшней независимости страны; вопросъ о внутреннихъ политическихъ отношеніяхъ еще не возбуждался. Во второй половинѣ XVI в., уже въ эпоху горячаго столкновенія государя съ своимъ боярствомъ, въ Москвѣ стали задумываться надъ этимъ терминомъ, разбирать его и со стороны внутреннихъ политическихъ отношеній. Царь Иванъ старался понять его возможно проще, въ прямомъ этимологическомъ смыслѣ. «Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?» возражалъ онъ Курбскому, отстаивая власть царя отъ притязаній боярства. Но если царь

этимъ словомъ кололъ глаза боярству за его политическія притязанія, то боярская сторона въ свою очередь этимъ же словомъ колола глаза самому царю за ту власть, какую онъ давалъ монашеству, надѣляя его землями и землевладѣльческими привилегіями. *Бесѣда* валаамскихъ чудотворцевъ, извѣстный политическій памфлетъ XVI вѣка, тѣсно связана по своему происхожденію съ лагеремъ оппозиціоннаго боярства и направлена противъ монастырскаго землевладѣнія, которое опустошало боярскія вотчины. «А селами и волостями съ крестьянами, читаемъ въ этомъ памятникѣ, царямъ не подобаетъ жаловать иноковъ, и непохвально дѣлаютъ такъ цари. Пишутся они въ своихъ титулахъ самодержцами: такимъ царямъ никакъ не слѣдуетъ писаться самодержцами, потому что не сами собою держатъ они Богомъ данное имъ царство и міръ и не съ *пріятелями* своими, князьями и боярами, а владѣютъ имъ и совѣтуются съ непогребенными мертвецами. Лучше сложить съ себя санъ и вѣнецъ царскій, отставить царскій жезлъ и не сидѣть на царскомъ престолѣ, чѣмъ отвращать иноковъ отъ душевнаго спасенія мірскими суетами». Но это были усилія мысли отдѣльныхъ публицистовъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Иванъ Грозный. Оффиціальный языкъ московскаго правительства и послѣ того сохранялъ первоначальное историческое значеніе этого термина, которое не мѣшало прилагать его къ царямъ, вовсе не пользовавшимся самодержавною властію въ современномъ намъ смыслѣ этого слова.

Нѣтъ никакой нужды предварять историческій ходъ явленій, приписывая московскимъ государямъ XV и XVI в. политическое самосознаніе, которое съ великимъ трудомъ выработалось лишь позднѣе. Иностранцы, наблюдавшіе политическій бытъ Москвы при отцѣ Грознаго, замѣчали, что московскій государь властію своею надъ подданными превосходилъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ. Не нужно было особенной наблюдательности, чтобы замѣтить это. Такая власть была здѣсь не вчерашнимъ явленіемъ: она прямо развилась изъ значенія удѣльнаго князя-хозяина, окруженнаго дворовыми слугами, холопами. Но именно потому, что она имѣла такой

источникъ, въ ней былъ одинъ существенный пробѣлъ. Московскій государь имѣлъ обширную власть надъ лицами, но не надъ порядкомъ, не потому, что у него не было матеріальныхъ средствъ владѣть и порядкомъ, а потому, что въ кругу его политическихъ понятій не было самой идеи о возможности и надобности распоряжаться порядкомъ, какъ лицами. Великій князь Василій Ивановичъ бранилъ своихъ совѣтниковъ смердами и прогонялъ ихъ изъ думы съ глазъ долой, но въ полковыхъ росписяхъ какого-нибудь неблагонадежнаго политически кн. Горбатаго-Шуйскаго назначалъ на много мѣстъ выше вѣрнопреданнаго потомка старинныхъ московскихъ бояръ Хабара-Симскаго или Лошакова-Колычова. Еслибы тому же великому князю какой-нибудь политикъ сталъ доказывать, что несогласно съ его державнымъ достоинствомъ ввѣрять управленіе строптивымъ боярамъ, жаловать въ боярское званіе знатныхъ людей только потому, что ихъ отцы носили его, ставить ихъ выше усердныхъ неродовитыхъ слугъ только потому, что такъ слѣдуетъ по боярскому мѣстническому отечеству: великій князь едва ли понялъ бы подобныя разсужденія или понялъ бы только, что это такая же безлѣпица, какъ спать передъ обѣдомъ, обѣдать до обѣдни, играя «въ шахи», ходить съ черной клѣтки на желтую и т. п. Все это можно и легко сдѣлать, да такъ не повелось, и сдѣлать такъ значило бы показать не самодержавную власть свою, а только свое неумѣнье жить съ людьми и играть въ шахи. Московскіе государи всего менѣе поддавались соблазну такого самодержавія. Они предоставляли дѣламъ идти своимъ чередомъ, только высматривая въ заведенномъ порядкѣ обстоятельства, которыми можно было бы воспользоваться съ выгодой, и именно потому, что этотъ порядокъ часто давалъ имъ въ руки такія выгодныя обстоятельства, они не любили ломать его или круто повертывать въ свою сторону. Это былъ ихъ фамильный упорный консерватизмъ преданія; въ немъ было много наблюдательности и практической сноровки, но очень мало творческихъ идей, или, что̀ то же на изнанку, торопливой наклонности все рвать и кроить посвоему. До Ивана Грознаго они все копили.

собирали, были, по изысканному выраженію этого царя, «въ закоснѣлыхъ прародительствіяхъ земли обрѣтатели», одолѣвали соперниковъ и готовили средства для освобожденія себя и своей Руси отъ татарской власти, и когда наконецъ выбились изъ неволи, охотно приняли подсказанный духовенствомъ титулъ царей и самодержцевъ, какъ знакъ внѣшней независимости, а не какъ девизъ внутренней политики, подобно тому какъ церковнымъ вѣнчаніемъ на царство они замѣнили прежнее посаженіе на великокняжескій столъ татарскимъ посланцомъ. Среди внѣшнихъ хлопотъ они еще не успѣли хорошенько обдумать ни значенія этого титула, ни внутренняго политическаго содержанія своей власти, созданной новымъ положеніемъ, и еще менѣе успѣли подумать возвести этотъ титулъ въ политическую теорію и согласно съ этой новой властью перестроить свои внутреннія политическія отношенія и весь правительственный порядокъ. Между тѣмъ политическіе успѣхи собрали вокругъ московскаго государя цѣлый сонмъ новыхъ слугъ. Передніе ряды его состояли все изъ владѣтельныхъ князей или ихъ сыновей, которые или отцы которыхъ такъ же самостоятельно владѣли своими отчинами, какъ московскіе князья своей. Въ большинствѣ они добровольно пришли въ Москву, много помогли ея успѣхамъ и считали себя въ правѣ надѣяться, что за ними оставятъ если не всѣ, то часть ихъ прежнихъ вотчинъ и вотчинныхъ правъ съ долей прежней правительственной власти. Все это и признали за ними московскіе государи, не торопясь точно опредѣлить новое положеніе сторонъ, не заботясь о противорѣчіяхъ, какія это признаніе вносило въ ихъ отношенія. До сихъ поръ они все старались овладѣть возможно большимъ количествомъ князей и княжествъ и не задумываясь много надъ новою системой управленія пріобрѣтенными княжествами, стали править ими посредствомъ пріобрѣтенныхъ князей. Это открывало обширный просторъ обоюднымъ недоразумѣніямъ, которыя вызывали столкновенія между обѣими сторонами; но это было совершенно согласно съ фамильными политическими преданіями московскихъ государей, привыкшихъ дѣйствовать по старинѣ, по

указаніямъ опыта и текущей минуты, пользуясь ближайшими наличными средствами.

Въ этомъ отношеніи московское общество, кажется, опередило своихъ государей и вынесло изъ пережитаго болѣе цѣльное впечатлѣніе. Оно раньше ихъ вывело политическія итоги изъ совершившихся перемѣнъ и составило совершенно отчетливое понятіе о верховной власти, отождествляя волю государя съ волею Божіей, а «свою волю» новгородцевъ съ отсутствіемъ правды и всякаго порядка, считая себя и все свое полною собственностью государя, не признавая кромѣ его никакой другой власти въ государствѣ, называя его намѣстникомъ Бога на землѣ, постельникомъ Божіимъ и т. п. Выраженіе такихъ воззрѣній встрѣчаемъ въ своихъ и чужихъ памятникахъ уже при дѣдѣ и отцѣ Грознаго, а самъ Грозный, какъ увидимъ, даже несмотря на свои опыты въ непривычной для его предковъ философіи власти, не только не могъ отрѣшиться отъ удѣльныхъ преданій, но и призналъ важнѣйшія изъ притязаній своего боярства, съ которымъ такъ долго воевалъ и перомъ, и палачомъ.

Глава XIII.

Однако перемѣны въ устройствѣ боярской думы XVI в. вышли не изъ этихъ боярскихъ притязаній.

Можно было бы ожидать, что на правительственномъ устройствѣ боярской думы въ такой же степени отразятся политическія притязанія новаго московскаго боярства, въ какой на ея составѣ отразился измѣнившійся составъ этого класса.

Нѣкоторыя явленія заставляли предполагать, что перемѣны въ устройствѣ учрежденія примутъ именно направленіе, согласное съ этими притязаніями. Уже къ началу XVI в. боярство новаго состава образовало изъ себя классъ, замѣтно стремившійся обособиться отъ низшихъ служилыхъ слоевъ. Въ XVI вѣкѣ новое боярство всюду является въ управленіи на

первомъ планѣ. Люди родовитыхъ фамилій, начавшихъ служить въ Москвѣ не раньше XV вѣка, давятъ старинное боярство московское и своей численностію, и важностью занимаемыхъ ими должностей. Огромное большинство этихъ людей составляютъ князья. И въ думѣ, и въ высшей военно-походной администраціи встрѣчаемъ сходныя явленія. Какъ тамъ первый думный чинъ, такъ здѣсь мѣста первыхъ полковыхъ воеводъ принадлежатъ преимущественно знатному княжью; даже количественныя отношенія разныхъ генеалогическихъ слоевъ служилаго класса тамъ и здѣсь довольно близки другъ къ другу *). Между фамиліями, которыя составляли московское боярство, и даже между отдѣльными членами этихъ фамилій установился довольно точно опредѣленный іерархическій распорядокъ. Въ разрядныхъ росписяхъ походовъ иногда по имени перваго воеводы большого полка можно приблизительно разсчитать, какія имена могли слѣдовать за нимъ на мѣстахъ его товарищей и воеводъ остальныхъ полковъ. Боярскія служебныя понятія, вскрывающіяся въ мѣстническихъ тяжбахъ, обличаютъ въ знатнѣйшихъ фамиліяхъ боярства даже стремленіе замкнуться въ тѣсную недоступную касту. Впродолженіе XVI в. кругъ первостепенной московской знати гораздо меньше принялъ въ свой составъ поднявшихся подсадковъ со стороны, чѣмъ отбросилъ собственныхъ засохшихъ, захудалыхъ сучьевъ. Съ тѣхъ поръ какъ прекратился усиленный приливъ въ Москву знатныхъ выходцевъ изъ удѣловъ и изъ-за границы, живо чувствуется эта наклонность боярства подчищаться. Съ половины XVI в.

---

*) Беремъ на удачу два года изъ двухъ смежныхъ царствованій, 7021 (съ сен. 1512 по сен. 1513 г.) и 7056, и сосчитываемъ по разрядной книгѣ всѣхъ воеводъ, посланныхъ съ полками на разныя границы государства. Находимъ, что князей было въ первый годъ 32 изъ 57 воеводъ, во второй 55 изъ 92; членовъ фамилій, простыхъ или титулованныхъ, начавшихъ служить въ Москвѣ съ XV вѣка, въ первый годъ было 39, т.-е. около 68%, во второй 68 или почти 73%, а членовъ фамилій, вступившихъ на московскую службу съ княженія Ивана III, въ тотъ и другой годъ было по половинѣ всего числа воеводъ. Ср. выше стр. 229 и сл.

въ спискахъ уѣздныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ съ каждымъ поколѣніемъ является все больше громкихъ родовитыхъ именъ, носители которыхъ канули на дно служилаго общества, не выходятъ изъ низшихъ служилыхъ чиновъ, и болѣе счастливые родичи ихъ, уцѣлѣвшіе на родословномъ деревѣ, смотрятъ на нихъ свысока, какъ на людей «обышныхъ, неродословныхъ, городовыхъ», запрещаютъ имъ считаться своимъ родствомъ, чтобы не «худить» старшихъ или болѣе сановныхъ однофамильцевъ. До половины XVII вѣка неродовитому человѣку было все еще трудно пробиться къ высшимъ служилымъ чинамъ, не смотря на сильно порѣдѣвшіе ряды старой знати. Происхожденіе, родословное преданіе брало верхъ надъ дарованіемъ, личною заслугой, даже личною выслугой. Важнѣе всего было то, что этотъ родовитый кругъ чрезъ своихъ думныхъ представителей велъ текущее законодательство государства въ то самое время, когда оно устроялось въ своихъ новыхъ границахъ и въ новомъ общественномъ составѣ.

Казалось бы, при такомъ настроеніи и въ такомъ благопріятномъ положеніи думное боярство прежде всего будетъ добиваться двухъ перемѣнъ въ устройствѣ думы: во-первыхъ, подчистившись и замкнувшись возможно болѣе, попытается оставить двери думы открытыми лишь для немногихъ избранныхъ фамилій, преимущественно титулованныхъ; во-вторыхъ, поспѣшитъ взять въ свои руки направленіе, инициативу законодательства. Посмотримъ, насколько перемѣны, совершившіяся въ устройствѣ боярской думы Московскаго государства, соотвѣтствовали этимъ предположеніямъ.

Съ образованіемъ Московскаго государства произошли важныя перемѣны въ центральномъ московскомъ управленіи. Эти перемѣны были дѣломъ административнаго процесса, начавшагося еще въ удѣльное время. Онъ состоялъ, какъ мы видѣли, въ томъ, что дѣла новыя, возникавшія въ центральномъ управленіи, сперва разрѣшались дворцовой думой, какъ экстренныя, а потомъ, теряя такой характеръ отъ частаго повторенія, отходили въ особыя постоянныя центральныя вѣдомства, для нихъ создававшіяся. Накопленіе правительствен-

ныхъ дѣлъ, выходившихъ изъ круга дворцоваго хозяйства, вызвало съ теченіемъ времени сложную систему приказовъ, вѣдавшихъ государственныя недворцовыя дѣла. Въ удѣльное время центральное управленіе состояло собственно изъ высшихъ дворцовыхъ учрежденій. Теперь эти послѣднія все болѣе тонули въ увеличивавшейся постепенно массѣ этихъ новыхъ недворцовыхъ вѣдомствъ. Въ удѣльное время центральное управленіе было по преимуществу боярскимъ, велось боярами введенными. Оно остается боярскимъ и теперь. Судебникъ Ивана III представляетъ думныхъ людей, бояръ и окольничихъ, начальниками отдѣльныхъ центральныхъ приказовъ по преимуществу: говоря о высшемъ центральномъ судѣ, онъ постановляетъ, что судятъ бояре и окольничіе, изъ коихъ каждый обязанъ давать управу всѣмъ истцамъ, «которымъ пригоже», т. е. дѣла которыхъ ему подсудны и не превышаютъ его компетенціи, а кого ему будетъ «непригоже управити», о томъ онъ докладываетъ великому князю или посылаетъ истца къ тому, «которому которые люди *приказаны* вѣдати», т. е. направляетъ къ боярину другого приказа по подсудности. Но оставшись боярскимъ, центральное управленіе перестало быть управленіемъ бояръ введенныхъ, т. е. дворцовымъ. Когда рядомъ съ старыми дворцовыми вѣдомствами явилось много новыхъ недворцовыхъ, дворцовое управленіе стало отличаться отъ боярскаго и не входило въ кругъ послѣдняго, какъ его органическая часть, а составляло особую параллельную ему администрацію. По одной неизданной грамотѣ Троицкаго Сергіева монастыря царь въ 1551 г. пожаловалъ двухъ своихъ пѣвчихъ дьяковъ «даннымъ приставствомъ» этого монастыря, давъ имъ право въ случаѣ тяжбы назначать срокъ стать передъ царемъ, передъ боярами и дворецкими «тѣхъ городовъ людямъ, которые городы у которыхъ *бояръ* и у *дворецкихъ* въ приказѣ будутъ». Вмѣстѣ съ раздѣленіемъ центральной администраціи на два порядка учрежденій и въ высшемъ правительственномъ классѣ обозначаются двѣ іерархіи, придворная и дворцовая. Въ составѣ обширнаго придворнаго круга образуется особый штатъ, имѣвшій ближайшее отношеніе къ дворцу:

это *комната*, которую составляли *ближніе* или *комнатные* люди. Ближними они назывались въ дипломатическихъ актахъ, въ сношеніяхъ съ иноземцами, а въ домашнемъ, дворцовомъ обиходѣ обыкновенно носили званіе комнатныхъ. Такъ объясняетъ значеніе этихъ терминовъ Котошихинъ, и его объясненіе, говоря вообще, оправдывается терминологіей старыхъ московскихъ дипломатическихъ и дворцовыхъ книгъ и актовъ. Но Котошихинъ недостаточно ясно и точно опредѣляетъ составъ комнаты, когда говоритъ, что людей, въ молодости служившихъ спальниками у государя, жившихъ въ его комнатѣ, потомъ жаловали въ комнатные бояре или окольничіе, смотря по родовитости каждаго. Званіе ближнихъ или комнатныхъ носили не одни бояре и окольничіе, но и люди менѣе чиновные, стольники и дворяне. Даже такіе родовитые вельможи, какъ князья Голицыны, возводились въ бояре уже изъ комнатныхъ стольниковъ, а не прямо изъ спальниковъ. Наконецъ «въ комнату» жаловали людей, и не бывавшихъ спальниками у государя. Котошихинъ говоритъ, что бывшіе спальники назывались ближними боярами или окольничими, «потому что отъ близости пожалованы». Пародируя его слова, можно сказать, что ближнимъ человѣкомъ становился не только тотъ, кого отъ близости жаловали въ службу, но и тотъ, кого за службу жаловали въ близость. *Комната* давала не прибавочное только званіе къ служебному чину, напоминавшее, что человѣкъ выросъ на глазахъ у государя: она была «честью», отличіемъ, возвышавшимъ служебный чинъ и открывавшимъ доступъ къ государю, дававшимъ право «видѣть государевы очи» въ такое время, когда другіе его не имѣли. Комнатный бояринъ или стольникъ былъ выше простаго, «рядоваго»; потому простыхъ бояръ и стольниковъ жаловали иногда въ комнатные. До половины XVII в. въ приказныхъ бумагахъ не находимъ достаточныхъ указаній на численный и генеалогическій составъ комнаты. Въ спальники брали, разумѣется, преимущественно молодежь изъ знатныхъ фамилій, «дѣтей большихъ бояръ», говоря словами Котошихина. Но въ XVII в. и комната вмѣстѣ со всѣмъ правительственнымъ классомъ пови-

димому теряла свой аристократическій составъ; дѣлаясь менѣе родовитой, она становилась все многочисленнѣе. По списку 1670 г. числилось 18 однихъ комнатныхъ стольниковъ, и большинство ихъ состояло изъ людей второстепенной знати или совсѣмъ незнатныхъ. Къ 1708 г. комнатныхъ стольниковъ накопилось уже 125, и между ними являются люди всякихъ фамилій. Ближніе люди занимали особое положеніе въ чиновной московской іерархіи: они и входили въ ея составъ, образуя одну изъ ступеней чиновной лѣствицы, и какъ будто выдѣлялись изъ нея, составляя особую іерархію. Въ перечняхъ придворныхъ чиновъ они слѣдуютъ за думными людьми и предшествуютъ стольникамъ; но ближними людьми бывали и члены думы, бояре съ окольничими, и стольники, и дворяне московскіе. Такая двойственность положенія ближнихъ людей происходила отъ того, что они преимущественно занимали должности по дворцовому вѣдомству, а эти должности теперь обособившись отъ центральной государственной или *боярской* администраціи, образовали особую іерархію, параллельную послѣдней. Это обособленіе всего явственнѣе обнаруживалось въ отношеніи высшихъ дворцовыхъ должностей къ думнымъ чинамъ. Въ XVII в. по Котошихину казначей сидѣлъ въ думѣ выше думныхъ дворянъ; но въ XV и XVI в. казначеями бывали и дьяки, и бояре, люди, стоявшіе и ниже, и выше думныхъ дворянъ, а въ XVII в. казначеевъ иногда возводили въ окольничіе. Точно такъ же ясельничій, управлявшій Конюшеннымъ приказомъ со времени упраздненія должности конюшаго, былъ по Котошихину честію выше думныхъ дворянъ «и въ думѣ сидѣлъ съ царемъ и съ боярами вмѣстѣ». Однако это не было постояннымъ правиломъ: въ XVII в. иные ясельничіе получали эту должность, еще не имѣя думнаго дворянства, а другіе на этой должности изъ думныхъ дворянъ дослуживались до боярства. Дворцовый сановникъ, занимая одну и ту же должность, повышался изъ чина въ чинъ подобно управителямъ другихъ вѣдомствъ. Но иногда дворцовая должность не соединялась ни съ какимъ чиномъ боярской іерархіи и сама получала значеніе чина. Въ XVII в. иногда жаловали въ кравчіе изъ комнатныхъ

стольниковъ и въ боярскихъ спискахъ ставили кравчаго выше окольничихъ, но при этомъ не давали ему ни окольничества, ни думнаго дворянства. Въ этомъ значеніи дворцовыя должности составляли особую іерархію, параллельную боярской, хотя отдѣльныя степени ея не соотвѣтствовали точно степенямъ послѣдней. По словамъ Котошихина, постельничій и стряпчій съ ключомъ, вѣдавшіе царскій гардеробъ, оба считались честію «противъ окольничихъ», слѣдовательно по своему положенію на общей чиновной лѣствицѣ были равны одинъ другому. Но въ дворцовой іерархіи стряпчій съ ключомъ стоялъ ниже постельничаго, былъ его товарищемъ по управленію царской Мастерской палатой и за службу обыкновенно возводился въ санъ постельничаго. Притомъ въ XVII в. встрѣчаемъ стряпчихъ съ ключомъ, которые и по достиженіи сана постельничаго не имѣли чина не только окольничаго, но и думнаго дворянина, хотя писались выше думныхъ дворянъ.

Таковы перемѣны, происшедшія въ центральномъ управленіи: дворцовая администрація обособилась отъ боярской; въ составѣ высшаго правительственнаго класса образовались два штата, рядовой боярскій и комнатный дворцовый; въ послѣднемъ стала складываться особая іерархія, параллельная боярской. Вслѣдствіе этихъ перемѣнъ прежнее введенное боярство, составлявшее центральное управленіе въ удѣльные вѣка, разложилось на свои составные элементы. Введенный штатъ теперь преобразился въ комнату и остался во главѣ дворцоваго управленія; но не всѣ комнатные люди теперь были боярами. Бояре остались руководителями новой центральной недворцовой администраціи; но далеко не всѣ они входили въ составъ комнаты. Благодаря этому разложенію удѣльнаго учрежденія бояръ введенныхъ существенно измѣнился и правительственный составъ боярской думы. Въ удѣльные вѣка она была совѣтомъ бояръ введенныхъ, главныхъ сановниковъ по дворцовому управленію. Теперь эти бояре введенные составляютъ малозамѣтный элементъ въ составѣ думы. Однѣ изъ прежнихъ дворцовыхъ должностей превратились въ простые чины, не дававшіе мѣста въ думѣ: таковы были должности стольника и чашника. Околь-

ничій остался въ думѣ, но такъ же утратилъ значеніе дворцоваго управителя, сталъ чиномъ. Остальные дворцовые сановники являются непостоянными, случайными членами думы, потому что ихъ должности не были связаны непремѣнно съ думными чинами. Сокольничій и ловчій изрѣдка являются думными дворянами, а обыкновенно носили недумные чины и не сидѣли въ думѣ. Конюшими также бывали въ XV в. люди, не имѣвшіе думнаго чина. Даже дворецкій не всегда былъ думнымъ человѣкомъ и иногда много лѣтъ исправлялъ свою должность, прежде чѣмъ вступалъ въ думу въ званіи окольничаго или боярина. Въ удѣльное время всѣ эти должности были соединены съ званіемъ боярина введеннаго, члена думы. Другіе дворцовые сановники, которыхъ въ удѣльное время не замѣтно среди бояръ введенныхъ, ясельничій, кравчій, постельничій, еще рѣже появлялись въ думѣ. Именамъ этихъ сановниковъ давали въ спискахъ почетныя мѣста среди думныхъ людей; въ помѣстныхъ окладахъ ихъ уравнивали съ думными дворянами. Но постельничій вступалъ въ думу путемъ особаго пожалованія въ санъ «постельничаго думнаго»; точно такъ же особымъ указомъ иногда велѣли кравчему «ходить въ палату и сидѣть съ бояры». Обыкновенно тотъ и другой были «не въ думѣ»; стряпчій съ ключомъ, по словамъ Котошихина, никогда не сидѣлъ въ думѣ, даже когда бывалъ честію равенъ окольничему. Однако и теперь не утратило своего дѣйствія начало, которымъ опредѣлялся составъ думы въ удѣльное время: она состояла преимущественно изъ управителей центральныхъ вѣдомствъ. Но такъ какъ на старомъ дворцовомъ управленіи теперь наросла сложная администрація недворцовыхъ приказовъ, то думу теперь и наполнили начальники этихъ новыхъ государственныхъ учрежденій, явившіеся на смѣну прежнихъ дворцовыхъ прикащиковъ, бояръ введенныхъ. Съ тѣхъ поръ какъ управители этихъ приказовъ образовали главный элементъ въ правительственномъ составѣ думы, можно сказать, что она изъ государевой дворцовой думы при князѣ удѣльнаго времени превратилась въ государственный совѣтъ при государѣ московскомъ и всея Руси. По нѣкоторымъ при-

17*

знакамъ можно замѣтить, что такое превращеніе совершилось еще до XVI вѣка *).

Вмѣстѣ съ этою перемѣной въ правительственномъ строѣ московской думы замѣчаемъ и другую. Въ удѣльное время всѣ совѣтники князя, управлявшіе разными отраслями дворцоваго хозяйства, носили одно общее званіе бояръ, различаясь только должностями. Теперь члены думы раздѣляются еще по чинамъ на *бояръ* и *окольничихъ*. Можно съ нѣкоторою точностію обозначить время, когда началось это раздѣленіе. Въ удѣльные вѣка окольничій принадлежалъ къ числу бояръ введенныхъ; но недостаточно извѣстно, въ чемъ состояла его дворцовая должность. Изъ позднѣйшихъ указаній видно только, что окольничій былъ ближайшій къ князю человѣкъ его свиты, согласно съ своимъ званіемъ находился постоянно *около* него, въ поѣздкахъ государя ѣхалъ впереди его, приготовляя все нужное для пути по станамъ, во дворцѣ распоряжался пріемомъ пословъ и т. п. Съ XVI вѣка постоянной должности окольничаго не замѣтно, а его обязанности исполняли, когда это надобилось, люди разныхъ званій, какъ и въ XVII вѣкѣ, когда царь ѣздилъ къ Троицѣ, «въ окольничихъ передъ государемъ» бывали даже дворяне московскіе, которые по своему чину стояли нѣсколькими ступенями ниже думныхъ окольничихъ. Подобно этому при торжественныхъ обѣдахъ во дворцѣ иногда «чашничали стольники». Съ другой стороны, въ началѣ XVI в. нѣкоторые совѣтники государя называются просто боярами, другіе боярами-окольничими **). Этимъ колебаніемъ въ значеніи

---

*) Дв. Разр. IV, 345, 456, 298, 196, 174. А. З. Росс. IV, 328. *Калачева,* Арх. ист.-юр. свѣд. кн. II, 2, стр. 140. Др. Росс. Вивл. XX, 55, 61, 93, 94, 99 и 108. Ср. Книги Разр. I, 1368; II, 303. Боярск. кн. въ Моск. Архивѣ мин. юст. №№ 1 и 55. Боярск. спис. № 6 тамъ же. Пам. дипл. снош. съ Лит.-Польск. госуд., изд. *Карповымъ* въ XXXV т. Сборн. Русск. Ист. Общ., стр. 163 и сл. Пам. дипл. снош. съ имп. Римск. I, 413. *Котош.* 59, 67, 23, 88. Сб. грам. Тр. Серг. мон. № 530, л. 660. П. С. Зак. №№ 856 и 865.

**) *Герберштейнъ* въ переводѣ *Анонимова,* стр. 85. Дворц. Разр. I, 491 и 615. П. С. Р. Лѣт. VIII, 248 и 250. Въ 1502 г. грамота московской думы къ литовской радѣ писана «отъ всѣхъ князей и отъ

званія повидимому и обозначился переходъ прежней постоянной должности окольничаго во второй думный чинъ, который въ началѣ XVI вѣка еще очень мало отличался отъ перваго, отъ званія боярина, можетъ быть меньше, чѣмъ теперь отличается тайный совѣтникъ отъ дѣйствительнаго тайнаго. Разбирая списокъ бояръ и окольничихъ XVI вѣка, мы замѣтили, что эти званія имѣли тогда значеніе не только простыхъ служебныхъ чиновъ, но и генеалогическихъ слоевъ боярства. Полагаемъ, что въ этомъ заключалась главная причина раздѣленія личнаго состава думы на чиновные разряды. Въ удѣльное время отдѣльныя лица въ кругу совѣтниковъ князя различались между собою положеніемъ при дворѣ, мѣстами въ думѣ и за княжимъ столомъ; но они всѣ носили одинаковое званіе бояръ. Теперь въ новомъ составѣ московскаго боярства обозначилось различіе не только между отдѣльными лицами класса по ихъ положенію, но и между цѣлыми слоями боярскихъ фамилій по ихъ происхожденію. Если люди первостепенныхъ родовъ вступали въ думу прямо боярами, то для членовъ второстепенной знати понадобилось создать второй думный рангъ, которымъ и стало званіе окольничаго, служившее для однихъ лишь переходною ступенью къ боярству, а для другихъ предѣломъ служебнаго движенія, къ какому они были способны по своему «отечеству».

Мысль о такомъ происхожденіи думныхъ чиновъ поддерживается исторіей третьяго чина, появившагося въ составѣ думы вслѣдъ за окольничествомъ, *думнаго дворянства*. Въ спискѣ членовъ боярской думы думные дворяне появляются уже во второй половинѣ XVI вѣка, съ 1572 года. Но учрежденіе это возникло гораздо раньше. Еще въ малолѣтство Ивана IV, въ 1536 и 1537 годахъ, когда польскіе послы представлялись великому князю, при немъ вмѣстѣ съ боярами, окольничими и дворецкими находились «дѣти боярскія, которыя живутъ въ думѣ, и дѣти боярскія прибыльныя, которыя въ думѣ не живутъ». Точно такъ же въ 1542 году, во время пріема

бояръ и отъ *окольничихъ*, рады Іоанна, государя всея Руси». Сборн. Русск. Ист. Общ. XXXV, 336.

литовскаго посольства, въ избѣ при великомъ князѣ кромѣ бояръ были еще, какъ замѣчено въ приказной записи, князья и дѣти боярскія, которые въ думѣ живутъ и которые въ думѣ не живутъ. *Жить* въ думѣ значило присутствовать тамъ или быть туда приглашаему *). Этимъ можно объяснить одно извѣстіе въ разсказѣ лѣтописи о томъ бурномъ засѣданіи думы при больномъ царѣ въ 1553 году, на которомъ шла рѣчь о присягѣ бояръ маленькому наслѣднику царя Димитрію. Сказавъ, что къ вечеру поцѣловали крестъ нѣкоторые бояре, лѣтопись продолжаетъ: «да которые *дворяне* не были у государя въ думѣ, Ал. Өед. сынъ Адашевъ да Игн. Вешняковъ, и тѣхъ государь привелъ къ цѣлованію въ вечеру же». Въ спискѣ членовъ боярской думы Алексѣй Адашевъ является прямо окольничимъ въ 1555 году. Бывъ прежде спальникомъ у молодаго царя, онъ потомъ сталъ, какъ видно по разрядной книгѣ, постельничимъ, которымъ оставался и въ 1553 году, по словамъ князя Курбскаго. Но еще въ 1550 году царь поручилъ ему «челобитныя прiимати отъ бѣдныхъ и обидимыхъ», т.-е. назначилъ Алексѣя управителемъ новоучрежденнаго Челобитнаго приказа. Такъ какъ прошенія, подаваемыя самому царю, послѣдній разбиралъ съ боярами, то начальникъ этого приказа становился въ очень близкія отношенія къ думѣ. Надобно полагать, что съ того времени А. Адашевъ сталъ *жить въ думѣ*, сдѣлался думнымъ дворяниномъ. Эта догадка поддерживается разрядною росписью царскаго похода въ Коломну въ 1553 году: тогда А. Адашева, еще не бывшаго окольничимъ, назначили въ «стряпчіе у царя съ бояры» вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ Вешняковымъ, который является въ лѣтописи дворяниномъ, подобно Адашеву не случившимся у государя въ думѣ при обсужденіи дѣла о присягѣ. Всѣмъ этимъ объясняется, какимъ образомъ человѣкъ такой совсѣмъ неродо-

*) Такъ о намѣстникахъ и другихъ гражданскихъ судьяхъ, присутствовавшихъ на судѣ епархіальнаго архіерея новгородскаго въ извѣстныхъ *смѣсныхъ* дѣлахъ, грамота 1598 года говоритъ, что судитъ эти дѣла митрополитъ новгородскій, а государевы судьи «у митрополита сами въ судѣ живутъ». Доп. къ Акт. Ист. I, № 148.

словной фамиліи, какъ Адашевы, которому царь при назначеніи на должность въ 1550 году говорилъ, что взялъ его «отъ нищихъ и отъ самыхъ молодыхъ людей», по списку является въ думѣ прямо окольничимъ подобно членамъ знатныхъ родовъ стараго московскаго боярства: предварительно онъ много лѣтъ состоялъ дворяниномъ въ думѣ, и на это думное званіе его намекаетъ царь въ письмѣ къ Курбскому, говоря, что взялъ Алексѣя «отъ гноища и учинилъ съ вельможами, чая отъ него прямой службы». Слѣды заводившагося обычая призывать въ думу людей, не носившихъ еще званія ни боярина, ни окольничаго, замѣтны уже при отцѣ Грознаго. Извѣстный И. Н. Берсень-Беклемишевъ бывалъ въ совѣтѣ великаго князя Василія, разъ что-то возражалъ ему по дѣлу о Смоленскѣ и за то подвергся опалѣ. Но онъ нигдѣ не является ни бояриномъ, ни окольничимъ, и самая фамилія его не принадлежала къ такимъ, изъ которыхъ выходили люди этихъ званій въ первой половинѣ XVI вѣка: это «добрый» родъ, но стоявшій нѣсколько ниже «среднихъ» при тогдашнемъ составѣ московской знати. Берсень стоялъ уже на виду при дворѣ Ивана III и былъ, кажется, особенно близокъ къ его сыну Василію, дворъ котораго при жизни отца не отличался родословнымъ блескомъ своего состава: бѣглый сынъ удѣльнаго верейскаго князя Михаила около 1493 года именно къ Берсеню обратился изъ Литвы съ просьбой бить челомъ Василію, чтобы тотъ похлопоталъ за него передъ великимъ княземъ. Но при этомъ, какъ и въ другихъ извѣстныхъ случаяхъ, Берсень является въ званіи сына боярскаго. Отецъ, кажется, еще успѣлъ добраться до чина боярина или окольничаго; но сынъ, какъ видно, носилъ въ думѣ только званіе сына боярскаго, въ думѣ живущаго, а опала помѣшала его дальнѣйшему возвышенію *). Стóитъ лишь просмотрѣть списокъ думныхъ дворянъ XVI и

*) Акт. Зап. Росс. II, 252 и 268. Дѣла Польск. въ Моск. Арх. мин. ин. дѣлъ, № 3, л. 7—10 (въ сокращеніи у *Соловьева* VI, 73); къ сожалѣнію, въ записи здѣсь не поименованы князья и дѣти боярскія, въ думѣ живущіе. Царств. кн., стр. 342. *Карамз.* VIII, прим. 184. Сказ. кн. *Курбскаго,* 42 и 187. Разр. книга, указанная выше, л. 262. Сб. Русск.

XVII вѣковъ, чтобы замѣтить двоякое происхожденіе этого званія, соціально-административное. Съ одной стороны, благодаря появленію новой титулованной знати въ Москвѣ накопилось, говоря словами Котошихина, много добрыхъ и высокихъ родовъ, которые не могли придти въ честь «за причиною и за недослуженіемъ». Съ другой стороны, благодаря усложненію правительственныхъ задачъ въ Москвѣ возникъ рядъ такихъ новыхъ приказовъ, или прежніе такъ измѣнились, что для управленія ими не годилась военно-придворная знать, или они не годились для административнаго испомѣщенія этой знати: они требовали постояннаго личнаго присутствія управителя и той дѣловой опытности, которой обладали дьяки и лишены были большіе люди, ежегодно уѣзжавшіе изъ Москвы то намѣстничать по городамъ, то воеводствовать надъ полками. Такъ уже въ XVI в. образуется въ Москвѣ особый кругъ сановитыхъ дѣльцовъ, имена которыхъ рѣдко появляются въ разрядахъ между полковыми и городовыми воеводами, но которые замѣтно становились самыми дѣятельными двигателями центральнаго приказнаго управленія. Затираемое на военно-придворномъ поприщѣ, старое упавшее боярство, московское и удѣльное, теперь пригодилось правительству на новыхъ дѣловыхъ постахъ. Къ нему примкнули разные новые люди, пробиравшіеся наверхъ, въ особенности мастера приказнаго дѣла, дьяки. Рядомъ съ членами старыхъ московскихъ служилыхъ

Ист. Общ. т. XXXV, стр. 82. Крымск. дѣла въ Моск. Арх. мин. ин. дѣлъ, № 1: здѣсь подъ 1474 г. отецъ Берсеня названъ бояриномъ, даже ближнимъ, а въ лѣтописномъ разсказѣ оффиціальнаго происхожденія подъ 1476 г. онъ же является въ числѣ дѣтей боярскихъ. П. С. Лѣт. VI, 203. Ср. тамъ же стр. 271: вел. кн. Василій передъ смертью, призвавъ къ себѣ всѣхъ своихъ бояръ, во время совѣщанія обращается съ рѣчью не къ однимъ боярамъ, но и къ дѣтямъ боярскимъ и княжатамъ. Можетъ быть, это дѣти боярскія, въ думѣ живущія, однимъ изъ коихъ былъ прежде и Берсень. Кажется, указаніе на тотъ же чинъ въ составѣ удѣльной думы даетъ лѣтопись въ разсказѣ о возстаніи кн. Андрея старицкаго въ 1537 году: вмѣстѣ съ 4 боярами этого удѣльнаго князя тогда пострадали и князья и дѣти боярскія, числомъ трое, «которые у него въ избѣ были и его думу вѣдали». П. С. Лѣт. VIII, 294.

родовъ Олферьевымъ, Безнинымъ, Воейковымъ, съ потерявшими титулъ потомками смоленскихъ князей Ржевскими и Татищевыми, съ потомками старыхъ тверскихъ бояръ Нагими и Зюзиными являются Адашевы. Сукины, Черемисиновы, Щелкаловы и другіе люди все съ темною родословной и видною дѣятельностію. Въ нѣкоторой степени къ нимъ идетъ преувеличенный отзывъ оппозиціонныхъ остряковъ XVI вѣка о дьякахъ, новыхъ довѣренныхъ людяхъ государя, отцы которыхъ отцамъ бояръ и въ холопи не годились и которые теперь не только землею владѣли, но и боярскими головами торговали. Но совсѣмъ несправедливо было бы вмѣстѣ съ Курбскимъ думать, что только вражда государей къ боярству выдвигала тогда впередъ этихъ людей. Они бывали у государя «людьми великими», какъ отзывались иностранцы объ А. Щелкаловѣ. пользовались большимъ вліяніемъ, но пріобрѣтали его путемъ, который и безъ этой вражды остался бы для нихъ открытымъ. Ихъ вызывали къ дѣламъ новыя потребности управленія. Начиная службу снизу, иные подьячими, они были хорошо знакомы съ подробностями усложнявшагося все болѣе государственнаго механизма и дѣлали всю черную работу администраціи, занимали самыя трудныя и хлопотливыя должности. служили казначеями, печатниками. стряпчими съ ключомъ, думными дьяками и начальниками наиболѣе рабочихъ приказовъ. которыми пренебрегала или не могла править родословная военная знать. Изъ этого новаго дѣловаго класса и выходили обыкновенно думные дворяне, въ спискѣ которыхъ за весьма немногими исключеніями не видно людей настоящаго родословнаго боярства *). Такъ думное дворянство не было произве-

---

*) *Болтинъ* близко подходитъ къ такому значенію этого чина, сообщая при этомъ подробности, можетъ быть, идущія по преданію изъ XVII в. «Думные дворяне были избранные дворяне, коихъ достоинства и способности государю были извѣстны: пріуготовляя ихъ къ дѣламъ, допущали въ царскую думу, гдѣ *они стоя слушали бояръ*, разсуждающихъ о дѣлахъ, насматривалися у думныхъ дьяковъ письменному производству дѣлъ и пріобрѣтали въ нихъ исподоволь знаніе и привычку». Критич. примѣч. на *Лекл.* II, 441.

деніемъ только политическаго антагонизма между верховною властью и боярствомъ: въ его созданіи участвовали перемѣны въ составѣ служилаго класса и въ устройствѣ управленія. Боярская дума и теперь не утратила одной черты своего удѣльнаго устройства, оставалась совѣтомъ управителей главныхъ отраслей администраціи; но теперь такими отраслями были не одни дворцовыя вѣдомства, даже преимущественно не они, а новые государственные приказы. Въ нѣкоторые изъ этихъ приказовъ по ихъ положенію въ іерархіи учрежденій или по роду дѣлъ не назначали людей военно-придворной знати; но по своему административному значенію они имѣли ближайшее отношеніе къ думѣ, и ихъ управители должны были имѣть тамъ мѣсто. Знатнаго боярина или окольничаго непригоже было поставить во главѣ какого-нибудь Челобитнаго или Печатнаго приказа. Туда назначали людей помоложе родословной честью или совсѣмъ худыхъ, не помнившихъ и даже не имѣвшихъ родословнаго родства, зато знавшихъ приказное дѣло; но такихъ людей непригоже было вводить въ думу прямо даже окольничими, потому что они изъ «такой статьи родовъ, которые въ боярехъ не бываютъ». Если это были дворяне, какъ Адашевъ или печатникъ Олферьевъ, ихъ вводили въ думу думными дворянами и за долгую и дѣльную службу возвышали въ окольничіе. Если это были дьяки, они вступали въ думу думными дьяками и потомъ поднимались въ думные дворяне, даже въ окольничіе, какъ было съ дьякомъ Посольскаго приказа и печатникомъ В. Щелкаловымъ. Легко видѣть, какую перемѣну вносили эти люди въ составъ боярской думы: рядомъ съ аристократіей породы, родословной книги, становилась знать приказной службы и государевой милости. Не будучи произведеніемъ только политической борьбы, вызванной притязаніями боярства, думное дворянство осталось не безъ участія въ его политическомъ разрушеніи, подкапывая самыя основы боярской аристократіи, разрушая господствовавшія въ XVI вѣкѣ понятія объ отношеніи породы къ службѣ.

Думное дьячество по своему происхожденію имѣло довольно тѣсную связь съ думнымъ дворянствомъ: то и другое вызвано было новыми потребностями администраціи. Уцѣлѣв-

шіе акты не объясняютъ достаточно того, какъ была устроена канцелярская часть при думѣ удѣльнаго времени, когда она была чисто дворцовымъ совѣтомъ. Письмоводство при начальникахъ разныхъ дворцовыхъ вѣдомствъ было въ рукахъ дьяковъ. Главные изъ нихъ подобно этимъ начальникамъ назывались *большими* или *введенными*. Эти дьяки, разумѣется, докладывали и дѣла, которыя рѣшалъ самъ князь съ совѣтомъ бояръ, и помѣчали ихъ приговоры. Но это были собственно дворцовые дьяки, а не спеціальные думные: они состояли при боярахъ введенныхъ, а не при думѣ, какъ послѣ думные. Послѣдніе появились тогда, когда сформировались новыя недворцовыя вѣдомства, которыя дума приняла подъ свое ближайшее руководство, дѣйствуя въ нихъ чрезъ особыхъ собственныхъ секретарей. Были уже изложены нами соображенія о томъ, какъ возникали въ Москвѣ новые приказы недворцоваго характера. Первоначально они были отдѣленіями думской канцеляріи подъ управленіемъ дьяковъ и лишь со временемъ, когда ихъ вѣдомства устанавливались, дѣла входили въ колею текущей администраціи, эти приказы отдѣлялись отъ думы, какъ особыя учрежденія, во главѣ которыхъ становились бояре, окольничіе или думные дворяне. Слѣды такого процесса можно замѣтить въ исторіи приказовъ Посольскаго, Разряднаго, Помѣстнаго, Печатнаго, Казанскаго Дворца, Новгородской и Новой Четверти и другихъ: въ XVII вѣкѣ эти приказы, управлявшіеся прежде дьяками, поступаютъ, одни раньше, другіе позже, подъ руководство бояръ и другихъ высшихъ чиновъ людей. Ямскимъ приказомъ, напримѣръ, въ XVII вѣкѣ управляли бояре или окольничіе съ думными дворянами. Но онъ существовалъ уже въ первой половинѣ XVI вѣка и находился тогда подъ управленіемъ дьяковъ: актъ 1536 года говоритъ о дьякахъ въ Москвѣ, «которые ямы вѣдаютъ». Первые дьяки важнѣйшихъ изъ такихъ приказовъ и возводились въ званіе думныхъ дьяковъ или государственныхъ секретарей, какъ ихъ называли иностранцы. Они, вѣроятно, носили сперва старыя удѣльныя званія большихъ или введенныхъ дьяковъ *). Можно

*) На предсмертныхъ совѣщаніяхъ великаго князя Василія о дѣлахъ дворцовыхъ и общегосударственныхъ появляются пять дьяковъ.

думать, что къ началу XVI в. тѣ изъ новыхъ приказовъ, во главѣ которыхъ потомъ видимъ думныхъ дьяковъ, уже успѣли выдѣлиться изъ дворцоваго управленія, прежде соединявшаго въ себѣ всѣ дѣла центральной администраціи. Намекъ на это выдѣленіе можно видѣть въ Судебникѣ 1550 г., который различаетъ дьяковъ *дворцовыхъ* и *полатныхъ*, т. е. всего вѣроятнѣе думныхъ. Съ половины XVI вѣка думныхъ дьяковъ обыкновенно было четверо: посольскій, разрядный, помѣстный и изъ Казанскаго Дворца. Вѣдомства этихъ приказовъ отличались особенной канцелярскою сложностью, и дѣлами ихъ непосредственно руководила дума. Впрочемъ думныхъ дьяковъ бывало иногда меньше, иногда больше, по крайней мѣрѣ въ XVII вѣкѣ: первое происходило обыкновенно отъ того, что иной думный дьякъ, продолжая править своимъ приказомъ, возводился въ высшій думный чинъ, а вмѣсто него не назначали другого въ званіе думнаго дьяка; второе чаще всего бывало, когда въ иномъ изъ названныхъ четырехъ приказовъ два дьяка одновременно носили званіе думныхъ. Въ Посольскомъ приказѣ было въ одно время два думныхъ дьяка даже въ 1668 году, когда имъ управлялъ уже бояринъ А. Л. Ординъ-Нащокинъ, такъ что это учрежденіе имѣло въ думѣ трехъ представителей: это объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что имъ сверхъ Посольскаго поручены были еще четыре важные приказа. Впрочемъ обыкновенно встрѣчаемъ въ названныхъ приказахъ по одному думному дьяку и тогда, когда начальниками ихъ были думные дворяне или окольничіе, возведенные въ эти званія изъ думныхъ же дьяковъ. Такъ было и при Котошихинѣ. Послѣдній изображаетъ думныхъ дьяковъ пассивными протоколистами или секретарями, которые, *стоя* въ думѣ, только помѣчали и запи-

---

Не всѣ они были дворцовые; нѣкоторые дѣйствовали, вѣроятно, по упомянутымъ новымъ вѣдомствамъ. Изъ нихъ двое, Цыплятевъ и Путятинъ, вели переговоры съ иноземными послами, составляли дипломатическіе акты, ѣздили послами за границу. Эти именно два дьяка являются въ дипломатическихъ бумагахъ Василіева княженія въ званіи «дьяковъ великихъ», какъ послѣ думный дьякъ В. Щелкаловъ носилъ званіе дьяка «введеннаго». Сб. Р. Ист. Общ. т. XXXV, стр. 858.

сывали ея приговоры или по порученію царя заготовляли проекты разныхъ грамотъ и росписей. Однако можно замѣтить, что ихъ участіе въ занятіяхъ думы было болѣе дѣятельнымъ. Въ думѣ дѣла обсуждались, даже подвергались иногда очень горячимъ преніямъ; но при рѣшеніи ихъ не видно регулярнаго голосованія. Думные дьяки являлись сюда докладчиками по дѣламъ своихъ приказовъ, давали справки и мнѣнія, какія при этомъ отъ нихъ требовались. Имѣя только совѣщательный голосъ, они однако должны были оказывать большое вліяніе на ходъ и послѣдствія совѣщанія и не разъ подсказывали думѣ ея приговоры. Притомъ они же и формулировали эти приговоры, слѣдовательно могли посвоему оттѣнять ихъ смыслъ и, какъ увидимъ, пользовались этой возможностью. Такое значеніе дьяковъ отражалось и на формѣ думскихъ приговоровъ. Хотя дьяки не причислялись, если можно такъ сказать, къ рѣшающимъ членамъ совѣта, однако въ резолюціяхъ думы или ея коммиссіи иногда помѣчалось, что дѣло рѣшено по приговору бояръ да дьяковъ думныхъ такихъ-то *).

Учрежденіемъ думнаго дворянства и думнаго дьячества завершилось образованіе чиновнаго состава боярской думы: она составилась изъ четырехъ чиновъ. Думное дьячество не было званіемъ, совершенно обособленнымъ отъ трехъ остальныхъ: это лишь крайнее звено въ цѣпи думныхъ чиновъ. Бояре, большинство окольничихъ и думныхъ дворянъ не вступали въ совѣтъ въ званіи думныхъ дьяковъ; но думные дьяки нерѣдко возводились въ званіе думныхъ дворянъ и потомъ даже окольничихъ, какъ думные дворяне дослуживались до окольничества и иногда до боярства Въ составѣ этихъ четырехъ чиновъ число постоянныхъ членовъ думы, не считая

---

*) Др. Росс. Вивл. XX, 417. *Котошихинъ*, 91. Кн Разр. II, 302 и др. Акт. Зап. Росс. II, 252. *Флетчеръ*, гл. 11. Дворц. Разр. III, 87 и 838: здѣсь въ Казанскомъ Дворцѣ нѣтъ думнаго дьяка; зато думный дьякъ правилъ тогда Стрѣлецкимъ приказомъ. Ср. *Котошихина*, 75, 72 и 78, и Др. Р. Вивл. XX, 392 и 359. Десятня Ряжская въ Моск. Арх. мин. юст. № 94. (издана въ Опис. док. и бум. Моск. Арх. мин. юст. кн. VIII, № 7).

братьевъ и сыновей великаго князя, также духовныхъ властей, присутствовавшихъ въ думѣ въ особо важныхъ случаяхъ, стало въ XVI вѣкѣ довольно значительно, хотя еще не достигало цифръ XVII вѣка, когда въ думѣ бывало болѣе 90 членовъ. Великій князь Василій наслѣдовалъ отъ отца 13 бояръ, 6 окольничихъ, одного дворецкаго и одного казначея, а сыну оставилъ не менѣе 23 совѣтниковъ, не считая не обозначенныхъ въ спискѣ думныхъ дьяковъ и дворянъ, если только послѣдніе тогда уже присутствовали въ думѣ. Царь Борисъ началъ царствовать съ 45 совѣтниками, боярами, окольничими и думными дворянами, считая въ этомъ числѣ и тѣхъ, кого онъ самъ назначилъ по вступленіи на престолъ. Всѣ эти совѣтники обозначались общимъ названіемъ *думныхъ людей*, а самый совѣтъ назывался *думой:* съ XVI вѣка этотъ терминъ нерѣдко встрѣчается въ нашихъ памятникахъ съ значеніемъ постояннаго правительственнаго учрежденія, а не отдѣльнаго совѣщанія или приговора *). Теперь наконецъ, когда чиновный

*) Въ такомъ же смыслѣ московскія канцеляріи обозначали этимъ словомъ и иностранныя учрежденія. Московскій переводчикъ нѣмецкаго письма, присланнаго изъ Лондона толмачомъ Бекманомъ въ 1589 году, выражалъ иностранныя понятія, конечно, примѣняясь къ политическому языку своего времени: министры королевы Елизаветы называются здѣсь «думцами» или «думчими», а министерство «думой» королевнинной, какъ въ XVII вѣкѣ наши послы называли англійскій парламентъ «земскимъ собраніемъ». Въ сношеніяхъ съ польско-литовскими послами наши дипломаты называли московскую думу «радою государя» и своею «господою»; «избранною радой» и кн. Курбскій называетъ думу, составившуюся при царѣ Иванѣ подъ вліяніемъ Сильвестра и Адашева. Въ документахъ XVI в. *совѣтникъ* имѣлъ спеціальное значеніе перваго думнаго чина, былъ синонимомъ боярина въ отличіе отъ окольничаго: иностраннымъ посламъ говорили въ Москвѣ отъ имени думы, что если они пріѣхали съ тайными «рѣчами» или предложеніями, то должны сказать такія рѣчи *совѣтникамъ* и *окольничимъ* государскимъ. Впрочемъ въ переводѣ одной грамоты англійской королевы Елизаветы и думный дьякъ А. Щелкаловъ названъ «честнымъ совѣтникомъ». Въ актахъ чаще всего дума обозначалась общимъ выраженіемъ «бояре», рѣже болѣе точнымъ «думные люди». На нескромные вопросы иноземнаго посла о политикѣ московскому приставу приказывали отвѣчать: «то вѣдаютъ государевы *думные*

составъ думы окончательно сформировался, она составила цѣльный и постоянный правительственный корпусъ, строго отличавшійся отъ разныхъ частныхъ коммиссій, какія составлялись по порученіямъ государя изъ думныхъ же людей. Въ удѣльное время такого различія не замѣтно: извѣстный правительственный актъ считался приговоромъ князя съ боярами, все равно, присутствовали ли при этомъ всѣ наличные совѣтники князя, или только два-три боярина, которыхъ по занимаемымъ ими дворцовымъ должностямъ спеціально касалось дѣло. Теперь приговоромъ бояръ признавалось только постановленіе, состоявшееся въ обычномъ общемъ собраніи постоянной боярской думы. Отсюда въ памятникахъ XVI в. появляется выраженіе, получающее значеніе обычной правительственной формулы: «со всѣхъ бояръ приговору». Это выраженіе не надобно, разумѣется, понимать въ буквальномъ смыслѣ: и тогда умѣли отличать общее собраніе отъ полнаго. Извѣстный дипломатъ В. Щелкаловъ жаловался, что думный дьякъ Казанскаго Дворца Дружина Петелинъ по недружбѣ къ нему стакнулся съ дьякомъ Большаго Прихода, и они приписали въ его помѣстьѣ пустую землю къ жилой, велѣвъ брать съ нея ямскія и всякія подати, какъ съ населенной. Щелкаловъ билъ челомъ, какъ гласитъ отъ имени царя уцѣлѣвшій указъ 1598 года, «намъ бы велѣть брать въ Большой Приходъ подати съ села попрежнему, а что сверхъ того прибавили на его помѣстье мимо нашъ указъ и *безо всѣхъ нашихъ бояръ приговору*, имать того не велѣть, потому что въ запискѣ въ Большомъ Приходѣ того имянно не написано, что *всѣхъ бояръ* приговоръ, опричь Дружинины сказки». Указъ рѣшилъ дѣло согласно съ просьбой помѣщика, признавъ распоряженіе двухъ дьяковъ незаконнымъ *). Въ то же время измѣнилось и правительственное значеніе думнаго человѣка. Для боярина удѣльнаго времени

люди, а мы люди *служилые*, намъ того нельзя вѣдати». Пам. дипл. снош. I, 544, 361, 968. Стат. списокъ посольства Флетчера во Времен. Общ. Ист. и Др. Росс., кн 8, стр. 49 и 75. Сборн. Ист. Общ. т. XXXV, стр. 121. Акты Зап. Росс. I, стр. 239. Сказ. кн. *Курбскаго*, 11.

*) Сборн. грам. Тр. Серг. мон. № 530, л. 371.

присутствіе въ думѣ было не постоянной спеціальной должностью, а скорѣе случайной функціей, временнымъ порученіемъ. Исполняя разныя порученія князя, онъ между прочимъ иногда призывался и въ думу, когда его было можно и нужно призвать, больше въ качествѣ свидѣтеля, чѣмъ совѣтника. И теперь иногда бояринъ являлся при государѣ съ такимъ же значеніемъ. Въ 1488 г. цесарскій посолъ потребовалъ, чтобы великій князь выслушалъ его предложенія наединѣ, *безъ бояръ*. Иванъ III не согласился на это, и посолъ говорилъ рѣчь великому князю «передъ бояры». Но это не была дума «всѣхъ бояръ»: свидѣтелями аудіенціи были только три первостепенные боярина, двое князей Патрикѣевыхъ да Захарьинъ *). Это былъ запоздалый остатокъ удѣльныхъ обычаевъ. Съ превращеніемъ боярскаго совѣта въ думу *всѣхъ* бояръ и думный человѣкъ становился постояннымъ государственнымъ совѣтникомъ, которому временно поручали и другія правительственныя дѣла.

Перечисливъ важнѣйшія перемѣны въ устройствѣ думы, какія произошли или обнаружились въ XVI в., не видимъ ни въ одной изъ нихъ прямого выраженія аристократическихъ притязаній новаго московскаго боярства. Всѣ онѣ выходятъ изъ другихъ источниковъ, вызываются или измѣненіемъ состава высшаго служилаго класса, или дальнѣйшимъ развитіемъ, осложненіемъ центральной московской администраціи. Эти перемѣны, вѣроятно, произошли бы, еслибы на верху боярства и не стало знатное княжье изъ удѣловъ, бывшее главнымъ питомникомъ и разсадникомъ этихъ притязаній. Правда, съ тѣхъ поръ какъ оно появилось въ Москвѣ, здѣсь рѣзче прежняго обозначилась іерархія родословнаго старшинства въ служебныхъ отношеніяхъ членовъ думы между собою, въ самомъ размѣщеніи ихъ на засѣданіяхъ. Переводя свои взаимныя отношенія на языкъ родства, эти люди, набѣжавшіе въ Москву изо всѣхъ угловъ Руси и даже изъ чужихъ земель, составили какъ будто тѣсную и дружную семью, заботливо высчитывая по родословнымъ и раз-

*) Пам. диплом. снош. съ имп. Римск. I, 1.

ряднымъ росписямъ, кто кому доводился братомъ и кто дядей, и настойчиво требовали, чтобы согласно съ этой іерархіей мѣстническаго старшинства ихъ и разсаживали въ думѣ, и перечисляли въ думскихъ спискахъ. Въ 1502 г. паны литовскіе въ письмѣ къ московскимъ боярамъ, извиняясь, писали: «а потому вашихъ милостей мы не писали по именамъ, что не вѣдаемъ на тотъ часъ мѣстецъ вашихъ, гдѣ кто сидитъ подлѣ кого въ радѣ государя вашего» *). Но эта плотная семья думныхъ дядей и племянниковъ не помѣшала вторженію въ ея среду худородныхъ чужеродцевъ уже въ XVI в. Внѣшнія ли обстоятельства не позволили боярству облечь свои притязанія въ способныя ихъ обезпечить политическія формы, или оно само не знало и не думало, въ какія формы облечь ихъ, чтобъ ихъ обезпечить?

Глава XIV.

Само боярство не проводило въ XVI в. никакого плана государственнаго устройства, достаточно обезпеченнаго, въ смыслѣ своихъ притязаній.

Боярскія поколѣнія, современныя Ивану III и его двумъ ближайшимъ преемникамъ, не прошли молча мимо явленій, которыя ихъ такъ сильно волновали. Напротивъ, остались слѣды, дающіе понять, какъ они много и горячо толковали объ этихъ явленіяхъ, и кое-что изъ этихъ толковъ сохранилось въ памятникахъ письменности того времени даже не безъ участія боярскаго пера. Русская литература въ числѣ своихъ видныхъ представителей XVI в. считаетъ двухъ очень родословныхъ писателей, князей Василія Косаго Патрикѣева, въ иночествѣ Вассіана, и Андрея Курбскаго. Оба были въ совѣтѣ московскаго государя боярами, не разъ водили съ успѣхомъ его полки въ походы и оба въ своихъ твореніяхъ очень настойчиво проводили задушевныя думы московскаго боярства своего времени.

*) Акты Зап. Росс. I, стр. 239 и 246.

Какъ и слѣдовало ожидать, новое боярство не было расположено представлять въ свѣтлыхъ чертахъ московское прошедшее: не его предки дѣлали это прошедшее, «мужествовали на многія страны» съ внукомъ и правнукомъ Калиты, и если гдѣ эти предки являлись въ московской исторіи, то обыкновенно ея жертвами, а не героями. Въ преданіяхъ московскаго княжескаго дома это боярство не находило ничего славнаго и высокаго и въ его вѣковомъ историческомъ дѣлѣ объединенія Руси видѣло только рядъ насилій «издавна кровопійственнаго рода», дѣйствіе его хищническихъ инстинктовъ, фамильной привычки «желать крови своихъ братій и губить ихъ ради ихъ убогихъ вотчинъ». При всей своей лояльности даже тѣ изъ титулованныхъ бояръ XVI в., предки которыхъ по доброй волѣ пришли служить въ Москву, могли смотрѣть на своихъ государей, какъ смотрятъ разорившіеся капиталисты на сыновей счастливаго богача, къ которому перешли ихъ отцовскіе капиталы и къ которымъ сами они должны были пойти въ приказщики.

И въ настоящемъ московскомъ порядкѣ вещей многое не нравилось боярамъ. Прежде всего не нравились всѣ эти новыя церемоніи и титулы, о которыхъ такъ хлопотали при московскомъ дворѣ со времени Ивана III. Курбскій въ исторіи Ивана Грознаго неохотно даетъ ему званіе, которое усвоялъ себѣ въ торжественныхъ случаяхъ уже дѣдъ этого царя, неохотно зоветъ его царемъ и въ перепискѣ съ нимъ не можетъ удержаться, чтобы не кольнуть ему глазъ его «прегордымъ царскимъ величествомъ». Негодованіе переносилось и на тѣ стороннія вліянія, которыя иногда преувеличенно винили въ этихъ церемоніальныхъ нововведеніяхъ, особенно на великихъ княгинь иноземокъ. Софья греческая и Елена литовская, бабушка и мать Грознаго, одна «чародѣйка», другая «жена клятвопреступная», стали въ боярскихъ преданіяхъ олицетвореніемъ всего дурнаго, и неистощима была боярская фантазія въ изобрѣтеніи самыхъ невѣроятныхъ слуховъ и сплетенъ, которыя ходили про этихъ княгинь въ Москвѣ чуть не до конца XVI вѣка. Ихъ считали главнымъ орудіемъ, которымъ діаволъ испортилъ

«предобрый россійскихъ князей родъ», поселилъ въ нихъ злые нравы. Софья цареградская и отравила своего пасынка Ивана, и удавила его сына, «боговѣнчаннаго царя» Димитрія, отставнаго наслѣдника Ивана III, и испортила политическій образъ мыслей своего мужа коварными византійскими внушеніями, и съ привезенными ею греками замутила Русскую землю, жившую дотолѣ въ тишинѣ и покоѣ. Но наиболѣе полной, искренней и постоянною ненавистью ненавидѣли бояре-писатели современное иночествующее духовенство, собственно то огромное большинство его, которое дѣйствовало въ духѣ преп. Іосифа Санина и его учениковъ. Это духовенство было въ глазахъ бояръ чернымъ пятномъ на русской жизни. Благодаря усердію пера бояръ и писателей одинаковаго съ ними образа мыслей монахъ вышелъ самымъ яркимъ типомъ, съ наибольшею тщательностію обработаннымъ въ нашей литературѣ XVI вѣка. Въ изображеніи его мрачныя краски своимъ обиліемъ и густотой угнетаютъ воображеніе. Это раболѣпный ласкатель и потаковникъ властей, исполненный презорства и гордыни съ низшими, расхититель и наставникъ расхитителей, тунеядецъ, питающійся мірскими крестьянскими слезами, шатающійся по городамъ, чтобы безстыдно выманить у вельможи село или деревнишку, жестокосердый притѣснитель своей братіи крестьянъ, бросающійся на нихъ дикимъ звѣремъ, сребролюбецъ ненасытный, жидовинъ-ростовщикъ, лихоимецъ и прасолъ, пьяница и чревоугодникъ, помышляющій только о пирахъ и селахъ съ крестьянами, возлюбившій «вся неподобная міра сего», не десятый чинъ ангельскій, не свѣтъ мірянамъ, а «соблазнъ и смѣхъ всему міру». «И въ царяхъ рѣдко встрѣтишь такую свирѣпость, какая бываетъ въ инокахъ, замѣчаетъ авторъ *Бесѣды* валаамскихъ чудотворцевъ: мнятъ себя разумнѣе всѣхъ людей въ мірѣ, ничего не знаютъ лучше своего разума и не допускаютъ, чтобы у бѣльцовъ былъ такой умъ, какъ у нихъ, а того не разсудятъ, что врагъ въ нихъ дѣйствуетъ и весь ихъ разумъ хуже несмысленныхъ и плохихъ умовъ». Не одно негодованіе на комфортный аскетизмъ, которымъ окружали себя старцы богатыхъ обителей, не одна скорбь о легкихъ монастыр-

скихъ правахъ, воспитанныхъ спокойнымъ и привольнымъ житіемъ, поднимали столько боярской желчи. Отшельники выступили соперниками боярства на поприщѣ, гдѣ оно надѣялось властвовать безраздѣльно, въ привелигированномъ землевладѣніи, и успѣшно оспаривали у него самый насущный его интересъ, землю съ рабочими крестьянскими руками. Поземельные акты большихъ монастырей XVI в. открываютъ намъ, какія широкія землевладѣльческія операціи совершали иноки посредствомъ вкладовъ, закладовъ, покупокъ, льготъ, своза крестьянъ у другихъ землевладѣльцевъ и т. п. Они завели или дѣятельно поддерживали на тогдашнемъ земельномъ рынкѣ настоящую игру въ крестьянъ и въ землю, благодаря которой населенныя имѣнія переходили изъ рукъ въ руки чуть не съ быстротой цѣнныхъ бумагъ на нынѣшней биржѣ. Способные наблюдать и размышлять изъ бояръ съ прискорбіемъ видѣли, какъ въ этой игрѣ одна за другой сокрушались боярскія и княженецкія вотчины, уцѣлѣвшія отъ московскаго погрома или выслуженныя на московской службѣ, какъ крестьяне, посаженные на боярскую землю и обстроенные на боярское серебро, перебѣгали на болѣе льготную землю богатаго монастыря. Потому монастырское землевладѣніе подвергается наиболѣе страстнымъ нападкамъ. Обличители не задумывались надъ причинами непомѣрнаго скопленія земельныхъ богатствъ за монастырями, надъ тѣмъ, что землевладѣльческая знать сама же много была виновата въ этомъ злѣ, на которое она такъ горько жаловалась, содѣйствуя ему своими земельными вкладами, неоплатными займами подъ залогъ вотчинъ, своей хозяйственной неумѣлостью. Имъ нужно было не объяснить явленіе, а бросить тѣнь на него. Отъ лукаваго врага діавола, пишетъ *Бесѣда,* пошла эта новая ересь—инокамъ волостями съ крестьянами владѣть, мірянъ судить, съ мірянъ всякія подати собирать, міръ слезить и изобижать, а въ обителяхъ «пьянство и сладость» заводить. Притомъ землевладѣльческія заботы создавали тѣсную политическую связь монашества съ правительствомъ, заставляли монастыри, по выраженію того же памятника, «властей великородныхъ отъ царскаго синклита» закупать дорогими подарка-

ми, обкрадывать царей лживыми челобитьями. За мірскія милости приходилось, конечно, поддерживать мірскую власть всѣмъ нравственнымъ авторитетомъ иночества. Поддерживая «нестяжателей» среди самого иночества, обличители съ радостію готовы были привѣтствовать секуляризацію церковныхъ земель въ чаяніи, что она разорвала бы эту опасную для боярства связь, дававшую московскому государю такого могучаго поборника. Потому же оппозиціонное боярство было и горячимъ противникомъ автокефальности Русской церкви: ея независимость отъ цареградскаго патріарха открывала туземной свѣтской власти свободный путь ко вмѣшательству въ церковныя дѣла. Это боярство было противъ подчиненія церкви государству, т. е. государю, продолжало и въ XVI в. считать русскаго митрополита канонически подсуднымъ только цареградскому патріарху и готово было предпочитать положеніе Греческой церкви при басурманскихъ царяхъ положенію Русской подъ покровомъ православныхъ государей, находя, что въ первой еще есть Богъ, если тамъ и злочестивая власть не вмѣшивается въ святительскія дѣла, намекая, что во второй уже нѣтъ Бога. Въ этомъ порабощеніи церкви оно видѣло мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, разрушеніе священныхъ законовъ, поруганіе уставовъ апостольскихъ, и винило въ томъ преимущественно современное духовенство. Зато и доставалось отъ титулованныхъ ревнителей этимъ «сквернымъ соборищамъ іереевъ Вельзевулиныхъ» и этимъ «вселукавымъ мнихамъ, глаголемымъ осифлянскимъ», которые «простерты лежатъ», обнявшись съ своимъ богатствомъ, и потворствуютъ властямъ, чтобы сохранить и пріумножить его. Въ ихъ глазахъ заботливо высматривали каждую спицу, для чего впрочемъ и не нужно было особенно остраго зрѣнія при тогдашнемъ нравственномъ состояніи духовенства: они и ереси вызвали своимъ поведеніемъ, и опустошили благодатныя сокровища церкви своимъ любостяжаніемъ. Когда монахи, съ грустью замѣчаетъ кн. Курбскій, стали любить стяжанія, особенно села съ деревнями, «тогда угасоша божественныя чудеса». Обличители не любили и новыхъ чудотворцевъ, прославленныхъ Русскою церковью, именно за то,

что они были «мужики сельскіе» и основали монастыри, быстро богатѣвшіе вотчинами.

Весь этотъ энтузіазмъ ожесточенія и брани любопытенъ только потому, что характеризуетъ политическое настроеніе боярства. Онъ показываетъ, что классъ этотъ въ XVI вѣкѣ не оставался равнодушнымъ зрителемъ того, что происходило вокругъ него и въ немъ самомъ. Напротивъ, онъ слѣдилъ за явленіями общественной жизни повидимому съ самымъ возбужденнымъ вниманіемъ и воспринималъ впечатлѣнія съ нервною раздражительностію. Государственный порядокъ касался его ближе и больше, чѣмъ церковный; да и самый церковный порядокъ волновалъ его преимущественно по своей связи съ государственнымъ. Литературные органы боярства недовольны ходомъ дѣлъ и въ государствѣ, какъ въ церкви; только ихъ сужденія объ этомъ выражались съ бóльшею сдержанностью языка. Любопытна въ этомъ отношеніи нѣкоторая разница между Вассіаномъ и кн. Курбскимъ. Они были представителями одного слоя, но разныхъ поколѣній боярства. Первый выросъ и началъ дѣйствовать еще при Иванѣ III, а къ этому Ивану оппозиціонное боярство и послѣ относилось мягче, чѣмъ къ его преемникамъ, считало его добрымъ и до людей ласковымъ, любившимъ выслушивать возраженія и жаловавшимъ тѣхъ, кто противъ него говаривалъ. Правда, князь Василій, въ иночествѣ Вассіанъ, и люди его духа «высокоумничали» уже при Иванѣ, на что жаловался послѣдній, «износили ему многія поносныя и укоризненныя словеса», что припоминалъ послѣ его внукъ. Однако можно замѣтить, что политическій вопросъ еще не былъ возбужденъ тогда во всей своей силѣ, взаимное недовольство обѣихъ сторонъ не пропиталось еще всею горечью послѣдующаго времени. Вассіанъ неохотно и осторожно касается политическихъ явленій и все свое жесткое краснорѣчіе обращаетъ на свою братію по иночеству, на «мужиковъ сельскихъ, утучнявшихъ себя христіанскими кровьми», вселукавыхъ мниховъ осифлянскихъ съ самимъ ихъ духовнымъ родоначальникомъ. Курбскій принадлежалъ къ поколѣнію, которое выросло вмѣстѣ съ Грознымъ и начало дѣйствовать около половины XVI вѣка.

Его вниманіе поглощено политическими явленіями и лишь мимоходомъ, кстати задѣваетъ порой священническій чинъ, прежде всего, разумѣется, тѣхъ же «мнихов многостяжательныхъ». При неодинаковомъ настроеніи не слѣдуетъ забывать и разницу положенія, въ какомъ находились оба писателя. Курбскій и публицисты его времени и лагеря прежде всего были недовольны ходомъ управленія, отсутствіемъ правды въ судахъ, жестокостью правителей, ихъ пренебреженіемъ къ управляемымъ и къ общему благу. Въ этомъ они винили болѣе всего самихъ «державныхъ», которые «грѣхъ ради нашихъ вмѣсто кротости свирѣпѣе звѣрей кровоядцевъ обрѣтаются». Никакими риторскими языками не надѣялись они изобразить всю настоящую бѣду отъ «нерадѣнія державы» и другихъ пороковъ правительства, яркими чертами рисовали бѣдственное состояніе всѣхъ классовъ общества кромѣ духовенства. Воинскій чинъ, дворянство, хуже нищихъ, лишенъ не только ратныхъ коней и надлежащаго вооруженія, но и дневной пищи; убожество его превосходитъ всякое описаніе. Купцы и крестьяне—кто не видитъ, какъ они страдаютъ отъ неномѣрныхъ налоговъ и немилостивыхъ приставовъ: вотъ одну дань съ нихъ уже взяли, другую берутъ, за третьей посылаютъ, о четвертой уже помышляютъ. Люди отъ всѣхъ этихъ мукъ бѣгутъ изъ отечества и пропадаютъ безъ вѣсти, собственныхъ дѣтей отдаютъ въ вѣчное холопство, сами на себя накладываютъ руки, давятся, топятся: горе заглушаетъ въ нихъ лучшіе инстинкты человѣческой природы, «естественное ихъ бытство». Недовольные наблюдатели указывали на зло еще болѣе глубокое, происходившее отъ того же государственнаго нестроенія, на соціальную рознь, взаимную вражду общественныхъ классовъ: древній лукавый змій, строя козни нашей землѣ, высшихъ поставилъ внизу, «чины чиномъ обидники сотвори», заставилъ единовѣрныхъ братій съѣдать одинъ другого вмѣсто хлѣба. Обличителямъ чуялось, что все это не кончится добромъ, и они съ сомнѣніемъ взирали на будущее своего отечества. Ни съ кѣмъ у насъ мира нѣтъ, съ грустью говорилъ въ 1524 году опальный Берсень, высказывая въ бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ свои опасенія за прочность,

за долгое стояніе родной земли: всѣ намъ недруги, отовсюду брани, а все за наше нестроеніе. На Бога только и осталась надежда, заключалъ онъ, не чая никакого добра отъ правительства. Курбскому вся Русская земля кажется объятой словно страшнымъ пожаромъ, и онъ грозитъ властямъ близкою катастрофою: «горе грабящимъ и кровь проливающимъ и милости и суда не имущимъ во властехъ своихъ, занеже день отмщенія близъ есть!» Онъ даже предвѣщаетъ царю близкій конецъ его династіи *). Апокрифическая *Бесѣда* валаамскихъ чудотворцевъ вмѣстѣ съ появившимся до нея такимъ же апокрифическимъ *Пророчествомъ* Исаіи также предвидитъ междоусобную брань и великія смятенія въ царствѣ, запустѣніе селъ и городовъ: «земля станетъ просторнѣе, а людей будетъ меньше, и этимъ немногимъ людямъ на той просторной землѣ жить будетъ негдѣ; цари не удержатся на своихъ престолахъ и будутъ часто смѣняться за свою царскую простоту, иноческіе грѣхи и мірское невоздержаніе»; тогда праздники превратятся въ плачъ и игрища въ слезное рыданіе; тогда запустѣютъ церкви и при дверяхъ ихъ не сядетъ убогій, потому что не будетъ молящихся; тогда заплачетъ земля о людской погибели, точно дѣвица красная, и на ея плачъ отзовутся слезами и море, и рѣки, и бездна преисподняя, и сами ангелы. Трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ говорило здѣсь разгоряченное тревогами времени воображеніе писателей и въ какой предчувствовали они дѣйствительно скоро наступившія бѣдствія, очень похожія на тѣ, какія рисовались въ ихъ живомъ воображеніи, гибель династіи, частую смѣну новыхъ царей, востаніе одного класса общества на другой, разруху государства. Во всякомъ случаѣ у этихъ публицистовъ много земской скорби, патріотическаго сокрушенія о бѣдствіяхъ родной земли, которую они повидимому такъ горячо любили. Но изъ-подъ этой скорби иногда какъ будто

*) Скорбя о бѣдствіяхъ, обрушившихся на Россію по винѣ царя, кн. Курбскій въ посланіи 1579 г. напоминаетъ ему гибель Саула съ его царскимъ домомъ и продолжаетъ: «Не губи себя и дому твоего!... кровьми христіанскими оплывающіи исчезнутъ вскорѣ со всѣмъ домомъ». Сказ. кн. *Курбскаго,* 249.

невзначай прорвется фраза горькой досады на эту землю, которая давала такъ мало мѣста ихъ завѣтнымъ идеаламъ. Подобно позднѣйшимъ старообрядцамъ они готовы были умиляться, какъ это дѣлаетъ князь Курбскій въ одномъ изъ своихъ посланій, превосходно написанномъ, картиной благочестія, цвѣтущаго во «всей землѣ нашей Русской отъ края и до края», обиліемъ и благолѣпіемъ Божіихъ храмовъ и монастырей, возможностью читать на родномъ языкѣ слово Божіе, ветхое и новое. Но они тотчасъ же старались оттѣнить эту картину изображеніемъ того, какъ неблагодарные современники, правители и управляемые, искажали это благочестіе. Набожные патріоты не забывали замѣтить при этомъ кстати, что такое обиліе благодатныхъ даровъ ниспослано странѣ совершенно незаслуженно, что «мы убогіе, мало извѣстные древнимъ народамъ, заброшенные въ уголъ вселенной, благодатію Христовою не отъ дѣлъ призваны, не отъ добродѣтелей познаны», а такъ, даромъ, ни за что попали въ царство благодати. Можетъ быть, они и любили ее, эту землю убогихъ людей, но только развѣ какъ географическое пространство и много-много въ ея историческомъ прошломъ: современная дѣйствительность только огорчала ихъ, а эти убогіе заброшенные люди возбуждали въ нихъ плохо скрываемое пренебреженіе. Курбскій называетъ свое покинутое имъ отечество «Святорусской землей», говоря о царѣ, ея губителѣ. Но когда пришлось ему разсказывать о своей братіи, о молодыхъ Лыковыхъ, которые попали къ польскому королю, по его повелѣнію, «яко сущаго святаго христіанскаго», обучены были шляхетскимъ наукамъ и языку римскому и потомъ по просьбѣ московскихъ пословъ возвращены были въ отечество, то эта Святорусская земля тотчасъ превратилась у него въ отечество «воистину неблагодарное и недостойное ученыхъ мужей, въ землю лютыхъ варваровъ». По его же разсказу, и цесарскій посолъ Герберштейнъ, пріѣзжавшій въ Москву для заключенія союза противъ поганыхъ Турокъ, не успѣлъ въ своемъ дѣлѣ «въ варварскихъ языцѣхъ глубокихъ ради ихъ и жестокихъ обычаевъ».

Но если эти даровитые и много думавшіе люди были плохіе патріоты, то положеніе и обстоятельства обязывали ихъ

быть заботливыми и предусмотрительными политиками. Въ объединенной московской Руси тогда устанавливались государственный порядокъ и общественныя отношенія. Боярству должно было подумать о надежномъ обезпеченіи своего положенія и своихъ интересовъ: оно могло ихъ обезпечить теперь или никогда. Въ его литературныхъ представителяхъ, такъ внимательно слѣдившихъ за явленіями времени, накопилось такое количество пессимизма, они такъ много отрицали въ существовавшемъ порядкѣ и съ такою силой, что у нихъ можно предполагать ясный, продуманный политическій идеалъ, который они желали бы поставить на мѣсто огорчавшей ихъ дѣйствительности. По ихъ литературнымъ трудамъ видно, что они много думали и говорили о томъ, какъ «государю устроити землю свою». Они дѣйствительно высказывали свой планъ земскаго устройства, свою политическую программу. Правда, это все лишь общія мысли, главныя основанія, что объясняется свойствомъ памятниковъ, въ которыхъ встрѣчаемъ разсѣянныя черты этого плана. Прежде всего люди боярской оппозиціи большіе консерваторы, неохотники до нововведеній, особенно такихъ, въ которыхъ винили великихъ княгинь иноземокъ: «лучше старыхъ обычаевъ держаться, говорилъ Берсень Максиму Греку, людей жаловать и старыхъ почитать». Они потому и сомнѣвались, простоитъ ли долго Русская земля, что видѣли въ ся государяхъ наклонность «перемѣнять старые обычаи». Потомъ само собою предполагалось, что государи должны править землей, «всякія дѣла милосердно дѣлати со своими пріятели, князи и боляры и съ прочими великородными и праведными людьми мірскими». Это до такой степени предполагалось само собою, что публицисты не считали нужнымъ доказывать это, какъ порядокъ естественный и неизбѣжный. Точно такъ же предполагалось, что во главѣ такого управленія, какъ руководитель его великородныхъ и праведныхъ орудій, долженъ стоять царь съ своимъ совѣтомъ: «царю, замѣчаетъ валаамская *Бесѣда,* достоитъ не простовати, со совѣтниками совѣтъ совѣщавати о всякомъ дѣлѣ, съ бояры о всемъ совѣтовати, крѣпко-накрѣпко думати». Одинъ авторитетъ выше думы государевыхъ

совѣтниковъ—слово Божіе: «а святымъ божественнымъ книгамъ, продолжаетъ *Бесѣда,* достоитъ царю всѣхъ свыше совѣтовъ внимати и почасту ихъ прочитати». Но политическій порядокъ, согласный съ словомъ Божіимъ, у Курбскаго таковъ: «самому царю достоитъ быти, яко главѣ, и любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, яко свои уды». Люди антимонашескаго, вассіановскаго направленія были противниками воинственнаго задора во внѣшней политикѣ, какъ Берсень скорбѣлъ о томъ, что ни съ кѣмъ у насъ мира нѣтъ, ни съ Литвой, ни съ Крымомъ, ни съ Казанью. Пусть укрѣпляются города избранными воеводами и могучими воинами, пусть царство соединяется «во благоденство» и распространяется отъ Москвы «сѣмо и овамо, всюду и всюду». Но цари должны держать свою область «не своею царскою храбростью, а царскою премудрою мудростью», не думая пріобрѣсти суетную славу «бранью и мужествомъ храбрости своея»: только невѣрные «тщатся на ратехъ на убійство и на всякую злобу своими храбростьми и тѣмъ хвалятся». Можетъ быть, даже мысль о земскихъ тяглыхъ людяхъ, такъ страдавшихъ отъ войнъ, была не безъ участія въ этихъ мирныхъ наклонностяхъ. Публицисты въ своихъ планахъ земскаго строенія не забывали положенія этихъ людей. Они возставали противъ жестокости правительства съ управляемыми, противъ его равнодушія къ ихъ благосостоянію: «а царемъ и княземъ, поучаетъ валаамская *Бесѣда*, достоитъ изъ міру всякіе доходы съ пощадою сбирати и всякія дѣла милосердно дѣлати». Въ ихъ политическихъ воззрѣніяхъ не замѣтно узкаго сословнаго эгоизма. Совсѣмъ напротивъ: они не только задумывались надъ положеніемъ и нуждами простого земскаго люда, но готовы были дѣлиться съ нимъ даже правительственною властью. Доказывая Св. Писаніемъ, какими бѣдствіями караетъ Богъ царей за «непослушаніе сигклитскаго совѣта», Курбскій вслѣдъ за тѣмъ выражаетъ такое возвышенное политическое положеніе: «Царь, аще и почтенъ царствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у *всенародныхъ человѣкъ*, понеже даръ духа дается не по богатству

внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной». Итакъ надменный родословный бояринъ призналъ и одобрилъ политическое явленіе XVI вѣка, которое своимъ демократизмомъ, казалось бы, должно было претить боярству, земскій совѣтъ или соборъ «всѣхъ чиновъ государства». Публицистъ боярскаго направленія, съ такимъ одушевленіемъ составившій валаамскую *Бесѣду*, по всей вѣроятности, писалъ послѣ 1550 года, когда созванъ былъ первый такой соборъ. Кто-то, сочувствуя его воззрѣніямъ, сдѣлалъ къ его сочиненію приписку, прикрывъ ее именами тѣхъ же чудотворцевъ. Здѣсь, наставляя русскихъ царей и великихъ князей, какъ крѣпить своихъ воеводъ и войско и соединить во благоденство царство свое, авторъ предлагаетъ болѣе опредѣленный планъ всесословнаго земскаго собора. Видно, какъ вопросъ о земскомъ представительствѣ занималъ людей одинаковаго съ Вассіаномъ и Курбскимъ образа мыслей, и становится понятно, какъ въ правительствѣ царя Ивана могла возникнуть мысль о такомъ соборѣ. Во всякомъ случаѣ люди этого круга не желали, чтобы боярству принадлежала монополія власти, и ихъ планъ земскаго совѣта шелъ даже дальше дѣйствительности: они хотѣли, чтобъ этотъ совѣтъ былъ постояннымъ собраніемъ, ежегодно обновляемымъ новыми выборами, а не созывался только въ особыхъ экстренныхъ случаяхъ. Публицистъ совѣтуетъ духовнымъ властямъ благословить царей и великихъ князей «на таковое дѣло благое, на единомысленный вселенскій совѣтъ, и съ радостію царю воздвигнути и отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ, безъ величества и безъ высокоумной гордости, съ христоподобною смиренною мудростію, безпрестанно всегда держати погодно при себѣ ото всякихъ мѣръ (чиновъ) всякихъ людей и на всякъ день ихъ добрѣ и добрѣ распросити царю самому про всякое дѣло міра». Пользуясь указаніями этихъ совѣтныхъ людей и постоянно имѣя при себѣ «разумныхъ мужей и добрыхъ, надежныхъ приближенныхъ воеводъ (думу)», царь самъ узнаетъ все, касающееся правленія, и будетъ въ состояніи удержать подчиненныя власти, воеводъ и приказныхъ людей, отъ взятокъ и всякой неправды, «и объявлено

будетъ тѣми людьми всякое дѣло предъ царемъ, да правдою тою держится во благоденствѣ царство его» *).

Можно признать возвышенными всѣ эти политическія воззрѣнія; но въ нихъ одно неожиданно. Бояре, эти «разумные мужи и добрые, надежные воеводы», постоянно находились при царѣ и правили вмѣстѣ съ нимъ. Своимъ участіемъ въ управленіи они готовы были дѣлиться съ другими классами общества. Для ихъ литературныхъ представителей правительственное значеніе боярства было не столько политическою мечтой, сколько естественнымъ историческимъ фактомъ; но они не могли не знать, что это фактъ не безспорный и далеко не обезпеченный достаточно. Они ненавидѣли «русскихъ писарей», дьяковъ, людей изъ поповичей или простаго всенародства, по выраженію Курбскаго, за то, что они не безъ успѣха оспаривали у боярства его правительственное вліяніе. Эти публицисты жестоко нападали на осифлянское монашество, которое еще успѣшнѣе оспаривало у бояръ монополію крупнаго привилегированнаго землевладѣнія и которому они приписывали всякія абсолютистскія «шептанія» царямъ, совѣты править не такъ, какъ они правили доселѣ. Между боярами ходилъ разсказъ о совѣтѣ, какой далъ царю въ 1553 г. бывшій епископъ Вассіанъ въ отвѣтъ на вопросъ, какъ ему царствовать: «если хочешь быть самодержцемъ, не держи совѣтниковъ умнѣе себя, потому что ты всѣхъ лучше, и тогда будешь твердъ на царствѣ». Пусть это была политическая легенда и пусть Курбскій называлъ совѣтъ Вас-

---

*) Сказанія кн. *Курбскаго,* въ разныхъ мѣстахъ. *Его же* три посланія въ Правосл. Собесѣдн. 1863 г., ч. 2. Полемич. сочиненія *Васс. Патрикѣева* тамъ же, ч. 3. Преніе митр. *Даніила* съ старцемъ *Васьяномъ* въ Чтен. Общ. Ист. и Др. Р. 1847 г. № 9. Отрывокъ слѣдств. дѣла объ *Ив. Берсенѣ* въ Акт. Арх. Эксп. I, № 172. Выдержки изъ *Бесѣды* валаамскихъ чудотворцевъ приведены по списку въ рукоп. Соловецк. библ. № 609 (позднѣйшая передѣлка ея по неисправному списку напечатана въ Чтен. Общ. Ист. и Др. Р. 1859 г. кн. 3). Мѣсто о земскомъ соборѣ приведено по другому списку той же библ. въ статьѣ *А. С. Павлова* въ Правосл. Собес. 1863 г., ч. 1, стр. 304 *Бесѣда* весьма тщательно издана по многимъ спискамъ гг. *Дружининымъ* и *Дьяконовымъ.*

сіана силлогизмомъ сатанинскимъ: однако, значитъ, уже существовала мысль о возможности обойтись безъ бояръ въ управленіи; по крайней мѣрѣ сами бояре такъ толковали это сказаніе. Но въ изложенныхъ взглядахъ писателей боярскаго направленія заключалась повидимому вся политическая программа боярства. Она шла немного дальше дѣйствительности, немного новаго прибавляла къ тому, чѣмъ уже владѣло боярство, и не предлагала никакихъ средствъ обезпеченія того, чѣмъ оно обладало, отъ произвола сверху или притязанія снизу. Помысла объ этомъ не замѣтно у публицистовъ XVI вѣка. Ихъ мысль не попадала даже въ кругъ тѣхъ политическихъ отношеній, которыя такъ просто и ясно понимали псковичи. «У насъ, говорили они московскому послу на вѣчѣ въ 1510 году, съ великими князьями крестное цѣлованіе положено: намъ не отойти отъ своего государя ни въ Литву, ни къ Нѣмцамъ, а ему насъ держать по старинѣ въ добровольи: нарушимъ мы крестное цѣлованіе—на насъ гнѣвъ Божій, гладъ и огнь и потопъ и нашествіе поганыхъ, а нарушитъ его государь нашъ—на него тотъ же обѣтъ, что и на насъ». Московскіе публицисты ограничивались простымъ указаніемъ нормальнаго порядка политическихъ отношеній, какъ будто этотъ ихъ порядокъ ни съ какой стороны не подвергался спору, какъ будто никому не приходили въ голову ни сатанинскіе силлогизмы, ни помыслы о томъ, нельзя ли изъ камней создать чадъ Аврааму.

То же самое встрѣчаемъ, переходя отъ политическихъ идей боярства къ его политической практикѣ въ XVI вѣкѣ. Дума, гдѣ сидѣли вожди его, давала властные отвѣты на текущіе вопросы законодательства. Наблюдатель, знакомый съ тактикой господствующихъ классовъ въ другихъ странахъ и въ другія времена, поразится недостаткомъ политической предусмотрительности или излишкомъ политической безпечности въ московскомъ боярствѣ XVI в. Впродолженіе большей части этого вѣка оно занимало выгодное положеніе въ государствѣ; но не видно, чтобъ оно чувствовало потребность оградить выгоды этого положенія рядомъ законовъ и учрежденій отъ слу-

чайностей, которыя предвидѣли его же литературные представители. Оно не пытается сдѣлать это даже тамъ, гдѣ повидимому стоило лишь ступить одинъ шагъ впередъ, чтобы закрѣпить выгодные факты обычными предосторожностями права. Въ этомъ отношеніи, разсматривая дѣятельность боярства издали, гдѣ становятся неуловимы мелкія условія, ежедневно на нее вліявшія, наблюдатель найдетъ въ ней много важныхъ недосмотровъ, устранить которые повидимому такъ легко было боярамъ XVI в. при ихъ политическихъ средствахъ. Съ особенною любовію бояре разработывали свое мѣстничество. Это понятно: оно имѣло для боярства большую политическую цѣну, какъ средство охраны его служебныхъ и правительственныхъ преимуществъ, и можно сказать, что во весь XVI вѣкъ это было единственное надежное и признанное средство. Но казалось бы, что бояре должны были дорожить имъ лишь настолько, насколько оно ограждало выгоды ихъ положенія, и что они будутъ развивать ту его сторону, которая дѣлала его такимъ охранительнымъ средствомъ. Случилось напротивъ: съ этой именно стороны въ немъ оставались существенные пробѣлы, хотя въ XVI вѣкѣ оно уже успѣло сложиться въ стройную, законченную систему отношеній служилыхъ лицъ и фамилій. Сословное оборонительное значеніе этой системы держалось на ея связи съ управленіемъ, гдѣ лица согласно съ ней размѣщались по должностямъ. Въ XVI в. еще очень много значилъ въ управленіи чинъ: отъ него зависѣли прежде всего должность, занимаемая лицомъ, потомъ размѣръ помѣстнаго и денежнаго оклада жалованья. Мѣстничество не установило постояннаго и точнаго отношенія породы къ службѣ, іерархіи родословной къ іерархіи чина и должности. Длинная лѣствица служебныхъ чиновъ городовыхъ, столичныхъ и думныхъ образовалась въ связи съ соціальнымъ происхожденіемъ разныхъ слоевъ служилаго класса, въ составъ котораго внесли свои вклады всѣ части русскаго общества отъ крестьянъ и холоповъ до потомковъ владѣтельныхъ князей. У каждаго слоя была на этой лѣствицѣ «своя степень», свой какъ бы наслѣдственный рядъ чиновъ, выслуженныхъ предками и опредѣлявшихъ раз-

мѣрѣ доступной людямъ этого слоя служебной чести: провинціальный дворянинъ рѣдко дослуживался до стольничества, съ котораго начиналъ службу сынъ родовитаго боярина. Но чинъ не вводился, какъ необходимый коэффиціентъ, въ вычисленіе мѣстническихъ величинъ: онъ былъ только показателемъ, а не производителемъ знатности. Въ этомъ смыслѣ родовитые люди говорили, что ихъ отцы и дѣды знатны были и во всѣхъ государевыхъ чинахъ бывали. Это и помогало разрыву первоначальной связи генеалогіи съ чиноначаліемъ. Родовитому человѣку «сказывали» высокій чинъ, когда онъ достигалъ приличныхъ для того лѣтъ; но высокій чинъ, сказанный неродовитому человѣку, не дѣлалъ его родовитымъ, потому что мѣстническое *отечество* переходило отъ отцовъ къ дѣтямъ, а не наоборотъ: отцы не становились выше отъ чиновнаго возвышенія потомковъ. Вотъ почему родные неродовитой царицы, пожалованные въ бояре, не ходили въ думу, по свидѣтельству Котошихина: имъ негдѣ было сѣсть тамъ; ниже другихъ бояръ «сидѣть стыдно, а выше не умѣть, потому что породою не высоки». Родословная знать не раздвигалась, когда къ ней приходили новые люди. Съ ними поступали такъ же, какъ поступаютъ въ плотно застроенной деревнѣ съ новымъ поселенцемъ: ставь избу на концѣ порядка, а въ серединѣ негдѣ. Противъ такихъ вторженій со стороны, противъ «заѣздовъ» и была направлена своеобразная московская форма мѣстничества: оно выработалось среди продолжительнаго прилива знатныхъ слугъ въ Москву, которые то-и-дѣло разрывали ряды боярства, становясь въ нихъ по личному уговору съ княземъ. Но бывали случаи и обратнаго порядка: въ иной знатной семьѣ меньшой братъ попадалъ въ бояре, а большой оставался ниже; потомки послѣдняго почему-либо также не поднимались и даже опускались изъ столичныхъ чиновъ въ провинціальные, «служили съ городомъ». Про такихъ неудачниковъ говорили, что они «пришли въ закоснѣніе, отечество свое истеряли» за бѣдностью или «недослуженіемъ». Тогда младшіе, но «добрые» родичи били челомъ на свою захудалую братію, чтобы въ отечествѣ ею не считаться и тѣмъ себя не «худить». Такъ іерархія породы съ

обоихъ концовъ расходилась съ іерархіей чиновъ: чиновное возвышеніе неродовитаго не дѣлало его родовитымъ, но чиновное пониженіе знатнаго могло выкинуть его изъ знати. Точно такъ же не существовало точнаго и постояннаго отношенія породы къ правительственной должности. По смыслу мѣстничества, какъ понимало его само правительство, считаться мѣстами можно было только тогда, когда «кого съ кѣмъ пошлютъ вмѣстѣ на государеву службу за однимъ дѣломъ». Это значило, что мѣстническій моментъ наступалъ только при встрѣчѣ лицъ на службѣ по одному вѣдомству, когда между ними возникали отношенія должностнаго подчиненія и соподчиненія. Потому должность имѣла значеніе въ мѣстническомъ счетѣ не сама по себѣ, а только какъ одно изъ средствъ для опредѣленія этихъ отношеній, какъ ихъ знаменатель подобно чину. При царѣ Михаилѣ назначили Шереметева вторымъ рындой вмѣстѣ со знатнымъ выходцемъ изъ Крыма кн. Сулешовымъ. На этотъ церемоніальный постъ назначали и знатныхъ, и незнатныхъ людей. Но Шереметева занималъ не постъ, а только отношеніе къ лицу, рядомъ съ которымъ его поставили. У Сулешова, какъ иноземца, въ Москвѣ не было отечества, наслѣдственнаго служебнаго положенія. Для Шереметева возникалъ *случай*, мѣстническій прецедентъ, и онъ билъ челомъ государю: «въ томъ твоя государева воля, какимъ ты его Сулешова ни учинишь, намъ все равно, только бы нашему отечеству впредь порухи отъ того не было». Къ самой должности родословный человѣкъ былъ равнодушенъ: онъ ревниво слѣдилъ только за своими отношеніями къ другимъ по должности. Разумѣется, должностныя назначенія различались по своей важности: большихъ людей не назначали городничими или сотенными головами, т. е. ротными командирами, какъ теперь не назначатъ на подобный постъ тайнаго совѣтника или генерала. Но эта разница была практическая, не принципіальная: такое назначеніе сравняло бы родовитаго человѣка съ людьми «обышными» или «худыми», обыкновенно занимавшими такія неродословныя мѣста. Но съ мѣстнической точки зрѣнія нельзя было ничего возразить противъ назначенія худороднаго человѣка на самую

высокую государственную должность, лишь бы родовитые люди не были у него въ должностномъ подчиненіи.

Боярство какъ будто не чувствовало опасности, какою грозилъ ему этотъ недостатокъ связи мѣстническаго порядка съ тогдашнею табелью должностей и ранговъ. Пока хранились еще свѣжія преданія удѣльной старины, а кругъ неродовитыхъ дѣльцовъ не успѣлъ сложиться, высшіе чины и должности принадлежали родословной знати. Но когда эти преданія стали выдыхаться, а этотъ кругъ «въ службу поспѣлъ», тогда очистился путь къ высокимъ чинамъ и для неродовитаго новика: царь, жалуя его въ окольничіе или даже въ бояре, не оскорблялъ генеалогической гордости знати, не спутывалъ ся затверженныхъ мѣстническихъ вычисленій, потому что чинъ не вводилъ пожалованнаго въ родословную знать. Между тѣмъ по чину новикъ получалъ и высокій помѣстный и денежный окладъ, и высокую должность, никого не задѣвая, не сталкиваясь съ родословнымъ человѣкомъ. Для этого старались увеличивать количество такихъ должностей, которымъ другъ до друга «дѣла не было» или которымъ приказывали «быть безъ мѣстъ», не считаться старшинствомъ. Царь прикажетъ и приказъ проведетъ черезъ думу, чтобы воеводы сторожеваго и лѣваго полковъ были всегда безъ мѣстъ. Согласно съ тѣмъ въ сторожевой полкъ вторымъ назначатъ дѣльца Д. Ѳ. Карпова, а въ низшій лѣвый вторымъ же болѣе родовитаго князя А. П. Охлябинина. Послѣдній по старой привычкѣ забьетъ челомъ объ отечествѣ, что «ему въ лѣвой рукѣ въ другихъ для Карпова быти не мочно». На это изъ Москвы ему шлютъ выговоръ отъ царя: «не дуруй! вѣдаемъ мы своихъ холопей, на свою службу посылаемъ, гдѣ кому пригоже быти; а тѣ полки давно приговорены посылати безъ мѣстъ». Благодаря этому, пока родовитые бояре учитывали другъ друга предками, занимались своей ариѳметикой прошедшаго, изъ ихъ рукъ незамѣтно стала ускользать власть надъ настоящимъ. Родословная знать получала свои обычные чины, полковыя и другія назначенія, а для дѣлъ новыхъ, ей непривычныхъ, вызываемыхъ новыми потребностями государства, выдвигались съ высокими чинами

«люди обышные», неродословные. Въ XVII в. іерархія породы расходится все дальше съ іерархіей заслуги и выслуги; послѣдняя становится все болѣе дѣйствительной административною силой, а первая, какъ миѳологическій символъ, потерявшій житейское значеніе, превращается въ парадъ, въ археологическое обремененіе придворнаго церемоніала. Подлѣ боярской аристократіи выступала дьячья и дворянская бюрократія. Въ 1579 г. бояре и воеводы московской арміи, перессорившись изъ-за мѣстъ, замялись и не пошли на непріятельскій городъ по наказу. Царь, «кручинясь», прислалъ дьяка и дворянина, приказавъ имъ промышлять своимъ дѣломъ мимо воеводъ, а воеводамъ быть съ ними. Этотъ случай—предзнаменованіе, наглядное изображеніе послѣдующей судьбы боярства: пока *бояре*, не дѣлая дѣла, спорили о мѣстахъ, царь прислалъ *дьяка* да простаго *дворянина* съ приказомъ дѣлать дѣло мимо нихъ, хотя и при нихъ.

Ту же безпечность или непредусмотрительность можно замѣтить и въ дѣятельности боярской думы, точнѣе, въ порядкѣ ея дѣлопроизводства. Отъ удѣльнаго времени дума наслѣдовала порядокъ законодательства по *докладу снизу*. Тогда управитель отдѣльнаго вѣдомства докладывалъ князю дѣло, котораго самому почему-либо «вершить было не мочно», и тотъ рѣшалъ его съ боярами. Такимъ путемъ, разрѣшеніемъ частныхъ случаевъ, административныхъ затрудненій, перенесенныхъ къ князю снизу, преимущественно и создавался правительственный и общественный порядокъ въ княжествѣ удѣльнаго времени. Этотъ путь оставался обычнымъ и теперь и былъ даже утвержденъ Судебникомъ 1550 года, по которому новые вопросы, не предусмотрѣнные закономъ, разрѣшались «съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору», то-есть возбуждались докладомъ на государево имя изъ того или другого вѣдомства. Иногда въ особо важныхъ дѣлахъ починъ шелъ сверху, отъ самого царя. Любопытное положеніе создавалось для думнаго боярства такимъ порядкомъ законодательства. Впродолженіе XVI в. дума стоитъ среди потока дѣлъ самаго важнаго, учредительнаго свойства; кладутся или закрѣпляются основы государ-

ственнаго порядка; возникаютъ или устрояются раньше возникшія учрежденія, которыя становится самыми дѣятельными колесами правительственной машины; на цѣлые вѣка опредѣляются положеніе и взаимныя отношенія классовъ общества. Всѣ эти важныя дѣла проходятъ черезъ думу, ею разсматриваются и рѣшаются. Но не она возбуждаетъ и ставитъ вопросы обо всемъ этомъ; боярскаго почина въ этой устроительной работѣ не замѣтно. Все это идетъ откуда-то сверху или снизу; бояре только слушаютъ да приговариваютъ и приговариваютъ большею частію обдуманно, въ интересѣ земскаго блага, какъ его тогда понимали. Привычки или желанія самимъ возбуждать законодательные вопросы, не дожидаясь, пока ихъ доложитъ начальникъ какого-нибудь приказа или самъ царь прикажетъ сидѣть объ нихъ, этого не обнаруживаетъ дума бояръ. Между тѣмъ у боярства, въ ней сидѣвшаго, было много интересовъ, не обезпеченныхъ закономъ, много вопросовъ еще не разрѣшенныхъ, до которыхъ было мало дѣла отдѣльнымъ приказнымъ докладчикамъ *).

Итакъ напряженіе политической мысли, замѣтное въ боярской средѣ по ея литературнымъ представителямъ, не привело въ XVI в. къ подробно разработанному плану государственнаго устройства, въ которомъ были бы полно и послѣдовательно выражены и надежно обезпечены политическія притязанія класса. Боярство какъ будто не понимало ни возможности, ни надобности этого. Въ его рукахъ была власть; но и въ его правительственной практикѣ не замѣтно сословнаго направленія, стремленія законодательнымъ путемъ провести и упрочить свои политическія права. Бояре какъ будто вполнѣ полагались на свое будущее въ увѣренности, что оно и безъ ихъ усилій послушно охранитъ всѣ удобства ихъ настоящаго, сбережетъ ихъ навсегда «великими и сильными во Израили», по выраженію кн. Курбскаго. Московскій государственный порядокъ, казалось, строился боярскими руками, но не во имя боярскихъ интере-

---

*) Царств. книга, стр. 337. Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Росс. годъ III, № 7 (дѣла о мѣстничествѣ). *Соловьева,* Ист. Росс. IX, 365 и сл. (по 2-му изд.). Разр. кн. въ Моск. Арх. мин. ин. д. № $^{99}/_{131}$, л. 321.

совъ. Боярство XVI в. является какой-то аристократіей безъ вкуса къ власти, безъ умѣнія или охоты вліять на общество, знатью, которую больше занимали взаимные счеты и ссоры ея членовъ, чѣмъ отношенія къ государю и народу, какъ ея литературнымъ представителямъ лучше удавались политическія пророчества, чѣмъ политическіе планы.

Глава XV.

На ряду съ особенностями политическаго положенія боярства въ XVI в. состояніе народнаго хозяйства было одною изъ главныхъ причинъ его равнодушія къ расширенію и обезпеченію своихъ политическихъ правъ.

Это равнодушіе тѣсно связано съ общимъ вопросомъ о политической судьбѣ московской боярской аристократіи. Иноземные наблюдатели уже вскорѣ послѣ смерти Грознаго признавали положеніе дѣлъ въ Московскомъ государствѣ безнадежнымъ въ смыслѣ боярскихъ притязаній, считали боярство безсильнымъ умѣрить власть московскаго государя, и XVII вѣкъ оправдалъ эти предположенія.

Почему же политическое значеніе этого боярства было такъ скоротечно и отчего Московское государство не вышло аристократическимъ? Казалось бы, весь аппаратъ аристократическаго порядка былъ уже готовъ, когда это государство устроялось: родовитыхъ фамилій съ титуломъ и безъ титула накопилось въ Москвѣ даже больше, чѣмъ сколько было нужно; между ними уже установился извѣстный іерархическій распорядокъ, признанный самимъ государемъ; въ средѣ ихъ не было недостатка ни въ правительственныхъ преданіяхъ, ни въ привычкѣ къ власти; наконецъ, имъ была открыта обширная практика власти, потому что московскій государь преимущественно изъ нихъ набиралъ личный составъ высшаго управленія, военнаго и гражданскаго.

Нѣкоторыя особенности московскаго боярства, не рѣшая этого вопроса, указываютъ путь къ его рѣшенію. Легко, во-пер-

выхъ, замѣтить, что многочисленное и блестящее боярство Москвы явилось довольно случайно, составилось довольно искусственно и частію даже насильственно: вѣдь Москва не имѣла бы такого боярства, еслибъ не совершила такого успѣшнаго и повальнаго упраздненія самостоятельныхъ мѣстныхъ правительствъ, существовавшихъ на Руси. Такимъ образомъ политическая сила, стѣснявшая власть московскаго государя, создана была успѣхами самой этой власти. Но башмачникъ изъ Пуату, попавшій въ армію Вильгельма Завоевателя и уцѣлѣвшій при Гастингсѣ, еще случайнѣе водворился въ Англіи; это однако не помѣшало его потомку съ большою настойчивостью пользоваться политическими правами англійскаго джентльмена. Почему Рюриковичъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ принцъ крови, изъ великаго или удѣльнаго князя превратившись въ московскаго боярина, не имѣлъ политической судьбы англійскаго барона? Развивая ту же самую мысль, можно отмѣтить и другую особенность московскаго боярства. Въ западной Европѣ аристократіи обыкновенно создавались изъ верхняго слоя общества завоевателей, а въ Московскомъ государствѣ цвѣтъ боярства составился изъ людей, которые или предки которыхъ подверглись завоеванію, вооруженному или дипломатическому, изъ князей, сведенныхъ съ своихъ престоловъ или поспѣшившихъ сойти съ нихъ, не дожидаясь, пока ихъ сведутъ. Въ Москвѣ именно отъ того и явилось слишкомъ много знатныхъ, что тамъ собралось черезчуръ много павшихъ и побѣжденныхъ. Но эта черта можетъ дать больше матеріала для назидательныхъ размышленій объ ироніи исторіи, чѣмъ для научнаго объясненія историческаго факта. Не больше даетъ въ этомъ отношеніи и то обстоятельство, что боярская знать не жила по своимъ вотчиннымъ усадьбамъ, какъ бароны жили по своимъ замкамъ, а тѣснилась въ столицѣ, подъ рукою у государя, которому такъ легко было достать, кого ему нужно было для расправы. Иностранцы, наблюдавшіе политическую жизнь Москвы въ XVI и XVII в., высказывали мысль, едва ли внушенную имъ туземными политиками, бывшую скорѣе плодомъ ихъ собственныхъ соображеній, будто московскіе государи заставляли своихъ бо-

яръ жить въ Москвѣ съ цѣлью лишить ихъ возможности составлять политическіе заговоры, которые они будто бы легко могли устроять въ своихъ деревняхъ, имѣя подъ рукой подвластныхъ и преданныхъ имъ людей *). Извѣстно, что было много другихъ менѣе макіавелевскихъ причинъ этого землевладѣльческаго абсентеизма московскихъ бояръ. Но отъ чего бы онъ ни происходилъ, указывая на него, не слѣдуетъ забывать, что прежняя изолированная жизнь князей по удѣламъ не спасла же ихъ отъ руки московскаго государя, не смотря на ихъ удѣльные полки. Гораздо важнѣе то, что московскому боярству, не смотря на его скученность въ Москвѣ, на жизнь вмѣстѣ, какъ-то не удавалось сомкнуться въ плотную и единодушную корпорацію, проникнуться сознаніемъ сословныхъ интересовъ и пріобрѣсти привычку дѣйствовать дружно во имя этихъ интересовъ. Бояре гораздо больше, кажется, думали о своихъ личныхъ и фамильныхъ счетахъ, чѣмъ о средствахъ упрочить свое политическое положеніе. Но этимъ соображеніемъ вопросъ только развивается, а не разрѣшается: когда спрашиваютъ, почему политическое положеніе боярства было такъ непрочно, почему этому классу не удалось расширить и обезпечить свое значеніе въ государствѣ, то прежде всего и желаютъ знать, почему онъ не успѣлъ сомкнуться въ такую корпорацію, проникнуться такимъ сознаніемъ и т. д.

Все это приводитъ къ мысли, что въ политической судьбѣ московскаго боярства встрѣтились нѣкоторыя важныя затрудненія или противорѣчія, связанныя съ ходомъ и складомъ всей народной жизни.

Выясненію этихъ затрудненій и противорѣчій можетъ помочь сопоставленіе московской боярской думы съ государственнымъ совѣтомъ великаго княжества Литовскаго. Этотъ совѣтъ, *паны-рада*, какъ онъ тамъ назывался, получилъ окончательный складъ почти въ одно время съ московской боярской думой, приблизительно въ столѣтіе съ половины XV в.

---

*) *Олеарій*, кн. III, гл. 18: „damit sie nicht, wenn sie auff ihren Gütern bey ihren Unterthanen wohneten, etwa eine Conspiration wider ihr Zaar vornehmen möchten".

до половины XVI в., при великихъ князьяхъ Казимирѣ и его сыновьяхъ Александрѣ и Сигизмундѣ I. Литовская рада, какъ и московская дума, имѣла аристократическій составъ; только ея члены выходили изъ болѣе тѣснаго круга какихъ-нибудь 50 знатныхъ фамилій. Литовскій панъ радный и внѣ рады имѣлъ прочное общественное и политическое положеніе: онъ обыкновенно принадлежалъ къ числу крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ въ государствѣ; притомъ наиболѣе вліятельный слой въ составѣ рады, «переднюю» или «наивысшую» раду, образовали главные областные управители, воеводы, каштеляны и старосты, къ которымъ примыкали гетманы, маршалки земскій и дворный, канцлеръ и другіе сановники центральнаго управленія; въ силу того и другого значенія, землевладѣльческаго и административнаго, они и получали мѣсто въ радѣ. Такимъ образомъ экономическія и административныя нити мѣстной жизни были въ ихъ рукахъ, и рада служила для нихъ только проводникомъ, а не источникомъ ихъ политическаго вліянія. Ея члены были не простые государственные совѣтники, а дѣйствительные правители. Они собственно и составляли правительство, вели все центральное управленіе и такъ какъ преобладающее значеніе между ними имѣли воеводы, каштеляны и старосты, то рада была въ значительной мѣрѣ совѣтомъ областныхъ правителей, правившихъ изъ центра. Дѣленія на чины, подобные московскимъ боярамъ, окольничимъ и думнымъ дворянамъ, въ радѣ не замѣтно: ея члены различались по значенію занимаемыхъ ими должностей и носимыхъ ими званій. Мѣсто въ радѣ связано было съ извѣстной правительственной должностью, «урядомъ», или съ придворнымъ званіемъ. Государь жаловалъ должности и званія, сообразуясь не только съ знатностью жалуемаго лица, т. е. съ значеніемъ его предковъ, но и съ его личными заслугами и качествами, «годностью». При отсутствіи чинопроизводства существовало служебное движеніе съ одной должности на другую, высшую, хотя должности и званія обнаруживали уже наклонность стать пожизненными, давались иногда «до живота». Неравенство должностей и званій выражалось въ порядкѣ размѣщенія членовъ

рады на засѣданіяхъ. Но это размѣщеніе не было похоже на московское мѣстничество: личной заслуженности жертвовали обычнымъ порядкомъ радныхъ мѣстъ и самыхъ должностей, какъ и служившей ему основаніемъ генеалогической знатностью. Кн. К. И. Острожскій, какъ староста луцкій, долженъ былъ занимать въ радѣ седьмое свѣтское мѣсто, но за свои заслуги сидѣлъ на четвертомъ и съ него по новой должности перемѣстился на второе. Потомъ для пользы службы понадобилось назначить его на должность третьяго мѣста; но въ радѣ онъ занялъ первое, потѣснивъ нѣсколько пановъ, болѣе или не менѣе его родовитыхъ и богатыхъ. Очевидно, родовитость не была единственнымъ и даже главнымъ знаменателемъ политическаго значенія пана раднаго *). Уже въ половинѣ XV в. привилеемъ 1447 г. крестьяне служилыхъ землевладѣльцевъ Литовскаго государства освобождены были отъ податей и повинностей великому князю, а самимъ владѣльцамъ дано право суда надъ ихъ крестьянами. При Сигизмундѣ I фамиліи, изъ которыхъ выходили паны радные, ставили значительно бо́льшую половину всего количества ратниковъ, какое ставили всѣ остальные землевладѣльцы государства. Въ то же время панырада руководила великими вальными сеймами, брала на себя законодательный почипъ, дружно отстаивала свои вольности и интересы своего государства противъ Поляковъ и даже собственныхъ господарей, а по привилеямъ 1492 и 1506 г. пріобрѣла политическія права, обезпечившія ей широкое и обязательное для государя участіе въ законодательствѣ и управленіи. Такъ политическое значеніе пановъ-рады составилось посредствомъ сложнаго сочетанія разнообразныхъ элементовъ генеалогическихъ, экономическихъ, политическихъ и нравственныхъ. Главная сила ея заключалась въ томъ, что она состояла изъ крупнѣйшихъ и автономно-привилегированныхъ землевладѣльцевъ, руководителей центральнаго и областнаго управленія. и принимала закономъ укрѣпленное широкое участіе въ законодательствѣ.

---

*) *Г. Любавскаго,* Литовско-русскій сеймъ, стр. 342 и сл.

Московскіе бояре хорошо знали литовскую раду и въ перепискѣ съ ней даже сами себя звали «радой» своего государя. Но московская боярская дума мало похожа была на эту раду по своему политическому значенію, какъ и по должностному составу.

В. кн. Василій III не довѣрялъ боярамъ; его сынъ считалъ ихъ опасными врагами своей династіи. Оправдывало ли боярство XVI в. это недовѣріе одного государя и эту боязнь другого? Въ чемъ заключалась политическая сила этого класса и была ли у него дѣйствительная политическая сила? Судебникъ 1550 г. устанавливалъ участіе боярскаго совѣта въ законодательствѣ, только какъ одинъ изъ моментовъ законодательнаго процесса; но никакой даже столь же осторожный законъ не формулировалъ и не обезпечивалъ политическаго положенія всего класса, изъ котораго набирался боярскій совѣтъ. Нѣкогда бояре имѣли кой-какія юридическія обезпеченія. Въ XIV и XV в. владѣтельные князья въ своихъ договорныхъ грамотахъ признавали служебную свободу и вотчинную неприкосновенность своихъ бояръ и вольныхъ слугъ. Отдѣльныя лица изъ княжья и боярства и даже цѣлыя фамильныя гнѣзда, поступая на службу къ московскимъ государямъ, заключали съ ними письменные договоры, какъ это сдѣлали, напримѣръ, всѣ князья ярославскіе въ 1463 г. Въ силу этихъ соглашеній служилые князья сохраняли за собою свои вотчины или ихъ значительныя части, продолжали тамъ судить и править по старымъ отеческимъ законамъ, имѣли свои дворы, свое войско. Но время, измѣняя положеніе дѣлъ, измѣняло и людскія отношенія. Служебная свобода пала сама собой съ исчезновеніемъ независимыхъ княжествъ, когда московскому государю стало не съ кѣмъ договариваться на правахъ равноправныхъ родичей и служилому человѣку стало некуда отъѣхать съ московской службы за отсутствіемъ другихъ независимыхъ русскихъ дворовъ. Постепенное включеніе удѣльныхъ служилыхъ людей съ ихъ землями въ общій военный строй объединеннаго государства и особенно уравнительная разверстка службы по землевладѣнію послѣ собора 1550 г. и отмѣны кормленій лишили

бывшихъ удѣльныхъ князей и войска, и значительной, если не бо́льшей части земель, на которыя они еще сохраняли удѣльныя вотчинныя права, потому что ихъ вольные слуги, владѣвшіе землями въ ихъ вотчинахъ, введены были съ этими землями въ общій составъ государевыхъ служилыхъ людей, причемъ и сами они вошли въ этотъ же составъ, превратившись изъ военныхъ союзниковъ московскаго сюзерена въ простыхъ служилыхъ его подданныхъ. Начатая Иваномъ III и завершенная его внукомъ мѣстная перетасовка княженецкихъ имѣній, замѣна родовыхъ вотчинъ жалованными поставила множество князей и бояръ въ положеніе пришельцевъ на чужбинѣ, въ непривычную обстановку, безъ фамильныхъ связей съ мѣстнымъ населеніемъ. Всѣ служебныя обезпеченія, уцѣлѣвшія отъ владѣтельной удѣльной старины и московскихъ договорныхъ правъ, сложились въ мѣстничество, въ систему московскихъ служебныхъ отношеній, унаслѣдованныхъ боярскими фамиліями, титулованными и простыми, отъ предковъ, при которыхъ впервые устанавливались эти отношенія. Мѣстничество представляло не политическую опасность, но дѣйствительное правительственное затрудненіе для московскаго самодержца, ежеминутно стѣсняя его въ самой важной и чувствительной его прерогативѣ, въ подборѣ исполнителей, въ составленіи персонала гражданскаго и особенно военнаго управленія. Мѣстничество было созданіемъ обычнаго права, бытовымъ установленіемъ, а не законодательнымъ институтомъ: законодательство не устанавливало его основъ, а только регулировало его послѣдствія и способы практическаго примѣненія, причемъ только стѣсняло его. Но это не ослабляло силы и значенія обычая. Это была сословная стачка родовыхъ понятій и фамильныхъ преданій, тѣмъ болѣе дружная и упрямая, что она поддерживалась интересомъ, одинаково всѣмъ близкимъ и всѣми живо понимаемымъ, родовой честью, т. е. взаимной завистью лицъ и фамилій. И надобно отдать справедливость московскому боярству: въ мѣстническихъ счетахъ оно проявило энергію и стойкость, какихъ у него никогда не хватало на защиту интересовъ болѣе высокаго качества. «За мѣста наши

отцы помирали», говорили бояре XVII в. Петръ Великій не даромъ называлъ мѣстничество «зѣло вредительнымъ и жестокимъ обычаемъ, который какъ законъ почитали».

Коренная сила мѣстничества заключалась въ косности политическаго мышленія самого боярства, не умѣвшаго отрѣшиться отъ отеческихъ преданій при измѣнившихся обстоятельствахъ. Другую опору давала боярству косность мышленія всего общества, во главѣ котораго оно стояло, какъ правящій классъ. Многіе вѣка бояре, «мужи думающіе», помогали русскимъ государямъ править Русской землей и въ Кіевѣ, и въ Черниговѣ, и во Владимірѣ, и въ Твери, и въ Москвѣ. Въ Москвѣ въ ряды этихъ исконныхъ правительственныхъ сотрудниковъ вошли и уцѣлѣвшіе потомки самихъ государей, дѣлившихъ съ ними труды управленія Русской землей. Хорошо ли, худо ли они правили, были ли довольны или недовольны ихъ управленіемъ, но люди изъ поколѣнія въ поколѣніе привыкали видѣть ихъ во главѣ управленія и повиноваться имъ, замѣчали въ нихъ привычку къ власти и предполагали наслѣдственное, природное умѣнье властвовать, предполагали даже извѣстную обязательную для правителей заботливость объ управляемыхъ. Изъ этихъ вѣковыхъ народныхъ привычекъ, наблюденій и предположеній складывался политическій авторитетъ боярства, такъ энергично выраженный захудалымъ кн. Д. М. Пожарскимъ, назвавшимъ первостепенныхъ бояръ въ лицѣ кн. В. В. Голицына «столпами», за которые вся земля держится. Даже послѣ Смуты, такъ пошатнувшей этотъ авторитетъ, на одномъ земскомъ соборѣ земскіе выборные называли бояръ «искони вѣчными своими господами промышленниками», властными попечителями общества. Такой взглядъ имѣлъ свое народно-психологическое оправданіе. Для всякаго общества нелегкое дѣло создать классъ, пригодный къ управленію. Русскіе люди въ тѣ вѣка были еще очень далеки отъ того уровня общественнаго развитія, на которомъ любой гражданинъ, удостоенный мірскаго довѣрія, способенъ стать хорошимъ управителемъ. Тогда всѣ занятія были наслѣдственными и наслѣдственность обезпечивала ихъ успѣшность, служила лучшей школой масте-

рового умѣнья. Личныя наклонности не принимались во вниманіе, личные таланты считались маловажной случайностью. Та же мѣрка прилагалась и къ правительственному ремеслу. Далекій потомокъ властныхъ предковъ самымъ происхожденіемъ своимъ предназначался и предназначалъ самъ себя къ роли властителя, смолоду усвояя ея требованія, пріемы и манеры. Политическій новичекъ терялся на непривычной высотѣ, подъ тяжестью недовѣрчивыхъ или завистливыхъ взглядовъ окружающихъ, и терялъ половину своихъ силъ и своего такта. Когда личность цѣнилась невысоко и высокой оцѣнки мало заслуживала, генеалогическій цензъ всего надежнѣе поддерживалъ политическое значеніе лица. Такъ привычка правящаго класса къ власти и привычка общества къ правящему классу при невозможности скоро замѣнить его другимъ была второй и двойной опорой положенія боярства въ государствѣ. Силу этой опоры тяжело испыталъ царь Иванъ, пытавшійся замѣнить боярство опричнымъ дворянствомъ; еще тяжелѣе испытало ее Московское государство послѣ этого царя.

Но бытовая сила обѣихъ опоръ боярства не устраняла слабыхъ сторонъ его политическаго положенія, юридическихъ и нравственныхъ. Мѣстничество причиняло больше непріятностей государю, чѣмъ приносило пользы самому боярству. Это было явленіе частнаго права, запоздалый отзвукъ вѣковъ, когда общежитіе держалось еще на родовыхъ основахъ: при установленіи государственнаго порядка оно неминуемо должно было столкнуться съ его требованіями и пасть рано или поздно. Притомъ, дѣлая изъ каждой боярской фамиліи не абсолютную, а только относительную политическую величину, устанавливая строгій генеалогическій строй и взаимный служебный надзоръ среди боярства, оно вовсе не содѣйствовало его сословной сплоченности, не воспитывало въ немъ привычки къ дружному дѣйствію и пониманія общихъ интересовъ. Совсѣмъ напротивъ: внося въ боярскую среду соперничество и рознь, питая мелочные споры и узкій фамильный эгоизмъ, оно притупляло чутье общественнаго, даже сословнаго интереса, было въ полномъ смыслѣ «враждотворнымъ и братоненавистнымъ» обычаемъ.

какъ оно характеризовано въ отмѣнявшемъ его приговорѣ 12 января 1682 г. Съ этой стороны оно было даже выгодно династіи, и Флетчеръ имѣлъ основаніе написать, что злобу и взаимныя распри бояръ царь обращалъ въ свою пользу. Наконецъ, оно не давало никакого мѣста заслугѣ: кн. Пожарскій и послѣ своего освободительнаго подвига продолжалъ считаться человѣкомъ неразряднымъ и разъ былъ даже выданъ головой какому-то Салтыкову. Не такъ воспитываются здоровыя и сильныя аристократіи, способныя создать прочный государственный порядокъ. Ненадежна была и другая опора. Она заключалась въ соціальномъ строѣ и народной психологіи. Московское боярство могло присвоять себѣ правительственную монополію, не видя въ составѣ общества другого класса, привычнаго къ управленію и достаточно авторитетнаго въ глазахъ народа. «Безъ насъ не обойдешься, какъ ни тиранствуй»: такъ могли утѣшать себя гонимые бояре временъ опричнины. Мысль объ этомъ просвѣчиваетъ у Курбскаго. Думать такъ значило сложа руки ждать своего упраздненія. На глазахъ этихъ бояръ складывался классъ, въ которомъ уже царь Иванъ видѣлъ возможнаго замѣстителя боярства. Силу этого замѣстителя чувствовали уже при сынѣ-преемникѣ Грознаго. Изъ видѣннаго и слышаннаго въ Москвѣ Флетчеръ вывелъ заключеніе, что никакая перемѣна въ здѣшнемъ образѣ правленія не возможна, пока войско будетъ единодушно и безпрекословно предано существующему порядку вещей. А войско—это дворянство, преимущественно столичное, объ устройствѣ котораго немало заботилось правительство царя Ивана и представители котораго въ такомъ числѣ и съ такимъ значеніемъ являются на земскихъ соборахъ 1566 и 1598 г. Притомъ и самое управленіе давало боярству довольно слабую опору. Правда, многіе родовитые члены думы были *судьями*, начальниками центральныхъ приказовъ, гдѣ впрочемъ значеніе ихъ ослаблялось дьяками и думными дворянами. Но главный нервъ политическаго вліянія, участіе въ мѣстномъ управленіи скорѣе вредило боярству: намѣстничьи «кормленія» наѣздомъ, на годъ, много на два, по замѣчанію того же Флетчера, пріобрѣтали боярству не лю-

бовь, а ненависть народа, да и тѣ были упразднены при Грозномъ въ центральныхъ и сѣверныхъ областяхъ. Поэтому нельзя было преувеличивать и значенія боярства въ обществѣ. Въ отношеніи общества къ нему было больше равнодушнаго почета, чѣмъ настоящей привязанности и уваженія. Трудно было сомнѣваться въ народномъ выборѣ между царемъ и боярствомъ въ случаѣ столкновенія между ними. Общество чтило бояръ, какъ ближайшихъ исполнителей государевой воли, а не какъ возможныхъ ея противниковъ. Но едва ли не самой слабой стороной боярскаго положенія было служебное отношеніе класса къ государю. Съ политическимъ объединеніемъ сѣверо-восточной Руси вольная служба бояръ и всѣхъ вольныхъ слугъ сама собою превратилась въ обязательную. Въ удѣльные вѣка ихъ служебная воля поддерживалась правомъ и возможностью отъѣхать отъ одного русскаго владѣтельнаго князя къ другому. Теперь, когда отъѣхать изъ Москвы стало некуда, вмѣстѣ съ возможностью пало и самое право отъѣзда. Эта перемѣна имѣла рѣшительное значеніе въ судьбѣ боярской аристократіи. Право отъѣзда было наиболѣе дѣйствительнымъ обезпеченіемъ всѣхъ другихъ боярскихъ правъ, которыя съ утратой его теряли бóльшую долю своей силы. Тогда московское боярство очутилось прикрѣпленнымъ къ московскому двору вѣчно-обязательной службой, изъ которой оставался только одинъ законный выходъ—въ монастырь, ибо состоянія неслужащаго боярина не существовало въ составѣ тогдашняго русскаго общества. По древнерусскому праву частная дворовая служба безъ договора, ограждающаго личную свободу слуги, дѣлала его холопомъ хозяина. Эта норма частнаго права, унаслѣдованная отъ временъ Русской Правды, была наложена и на служебныя отношенія бояръ, какъ и всѣхъ служилыхъ людей, къ московскому государю: въ оффиціальныхъ своихъ обращеніяхъ къ послѣднему они, какъ дворовые слуги, стали зваться его государевыми *холóпами*. Едва ли это званіе было установлено закономъ; скорѣе ввела его практика отношеній, руководившаяся привычкой подводить новыя явленія московской государственной жизни подъ привычныя вотчинныя нормы удѣль-

ной старины: служить при дворѣ безотъѣздно-безвыходно, стало быть холопъ. Разумѣется, бояре звались такъ условно, не въ точномъ юридическомъ смыслѣ, потому что они не давали на себя крѣпостныхъ записей, ни *полныхъ*, ни *докладныхъ* грамотъ. Этимъ они напоминали «добровольныхъ холопей», какъ назывались въ московскомъ законодательствѣ XVI в. люди, жившіе въ холопствѣ безъ крѣпостей. Но такая добровольная неволя не прошла даромъ ни для политическаго положенія, ни для нравственнаго настроенія боярства. Званіе тогда значило больше, чѣмъ значитъ теперь, оказывало еще болѣе сильное вліяніе на образъ мыслей и дѣйствій людей, на ихъ настроеніе и общественную постановку. Терминъ придавалъ неопредѣленнымъ отношеніямъ ярко выраженный, всѣмъ понятный юридическій и нравственный типъ, не вполнѣ соотвѣтствовавшій дѣйствительности, но устанавливавшій опредѣленный, отчетливый взглядъ на значеніе боярской службы. Холопы въ условномъ смыслѣ, люди боярскихъ фамилій однако несли на себѣ нѣкоторыя нравственныя слѣдствія настоящаго холопства. Мысль, что они холопы, хотя и государевы, не простые, принижала ихъ въ глазахъ общества, какъ и въ ихъ собственныхъ, сближая ихъ съ такимъ низменнымъ классомъ. Это званіе питало въ нихъ недовольство и малодушіе, напоминая имъ ихъ безправіе и безсиліе, мѣшало ихъ политическому кругозору расшириться до пониманія земскаго, народнаго интереса, ограничивая его узкими дворцовыми отношеніями, интересами государевой Передней палаты, куда они стремились каждое утро, чтобы видѣть ясныя очи государевы.

Оба порядка условій, составлявшихъ элементы и силы и слабости боярскаго положенія, оказывали одинаково неблагопріятное дѣйствіе на политическое настроеніе боярства: одни питали въ немъ увѣренность въ будущемъ, другія неохоту вникать въ настоящее; тѣ и другія вмѣстѣ поселяли въ немъ безпечность, какая овладѣваетъ людьми, не умѣющими разобраться въ противорѣчіяхъ своего положенія. Подъ дѣйствіемъ такихъ условій и политическія притязанія боярства получили своеобразное направленіе и проявленіе. Бояре чувствовали себя

не настолько слабыми, чтобы совсѣмъ отказаться отъ этихъ притязаній, но и не настолько сильными, чтобы проводить ихъ прямо и открыто. Притомъ эти притязанія и сами по себѣ мало располагали къ такому прямому и открытому образу дѣйствій. Не привыкнувъ подниматься до помысловъ объ общемъ положеніи государства и народа, бояре сосредоточивали свои политическія заботы на интересахъ и затрудненіяхъ своего тѣснаго родословнаго круга, притомъ лишь насколько тѣ и другія сознавались и чувствовались отдѣльными лицами и фамиліями. Даже у лучшихъ представителей этого круга, Вассіана Косого, Берсеня-Беклемишева, кн. Курбскаго, у автора валаамской *Бесѣды,* успѣвшихъ обдумать дома или повидать на чужбинѣ много такого, чего не думала и не видала ихъ рядовая братія, едва брежжетъ повременамъ невыясненная и неустановившаяся мысль объ общемъ народномъ благѣ и государственномъ порядкѣ. Къ этому надобно еще прибавить мѣстническую рознь боярства, дѣлавшую его неспособнымъ ни къ какому общему дѣлу, къ дружной дѣятельности въ какомъ-либо направленіи. Въ такомъ положеніи оставался одинъ путь—дворцовая интрига при удобномъ случаѣ, пользуясь какимъ-либо недоразумѣніемъ или затрудненіемъ, чьей-нибудь недогадливостью, втихомолку, тайкомъ отъ общества, негласными средствами. Такъ и дѣйствовало московское боярство цѣлыхъ два столѣтія, при Иванѣ III въ дѣлѣ о наслѣдникѣ, при Иванѣ IV въ дѣлѣ о присягѣ новорожденному царевичу, при Ѳедорѣ Ивановичѣ въ дѣлѣ о разводѣ царя, потомъ при избраніи на царство Бориса Годунова, Василія Шуйскаго и Михаила Ѳедоровича, затѣмъ при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ въ дѣлѣ объ учрежденіи несмѣняемыхъ намѣстниковъ. Послѣднимъ запоздалымъ проявленіемъ той же закулисной боярской тактики было дѣло объ избраніи на престолъ императрицы Анны. Мыслящіе люди XVII в. хорошо понимали эту дворовую тактику родословнаго холопства: дьякъ Ив. Тимоѳеевъ въ запискахъ о пережитомъ имъ Смутномъ времени представляетъ Московское государство по пресѣченіи старой династіи въ образѣ беззащитной вдовы, осиротѣлый домъ которой рас-

хищается забывшей холопій страхъ дворней покойнаго хозяина *).

Притязательное московское боярство явилось въ тяжелую пору нашей исторіи. Московское государство только-что образовалось, объединивъ главную вѣтвь русскаго народа. Оно принуждено было отстаивать себя упорной борьбой на югѣ и западѣ, ускоренно извлекать изъ народной массы и привлекать со стороны силы, пригодныя для борьбы, и изыскивать средства для ихъ содержанія, а для того донельзя обременять народный трудъ. Но именно въ то время, когда государство во внѣшней борьбѣ успѣшно переходило отъ обороны въ наступленіе, приблизительно съ половины XVI в. и народное хозяйство вступило въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ переломовъ, какіе оно переживало. Этотъ переломъ и легъ на правительство тяжелымъ камнемъ; передъ нимъ отступали политическіе вопросы о прерогативахъ, компетенціяхъ, гарантіяхъ; всѣ внутреннія отношенія прямо или косвенно съ нимъ связывались и отъ него зависѣли.

Въ состояніи народнаго хозяйства надобно искать другой, не менѣе, скорѣе еще болѣе важной причины видимаго равнодушія боярства къ мысли объ упроченіи своего положенія, о расширеніи и обезпеченіи своихъ политическихъ правъ. Политическое право общественнаго класса само по себѣ конституціонная метафизика, доступная лишь досужему размышленію. Житейская практика понимаетъ и цѣнитъ его соразмѣрно съ житейскими выгодами, имъ обезпечиваемыми. Съ этой стороны оно чаще всего является не болѣе какъ оборонительнымъ оружіемъ, которое берутъ взамѣнъ наступательной силы, чтобы упрочить ея завоеванія. Бояре не были равнодушны къ своему положенію; но до опричнины они думали, что ихъ положенію ничто не угрожаетъ сверху, что правительства съ нихъ не снимутъ и худородными людьми ихъ не обезчестятъ, съ такими людьми не поровняютъ. Они чуяли опасность, но не политическую, а хозяйственную, шед-

*) Русск. Ист. Библ. XIII, 454 и сл.

шую снизу, и въ эту сторону обращали свои тревожные помыслы.

Въ старой кіевской Руси аристократическій складъ общества выразился между прочимъ въ безправномъ, близкомъ къ рабству положеніи крестьянина, взявшаго ссуду у землевладѣльца при поселеніи на его землѣ, и особенно въ суровомъ постановленіи, по которому такой должникъ въ случаѣ побѣга отъ хозяина безъ расплаты превращался въ полнаго его холопа. Въ подобномъ близкомъ къ холопству положеніи является крестьянинъ на землѣ частнаго владѣльца и въ аристократическомъ Новгородѣ Великомъ по актамъ удѣльнаго времени. Но въ удѣльной суздальской Руси движеніе колонизаціи повидимому вывело крестьянина изъ такого приниженнаго состоянія. По актамъ XV в. видно, что здѣсь крестьянинъ-должникъ не только не превращался въ холопа за уходъ съ земли частнаго владѣльца безъ расплаты, но и послѣ ухода уплачивалъ свой долгъ съ разсрочкой и безъ процентовъ. Нужда въ рабочихъ рукахъ вмѣстѣ съ невозможностью удержать ихъ насильственными средствами при общемъ броженіи, несомнѣнно, всего болѣе содѣйствовала такой льготной перемѣнѣ въ юридическомъ положеніи крестьянъ. На этой зыбкой почвѣ вольнаго и подвижнаго крестьянскаго труда должно было созидаться частное землевладѣніе въ верхневолжской удѣльной Руси. Соединенными усиліями множества князей-хозяевъ, дѣйствовавшихъ по своимъ удѣламъ въ одинаковомъ направленіи, хотя и безъ соглашенія, удалось установить по крайней мѣрѣ сносный порядокъ поземельныхъ отношеній, сдѣлавшій возможнымъ развитіе частнаго землевладѣнія. Средствами гражданскаго права, ссудами, льготами, частными ограниченіями крестьянскихъ переходовъ успѣли къ концу XV в. нѣсколько усадить крестьянъ по мѣстамъ. Въ то же время судебныя и податныя привилегіи, какими жаловали князья землевладѣльцевъ въ удѣльное время, давали вотчинникамъ важныя политическія средства устроить свое землевладѣльческое хозяйство. Этимъ успѣхамъ въ завоеваніи крестьянскаго труда много, если не болѣе всего, помогало то обстоятельство, что

движеніе колонизаціи на нѣкоторое время было задержано въ тѣсномъ междурѣчьи Оки и верхней Волги. Пока продолжалось насильственное скученіе населенія въ этомъ краю, тяглый людъ поневолѣ дѣлался болѣе усидчивымъ, облегчая устроительную работу мѣстныхъ правительствъ и землевладѣльцевъ. Сохранились и нѣкоторые слѣды этихъ успѣховъ. Такъ съ половины XV в. замѣчается усиленное стремленіе землевладѣльцевъ путемъ законодательства установить прочный порядокъ въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ, становятся слышны съ ихъ стороны жалобы на безпорядочный переходъ и перевозъ крестьянъ, высказывается желаніе, чтобъ установлены были закономъ постоянные обязательные сроки для переходовъ и разсчетовъ крестьянъ съ землевладѣльцами. Отвѣчая на эти стремленія землевладѣльцевъ, жалованныя грамоты князей и потомъ Судебникъ 1497 г. устанавливаютъ однообразный срокъ, Юрьевъ день осенній. Извѣстіе Герберштейна о шестидневной крестьянской барщинѣ, какъ общемъ явленіи, и о жалкомъ положеніи крестьянъ не вполнѣ точно; но самымъ преувеличеніемъ тягости ихъ положенія оно свидѣтельствуетъ, какую самоувѣренность пріобрѣталъ сѣверный русскій землевладѣлецъ и до какихъ значительныхъ размѣровъ достигла къ началу XVI в. его вотчинная власть надъ крестьянами благодаря привилегіямъ. Это подтверждается и русскими свидѣтельствами того же времени. Вассіанъ Косой въ своей полемикѣ противъ монастырскаго землевладѣнія горько жаловался на злоупотребленіе со стороны вотчинной монастырской администраціи правомъ или обычаемъ подвергать крестьянъ тѣлесному наказанію, преимущественно за недоимки. Противникъ его преп. Іосифъ, по разсказу его жизнеописателя, также уговаривалъ землевладѣльцевъ, сосѣдей своей обители, во имя ихъ собственныхъ интересовъ не обременять своихъ «тяжарей земодѣльниковъ» излишними работами и не разорять ихъ непосильными поборами.

Въ XVI в. въ положеніи сельскаго населенія обнаружился издавна подготовлявшійся переломъ, который грозилъ разрушить всѣ эти выгоды вотчинниковъ. Казалось, готова была

разорваться съ такими усиліями сотканная вокругъ крестьянина паутина, привязывавшая его къ землевладѣльцу юридическими и экономическими нитями. Съ конца XIV в. началась важная по своимъ послѣдствіямъ перемѣна въ размѣщеніи массы великорусскаго населенія. Насильственное сгущеніе его въ междурѣчьи Оки и верхней Волги стало прекращаться. Съ одной стороны, открылись или облегчились для него пути на сѣверъ и сѣверовостокъ благодаря ослабленію препятствій, которыя до тѣхъ поръ затрудняли его движеніе за Волгу. Съ другой стороны, стало слабѣть дѣйствіе обстоятельствъ, которыя столь же насильственно сгоняли населеніе въ это междурѣчье. Въ XVI в. не только прекращается шедшій сюда цѣлые вѣка приливъ населенія съ юга и югозапада, но и становится замѣтенъ отливъ въ обратномъ направленіи. Заокская степь, которую нѣкогда засорили потоки кочевниковъ, теперь стала прочищаться: возстановлялись смытыя нѣкогда этими потоками старинныя русскія поселенія по восточнымъ окраинамъ древнихъ княжествъ Переяславскаго и Черниговскаго. Кн. Курбскій, говоря въ своей исторіи царя Ивана о славныхъ годахъ его царствованія, слѣдовательно до опричнины, замѣчаетъ, что тогда предѣлы христіанскіе расширялись «и на дикихъ поляхъ древле плѣненные грады отъ Батыя безбожнаго паки воздвизахуся». Изъ центральнаго междурѣчья населеніе не только начало спускаться внизъ по Волгѣ къ юговостоку, особенно по завоеваніи Казани и Астрахани, но и пошло прямо на югъ внизъ по Дону, перебиралось съ верховьевъ Оки на верховья Семи, а отсюда на верховья Донца и Оскола. На появленіе русскаго земледѣльческаго населенія въ этихъ краяхъ, много вѣковъ остававшихся заброшенными, явственно указываютъ возникшіе для его защиты въ концѣ XVI в. города Кромы, Ливны, Воронежъ, Курскъ, Осколъ, Бѣлгородъ, Валуйки.

Этотъ разбродъ населенія подвергалъ тяжелому кризису частное землевладѣніе въ срединныхъ областяхъ, гдѣ оно преимущественно развивалось. Рабочее населеніе уплывало изъ этихъ областей на открывавшіяся для колонизаціи окраины

государства, гдѣ боярское землевладѣніе еще не имѣло насиженныхъ мѣстъ. Съ половины XVI в. вопросъ о бѣглыхъ становится больнымъ мѣстомъ русскаго землевладѣнія. Кн. Курбскій въ одномъ изъ посланій, описывая положеніе тяглыхъ людей въ Московскомъ государствѣ, скорбитъ о томъ, что многіе изъ нихъ стали «безъ вѣсти бѣгунами изъ отечества». И царь Иванъ въ предложеніяхъ, которыя онъ готовилъ Стоглавому собору, писалъ о заставахъ крѣпкихъ по рубежамъ литовскимъ, нѣмецкимъ и татарскимъ между прочимъ для наблюденія за бѣглыми людьми. Въ то же время замѣчается усиленная забота землевладѣльцевъ о томъ, какъ бы добыть пашенныхъ людей, сманить ихъ у сосѣдняго землевладѣльца или изъ общества государственныхъ крестьянъ. Въ этой операціи настойчивое и успѣшное участіе принимали богатые монастыри. Но любопытно, что Вассіанъ Косой, черпая свои обвиненія противъ землевладѣльческаго монашества изъ его вотчинной практики начала XVI вѣка, не упрекаетъ его въ этой операціи; а онъ навѣрное не пропустилъ бы случая кольнуть ею глаза ненавистной братіи, еслибы было за что. Напротивъ, онъ горько жалуется на монаховъ за то, что они, обобравъ неисправныхъ крестьянъ за недоимки, самихъ выгоняли изъ своихъ селъ съ женами и дѣтьми, провожая побоями. Это значитъ, что усиленный наплывъ крестьянъ на монастырскія земли дѣлалъ возможнымъ разборчивый пріемъ пришельцевъ: было много охотниковъ селиться на этихъ земляхъ, но мало покидать ихъ. Съ малолѣтства Грознаго, приблизительно съ 1540-хъ годовъ, становится замѣтенъ отливъ населенія изъ центральныхъ областей государства. Здѣсь во второй половинѣ XVI в. путешественникъ на обширныхъ пространствахъ, даже по бойкимъ торговымъ дорогамъ, встрѣчалъ уже только свѣжіе слѣды прежней населенности края, обширныя, но безлюдныя села и деревни, жители которыхъ ушли куда-то. Вездѣ народъ разбѣгался и пустѣли не только деревни, но и города. Разныя случайныя обстоятельства, татарскіе набѣги, многолѣтніе неурожаи въ 1550-хъ годахъ, усиливали этотъ отливъ. Кн. Курбскій въ разсказѣ о малолѣтствѣ Ивана

замѣчаетъ, что пустыня начиналась въ 18 миляхъ отъ столицы благодаря татарскимъ вторженіямъ, что вся Рязанская земля была опустошена ими по самую Оку. Въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ иностранцевъ XVII в. о Московіи можно видѣть отдаленные слѣды этого переворота въ размѣщеніи сельскаго населенія. Переселенцы прежде всего кинулись на ближайшія и безопаснѣйшія изъ открывшихся имъ плодородныхъ мѣстъ и въ два-три поколѣнія успѣли истощить ихъ, какъ умѣлъ истощать почву только древнерусскій хлѣбопашецъ. Служившій придворнымъ врачомъ при царѣ Алексѣѣ англичанинъ Коллинсъ писалъ, что въ его время лучшія земли въ Россіи приносили весьма мало дохода, потому что имъ не давали отдыхать, а другія отъ недостатка въ рабочихъ рукахъ лежали необработанными. Съ другой стороны, чехъ Таннеръ, пріѣзжавшій въ Россію съ польскимъ посольствомъ въ 1678 году, видѣлъ въ подмосковныхъ мѣстностяхъ много барскихъ усадебъ и лѣса, но мало полей, объясняя это впрочемъ свойствомъ почвы*). Но уже во второй половинѣ XVI в. остатки поземельныхъ описей поражаютъ обиліемъ пашни переложной и лѣсомъ поросшей, количествомъ пустошей, «что̀ были деревни», въ ближайшихъ къ столицѣ уѣздахъ. Почти въ каждомъ имѣніи, даже при каждомъ крестьянскомъ поселеніи, сверхъ трехъ полей «пашни паханой» существовалъ перелогъ обыкновенно гораздо болѣе обширный, часто втрое или вчетверо. Независимо отъ этого являлись большія сплошныя пространства «порозжихъ земель», которыя отмѣчались въ писцовыхъ книгахъ словами: «лежатъ впустѣ и не владѣетъ ими никто». Лишь по мѣстамъ на этихъ брошенныхъ залежахъ поддерживались отхожія пашни, вспаханныя «наѣздомъ». Наконецъ теперь стали покидать на неопредѣленное время и существовавшія трехпольныя пашни, превращая ихъ въ безсрочный перелогъ; самыя поселенія со всѣмъ ихъ хозяйствомъ перено-

*) *Legatio Polono-Lithuanica,* по изданію 1689 года, стр. 108: Conspiciebantur prope Moscuam villae atque arces ligneae paucis cum agris; plures terrae mollities non patitur, unde arbusta silvaeque maximae pro generantur.

сились изъ старыхъ срединныхъ областей въ другія, иногда очень отдаленныя мѣста, на болѣе плодородныя нови. Такъ ходъ сельскаго хозяйства въ московской Руси XVI в. представилъ, можно сказать, геометрическую прогрессію запустѣнія. Повторяя хозяйственную формацію своего мельчайшаго составнаго элемента, двороваго крестьянскаго участка, вся русская территорія на востокъ отъ древняго днѣпровскаго пути «изъ Варягъ въ Греки» явственно распадалась на три поля. На заволжскомъ сѣверѣ и сѣверовостокѣ только-что поднятыя нови благодаря искусственному и скоротечному плодородію, какое получали онѣ отъ выжженнаго на нихъ лѣса, способны были нѣкоторое время выдерживать тяжелые посѣвы: въ концѣ XVI в. еще сѣяли пшеницу въ Бѣлозерскомъ и даже Каргопольскомъ уѣздѣ. Въ срединныхъ областяхъ почва, истощенная болѣе давней и усиленной эксплуатаціей, могла удовлетворять только легкимъ требованіямъ земледѣльца, обработывалась кое-какъ, и начинавшіяся выселенія готовили ее къ скорому переложному отдыху. На заокскомъ югѣ обширныя пространства тогдашней степи, плодороднѣйшія земли русской равнины, представляли многовѣковую вынужденную парениву, которую покинулъ плугъ не вслѣдствіе ея истощенія, а отъ наплыва кочевыхъ массъ, уничтожавшихъ работу плуга. Въ XVI в. поселенцы, возвращаясь на покинутыя нѣкогда предками мѣста, начинали съ разныхъ краевъ медленно и робко трогать это слишкомъ отдохнувшее поле и вводить его въ народно-хозяйственный оборотъ. Кажется, еще бы по одной сильной волнѣ колонизаціи изъ центра къ окраинамъ на югъ и на сѣверъ,—и Москвѣ предстала бы опасность, уже испытанная ея предшественникомъ Кіевомъ, опасность превратиться въ столицу пустыни, окруженную, по техническому выраженію вотчинныхъ книгъ XVII вѣка, «пометной (брошенной) землей тяглыхъ жеребьевъ впустѣ» *).

---

*) Изложенные факты подтверждаются новыми наблюденіями. См. г. *Платонова* Очерки по исторіи Смуты, стр. 56, 97, 169 и сл. и г. *Рожкова* Сельское хозяйство Моск. Руси, стр. 300—313.

Такое тревожное для правительственнаго класса направленіе принималъ земледѣльческій трудъ. Въ то самое время, когда боярство складывалось въ правительственную аристократію, его вотчинное благосостояніе становилось вопросомъ. Только-что оно устроилось было по переѣздѣ въ Москву, спасши большую часть своихъ вотчинныхъ усадебъ въ исчезнувшихъ удѣлахъ, какъ стала грозить необходимость перенесенія самыхъ усадебъ въ другіе края. Всѣ добытыя землевладѣльческія привилегіи стали терять свою цѣну, потому что плохо обезпечивали привилегированному землевладѣльцу главную силу, на которой могло основаться прочное вотчинное хозяйство, надежныя рабочія руки. Такъ задачей высшаго землевладѣльческаго класса, стоявшаго у власти, было спасти отъ крушенія свое поземельное хозяйство; въ эту сторону отъ вопросовъ объ устройствѣ высшаго управленія должно было обратиться политическое вниманіе этого класса. Не слѣдуетъ думать, чтобъ это вниманіе было исключительно поглощено мелочами вотчиннаго хозяйства. Совсѣмъ напротивъ: бояринъ XVI в. былъ рѣдкимъ гостемъ въ своихъ подмосковныхъ и едва ли когда заглядывалъ въ свои дальнія вотчины и помѣстья; служебныя обязанности и придворныя отношенія не давали ему досуга и не внушали охоты дѣятельно и непосредственно входить въ подробности сельскаго хозяйства. Но положеніе дѣлъ въ селѣ давало тонъ политическому настроенію боярства, направленіе его правительственной дѣятельности, роняло цѣну однихъ его интересовъ въ пользу другихъ, ставило, напримѣръ, мысль объ отношеніяхъ къ селу впереди мысли объ отношеніяхъ къ дворцу, заставляло въ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ искать опоры для обезпеченія первыхъ, а не наоборотъ: словомъ, землевладѣльческія тревоги и опасности, не дѣлая боярина опытнымъ и предусмотрительнымъ сельскимъ хозяиномъ, дѣлали его робкимъ или равнодушнымъ политикомъ. Какъ землевладѣльческій классъ боролся съ разбѣгавшимся крестьянствомъ, то дѣйствуя противъ него объ руку съ правительствомъ и закономъ, то изъ-за него противодѣйствуя и правительству, и закону, и какъ онъ наконецъ

восторжествовалъ надъ тѣмъ и другимъ,—это одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ нашей исторіи. Не останавливаясь на немъ, замѣтимъ только, что вниманіе боярства не даромъ было отвлечено отъ высшей политики къ сельскимъ отношеніямъ. На этомъ поприщѣ классъ совершилъ важныя завоеванія. Во-первыхъ, онъ отстоялъ вредное для государства право принимать вольныхъ людей «въ закладъ», въ личную зависимость, освобождая ихъ тѣмъ отъ «государской подати и земской тягли», какъ выразился царь Иванъ въ упомянутыхъ предложеніяхъ. Въ аристократическомъ Польско-Литовскомъ государствѣ короли уже въ половинѣ XV в. запрещали духовнымъ и свѣтскимъ землевладѣльцамъ держать закладней, а въ самодержавномъ Московскомъ государствѣ не могли провести такого запрещенія въ законодательство до половины XVII в. Царь Иванъ, послѣ коловшій Баторію глаза его ограниченной избирательной властью, напрасно пытался поднять на Стоглавомъ соборѣ вопросъ о закладничествѣ. Во-вторыхъ, пользуясь скудостью крестьянскаго земледѣльческаго инвентаря, крупные московскіе землевладѣльцы въ XVI в. посредствомъ ссудъ привязали къ своимъ имѣніямъ множество крестьянъ и даже провели въ Судебникъ 1550 г. важное постановленіе, которое дозволяло крестьянину, не стѣсняясь законнымъ срокомъ для перехода, Юрьевымъ днемъ, во всякое время покидать свой участокъ, продаваясь съ пашни «въ полную въ холопи». Въ XVII в. правительство напрасно старалось замѣнить эту личную зависимость крестьянъ по договору поземельнымъ ихъ прикрѣпленіемъ по закону *).

Явленія, происходившія въ селѣ, открываютъ другую причину политическаго настроенія боярства XVI в. Политическимъ образомъ дѣйствій оно производитъ впечатлѣніе властвующей аристократіи безъ вкуса къ власти, потому что власть, какую оно имѣло, лишена была того, что только и могло сооб-

*) Акты Зап. Рос. I, № 60. Царскія предложенія, не вошедшія въ Стоглавъ, напечатаны г. *Ждановымъ* въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1876 г. № 7, стр. 54—64.

щить ей привлекательный политическій вкусъ: ей недоставало обладанія народнымъ трудомъ. Потому интересъ политическихъ гарантій отступалъ передъ интересомъ экономическаго обезпеченія, забота о частныхъ имущественныхъ привилегіяхъ брала перевѣсъ надъ вопросомъ о сословныхъ политическихъ правахъ. Село XVI в. и надобно признать одною изъ главныхъ причинъ того, что Московское государство не сдѣлалось аристократическимъ по своему устройству. Послѣ дѣлались попытки въ этомъ направленіи, но уже не при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ: въ XVI в. боярство было въ полномъ сборѣ, пока еще въ цѣльномъ составѣ; политическія отношенія только еще формировались, не успѣли отвердѣть; ихъ можно было гнуть, не ломая, какъ приходилось впослѣдствіи. Въ борьбѣ съ селомъ боярство достигло большихъ успѣховъ; но достигнутыми выгодами воспользовались и другіе помимо его и даже во вредъ ему.

Глава XVI.

Ближняя или комнатная дума государя была косвеннымъ признаніемъ съ его стороны политическаго значенія боярской думы.

Увѣренность боярства въ прочности своего политическаго положенія поддерживалась и отношеніемъ самихъ московскихъ государей къ учрежденію, служившему оплотомъ этому положенію.

Довольно трудно опредѣлить отношенія, дѣйствовавшія между людьми, которые сами никогда не выражали ихъ прямо и точно и даже повидимому не чувствовали надобности ихъ формулировать. Остается слѣдить за отдѣльными фактами, въ которыхъ эти отношенія обнаруживались.

Прежде всего тотъ самый государь, на суровость и самовластіе котораго такъ жаловалось боярство, признавалъ его классомъ, на которомъ преимущественно лежитъ дѣло земскаго строенія, которымъ держатся внѣшняя безопасность и внутренній порядокъ въ государствѣ. Взглянувъ на своихъ бояръ,

умирающій великій князь, отецъ Грознаго, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, сказалъ имъ: «съ вами держалъ я Русскую землю, вы мнѣ клятву дали служить мнѣ и моимъ дѣтямъ; приказываю вамъ княгиню и дѣтей своихъ, послужите княгинѣ и сыну моему, поберегите подъ нимъ его государства, Русской земли, и всего христіанства отъ всѣхъ недруговъ, отъ бесерменства и отъ латынства и отъ своихъ сильныхъ людей, отъ обидъ и отъ продажъ, всѣ заединъ, сколько вамъ Богъ поможетъ». Ту же мысль, только другими словами, выражаетъ боярамъ умирающій Василій и по разсказу современнаго повѣствователя о его смерти, очень близкаго къ двору, имѣвшаго возможность слышать или узнать подлинныя выраженія великаго князя. Съ боярами Василій говоритъ «о устроеніи земскомъ», имъ приказываетъ передъ смертью, какъ «безъ него царству строитися». Такому политическому положенію класса соотвѣтствовали составъ и правительственное значеніе боярской думы. Званіе думнаго человѣка не было наслѣдственнымъ по закону: въ думные чины жаловали, «думу сказывали» по назначенію государя. Теперь это назначеніе стало само по себѣ необходимо при множествѣ боярскихъ фамилій, при обиліи наличныхъ служилыхъ лицъ въ отдѣльныхъ фамиліяхъ. Но по родословному составу думы XVI в. можно видѣть, въ какой степени государево назначеніе согласовалось съ аристократическимъ распорядкомъ лицъ и фамилій, установившимся въ боярской средѣ. Члены думы, особенно двухъ высшихъ чиновъ, обыкновенно выходили изъ извѣстнаго родовитаго круга, который въ лицѣ своихъ очередныхъ представителей «думу вѣдалъ»; какъ полковыхъ воеводъ, такъ и совѣтниковъ своихъ государь «прибиралъ, разсуждая ихъ отечество, кто того дородился». И правительственное значеніе думы на дѣлѣ далеко не было пассивнымъ: она является болѣе чѣмъ совѣщательнымъ собраніемъ при своемъ государѣ, пользуется извѣстнымъ просторомъ въ своей дѣятельности. Въ 1510 г. тотъ же суровый великій князь Василій, властію своею надъ подданными превосходившій всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ, рѣшая въ Новгородѣ политическую судьбу Пскова, «велѣлъ своимъ боярамъ по своей думѣ творити, какъ

себѣ сдумали», и арестъ псковскихъ властей и гражданъ, пріѣхавшихъ тогда къ государю съ челобитьями, является дѣломъ московскихъ бояръ, слѣдствіемъ ихъ думнаго приговора. Стереотипный языкъ оффиціальныхъ актовъ затѣнялъ значеніе бояръ передъ авторитетомъ царя. Но когда царь говорилъ простымъ неусловнымъ языкомъ, обѣ стороны являются въ другомъ освѣщеніи. Въ рѣчи, заготовленной для произнесенія на соборѣ 1551 года, Иванъ, вспоминая свой приговоръ о мѣстничествѣ въ думѣ 1549 года, съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что «всѣмъ боярамъ тотъ былъ приговоръ любъ». Собору, на которомъ присутствовали вмѣстѣ съ духовенствомъ князья и бояре, Иванъ указываетъ задачу все устроить по св. правиламъ и праотеческимъ законамъ, «на чемъ мы, святители, царь и всѣ, приговоримъ и уложимъ». Дума сама располагала порядкомъ обсужденія вопросовъ, стоявшихъ на очереди. Въ концѣ 1552 г. царь, уѣзжая изъ Москвы къ Троицѣ крестить новорожденнаго сына, велѣлъ боярамъ промыслить объ устройствѣ только-что завоеванной Казани и потомъ сидѣть о кормленіяхъ, т. е. о замѣнѣ ихъ денежнымъ жалованьемъ; но они пустили впередъ ближе касавшійся ихъ вопросъ о кормленіяхъ, а «казанское строеніе поотложили», за что на нихъ жалуется лѣтописецъ. Въ XVI в. было формально утверждено политическое значеніе думы: боярскій приговоръ былъ признанъ необходимымъ моментомъ законодательства, черезъ который долженъ былъ проходить каждый новый законъ, прибавлявшійся къ Судебнику *). Наконецъ, это значеніе думы косвенно подтверждалось однимъ учрежденіемъ, существованіе котораго едва замѣтно въ правительственныхъ актахъ XVI и XVII вѣковъ, но которое было довольно дѣятельною пружиною тогдашняго управленія. Это былъ особый совѣтъ, отличный отъ боярской думы, который созывался государемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Первое дошедшее до насъ извѣстіе объ этомъ совѣтѣ пущено въ ходъ строптивымъ совѣтникомъ великаго князя

*) Полн. Собр. Лѣт. VIII, 285; IV, 270 и сл. *Татищева*, Судебникъ, стр. 130. Ср. Никон. VII, 285. Полн. Собр. Лѣт. IV, 284. Журн. Мин. Нар. Пр. 1876 г. № 7, стр. 54. Царств. книга, стр. 337.

Василія И. Н. Берсенемъ-Беклемишевымъ, подвергшимся опалѣ за какое-то возраженіе государю въ думѣ. Терпя эту невзгоду, онъ въ потаенной бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ жаловался на то, что государь разрушаетъ политическую старину, вводитъ новые государственные порядки, стариковъ не почитаетъ. На возраженіе Максима, что политическіе обычаи мѣняются сообразно съ государственными интересами и удобствами, Иванъ Никитичъ замѣтилъ: «а все лучше старыхъ обычаевъ держаться, людей жаловать и стариковъ почитать; а нынѣшній государь, запершись самъ-третей у постели, всѣ дѣла дѣлаетъ». Было бы большой неосторожностью принять эти слова въ буквальномъ смыслѣ и подумать, что отецъ Грознаго лишилъ боярскую думу усвоеннаго ей давнимъ обычаемъ участія въ управленіи и рѣшалъ всѣ государственные вопросы помимо ея съ какими-то двумя-тремя приближенными, къ тому же дьяками. Читая бесѣды Берсеня съ Максимомъ, какъ онѣ воспроизведены въ слѣдственномъ дѣлѣ объ опальномъ совѣтникѣ, легко замѣтить, что послѣдній съ горя или досады изображалъ каррикатурно непріятныя ему лица и явленія того времени. Современникъ его митрополитъ Даніилъ былъ однимъ изъ самыхъ начитанныхъ и учительныхъ пастырей Русской церкви, сколько можно судить объ немъ по его твореніямъ. Но онъ былъ осифлянинъ, политическій сторонникъ великаго князя: вотъ почему опальный представитель боярской оппозиціи, съ большой ироніей отзываясь объ этомъ владыкѣ, въ той же бесѣдѣ съ Максимомъ между прочимъ сказалъ объ немъ, что отъ него учительнаго слова не услышишь. Такую же каррикатуру можно подозрѣвать и въ Берсеневомъ извѣстіи о привычкѣ великаго князя Василія рѣшать всѣ государственныя дѣла втроемъ въ спальнѣ.

Изъ источника болѣе спокойнаго мы узнаемъ составъ и значеніе этой спальни или этого кабинета государева. Какой-то близкій ко двору современникъ очень живо и подробно описалъ послѣдніе дни жизни великаго князя Василія. Заболѣвъ тяжело въ одну изъ своихъ охотничьихъ поѣздокъ, великій князь спѣшитъ сдѣлать обычныя предсмертныя распо-

ряженія, прежде всего составить духовную. Духовная для московскаго государя XVI в. была на половину государственнымъ и на половину домашнимъ, семейнымъ актомъ, во всякомъ случаѣ дѣломъ совсѣмъ не текущимъ. Изъ того, какъ это дѣло дѣлалось, именно не слѣдуетъ заключать, что такъ дѣлались всякія дѣла высшаго управленія. Слѣдя за порядкомъ веденія этого экстреннаго дѣла, всего прежде встрѣчаемъ интимный совѣтъ, особую думу умирающаго государя, притомъ въ различныхъ видахъ, узнаемъ, какъ и изъ кого она составлялась и даже частію какъ она относилась къ большой государственной думѣ бояръ. Въ Волоколамскѣ больной Василій совѣтуется съ Шигоной и дьякомъ Путятинымъ о томъ, кого бы изъ сопровождавшихъ его бояръ пустить въ думу о духовной. Значитъ, великій князь обсуждаетъ дѣло самъ-третей въ своей спальнѣ. Шигона и Путятинъ были люди немалые въ управленіи и не потому только явились первыми совѣтниками у постели великаго князя, что были его любимцами. Путятинъ носилъ званіе «дьяка великаго», т. е. думнаго, а И. Ю. Шигона-Поджогинъ былъ бояринъ, членъ стариннаго и очень хорошаго московскаго боярскаго рода, другія вѣтви котораго, Бѣлеутовы, Сорокоумовы-Глѣбовы, Хабаровы-Симскіе, стояли далеко не въ послѣднихъ рядахъ московской знати; притомъ Шигона занималъ должность тверскаго, ростовскаго и волоцкаго дворецкаго, т. е. управлялъ тремя мѣстными дворцовыми приказами. Слѣдовательно оба сановника вѣдали дѣла высшаго дворцоваго и государственнаго управленія, которыхъ касалась духовная. Притомъ на этомъ тайномъ совѣтѣ втроемъ только то и было рѣшено, что такого экстреннаго дѣла, какъ духовное завѣщаніе, нельзя сдѣлать безъ бояръ. Воротившись въ Москву, великій князь собираетъ чрезвычайное засѣданіе думы, на которомъ приказываетъ писать духовную и говоритъ боярамъ о мололѣтнемъ своемъ наслѣдникѣ и о томъ, какъ строиться царству послѣ него, великаго князя. Обсуждались, очевидно, дѣла великой важности для государя и государства; но въ этомъ обсужденіи изъ всѣхъ бояръ, которыхъ значилось по списку того года болѣе 20, сначала участвовали только пятеро. Послѣ уже великій князь

призвалъ, «прибавилъ къ себѣ въ думу къ духовной грамотѣ» еще троихъ. Эти восемь бояръ были *послухами* при составленіи духовной. Бояре, очевидно, приглашались на засѣданіе не по степени ихъ знатности, а по степени ихъ близости къ государю или надобности ихъ въ данномъ случаѣ: князь И. В. Шуйскій приглашенъ послѣ дворецкаго Шигоны и казначея Головина, которые стояли на много ступеней ниже его по разрядамъ, но по должностямъ своимъ были нужнѣе его при обсужденіи правительственныхъ и особенно хозяйственныхъ подробностей завѣщанія. Князь М. Л. Глинскій стоялъ по разрядамъ очень высоко, но былъ человѣкъ пріѣзжій, еще не освоившійся въ московской боярской средѣ. Великій князь призвалъ его послѣ всѣхъ, напередъ поговоривъ объ этомъ съ другими боярами, и призвалъ только потому, что онъ былъ родня великой княгинѣ, человѣкъ близкій къ семейству, судьба котораго устроялась въ духовной. Но этимъ засѣданіемъ не все кончилось. Чрезъ нѣсколько дней собрались къ больному *всѣ* бояре. Многіе изъ нихъ, кого не было въ Москвѣ, поспѣшили возвратиться изъ своихъ вотчинъ, услыхавъ о болѣзни государя. Приглашены были также митрополитъ и братья великаго князя. Такимъ образомъ у постели умирающаго Василія составилось собраніе боярской думы, какого по полнотѣ вѣроятно не бывало прежде во все его княженіе. Здѣсь государь опять говорилъ о сынѣ наслѣдникѣ, о земскомъ строеніи, т. е. повторилъ передъ всѣми боярами сущность того, о чемъ шла рѣчь на тайномъ совѣщаніи, передалъ собственно политическую часть составленной на немъ духовной. Бесѣду свою онъ закончилъ признаніемъ, что видитъ въ боярахъ главныхъ дѣльцовъ земскаго дѣла, самую надежную опору государственнаго порядка и своего малолѣтняго сына. Отпустивъ митрополита и братьевъ и оставивъ при себѣ «бояръ своихъ всѣхъ», больной говорилъ: «мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре; такъ постойте, братья, крѣпко, чтобы сынъ мой учинился на государствѣ государемъ и была въ землѣ правда; будьте всѣ сообща, дѣло земское и сына моего дѣло берегите и дѣлайте заодинъ». Такъ говорилъ передъ смертью московскій государь,

о которомъ при его жизни и послѣ разсказывали, что онъ лишилъ бояръ голоса въ высшемъ государственномъ управленіи, всѣ дѣла рѣшалъ у себя въ спальнѣ съ двумя-тремя любимцами. Черезъ два дня Василій опять призываетъ къ себѣ тѣхъ же самыхъ восемь бояръ и двухъ дьяковъ, съ которыми онъ прежде думалъ о духовной, и 4 часа совѣтуется съ ними о сынѣ наслѣдникѣ и объ устроеніи земскомъ; но для совѣщанія о своей княгинѣ, какъ ей безъ него быть и какъ къ ней боярамъ ходить по дѣламъ управленія, онъ оставляетъ изъ этихъ бояръ только троихъ самыхъ близкихъ. Умирающій государь спѣшитъ сдѣлать всѣ предсмертныя распоряженія по общимъ государственнымъ и по своимъ дѣламъ. Сообразно съ тѣмъ онъ призываетъ къ себѣ большее или меньшее количество совѣтниковъ, думу о духовной начинаетъ съ семью боярами и дьяками, а оканчиваетъ съ десятью, думаетъ съ дворецкимъ и дьякомъ, кого изъ бояръ «пустить» въ ту думу, а съ боярами говоритъ, что надобно «прибавить» въ думу кн. М. Глинскаго. Но отъ этихъ собраній, составлявшихся по особому подбору лицъ, какъ составлялась дума въ удѣльные вѣка, явственно отличается совѣщаніе со *всьми* наличными боярами и только съ боярами, безъ митрополита и безъ братьевъ великаго князя. Это постоянный государственный совѣтъ, боярская дума новой формаціи, а тѣ измѣнчивыя по составу собранія—частный совѣтъ государя *). Такимъ является тѣсный кабинетъ при великомъ князѣ Василіи. Это не дума втроемъ: самъ-третей великій князь обсуждаетъ только выборъ бояръ для тайнаго совѣщанія. Подумать объ этомъ надобно было прежде всего: тогда этотъ кабинетъ не имѣлъ опредѣленнаго постояннаго состава. Члены его назначались особо для каждаго совѣщанія и должны были мѣняться по свойству подлежавшихъ обсужденію вопросовъ и по другимъ причинамъ. Еслибы были постоянные члены кабинета, больной Василій Ивановичъ не сталъ бы спрашивать у Шигоны и Путятина, кого изъ бояръ позвать на совѣщаніе о духовной.

---

*) Полн. Собр. Р. Лѣт. VI, 268—272. Сборн. Имп. Ист. Общ. XXXV, 858.

При сходныхъ обстоятельствахъ и съ такимъ же значеніемъ является тѣсный совѣтъ въ царствованіе Васильева сына. Въ 1553 году, опасно занемогши, царь Иванъ поспѣшилъ составить духовную и привести бояръ къ присягѣ на имя новорожденнаго царевича Димитрія. Для этого сначала призваны были въ думу нѣкоторые бояре. Послѣ засѣданія, полнаго шумныхъ пререканій, большинство приглашенныхъ присягнуло. Эту думу лѣтописецъ ясно отличаетъ отъ думы всѣхъ бояръ, разсказывая, что на другой день послѣ того, какъ царь привелъ къ присягѣ *ближнихъ* бояръ, онъ призвалъ *всѣхъ* своихъ бояръ и пригласилъ ихъ къ присягѣ. Къ началу тогдашняго 1553 года по списку значилось 47 бояръ и окольничихъ, не считая думныхъ дворянъ и другихъ членовъ думы, а на совѣтъ ближнихъ людей, сколько можно судить о томъ по неясному разсказу лѣтописи, приглашены были до 10 бояръ, 1 окольничій, 1 думный дьякъ и 2 думныхъ дворянина изъ бывшихъ спальниковъ, которые явились къ присягѣ уже послѣ засѣданія предварительной думы. Этотъ совѣтъ въ дипломатическихъ актахъ времени Грознаго и называется *ближнею думой*. Такъ въ грамотѣ цесаревымъ посламъ 1575 г. царь пишетъ о Н. Р. Юрьевѣ, кн. В. А. Сицкомъ и дьякѣ ближнемъ А. Щелкаловѣ, что посылалъ къ нимъ, посламъ, для переговоровъ «бояръ, ближнюю свою думу»; думные дворяне Зюзинъ и Черемисиновъ, бывшіе въ числѣ уполномоченныхъ при заключеніи перемирія съ Баторіемъ въ 1578 г., названы «ближніе думы дворянами» *).

Съ царствованія Грознаго ближняя дума не разъ мелькаетъ въ своихъ и иностранныхъ извѣстіяхъ о высшемъ московскомъ управленіи. Она носила еще названіе *тайной думы:* въ московскомъ переводѣ письма эрцгерцога австрійскаго Максиміліана къ Б. Ѳ. Годунову 1587 г. этотъ ближній бояринъ названъ «начальнымъ тайные думы думцемъ». Флетчеръ, разсказывая о боярской думѣ царя Ѳедора Ивановича, говоритъ очень неясно и сбивчиво; но самая эта сбивчивость не лишена нѣ-

---

*) Акты А. Эксп. т. I, стр. 142. П. С. Р. Лѣт. VI, 168 и сл. Царств. кн. 339—343. Пам. дипл. снош. I, 501. *Котошихинъ*, стр. 20.

котораго интереса. Онъ различаетъ бояръ думныхъ и простыхъ недумныхъ; послѣднимъ титулъ бояръ дается больше для почета, потому что на *общій* совѣтъ ихъ приглашаютъ рѣдко или никогда не приглашаютъ. Думные бояре—это тѣ, которые на самомъ дѣлѣ принадлежатъ къ *особому* тайному совѣту царя, собирающемуся ежедневно для обсужденія государственныхъ дѣлъ *). Перечисливъ поименно думныхъ людей, которыхъ было 31, Флетчеръ прибавляетъ, что всѣ они принадлежатъ къ особому совѣту царя, хотя немногіе изъ нихъ приглашаются на совѣщанія, потому что всѣ дѣла обсуждаются и рѣшаются Б. Ѳ. Годуновымъ, братомъ царицы, съ пятью или шестью другими лицами, которыхъ онъ заблагоразсудитъ призвать. Выходитъ, что кромѣ общаго былъ еще особый частный совѣтъ у государя, что члены только этого особаго совѣта, собиравшагося правильно каждый день, носили званіе думныхъ бояръ, и однако большинство ихъ, какъ и бояръ недумныхъ, не приглашали на засѣданія, что наконецъ собирался еще совѣтъ, состоявшій изъ Годунова съ нѣсколькими по его усмотрѣнію назначаемыми лицами, который собственно и рѣшалъ всѣ дѣла. Флетчеръ, очевидно, перепуталъ сдѣланныя ему сообщенія. Иностранцы въ своихъ запискахъ о Московіи обыкновенно называютъ боярами и тѣхъ недумныхъ придворныхъ сановниковъ, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, которыхъ они встрѣчали въ нарядномъ платьѣ, идя представляться государю: такъ, можетъ быть, они и величались въ просторѣчіи, на неоффиціальномъ языкѣ. Флетчеру говорили въ Москвѣ, что эти сановники не думные люди, хотя и зовутся боярами, что настоящіе бояре тѣ, которые каждый день съѣзжаются въ бояр-

*) Of the Russe Common Wealth, chapt. 11: They which are of his speciall and privie counsell indeed (whom hee useth daily and ordinarly for all publique matters perteining to the state) have the addition of *dumnoy* and are named *dumnoy boiaren* or lords of the counsell. Учрежденіе или засѣданіе этихъ «лордовъ совѣта» (their office or sitting) Флетчеръ называетъ *boarstva dumna*. Если подъ этими звуками скрывается *боярская дума*, то, значитъ, этотъ терминъ, не встрѣчающійся въ нашихъ памятникахъ, употреблялся на языкѣ московскаго общества XVI в.

скую думу, что есть еще ближняя дума, созываемая по временамъ изъ немногихъ лицъ, которыя принадлежатъ къ числу тѣхъ же думныхъ людей, и этою думой заправляетъ теперь Годуновъ, первый у государя человѣкъ, который у него всякія дѣла дѣлаетъ. Не разобравъ всѣхъ этихъ тонкостей, Флетчеръ не могъ хорошенько отличить общаго боярскаго совѣта отъ частной ближней думы. Несмотря на то, его разсказъ, изображая Годунова дѣйствительнымъ предсѣдателемъ и руководителемъ особаго тѣснаго совѣта, лучше всего объясняетъ выраженіе Максиміанова письма, въ которомъ Борисъ названъ начальнымъ думцемъ тайной думы. Объ этой думѣ, какой была она въ 1600—1606 годахъ, Маржеретъ, жившій тогда въ Москвѣ, пишетъ, что въ случаѣ дѣлъ важныхъ собирался тайный совѣтъ, состоявшій обыкновенно изъ близкихъ царскихъ родственниковъ. Присутствіе царской или царицыной родни было особенностью ближней думы, объясняющеюся самымъ характеромъ этого полудомашняго совѣта царя, а въ началѣ царствованія Бориса Годунова встрѣчаемъ восемь членовъ его фамиліи въ званіи бояръ и окольничихъ. Описаніе ближней думы царя Алексѣя у Котошихина совершенно согласно съ извѣстіями иностранцевъ о тайномъ совѣтѣ прежнихъ царей. Эта дума созывалась, когда царю нужно было о чемъ-нибудь «мыслить тайно»; она состояла изъ однихъ ближнихъ бояръ и окольничихъ; изъ прочихъ думныхъ людей имѣлъ доступъ «въ тое палату въ думу» лишь тотъ, кто получалъ особое приглашеніе. Рейтенфельсъ, бывшій въ Москвѣ въ концѣ царствованія Алексѣя, отличалъ еще комнатныхъ бояръ, какъ особенно довѣренныхъ совѣтниковъ, отъ простыхъ, хотя подобно Флетчеру и другимъ дѣлилъ боярство на думное и недумное. Но въ концѣ вѣка, когда старое московское управленіе уже разрушалось, Корбъ называетъ тайнымъ совѣтомъ то, что оставалось тогда отъ прежней боярской думы. Въ началѣ XVIII в. названія, заимствованныя частію отъ тайной ближней думы, носятъ учрежденія, очень мало на нее похожія *).

---

*) *Ближняя канцелярія* въ русскихъ актахъ и *тайный совѣтъ* у Плейера въ запискѣ 1710 г.—Пам. диплом. снош. т. I, стр. 973.

При недостаткѣ извѣстій трудно сказать, измѣнялись ли устройство и значеніе ближней думы впродолженіе XVI и XVII в. Но можно съ нѣкоторой точностью обозначить ея происхожденіе и свойство занятій, составъ и отношеніе въ думѣ всѣхъ бояръ. Она созывалась, когда государю нужно было о чемъ-нибудь помыслить тайно съ ближайшими довѣренными совѣтниками. Потребность въ такихъ тайныхъ совѣщаніяхъ вызывалась перемѣнами, происшедшими въ высшемъ московскомъ управленіи съ конца XV вѣка *). Московскіе государи теперь видѣли себя въ совершенно новой правительственной обстановкѣ, къ какой не привыкли ихъ предки удѣльнаго времени. Рядомъ съ прежними дворцовыми учрежденіями воздвиглось новое зданіе государственнаго управленія съ новыми органами и задачами. Прежніе привычные совѣтники, дворцовые бояре введенные, не всѣ и не всегда имѣли мѣсто въ боярской думѣ, а новые думные люди вѣдали недворцовыя дѣла. Центральное управленіе раздѣлилось на двѣ сферы, на собственно государеву и государственную, «земскую», на дворцовую и боярскую, изъ которыхъ одной государь руководилъ непосредственно, а другой посредствомъ боярской думы. Такъ при дворѣ явились дѣла и люди, выдѣлявшіеся изъ общаго государственнаго управленія и правительственнаго штата, стоявшіе въ ближайшемъ отношеніи къ государю. По немногимъ уцѣлѣвшимъ извѣстіямъ о ближней думѣ можно различить три рода дѣлъ, для обсужденія которыхъ она созывалась. Прежде всего это были вопросы, касавшіеся не общаго государственнаго управленія, а болѣе тѣсной придворной сферы. Они обыкновенно не шли въ думу всѣхъ бояръ, а разрѣшались непосредственно самимъ государемъ. Не боярской думѣ было обсуждать, какъ обрядить какое-нибудь необычное торжество при дворѣ или богомольную поѣздку государя, какъ на всякій случай устроить изъ дворцовыхъ доходовъ хозяйственное положеніе

Устрялова, Сказ. современ. о Димитріи Самозванцѣ, т. III, стр. 35. *Котошихинъ,* стр. 20. *Рейтенфельсъ* въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1839 г. іюль, стр. 26. Дневникъ *Корба,* стр. 277 и 316.

*) См. выше гл. XIII.

великой княгини или засидѣвшейся великой княжны; но поговорить объ этомъ было необходимо съ тѣми или другими совѣтниками. Вносить такіе вопросы въ совѣтъ всѣхъ бояръ ужъ потому было неудобно, что дворцовые сановники, которые прежде другихъ могли «къ тому дѣлу дать способъ», нужныя справки, кравчій, ясельничій, самъ дворецкій часто не были думными людьми, не ходили «въ палату» и не сидѣли «съ бояры». Съ другой стороны, порядокъ думскаго дѣлопроизводства, установившійся при новомъ устройствѣ высшаго управленія, побуждалъ государя созывать особый тайный совѣтъ и для обсужденія дѣлъ государственныхъ. Боярская дума слушала доклады по разнымъ частямъ государственнаго управленія и давала на нихъ резолюціи. Предварительная разработка вопроса, подготовка основаній для резолюціи лежала на докладчикѣ или поручалась тому приказу, который могъ дать нужныя справки. Но возникали вопросы экстреннаго, такъ сказать, учредительнаго свойства, которые не устанавливались въ колею обычнаго дѣлопроизводства и доложить о которыхъ въ думѣ не пришлось бы никому изъ управляющихъ отдѣльными вѣдомствами. Иниціатива законодательной постановки такого вопроса, какъ бы онъ ни возбуждался, принадлежала верховному предсѣдателю думы, государю. Но самая важность или сложность такихъ вопросовъ дѣлала необходимымъ предварительное ихъ обсужденіе. Оно вызывалось двоякой потребностью: государю надобно было самому приготовиться къ дѣлу и подготовить къ нему бояръ. Предварительное совѣщаніе съ ближними людьми было нужно государю, чтобы предлагая вопросъ думѣ всѣхъ бояръ, можно было не только «мысль свою объявить», какъ выразился Котошихинъ, но и мотивировать ее, какъ говорятъ въ наше время, дать дѣлу извѣстную постановку и направленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ предварительное совѣщаніе было средствомъ для государя подготовить бояръ къ своему предложенію. Это было особенно нужно въ вопросахъ спорныхъ и щекотливыхъ, способныхъ вызвать «крикъ и шумъ великъ и рѣчи многія во всѣхъ боярехъ», а подобные вопросы бывали и у московскихъ государей. Такое именно значеніе имѣло предварительное за-

сѣданіе ближнихъ бояръ при больномъ царѣ Иванѣ въ 1553 г. по дѣлу о присягѣ его сыну наслѣднику, сколько можно судить о томъ по разсказу лѣтописца. Ближніе бояре были наиболѣе родовитые и вліятельные люди, вожди боярства, къ голосу которыхъ всѣ прислушивались въ думѣ. Склонить ихъ въ желаемую сторону значило обезпечить мирный успѣхъ дѣла, провести вопросъ въ думѣ безъ шума. Наконецъ, возникали дѣла государственныя, которыя подобно дворцовымъ неудобно было и вносить въ думу всѣхъ бояръ. Думское дѣлопроизводство соединено было съ нѣкоторыми формальностями, сообщало дѣлу извѣстную гласность, возлагало на правительство извѣстную отвѣтственность. Поэтому дѣла, которыя не терпѣли такихъ формальностей или въ которыхъ надобно было избѣгнуть гласности и отвѣтственности, проводились черезъ тайный совѣтъ и не доходили до боярской думы. Всего чаще внѣшняя политика возбуждала такіе секретные вопросы. Извѣстно одно любопытное засѣданіе ближней думы при царѣ Алексѣѣ по такому дѣлу. Въ 1659 г. послано было въ Малороссію войско подъ начальствомъ кн. А. Н. Трубецкаго на гетмана Выговскаго и измѣнившихъ Москвѣ черкасъ. Кн. Трубецкому данъ былъ наказъ уговаривать казаковъ къ повиновенію, въ случаѣ успѣха привести ихъ къ присягѣ на вѣрность, а гетмана смѣнить и выбрать другого, въ противномъ случаѣ идти войной на измѣнниковъ. Всѣ эти статьи наказа были обдуманы и приняты царемъ, разумѣется, вмѣстѣ со всѣми боярами. Но царю не хотѣлось рисковать, предоставляя оружію рѣшеніе дѣла: онъ искалъ болѣе надежнаго и мирнаго пути къ цѣли. Черезъ нѣсколько времени по выступленіи Трубецкаго изъ Москвы въ дополненіе къ данному ему открытому наказу послана была особая секретная инструкція, которой онъ долженъ былъ воспользоваться, если представится случай: здѣсь предписывалось воеводѣ войти въ сношенія съ Выговскимъ и покончить борьбу безъ крови, полюбовной сдѣлкой. Эта инструкція доложена была только царю и пяти *комнатнымъ* боярамъ: царь слушалъ статьи новаго наказа во время церковной службы, въ трапезѣ дворцовой церкви, а комнатные бояре въ комнатахъ.

Легко понять, что по самому своему характеру ближняя дума не могла имѣть опредѣленнаго вѣдомства: у нея не было текущихъ дѣлъ; вѣдомство ея состояло изъ особо важныхъ случайностей. Ординъ-Нащокинъ въ одномъ письмѣ къ царю Алексѣю писалъ, что «въ Московскомъ государствѣ искони, какъ и во всѣхъ государствахъ», посольскія, т. е. дипломатическія дѣла вѣдаютъ люди «тайной ближней думы». Но знаменитый московскій дипломатъ говорилъ здѣсь о томъ, что важныя дипломатическія порученія, какъ и управленіе Посольскимъ приказомъ, всегда возлагались на ближнихъ думныхъ людей, а не о томъ, что дѣла внѣшней политики были исключительнымъ достояніемъ ближней думы. Въ XVII в., какъ и прежде, эти дѣла вѣдалъ государь съ думой всѣхъ бояръ, а не съ одними ближними, обсуждая съ послѣдними только дѣла особенно секретныя. По характеру своей дѣятельности ближняя дума не могла также имѣть ни правильныхъ срочныхъ засѣданій, ни постояннаго состава. Царь обыкновенно призывалъ въ эту думу ближнихъ думныхъ людей; но они становились тайными совѣтниками государя не въ силу своего оффиціальнаго званія думныхъ людей, государственныхъ совѣтниковъ, а по личному усмотрѣнію или довѣрію къ нимъ государя. Потому въ этотъ совѣтъ могли быть призваны вмѣстѣ съ думными ближними людьми и думные люди, не входившіе въ штатъ ближнихъ, на что прямо указываетъ Котошихинъ, и ближніе люди, не принадлежавшіе къ штату думныхъ, на что есть косвенныя указанія. Ни въ XVI вѣкѣ, ни позднѣе не замѣтно духовныхъ лицъ въ числѣ постоянныхъ членовъ боярской думы; но есть нѣкоторое основаніе предполагать, что знаменитый священникъ Сильвестръ имѣлъ мѣсто на засѣданіяхъ ближняго совѣта при царѣ Иванѣ. Изображая значеніе, какое имѣлъ Сильвестръ при дворѣ и въ управленіи, лѣтопись замѣчаетъ, что онъ былъ у государя «въ великомъ жалованьи и совѣтѣ духовномъ и въ *думномъ*». Что еще любопытнѣе, есть слѣды присутствія въ тайномъ совѣтѣ высшихъ дворцовыхъ сановниковъ, которые, не принадлежа къ членамъ боярской думы, входили въ составъ *комнаты*, были ближними людьми.

Извѣстенъ рядъ относящихся къ 1653 г. формулъ, по которымъ должны были присягать царю, царицѣ и ихъ дѣтямъ люди разныхъ чиновъ. Бояре, окольничіе и всѣ думные люди обязывались между прочимъ «государскія думы и боярскаго приговору до государева указу никому не проносить и не сказывать»; дворцовые сановники, кравчій, постельничій и всѣ люди, которые «у государя живутъ въ комнатѣ», клялись никому не проносить и не сказывать только «государскія *тайныя* думы» или просто «государскія думы», не распространяя этого обязательства на боярскіе приговоры, т. е. на постановленія боярской думы, въ которой они не имѣли мѣста. Значитъ, составъ ближней думы вполнѣ зависѣлъ отъ воли государя, тогда какъ въ выборѣ членовъ боярскаго совѣта онъ сообразался съ боярскимъ отечествомъ, съ родословной очередью, жаловалъ многихъ въ бояре не по личной оцѣнкѣ, а по аристократическому старшинству, «не по разуму ихъ, а по великой породѣ», какъ выразился Котошихинъ *).

Созывая совѣтъ ближнихъ людей, государь этимъ самымъ косвенно выражалъ свое признаніе думы всѣхъ бояръ, какъ постояннаго и въ извѣстной степени самостоятельнаго государственнаго совѣта. Это признаніе выражалось и въ свойствѣ дѣлъ, какія вѣдала ближняя дума, и въ самомъ ея составѣ. Она была личнымъ совѣтомъ государя по дѣламъ особаго рода. Одни изъ этихъ дѣлъ обсуждались въ ближнемъ совѣтѣ прежде поступленія въ боярскую думу; другія обсуждались и рѣшались въ томъ совѣтѣ, потому что не могли быть внесены въ эту думу. Значитъ, по однимъ дѣламъ ближній совѣтъ былъ для боярской думы учрежденіемъ подготовительнымъ, по другимъ учрежденіемъ вспомогательнымъ, восполнявшимъ дѣятельность этой думы, разрѣшавшимъ вопросы, которые не укладывались въ установившійся порядокъ думскаго дѣлопроизводства. Въ томъ и другомъ значеніи ближній совѣтъ не устранялъ обычной правительственной дѣятельности боярской думы, а только

*) Доп. къ III т. Дв. Разр. 165. *Соловьевъ,* XI, 62; XII, 65. Царств. кн. 342. П. С. Зак. № 114.

точнѣе опредѣлялъ сферу этой дѣятельности и подтверждалъ необходимость и неприкосновенность усвоеннаго ею порядка и политическаго значенія. Ближній совѣтъ въ его первоначальномъ и простѣйшемъ видѣ даже нельзя назвать учрежденіемъ въ строгомъ смыслѣ слова: это была частная предварительная справка государя о дѣлѣ у близкихъ или свѣдущихъ людей, имѣвшая болѣе нравственное, чѣмъ политическое значеніе, оставлявшая слѣдъ во взглядѣ, въ настроеніи государя, а не въ протоколѣ. Вотъ почему въ правительственныхъ актахъ этотъ совѣтъ почти не замѣтенъ. Съ другой стороны, по составу ближней думы легко замѣтить черты сходства этого интимнаго совѣта съ прежней думой бояръ введенныхъ. Тотъ и другая обыкновенно состояли изъ очень ограниченнаго круга лицъ; въ томъ и въ другой выборъ этихъ лицъ зависѣлъ исключительно отъ усмотрѣнія государя, руководившагося при этомъ прежде всего довѣріемъ къ призываемому совѣтнику; наиболѣе постояннымъ элементомъ въ составѣ ближней думы, какъ и въ думѣ удѣльнаго времени, были дворцовые сановники; большинство тайныхъ совѣтниковъ московскаго государя состояло изъ людей думныхъ и вмѣстѣ ближнихъ, а люди, соединявшіе въ себѣ оба эти званія, и въ XVI в. еще назывались иногда постарому «введенными». Но если чувствовали потребность имѣть особый совѣтъ съ такимъ характеромъ и составомъ рядомъ съ думой всѣхъ бояръ, то за послѣдней, очевидно, признавали не то значеніе, не тѣ задачи и свойства, какія имѣлъ первый: значитъ, признавали, что составъ ея не вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія государя, а долженъ согласоваться съ боярской іерархіей, что эта дума есть постоянно дѣйствующее учрежденіе, которое направляетъ текущія дѣла, что и нѣкоторыя особо важныя дѣла должны проходить чрезъ нее же, хотя бы они уже обсуждались въ ближней думѣ,—словомъ, признавали, что это не государевъ только, но и государственный совѣтъ. Такой іерархическій подборъ членовъ и такое значеніе постояннаго совѣта, обсуждающаго всѣ дѣла законодательнаго характера, боярская дума получила благодаря новому составу московскаго боярства и новымъ правительствен-

нымъ потребностямъ объединеннаго государства. Потому слѣды ближней думы и появляются со второй половины XV вѣка: уже въ актахъ княженія Ивана III нѣкоторые московскіе бояре называются ближними. Легко понять однако, что ближній совѣтъ, оставаясь полуоффиціальнымъ и предварительнымъ, долженъ былъ имѣть большое вліяніе на общую думу: когда государь приносилъ въ послѣднюю мнѣніе, внушенное тайными совѣтниками, его политическій авторитетъ и служилое приличіе обыкновенно заставляли бояръ соглашаться съ нимъ. Только на это вліяніе имѣлъ основаніе жаловаться Берсень въ бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ, а не на устраненіе боярской думы отъ дѣлъ ближнею думой государя втроемъ въ спальнѣ.

Глава XVII.

Опричнина Грознаго была дальнѣйшимъ развитіемъ комнаты и завершеніемъ этого признанія.

Эта знаменитая опричнина по происхожденію своему была тѣсно связана съ ближней думой, даже можетъ быть названа эпизодомъ изъ ея исторіи.

Учрежденіе это всегда казалось очень страннымъ какъ тѣмъ, кто страдалъ отъ него, такъ и тѣмъ, кто его изслѣдовалъ. Разсорившись съ своимъ боярствомъ, царь Иванъ покинулъ въ 1564 г. Кремль, Москву, всѣ свои «государства» и самый титулъ царя, учредилъ себѣ новый дворъ, для котораго отобралъ нѣсколько улицъ въ Москвѣ и нѣсколько областей въ государствѣ, оставивъ другія улицы и области подъ властью боярской думы и подчиненныхъ ей приказовъ, началъ скромно зваться Иванцомъ Васильевымъ, княземъ московскимъ, ходить и ѣздить въ «смирномъ» черномъ платьѣ и немилостиво казнить тѣхъ, кого считалъ измѣнниками. Государь, потратившій столько усилій мысли, чтобъ усвоить себѣ понятіе о единствѣ верховной власти, ввелъ «раздѣленіе земли и градовъ»; объявивъ предъ лицомъ земли, что всѣ бояре измѣнники и что на простыхъ людей царской опалы и гнѣва нѣтъ, онъ оставилъ

этихъ вѣрныхъ ему простыхъ людей земли подъ властью боярской думы, наполненной измѣнниками. Если все это не простое сумасбродство, то очень похоже на политическій маскарадъ, гдѣ всѣмъ государственнымъ силамъ нарочно даны несвойственныя имъ роли и поддѣльныя физіономіи.

Скудныя извѣстія объ опричнинѣ далеко не все въ ней выясняютъ, оставляя много мѣста для догадокъ. Впрочемъ нѣкоторые характерные моменты и обстоятельства дѣла обозначены въ памятникахъ довольно явственно, и ихъ надобно прежде всего припомнить. Побѣгъ въ Литву нѣсколькихъ видныхъ слугъ, особенно кн. Курбскаго, и устроенное не безъ его участія двустороннее нападеніе изъ Литвы и Крыма заставили царя Ивана въ 1564 г. пережить страшную тревогу. Благополучно избѣгнувъ опасностей, въ которыхъ видѣлъ дружное дѣло внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, мнительный царь сталъ молча готовиться къ оборонѣ, особенно противъ послѣднихъ. Въ концѣ года онъ съ семействомъ, ближними людьми и большимъ обозомъ, никому ничего не сказавъ, вдругъ уѣхалъ куда-то и зачѣмъ-то. Черезъ мѣсяцъ изъ Александровской Слободы онъ прислалъ митрополиту грамоту, въ которой клалъ свой царскій гнѣвъ не на однихъ бояръ, но и на духовенство, на служилыхъ и приказныхъ людей, на всѣ правящіе классы, за ихъ беззаконія, мятежи, расхищеніе государевыхъ земель и казны, нерадѣніе въ защитѣ государства отъ враговъ: не терпя ихъ измѣнныхъ дѣлъ, царь и «оставилъ свое государство» и поѣхалъ поселиться, гдѣ Богъ укажетъ. Высшему духовенству и боярамъ, пріѣхавшимъ изъ растерявшейся отъ ужаса Москвы со слезнымъ челобитьемъ къ царю править, какъ ему угодно, Иванъ отвѣчалъ пространнымъ обвиненіемъ бояръ въ исконной враждѣ ихъ къ его предкамъ, въ козняхъ противъ него самого и его семейства, но согласился «паки взять свои государства». Согласіе дано было подъ условіемъ, чтобы царю на своихъ измѣнниковъ и ослушниковъ опалы класть, а иныхъ казнить, имѣніе ихъ брать на себя, чтобы духовенство, бояре и приказные люди все это положили на его государской волѣ, ему въ томъ не мѣшали и чтобъ «учинить ему на своемъ государствѣ оприч-

нину, дворъ ему себѣ и на весь свой обиходъ учинити особной». Къ сожалѣнію, остается неизвѣстенъ хранившійся въ одномъ изъ ящиковъ царскаго архива подлинный «указъ объ опричнинѣ», и мы знаемъ его содержаніе только по изложенію лѣтописца. У этого лѣтописца учрежденіе опричнины поставлено въ прямую связь съ царскимъ условіемъ свободной расправы съ измѣнниками и новый дворъ представляется орудіемъ для приведенія въ дѣйствіе этого условія. При этомъ дворѣ учреждались особые бояре и окольничіе, дворецкій, казначеи, дьяки и всякіе приказные люди, весь дворовый штатъ «на всякій обиходъ». Далѣе на обиходъ царя и обоихъ его царевичей взяты были въ разныхъ мѣстахъ государства, преимущественно центральныхъ и сѣверныхъ, отдѣльныя села, волости и цѣлые города съ уѣздами: все это вмѣстѣ съ дальнѣйшими присоединеніями составляло едва ли не половину всего государства *). Точно такъ же изъ служилыхъ людей царь отобралъ въ опричнину тысячу человѣкъ князей, дворянъ и дѣтей боярскихъ, число которыхъ потомъ было увеличено до 6 тысячъ; имъ даны были помѣстья въ уѣздахъ, взятыхъ въ опричнину, откуда прежніе вотчинники и помѣщики были переведены на новыя земли въ неопричныхъ уѣздахъ. Государство же свое Московское съ его воинствомъ, судомъ и управой царь приказалъ вѣдать и всякія земскія дѣла дѣлать прежнимъ боярамъ, которымъ велѣлъ быть «въ земскихъ», начальникамъ отдѣльныхъ приказовъ и всѣмъ приказнымъ людямъ продолжать свои приказныя дѣла «по старинѣ», а съ докладами «о большихъ дѣлахъ» приходить къ земскимъ боярамъ, самимъ же этимъ боярамъ докладывать государю только «ратныя вѣсти и земскія великія дѣла» **).

Обстоятельства, при которыхъ возникла опричнина, прямо указываютъ на ея назначеніе. Политическая эмиграція съ ея заграничными козням побуждаетъ царя положить опалу на всѣ правящіе классы и отказаться отъ власти; по челобитью москов-

*) Образованіе и составъ опричной территоріи обстоятельно изложены въ изслѣдованіи г. *Платонова* Очерки по исторіи Смуты въ Моск. государствѣ XVI—XVII вв., стр. 141 и сл.

**) Русск. Ист. Библ. III, 255 и сл.

ской депутаціи царь возвращается къ власти на условіи безпрепятственной расправы съ измѣнниками и для этой расправы учреждаетъ опричнину, посредствомъ которой онъ задумалъ вывести измѣну изъ Русской земли. Въ опричнинѣ учреждалась высшая полиція по дѣламъ государственной измѣны; назначенный по уставу учрежденія отрядъ въ тысячу человѣкъ становился корпусомъ дозорщиковъ внутренней крамолы и охранителей безопасности царя и царства, а самъ царь бралъ въ руки полицейскую диктатуру для борьбы съ этою крамолой, становился верховнымъ шефомъ этого корпуса. На такое назначеніе опричниковъ указывали и символическія украшенія даннаго имъ мундира, метла и собачья голова. Рядовые опричники были простыми палачами, не политическими слѣдователями, по указанію царя производили избіенія массами, опустошали цѣлые города и уѣзды. Но такіе верховые люди, какъ Малюта Скуратовъ или кн. Аѳ. Вяземскій, въ застѣнкахъ Александровской Слободы производили розыски по политическимъ доносамъ и по ночамъ въ спальнѣ у царя обдумывали съ нимъ планы борьбы съ его недругами *).

Но устройство опричнины, сколько можно судить о томъ, не вполнѣ отвѣчало такому боевому ея назначенію. По уставу это былъ «особный дворъ на всякій обиходъ» царя и царевичей, дворцовое хозяйственно-административное учрежденіе, только необычно обособленное отъ общегосударственнаго управленія. Все государство было раздѣлено на двѣ половины. Подъ одной верховной властью дѣйствовали два параллельныя управленія, два ряда центральныхъ и областныхъ учрежденій, земскихъ и опричныхъ; явились области земскія и неземскія, сановники земскіе и опричные или «дворовые», какъ они стали потомъ называться, напоминая литовскіе уряды *земскіе* и *дворные*. Въ

*) Одинъ изъ близкихъ къ царю опричниковъ В. Грязной въ письмѣ къ нему изъ крымскаго плѣна хвалился, что онъ и тамъ не забываетъ своего опричнаго дѣла—губить царскихъ измѣнниковъ: «въ Крымѣ что было твоихъ собакъ измѣнниковъ, и Божіимъ милосердіемъ я всѣхъ перекусалъ, всѣ тайно пали отъ руки моей». *Карамзинъ*, IX, 212, прим. 406.

опричнинѣ заведены были особые приказы, однородные по вѣдомствамъ съ старыми земскими, «дворовый» Разрядъ, «дворовый» Большой Приходъ; одна лѣтопись говоритъ, что учреждая опричнину, царь велѣлъ въ Александровской Слободѣ ставить «избы розрядныя», т. е. зданія для приказовъ. Нѣкоторые приказы не были надобны опричнинѣ: у нея не было соотвѣтствующихъ дѣлъ или она могла пользоваться для нихъ земскими приказами, напримѣръ, Челобитнымъ или Ямскимъ. Нѣтъ слѣдовъ опричнаго Посольскаго приказа. Такіе земскіе приказы дѣйствовали въ обѣихъ половинахъ раздвоеннаго царства и имѣли значеніе общеимперскихъ. Въ оффиціальныхъ отношеніяхъ между органами обоихъ управленій не замѣтно антагонизма, напротивъ, видно дружное общеніе и взаимодѣйствіе. Опричные полки съ своими воеводами въ походахъ дѣйствуютъ вмѣстѣ съ земскими; служилые люди служатъ то въ земщинѣ, то въ опричнинѣ; одно и то же дѣло дѣлаютъ, какъ товарищи, лица изъ земщины и опричнины; менѣе родовитый опричный окольничій чтитъ родословное и чиновное старшинство земскаго боярина, ѣздитъ къ нему на подворье по порученному обоимъ дѣлу. Таковы же отношенія и обѣихъ думъ. У царя въ опричнинѣ была своя дума, «свои» бояре, какъ выражается объ нихъ лѣтопись, съ особыми окольничими, думными дворянами и дьяками. Дѣла общегосударственныя, напримѣръ дипломатическія, вела съ докладомъ царю земская дума; у опричной были свои опричныя дѣла. Но иные вопросы царь приказывалъ обсуждать всѣмъ боярамъ, земскимъ и изъ опричнины, и «бояре обои» ставили общее рѣшеніе. На походѣ въ думѣ земскихъ бояръ у царя Малюта Скуратовъ, опричный думный дворянинъ, сидитъ рядомъ съ земскимъ Черемисиновымъ, а В. И. Умной Колычовъ, состоя опричнымъ окольничимъ, продолжаетъ значиться тѣмъ же чиномъ въ спискѣ членовъ земской думы *).

Всего труднѣе понять тревожныя по обстоятельствамъ соображенія, побудившія связать такое дворцовое учрежденіе,

*) *Карамзинъ*, IX, примѣч. 138, 370 и 412. Новгородск. Лѣтописи, изд. Археогр. Комм., 101 и 105. Др. Р. Вивл. ч. XX. *Г. Платоновъ* въ указ. соч. стр. 154 и 156.

какъ опричнина, съ даннымъ ей полицейско-политическимъ назначеніемъ, и объяснить, для чего оно понадобилось при существованіи стараго вѣдомства Большаго Дворца, оставшагося въ земщинѣ. Отвѣта на эти вопросы надобно искать въ особенностяхъ опричнаго устройства, которыхъ не было въ земщинѣ и въ которыхъ должны были сказаться потребности, вызвавшія учрежденіе опричнины.

Опричнина въ XVI в. было уже устарѣлое слово, которое тогдашняя московская лѣтопись перевела выраженіемъ «особный дворъ». Этотъ терминъ былъ заимствованъ изъ удѣльнаго языка: такъ назывались особыя выдѣленныя владѣнія, преимущественно тѣ, которыя отдавались въ полную собственность княгинямъ-вдовамъ, въ отличіе отъ данныхъ въ пожизненное пользованіе, отъ *прожитковъ*. Въ актахъ XVI в. *опричный* значитъ чужой, сторонній, не принадлежащій къ извѣстному обществу или уѣзду. Кн. Курбскій подыскалъ мѣткій этимологическій синонимъ этого термина, но только этимологическій, назвавъ опричниковъ «кромѣшниками», удачно играя буквальнымъ и переноснымъ смысломъ этого слова. Никогда прежде не существовало удѣла, состоявшаго изъ тѣхъ именно городовъ, какіе взяты были царемъ въ опричнину. Но Иванъ поступалъ согласно съ преданіемъ удѣльныхъ вѣковъ, составивъ свой новый удѣлъ частію изъ городовъ, принадлежавшихъ къ старинной вотчинѣ московскихъ князей, каковы были Можайскъ, Устюгъ, Медынь, Ярославецъ, частію изъ недавнихъ сравнительно пріобрѣтеній московскихъ государей, какими были Двина, Вага, Вязьма, Бѣлевъ, наконецъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сельскихъ волостей, разбросанныхъ въ Московскомъ и другихъ уѣздахъ, которые не были взяты въ опричнину. Изъ такихъ именно разрядовъ земель и съ такой же черезполосицей предки Грознаго составляли удѣлы своимъ дѣтямъ въ духовныхъ грамотахъ. Самое управленіе въ опричнинѣ было устроено по старому удѣльному образцу, сколько можно судить о томъ по скуднымъ остаткамъ опричной администраціи. Какъ въ удѣльное время привилегированное лицо получало право судиться у самого князя или его боярина введеннаго; такъ и теперь въ

жалованной грамотѣ игумену Махрищскаго монастыря 1571 г. царь писалъ объ искахъ стороннихъ людей на игуменѣ съ братіей или на ихъ слугахъ и крестьянахъ: «а сужу ихъ язъ, царь и великій князь, или мой бояринъ введенный *у насъ въ опришнинѣ*». Какъ въ удѣльное время все центральное управленіе заключалось въ предѣлахъ дворцоваго вѣдомства, дворъ князя составлялъ собственно княжеское правительство; такъ и опричнина нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ея учрежденія, когда самое имя ея за ея беззаконія успѣло страшно всѣмъ опротивѣть, была переименована во *дворъ*, а бояре и дворяне опричные въ бояръ и дворянъ *дворовыхъ*. Самымъ опричнымъ своимъ титуломъ царь противополагалъ опричнину землѣ, какъ удѣльную часть всему національному и государственному, земскому цѣлому: нѣкоторое время онъ оффиціально назывался просто «княземъ *московскимъ*», даже не великимъ, предоставивъ титулъ «великаго князя *всея Руси*» поставленному имъ во главѣ земщины крещеному хану касимовскому Симеону. Наконецъ, не лишено значенія извѣстіе, что Грозный хотѣлъ, чтобы старшій сынъ его, какъ царь, наслѣдовалъ земщину, а второй, какъ удѣльный князь, опричнину.

Рядомъ съ этими удѣльными архаизмами въ опричнинѣ замѣтны признаки дворянскаго, противобоярскаго демократизма. Не сохранился списокъ опричниковъ, о которомъ говорили Флетчеру въ Москвѣ 4 года спустя по смерти Грознаго, и мы лишены возможности составить точное понятіе о соціальномъ составѣ опричнаго корпуса. Хотя въ него попадали знатные люди въ родѣ князей Трубецкаго, Одоевскаго, Телятевскаго, но извѣстно, что въ опричнинѣ не любили ни родословныхъ людей, ни родословныхъ счетовъ. Самъ царь въ письмѣ къ упомянутому Грязному выразительно характеризуетъ генеалогическій подборъ своей «кромѣшной» дружины, какъ общества худородныхъ «страдниковъ», которыхъ онъ сталъ приближать къ себѣ вмѣсто измѣнниковъ бояръ. Значитъ, опричнинѣ не къ лицу было заниматься предками, и она надолго оставила по себѣ память въ боярствѣ своимъ невѣжественнымъ отношеніемъ къ мѣстническимъ правиламъ и приличіямъ. Послѣ спорившіе о

мѣстахъ, желая показать, что извѣстный служебный *случай* неправиленъ и не имѣетъ цѣны, говорили: «то дѣялось въ опричнинѣ». Тотъ же Грязной, опричный думный дворянинъ изъ алексинскихъ дѣтишекъ боярскихъ, тѣшившій царя застольными шутками и хвалившійся, что онъ «великій человѣкъ», въ отвѣтномъ письмѣ къ царю едва ли не первый высказалъ мысль, отрицавшую самыя основы мѣстничества: «ты, государь, какъ Богъ, и малаго дѣлаешь великимъ». Все это развязывало руки царю, открывало ему полный просторъ въ выборѣ совѣтниковъ, въ придворныхъ и должностныхъ назначеніяхъ, безъ досаднаго упрямства со стороны хранителей родословной и разрядной чести своихъ отцовъ и дѣдовъ. Въ опричнинѣ онъ чувствовалъ себя дома, настоящимъ древнерусскимъ государемъ-хозяиномъ среди своихъ холоповъ-страдниковъ, могъ безъ помѣхи проводить свою личную власть, стѣсненную въ земщинѣ нравственно-обязательнымъ почтеніемъ къ почитаемымъ всѣми преданіямъ и обычаямъ *).

Эти особенности служилаго штата и внутреннихъ отношеній опричнины сближаютъ ее съ государевой *комнатой*, съ кругомъ *ближнихъ* людей государева двора. Таково прямое, открытое значеніе, какое царь хотѣлъ придать опричнинѣ въ глазахъ другихъ: это не что-либо новое и чрезвычайное, а обычный подборъ близкихъ людей. Московскимъ гонцамъ на вопросъ въ Литвѣ, что такое московская опричнина, велѣно было въ 1569 г. отвѣчать: «мы не знаемъ опричнины; кому велитъ государь жить близь себя, тотъ и живетъ близко, а кому далеко, тотъ живетъ далеко». Выше было указано происхожденіе ближней думы и ея отношеніе къ общей боярской. Когда старое удѣльное зданіе Московскаго княжества, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ заставилось новыми государственными пристройками, ближняя дума послужила одной изъ связей перваго съ послѣдними. Но ближняя дума была продолженіемъ или возстановленіемъ боярскаго совѣта удѣльныхъ временъ, теперь

---

*) Акты Арх. Э. I, стр. 349. *Карамзинъ,* прим. 137. *Флетчеръ,* гл. 9.

превратившагося въ постоянный правительственный корпусъ съ опредѣленнымъ многосложнымъ вѣдомствомъ и составомъ, основаннымъ на новомъ складѣ боярства. Не устраняя дѣятельности боярской думы и составляясь обыкновенно или въ большинствѣ изъ ея же членовъ, ближній совѣтъ былъ со стороны государя косвеннымъ признаніемъ за этой думой значенія такого правительственнаго корпуса и слѣдовательно признаніемъ боярства въ значеніи правительственнато класса. Къ ближнимъ думнымъ людямъ примыкали ближніе постельничіе, стольники и нѣкоторые другіе дворцовые чины, которые подъ общимъ названіемъ *ближнихъ людей* слѣдовали въ придворной іерархіи непосредственно за думными и вмѣстѣ съ ближними людьми думныхъ чиновъ составляли государеву комнату. Выдѣленіе этой комнаты изъ большого двора было слѣдствіемъ желанія государей сохранить около себя привычную тѣсную обстановку удѣльнаго времени среди придворнаго штата, принимавшаго все бóльшіе размѣры. Такъ точно, построивъ себѣ большія каменныя палаты, они долго еще продолжали жить въ тѣсныхъ деревянныхъ хоромахъ, напоминавшихъ имъ удѣльныя избы ихъ предковъ.

Опричнина была расширеніемъ комнаты, только до крайности напряженнымъ и осложненнымъ новыми нуждами государства и новыми цѣлями, какія поставилъ ей царь. Во-первыхъ, при распространеніи государственной территоріи съ половины XV в. не замѣтно соотвѣтственнаго расширенія области дворцовыхъ земель, какого требовалъ расширявшійся «государскій обиходъ», чѣмъ «жаловать бояръ и дворянъ и всякихъ его государевыхъ дворовыхъ людей», какъ читаемъ въ лѣтописномъ изложеніи указа объ опричнинѣ. Во-вторыхъ, одновременно съ усиленнымъ наборомъ и поземельнымъ устройствомъ провинціальнаго военно-служилаго класса возникала для правительства забота о сформированіи столичнаго дворянства, которое должно было служить и генеральнымъ штабомъ, и офицерскимъ запасомъ, и «государевымъ полкомъ», гвардіей, и сверхъ всего еще исполнительнымъ орудіемъ разнообразныхъ правительственныхъ порученій. Опричнина предназначена была отвѣчать на

эти нужды и отвѣчала какъ-то преувеличенно, сообразно съ характеромъ своего учредителя. Чуть не полгосударства превращено было въ то, чѣмъ гораздо позднѣе стало удѣльное вѣдомство. Государевъ полкъ разросся въ сравнительно огромный гвардейскій корпусъ, очень обособленный отъ остальныхъ военныхъ частей *). Но сверхъ того царь указалъ опричнинѣ задачу, для которой въ составѣ тогдашняго управленія не существовало особаго учрежденія: новообразованное удѣльное вѣдомство должно было стать еще высшимъ институтомъ охраны государственнаго порядка отъ крамольниковъ, а опричный отрядъ корпусомъ жандармовъ и вмѣстѣ экзекуціоннымъ органомъ по измѣннымъ дѣламъ.

Такое неестественное осложненіе дворцоваго вѣдомства дало крайне неловкую постановку высшему управленію. Опричнина была направлена противъ государевыхъ измѣнниковъ и ослушниковъ. Но ни для кого не было тайной, что главные измѣнники и ослушники подозрѣвались въ боярской средѣ, и всѣхъ менѣе скрывалъ это самъ царь. Между тѣмъ высшее управленіе оставалось въ земщинѣ аристократическимъ, боярскимъ попрежнему, только дѣйствовало на болѣе тѣсномъ пространствѣ; боярская дума продолжала руководить землей посредствомъ подчиненныхъ ей приказовъ. Теперь, оставшись во главѣ одной земщины, она какъ будто даже стала самостоятельнѣе прежняго. И прежде бояре иногда сидѣли въ думѣ о дѣлахъ безъ государя; но это было отступленіемъ отъ заведеннаго порядка, которое допускалось въ особыхъ случаяхъ. Теперь, когда царь, живя внѣ Москвы, пріѣзжалъ въ столицу «не на великое время», по выраженію лѣтописи, такія засѣданія становились обычными, и докладъ государю ограничивался лишь наиболѣе важными государственными дѣлами: слѣдовательно боярскіе приговоры по текущимъ дѣламъ управленія

*) Шеститысячный опричный отрядъ при нескудныхъ, вѣроятно, земельныхъ дачахъ въ опричнинѣ—это по меньшей мѣрѣ 20—25 тыс. походныхъ коней, не считая опричныхъ стрѣльцовъ и казаковъ. Прежній государевъ полкъ по разряднымъ книгамъ ходитъ въ походы рядомъ съ опричниной.

получали силу закона и безъ этого доклада. Сохранилось нѣсколько приговоровъ думы, изданныхъ во время опричнины отъ имени первоприсутствующаго боярина съ товарищами, даже съ участіемъ духовенства, но состоявшихся безъ царя, только по царскому приказу или слову. Земская дума, кн. И. Д. Бѣльскій и «всѣ бояре» въ 1570 г. пишутъ въ Слободу о сношеніяхъ съ царемъ сибирскимъ и получаютъ оттуда отвѣтъ: «поговорили бы вы о томъ, пригоже ли намъ съ сибирскимъ царемъ ссылаться, да что ваша будетъ мысль, и вы бъ приговоръ свой къ намъ отписали». Боярскіе приговоры по дѣламъ важнымъ, земскимъ или внѣшнимъ, согласно съ уставомъ опричнины докладывались царю и утвержденные имъ излагались въ обычной законодательной формѣ приговоровъ государя «со всѣми бояры», и никто со стороны не подумалъ бы, что личность каждаго изъ этихъ думныхъ законодателей, причисленныхъ къ политически заподозрѣнному сословію, внѣ думы была беззащитнѣе любаго холопа. Такъ обнаружилось отношеніе къ боярскому совѣту со стороны опричнины, какъ преемницы ближней думы: первая подтверждала или завершала то, что выражала послѣдняя, признаніе политическаго значенія боярства и боярской думы со стороны государя. Спеціальной полицейской цѣлью опричнины не ослаблялось, а только рѣзче проявлялось это признаніе. Когда царь согласился «паки взять» брошенную имъ власть на условіи свободной расправы съ своими измѣнниками и ослушниками и учреждая опричнину, оставлялъ во главѣ земщины прежнее высшее управленіе съ его родовитымъ составомъ, такой образъ дѣйствій можно было понять только въ томъ смыслѣ, что царь различалъ установившійся правительственный порядокъ и дѣйствовавшія въ немъ лица, провозглашалъ неблагонадежность послѣднихъ и подтверждалъ удовлетворительность или неустранимость перваго, направлялъ свое новое учрежденіе не противъ политическаго положенія цѣлаго правительственнаго класса, а противъ отдѣльныхъ людей этого и даже не одного этого класса, навлекавшихъ на себя его подозрѣніе или попадавшихся ему подъ руку въ дурную минуту. Такъ поняли дѣло и сами бояре. По наказу, данному

боярской думой, московскій посолъ кн. И. М. Воротынскій, переговариваясь съ Поляками въ 1615 г., долженъ былъ при случаѣ сказать имъ отъ имени «природныхъ» московскихъ бояръ: видали мы отъ прежнихъ государей опалы себѣ, *только во всемъ государствѣ справа всякая была на насъ*, а худыми людьми насъ не безчестили и чести нашей природной не отнимали» *).

Такая двусмысленность положенія происходила отъ неопредѣленности отношеній между обѣими сторонами. Съ конца XV в. двѣ политическія силы, такъ дружно дѣйствовавшія прежде, стали проникаться взаимнымъ недовѣріемъ и недовольствомъ: одна жаловалась на притязательность другой, а другая на произволъ первой. Сталкивались ли въ этихъ жалобахъ два непримиримые политическіе порядка или по крайней мѣрѣ два противоположныя политическія направленія? Обѣ разладившіяся стороны расположены были такъ думать, но безъ достаточныхъ основаній. Во-первыхъ, притязанія боярства далеко не были такъ рѣшительны и радикальны, чтобы не оставалось никакой возможности примиренія. Они шли, какъ мы видѣли, немного дальше дѣйствительности; притомъ важнѣйшія изъ нихъ были признаны государями. Боярская программа состояла не столько въ требованіи политическихъ нововведеній, сколько въ защитѣ дѣйствовавшихъ правительственныхъ обычаевъ. Былъ важный недостатокъ въ политическомъ положеніи боярства—отсутствіе надежныхъ обезпеченій этого положенія; но требованія такихъ обезпеченій не находимъ и въ боярской программѣ. Съ другой стороны, если бы споръ шелъ о политическомъ порядкѣ и выходилъ изъ несогласимыхъ между собою плановъ государственнаго устройства, отъ царя прежде всего можно было бы ожидать прямого отвѣта на вопросъ, какого онъ хочетъ порядка, того ли, какой тогда складывался и дѣйствовалъ, или какого-нибудь другого. Письма Ивана къ Курбскому наиболѣе

*) См. напримѣръ А. И. I, стр. 270 и 341, и *Карамзина* IX, прим. 416. Въ царскомъ архивѣ хранились «списки государеву сидѣнью о всякомъ земскомъ указѣ», т. е. протоколы думскихъ засѣданій государя съ боярами за январь 1568 года. Акты Арх. Эксп. I, стр. 349. *Соловьевъ*, IX, 54 по 2-му изд.

полная его политическая исповѣдь. Они рѣшительно подкупаютъ читателя своей задушевностью, жаромъ рѣчи, иногда доходящимъ до ораторскаго блеска. Подъ первымъ впечатлѣніемъ этой корреспонденціи, въ которой каждая страница кипитъ и пѣнится, читатель готовъ признать у царя самыя широкія и возвышенныя политическія воззрѣнія. Но снявъ эту пѣну, находимъ подъ нею скудный запасъ идей и довольно много противорѣчій. Онъ, пользуясь его же выраженіемъ, собственно «едино слово пишетъ, обращая сѣмо и овамо», діалектически развиваетъ одну идею, которую противопоставляетъ притязаніямъ своихъ политическихъ противниковъ: это идея самодержавія, которое Иванъ старается утвердить на историческихъ и политическихъ основаніяхъ. Самодержавіе для него исконный фактъ нашей исторіи, который онъ ведетъ отъ Владиміра Святаго, прибавляя, что русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ своими царствами, а не бояре и вельможи. Единая и полная власть, сосредоточенная въ рукахъ царя, необходима для водворенія внутренняго порядка, для прекращенія междоусобныхъ браней и самовольства. Но боярство, по крайней мѣрѣ его литературные представители возставали не противъ того самодержавія, которое шло отъ Владиміра Святаго, а противъ самодержавія, окруженнаго кромѣшниками, жертвой котораго палъ св. Филиппъ и въ которомъ царь Алексѣй, тоже самодержавный, принесъ торжественное покаяніе за своего предшественника, за «прадѣда» своего царя Ивана. Съ особенной горечью жалуется царь на бояръ во имя своего самодержавія, виня ихъ въ тѣхъ стѣсненіяхъ, какія онъ терпѣлъ отъ «попа невѣжи» и «собаки» А. Адашева съ ихъ совѣтниками: они сняли съ царя всю власть, оставили ему только честь предсѣдательства и званіе царя, а на дѣлѣ сталъ онъ ничѣмъ не лучше холопа; они совѣтовались обо всемъ тайкомъ отъ царя, сами возводили въ чины, всѣ дѣла рѣшали, какъ хотѣли, ни въ чемъ его не спрашиваясь, какъ будто его и не было или былъ онъ младенцемъ неразумнымъ. Но если дѣйствительно таково было значеніе Сильвестра, какимъ изобразилъ его Иванъ, если и по словамъ лѣтописца этотъ іерей былъ «аки все мога», неогра-

ниченно распоряжался всѣми церковными и государственными дѣлами, только-что не имѣлъ званія и сѣдалища царскаго и святительскаго, то въ этомъ вовсе не были виноваты бояре. Точно такъ же не боярами, а скорѣе на зло боярамъ Адашевъ взятъ былъ «отъ гноища» и изъ батожниковъ пожалованъ въ вельможи. Прежде всего на самого себя долженъ былъ царь пенять за то, что оба избранника не оправдали его довѣрія. Политическое значеніе боярства, его притязанія не были виной того, что эти люди, не принадлежавшіе къ боярскому кругу, стали временщиками, подобрали царю непочтительныхъ къ нему совѣтниковъ и начали «всѣхъ бояръ въ самовольство приводити»: царь самъ отдался имъ въ руки, испуганный событіями 1547 года. Иванъ какъ будто не замѣчалъ, что обвиняетъ противниковъ въ собственныхъ ошибкахъ и слабостяхъ и самъ выдаетъ имъ свое самодержавіе. И это самодержавіе для него не политическій порядокъ, а простая личная власть или голая отвлеченная идея: не безъ искусства развивая ее діалектически, онъ не выводитъ изъ нея всѣхъ практическихъ послѣдствій; она не облекается у него въ опредѣленный планъ государственнаго устройства. Вся его философія самодержавія сводится къ одному простому заключенію: «жаловать своихъ холопей мы вольны, а и казнить ихъ вольны же». Но это заключеніе вовсе не отличалось новизною: оно такъ легко давалось уже князьямъ удѣльнаго времени безъ помощи возвышенныхъ теорій самодержавія, безъ той начитанности и тѣхъ усилій мысли, какія потрачены были царемъ Иваномъ въ полемикѣ съ бѣглымъ бояриномъ. Въ актахъ удѣльнаго времени оно и выражалось почти тѣми же словами: «я, князь великій Борисъ Александровичъ (тверской), воленъ, кого жалую, кого казню», а другому въ то не вступаться, читаемъ мы въ договорной грамотѣ одного изъ этихъ князей, писанной лѣтъ за 170 до полемики Грознаго съ Курбскимъ *). Такое простое пониманіе самодержавія выработано удѣльнымъ порядкомъ, который зналъ не государя-правителя съ его подданными, а хозяина-вотчинника

*) Сборн. *Муханова*, № 1.

съ его холопами, въ которомъ вольные люди были политическою случайностью, временными обывателями на наемной землѣ или службѣ. На такомъ основаніи можно было построить не государственный порядокъ въ объединенной Великой Руси, а запоздалую пародію удѣла, на что и была похожа опричнина царя Ивана.

Не вопросомъ объ основаніяхъ государственнаго порядка вызвана была вражда, литературнымъ памятникомъ которой осталась полемическая корреспонденція царя съ бояриномъ. Этотъ вопросъ затрогивается въ перепискѣ лишь кстати, къ слову; Курбскій даже почти вовсе не затрогиваетъ его въ своихъ письмахъ. Не противоположные политическіе принципы, а личные счеты и взаимныя огорченія раздѣляютъ обоихъ корреспондентовъ. Потому въ своей перепискѣ они не столько полемизируютъ другъ съ другомъ, сколько жалуются другъ на друга и исповѣдуются одинъ другому. Курбскій, вообще болѣе противника владѣвшій собою, самъ замѣтилъ это и прямо назвалъ посланіе царя исповѣдью, съ проніей прибавивъ, что будучи не пресвитеромъ, а военнымъ и къ тому же очень грѣшнымъ человѣкомъ, не считаетъ себя достойнымъ и краемъ уха послушать царской исповѣди. У обоихъ корреспондентовъ есть свои больныя мѣста, о которыхъ каждый усердно твердитъ другому, плохо вслушиваясь въ рѣчь противника. За что ты бьешь насъ, вѣрныхъ слугъ своихъ? спрашиваетъ Ивана Курбскій.—«Нѣтъ, отвѣчаетъ Иванъ Курбскому, русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ своими царствами, а не бояре и вельможи». Такимъ короткимъ діалогомъ можно выразить сущность знаменитой переписки.

Дѣйствительная причина вражды была проще и понятнѣе общихъ политическихъ принциповъ, и всегда не въ мѣру откровенный Иванъ не скрылъ ея въ своей исповѣди. Съ конца XV в. эта вражда дважды обнаруживалась съ особенною силой и каждый разъ по одинаковому поводу, по вопросу о престолонаслѣдіи, о преемникѣ. Въ первый разъ, когда вел. кн. Иванъ III развѣнчалъ внука и назначилъ сына, первостепенное боярство стояло за перваго, и его противодѣйствіе великому князю

въ этомъ дѣлѣ сопровождалось казнями и насильственными пострижeніями. Нерасположеніе вел. кн. Василія къ боярству было естественнымъ чувствомъ государя къ людямъ, которые не желали видѣть его на престолѣ и неохотно терпѣли на немъ. Первыя сильныя столкновенія при московскомъ дворѣ, какія помнилъ Иванъ IV, были связаны съ этимъ вопросомъ о престолонаслѣдіи: онъ напоминалъ Курбскому, что отецъ его кн. Михаилъ съ вел. кн. Димитріемъ внукомъ на его государева отца «многія пагубныя смерти умышляли». Другой случай былъ при самомъ Иванѣ IV въ 1553 году, когда царь опасно занемогъ и потребовалъ отъ бояръ присяги своему новорожденному сыну, а его двоюродный братъ, удѣльный князь Владиміръ заявилъ притязанія на престолъ. Сильвестръ и Адашевъ вели себя двусмысленно въ этомъ дѣлѣ, а ихъ сторонники, большинство бояръ, не хотѣли цѣловать креста младенцу, говоря, что его именемъ будутъ править родственники царицы Захарьины. Больной царь на совѣтѣ долженъ былъ черезъ силу уговаривать непокорныхъ бояръ и между прочимъ сказалъ имъ: «вы намъ и дѣтямъ нашимъ служить не хотите, не помните, на чемъ намъ крестъ цѣловали; такъ если *мы вамъ не надобны,* то это на вашихъ душахъ». Съ тѣхъ поръ и пошла вражда, замѣчаетъ лѣтописецъ, и самъ Иванъ подтверждаетъ это замѣчаніе, отвѣчая Курбскому на обвиненія въ жестокостяхъ: «только бы на меня съ попомъ не стали вы, такъ ничего бы этого и не было». А бояре стали съ попомъ противъ царя прежде всего въ этомъ несчастномъ дѣлѣ 1553 г., благопріятствуя Владиміру. Воображеніе, всегда господствовавшее надъ нервнымъ царемъ и теперь еще усиленное болѣзнью, нарисовало ему всѣ ужасы, ожидающіе его семью въ случаѣ его смерти. «Не дайте жены моей на поруганіе боярамъ, говорилъ онъ Захарьинымъ и другимъ вѣрнымъ своимъ совѣтникамъ, не дайте боярамъ извести моего сына, возьмите его и бѣгите съ нимъ въ чужую землю». Имъ опять, какъ послѣ московскихъ пожаровъ и волненій 1547 года, овладѣло чувство, которому онъ всегда легко поддавался, чувство страха. Въ немъ заговорилъ инстинктъ самосохраненія убѣдительнѣе всякихъ книжныхъ политическихъ

доктринъ: «за себя есми сталъ», пишетъ онъ Курбскому, напоминая, какъ они, бояре, хотѣли посадить на царство Владиміра, а его «и съ дѣтьми извести». Мы имъ не надобны, такъ надо бѣжать отъ нихъ или обороняться: это представленіе, несомнѣнно преувеличивавшее опасность, съ тѣхъ поръ, кажется, всю жизнь не покидало царя. Достаточно просмотрѣть его знаменитые синодики опальныхъ, чтобы видѣть, что во время опричнины Иванъ дѣйствовалъ, какъ не въ мѣру испугавшійся человѣкъ, который, закрывъ глаза, билъ направо и налѣво, не разбирая своихъ и чужихъ. Шла борьба съ измѣнническимъ боярствомъ, а въ поминанье заносились перебитые десятками по разнымъ городамъ и селамъ боярскіе люди, подьячіе, псари, монахи, мастеровые, «скончавшіеся христіане мужескаго, женскаго и дѣтскаго чина», которыхъ имена, да и политическія вины, прибавить можно, «Ты Самъ, Господи, вѣси», какъ причитаетъ помянникъ послѣ каждой статьи избитыхъ массами.

Такъ разладъ московскихъ государей съ боярствомъ имѣлъ не политическій, а династическій источникъ. Дѣло шло не о томъ, какъ устроить управленіе государствомъ, а о томъ, кто будетъ имъ править. Несомнѣнно, что въ обоихъ указанныхъ случаяхъ не остались безъ вліянія на образъ дѣйствій бояръ старыя боярскія привычки удѣльнаго времени. Тогда бояринъ считалъ себя въ правѣ выбирать себѣ мѣсто службы, переѣзжая отъ одного князя къ другому. Теперь, когда уѣхать изъ Москвы стало некуда или неудобно, бояре считали возможнымъ выбирать между кандидатами на престолъ. «Чѣмъ намъ служить государю молодому, мы лучше станемъ служить старому князю Владиміру, говорили они въ 1553 году: какъ служить малому мимо стараго?» Выборъ облегчался отсутствіемъ закона о престолонаслѣдіи. Руководясь правомъ, дѣйствовавшимъ въ частной гражданской средѣ, удѣльные князья не хотѣли стѣснять себя въ распоряженіи своими вотчинами передъ смертью: имъ не приходила мысль о возможности и пользѣ ограниченія личной воли завѣщателя. Этотъ обычай продолжалъ дѣйствовать и въ Московскомъ государствѣ: «кому хочу, тому и дамъ княжество», говорилъ Иванъ III. Цѣну этой личной воли. про-

стой и понятной, московскіе государи почувствовали раньше, чѣмъ стали думать о болѣе сложныхъ политическихъ своихъ прерогтивахъ, и дорожили ей больше чѣмъ послѣдними, когда стали объ нихъ думать. Потому стороннее вмѣшательство въ эту область трогало ихъ больнѣе, чѣмъ могъ трогать общій вопросъ о политическомъ значеніи боярства и его отношеніи къ государевой власти. Едва ли и сами бояре смотрѣли на свое вмѣшательство въ распоряженія обоихъ Ивановъ о престолонаслѣдіи, какъ на свое право опредѣлять порядокъ преемства верховной власти: они просто хотѣли воспользоваться случаемъ вмѣшаться въ это дѣло, чтобъ устранить непріятнаго преемника. Но легко понять, что династическія столкновенія должны были поднять и общій политическій вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ сторонъ, о прерогативахъ верховной власти и правахъ аристократіи. Только ни та, ни другая сторона не была приготовлена къ разрѣшенію этого вопроса ни при Иванѣ III, ни при его внукѣ.

Мы видѣли, что боярство почти не требовало ничего такого, что не было бы допущено государями въ правительственной практикѣ, и не настаивало на многомъ, что тогда еще могло быть допущено въ его пользу. Его литературные представители признаютъ власть государя, какой она была тогда, со всѣми ея обширными, практически выработавшимися полномочіями: они даютъ государю значеніе главы правительственнаго тѣла, но при этомъ желаютъ, чтобъ и бояре, какъ мудрые совѣтники, были членами того же тѣла, а не отрѣзанными ногтями или мозолями. Съ нѣкоторой настойчивостью Курбскій говоритъ о необходимости для царя внимать мнѣнію своего «синклита» и историческими примѣрами показываетъ, какими бѣдствіями наказывались цари за пренебрежительное къ нему отношеніе. Но это вниманіе представляется у него не столько политическимъ правомъ боярства, сколько нравственной обязанностью и вспомогательнымъ правительственнымъ средствомъ для государя. Иванъ жаловался на бояръ съ ихъ «начальниками» Сильвестромъ и Адашевымъ, будто они добивались того, чтобъ онъ, царь, только «словомъ былъ государь», а сами хотѣли владѣть

и «всю землю Русскую подъ ногами своими видѣть». Но это было преувеличеніемъ боярскихъ притязаній со стороны совѣтниковъ, подобранныхъ царю его же любимцами, если только не было преувеличеніемъ со стороны самого Ивана, котораго страхъ, обладавшій слишкомъ великими глазами, заставлялъ давать невѣроятные размѣры своимъ бѣдамъ и опасностямъ. Правда, тотъ же Иванъ непримиримо рѣзко, самымъ остріемъ поставилъ противъ боярства идею неограниченной власти. Но эта идея явилась довольно искусственно, не вышла послѣдовательно изъ логическаго роста привычнаго, отъ предковъ унаслѣдованнаго политическаго сознанія, а была, такъ сказать, наростомъ на этомъ сознаніи, натертымъ уже во время борьбы. Царь пользовался этой идеей, какъ политическимъ оружіемъ противъ бояръ, для оправданія своихъ жестокостей; но она осталась у него безъ практическаго употребленія, ничего не измѣнивъ въ основаніяхъ государственнаго порядка и только увеличивъ существовавшія въ немъ противорѣчія. Итакъ у обѣихъ сторонъ не было ни готовыхъ противоположныхъ плановъ государственнаго устройства, ни даже непримиримыхъ стремленій, изъ которыхъ могли бы выработаться такіе планы. Но при сходствѣ политическихъ понятій или, лучше сказать, политическихъ привычекъ онѣ еще связаны были одна съ другой важными практическими интересами и очень нуждались другъ въ другѣ. Бояринъ былъ нуженъ и полезенъ государю и внѣ своей правительственной дѣятельности, какъ крупный землевладѣлецъ. О князьяхъ М. Воротынскомъ и Н. Одоевскомъ Курбскій пишетъ, что они и при Иванѣ IV «велія отчины подъ собою имѣли, а колико тысящъ съ нихъ не чту воинства было слугъ ихъ»; изъ зависти будто бы къ этому воинству царь и погубилъ обоихъ. Значитъ, они выставляли въ поле цѣлые полки ратныхъ людей, которыхъ сами вербовали, вооружали и содержали, избавляя правительство отъ хлопотъ объ этомъ. Въ дѣлѣ обороны страны одинъ такой князь стоилъ цѣлаго уѣзда, наполненнаго мелкими вотчинниками и помѣщиками. Общій интересъ связывалъ обѣ стороны и въ дѣлѣ поземельнаго устройства крестьянскаго труда. Обоюдная выгода ихъ состояла въ томъ, чтобъ

этотъ бродячій и безкапитальный трудъ привязать къ мѣсту и расширить его производство. Есть признаки, указывающіе на то, что крупнымъ землевладѣльцамъ это удавалось тогда лучше, чѣмъ мелкимъ и даже чѣмъ обществамъ черныхъ государственныхъ крестьянъ. Различіе интересовъ крупной земельной собственности и государства въ этомъ отношеніи чувствовалось еще слабо въ XVI в. Наконецъ, боярство и правительство въ XVI в. вмѣстѣ боролись съ успѣхами монастырскаго землевладѣнія и его послѣдствіями, вредными для обоихъ.

Значитъ, безъ особаго жгучаго повода не отъ чего было возгорѣться пожару лютости въ землѣ Русской, воскуриться гоненію великому, на что жалуется кн. Курбскій. Такимъ жгучимъ поводомъ послужило при царѣ Иванѣ повторившееся столкновеніе по вопросу о престолонаслѣдіи. Вызванный этимъ случаемъ споръ продолжался и послѣ: династическая распря перенесена была въ область высшей политики. Но здѣсь обѣ стороны встрѣтили новое затрудненіе, которое и было главнымъ источникомъ ихъ обоюдныхъ недоразумѣній и двусмысленныхъ отношеній. Династическія столкновенія дали усиленно почувствовать обѣимъ сторонамъ противорѣчіе, которое крылось въ самомъ строѣ государства. Это противорѣчіе состояло въ томъ, что московскій государь, котораго ходъ исторіи велъ къ демократическому, всеуравнивающему полновластію, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ очень аристократической администраціи, къ личному составу которой онъ не питалъ довѣрія. Московское государство въ XVI в. представляло монархію съ государемъ во главѣ, власть котораго ничѣмъ формально не была ограничена кромѣ практической необходимости дѣлиться ею съ знатными недоброхотами. Правительственный обычай и общіе интересы заставляли обѣ стороны дѣйствовать вмѣстѣ, дѣлали ихъ необходимыми другъ для друга, и эта необходимость только обостряла разладъ, усиливала столкновеніе. Обѣ стороны увидѣли себя въ чрезвычайно неловкомъ положеніи и не знали, какъ изъ него выйти. Ни боярство не умѣло устроиться и устроить государственный порядокъ безъ государевой власти, какой она была тогда, ни государь не зналъ,

какъ управиться безъ боярскаго содѣйствія съ своимъ царствомъ въ его новыхъ предѣлахъ: ни та, ни другая сторона не знала, какъ ужиться одной съ другой и какъ обойтись другъ безъ друга. Обѣ стороны испытывали непріятное, но нерѣдкое состояніе людей, не умѣющихъ справиться съ послѣдствіями своего собственнаго дѣла. Тогда каждая принялась винить другую въ томъ, что было создано дружными, но непредусмотрительными усиліями обѣихъ. Наконецъ царь, рѣшивъ, что матеріальная сила въ его рукахъ, а нравственной бояться нечего, потому что ея нѣтъ ни въ комъ, даже въ немъ самомъ, попытался раздѣлиться съ противной стороной, жить рядомъ, но не вмѣстѣ, однако такъ, чтобы ставъ недоступнымъ для сосѣда, его держать въ своей безграничной и безотчетной власти. Попыткой устроить такое неравноправное политическое сожительство и было раздѣленіе государства на земщину и опричнину. Попытка стоила царю династіи, а государству смуты.

Задуманная сгоряча, въ тревожномъ настроеніи, опричнина не измѣняла основъ государственнаго порядка и не устраняла противорѣчія, въ немъ коренившагося. Но она заставила обѣ стороны вникнуть въ это больно почувствованное ими противорѣчіе и сообщила болѣе смѣлое движеніе ихъ мыслямъ. Доселѣ ихъ взгляды не простирались далеко за предѣлы существующаго порядка. Коренного измѣненія послѣдняго, новаго государственнаго строя не предполагала ни та, ни другая сторона: обѣ стоятъ на исторической дѣйствительности, держатся за существующіе факты, не углубляясь въ ихъ внутреннее противорѣчіе другъ другу. Теперь этотъ консерватизмъ политической мысли поколебался. Въ своей духовной царь ставитъ опричнину, какъ «образецъ» своимъ дѣтямъ, впрочемъ предоставляя имъ сохранить или отмѣнить этотъ пробный опытъ. Но у него въ опричные годы все настойчивѣе сказывается мысль, что дѣйствующій соціальный составъ государственнаго управленія неудобенъ для государя и долженъ быть замѣненъ другими правительственными орудіями, болѣе соотвѣтствующими политической натурѣ московскаго монарха, какъ онъ

сталъ сознавать себя. Но какъ это сдѣлать? Царь будто бы склонялся къ простому механическому способу. Близкіе къ нему иноземцы разсказывали, что онъ признавался имъ въ намѣреніи измѣнить все управленіе страной и даже истребить вельможъ. Но это были патетическія мечты возбужденнаго человѣка, у котораго воображеніе и языкъ были развязнѣе воли и разсудка. Легко было истребить всѣхъ бояръ: они были наперечетъ. Мудренѣе было сдѣлать это съ боярствомъ: какъ было обвести раздѣльной полицейской чертой наличный составъ и даже образъ мыслей цѣлаго класса, разнообразными бытовыми нитями переплетавшагося со слоями, подъ нимъ лежавшими? Оставалось вырывать отдѣльныя лица, попадавшіяся подъ руку, не трогая государственнаго и общественнаго положенія всего класса. Самоувѣренно отвѣтивъ на вопросъ Курбскаго объ избитыхъ воеводахъ, что у него множество воеводъ «и безъ васъ измѣнниковъ», царь назначалъ воеводъ въ свои опричные полки все изъ того же измѣнничьяго родословнаго класса. И въ противной сторонѣ борьба вызвала нѣкоторыя новыя ощущенія; но они облеклись въ политическія формы, въ опредѣленные планы государственнаго устройства уже въ поколѣніи, слѣдовавшемъ за сверстниками Грознаго. Такъ обѣ стороны до самаго исполненія боярскаго пророчества, до пресѣченія династіи, не нашли выхода изъ неловкаго положенія, въ какомъ себя почувствовали, хотя на одной сторонѣ стоялъ «мужъ чуднаго разсужденія, мужъ толико славенъ и толико многоразсуденъ», какъ отзывались современники о царѣ Иванѣ, да и у противниковъ его не было недостатка ни въ напряженіи мысли, ни въ талантахъ.

Глава XVIII.

Мысль оградить политическое значеніе думы договоромъ съ государемъ возникла въ одномъ поколѣніи боярства подъ вліяніемъ исключительныхъ обстоятельствъ.

Опричнина разрѣшилась борьбою противъ лицъ, не измѣнивъ существовавшаго государственнаго порядка. Но эта борьба уже потому не могла не отозваться и на государственномъ порядкѣ, что измѣнила лица, служившія ему опорой. Не тронувъ основъ государственной жизни, она круто повернула ея направленіе.

Для судьбы боярской думы особенно важна двоякая перемѣна, нравственная и генеалогическая, происшедшая тогда въ высшихъ слояхъ московскаго служилаго класса. Есть извѣстія о нѣкоторыхъ дьякахъ и людяхъ боярскаго происхожденія, которые помощью дипломатической службы или другихъ обстоятельствъ пріобрѣтали въ XVI в. нѣкоторое знакомство съ западной Европой и ея образованіемъ, имѣли случай обучиться, говоря словами князя Курбскаго, «шляхетнымъ наукамъ и языку римскому и алеманскому». Какъ рѣдкія исключенія, эти случаи едва ли могли замѣтно подѣйствовать на политическія понятія правительственнаго класса. Можетъ быть, они помогали пробужденію въ немъ нѣкотораго любопытства, желанія узнать покороче Западъ, съ которымъ у московскаго правительства завязалось уже столько сношеній и счетовъ, откуда столько людей приходило въ Москву. По крайней мѣрѣ цесарскій посолъ Даніилъ Принцъ изъ Бухова, бывшій въ Москвѣ въ 1570-хъ годахъ, слышалъ здѣсь о жалобахъ многихъ на свою замкнутость, на то, что они содержатся, какъ птицы въ клѣткахъ, не смѣютъ ни сами съѣздить, ни дѣтей своихъ послать въ чужіе края. И кн. Курбскій считаетъ такую замкнутость «непохвальнымъ обыкновеніемъ», упрекая царя въ письмахъ къ нему за то, что онъ «затворилъ царство Русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, аки во адовѣ твердынѣ». Но несомнѣнно, что борьба и сопровождавшія ее опалы, казни и конфискаціи пробудили въ боярствѣ сильное

чувство если не политической, то по крайней мѣрѣ личной свободы и безопасности и стремленіе найти ее хотя бы внѣ «отечества неблагодарнаго, земли лютыхъ варваровъ». А въ близкомъ сосѣдствѣ была полурусская страна, хорошо знакомый и радушный пріютъ московской политической эмиграціи, гдѣ знать пользовалась такой завидной вольностью. Въ 1568 г. король польскій Сигизмундъ Августъ далъ жалованную грамоту князю М. А. Оболенскому, который съ женою выѣхалъ изъ земли королева непріятеля, великаго князя московскаго, «слышачи о вольностяхъ и свободахъ въ панствахъ нашихъ», прибавляетъ король въ грамотѣ *).

Это чувство надобно считать главною причиной усиленной боярской эмиграціи въ царствованіе Грознаго. Въ числѣ бояръ, отказывавшихся въ 1553 г. присягать царевичу Димитрію, былъ кн. Семенъ Ростовскій. Онъ вскорѣ послѣ того послалъ извѣстить польскаго короля, что идетъ къ нему съ своими братьями и племянниками, написавъ съ посланнымъ «хулу и укоризну на государя и на *всю землю*». Князь Семенъ вмѣсто вольной Польши попалъ въ бѣлозерскую тюрьму. Но со времени этого династическаго столкновенія идетъ длинный рядъ бѣглецовъ, спасавшихся въ свободную страну отъ московскаго рабства. Въ этомъ ряду встрѣчаемъ людей и большихъ и малыхъ боярскихъ родовъ, титулованныхъ и простыхъ, и кн. Глинскаго, кн. Пронскаго, кн. Шуйскаго, кн. Курбскаго, кн. Оболенскаго, Воронцова Вельяминова, Жулебина, и вмѣстѣ съ ними какихъ-нибудь кн. Морткина, кн. Масальскаго, кн. Барятинскаго, кн. Долгорукаго, дѣйствовавшаго на скромной дворовой службѣ у владыки

---

*) *Д. Принцъ* въ Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1876 г. кн. 3, IV, стр. 30. Сказ. кн. *Курбскаго,* 235. Акты З. Росс. III, № 87. Въ концѣ царствованія Грознаго, если вѣрить Поссевину, изъ членовъ думы только думный дворянинъ Зюзинъ зналъ нѣсколько по-латыни да думный дьякъ А. Щелкаловъ по-польски. Зюзинъ родился въ Литвѣ, куда еще дѣдъ его бѣжалъ съ послѣднимъ великимъ княземъ Твери. Русск. Ист. Сборн. Общ. Ист. и Др. Р. V, 4 и 6. Горсей пишетъ, что составилъ для Ѳ. Н. Романова, послѣ ставшаго патріархомъ Филаретомъ, латинскую грамматику, изложенную русскими буквами, которой тотъ усердно занимался.

новгородскаго, и даже такого Плещеева, который служилъ во дворѣ у Бутурлина. Эта эмиграція едва ли меньше унесла знатныхъ именъ изъ московскихъ боярскихъ списковъ, чѣмъ казни временъ опричнины. Много такихъ именъ значится у кн. Курбскаго и въ синодикахъ царя Ивана въ числѣ жертвъ борьбы. Но Курбскій часто преувеличиваетъ генеалогическую разрушительность этой борьбы, насчитывая слишкомъ много фамилій, будто бы цѣликомъ, «всеродиѣ» истребленныхъ Грознымъ. Это онъ говоритъ между прочимъ о Колычовыхъ, Заболоцкихъ, о князьяхъ Одоевскихъ и Воротынскихъ; но по разряднымъ книгамъ XVII в. извѣстно немало людей съ этими фамиліями. Если мы припомнимъ къ этому, сколько большихъ или по крайней мѣрѣ старинныхъ родословныхъ фамилій въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. выбыло изъ верхнихъ служилыхъ слоевъ независимо отъ казней и побѣговъ, вымерло естественною смертью или упало на низъ служилаго общества, то поймемъ, какъ долженъ былъ измѣниться генеалогическій составъ московскаго боярства: оно въ одно и то же время стало и менѣе терпѣливымъ, и болѣе разбитымъ.

Впрочемъ обѣ эти перемѣны сами по себѣ не произвели бы такого быстраго и сильнаго дѣйствія на государственный порядокъ, еслибы къ нимъ не присоединилось еще одно обстоятельство, прекращеніе московской царской династіи. Это событіе имѣло рѣшительное вліяніе на умы и образъ дѣйствій боярства. Старая династія, собравшая это боярство, была крѣпкимъ узломъ всѣхъ его отношеній. Боярство привыкло къ ней, съ ней строило государственный порядокъ и заводило правительственный обычай. Обѣ стороны, не смотря на политическое разстояніе, все болѣе ихъ раздѣлявшее, знали цѣну другъ другу и многое прощали одна другой, какъ старые знакомые и товарищи. Московскій государь считалъ своихъ правительственныхъ сотрудниковъ наслѣдственными извѣчными боярами своего дома. Бояре съ своей стороны видѣли въ немъ своего государя прирожденнаго, своего хозяина, и этотъ взглядъ, унаслѣдованный еще отъ удѣльнаго времени, болѣе всего, можетъ быть даже больше Ивановыхъ жестокостей, сдерживалъ боярскія притязанія и

замыслы. Въ Смутное время Поляки, присмотрѣвшись къ придворнымъ московскимъ обычаямъ, были поражены близостью отношеній правительственнаго класса къ главѣ государства, постояннымъ присутствіемъ высшаго духовенства и бояръ при особѣ царя, который шагу безъ нихъ не дѣлалъ, безпрестанными придворными угощеніями бояръ и думныхъ людей, на что тратилось пропасть времени и казны. Чтобы вырвать царя изъ этой плотной среды, его замыкавшей въ себѣ и мѣшавшей польскимъ планамъ, Поляки считали необходимымъ хотя на время перенести царскую резиденцію изъ Москвы куда-нибудь. Но Поляки застали въ Москвѣ лишь остатки придворныхъ отношеній, заведенныхъ при старомъ царскомъ родѣ, хозяинѣ земли. Теперь, когда такого хозяина не стало, всѣ отношенія правительственнаго класса стали путаться и разрываться, его политическіе понятія и интересы остались безъ привычнаго устоя, на которомъ они держались. О возможности править царствомъ безъ царя бояре думали, можетъ быть, еще меньше, чѣмъ царь думалъ о возможности править безъ бояръ. Важнѣе всего было то, что пошатнулся правительственный обычай, когда изъ свода государственнаго зданія выпалъ сцѣплявшій его вѣнецъ.

Всѣ эти перемѣны и создали тотъ періодъ въ исторіи боярской думы, который начался царствованіемъ Василія Шуйскаго и кончился царствованіемъ Михаила. Политическое значеніе думы въ этотъ періодъ держалось не на правительственномъ только обычаѣ, но и на формальномъ договорѣ съ государемъ. Мысль объ этомъ договорѣ, незнакомая прежнимъ поколѣніямъ правительственнаго класса, возникала и развивалась постепенно подъ вліяніемъ указанныхъ перемѣнъ. Къ нимъ присоединились созданныя извѣстными событіями Смутнаго времени обстоятельства, которыя безъ этихъ перемѣнъ не произвели бы на умы того дѣйствія, какое они имѣли. Прежде всего церемонія избранія Бориса на царство дала почувствовать значеніе политической силы, которой правительственный классъ не замѣчалъ прежде или на которую онъ свысока смотрѣлъ, какъ на вспомогательное орудіе управленія: этой силой была всенародная воля. По раз-

сказу одного хронографа, Борисъ своимъ упрямствомъ въ отказѣ отъ престола нарочно старался вызвать сцену всенароднаго моленія о принятіи царскаго вѣнца, чтобы зажать ротъ завистникамъ: я де не самохотѣніемъ принялъ скипетръ, но «народнымъ множествомъ, всего Россійскаго государства раченіемъ и возлюбленіемъ избранъ». Притомъ тогда съ разныхъ сторонъ толковали московскому обществу о правахъ и свободѣ. Мнишекъ посылалъ въ Москву сказать боярамъ и всему рыцарству, что будетъ хлопотать объ увеличеніи правъ боярскихъ и дворянскихъ, за что кн. Мстиславскій и кн. Воротынскій благодарили добраго пана. Самъ Лжедимитрій въ манифестѣ, всенародно прочитанномъ на площади въ Москвѣ его агентами, писалъ боярамъ, дворянамъ и торговымъ людямъ о притѣсненіяхъ, какія они терпѣли отъ царя Бориса, какихъ и отъ природнаго государя терпѣть невозможно, и обѣщалъ боярамъ «честь и повышеніе учинить» и ихъ въ чести держать, торговымъ людямъ сулилъ льготы въ податяхъ и пошлинахъ. Данное Борисомъ подъ рукой при вступленіи на престолъ обѣщаніе никого не казнить смертью въ первыя 5 лѣтъ царствованія и слѣдовавшія за тѣмъ полицейскія козни подозрительнаго царя и жестокости, напоминавшія ненавистную опричнину, новости, введенныя въ думѣ самозванцемъ въ подражаніе польскому сенату, любовь этого царя говорить на засѣданіяхъ думы краснорѣчивыя рѣчи со ссылками на исторію и на видѣнное имъ въ чужихъ земляхъ и заводить даже горячіе споры съ боярами, его ласковость къ знати, казавшаяся чрезмѣрной, передача дѣла о крамолѣ кн. Шуйскаго на судъ земскаго собора, чего прежде не бывало— все это при общемъ возбужденіи должно было произвести сильное впечатлѣніе на людей, и безъ того сбившихся съ привычной колеи, подѣйствовать разрушительно на весь «чинъ» политической жизни, на строгую дисциплину понятій и отношеній, заведенную при дворѣ старыхъ московскихъ царей и въ старомъ московскомъ обществѣ. Всѣ эти обстоятельства, дѣйствуя вмѣстѣ, произвели глубокую перемѣну въ политическихъ понятіяхъ и правахъ общества, высшихъ и низшихъ слоевъ его. Въ послѣднихъ эта перемѣна обнаруживалась политической

распущенностью. Надобно признать долю правды въ словахъ иностранныхъ наблюдателей, которые писали, что уже въ началѣ царствованія Шуйскаго московская чернь, избалованная недавними переворотами, въ надеждѣ грабежа готова была хоть каждую недѣлю мѣнять царя. Въ высшихъ классахъ зародились новые политическіе вкусы. По замѣчанію тѣхъ же наблюдателей, первый самозванецъ иногда слишкомъ ласково обходился съ вельможами и «мало по малу давалъ чувствовать Русскимъ, сколь счастливъ народъ свободный, управляемый милосердымъ государемъ». Власть этого самозванца не была ограничена формально; однако боярское правительство Шуйскаго обвиняло его даже въ томъ, что онъ иногда посылалъ въ Польшу пословъ по своей волѣ, безъ вѣдома «сенаторей», и признавало такія посольства незаконными. Уже въ началѣ царствованія Шуйскаго нѣкоторые въ Москвѣ желали установить избирательную монархію, подобную польской. Царь Василій преслѣдовалъ людей съ такимъ образомъ мыслей; но его собственные послы должны были по наказу говорить въ Польшѣ о правѣ всего московскаго народа «осудить истиннымъ судомъ» и казнить за злыя богомерзкія дѣла такого царя, какимъ былъ Лжедимитрій. Эти послы говорили и больше того: они доказывали, что хотя бы явился и прямой прирожденный государь царевичъ Димитрій, но если его на государство не похотятъ, ему силою нельзя быть на государствѣ. Даже у кн. Курбскаго, вѣроятно, встали бы волосы дыбомъ отъ такой политической ереси, а кн. Гр. Волконскій и дьякъ Ивановъ, ее проповѣдовавшіе оффиціально, оставались повидимому совершенно спокойны *).

Подъ вліяніемъ такого переворота въ умахъ составились два плана государственнаго устройства, основаннаго на политическомъ договорѣ, съ неодинаковой правительственною постановкой боярской думы въ каждомъ. Оба эти плана впрочемъ различались между собою не столько своими основаніями, сколько степенью политическаго развитія, конституціонной раз-

---

*) Никон. VII, 212. *Соловьевъ,* Ист. Росс. VIII, 205, 218 и сл. *Маржеретъ* въ Сказ. современ. о Димитріи Самозванцѣ, III, 89 и 101. Записки *Жолкевскаго,* изд. 2, стр. 12.

работки этихъ основаній. Притомъ неодинаково было соціальное происхожденіе того и другого плана: одинъ былъ произведеніемъ высшей титулованной знати, другой принадлежалъ знати второстепенной съ выслужившимися неродовитыми дѣльцами.

Въ первые годы опричнины худородные московскіе эмигранты упрекали знатное боярство, что у него Богъ за грѣхи, видно, умъ отнялъ, если оно съ такимъ терпѣніемъ отдаетъ себя въ жертву царской жестокости, не жалѣя своихъ женъ и дѣтей *). Однако дальнѣйшія дѣйствія опричнины заставили бояръ взяться за умъ, подумать о себѣ и о своихъ семьяхъ, а опалы Годунова образумили ихъ еще болѣе. Пресѣченіе династіи помогло найти средство обезпеченія личной безопасности. При отношеніяхъ, какія существовали между знатью и старою династіей, странной показалась бы боярину мысль о формальномъ политическомъ контрактѣ съ государемъ. Но она была естественна, когда на престолъ вступалъ одинъ изъ своей же братіи бояръ. Эта мысль, надобно думать, жила уже среди боярства при избраніи Годунова на престолъ: только ея присутствіе дѣлаетъ понятной комедію, устроенную тогда «лукавой лисой», какъ называетъ лѣтописецъ Бориса. Обѣ стороны выжидали, которая сдѣлаетъ первый шагъ, и молчали. Бояре ждали, что Борисъ наконецъ догадается и заговоритъ объ обязательствахъ, объ уговорѣ, а Борисъ ждалъ, пока московскій народъ и земскій соборъ заставятъ бояръ признать его безъ всякихъ обязательствъ съ его стороны. Борисъ перемолчалъ и дождался своего: по разсказу одного современника **), онъ тогда

*) Письмо Тетерина и Сарыгозина къ М. Я. Морозову въ Сказ. кн. *Курбскаго,* стр. 374.

**) Кн. Ив. М. Катырева-Ростовскаго, повѣствованіе котораго о Смутномъ времени вошло въ хронографъ С. Кубасова. *А Попова,* Изборникъ, стр. 286: объ авторѣ сл. стр. 291 и 315 съ Книг. Разр. I, стр. 29 и 566, и Русск. Ист. Библ. т. 2, № 90. Въ боярской книгѣ 1627 г. этотъ кн. Иванъ поставленъ первымъ дворяниномъ московскимъ; онъ умеръ, какъ видно изъ позднѣйшихъ боярскихъ книгъ, въ 1641 г. Другихъ сыновей у боярина кн. М. П. Катырева не видать

только склонился на моленіе московскаго народа, когда убѣдился, что «никотораго прекословія ему нѣсть ни отколѣ отъ мала даже и до велика». За это знать и приготовила гибель Борису и его семейству. Обстоятельства вступленія на престолъ перваго самозванца показываютъ, что именно прекращеніе прежней династіи было для большихъ бояръ ближайшимъ источникомъ мысли объ ограниченіи верховной власти. Годъ спустя эти бояре обязали царя Василія Шуйскаго извѣстными условіями, а бродягу невѣдомаго происхожденія признали царемъ безъ условій, хотя многіе знали, что онъ не сынъ Грознаго. Но самозванецъ шелъ въ личинѣ царевича стараго царскаго рода, съ которымъ договариваться не довелось, не было въ обычаѣ. Заговоръ, низвергнувшій самозванца, былъ дѣломъ чисто боярскимъ, даже олигархическимъ: имъ руководили немногіе первостепенные бояре, кн. В. Шуйскій съ братьями, кн. Голицынъ, кн. Куракинъ. Даже не все родовитое боярство участвовало въ переворотѣ: по замѣчанію келаря Авраамія Палицына, Шуйскій «малыми нѣкими отъ царскихъ полатъ излюбленъ бысть царемъ и никимъ же отъ вельможъ пререкованъ, ни отъ прочаго народа умоленъ». Впрочемъ и это молчаливое одобреніе выбора остальными боярами повидимому не было единодушнымъ: Маржеретъ разсказываетъ о вельможахъ, которые вскорѣ по избраніи царя едва не свели его съ престола, негодуя на то, что онъ былъ избранъ безъ ихъ согласія. На совѣщаніи передъ возстаніемъ титулованные заговорщики положили, что кому изъ нихъ придется быть царемъ, тотъ не долженъ никому мстить за прежнія досады, но править царствомъ «по общему совѣту», т. е. по совѣту всѣхъ бояръ: такъ надобно понимать эти слова по ходу современнаго разсказа о переворотѣ и по событіямъ, его сопровождавшимъ.

Вступленіе царя Василія на престолъ сопровождалось небывалыми еще актами. Новый царь оповѣстилъ землю о своемъ воцареніи грамотами необычнаго содержанія. Въ нихъ

по книгамъ, а въ старыхъ родословныхъ нѣтъ и Ивана.—Татищевъ даже прямо утверждаетъ, что такова именно была цѣль упрямства, съ какимъ Борисъ отказывался отъ престола. *Соловьевъ,* VIII, прим. 11.

онъ писалъ, что принялъ скипетръ по своей «прародительской царской степени», т. е. по происхожденію отъ Рюрика, и «по моленію всего Освященнаго собора и по челобитью всего православнаго христіанства». Такъ царь выводилъ свою власть изъ двухъ источниковъ, придававшихъ ей двойную законность: первый роднилъ его съ угасшей династіей, второй предупреждалъ мысль о самовольномъ употребленіи этого генеалогическаго, наслѣдственнаго права и оба устраняли подозрѣніе въ узурпаціи. Далѣе, выражая намѣреніе держать государство, какъ держали его «прародители наши великіе государи россійскіе цари», онъ возвѣщалъ, что «поволилъ», добровольно соизволилъ крестъ цѣловать «по записи» на томъ, что ему «всякаго человѣка, не осуди истиннымъ судомъ съ бояры своими», смерти не предавать, имѣній у семействъ преступниковъ и ихъ родственниковъ, если они не участвовали въ преступленіи, не отнимать, безъ вины ни на кого опалы своей не класть, «доводовъ ложныхъ», доносовъ не слушать, но разслѣдовать дѣло, ставя обвиняемаго и обвинителя «съ очей на очи», за ложные доносы наказывать. Объявленныя условія подкрестной царской записи существенно измѣняли характеръ верховной власти, дѣйствовавшей доселѣ въ Московскомъ государствѣ. Царь обязывался судить важнѣйшія преступленія «судомъ истиннымъ» или правымъ, какъ бы мы сказали, установленнымъ законнымъ порядкомъ. Такимъ признавался не единоличный судъ царя, а судъ царя «съ бояры своими», т. е. съ боярской думой, какъ высшимъ судебнымъ мѣстомъ. Поэтому царь отказывался отъ «опалы», личной царской немилости съ ея личными и имущественными послѣдствіями для опальнаго, отказывался отъ конфискаціи имѣнія у семей и родни тяжкихъ преступниковъ, причемъ отмѣнялся и самый институтъ уголовной отвѣтственности рода за родичей, наконецъ отказывался отъ чрезвычайнаго слѣдственно-полицейскаго суда по извѣтамъ или доносамъ съ его пытками и оговорами, безъ обычныхъ обоюдусторонихъ судебныхъ доказательствъ, крестоцѣлованія, представленія послуховъ, безъ *ссылокъ на правду* и *изъ виноватаго*, безъ очной ставки и пр. Опала и чрезвычайный судъ по извѣтамъ

вмѣстѣ съ правомъ конфискаціи были не злоупотребленіями, а признанными прерогативами верховной власти. Въ нихъ выражался ея личный характеръ, унаслѣдованный ею отъ удѣльнаго времени и выраженный словами Грознаго: «*жаловать своихъ холопей вольны мы и казнить ихъ вольны же*». Теперь царь Василій всенародно и клятвенно отрекался отъ этой личной власти удѣльнаго государя-хозяина и изъ царя холоповъ превращалъ себя въ правомѣрнаго, какъ бы сказать, *законно-учрежденнаго* государя подданныхъ, правящаго по законамъ посредствомъ установленныхъ учрежденій. Для предотвращенія возможныхъ сомнѣній и недоразумѣній дѣло было обставлено большими предосторожностями и формальностями. Обнародованы были и подкрестная запись, и извѣстительныя грамоты объ обстоятельствахъ воцаренія какъ отъ самого царя, такъ и отъ бояръ, окольничихъ и всякихъ людей Московскаго государства. Въ самой записи и въ окружной грамотѣ было съ удареніемъ указано, что царь торжественно «передъ всѣми людьми» въ Успенскомъ соборѣ цѣловалъ крестъ «всѣмъ людемъ Московскаго государства, всѣмъ православнымъ христіанамъ». Хотѣли показать, что излагаются настоящія политическія обязательства, а не благодушныя и неосторожныя обѣщанія, какихъ на радостяхъ надавалъ при вѣнчаніи на царство Борисъ Годуновъ въ родѣ готовности раздѣлить съ подданными послѣднюю царскую рубашку и которыхъ по самой ихъ ораторской преувеличенности или практической ненужности невозможно было въ случаѣ нужды предъявить ко взысканію. Обязательства царя Василія облечены были въ форму строго юридическаго отвѣтственнаго акта; недоставало только *заряда*, неустойки, какою верховники въ 1730 г. закрѣпляли условія, предложенныя ими Аннѣ Іоанновнѣ: «а буде чего по сему моему обѣщанію не исполню, лишена буду короны россійской». Но и въ 1606 г. эта неустойка подразумѣвалась: послѣ люди, низводившіе царя Василія съ престола, оправдывались между прочимъ тѣмъ, что онъ не исполнилъ своихъ клятвенныхъ обѣщаній.

При новомъ значеніи верховной власти и совѣтъ бояръ получалъ новую постановку. Царь обязывался судить съ сво-

ими боярами, т. е. съ боярской думой, но обязывался въ этомъ не передъ боярами, а передъ «всей землей». Вся земля становилась блюстительницей политическаго авторитета, какой давала думѣ подкрестная запись. Грозный поставилъ думу во главѣ земщины; Василій Шуйскій ставилъ ее подъ охрану всей земли: первый царь, формально отрекшійся отъ личной власти, продолжалъ дѣло предшественника, который расширилъ эту власть до крайнихъ предѣловъ самовластія. Уже прежде, при ближней думѣ и опричнинѣ, боярская дума изъ личнаго совѣта при государѣ превратилась на дѣлѣ въ государственный совѣтъ: запись царя Василія закрѣпляла это фактическое положеніе юридическимъ актомъ. Политическимъ органомъ всей земли былъ земскій соборъ; въ его составъ входила и боярская дума, какъ высшій правительственный корпусъ. Въ силу подкрестной записи дума могла аппеллировать къ собору въ случаѣ нарушенія ея правъ со стороны царя: тогда соборъ становился судьей между царемъ и думой. Такъ стали бы другъ передъ другомъ политическія силы въ высшемъ управленіи, если бы началамъ, провозглашеннымъ въ записи, суждено было осуществиться въ дѣйствующемъ государственномъ порядкѣ.

Страннымъ можетъ показаться, что такое земское значеніе боярской думы и такой политическій авторитетъ земскаго собора утверждалъ именно тотъ царь, который, вступая на престолъ не въ порядкѣ прямого наслѣдованія, обошелся безъ содѣйствія земли, безъ участія земскаго собора, хотя при избраніи Б. Годунова этотъ соборъ уже дѣйствовалъ, какъ высшая учредительная власть. По смерти перваго самозванца города не были призваны избирать новаго царя; для этого дѣла земля не высылала «депутятовъ», какъ выражались тогда московскія канцеляріи, перенявъ это слово у Поляковъ. Бояре, соумышленники Шуйскаго, представили его на Красной площади толпѣ, состоявшей преимущественно изъ московскихъ служилыхъ людей, и она провозгласила его царемъ. Указанная странность объясняется сценой, происшедшей вслѣдъ за тѣмъ въ Успенскомъ соборѣ. Здѣсь, скрѣпляя присягой принятыя на себя

обязательства, новоизбранный царь, по разсказу одного лѣтописца, началъ говорить, чего искони вѣковъ въ Московскомъ государствѣ не важивалось: «цѣлую я крестъ *всей землѣ* на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничего не дѣлати *безъ собору*, никакого дурна». Бояре и *всякіе люди* говорили ему, чтобъ онъ *на томъ* креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелось. Но царь не послушалъ ихъ, цѣловалъ на томъ крестъ и бояре цѣловали ему крестъ, а «со всею землею и съ городами о томъ не ссылались». Современникъ, принадлежавшій къ знатному московскому обществу, кн. И. Хворостининъ въ своихъ запискахъ рѣзко порицаетъ Шуйскаго за эту «клятву всему міру», говоря, что онъ «лукаво крестъ лобза, никто же отъ человѣкъ того отъ него требуя, но самовольне клятвѣ издався». Значитъ, нѣкоторые возставали противъ самой присяги царя всей землѣ, какъ необычнаго и ненужнаго акта, независимо отъ обязательствъ, какія ею скрѣплялись. Но по точному смыслу лѣтописнаго разсказа бояре и всякіе люди, присутствовавшіе при этомъ дѣлѣ, смотрѣли на него иначе: они просили царя не цѣловать креста на томъ, на чемъ онъ хотѣлъ его цѣловать, возражали противъ самого содержанія присяги. Царь ставилъ подлѣ себя съ значеніемъ своего ближайшаго и обязательнаго сотрудника земскій соборъ, а не боярскій совѣтъ. Бояре и всякіе люди находили, что дѣлить власть съ земскимъ соборомъ царю не повелось: значитъ дѣлить ее съ боярскою думой повелось. Здѣсь сказалось политическое воззрѣніе, воспитанное московской правительственной практикой старой династіи. Но настали другія времена, потрясавшія это воззрѣніе въ самой его основѣ. Наслѣдственные, «прирожденные» государи миновались; представилась и не однажды необходимость выбирать царя—дѣло новое, непривычное въ Московскомъ государствѣ, въ первое время даже трудно поддававшееся московскому легитимному мышленію. Это дѣло признано было исключительнымъ правомъ земскаго собора, недавняго учрежденія, которое вызвано было къ жизни именно для разрѣшенія новыхъ чрезвычайныхъ вопросовъ государственнаго порядка. Но соборъ не постоянное учрежденіе, даже

не періодическое собраніе и не могъ вести текущихъ дѣлъ законодательства и управленія: то вѣдалъ царь съ боярской думой. Царь Василій затѣялъ небывалую новизну, поклялся ни надъ кѣмъ не дѣлать никакого дурна безъ собора, т. е. попытался вовлечь земскій соборъ въ текущія дѣла управленія и суда, поставивъ его на мѣсто боярской думы. Какъ надѣялся онъ устроить это, думалъ ли превратить соборъ въ постоянное, ежегодно созываемое собраніе по проекту публициста, сдѣлавшаго извѣстную приписку къ валаамской *Бесѣдѣ*, или какъ иначе—это его дѣло. Но можно, кажется, объяснить побужденія, руководившія его поступкомъ въ Успенскомъ соборѣ.

Умы, возбужденные пресѣченіемъ династіи, вопросъ о царѣ занималъ, разумѣется, всего болѣе. Земскій соборъ не сразу и не всѣми былъ признанъ единственной властью, имѣющей право избирать царя, когда не было наслѣдственнаго. Въ памфлетахъ, вызванныхъ Смутнымъ временемъ, встрѣчается иногда предостереженіе народу не выбирать царя по своей волѣ, но кого Богъ укажетъ. Въ боярской средѣ, помня царствованіе народнаго избранника Б. Годунова, многіе также были противъ всенароднаго избранія царя, только рѣшали вопросъ проще, признавая избраніе царя своимъ боярскимъ дѣломъ. Заслуживаетъ вниманія взглядъ на воцареніе Шуйскаго такъ называемой *Рукописи Филарета*, повѣствованія о Смутѣ, составленнаго не безъ участія этого патріарха: она знаетъ, что Василій былъ избранъ только боярами, безъ собора, и однако признаетъ такое избраніе совершенно правильнымъ. Такого же взгляда держался и боярскій кружокъ, сдѣлавшій царемъ Василія. По низверженіи самозванца бояре настаивали на необходимости разослать грамоты по городамъ и призвать въ Москву совѣтныхъ людей, чтобы выбрать царя всею землею, который былъ бы всѣмъ любъ. Сторонники Шуйскаго не считали этого необходимымъ. Но общее мнѣніе было за соборное избраніе царя, и воцареніе Василія встрѣчено было, какъ узурпація. Другой современникъ, дьякъ Ив. Тимоѳеевъ отражаетъ въ своихъ запискахъ это мнѣніе, называя Василія «мнимымъ царемъ» за то, что онъ сѣлъ не по общему всѣхъ городовъ людскому

совѣту, «самодвижно воздвигся кромѣ воли всея земли и самъ царь поставися», что «не въ землѣ углубилъ свою храмину», т. е. не на земскомъ избраніи утвердилъ свой престолъ.

Царь Василій не могъ не понимать лжи и непрочности своего положенія на престолѣ. Онъ являлся царемъ боярскимъ, даже не всего боярства, а только небольшой его клики. Онъ надѣялся выйти изъ этого положенія неожиданнымъ встрѣчнымъ ходомъ ловкаго игрока, столь соотвѣтствовавшимъ его изворотливому характеру. Вынужденный поступиться своимъ царскимъ полновластіемъ въ пользу боярства, онъ приносилъ эту уступку, какъ великодушный патріотическій даръ всей землѣ, и призывалъ къ себѣ въ сотрудники не боярскую думу, а земскій соборъ. Василій не могъ быть увѣренъ, что соборъ выбралъ бы его въ цари; но ставъ царемъ безъ собора, онъ всегда могъ надѣяться найти въ немъ противовѣсъ боярамъ. Ограниченія царской власти хотѣло боярство, а не вся земля. Потому въ земскомъ соборѣ царь пріобрѣталъ и законную земскую основу своей власти, конспиративной по происхожденію и боярской по обязательствамъ, и болѣе удобнаго товарища по управленію сравнительно съ боярской думой. Отсюда старанія царя придать своему воцаренію видъ возможно болѣе всенароднаго, земскаго акта. Правительство и самъ патріархъ въ оффиціальныхъ грамотахъ и изустныхъ рѣчахъ къ народу возвѣщали, что царя де выбрали «всякіе люди Московскаго государства всѣмъ Московскимъ государствомъ» или «всякіе люди всѣхъ чиновъ и всѣ православные христіане», изо всѣхъ де городовъ на его царскомъ избраніи были люди многіе. Не говорили прямо, что царя выбиралъ земскій соборъ: «всякіе люди», случившіеся на Красной площади въ день провозглашенія царя, не земскіе представители; но все же они земскіе люди, православные христіане. Присягой *всей землѣ* царь пытался произвести своего рода государственный ударъ, которымъ надѣялся избавиться отъ боярской опеки, стать земскимъ царемъ и ограничить свою власть учрежденіемъ, къ тому не привычнымъ, т. е. освободить ее отъ всякаго дѣйствительнаго ограниченія. Земскій соборъ долженъ былъ играть въ правле-

ніе Шуйскаго такую же противобоярскую роль, какую сыгралъ онъ при избраніи Годунова. Попытка Василія не удалась. Подкрестная запись его въ томъ видѣ, въ какомъ она была обнародована, представляется сдѣлкой между заспорившими въ Успенскомъ соборѣ сторонами: бояре отстояли свою думу противъ земскаго собора, а царю уступили присягу всей землѣ, безъ собора лишенную всякой политической силы, да сомнительное удовольствіе великодушной инициативы въ умаленіи своей власти *).

Царь уступилъ боярамъ и правилъ безъ земскаго собора, хотя трудно рѣшить, что мѣшало его созыву, условія ли уговора царя съ боярами, или смутныя обстоятельства этого царствованія. Между тѣмъ значеніе собора замѣтно растетъ именно въ это время. Почуявъ начинавшееся общее потрясеніе, люди тревожно искали въ государственномъ порядкѣ точки опоры и не находя ея въ колеблющемся царѣ, все чаще обращались помыслами къ земскому собору, какъ къ такой опорѣ. Въ немъ видѣли рѣшающую государственную силу, за нимъ признавали право не только избирать царя, но и низводить его съ престола. Въ 1609 г. Сунбулову и его соумышленникамъ, требовавшимъ на Красной площади низложенія царя Василія, толпа возражала, что «безъ большихъ бояръ и всенароднаго собранія» его съ царства свести не можно. То же самое говорилъ мятежникамъ и самъ царь Василій: убить меня вы можете, но не можете согнать меня съ престола безъ большихъ бояръ и дворянъ, безъ совѣта всей земли **). Однако боярская дума осталась во главѣ управленія. Василіево крестоцѣлованіе

*) Лѣт. о мятежахъ, 102. Ник. VIII, 75 и сл. *А. Палицына* Сказаніе, 29. *Карамзинъ,* XI, прим. 524. *Соловьевъ,* VIII, 267. Собр. гос. гр. и дог. II, №№ 141 и 144. Русск. Ист. Библ. XIII, 542, 239, 389 и 400. Другой взглядъ на запись царя Василія см. у *г. Платонова* въ Очеркахъ по ист. смуты въ Моск. госуд. стр. 300 и сл.

**) *Карамзинъ,* XII, прим. 354. *А. Попова,* Изборникъ 198: «аще ли отъ престола и царства мя изгоняете, то не имате сего учинити, дондеже снидутся всѣ большіе бояре и всѣхъ чиновъ люди и азъ съ ними, и какъ вся земля совѣтъ положитъ, такъ и азъ готовъ потому совѣту творити».

косвенно возбуждало вопросъ объ ея отношеніи къ земскому собору; но бояре отстранили этотъ вопросъ, и въ манифестѣ, обнародовавшемъ подкрестную запись, о соборѣ нѣтъ и помину. Первостепенное боярство удовольствовалось обезпеченіями, объявленными въ манифестѣ. Они всѣ направлены къ огражденію личной и имущественной безопасности отъ произвола сверху и ставили боярскую думу высшей блюстительницей этой безопасности: дума подъ предсѣдательствомъ царя становилась высшимъ судилищемъ по самымъ важнымъ преступленіямъ и въ томъ числѣ политическимъ. Политическая компетенція думы, конечно, не ограничивалась этимъ. Изъ одного поздняго и не совсѣмъ чистаго источника узнаемъ, что въ числѣ условій, поставленныхъ боярами Василію Шуйскому, было и обязательство безъ вѣдома и согласія боярской думы не издавать законовъ и не вводить новыхъ налоговъ *). Въ этомъ извѣстіи нѣтъ ничего невѣроятнаго: товарищи Шуйскаго по заговору заранѣе условились съ нимъ править царствомъ т. е. вести всѣ правительственныя дѣла «по общему совѣту». И товарищи хорошо воспользовались этимъ уговоромъ: современники говорятъ, что бояре при Василіи имѣли больше власти, чѣмъ самъ царь, и что послѣднимъ играли, какъ дѣтищемъ. Но не всѣ условія уговора было признано нужнымъ и удобнымъ укрѣплять публичной клятвой царя и обнародовать. Клятвенная запись Василія и не опредѣляетъ всего вѣдомства боярской думы, сложившагося вѣковымъ обычаемъ и не тронутаго даже Грознымъ: она только устанавливаетъ обязательное для царя участіе боярскаго совѣта въ такихъ дѣлахъ, которыя обыкновенно рѣшались личнымъ усмотрѣніемъ царя. Противъ недавней практики этого усмотрѣнія и была направлена запись. Дѣло шло о законномъ огражденіи правъ лица отъ властнаго произвола, а не о перестройкѣ всего государственнаго порядка. Бояринъ, правитель государства, какъ членъ думы, внѣ ея

---

*) *Страленбергъ,* шведъ, взятый въ плѣнъ подъ Полтавой, въ своей Historie der Reisen in Russland etc., 1730 г., стр. 202: Es müsten keine neue Gesetze gemacht, noch alte verändert, vielweniger Contribution ohne Vorbewust und Bewilligung des Senats dem Lande auferleget werden.

чувствовалъ себя безправнымъ и беззащитнымъ наравнѣ со всякимъ холопомъ: потребность устранить эту несообразность, оградить себя отъ повторенія ужасовъ Грознаго, еще разъ испытанныхъ въ царствованіе Годунова, была донельзя наболѣвшимъ чувствомъ боярства. Пережитыя испытанія довели до крайней степени его политическое возбужденіе и поселили въ немъ ожесточенную вражду къ самовластію. Ростовскій митрополитъ Филаретъ, бывшій большой бояринъ, много потерпѣвшій отъ царя Бориса, выражалъ настроеніе своей боярской братіи, когда въ письмѣ, писанномъ изъ польскаго плѣна передъ самымъ избраніемъ его сына на престолъ, оправдывалъ низверженіе царя Василія Шуйскаго, виня его въ произволѣ и нарушеніи принятыхъ на себя политическихъ обязательствъ, возставалъ даже противъ кандидатуры Владислава, потому что и она грозила возстановленіемъ абсолютизма прежнихъ царей. Для невольнаго Борисова постриженника возстановить власть прежнихъ царей значило подвергнуть отечество опасности окончательной гибели, и онъ скорѣе готовъ былъ умереть въ польской тюрьмѣ, чѣмъ на свободѣ присутствовать при такомъ несчастіи *). Такое настроеніе и внушило боярамъ царя Василія попытку публично связать верховную власть въ ея отношеніяхъ къ отдѣльнымъ лицамъ, обезпечивъ участіе боярской думы въ общемъ управленіи негласнымъ уговоромъ. Такъ въ восьмивѣковой исторіи думы образовалось эпизодическое четырехлѣтіе (1606—1610 гг.), единственное время, когда она сверхъ обычной своей дѣятельности была еще въ силу торжественно провозглашеннаго верховной властью закона высшей блюстительницей праваго суда, ограждавшей отъ собственнаго верховнаго предсѣдателя частныя права его подданныхъ. Такой своеобразной комбинаціей высшее боярство надѣялось устранить испытанные недостатки и опасности дѣйствовавшаго государственнаго порядка, съ которымъ ему не хотѣлось разставаться. Поляки того времени говорили о привязанности первостепеннаго московскаго боярства

*) Изложеніе этого письма къ Шереметеву у *Страленберга* въ указанномъ соч. стр. 204.

къ польскимъ учрежденіямъ, о его готовности перестроить московскій государственный порядокъ на польскій ладъ. Это легенда, внушенная неосторожными и несеріозными толками отдѣльныхъ лицъ изъ боярскаго круга. Столкновенія съ Поляками не мало содѣйствовали проясненію политическихъ понятій боярства; но устройство Рѣчи Посполитой не было его серіознымъ политическимъ идеаломъ. Ни изъ чего не видно, чтобы все это боярство когда-либо пыталось установить въ Москвѣ избирательную монархію или передѣлать земскій соборъ въ шляхетскій сеймъ. Оно было настолько сообразительно и знакомо съ положеніемъ дѣлъ дома, чтобы понимать, что такая попытка не только безнадежна и опасна, но и въ случаѣ удачи была бы невыгодна для него же.

Иначе настроена была другая часть правительственнаго класса, состоявшая изъ довольно посредственной знати съ выслужившимися дѣльцами приказовъ, дьяками. Самымъ виднымъ человѣкомъ въ этомъ кругу былъ бояринъ М. Гл. Салтыковъ. Предки его были нехудые люди, и онъ самъ называлъ свой родъ «сенаторскимъ». Но онъ поднялся при царѣ Θедорѣ и особенно въ Смутное время выше своего *отечества*, личными качествами: ни отца, ни дѣда его не встрѣчаемъ не только въ числѣ бояръ, но и между окольничими. Заодно съ нимъ дѣйствуютъ князья Тюфякинъ изъ Оболенскихъ, Хворостининъ изъ Ярославскихъ и Масальскій, также Плещеевъ. Ляпуновы и цѣлый рядъ дьяковъ; даже «торговый дѣтина» Θ. Андроновъ является на этой сторонѣ. Въ среднихъ служилыхъ слояхъ живо чувствовалась уже перемѣна, которой повидимому еще не замѣчали большіе бояре съ своей генеалогической высоты. Въ началѣ XVII в. изъ большихъ боярскихъ фамилій прежняго времени дѣйствовали Мстиславскіе, Шуйскіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Куракины, Пронскіе, нѣкоторые изъ Оболенскихъ и въ числѣ ихъ послѣдній въ роду своемъ Курлятевъ, Шереметевы, Морозовы, Шеины— и почти только; а рядомъ съ ними видимъ Масальскихъ, Прозоровскихъ, Долгорукихъ, Нагихъ, Плещеевыхъ, которымъ въ прежнее время до тѣхъ большихъ родовъ было далеко. Посред-

ствующихъ фамилій, прежде стоявшихъ между тѣми и другими, теперь не стало, и къ этой генеалогической убыли присоединилась еще политическая перетасовка фамилій, произведенная бурями Смутнаго времени, понизившая одни роды и поднявшая другіе. Въ XVII в. трудно стало служилымъ людямъ считаться мѣстами: это можно почувствовать по тѣмъ средствамъ, къ которымъ они прибѣгали, чтобы выйти изъ мѣстническихъ затрудненій. Съ одной стороны, худыя колѣна родовъ, оставшись безъ добрыхъ старшихъ, старались по наслѣдству присвоить себѣ ихъ родословное дородство; съ другой, добрыя фамиліи не знали, что дѣлать съ поднявшимися случайно выше ихъ худыми. Къ половинѣ XVII в. многихъ добрыхъ Плещеевыхъ не стало. Въ 1646 г. одинъ Плещеевъ изъ худого колѣна заупрямился съ самимъ Шереметевымъ. Упрямца послали на три дня въ тюрьму, объяснивъ, что и получше его были Плещеевы-Бяконтовы, Басмановы, Очины, да и тѣ съ Шереметевыми бывали «безсловно», а онъ изъ какихъ Плещеевыхъ? изъ Туровкиныхъ, которые бывали у митрополитовъ и архіепископовъ въ десятникахъ, на Москвѣ въ стрѣльцахъ и пирожникахъ, въ городахъ у воеводъ въ деныщикахъ. Въ 1614 г. заспорили стольники князья Прозоровскіе со стольниками князьями Куракиными. Царь велѣлъ судить ихъ боярамъ, которые спросили Прозоровскихъ, почему имъ невмѣстно быть съ Куракиными, и потребовали «случаевъ» въ оправданіе жалобы. Но Прозоровскіе обратились съ просьбой о судѣ мимо бояръ прямо къ государю: случаевъ у насъ много, говорили они въ объясненіе своего поступка, да передъ боярами положить ихъ нельзя, потому что и до *многихъ бояръ въ случаяхъ дойдетъ*. Мѣстничество не сбивало думныхъ и служилыхъ людей въ густые плотные ряды, а вытягивало ихъ въ длинную тонкую цѣпь. Теперь, когда многія звенья этой цѣпи выпали, разорванныя части не знали, какъ стать и сцѣпиться другъ съ другомъ, и замѣшались. На мѣстнической іерархіи основанъ былъ правительственный распорядокъ думныхъ и служилыхъ людей. Здѣсь дѣйствовало правило, что служба не дѣлаетъ родовитымъ, что за службу государь можетъ пожаловать помѣстьемъ и день-

гами, но не отечествомъ; потому служебный чинъ самъ по себѣ мало значилъ въ мѣстничествѣ. Но теперь, когда на опустѣлыя родовитыя мѣста тѣснилось много чиновной знати, чинъ изъ показателя родовитости хотѣли превратить въ ея источникъ, и люди, ставшіе «великими» путемъ службы, начали развивать мысль, которая была въ ходу при Грозномъ въ опричнинѣ и такъ энергично, хотя и не совсѣмъ набожно высказана была Грязнымъ, что государь, какъ Богъ, и малаго чинитъ великимъ. Въ 1602 г. Пильемовъ, далеко не изъ лучшихъ Сабуровыхъ, тягался съ кн. Лыковымъ-Оболенскимъ. Когда противникъ въ своихъ «случаяхъ» указалъ на то, что отецъ Пильемова былъ на неважной должности городничаго въ Смоленскѣ, Пильемовъ поставилъ противъ этого случая любопытное возраженіе. Возразивъ, что городничимъ отецъ его посланъ былъ въ опалѣ, въ чемъ воленъ Богъ да государь, онъ прибавилъ, что иные большіе роды бывали и хуже городничихъ, городовыми прикащиками, а нынѣ царскою милостію въ боярахъ сидятъ. Все то дѣлается, сказалъ онъ въ заключеніе, Божіимъ милосердіемъ да государевымъ призрѣніемъ: *великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ* *). Сказать, что великость и малость человѣка зависитъ отъ государева жалованія, значило вполнѣ отвергнуть самое основаніе, на которомъ держался весь мѣстническій и политическій строй боярства. Провозглашеніемъ этого новаго правила положено было начало не только разрушенія мѣстничества, но и перестройки связаннаго съ нимъ правительственнаго порядка.

Въ служиломъ классѣ отражалось общее соціальное броженіе, обнаружившееся съ конца XVI в. Современные наблюдатели изображаютъ его довольно рѣзкими чертами. Описывая начало Смуты, Авраамій Палицынъ пишетъ, что тогда всякій началъ «изъ своего чину» подниматься выше, рабы захотѣли быть господами. Въ томъ же видитъ корень зла дьякъ Ив. Тимоѳеевъ, замѣчая, что малые люди стали соперничать съ боль-

*) Дворц. Разр. т. III, стр. 44. Русск. Ист. Сборн. Общ. Ист. и Др. Росс. т. V, 317; II, 244.

ними, рабы съ господами. Онъ винитъ въ этомъ прежде всего новыхъ царей, ихъ легкомысленное отношеніе къ старинѣ, колебавшее древнія устоявшіяся установленія, раздачу чиновъ не по отечеству и не по заслугамъ. Почувствовавъ колебаніе отцами преданныхъ порядковъ, люди утратили прежнюю устойчивость и выдержку, стали «въ дѣлахъ и словахъ нестоятельны» и завертѣлись, точно колесо. Приводя въ связь событія Смутнаго времени, дьякъ готовъ повести ихъ отъ того, какъ выражается онъ, почти повторяя извѣстныя слова кн. Пожарскаго,— отъ того, что «мы попустили царю Борису губить столпы великіе, которыми земля наша утверждалась» *). Какъ скоро отношенія стали выступать изъ колеи, проведенной преданіемъ, обычаемъ, почувствовалась потребность опредѣлить ихъ точнымъ уложеніемъ, закономъ. Подъ вліяніемъ мысли о необходимости такого уложенія развивались политическія понятія М. Г. Салтыкова и его товарищей. Они живѣе первостепенной знати чувствовали совершившіяся перемѣны, больше ея терпѣли отъ недостатка политическаго устава и отъ личнаго произвола, и потому ихъ политическія понятія получили болѣе широты и ясности, а испытанные перевороты и столкновенія съ иноземцами помогли имъ въ этой работѣ. Въ письмахъ къ литовскому канцлеру Сапѣгѣ Салтыковъ высказываетъ свой политическій образъ мыслей. Онъ противъ тиранніи и порядка, основаннаго на измѣнчивомъ личномъ произволѣ: государь долженъ людей къ себѣ приводить милосерднымъ жалованьемъ, лаской и «постоятельствомъ», а не гоненіемъ, кровью и «премѣнными дѣлы»; управленіемъ, основаннымъ на постоянномъ, а не измѣнчивомъ порядкѣ, надобно присвоять людей, овладѣвать ими, особенно неприродному государю. Членъ «сенаторскаго рода», Салтыковъ твердо держался убѣжденія, что управленіе могутъ вести, какъ слѣдуетъ, только люди, обладающіе правительственнымъ опытомъ и авторитетомъ, т. е. люди боярскаго происхожденія, которымъ московскіе государственные обычаи «старовѣдомы». Потому онъ горячо возстаетъ

*) Русск. Ист. Библ. XIII, 505, 262 и 380.

противъ временщиковъ, «веременниковъ», которые случайно попали въ думцы и правители, въ родѣ «торговаго мужика» Андронова.

Впрочемъ нужны были исключительныя обстоятельства, чтобы накопившіеся политическіе опыты и размышленія облечь въ форму ясно выраженныхъ политическихъ требованій. Образъ дѣйствій Годунова и Шуйскаго, которые повторили на престолѣ ошибки и злоупотребленія царей старой династіи, не обладая ихъ авторитетомъ, утвердили во многихъ боярахъ и другихъ правительственныхъ лицахъ мысль, что между своими не найдешь вполнѣ удобнаго кандидата на престолъ и лучше поискать его на сторонѣ, между иноземными принцами. Одинъ лѣтописецъ разсказываетъ, что люди всѣхъ чиновъ, не желая долѣе терпѣть Шуйскаго на престолѣ, просили патріарха послать къ польскому королю, чтобъ онъ далъ своего сына на Московское царство. Гермогенъ, указавъ на опасности такого избранія, спросилъ: развѣ вы не можете выбрать кого-нибудь изъ русскихъ князей?—Не хотимъ своего брата слушаться, отвѣчали ему на это князья и бояре: ратные люди не боятся царя изъ Русскихъ, не слушаются его и не служатъ ему. Нѣкоторые доходили до такого политическаго упынія, что потерявъ надежду на возможность установить прочную наслѣдственную династію, склонялись уже, если вѣрить Жолкевскому, къ мысли о свободномъ избраніи, подобномъ польскому, т. е. объ учрежденіи избирательной монархіи *). И Салтыковъ съ своими товарищами по Тушинскому лагерю рѣшился отъ имени Московскаго государства предложить московскій престолъ сыну польскаго короля на извѣстныхъ условіяхъ. Такъ былъ заключенъ подъ Смоленскомъ договоръ 4 февраля 1610 года, первый дошедшій до насъ въ подлинномъ актѣ московскій опытъ построенія государственнаго порядка, основаннаго на формальномъ ограниченіи верховной власти. Недовѣріе къ иноземцу и католику естественно вызывало напряженную осмотрительность въ вопросѣ о церковныхъ и политическихъ обезпече-

*) П. С. Р. Лѣт. V, 60. Записки гетм. *Жолкевскаго*, стр. 12.

ніяхъ. Притомъ трактатъ вырабатывался среди переговоровъ съ польскими панами, и русскіе политики незамѣтно для самихъ себя подчинялись дѣйствію если не политическихъ обычаевъ и формъ Рѣчи Посполитой, то политическихъ понятій и вкусовъ, которыми были проникнуты ея вельможные представители. Всѣ эти разнообразныя вліянія отразились на договорѣ 4 февраля. Здѣсь опредѣляются права всего народа и отдѣльныхъ его сословій, прежде и болѣе всего, разумѣется, служилаго класса. Каждому изъ народа московскаго вольно выѣзжать для науки въ другія государства, но только христіанскія. Братья и семьи подвергшихся казни не наказываются за ихъ вину и не лишаются имущества, если не участвовали въ преступленіи. Имѣнія и права духовенства, какъ и всякихъ служилыхъ людей, остаются неприкосновенными. Крестьяне не могутъ переходить отъ одного землевладѣльца къ другому; холопы остаются въ прежней зависимости. Верховная власть ограничивается земскимъ соборомъ и боярской думой. Первый имѣетъ учредительное значеніе: измѣненіе суднаго обычая или исправленіе Судебника зависитъ отъ бояръ и всей земли; что не предусмотрѣно въ условіяхъ договора, о томъ дѣлаютъ предложенія государю духовенство, бояре и всѣхъ чиновъ люди, и государь рѣшаетъ предложенные вопросы со всѣмъ Освященнымъ соборомъ, боярами и всею землей, по обычаю Московскаго государства. Дума имѣетъ законодательную власть: вопросы о налогахъ, о жалованьи служилымъ людямъ, объ ихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ рѣшаются государемъ съ боярами и думными людьми; безъ согласія думы государь не вводитъ новыхъ податей и никакихъ вообще перемѣнъ въ налогахъ, установленныхъ прежними государями. Думѣ принадлежитъ и высшая судебная власть: безъ слѣдствія и безъ суда «съ бояры всѣми» государю никого не карать, чести не лишать, въ ссылку не ссылать, великихъ чиновъ людей безъ вины не понижать, а меньшихъ людей возвышать по заслугамъ; всѣ эти дѣла, какъ и дѣла о наслѣдствахъ послѣ умершихъ бездѣтно, государю дѣлать по приговору и совѣту бояръ и думныхъ людей, а безъ думы и приговора такихъ дѣлъ не дѣлать. Оговоренъ

въ трактатѣ одинъ случай, разрѣшаемый боярской думой въ соединенномъ засѣданіи съ Освященнымъ соборомъ высшаго духовенства: если понадобится для людей римской вѣры имѣть костелъ въ Москвѣ, о томъ будетъ совѣтъ съ патріархомъ, со всѣмъ духовенствомъ, боярами и думными людьми *). Такъ договоръ 4 февраля, довольно подробно опредѣливъ политическій авторитетъ думы, призналъ и впервые формулировалъ авторитетъ земскаго совѣта и формулировалъ согласно *съ обычаемъ Московскаго государства.* Изъ условій договора видимъ, что онъ развивалъ и точнѣе опредѣлялъ то же значеніе земскаго собора, какое послѣдній имѣлъ въ XVI в. и какое придавало ему русское общество въ началѣ XVII в. Это была важная особенность, отличавшая договоръ Салтыкова отъ условій, которыми связало царя Василія высшее боярство, повидимому не считавшее нужнымъ опредѣлять политическое значеніе земскаго собора. Вскорѣ по низверженіи царя Василія договоръ Салтыкова былъ принятъ и московскими боярами, которые впрочемъ выкинули при этомъ статьи о правѣ ѣздить за границу для науки и о повышеніи меньшихъ людей, прибавивъ съ своей стороны условіе: «московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ отечествѣ не тѣснить и не понижать» **).

Но этотъ договоръ, заключающій въ себѣ такой подробный, столь тщательно разработанный планъ государственнаго устройства, остался только планомъ, опытомъ московской политической мысли, не ставъ фактомъ московской политической жизни. Боярской думѣ не пришлось дѣйствовать на точномъ основаніи этого договора. Въ междуцарствіе она находилась въ исключительномъ положеніи, была временнымъ правительствомъ безъ государя, безсильнымъ и «безпутнымъ», какъ назвалъ его В. Н. Татищевъ. Когда въ августѣ 1610 г. московскіе бояре приняли съ поправками договоръ 4 февраля и Москва присягала королевичу Владиславу, устанавливалось уже пятое

---

*) Записки гетм. *Жолкевскаго,* прилож. № 20.

**) Собр. госуд. грам. и дог. II, № 199.

правительство со времени пресѣченія старой династіи. пробовали пятую политическую комбинацію съ цѣлію упроченія расшатаннаго государственнаго порядка. И эта комбинація не удалась и не была послѣдней изъ неудачныхъ. Спустя 7 мѣсяцевъ къ сожженной Москвѣ подступило подъ предводительствомъ Прок. Ляпунова первое земское ополченіе, чтобы очистить Кремль и Китай-городъ отъ засѣвшихъ тамъ Поляковъ. Это ополченіе состояло большею частію изъ провинціальныхъ дворянъ. поднятыхъ Ляпуновымъ, къ которымъ присоединились приверженцы второго самозванца съ кн. Д. Трубецкимъ во главѣ и казаки Заруцкаго. Ополченіе представляло собою «всю землю», по крайней мѣрѣ признавало себя ея представителемъ и ея именемъ 30 іюня 1611 г. установило подъ стѣнами Москвы новое временное правительство, поставивъ во главѣ его трехъ только-что названныхъ вождей *). Чрезъ нѣсколько дней главный вождь палъ отъ казацкихъ рукъ и все дѣло рушилось. По всѣмъ этимъ шести опытамъ проходитъ одна рѣзкая черта, связывающая ихъ въ послѣдовательный историческій процессъ: это—не угасающая мысль о земскомъ соборѣ. Его призываютъ по смерти царя Ѳедора, чтобы избрать на царство Б. Годунова; на его судъ первый самозванецъ отдаетъ кн. В. Шуйскаго, обвиненнаго въ распространеніи слуховъ о самозванствѣ новаго царя. и соборъ приговариваетъ агитатора къ смерти; его признаетъ своимъ обязательнымъ сотрудникомъ и товарищемъ по власти взамѣнъ боярской думы этотъ самый кн. В. Шуйскій, принося присягу при вступленіи па престолъ; ему усвояетъ учредительную власть договоръ 4 февраля; его пытается созвать по низложеніи Шуйскаго боярская дума, чтобы выбрать новаго царя всею землею. О земскомъ соборѣ думаетъ каждое возникающее правительство, каждая новая политическая комбинація цѣпляется за него, какъ за источникъ власти и необходимую опору порядка. Среди общаго броженія образъ земскаго собора все явственнѣе очерчивается въ смущенныхъ умахъ, и

*) Обстоятельное объясненіе состава ополченія и устройства управленія по приговору 30 іюня см. у г. *Платонова* въ Очеркахъ по исторіи Смуты, стр. 492—512. *Татищева* Исторія I, 545.

этотъ образъ не похожъ на земскій соборъ прежняго времени. Въ XVI в. это еще не народное представительство въ собственномъ смыслѣ: въ составъ тогдашняго земскаго собора входили кромѣ высшихъ правительственныхъ учрежденій, боярской думы и Освященнаго собора, все должностныя лица, призываемыя правительствомъ; выборныхъ земскихъ гласныхъ на немъ не замѣтно. Среди Смуты вырабатывается мысль о «совѣтномъ» человѣкѣ, выборномъ сословномъ представителѣ, уполномоченномъ представлять на соборѣ нужды и желанія своихъ избирателей. Извѣщая землю о сведеніи Шуйскаго съ престола, временное боярское правительство писало, чтобы изъ городовъ прислали «къ Москвѣ изо всѣхъ чиновъ выбравъ по человѣку». Вмѣстѣ съ тѣмъ и авторитетъ собора все расширяется. Приговоръ 30 іюня своего рода политическая программа, спѣшное походное очертаніе государственнаго порядка, какой сложился въ русскихъ умахъ изъ тяжелыхъ опытовъ того мятежнаго времени. Мѣсто боярской думы здѣсь занимаютъ выборные троеначальники, а земскимъ соборомъ является то, что приговоръ называетъ «всею землей» и въ одномъ мѣстѣ «боярскимъ и всей земли совѣтомъ». Составъ этого совѣта по сохранившимся спискамъ приговора не ясенъ: но въ него входили представители отъ городовъ и полковъ, собравшихся подъ Москвой. Бояре-троеначальники пользуются исполнительной и ограниченной судебной властью: ихъ дѣло «строить землю, земскимъ и всякимъ ратнымъ дѣломъ промышлять и расправу всякую межъ всякихъ людей чинить въ правду». Раздача помѣстій и вотчинъ, назначеніе начальника и дьяковъ Помѣстнаго приказа, приговоры о ссылкѣ и смертной казни относятся къ компетенціи земскаго совѣта: бояре не рѣшаютъ ихъ, не поговоря со всею землею; особенно настойчиво подтверждено, чтобы «не объявя всей землѣ, смертныя казни никому не дѣлать и по городомъ не ссылать». Вся земля выбираетъ бояръ «въ правительство», какъ и смѣняетъ ихъ. Земскій совѣтъ высшая распорядительная и рѣшающая власть въ текущихъ дѣлахъ управленія и суда, какія по договору 4 февраля вѣдаетъ боярская дума. Значитъ, Смута была колыбелью мысли

о земскомъ соборѣ новаго типа, нѣсколько напоминающаго проектъ приписки къ валаамской *Бесѣдѣ*, съ новымъ составомъ и значеніемъ, съ выборными сословными гласными, съ болѣе близкимъ и постояннымъ участіемъ въ законодательствѣ и управленіи и съ инымъ отношеніемъ къ боярской думѣ. Эта мысль не осталась безъ вліянія на постановку высшаго управленія послѣ Смуты.

Съ разныхъ сторонъ дошли до насъ извѣстія, согласно свидѣтельствующія, что новый царь Михаилъ вступилъ на престолъ съ ограниченною властью; но условія этого ограниченія передаются различно. Одинъ современникъ псковичъ, описавшій событія Смутнаго времени, разсказывая съ негодованіемъ о томъ, какъ бояре при Михаилѣ «обладали Русскою землею», царя ни во что не ставили и не боялись, замѣчаетъ между прочимъ, что сажая его на царство, они заставили его поцѣловать крестъ на томъ, что ему не казнить смертью за преступленія людей вельможескихъ и боярскихъ родовъ, а только наказывать заточеніемъ. Другое извѣстіе, сообщенное Татищевымъ, говоритъ, что хотя избраніе царя Михаила «было порядочно всенародное, да съ такою же записью», какая взята была боярами съ Шуйскаго. Третьимъ свидѣтелемъ является извѣстный подьячій Посольскаго приказа Котошихинъ, бѣжавшій изъ отечества 19 лѣтъ спустя по смерти Михаила. Въ его время, если только онъ вѣрно передаетъ историческія воспоминанія своихъ современниковъ, господствовало мнѣніе, что всѣ цари, избиравшіеся на престолъ по прекращеніи старой династіи, правили съ ограниченною властью, что «на нихъ были иманы письма» съ извѣстными обязательствами: по крайней мѣрѣ онъ не дѣлаетъ никакой оговорки ни о Годуновѣ, ни о первомъ самозванцѣ, который впрочемъ и не считался царемъ выбраннымъ. Обязательства «обиранныхъ» царей по Котошихину состояли въ томъ, чтобъ «имъ быть нежестокимъ и непальчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнить ни за что и мыслити о всякихъ дѣлахъ съ бояры и съ думными людьми сопча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати». Только нынѣшняго царя (Алексѣя),

продолжаетъ Котошихинъ, «обрали на царство, а письма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ». Котошихинъ не выдѣляетъ царя Михаила изъ числа прежнихъ царей, дававшихъ на себя письма. Напротивъ, объ этомъ царѣ онъ замѣчаетъ, что хотя Михаилъ и писался самодержцемъ, «однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего». По взгляду московскаго приказнаго, и царя Алексѣя «обрали на царство», и съ него могли спросить письмо и не спросили только потому, что считали его очень тихимъ. Слѣдовательно избирательное право земли не представлялось прекратившимся съ избраніемъ на престолъ Михаила. По изложеннымъ извѣстіямъ нельзя заключать, чтобъ обязательства, данныя Михаиломъ, были такъ же неопредѣленны или частны, какъ обязательства, изложенныя въ записи Шуйскаго. Въ окружной грамотѣ, разосланной боярами во время междуцарствія, и о договорѣ Салтыкова сказано только, что въ силу его Владиславъ обязался православной вѣры не разорять, городовъ отъ государства не отводить, имуществъ у подданныхъ не отнимать и безъ сыску ни надъ кѣмъ никакого дурна не учинять; но изъ подлиннаго текста договора знаемъ, что обязательства далеко не ограничивались одними этими условіями *). Воеводъ Шеина и Измайлова казнили смертью за капитуляцію подъ Смоленскомъ въ 1634 году; но это было по приговору царя съ боярами, раздраженными на Шеина за его выходки противъ нихъ. Важнѣе было то, что семейства и родственники осужденныхъ по этому дѣлу, нисколько въ немъ не виноватые, попрежнему были наказаны ссылкой и конфискаціей имущества, что противорѣчило и записи Шуйскаго, и договору Салтыкова; но это могло быть исключительнымъ приговоромъ думы, не нарушавшимъ общаго правила. И другое учрежденіе является съ значеніемъ, какого ему не дано ни въ записи Шуйскаго, ни въ договорѣ Салтыкова. Царствованіе Михаила было време-

---

*) П. Р. Лѣт. V, 64 и 66. Записка *Татищева* въ альманахѣ «Утро» 1859 г., стр. 375. *Котош.* 104. Собр. гос. гр. и дог. II, стр. 441.

немъ усиленной дѣятельности земскаго собора, на обсужденіе котораго предлагались вопросы, по акту 4 февр. 1610 г. рѣшаемые государемъ съ думой, напримѣръ, вопросы о новыхъ налогахъ, по крайней мѣрѣ экстренныхъ на военныя нужды. Еще замѣчательнѣе то, что сама боярская дума признавала необходимымъ участіе земскаго собора въ рѣшеніи такихъ дѣлъ, которыя далеко не имѣли значенія важныхъ законодательныхъ вопросовъ. Въ первые годы Михаилова царствованія англійское правительство черезъ своего агента Джона Мерика обратилось къ московскому съ нѣсколькими предложеніями, направленными къ развитію восточной торговли англичанъ. Оно просило, чтобы англичанамъ дозволено было ѣздить Волгою въ Персію, искать р. Обью дороги въ Индію и Китай, на р. Сухонѣ искать желѣзной и оловянной руды, около Вологды сѣять ленъ и ткать полотно и т. п.; наконецъ оно просило, чтобы запрещенъ былъ вывозъ смолы изъ Московскаго государства. На эти предложенія дума отвѣчала Мерику, что «такого дѣла теперь рѣшить *безъ совѣту всего государства* нельзя ни по одной статьѣ» *). Все это какъ будто указываетъ на то, что правительственный порядокъ, дѣйствовавшій при Михаилѣ, основанъ былъ на какомъ-то новомъ сочетаніи условій, являющихся въ прежнихъ актахъ объ ограниченіи верховной власти. Но вѣроятнѣе, что договоръ съ Михаиломъ былъ повтореніемъ условій, поставленныхъ Шуйскому, и только измѣнившіяся обстоятельства заставили теперь думу дѣйствовать не такъ, какъ она тогда дѣйствовала. Теперь, какъ и при Шуйскомъ, договоръ не опредѣлялъ политическаго значенія земскаго собора, предоставляя боярской думѣ, какъ руководящей власти, обращаться къ нему за содѣйствіемъ, когда она найдетъ это нужнымъ. Прежде соборъ не вмѣшивался въ текущія дѣла управленія. Но положеніе государства послѣ Смутнаго времени заставило дать ему нѣсколько иное значеніе.

---

*) *Соловьева,* Ист. Россіи, IX, 94, 125 и 190. Впрочемъ «совѣтъ всего государства» ограничивается опросомъ московскихъ торговыхъ людей, будетъ ли выгодно принять предложенія Мерика.

Возстановляя порядокъ среди общей разрухи, боярское правительство на каждомъ шагу встрѣчалось съ дѣлами текущаго управленія, которыхъ оно не могло разрѣшить собственными скудными средствами, и потому должно было чаще прежняго обращаться за содѣйствіемъ къ земскому собранію даже въ такихъ вопросахъ, которые прежде государь разрѣшалъ съ одними боярами, не спрашивая мнѣнія прочихъ чиновъ государства *).

Соображая обстоятельства, при которыхъ возникаетъ и развивается въ боярской средѣ мысль о договорѣ съ государемъ, надобно признать, что эта мысль не развилась сама собою изъ правительственнаго обычая, установившагося въ XV—XVI вѣкахъ. Въ томъ видѣ, какъ выражали ее люди начала XVII вѣка, она была вызвана исключительными и частію случайными вліяніями, подъ которыя стало поколѣніе, смѣнившее сверстниковъ Ивана Грознаго, хотя повидимому еще держалась въ умахъ нѣсколько времени послѣ того, какъ перестали дѣйствовать вызвавшія ее условія. Эти условія были созданы перемѣнами въ составѣ и настроеніи боярства, прекращеніемъ династіи и внѣшними отношеніями государства при новыхъ царяхъ. Но эта мысль внесла очень мало новаго въ правительственную практику: дума, авторитетъ и дѣятельность которой были ограждены политическимъ договоромъ, дѣйствовала точно такъ же, какъ и прежде, правила и законодательствовала при Шуйскомъ, какъ и при Грозномъ. Это потому, что новая мысль не была новымъ началомъ въ устройствѣ Московскаго государства: политическій договоръ былъ только замѣной правительственнаго обычая, дѣйствовавшаго въ XVI вѣкѣ, но поколебавшагося въ концѣ этого столѣтія. Вотъ почему и люди, добивавшіеся этого договора, такъ часто ссылались на этотъ обычай, вводя небывалую повидимому политическую новизну, такъ настойчиво твердили о политической старинѣ. Они повидимому и сами не сознавали хорошенько, какъ круто переламывали они старый порядокъ, превращая отношеніе исторически-привычное въ отношеніе юридически-обязательное.

---

*) См. приложеніе VII.

Глава XIX.

Боярскій совѣтъ въ древней Руси былъ показателемъ общественныхъ классовъ, руководившихъ въ данное время народнымъ трудомъ.

Изложенными опытами политическаго договора кончилась политическая исторія боярской думы. Далѣе она перестаетъ быть участницей верховной власти, становясь только ея орудіемъ, остается во главѣ управленія, какъ его привычный рычагъ, но изъ политической силы превращается въ простое правительственное средство. Въ XVII вѣкѣ въ ней происходятъ нѣкоторыя перемѣны; онѣ вызываются потребностями текущаго управленія и сообразно съ усложняющимися задачами правительства развиваютъ ее, какъ правительственное орудіе, не расширяя ея политическаго авторитета.

Остатки боярства, пережившіе Смуту, очутились среди новаго сочетанія политическихъ условій и отношеній. Прежде его политическая жизнь поддерживалась преимущественно удѣльными преданіями, питавшими его московскія политическія притязанія, мѣстническимъ распорядкомъ его службы, дававшимъ главную опору этимъ притязаніямъ, и двойственнымъ значеніемъ московскаго государя, вотчиннымъ, позволявшимъ боярству считаться съ нимъ удѣльными отношеніями и понятіями, и національно-государственнымъ, ихъ отрицавшимъ. Теперь всѣ эти элементы политической жизни истощились: наличное боярство настолько отодвинулось отъ удѣльнаго времени и обновилось въ своемъ составѣ, что уже плохо помнило или игнорировало удѣльную старину; вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстничество такъ запуталось, что служило больше поводомъ къ дерзкимъ служебнымъ выходкамъ худородныхъ новиковъ, чѣмъ средствомъ возстановленія правильныхъ родословныхъ и разрядныхъ отношеній; наконецъ, на престолѣ сидѣлъ не потомокъ удѣльныхъ князей, а народный избранникъ, свободный отъ удѣльныхъ преданій и тѣхъ противорѣчій, какія вносили они въ положеніе національнаго государя объединенной Великороссіи. Въ связи

съ этими перемѣнами въ положенiи боярства измѣнялось положенiе и его правительственнаго органа, боярской думы.

Въ XVI вѣкѣ значенiе думы держалось на «московскомъ обычаѣ», сложившемся посредствомъ практическаго опредѣленiя отношенiй государя къ правительственному классу. Когда этотъ обычай поколебался, въ классѣ возникла мысль опредѣлить эти отношенiя договоромъ. Когда миновали исключительныя обстоятельства, вызвавшiя эту мысль, тогда оказалось, что разрушался самый классъ, ее проводившiй. Это разрушенiе, какъ мы видѣли, замѣтно отразилось на составѣ боярской думы XVII вѣка. Уже въ началѣ этого столѣтiя люди чувствовали его живѣе, чѣмъ можемъ почувствовать мы съ разрядными и родословными книгами въ рукахъ. Взявшись командовать земскимъ ополченiемъ противъ Поляковъ, худородный князь Пожарскiй говорилъ въ 1612 году про одного представителя стараго боярства, князя В. В. Голицына, бывшаго въ польскомъ плѣну: «теперь бы такiе люди были надобны; былъ бы теперь здѣсь такой столпъ, какъ князь Василiй Васильевичъ, такъ за него всѣ держались бы, и я за такое великое дѣло мимо его не взялся бы». А вся сила этого столпа заключалась не въ какихъ-либо особыхъ личныхъ качествахъ, а въ томъ, какъ онъ самъ говорилъ о себѣ, что «отца моего и дѣда изъ думы не высылывали, и думу они всякую вѣдали, и не купленное у нихъ было боярство». Исторiя личнаго состава боярской думы въ XVII вѣкѣ есть исторiя постепеннаго паденiя такихъ столповъ, наслѣдственно думу вѣдавшихъ. Въ XVI вѣкѣ правилъ классъ: отдѣльныя лица значили мало. Въ XVII вѣкѣ правятъ лица, иногда превосходныя, блестящiя лица, стоившiя Косыхъ, Курбскихъ, Воротынскихъ XVI в., но не составлявшiя и не представлявшiя класса. При господствѣ этихъ лицъ и восторжествовало начало, разрушавшее весь строй прежняго правительственнаго класса, которое такъ стереотипно выразилъ Пильемовъ, сказавъ на мѣстническомъ судѣ въ 1602 году: «великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ». Значитъ, пока держался правительственный боярскiй классъ, значенiе боярской думы не было ограждено политическимъ договоромъ, будучи, по мнѣнiю людей

того времени, достаточно упрочено правительственнымъ обычаемъ. Когда вслѣдствіе колебанія обычая явился договоръ, правительственный классъ уже разрушался, а благодаря его разрушенію не удержался договоръ и не возстановился въ прежней силѣ правительственный обычай. Такъ можно обозначить моменты политической исторіи думы въ XVI и XVII вѣкахъ.

Чтобъ оцѣнить значеніе и происхожденіе послѣдняго изъ этихъ моментовъ, надобно привести его въ связь со всей исторической судьбой учрежденія. Въ X в., когда оно впервые является передъ нами по нашимъ памятникамъ, въ немъ присутствуютъ рядомъ съ боярами князя представители главнаго волостнаго города, городская старшина, образовавшаяся еще въ то время, когда большіе торговые города были единственной организованной силой, оборонявшей страну и руководившей ея экономическою жизнью. Въ тѣ времена они оружіемъ или мирными средствами завоевали свои городовые округа, волости. Въ X в., когда городская старшина сидѣла въ думѣ князя, эти города продолжали руководить экономическою жизнью страны, но уже не правили мѣстными обществами, которыя были въ другихъ рукахъ. Въ XII вѣкѣ, когда они пріобрѣтають прежнее правительственное вліяніе на мѣстныя общества, на свои волости, ихъ «старцы» уже не сидятъ въ думѣ князя повидимому нигдѣ кромѣ Новгорода; но тогда эти города уже переставали руководить и хозяйственными оборотами страны. Въ думѣ князя остаются одни его бояре. Когда волостные города съ успѣхомъ оспаривали у нихъ правительственное вліяніе на мѣстныя общества, классъ, верхнимъ слоемъ котораго было боярство, оставался руководящей оборонительною силой страны и начиналъ овладѣвать народнымъ трудомъ; онъ становился классомъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ въ то время, когда внѣшняя торговля переставала быть главною силой въ народномъ хозяйствѣ. Въ Новгородѣ и Псковѣ удѣльныхъ вѣковъ мѣстнымъ управленіемъ руководила дума господъ, которую составляли члены мѣстнаго боярства, образовавшагося изъ древней городской старшины. Политически этотъ правительственный боярскій совѣтъ вполнѣ зависѣлъ отъ народной

массы, собиравшейся на вѣчѣ. Но покорное повидимому орудие вѣчевой площади, боярство вольныхъ городовъ правило мѣстнымъ рынкомъ, посредствомъ своихъ капиталовъ руководило трудомъ той самой массы, передъ которой отвѣчало по дѣламъ управленія на вѣчѣ. Въ княжествѣ удѣльнаго времени князь правилъ съ совѣтомъ бояръ, которые были собственно его вольнонаемные дворцовые приказчики. Бродячіе люди, разбивавшіеся по удѣламъ, они не составляли правительственнаго класса, долго не могли сомкнуться ни въ какой плотный классъ. Но дѣйствуя при князьяхъ одинокими лицами, случайными слугами, они рано стали забирать въ свои руки главную силу въ народномъ хозяйствѣ тѣхъ вѣковъ, земельную собственность, и это помогло имъ потомъ сомкнуться въ цѣльный усидчивый классъ и стать правительственною силой. Такой классъ сложился въ Москвѣ; въ него вошли не только удѣльные бояре, но и сами удѣльные князья. Какъ и прежде, онъ владѣлъ обществомъ не по праву завоеванія и не въ силу закона; но онъ держалъ въ рукахъ огромную массу земледѣльческаго населенія и труда.

Такъ видимъ, что въ составѣ высшаго правительственнаго учрежденія, какимъ была боярская дума, отражались не классы, владѣвшіе обществомъ силой оружія или въ силу права, а классы или только элементы еще неготовыхъ классовъ, которые и внѣ думы держали въ своихъ рукахъ нити народнаго труда въ извѣстное время. Это явленіе, можетъ быть, не принадлежащее исключительно нашей исторіи, въ ней повторяется съ правильностію, какая только допускается исторической жизнью. И въ XVI вѣкѣ думу составлялъ классъ, который былъ на дѣлѣ политической силой, не будучи властью, права которой были бы пріобрѣтены оружіемъ или ограждены закономъ; но правя обществомъ, онъ въ то же время владѣлъ народнымъ трудомъ не въ качествѣ правителей, а въ качествѣ крупныхъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ. Съ половины этого вѣка въ народномъ хозяйствѣ обнаружился кризисъ, который при содѣйствіи другихъ обстоятельствъ подготовилъ совершенно обратное явленіе. Народный трудъ уходилъ изъ боярскихъ рукъ, приходилъ въ

такое состояніе, что его невозможно было захватить не только законодательной, но и вооруженною рукой. Въ Смутное время и въ продолженіе многихъ лѣтъ послѣ него, когда боярская дума стала наконецъ учрежденіемъ, правящимъ въ силу права, договора, боярство менѣе чѣмъ когда-либо владѣло народнымъ трудомъ. Продолжительными усиліями, частными вотчинными и общими законодательными мѣрами боярство старалось поймать вырывавшіяся изъ его рукъ нити народнаго труда. Въ половинѣ XVII вѣка дума опять стала тѣмъ, чѣмъ была она до исключительныхъ обстоятельствъ начала этого столѣтія: ея недавнія политическія обезпеченія утратили силу; договоръ не былъ возобновленъ по смерти царя Михаила, и дума продолжала править по давнему обычаю. Но въ то же время Уложеніе царя Алексѣя окончательно узаконило поземельное прикрѣпленіе крестьянъ, статьи о которомъ встрѣчаемъ и въ договорѣ Салтыкова, и въ договорѣ московскихъ бояръ 1610 года. Правда, тогда же отмѣнено было право личнаго закладничества; но думные и служилые люди отвѣтили на это небезуспѣшною работой уравненія прикрѣпленныхъ къ землѣ крестьянъ съ лично крѣпостными холопями вопреки закону. Однако экономическій кризисъ оказалъ сильное дѣйствіе на боярскія и служилыя состоянія, уронивъ одни и поднявъ другія. По самому свойству достигнутаго въ селѣ обезпеченія своихъ интересовъ боярство должно было подѣлиться его плодами съ другими слоями служилаго класса. Среднее дворянство выступаетъ успѣшнымъ его соперникомъ на этомъ поприщѣ, какимъ въ XVI вѣкѣ былъ монастырь, а торжествовавшій принципъ «великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ» помогъ этому слою успѣшно соперничать съ боярствомъ и въ высшемъ управленіи. Въ XVII в. люди средняго дворянства бойко идутъ вверхъ, отбивая у старыхъ родовитыхъ фамилій и чины, и помѣстья, и думу государеву. Иностранецъ по дорогѣ къ Москвѣ встрѣчалъ князей, которыхъ по бѣдности обстановки не могъ отличить отъ крестьянъ, а люди, не принадлежавшіе ни къ княжескимъ, ни къ старымъ боярскимъ родамъ, пріобрѣтали тысячи крестьянъ. Эти экономическія превратности ускорили генеалогическое раз-

рушеніе прежняго правительственнаго класса, начавшееся съ конца XVI вѣка, а совокупнымъ дѣйствіемъ обоихъ этихъ процессовъ довершено было и его политическое разрушеніе. Цѣлые вѣка боярство работало въ низу общества надъ обезпеченіемъ своего экономическаго положенія; все это время, за исключеніемъ какихъ-нибудь 40 лѣтъ, его политическое положеніе на верху оставалось неупроченнымъ, держалось на одномъ обычаѣ. Въ XVII вѣкѣ, когда оно послѣ потрясеній достигло уже значительныхъ успѣховъ въ своей экономической работѣ, оно исчезало какъ политическая власть, теряясь въ обществѣ при новомъ складѣ понятій и классовъ, растворяясь въ служилой дворянской массѣ. Отмѣна мѣстничества въ 1682 году отмѣтила довольно точно историческій часъ смерти его, какъ правительственнаго класса, и политическую отходную прочиталъ надъ нимъ, какъ и подобало по заведенному чину московской правительственной жизни, выслужившійся дьякъ. Въ 1687 году Шакловитый уговаривалъ стрѣльцовъ просить царевну Софью вѣнчаться на царство, увѣряя, что препятствій не будетъ. «А патріархъ и бояре?» возразили стрѣльцы.—«Патріарха смѣнить можно», отвѣчалъ Шакловитый, «а бояре—что такое бояре? это зяблое, палое дерево».

Глава XX.

Боярская дума XVI—XVII в. состояла изъ старшихъ членовъ боярскихъ фамилій и изъ выслужившихся приказныхъ дѣльцовъ.

Попытаемся изобразить устройство и дѣлопроизводство думы XVI—XVII в., когда то и другое можно считать достаточно установившимся. Начнемъ съ соціальнаго или, говоря точнѣе, генеалогическаго ея состава.

И въ XVII в. численное преобладаніе въ думѣ оставалось за членами родовитыхъ фамилій, хотя многія изъ этихъ фамилій, если не большинство, были младшія вѣтви тѣхъ, которыя господствовали въ боярскомъ совѣтѣ XVI в. Не смотря

на то, что ряды родословной знати страшно поредѣли ко времени воцаренія новой династіи, что многіе большіе роды «безъ остатку миновались», генеалогическій составъ думы былъ очень измѣнчивъ попрежнему. Просматривая погодные списки ея членовъ, видимъ, что она никогда не соединяла въ себѣ представителей всѣхъ наличныхъ фамилій боярства. Нѣкоторыя фамиліи то наполняютъ совѣтъ своими членами, то исчезаютъ изъ него совсѣмъ, уступая мѣсто другимъ, то появляются снова. По списку 1627 г. не находимъ въ думѣ между ея 25 боярами и окольничими никого изъ князей Голицыныхъ, Куракиныхъ, Воротынскихъ, Пронскихъ, Хованскихъ, Прозоровскихъ, Репниныхъ, никого изъ Салтыковыхъ, Плещеевыхъ, Волынскихъ, Колычовыхъ. Беремъ списокъ 1668 г. и встрѣчаемъ въ немъ въ званіи бояръ или окольничихъ двоихъ Репниныхъ, двоихъ Куракиныхъ, по одному изъ Пронскихъ, Прозоровскихъ, Хованскихъ и Голицыныхъ, троихъ Салтыковыхъ, двоихъ Волынскихъ. Зато теперь не было въ думѣ никого изъ Морозовыхъ, Шеиныхъ, Головиныхъ, изъ князей Сицкихъ и Мезецкихъ, которые присутствовали тамъ въ 1627 году*). Эта измѣнчивость состава происходила отъ порядка назначенія членовъ въ думу. Думный чинъ жаловали, «думу сказывали» по усмотрѣнію государя, обыкновенно словесно, государевымъ именемъ: письменные «привилеи», именные рескрипты на думные чины давались только въ Смутное время, когда чины раздавалъ польскій король Сигизмундъ. Но московскій государь въ своихъ назначеніяхъ сообразовался съ мѣстническими отношеніями боярства. Чинъ самъ по себѣ ничего не значилъ въ мѣстническомъ счетѣ, и какой-нибудь Колычовъ, попавъ въ окольничіе, не дѣлался родовитѣе стольника кн. Одоевскаго. Но не давая знатности, чинъ давалъ власть, и неловко было назначить въ окольничіе сына или племянника, когда отецъ или родной дядя значился въ спискѣ стольниковъ. Вслѣдствіе этого въ думѣ обыкновенно сидѣли только тѣ члены знатныхъ

---

*) Боярская книга 135 г. въ Моск. Архивѣ мин. юстиціи, № 1. Боярск. книга 176 г. тамъ же, № 6.

фамилій, которымъ въ данное время принадлежало мѣстническое старшинство среди ихъ родичей. Сличая списки людей высшихъ чиновъ съ родословными росписями, видимъ, что чаще всего знатные сыновья и племянники держались въ стольникахъ и дворянахъ московскихъ, пока отцы и дяди сидѣли въ окольничихъ или боярахъ; по мѣрѣ того, какъ старшіе выбывали изъ думы, младшіе приходили на ихъ мѣста, слѣдуя порядку старшинства. Но для вступленія въ думу требовался приличный возрастъ: по большинству своихъ членовъ она была совѣтомъ старцевъ, сенатомъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Поэтому фамиліи, въ которыхъ старшіе не достигали этого возраста, «не поспѣвали» въ думу, тѣ фамиліи не имѣли въ ней представителей или представлялись тамъ однимъ лицомъ: пользуясь выраженіемъ коммиссіи. предложившей въ 1682 г. отмѣнить мѣстничество, случалось, что изъ иныхъ родовъ въ думные чины никого не было написано, «потому что за малыми лѣтами въ тѣ чины они не приказаны». Бывало, по нѣскольку Шереметевыхъ одновременно сидѣло въ думѣ. Но послѣ Смутнаго времени тамъ много лѣтъ оставался изъ нихъ одинъ Ѳедоръ Ивановичъ, пока старшіе другихъ вѣтвей рода поспѣвали въ думу, служа въ чинѣ дворянъ московскихъ. Въ 1634 г. сказано было боярство старшему двоюродному племяннику Ѳедора Ивану Петровичу. въ 1641 г. среднему Василію Петровичу и наконецъ въ 1645 г. младшему Борису Петровичу. По отдѣльнымъ случаямъ можно убѣдиться, съ какою строгостью даже въ XVII в. назначеніе въ думу согласовалось съ мѣстническимъ отечествомъ; можно уловить и нѣкоторыя правила этого аристократическаго подбора ея членовъ. Въ 1627 г. служило въ высшихъ чинахъ восемь человѣкъ изъ фамиліи Головиныхъ. То были представители четырехъ поколѣній потомства, шедшаго отъ окольничаго временъ Грознаго П. П. Головина. Высчитавъ по правиламъ мѣстнической ариѳметики ихъ отношеніе къ общему предку, находимъ. что ближе всѣхъ къ нему стояли двое, младшій сынъ его Петръ Петровичъ и одинъ изъ старшихъ внуковъ Семенъ Васильевичъ: первый, какъ седьмой сынъ, занималъ 10-е мѣсто отъ отца, а второй 8-е мѣсто отъ

дѣда, т. е. былъ двумя мѣстами выше своего дяди Петра. По списку 1627 г. эти старшіе представители фамиліи и сидѣли въ думѣ боярами. Остальные пятеро стояли отъ общаго предка ниже десятаго мѣста; только другой племянникъ Петра Петровича Иванъ Никитичъ занималъ одинаковое съ нимъ мѣсто, былъ своему дядѣ «въ версту». Но будучи сверстникомъ Петра по родословному мѣсту, Иванъ считался моложе его по родословному колѣну, какъ племянникъ. Старшинство опредѣлялось не простою цифрой мѣстъ, но съ участіемъ нѣкоторыхъ коэффиціентовъ. По списку того же 1627 г. въ высшихъ чинахъ встрѣчаемъ 12 князей Долгорукихъ. Изъ нихъ 10 человѣкъ принадлежали къ двумъ смежнымъ родословнымъ поколѣніямъ: старшее составляли 4 брата двоюродные или четвероюродные; 6 человѣкъ младшаго поколѣнія доводились старшимъ племянниками родными, двоюродными или четвероюродными. Изъ этихъ дядей трое стояли на 16-мъ мѣстѣ отъ ближайшаго предка или ниже и одинъ на 15-мъ. Этотъ старшій на одно мѣсто дядя бояринъ кн. Владиміръ Тимоѳеевичъ и былъ единственнымъ представителемъ фамиліи въ думѣ 1627 года; остальные братья, какъ и племянники, оставались въ стольникахъ или дворянахъ московскихъ. Но въ томъ же спискѣ значится еще дворяниномъ московскимъ кн. Ив. Мих. Долгорукій, которому по родословной росписи бояринъ Владиміръ Тимоѳеевичъ доводился *внукомъ*, такъ какъ прямой дѣдъ этого боярина былъ двоюроднымъ братомъ кн. Ивана Михайловича. Такой случай объясняется тѣмъ, что отецъ этого князя Ивана былъ *седьмымъ* и послѣднимъ сыномъ у того отца, у котораго прадѣдъ боярина Владиміра былъ *третьимъ*. Потому дѣдъ оказался всего однимъ мѣстомъ выше своего боковаго внука, тогда какъ прямой внукъ могъ сидѣть не выше седьмого мѣста отъ дѣда по тому правилу мѣстническаго счета, что старшій сынъ отъ отца четвертое мѣсто. Притомъ, очевидно, вся эта линія седьмого сына рано захудала: никто изъ нея не бывалъ въ думныхъ чинахъ, и быть въ думѣ стало ей не по отечеству. Благодаря разнымъ коэффиціентамъ, какіе вводились въ мѣстническій счетъ, младшія вѣтви фамилій нерѣдко становились

выше старшихъ. Слѣдствія этого процесса захуданія старшихъ наглядно обнаруживаются въ служебномъ положеніи Бутурлиныхъ по списку 1627 г. Тогда служило въ высшихъ чинахъ болѣе 20 членовъ этой старой боярской фамиліи. Всѣ они шли отъ И. И. Бутурлина, боярина начала XV в. Изъ нихъ только Ѳ. Л. Бутурлинъ сидѣлъ въ думѣ окольничимъ въ 1627 г. Онъ занималъ 25-е мѣсто отъ общаго предка. Многіе его родичи, даже доводившіеся ему далекими племянниками, стояли ближе на одно, на два и на три мѣста, потому что Ѳ. Л. Бутурлинъ принадлежалъ къ линіи младшаго изъ сыновей древняго боярина И. И. Бутурлина. Но уже съ начала XVI в. почти только члены этой линіи дослуживались до думныхъ чиновъ: дума стала ея *отечествомъ*, когда другія линіи пришли «въ закоснѣніе». Старшій представитель этой линіи и сидѣлъ въ думѣ 1627 г. Это не значитъ, что при каждомъ назначеніи въ думу производились мелочныя генеалогическія разысканія, какія должны дѣлать мы, чтобы понять ея составъ. Тогда очередной старшій представитель боярской фамиліи самъ собою становился впереди, выдвигаемый всѣмъ строемъ державшихся на мѣстничествѣ служебныхъ отношеній лицъ и фамилій.

По разсказу Котошихина и по книгамъ Разряднаго приказа можно представить себѣ обычную служебную карьеру родовитаго человѣка XVII в. Лѣтъ десяти его берутъ во дворецъ: онъ стольничаетъ у царицы. Достигнувъ 15 лѣтъ, «недоросль» становится служилымъ «новикомъ». Его берутъ съ царицыной половины и опредѣляютъ «въ царскій чинъ» или штатъ, назначаютъ или въ стольники, или въ спальники къ царю спать у него «въ комнатѣ», разувать и раздѣвать его. Камеръ-пажъ государыни превращается въ камеръ-пажа государя. Эта служба въ государевой комнатѣ на весь вѣкъ даетъ ему почетное званіе *ближняго* или *комнатнаго* человѣка. Изъ спальниковъ его жалуютъ, смотря по степени его знатности, въ дворяне московскіе или стольники. Людей неважныхъ фамилій возводили изъ званія московскихъ дворянъ въ стольники. Но для большой знати стольничество еще сохраняло значеніе придворной должности или временнаго придворнаго порученія

и не было выше сословнаго званія дворянина московскаго. Потому нерѣдко бывало, что старшій братъ служилъ дворяниномъ московскимъ, когда младшій числился стольникомъ, или отецъ значился въ спискѣ дворянъ, когда его дѣти были уже стольниками; наконецъ иногда дворяниномъ писался человѣкъ, бывшій прежде стольникомъ. Стольникъ или дворянинъ московскій—штабъ-офицеръ или капитанъ гвардіи и исполняетъ разнообразныя порученія правительства, дипломатическія, военныя и административныя. Онъ посылается посломъ въ иноземное государство, приставствуетъ у иноземнаго посольства въ Москвѣ, командуетъ провинціальными дворянами въ армейскихъ полкахъ въ качествѣ полковника или сотеннаго головы, ротнаго офицера, управляетъ какимъ-нибудь второстепеннымъ приказомъ въ Москвѣ, воеводствуетъ по городамъ, назначается въ писцы для поземельной описи областей, командируется «для сыскныхъ дѣлъ» производить какое-либо дознаніе: словомъ, онъ на посылкахъ «для всякихъ дѣлъ». Когда во дворцѣ аудіенція, пріемъ или отпускъ иноземныхъ пословъ, его съ тремя товарищами наряжаютъ въ казенное бѣлое камчатное на горностаяхъ платье, надѣваютъ на него высокую бѣлую шапку, даютъ въ руки серебряный топорикъ и ставятъ подлѣ престола. Если назначенный стоять въ числѣ этихъ *рындъ* онъ заупрямится, станетъ говорить, что ему по его отечеству съ такими товарищами «быть невмѣстно», и откажется надѣть мундиръ рынды, на ослушникѣ по царскому приказанію издерутъ все платье, въ которомъ онъ пріѣхалъ во дворецъ, силой облекутъ его въ парадный костюмъ и поставятъ подлѣ царя, а по окончаніи пріема раздѣнутъ и высѣкутъ въ Разрядѣ или передъ царскимъ окномъ «при всѣхъ людяхъ», приговаривая: «не ослушивайся царскаго приказу». Наконецъ лѣтъ черезъ 30, иногда болѣе, иногда менѣе, родовитому стольнику или дворянину московскому «думу сказывали», жаловали чинъ окольничаго или прямо боярина, смотря по степени его родовитости *). Такова

---

*) Котошихинъ (стр. 19) приводитъ неполный списокъ фамилій того и другого разряда, насчитывая 16 родовъ въ первомъ и 15 во

была школа, сообщавшая политическую выправку древнерусскому государственному совѣтнику изъ «природнаго» боярства. Съ дѣтства онъ вращался во дворцѣ на глазахъ у государя, узнавалъ всѣ дворцовые покои, жилые и пріемные, «комнаты» и «палаты», узнавалъ людей, порядки и самъ становился всѣмъ извѣстенъ. Исполняя разнообразныя порученія правительства, онъ близко знакомился съ правительственнымъ механизмомъ и управляемымъ обществомъ, съ пріемами управленія. Въ думу вступалъ онъ «думцемъ и правителемъ», которому, по выраженію боярина М. Г. Салтыкова, «московскіе обычаи были старовѣдомы», съ большимъ навыкомъ «во всякихъ дѣлахъ». Этотъ навыкъ замѣнялъ ему умъ, талантъ, размышленіе, тѣ качества, недостаткомъ которыхъ вообще страдаютъ классы, долго пользовавшіеся властью.

Но если боярская знать и въ XVII в. продолжала довольствоваться этимъ правительственнымъ навыкомъ, то новыя задачи правительства все настойчивѣе возбуждали потребность въ государственныхъ людяхъ съ умомъ, талантомъ и наклонностью къ размышленію. Уже при Котошихинѣ жаловались на то, что царь многихъ возводитъ въ бояре «не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные». Иного великороднаго человѣка уже «всякъ дуракомъ называлъ», какъ говорилъ въ 1658 г. царь Алексѣй одному изъ такихъ людей, кн. И. А. Хованскому, и нужно было царской милостію и взысканіемъ поддерживать

второмъ. Боярскія книги XVII в. не вполнѣ подтверждаютъ его показаніе. Салтыковыхъ, князей Прозоровскихъ, Черкасскихъ и Хилковыхъ онъ помѣщаетъ въ первой статьѣ родовъ, которые въ окольничихъ не бываютъ, вступая въ думу прямо боярами. Но до Котошихина и послѣ него извѣстно нѣсколько лицъ этихъ фамилій въ чинѣ окольничихъ. Напротивъ изъ фамилій, которыя Котошихинъ отнесъ ко второму разряду, князья Куракины обыкновенно вступали въ думу прямо боярами, минуя окольничество, а князья Долгорукіе вступали туда и окольничими, и прямо боярами. Котошихинъ, всегда точный и добросовѣстный въ своихъ показаніяхъ, нерѣдко принималъ случайныя явленія своего времени за постоянныя нормы. Боярск. книги въ Моск. Архивѣ мин. юст. №№ 1, 4 и 6. Дворц. Разр. IV, 212. Др. Росс. Вивл. ч. XX.

ихъ правительственный авторитетъ въ обществѣ. Подъ вліяніемъ этой государственной потребности въ XVII в. съ каждымъ десятилѣтіемъ все усиливался начавшійся ранѣе притокъ въ думу дѣльцовъ съ иной, не боярской подготовкой къ дѣламъ. Они проникали туда преимущественно черезъ два вѣдомства, финансовое и дипломатическое. Здѣсь съ особенной силой чувствовалась нужда въ дѣльцахъ новаго характера, которые были бы вооружены не однимъ навыкомъ, но и знаніемъ, изобрѣтательностью и сообразительностью, тѣмъ, что люди XVII в. называли «промысломъ» и «разсмотрѣніемъ». Уже въ XVI в. появляется цѣлый рядъ такихъ мастеровъ казеннаго и посольскаго дѣла, «промышленниковъ», какъ называлъ такихъ дѣльцовъ въ XVII в. самый блестящій изъ нихъ А. Л. Ординъ-Нащокинъ. Это были либо пріѣзжіе греки, либо захудалые потомки бояръ удѣльнаго времени, либо дьяки очень скромнаго служилаго и даже неслужилаго происхожденія. Не великіе отечествомъ, они становились велики службой. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ грекъ Ю. Д. Малый Траханіотовъ съ сыномъ и Ѳ. И. Сукинъ, достигали боярства. Но обыкновенно служебное поприще этихъ неродовитыхъ московскихъ финансистовъ и дипломатовъ завершалось думнымъ дьячествомъ или думнымъ дворянствомъ. Къ началу XVII в. въ Москвѣ стали уже привыкать видѣть худородныхъ людей на должностяхъ по финансовому управленію или въ званіи государственныхъ секретарей. Большіе бояре очень сердились, когда по приказу короля Сигизмунда къ нимъ въ думу вступилъ въ 1610 г. думный дворянинъ и товарищъ казначея Ѳ. Андроновъ, бывшій торговый мужикъ-кожевникъ, жаловались, что это была имъ всѣмъ боярамъ смерть. Но тогда же говорили въ Москвѣ, что и при прежнихъ государяхъ «такіе у такихъ дѣлъ» бывали *). По слѣдамъ Сукиныхъ шли знаменитые въ свое время

*) Акты Зап. Росс. IV, 495. Сукины или Суковы совсѣмъ не родовитая фамилія: это мелкія дѣти боярскія, которыя съ конца XV в. служатъ дьяками, печатниками, чиновниками по финансовому управленію и иногда дослуживаются до думнаго дворянства. Самъ бояринъ Ѳ. И. Сукинъ долго служилъ казначеемъ. Сб. Р. Ист. Общ. XXXV,

дипломаты А. и В. Щелкаловы. Дѣти незначительнаго дворцоваго дьяка, они оба дослужились до званія «ближнихъ дьяковъ большихъ». Первый былъ думнымъ посольскимъ дьякомъ и казначеемъ, а В. Щелкаловъ изъ печатниковъ и думныхъ посольскихъ дьяковъ былъ даже произведенъ при первомъ самозванцѣ въ окольничіе, чего, можетъ быть, не бывало прежде. Смутное время выдвинуло много «самыхъ худыхъ людей, торговыхъ мужиковъ и молодыхъ дѣтишекъ боярскихъ», которымъ случайные цари и искатели царства подавали окольничество, казначейство или думное дьячество, какъ говорили потомъ большіе московскіе бояре. Нѣкоторые изъ этихъ правительственныхъ «новиковъ» удержались на видныхъ мѣстахъ и по возстановленіи порядка. Польскіе коммиссары въ 1615 г. имѣли нѣкоторое основаніе писать московскимъ боярамъ, что теперь по грѣхамъ на Москвѣ простые мужики, поповскіе дѣти и мясники негодные мимо многихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ не попригожу къ великимъ государственнымъ и земскимъ и посольскимъ дѣламъ припускаются. При царяхъ новой династіи такіе новики еще смѣлѣе вторгаются въ думу въ званіи думныхъ дворянъ или дьяковъ и всего чаще тѣми же путями, финансовымъ и дипломатическимъ. Для знаменитаго Кузьмы Минина, пожалованнаго изъ купцовъ въ думные дворяне, боярское правительство царя Михаила нашло должность казначея наиболѣе подходящей по его происхожденію. Во второй половинѣ вѣка въ думу проходитъ довольно длинный рядъ людей изъ высшаго купечества, изъ московскаго и провинціальнаго дворянства, служа думными дьяками и въ большинствѣ дослуживаясь до думнаго дворянства. Таковы

123, 164 и 340. П. С. Р. Лѣт. IV, 308. А. Ист. I, 211. Разр. кн. въ Моск. Арх. мин. ин. дѣлъ, № 99/131, л. 204. Боярск. кн. тамъ же, № 2, л. 429. Собр. гос. гр. и дог. I, № 192. Король произвелъ купца гостинной сотни Андронова въ казначеи въ 1610 г. Но уже въ 1608 г., при царѣ В. Шуйскомъ, Андроновъ былъ печатникомъ и думнымъ дьякомъ Посольскаго приказа. Др. Р. Вивл. XX, 365. Значитъ, появленіе его въ думѣ вовсе не было таки необычайнымъ актомъ королевскаго произвола, какъ это казалось послѣ большимъ боярамъ.

были Ѳ. Лихачовъ. Л. Лопухинъ изъ московскихъ дворянъ, Л. Голосовъ изъ углицкихъ дворянъ, С. Заборовскій изъ бѣжецкихъ дворянъ, отецъ и сынъ Кириловы изъ московскихъ гостей и многіе другіе. Нѣкоторые, какъ Ив. Гавреневъ и Ѳ. Елизаровъ, возвышались до окольничества, а Заборовскій даже кончилъ свою службу въ чинѣ боярина. Въ то же время рядъ провинціальныхъ и московскихъ дворянъ проникаетъ въ думу, минуя дьячество, исполняя дипломатическія порученія, служа по финансовому вѣдомству въ приказахъ Большой Казны, Большаго Прихода и т. п. Таковы были Прончищевы, Нарбековъ, новгородскій уѣздный дворянинъ Дубровскій, Баклановскій, Матюшкины, Аничковы и др. Со второй половины царствованія Алексѣя въ боярской книгѣ любаго года эти люди стоятъ сплошной стѣной въ перечняхъ думныхъ дьяковъ и дворянъ, нерѣдко мелькаютъ и выше. Ихъ ряды завершаются громкими именами канцлеровъ Ордина-Нащокина и Матвѣева. Первый происходилъ изъ уѣзднаго псковскаго дворянства: второй былъ сынъ простаго дьяка, служившаго въ Казанскомъ Дворцѣ при царѣ Михаилѣ, и долго занималъ неважную должность «полковника и головы стрѣлецкаго». Оба вступили въ боярскій совѣтъ думными дворянами и оба вышли изъ него боярами. Въ XVII в. *чинъ* уже совершенно отрывается отъ *отечества:* въ одномъ приговорѣ 1693 г. сами бояре признали, что «въ милости великихъ государей жалованы бываютъ въ чести (чины) не по родамъ». Такъ еще до Петра, задолго до его табели о рангахъ, отдѣлившей должности военныя отъ гражданскихъ, въ московской приказной администраціи обозначилась сфера, которую можно назвать тогдашней штатской службой. Здѣсь требовалась особая дѣловая подготовка, особый навыкъ, но не требовалось знатности, родословнаго отечества. Правительство старалось заохотить неродовитые таланты къ такой службѣ, даже иногда насильно выводило ихъ на эту дорогу. Извѣстный ревнитель просвѣщенія при царѣ Алексѣѣ Ѳ. М. Ртищевъ въ 1650 г. заставилъ одного неважнаго молодаго дворянина Лучку Голосова учиться латинскому языку у вызванныхъ изъ Кіева ученыхъ монаховъ, надѣясь, что со

временемъ изъ него выйдетъ полезный дѣлецъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, гдѣ въ то время требовались образованные люди. Съ большою нравственною тревогой принимался Голосовъ за латынь въ угоду сильному покровителю. Въ задушевныхъ бесѣдахъ съ пріятелями онъ признавался, что учиться у кіевскихъ старцевъ не хочетъ, старцы они недобрые, добра онъ въ нихъ не познalъ и добраго ученья у нихъ нѣтъ; въ латинскомъ языкѣ многія ереси есть, и «кто по латыни ни учился, тотъ съ праваго пути совратился». Лучка пошелъ по дорогѣ своего отца, служившаго дьякомъ въ подчиненной Посольскому приказу Нижегородской Четверти, и нѣсколько лѣтъ спустя является уже Лукьяномъ Тимоѳеевичемъ Голосовымъ, товарищемъ боярина А. Л. Ордина-Нащокина, думнымъ дьякомъ Посольскаго приказа, а потомъ и думнымъ дворяниномъ; дѣти его служили уже въ стольникахъ. Провинціальное дворянство въ XVII в. добивалось дьяческихъ мѣстъ въ московскихъ приказахъ, какъ видно изъ просьбъ объ этомъ, поданныхъ королю Сигизмунду въ Смутное время. Но московскіе дворяне брезговали еще этой карьерой. Лопухины издавна служили «выборными» городовыми дворянами, т. е. принадлежали къ высшему слою провинціальнаго дворянства, служившему переходной ступенью къ столичному, къ службѣ «по московскому списку». Ларіонъ Лопухинъ лѣтъ сорокъ служилъ въ низшемъ изъ столичныхъ чиновъ, въ званіи *жильца* и потомъ въ чинѣ московскаго дворянина. Его назначили дьякомъ въ Казанскій Дворецъ. Обидѣвшись просьбой гостей въ 1649 г. написать ихъ въ Уложеніи выше дьяковъ, Лопухинъ билъ челомъ, чтобы его или написали въ Уложеніи особой отъ дьяковъ статьей, или совсѣмъ отставили отъ дьячества. Государь пожаловалъ, велѣлъ ему впередъ того, что онъ въ дьякахъ, въ безчестье и въ упрекъ передъ его братіей дворянами не ставить, «потому что онъ взятъ изъ дворянъ во дьяки по государеву имянному указу, а не его хотѣньемъ». Но этого невольнаго приказнаго дѣльца скоро встрѣчаемъ думнымъ дьякомъ въ Казанскомъ, потомъ даже въ Посольскомъ приказѣ и наконецъ думнымъ дворяниномъ и вторымъ начальникомъ

того же Казанскаго Дворца, гдѣ онъ началъ свою дьяческую службу съ такой неохотой и съ такой сословной стыдливостью передъ своей дворянской братіей.

Успѣхамъ худородныхъ дѣльцовъ много помогло положеніе московскаго боярства въ XVII в. Курбскій не совсѣмъ былъ правъ, когда писалъ, что послѣ ужасовъ опричнины у Грознаго остались отъ стараго боярства только «калики». Но такое замѣчаніе вполнѣ идетъ къ московской знати съ половины XVII в. То были жалкіе остатки «стародавныхъ честныхъ родовъ», какъ выражался царь Алексѣй. Подъ руками у этого царя былъ разбитый классъ со спутавшимися политическими понятіями, съ разорваннымъ правительственнымъ преданіемъ. Онъ падалъ генеалогически и даже экономически. У царя Алексѣя не оставалось старыхъ бояръ родовитѣе князей Одоевскихъ; а онъ и Одоевскимъ писалъ, пославъ, что было нужно, на выносъ и погребеніе одного изъ нихъ: «впрямь узналъ и провѣдалъ я про васъ, что опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня никого у васъ нѣтъ». Въ боярскихъ спискахъ можно найти краснорѣчивыя отмѣтки въ этомъ смыслѣ. Думные и даже простые дьяки получали помѣстные оклады по 900 и по 1000 четей (1350—1500 десятинъ въ трехъ поляхъ), а при именахъ комнатныхъ стольниковъ князей М. Ю. Долгорукаго и П. И. Прозоровскаго, которые потомъ стали боярами, списокъ 1670 г. замѣчаетъ: «помѣстій и вотчинъ нѣтъ». Этотъ упадокъ старой знати наглядно отразился на генеалогическомъ составѣ думы при новой династіи. По списку 1668 г. изъ 62 бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ можно насчитать не болѣе 28 именъ старыхъ боярскихъ фамилій, бывавшихъ въ думѣ при прежней династіи, а въ 1705 г. находимъ всего 17 членовъ думы съ такими фамиліями среди 52 бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ. Этимъ объясняется поступокъ П. П. Головина въ 1651 г. Его пожаловали въ окольничіе, а онъ отказался отъ этой чести, объявивъ, что предки его окольничими не бывали и что окольничихъ нѣтъ «въ его пору», т. е. равныхъ ему по отечеству, а всѣ его ниже, моложе. Первое было совсѣмъ неправда, но второе не было лишено осно-

ванія: Головину обидно было сидѣть среди окольничихъ того времени. Дума приговорила было за дерзость бить его кнутомъ и сослать въ Сибирь; но государь велѣлъ только посадить его сутокъ на двое въ тюрьму, оставивъ въ прежнемъ чинѣ, а черезъ годъ простилъ, пожаловалъ въ окольничіе съ выговоромъ *).

Глава XXI.

Думные люди были управители центральныхъ приказовъ или исполнители особыхъ порученій по центральной и областной администраціи.

Разсмотримъ теперь административный составъ думы.

Государь совѣтовался съ боярами по дѣламъ законодательства и управленія. Но эти бояре не были только совѣтниками государя. У нихъ было много дѣла и внѣ государственнаго совѣта. Вмѣстѣ съ государемъ они не только законодательствовали, но и правили обществомъ, не только опредѣляли общественныя отношенія, но и непосредственно на самыхъ мѣстахъ наблюдали за дѣйствіемъ своихъ опредѣленій. Словомъ, московскіе государственные совѣтники не только руководили всѣмъ правительственнымъ механизмомъ государства, но и были главными его колесами. Потому думный человѣкъ дѣйствовалъ всюду, на самыхъ разнообразныхъ путяхъ государственнаго управленія, какъ и въ ходѣ церковной жизни, въ центрѣ, какъ и въ провинціи, въ гражданской администраціи и во главѣ полковъ. Отсюда же происходила и чрезвычайная измѣнчивость, разнообразіе дѣятельности думнаго человѣка.

---

*) *Соловьева,* Ист. Россіи, IX, 68. Акты З. Росс. IV, 401 и 406. Дворц. Разр. III, 113. Боярск. книга № 6 въ Моск. Арх. мин. юстиціи. Боярск. списокъ 1670 г. № 6 тамъ же. Приказн. дѣла Моск. Арх. мин. ин. дѣлъ 1650 г. № 31. *Иванова,* Опис. Разрядн. Архива, стр. 345. Сказ. кн. *Курбскаго,* 234. Статья о приказахъ въ Др. Росс. Вивл. XX, 277—421. Акты Ист. IV, №№ 20 и 63. Родъ Голосовыхъ въ рукописной Родословной *Иванова.* П. С. З. №№ 390, 1460, 61 и 62.

Окольничаго или думнаго дворянина, управлявшаго Ямскимъ приказомъ, посылали воеводствовать куда-нибудь на Вятку, а черезъ годъ или даже меньше вызывали съ Вятки въ Москву, чтобы послать командовать полкомъ въ Сѣвскѣ или Путивлѣ.

По свойству правительственной дѣятельности во всемъ личномъ составѣ думы можно различить два элемента. Одинъ изъ нихъ отличался меньшей подвижностью сравнительно съ другимъ. Это были управители *(судьи)* центральныхъ приказовъ, которыхъ можно назвать министрами или директорами департаментовъ. Думнымъ людямъ поручали только важнѣйшіе изъ приказовъ: остальными завѣдовали стольники, дворяне, простые дьяки. Въ приказахъ Тайныхъ Дѣлъ, Каменномъ, Холопьемъ, Счетномъ, въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ, напримѣръ Хлѣбномъ, Панафидномъ, въ Царской и Царицыной Мастерскихъ палатахъ, даже въ Конюшенномъ приказѣ обыкновенно сидѣли въ XVII в. начальники, не имѣвшіе думныхъ чиновъ. Впрочемъ здѣсь не было постоянныхъ правилъ: судными приказами Московскимъ, Владимірскимъ и Дворцовымъ завѣдовали то бояре, то стольники. При обычаѣ назначать въ иные приказы къ главному судьѣ одного или двухъ товарищей изъ думныхъ же людей не достало бы членовъ думы для замѣщенія всѣхъ многочисленныхъ приказовъ. Притомъ въ XVII в., какъ извѣстно, по мѣрѣ размноженія приказовъ старались сосредоточивать центральное управленіе, поручая одному лицу нѣсколько приказовъ. При царѣ Алексѣѣ тесть его бояринъ И. Д. Милославскій управлялъ пятью приказами, Иноземскимъ, Рейтарскимъ, Стрѣлецкимъ, Аптекарскимъ, Большой Казной; нѣкоторое время къ нимъ былъ еще присоединенъ Казенный Дворъ. Точно такъ же начальникъ Посольскаго приказа Орденъ-Нащокинъ съ товарищами своими правилъ въ то же время Малороссійскимъ приказомъ и Четями Новгородской, Галицкой и Владимірской. Впрочемъ и эти сочетанія измѣнялись въ разное время. Въ управленіи приказами господствовала та же подвижность, какой отличалась вся администрація Московскаго государства. Приказныя должности еще не вполнѣ освободились отъ характера случайныхъ, кратковременныхъ порученій, какой

онѣ носили въ удѣльное время. Это можно замѣтить, слѣдя за служебнымъ движеніемъ приказныхъ дѣльцовъ, думныхъ и недумныхъ, за ихъ переходами изъ одного вѣдомства въ другое. Въ какихъ приказахъ не приходилось посидѣть на своемъ вѣку иному боярину или дьяку! Однако здѣсь больше, чѣмъ въ другихъ сферахъ московской администраціи, можно найти слѣдовъ нѣкотораго постоянства, устойчивости какъ въ XVI, такъ и въ XVII в. Нѣкоторые управители подолгу сидѣли въ одинхъ учрежденіяхъ. Казначея Ѳ. И. Сукина встрѣчаемъ въ этой должности и въ 1547, и въ 1555 г. И. Д. Милославскій правилъ пятью названными приказами цѣлыхъ 17 лѣтъ (1651—1667).

Кромѣ приказнаго управленія у думныхъ людей было въ столицѣ много дѣлъ, для которыхъ не существовало постоянныхъ учрежденій. Отправленіе такихъ дѣлъ носило вполнѣ удѣльный характеръ, и въ нихъ, можетъ быть, всего явственнѣе сказывался духъ старой московской администраціи, дѣятельной, хотя и не умѣвшей выработать себѣ твердыхъ формъ и постоянныхъ правилъ, старавшейся руководить не только политической, но и нравственной жизнью общества. Думныхъ людей наряжали идти «за кресты» по городу, когда бывали крестные ходы въ Москвѣ, относить «ѣства» съ царскаго стола къ патріарху въ извѣстные торжественные дни. Когда государь въ Грановитой палатѣ скрѣплялъ клятвой заключенный съ иноземными послами договоръ, св. Евангеліе онъ самъ провожалъ до сѣней, а проводить дальше до Благовѣщенскаго собора назначалъ бояръ и окольничихъ, человѣка три или четыре. Когда патріархъ на масляницу съ своимъ Освященнымъ соборомъ присутствовалъ на религіозно-назидательномъ зрѣлищѣ, «дѣйствѣ Страшнаго суда», а выхода государева къ тому дѣйству не было, на представленіе посылалась по указу государя коммиссія, которая при царѣ Алексѣѣ составлялась, напримѣръ, переводя старые административные термины на нынѣшніе, изъ министра почтъ, статсъ-секретаря военнаго департамента государственнаго совѣта (думнаго разряднаго дьяка) да изъ касимовскаго царевича татарскаго происхожденія Василія

Араслановича. Все то были думные люди кромѣ послѣдняго. Когда государь выходилъ въ Успенскій или Благовѣщенскій соборъ, въ Чудовъ монастырь, даже къ Преображенію на своемъ дворѣ, онъ оставлялъ «въ верху» во дворцѣ одного боярина или двоихъ для поддержанія порядка. Когда государь «ходилъ въ походъ» изъ столицы въ подмосковныя села на охоту или въ монастыри на богомолье, даже только за Тверскія ворота къ Страстному монастырю встрѣтить возвращавшуюся изъ польскаго плѣна полковую икону Божіей Матери, онъ также оставлялъ «на Москвѣ» коммиссію думныхъ людей, двоихъ или болѣе, для текущихъ дѣлъ высшаго управленія. Когда въ Москву пріѣзжало иноземное посольство, для переговоровъ съ нимъ, «въ отвѣтъ» назначались бояре съ думными дьяками.

Двѣ правительственныя сферы всего чаще отвлекали членовъ думы отъ ихъ думныхъ занятій. Это было воеводство городовое и полковое. Думнымъ людямъ поручалось управленіе важнѣйшими областями и обыкновенно поручалось на короткое время. Иностранцамъ, напримѣръ Маржерету, преувеличенно казалось даже, будто въ каждой области находится членъ думы для управленія и суда *). Эта краткосрочность выражалась и въ административной терминологіи того времени: городовой воевода, военный губернаторъ области, «годовалъ» въ томъ или другомъ городѣ. Въ разрядныхъ книгахъ велись погодныя росписи «воеводъ по городомъ», воеводскихъ назначеній, и по нимъ можно видѣть, какъ часто смѣнялись областные правители. Городовой воевода нерѣдко превращался въ полковаго. Оборона границъ, особенно южныхъ и юговосточныхъ, татарскихъ, и въ промежуткѣ между открытыми войнами чуть не ежегодно поднимала на ноги большую или меньшую массу ратныхъ людей, которые собирались въ полки, чтобы нѣсколько недѣль постоять на рубежѣ въ ожиданіи непріятельскаго набѣга. Командовать этими полками, какъ и ревизовать, «разбирать» или «смотрѣть» ратныхъ людей, присылались изъ столицы люди высшихъ чиновъ, преимущественно думныхъ. То и

*) *Устрялова,* Сказанія современ. о Димитріи Самозванцѣ, III, 35.

другое воеводство устанавливало постоянное и живое движеніе правительственнаго класса изъ столицы въ провинцію и обратно, и на этомъ движеніи держалась та московская политическая и административная централизація, въ дальнѣйшемъ развитіи которой XVIII вѣкъ при всѣхъ своихъ средствахъ и усиліяхъ сдѣлалъ очень мало успѣховъ, если только сдѣлалъ сколько-нибудь. Въ этомъ движеніи боярская дума, дѣйствуя съ помощію необильнаго, даже скуднаго сравнительно административнаго персонала, ей подчиненнаго, имѣла значеніе главнаго ткацкаго челнока, который на основѣ національныхъ, церковныхъ и географическихъ связей выводилъ рѣдкую и грубую, но крѣпкую и выносливую ткань государственнаго порядка, умѣвшую выдерживать общественныя потрясенія, какихъ не пришлось испытать XVII вѣку.

Благодаря разнымъ особымъ порученіямъ, какія возлагались на думныхъ людей, боярская дума, оставаясь совѣтомъ «всѣхъ бояръ», едва ли когда собиралась въ полномъ составѣ членовъ, сколько ихъ значилось по списку. Всегда были члены, отсутствовавшіе по службѣ. Разсматривая разрядныя росписи XVI в., можно замѣтить, что около половины думы дѣйствовало ежегодно внѣ столицы, гдѣ-нибудь воеводствовало. Въ 1531 г. было слишкомъ 40 бояръ и окольничихъ; изъ нихъ 20 находились въ отлучкѣ, ходили въ походы полковыми воеводами, иные по нѣскольку разъ въ разное время года. При этомъ не считаются члены думы, бывшіе въ тотъ годъ управителями областей. Вслѣдствіе этого обычныя ежедневныя засѣданія думы составлялись изъ немногихъ сравнительно членовъ совѣта. Въ 1566 г. членовъ думы считалось 59 кромѣ думныхъ дьяковъ; но въ приговорѣ думы, внесенномъ въ соборное опредѣленіе этого года о войнѣ съ Польшей, обозначено всего 23 члена думы кромѣ шести подписавшихся на актѣ дьяковъ, о которыхъ трудно сказать, были ли всѣ они думные *). По разрядамъ XVII в. можно довольно точно разсчитать, сколько думныхъ людей ежегодно занято было внѣ Москвы по областямъ

---

*) Собр. гос. гр. и дог. I, стр. 547.

или въ полкахъ и сколько сидѣло въ столичныхъ приказахъ. Беремъ для этого боярскій списокъ и разряды 1668 сентябрьскаго года *). Въ думѣ считалось тогда 26 бояръ, 20 окольничихъ, 15 думныхъ дворянъ съ казначеемъ и 7 думныхъ дьяковъ съ печатникомъ. Изъ этихъ 68 государственныхъ совѣтниковъ въ первую половину года сидѣло въ 28 приказахъ 25 (6 бояръ, 4 окольничихъ, 8 думныхъ дворянъ и всѣ думные дьяки съ печатникомъ). Двое состояли дядьками при царевичѣ Алексѣѣ, слѣдовательно также заняты были въ столицѣ. Изъ остальныхъ членовъ 13 воеводствовали по городамъ (4 боярина, 6 окольничихъ и 3 думныхъ дворянина). Кромѣ того одинъ думный дворянинъ ѣздилъ посломъ въ Польшу для подтвержденія мирнаго договора, по возвращеніи былъ въ отвѣтѣ съ англійскимъ посломъ и потомъ отправился въ Вятку на воеводство. Когда пришли въ Москву вѣсти объ измѣнѣ гетмана Брюховецкаго, изъ Москвы наряжено было 5 думныхъ людей въ Бѣлевъ, Бѣлгородъ и Сѣвскъ командовать полками противъ измѣнившихъ черкасъ или наблюдать за сборомъ ратныхъ людей въ эти полки. Двое изъ этихъ экстренныхъ уполномоченныхъ были управителями приказовъ Большой Казны и Челобитеннаго. Въ другіе годы съ такими военными порученіями посылали изъ Москвы гораздо большее количество думныхъ людей. Такія порученія падали иногда и на приказныхъ управителей: бояринъ В. В. Бутурлинъ при царѣ Алексѣѣ долго дѣйствовалъ въ Малороссіи, оставаясь въ должности

*) Боярская книга 176 г. № 6 въ Моск. Арх. мин. юстиціи. По списку 179 ч. числилось бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ съ кравчимъ, казначеемъ и постельничимъ 61; изъ нихъ 24 помѣчены въ командировкахъ. Тамъ же боярск. списокъ № 8. Дворц. Разряды, III, 659—848. Не считаемъ обозначеннаго въ спискѣ бояръ гетмана Войска Запорожскаго И. М. Брюховецкаго, который въ томъ же году измѣнилъ московскому государю. См. у Олеарія въ 3-й книгѣ главы «Von den Boyaren» и «Von unterschiedlichen Cantzeleyen». Перечень относится къ веснѣ 1654 г. Изъ него видно, что членовъ думы считалось тогда 62 и изъ нихъ 18 были заняты въ 30 приказахъ: остальными тремя, къ которымъ отнесенъ и Таможенный, завѣдовали недумные люди.

дворецкаго и начальника приказа Большаго Дворца. Но обыкновенно такія порученія возлагались на тѣхъ совѣтниковъ, которые въ тотъ годъ были «не у дѣлъ», оставались въ Москвѣ свободными отъ приказной службы. Благодаря этому часто случалось, что значительное большинство думныхъ людей, собиравшихся на засѣданія совѣта, состояло изъ начальниковъ приказовъ, и тогда дума получала характеръ совѣта министровъ или, точнѣе, становилась собраніемъ предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта и «главноуправляющихъ разными отдѣльными частями, принадлежащими къ общему приказному устройству», какъ можно выразиться, примѣняясь къ терминологіи перваго тома Свода Законовъ.

Глава XXII.

Въ своей ежедневной практикѣ дума была постояннымъ совѣтомъ наличныхъ думныхъ людей, находившихся при государѣ.

Въ порядкѣ думскаго дѣлопроизводства, въ отношеніяхъ думы къ подчиненнымъ ей правительственнымъ учрежденіямъ, въ кругѣ предметовъ, составлявшихъ ея вѣдомство, остается много неяснаго. Можно надѣяться, что большая часть этихъ темныхъ подробностей вполнѣ раскроется, когда лучше изученъ будетъ огромный канцелярскій матеріалъ, сохранившійся отъ старинныхъ московскихъ приказовъ и ожидающій дружныхъ усилій многихъ изслѣдователей *). Мы ограничимся краткимъ, неполнымъ очеркомъ правительственной дѣятельности боярскаго совѣта въ ея обычномъ теченіи.

Обычными дѣловыми названіями боярскаго совѣта были *дума* или *бояре:* человѣку, получавшему званіе государствен-

*) Пользуемся случаемъ выразить здѣсь нашу искренюю признательность начальнику III отдѣл. Московскаго Архива мин. юстиціи В. И. Холмогорову, содѣйствію котораго мы много обязаны при изученіи дѣлъ стариннаго Помѣстнаго приказа, разъяснившихъ намъ нѣкоторыя изъ этихъ подробностей.

наго совѣтника, приказывали «сидѣти съ боярами въ думѣ и всякія думныя и тайныя дѣла вѣдати». Въ указахъ и боярскихъ приговорахъ XVII в. о дѣлахъ, рѣшенныхъ въ думѣ, иногда писали, что они вершены въ *палатѣ;* потому и думныхъ людей называли также *палатными.* Въ актахъ, исходившихъ отъ духовныхъ властей, любили обозначать боярскій совѣтъ греческимъ терминомъ *синклитъ:* это было торжественнымъ, болѣе книжнымъ, чѣмъ дѣловымъ названіемъ думы *). Въ обычное время, когда царь съ боярами жилъ въ Москвѣ, засѣданія думы начинались рано по утрамъ, когда думные люди пріѣзжали во дворецъ «челомъ ударить» государю. Флетчеръ говоритъ, что на засѣданія собирались въ 7 часовъ утра: онъ, очевидно, разумѣлъ зимнее время, когда онъ жилъ въ Москвѣ. Олеарій, держась тогдашняго московскаго счета дневныхъ и ночныхъ часовъ отъ восхода и заката солнца, писалъ, что на совѣщанія о дѣлахъ бояре собирались послѣ полуночи, отправляясь въ Кремль около 1 или 2 часовъ дня. Еще точнѣе обозначаетъ время засѣданій Маржеретъ, у котораго читаемъ, что лѣтомъ бояре вставали обыкновенно при восходѣ солнца и ѣхали во дворецъ, гдѣ присутствовали въ думѣ отъ перваго до седьмаго часа дня. Послѣ столь продолжительнаго засѣданія бояре съ государемъ шли въ церковь къ обѣднѣ, длившейся часа два, такъ что думные люди возвращались домой уже къ обѣду, около полудня по Олеарію. Засѣданіе совѣта возобновлялось вечеромъ, когда думные люди, соснувъ послѣ обѣда, съ первымъ ударомъ колокола къ вечернѣ опять выѣзжали во дворецъ поклониться государю и оставались тамъ по Марже-

---

*) Намекъ на то, что она называлась *боярской думой,* есть только у Флетчера (см. выше стр. 323). Впрочемъ въ договорной записи московскихъ бояръ 17 авг. 1610 г. встрѣчаемъ выраженіе: «съ думою бояръ». Собр. гос. гр. и дог. II, № 199. Иванъ Грозный въ своихъ письмахъ называлъ думу *синклитіей,* а Курбскій въ исторіи этого царя *сенатомъ;* ее называли также царскимъ *совѣтомъ.* Сказ. кн. *Курбскаго,* 79 и 188. Акты А. Эксп. I, № 308. *Карамзинъ,* IX, прим. 181; XII, прим. 10. Акты З. Росс. IV, 411. Собр. гос. гр. III, № 24. Полн. Собр. Зак. № 1355 и др.

рету часа два или три. По указамъ 1669 и 1676 г. думнымъ людямъ велѣно было съѣзжаться зимой въ первомъ часу дня и ночи, утромъ и вечеромъ, чтобы «сидѣть за дѣлы». Но какъ въ то же время судьямъ и дьякамъ велѣно было сидѣть въ своихъ приказахъ и ходить въ думу къ боярамъ съ докладами съ перваго до восьмаго часа ночи, то слѣдовательно вечернія засѣданія думы зимой продолжались часу до 11-го ночи по нашему счету. Поэтому иностранцы, бывавшіе въ Москвѣ зимой, говорили, что государственный совѣтъ здѣсь собирался обыкновенно ночью *). Ходить съ докладами въ думу значило «всходить съ дѣлами въ верхъ передъ бояръ». Около половины XVI в. въ кремлевскихъ дворцовыхъ хоромахъ была одна палата, служившая постояннымъ мѣстомъ засѣданій думы. Въ 1542 г., когда у государя былъ столъ для польскихъ пословъ, посольскую свиту, не усѣвшуюся за столомъ вмѣстѣ съ другими, угощали особо «въ палатѣ, гдѣ бояре судятъ». Въ XVII в. при царѣ Алексѣѣ чаще всего дума засѣдала въ такъ называвшейся *Передней* палатѣ. При дѣтяхъ его засѣданія часто бывали также въ *комнатѣ*, т. е. кабинетѣ государя. Иногда впрочемъ встрѣчаемъ по актамъ засѣданія бояръ въ палатахъ *Золотой* и *Столовой*. Въ поѣздкахъ государей бояре слѣдовали за ними. Это дѣлало думу очень подвижнымъ учрежденіемъ, дѣйствовавшимъ тамъ, гдѣ въ извѣстную минуту находился государь съ боярами. Потому встрѣчаемъ дѣла, о которыхъ государь «сидѣлъ» съ боярами въ селахъ Измайловѣ или Коломенскомъ, въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ и проч. Царь Иванъ IV, собираясь въ походъ на Казань въ 1549 г., постановилъ съ боярами приговоръ о мѣстничествѣ не въ дворцовой палатѣ, а въ Успенскомъ соборѣ, и на походѣ слѣдовалъ рядъ засѣданій по тому же вопросу во Владимірѣ и въ Нижнемъ. Въ Ливонскомъ походѣ 1577 г. почти вся дума находи-

*) Сказ. соврем. о Дим. Самозв. III, 38 и сл. *Олеарій*, 18-я глава III книги. *Флетчеръ*, гл. 11. П. С. З. №№ 461, 462 и 621: засѣданія бывали и въ другое время, наприм. во 2-мъ часу пополудни (тамъ же № 582). Relation de trois ambassades de m-r le comte de Carlisle. Amsterd. 1669, p. 62.

лась въ царскомъ лагерѣ. Плѣнный кп. Полубенскій «въ палаткахъ у совѣтниковъ», куда онъ былъ введенъ, увидѣлъ на скамьяхъ по обѣ стороны отъ царя 56 особъ: въ такомъ числѣ дума рѣдко собиралась и въ Москвѣ. Флетчеръ пишетъ, что обыкновенныя засѣданія думы бывали только по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ и что членамъ думы разсылали особыя повѣстки, когда нужно было созвать бояръ на чрезвычайное засѣданіе въ какой-либо другой день. Можетъ быть, такъ и бывало въ царствованіе Ѳедора Ивановича. Но въ XVII в. у думы и государя было обыкновенно столько правительственной работы, что дѣятельность боярскаго совѣта не ограничивалась тремя днями въ недѣлю.

Большая часть этой работы состояла въ слушаніи и обсужденіи «судейскихъ докладовъ» или докладныхъ выписокъ, съ которыми приходили въ думу начальники приказовъ. Котошихинъ различаетъ четыре порядка поступленія докладовъ «въ верхъ»: дѣла докладывались государю безъ бояръ, государю въ присутствіи бояръ, боярамъ безъ государя и государю съ боярами. Точно такъ же и въ актахъ различаются указы, данные государемъ «при боярехъ», отъ постановленій, состоявшихся по указу государя и приговору бояръ. Каждый изъ этихъ порядковъ имѣлъ свое значеніе въ ходѣ московскаго законодательства. Благодаря привычкѣ московской приказной администраціи обращаться къ высшей власти за разрѣшеніемъ каждаго своего недоумѣнія доклады государю безъ бояръ могли случиться во всякое время. По словамъ Котошихина, бояре и другіе думные люди приходили къ царю съ дѣлами «на докладъ», даже когда царь кушалъ съ царицей; докладчикъ или тотчасъ допускался въ комнату, или дожидался конца стола. Государь «слушалъ дѣлъ» также по утрамъ, когда бояре находились во дворцѣ. Но это не было «сидѣнье государя съ бояры о дѣлахъ»: бояре только присутствовали при этомъ, «стояли» передъ царемъ «всѣ», а иные, уставши стоять, выходили изъ покоевъ отдохнуть на дворъ. Въ 1659 г. важныя инструкціи главнокомандующему, дѣйствовавшему въ Малороссіи, доложены были государю въ трапезѣ дворцовой церкви. Въ тяжебныхъ дѣлахъ, доходившихъ

до государя, встрѣчаемъ резолюціи, помѣченныя думными дьяками въ воскресные и праздничные дни, также на Страстной недѣлѣ. По Уложенію въ воскресные и царскіе дни, въ большіе праздники и между прочимъ всю Страстную въ приказахъ не сидѣли и никакихъ дѣлъ не дѣлали кромѣ «самыхъ нужныхъ государственныхъ дѣлъ». Такія дѣла сосредоточивались въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ приказахъ. Какъ бы разъясняя статью Уложенія, изданный въ концѣ 1649 года указъ предписываетъ не сидѣть въ приказахъ по субботамъ послѣ обѣда и по воскресеньямъ до обѣда. Исключеніе сдѣлано только для Разряда, Посольскаго приказа и Большаго Дворца, какъ учрежденій, вѣдавшихъ самыя нужныя государственныя дѣла. Значитъ, и въ праздники изъ приказовъ могли идти доклады государю и боярамъ. Флетчеръ замѣчаетъ, что по всѣмъ государственнымъ дѣламъ царь обращался къ боярскому совѣту ежедневно (daily). Въ XVII в. старались ввести порядокъ въ теченіе дѣлъ высшаго управленія, установить очередь докладовъ, назначая для того важнѣйшимъ приказамъ извѣстные дни въ недѣлѣ. Такъ въ 1669 г. велѣно было вносить дѣла къ боярамъ въ думу по понедѣльникамъ изъ Разряда и Посольскаго приказа, по вторникамъ изъ Большой Казны и Большаго Прихода, двухъ важнѣйшихъ финансовыхъ приказовъ, по средамъ изъ Казанскаго Дворца и Помѣстнаго приказа, вѣдавшихъ дѣла по служилому землевладѣнію въ большей части областей государства, по четвергамъ изъ приказа Большаго Дворца и Сибирскаго, по пятницамъ изъ судныхъ приказовъ Московскаго и Владимірскаго. Можно подумать, что хотѣли установить постоянный еженедѣльный порядокъ докладовъ. Но сохранилась роспись на 4—11 августа 1676 г., совершенно несогласная съ распорядкомъ 1669 г. и притомъ измѣнчивая: на пятницу 11 августа назначены были доклады совсѣмъ не изъ тѣхъ приказовъ, которымъ указано было докладывать въ пятницу 4 августа *).

---

*) Дѣла Польскія въ Моск. Арх. мин. ин. д. г. 1542, № 3, л. 12 и 13. *Котош.* 27 и 24. Уложеніе, X, 25. Журн. Мин. Н. Просв. 1876,

Въ изложеніи указовъ XVII в. мы встрѣчаемъ двоякую редакцію. Одни начинаются словами: «великій государь, слушавъ докладной выписки, указалъ и бояре приговорили». На другихъ думный дьякъ помѣчалъ: «по указу великаго государя бояре, той докладной выписки слушавъ, приговорили». Въ этихъ формулахъ можно видѣть указаніе на то, состоялся ли приговоръ думы подъ председательствомъ царя, или безъ него. Руководствуясь такимъ указаніемъ, можно замѣтить, что цари Алексѣй и его старшій сынъ часто присутствовали на засѣданіяхъ думы. Въ 1694 г. 17 марта указано было думнымъ дьякамъ помѣчать боярскіе приговоры подъ дѣлами въ такой формѣ: «годъ и мѣсяцъ и число, по указу великихъ государей царей (имя рекъ) въ ихъ великихъ государей Передней палатѣ тѣхъ дѣлъ бояре слушавъ, приговорили». Лѣтомъ 1680 года, живя въ селѣ Воробьевѣ, царь Ѳедоръ пріѣзжалъ въ Москву «слушать дѣлъ съ бояры» изъ приказовъ рано утромъ, при восходѣ солнца, или часу въ десятомъ. Иногда впрочемъ дѣло докладывалось особо царю и боярамъ. Такъ можно думать по резолюціи, положенной на одинъ докладъ въ 1686 г., во время соцарствованія младшихъ сыновей Алексѣя, и начинающейся словами: «великіе государи, слушавъ сей выписки въ *комнатѣ*, указали и бояре приговорили въ *Передней*». Правительницы также лично принимали доклады и присутствовали въ думѣ. Назначивъ свою жену правительницей государства на время несовершеннолѣтія старшаго сына, великій князь Василій Ивановичъ передъ смертью совѣтовался съ приближенными о своей княгинѣ, какъ ей быть послѣ него и какъ къ ней боярамъ приходить по дѣламъ управленія. Царевна Софья часто присутствовала въ думѣ, сколько можно судить о томъ по указамъ, изданнымъ въ ея правленіе. Впрочемъ при ней обычная формула думскихъ приговоровъ уже теряла буквальное значеніе. По указамъ 1683—1686 г. царевна слушала дѣла въ думѣ вмѣстѣ съ обоими братьями: но изъ разсказа А. Матвѣева и писемъ шведскаго посла Кохена

№ 7, стр. 54. П. С. Зак. №№ 617, 955, 1251, 21, 460—462, 656. Дневникъ кн. *Голубенскаго* см. въ Трудахъ Рижскаго Археол. съѣзда.

видно, что Петръ сталъ прилежно посѣщать думу не раньше 1688 г., а прежде бывалъ въ ней очень рѣдко, лишь въ особенно важныхъ случаяхъ. Лишая князей Голицыныхъ боярства, именной указъ 1689 г. ставилъ имъ въ вину между прочимъ и то, что они «сестрѣ великихъ государей о всякихъ дѣлѣхъ мимо ихъ, великихъ государей, докладывали, а имъ, великимъ государемъ, о тѣхъ дѣлѣхъ было неизвѣстно». Послѣ паденія Софьи засѣданія думы безъ царя повидимому стали обычными. По указу 17 марта 1694 г. бояре слушали дѣла изъ приказовъ и по нимъ чинили приговоры, докладывая великимъ государямъ только тѣ дѣла, «которыхъ имъ зачѣмъ безъ ихъ, великихъ государей, именнаго указа вершить будетъ немочно». Когда государь не присутствовалъ въ думѣ, первое мѣсто въ ней принадлежало старшему по отечеству боярину, «первосовѣтнику». Отъ имени этого первосовѣтника «съ товарищи» писались приговоры думы. Такъ во времена опричнины первоприсутствующими въ думѣ видимъ князей И. Д. Бѣльскаго, И. Ѳ. Мстиславскаго, М. И. Воротынскаго *).

Дѣла докладывали въ думѣ тѣ думные люди, которые управляли приказами, каждый по своему вѣдомству. Повидимому не было твердо установленнаго, однообразнаго порядка доклада изъ приказовъ, начальники которыхъ не имѣли думныхъ чиновъ. Иногда дѣла шли чрезъ Разрядъ; но иногда, кажется, допускались «въ верхъ» и сами такіе начальники. Во-первыхъ, они являлись съ докладами къ самому государю. Въ 1681 г. постельничій и стряпчій съ ключомъ били челомъ о подмосковныхъ помѣстьяхъ. Думный дьякъ помѣтилъ на челобитной, что государь велѣлъ составить выписку о томъ и «доложить себя» *стольнику* кн. Коркодинову, который тогда управлялъ Помѣстнымъ приказомъ. Въ 1694 г. велѣно было по всѣмъ приказамъ составить выписки о недоимкахъ; эти

*) Дв. Разр. IV, 877, 163 и 165. Зап. *Матвѣева* по изд. *Сахарова*, стр. 51. Русск. Старина 1878 г. № 9, стр. 121. П. С. З. №№ 1202, 1206. 1174, 1348 и 1491. Никон. VII, 42. Временникъ дьяка *И. Тимоѳеева*: «первосовѣтникъ и предуказатель въ соборѣ всего синглита». Р. Ист. Библ. XIII, стр. 390.

вѣдомости должны были доложить государямъ сами судьи приказовъ безъ различія, были ли они въ думныхъ чинахъ, или не были. Точно такъ же и въ думѣ встрѣчаемъ иногда съ докладами недумныхъ людей. Въ 1601 г. донесеніе о кн. Репнинѣ «вносили въ верхъ» къ боярамъ дьяки Казанскаго Дворца А. Власьевъ и Ѳедоровъ: первый былъ думнымъ, а второй простымъ. Въ 1606 г. приговоръ думы о служилыхъ кабалахъ бояре велѣли приписать въ судебникъ Милюкову и дьяку Жукову въ приказѣ Холопья Суда. По всей вѣроятности приговоръ бояръ и вызванъ былъ докладомъ этихъ судей приказа, какъ обыкновенно бывало. Но по списку 1607 г. Милюковъ не былъ думнымъ человѣкомъ, числился въ московскихъ дворянахъ. Поэтому можно принять извѣстіе Флетчера, что начальнику всякаго судебнаго мѣста предоставлено было право входить въ думу съ докладами. Докладчиками думы по преимуществу были думные дьяки. Въ XVI и первой половинѣ XVII в. ихъ было обыкновенно трое или четверо: это были начальники приказовъ Посольскаго, Большаго Разряда, Помѣстнаго и иногда Казанскаго Дворца или Новгородскаго Разряда. Выше было уже объяснено, почему эти именно важные приказы, откуда шло наибольшее количество докладовъ, долго управлялись не думными людьми высшихъ чиновъ, боярами или окольничими, а только думными дьяками *). Эти приказы были не особыми правительственными вѣдомствами, а только разными отдѣленіями думской канцеляріи. Дѣла посольскія, разрядныя и помѣстныя непосредственно вѣдала сама дума, возлагая на думныхъ дьяковъ этихъ приказовъ исполненіе своихъ приговоровъ. Потому эти приказы можно назвать учрежденіями по преимуществу административными. Въ приказахъ, которыми правили *судьи* высшихъ думныхъ чиновъ, существенную функцію вѣдомства составлялъ судъ. Напротивъ въ дьячьихъ приказахъ этотъ элементъ мало замѣтенъ. Помѣстному приказу, напримѣръ, иногда приходилось разбирать поземельныя тяжбы, особенно по порученію думы; но прямымъ и по-

---

*) Стр. 163 и слѣд.

стояннымъ его дѣломъ была администрація служилаго землевладѣнія подъ ближайшимъ руководствомъ думы. Главное мѣсто между этими приказами принадлежало Большому Московскому Разряду: это было первое и, можетъ быть, древнѣйшее отдѣленіе думской канцеляріи. Такое значеніе сохранялъ онъ до конца своего существованія. Его дѣломъ была администрація службы служилыхъ людей: онъ, какъ описывали его вѣдомство въ началѣ XVII в., «всѣмъ разряжалъ, бояры и дворяны и дьяки и дѣтьми боярскими, гдѣ куды государь роскажетъ». Но сверхъ этого военно-административнаго значенія Разрядъ имѣлъ еще значеніе канцеляріи, стоявшей посредницей между высшимъ правительствомъ и прочими приказами. Онъ сообщалъ по принадлежности распоряженія государя, касавшіяся всѣхъ приказовъ; чрезъ него восходили въ думу справки, которыхъ она требовала отъ всѣхъ приказовъ. Такъ въ Разрядѣ начальникъ его объявлялъ всѣмъ приказнымъ судьямъ и дьякамъ государевы именные указы о порядкѣ дѣлопроизводства и о времени присутствія въ приказахъ. Въ 1681 г. велѣно было всѣмъ приказамъ собрать находившіяся въ нихъ дѣла, рѣшенныя государемъ съ думой, и по нимъ составить новыя статьи на такіе случаи, на которые не давали законодательнаго отвѣта Уложеніе и сопровождавшія его новоуказныя статьи. Такія кодификаціонныя «выписки» приказы обязаны были прислать въ Разрядъ для доклада высшему правительству. Въ 1699 году Разрядъ принялъ и доложилъ государю челобитье гостей о выборѣ бурмистровъ и о другихъ дѣлахъ городского самоуправленія. Наконецъ, Разрядъ сообщалъ членамъ самой думы указы государя, касавшіеся порядка ихъ думныхъ запятій. Флетчеръ упоминаетъ о писцѣ думы, который по распоряженію Разряда разносилъ думнымъ людямъ повѣстки объ экстренныхъ засѣданіяхъ боярскаго совѣта. Этотъ писецъ думы былъ однимъ изъ разрядныхъ подьячихъ, которыхъ, какъ видно изъ актовъ XVII в., приказъ разсылалъ по дворамъ думныхъ людей съ повѣстками въ извѣстныхъ случаяхъ. Если думныхъ дьяковъ другихъ приказовъ можно назвать статсъ-секретарями, то думный разрядный дьякъ имѣлъ среди нихъ значеніе государствен-

наго секретаря. Иностранцы и называли Разрядъ государственной канцеляріей *). Въ XVII в. думное дьячество постепенно теряло свое первоначальное значеніе. Во-первыхъ, начальниками дьячьихъ приказовъ стали назначать людей высшихъ думныхъ чиновъ, бояръ и окольничихъ, такъ что думные дьяки, бывшіе прежде главными докладчиками думы, превращались въ ихъ товарищей. Во-вторыхъ, самихъ думныхъ дьяковъ все чаще стали жаловать въ высшіе чины думныхъ дворянъ и даже окольничихъ. Наконецъ, въ думу вводили за службу дьяковъ такихъ приказовъ, которые уже давно утратили значеніе ближайшихъ думскихъ канцелярій и управлялись боярами, окольничими или даже недумными чинами, стольниками и дворянами московскими: старый московскій статсъ-секретаріатъ превращался въ простое служебное отличіе. Кромѣ названныхъ приказовъ въ XVII в. думныхъ дьяковъ встрѣчаемъ въ Большомъ Дворцѣ, Четяхъ Новой и Владимірской, на Казенномъ дворѣ, въ приказахъ Ямскомъ, Стрѣлецкомъ и многихъ другихъ; въ нѣкоторыхъ приказахъ ихъ бывало по-двое въ одно время. Благодаря всему этому въ думѣ иногда появлялось много дьяковъ: въ 1681 г. ихъ можно насчитать по разрядамъ до 15. Эта толпа дьяковъ въ боярской думѣ была выразительнымъ признакомъ превращенія аристократическаго совѣта въ бюрократическое учрежденіе.

Памятники древнерусскаго законодательства даютъ намъ возможность слѣдить за предварительными моментами думнаго дѣлопроизводства, предшествовавшими обсужденію дѣла боярами. Мы видимъ, чѣмъ вызывался докладъ въ томъ или другомъ приказѣ, какъ этотъ докладъ составлялся и вносился въ думу, какъ и гдѣ собиралась эта дума для его обсужденія. Но далѣе акты покидаютъ насъ, такъ сказать, передъ самыми дверями совѣта. Мы снова встрѣчаемся съ докладомъ, когда онъ выхо-

*) П. С. З. №№ 856, 1484, 777, 900, 1683, 582. А. И. II, №№ 355, 38 и 63 Памятн. дипл. снош. II, 656. Боярск. сп. 1607 г. въ рукоп. *Е. В. Барсова. Флетчеръ*, глава 11. Др. Р. Вивл. XX, 367. Ср. *Корба* Дневникъ, изд. Общ. Ист. и Др. Р., стр. 311. Сказ. соврем. о Дим. Самозв. I, 26.

дитъ изъ палаты уже вполнѣ готовымъ закономъ, «вершенымъ» дѣломъ, съ обычной помѣтой думнаго дьяка: «великій государь, сей докладной выписки слушавъ, указалъ и бояре приговорили». Мы знаемъ эти доклады и помѣты, начала и концы стараго московскаго законодательства; но намъ остается неясенъ самый процессъ его. Что происходило за дверями думной палаты, какъ обсуждался докладъ, какъ думные люди высказывали свои мнѣнія и какія мнѣнія, какъ государь относился къ сужденіямъ своихъ совѣтниковъ и какъ вообще рѣшались спорные вопросы, количествомъ ли мнѣній, или ихъ качествомъ—ничего этого дьякъ не заносилъ въ свою помѣту, потому что ни въ чемъ этомъ не нуждалась его приказная практика. Въ памятникахъ сохранились лишь нѣкоторые намеки, безсвязные отголоски, доходившіе изъ залы засѣданій до людей, доступа въ ту залу не имѣвшихъ. Бояре, окольничіе и думные дворяне разсаживались въ палатѣ на лавкахъ по чинамъ, а люди одного чина по отечеству, одни подъ другими, «кто кого породою ниже», а не по старшинству службы. Только думные дьяки присутствовали стоя, пока царь не приглашалъ ихъ сѣсть. Бѣглый подьячій Котошихинъ описываетъ засѣданіе думы съ замѣтнымъ оттѣнкомъ ироніи, похожей на гримасу, какую недостаточно вѣжливый подчиненный, вырвавшись на волю, издали дѣлаетъ своему бывшему суровому начальнику. Когда совѣщаніе открывалось какимъ-либо предложеніемъ царя, онъ, высказавъ свою мысль, приглашалъ бояръ и думныхъ людей «помысля къ тому дѣлу дать способъ». Кто изъ бояръ побольше и поразумнѣе, тѣ «мысль свою къ способу объявливаютъ». Порой кто-нибудь и изъ меньшихъ заявитъ свою мысль, «а иные бояре, брады своя уставя, ничего не отвѣщаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные». Эти детальныя фигуры молчаливыхъ совѣтниковъ съ уставленными брадами, неизбѣжныя при обсужденіи дѣла во всякомъ многолюдномъ собраніи, напрасно иногда принимаются за полную картину засѣданія боярской думы. Онѣ и у Котошихина не закрываютъ собою другихъ думныхъ

людей, «на отвѣты разумныхъ, изъ большихъ и изъ меньшихъ статей бояръ». Засѣданія думы вовсе не отличались молчаливостью. Въ лѣтописи описано засѣданіе съ участіемъ митрополита въ 1541 г., когда въ Москву пришли вѣсти о грозномъ нашествіи крымскаго хана Саипъ-Гирея. Помолившись въ Успенскомъ соборѣ и благословившись у митрополита, великій князь Иванъ повелѣлъ ему идти за собою. Они пришли въ палату, гдѣ обыкновенно происходили «сидѣнья съ бояры». Здѣсь были въ сборѣ и думные люди. Лѣтописецъ влагаетъ въ уста Ивану рѣчь, обращенную къ владыкѣ и вѣроятно прочитанную думнымъ дьякомъ отъ лица 11-лѣтняго великаго князя. Рѣчь ставила на обсужденіе думы вопросъ: въ виду опасности остаться ли государю въ столицѣ, или уѣхать куда-нибудь? Великій князь приглашалъ владыку «посовѣтовать о томъ съ бояры». Сначала говорили бояре. Ихъ мнѣнія раздѣлились. Одни говорили, что прежде, когда татарскіе цари подступали къ Москвѣ, великіе князья въ городѣ не сиживали. Другіе возражали, что тогда государи были не малыя дѣти, истому великую могли поднять и землѣ пособлять, собирая полки въ другихъ городахъ на выручку столицы; изъ Москвы ѣхать надо скоро, чтобы уйти отъ погони, а теперь государь съ братомъ малыя дѣти, «борзаго ѣзду и истомы никоторой поднять не могутъ»: съ малыми дѣтьми какъ ѣздить скоро? Возражавшіе подкрѣпили свое мнѣніе примѣромъ изъ исторіи Москвы. Митрополитъ склонился на эту сторону и высказалъ еще другія соображенія въ ея пользу: уѣхать теперь некуда. да и на кого чудотворцевъ и Москву оставить? когда в. князь Димитрій уѣхалъ изъ Москвы, не оставивъ въ столицѣ брата съ крѣпкими воеводами (при нашествіи Тохтамыша въ 1382 г.), съ Москвой что сталось? отъ такой бѣды Господи защити и помилуй! поручимъ великаго князя чудотворцамъ Петру и Алексѣю: они о Русской землѣ и о нашихъ государяхъ попеченіе имѣютъ; имъ великаго князя отецъ его и на руки отдалъ. Бояре послѣ этихъ словъ «сошли всѣ на одну рѣчь», рѣшили въ одинъ голосъ оставаться великому князю въ городѣ. Выслушавъ рѣчи бояръ и владыки, великій князь отдалъ приказъ

укрѣплять столицу. Сохранилось похожее на протоколъ краткое и не вполнѣ ясное изложеніе одного засѣданія думы въ 1679 г. съ участіемъ патріарха; не видно только, присутствовалъ ли государь на засѣданіи, или нѣтъ. Обсуждался, кажется, вопросъ, отдавать ли питейныя заведенія на откупъ, или мірскимъ выборнымъ головамъ и цѣловальникамъ подъ присягой, «на вѣру». Патріархъ былъ того мнѣнія, что у питейныхъ сборовъ слѣдуетъ быть головамъ за выборомъ мірскихъ людей, только не приводить ихъ къ присягѣ, чтобъ «клятвъ и душевредства не было», за воровство же пригрозить выборнымъ конфискаціей всего имущества и «казнью по градскому суду», а избирателямъ тяжелымъ штрафомъ. Бояре возражали на это: опасно безъ присяги; и подъ присягой у выборныхъ было воровство многое, а «безъ подкрѣпленія вѣры» воровства будетъ и того больше. Путемъ обоюдныхъ уступокъ пришли къ такому рѣшенію: выборныхъ къ присягѣ не приводить согласно съ мнѣніемъ владыки, но вопреки ему не брать и штрафа съ избирателей, противъ котораго вѣроятно были бояре, а взыскивать недоборы «по сыску» *). Значитъ, совѣщанія думы сопровождались преніями. Эти пренія, какъ узнаемъ изъ другихъ извѣстій, иногда достигали чрезвычайной живости. Сверхъ чаянія, на засѣданіяхъ думы порой нарушалась та спокойная и натянутая чинность, которая господствовала при дворѣ московскихъ государей. Нерѣдко бывали «встрѣчи», возраженія государю со стороны его совѣтниковъ. Объ Иванѣ III разсказывали, что онъ даже любилъ встрѣчу и жаловалъ за нее. Изъ словъ Грознаго въ письмѣ къ Курбскому видно, что оппозиція въ совѣтѣ его дѣда доходила до раздраженія, до «поносныхъ и укоризненныхъ словесъ» самому государю. Сынъ Ивана Василій не былъ такъ сдержанъ и самъ легко выходилъ изъ себя при встрѣчѣ. Разъ при обсужденіи дѣла о Смоленскѣ знакомый уже намъ неважный отечествомъ совѣтникъ И. Н. Берсень-

*) *Котоших.* 20. Царств. книга, 84 и сл. П. С. З. № 859: неполный повидимому протоколъ засѣданія 1679 г., вставленный въ докладъ 1681 г.

Беклемишевъ что-то возразилъ великому князю. Василій разсердился, обозвалъ Берсеня «смердомъ» и выслалъ изъ думы съ глазъ долой, положивъ на него опалу, отнявъ у него свои государевы очи, какъ говорили въ старину о государевой немилости. Нельзя, разумѣется, считать обычными явленія, бывавшія при московскомъ дворѣ въ малолѣтство Грознаго, въ годы боярскаго самовластья, когда разъ бояре среди самаго засѣданія думы въ Столовой избѣ «взволновались между собою» передъ великимъ княземъ, схватили его любимца Воронцова, били его по щекамъ, оборвали на немъ платье, не убили его только по просьбѣ великаго князя, пинками вытолкали его изъ дворца и наперекоръ просьбѣ государя «приговорили» сослать избитаго совѣтника на Кострому. Къ числу чрезвычайныхъ принадлежало и извѣстное засѣданіе ближнихъ бояръ при больномъ царѣ въ 1553 году по поводу присяги новорожденному наслѣднику, когда, по словамъ лѣтописи, была между боярами «брань велія и крикъ и шумъ великъ и рѣчи многія во всѣхъ боярахъ и слова многія бранныя». Повѣствователь приводитъ рѣчь царя на этомъ засѣданіи и возраженія на нее боярина кн. И. М. Шуйскаго и окольничаго Ѳ. Г. Адашева. Буссовъ, хорошо знавшій московскія дѣла при первомъ самозванцѣ, въ своихъ разсказахъ объ отношеніяхъ его къ боярамъ мимоходомъ отмѣтилъ черту, показывающую, что думные люди любили на засѣданіяхъ думы подолгу разсуждать о предметахъ совѣщанія. Не проходило дня, замѣчаетъ этотъ иностранецъ, когда бы царь не присутствовалъ въ совѣтѣ, гдѣ сенаторы докладывали ему государственныя дѣла и подавали объ нихъ свои мнѣнія. Иногда, слушая продолжительныя и безплодныя ихъ пренія, онъ смѣялся и говорилъ: «столько часовъ вы разсуждаете и все безъ толку! а я вамъ скажу, дѣло вотъ въ чемъ», и въ минуту рѣшалъ дѣла, надъ которыми сановитые бояре долго ломали свои головы. Но наканунѣ своей свадьбы, обсуждая съ боярами, въ какомъ платьѣ вѣнчаться его невѣстѣ, въ польскомъ или русскомъ, Лжедмитрій послѣ долгаго и жаркаго спора уступилъ своимъ совѣтникамъ, которые стояли за старый московскій обычай. При царѣ

Алексѣѣ по утрамъ, когда бояре съѣзжались во дворецъ на засѣданія думы, правительственныя занятія государя и его совѣтниковъ не прекращались даже въ церкви. За обѣдней въ удобныя минуты государь продолжалъ выслушиват доклады, отдавалъ приказы, разговаривалъ о дѣлахъ съ боярами: послѣдніе также разсуждали другъ съ другомъ о дѣлахъ, какъ будто сидѣли въ думѣ. У цесарскаго посла барона Майерберга въ его сочиненіи о Московіи есть очень изобразительная и драматичная картинка одного засѣданія думы при этомъ царѣ, напоминающая сцену великаго князя Василія съ Берсенемъ. Когда въ 1661 г. въ Москву пришли вѣсти о пораженіи Русскихъ Литвой, царь созвалъ думу, чтобы обсудить, что дѣлать. Тесть царя Милославскій вызвался стать во главѣ царскихъ полковъ, обѣщая привести польскаго короля плѣнникомъ въ Москву. Вспыльчивый царь вышелъ изъ себя отъ такого нахальства. «Ахъ, ты такой-сякой! съ чего это ты взялъ хвастаться своимъ искусствомъ въ ратномъ дѣлѣ? какіе твои подвиги противъ непріятеля? смѣешься ты что-ль надо мной? пошелъ вонъ отсюда!» Съ этими словами Алексѣй вскочилъ съ своего мѣста, далъ старику пощечину, надралъ ему бороду, пинками вытолкалъ его изъ палаты и захлопнулъ за нимъ дверь. Иногда мѣстничество подпимало шумъ въ думѣ. Въ 1651 г. на засѣданіи при царѣ братья Пушкины, бояринъ и окольничій, принялись браниться съ братьями князьями Долгорукими и били челомъ государю, что имъ меньше послѣднихъ быть не можно, а князья Долгорукіе били челомъ о безчестьи, говоря, что Пушкины своимъ челобитьемъ ихъ безчестятъ. Или кн. И. А. Хованскій, заносчивый и совсѣмъ сбросившій съ себя узду послѣ стрѣлецкихъ мятежей 1682 г., прерветъ спокойное теченіе думныхъ совѣщаній, не стѣсняясь присутствіемъ въ палатѣ обоихъ государей, о чемъ ни приговорятъ бояре, противъ всего возражаетъ «съ великимъ шумомъ, невѣжествомъ и возношеніемъ», не обращая вниманія ни на Уложеніе, ни на государевы указы, либо примется вычитать свои службы и поносить свою братію бояръ: и никто-де съ такой славой и радѣньемъ не служивалъ, какъ онъ Хованскій, и никого среди

бояръ нѣтъ, кто бы ему былъ въ версту, и государство-то все стоитъ, пока живъ онъ Хованскій, а какъ его не станетъ, въ Москвѣ будутъ ходить въ крови по колѣна, и не спасется тогда «никакая же плоть» *).

Такъ шли совѣщанія думы въ присутствіи царя. Есть два любопытныя описанія боярскаго совѣта, засѣдавшаго безъ государя. Къ сожалѣнію, одно изъ нихъ изображаетъ думу при исключительныхъ обстоятельствахъ междуцарствія, когда по низверженіи царя В. Шуйскаго въ Москвѣ стояли Поляки. Другой памятникъ изображаетъ засѣданіе думы въ царствованіе Грознаго, но также засѣданіе не совсѣмъ обычное, по мѣстническому спору и не въ обычномъ мѣстѣ. Когда польскій предводитель Гонсѣвскій ходилъ «въ верхъ къ боярамъ» поговорить о какихъ-нибудь дѣлахъ, ему у него на дворѣ и по дорогѣ Русскіе подавали множество челобитныхъ. Гонсѣвскій приносилъ всѣ эти челобитныя въ думу; придетъ и сядетъ, около себя посадитъ своихъ сторонниковъ, Салтыкова, казначея Андронова, печатника Грамотина и другихъ; думные дьяки прочитывали челобитныя и помѣчали, что по каждой приговаривали Гонсѣвскій съ окружавшими его пріятелями. Другимъ членамъ думы и не слышно было, что эта компанія говорила и приговаривала. Въ 1579 г., когда царь былъ въ походѣ и стоялъ съ боярами въ Новгородѣ, бояринъ кн. В. Ю. Голицынъ билъ челомъ государю, прося разсудить его «въ счетѣ о мѣстѣхъ» съ бояриномъ кн. И. П. Шуйскимъ. Государь приказалъ думѣ разобрать дѣло. Засѣданіе происходило въ Разрядной избѣ. Первосовѣтникомъ думы былъ тогда кн. И. Ѳ. Мстиславскій; тутъ же сидѣли и оба мѣстника, истецъ и отвѣтчикъ. Думный дворянинъ А. Ѳ. Нагой пришелъ и сказалъ боярамъ, что государь велѣлъ слушать дѣло сегодня же. Бояре сказали кн. Голицыну: «билъ ты челомъ на кн. И. П. Шуйскаго о мѣстахъ, и ты на кн. Ивана дай челобитную и ищи на немъ, а мы васъ

*) Царств. книга, 112, 339. А. А. Э. I, стр. 143. Сказ. соврем. о Дим. Самозв. I, 62 и 76. *Г. Забѣлина,* Дом. бытъ русск. царей, I, 292. *Майерберга,* Путеш. въ Московію, изд. Общ. Ист. и Др. Р. стр. 168. П. С. З. №№ 75 и 954.

слушать готовы». Кн. Василій иска не вчиналъ и челобитной не давалъ, а билъ челомъ боярамъ, чтобъ дали ему срокъ съѣздить домой «на подворье» и взять разрядныя памяти, чѣмъ ему съ кн. Иваномъ тягаться въ отечествѣ. Кн. Иванъ въ свою очередь билъ челомъ боярамъ, чтобъ они велѣли кн. Василью искать на немъ и его съ кн. Васильемъ судили, что отвѣчать противъ челобитной истца онъ готовъ. Бояре трижды приглашали Голицына подать челобитную о своемъ искѣ или искать безъ челобитной, о чемъ онъ просилъ на Шуйскаго. Кн. Василій отвѣчалъ на всѣ эти «вспросы» бояръ, что разрядныя памяти, чѣмъ ему съ кн. Иваномъ считаться, лежатъ у него на подворьѣ, дали бы ему бояре срокъ съѣздить на подворье, а теперь онъ искать не готовъ. Кн. Иванъ также три раза билъ челомъ боярамъ, что отвѣчать онъ готовъ, да кн. Василій на немъ не ищетъ, и бояре велѣли бы его челобитье записать. Давъ срокъ истцу, бояре перешли къ другому очередному дѣлу, тоже мѣстническому спору, и слушали его до пятаго часа ночи (до 9-го часа по нашему счету, такъ какъ дѣло было въ ноябрѣ на вечернемъ засѣданіи думы). Кн. Иванъ сидѣлъ въ это время съ боярами, и какъ дослушано было дѣло, поѣхалъ изъ Разрядной избы домой. Слѣдомъ за нимъ стали разъѣзжаться и другіе бояре: уѣхали Д. Годуновъ, сыновья первоприсутствующаго и другіе члены. Между тѣмъ кн. Голицынъ принесъ боярамъ челобитную о счетѣ и билъ челомъ, чтобы бояре по челобитной его съ кн. Иваномъ судили въ отечествѣ. Судъ былъ отложенъ до другого засѣданія. На слѣдующій день кн. Голицынъ въ думѣ повторилъ свое челобитье боярамъ, а бояре опять потребовали у него челобитной. Голицынъ просилъ судить его по челобитной, какую подавалъ онъ государю на Шуйскаго въ Псковѣ. Бояре опять три раза спрашивали Голицына, станетъ ли онъ искать и если станетъ, подастъ ли челобитную объ искѣ. Голицынъ на эти вспросы также отвѣчалъ просьбой, чтобъ его судили по псковской челобитной и ту челобитную велѣли передъ собой положить. Бояре ему въ томъ отказали, прибавивъ, что готовы судить его и безъ челобитной, если онъ будетъ искать «словомъ». Голицынъ изъявилъ

готовность искать безъ челобитной словомъ и началъ изустнымъ изложеніемъ своей исковской челобитной *).

Люди XVII в. въ своихъ разсказахъ о ходѣ дѣлъ въ думѣ даютъ иногда случайныя указанія на партіи, какія въ ней образовывались, и на стороннія вліянія, тамъ дѣйствовавшія. Въ 1676 г. во время войны съ Турками и Татарами отправленъ былъ въ Путивль бояринъ кн. В. В. Голицынъ въ подмогу дѣйствовавшему въ Малороссіи кн. Г. Г. Ромодановскому. Возникалъ вопросъ, дѣйствовать ли обоимъ главнокомандующимъ раздѣльно, самостоятельно, или Ромодановскому быть въ товарищахъ у Голицына. Бояринъ кн. М. Ю. Долгорукій писалъ изъ Москвы Голицыну, что этотъ вопросъ въ думѣ еще не рѣшенъ, бояре «раздѣлились нополамъ»; но ему чуялось, что Ромодановскому въ товарищахъ не быть, «за него всѣ стоятъ», а о прибавкѣ пѣхоты Голицыну онъ, кн. Долгорукій, старается и бьется въ томъ за него, сколько мочи у него есть, и насилу выпросилъ ему два стрѣлецкихъ батальона. Въ 1677 г. Ромодановскій поразилъ враговъ на Днѣпрѣ и ему хотѣли послать изъ Москвы шубу и золотые, а Голицыну не посылать, потому что онъ къ бою не поспѣшилъ. Но матушка Голицына «о томъ крѣпко простаралась», била челомъ боярину кн. Ю. А. Долгорукому и много разъ посылала своего внука къ боярину И. М. Милославскому о томъ же. Отъ Долгорукаго «крику было много», зачѣмъ Голицынъ къ Днѣпру не поспѣшилъ; однако онъ тоже «простарался», и Милославскій замолвилъ слово. Бояре приговорили послать къ обоимъ командирамъ «со здоровьемъ и службы ихъ въ ровенствѣ милостиво похвалить». Приговоръ былъ посланъ къ государю въ Троицкій походъ на утвержденіе. Въ 1685 г. возникъ при Московскомъ дворѣ вопросъ, мириться ли съ Поляками противъ Татаръ, или съ Татарами противъ Поляковъ. О томъ «держанъ былъ совѣтъ въ палатѣ»: царевна Софья и кн. Голицынъ «съ своею партіей были той опиніи (opinion), чтобъ миръ съ Поляками подтвер-

---

*) *Соловьева,* Ист. Росс. IX, 56. Русск. Ист. Сб. Общ. Ист. и Др. Росс., т. II, 1—4 и 57.

дить», а кн. Прозоровскій съ другими боярами держался противнаго мнѣнія. Полгода длилось разномысліе, и наконецъ согласились «алліансъ учинить» съ Польшей противъ Крыма *).

Ходъ обсужденія и рѣшенія общихъ законодательныхъ вопросовъ не записывался такъ подробно, какъ излагались частныя мѣстническія тяжбы, которыя рѣшала боярская дума или ея коммиссія. Веденіе протоколовъ думскихъ засѣданій или «списковъ государеву сидѣнью о всякомъ земскомъ указѣ» не было постояннымъ правиломъ. Выше изложены случайныя записи нѣкоторыхъ совѣщаній думы, попавшія въ лѣтопись или въ позднѣйшій докладъ дьяка, каковъ былъ отрывокъ протокола преній, происходившихъ на засѣданіи думы въ 1679 году по вопросу о питейной торговлѣ **). Записывались только приговоры думы. По словамъ Котошихина, «на чемъ которое дѣло быти приговорятъ, приказываетъ царь и бояре думнымъ дьякомъ помѣтить и тотъ приговоръ записать». Приговоры помѣчались обыкновенно на самыхъ дѣлахъ, доложенныхъ въ думѣ или одному царю, и излагались либо кратко, въ стереотипныхъ выраженіяхъ, либо пространно, если рѣшали сложное и необычное дѣло; тѣ и другіе облекались потомъ въ форму указовъ ***).

---

*) Временникъ Общ. Ист. и Др. Росс. X, смѣсь, стр. 31. Письмо *Боева* къ кн. В. В. Голицыну въ столбц. Моск. стола Разр. пр. № 1083. Арх. кн. *Ѳ. А. Куракина,* I, 52.

**) Въ царскомъ архивѣ Грознаго хранились только протоколы за январь 1568 г. См. выше стр. 342. Въ мнѣніи думы о войнѣ съ Польшей, поданномъ на соборѣ 1556 г., читаемъ, что бояре уже прежде говорили между собой объ этомъ дѣлѣ и что рѣчи бояръ, бывшихъ тогда «въ приговорѣ», были записаны. Не видно однако, чтобы боярскія рѣчи записывались на каждомъ засѣданіи. Собр. гос. гр. и дог. 1, стр. 548.

***) «Бояре приговорили» или «государь указалъ, говоря съ бояры: *дать грамота, выписать,* т. е. доложить со справками, *посадить въ тюрьму, велѣть пытать, отписать съ похвалою* или *съ опалой*». Эта послѣдняя помѣта на донесеніе воеводы о приходѣ Татаръ подъ Сапожокъ облечена въ указъ, въ которомъ писано: «И ты дуракъ безумный, худой воеводишка! Пишешь къ намъ, что Татарове къ Сапожку приходятъ и людей побиваютъ» и проч. См. помѣты и указы въ I т. Актовъ Моск. государства, издан. Акад. Наукъ подъ ред. *Н. А. Попова;* грамота воеводѣ съ опалой № 174.

Въ 1690 г. въ думѣ было постановлено, чтобы только думные, а не простые дьяки крѣпили именные указы, обыкновенно составлявшіеся на основаніи приговоровъ государя съ боярами. Приговоры излагались въ двоякой формѣ, въ видѣ государевыхъ указовъ, закрѣпленныхъ «всѣхъ думныхъ дьяковъ руками», или помѣченныхъ какимъ-либо однимъ изъ этихъ дьяковъ. Въ указахъ перваго рода излагались приговоры общаго законодательнаго характера, касавшіеся одинаково всѣхъ правительственныхъ вѣдомствъ; за помѣтой одного думнаго дьяка выходили указы болѣе частнаго свойства, о которыхъ вѣдать надлежало одному или нѣсколькимъ приказамъ. Въ *закрѣпѣ* и *помѣтѣ* выражалась неясная, нерѣшительно проведенная мысль древнерусскаго законодательства о различіи между органическимъ закономъ и простымъ распоряженіемъ верховной власти, между общимъ правиломъ и его примѣненіемъ къ частнымъ случаямъ. Трудно сказать, требовалось ли въ XVI в. закрѣпленіе какихъ-либо приговоровъ руками всѣхъ думныхъ дьяковъ: этого не замѣтно, можетъ быть, по недостатку памятниковъ того времени. И въ XVII в. думскія постановленія общаго, органическаго характера нерѣдко помѣчались однимъ думнымъ дьякомъ, чаще всего разряднымъ, и изъ Разряда сообщались указами или «памятями» прочимъ приказамъ *). Съ другой стороны, въ 1665 г. по случаю пожалованія боярскаго чина гетману Брюховецкому состоялся приговоръ бояръ, по которому думные люди, назначенные сказывать боярство этому и впредь всѣмъ будущимъ гетманамъ, не должны ставить себѣ это въ безчестіе и при мѣстническихъ спорахъ писать «въ случаи»; по указу, сообщенному въ Разрядъ изъ собственной канцеляріи государя, изъ приказа Тайныхъ Дѣлъ, «сію статью», столь спеціальную на нашъ взглядъ,

*) Въ 1677 г. велѣно было въ приказы, управляемые думными людьми, писать изъ Разряда указами, а въ остальные памятями или простыми отношеніями. Въ этомъ, кажется, выражалась мысль, что приказы перваго рода имѣютъ непосредственное отношеніе къ государю и думѣ, а остальные сносятся съ высшимъ правительствомъ черезъ посредство Разряда, какъ думской канцеляріи. П. С. З. № 677. Иначе объясняетъ это *Дмитріевъ* въ Ист. суд. инстанцій, стр. 335.

велѣно было записать въ книгу «впредь для утвержденія и закрѣпить всѣхъ думныхъ дьяковъ руками». Однако можно замѣтить присутствіе мысли, что всѣми думными дьяками должны закрѣпляться установляемыя высшимъ правительствомъ правила наиболѣе основныя и постоянныя, касающіяся всѣхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Въ 1676 г. по докладу изъ Помѣстнаго приказа утвержденъ былъ думой рядъ новыхъ статей о помѣстьяхъ; государевъ указъ и боярскій приговоръ объ этихъ статьяхъ велѣно было закрѣпить всѣмъ думнымъ дьякамъ «для вѣчнаго укрѣпленія, дѣлать бы всякія дѣла по Уложенію и по симъ новымъ статьямъ». Въ 1693 г. по поводу разбиравшейся въ думѣ брани и драки бояръ Шеина и кн. Ромодановскаго состоялся указъ съ изложеніемъ всего дѣла, закрѣпленный восемью думными дьяками: велѣно было во всѣ приказы послать для вѣдома со всего этого дѣла памяти. Распоряженія болѣе частнаго хорактера помѣчались тѣмъ или другимъ думнымъ дьякомъ, смотря по вѣдомству, котораго они касались, чаще всего дьякомъ разряднымъ, какъ главнымъ секретаремъ думы по всѣмъ дѣламъ. Изъ Разряда обыкновенно сообщались постановленія думы и тѣмъ приказамъ, начальники которыхъ не были членами думы. Изъ г. Яранска, подвѣдомственнаго приказу Казанскаго Дворца, въ 1601 г. прислана была отписка о растратѣ казеннаго имущества воеводой кн. Репнинымъ. Дьяки приказа эту отписку «взносили въ верхъ», сказывали боярамъ. Выслушавъ отписку, бояре приговорили у кн. Репнина за воровство отобрать на государя вотчины, помѣстья и дворъ въ Москвѣ со всѣми животами, а самого съ женою и дѣтьми сослать на Уфу и быть ему тамъ «въ рядъ», т. е. рядовымъ дворяниномъ, лишеннымъ чиновъ. Приговоръ помѣченъ былъ думнымъ разряднымъ дьякомъ Е. Вылузгинымъ, которымъ рѣшеніе думы и было сообщено другимъ приказамъ, насколько оно касалось каждаго: память о конфискаціи помѣстій и вотчинъ послана въ Помѣстный приказъ, объ отобраніи московскаго двора съ движимостью на Земскій Дворъ, главное полицейское управленіе столицы, а о ссылкѣ кн. Репнина на Уфу въ Казанскій Дворецъ. Кромѣ Разряда государевы указы и боярскіе

приговоры сообщалъ приказамъ тотъ изъ нихъ, который своимъ докладомъ вызвалъ постановленіе высшей власти, если начальникъ его былъ членомъ думы. Въ этомъ случаѣ самъ Разрядъ получалъ сообщеніе о боярскомъ приговорѣ изъ другого приказа, если этотъ приговоръ его касался. Приговоръ думы о порядкѣ гражданскаго судопроизводства, возбужденный докладомъ, напримѣръ, Суднаго Владимірскаго приказа, здѣсь записывался въ книгу и сообщался отсюда въ Разрядъ и въ другіе приказы, которые должны были переслать новое постановленіе въ подсудные имъ города. Разрядъ сообщилъ всѣмъ приказамъ приговоръ думы 1682 г. о возстановленіи прежняго названія Стрѣлецкаго приказа, незадолго до того переименованнаго въ приказъ Надворной пѣхоты. Но тотъ же Разрядъ долженъ былъ разослать по городамъ грамоты о надзорѣ за московскими стрѣльцами, сосланными за безпорядки того года, и сообщить мѣстнымъ властямъ утвержденныя думой и подписанныя думными дьяками статьи о томъ, какъ стрѣльцы должны вести себя: указъ объ этомъ вмѣстѣ съ выпиской изъ статей сообщенъ былъ Разряду изъ Стрѣлецкаго приказа. Впрочемъ иногда дѣла восходили въ думу и шли оттуда путями не совсѣмъ для насъ понятными, извилистыми и можетъ быть случайными. Въ Стрѣлецкомъ приказѣ производились между прочимъ разслѣдованія по уголовнымъ дѣламъ въ Москвѣ. Въ 1691 г. по докладу Стрѣлецкаго приказа дума приговорила одного иноземца къ смерти за татьбу и другія лихія дѣла; этотъ приговоръ помѣченъ былъ думнымъ дьякомъ Казанскаго Дворца. Государь помиловалъ осужденнаго, замѣнивъ смертную казнь кнутомъ и ссылкой; указъ объ этомъ былъ помѣченъ думнымъ дьякомъ Большого Дворца. По тому же дѣлу привлеченъ былъ къ слѣдствію одинъ торговецъ Серебрянаго ряда. Рядскіе старосты ходатайствовали передъ государями за подсудимаго; милостивая резолюція государей помѣчена на этой челобитной думнымъ дьякомъ Помѣстнаго приказа *). Послѣ

---

*) П. С. З. №№ 1372, 375, 633, 634, 1460, 1349, 968, 1377, 975, 978, 1429. А. И. II, № 38, VIII, IX и XII.

Смутнаго времени московскіе бояре жаловались Полякамъ, что во время владычества Гонсѣвскаго въ Москвѣ грамоты отъ имени думы писались по его волѣ, боярамъ приказывали прикладывать къ нимъ руки, и они прикладывали. Подпись бояръ подъ актами, излагавшими постановленія боярской думы, была повидимому временной новостью, вошедшей въ московскую правительственную практику вмѣстѣ съ другими новостями Смутной эпохи. Приказные акты первыхъ трехъ царствованій новой династіи оправдываютъ слова Котошихина, что «на всякихъ дѣлахъ закрѣпляютъ и помѣчаютъ думные дьяки, а царь и бояре ни къ какимъ дѣламъ руки своей не прикладываютъ: для того устроены они, думные дьяки».

Значеніе этой черты думнаго дѣлопроизводства открывается при сопоставленіи ея съ другой особенностью тогдашняго управленія. Была еще своеобразная форма, въ которой сообщались приказамъ постановленія высшаго правительства. Какъ государь иногда передавалъ свою волю всѣмъ боярамъ или начальникамъ отдѣльныхъ вѣдомствъ изустно, «словомъ», такъ точно и эти начальники сообщали своимъ приказамъ «государевымъ словомъ», что государь приказалъ или приговорилъ съ ними, боярами. Въ 1660-хъ годахъ думный дьякъ Помѣстнаго приказа Карауловъ словесно сообщилъ своимъ подьячимъ государевъ указъ не давать въ помѣстья порожнихъ пустошей въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, и подьячіе не могли припомнить, въ какомъ году это было. Въ этихъ чертахъ обнаруживается отношеніе думныхъ судей къ приказамъ, которыми они управляли. Принося «съ верху» законъ, постановленный высшей властью, такой управитель являлся передъ приказомъ не главой исполнительнаго учрежденія, а составной единицей высшей власти, по указаніямъ которой это учрежденіе дѣйствовало. Руки къ дѣламъ прикладывали исполнительные органы, которые на то «устроены». Но думный человѣкъ, стоявшій во главѣ приказа, былъ не исполнителемъ, а руководителемъ. Въ своемъ приказѣ онъ велъ дѣла вмѣстѣ съ товарищами, другими думными или съ недумными людьми, составлялъ съ ними присутствіе, своего рода коллегію, засѣдавшую въ особой присутственной залѣ, въ

«казенкѣ, гдѣ сидятъ начальные люди», какъ говорили въ XVII в. Въ этой казенкѣ онъ былъ старшій изъ товарищей, предсѣдатель коллегіи, подчиненной думѣ; но въ думной палатѣ онъ былъ начальникомъ своихъ приказныхъ товарищей. Такое двойственное значеніе думныхъ управителей приказовъ вызывало много неудобствъ и злоупотребленій, облегчало произволъ судей, затрудняло надзоръ думы за ними. Впослѣдствіи Петръ Великій возстановилъ это противорѣчіе стараго московскаго управленія, когда ввелъ въ Сенатъ президентовъ коллегій, которыми онъ замѣнилъ древніе приказы. Но онъ скоро увидѣлъ вытекавшія отсюда затрудненія и сознался, что «сіе не осмотря учинено». Эти неудобства чувствовались и раньше. Важнѣйшіе изъ старыхъ приказовъ, какъ извѣстно, имѣли территоріальное значеніе, завѣдовали извѣстными областями государства въ нѣкоторыхъ или во всѣхъ дѣлахъ. Англійскій капитанъ Перри, пріѣхавшій въ Россію въ 1698 г., еще засталъ въ Москвѣ старые административные порядки. Знатные господа, стоявшіе во главѣ важнѣйшихъ приказовъ, показались ему владѣтельными князьями, пользовавшимися исключительнымъ правомъ назначать правителей въ города, подчиненные ихъ приказамъ, а эти приказы были простыми канцеляріями такихъ господъ, исполнявшими ихъ распоряженія. Въ этихъ канцеляріяхъ дѣла вели дьяки, которые время отъ времени отдавали отчетъ своимъ начальникамъ; сами эти начальники даже рѣдко приходили въ свои приказы, чтобы выслушивать дѣла; подать жалобу на эти приказы въ высшее мѣсто не было возможности *).

---

*) *Соловьевъ,* Ист. Росс. IX, 57 по 2 изданію. А. Ист. I, № 154, X и XI. П. С. З. №№ 632 и 1306. *Джона Перри,* Состояніе Россіи, по изд. Общ. Ист. и Др. Росс. стр. 121.

Глава XXIII.

Съ конца XVII в. дума становилась тѣснымъ совѣтомъ, дѣйствовавшимъ безъ государя.

Къ описанію устройства и дѣлопроизводства думы прибавимъ очеркъ формъ, какія она приняла въ непродолжительный періодъ своего разрушенія.

Дума дѣйствовала не всегда въ присутствіи государя, но обыкновенно при государѣ, тамъ, гдѣ онъ имѣлъ пребываніе. Когда царь выѣзжалъ изъ Москвы, его обыкновенно сопровождало въ «походѣ» большинство наличныхъ его совѣтниковъ. Нѣкоторые оставались въ Москвѣ, по словамъ Котошихина, «для приказныхъ дѣлъ»: это были думные начальники важнѣйшихъ приказовъ. Кромѣ того «въ верху» на государевомъ дворѣ оставляли Москву вѣдать и царскій дворъ оберегать нѣсколько членовъ думы съ стольниками, стряпчими, дворянами московскими и дьяками, которые по очереди дневали и ночевали во дворцѣ съ оставленными боярами. По свидѣтельству Котошихина, эта верховая или надворная коммиссія составлялась изъ одного боярина, двухъ окольничихъ, двухъ думныхъ дворянъ и изъ думныхъ дьяковъ, слѣдовательно не менѣе какъ изъ 7 членовъ. Но по разряднымъ книгамъ XVI и XVII в. ни численный, ни чиновный составъ ея не отличался такимъ постоянствомъ и однообразіемъ: она составлялась изъ 4, 6, 8. даже 11 членовъ, изъ нѣсколькихъ бояръ съ окольничими. думными дворянами и дьяками, но иногда безъ думныхъ дворянъ. Въ этой временной малой думѣ, какъ можно назвать ее, иногда участвовалъ въ качествѣ предсѣдателя высшій іерархъ Русской Церкви. Въ 1547 и 1548 г., когда царь ходилъ въ походъ на Казань, въ Москвѣ оставлены были удѣльный князь Владиміръ Андреевичъ и 6 бояръ и окольничихъ; имъ, какъ сказано въ разрядной книгѣ, «во всѣхъ своихъ дѣлѣхъ велѣлъ царь приходити къ митрополиту Макарію». Ходъ высшаго управленія въ отсутствіе царя подъ руководствомъ патріарха можно хорошо разсмотрѣть по уцѣлѣвшимъ актамъ 1654 года,

хотя это былъ исключительный, смутный годъ. Началась война съ Польшей, и самъ царь съ боярами пошелъ въ походъ. Въ Москвѣ государь оставилъ кн. М. П. Пронскаго съ пятью думными товарищами. Будучи сама временнымъ правительствомъ, эта коммиссія была подчинена еще высшему временному правительству, которое состояло изъ царицы, царевича и патріарха Никона и которое притомъ по случаю мороваго повѣтрія также уѣхало изъ Москвы. Кромѣ текущихъ дѣлъ кн. Пронской съ товарищами исполняетъ разнообразныя требованія царя, вызванныя войной, собираетъ и высылаетъ въ дѣйствующія арміи людей, деньги и припасы, усмиряетъ поднявшееся въ столицѣ движеніе противъ Никона, принимаетъ мѣры противъ заразы: обо всемъ, что дѣлается въ Москвѣ, онъ обязанъ ежедневно писать высшему временному правительству, т. е. патріарху. На запросы коммиссіи, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ, патріархъ именемъ царицы и царевича даетъ указы, но по нѣкоторымъ дѣламъ самъ обращается къ царю, прося указа. Впрочемъ и коммиссія непосредственно сносится съ царемъ помимо Никона. Кіевляне ходатайствовали о подтвержденіи правъ, данныхъ ихъ городу прежними польскими королями. Царь указалъ разсмотрѣть ихъ челобитье патріарху съ коммиссіей, которой челобитчики представили свои статьи. Коммиссія просила царя указать ей, чѣмъ руководствоваться при обсужденіи статей. Царь указалъ утверждать статьи, согласныя съ старыми польскими актами, представленными Кіевомъ, и съ правами, прежде данными г. Переяславлю, а о новыхъ правахъ, какихъ будутъ просить кіевскіе послы, писать государю. По спискамъ статей можно видѣть, какъ шло ихъ обсужденіе въ коммиссіи. Статьи читались боярамъ два раза. При первомъ чтеніи они приговаривали о каждой статьѣ справиться съ прежними королевскими «привиліями» или съ жалованной переяславской грамотой и быть по прежнему. Дьякъ наводилъ справки и противъ нѣкоторыхъ статей дѣлалъ помѣты на поляхъ въ видѣ проекта резолюціи или основанія для нея. При второмъ чтеніи бояре обыкновенно приговаривали быть такъ, какъ помѣчено на полѣ. Затѣмъ статьи разсматривалъ патріархъ и по каждой произно-

силъ свой указъ, большею частью утверждавшій боярскій приговоръ, иногда измѣнявшій его. Жалованныя грамоты, составленныя по этимъ приговорамъ, были посланы къ государю для ихъ окончательнаго обсужденія и утвержденія въ думѣ всѣхъ бояръ. Въ XVII в. временныя верховыя коммиссіи обыкновенно засѣдали въ Столовой или Золотой палатѣ. Уѣзжая недалеко, царь иногда бралъ съ собою немногихъ бояръ. Тогда дума сидѣла безъ него за «служивыми и приказными дѣлами», или царь пріѣзжалъ на ея засѣданія, какъ дѣлалъ Ѳедоръ, живя въ селѣ Воробьевѣ. Чаще дума засѣдала «въ походѣ» при государѣ, даже въ очень тѣсномъ составѣ: въ 1674 г. разъ въ Преображенскомъ царь сидѣлъ «о всякихъ дѣлахъ» только съ 13 членами думы. Управители приказовъ, остававшіеся въ Москвѣ, должны были пріѣзжать «въ походъ» къ государю для сидѣнья или съ докладами для вершенія всякихъ дѣлъ въ извѣстные дни недѣли, обыкновенно 3 раза. Котошихинъ говоритъ о верховой коммиссіи бояръ, что кромѣ оберeганія царскаго двора и Москвы, если «лучатся какія дѣла изъ полковъ или изъ городовъ, и они тѣ дѣла кромѣ тайныхъ, смотря, посылаютъ царю въ походъ, а по инымъ дѣламъ указъ чинятъ, не писавъ къ царю, по которымъ мочно». По разрядамъ и актамъ также видно, что коммиссія служила посредницей между исполнительными учрежденіями и государемъ съ думой, бывшими въ походѣ. Чрезъ нее шли указы госрдаря; ей докладывали приказы текущія дѣла; въ тяжбахъ она допрашивала стороны и произносила приговоры, пересылая къ царю дѣла, которыхъ не могла вершить. Въ 1674 г., по случаю убійства старосты Серебрянаго ряда, рядцы били челомъ коммиссіи объ арестѣ убійцъ. Предсѣдатель послалъ «съ верху» стрѣльцовъ взять убійцъ въ Стрѣлецкій приказъ и тамъ распросить, потомъ по докладу приказа велѣлъ отвезть дѣло съ распросными рѣчами въ Преображенское, гдѣ царь слушалъ его съ боярами и послалъ коммиссіи указъ пытать преступниковъ въ Стрѣлецкомъ приказѣ. Рѣшеніе частныхъ дѣлъ коммиссія подобно думѣ сопровождала общими законодательными постановленіями, которыя потомъ докладывались думѣ. Въ Смутное время М. Г.

Салтыковъ писалъ, что при прежнихъ государяхъ, «коли они въ отъѣздѣ бывали, безъ нихъ государей бояре на Москвѣ помѣстья давали». Однако отношенія коммиссіи къ думѣ не вполнѣ ясны. Многія дѣла изъ приказовъ шли прямо въ думу мимо коммиссіи. Въ 1675 г. велѣно было приказнымъ судьямъ ѣздить съ докладными дѣлами для вершенья къ государю въ Преображенское и вмѣстѣ съ тѣмъ «спорныя дѣла взносить къ боярамъ»,—къ какимъ, въ коммиссію ли, или въ думу, рѣшить трудно. Вѣроятнѣе въ коммиссію, которая и послѣ, ставъ постоянной, служила преимущественно инстанціей въ спорныхъ дѣлахъ. Но трудно догадаться, съ какими докладными дѣлами приказы обращались прямо въ думу, хотя несомнѣнно въ числѣ ихъ были дѣла, которыя разсматривались, но не вершились коммиссіей. Когда дума оставалась въ Москвѣ безъ государя, она не собиралась правильно каждый день. Коммиссія, ведя текущія дѣла, тогда была посредницей между ней и государемъ и созывала бояръ, когда являлось экстренное дѣло, которое государь указывалъ обсудить въ думѣ *).

При царѣ Алексѣѣ, во время частыхъ отлучекъ государя съ дворомъ изъ столицы, членами коммиссіи иногда въ продолженіе цѣлаго года бывали одни и тѣ же лица, такъ что эта верховая коммиссія становилась привычнымъ мѣстомъ, гдѣ разбирались и рѣшались нѣкоторыя текущія, именно тяжебныя дѣла, восходившія изъ приказовъ «въ верхъ» къ боярамъ. Благодаря тому временная малая дума превратилась постепенно и незамѣтно въ постоянное судное отдѣленіе думы, въ судебный департаментъ государственнаго совѣта, образовавшій новую инстанцію между приказомъ и думой. Такъ возникло первое и единственное постоянное отдѣленіе думы, привыкшей до того времени выдѣлять изъ себя лишь временныя коммиссіи. Обремененіе

*) *Котоших.* 25. Разр. кн. въ Моск. Арх. мин. ин. д. № $^{99}/_{131}$, л. 200, 208, 229. Дв. Разр. III, 22, 63, 56, 124, 413, 1045, 1109, 1095, 1409, 1111, 1119, 1389, 1392. Разр. книга въ Спб. Сборникѣ *Валуева,* стр. 16. Доп. къ Акт. Ист. III, № 119. Акты Южн. и Зап. Росс. X, 615—654. А. И. II, 363. Столбцы Пом. прик. въ Моск. Арх. мин. юст. по г. Рязани № 15, дѣло № 14. П. С. З. №№ 128, 129 и 325.

думы множествомъ частныхъ дѣлъ несомнѣнно было главнымъ побужденіемъ, вызвавшимъ это нововведеніе. Оно совершилось уже въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича. Новое учрежденіе получило названіе *Расправной Золотой* или *Разрядной* палаты. Въ дворцовыхъ разрядахъ 1681 г. читаемъ, что 9 мая государь указалъ нѣсколькимъ думнымъ людямъ «у росправныхъ дѣлъ и какъ онъ, великій государь, изволитъ быть въ походѣхъ, быти на Москвѣ съ бояриномъ со кн. Н. И. Одоевскимъ въ товарищахъ»; далѣе названы 9 бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ, по 3 человѣка каждаго чина, и 12 думныхъ дьяковъ, которымъ всѣмъ велѣно быть на Москвѣ въ товарищахъ у кн. Одоевскаго. Этотъ бояринъ и прежде въ разные годы много разъ бывалъ предсѣдателемъ временной правительственной коммиссіи въ отсутствіе государя. Кажется, превращеніе этой коммиссіи въ постоянное судное отдѣленіе думы совершилось нѣсколько раньше мая 1681 г. Уже въ мартѣ 1681 г. этотъ же бояринъ съ товарищами слушалъ докладную выписку изъ Помѣстнаго приказа и по ней приговорилъ отобрать помѣстье у одного служилаго человѣка и передать другому. Даже еще раньше, въ январѣ того же года, когда въ Помѣстномъ приказѣ была составлена для доклада выписка, касавшаяся порядка исковъ и челобитій о помѣстныхъ дачахъ, этотъ докладъ по государеву указу слушалъ и приговоръ по нему постановилъ бояринъ кн. Н. И. Одоевскій съ товарищами, хотя государь съ боярами, какъ видно по дневнымъ запискамъ государевыхъ выходовъ, находился тогда въ Москвѣ *). Это учрежденіе дѣйствовало до 1694 г. Въ августѣ 1681 г. боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ, которые сидѣли «у росправныхъ дѣлъ въ Золотой палатѣ» съ кн. Н. И. Одоев-

*) Дворц. Разр. IV, 187. П. С. З. №№ 967 и 1264. Выходы царей, стр. 697. Составитель статьи о приказахъ въ Др. Росс. Вивліоѳикѣ (XX, 312) читалъ въ записныхъ книгахъ, что уже 8 марта 1680 г. царь указалъ сидѣть въ Золотой палатѣ за расправными дѣлами боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ изъ разныхъ приказовъ. 8 марта 1680 г. царь былъ въ отлучкѣ, а на Москвѣ оставлена была обычная временная коммиссія изъ 5 членовъ. Дв. Разр. IV, 140.

скимъ въ товарищахъ, было указано, чтобы тѣ изъ нихъ, чьи дѣла будутъ слушаться въ палатѣ, на то время уходили изъ присутствія. Во время смутъ 1682 г. члены палаты, въ отсутствіе государей оставленные въ Москвѣ на государевомъ дворѣ для расправныхъ дѣлъ, «отъ шатости многихъ людей унимали». Составъ палаты былъ довольно измѣнчивъ: часто смѣнялись предсѣдатели, еще чаще ихъ товарищи; нѣкоторые изъ тѣхъ и другихъ по нѣскольку разъ вступали въ палату. Обыкновенно она составлялась изъ людей всѣхъ четырехъ думныхъ чиновъ, что давало ей видъ малой думы; только членовъ въ ней не бывало уже такъ много, какъ въ 1681 году: въ палатѣ сидѣло иногда 12—13 членовъ, иногда менѣе. При ней образовалась канцелярія съ думными и простыми дьяками. Кромѣ кн. Н. И. Одоевскаго видимъ во главѣ палаты кн. Голицыныхъ, П. В. Шереметева, кн. Я. Н. Одоевскаго, кн. М. Я. Черкасскаго; только при двухъ послѣднихъ предсѣдателяхъ въ 1689—1693 гг. составъ палаты началъ было пріобрѣтать нѣкоторую устойчивость и члены ея не смѣнялись такъ часто, какъ прежде. Палата сохраняла прежнее двойственное значеніе: при государѣ она разсматривала и рѣшала спорныя дѣла изъ приказовъ, а когда высшее правительство отлучалось изъ Москвы, она замѣщала думу по текущимъ дѣламъ управленія и для этого на государевомъ дворѣ оставляли ея предсѣдателя съ товарищами, «которые съ нимъ у росправныхъ дѣлъ» или «съ нимъ въ Росправной палатѣ». Татищевъ придаетъ ей еще болѣе важное законоподготовительное значеніе, говоря, что въ нее «опредѣлены были люди знатные и въ приказныхъ дѣлахъ свѣдомые, которые всѣ не рѣшимыя по Уложенію дѣла разсматривали, законы исправляя или вновь сочиняя, во общемъ собраніи сената (боярской думы) рѣшали». Это извѣстіе поддерживается упомянутымъ выше приговоромъ палаты по докладу о помѣстныхъ дачахъ *).

*) П. С. З. № 885. Др. Р. Вивл. XX, 439. Дв. Разр. IV, 198, 214, 228, 236, 247, 390, 483, 623, 693, 731 и др. *Татищева*, Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ, изд. *Н. Поповымъ*, стр. 152. Здѣсь учрежденіе Расправной палаты отнесено ко времени составленія Уложенія. Можно догадываться о поводахъ къ такому мнѣнію: 1) въ редакціон-

Къ тому времени, когда «марсовы потѣхи» царя Петра готовы были стать «настоящимъ дѣломъ», выработались довольно разнообразныя формы, въ которыхъ обнаруживалась дѣятельность боярской думы. Она засѣдала съ государемъ или безъ него, въ присутствіи одного патріарха или съ участіемъ всего Освященнаго собора высшаго духовенства. Постоянное отдѣленіе думы разбирало частныя дѣла по челобитьямъ, восходившія къ боярамъ изъ приказовъ; по временамъ государь призывалъ къ себѣ въ ближнюю думу нѣкоторыхъ бояръ для обсужденія тайныхъ дѣлъ, которыя не докладывались думѣ «всѣхъ» бояръ или общему собранію совѣта; въ случаѣ надобности изъ членовъ думы составлялись временныя тѣсныя коммиссіи для разныхъ порученій, для «отвѣта» или переговоровъ съ иноземными послами, для суда по мѣстническимъ дѣламъ. Съ 1694 г. высшее правительство постепенно измѣняется; но ходъ измѣненія не вполнѣ ясенъ. Прежде всего становится незамѣтна дѣятельность Расправной палаты. Изрѣдка на время отлучекъ государя остается на его дворѣ въ Москвѣ попрежнему то десять думныхъ людей, то не болѣе трехъ; но не видно, чтобы эти люди и при государѣ постоянно находились «у росправныхъ дѣлъ». По изданному въ мартѣ 1694 г. указу скорѣе можно заключить, что особой Расправной палаты при думѣ уже не существовало. Этимъ указомъ предписано было судныя дѣла

ной коммиссіи, составлявшей Уложеніе, предсѣдательствовалъ тотъ же кн. Н. И. Одоевскій, который былъ первымъ предсѣдателемъ Расправной палаты; 2) тотъ же кн. Одоевскій и его думные товарищи по кодификаціонной коммиссіи, князья С. В. Прозоровскій и Ѳ. Ѳ. Волконскій, вмѣстѣ съ думнымъ дьякомъ М. Волошениновымъ, не входившимъ въ составъ этой коммиссіи, по разряднымъ записямъ 157 г., когда составлялось Уложеніе, нѣсколько разъ являются съ значеніемъ надворной коммиссіи, остававшейся въ Москвѣ подобно Расправной палатѣ во время отлучекъ царя изъ столицы; 3) въ томъ же составѣ эта надворная коммиссія по указу государя производила сыскъ и допросъ по частнымъ обвинительнымъ челобитьямъ, даже съ правомъ пытать обвиняемыхъ. Р. Ист. Библ. Археогр. Комм. X, 413—423. Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Р. 1887 г., кн. III: *А. Зерцалова,* Новыя данныя о земск. соборѣ 1648—1649 г., стр. 50 и сл.

по докладамъ изъ приказовъ и по челобитнымъ слушать у государей «въ верху въ Передней бояромъ и думнымъ людемъ *всьмъ*». Въ Золотой палатѣ нѣтъ уже судебнаго присутствія: частныя лица высшихъ чиновъ только приносятъ сюда свои челобитныя на имя государей; думные дьяки принимаютъ эти челобитныя и взносятъ «въ верхъ къ бояромъ». Въ февралѣ 1700 г. велѣно было всѣ дѣла, которыя «въ прошлыхъ годѣхъ» по частнымъ челобитьямъ взнесены были изъ разныхъ приказовъ въ Расправную палату «къ бояромъ для разсматриванія», разобрать и раздать въ приказы, откуда они были взяты, при чемъ замѣчено въ указѣ, что «въ прошлыхъ годѣхъ» въ этой палатѣ были думный дьякъ Никифоровъ и «думный совѣтникъ» Возницынъ, а они въ послѣдній разъ упоминаются въ составѣ палаты въ 1694 г. Расправная палата является здѣсь учрежденіемъ, давно переставшимъ дѣйствовать, отъ котораго остался только архивъ. Но вскорѣ она повидимому была возстановлена или было учреждено нѣчто на нее похожее. Въ мартѣ того же 1700 г. «государь указалъ на Москвѣ на своемъ государевѣ дворѣ быть и дѣла вѣдать, какія прилучатся», бывшему и прежде не разъ во главѣ надворной коммиссіи боярину кн. И. Б. Троекурову съ двумя товарищами, окольничимъ и думнымъ дьякомъ. Въ концѣ 1706 г. «государь указалъ на Москвѣ быть и въ палатѣ расправныя дѣла вѣдать боярину кн. Мих. Алегук. Черкасскому съ товарищи». Долго ли дѣйствовали обѣ эти коммиссіи и была ли вторая непосредственной преемницей первой, неизвѣстно. Позднѣе, въ 1730 г. Сенатъ вспомнилъ, что до учрежденія губерній «на неправое вершеніе били челомъ въ Расправной палатѣ». Такимъ прерывистымъ, трудно уловимымъ существованіемъ палата дожила до Сената, при которомъ она также образовала особое судное отдѣленіе съ тою разницей отъ прежняго думскаго, что теперь ея члены, «расправныхъ дѣлъ судьи», не были изъ сенаторовъ: нѣкоторые сенаторы только присутствовали въ палатѣ, рѣшая дѣла вмѣстѣ съ этими судьями *).

---

*) П. С. З. № 1491. Дв. Разр. IV, 877, 893, 898, 900, 904, 1123 и 1127. *Неволина*, Сочиненія, VI, 213. *Г. Петровскаго*, О Сенатѣ, 251.

Съ другой стороны, и дѣятельность всей думы принимаетъ необычныя формы. Бывали случаи, когда боярскій совѣтъ, судя по редакціи состоявшихся въ немъ приговоровъ, дѣйствовалъ совершенно постарому, собирался въ присутствіи государя и слушалъ приказные доклады, давая на нихъ свои отвѣты. Такъ въ 1699 г. по докладу изъ Стрѣлецкаго приказа состоялся «государевъ указъ и боярскій приговоръ», чтобы купчія и другія крѣпости писались въ Москвѣ не на Ивановской площади, какъ прежде, а въ приказахъ добрыми подьячими. Въ 1700 г. Судный Московскій приказъ докладывалъ о множествѣ челобитчиковъ, которые ищутъ безчестья, придираясь къ словамъ. Государь, «сей выписки слушавъ», указалъ и бояре приговорили такимъ челобитчикамъ отказывать, а съ ихъ исковъ брать двойныя пошлины *). Съ 1682 г. идетъ усиленная борьба придворныхъ партій—Милославскихъ и Нарышкиныхъ, правящихъ классовъ—худородныхъ дѣльцовъ и угасающей боярской знати, политическихъ направлений—старины и реформы. Въ этой тройной перекрестной борьбѣ прежніе органы управленія незамѣтно перестраивались, новые дѣльцы подбирались не по прежнимъ признакамъ. Свойкъ Петра Великаго кн. Б. И. Куракинъ довольно живо изображаетъ одинъ моментъ этого перелома, когда послѣ «мудраго правленія» царевны Софіи настало «весьма непорядочное» правленіе царицы Натальи. Братъ ея бояринъ Л. К. Нарышкинъ сталъ какъ бы первымъ министромъ, къ которому «всѣ министры принадлежали и о всѣхъ дѣлахъ доносили,» хотя онъ значился лишь начальникомъ Посольскаго приказа. Независимо держались только начальникъ Разряднаго приказа Тих. Стрѣшневъ

Др. Р. Вивл. XX, 394 Записн. кн. указ. Пом. прик. въ Моск. Арх. мин. юст. № 16, л. 78. Здѣсь въ изложеніи сообщеннаго изъ Разряда указа о назначеніи кн. Черкасскаго (19 февр. 1707 г.) прибавлено: «а о послушаніи (исполнительномъ приговорѣ) въ дѣлѣхъ, о которыхъ онъ бояринъ кн. Мих. Алегуковичъ съ товарищи пришлетъ, чинить по его вел. государя указу». Статья *А. Голубева* о Расправной палатѣ при Сенатѣ въ Опис. докум. и бум. Моск. Арх. мин. юст. V, отд. II, 112.

*) Дворц. Разр. IV, 1138 и 1132. Ср. П. С. З. №№ 1625, 1714, 1732, 1894.

да судья Казанскаго дворца кн. Б. А. Голицынъ, который правилъ низовымъ Поволжьемъ «такъ абсолютно, какъ бы былъ государемъ». Остальные бояре первыхъ фамилій были «безъ всякаго повоира (pouvoir), въ конеиліи или въ палатѣ токмо были спектакулями». При жизни матери Петръ мало входилъ въ дѣла правленія; послѣ онъ находился почти въ постоянной отлучкѣ. Между нимъ и боярскимъ правительствомъ, остававшимся въ столицѣ, стали довѣренные посредники, которые, даже не нося думныхъ чиновъ, оказывали сильное давленіе на думу и принимали прямое участіе въ ея занятіяхъ. Да и сама боярская дума пустѣла все болѣе: съ начала Сѣверной войны, вызвавшей напряженную дѣятельность правительства на границахъ, все больше думныхъ людей выбывало изъ столицы, чтобы командовать полками, управлять областями, смотрѣть за постройкой кораблей и т. п. Притомъ самый правительственный центръ раздвояется: возникаетъ новая столица съ своими особыми центральными учрежденіями. Наконецъ, измѣняются формы и языкъ правительственныхъ актовъ, учрежденія получаютъ новыя необычныя названія. Среди всѣхъ этихъ перемѣнъ становится трудно разглядѣть, что дѣлаетъ боярская дума и что съ ней дѣлается. Слѣдя за ней по актамъ Полнаго Собранія Законовъ, можно подумать, что ея дѣятельность падаетъ. Съ 1696 г. приговоры этого учрежденія, прежде всѣмъ руководившаго, разрѣшавшаго всѣ приказныя недоумѣнія, дѣлаются малозамѣтнымъ, рѣдкимъ явленіемъ; на мѣсто боярскихъ приговоровъ въ актахъ становятся именные указы и высочайшія резолюціи. Но дѣятельность думы не падаетъ, а только измѣняется вмѣстѣ съ языкомъ думнаго законодательства при новомъ складѣ отношеній и понятій. Изъ учрежденія законодательнаго, вырабатывавшаго нормы государственной жизни подъ руководствомъ или по порученію государя, дума все болѣе превращается въ учрежденіе распорядительное, отвѣтственно обязанное принимать мѣры для исполненія воли законодателя. Начинаетъ выходить изъ употребленія и прежняя обычная формула «государь указалъ и бояре приговорили». Одинъ иностранецъ, писавшій много

лѣтъ спустя по смерти Петра, описывая первые годы его царствованія, говоритъ даже, что еще до стрѣлецкаго мятежа 1698 г. Петръ «отмѣнилъ старинный образецъ, по которому въ законахъ и указахъ упоминалось о согласіи бояръ». Важнѣйшія экстренныя дѣла, какъ и многія изъ текущихъ, теперь, какъ и прежде, разрѣшались при участіи бояръ. Послѣ того какъ въ Преображенскомъ произведенъ былъ розыскъ о заговорѣ Циклера съ товарищами въ 1697 году, обнародовано было, что государь, «со всѣми бояры слушавъ» того дѣла, указалъ виновныхъ казнить смертью. Изъ разсказа современника видно, что государь созывалъ въ Преображенское для суда надъ злоумышленниками всѣхъ бояръ, окольничихъ и «палатныхъ» людей. По свидѣтельству англійскаго капитана Перри, отправляясь въ томъ же году за границу, Петръ поручилъ управленіе государствомъ Л. К. Нарышкину, кн. Б. А. Голицыну и кн. П. И. Прозоровскому, давъ имъ обширныя полномочія, «полное управленіе дѣлами»: это скорѣе полномочное регентство или временное правительство, чѣмъ надворная коммиссія съ ограниченною компетенціей. Москва приказана была ближнему стольнику кн. Ѳ. Ю. Ромодановскому, а всѣмъ боярамъ и судьямъ, по словамъ того же кн. Куракина, велѣно было «прилежать до него, Ромодановскаго, и къ нему съѣзжаться всѣмъ и совѣтовать, когда онъ похочетъ». *Стольникъ* сталъ председателемъ боярской думы! Но другой русскій современникъ Матвѣевъ прибавляетъ, что сановникамъ, которымъ поручено было все государственное правленіе, велѣно было «о приключившихся важныхъ дѣлахъ» сноситься и совѣтоваться съ старыми боярами, тогда находившимися въ Москвѣ. Когда въ отсутствіе царя вспыхнулъ стрѣлецкій мятежъ, въ Москвѣ, по словамъ Матвѣева, бояре, «сколько ихъ прилучилось», собрались во дворецъ и «въ учиненной своей думѣ опредѣлили» послать Шеина и Гордона противъ мятежниковъ. Это подтверждается и разсказомъ Корба, тогда находившагося въ Москвѣ: во время стрѣлецкаго мятежа у него дѣйствуютъ «всѣ бояре», по нѣскольку разъ въ день собираясь на совѣщаніе. По возвращеніи Петра, «на совѣщаніе относительно войны и мира» 1 и 2

января 1699 г. царь созвалъ къ себѣ въ Преображенское также всѣхъ бояръ. Не задолго до того на обѣдѣ у Лефорта иностраннымъ посламъ удалось видѣть конецъ одного совѣщанія царя съ боярами. Царь явился на обѣдъ съ боярами прямо съ засѣданія и за столомъ продолжалъ прерванное обсужденіе дѣлъ. Иностранцамъ показалось это совѣщаніе похожимъ скорѣе на ссору по горячности и упрямству, съ какими бояре отстаивали передъ царемъ свои мнѣнія, такъ что раздраженный царь далъ волю не только своимъ словамъ, но и рукамъ. Въ именныхъ указахъ 30 января 1699 г., которыми вводилось городское самоуправленіе, нѣтъ и намека на участіе боярской думы въ этой важной реформѣ. Но въ сочиненіи упомянутаго капитана Перри находимъ любопытный разсказъ о борьбѣ, среди которой родился законъ объ этомъ «ратушномъ правленіи». Задумавъ увеличить казенные сборы съ промысловъ и торговли и уничтожить злоупотребленія воеводъ и приказныхъ людей, Петръ созвалъ «торжественное собраніе» бояръ и предложилъ имъ новый порядокъ управленія торговыми и промышленными людьми, устранявшій отъ того воеводъ и приказныхъ управителей. Это предложеніе взволновало совѣтниковъ. Они возражали царю, что честь собирать царскіе доходы, какъ знакъ особаго довѣрія, доселѣ всегда принадлежала дворянству, и умоляли царя не дѣлать имъ такого всенароднаго оскорбленія, отнимая у нихъ этотъ знакъ и отдавая его въ руки мужиковъ и холоповъ, мірскихъ выборныхъ бурмистровъ, недостойныхъ стать на ряду съ ними, боярами и высшихъ чиновъ служилыми людьми. Бояре предлагали съ своей стороны нѣсколько другихъ проектовъ для достиженія предположенныхъ Петромъ цѣлей. Не получивъ согласія царя, они просили его по крайней мѣрѣ назначить нѣсколько знатныхъ людей въ главную московскую ратушу, отъ которой зависѣли по казеннымъ сборамъ выборные бурмистры другихъ городовъ. Царь стоялъ на своемъ и бояре уступили, замѣтивъ, что его начинали раздражать ихъ возраженія. Тотъ же капитанъ изъ своихъ московскихъ наблюденій вынесъ то общее впечатлѣніе, что царь, занимаясь болѣе всего дѣлами военными и постройкой кораблей, предоставлялъ вести государственное хозяйство своимъ боярамъ.

Слова Перри относятся ко всему первому десятилѣтію XVIII вѣка*). Сохранившіеся памятники законодательства тѣхъ лѣтъ и громадная переписка Петра подтверждаютъ это наблюденіе. Здѣсь находимъ многочисленные слѣды, показывающіе, что до самаго учрежденія Сената въ началѣ 1711 г. боярскій совѣтъ руководилъ внутреннимъ управленіемъ въ Москвѣ, между тѣмъ какъ царь, дѣйствуя внѣ столицы, велъ свои важныя дѣла войны и внѣшней политики. Но продолжая прежнюю дѣятельность, боярская дума сама не осталась прежней: измѣнились и ея составъ, и обстановка ея дѣятельности.

Какъ и прежде, боярская дума при Петрѣ не имѣла постояннаго мѣста засѣданій. Она собиралась то въ Столовой палатѣ дворца, то на Генеральномъ дворѣ въ Преображенскомъ. Но всего чаще она засѣдала въ ***Ближней канцеляріи***, такъ что именемъ этого присутственнаго мѣста иногда называлась и самая дума. Но это была не дума, а только ея канцелярія. Она повидимому находилась также въ кремлевскомъ дворцѣ, судя по тому, что Петръ въ одномъ письмѣ къ Ромодановскому называетъ ее ***Верхней*** канцеляріей. Кн. Б. И. Куракинъ оставилъ извѣстіе объ учрежденіи и назначеніи этой канцеляріи. Изъ его автобіографіи узнаемъ, что въ 1699 г. «сдѣлана Ближняя канцелярія подъ судомъ (начальствомъ) думнаго дворянина Никиты Зотова, въ которую должна была доставляться «со всѣхъ приказовъ по вся недѣли вѣдомость, что гдѣ чего въ приходѣ, въ расходѣ и кому что должно на что расходъ держать». Словомъ, новая канцелярія должна была вѣдать «всего государства весь расходъ съ оклады и приходы и всѣ расходы съ оклады и безъ окладовъ». Очевидно, въ новомъ учрежденіи возстано-

---

*) Архивъ кн. *Ѳ. А. Куракина*, I, 63. *Фоккеродтъ* въ переводѣ г. *Шемякина*, стр. 26 (Чт. въ Общ. Ист. и Др. Р. 1874, кн. II). *Желябужскій* у *Сахарова* въ Запискахъ русск. людей, стр. 48—52: ср. П. С. З. № 1575. *Матвѣевъ* тамъ же, стр. 60 и 61. *Корба*, Дневникъ, 209, 123 и 113. П. С. З. №№ 1674 и 1675. *Перри*, Состояніе Россіи, изд. Общ. Ист. и Др. Р., стр. 100, 123—125, 161 и 162. *Устрялова*, Ист. царств. Петра В. III, 11. Ср. также указъ 27 окт. 1699 г. въ П. С. З. № 1705 съ разсказомъ о томъ Желябужскаго, стр. 65.

влялся *Счетный* приказъ, дѣйствовавшій при царѣ Алексѣѣ и вѣдавшій, по словамъ Котошихина, «приходъ и расходъ и остатокъ по книгамъ» всѣхъ приказовъ и областныхъ управленій. Это подтверждаетъ и самъ Куракинъ, замѣчая въ другомъ своемъ сочиненіи, что всѣмъ боярамъ «опредѣлено было съѣзжаться на дворецъ въ приказъ Счетной, гдѣ сидѣлъ Никита Зотовъ». Немного позднѣе это учрежденіе становится извѣстно и по сохранившимся документамъ: указомъ 14 марта 1701 года велѣно было доставить въ Ближнюю канцелярію изъ всѣхъ приказовъ подробныя вѣдомости съ 1 января того года объ управляемыхъ ими людяхъ и зданіяхъ, о собираемыхъ ими доходахъ, объ имѣющихся у нихъ казенныхъ запасахъ и суммахъ. Въ 1702 г. въ этой канцеляріи были уже дьяки, подьячіе и сторожа. Изъ этой канцеляріи разсылались по приказамъ распоряженія высшаго правительства. Въ 1705 г. велѣно было въ Ближней канцеляріи завести особую книгу, куда бы заносились «по числамъ» всѣ именные указы, состоявшіеся по докладамъ изъ приказовъ. Со введеніемъ губерискаго управленія указано было присылать въ Ближнюю канцелярію изъ губерній и приказовъ третныя и годовыя вѣдомости о доходахъ и расходахъ. Эти вѣдомости, какъ и книга для записи указовъ и приговоровъ, требовались для того, чтобы государь могъ слѣдить за теченіемъ финансовъ и исполненіемъ законовъ, «чтобъ о томъ ему, великому государю, было извѣстно всегда». Каждый приказъ въ свою очередь долженъ былъ немедленно сообщать Ближней канцеляріи обо всѣхъ высочайшихъ распоряженіяхъ, имъ полученныхъ. Сюда же призывались начальники приказовъ для выслушанія государевыхъ повелѣній. Въ то же время въ приказныхъ бумагахъ Ближняя канцелярія значилась на первомъ мѣстѣ въ ряду московскихъ приказовъ *).

---

*) П. С. З. №№ 2155, 2250, 2270, 2172, 2091, 2022, 2239. *Желябужскій* въ указ. изданіи, стр. 66. Письма къ Ромодановскому въ Русск. Арх. 1865 г., 651. Сборн. выписокъ изъ архивн. бум. о Петрѣ В., II, стр. 177 и 299. Ср. *Котошихина* 96 и Архивъ кн. Ѳ. *А. Куракина* I, 258 и 77: по хронологической распланировкѣ автобіографіи учрежденіе Ближней канцеляріи отнесено къ 1698 году, но поставлено въ

У канцеляріи было свое очень важное вѣдомство, свое особое присутствіе, состоявшее изъ генералъ-президента ея думнаго дворянина и печатника Никиты Моисеевича Зотова «съ товарищи», которые, слушая дѣла, давали приказы по своему вѣдомству. Не извѣстно, когда начали бояре съѣзжаться въ Ближнюю канцелярію «въ конзилію»,—можетъ быть, съ первыхъ же поръ ея дѣятельности. Но Ближняя канцелярія не то же, что эта боярская «конзилія», собиравшаяся и въ другихъ мѣстахъ. Ближняя канцелярія была канцеляріей, т. е. особымъ приказомъ. Но когда совѣтъ бояръ началъ въ нее съѣзжаться, онъ сталъ пользоваться ей, какъ своей канцеляріей. Ея президентъ Зотовъ подписывалъ для доклада челобитныя, обращенныя къ боярамъ, закрѣплялъ своей рукой «съ вѣдома бояръ» докладныя выписки, по которымъ состоялись боярскіе приговоры; изъ Ближней канцеляріи разсылались по приказамъ даже приговоры бояръ, состоявшіеся не въ ней, а напримѣръ въ Преображенскомъ на Генеральномъ дворѣ. Появленіе этой особой ближайшей канцеляріи думы было естественнымъ послѣдствіемъ перемѣны, совершившейся въ центральной приказной администраціи. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ стараго значенія думнаго дьячества и дьячьи приказы превратились въ боярскіе: приказы Посольскій, Помѣстный, Казанскій во второй половинѣ XVII в. управлялись уже боярами и другими высшими думными чинами, изъ отдѣленій думской канцеляріи превратились въ особыя вѣдомства, руководившія отдѣльными отраслями управленія. Эта перемѣна коснулась и Разряда; онъ только позже другихъ, уже при Петрѣ, сталъ боярскимъ приказомъ, хотя и не освободился отъ нѣкоторыхъ обязанностей, напоминавшихъ, что онъ былъ первымъ отдѣленіемъ думской канцеляріи: начальникъ его бояринъ Т. Н. Стрѣшневъ попрежнему приказывалъ записывать въ книгу и объявлялъ къ исполненію государевы указы и боярскіе приговоры по разнымъ вѣдомствамъ. Но когда Петръ, взявъ военное дѣло въ свои руки, возложилъ государственное хозяйство вмѣстѣ съ заботами о снаб-

---

ряду событій 1699 г.: автобіографъ забылъ годъ, но помнилъ хронологическій порядокъ событій.

женіи арміи на центральное управленіе съ боярской думой во главѣ, Ближняя канцелярія, какъ органъ государственнаго контроля, естественно получила значеніе главной канцеляріи думы*).

Но совѣтъ, собиравшійся въ Ближней канцеляріи, былъ уже только обломкомъ прежней боярской думы, какъ думная знать того времени была обломкомъ стараго боярства. О боярахъ 1699 г. Корбъ замѣчаетъ, что изъ нихъ немногіе присутствовали въ думѣ, потому что многіе не находились при дворѣ, а управляли провинціями. По списку 1705 г. изъ 59 бояръ, окольничихъ и прочихъ думныхъ людей, не считая дворцовыхъ сановниковъ, въ Москвѣ находилось всего 28. По списку 1708 г. значилось членовъ думы 51 человѣкъ, также не считая 5 сановниковъ придворныхъ, кравчихъ, стряпчихъ съ ключомъ, постельничаго, которые бывали думные и недумные. Въ сентябрѣ 1708 г. въ Ближней канцеляріи дума утвердила жалованную грамоту новопосвященному митрополиту Іоасафу на кіевскую митрополію. На этомъ засѣданіи присутствовали предсѣдатель царевичъ Алексѣй и 14 членовъ, въ большинствѣ президенты разныхъ приказовъ; четверо изъ нихъ не имѣли думныхъ чиновъ. Въ ноябрѣ того же года дума собралась въ Ближней канцеляріи так же подъ предсѣдательствомъ царевича и слушала «настоящихъ изъ приказовъ докладныхъ дѣлъ», а потомъ въ Успенскомъ соборѣ присутствовала при молебнѣ о побѣдахъ надъ Шведомъ и при торжественномъ проклятіи измѣнника гетмана Мазепы: при царевичѣ было въ церкви всего восемь человѣкъ думныхъ чиновъ. Этимъ подтверждается сообщеніе,

*) Ближняя канцелярія не была закрыта и по учрежденіи Сената съ его канцеляріей, къ которой перешли ея дѣла, какъ думской канцеляріи. Когда Сенатъ взялъ на себя высшій финансовый надзоръ, Ближняя канцелярія помогала ему въ этомъ дѣлѣ: ей поручалась ревизія приказовъ и канцелярій по приходамъ и расходамъ; приходо-расходныя вѣдомости присылались какъ въ сенатскую, такъ и въ Ближнюю канцелярію; въ 1714 г. ей поручено было счесть приходъ и расходъ всѣхъ учрежденій за 1710—1713 года, чего не удалось сдѣлать Сенату. Др. Р. Вивл. XX, 125, 129 и 404. П. С. З. №№ 2763, 2458 и друг. Статья г. *Токарева* о Ближней канцеляріи и опись ея документовъ въ Описаніи докум. и бумагъ Моск. Арх. Мин. Юст. V, отд. II, 43—102.

сдѣланное агентомъ вѣнскаго двора въ Москвѣ Плейеромъ въ 1710 г. Боярская дума въ это время была такъ непохожа на прежнюю, что казалась Плейеру новымъ учрежденіемъ Петра. Тайный совѣтъ, какъ называетъ онъ эту новую думу, состоялъ всего изъ восьми членовъ. Всѣ они управляли отдѣльными вѣдомствами центральной администраціи, приказами Разряднымъ, Сибирскимъ, Монастырскимъ и др. Слѣдовательно это были все сановники, которые по дѣламъ службы и независимо отъ своихъ думныхъ занятій должны были оставаться въ Москвѣ. Такъ дума сама собою превратилась въ довольно тѣсный совѣтъ министровъ: *министрами* и называются члены этого тѣснаго совѣта въ письмахъ Петра и въ актахъ того времени. Оставаясь постояннымъ руководящимъ учрежденіемъ, этотъ тѣсный совѣтъ министровъ становился болѣе прежняго измѣнчивымъ по составу. Ускоренная гонка, какъ можно назвать дѣятельность правительства въ тѣ годы, то-и-дѣло уносила Петра и его совѣтниковъ изъ столицы. Въ первое время по возвращеніи изъ-за границы въ 1698 г. Петръ, увозя съ собою бояръ въ Воронежъ или куда-нибудь, по старому обычаю оставлялъ въ Москвѣ коммиссію думы, которой приказывалъ «на своемъ государевѣ дворѣ быть и дѣла вѣдать, какія прилучатся». Но потомъ и сама дума или «консилія» министровъ превращается въ такую же коммиссію или въ Расправную палату съ тѣмъ значеніемъ, какое имѣла она въ отсутствіе государей при царѣ Ѳедорѣ и во время двоевластія. Иногда и при царѣ въ Москвѣ оставалось на лицо очень немного совѣтниковъ, которымъ онъ на совѣщаніяхъ спѣшилъ раздать порученія по вѣдомству каждаго въ виду скораго отъѣзда; уѣзжая, онъ ввѣрялъ этимъ наличнымъ боярамъ главное руководство текущими внутренними дѣлами «съ общаго совѣту». Въ первыхъ числахъ января 1706 г. Петръ былъ въ Москвѣ. Въ его *Записныхъ тетрадяхъ* этотъ годъ открывается замѣткой: «Указано, когда были съѣзды въ Преображенское на капитанскій дворъ боярамъ (именно Стрѣшневу, Головину, кн. Голицыну, Апраксину—и только), и сія тетрадь записная, что имъ приказано». 13 января Петръ скакалъ уже въ Гродно къ своей арміи, угрожа-

емой Шведами. Съ дороги онъ писалъ дѣйствовавшему противъ астраханскихъ мятежниковъ Шереметеву, чтобы онъ за всѣмъ обращался въ Москву къ Головину «и прочимъ, которымъ я по отъѣздѣ своемъ вручилъ дѣла». При прежнихъ царяхъ въ случаѣ надобности и недумные начальники приказовъ входили въ думу съ докладами. И теперь важныя отрасли центральнаго управленія были въ рукахъ людей довѣренныхъ, но не имѣвшихъ думныхъ чиновъ. Тѣсному кружку бояръ, остававшихся въ Москвѣ, Петръ предоставлялъ приглашать въ свою консилію и изъ этихъ людей, кто имъ былъ надобенъ. По поводу того же астраханскаго бунта царь съ дороги напоминалъ Головину съ товарищами: «будучи на Москвѣ, приказывалъ я, чтобы за тѣмъ и прочими дѣлами трудиться вамъ и прочимъ, кого возьмете къ себѣ». Этимъ объясняется появленіе людей съ недумными чинами въ спискѣ членовъ думы 1710 г. у Плейера. Таковы были кн. Ѳ. Ю. Ромодановскій, Ю. С. Нелединскій-Мелецкій, М. А. Головинъ и А. А. Курбатовъ. Первый управлялъ Преображенскимъ приказомъ и былъ могущественнымъ лицомъ въ центральной администраціи. Въ одномъ письмѣ 1707 г. Петръ приказываетъ ему извѣстныя дѣла дѣлать «съ общаго совѣту съ боярами»; но кн. Ромодановскій и въ 1711 г. носилъ недумный чинъ ближняго или комнатнаго стольника. Нелединскій, товарищъ боярина Т. Н. Стрѣшнева по Разряду и Конюшенному приказу, имѣлъ чинъ только рядоваго стольника, какъ и Головинъ, судья Ямскаго приказа, а Курбатовъ, бывшій дворовый боярина Шереметева и потомъ за проектъ гербовой бумаги ставшій простымъ дьякомъ Оружейной палаты. теперь въ должности инспектора ратушнаго правленія былъ первымъ и вліятельнѣйшимъ дѣльцомъ въ финансовой администраціи *).

---

*) *Устрялова,* Ист. царств. Петра В., т. IV, ч. 2, стр. 490. Боярск. книга № 55 въ Моск. Арх. мин. юстиціи. Статья г. *Токарева* въ указ. изд. стр. 47. П. С. З. № 2213, 2332 и 2309. *Корбъ,* 161 и 315. Дв. Разр. IV, 1127. *Желябужскій,* 71. Тетради записныя Петра В. 1704—1706 г. 50. *Голикова,* Дѣян. Петра В. X, 313 и 316; XI, 309. *Фоккеродта* и *Плейера,* Россія при Петрѣ В., изд. Общ. Ист. и Др. Р.—донесеніе 1710 г., стр. 15 и сл.

Новое положеніе думы отразилось на характерѣ ея правительственной дѣятельности. Петръ изрѣдка самъ являлся въ Ближнюю канцелярію, слушалъ тамъ доклады съ боярами или безъ нихъ и оттуда выдавалъ именные указы. Но при частыхъ отлучкахъ царя изъ столицы обычнѣе были собранія бояръ въ Ближней канцеляріи безъ царя. Благодаря этому въ теченіи законодательства образуются двѣ параллельныя струи, слабо соприкасавшіяся другъ съ другомъ. Много важныхъ распоряженій шло отъ государя мимо думы прямо въ приказы, которыхъ они касались. Въ 1705 г. велѣно было этимъ приказамъ только сообщать Ближней канцеляріи о получаемыхъ ими именныхъ указахъ въ тотъ же день, когда «какой указъ состоится или изъ государева похода пришлется». Съ другой стороны, высшее управленіе складывалось такъ, что дума должна была во многомъ дѣйствовать помимо отсутствовавшаго государя. Дѣятельность ея возбуждалась двоякимъ путемъ. Во-первыхъ, она рѣшала текущія дѣла по докладамъ изъ приказовъ или, какъ тогда выражались, слушала «настоящихъ изъ приказовъ докладныхъ дѣлъ». Во-вторыхъ, на думу возлагалась законодательная разработка особыхъ порученій государя. Эти порученія сообщались боярамъ или именнымъ указомъ, или письмомъ царя къ кому-нибудь изъ приближенныхъ сановниковъ, находившихся въ Москвѣ, которые подавали полученныя предписанія боярамъ въ Ближней канцеляріи или въ другомъ мѣстѣ ихъ собраній. Такія письма имѣли значеніе тѣхъ же именныхъ указовъ. Такъ именной указъ получалъ новое значеніе: прежде въ немъ обыкновенно излагался приговоръ государя съ боярами; теперь имъ вызывался приговоръ бояръ безъ государя. Петръ сообщалъ въ Москву общую мысль задуманной мѣры, иногда намѣчалъ нѣкоторыя подробности ея исполненія; развитіе этой мысли, обсужденіе средствъ и порядка ея осуществленія предоставлялось думѣ. Въ началѣ 1707 г., находясь въ Польшѣ, Петръ писалъ въ Москву о необходимости принять оборонительныя мѣры на случай ожидаемаго движенія Карла XII изъ Саксоніи въ русскіе предѣлы. Одно письмо объ этомъ было получено адмираломъ Апраксинымъ и имъ было подано

боярамъ; другое предписаніе объявилъ боярамъ управитель Монастырскаго приказа Мусинъ-Пушкинъ; по обоимъ сообщеніямъ бояре въ Столовой палатѣ постановили приговоры. Точно такъ же именнымъ указомъ въ 1708 г. предписано было раздѣлить государство на 8 губерній и по нимъ расписать города; это раздѣленіе съ расписаніемъ городовъ по губерніямъ было произведено въ Ближней канцеляріи. Плейеръ довольно точно обозначаетъ кругъ дѣлъ и характеръ дѣятельности Тайнаго совѣта, говоря, что тамъ разсуждали о томъ, какъ всего удобнѣе привести въ исполненіе поступающіе отъ царя указы, и что содержаніе этихъ указовъ большею частью составляли сборъ денегъ, изысканіе новыхъ государственныхъ доходовъ, введеніе новыхъ налоговъ, развитіе торговли, доставка въ армію аммуниціи и провіанта, наборъ, обмундировка, обученіе, расквартированіе и содержаніе рекрутовъ; также въ случаѣ какого-либо волненія въ дальнихъ областяхъ государства совѣтъ принималъ мѣры, прежде чѣмъ доносилъ о томъ царю и получалъ отъ него предписанія насчетъ дальнѣйшаго образа дѣйствій *). Издали Петръ не могъ слѣдить, какъ бояре разработывали и приводили въ исполненіе его порученія и какъ они вершили текущія дѣла изъ приказовъ. Отсюда въ дѣятельности думы появляются еще двѣ особенности, которыхъ не было замѣтно до Петра. Дума становится распорядительнымъ совѣтомъ по внутреннему управленію, который, въ извѣстныхъ предѣлахъ дѣйствуя самостоятельно, вмѣстѣ съ тѣмъ и *отвѣчаетъ* передъ государемъ за свои дѣйствія; въ то же время вводится въ ея дѣлопроизводство порядокъ, который позволялъ бы провѣрять ея дѣйствія. Въ потокѣ своихъ военныхъ и дипломатическихъ занятій Петръ самъ настаивалъ, чтобы управители отдѣльныхъ вѣдомствъ обращались за указаніями по текущимъ дѣламъ не къ нему, а къ боярскому совѣту. Въ отвѣтъ на донесеніе о такихъ дѣлахъ Петръ писалъ въ 1707 г. изъ Польши кн. Ромодановскому: «еще прошу васъ, дабы о такихъ дѣлахъ и подобныхъ имъ

---

*) П. С. З. №№ 2169, 2170, 2022, 2155, 2218. Ср. №№ 2189 и 2217. *Плейеръ* въ указ. изд. стр. 2.

изволили тамъ, гдѣ съѣздъ бываетъ, въ Верхней канцеляріи или гдѣ индѣ, посовѣтовавъ съ прочими, рѣшеніе чинить, а здѣсь истинно и безъ того дѣла много». Еще рѣшительнѣе высказываетъ онъ эту мысль въ упомянутыхъ письмахъ къ Головину съ товарищами и къ Шереметеву. Первымъ онъ приказываетъ самимъ вершить астраханскія дѣла, не спрашивая у него рѣшенія, а второму велитъ обо всемъ писать къ московскимъ боярамъ, прибавляя: «а мнѣ изъ Польши ничего дѣлать невозможно, токмо къ нимъ же посылать, и изъ того кромѣ медленія ничего не будетъ». Такъ точно относился онъ потомъ и къ Сенату. Съ прекращеніемъ ежедневныхъ съѣздовъ бояръ въ Кремль на поклонъ къ государю и засѣданія боярскаго совѣта перестали быть ежедневными: въ 1708 году было указано «министрамъ, которымъ бываетъ съѣздъ въ Ближнюю канцелярію», пріѣзжать туда по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ; кто почему-либо не могъ пріѣхать на засѣданіе, обязанъ былъ собственноручно написать о томъ въ Разрядъ. Плейеръ прибавляетъ къ этому, что засѣданія Тайнаго совѣта продолжались до полудня лѣтомъ съ 8 часовъ, зимой съ 9 утра. Заведенная въ Ближней канцеляріи книга для записи указовъ давала возможность слѣдить за теченіемъ дѣлъ въ думу изъ приказовъ и за исполненіемъ государевыхъ распоряженій и боярскихъ приговоровъ. Наконецъ въ 1707 г. установлены были обязательные протоколы засѣданій думы и установлены въ интересѣ отвѣтственности, для облегченія контроля за дѣйствіями министровъ совѣта. Въ письмѣ изъ Вильны Петръ предписываетъ кн. Ромодановскому объявить при съѣздѣ въ палатѣ «всѣмъ министрамъ, которые въ конзилію съѣзжаются, чтобъ они всякія дѣла, о которыхъ совѣтуютъ, записывали, и каждый бы министръ своею рукой подписывали, что зѣло нужно надобно, и безъ того отнюдь никакого дѣла не опредѣляли, ибо симъ всякаго дурость явлена будетъ» *).

Итакъ боярскій совѣтъ при Петрѣ во многомъ не былъ похожъ на прежнюю боярскую думу, такъ что иностранцамъ онъ

*) П. С. З. №№ 2188 и 2022. *Голиковъ,* XI, 303 и 328.

казался новымъ учрежденіемъ, которое создалъ Петръ. Измѣнились его составъ, вѣдомство и характеръ дѣятельности. Эти перемѣны произошли отъ двухъ причинъ: разрушилось прежнее боярство, а кружокъ оставшихся бояръ разбился по службамъ внѣ столицы; отсутствіе царя изъ Москвы, бывшее прежде случайностью, теперь стало обычнымъ явленіемъ. Боярская дума при Петрѣ стала тѣснымъ совѣтомъ съ разрушавшимся генеалогическимъ и даже чиновнымъ составомъ старой думы: даже люди недумныхъ чиновъ теперь имѣли въ ней мѣсто. Существенной ея особенностью было то, что она дѣйствовала вдали отъ государя и была передъ нимъ отвѣтственна, руководя внутреннимъ управленіемъ и исполняя особыя порученія государя, но не мѣшаясь въ военныя дѣйствія и внѣшнюю политику. Читая первые указы объ учрежденіи Сената въ 1711 г., можно замѣтить, что онъ имѣлъ близкую родственную связь съ боярскимъ совѣтомъ, собиравшимся въ Ближней канцеляріи, и наслѣдовалъ всѣ его особенности. Сенатъ также учреждался «для всегдашнихъ въ сихъ войнахъ отлучекъ» государя, являлся случайной временной коммиссіей, а не постояннымъ учрежденіемъ; даже первоначальный 9-членный составъ его близко напоминалъ прежнія коммиссіи въ отсутствіе государей изъ Москвы, какъ и совѣтъ бояръ въ Ближней канцеляріи. Въ личномъ его составѣ происхожденіе и чинъ также имѣли мало значенія: важнѣйшіе сановники, «верховные господа», «принципалы», кн. Меншиковъ, канцлеръ Головкинъ, адмиралъ Апраксинъ, не вошли въ первоначальный составъ Сената и писали ему «указомъ». Сенатъ также руководилъ всѣмъ внутреннимъ управленіемъ, не вмѣшиваясь въ военныя дѣйствія и внѣшнюю политику, и при этомъ на него возложено было государемъ нѣсколько особыхъ порученій по набору войска, по развитію торговли и особенно государственныхъ доходовъ. Первая инструкція, данная Петромъ Сенату 2 марта, не постоянный и подробный регламентъ, а скорѣе рядъ такихъ порученій, «указъ, что по отбытіи нашемъ дѣлать», какъ выразился Петръ. По первоначальной мысли Петра Сенатъ, какъ и собраніе министровъ Ближней канцеляріи, не государственный совѣтъ при государѣ,

а высшее распорядительное учрежденіе, замѣняющее въ правительственномъ центрѣ государя на время его отсутствія и подлежащее строгой, даже суровой отвѣтственности. Такъ идея и форма Сената создались прежде, чѣмъ явилось его названіе.

Глава XXIV.

Правительственная дѣятельность думы при видимомъ разнообразіи дѣлъ имѣла собственно законодательный характеръ.

Исторія боярской думы при Петрѣ любопытна потому, что въ ней явственно обнаружился моментъ, которымъ завершилось существованіе этого учрежденія. Оно перестало существовать, постепенно преобразилось въ учрежденіе другого характера, когда обстоятельства заставили его дѣйствовать отдѣльно, вдали отъ государя. Это значитъ, что боярская дума древней Руси была учрежденіемъ, привыкшимъ дѣйствовать только при государѣ и съ нимъ вмѣстѣ. Дѣйствительно, давній обычай неразрывно связалъ обѣ эти политическія силы, и онѣ не умѣли дѣйствовать другъ безъ друга, срослись одна съ другой, какъ части одного органическаго цѣлаго. Эпохи, когда онѣ разрывались, когда боярская дума оставалась одна безъ государя, какъ въ Смутное время, или когда государь отдѣлялся отъ думы, какъ во времена опричнины Грознаго,—такія эпохи были ненормальными кризисами, болѣзненными состояніями государства. Точно такъ же и древнерусское общество не привыкло отдѣлять эти силы одну отъ другой, видѣло въ нихъ нераздѣльные элементы единой верховной власти: законъ являлся передъ управляемыми въ видѣ государева указа и боярскаго приговора, и какъ въ боярскомъ приговорѣ видѣли государевъ указъ, такъ и за государевымъ указомъ предполагали боярскій приговоръ. Вотъ почему собственно нельзя говорить о правительственномъ вѣдомствѣ боярской думы, какъ о чемъ-то точно опредѣленномъ, о ея политическомъ авторитетѣ, какъ о чемъ-то

отличномъ отъ государевой власти. Пространство дѣятельности думы совпадало съ предѣлами государевой верховной власти, потому что послѣдняя дѣйствовала вмѣстѣ съ первой и чрезъ первую. Изъ этого общаго основанія развились всѣ существенныя свойства правительственной дѣятельности древнерусской боярской думы.

Непосредственная дѣятельность верховной власти въ древней Руси опредѣлялась не суммой политическихъ прерогативъ этой власти, а количествомъ наличныхъ правительственныхъ потребностей. Носители верховной власти не любили спрашивать себя о томъ, на что они имѣютъ право и на что не имѣютъ его. Они считали себя призванными дѣйствовать тамъ, гдѣ переставали дѣйствовать другіе, дѣлать то, чего не могли сдѣлать подчиненныя имъ орудія управленія. Но эти орудія руководились въ своей дѣятельности заведеннымъ порядкомъ, должны были дѣлать только то, на что указывали имъ прямой законъ или признанный обычай. Гдѣ кончались этотъ законъ и этотъ обычай, тамъ начиналась дѣятельность высшаго правительства. Этимъ общимъ правиломъ древнерусскаго управленія опредѣлялась и сфера дѣятельности боярской думы. Она указывала исполнительнымъ органамъ управленія, какъ надобно дѣлать то, чего они не могли сдѣлать безъ указаній сверху, т. е. на что не давали имъ указаній дѣйствующій законъ и признанный обычай. Черезъ думу проходило множество дѣлъ судебныхъ и административныхъ. Однако мы неточно опредѣлили бы ея характеръ, если бы приписали ей чисто судебныя и административныя функціи. Изъ думы исходили судебныя рѣшенія и административныя распоряженія, какихъ не могли или не хотѣли дать подчиненныя власти по недостатку полномочій, по отсутствію или несовершенству закона, по неумѣнью или нежеланью примѣнять его. Въ такихъ случаяхъ дума провѣряла и исправляла дѣйствія подчиненныхъ властей, пополняла или поясняла законъ, замѣняла или отмѣняла его и давала новый законъ,—словомъ, указывала и приказывала, регулировала отношенія, разрѣшала всякое новое дѣло, чтобы показать, какъ надобно впредь рѣшать подобныя дѣла: ея судебный

или административный приговоръ становился прецедентомъ, получалъ силу закона. Значитъ, дума законодательствовала, а не судила и не вела дѣлъ текущей администраціи; точнѣе говоря, она законодательствовала и тогда, когда судила и рѣшала дѣла текущей администраціи. Этимъ объясняются нѣкоторыя особенности въ дѣятельности думы, которыя съ перваго взгляда кажутся странными. Однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ дѣятельности законодательныхъ учрежденій обыкновенно служатъ вопросы государственнаго хозяйства, дѣла финансовыя. Но эти дѣла всегда составляли сравнительно мало замѣтный элементъ въ вѣдомствѣ московской боярской думы, сколько можно судить о томъ по сохранившимся памятникамъ ея законодательныхъ трудовъ. Напротивъ, эти памятники переполнены дѣлами по службѣ и служилому землевладѣнію, иногда удивительно мелкими на нашъ взглядъ. Это потому, что теченіе государственнаго хозяйства рано вошло въ твердо установившееся русло и могло быть въ большей степени отдано въ руки исполнительныхъ органовъ управленія, чѣмъ дѣла служилыя и поземельныя, требовавшія постояннаго надзора и заботливаго руководства со стороны законодателя.

Итакъ боярская дума была собственно и даже исключительно законодательнымъ учрежденіемъ. Вотъ почему при изученіи ея правительственной дѣятельности не совсѣмъ удобно прилагать къ ней обычное дѣленіе на функціи законодательныя, судебныя и административныя. Такое дѣленіе внесло бы въ эту дѣятельность распорядокъ, какого не знала или не признавала сама дума. Это не значитъ, что думные люди тѣхъ вѣковъ не умѣли отличать дѣла законодательныя отъ судебныхъ или административныхъ. Но правительственная практика думы основана была не на различіи *дѣлъ* по существу, а на различіи *процессовъ*, какими разрѣшались дѣла, восходившія въ думу. Потому однородныя дѣла разрѣшались иногда различными процессами, и наоборотъ различныя по характеру дѣла шли одинаковымъ путемъ. Въ процессѣ думнаго дѣлопроизводства надобно различать порядокъ возбужденія дѣла и порядокъ его «вершенія». Дѣло возбуждалось въ думѣ троякимъ путемъ: 1) государевымъ *указомъ*, 2) приказнымъ *докладомъ* и 3) част-

нымъ *челобитьемъ*. Дѣло вершилось 1) думской коммиссіей, 2) общимъ собраніемъ думы безъ участія государя, 3) общимъ собраніемъ подъ предсѣдательствомъ государя и 4) соборомъ, т. е. думой съ высшимъ духовенствомъ.

Думные люди, какъ государственные совѣтники, а не какъ начальники приказовъ, сами очень рѣдко возбуждали въ думѣ вопросы, подлежавшіе ея обсужденію. Это возбужденіе обыкновенно шло сверху или снизу, а не изъ среды самого совѣта: что не могло быть доложено ни изъ какого приказа, что не входило въ текущее приказное дѣлопроизводство, то вносилъ въ думу самъ государь. Ему принадлежалъ почипъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ внѣшней политики и внутренняго государственнаго строенія. Такія дѣла разумѣли московскіе бояре царя Василія Шуйскаго, когда въ 1608 г. писали гетману второго Лжедимитрія Рожинскому, что въ Московскомъ государствѣ во всякихъ дѣлахъ безъ царскаго «повелѣнія и начинанія ссылаться и дѣлать не привыкли». Царь или самъ лично предлагалъ вопросъ на обсужденіе боярамъ, или только указывалъ имъ «сидѣть» объ извѣстномъ дѣлѣ, ставилъ его на очередь, но самъ не присутствовалъ при его обсужденіи. Такъ въ 1573 г., во время войны съ Швеціей, когда воеводы вернулись изъ неудачнаго похода въ Новгородъ, гдѣ находился царь, послѣдній велѣлъ боярамъ «о свейскомъ дѣлѣ поговорити, какъ съ свейскимъ королемъ впередъ быти»; первосовѣтникъ кн. Воротынскій съ боярами приговорили вступить съ шведскимъ королемъ въ переговоры, пріостановивъ военныя дѣйствія. Вскорѣ по завоеваніи Казани царь, уѣзжая къ Троицѣ, поставилъ думѣ на очередь два вопроса, велѣлъ «безъ себя» сидѣть объ устройствѣ нововоеваннаго царства и о кормленіяхъ, т. е. о преобразованіи областнаго управленія. Возбуждая дѣло въ думѣ лично, царь предлагалъ совѣтникамъ. чтобы они, «помысля о томъ крѣпко и единодушно согласясь, государю объявили, на какихъ мѣрахъ тому дѣлу быть». Въ особо важныхъ случаяхъ царь вносилъ въ думу заранѣе заготовленныя письменныя предложенія. На Стоглавый соборъ 1551 г. царь Иванъ смотрѣлъ, какъ на государственную боярскую думу съ участіемъ духовенства, а не

какъ на сословное собраніе представителей духовенства только по дѣламъ церкви, и въ посланіи своемъ къ этому собранію обращался не только къ святителямъ, архимандритамъ и «всему священному собору», но и къ «братіи своей, любимымъ своимъ князьямъ, боярамъ и воинамъ». Потому кромѣ 37 вопросовъ, касавшихся собственно «церковнаго строенія», онъ внесъ на соборъ еще болѣе 10 предложеній, которыя касались государственнаго устройства, того, что царь отъ лица государственнаго правительства называлъ «нашими нуждами и земскими нестроеніями». Здѣсь царь говорилъ о мѣстничествѣ, о помѣстьяхъ и вотчинахъ, о мытахъ и корчмахъ, объ общей поземельной описи всего государства—все о предметахъ, возбуждавшихъ самое заботливое вниманіе московской законодательной власти въ XVI в. Предложенія эти—или простые вопросы, обращенные къ собору, или цѣлые развитые законопроекты. Они, какъ видно по ихъ изложенію, были написаны или продиктованы самимъ 21-лѣтнимъ царемъ; ихъ долженъ былъ прочитать дьякъ въ присутствіи царя, святителей и бояръ, которыхъ царь приглашалъ вмѣстѣ съ нимъ о томъ «посовѣтовать вкупѣ, приговорить и уложить». Сохранилась единственная въ своемъ родѣ записочка царя Алексѣя Михайловича, «о какихъ дѣлѣхъ говорить бояромъ». По намекамъ царя видно, что она писана въ 1657 году: упомянутый здѣсь кн. Василій—это астраханскій воевода Ромодановскій, устроившій тогда договоръ съ Калмыками. Отъ этого маленькаго документа вѣетъ тою свѣжестью и добротой, какой проникнуто все, написанное или продиктованное этимъ умнымъ и добрѣйшимъ царемъ. Читая записку, живо чувствуешь, какія отношенія существовали между этимъ царемъ и его совѣтниками, какіе вопросы обсуждались въ думѣ и даже какъ обсуждались. Это краткій конспектъ, показывающій, какъ царь *готовился* къ засѣданіямъ думы. Онъ не только записалъ, какіе вопросы предложить на обсужденіе бояръ, но и намѣтилъ, что самому говорить о томъ или другомъ изъ нихъ, какъ рѣшить его. Кой о чемъ онъ навелъ справки, записалъ цифры, сколько людей въ томъ или другомъ полку. О другомъ надобно будетъ навести справки въ подлежащемъ приказѣ: тамъ это знаютъ,

выпишутъ въ докладъ, и по этому докладу, поговоривъ съ боярами, можно будетъ рѣшить дѣло. Объ иныхъ предметахъ царь не имѣетъ никакого мнѣнія и не знаетъ, какъ рѣшатъ бояре; о другихъ онъ имѣетъ нерѣшительное мнѣніе, отъ котораго откажется, если станутъ возражать. Онъ даже старается угадать эти возраженія и приготовить отвѣтъ на нихъ. Шведское посольство, задержанное въ Москвѣ, просило позволить ему послать въ Швецію гонца за новыми инструкціями: «сидѣть де надокучило». Царь думаетъ, что и позволить «не будетъ худа». Но вѣдь гонецъ передастъ дома московскія вѣсти?—Ну такъ что же? «они давно все вѣдаютъ и кромѣ сего гонца». По другимъ вопросамъ царь составилъ твердое мнѣніе, за которое онъ будетъ упорно бороться въ совѣтѣ, если встрѣтитъ сопротивленіе: это вопросы не административной техники или дипломатической осторожности, а простой справедливости и служебной добросовѣстности. Астраханскій воевода въ чемъ-то провинился, по слухамъ даже уступилъ Калмыкамъ православныхъ плѣнниковъ, захваченныхъ ими. Царь рѣшилъ назначить слѣдователя, «сыщика», и буде окажется, что воевода солгалъ, отнять у него честь (чинъ), а къ нему послать наказъ, какъ ему жить, да написать ему «съ грозою и съ милостью, чтобы онъ къ намъ, великому государю, вину свою покрылъ службою», казнѣ сдѣлалъ бы прибыль свыше прежняго и тѣмъ возвратилъ бы себѣ отнятую честь, а смѣнять его не зачѣмъ, «убыточно и Астрахани къ взводу (разорительно)». Если же правда, что слышно о плѣнникахъ, «за то довелася ему казнь смертная, а то самое легкое, что отсѣчь руку и сослать въ Сибирь», конфисковавъ помѣстья и вотчины. Составляя свой конспектъ, царь уже воображалъ себя говорящимъ въ палатѣ: за плѣнниковъ, пишетъ онъ далѣе, «учинить казнь, какую *приговорите* по сему наказу» *).

---

*) *Соловьевъ*, VIII, 211. *Карамзинъ*, IX, примѣч. 416. Царств. кн. 237. П. С. З. № 547. Стоглавъ по каз. изд. 30 и 49. Журн. мин. Нар. Пр. 1876. № 7, стр. 54—64. Записки отд. русск. и слав. арх. Русск. Археол. Общ. II, 733; ср. Дв. Разр. III, 490. Дополн. къ III т. Дв. Разр. 130, 135, 103 и 106; *Солов.* XII, 295; А. И. IV, № 131.

Всего чаще дѣла возбуждались въ думѣ такъ называвшимися *судейскими докладами* или *докладными выписками*, восходившими изъ приказовъ. Эти доклады были двухъ родовъ, казуальные и кодификаціонные. Приказъ выписывалъ о какомъ-нибудь единичномъ дѣлѣ либо по справкѣ со стороны царя или думы, либо по собственному побужденію, когда не могъ самъ рѣшить такого дѣла. Послѣднее бывало въ случаѣ неполноты, неясности или разногласія законовъ. Въ докладной выпискѣ излагалась сущность дѣла, приводились относящіяся къ нему статьи закона и ставился вопросъ, выведенный приказомъ изъ примѣненія этихъ статей къ данному дѣлу. Вопросъ заключалъ въ себѣ случай или отношеніе, котораго не предусмотрѣлъ законъ или къ которому приказъ не умѣлъ примѣнить закона, и выражался въ обычной формулѣ: «великій государь о томъ что уложитъ» или «что укажетъ?» Къ такимъ докладнымъ выписямъ можно отнести и обязательные доклады о дѣлахъ, рѣшеніе которыхъ по особому закону принадлежало исключительно государю съ думой и требовало именнаго указа. Такъ по закону 1572 г. запрещено было Помѣстному приказу утверждать безъ доклада и безъ боярскаго приговора вклады вотчинами за малоземельными монастырями; иногда запрещалось раздавать безъ доклада свободныя казенныя земли въ извѣстныхъ уѣздахъ служилымъ людямъ, просившимъ помѣстныхъ дачъ. Въ докладныхъ выпискахъ кодификаціоннаго характера обобщались частные однородные случаи, накопившіеся въ приказной практикѣ или ею только предусматриваемые, которые возбуждали недоумѣніе приказа или превышали его компетенцію. Это обобщеніе выражалось въ формѣ законодательнаго вопроса, который ставился примѣрно такъ: прежнія узаконенія по данному предмету сопоставлялись съ этими новыми случаями, напримѣръ, съ ожидаемыми или ужъ поданными челобитными людей разныхъ чиновъ, вызывавшими пересмотръ старыхъ нормъ, и спрашивалось, какъ поступать впредь, т. е. требовалась новая норма. Судья приказа либо устно излагалъ въ думѣ такъ поставленный вопросъ, «говоря о томъ съ бояры», либо вмѣстѣ съ своими дьяками вносилъ о томъ письменный

докладъ. Иногда приказъ представлялъ думѣ цѣлый рядъ такихъ вопросовъ или «статей» объ извѣстномъ предметѣ, такъ что изъ законодательныхъ отвѣтовъ на нихъ составлялось, какъ бы сказать, частичное уложеніе. Часто, если не всегда, это дѣлалось по особому порученію государя и думы. Такой докладъ носилъ спеціальное названіе *статейнаго списка*. Надобно различать два рода статейныхъ списковъ, представлявшіе два момента кодификаціонной выработки закона. Составивъ свои вопросы, приказъ «докладывалъ по статейному списку». Приговоры по каждой статьѣ помѣчалъ думный дьякъ того приказа, откуда шелъ докладъ, или какой-либо думный же дьякъ, если въ томъ приказѣ такого не было: такъ въ 1628 г. по докладу Челобитнаго приказа о порядкѣ производства исковыхъ дѣлъ приговоры помѣчалъ думный дьякъ Посольскаго приказа. Этимъ впрочемъ не кончалось дѣло. «Въ верху» вообще господствовалъ обычай двукратнаго слушанія дѣлъ. Часто при первомъ чтеніи дѣла являлась надобность въ дополнительныхъ справкахъ: дума приказывала навести эти справки и вторично доложить дѣло. Даже безъ этого вторичный докладъ вызывался иногда необходимостью провѣрить помѣту приговора. Царь и бояре приказывали думнымъ дьякамъ записать свои распоряженія и приговоры. Но запись могла быть неточна. Знаменитый московскій дипломатъ XVI в. А. Щелкаловъ, думный дьякъ Посольскаго приказа, въ свое время былъ извѣстенъ привычкой намѣренно измѣнять смыслъ указовъ, излагая ихъ въ грамотахъ, за что не разъ подвергался наказанію. Въ *Указной книгѣ* Помѣстнаго приказа XVII в. было прямо засвидѣтельствовано, что дьяки иногда записывали приговоры не такъ, какъ приговаривала дума, и «многія статьи переправливали не дѣломъ». Потому только въ исключительныхъ обстоятельствахъ изустный приказъ верховной власти сообщался къ исполненію безъ новаго доклада. Въ 1580 г., когда государь поѣхалъ къ Троицѣ, съ Москвы отъ бояръ, тамъ оставленныхъ для управленія, пришли вѣсти, по которымъ оказалось, что надобно отмѣнить предположенный походъ московскихъ воеводъ въ Литву изъ Ржевы. Вѣсти, конечно, были тотчасъ доложены государю,

и онъ велѣлъ заготовить дьяку надлежащій указъ отъ государева имени. Послѣ оказалось, что дьякъ заготовилъ грамоту по тѣмъ вѣстямъ, писалъ ее спѣшно, а «государя доложити не успѣлъ», послалъ ее безъ доклада «для промыслу», по собственной дьячьей сообразительности, чтобъ ускорить дѣло. Сказавъ, что грамоты въ окрестныя государства, заготовленныя посольскимъ думнымъ дьякомъ, слушаются въ думѣ дважды, одними боярами и потомъ боярами вмѣстѣ съ государемъ, Котошихинъ прибавляетъ: «также и иныя дѣла написавъ взнесутъ слушать всѣмъ же бояромъ, и слушавъ бояре учнутъ слушать вдругорядь съ царемъ же». По извѣстнымъ намъ статейнымъ спискамъ нельзя рѣшить, всегда ли подобные акты докладывались сперва однимъ боярамъ, а потомъ государю съ боярами; но въ нѣкоторыхъ спискахъ можно замѣтить слѣды вторичнаго доклада. Кромѣ отвѣтовъ подъ каждой вопросной статьей съ обычной формулой «государь указалъ и бояре приговорили», на статейныхъ спискахъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ и другихъ важныхъ предметахъ встрѣчаемъ во главѣ статей еще общую помѣту, которая гласитъ, что государь указалъ и бояре приговорили «симъ статьямъ быть такъ, какъ въ сей докладной выпискѣ написано подъ статьями». Въ иныхъ докладныхъ спискахъ отвѣты подъ статьями представляютъ не краткія помѣты, а развитыя законоположенія со слѣдами тщательной редакціонной обработки, какую они едва ли могли получить въ ту минуту, когда думный дьякъ помѣчалъ приговоры боярскаго совѣта. Притомъ здѣсь не повторяется предъ каждой отвѣтной статьей обычная законодательная формула, а только во главѣ списка отмѣчено просто: «бояре, слушавъ статей, приговорили быть такъ, какъ въ сей докладной выпискѣ написано». Можно думать, что вопросный списокъ съ помѣченными на немъ отвѣтами думы переписывался въ доложившемъ его приказѣ, причемъ помѣты, положенныя на немъ при первомъ докладѣ, обработывались, получали надлежащее изложеніе и въ такомъ отдѣланномъ видѣ вторично докладывались думѣ, которая давала имъ окончательное утвержденіе. Впрочемъ въ актахъ есть и болѣе прямыя указанія на

то, что приговоры бояръ обработывались въ приказахъ. Эти приговоры по частнымъ дѣламъ представляютъ обыкновенно развитыя, мотивированныя резолюціи съ изложеніемъ сущности дѣла и основаній его рѣшенія. Но встрѣчаются и краткіе необработанные приговоры, въ которыхъ основанія едва намѣчены, но которые заканчиваются словами: «написать въ боярскій приговоръ изъ дѣла подлинно». Это значило, по нашему мнѣнію, развить боярскій приговоръ, указавъ главныя обстоятельства дѣла и основанія его рѣшенія. Законопроектовъ въ собственномъ смыслѣ, безъ предварительнаго доклада вопросныхъ статей и безъ думныхъ помѣтъ подъ ними, приказы повидимому не составляли *).

Кромѣ государева почина и приказнаго доклада дѣла возбуждались въ думѣ еще частными ходатайствами на государево имя, шедшими отъ отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ обществъ. Самый докладъ изъ приказа иногда вызывался такой частной просьбой. Указъ 1694 г., пересчитывая дѣла, какія докладываются боярамъ въ думѣ, говоритъ о спорахъ на рѣшенія приказовъ и о всякихъ челобитныхъ, въ которыхъ о чемъ-либо бьютъ челомъ государямъ. Обычнымъ средствомъ возбужденія въ думѣ вопроса по частному дѣлу была *подписная челобитная*. Ее смѣшиваютъ иногда съ *заручной* челобитной, подававшейся «за руками» челобитчиковъ и ихъ сторонниковъ, т. е. ими подписанной. Но заручная могла быть подписной, могла и не быть. Подписной челобитной называлось прошеніе, поданное прямо государю и по докладу ему и боярамъ получившее дальнѣйшій ходъ. Когда царь выѣзжалъ изъ столицы или въ праздники выходилъ изъ дворца въ церковь, всякіе люди могли подавать ему челобитныя. Существовало особое учрежденіе, Челобитный приказъ, начальникъ котораго съ дьякомъ принималъ эти челобитныя и по нимъ расправу чинилъ, а которыхъ не могъ рѣшить, тѣ «взносилъ» къ госу-

*) Акты Ист. I, стр. 270; III, 303—307. А. до юр. быт. др. Росс. I, № 72. Русск. Ист. Сб. II, 96. *Котош.* 20. П. С. З. №№ 445, 1170, 1116, 631, 644, 700, 702, 900, 860. Указн. кн. Пом. прик. 46. Столб. Пом. пр. въ Моск. Арх. мин. юст. по г. Рязани № 175, дѣло № 11.

дарю. Но, кажется, «расправа» приказа состояла не въ разбирательствѣ поданныхъ просьбъ по существу, а только въ опредѣленіи ихъ дѣльности, чтобы рѣшить, стоитъ ли ихъ докладывать, при чемъ челобитчиковъ въ случаѣ надобности распрашивали, чтобы по ихъ челобитьямъ и распроснымъ рѣчамъ составить докладъ боярамъ. Служилые люди подавали челобитныя въ Разрядѣ, который ихъ вѣдалъ. По указу 1694 г., когда уже не было Челобитнаго приказа, люди высшихъ чиновъ приносили челобитныя къ думнымъ дьякамъ въ Золотую палату дворца, а другіе дожидались на площади у Краснаго крыльца, пока у нихъ примутъ просьбы. Думные дьяки взносили всѣ эти челобитныя «въ верхъ», гдѣ ихъ слушали по Котошихину самъ царь и бояре. Челобитная при докладѣ получала или «отказъ», оставлявшій ее безъ послѣдствій, или «указъ», дававшій ей дальнѣйшее движеніе. Этотъ указъ докладчикъ помѣчалъ или *подписывалъ* на самой челобитной: тогда она и становилась *подписной*. Пока Челобитный приказъ не былъ въ 1685 г. соединенъ съ Суднымъ Владимірскимъ, такія челобитныя съ «подписями» объявлялись его подьячими на площади передъ царскимъ дворомъ «всѣмъ людямъ» и отдавались челобитчикамъ или вручались имъ въ самомъ приказѣ, а тѣ, смотря по подписи, несли свои просьбы въ тотъ приказъ, куда направляли ихъ докладныя помѣты. Подписная челобитная подписывалась думнымъ дьякомъ по докладу государю и боярамъ; подпись, сдѣланная по распоряженію судьи какого-либо приказа безъ доклада «въ верху», «самовольствомъ», считалась недѣйствительной. Впрочемъ прошенія по дѣламъ, о которыхъ существовалъ прямой и ясный законъ, кажется, предоставлено было подписывать думнымъ дьякамъ и безъ доклада; въ противномъ случаѣ приказъ, куда поступала челобитная къ исполненію, обязанъ былъ доложить ее государю. Иныхъ дѣлъ нельзя было совершить безъ доклада «въ верху» безъ верховнаго на то соизволенія: такъ по указу 1666 г. запрещено было высшему купечеству, гостямъ, покупать и брать въ закладъ вотчины безъ подписныхъ челобитныхъ. Подписныя челобитныя «съ верху» шли двоякимъ путемъ: возвращаясь обыкновенно въ Челобит-

ный приказъ, онѣ отсюда передавались по принадлежности въ другіе приказы, однѣ для исполненія, другія для вторичнаго доклада, если приказъ затруднялся исполненіемъ или если на челобитной помѣчалось: «выписать», навести надлежащія справки, на основаніи которыхъ государь и бояре произносили приговоръ, рѣшали дѣло; послѣ того оно обращалось въ доложившій его приказъ для исполнительныхъ распоряженій. Въ челобитныхъ на государево имя обращались къ верховному правительству по дѣламъ, превышавшимъ компетенцію подчиненныхъ учрежденій, либо съ жалобами на ихъ дѣйствія или ихъ бездѣйствіе, выражались нужды отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ, указывались недостатки суда и управленія. Потому подписныя челобитныя имѣли очень важное значеніе въ развитіи московскаго законодательства: это была наиболѣе обычная, такъ сказать, ежедневная форма участія общества въ устроеніи общественнаго порядка. Въ памятникахъ XVII в. находимъ многочисленные слѣды коллективныхъ челобитныхъ, поданныхъ служилыми людьми московскихъ чиновъ, дворянами разныхъ уѣздовъ и другими классами съ заявленіемъ своихъ мѣстныхъ или сословныхъ нуждъ, съ указаніемъ на какой-либо пробѣлъ въ законодательствѣ. Эти челобитныя подавались обычнымъ порядкомъ, какъ и другія частныя просьбы, проходившія черезъ Челобитный приказъ, докладывались и подписывались думными дьяками, вызывали «выписи» и доклады изъ приказовъ, обсуждались въ думѣ и такимъ образомъ подавали поводъ къ очень важнымъ узаконеніямъ. Довольно сказать, что статьи Уложенія, зачислившія въ городское тягло городскія и подгородныя слободы частныхъ привилегированныхъ владѣльцевъ и при этомъ уничтожившія льготное состояніе *закладчиковъ*, были внушены просьбами выборныхъ людей земскаго собора 1648—1649 г., доложенными и помѣченными думнымъ дьякомъ, какъ докладывались и помѣчались всѣ частныя челобитныя, поданныя самому государю: о чемъ безуспѣшно хлопоталъ царь Иванъ Грозный въ своихъ предложеніяхъ собору 1551 г., то спустя столѣтіе проведено было снизу скромной подписной челобитной земскихъ людей. Такъ подписная чело-

битная получила значеніе народной петиціи, земскаго адреса на Высочайшее имя о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ *).

Дѣло, возбужденное въ думѣ предложеніемъ царя, приказнымъ докладомъ либо подписной челобитной, рѣшалось также не одинаковымъ порядкомъ. Не имѣя наклонности распадаться на постоянныя спеціальныя отдѣленія, департаменты, дума любила поручать экстренныя или спеціальныя дѣла временнымъ коммиссіямъ, составляя ихъ изъ своихъ же членовъ. Эти коммиссіи были довольно разнообразны: *отвѣтныя* для переговоровъ съ иноземными послами, *судныя* по мѣстническимъ, поземельнымъ и другимъ тяжбамъ, *расправныя* по дѣламъ текущаго управленія на время отъѣзда царя изъ Москвы, превратившіяся потомъ въ постоянную Расправную палату; наконецъ въ XVII в. было двѣ коммиссіи *уложенныя*, которымъ поручалось составленіе проекта уложенія. Эти коммиссіи состояли изъ двухъ, трехъ или болѣе членовъ думы, къ которымъ иногда присоединяли и недумныхъ людей, обыкновенно дьяковъ. Проектъ Уложенія 1649 г. составленъ былъ двумя боярами, окольничимъ и двумя дьяками. Коммиссія, которой поручено было въ 1700 г. составить проектъ новаго уложенія, состояла изъ 12 членовъ думы, 28 стольниковъ, 2 дворянъ и 6 простыхъ дьяковъ: это былъ скромный первообразъ, неясный силуэтъ пышной екатерининской «Коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія», родоначальника которой едва ли можно видѣть въ старомъ земскомъ соборѣ, никогда не созывавшемся для составленія проектовъ. Коммиссіонный порядокъ веденія дѣлъ унаслѣдованъ былъ московской думой XVI и XVII в. отъ удѣльнаго времени. Тогда текущія дѣла управленія вела съ княземъ дума, собиравшаяся въ составѣ двухъ-трехъ бояръ.

*) П. С. З. №№ 1491, 954, 630, 974, 390, 998, 1108, 1140, 1297. А. И. II, стр. 424. Акт. Арх. Эксп. III, № 78. Врем. Общ. Ист. и Др. Р. кн. 20, матеріалы, 101. Чтенія 1887 г. кн. 3, IV, 36. *Котош.* 91. Изъ извѣстной шутливой заручной челобитной царя Алексѣя, обращенной къ боярамъ, видно, что и частныя исковыя челобитныя, поданныя прямо государю, приказывалъ подписывать онъ самъ, и это считалось милостью, которая давала ходъ дѣлу. Зап. русск. и слав. арх. Русск. Археол. Общ. II, 712. Акты Моск. Гос. I, №№ 659 и 660.

Но тогда не было мысли о думѣ *всѣхъ* бояръ, какъ высшей правительственной инстанціи по отношенію къ этимъ ежедневнымъ тѣснымъ совѣтамъ: рѣшенія послѣднихъ также считались окончательными, какъ и приговоры всѣхъ бояръ. Теперь коммиссіи думы дѣйствовали подъ контролемъ общаго собранія, которое иногда пересматривало и вершило шедшія через нихъ дѣла. Пока московскіе дипломаты, назначенные «въ отвѣтъ», переговаривались съ иноземными послами въ Отвѣтной палатѣ, недалеко въ Передней засѣдала дума, къ которой коммиссія обращалась съ вопросами и тутъ же получала новыя инструкціи. Старое удѣльное преданіе такъ крѣпко держалось въ московскомъ управленіи, что даже въ XVI в. дума собиралась и дѣйствовала иногда совершенно поудѣльному, въ коммиссіонномъ порядкѣ. Такъ было въ тяжебныхъ дѣлахъ, восходившихъ на судъ самого государя. Въ 1567 г. царь «судилъ судъ» по тяжбѣ человѣка боярина И. В. Шереметева съ кн. А. П. Ноздроватымъ объ угодьяхъ: на судѣ у царя, какъ помѣчено въ правой грамотѣ, были одинъ бояринъ и два окольничихъ, какъ ассистенты или свидѣтели суда. Въ 1547 г. передъ царемъ шла тяжба самого этого Шереметева съ тѣмъ же кн. Ноздроватымъ и его родичами князьями Токмаковыми о заложенномъ селѣ и о поддѣлкѣ документовъ на него. Въ правой грамотѣ, любопытной по своимъ процессуальнымъ подробностямъ и бытовымъ чертамъ, обозначено, что на судѣ у царя были бояринъ И. П. Ѳедоровъ «и иные бояре», да окольничій Ѳ. М. Нагой и четыре дьяка. Точно въ такой же обстановкѣ творился судъ самого князя и въ удѣльные вѣка. Въ XVI в. государь, можетъ быть, уже не присутствовалъ или не всегда присутствовалъ въ судѣ о такихъ дѣлахъ, а только такъ значилось по формѣ въ актахъ суда. Во время производства обѣихъ упомянутыхъ тяжебъ существовало уже различіе между думой *всѣхъ* бояръ и коммиссіей думы. Значитъ, совѣтъ, судившій оба дѣла, по составу своему былъ коммиссіей думы, состоялъ изъ *иныхъ* бояръ, но не *всѣхъ*. Но такъ какъ по формѣ это былъ судъ самого государя, на который не было апелляціи, то коммиссія замѣняла здѣсь думу *всѣхъ* бояръ,

какъ послѣднюю инстанцію. Такъ въ половинѣ XVI в. еще встрѣчались другъ съ другомъ и дѣйствовали рядомъ *обѣ* правительственныя формы, старая и новая, временное порученіе удѣльныхъ вѣковъ и постоянное учрежденіе Московскаго государства. Въ XVII в., какъ и въ XVI, коммиссіямъ думы поручали разнообразныя дѣла. Въ началѣ XVI в. вмѣстѣ съ кн. М. Глинскимъ пришло въ Москву много выходцевъ изъ Литвы. Этихъ «Глинскаго людей» испомѣстили между прочимъ въ Муромскомъ уѣздѣ, и они долго назывались тамъ «Литвой», хотя большинство ихъ были Русскіе. Одинъ изъ этой муромской Литвы Крыжинъ въ 1524 г. изъ мести обговорилъ другихъ эмигрантовъ Щукиныхъ и Каргашина въ намѣреніи бѣжать на родину. Великій князь приказалъ «разслушать» это дѣло двумъ боярамъ, тверскому дворецкому М. Ю. Захарьину и И. Ю. Шигонѣ. Въ 1571 г. коммиссіи съ кн. М. И. Воротынскимъ во главѣ поручено было устроить станичную и сторожевую службу въ степи. Въ 1572 г., еще до смерти кн. Воротынскаго, это дѣло ведетъ уже бояринъ Н. Р. Юрьевъ съ думнымъ дьякомъ Разряднаго приказа В. Щелкаловымъ. Иные вопросы по этому дѣлу рѣшаетъ сама коммиссія, иногда съ докладомъ государю, о другихъ приговариваетъ «поговорити со всѣми бояры». Но въ 1577 г. и эти *всѣ* бояре представляли собой повидимому только верховую коммиссію думы, состоявшую всего изъ трехъ-четырехъ бояръ, въ томъ числѣ и самого Юрьева, да двухъ думныхъ дьяковъ братьевъ Щелкаловыхъ: прочіе думные люди либо воеводствовали «на берегу», на Окѣ, либо были съ государемъ въ походѣ. Въ 1659 г. послѣ Конотопскаго пораженія, опасаясь нашествія изъ Крыма, царь велѣлъ укрѣплять Москву. Руководить этимъ «городовымъ дѣломъ» поручено было князю Н. И. Одоевскому съ шестью товарищами изъ бояръ и окольничихъ. Но въ XVII в. уже не замѣтно судныхъ коммиссій съ значеніемъ послѣдней инстанціи, подъ дѣйствительнымъ или номинальнымъ предсѣдательствомъ самого государя *).

---

*) П. С. Лѣт. VI, 214 и сл. Дв. Разр. IV, 1120; II, 750; III, 95, 1003. А. З. Р. II, стр. 280 и др. Разр. кн. въ Спнб. Сборн. *Валуева*, стр. 67, 88 и др. А. до юр. быта др. Росс. I, № 52, VIII и V. Приказн.

Дѣла, поручавшіяся коммиссіямъ думы, или рѣшались ими окончательно, или пересматривались однимъ государемъ, либо вершились общимъ собраніемъ думы. Общее собраніе рѣшало иныя дѣла въ присутствіи государя, другія безъ него. Изъ памятниковъ московскаго законодательства не видно, чтобы эта разница въ ходѣ дѣлъ зависѣла единственно отъ ихъ свойства, сравнительной политической важности. Это объясняется характеромъ отношеній думы къ ея верховному предсѣдателю. Дума, видѣли мы, дѣйствовала по указу государя, по докладу приказа или по частной челобитной. Возбуждаемая къ дѣятельности сверху или снизу, она можетъ показаться совершенно пассивнымъ учрежденіемъ безъ собственной иниціативы, простымъ законодательнымъ механизмомъ. Была ли она самостоятельной двигательницей законодательства? принадлежалъ ли совѣту бояръ законодательный починъ? Изъ сохранившихся памятниковъ можно извлечь только тотъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, что такой починъ не былъ въ обычаѣ; въ этомъ заключалась одна изъ слабыхъ сторонъ политическаго положенія стараго московскаго боярства. Однако мы увидимъ ниже случай, когда самими боярами былъ возбужденъ важный законодательный вопросъ, затрогивавшій самыя основанія государственнаго устройства. Значитъ, отсутствіе обычая не вытекало изъ отсутствія права или возможности, а только ука-

---

дѣла 1524 г. въ Моск. Арх. мин. ин. д. № 2. Акты Моск. государства I, 1, 18, 30, 33, 36 и 39. Дополн. къ III т. Дв. Разр. 194 и 131. Къ коммиссіямъ думы едва ли можно причислить *ближнюю думу:* это былъ особый совѣтъ, иногда собиравшійся при государѣ, а не коммиссія, которой государь съ думой поручали нѣкоторыя дѣла. Изъ неясныхъ и разнорѣчивыхъ извѣстій узнаемъ о двухъ чрезвычайныхъ коммиссіяхъ опеки или совѣтахъ регентства. Одна была назначена умирающимъ царемъ Иваномъ «беречь» преемника его Ѳедора и руководить имъ. Другая дѣйствовала при царѣ Михаилѣ: по свидѣтельству *Страленберга* (Historie der Reisen, 210) она состояла изъ патріарха и бояръ кн. Воротынскаго, Шереметева и Морозова; но въ дѣлѣ о невѣстѣ царя М. Хлоповой при Михаилѣ является ближній совѣтъ нѣсколько иного состава. *Карамз.* IX, 434. *Солов.* VII, 233; IX, 172. *Жолкевскій, 3.*

зывало на недостатокъ потребности въ боярскомъ почине, на возможность обойтись безъ него при другихъ средствахъ возбужденія дѣлъ въ думѣ. Отношенія думы къ государю такъ сложились, что не развивали этой потребности. Въ устройствѣ высшаго московскаго управленія всего труднѣе точно обозначить предѣлы власти государя и его боярскаго совѣта. Это потому, что государь и его совѣтъ не были двумя разными властями, а составляли одно властное, верховное цѣлое. Политическое значеніе и правительственная дѣятельность думы основывались на томъ глубоко укоренившемся въ московскомъ обществѣ воззрѣніи, лучше сказать, на томъ предположеніи, что дума не дѣйствуетъ безъ государя и государь не дѣйствуетъ безъ думы. Государь ежедневно дѣлалъ много правительственныхъ дѣлъ безъ участія боярскаго совѣта, какъ и боярскій совѣтъ рѣшалъ много дѣлъ безъ участія государя. Но это вызывалось соображеніями правительственнаго удобства, а не вопросомъ о политическихъ правахъ и прерогативахъ, было простымъ раздѣленіемъ труда, а не разграниченіемъ власти. Такое отношеніе государя къ думѣ выражалось въ одной изъ самыхъ существенныхъ особенностей, какими отличалась послѣдняя, въ отсутствіи ея отвѣтственности передъ государемъ. Слѣдовъ этой отвѣтственности не замѣтно ни въ чемъ, ни въ памятникахъ законодательства, ни въ устройствѣ боярскаго совѣта. Дума не была отвѣтственна предъ государемъ, потому что государь не былъ для нея сторонней властью, а самъ входилъ въ ея составъ, былъ ея главой. Мысль объ отвѣтственности появляется только тогда, когда дѣятельность государя и совѣта раздѣляется, когда тотъ и другой начинаютъ дѣйствовать въ своихъ особыхъ сферахъ и послѣдній становится орудіемъ перваго. Такъ было съ боярской «консиліей» при Петрѣ въ первые годы XVIII в. Отъ нея мысль объ отвѣтственности перешла по наслѣдству къ Сенату. Сравнивая боярскую думу и Сенатъ, обыкновенно отдаютъ рѣшительное предпочтеніе послѣднему по большей самостоятельности и энергіи его дѣйствій, по большей широтѣ его правительственныхъ полномочій: ему, по словамъ Петра, всякій долженъ былъ по-

виноваться въ отсутствіе государя «такъ, какъ Намъ Самому, подъ жестокимъ наказаніемъ или и смертію»; онъ былъ установленъ «вмѣсто присутствія Его Царскаго Величества собственной персоны»; отъ него даже требовалось, чтобы онъ велъ дѣла самостоятельно, не спрашивая на всякое дѣло особаго разрѣшенія у государя. Ничего подобнаго не говорили о старой боярской думѣ. Но здѣсь сравниваются учрежденія слишкомъ различныя, дѣйствовавшія въ слишкомъ несходныхъ положеніяхъ. По своему происхожденію Сенатъ былъ орудіемъ верховной власти, а боярская дума ея участницей. Первый вызванъ былъ потребностью въ хорошо устроенномъ руководителѣ управленія, а вторая служила органомъ господства извѣстнаго класса надъ обществомъ. Первый въ исторіи нашего управленія имѣлъ правительственно-техническое значеніе; значеніе второй было соціально-политическое. Въ отсутствіе государя Сенатъ конечно дѣйствовалъ самостоятельнѣе, но въ томъ смыслѣ, въ какомъ приказщикъ, оперирующій «на отчетѣ» вдали отъ хозяина, самостоятельнѣе товарища этого хозяина, обязаннаго дѣйствовать съ нимъ вмѣстѣ по соглашенію. За то думѣ не грозили, что за неисправность съ ней со всей поступлено будетъ, «какъ ворамъ достоитъ», чѣмъ грозилъ Петръ учрежденію, установленному вмѣсто присутствія собственной государевой персоны. Самостоятельность была обязанностью для Сената, а не его правомъ. При отсутствіи отвѣтственности по той же причинѣ не развился въ обычай и починъ думы въ законодательствѣ. Государь и дума не были разными властями съ своими особыми интересами и стремленіями, которыя имъ надобно было бы усиленно заявлять и проводить путемъ законодательства. Текущія дѣла вносились въ думу думными людьми, какъ начальниками приказовъ, а дѣла особой важности самимъ государемъ, какъ предсѣдателемъ думы, и этимъ удовлетворялись потребности управленія. Оставались интересы класса, представители котораго сидѣли въ думѣ, и эти интересы нерѣдко сталкивались съ интересами другихъ классовъ общества и самого государя. Но эти столкновенія шли внѣ думы и очень слабо отражались на ея устрой-

ствѣ, какъ мы видѣли изъ ея исторіи съ половины XV в. По своему историческому складу боярская дума не сдѣлалась ареной политической борьбы. Такимъ ея характеромъ опредѣлились и ея дѣловыя правительственныя отношенія къ государю. Когда, при какихъ дѣлахъ сидѣть въ думѣ самому государю и какія дѣла дѣлать боярамъ безъ его личнаго присутствія, это не было политическимъ вопросомъ. Въ XVI в., который былъ временемъ натянутыхъ отношеній между государемъ и боярствомъ, вопросы о прекращеніи войны, объ устройствѣ Казанскаго царства и о преобразованіи земскаго управленія разрѣшались въ думѣ безъ государя, какъ безъ него состоялся, судя по редакціи закона, и знаменитый приговоръ 24 ноября 1597 г. о сыскѣ и возвратѣ бѣглыхъ крестьянъ, а подробности законодательства о холопяхъ, какъ и о новокрещенахъ, не годившихся въ государеву службу, разрабатывались думой въ личномъ присутствіи государя. Въ одномъ случаѣ это присутствіе было обычно, если не необходимо—когда приговоръ бояръ по дѣлу, уже рѣшенному безъ царя, докладывался въ окончательной формѣ, данной ему думнымъ дьякомъ. Но этотъ вторичный докладъ, о которомъ говоритъ Котошихинъ, имѣлъ цѣлью провѣрку дьячьей редакціи приговора и его окончательное утвержденіе, и не видно, чтобы цѣлью его была провѣрка самаго приговора бояръ государемъ. Значитъ, засѣданіе думы въ присутствіи государя или безъ него имѣло только процессуальное значеніе, касавшееся не столько сущности дѣлъ, сколько порядка дѣлопроизводства.

Но приговоры, состоявшіеся въ думѣ безъ государя, представлялись ли ему на утвержденіе? Въ запискѣ объ устройствѣ Московскаго государства, составленной въ Смутное время по польскому заказу, читаемъ: «повинность бояромъ и окольничимъ и дьякомъ думнымъ быти всегды на Москвѣ при государѣ безотступно и засѣдать въ палатѣ, думати о всякихъ дѣлѣхъ, о чемъ государь роскажетъ и что царству Московскому належать будетъ, и *доносятъ* до государя думу дьяки думные». Изъ этого описанія думы можно заключить, что она обыкновенно обсуждала то, что ей указывалъ или «росказывалъ» государь, не при-

сутствуя лично на ея засѣданіяхъ; но послѣднія неясныя слова описанія не значатъ, что приговоры думы, состоявшіеся безъ государя, всегда представлялись думными дьяками на его утвержденіе. Памятники законодательства не поддерживаютъ такого значенія извѣстія. Судебникъ 1550 г. опредѣляетъ и порядокъ дальнѣйшаго законодательства: новые законы вносятся въ кодексъ, «приписываются» въ Судебникъ, какъ новыя дѣла, не предусмотрѣнныя прежними законами, «съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору вершатся». Вопросы о новыхъ законахъ вносились въ думу изъ приказовъ всегда на государево имя въ обычной формулѣ: «и о томъ великій государь что укажетъ»? Это и есть «государевъ докладъ». Имъ устанавливался порядокъ или способъ рѣшенія возникавшихъ вопросовъ. Множество текущихъ дѣлъ, не требовавшихъ законодательной нормировки, разрѣшалось по докладу самимъ государемъ. Дѣло законодательной важности помѣчалось: о томъ «государь указалъ сидѣти бояромъ». Государевъ докладъ и боярскій приговоръ— таковы два момента въ созданіи новаго закона; третьяго момента, представленія приговора всѣхъ бояръ на утвержденіе государю, не указываетъ Судебникъ. Отдѣльные законодательные акты подтверждаютъ такой порядокъ законодательства. Въ 1606 г. бояре одни безъ царя постановили приговоръ о служилыхъ кабалахъ по докладу Холопьяго приказа и «сесь свой приговоръ въ верху приказали въ приказѣ Холопья суда въ Судебникъ приписать», не доложивъ своего постановленія государю. Дума иногда обращалась съ докладомъ къ не присутствовавшему на засѣданіи государю, но не для того, чтобы представить на его утвержденіе свой приговоръ о дѣлѣ, а потому, что не умѣла или не хотѣла сама постановить приговоръ о немъ. Въ 1588 г. англійскій посолъ Флетчеръ просилъ себѣ аудіенціи, чтобы представить государю новую присланную изъ Англіи грамоту королевы Елизаветы. Думный дьякъ Посольскаго приказа А. Щелкаловъ сообщилъ объ этой просьбѣ боярамъ, а бояре доложили о томъ государю, «и государь приговорилъ съ бояры» отказать Флетчеру въ аудіенціи. Любопытенъ одинъ случай доклада государю боярскихъ приговоровъ. Въ 1636 г. По-

мѣстный приказъ представилъ царю 13 вопросовъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ. Царь приказалъ рѣшить вопросы боярамъ, а что они приговорятъ, доложить себѣ. На другой день бояре разрѣшили 12 вопросовъ, а на третій день царь утвердилъ всѣ ихъ приговоры безъ перемѣны. Остался безъ отвѣта одинъ вопросъ о правѣ владѣльцевъ продавать и закладывать вотчины, купленныя ими изъ своихъ же подмосковныхъ помѣстій или изъ порожнихъ земель: бояре съ большимъ тактомъ объявили, что «имъ о томъ приговаривать не можно, потому что за ними за самими такія вотчины». Государь самъ разрѣшилъ вопросъ, утвердивъ за владѣльцами это право. Но такой случай является рѣдкимъ исключеніемъ. Обычнымъ кажется тотъ порядокъ, какимъ по указу 1694 г. дума рѣшала безъ государя судныя дѣла, восходившія «въ верхъ» по челобитнымъ или по докладамъ изъ приказовъ: бояре рѣшали ихъ окончательно, докладывая государямъ лишь о томъ, чего имъ «зачѣмъ безъ нихъ, великихъ государей, именнаго указа вершить будетъ не мочно». Значитъ, докладъ былъ не обязанностью думы, а ея отказомъ отъ своего права. Онъ не составлялъ особаго момента въ теченіи дѣла, а былъ только возстановленіемъ личнаго присутствія государя среди бояръ, слѣдствіемъ чего обыкновенно являлся приговоръ государя «съ бояры», т. е. вторичное обсужденіе и окончательное рѣшеніе дѣла боярами вмѣстѣ съ государемъ. Было, кажется, только два рода боярскихъ приговоровъ, которые всегда или часто представлялись на утвержденіе государю: это приговоры думы о мѣстническихъ спорахъ и о наказаніи за тяжкія вины. Государь пересматривалъ такіе приговоры, и пересмотръ второго рода дѣлъ обыкновенно сопровождался помилованіемъ виновнаго или смягченіемъ его наказанія *). Но по ходатайству духовенства государь смягчалъ и собственные приговоры о преступникахъ.

---

*) А. И. II, №№ 355 и 63. Временникъ Общ. Ист. и Др. Росс. кн. 8, III, 58. Ср. Пам. дипл. снош. I, 1427. П. С. Зак. №№ 1491, 62, 1124, 1267 и 1429. Указн. кн. Пом. прик. 115—121. Ист. Сб. Общ. Ист. и Др. Р. V, 206. Разр. кн. въ Синб. Сб. *Валуева*, 81. Акты до юрид. быта др. Росс. III, № 281. Ср. сложное производство по дѣлу 1642—1643 г. о намѣреніи испортить царицу, съ предварительными докла-

Перечислимъ кратко дѣла, которыя разрѣшались въ общемъ собраніи думы, не различая ея засѣданій въ присутствіи царя или безъ него. Уложеніе предписываетъ боярамъ «сидѣти въ палатѣ и по государеву указу государевы всякія дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ». Подьячій Котошихинъ прибавляетъ, что какихъ государственныхъ и земскихъ дѣлъ приказнымъ людямъ «не мочно будетъ дѣлать, велѣно спрашиваться съ бояры и съ думными людьми и съ самимъ царемъ». Такъ ни законъ, ни практика не ограничивали дѣятельности думы какими-либо опредѣленными функціями или задачами. Дума разрѣшала всѣ правительственные вопросы, на которые дѣйствовавшій законъ не отвѣчалъ прямо и ясно или къ которымъ исполнительные органы управленія не умѣли примѣнить прямаго и яснаго закона. Такіе вопросы можно раздѣлить на два разряда: дума опредѣляла частныя отношенія лицъ, входящія въ составъ гражданскаго порядка; она же опредѣляла отношенія лицъ къ государству, строила политическій порядокъ въ широкомъ смыслѣ слова. Дѣла перваго рода возбуждались въ думѣ частными просьбами или докладами изъ приказовъ; дѣла второго рода вносили въ думу также приказы и преимущественно самъ государь.

Черезъ думу проходило множество частныхъ дѣлъ, судныхъ и другихъ. Для нѣкоторыхъ дума служила только распорядительнымъ передаточнымъ пунктомъ, приказывая дьяку помѣтить, «подписать» на челобитной, въ какой приказъ должно направить дѣло, чтобы тамъ учинили по нему указъ. Это были дѣла, ко-

---

дами царю, сыскными коммисеіями, боярскими приговорами и окончательнымъ докладомъ всего дѣла царю, смягчившему боярскій приговоръ. Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Р. 1895 г., кн. 3, отд. 1: Къ матеріаламъ о ворожбѣ. Въ числѣ резолюцій, положенныхъ государемъ и боярами на договорныя статьи Богдана Хмѣльницкаго въ 1654 г., встрѣчаемъ такую помѣту думнаго дьяка: «Доложить государя—бояре говорили: которые государевы всякихъ чиновъ люди учнутъ бѣгать въ государевы черкасскіе города и мѣста и тѣхъ бы сыскавъ отдавати». Бояре *говорили*, но не *приговорили*, дали только проектъ приговора, который велѣли представить на усмотрѣніе государя. Акты Зап. Росс. X, 452.

торыя дума находила возможнымъ рѣшить на основаніи дѣйствующаго закона. Флетчеръ вѣрно отмѣтилъ эту распорядительную функцію думы. Другія дѣла дума рѣшала сама, какъ послѣдняя или первая правительственная инстанція. Въ качествѣ послѣдней инстанціи она разсматривала судныя дѣла, рѣшенныя въ подчиненныхъ учрежденіяхъ, но обжалованныя той или другой стороной. Такой инстанціей дума служила какъ для приказовъ, такъ и для собственныхъ коммиссій *). Кромѣ того дума вершила частныя дѣла, начатыя въ подчиненныхъ учрежденіяхъ, коммиссіяхъ или приказахъ, но не рѣшенныя ими. Въ этихъ дѣлахъ ее даже трудно назвать послѣдней инстанціей въ строгомъ смыслѣ этого слова: она не пересматривала рѣшенія, постановленнаго низшей инстанціей, а сама доканчивала дѣло и впервые произносила приговоръ по нему. Обиліе такихъ дѣлъ въ думѣ было слѣдствіемъ своеобразнаго способа, которымъ разграничивались компетенціи думы и подчиненныхъ ей учрежденій. Раздѣльная черта между ними проводилась не степенью власти, а степенью разумѣнія, если можно такъ выразиться. Не было точно опредѣлено, какія дѣла, поступающія въ приказъ, можетъ онъ рѣшать самъ и о какихъ долженъ докладывать думѣ. Приказъ переносилъ въ думу дѣла, которыхъ ему «зачѣмъ вершить было не мочно»: таково было общее опредѣленіе приказной компетенціи. Можно было бы подумать, что такое неясное опредѣленіе открывало широкій просторъ превышенію власти со стороны приказовъ. Въ дѣйствительности было наоборотъ: старые московскіе приказы, какъ видно по ихъ докладамъ думѣ, скорѣе склонны были уменьшать свою власть, часто «не смѣли указать безъ государева указу» и взносили въ верхъ къ боярамъ такія дѣла, которыя они

*) Мы не думаемъ особо и подробно описывать дѣятельность думы, какъ высшей судебной инстанціи: есть спеціальные труды по исторіи русскаго судоустройства и судопроизводства, гдѣ изображена роль думы въ древнерусскомъ судебномъ процессѣ. См. напримѣръ у *Дмитріева* I и III гл. его Исторіи судебныхъ инстанцій. Наша цѣль обозначить законодательный элементъ въ правительственныхъ дѣйствіяхъ думы какъ по суднымъ, такъ и по другимъ дѣламъ.

могли рѣшить сами на основаніи дѣйствующаго закона. Такое отношеніе приказовъ къ думѣ замѣтилъ и Флетчеръ; только онъ объяснялъ стѣсненіемъ сверху то, въ чемъ надобно видѣть слѣдствіе самоограниченія и нерѣшительности приказовъ. Судьи, пишетъ Флетчеръ, такъ стѣснены въ отправленіи своей должности, что не смѣютъ рѣшить ни одного особеннаго дѣла сами собой, но должны пересылать его вполнѣ въ Москву въ царскую думу *).

Приговоры думы какъ по рѣшеннымъ дѣламъ, рѣшеніе которыхъ обжаловано, такъ и по дѣламъ, восходившимъ въ думу изъ приказовъ для вершенья, имѣли законодательное значеніе. Аппелляція или «жалоба» въ древнерусскомъ судѣ, какъ извѣстно, имѣла характеръ обвиненія низшей инстанціи недовольной стороной въ несправедливомъ рѣшеніи дѣла: аппелляціонная жалоба называлась «спорнымъ челобитьемъ» или челобитной «о неправомъ вершеньи на судей»; ея цѣлью было доказать, что судья «просудился», вершилъ дѣло «не дѣломъ». Судейскіе доклады думѣ невершенныхъ дѣлъ, какъ мы видѣли, вызывались обыкновенно недоумѣніями судей, возбужденными недостаткомъ закона или его неясностью и противорѣчивостью. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ приговоръ думы пополнялъ, разъяснялъ и соглашалъ постановленія закона; въ первомъ случаѣ онъ провѣрялъ и исправлялъ пониманіе и примѣненіе закона подчиненнымъ мѣстомъ. Въ обоихъ случаяхъ дума развивала дѣйствовавшее законодательство. Приговоръ бояръ не ограничивался разрѣшеніемъ частнаго случая: обыкновенно онъ обобщалъ этотъ случай и извлекалъ изъ него постоянное правило на будущее время. Это правило выражалось въ обычной формулѣ, которой заканчивался приговоръ: «да и впредь бояре приговорили» и т. д. Сохранилось множество боярскихъ приговоровъ по частнымъ дѣламъ съ такимъ общимъ законодательнымъ заключеніемъ: это былъ наиболѣе простой и обычный

---

*) Флетчеръ, гл. 7: онъ разумѣлъ собственно областныхъ судей; но такъ какъ между областью и думой стоялъ приказъ, то, значитъ, стѣсненіе, о которомъ рѣчь, раздѣляла и эта посредствующая инстанція.

древнерусскій способъ выработки закона. Впрочемъ боярскій приговоръ по частному случаю имѣлъ законодательное значеніе и безъ этой заключительной прибавки «да и впредь»: въ докладахъ и челобитныхъ его приводили, какъ прецедентъ, основаніе для рѣшенія всѣхъ подобныхъ случаевъ, «выписывали на примѣръ» наравнѣ съ статьями Уложенія. Такіе прецеденты назывались въ докладахъ «примѣрными или образцовыми дѣлами». Когда дума измѣняла дѣйствовавшій законъ, она особой оговоркой «отставляла» примѣры и образцовыя дѣла, рѣшенныя по этому закону, т. е. запрещала ими руководствоваться. Такимъ законодательнымъ значеніемъ приговоровъ по частнымъ дѣламъ дума отличалась, какъ законодательная власть, отъ приказовъ, какъ учрежденій судебно-административныхъ: приговоры приказовъ, не доложенные думѣ и ею не утвержденные, въ примѣръ не выписывались. Въ 1692 г. одному челобитчику, въ оправданіе своего иска приводившему дѣла, вершенныя въ приказѣ безъ доклада, въ боярскомъ приговорѣ было замѣчено, что «изъ такихъ вершеныхъ дѣлъ выписыват не довелось, потому что они вершены не по докладнымъ выпискамъ, а изъ такихъ дѣлъ, которыя вершены не по докладнымъ выпискамъ, на примѣръ не выписываютъ, а чинятъ указъ по Уложенью и по новоуказнымъ статьямъ и по именнымъ указамъ и по боярскимъ приговорамъ». Такое же законодательное значеніе имѣли и приговоры судныхъ коммиссій думы по утвержденіи ихъ общимъ собраніемъ. Извѣстенъ боярскій приговоръ 12 марта 1680 г. по дѣлу о приданой жениной вотчинѣ, проданной Воиномъ Ординымъ-Нащокинымъ, сыномъ знаменитаго канцлера. Приговоръ сопровождался общимъ постановленіемъ о порядкѣ укрѣпленія и записи за новыми владѣльцами жениныхъ вотчинъ, проданныхъ или заложенныхъ мужьями. 12 марта 1680 г., какъ видно по разряднымъ книгамъ, царя съ думой не было въ Москвѣ, гдѣ оставалась коммиссія подъ предсѣдательствомъ кн. А. А. Голицына. Ей и принадлежалъ упомянутый приговоръ. Изъ одного позднѣйшаго доклада, въ которомъ дѣло Воина было выписано «на примѣръ», видно, что по возвращеніи царя этотъ приговоръ былъ 19 марта до-

ложенъ «въ верху» и утвержденъ думой, которая при этомъ дала ему болѣе пространную редакцію, сославшись въ подкрѣпленіе его на неизвѣстный намъ боярскій приговоръ 12 марта 1677 г. Но изъ другого доклада видно, что потомъ выписывали «на примѣръ» краткій приговоръ коммиссіи, а не болѣе развитую редакцію общаго собранія *).

Поземельныя дѣла XVII в., сохранившіяся во множествѣ, едва ли не лучшій матеріалъ для изученія процесса, какимъ вырабатывались эти прецеденты, «примѣры и образцовыя дѣла», превращавшіяся потомъ въ законы. Поземельныя тяжбы были особенно сложны и кляузны, и въ нихъ всего нагляднѣе вскрывается дѣйствіе центральной правительственной машины Московскаго государства со всѣми ея подробностями и особенностями. Слѣдя за тѣмъ, какъ двигались ея неуклюжія, неповоротливыя и не всегда опрятныя колеса, какъ среди безконечной волокиты и постоянныхъ остановокъ, среди ябеды, взятокъ, встрѣчныхъ и поперечныхъ исковъ и кляузъ шли по этимъ колесамъ частныя дѣла, поднимаясь «въ верхъ къ бояромъ», и какъ въ концѣ этой трудной и медленной работы являлся боярскій приговоръ съ его обычнымъ «да и впредь».— слѣдя за всѣмъ этимъ, живо чувствуешь, какимъ неудобнымъ механизмомъ располагала дума для своей дѣятельности и какого труда стоило ей выработать цѣлесообразный законъ. Поземельныя дѣла всего лучше даютъ понять и своеобразное значеніе закона въ XVII в. Выѣзжій грекъ кн. Ѳ. Македонскій въ 1646 г. 4 октября началъ искъ о справкѣ за нимъ вотчины, заложенной ему и просроченной вдовой Плещеевой съ сыновьями. Истецъ подавалъ въ Судный Московскій приказъ челобитную за челобитной; приказъ только помѣчалъ на оборотѣ каждой челобитной: «записать его челобитье» и ничего не дѣлалъ. Наконецъ на *десятой* челобитной вышла помѣта: «поставить Плещеева съ братомъ въ приказѣ». Впрочемъ только по новой челобитной старшій Плещеевъ былъ поставленъ

*) П. С. З. №№ 633, 1447, 803 и 814, ст. 7. Отрывокъ доклада съ выписной дѣла Воина въ собраніи актовъ, принадлежащемъ автору. Дв. Разр. IV, 139 и сл.

въ приказъ и приложилъ къ ней руку въ томъ, что стать ему къ суду завтра, а не станетъ, на немъ истцовъ искъ, т. е. отвѣтчикъ будетъ обвиненъ безъ суда. Но отвѣтчикъ не сталъ на судъ, а черезъ день принесъ въ приказъ подписную челобитную, въ которой заявлялъ, что пропустилъ срокъ заклада, будучи на государевой службѣ, что теперь онъ отдаетъ свой долгъ кн. Македонскому, да тотъ своихъ денегъ брать не хочетъ. Это вызвало новый рядъ челобитій со стороны кн. Македонскаго. По *пятнадцатой* челобитной приказъ наконецъ внесъ въ думу докладную выписку о дѣлѣ, и дума 22 ноября 1646 г. приговорила оправить истца. Плещеевы, проигравъ тяжбу, начали разорять заложенную вотчину, вывозя оттуда крестьянъ, скотъ, хлѣбъ. Дѣло возобновилось и осложнилось еще тѣмъ, что родичи вдовы Плещеевой, урожденной Вердеревской, братья и племянники ея Вердеревскіе принялись наперерывъ одинъ передъ другимъ бить челомъ о выкупѣ своей родовой вотчины, а кн. Македонскій по условію закладной, уступая вотчину на выкупъ, искалъ на Плещеевыхъ 1000 рублей долговой ссуды, роста и убытковъ. Дѣло затянулось до іюля 1649 г. Македонскій билъ челомъ о перенесеніи дѣла въ Помѣстный приказъ изъ Суднаго Московскаго, гдѣ одинъ изъ судей былъ въ свойствѣ съ Вердервскими, да и по нижегородскому имѣнію своему имѣлъ ссору съ Македонскимъ, своимъ сосѣдомъ. Вердеревскіе просили взнесть дѣло въ расправную коммиссію подъ предсѣдательствомъ кн. Пронскаго, такъ какъ государь съ боярами на ту пору случился въ походѣ въ селѣ Покровскомъ, а Плещеевы справили себѣ подписную челобитную о перенесеніи дѣла «къ бояромъ въ Покровское». Македонскій получилъ помѣту на челобитной, чтобъ указъ по дѣлу учиненъ былъ въ Помѣстномъ приказѣ по Уложенію, тогда только что отпечатанному; на подписной челобитной одного изъ Вердеревскихъ было помѣчено, чтобы дѣло доложено было кн. Пронскому съ товарищами, а по помѣтѣ на челобитной Плещеевыхъ думный дьякъ Помѣстнаго приказа долженъ былъ взнесть дѣло къ боярамъ въ Покровское. Плещеевы обвиняли Македонскаго въ томъ, что онъ въ своихъ челобитныхъ утаилъ

указъ о докладѣ дѣла боярамъ въ Покровскомъ, а Македонскій обвинялъ Плещеевыхъ въ челобитьѣ мимо кн. Пронскаго самому государю и въ утайкѣ того, что дѣло уже разбиралось Пронскимъ. Пронской съ товарищами по докладу изъ Помѣстнаго приказа слушалъ дѣло и приговорилъ съ Вердеревскихъ, которые выкупали вотчину, взыскать Македонскому долгъ Плещеевыхъ 288 р., а съ Плещеевыхъ за неустойку и неочищенье 700 р., о ростѣ же черезъ Помѣстный приказъ справиться въ Судномъ Московскомъ, велѣно ли по новому государеву Уложенію брать ростъ на заемныя деньги, или нѣтъ, на что изъ Суднаго приказа послѣдовалъ отвѣтъ, что въ приказѣ никакого такого государева Уложенія не сыскано, а въ вершенныхъ дѣлахъ въ подписныхъ челобитныхъ найдено, что «по заемнымъ кабаламъ въ Московскомъ Судномъ приказѣ ростовыхъ денегъ не указываютъ». Плещеевы просили послать въ Судный Московскій приказъ вторично справиться, велѣно ли по Уложенію брать ростъ; но Македонскій билъ челомъ не посылать въ Судный, а послать въ Челобитенный, гдѣ о такомъ дѣлѣ въ Уложеніи указъ навѣрное есть. Наконецъ въ Помѣстномъ приказѣ доискались въ Уложеніи статьи, которая гласила, что по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ росту брать не велѣно, и даже высчитали зачѣмъ-то, сколько роста не придется Македонскому взять съ Плещеевыхъ на заемныя деньги за 1645 и 1646 г. Плещеевы однако остались недовольны приговоромъ кн. Пронскаго и добились доклада дѣла государю съ боярами. Дума отмѣнила приговоръ коммиссіи кн. Пронскаго и постановила оставить вотчину за Македонскимъ, а Вердеревскимъ въ выкупѣ отказать на томъ основаніи, что эта вотчина, какъ приданое Плещеевой, отдана была ея мужу и «изъ Вердеревскихъ роду вышла въ родъ Плещеевыхъ», которые заложили вотчину Македонскому и просрочили. Въ продолженіе тяжбы обѣ стороны подали 45 подписныхъ и простыхъ челобитныхъ, изъ которыхъ 28 пришлось на долю истца кн. Македонскаго, и все это изъ-за половины деревни въ Рязанскомъ уѣздѣ съ 19 крестьянскими дворами и 138 десятинами пашни. Зато приговоръ думы создавалъ важный прецедентъ или прибавлялъ еще одинъ

новый къ прежнимъ по вопросу о предѣлахъ права рода на выкупъ отчуждаемыхъ его членами родовыхъ вотчинъ.

Въ изложенномъ случаѣ приказная волокита является преимущественно слѣдствіемъ отношенія приказа къ челобитчикамъ. Въ другомъ дѣлѣ рядомъ съ этой выступаетъ другая причина, путаница вѣдомствъ, шаткость порядка приказнаго дѣлопроизводства. Въ 1643 г. стольникъ Фефилатьевъ выпросилъ себѣ въ помѣстье подъ видомъ порожнихъ пустоши въ Московскомъ уѣздѣ, которыя оказались собственностью Угрѣшскаго монастыря; кромѣ того онъ захватилъ поле и сѣнокось одного изъ селъ того же монастыря и произвелъ порубку монастырскаго лѣса на 120 руб. съ полтиной. Дѣло о земельномъ захватѣ разбиралось въ Помѣстномъ приказѣ, а о порубкѣ въ Разбойномъ. Монастырь подавалъ подписныя челобитныя, на которыхъ думный разрядный дьякъ помѣчалъ, что государь пожаловалъ, велѣлъ послать изъ Разряда дворянина для размежеванія спорныхъ земель, а въ Помѣстномъ приказѣ отмѣчали: «и по той помѣтѣ дворянинъ не посланъ». Въ 1649 г. по новой челобитной монастыря приказъ рѣшилъ было заготовить приговоръ объ очной ставкѣ по дѣлу о спорныхъ пустошахъ, какъ послѣдовало распоряженіе перенести и земельное дѣло Фефилатьева съ монастыремъ въ Разбойный приказъ, такъ какъ по государеву указу и подписной челобитной Фефилатьева велѣно его судомъ вѣдать въ томъ приказѣ. Монастырь новой подписной отмолилъ переносъ дѣла; но не смотря на новый рядъ просьбъ и помѣтъ, чтобы поставить отвѣтчика на очную ставку «не замѣшкавъ», Фефилатьевъ не являлся и даже уѣхалъ изъ Москвы. Дѣло остановилось на много лѣтъ. Между тѣмъ къ нему присоединялись новыя дѣла. Монастырь искалъ на Фефилатьевѣ учиненной имъ потравы и своза хлѣба съ монастырской пашни; отвѣчикъ съ своей стороны вчинилъ цѣлый рядъ встрѣчныхъ исковъ о захватѣ его земли монастыремъ, о подговорѣ его крестьянъ, о воровскомъ пріѣздѣ игумена съ людьми въ его деревню съ боемъ и грабежемъ и наконецъ о безчестьи, такъ какъ въ монастырской челобитной его написали *Филатьевымъ*, а онъ былъ и есть Фефилатьевъ, а вовсе не Филатьевъ.

Эти дѣла производились въ Судномъ Московскомъ приказѣ. Тяжба о захватѣ монастырской земли возобновилась въ 1661 г., и монастырь просилъ свести всѣ его дѣла съ Фефилатьевымъ въ одинъ приказъ, только не въ Судный Московскій. Государь указалъ вѣдать монастырь судомъ въ Монастырскомъ приказѣ, но поземельную тяжбу его рѣшить въ Помѣстномъ. Въ 1669 г. она еще не была рѣшена и ее указано было рѣшить въ приказѣ Большого Дворца, а два года спустя челобитья и другія бумаги по этому дѣлу велѣно было взять въ Судный Московскій. Тогда же и Фефилатьевъ писалъ въ челобитной, что его дѣла съ монастыремъ, производившіяся въ приказахъ Разбойномъ и Судномъ Московскомъ, потомъ «по промыслу» братіи «объявились» въ патріаршемъ Разрядномъ приказѣ; онъ просилъ всѣ дѣла сосредоточить въ приказѣ Большого Дворца. Такъ его встрѣчные иски изъ Суднаго Московскаго приказа были перенесены въ патріаршій Разрядъ, оттуда въ Помѣстный, а отсюда наконецъ вмѣстѣ съ другими его дѣлами попали въ Большой Дворецъ. Послѣдній въ 1673 г. приговорилъ отдать захваченную землю монастырю, и истцы отмежевали ее отъ земель Фефилатьева. Но Фефилатьевъ и не думалъ повиноваться приговору: въ 1675 г. онъ «великимъ скопомъ, собрався съ друзьями и совѣтники, съ пистольми и сайдаки», на отсуженной землѣ пожалъ посѣянный монастырскими крестьянами хлѣбъ и покосилъ сѣно, а братію грозилъ «бить смертнымъ боемъ»; люди его на мѣстѣ сжатаго хлѣба даже засѣяли свое озимое на 1676 г. По докладу велѣно было разобрать дѣло въ Помѣстномъ приказѣ, а если тамъ рѣшить его почему-либо будетъ не мочно, взнести къ боярамъ. Вслѣдствіе этого распоряженія дѣло о землѣ и другія тяжбы Фефилатьева, перенесенныя въ Большой Дворецъ, были переданы оттуда въ Помѣстный приказъ. Въ 1676 г. это дѣло было доложено думѣ между прочимъ и потому, что неугомонный Фефилатьевъ чѣмъ-то обезчестилъ всѣхъ судившихъ его начальниковъ и дьяковъ приказа Большого Дворца, вѣроятно, при обжалованіи ихъ приговора обвинилъ въ недобросовѣстномъ рѣшеніи дѣла. По приговору бояръ въ Золотой палатѣ пустоши были утверждены

за монастыремъ, а за безчестье судей велѣно Фефилатьева оштрафовать и въ случаѣ несостоятельности бить кнутомъ. Но онъ и послѣ того не тотчасъ очистилъ захваченную землю, которой владѣлъ 34 года. Въ 1677 г. монастырь билъ челомъ о проторяхъ и убыткахъ, причиненныхъ ему Фефилатьевымъ. Челобитная была «подписана» и по ней велѣно указъ объ убыткахъ учинить въ Помѣстномъ приказѣ по Уложенію. Но и этого дѣла приказъ не рѣшилъ самъ. Не смотря на помѣту подписной челобитной онъ спрашивалъ бояръ въ докладѣ, искать ли монастырю своихъ убытковъ судомъ, или «по Уложенію указывать». Притомъ Уложеніе, опредѣляя сумму вознагражденія за захваченныхъ крестьянъ и сѣнные покосы, не указывало, сколько брать за пользованіе захваченной пашней. Не задолго до монастырскаго иска объ убыткахъ этотъ пробѣлъ въ Уложеніи былъ устраненъ боярскимъ приговоромъ, по которому за владѣніе захваченной пашней положено было взыскивать съ захватившаго по 2 рубля «за десятину, которая съ хлѣбомъ, а безъ хлѣба за десятину по рублю». Приказъ спрашивалъ думу въ своемъ докладѣ, можно ли рѣшить дѣло по этому приговору *).

Такъ вмѣстѣ съ своенравіемъ древнерусской приказной подсудности обнаруживается своеобразное отношеніе приказа къ закону. Когда не было закона на извѣстный случай, думу спрашивали, какъ рѣшить дѣло; когда существовалъ подходящій къ случаю законъ, ее спрашивали, можно ли рѣшить дѣло по этому закону. Законъ еще не получилъ надлежащей твердости, постоянства; исполнительныя учрежденія предполагали возможность ежеминутной его перемѣны или отмѣны. Сама законодательная власть раздѣляла этотъ взглядъ и иногда простодушно сознавалась, что руководствуется соображеніями минуты. Въ 1627 г. царь и его отецъ патріархъ приказали отнюдь никому не давать помѣстій и вотчинъ изъ дворцовыхъ селъ и деревень,

*) Дѣло кн. Македонскаго см. въ столбцѣ Помѣстнаго приказа въ Моск. Архивѣ мин. юстиціи по г. Рязани № 15, дѣло № 14. Дѣло Фефилатьева тамъ же въ столбцѣ по г. Москвѣ № 32956, дѣло № 3. Ср. новоуказныя статьи 10 марта 1676 г. въ П. С. З. № 633.

потому что не доставало доходовъ на дворцовыя надобности. Въ указѣ было прибавлено: «и хотя буде ихъ государскій и приказъ будетъ по чьему челобитью, велятъ выписать кому дворцовое село или деревни къ отдачѣ, и сей ихъ государскій указъ памятовать и докладывать ихъ, государей». Приказы Помѣстный и Дворцовой обязаны были памятовать это распоряженіе, а сама власть не надѣялась на свою память или твердость, боялась въ отдѣльныхъ случаяхъ подъ вліяніемъ лицъ и обстоятельствъ отступить отъ принятаго рѣшенія и предписывала исполнителямъ не исполнять безъ особаго доклада ея приказаній, несогласныхъ съ этимъ рѣшеніемъ: приказный докладъ становился для законодательной власти средствомъ надзора за своими собственными дѣйствіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ не существовало и точно опредѣленнаго законодательнаго порядка. По приговору государя со всѣми боярами въ 1597 г. вольные люди, прослужившіе у кого-нибудь не меньше полугода безъ кабальной записи, становились кабальными холопями, хотя бы они и не хотѣли давать на себя кабалъ. Царь Василій Шуйскій въ 1607 г. отмѣнилъ этотъ законъ, запретивъ такихъ добровольныхъ холопей отдавать ихъ господамъ въ кабальное холопство, если они сами не хотѣли дать на себя кабалъ, и прибавивъ въ объясненіе новаго закона: «не держи холопа безъ кабалы ни одного дни, а держалъ безкабально и кормилъ, и то у себя самъ потерялъ». Указъ царя былъ записанъ въ Судебникъ. Въ 1609 г. судьи Холопьяго приказа докладывали объ этой статьѣ въ верху боярамъ, и бояре одни безъ царя приговорили царскій указъ 1607 г. отмѣнить и возстановили прежній законъ 1597 г., также записанный въ Судебникъ. Можно подумать, что такое распоряженіе бояръ было слѣдствіемъ политическаго значенія думы, пріобрѣтеннаго при этомъ царѣ въ силу договора съ нимъ, проявленіемъ ея новаго права законодательствовать безъ царя и даже вопреки его волѣ. Но такое мнѣніе было бы не совсѣмъ вѣрно. Не зная всѣхъ условій договора этого царя съ боярами, нельзя сказать, былъ ли тогда установленъ какой-либо порядокъ законодательства. Но можно замѣтить по дѣйствіямъ думы въ это царствованіе,

что для царя Василія стало по договору только *обязательно* то, что было *обычно* при прежнихъ царяхъ. Еще до боярскаго приговора 1609 г. мѣсяца за четыре царь Василій самъ отступился отъ своего указа 1607 г., отмѣненнаго потомъ боярами, постановивъ добровольныхъ холопей, служившихъ безъ кабалъ лѣтъ пять, шесть или больше и не хотѣвшихъ давать на себя кабалъ, отдавать въ кабальное холопство тѣмъ, кому они служили. Что еще любопытнѣе, послѣдній указъ данъ былъ царемъ, какъ временная мѣра, пока этотъ вопросъ не будетъ разрѣшенъ боярскимъ приговоромъ: давая его, царь «рекся о томъ говорить съ бояры». Очевидно, боярскій приговоръ 1609 г. былъ слѣдствіемъ этого разговора царя съ боярами, а не актомъ конституціонной оппозиціи послѣднихъ первому. При царѣ Θедорѣ Алексѣевичѣ, когда не существовало ни такой оппозиціи, ни самой конституціи, встрѣчаемъ явленіе еще болѣе странное на первый взглядъ: низшая правительтвенная инстанція, коммиссія думы, отмѣняетъ законъ, изданный высшей инстанціей, государемъ съ думой. 18 января 1681 г. въ отсутствіе государя кн. Н. И. Одоевскій съ товарищами слушалъ и утвердилъ рядъ докладныхъ статей Помѣстнаго приказа о помѣстьяхъ и вотчинахъ. Одна изъ этихъ статей, касавшаяся раздачи лишнихъ земель, оказавшихся за владѣльцами по писцовымъ книгамъ сверхъ ихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дачъ, была несогласна съ приговоромъ государя и бояръ 1680 г., давшимъ нѣкоторую льготу тѣмъ владѣльцамъ или наслѣдникамъ тѣхъ владѣльцевъ, которые захватили лишнія земли до Уложенія 1649 г., сравнительно съ тѣми, кто сталъ владѣть такими землями послѣ Уложенія. Приговоръ этотъ основанъ былъ на докладной выпискѣ Помѣстнаго приказа, въ которой пропущены были указы, уравнивавшіе въ этомъ отношеніи оба разряда владѣльцевъ. На основаніи такой неполноты доклада коммиссія кассировала постановленіе государя съ боярами, а 10 дней спустя государь и бояре, которымъ были доложены, слушанныя коммиссіей, статьи, утвердили приговоръ кн. Одоевскаго съ товарищами. Дума законодательствовала при царѣ Θедорѣ точно такъ же, какъ она законодатель-

ствовала и при царѣ Василіи Шуйскомъ. Оба изложенные случая вышли изъ одинаковаго источника, изъ взгляда на законъ, господствовавшаго въ XVI и XVII в. Если рѣшеніе по частному случаю получало силу закона, то и общій законъ являлся похожимъ на частную временную мѣру. Онъ еще не получилъ значенія постояннаго, рѣшительнаго правила, которому должны подчиняться существующія житейскія отношенія: онъ самъ приноровлялся къ этимъ отношеніямъ, устанавливавшимся независимо отъ него подъ другими вліяніями. Общеобязательнымъ считалось то, что исходило отъ верховной власти, на то уполномоченной. Но эта власть примѣнялась къ обстоятельствамъ, прислушивалась къ потребностямъ минуты, выискивала наиболѣе подходящія къ нимъ законодательныя нормы, терпѣла неудачи, ошибалась и поправлялась, вообще дѣйствовала безъ всякой самоувѣренности и самолюбиваго упрямства: она давала законъ, какъ временную мѣру, пробный проектъ, и охотно поступалась имъ для новаго болѣе удачнаго опредѣленія, откуда бы оно ей ни подсказывалось. Вдова Бахтеярова сдала свое прожиточное помѣстье зятю, обязавшемуся по смерти ея кормить и выдать замужъ ея дочерей, своихъ свояченицъ, а зять, не дождавшись ея смерти, промѣнялъ сдаточное помѣстье подьячему Разряда. Судья Помѣстнаго приказа кн. Троекуровъ въ 1689 г. приговорилъ подьячему въ его просьбѣ объ утвержденіи сдѣлки его отказать и помѣстье возвратить вдовѣ. Но кн. Троекуровъ поступилъ несогласно съ закономъ 1679 г., который, видоизмѣняя статью Уложенія, запрещалъ отбирать такія сдаточныя и промѣненныя помѣстья у тѣхъ, кто ихъ вымѣнялъ, и возвращать сдатчикамъ. Дума утвердила приговоръ Помѣстнаго приказа, а свой приговоръ 1679 г. отмѣнила, возстановивъ дѣйствіе статьи Уложенія. Такой взглядъ на законъ лишалъ судопроизводство надлежащей устойчивости, открывая широкій просторъ произволу судьи и проискамъ сутяги. Судебная практика, направляемая такими вліяніями, иногда шла противъ закона и даже перемогала его. Уложеніе подъ страхомъ батоговъ запрещало возобновлять дѣла, рѣшенныя крестоцѣлованіемъ или мировой, а переносить дѣло изъ одного приказа въ другой дозволяло

только по сдѣланному еще до суда заявленію истца или отвѣтчика, что судья, у котораго начато дѣло, «другъ или свой» противной сторонѣ или недругъ ему самому. Котошихинъ подтверждаетъ такой порядокъ, говоря, что ссылкамъ на дружбу или недружбу судей, заявленнымъ послѣ суда, «вѣрить не велѣно и другому суду не быти». Но онъ повидимому имѣлъ въ виду больше законный, чѣмъ практическій ходъ дѣлъ, а на практикѣ, какъ видно изъ боярскаго приговора 1675 года, даже вершенныя судныя дѣла переносили для новаго производства изъ одного приказа въ другой просто по памятямъ, приносимымъ челобитчиками изъ другого приказа въ первый. Упомянутый боярскій приговоръ запретилъ такой переносъ, предписавъ челобитья противъ судей по вершеннымъ дѣламъ «вносить къ бояромъ». Но упрямая практика брала свое. Послѣ этого приговора, въ царствованіе Ѳедора, у Шихирева съ Шишкинымъ шли обоюдные иски въ Судномъ приказѣ и между прочимъ Шишкинъ искалъ на Шихиревѣ 1000 рублей неустойки. По «договорной полюбовной заручной росписи» всѣ ихъ судныя дѣла въ Судномъ приказѣ были «снесены вмѣстѣ», изъ нихъ сдѣлана общая докладная выписка, по которой судья того приказа эти дѣла вершилъ, только по дѣлу о неустойкѣ приговорилъ составить особую «выписку въ докладъ» и взнести ее «передъ государевыхъ бояръ передъ кн. Н. И. Одоевскаго съ товарищи», т. е. въ Расправную Золотую палату. Послѣдняя оправдала отвѣтчика Шихирева. Вдругъ изъ Земскаго приказа по челобитью Шишкина прислали въ Судный память: велѣно вершенныя дѣла Шихирева съ Шишкинымъ взять изъ послѣдняго приказа въ первый къ стольнику Поливанову, а у него, Шихирева, съ этимъ самымъ судьей стольникомъ Поливановымъ «старая недружба и ссора», да онъ же, Поливановъ, истцу Шишкину «въ ближномъ свойствѣ». По челобитью Шихирева «сошла» ему подписная челобитная: тѣхъ вершенныхъ дѣлъ его изъ Суднаго приказа переносить не велѣно. Но по новой челобитной Шишкина изъ Земскаго приказа прислали другую память о переносѣ тѣхъ же дѣлъ изъ Суднаго. Неизвѣстно, чѣмъ кончилось дѣло. Такая неурядица въ судопроизводствѣ дѣлаетъ понятнымъ

суровый указъ 18 октября 1689 г., который запретилъ принимать челобитныя по дѣламъ, рѣшеннымъ «въ палатѣ» именными указами, а за повторенныя челобитья по такимъ дѣламъ пригрозилъ смертной казнью. Но съ другой стороны, такое отношеніе къ закону дѣлало законодательство тѣхъ вѣковъ доступнымъ широкому вліянію со стороны общества; въ приговорахъ думы, отмѣнявшихъ или подтверждавшихъ прежде изданныя узаконенія, нерѣдко читаемъ: «бояре, сію статью слушавъ, приговорили отставить для челобитья и спору всякихъ чиновъ людей». Благодаря всему этому въ московскомъ законодательствѣ господствовало необычайное движеніе: рядомъ съ изданіемъ новыхъ законовъ шелъ постоянный пересмотръ старыхъ, которые дополнялись или ограничивались, измѣнялись или отмѣнялись. Судебникъ, Уложеніе, отдѣльные уставы или «статьи» становились анахронизмами, отставали отъ законодательнаго теченія, едва успѣвъ по выходѣ изъ думы достигнуть казенки столичнаго приказа или уѣздной приказной избы. Уложеніе 1649 г. признало дочерей съ ихъ сыновьями наслѣдницами и вотчичами родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ отцовъ при отсутствіи братьевъ. Черезъ годъ право нисходящихъ по женской линіи было ограничено въ пользу боковыхъ родственниковъ. Въ 1676 г. это ограниченіе отмѣнено и возстановлено дѣйствіе статьи Уложенія; въ слѣдующемъ году былъ подтвержденъ этотъ приговоръ. Такая подвижность сообщаетъ великій историческій интересъ этому законодательству, позволяя слѣдить шагъ за шагомъ, какъ московскіе государи съ своими боярами строили право и государственный порядокъ *).

Эта торопливая мозаическая постройка мелкими частями производила на сторонняго наблюдателя такое впечатлѣніе, которое заставляло его думать, будто въ Московскомъ государствѣ не было постояннаго закона, а его мѣсто занимали теку-

---

*) Указн. книга Помѣстн. приказа, изд. Моск. Арх. мин. юст., стр. 59. А Ист. I, стр. 420; II, стр. 114 и 116. П. С. З. №№ 617, 860, 1264 и 814, 1341 и 774, 700 (о вотчинахъ ст. 3, ср. № 33 и Уложеніе, XVII, 4). Уложеніе, X, 4 и 154. *Котошихинъ*, VII, 39. Дѣло Шихирева въ собраніи актовъ, принадлежащемъ автору.

ція распоряженія правительства. Здѣсь, пишетъ одинъ изъ такихъ наблюдателей въ концѣ XVI в., нѣтъ письменныхъ законовъ кромѣ одной небольшой книги, въ коей опредѣляются порядокъ и формы суда; но нѣтъ вовсе правилъ, которыми могли бы руководствоваться судьи, чтобы признать самое дѣло правымъ или неправымъ: единственный законъ у нихъ есть законъ изустный, т. е. воля царя, судей и другихъ должностныхъ лицъ. У москвитянъ нѣтъ писаннаго права, повторяетъ другой въ концѣ XVII вѣка: воля государя и указъ думы считаются у нихъ верховнымъ закономъ. Стороннимъ набюдателямъ не былъ замѣтенъ осадокъ, какой оставался отъ потока государевыхъ указовъ и боярскихъ приговоровъ. Рядомъ съ законодательствомъ по текущимъ дѣламъ шла кодификація. Хотя каждое новое дѣло разрѣшалось на основаніи подробной докладной выписки прежнихъ къ нему подходящихъ случаевъ и узаконеній, что поддерживало движеніе законодательства въ одномъ направленіи, однако накоплялись законы, которыхъ исполнители не умѣли согласить другъ съ другомъ; притомъ усиленный пересмотръ то-и-дѣло «отставлялъ» однѣ статьи, замѣняя ихъ другими. Отъ этого приказу становилось трудно разобраться въ своей записной книгѣ указовъ и приговоровъ, откуда онъ выписывалъ въ докладъ «примѣры и образцовыя статьи». Государь съ думой руководилъ разборкой наличнаго законодательнаго запаса, скоплявшагося послѣ Уложенія, устанавливая порядокъ дальнѣйшей кодификаціи. Сверхъ общихъ записныхъ книгъ, куда заносились въ хронологическомъ порядкѣ государевы указы и боярскіе приговоры, приказы обязаны были вести списки тѣхъ статей закона, которыя отмѣнялись, чтобы по нимъ дѣлъ не дѣлать и «на примѣръ» ихъ не выписывать. Когда въ приказахъ накоплялись вершенныя дѣла съ боярскими приговорами, разрѣшавшими случаи, которыхъ не предвидѣло Уложеніе, приказы, каждый по своему вѣдомству, выписывали эти приговоры и къ нимъ присоединяли обыкновенно въ формѣ вопросовъ свои проекты на встрѣчавшіеся въ ихъ практикѣ случаи, не разрѣшенные ни Уложеніемъ, ни позднѣйшими боярскими приговорами, «дѣлали

статьи вновь, какія въ которыхъ приказѣхъ впредь къ вершенью всякихъ дѣлъ пристойны». Расположивъ эти выписки и проекты статьями въ тетрадяхъ, приказы прямо или чрезъ Разрядъ вносили ихъ въ думу. Любопытнымъ образчикомъ такой работы могутъ служить новоуказныя статьи о помѣстьяхъ и вотчинахъ 1676 и 1677 г. По распоряженію начальника въ Помѣстномъ приказѣ въ 1676 г. выписали статьи Уложенія о помѣстьяхъ и вотчинахъ и боярскіе приговоры о томъ же предметѣ, состоявшіеся послѣ Уложенія и съ нимъ «несходные». Присоединивъ къ этому нѣсколько вновь написанныхъ своихъ статей, которыми пополнялись Уложеніе и боярскіе приговоры, приказъ составилъ двѣ докладныя выписки, одну о помѣстьяхъ, другую о вотчинахъ, и въ разныхъ числахъ марта внесъ ихъ въ думу. Бояре выслушали доклады, положили подъ каждой статьей свой приговоръ и велѣли всѣмъ думнымъ дьякамъ закрѣпить оба акта. Но оказалось, что статьи эти вызываютъ много споровъ, апелляціонныхъ жалобъ, и нѣкоторыя изъ нихъ думѣ пришлось измѣнить вскорѣ послѣ ихъ утвержденія. Помѣстный приказъ соединилъ обѣ докладныя выписки въ одну и въ новой редакціи, исправленной и дополненной, въ 1677 г. доложилъ боярамъ, которые утвердили нѣкоторые изъ своихъ прошлогоднихъ приговоровъ, другіе пополнили, а третьи отмѣнили. Такъ составилось нѣчто похожее на уставъ о помѣстномъ и вотчинномъ землевладѣніи. Вотъ для примѣра изложеніе первой статьи его. Землевладѣльцы мѣняются между собою землями «съ перехожими четвертями», т. е. съ неодинаковымъ количествомъ десятинъ пашни. Уложеніе допускаетъ утвержденіе такихъ сдѣлокъ, когда перехожихъ четвертей немного, но не говоритъ, сколько именно. 22 февраля 1676 г. бояре приговорили утверждать перехожія четверти, сколько бы ихъ ни было написано въ заручной челобитной мѣняющихся. 9 августа того же года бояре приговорили: лишнихъ четвертей должно быть не больше 10 на 100. 6 апрѣля 1677 г. бояре приговорили, въ уваженье къ челобитью всякихъ чиновъ людей, поступать по приговору 22 февраля, такъ какъ мѣна полюбовная. Нынѣ 10 августа бояре, сей статьи

слушавъ, приговорили: быть по приговорамъ 22 февраля и 6 апрѣля *).

Таковы были обычные моменты московскаго законодательнаго процесса: сначала докладъ приказа по дѣлу, не предусмотрѣнному закономъ или чѣмъ-нибудь возбудившему недоумѣніе судьи; потомъ боярскій приговоръ, разрѣшавшій это дѣло и присоединявшій къ рѣшенію общее постановленіе на всѣ подобные случаи; затѣмъ выборка и сводъ такихъ приговоровъ по предметамъ въ статейные докладные списки; далѣе пересмотръ приговоровъ думой по статейному списку, ихъ исправленіе, дополненіе и утвержденіе. Такъ обработывались различныя части московскаго закодательства до Уложенія 1649 г. и послѣ него; такъ вырабатывалось московское право. Оставался еще моментъ, послѣдній: это сводъ отдѣльныхъ статейныхъ списковъ въ цѣльный кодексъ. Такимъ сводомъ и было Уложеніе 1649 г. для законодательства предшествующаго времени. Въ 1700 г. предпринята была такая же работа надъ многочисленными новоуказными статьями, явившимися послѣ Уложенія царя Алексѣя. Изъ этой работы должно было выйти новое Уложеніе, которое относилось бы къ старому такъ же, какъ Судебникъ 1550 г. относился къ Судебнику 1497 г. Но это дѣло не удалось, какъ не удавалось оно во весь XVIII вѣкъ.

Создавая законъ, дума строила и государственный порядокъ, обезпечивавшій его дѣйствіе. Она съ государемъ вела дѣла внѣшней политики и народной обороны, дѣлала распоряженія о мобилизаціи войскъ, составляла планы военныхъ операцій и т. п. Она же вѣдала и тѣсно связанное съ этими дѣлами государственное хозяйство. Новые налоги, постоянные и временные, прямые и косвенные, вводились обыкновенно по приговору бояръ. Участіе выборныхъ представителей земли въ этомъ дѣлѣ было лишь вспомогательнымъ средствомъ финансовой политики думы, служило простой справкой. Характеръ

*) *Флетчеръ*, гл. 14. *Корбъ*, стр. 273. П. С. З. №№ 1022, 900, 700, 633 и 634.

этого участія выражается въ вопросѣ, какой предложенъ былъ въ 1681 г. выборнымъ изъ городовъ по поводу назначеннаго думой новаго оклада «стрѣлецкихъ денегъ»: «нынѣшній платежъ платить имъ въ мочь, или не въ мочь, и для чего не въ мочь»? Когда выборные заявили, что платить имъ сполна не въ мочь, и объяснили, почему не въ мочь, ихъ отпустили по домамъ, а бояре приговорили положить новый окладъ «передъ прежнимъ съ убавкою». Въ этомъ отношеніи Салтыковъ съ товарищами, заключая договоръ съ польскимъ правительствомъ 4 февраля 1610 г., формулировалъ только московскій политическій обычай, поставивъ условіе, чтобы новыя подати вводились съ согласія думныхъ людей, а не съ согласія выборныхъ всей земли. Выпускъ монеты новаго чекана, назначеніе подарковъ, какіе должно было повезти къ иностранному двору московское посольство, всѣ экстраординарные расходы, назначеніе и выдача жалованья ратнымъ людямъ передъ походомъ, даже выдача окладнаго жалованья впередъ дьякамъ, ѣхавшимъ въ командировку,—эти и имъ подобныя болѣе или менѣе экстренныя мѣры вызывали докладъ и разрѣшались самой думой *). Но вообще слѣды финансовой дѣятельности думы въ памятникахъ сравнительно скудны. Теченіе казенныхъ суммъ—это была статья московскаго управленія, наиболѣе тщательно разработанная и установленная такими заботливыми хозяевами, какъ московскіе государи; потому здѣсь меньше возникало недоумѣній, требовавшихъ указанія со стороны законодательной власти. Въ одной важной отрасли государственнаго хозяйства исполнительныя учрежденія на каждомъ шагу должны были обращаться къ думѣ за указаніями: это была раздача казенныхъ земель въ помѣстное и вотчинное владѣніе. Здѣсь даже текущія дѣла восходили по докладу «въ верхъ».

---

*) Чт. въ Общ. Ист. и Др. Р. 1880 г., кн. 3: приговоръ о Чигир. походѣ. А. А. Эксп. IV, № 250. А. Ист. V, №№ 77 и 83. П. С. З. №№ 494, 499, 876, 879, 882 и др. П. С. Р. Лѣт. VI, 297. *Викторова,* Опис. записн. книгъ дворц. приказовъ, I, 139. Десятня Ряжская 1579 г. въ Опис. док. и бум. Моск. Арх. мин. юст., кн. 8, III, 219. Боярск. кн. 1604 г. № 2 въ Моск. Арх. мин. ин. дѣлъ, л. 53.

Недостаточно извѣстны подробности того, какъ возникало и складывалось московское центральное и областное управленіе, дѣйствовавшее въ XVI и XVII в. Но боярскій совѣтъ надобно признать постояннымъ сотрудникомъ государя въ этомъ дѣлѣ. Крупныя и мелкія административныя реформы этихъ вѣковъ шли изъ думы или черезъ думу. По актамъ XVI и XVII в. видимъ, что дума устанавливала областное административное дѣленіе, разграничивала вѣдомства центральныхъ и областныхъ учрежденій, опредѣляла порядокъ дѣлопроизводства въ нихъ, особенно порядокъ суда уголовнаго и гражданскаго, давала общія правила для назначенія областныхъ управителей, указывала предѣлы ихъ власти, вводила новыя должности или отмѣняла старыя, предметы вѣдомства закрываемыхъ приказовъ вмѣстѣ съ книгами передавала другимъ учрежденіямъ и т. п. *). Иногда она касалась и еще болѣе важныхъ вопросовъ государственнаго устройства. Отъ царствованія Ѳедора Алексѣевича остался одинъ странный документъ, заслуживающій изученія: это проектъ росписи высшихъ чиновъ и должностей по степенямъ. Высшія должности, обозначенныя въ этой росписи, трехъ родовъ: военныя, придворныя и гражданскія. Высшихъ военныхъ сановниковъ 14: «дворовый воевода», что-то въ родѣ военнаго министра и вмѣстѣ начальника походной царской квартиры, «оружейничей», фельдцейгмейстеръ, два инспектора пѣхоты и кавалеріи («боляринъ надъ пѣхотою» и «болярипъ надъ конною ратію», которыхъ не было въ прежнемъ составѣ московскаго военнаго управленія) и 10 «воеводъ» мѣстныхъ «разрядовъ» или военныхъ округовъ; среди этихъ воеводъ поставленъ и «обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ». Придворные сановники, дворецкій, кравчій, главный чашникъ и постельничій, существовали и прежде при московскомъ дворѣ. Рядъ гражданскихъ сановниковъ открывается «предстателемъ и разсмотрителемъ надъ всѣми судіями царствующаго града Москвы», т. е. министромъ

*) А. И. I, 154; III, № 167. П. С. З. №№ 1150, 1293, 951, 617, 441, 1085, 1277, 508, 779 и др. Записки отдѣл. русск. и слав. арх. Р. Арх. Общ. II, 45, 51 и др.

юстиціи, съ коллегіей 12 «засѣдателей», бояръ и думныхъ людей: это знакомая намъ Расправная палата, ставшая постоянным учрежденіемъ не задолго до составленія разсматриваемой росписи. За министромъ юстиціи слѣдуютъ 60 намѣстниковъ, носившихъ имена разныхъ городовъ государства: первое мѣсто между ними занимаетъ «намѣстникъ володимерской», второе «намѣстникъ новгородской» и т. д. Рядъ гражданскихъ сановниковъ оканчивается печатникомъ и думнымъ посольскимъ дьякомъ. Всѣ эти должности распредѣлены на 34 степени, изъ которыхъ однѣ, такъ сказать, единоличныя, а къ другимъ причислено по нѣскольку сановниковъ: такъ первую степень составляетъ «разсмотритель надъ судіями» съ своими 12 товарищами, а къ послѣдней 34-ой степени отнесены 20 намѣстниковъ, печатникъ и думный посольскій дьякъ. Кромѣ того въ росписи удержано и прежнее дѣленіе должностной іерархіи по думнымъ чинамъ на бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ. Одною изъ особенностей этой росписи является наклонность называть греческими, собственно византійскими терминами не только вновь проектированныя, но и старыя должности московскаго управленія: такъ министръ юстиціи или первый бояринъ Расправной палаты названъ *дикеофилаксомъ*, блюстителемъ правосудія, кравчій *куропалатомъ* и т. п. Въ составленіи росписи участвовалъ, очевидно, какой-нибудь служившій въ Москвѣ грекъ, можетъ быть, извѣстный въ то время переводчикъ Посольскаго приказа Николай Спаѳарій. Роспись эта непонятна во многихъ отношеніяхъ. Между прочимъ трудно угадать, для чего она составлена. Она явилась вскорѣ послѣ отмѣны мѣстничества и была повидимому вызвана этимъ актомъ 12 января 1682 г. Самое количество высшихъ должностей, которыхъ въ проектѣ обозначено 92, не считая гетмана и думнаго посольскаго дьяка, разсчитано на тогдашній личный составъ думы: въ началѣ 1682 г. членовъ ея въ высшихъ думныхъ чинахъ бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ было около 90, не считая думныхъ дьяковъ *). До отмѣны мѣстни-

*) Роспись въ Архивѣ ист.-юрид. свѣдѣній, *Калачова*, кн. I, отд. 2, стр. 23—33. Подъ актомъ объ отмѣнѣ мѣстничества подписа-

чества лица высшей правительственной іерархіи разсаживались по мѣстническому старшинству, по породѣ. Теперь іерархію, основанную прежде на родовитости *лицъ*, хотѣли, можетъ быть, построить на сравнительной важности *должностей*. Но зачѣмъ, казалось бы, создавать новое основаніе, когда было подъ руками одно изъ старыхъ? Когда пало мѣстническое «отечество», оставалось старшинство чиновъ, а въ предѣлахъ каждаго чина старшинство службы; на этомъ чиновномъ и служебномъ старшинствѣ держалась іерархія дьяковъ и подьячихъ по приказамъ. Между тѣмъ дума и по отмѣнѣ мѣстничества оставалась вѣрна чисто мѣстническому взгляду, не признавала старшинства по службѣ въ извѣстномъ чинѣ: боярину, который въ 1693 г. доказывалъ свое превосходство передъ другими тѣмъ, что раньше ихъ былъ пожалованъ въ этотъ чинъ, дума, отвергнувъ значеніе породы, заявила однако: «кто прежде или послѣ пожалованъ, о томъ принять къ безчестью не для чего». По своей видимой ненужности роспись представляется мало понятной. Въ сношеніяхъ съ иноземными правительствами московскимъ сановникамъ былъ обычай давать для парада титулы намѣстниковъ разныхъ городовъ государства, въ которыхъ они никогда не намѣстничали. При встрѣчѣ съ иноземными герцогами и графами, съ польскими маршалками, воеводами и старостами разныхъ городовъ Москва хотѣла показать, что и у нея есть обильный запасъ титулованныхъ магнатовъ не хуже заграничныхъ, что «свейскаго короля великому и полномочному послу графу Оксенстерну» не стыдно имѣть дѣло съ «ближнимъ бояриномъ и намѣстникомъ *тверскимъ* княземъ Ю. А. Долгоруково» или съ «бояриномъ и намѣстникомъ *шацкимъ*, царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателемъ» Ао. Лавр. Ординымъ-Нащокинымъ; для пущей важности москов-

---

лись 38 бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ и 10 думныхъ дьяковъ. Но этотъ списокъ повидимому не полонъ: нѣтъ, напримѣръ, боярина кн. М. А. Голицына и окольничаго А. С. Хитрово. Собр. гос. гр. и дог. IV, стр. 407 и сл. ср. съ разрядомъ 190 г. въ приложеніи къ XIV тому Ист. Россіи *Соловьева*.

скаго дипломата иногда писали въ актѣ дворецкимъ «имени для, а онъ былъ не дворецкій», какъ откровенно признавалась оффиціальная запись. Все это имѣло свой дипломатическій смыслъ. И въ разбираемой росписи многочисленныя намѣстничества только титулы, а не должности: дѣйствительная обязанность этихъ намѣстниковъ, по объясненію росписи, состояла въ томъ, что когда государь созывалъ бояръ и думныхъ людей «для совѣту государственныхъ дѣлъ, они въ палатахъ садятся въ думѣ», т. е. они именно и были этими боярами и думными людьми. Трудно догадаться, зачѣмъ понадобилось украсить членовъ думы устарѣлыми званіями областныхъ намѣстниковъ, передъ кѣмъ изъ своихъ хотѣли блеснуть этимъ феодально-геральдическимъ орнаментомъ.

Одинъ почти современный памятникъ объясняетъ происхожденіе и смыслъ этого проекта—смыслъ очень важный. Предполагалось раздѣлить государство на нѣсколько дѣйствительныхъ намѣстничествъ и разсажать по нимъ наличныхъ представителей московской знати съ значеніемъ дѣйствительныхъ и притомъ *несмѣняемыхъ* намѣстниковъ. Самая замѣчательная черта этого замысла та, что починъ дѣла принадлежалъ самимъ боярамъ. Въ 190 г., разсказываетъ *Икона,* т. е. по всей вѣроятности въ концѣ 1681 г., когда возбужденъ былъ вопросъ объ отмѣнѣ мѣстничества, совѣтовали царю Ѳедору «палатстіи бояре», чтобы въ его державѣ «по подчиненнымъ единой власти государствамъ и царствамъ», въ Великомъ Новгородѣ, въ Казани и другихъ областяхъ были царскіе намѣстники, «великородные бояре», *вѣчно* и носили бы они «титла тѣхъ *царствъ,* гдѣ кто будетъ», одинъ, напримѣръ, писался бы бояриномъ и намѣстникомъ *княземъ* всего царства Казанскаго, другой—царства Сибирскаго и проч. Значитъ, проектированныя намѣстничества были не мелкіе уѣзды, на какіе дѣлилось Московское государство, а цѣлыя историческія области, вошедшія въ составъ Московской державы и составлявшія прежде самостоятельныя государства. Сообразно съ новымъ административнымъ дѣленіемъ государства предполагалось устроить и епархіальное дѣленіе Церкви. Царь далъ согласіе на предложеніе бояръ, и уже заго-

товили проектъ, «тетрадь», за помѣтою думнаго дьяка съ изложеніемъ того, «гдѣ кому быти и творити что». Оставалось испросить благословенія патріарха на реформу, и къ нему препроводили тетрадь. Іоакимъ понесъ много труда и хлопотъ отъ «палатскихъ подустителей», настаивавшихъ, чтобы онъ то дѣло благословилъ и утвердилъ. Но патріархъ «всеконечно» возсталъ противъ проекта, указывая на политическія опасности задуманнаго преобразованія: великородные «вѣчные намѣстники», разбогатѣвъ и возгордившись, разрушатъ единовластіе, «многими годами» установленное, подѣлятъ между собою верховную власть и поколеблютъ государство, ибо раздѣлившееся царство, по евангельскому слову, не простоитъ долго, и тогда опять пойдутъ войны, нестроенія, гибель людей, всѣ тѣ несказанныя бѣды, какія были нѣкогда въ Русской землѣ, когда она дѣлилась на разныя княженія, какъ о томъ въ исторіяхъ и лѣтописныхъ книгахъ разсказывается всюду. Возраженія патріарха остановили этотъ проектъ аристократической децентрализаціи государства или, если можно такъ выразиться, попытку ввести въ московской Руси феодализмъ польскаго пошиба *). Разсмотрѣнная рукопись чиновъ и должностей по степенямъ была уже передѣлкой этого неудавшагося проекта, въ которой отъ него остались только намѣстническіе титулы членовъ думы, не имѣвшіе ни дипломатическаго, ни какого-либо иного смысла.

Не смотря на скудость прямыхъ указаній, можно замѣтить, что дума имѣла широкое вліяніе на личный составъ управленія. По характеру ея отношеній къ государю и здѣсь, какъ

---

*) *Икона* или изображеніе дѣлъ патріаршаго престола, сост. въ 1700 г., по копіи Ундольскаго № 210, л. 38 и сл. (ср. *Замысловскаго*, Царств. Ѳедора Алексѣевича, I, приложенія, стр. XXXIV). Кажется, мысль о реформѣ возникла еще до образованія (въ ноябрѣ 1681 г.) той думной коммиссіи съ выборными стольниками и другихъ чиновъ людьми, которая предложила отмѣнить мѣстничество. По крайней мѣрѣ связанный съ вопросомъ о намѣстничествахъ проектъ новаго распредѣленія епархій и архіереевъ по степенямъ, шедшій впереди другихъ царскихъ предложеній о церковныхъ преобразованіяхъ, былъ заявленъ патріарху съ соборомъ уже 2 сентября 1681 г. Собр. гос. гр. и дог. IV, №№ 131 и 128. Ср. А. Ист. V, № 75.

въ другихъ дѣлахъ. не могло быть точно опредѣлено, въ какихъ случаяхъ назначаетъ на должности и возводитъ въ чины одинъ государь и въ какихъ вмѣстѣ съ думой. Изъ шутливой челобитной царя Алексѣя къ боярамъ видно, что онъ иногда самъ назначалъ на воеводства и жаловалъ въ стряпчіе и стольники по частнымъ ходатайствамъ думныхъ людей. Но гетмана Брюховецкаго государь пожаловалъ боярствомъ въ 1665 г., «говоря съ бояры»; точно такъ же по приговору съ боярами провинціальные дворяне за службу и полонное терпѣніе изъ «дворовыхъ» возводились въ слѣдующій чинъ, писались «по выбору». Изъ записки того же царя, о чемъ говорить съ боярами, видимъ, что въ думѣ обсуждались вопросы о смѣнѣ городовыхъ воеводъ и назначеніи полковыхъ, какъ и вопросы о служебномъ передвиженіи самыхъ полковъ по городамъ. Въ 1675 г. даже увольненіе отъ должности разбитаго параличомъ кіевскаго воеводы состоялось по приговору государя съ боярами на особомъ засѣданіи думы, которое вызвано было докладомъ приказа объ этомъ дѣлѣ. Въ 1677 г. вообще запрещено было смѣнять городовыхъ воеводъ и приказныхъ людей безъ именного указа, а въ именныхъ указахъ обыкновенно передавались приговоры государя съ думой. Воеводы назначались въ города изъ Разряда и другихъ приказовъ, но по докладу государю съ думой. Извѣстіе Татищева о таксѣ, по которой будто брали взятки въ Разрядѣ и Казанскомъ Дворцѣ за назначеніе на воеводство въ тотъ или другой городъ, показываетъ только, что дума обыкновенно утверждала кандидата, предложеннаго приказомъ. По волѣ государя или по указанію думы назначались и судьи приказовъ. Говоря о себѣ, какъ начальникѣ Посольскаго приказа, А. Л. Ординъ-Нащокинъ писалъ царю въ 1669 г., что онъ служитъ ему по его государской неисчетной милости, а не по *палатному* выбору: знаменитый канцлеръ при этомъ противополагалъ себя правителямъ, которые «изъ палаты къ дѣламъ *по совѣту* выбраны». Государь вмѣстѣ съ думой распредѣлялъ правительственныя дѣла и между членами самой думы, при отъѣздѣ изъ Москвы совѣщался съ боярами, кому слѣдовать за нимъ и кому поручить управленіе столицей, или въ слу-

чаѣ войны кому изъ бояръ становиться во главѣ полковъ и какихъ именно и кому оставаться въ Москвѣ для текущихъ дѣлъ управленія *).

Надзоръ за ходомъ управленія можно признать одной изъ неясныхъ сторонъ дѣятельности думы; кажется, это была и наиболѣе слабая ея сторона. У думы не было особаго механизма для административнаго контроля, и она повѣряла дѣйствія подчиненныхъ учрежденій черезъ нихъ же самихъ. Она старалась имѣть подъ руками подробныя свѣдѣнія обо всемъ наличномъ составѣ управленія. Сборъ этихъ свѣдѣній былъ одной изъ спеціальныхъ обязанностей Разряда, какъ главнаго отдѣленія думной канцеляріи. Онъ составлялъ въ XVII в. «годовыя смѣты» всѣмъ служилымъ людямъ отъ боярина-воеводы до послѣдняго пушкаря, служившимъ «съ денежнаго и хлѣбнаго жалованья или съ земли». Для этого въ началѣ каждаго года онъ разсылалъ по приказамъ памяти съ требованіемъ «росписей всякимъ людемъ» по вѣдомству каждаго. Всѣ приказы вели приходо-расходныя книги; отъ времени до времени съ «верху» требовали, чтобы начальники приказовъ велѣли сосчитать и доложили государю, сколько за извѣстное время получено дохода въ каждомъ приказѣ и сколько, на что и по какимъ указамъ израсходовано, также сколько государевой казны числится въ недоборѣ. Казенныя постройки въ городахъ разрѣшались только по докладу боярамъ, которые указывали порядокъ осмотра ветхихъ зданій и составленія смѣтъ для постройки новыхъ; повидимому и эти смѣты, составленныя на мѣстѣ, представлялись подлежащимъ приказомъ на утвержденіе думѣ. Наиболѣе обычнымъ средствомъ судебно-административнаго надзора оставался

---

*) Записки отд. русск. и слав. арх. Р. Арх. Общ. II, 712 и 734. П. С. З. №№ 375, 736, 704. Дв. Разр. III, 1175. *Татищева* Судебникъ, 137. *Соловьевъ,* XII, 71 и 72. *Корбъ,* 159. Разр. книга въ Симб. Сборн. *Валуева,*. 16. Въ 1621 г. Б. Давыдовъ билъ челомъ, что ему меньше кн. Барятинскаго быть не мочно. Разрядный дьякъ, вышедши отъ бояръ, сказывалъ Давыдову приговоръ государя и бояръ: «вѣдаючи твое отечество, потому и *выбрали* тебя, что мочно тебѣ быть меньше кн. Барятинскаго». Оба соперника были назначены полковыми воеводами. Дв. Разр. I, 470.

докладъ дѣлъ думѣ для окончанія ихъ или пересмотра. Этотъ докладъ, какъ мы видѣли, былъ добровольный или невольный: первый вызывался собственнымъ недоумѣніемъ подчиненной инстанціи, второй либо особымъ закономъ, запрещавшимъ вершить извѣстныя дѣла безъ доклада, либо апелляціонной жалобой, даже «извѣтомъ», доносомъ. Приговоръ думы, вызванный докладомъ, не только провѣрялъ дѣйствія подчиненнаго мѣста, но и давалъ указаніе, какъ впредь дѣйствовать, создавалъ прецедентъ. Такимъ образомъ законодательный процессъ становился и средствомъ контроля за управленіемъ, или контроль становился моментомъ законодательнаго процесса. Съ другой стороны, древнерусская апелляціонная жалоба по своему характеру влекла за собой судъ о правильности дѣйствій должностныхъ лицъ. Потому, какъ извѣстно, такой судъ сопровождался не только утвержденіемъ или отмѣной приговора низшей инстанціи, но и наказаніемъ жалобника или судьи *). Челобитья на судей по закону взносились къ боярамъ, т. е. въ общее собраніе думы или въ ея коммиссію. Не смотря на строгость наказанія за ложную жалобу, тяжущіеся въ древней Руси любили бить челомъ «о неправомъ вершеньи на судей», и потому апелляція была для думы очень энергическимъ средствомъ контроля за дѣйствіями подчиненныхъ учрежденій, областныхъ и центральныхъ. Президентъ Юстицъ-коллегіи А. Матвѣевъ, сынъ извѣстнаго боярина при царѣ Алексѣѣ, вспоминая въ 1721 г. старину XVII в., писалъ Петру, что въ прошлыхъ годахъ, когда кн. Я. Ѳ. Долгорукій сидѣлъ въ Судномъ Московскомъ приказѣ, въ одинъ годъ съ полтораста дѣлъ по челобитьямъ на его вершенье было перенесено въ Расправную палату; а кн. Я. Ѳ. Долгорукій

---

*) Уложеніе X, 5—10. Въ 1675 г. бояринъ кн. Пронской обжаловалъ рѣшеніе по своему дѣлу, постановленное судьей Владимірскаго Суднаго приказа стольникомъ Морозовымъ будто бы «по недружбѣ» къ боярину. По просьбѣ судьи государь велѣлъ думному разрядному дьяку взнесть дѣло въ докладъ «въ верхъ» и съ боярами утвердивъ приговоръ Морозова, указалъ доправить послѣднему за безчестье съ кн. Пронскаго 500 руб. (не менѣе 7000 на наши деньги). Дворц. Разр. III, 1287. Такіе случаи не рѣдки въ дѣлахъ XVII в.

считался образцовымъ судьей *). Судъ по дѣламъ службы, о неисправномъ исполненіи служебныхъ обязанностей, входилъ въ составъ законодательныхъ полномочій думы: административная юрисдикція была однимъ изъ вспомогательныхъ средствъ охраны и укрѣпленія государственнаго порядка, который строила дума своими приговорами. Она не только вершила дѣла по государственнымъ преступленіямъ, но и производила по нимъ слѣдствіе, дѣлала распоряженія объ арестѣ и обыскѣ заподозрѣннаго, сама его допрашивала. Въ 1671 г. всѣ бояре на Земскомъ дворѣ допрашивали Разина и давали очныя ставки. Въ 1674 г. дума въ полномъ составѣ отправилась на Земскій дворъ, куда привезенъ былъ изъ Малороссіи самозванецъ Воробьевъ, допросила его съ пыткой, допросныя рѣчи послала съ начальникомъ Посольскаго приказа Матвѣевымъ къ государю, оставшись сама на Земскомъ дворѣ дожидаться государева указа, и когда вернулся Матвѣевъ съ указомъ государя, приговорила самозванца къ казни. Допросъ обвиняемаго въ присутствіи всѣхъ бояръ считался необходимымъ моментомъ правильно веденнаго политическаго процесса. Кн. Курбскій разсказываетъ, что когда приближенные царя Ивана оклеветали въ смерти царицы Анастасіи Сильвестра и Адашева, послѣдніе письменно и чрезъ митрополита просили у царя суда и очной ставки съ клеветниками: «да будетъ, писали они царю, судъ явственный предъ тобою и предо всѣмъ сенатомъ твоимъ». Упомянутый Матвѣевъ-сынъ въ запискахъ своихъ считаетъ совершенно неправильнымъ судъ надъ князьями Хованскими, которыхъ бояре и палатные люди, уступая настояніямъ царевны Софьи, въ 1682 г. осудили на смерть по заранѣе составленному приговору, «безъ всякаго розыска, какъ бы надлежало», не выслушавъ ихъ «очистокъ» въ своихъ винахъ. Нарушеніе важныхъ служебныхъ обязанностей имѣло значеніе государственнаго преступленія, разсматривалось, какъ «воровство и измѣна», и судилось думой. Въ 1615 г. воевода кн. Барятинскій, посланный на Лисовскаго, «шелъ мѣшкотно и идучи села и деревни

*) *Соловьевъ*, XVI, 192 и сл. Кн. Долгорукій сидѣлъ въ этомъ приказѣ съ 1689 г., кажется, до 1697 г. Др. Р. Вивл. XX, 342; ср. *Желябужскаго*, 22, и Дв. Разр. IV, 990 и 1040.

разорялъ»: бояре судили его за воровство и измѣну и приговорили къ тюрьмѣ. Точно такъ же, когда изъ отчета пословъ, воротившихся изъ Персіи въ 1620 г., оказалось, что дьякъ Тюхинъ частію поневолѣ велъ себя при дворѣ шаха не по прежнимъ обычаямъ, завязалъ неловкія сношенія, бояре судили его, какъ вора и измѣнника, и не смотря на его оправданія приговорили послѣ пытки сослать его въ Сибирь. Даже судъ по мѣстническимъ дѣламъ былъ лишь видомъ суда о преступленіяхъ и проступкахъ по службѣ: споры объ «отечествѣ» тѣсно сплетались съ служебными отношеніями и постоянно мѣшали надлежащему теченію правительственныхъ дѣлъ. Вотъ почему эти дѣла вѣдала сама дума, если не поручала ихъ кому-нибудь изъ своихъ членовъ.

Значеніемъ думы, какъ учрежденія, наблюдавшаго за управленіемъ и имъ руководившаго, объясняются и ея отношенія къ областной администраціи. Въ текущихъ дѣлахъ управленія между думой и областью стоялъ приказъ, какъ посредствующая инстанція, пользовавшаяся извѣстной долей самостоятельности. Но въ вопросахъ, касавшихся самаго порядка управленія или правильности дѣйствій областныхъ управителей, этотъ посредникъ превращался въ простой передаточный пунктъ, чрезъ который проходили донесенія изъ области въ думу и распоряженія думы въ область. Отписку изъ уѣзда о недобросовѣстныхъ дѣйствіяхъ воеводы приказъ докладывалъ боярамъ, а бояре возлагали на этотъ или другой приказъ исполненіе мѣры, принятой ими противъ воеводы. По Судебнику 1550 г. только государь или всѣ бояре, «приговоря вмѣстѣ», могли черезъ приказъ вызвать областнаго управителя къ отчету въ приказныхъ дѣлахъ раньше срока, на какой дана ему должность: самъ приказъ, въ вѣдомствѣ котораго находился этотъ управитель, не имѣлъ на то права. Въ XVII в. для провѣрки дѣйствій воеводъ въ экстренныхъ случаяхъ посылались особые назначенные думой ревизоры, «сыщики». Дума пользовалась даже остатками земскаго самоуправленія, чтобы установить прямой и постоянный надзоръ за дѣйствіями областной приказной администраціи. Такъ, чтобы унять воеводъ отъ «вымышленныхъ и казнѣ и людемъ разорительныхъ поступокъ»,

предписывалось сообщать земскимъ избамъ копіи съ данныхъ воеводамъ инструкцій. Старосты и «земскіе всякихъ чиновъ жители», въ случаѣ нарушенія воеводой этихъ «статей», должны были посылать въ Москву челобитныя за своими руками, подробно указывая, «противъ которыхъ статей какія неправости въ доходахъ государевой казнѣ или въ ихъ обидахъ учинитъ» воевода; такія челобитныя, разумѣется, докладывались въ «верху». Въ XVI в. земскіе судьи пересылали дѣла, которыхъ не могли вершить сами, въ подлежащій приказъ, а приказъ докладывалъ ихъ прямо царю. И въ XVII в. важная тяжба переносилась изъ уѣзда прямо въ думу, какъ скоро одна сторона «порочила», оспаривала дѣйствіе мѣстной власти: участіе средней инстанціи, приказа, мало замѣтно. Поэтому не было совершенной новостью то, что по жалованной грамотѣ 1654 г, добровольно сдавшемуся городу Могилеву дѣла, рѣшенныя выборнымъ городскимъ судомъ, переносились по жалобамъ въ Москву въ думу, гдѣ ихъ слушали и расправу по нимъ чинили «бояре и думные люди», хотя въ данномъ случаѣ непосредственное отношеніе думы къ городскому суду условливалось и тѣмъ, что для управленія новопріобрѣтенными въ Литвѣ городами еще не было въ Москвѣ особаго приказа, который вскорѣ возникъ подъ именемъ Литовскаго. Такой порядокъ надзора долженъ былъ имѣть значительную степень энергіи благодаря тому, что государю и боярамъ докладывался вообще всякій необычайный случай въ центральномъ и областномъ управленіи, неповиновеніе воеводъ предписаніямъ приказовъ, какъ и пропажа ста рублей казенныхъ денегъ изъ лубяной коробки въ приказной казенкѣ или присылка въ Москву таможенныхъ книгъ, не закрѣпленныхъ по листамъ рукою таможеннаго головы, за что бояре приговорили его «бить батоги». Этимъ объясняется извѣстіе Флетчера о множествѣ разнообразныхъ дѣлъ, проходившихъ черезъ думу, какъ и ея обычай собираться утромъ и вечеромъ *).

---

*) См. о сборѣ росписей для годовой смѣты въ записныхъ книгахъ Моск. стола Разр. приказа (въ Моск. Арх. мин. юст.); два извле-

Въ строѣ правительственныхъ учрежденій Московскаго государства нельзя искать точнаго опредѣленія ни вѣдомствъ, ни компетенцій, ни порядка дѣлопроизводства. Тѣмъ менѣе уловимы начала, основы управленія. Ясно сознавался одинъ принципъ: вся полнота верховной власти сосредоточивается въ лицѣ государя; боярская дума и другія учрежденія дѣйствовали въ силу и въ мѣру полученныхъ отъ него полномочій. Но этотъ принципъ скорѣе подразумѣвался, чѣмъ практиковался. На дѣлѣ боярская дума являлась сотрудницей государя и какъ бы соучастницей верховной власти. При такомъ отношеніи принципа къ практикѣ трудно подвести авторитетъ и компетенцію боярской думы подъ нормы привычнаго намъ государственнаго права: здѣсь исторически сложившійся обычай занималъ мѣсто закона. Дума законодательствовала, вела дѣла высшаго управленія и суда или подъ предсѣдательствомъ государя, или безъ него. Въ присутствіи государя она могла имѣть только совѣщательное значеніе. Приговоръ, произнесенный боярами безъ государя, обыкновенно становился окончательнымъ рѣшеніемъ въ силу постояннаго верховнаго на то полномочія, и тогда дума дѣйствовала, какъ законодательная власть. Кажется, только три рода дѣлъ, разсмотрѣнныхъ боярами безъ государя, восходили на его усмотрѣніе: это 1) мѣстническія дѣла и приговоры о наказаніяхъ за тяжкія вины, 2) дѣла, рѣшить которыя сама дума находила невозможнымъ безъ государя, и 3) дѣла, по которымъ боярскіе приговоры государь нарочито приказывалъ доложить себѣ. Въ этихъ случаяхъ дума также получала совѣщательное значеніе; но эти случаи являются

ченія за 1634 и 1637 г. напечатаны г. *Гольцевымъ* (Госуд. хозяйство во Франціи XVII в., 163—170. Акты Моск. гос. I, №№ 571, 572 и др. П. С. З. №№ 802, 1484, 1271, 617, 1511 и 1309. А. З. Росс. IV, стр. 404. Дв. Разр. III, 1019 и сл. (ср. А. Ист. IV, № 247); I, 200. См. еще дѣла о преступленіяхъ по должности Шеина съ товарищами въ А. А. Э. III, № 251, полковн. Грибоѣдова тамъ же, IV, № 254 и др. Сказ. кн. *Курбскаго*, 79. Записки *Матвѣева*, 45. *Соловьевъ*, IX, 207; XIII, 241. А. Ист. IV, стр. 226. А. Э. I, № 234. Г. *Вахрамѣева*, Княж. и царск. грамоты Яросл. губерніи, № 5. *Викторова*, Оп. записн. книгъ дворц. прик. I, 70. *Г. Оглоблина*, Обозр. столбц. и кн. Сибир. приказа, IV, 11.

исключительными, какъ отступленія отъ нормальнаго порядка. Такое двойственное значеніе думы было возможно при отсутствіи мысли о предварительномъ обсужденіи или «первообразномъ начертаніи закона», какъ особомъ моментѣ законодательнаго процесса, предшествующемъ его верховной санкціи. Въ думѣ эти моменты сливались въ силу даннаго ей общаго полномочія, и ея приговоры безъ государя, говоря языкомъ Свода Законовъ, шли порядкомъ дѣлъ, кои независимо отъ ихъ существа получали въ ней «законное въ ходѣ направленіе», не требующее особаго высочайшаго разрѣшенія. Въ силу того же полномочія дума не только законодательствовала, но и участвовала въ дѣйствительномъ управленіи, имѣла непосредственное отношеніе къ исполнительнымъ его органамъ и сама направляла свои приговоры «къ предназначенному имъ совершенію». Такое ея значеніе сказывалось и въ той обычной формѣ, въ какую облекался новый законъ, въ государевомъ *именномъ указѣ*. Онъ издавался отъ имени государя, но не всегда выражалъ непосредственно личную волю государеву. По указу 14 марта 1694 г. въ формѣ именнаго указа излагались судныя дѣла, которыхъ бояре не могли рѣшить сами, безъ доклада государю, на основаніи наличнаго закона, и рѣшеніе которыхъ боярами совмѣстно съ государемъ вызывало новый законъ. Именнымъ указомъ въ собственномъ смыслѣ назывался законодательный актъ, исходившій отъ государя съ боярами, излагавшій государевъ указъ и боярскій приговоръ. Въ этомъ смыслѣ именной указъ можно отличать какъ отъ боярскаго приговора, состоявшагося безъ государя, такъ и отъ единоличнаго указа самого государя, не говоря уже о распоряженіяхъ приказа, также облекавшихся въ форму государевыхъ указовъ. Но московская правительственная практика такъ мало привыкла отдѣлять волю государя отъ воли его совѣта, что не дѣлала этого различія и приговоры по дѣламъ, которыя «вершены въ палатѣ», принимала за «государскіе именные указы», все равно, были ли они произнесены въ присутствіи государя, или безъ него; точно такъ же выраженіе «государь указалъ» не всегда означало единоличное пове-

лѣніе государя. Подчиненныя мѣста обращались «въ верхъ», къ государю и думѣ, какъ къ единой верховной власти: Пушкарскій приказъ, ходатайствуя о жалованьи пушкарямъ, «докладывалъ великаго государя и бояромъ билъ челомъ», ожидая ихъ совмѣстнаго указа. Государевъ указъ и боярскій приговоръ не противополагались другъ другу въ смыслѣ актовъ неодинаковой силы: въ Уложеніи и въ другихъ памятникахъ московскаго законодательства «государевы указы и боярскіе приговоры на всякія государственныя и на земскія дѣла» являются вполнѣ равносильными источниками права. Да это и не всегда особые законодательные акты: «новоуказныя статьи», имѣвшія силу статей Уложенія, государь и бояре утверждали, какъ совмѣстный актъ единой и нераздѣльной законодательной власти, какъ «сесь свой государевъ указъ и боярскій приговоръ». Больше того: Уложеніе и новоуказныя статьи, утвержденныя государемъ и боярами, пересматривались, пополнялись и отмѣнялись одними боярами; по крайней мѣрѣ въ изложеніи приговоровъ думы по отдѣльнымъ статьямъ этого пересмотра признавалось возможнымъ не упоминать объ участіи въ этомъ дѣлѣ государя, ограничиваясь простой формулой: «бояре, сей статьи слушавъ, приговорили». Былъ установленъ и формальный признакъ, отличавшій именные указы, какъ законы въ собственномъ смыслѣ, отъ простыхъ распоряженій государя и думы по текущимъ дѣламъ, тоже иногда называвшихся именными указами: по постановленію думы 1690 г. именные указы законодательнаго характера могли быть закрѣпляемы только думными дьяками, даже иногда всѣми, т. е. должны были проходить черезъ думу. Боярская дума признавалась непремѣннымъ органомъ законодательства. Это подтверждается и впечатлѣніемъ, какое производила она на иноземцевъ, наблюдавшихъ ходъ высшаго московскаго управленія. Западно-европейскимъ наблюдателямъ это управленіе казалось построеннымъ на тонко разсчитанномъ коварствѣ: они писали, что царь московскій только дѣлалъ видъ, будто уступалъ думѣ часть своей самодержавной власти, что онъ спрашивалъ ея мнѣнія только для того, чтобы отвести отъ себя отвѣтственность за свои дѣй-

ствія. Но если снять съ этого изображенія тенденціозную окраску, основныя черты его окажутся совершенно вѣрными: дума дѣйствительно была такъ поставлена въ верховномъ управленіи, что казалась не слугой, а участницей верховной власти.

Законодательному значенію думы отвѣчалъ и ея авторитетъ въ глазахъ управляемаго общества. Думные люди рѣзко отличались отъ общества: они *по закону* не подвергались тѣлесному наказанію за то, что недумные люди искупали кнутомъ или батогами; за оскорбленіе ихъ наказывали гораздо строже, чѣмъ за оскорбленіе другихъ. Дума и на земскомъ соборѣ выдѣлялась изъ ряда представителей земли. Вопросъ, подлежавшій обсужденію, предлагался отъ царя выборнымъ людямъ при боярахъ, но не боярамъ вмѣстѣ съ выборными людьми. Бояре съ государемъ обыкновенно уже до собора обсуждали этотъ вопросъ; по ихъ приговору съ государемъ и созывались выборные, какъ и распускались. Думные люди являлись на соборѣ не представителями земли, призванными правительствомъ, а частью правительства, призвавшаго представителей земли; члены думы назначались и руководить совѣщаніями этихъ представителей, «сидѣть съ выборными людьми». Такъ смотрѣли на думу и сами выборные. На предложенный имъ правительствомъ вопросъ они отвѣчали, что «въ томъ воленъ государь и его государевы бояре»; высказавъ свое мнѣніе о дѣлѣ, они прибавляли: «и тебѣ государю сверхъ той нашей сказки какъ Богъ извѣститъ и твоя государская дума одержитъ и твоихъ государевыхъ бояръ»; о боярахъ они выражались: «бояре вѣчные наши господа промышленники». Такое значеніе «промышленниковъ», попечителей земли, сказывалось и въ ежедневныхъ отношеніяхъ общества къ думнымъ людямъ, даже на улицѣ. При царѣ Ѳедорѣ въ 1681 г. служилымъ людямъ словесно объявленъ былъ въ Москвѣ любопытный царскій указъ, повелѣвавшій имъ оставить обычай, о которомъ трудно сказать, дѣйствительно ли его не существовало ни при отцѣ, ни при дѣдѣ этого царя, какъ говорилось въ указѣ. Служилые люди даже высокихъ чиновъ, стольники, стряпчіе и другіе, встрѣтившись на дорогѣ съ бояриномъ, думнымъ или ближнимъ чело-

вѣкомъ, слѣзали съ лошадей и кланялись въ землю. Указъ предписывалъ бояръ, думныхъ и ближнихъ людей почитать и достойную имъ честь воздавать, но при встрѣчѣ съ ними на дорогѣ только посторониться, повернувъ лошадь, и поклониться «по обычаю», а съ лошадей сходить и бить челомъ «пристойно одному великому государю». Но такимъ отношеніемъ общества къ думѣ выражался не столько правительственный ея авторитетъ, сколько традиціонный ей почетъ со стороны общества: привыкли чтить учрежденіе, искони стоявшее рядомъ съ государемъ во главѣ управленія. Во второй половинѣ XVII в. этотъ почетъ далеко не вполнѣ оправдывался думой. Въ памятникахъ законодательства ея дѣятельность является очень неустойчивой и уступчивой: замѣтно, что она уже съ трудомъ руководила управленіемъ. Челобитья разныхъ чиновъ людей вызывали въ думѣ частичный пересмотръ Уложенія и «новыхъ статей», новеллъ, изданныхъ послѣ него; государь указывалъ и бояре приговаривали вершить дѣла, «какъ въ докладной выпискѣ написано подъ статьями», и закрѣпить тотъ свой государевъ указъ и боярскій приговоръ всѣмъ думнымъ дьякамъ. Но потокъ новыхъ челобитій въ другомъ направленіи велъ къ тому, что въ слѣдующемъ же году по указу государя бояре, «тѣхъ статей слушавъ вновь», издавали новое законоположеніе, измѣняя или отмѣняя прошлогоднее. Благодаря такимъ пересмотрамъ, пополненіямъ, отмѣнамъ, сепаратнымъ указамъ, въ приказахъ накоплялся запасъ разнорѣчивыхъ узаконеній и прецедентовъ, «примѣровъ и образцовыхъ дѣлъ», которые дьяки подбирали и комбинировали по усмотрѣнію, рѣшая дѣла то по одному закону или примѣру, то по другому, пока новыя жалобы не вынуждали бояръ издать новый законъ или воротиться къ Уложенію, а примѣры и образцовыя дѣла «отставить», иногда съ оговоркой, что если кто принесетъ въ приказъ подписную челобитную, несогласную съ этимъ постановленіемъ, дѣла по ней не вершить, а докладывать объ ней государю, т. е. испрашивать новаго усмотрѣнія взамѣнъ закона. Эта законодательная неурядица привела къ закону Петра Великаго, предписавшему всякія дѣла дѣлать и вершить по Уложенію, тѣ же указы,

которые учинены противно Уложенію, всѣ отставить и въ примѣръ не выписывать, хотя бы они были помѣчены именными указами и палатными приговорами. Широкій просторъ для усмотрѣнія — это самая слабая сторона московскаго законодательства: верховное управленіе, тщательно регулируя подчиненные органы, не любило регулировать само себя. Выше замѣчено объ историческомъ интересѣ, какой придаетъ московскому законодательству такая его подвижность; она же сообщала ему и нѣкоторыя практическія достоинства, извѣстную гибкость и чуткость къ общественнымъ потребностямъ. Но то же свойство служило источникомъ и одного важнаго неудобства: въ обществѣ, столь сурово воспитанномъ политически, развивалась такая наклонность возобновлять окончательно рѣшенныя въ думѣ дѣла, что указомъ 1689 г. правительство вынуждено было угрозой смертной казни сдержать такую непочтительность къ власти. Съ другой стороны, дума по указу государя рѣшала дѣла высшаго управленія. И здѣсь она является шаткимъ совѣтомъ. легко поддававшимся стороннимъ вліяніямъ: бояре то раздѣлятся «пополамъ» и цѣлые мѣсяцы проволочатъ въ спорахъ спѣшное дѣло, то задумаютъ приговорить не въ пользу вельможнаго воеводы, сдѣлавшаго промахъ, но матушка его «крѣпко простарается», объѣздитъ своихъ думныхъ пріятелей, и бояре постановятъ благопріятное рѣшеніе, а потомъ «отставятъ» свой приговоръ, рѣшатъ дожидаться возвращенія государя изъ богомольнаго похода, но не дождавшись этого, положатъ новое рѣшеніе и пошлютъ его къ государю въ походъ. Такимъ колебаніемъ и разномысліемъ дума сама себя превращала изъ учрежденія рѣшающаго, какимъ она была по своему дѣйствительному положенію въ управленіи, въ учрежденіе совѣщательное. А. Л. Ординъ-Нащокинъ съ своимъ смѣлымъ и широкимъ взглядомъ на вещи раздраженно жаловался на рутинность высшаго московскаго управленія, на узость политическаго пониманія у думныхъ людей, писалъ царю, что на Москвѣ въ государственныхъ дѣлахъ слабо и нерадѣтельно поступаютъ, что думнымъ людямъ ненадобны такія великія государственныя дѣла, какія проводилъ нетерпѣливый новаторъ. Эта нерадѣтель-

ность сказывалась въ неумѣньи или нежеланьи установить твердые и отвѣтственные порядки и формы высшаго управленія, въ привычкѣ вести дѣла запросто, кой-какъ или какъ ни попало. Въ 1617 г. по мѣстнической жалобѣ стольника кн. Семена Прозоровскаго бояре приговорили дать ему удовлетворявшую его грамоту. Получивъ эту грамоту, стольникъ въ тотъ же день пошелъ прямо въ думу и билъ челомъ боярамъ, чтобъ они велѣли ту грамоту переписать съ поправкой, т. е. въ скромной формѣ челобитья заявилъ боярамъ, что они формулировали свой приговоръ не такъ, какъ хотѣлось ему, челобитчику. Бояре велѣли передѣлать грамоту согласно съ челобитьемъ. Неважный дворянинъ Чихачовъ, назначенный въ 1620 г. стоять рындой въ бѣломъ платьѣ при посольской аудіенціи во дворцѣ ниже кн. Аѳан. Шаховскаго, обидѣлся, сказался больнымъ и не поѣхалъ въ Кремль. Бояре послали за нимъ и велѣли его поставить передъ собою. Чихачовъ предсталъ передъ боярами въ Золотой палатѣ больнымъ-разбольнымъ, съ костылемъ, да не съ однимъ, а съ двумя заразъ. Для чего въ городъ не пріѣхалъ? спросили бояре.—Лошадь ногу мнѣ сломала третьяго дня на государевой охотѣ въ Черкизовѣ, отвѣчалъ Чихачовъ.—Больше, чай, отбаливаешься отъ кн. Шаховскаго, возразилъ думный разрядный дьякъ Томила Юдичъ Луговской, упрямый и честный патріотъ, какимъ онъ показалъ себя 9 лѣтъ назадъ въ Смутное время. Тогда Чихачовъ пересталъ притворяться и заговорилъ напрямикъ: онъ уже билъ челомъ государю и впредь станетъ бить челомъ и милости просить, чтобы государь пожаловалъ, въ отечествѣ велѣлъ дать ему Чихачову судъ на кн. Аѳанасья, а меньше кн. Аѳанасья ему быть невмѣстно.—Можно тебѣ быть его меньше, возразили бояре и приговорили бить кнутомъ Чихачова за безчестье кн. Шаховскаго.—Долго того ждать, бояре! сказалъ Томила и вырвавъ у Чихачова одинъ костыль, принялся бить его по спинѣ и по ногамъ. Смотря на это, бояринъ И. Н. Романовъ, дядя царя, не утерпѣлъ, схватилъ другой костыль, предусмотрительно заготовленный болѣвшимъ генеалогіей, и присоединился къ дьяку, работая также по спинѣ и по ногамъ Чихачова, причемъ оба приговаривали: «не

по дѣломъ біешь челомъ, знай свою мѣру!» Побивъ рынду, велѣли ему быть въ бѣломъ платьѣ по прежней сказкѣ, а кнутъ, разумѣется, «отставили». Такъ, начавъ холоднымъ приговоромъ по формѣ, «пресвѣтлый царскій синклитъ» кончилъ горячимъ отеческимъ поученіемъ ослушника. Мало того, что дума тутъ же на мѣстѣ нарушила свое собственное постановленіе: ни думному дьяку, ни боярину и въ голову не пришло, что этимъ собственноручнымъ урокомъ они нарушали одно изъ верховныхъ правъ государя пересматривать приговоры думы о наказаніяхъ за проступки и преступленія по службѣ: «долго того ждать, бояре!» *).

Глава XXV.

Дума законодательствовала и въ дѣлахъ, касавшихся Церкви, обыкновенно съ содѣйствіемъ церковной власти.

Главный іерархъ Русской Церкви, митрополитъ и потомъ патріархъ, дѣйствовалъ въ своей церковной сферѣ съ коллегіей духовныхъ сановниковъ, называвшейся *Освященнымъ соборомъ* или *Синодомъ*, какъ выражались иногда во второй половинѣ XVII в. Самое названіе *собора* спеціально усвоялось духовнымъ собраніямъ или коллегіямъ. Земскій совѣтъ разныхъ чиновъ государства тогда носилъ это названіе, когда въ немъ принимали участіе представители церкви. *Соборомъ* называлась и боярская дума, когда въ ней присутствовалъ глава русскаго духовенства, одинъ или съ Освященнымъ соборомъ.

Какъ извѣстно, церковное управленіе въ древней Руси не было обособлено отъ государственнаго, не смотря на обширныя привилегіи и правительственныя полномочія, какими

*) П. С. З. №№ 1491, 1355, 1160, 1394, 1372, 2828 и 875. Р. Ист. Сб. Общ. Ист. и Др. Р. II, 96; V, 326. *Майербергъ*, 166. Уложеніе, предисл. и гл. X, 5, 27 и сл. А. И. V, № 77. Собр. гос. гр. и дог. I, стр. 548; III, 378, 388 и 392. П. С. Р. Лѣт. IV, 340. Временникъ Общ. Ист. и Др. Р. VI, смѣсь, 37. *Соловьевъ*, XII, 64 и сл. Дв. Разр. I, 435.

пользовалась церковная іерархія. Обѣ власти, государственная и церковная, находились въ постоянномъ взаимодѣйствіи и въ продолженіе вѣковъ общенія многое переняли другъ у друга. Царь принималъ близкое и вліятельное участіе въ дѣлахъ церковнаго управленія, которому ввѣрено было столько государственныхъ средствъ и интересовъ, людей и земель. Въ 1531 г., когда митрополитъ съ Освященнымъ соборомъ судилъ старца Вассіана Патрикѣева, на судѣ присутствовали бояринъ и дьяки великаго князя, а въ 1525 г. церковный судъ надъ Максимомъ Грекомъ происходилъ въ палатѣ великаго князя въ присутствіи самого государя съ братьями и со многими боярами. Когда нужно было замѣстить вакантную каѳедру, патріархъ съ Освященнымъ соборомъ приходилъ къ государю, и въ Передней палатѣ, обычномъ мѣстѣ засѣданій думы, на глазахъ царя и его синклита «власти» выбирали новаго іерарха. Государь утверждалъ одного изъ трехъ кандидатовъ на патріаршій престолъ, избранныхъ Освященнымъ соборомъ; нареченіе избраннаго въ патріархи происходило въ Столовой палатѣ дворца при государѣ, въ соединенномъ присутствіи Освященнаго собора и царскаго синклита. Патріархъ Никонъ во время ссоры съ царемъ, проповѣдуя о превосходствѣ власти церковной передъ государственной, жаловался, что въ дьяконы, священники и игумены ставили по подписнымъ челобитнымъ, на которыхъ царь приказывалъ помѣчать: «по указу государя царя поставить»; церковные соборы собирались, когда хотѣлъ того царь, архіереевъ ставили по его же волѣ, дѣлали все, что онъ указывалъ. Зато и высшей русской церковной іерархіи не были чужды государственныя дѣла. Описывая ея политическое значеніе, московскіе послы въ 1610 г. говорили Полякамъ: «изначала у насъ въ Русскомъ царствѣ такъ велось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи наши призывали къ себѣ на *соборъ* патріарховъ, митрополитовъ и архіепископовъ и съ ними о всякихъ дѣлахъ совѣтовались, безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали». Въ чрезвычайныя времена междуцарствія, напримѣръ, по смерти царя Ѳедора Ивановича, патріархъ.

какъ «начальный человѣкъ» земли, становился во главѣ соединенныхъ духовнаго собора и боярской думы, велъ всѣ дѣла управленія и даже усвоялъ себѣ съ другими архіереями, какъ апостольскими учениками, преимущественную власть, совѣдшись соборомъ, поставлять своему отечеству «пастыря и учителя и царя достойно». Подъ вліяніемъ тѣсной взаимной связи обоихъ правительствъ, свѣтскаго и церковнаго, и сложился шедшій еще отъ Владиміра Святаго обычай приглашать въ думу «властей», какъ называли у насъ высшихъ церковныхъ сановниковъ *).

Обычай этотъ вышелъ изъ одного источника съ древнерусскими *смѣсными* судами: въ дѣлахъ, подсудныхъ двумъ разнымъ юрисдикціямъ, на судѣ присутствовали представители обѣихъ. По отношенію къ Церкви это правило распространялось и на всѣ важныя правительственныя дѣла. Оно еще сказывалось по временамъ и въ областномъ управленіи XVI в. Въ инструкціи казанскому архіепископу Гурію 1555 г. было написано, что о какихъ «думныхъ дѣлахъ» будутъ совѣтоваться другъ съ другомъ казанскіе намѣстникъ и воевода, въ ихъ совѣщаніяхъ долженъ участвовать и владыка и «мысль своя во всякія дѣла имъ давати опричь однихъ убивственныхъ дѣлъ». Тѣмъ же правиломъ опредѣлился и довольно широкій кругъ правительственныхъ дѣлъ, по которымъ призывали въ думу давать свою мысль духовный соборъ съ его главой. То были всѣ вообще важныя государственныя дѣла, затрогивавшія господствующіе интересы, между ними и церковные, или дѣла, касавшіяся отношеній религіозно-нравствен-

---

*) Собр. гос. гр. и дог. I, стр. 585: рѣшить дѣло по совѣту государя съ митрополитомъ и боярами значило «съ митрополитомъ *соборнѣ* и съ бояры приговорить». Указн. кн. Пом. прик. 55: въ 1620 г. государь, совѣтовавшись съ отцомъ своимъ патріархомъ и «говоря о томъ на *соборѣ* со всѣми бояры, приговорили»; о выборныхъ людяхъ другихъ чиновъ не упомянуто. Дв. Разр. III, 968 и 982. П. С. З. №№ 399 и 584. Зап. отд. русск. и слав. арх. Р. Арх. Общ. II, 526. *Соловьевъ*, VIII, 410. А. Арх. Эксп. II, стр. 14. Введеніе къ Разр. кн. въ Синб. Сб. *Валуева*, 165. Чт. въ Общ. Ист. и Др. Р. 1847 г. №№ 7 и 9.

ной жизни. Основные законодательные своды XVI и XVII в., Судебникъ и Уложеніе, были составлены и изданы при содѣйствіи и съ благословеніемъ церковной власти. Въ 1676 г. въ дѣлѣ по обвиненію Ив. Нарышкина въ подговорѣ къ цареубійству доносчика распрашивали передъ государемъ, патріархомъ и боярами. По смерти царя Ѳедора Алексѣевича патріархъ, власти и бояре пошли въ Переднюю палату и говорили о томъ, которому изъ братьевъ покойнаго царя быть его преемникомъ. Поговоривъ, положили, что тому избранію быть «общимъ согласіемъ всѣхъ чиновъ» государства. Съ крыльца передъ Передней палатой патріархъ съ архіереями и руководилъ избраніемъ Петра на созванномъ въ тотъ же день подобіи земскаго собора, говорилъ рѣчь, отбиралъ мнѣнія. На третій день по провозглашеніи Петра царемъ 12 стрѣлецкихъ полковъ подали ему жалобу на своихъ полковниковъ: принять челобитныя, за ними сидѣть и распрашивать полковниковъ государь указалъ патріарху съ боярами. Вопросы о войнѣ съ иновѣрными сосѣдями, предпринимаемой ради утвержденія православной вѣры и покоя христіанскаго, о мѣстничествѣ, на которое хотѣли подѣйствовать нравственными побужденіями, какъ на источникъ «братоненавистнаго враждотворенія», обыкновенно обсуждались въ думѣ съ участіемъ церковной власти. По самому существу церковной юрисдикціи, вѣдавшей дѣла вѣры и семейнаго порядка, присутствіе представителей Церкви въ думѣ считалось необходимымъ при обсужденіи вопроса о женитьбѣ царя, какъ и о мѣрахъ противъ опаснаго для чистоты вѣры вліянія иноземцевъ. Потому же патріархъ съ соборомъ подавалъ свой голосъ, когда въ думѣ шла рѣчь о порядкѣ принесенія присяги тяжущимися въ судахъ, какъ и о томъ, отдавать ли продажу питей на откупъ, или поручить ее присяжнымъ выборнымъ головамъ: дѣло касалось крестоцѣлованія, «клятвы и душевредства», отъ того происходившаго. Съ самаго начала христіанской жизни Руси надзору церковной власти поручены были торговые мѣры и вѣсы: и въ XVII в. дума устанавливала однообразныя казенныя мѣры по совѣту съ патріархомъ. Даже положеніе торговыхъ Грековъ въ Москов-

скомъ государствѣ дума устроила съ участіемъ патріарха по связи этого дѣла съ восточными отношеніями Русской Церкви. Всего чаще являлся въ думѣ глава русскаго духовенства «со властьми» или одинъ, когда она затрогивала многосложные матеріальные интересы Церкви, именно положеніе обширныхъ патріаршихъ, властелинскихъ и монастырскихъ вотчинъ. Вопросы о межеваніи и описи земель, о поземельныхъ налогахъ, объ устройствѣ новыхъ полковъ и ихъ содержаніи, въ которомъ должны принять участіе и церковныя вотчины, о землевладѣльческихъ льготахъ, о крестьянскихъ побѣгахъ разрѣшались царемъ и боярами по совѣту съ высшей церковной властью. Частое обращеніе государственной власти къ церковной за содѣйствіемъ въ разрѣшеніи такихъ законодательныхъ вопросовъ и заставляло иностранныхъ наблюдателей московской жизни въ XVI в. говорить, что московскій государь никакого важнаго дѣла не рѣшаетъ безъ согласія митрополита. При всемъ разнообразіи государственныхъ вопросовъ, въ разрѣшеніи которыхъ участвовала церковная власть, въ мнѣніяхъ своихъ она помнила предѣлы своей компетенціи и устранялась отъ того, что было внѣ этихъ предѣловъ. На вопросъ о войнѣ она отвѣчала, что ратное дѣло есть дѣло царя и его бояръ, а ей то все не за обычай, помогать же ратнымъ людямъ они, государевы богомольцы, готовы, чѣмъ могутъ. На вопросъ, какъ быть съ крымскимъ царемъ, не отмстить ли на его послахъ за всѣ его неправды и грабежи, духовенство отвѣчало, что ему объ этомъ писать непристойно, что мстить врагамъ дѣло государя и его синклита, а не ихъ дѣло, государевыхъ богомольцевъ. Въ думѣ вопросъ о необходимости новаго налога рѣшался съ духовнымъ соборомъ; но размѣръ этого налога опредѣлялъ государь съ одними боярами *).

*) Др. Росс. Вивл. XV, 284. А. Арх. Эксп. I, стр. 260 и 372; IV, 88 и 331. Врем. Общ. Ист. и Др. Р. VII, смѣсь, 73. *Соловьевъ*, XIV, приложенія, XXX. П. С. З. №№ 547, 723, 905, 775, 741, 859, 659, 832, 799, 985, 1210 и др. *Котош.* 4 и 107. Чт. въ Общ. Ист. и Др. Р. 1876, кн. 2, IV, 7. А. И. V, № 29. Собр. гос. гр. III, 384. Зап. отд. русск. и сл. арх. Р. Арх. Общ. II, 372.

Участіе высшаго духовенства въ законодательной дѣятельности думы, сообщая ему извѣстное политическое значеніе, имѣло и другую важную сторону: оно расширяло законодательную компетенцію самой думы. Обычай призывать въ думу представителей церковной власти для рѣшенія государственныхъ дѣлъ, касавшихся Церкви, создавалъ привычку такимъ же точно порядкомъ рѣшать и церковныя дѣла, касавшіяся государства. Потому видимъ участіе государя съ думой во внутреннемъ управленіи Церкви и въ дѣлахъ, подлежавшихъ церковной юрисдикціи. Дума присутствовала на Стоглавомъ соборѣ, рѣшавшемъ важные вопросы церковнаго порядка, и предлагая собору эти вопросы, царь приглашалъ обсудить ихъ не только святителей, но и бояръ своихъ. Царь приговаривалъ съ патріархомъ, властями и «своими государевыми боярами» о перемѣнахъ въ составѣ церковной іерархіи и въ распорядкѣ епархій. Человѣкъ, на котораго духовникъ въ 1675 г. подалъ патріарху извѣтъ, что онъ живетъ не по правиламъ и держитъ еретическія книги, не былъ прямо привлеченъ къ церковному суду: патріархъ препроводилъ извѣтную челобитную къ государю, который слушалъ ее и указалъ съ боярами послать обвиняемаго къ патріарху «для свидѣтельства и очной ставки» съ духовникомъ. Патріаршій приговоръ о раздѣлѣ имущества между наслѣдницами дума утверждала, какъ высшая инстанція, даже обращая его въ обязательный для судей прецедентъ. Этотъ приговоръ опредѣлялъ долю, какую должна получать бездѣтная вдова въ купленномъ дворѣ умершаго мужа. Но запрещеніе отдавать бездѣтной вдовѣ по духовной родовую или выслуженную вотчину мужа дума въ 1650 г. просто сообщила къ исполненію патріарху, который и не участвовалъ въ обсужденіи этого вопроса. Встрѣчаемъ даже указы думы о крещеніи инородцевъ и преслѣдованіи раскольниковъ безъ замѣтнаго участія патріарха въ ихъ изданіи. Въ судныхъ дѣлахъ о раскольникахъ XVII вѣка расколъ является болѣе полицейскимъ, чѣмъ церковнымъ вопросомъ, преслѣдуется, какъ нарушеніе общественнаго порядка. Мѣстный архіерей, открывъ «церковныхъ развратниковъ» въ своей епархіи,

допрашивалъ ихъ и потомъ предавалъ «градскому суду», т. е. вмѣстѣ съ распросными рѣчами отсылалъ въ приказную избу къ мѣстному воеводѣ, который производилъ розыскъ и пыталъ подсудимыхъ и потомъ все дѣло пересылалъ въ Москву въ приказъ, вѣдавшій ту область. Судья или дьякъ приказа докладывалъ дѣло думѣ, читалъ его государю и боярамъ, которые произносили приговоръ безъ участія патріарха. Безъ его участія дума приговаривала одного за ересь сжечь на кострѣ, другого отдать въ монастырь «подъ началъ», даже посылала чрезъ воеводу предписанія епархіальному архіерею. Наконецъ и Освященный соборъ иногда становился исполнителемъ приговоровъ думы по церковнымъ дѣламъ. Въ 1594 г. царь, «говоря» съ патріархомъ и боярами, велѣлъ для церковнаго благочинія учредить въ Москвѣ поповскихъ старостъ. Это постановленіе патріархъ со всѣмъ Освященнымъ соборомъ развилъ въ подробный указъ о поповскихъ старостахъ, который сами «власти» считали не своимъ, а «государевымъ» приговоромъ. Повидимому и духовенству не былъ чуждъ этотъ взглядъ на думу, какъ привычную участницу въ чисто церковныхъ дѣлахъ: въ 1651 г. по поводу запрещенія пѣть и читать въ нѣсколько голосовъ одновременно одинъ московскій священникъ говорилъ, что онъ ни за что не дастъ подписки на это нововведеніе, пока бояре и окольничіе не приложатъ своихъ рукъ о единогласіи, «любо ли имъ будетъ единогласіе» *).

Приведенныя указанія памятниковъ даютъ понять, какого рода дѣлами вызывалась совмѣстная дѣятельность верховнаго государственнаго и высшаго церковнаго управленія. Но по отдѣльнымъ случаямъ трудно разграничить съ принципіальной точностью компетенціи того и другого управленія, особенно въ дѣлахъ смѣшаннаго церковно-государственнаго характера. Каждое дѣло рѣшали практически, не возводя его къ постоянной нормѣ. И здѣсь, какъ въ верховномъ государственномъ управленіи, практика шла впереди закона: не столько законъ на-

*) Дворц. Разр. III, 1288. Прилож. къ III т. Дв. Разр. 110. П. С. З. №№ 1071, 1081, 1157, 34, 1117 и 1163. А. А. Э. I, № 360; IV, № 284. Зап. отд. русск. и слав. арх. Р. Арх. Общ. II, 395.

правлялъ практику, сколько практика вырабатывала законъ, сама въ свою очередь направляемая соображеніями минуты или обстоятельствами и свойствами даннаго дѣла. Въ принципѣ признавали только, что духовныя дѣла подлежали вѣдѣнію церковной власти. Въ 1618 г. шведское посольство просило царя позволить митрополиту новгородскому ставить и «разрѣшать въ духовныхъ дѣлѣхъ попрежнему» православное духовенство изъ тѣхъ частей Новгородской епархіи, которыя по Столбовскому договору отошли къ Швеціи. Бояре, которымъ царь предоставилъ обсудить это дѣло, отказались рѣшить его, потому что «то дѣло духовное», положено на святителяхъ и на святѣйшемъ патріархѣ, а міряпамъ въ такія дѣла «вступатися не достоитъ». Бояре «поотложили то дѣло и на себя то не сняли», потому что тогда не было патріарха на Руси. Дѣло было не исключительно духовное, потому что касалось отношеній Московскаго государства къ сосѣднему: его можно было бы рѣшить на соединенномъ засѣданіи боярской думы и Освященнаго собора. Но владыки и бояре объявили, что безъ патріарха имъ, дѣтямъ его, окончательнаго отвѣта дать на то невозможно, «понеже онъ есть всѣмъ пастырь и глава». Кромѣ дѣлъ духовныхъ въ церковномъ вѣдомствѣ состояло много людей и дѣлъ мірскихъ. Для тѣхъ и другихъ дѣлъ у патріарха были свои исполнительные органы управленія, патріаршіе приказы, которые судили, вели дѣла, а патріархи «указъ чинили по святымъ правиломъ», вершили дѣла по докладу изъ своихъ приказовъ, какъ вершили цари по докладу изъ своихъ, и ихъ вершенья излагались въ формѣ именныхъ патріаршихъ указовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе издавались отъ имени царя. Однако оба высшія управленія, церковное и государственное, не дѣйствовали обособленно. Царь назначалъ своего думнаго дворянина въ патріаршій Разрядный приказъ для веденія недуховныхъ дѣлъ церковнаго вѣдомства. Даже при назначеніи духовныхъ лицъ «къ духовнымъ дѣламъ на патріаршъ дворъ», какъ и на другія должности по церковному управленію, патріархъ съ Освященнымъ соборомъ предоставлялъ царю либо ставить своихъ избранниковъ, либо утверждать одного изъ кандидатовъ, пред-

ложенныхъ церковной властью. Тѣмъ чаще и тѣснѣе было соприкосновеніе обѣихъ властей въ мірскихъ дѣлахъ, подвѣдомственныхъ Церкви. По Уложенію на мірянъ, служившихъ при патріаршемъ дворѣ, и на крестьянъ, жившихъ въ домовыхъ вотчинахъ патріарха, «судъ во всякихъ дѣлахъ» давали только на патріаршемъ дворѣ, «гдѣ судныя дѣла слушаетъ и указываетъ патріархъ». Между тѣмъ спорныя дѣла по апелляціямъ изъ патріаршихъ приказовъ, вѣдавшихъ эти дѣла, взносились «къ государю и ко всѣмъ бояромъ», какъ и изъ государевыхъ приказовъ. Законъ не указывалъ, въ какомъ отношеніи находился патріархъ къ такому переносу подсудныхъ ему дѣлъ изъ его приказовъ въ государеву думу. Дѣла показываютъ, какъ практика восполняла этотъ пробѣлъ. Выше приведенъ случай утвержденія думой патріаршаго приговора о раздѣлѣ имущества между наслѣдницами: три доли купленнаго двора, бездѣтно умершаго гостя, патріархъ въ 1684 г. присудилъ его племянницѣ, а четвертую долю его вдовѣ. Дѣло было перенесено, можетъ быть, по спору вдовы, въ думу, которая, утвердивъ приговоръ патріарха, указала «такія дворовыя дѣла и впредь вершить потомужъ», обратила случай въ обязательный прецедентъ. Та же норма примѣнялась и къ «заумерпымъ животамъ», къ раздѣлу движимаго имущества, остававшагося послѣ бездѣтно умершихъ, когда вступали въ наслѣдованіе «родственники», боковые, «по родству и по близости». Дѣла о заумерныхъ животахъ вѣдалъ патріаршій Разрядный приказъ до 1692 г., когда они переданы были въ Московскій Судный приказъ. Сохранился протоколъ дѣла о заумерныхъ животахъ одной вдовы, слушаннаго патріархомъ Адріаномъ въ 1698 г. въ Крестовой палатѣ. Послѣ перваго мужа этой вдовы, бездѣтно умершаго, остался капиталъ въ 9 тыс. рублей слишкомъ. Родственники умершаго вчинили искъ о заумерныхъ животахъ противъ второго мужа, за котораго между тѣмъ уже вышла вдова. По «именному указу» *царя* и *патріарха* въ 1679 г. ей выдѣлена была по Уложенію четвертая часть изъ капитала ея перваго мужа вмѣстѣ съ приданымъ, но три доли не были отданы сродникамъ умершаго, а взяты на государя «ратнымъ

людямъ на жалованье и плѣннымъ на окупъ». Но второй мужъ овдовѣлъ бездѣтно, и тогда уже родственники покойной, родной братъ и сестры, вчинили искъ противъ вдовца о четвертомъ жеребьи капитала перваго мужа. По «именному указу» патріарха тотъ искъ велѣно на вдовцѣ доправить. Но отвѣтчикъ оспорилъ это рѣшеніе и апеллировалъ на патріарха не въ высшую инстанцію, къ государю и всѣмъ боярамъ, а въ подчиненную, въ Володимірскій Судный приказъ, куда и просилъ перенести его дѣло. Тогда патріархъ измѣнилъ свое рѣшеніе, въ 1698 г. указалъ того иска на спорщикѣ пока не править, а «соизволилъ» по тому дѣлу доложить великаго государя, въ Володимірскій же Судный приказъ «того дѣла отсылать не указалъ». Такъ возстановлено было законное теченіе дѣла: по соизволенію патріарха искъ, имъ рѣшенный въ пользу истца, но оспоренный отвѣтчикомъ, былъ доложенъ государю; слѣдовательно государь съ думой признавался высшей инстанціей не только для «суда» патріаршихъ приказовъ, но и для суднаго «указа» самого патріарха. Между тѣмъ изъ протокола видно, что какъ патріархъ вершилъ дѣло своимъ именнымъ указомъ, такъ и дѣло, разсмотрѣнное патріархомъ и доложенное государю съ думой, излагалось въ совмѣстномъ именномъ указѣ государя и патріарха, какъ будто равныхъ властей. Протоколъ оканчивается резолюціей патріарха, опредѣляющей правильное взаимное отношеніе обоихъ высшихъ управленій, государственнаго и церковнаго: «А издревле по имяннымъ государевымъ указомъ и по уложенью святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ и всего Освященнаго собора въ заморныхъ животахъ указы по святымъ правиломъ чинить св. патріархомъ, а градскому суду такія дѣла не подлежатъ, и въ Россійскомъ государствѣ того образца не бывало, чтобъ имянные св. патріарховъ указы перевершивать въ государевыхъ приказѣхъ». Насколько документы позволяютъ формулировать взаимное отношеніе обѣихъ властей, можно сказать, не обобщая всего разнообразія отдѣльныхъ случаевъ, что церковная власть въ дѣлахъ чисто церковныхъ дѣйствовала независимо отъ свѣтской, въ дѣлахъ государственныхъ, касавшихся Церкви,—совмѣстно со

свѣтской, въ дѣлахъ церковныхъ, касавшихся государства,—по ея указанію *).

Высшее церковное учрежденіе, Освященный соборъ являлся въ думѣ на совѣщаніяхъ о государственныхъ вопросахъ не въ одинаковомъ составѣ. Иногда митрополитъ или патріархъ былъ окруженъ одними архіереями; иногда къ нимъ присоединялись еще «выборныя власти», архимандриты, игумены и другія духовныя лица. Неизвѣстно только, какъ выбирались эти выборныя власти. Высшія духовныя лица, составлявшія Освященный соборъ, считались дѣйствительными членами думы, имѣли въ ней мѣсто по своему сану, хотя не всегда присутствовали на ея засѣданіяхъ. При первомъ самозванцѣ во главѣ списка думныхъ людей значились патріархъ, 4 митрополита, 7 архіепископовъ и 3 епископа. Предложеніе коммиссіи бояръ и выборныхъ служилыхъ людей объ отмѣнѣ мѣстничества въ 1682 г. обсуждалось государемъ съ боярской думой и Освященнымъ соборомъ, который состоялъ изъ патріарха «со архіереи и выборными властьми»; но подъ актомъ вмѣстѣ съ патріархомъ, 6 митрополитами и 3 архіепископами подписались только 3 архимандрита. Запрещеніе духовенству пріобрѣтать вотчины было въ 1580 г. постановлено государемъ съ думой и духовнымъ соборомъ, состоявшимъ изъ митрополита, 11 архіереевъ, 39 архимандритовъ и игуменовъ и 9 старцевъ важнѣйшихъ монастырей. Хотя при главномъ іерархѣ обыкновенно находилось нѣсколько епархіальныхъ архіереевъ, «годовавшихъ» въ Москвѣ по очереди или по особому вызову и образовавшихъ Освященный соборъ обычнаго состава, однако въ думѣ чаще появлялся одинъ его предсѣдатель **).

---

*) А. Арх. Эксп. III, № 108; IV, № 155. Уложеніе XII, 1 и 2; XVII, 1. Дв. Разр. IV, 305. П. С. З. № 1452. Протоколъ дѣла о зауморныхъ животахъ въ собраніи грамотъ у автора; распоряженіе 1692 г. о передачѣ такихъ дѣлъ въ Московскій Судный приказъ, вѣроятно, осталось безъ дѣйствія или было вскорѣ отмѣнено. См. грамоту патріарха 1694 г. въ А. Арх. Эксп. IV, № 309.

**) Собр. гос. гр. и дог. II, стр. 207; IV, 398; I, № 200. Ист. акты Яросл. Спасск. мон., изд. г. *Вахрамѣевымъ:* Книга кормовая, стр. 1.

Флетчеръ описываетъ подробно засѣданіе думнаго собора; онъ только смѣшиваетъ это учрежденіе по сходству названій съ соборомъ всѣхъ чиновъ, какъ по той же причинѣ смѣшалъ ближній совѣтъ съ общей боярской думой. На соборѣ присутствовалъ обыкновенно самъ царь. Впрочемъ по актамъ извѣстны засѣданія думы безъ царя не только съ однимъ первымъ іерархомъ Церкви, но и со всѣмъ Освященнымъ соборомъ. Членовъ думы по Флетчеру бывало до 20: какъ мы видѣли, въ Москвѣ благодаря разнымъ служебнымъ командировкамъ думныхъ людей оставалось обыкновенно немного болѣе этого числа. Патріархъ приглашалъ на соборъ митрополитовъ, архіепископовъ и тѣхъ изъ епископовъ, архимандритовъ и монаховъ, которые пользовались наибольшей извѣстностью и уваженіемъ. Днемъ засѣданія обыкновенно назначали пятницу по святости этого дня. Собраніе открывалось въ Столовой палатѣ дворца. По одну сторону палаты на тронѣ садился царь. Неподалеку отъ него за небольшимъ столомъ помѣщались патріархъ съ архіереями и важнѣйшіе бояре съ думными дьяками, которые записывали все происходившее на соборѣ. Прочіе члены собранія разсаживались на скамьяхъ вдоль стѣны по званіямъ. Изъ другихъ указаній знаемъ, что патріархъ садился не съ боярами, а рядомъ съ государемъ по правую руку на особомъ мѣстѣ. Думный дьякъ докладывалъ вопросъ, подлежавшій обсужденію. Освященный соборъ подавалъ мнѣнія прежде бояръ въ порядкѣ сановъ, какіе носили его члены. Ихъ мнѣнія выражались всегда въ однообразной формѣ: «царь и дума его премудры и лучше ихъ могутъ судить о томъ, что полезно для государства, а они, духовные люди, занимаются только служеніемъ Богу и дѣлами вѣры и потому просятъ ихъ самихъ сдѣлать надлежащее постановленіе, а они, архіереи, будутъ помогать имъ молитвами по своей должности». Когда всѣ духовные члены собора высказывались такимъ образомъ, одинъ изъ нихъ вставалъ и просилъ царя, чтобы онъ изволилъ объявить имъ свое собственное мнѣніе. Тогда думный дьякъ объявлялъ отъ имени царя, какъ онъ съ боярами приговорилъ о дѣлѣ; но дьякъ прибавлялъ, что государь снова приглашаетъ

отцовъ откровенно объявить свое мнѣніе или дать согласіе на приговоръ государя съ боярами, чтобы можно было приступить къ окончательному рѣшенію дѣла. Наскоро высказавъ свое согласіе, духовенство удалялось изъ палаты. Проводивъ патріарха до двери, государь возвращался на свое мѣсто и оставался въ думѣ до конца засѣданія *).

Не всегда однако засѣданія собора шли такъ ровно и гладко. Извѣстенъ, напримѣръ, разсказъ другого англичанина Горсея, близкаго къ двору царя Ивана въ послѣдніе годы его царствованія. Разсказъ, какъ можно думать, относится къ собору 1580 г. о церковныхъ земельныхъ имуществахъ **). Царь потребовалъ у духовенства чрезвычайныхъ пожертвованій на государственныя нужды. Освященный соборъ хотѣлъ было отвѣтить на требованіе отказомъ. Царь позвалъ къ себѣ членовъ собора, особенно упорно настаивавшихъ на отказѣ, и сказалъ имъ рѣзкую рѣчь, въ которой порицалъ любостяжаніе высшаго духовенства и недостойное употребленіе имъ церковныхъ богатствъ. Въ заключеніе онъ приказалъ подать себѣ подробную выпись доходовъ всѣхъ монастырей съ ихъ вотчинъ, чтобы, оставивъ каждой обители необходимое, излишекъ обратить на государственныя потребности. Власти подали выпись, но въ приложенномъ къ ней докладѣ заявили, что святые угодники не потерпятъ отнятія того, что завѣщано основаннымъ ими обителямъ; иначе пусть царь дастъ подлинное свидѣтельство о захватѣ для заявленія грядущему потомству. Царь ограничился значительной суммой денегъ, взятой съ духовенства, и отобраніемъ въ казну нѣкоторыхъ земель, которыми оно владѣло. Другія извѣстія подтверждаютъ, что духовенство не всегда отвѣчало на предложенія царя и бояръ своимъ «затверженнымъ урокомъ», какъ отозвался Флетчеръ о пародированныхъ имъ мнѣніяхъ духовенства на соборѣ. Такъ есть извѣстіе, что оно отклонило предложеніе царя Бориса

---

*) *Флетчеръ*, гл. 8. Ср. мнѣніе митроп. Даніила по поводу войны съ Литвой въ Царств. кн. 40. А. Ист. I, стр. 270.

**) Доказательства этого см. у *Павлова* въ его Ист. очеркѣ секуляриз. церк. имуществъ въ Россіи, I, 147 и сл.

вызвать изъ Германіи и другихъ странъ западной Европы просвѣщенныхъ людей и основать въ Россіи школы для изученія иностранныхъ языковъ. Выше было разсказано, какъ патріархъ въ 1681—1682 г. разглядѣлъ смыслъ боярскаго проекта о «вѣчныхъ намѣстникахъ» и разрушилъ замыселъ. По смерти царя Ѳеодора патріархъ не разъ говорилъ въ думѣ противъ наплыва иностранцевъ въ Москву, особенно военныхъ: но большинство думы не раздѣляло его мнѣній. Шведскій резидентъ при московскомъ дворѣ Кохенъ писалъ въ началѣ 1688 г., что патріархъ, приглашенный для совѣщанія о задуманномъ новомъ походѣ въ Крымъ, предложилъ прежде всего попытаться овладѣть Азовомъ и уволить всѣхъ иностранныхъ офицеровъ неправославнаго исповѣданія, чтобы въ войскѣ и народѣ не было церковнаго разномыслія. Дума не согласилась съ патріархомъ, замѣтивъ, что военныя свѣдѣнія получаются русскимъ войскомъ преимущественно отъ иностранцевъ, что и прежніе цари признавали необходимость имѣть ихъ на русской службѣ. Въ концѣ этого года, какъ разсказываетъ Гордонъ, на засѣданіи думы по поводу того же похода патріархъ въ сильныхъ выраженіяхъ говорилъ противъ этого наемнаго генерала, доказывая, что русское оружіе не можетъ имѣть успѣха, когда лучшей частью русскаго войска будетъ командовать еретикъ. Бояре, добавляетъ Гордонъ, мало обращали вниманія на эти слова и только улыбались.

Не смотря на законодательное значеніе думы по дѣламъ, касавшимся Церкви, участіе духовенства въ трудахъ думы не проходило безслѣдно для ея законодательной дѣятельности. Можно отмѣтить одинъ случай, когда церковная власть внесла поправку въ государственное законодательство. При царѣ Михаилѣ служилымъ людямъ за службу давали жалованныя грамоты съ правомъ передавать выслуженныя вотчины своимъ бездѣтнымъ женамъ. Въ 1627 г. патріархъ заявилъ, что это не по правиламъ, что такія вотчины должны переходить въ родъ, а не къ женамъ. Приказано было составить докладъ объ этомъ и внести въ думу. По этому докладу состоялся указъ отдавать выслуженныя вотчины роду, а бездѣтнымъ вдовамъ

выдѣлять сверхъ приданаго четвертую долю движимаго имущества, остававшагося послѣ ихъ мужей; жалованныя грамоты были признаны составленными не по правиламъ. Этотъ указъ былъ потомъ внесенъ въ Уложеніе *).

Глава XXVI.

Въ соціально-политическомъ значеніи московской боярской думы отразился основной фактъ исторіи Московскаго государства.

Мы пытались изобразить московскую боярскую думу съ двухъ сторонъ. Она, во-первыхъ, была учрежденіемъ, тѣсно связаннымъ съ судьбой извѣстнаго класса московскаго общества. Во-вторыхъ, она была учрежденіемъ, которое создавало московскій государственный и общественный порядокъ и имъ руководило. По своему соціальному составу это было аристократическое учрежденіе. Такой его характеръ обнаруживался въ томъ, что большинство его членовъ почти до конца XVII в. выходило изъ извѣстнаго круга знатныхъ фамилій и назначалось въ думу государемъ по извѣстной очереди мѣстническаго старшинства. По устройству своему дума была учрежденіемъ, дѣйствовавшимъ при государѣ, подъ его дѣйствительнымъ или номинальнымъ предсѣдательствомъ. Отсюда вытекали главныя особенности ея дѣятельности: эта дѣятельность захватывала все пространство верховной власти; дѣйствуя часто безъ личнаго присутствія государя, дума не отдавала ему отчета въ своихъ дѣйствіяхъ; ея приговоръ входилъ основнымъ моментомъ въ законодательный процессъ и имѣлъ силу государева указа, закона. Такое устройство и значеніе думы никогда не держалось на самостоятельномъ политическомъ положеніи думныхъ людей внѣ думы и не долѣе одного поколѣнія держа-

*) Сказ. современ. о Дим. Самозв. I, 12. Русск. Старина 1878 г., № 9, стр. 125. *Gordon,* Tagebuch, II, 233. Ук. книга Пом. приказа, 61 и сл. Уложеніе, XVII, 1 и 2.

лось на правѣ по договору. Единственной постоянной опорой этого устройства и значенія былъ обычай, въ силу котораго государь призывалъ къ управленію людей боярскаго класса въ извѣстномъ іерархическомъ порядкѣ.

Крѣпость этого обычая создана была исторіей самого Московскаго государства. Оно не было произведеніемъ какой-либо политической теоріи, какъ смутно помышлялъ царь Иванъ Грозный, не было и слѣдствіемъ удачнаго хищничества его предковъ, какъ рѣшительно утверждали его политическіе противники. Оно было дѣломъ народности, образовавшейся къ XV вѣку въ области Оки и верхней Волги. Народность эта образовалась по отступленіи стариннаго русскаго населенія въ глубь нашей равнины съ южныхъ и югозападныхъ окраинъ передъ торжествовавшими врагами. Раздѣленная политически, угрожаемая гибелью съ разныхъ сторонъ и съ одной уже разъ завоеванная, эта народность начала устроиться въ обширный лагерь. Средоточіемъ этого лагеря сталъ центральный городъ тогдашней Великороссіи, а вождемъ князь этого города. Всѣ національныя, церковныя, экономическія и другія условія, содѣйствовавшія государственному объединенію Великороссіи, связались съ судьбой Москвы только потому, что она была такимъ центральнымъ городомъ *боевой* Великороссіи XIV—XV в., только благодаря ея стратегическому отношенію къ тогдашнему театру военныхъ дѣйствій. Свойства самихъ московскихъ князей, ихъ такъ-называемая политика и политическіе таланты были производной и довольно второстепенной причиной ихъ политическихъ успѣховъ. Княжи племя московскихъ Даниловичей въ Твери, а племя ихъ соперниковъ тверскихъ Ярославичей въ Москвѣ, великорусскіе цари XVI в. были бы Ярославичи, а не Даниловичи. Московское государство и было этимъ народнымъ лагеремъ, образовавшимся изъ боевой Великороссіи Оки и верхней Волги и боровшимся на три фронта, восточный, южный и западный. Оно родилось на Куликовомъ полѣ, а не въ скопидомномъ сундукѣ Ивана Калиты. Военное по происхожденію, оно и устроилось повоенному. Въ основаніи его соціальнаго строя лежало дѣленіе общества на служи-

лыхъ и неслужилыхъ людей, т. е. на строевыя и нестроевыя части населенія. Строевое общество составилось изъ прежнихъ удѣльныхъ военныхъ дворовъ, въ томъ числѣ и московскаго. На верху этого строевого общества стояли бывшіе главные и второстепенные вожди этихъ дворовъ, удѣльные князья и ихъ удѣльные бояре, въ томъ числѣ и московскіе. Увлекаемые общимъ народнымъ движеніемъ, и эти мѣстные вожди волей или неволей собрались съ своими полками подъ знаменами московскаго князя, сначала съ значеніемъ не подданныхъ, а вольныхъ слугъ его или военныхъ союзниковъ. Изъ мысли о вольной службѣ или вольномъ союзѣ развилось договорное право, опредѣлявшее взаимныя отношенія московскаго великаго князя и другихъ князей; на ней построены ихъ договорныя грамоты XIV и XV в. Московская армія долго состояла изъ территоріальныхъ корпусовъ, удѣльныхъ «дворовъ» или «разрядовъ», тверскаго, рязанскаго, одоевскаго, съ ихъ мѣстными тверскими, одоевскими и другими командирами. Московскій дворъ или разрядъ выдѣлялся въ составѣ этой арміи до конца XVII в. Руководя народной обороной изъ своей кремлевской ставки, московскій князь сначала дѣйствовалъ въ этомъ лагерѣ не какъ государь, какимъ сталъ впослѣдствіи, а какъ главный военачальникъ или, выражаясь языкомъ московской полковой администраціи, первый воевода большого, т. е. московскаго полка. Изъ сочетанія власти такого военачальника съ правительственными понятіями и привычками хозяина-вотчинника удѣльныхъ вѣковъ и вышелъ своеобразный политическій авторитетъ московскихъ государей, какъ онъ обнаруживался въ правительственной практикѣ, а не какъ пытались его изобразить древнерусскіе публицисты, царственные и простые: неограниченно распоряжаясь лицами, эти государи въ дѣлахъ общаго порядка привыкли дѣйствовать вмѣстѣ и по совѣту съ потомками тѣхъ мѣстныхъ воеводъ, которые нѣкогда были военными товарищами ихъ предковъ. Московская боярская дума XV—XVI в. является по преимуществу военнымъ совѣтомъ, члены котораго то-и-дѣло разсылаются изъ столицы командовать по окраинамъ и совѣтуются съ государемъ въ промежуткѣ похо-

довъ или при сборѣ на походѣ и совѣтуются преимущественно о военныхъ дѣлахъ или тѣсно съ ними связанныхъ дѣлахъ внѣшней политики и служилаго землевладѣнія, что и выразилось въ значеніи приказовъ Разряднаго, Посольскаго и Помѣстнаго, какъ отдѣленій думной канцеляріи. Сначала эти военные совѣтники имѣли широкія правительственныя полномочія въ мѣстахъ расположенія своихъ удѣльныхъ дворовъ—остатокъ ихъ прежней удѣльной самостоятельности. Они и въ общемъ строѣ государственнаго управленія, т. е. въ лагерной и походной администраціи разстанавливались по степени важности своихъ мѣстныхъ полковъ, т. е. дворовъ, если были удѣльные князья, или по своему іерархическому положенію въ этихъ полкахъ, если были простые удѣльные бояре. Посредствомъ сочетанія удѣльнаго происхожденія съ правительственными, прежде всего военно-походными назначеніями на московской службѣ, посредствомъ соглашенія удѣльнаго *родословца* съ московскимъ *разрядомъ* и сложилось московское мѣстничество, военно-аристократическій распорядокъ московскаго боярства. Но потомъ съ военно-административной перестройкой государства и съ землевладѣльческой перетасовкой титулованныхъ и простыхъ бояръ ихъ мѣстное полковое значеніе постепенно исчезло, прежнія политическія и экономическія связи порвались, удѣльные столы и усадьбы развалились.

Но утративъ территоріальное значеніе, московское боярство сохранило значеніе генеалогическое. Оторвавшись отъ ярославской или оболенской почвы, прежній авторитетъ боярской или княжеской фамиліи, ея удѣльный вѣсъ, такъ сказать, черезъ родословную книгу связался съ московской разрядной книгой и перешелъ въ московскій политическій обычай, застывъ въ мѣстническомъ *отечествѣ*. Правительственный порядокъ, завязавшійся при началѣ народной борьбы, въ минуту соединенія для нея удѣльныхъ полковъ съ московскимъ, развивался въ томъ же направленіи все время, пока длилась борьба, хотя уже не было ни удѣльныхъ полковъ, ни самыхъ удѣловъ. Когда московскій удѣльный князь сталъ государемъ Русской земли, *формы* высшаго управленія, какъ и формы отношеній этого

государя къ своимъ совѣтникамъ, оставались тѣ же, какія установились еще въ то время, когда этотъ государь былъ первымъ воеводой большого народнаго великорусскаго полка, а эти совѣтники, князья и бояре, первыми и «другими» воеводами удѣльныхъ великорусскихъ полковъ. Характеръ управленія, сущность отношеній, разумѣется, измѣнялись; но крѣпость формъ была такова, что пока стройной мѣстнической цѣпью стоялъ вокругъ престола правительственный классъ, составившійся изъ большихъ и малыхъ удѣльныхъ воеводъ, эти измѣненія не отражались замѣтно въ ходѣ управленія. Дѣятельность государя съ боярами оставалась дѣятельностію народнаго военачальника съ военными товарищами, младшими соратниками, государевыми «вѣрными пріятелями», какъ называли ихъ московскіе публицисты XVI в., какъ въ XVII в. называлъ самъ царь Алексѣй членовъ «стародавныхъ честныхъ родовъ» въ своихъ письмахъ къ нимъ. Здѣсь источникъ и отмѣченныхъ выше особенностей устройства и дѣятельности думы, какъ и правительственнаго типа знатнаго думнаго совѣтника: между тѣмъ какъ въ высшемъ управленіи складывался кружокъ неродовитыхъ дѣльцовъ, спеціально или преимущественно дѣйствовавшихъ на невоенныхъ должностяхъ, родовитый бояринъ до конца XVII в. оставался собственно *воеводой*, который сидѣлъ въ думѣ въ промежуткахъ между посылками на воеводство городовое или полковое. Формы высшаго управленія стали измѣняться, когда началось разрушеніе правительственнаго класса, когда, пользуясь библейской фразеологіей кн. Курбскаго и царя Ивана, на мѣсто «сильныхъ во Израилѣ» стали являться созданныя изъ камней чада Авраама. Это было въ XVII в. Прежде всего эта перемѣна сказалась въ томъ, какъ выражено правительственное значеніе думы въ Уложеніи 1649 г. сравнительно съ Судебникомъ 1550 г. Послѣдній признаетъ закономъ то, что постановлено «съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору»: боярскій приговоръ, какъ необходимый моментъ законодательства, является съ характеромъ права, верховнаго полномочія. Уложеніе, опредѣливъ думу, какъ высшую судебную инстанцію, прибавляетъ просто:

«а бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ сидѣти въ палатѣ и по государеву указу государевы всякія дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ». Повидимому расширяя вѣдомство думы *всякими* дѣлами, кодексъ понижаетъ ея авторитетъ, придавая ей характеръ простого исполнительнаго учрежденія. Но и въ эпоху Уложенія старыя правительственныя формы еще обнаруживаютъ большую живучесть. Послѣ того какъ утратилъ силу политическій договоръ, мѣстничество осталось единственной опорой политическаго положенія боярства. Знатные люди чувствовали его политическую цѣну, когда говорили въ концѣ XVI вѣка: «то ихъ смерть, что имъ безъ мѣстъ быть». Такъ какъ мѣстничество основано было на связи политическаго положенія родовитаго человѣка съ значеніемъ его предковъ, слѣдовательно на преданіи, а это преданіе часто не имѣло никакой опоры ни въ экономическомъ положеніи, ни въ личномъ значеніи родовитыхъ потомковъ, то московское боярство царя Алексѣя можно назвать въ полномъ смыслѣ слова аристократіей воспоминаній. Но эта аристократія понесла столько потерь въ своемъ генеалогическомъ составѣ, такъ разбилась, растворяясь въ массѣ дворянства, что стало трудно поддерживать мѣстническій порядокъ, высчитывать отечество каждаго, и въ концѣ вѣка сами наличные остатки боярства принуждены были согласиться на отмѣну того, за что, какъ выразился одинъ бояринъ царя Алексѣя, «прежде наша братія помирали». Такъ не боярство умерло потому, что осталось «безъ мѣстъ», чего оно боялось въ XVI в., а «мѣста» исчезли потому, что умерло боярство и некому стало сидѣть на нихъ. Послѣдніе бояре сами чувствовали необходимость перемѣстить свое политическое положеніе на новыя основанія: мысль объ этомъ и блеснула въ ихъ одновременномъ съ отмѣной мѣстничества проектѣ о «великородныхъ вѣчныхъ намѣстникахъ». Не смотря на это, боярская дума и въ XVII в. дѣйствовала попрежнему, въ прежнемъ порядкѣ и по формѣ съ прежнимъ политическимъ авторитетомъ, такъ что становится замѣтно противорѣчіе между ея устройствомъ и ея соціальнымъ составомъ. Если бы сторонній наблюдатель, не

зная, что случилось съ боярствомъ, внимательно посмотрѣлъ на боярскую думу во второй половинѣ XVII в., она показалась бы ему торжественной палатой, устроенной и убранной для великородныхъ и властныхъ посѣтителей, товарищей хозяина; но такіе посѣтители почему-то перестали являться въ палату, а пришли туда невзыскательные рабочіе люди, простые исполнители хозяйской воли, которымъ нужна была не такая палата, а простая рабочая канцелярія, «изба», какъ назывались приказы въ XVI в. Нѣчто подобное этому впечатлѣнію и можно прочитать между строками у нѣкоторыхъ иностранцевъ XVII в. въ извѣстіяхъ о думѣ. Боярская дума, какъ правительственное учрежденіе, пережила боярство, какъ правительственный классъ.

Такъ московская боярская дума по своему устройству и характеру дѣятельности была созданіемъ того же факта, который послужилъ исходной точкой исторіи самого Московскаго государства. Это государство началось военнымъ союзомъ мѣстныхъ государей Великороссіи подъ руководствомъ самаго центральнаго изъ нихъ, союзомъ, вызваннымъ образованіемъ великорусской народности и ея борьбой за свое бытіе и самостоятельность. Дума стала во главѣ этого союза съ значеніемъ военно-законодательнаго совѣта мѣстныхъ союзныхъ государей съ ихъ вольными слугами-боярами, собравшихся въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ своего вождя.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Къ стр. 15 и 41.

Слову *бояринъ* или *болярииъ* въ виду этихъ двухъ формъ даютъ двоякое производство: Карамзинъ отъ сущ. *бой*, Венелинъ отъ прил. *боль, болій* (первоначальный суффиксъ бо-*яръ* или бо-*ярь*, какъ *писарь, лѣкарь*, потомъ отъ *бояръ—бояринъ*, какъ отъ *властель—властелинъ*, отъ *господь—господинъ*). Затрудняясь отдать преимущество тому или другому изъ этихъ производствъ, Срезневскій признаетъ возможнымъ допустить, что оба корня, *бой* и *боль*, одинаково участвовали въ образованіи слова. Въ древнихъ южнославянскихъ памятникахъ чаще, если не исключительно, встрѣчается форма съ буквой *л*: *болѣры, болѣре, боляре, боларе*, въ памятникахъ русскихъ безразлично обѣ формы, и *бояре*, и *боляре*; по Миклошичу первая форма въ нихъ встрѣчается всего чаще, а г. Ягичъ даже признаетъ первую форму собственно русской, а вторую южнославянской. Ѳеофанъ называетъ болгарскихъ вельможъ еще βοιλάδες, а Константинъ Багрянородный—βολιάδες. Этимологическое отношеніе обѣихъ этихъ формъ слова къ *болярамъ*, кажется, остается необъясненнымъ, какъ не объяснена и этимологическая связь съ тѣмъ и другимъ терминомъ слова *быль*, являющагося въ южнославянскихъ памятникахъ синонимомъ *болярина*. Это слово было знакомо и русскимъ книжнымъ людямъ XII вѣка: *Слово о полку Игоревѣ* упоминаетъ о «черниговскихъ быляхъ». Лексическое значеніе слова *бояринъ* въ древнихъ славянскихъ памятникахъ, переведенныхъ съ греческаго, выступаетъ явственнѣе этимологическаго: *болярииъ*—ἄρχων, ἄρχων προστάτης, συγκλητικός, *бояре*—μεγιστᾶνες, δυνάσται, *бояре* въ смыслѣ собранія, совѣта—σύγκλητος, οἱ τοῦ βασιλέως, царскіе совѣтники, *болярьство*—ἀρχαὶ и т. п. Уже Олеговъ договоръ съ Греками говоритъ о «великихъ боярахъ» кіевскаго князя; но трудно сказать, византійскіе ли редакторы взяли это слово изъ русскаго языка, или Русскіе узнали его путемъ сношеній съ южными Славянами. Г. Ягичъ ставитъ вопросъ о восточномъ происхожденіи болгарскихъ *болядъ* и признаетъ возможнымъ появленіе слова *боляре* въ русскомъ языкѣ до принятія христіанства и не изъ

Болгаріи. Чт. въ Общ. Ист. и Др. Р. г. III, № 1. *И. Срезневскаго*, Мысли объ исг. русск. яз. 131—134. *Miklosich*, Lexicon подъ словомъ *боляринъ*. *Г. Ягича*, Archiv für slavische Philologie, B. XIII, zweites Heft, 298. *Г. Истрина*, Откровеніе Меѳодія Патарскаго, тексты, стр. 91 и 93 сл. съ стр. 22 и 27.—*Боярская дума*—терминъ ученый, не документальный: его не встрѣчаемъ въ древнерусскихъ памятникахъ, хотя употреблялось близкое къ нему выраженіе «дума бояръ» (см. выше стр. 407). У Котошихина (стр. 104) выраженіе «боярскій совѣтъ» значитъ не учрежденіе, которое онъ называетъ «думой», а самое совѣщаніе съ боярами.

II. Къ стр. 16.

Для прекращенія усилившагося разбойничества епископы посовѣтовали Владиміру «казнить» разбойниковъ, отмѣнивъ виры за разбой. Значитъ, при Владимірѣ до этого постановленія дѣйствовало другое уголовное право, не похожее на Русскую Правду, по которой разбойникъ наказывался «потокомъ и разграбленіемъ» съ женою и съ дѣтьми. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, словомъ «казнить» на языкѣ древнерусскаго права XI и XII в. не означалась исключительно смертная казнь: изъ одного мѣста лѣтописи (Ипат. 226) видно даже, что подъ «казнью» не разумѣлась именно смертная казнь. Извѣстная статья Русской Правды о холопяхъ-татяхъ показываетъ, что и денежный штрафъ въ пользу князя назывался казнью. Но казнь была правительственнымъ наказаніемъ, возмездіемъ отъ правительства и въ пользу правительства, а не въ пользу частныхъ лицъ, если это была денежная пеня. Вира по Русской Правдѣ была денежной пеней въ пользу князя или казны, т. е. была казнью. Если Владиміръ замѣнилъ виру за разбой казнью, то надобно заключить отсюда, что при немъ вира не была штрафомъ въ пользу князя. На другомъ засѣданіи думы епископы по случаю борьбы съ Печенѣгами сказали князю: «оже вира, то на оружьи и на конихъ буди». Князь согласился. Лѣтопись не указываетъ прямой связи этого постановленія съ предшествующимъ. Вира взималась не за одинъ разбой. До отмѣны права мести ею наказывалось убійство человѣка, за котораго некому было мстить, какъ и убійство, виновникъ котораго оставался неизвѣстенъ. Надобно думать, что въ послѣднемъ случаѣ уже до Ярослава штрафъ платило общество, въ которомъ совершилось преступленіе и которое не могло или не хотѣло обнаружить преступника. Но этимъ самъ собою предполагался и обратный случай, о которомъ не говоритъ Русская Правда: за убійство человѣка, у котораго не было кровныхъ мстителей, требовало вознагражденія общество, къ которому онъ принадлежалъ или въ которомъ совершилось убійство, если убійца былъ извѣстенъ. Такой случай разсказанъ въ скандинав-

ской сагѣ объ Олафѣ, въ которой несомнѣнно уцѣлѣли иногда въ искаженномъ видѣ дѣйствительныя черты Владимірова времени. Олафъ въ Гольмгардѣ (Новгородѣ) убилъ Клеркона. Весь народъ сбѣжался, требуя смерти убійцы. Княгиня приняла Олафа подъ свое покровительство и готова была защищать его отъ народа своими слугами. Князь примирилъ обѣ стороны, присудилъ за убійство виру, а княгиня заплатила ее (Русск. Ист. Сб. Общ. Ист. и Др. Р. IV, 41—43). Изъ этого же разсказа саги видно, что при Владимірѣ вира за убійство шла не въ пользу князя: князь присудилъ пеню съ Олафа новгородскому обществу; странно было бы предположить, что по приговору мужа княгини ему же заплатила деньги за Олафа.

Итакъ оба постановленія говорятъ о различныхъ предметахъ, и второе не отмѣна перваго, а новый законъ. Но между обоими законами была тѣсная внутренняя связь, почему лѣтописное преданіе и разсказываетъ объ нихъ рядомъ: первый замѣнялъ виру за разбой какимъ-то правительственнымъ наказаніемъ; второй обращалъ виру за простое убійство («въ свадѣ» по Русской Правдѣ) на вооруженіе ратныхъ людей, т. е. и всѣ остальныя виры превращалъ въ «казнь», въ наказаніе правительственное, въ казенное взысканіе, какимъ онѣ являются въ Русской Правдѣ. По уцѣлѣвшимъ въ позднѣйшемъ сводѣ словамъ лѣтописца XIII в. виры спеціально шли на содержаніе боевой дружины князя (П. С. Лѣт. V, 87: «Ти (древніе) князи не сбираху многа имѣнія, ни творимыхъ виръ, ни продажъ вскладаху на люди, но оже будяше правая вира, и ту возма, даяше дружинѣ на оружіе»). Оба закона измѣняли дѣйствовавшее право въ одномъ направленіи, превращали въ правительственное взысканіе пеню за преступленіе, шедшую прежде въ пользу частныхъ лицъ или обществъ; только второй законъ, измѣняя уголовное право, вмѣстѣ съ тѣмъ вносилъ важную новость въ систему налоговъ. Этотъ второй законъ вводилъ то, что потомъ видимъ въ Русской Правдѣ; сю же можно объяснить и первый законъ, т. е. можно думать, что вира за разбой была замѣнена потокомъ и разграбленіемъ разбойника, правительственной продажей его въ рабство на сторону съ конфискаціей его имущества. Если такъ, то оба внушенныя думой постановленія Владиміра ставятъ насъ при началѣ законодательнаго процесса, создавшаго Русскую Правду. Иниціатива переработки древняго русскаго права идетъ здѣсь отъ духовенства: мы по нѣкоторымъ признакамъ считаемъ и Русскую Правду кодексомъ, выработаннымъ въ средѣ духовенства для удовлетворенія потребностей порученной ему широкой юрисдикціи по недуховнымъ дѣламъ, которой подчинены были такъ-называвшіеся «церковные люди».

Догадка, что второй законъ былъ отмѣной перваго, повидимому внушалась изслѣдователямъ заключительными словами лѣтописнаго

разсказа. Сказавъ, что князь согласился со вторымъ предложенiемъ епископовъ, лѣтопись прибавляетъ: «и живяше Володимеръ по устроенью отьню и дѣдню». Значитъ, первый законъ, замѣнившiй виры за разбой казнью, былъ противъ этого «отьня и дѣдня устроенья». Но эти слова лѣтописи могутъ имѣть и совершенно обратный смыслъ. Владимiръ на вопросъ епископовъ, почему онъ не казнитъ разбойниковъ, сослался не на устроенье отца и дѣда, а на свое христiанское чувство нравственной отвѣтственности, сказавъ: «боюсь грѣха». Съ другой стороны, арабъ Ибнъ-Даста, писавшiй именно при дѣдѣ Владимiра, говоритъ о русскихъ Славянахъ, что царь ихъ, поймавъ разбойника, приказываетъ задушить его или отсылаетъ его подъ надзоръ какого-либо правителя на отдаленныхъ окраинахъ своихъ владѣнiй (Г. *Гаркави*, Сказ. мусульм. писат. о Славянахъ и Русскихъ, стр. 267). Послѣднiя неясныя слова намекаютъ на какое-то наказанiе, состоявшее въ ссылкѣ преступника на границу страны, т. е. похожее на потокъ и разграбленiе Русской Правды. Можетъ быть, Владимiръ подъ влiянiемъ христiанскаго чувства смягчилъ наказанiе за разбой, уравнявъ это преступленiе съ простымъ убiйствомъ. Извѣстный разсказъ о разбойникѣ Могутѣ, котораго простилъ Владимiръ, повидимому поддерживаетъ это предположенiе (Никон. I, 112). Въ такомъ случаѣ смыслъ лѣтописнаго разсказа становится яснымъ. Уже при дѣдѣ Владимiра правительство взяло въ свои руки преслѣдованiе разбоя, отличая его отъ убiйства въ ссорѣ, за которое предоставляло попрежнему мстить или брать виру частнымъ лицамъ и обществамъ. Кажется, уже до Русской Правды за простое убiйство чаще брали виру, чѣмъ мстили смертью. Владимiръ и расправу за разбой предоставилъ частнымъ лицамъ и обществамъ. Тогда епископы, приноровляя свои понятiя о наказанiяхъ къ мѣстнымъ юридическимъ обычаямъ, присовѣтовали Владимiру казнь разбойниковъ, похожую на ту, какая уже употреблялась при его отцѣ и дѣдѣ, какъ впослѣдствiи духовенство провело въ судебную практику наказанiе за цѣлый рядъ не вмѣнявшихся прежде преступленiй религiозно-нравственнаго характера, приноровляясь къ господствовавшему въ странѣ обычаю денежныхъ штрафовъ. Но частныя лица и общества и послѣ того взимали виру не только за простое убiйство, но и за разбой въ случаѣ, если разбойника не могли поймать или не хотѣли выдать: въ этомъ случаѣ взысканiе падало на общество, въ которомъ совершено преступленiе или въ которомъ скрылся преступникъ. Воспользовавшись борьбой съ Печенѣгами, епископы и старцы присовѣтовали князю всѣ виры обратить въ казенный доходъ на военныя нужды. Такимъ образомъ при Владимiрѣ и штрафъ за простое убiйство превращенъ былъ въ правительственную кару, какой прежде подлежалъ разбой, т. е. довершено было то, что начали отецъ и дѣдъ этого князя. Это и разумѣемъ мы подъ «отьнимъ и дѣднимъ устроенiемъ» лѣтописи.

III. Къ стр. 84.

Духовныя грамоты московскихъ князей могутъ служить надежными указателями успѣховъ этого движенія. Со второй половины XIV в., особенно съ куликовщины, стали прочищаться степь и Поволжье на югъ отъ линіи Оки между Рязанью и Нижнимъ; становятся замѣтны русскія поселенія въ Мещерской землѣ и мордовскихъ лѣсахъ по правому берегу Волги. Во второй половинѣ XIV в. видимъ усилія со стороны населенія Нижегородскаго княжества продвинуться къ Сурѣ и за эту рѣку. Въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ нижегородской лѣтописи къ 1371 г. отнесено одно любопытное извѣстіе объ этомъ. Нижегородскій купецъ Тарасъ Петровъ Новосильцевъ, который за услуги, оказанныя князю, пожалованъ былъ имъ въ званіе боярина, счелъ возможнымъ выдвинуть поселенія за рѣку Кудьму и основалъ 6 селъ съ деревнями по р. Сундовику, на землѣ, купленной у нижегородскаго князя, населивъ ихъ выкупленными изъ Орды плѣнниками. Въ 1372 году былъ основанъ городецкимъ княземъ Борисомъ городъ Курмышъ на самой Сурѣ. Подъ защитой этого города является цѣлый округъ русскихъ поселковъ, выдвигавшихся еще далѣе на востокъ, Засурье, какъ называетъ его лѣтопись. Правда, эти поселенія возникали на зыбкой, опасной почвѣ: татарскія и мордовскія нападенія вскорѣ повидимому стерли ихъ. Погибли и Тарасовы села по Сундовику, когда, по выраженію мѣстной лѣтописи, запустѣлъ отъ Татаръ тотъ уѣздъ. Но усилія колонизаціи не пропадали безслѣдно: послѣ погрома новыя русскія поселенія возникали на мѣстѣ разрушенныхъ. Въ духовной великаго князя Василія Димитріевича (около 1406 года) является Курмышъ «съ селами, съ путьми и съ пошлинами, со всѣмъ, что къ нему потягло». То же происходило и на южной окраинѣ: въ началѣ XV вѣка въ далекомъ Задоньѣ существовали уже рязанскія волости, которыя въ 1415 г. вмѣстѣ съ Елецкой землей пострадали отъ Татаръ. Одновременно съ движеніемъ колонизаціи по правому берегу средней Волги появляются русскіе поселки и на другой ея сторонѣ. Другая, позднѣйшая духовная того же великаго князя Василія упоминаетъ о Керженцѣ, одной изъ нижегородскихъ волостей; еще раньше въ 1372 г. возвращавшіеся съ Волги на Вятку разбойники-ушкуйники пограбили по Ветлугѣ множество сёлъ и волостей, также повидимому русскихъ (Др. Р. Вивл. XVIII, 72. Никон. IV, 34, 38, 53; V, 55). Съ того же времени появляются признаки движенія изъ центральнаго междурѣчья, преимущественно изъ ростовскаго края, на сѣверъ, на перерѣзъ восточной колонизаціи изъ Новгорода. Писатель XV вѣка Паисій Ярославовъ, разсказывая въ своей лѣтописи о возникновеніи и первоначальной судьбѣ (въ XIII и XIV в.) Каменнаго монастыря на Кубенскомъ озерѣ, замѣчаетъ, что тогда еще не вся

заволжская земля была крещена, много было некрещеныхъ людей. Надобно думать, что съ половины XIV в. два обстоятельства помогли крещеной Руси проложить путь въ этомъ направленіи: во-первыхъ, князья московскіе, ставъ великими, укрѣпили свой авторитетъ въ Новгородѣ, и по ихъ договорнымъ грамотамъ съ послѣднимъ видно, что предоставляя льготы новгородскимъ купцамъ въ Низовой землѣ, они не забывали выгодъ низовыхъ промышленниковъ, заводившихъ дѣла на новгородскомъ Сѣверѣ; во-вторыхъ, усилившіяся опасности на западѣ и югѣ, со стороны Швеціи, Ливонскаго ордена и Литвы, вмѣстѣ съ внутренними смутами партій отвлекали силы вольнаго города въ другую сторону и ослабили его движеніе на востокъ. Съ конца XIV вѣка колонизація съ Низа дѣлаетъ замѣтные успѣхи, проникаетъ далеко на сѣверъ, переваливъ за водораздѣлъ Волги и сѣверной Двины и ставя новые поселки въ новгородскомъ Заволочьѣ. Въ завѣщаніяхъ Димитрія Донскаго и его старшаго сына упоминаются села московскихъ служилыхъ людей въ Вологодской и даже Устюжской области. Лѣтописный разсказъ о попыткахъ в. кн. Василія Димитріевича отнять у Новгорода Двинскую землю и о жестокой борьбѣ въ Заволочьѣ, которой онѣ сопровождались, даетъ видѣть, какъ въ порубежныхъ княжествахъ Бѣлозерскомъ и Галицкомъ при помощи новгородскихъ бѣглецовъ, также устюжанъ и вятчанъ, составлялись иногда подъ предводительствомъ бояръ этихъ княжествъ вольныя дружины, которыя, нападая на Заволочье, указывали дорогу въ эту сторону земледѣльческой колонизаціи. Далѣе, съ половины XIV вѣка возникаетъ и постепенно усиливается въ XV в. знаменательное движеніе иноческихъ колоній изъ Низовой земли. Любопытно, что и это движеніе идетъ къ сѣверу по направленію къ новгородскому Заволочью. Среди глухихъ дебрей обширнаго пространства, по которому шла граница вологодскаго и костромскаго края, въ области водораздѣла сѣверной Двины и Волги, по рѣчкамъ Глушицѣ, Пелшмѣ, Нурмѣ и другимъ возникали новые монастыри, основатели которыхъ большею частію выходили изъ обители преп. Сергія Радонежскаго или ея старшихъ колоній. Пустынные монастыри того времени были лучшими показателями направленія, въ какомъ шло крестьянское населеніе: по уцѣлѣвшимъ актамъ Павлова Обнорскаго и нѣкоторыхъ другихъ монастырей того края видно, что возникшая въ пустынѣ обитель спѣшила окружить себя деревнями и починками, число которыхъ росло съ каждымъ десятилѣтіемъ. Именно около того времени, къ которому относятся монастырскія поселенія на этихъ рѣчкахъ, послѣднія появляются одна за другой и въ духовныхъ Димитрія Донскаго, его старшаго сына и внука, какъ волости, принадлежащія князю московскому. Такими путями населеніе низовой Руси проникало въ глубь новгородскаго Сѣвера. Этимъ объясняется одно неожиданное

явленіе. Великій князь Иванъ III, перечисляя въ своей духовной грамотѣ волости въ Заволоцкой землѣ по Вагѣ и Двинѣ, называетъ и «Ростовщину». Одинъ списокъ двинскихъ земель 1471 года указываетъ въ томъ же краю по Вагѣ и по Двинѣ до рѣки Сіи «ярославскій рубежъ» и рядъ вотчинъ ростовскихъ князей, владѣвшихъ ими еще до паденія Новгорода; одна изъ этихъ вотчинъ была въ рукахъ двинскихъ бояръ Своеземцевыхъ. Колонизація, шедшая на сѣверъ изъ Ростовской и Ярославской земли, была причиной того, что владѣнія ростовскихъ и ярославскихъ князей такъ глубоко врѣзались клиномъ въ новгородское Заволочье. Это движеніе пошло сюда очень рано: извѣстная рядная грамота предка упомянутыхъ Своеземцевыхъ, которую можно отнести по нѣкоторымъ признакамъ къ началу XIV вѣка, обозначая границы земли этого двинскаго посадника въ шенкурскомъ краю, упоминаетъ уже о «ростовскихъ межахъ» (А. А. Э. I, № 94, II. Акты Юр. № 257, I.).

IV. Къ стр. 96.

Погодинъ установилъ мнѣніе, которое доселѣ, кажется, остается господствующимъ въ нашей литературѣ, что въ разныхъ областяхъ древней кіевской Руси одновременно ходили гривны кунъ разнаго вѣса, именно кіевская гривна содержала въ себѣ серебра треть нашего фунта, новгородская полфунта, а смоленская только четверть. Это мнѣніе основано частію на письменныхъ памятникахъ, которые говорятъ о гривнахъ кунъ съ обозначеніемъ ихъ вѣса, частію на вѣсѣ нѣсколькихъ экземпляровъ старинной гривны кунъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ Руси. Но это мнѣніе едва ли не слѣдуетъ признать простымъ недоразумѣніемъ. Гривны разнаго вѣса принадлежали не разнымъ областямъ Руси, а разнымъ эпохамъ ея экономической исторіи. Смоленская гривна потому оказалась вѣсомъ въ четверть фунта, что извѣстіе о ней нашли въ памятникѣ начала XIII в., именно въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. съ Ригой и Готскимъ берегомъ. Но въ началѣ XIII в. и въ другихъ областяхъ Руси ходила гривна точно такого же вѣса: такая именно гривна по договору новгородскаго князя Ярослава съ Нѣмцами ходила уже въ самомъ концѣ XII в. (около 1199 г.) въ томъ самомъ Новгородѣ, которому приписываютъ неизмѣнную полуфунтовую гривну. Разборъ различныхъ указаній, которыхъ здѣсь не излагаемъ, привелъ насъ къ такимъ заключеніямъ. Мѣстныхъ постоянныхъ гривенъ кунъ разнаго вѣса не существовало: всюду ходила одинаковая общерусская гривна. Но въ XII и XIII в. эта гривна всюду постепенно становилась легковѣснѣе. Причиной того было постепенное уменьшеніе прилива серебра на Русь вслѣдствіе упадка внѣшней торговли. Найденныя гривны въ полфунта или около того относятся къ концу XI или началу XII в., можетъ быть,

и къ болѣе раннему времени. Но около половины XII в. ходили уже гривны немного менѣе 40 золотниковъ вѣсомъ, а съ конца этого вѣка вѣсъ ихъ упалъ до четверти фунта и продолжалъ падать еще ниже въ XIII в. Русская Правда въ первоначальномъ своемъ видѣ, по нѣкоторымъ, впрочемъ недостаточно яснымъ признакамъ, считала на полуфунтовую гривну, но окончательную редакцію получила уже при гривнѣ въ 24 золотника или около того.

V. Къ стр. 101—108.

Путь, какъ отдѣльное вѣдомство обширнаго дворцоваго управленія, очевидно, то же, что Владиміръ Мономахъ въ своемъ *Поученіи* называетъ «нарядомъ» ловчимъ, конюшимъ, сокольничимъ (Лаврент. 242). Управители дворцовыхъ путей и другіе дворцовые сановники за свою службу въ видѣ награды получали во владѣніе дворцовыя села, волости и даже, можетъ быть, города на правахъ намѣстниковъ и волостелей. Эти административныя пожалованія или кормленія также носили названіе *путей.* Такъ были дворецкіе «съ путемъ», крайчіе, постельничіе «съ путемъ» и проч. Пожалованіе *путемъ было* честью, повышеніемъ по службѣ: крайчій съ путемъ считался честію выше крайчаго безъ пути, выше и другого должностнаго лица, равнаго по должности простому крайчему. Въ этихъ путныхъ пожалованіяхъ замѣтны признаки нѣкоторой правильности. Въ XVII в. дворецкіе преемственно получали въ путь извѣстные доходы съ однихъ и тѣхъ же ярославскихъ дворцовыхъ слободъ (см. примѣчаніе на стр. 112). Крайчимъ съ путемъ обыкновенно давалась во владѣніе дворцовая волость Гороховецъ (Др. Р. Вивл. XX, 182). Въ древнерусскихъ памятникахъ слово *путь* является съ разнообразными значеніями и внѣ дворцовой администраціи. Путемъ называлось все, что давало *доходъ,* чѣмъ *доходили* до извѣстной прибыли, пользы; отсюда *путный* въ мыслѣ полезнаго, годнаго, дѣльнаго; отсюда и выраженіе: «въ немъ пути не будетъ». Положеніе человѣка въ обществѣ, занятіе, которымъ онъ жилъ, было его путемъ. Въ поздней редакціи Русской Правды (по изд. *Калачова* IV, ст. 4) читаемъ, что за ударъ жердью или за толчокъ потерпѣвшему боярину, простолюдину или некрещеному варягу платится безчестіе «по ихъ пути». Путь—промыселъ, всякое прибыльное дѣло или доходная статья; отсюда выраженіе поземельныхъ актовъ: «пути и ухожаи». О разбойникахъ, которые ходили промышлять грабежемъ по Волгѣ, о «волжанахъ» говорили въ XIV вѣкѣ: «кто *въ путь* ходилъ на Волгу» (П. С. Р. Лѣт. IV, 94 и 97). Въ XII в. походъ князя на Литву или въ степь на поганыхъ также назывался путемъ (Ипат. 454 сл.). Пайщикъ въ компаніи солеваровъ называлъ своимъ путемъ принадлежавшую ему долю въ промыслѣ (Сб. грам. Тр. Серг. мон. № 530, л. 1197). Въ дальнѣйшемъ развитіи своего зна-

ченія путь—право на извѣстный доходъ, угодье, землю. Въ такомъ смыслѣ употребляютъ княжескія грамоты XIV в. выраженіе «старѣйшій путь», означавшее право на извѣстные земли и доходы, которое принадлежало старшему великому князю въ силу его старшинства (Собр. гос. гр. и дог. I, №№ 23 и 34). Въ такомъ же смыслѣ можно понимать выраженіе «данничъ путь» въ грамотѣ в. кн. Андрея Александровича на Двину: сынъ ватамана, идучи съ моря «съ потками данными», съ птицами, поступившими въ дань, «по данничу пути», т. е. по праву или въ качествѣ «данника», сборщика дани, получалъ кормъ и подводы съ погостовъ,—если только не понимать этого выраженія буквально въ смыслѣ попутныхъ даннику погостовъ (А. Арх. Эксп. I, № 1). Волость, отдавая крестьянину участокъ земли въ пользованіе, писала въ грамотѣ: «да въ томъ ему и путь дали»; писать грамоту, коей утверждалось это право пользованія, значило «путь писать» (А. Юр. № 175). Въ литовско-русскихъ актахъ *путь* является съ болѣе тѣснымъ значеніемъ административнаго округа, волости или повѣта; *путники*—начальники такихъ округовъ изъ мѣстныхъ обывателей либо даже всѣ ихъ обыватели (*Г. Любавскаго*, Областн. дѣленіе и мѣстн. управл. Лит.-Русск. гос. 270, 434 и 255).

Къ стр. 120.

Мы коснемся лишь нѣкоторыхъ изъ тѣхъ недоумѣній, какія возбуждаются обоими списками и разъясненія которыхъ надобно ждать отъ болѣе подробнаго изученія этихъ документовъ.

Легко замѣтить, что первый «списокъ» не есть точная копія съ подлиннаго акта, а его передѣлка или парафраза. Начавъ говорить отъ имени давшаго грамоту кн. Димитрія, списокъ потомъ выражается о немъ въ третьемъ лицѣ, переходя въ простое повѣствованіе о томъ, за что Новосильцевъ изъ купцовъ былъ пожалованъ въ бояре и какъ составлена была эта «мѣстная» грамота. По лѣтописямъ не извѣстно большинство лицъ, упоминаемыхъ въ спискѣ. Изъ совѣтниковъ нижегородскаго князя, которыхъ разсаживаетъ грамота, на первомъ мѣстѣ встрѣчаемъ тысяцкаго Димитрія Алибуртовича, князя волынскаго. Этотъ тысяцкій своимъ титуломъ, очевидно, и заинтересовалъ Арт. Петр. Волынскаго, благодаря чему документъ и попалъ въ слѣдственное дѣло о знаменитомъ кабинетъ-министрѣ имп. Анны. Этотъ Алибуртовичъ—безвѣстный, не упоминаемый даже въ старинныхъ нашихъ родословныхъ сынъ седьмаго Гедиминовича Любарта, котораго князь Волыни за неимѣніемъ собственныхъ сыновей взялъ «къ дочцѣ своей на свое мѣсто на княженіе» (Родосл. въ X кн. Времен. Общ. Исторіи и Др. Р. стр. 84). Въ грамотѣ имп. Іоанна Кантакузина онъ названъ Димитріемъ Любартомъ, княземъ владимірскимъ (Истор. Библ. VI, приложенія, № 6). Старшій сынъ этого Любарта кня-

жилъ послѣ отца на Волыни, а младшій тревожными судьбами того времени занесенъ былъ на берега Волги и служилъ нижегородскимъ тысяцкимъ. Изъ другихъ совѣтниковъ нижегородскаго князя только о Т. Новосильцевѣ говоритъ мѣстная лѣтопись подъ 1371 г. (Др. Росс. Вивл. XVIII, 72. Нижегор. лѣтописецъ, изд. А. Гацискимъ, стр. 15). Объ остальныхъ 7 боярахъ нѣтъ ясныхъ указаній ни въ лѣтописяхъ, ни въ родословныхъ. Любопытная черта нижегородскаго боярскаго совѣта, описываемаго въ грамотѣ,—численное преобладаніе князей. Лѣтопись, разсказавъ, какъ московскій великій князь Димитрій въ самомъ началѣ своего княженія взялъ волю надъ княземъ ростовскимъ, а галицкаго и стародубскаго согналъ съ ихъ княженій, прибавляетъ, что тогда «вси князи» отъѣхали въ Нижній, «скорбяще о княженіяхъ своихъ» (Ник. IV, 5). Сличая княжескія имена въ грамотѣ съ родословной стародубскихъ князей, можно догадываться, что нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ совѣтѣ нижегородскаго великаго князя. Въ такомъ случаѣ любопытное по составу общество представлялъ этотъ совѣтъ, въ которомъ засѣдали князья-изгнанники изъ сосѣднихъ удѣловъ, бѣдный Гедиминовичъ, пришедшій съ береговъ Стыря или Западнаго Буга, и два бывшіе нижегородскіе купца.

Другой списокъ еще загадочнѣе. Онъ имѣетъ видъ не парафразы или извлеченія, а копіи съ подлинной грамоты болѣе ранней, чѣмъ та, которая служила подлинникомъ для перваго списка. Въ концѣ копіи помѣчено, что подлинная грамота находится въ нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ. Грамота писана въ 6876 (1368) году. Начинаясь какъ будто указомъ отъ лица великаго князя Димитрія, она потомъ получаетъ видъ протокола великокняжескаго постановленія, состоявшагося «по челобитью» бояръ и князей, «по печалованію» архимандрита нижегородскаго Печерскаго монастыря и по благословенію мѣстнаго епископа. Въ спискѣ замѣчено, что князь великій велѣлъ боярамъ и дьякамъ руки приложить къ грамотѣ и что назади ея 7 рукъ приложено; но въ спискѣ значится только 5 рукъ: печерскаго архимандрита, «казеннаго боярина» и трехъ дьяковъ, изъ которыхъ двое названы «указными». Въ числѣ нижегородскихъ бояръ по этому списку еще нѣтъ ни кн. Д. Волынскаго, ни Д. И. Лобанова. Но въ этой грамотѣ, которой, какъ и первой, в. князь «пожаловалъ своихъ бояръ и князей», не 8, какъ въ первой, а 60 именъ. Невѣроятно, чтобы все это были думные люди нижегородскаго великаго князя XIV вѣка: такой многолюдной боярской думы не было даже въ боярской Москвѣ XV и XVI в. Впрочемъ въ самомъ актѣ есть указаніе на то, что въ немъ перечисляются не одни бояре. Отчества первыхъ 15 лицъ прописаны съ *вичемъ;* остальные, въ томъ числѣ три дьяка, поименованы просто, какъ рядовые служилые люди (Иванъ Григорьевъ *сынъ* Медвѣдевъ), одинъ даже уменьшительнымъ именемъ и безъ отчества

(Аѳоня Брыловъ). Очевидно, грамота указываетъ мѣста не однимъ боярамъ, но всему *двору* нижегородскаго князя и не въ думѣ, а за торжественнымъ княжескимъ столомъ. Можно думать, что въ спискѣ Соловьева перечислены только первые 8 бояръ; остальные не интересовали Арт. П. Волынскаго и опущены. Но и въ грамотѣ 1368 г. печерскимъ архимандритомъ названъ Іона, а мы ожидали бы Діонисія, основателя и перваго архимандрита этой обители, въ 1374 г. ставшаго епископомъ суздальскимъ и нижегородскимъ. Обѣ грамоты даны «по благословенію владычню Сераціона нижегородскаго и городецкаго и курмышскаго и сарскаго». Въ другихъ источникахъ не встрѣчаемъ ни имени такого епископа, ни такого названія его епархіи. Этотъ и другіе вопросы, вызываемые обѣими грамотами, могутъ быть разрѣшены только спеціальнымъ изслѣдованіемъ по темной исторіи суздальско-нижегородской іерархіи XIV в. Если бы можно было доказать, что епископъ Сераціонъ былъ ближайшимъ предмѣстникомъ Діонисія по суздальско-нижегородской каѳедрѣ, то грамоту по списку Соловьева слѣдовало бы отнести къ 1368—1374 годамъ, даже точнѣе къ 1372—1374 гг., такъ какъ въ титулахъ и в. кн. Димитрія Константиновича, и епископа Сераціона уже значится г. Курмышъ, построенный въ 1372 г.

VI. *Къ стр. 164.*

Сохранился документъ, точно указывающій, когда дипломатическія дѣла, входившія въ вѣдомство казначея, были выдѣлены и поручены особому дѣлопроизводителю, что и послужило основаніемъ особаго Посольскаго приказа (Краткая выписка о бывшихъ между Польшей и Россіей перепискахъ, войнахъ и перемиріяхъ съ 1462 по 1565 г. въ Моск. Арх. мин. ин. дѣлъ, Польскія дѣла 1462: за сообщеніе этой выписки приношу искреннюю благодарность С. А. Бѣлокурову). Въ этомъ документѣ XVI в. значится: «въ 57 (1549) г. приказано посольское дѣло Ивану Висковатого, а былъ еще въ подьячихъ». И. Висковатый до того времени участвовалъ иногда въ дипломатическихъ дѣлахъ, въ 1542 г. писалъ перемирную грамоту съ Польшей; теперь онъ принимаетъ постоянное участіе въ сношеніяхъ съ иноземными послами, которые ему передаютъ свои грамоты. Послѣ него въ 1564 г. сношенія съ послами ведетъ дьякъ А. Васильевъ въ «избѣ», называвшейся «дьячьей» или «посолной» и находившейся гдѣ-то въ Кремлѣ, пока въ 1565 г. не была построена особая Посольская палата. *Г. Лихачева,* Дипломатика, стр. 100.

Къ стр. 191 и 196.

Говоря о боярахъ отъ концовъ, мы не касаемся ихъ судебнаго значенія. По новгородской Судной грамотѣ 1471 г. при судебномъ

докладѣ «во владычнѣ комнатѣ» присутствовали 10 *докладчиковъ*, именно по одному боярину и по одному житьему отъ конца (А. А. Экси. I, 71). Это были постоянные судебные засѣдатели, собиравшіеся три раза въ недѣлю. Хотя нѣтъ прямыхъ указаній на ихъ отношеніе къ суду княжескаго намѣстника съ посадникомъ, имѣвшему мѣсто также «во владычнѣ дворѣ», однако судъ докладчиковъ можно назвать судебной коллегіей при новгородскомъ правительственномъ совѣтѣ, собиравшемся «у владыки въ полатѣ». Но, во-первыхъ, ни откуда не видно, чтобы эти судные бояре и житьи люди отъ концовъ принимали постоянное участіе въ политическихъ дѣлахъ боярскаго совѣта. Во-вторыхъ, судъ этихъ докладчиковъ повидимому возникъ уже въ послѣднее время новгородской вольности, а не былъ стариннымъ учрежденіемъ. Въ концѣ XIV в. встрѣчаемъ судныхъ бояръ и житьихъ людей, но представителями не концовъ, а тяжущихся сторонъ. Въ 1384 г. новгородцы постановили на вѣчѣ не ѣздить на судъ къ митрополиту въ Москву, но судить новгородскому владыкѣ по Номоканону, посаднику и тысяцкому судить свои суды по крестному цѣлованію, а истцу и отвѣтчику «на судъ поимати по два боярина и по два житья съ сторонѣ» (П. С. Р. Лѣт. IV, 91).

Нѣмецкое донесеніе 1331 г. изъ Новгорода рижскому городскому совѣту вскрываетъ нѣкоторыя любопытныя черты отношеній разныхъ новгородскихъ властей. Нѣмцы подрались ночью съ Русскими и одного положили на мѣстѣ. На другой день новгородцы «созвонили вѣче» (ludden de ruscen cyn dinc) и сошлись на Ярославовъ дворъ (uppe des konighes houe) вооруженные и съ распущенными знаменами, принесли и убитаго. Съ вѣча послали къ Нѣмцамъ биричей съ требованіемъ немедленной выдачи виновныхъ, грозя въ противномъ случаѣ перебить всѣхъ. Не добившись требуемаго, толпа съ вѣча бросилась на нѣмецкій дворъ и принялась разбивать и грабить, пока княжескій судья (des konighes rechter) не прогналъ ея оттуда. Тогда вѣче послало трехъ другихъ биричей съ тѣмъ же требованіемъ. Нѣмцы нашли одного изъ своихъ, у котораго оказался мечъ въ крови, и предложили его; но Русскіе потребовали 50 головъ (houede). Такъ прошелъ день; новгородцы поставили караулъ стеречь Нѣмцевъ на ихъ дворѣ. Ночью послы отъ нѣмцевъ явились къ тысяцкому и удовлетворили истца (den Sacwolden), вѣроятно ближайшаго родственника убитаго, предложивъ ему за голову 80 рублей (stucken sylvers: «старый» новгородскій рубль XIV в. содержалъ въ себѣ 80 золотн. серебра. *Г. Прозоровскаго,* Монета и вѣсъ, 503). Сверхъ того дано было посаднику 40 р. и намѣстнику князя 5 р., а тысяцкій отказался отъ денегъ. На другой день опять собралось вѣче и потребовало отъ Нѣмцевъ черезъ прежнихъ трехъ биричей либо выдачи 50 человѣкъ, либо уплаты 2500 р., именно 1000 Новгороду, 1000 князю и 500 истцу.

Нѣмцы объявили, что съ истцомъ они уже помирились, и пообѣщали биричамъ по фіолетовому платью и по боченку вина. Вѣче разсердилось, узнавъ о примиреніи истца: какъ онъ смѣлъ помириться безъ новгородскаго слова! Посланцы вѣча еще разъ явились къ Нѣмцамъ и потребовали съ нихъ 2000 р. «за обиду» (vor ere smaheyt). Нѣмцы предложили 40 р., и биричи въ гнѣвѣ воротились на вѣче. Вечеромъ пришелъ къ Нѣмцамъ новый посланецъ, объявившій, что его послали «300 золотыхъ поясовъ» (guldene gordele). Сущность его заявленія состояла въ томъ, что Новгороду Великому денегъ не нужно, что у него и своего довольно, но что онъ требуетъ 50 головъ, а они, Нѣмцы, не выдаютъ ни головъ, ни денегъ: сами посудите, есть ли тутъ правда. Нѣмцы должны выйти съ имуществомъ изъ церкви, гдѣ они скрылись, оставивъ тамъ виноватыхъ, съ которыми Новгородъ поступитъ по закону. Мы вамъ выдавали виновнаго, отвѣчали Нѣмцы, но вы его не приняли, а требуете 50 головъ: Богъ свидѣтель, что вы требуете невинныхъ людей. Посланецъ въ жесткихъ выраженіяхъ повторялъ, что ему было наказано говорить. Нѣмцы объявили, что они готовы заплатить 100 р., что больше не могутъ, и просили посланнаго сказать это 300 золотымъ поясамъ и похлопотать о томъ, за что ему будетъ дано фіолетовое платье. Ночью чрезъ одного изъ тѣхъ же трехъ вѣчевыхъ биричей посадникъ заявилъ Нѣмцамъ, что если они дадутъ ему 20 р. и два пурпуровыхъ платья, онъ возьметъ все дѣло на себя и уладитъ его, причемъ биричъ потребовалъ и себѣ съ товарищами 10 р. и пурпуроваго платья, да по фіолетовому платью еще двумъ важнымъ господамъ, почему-то вмѣшавшимся въ дѣло. Поутру три бирича съ этими двумя господами пришли и объявили Нѣмцамъ, что Новгородъ прощаетъ ихъ и принимаетъ 100 р. Тутъ одинъ изъ пришедшихъ, представлявшій интересы князя, заявилъ, что и князь долженъ получить столько же. Но одинъ изъ биричей возразилъ: что обѣщано княжему намѣстнику, то слѣдуетъ ему заплатить; новгородцы получатъ 100 руб., а съ княземъ они сами сочтутся, какъ слѣдуетъ. Что касается до насилія, учиненнаго толпой съ вѣча надъ Нѣмцами, то объ этомъ они и рѣчи не заводили бы, а скорѣе поцѣловали бы крестъ на томъ, что не будутъ мстить за это. Тутъ посадникъ ввелъ въ дѣло новое обстоятельство. Года за два передъ тѣмъ въ Дерптѣ убили новгородскаго посла Ивана Сыпа, важнаго человѣка, женатаго на сестрѣ посадника. Послѣдній теперь заявилъ, что его племянники должны выступить истцами по дѣлу, что они хотятъ мстить за отца, и потребовалъ 50 р. выкупа. Нѣмцы возразили, что имъ нѣтъ дѣла до Дерпта, что они «заморскіе гости» (gheste van over sey: ссору начали Нѣмцы готскаго двора съ острова Готланда). Посадникъ понизилъ требованіе до 40, потомъ до 30 и даже до 20 р. Нѣмцы уже согласились было на уплату. Но пришли «новгородскіе гос-

пода» (heren van Nogarden) и отмѣнили эту сдѣлку, объявивъ, что заморскіе Нѣмцы не отвѣчаютъ за дерптскихъ, а боярина своего Ивана они не отдадутъ и за тысячу рублей. Нѣмцамъ предложено было поцѣловать крестъ на мировой записи, въ которой они, признавая себя виновными въ случившемся и прося снисхожденія къ поступку, совершенному въ пьяномъ состояніи, обязывались заплатить Новгороду 100 р. да сверхъ того дать обѣщанное намѣстнику, посаднику, тысяцкому и биричамъ. Нѣмцы объявили, что имъ обидно цѣловать крестъ на такой записи, и представили тысяцкому свою, въ которой вся вина сваливалась на новгородцевъ. Выслушавъ запись, тысяцкій съ бранью объявилъ посланнымъ, что она не годится. «Такъ стояло дѣло, пока тысяцкій докладывалъ нѣмецкую запись посадникамъ и господамъ Новгорода; они послали къ Нѣмцамъ тѣхъ же биричей, которыхъ посылали и прежде, и сказали то же, что говорилъ тысяцкій» (bit de hertoghe witlich dede den borchgreuen unn den heren van Nogarden der duschen bref. des sanden se deseluen boden to den duschen, de se en och er ghesant hadden etc.). Нѣмцы были приневолены (bi dwanghe) поцѣловать крестъ на новгородской грамотѣ, по которой они должны были уплатить Новгороду 100 р. пени. Сверхъ того это дѣло стоило имъ 20 р., которые они посулили нѣкоторымъ новгородскимъ «господамъ» и биричамъ или позовникамъ при совѣтѣ господъ (den Roperen bi der heren rade). Русско-Лив. Акты, стр. 56—61. Донесеніе переведено *А. Чумиковымъ* по мѣстамъ не вполнѣ точно. Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Р. 1893 г. I, смѣсь.

Для насъ особенно важны слѣдующія черты новгородскаго управленія, обозначающіяся въ изложенномъ донесеніи. Во-первыхъ, посланцы вѣча являются вмѣстѣ и биричами при совѣтѣ господъ. Въ донесеніи поименовано пять такихъ посланцовъ; изъ нихъ трое, какъ очевидно по ходу разсказа, были биричи при совѣтѣ господъ; отношеніе двоихъ остальныхъ къ этому совѣту не ясно. Двое изъ этихъ пяти посланцовъ были вмѣстѣ старостами, какими, неизвѣстно, вѣроятно улицкими или даже сотскими, какъ въ Псковѣ въ должности сотскаго встрѣчаемъ «стараго придверника» при *господѣ,* если только «старый» не значитъ здѣсь «бывшій». Во-вторыхъ, Нѣмцы въ переговорахъ своихъ обращаются къ «герцогу», какъ они называютъ тысяцкаго въ отличіе отъ «бургграфа», посадника. Тысяцкій былъ предсѣдателемъ высшаго новгородскаго суда по торговымъ дѣламъ. Въ извѣстной грамотѣ кн. Всеволода церкви св. Іоанна на Опокахъ читаемъ, что для управленія всѣми дѣлами торговыми и «гостинными», для «суда торговаго» князь «поставилъ три старосты, отъ житьихъ людей и отъ черныхъ тысяцкаго, а отъ купцовъ два старосты». Значитъ, этотъ судъ состоялъ изъ тысяцкаго, представителя житьихъ и черныхъ людей, и двухъ старостъ, представителей купцовъ, т. е. изъ

трехъ членовъ, а не изъ шести, какъ считаютъ иногда (напримѣръ, *Бѣляевъ* въ Лекціяхъ по ист. русск. зак., стр. 139, и другіе), неправильно читая это мѣсто грамоты, думая, что въ составъ суда были назначены три старосты отъ житьихъ людей, затѣмъ тысяцкій отъ черныхъ и наконецъ два старосты отъ купцовъ. По одному договору Новгорода съ Нѣмцами дѣла между нѣмецкими гостями и туземцами разбирались только in curia sancti Johannis coram duce et oldermanno nogardiensibus и нигдѣ болѣе (*Bunge*, Urkund. I, 522). Почему здѣсь при тысяцкомъ упомянутъ одинъ староста, неизвѣстно. Изъ разсматриваемаго донесенія видно, что въ важныхъ случаяхъ тысяцкій докладывалъ такія дѣла совѣту господъ. Въ-третьихъ, надъ отдѣльными сановниками высшаго новгородскаго управленія явственно возвышается совѣтъ господъ. Тысяцкій докладываетъ «господамъ» предложенную ему Нѣмцами мировую запись; «господа» отмѣняютъ сдѣлку посадника съ Нѣмцами. Наконецъ, этотъ совѣтъ господъ замѣтно отличается и отъ 300 «золотыхъ поясовъ». Донесеніе ясно различаетъ эти названія. «Господа» приходили на дворъ къ Нѣмцамъ для переговоровъ: едва ли это могла быть толпа въ 300 человѣкъ. Посланцомъ отъ золотыхъ поясовъ приходитъ къ Нѣмцамъ нѣкто Борисъ, котораго нѣтъ въ числѣ не разъ упоминаемыхъ въ донесеніи биричей совѣта господъ. Притомъ золотые пояса являются въ тѣсной связи съ вѣчемъ: они поддерживаютъ его требованіе о выдачѣ виновныхъ, тогда какъ посадникъ и господа склоняютъ дѣло къ уплатѣ 100 р. Новгороду. Золотые пояса выступаютъ послѣ вѣча второго дня и не появляются въ слѣдующіе дни, когда незамѣтно вѣча. Поэтому мы думаемъ, что эти «золотые пояса» были не члены совѣта господъ, а вся совокупность новгородскихъ властей, присутствовавшихъ на вѣчѣ, вся наличная правительственная знать города, старосты улицъ, слободъ, десятковъ, разныхъ мелкихъ городскихъ союзовъ, наконецъ бояре, не сидѣвшіе въ совѣтѣ господъ, но пользовавшіеся вліяніемъ въ мѣстныхъ кругахъ города и въ иныхъ случаяхъ являвшіеся представителями отъ концовъ. Они назывались такъ по особенности въ одеждѣ, отличавшей ихъ отъ простыхъ гражданъ. Большая часть этихъ низшихъ городскихъ должностей повидимому также была въ рукахъ боярской и житьей знати. Въ послѣднее десятилѣтіе свободы Новгорода тамъ пользовался большимъ вліяніемъ нѣкто Памфилъ, сторонникъ аристократической партіи «великихъ бояръ», враждовавшей съ людьми «житьими и молодшими». Въ житіи Соловецкихъ чудотворцевъ этотъ Памфилъ называется знатнымъ новгородскимъ бояриномъ, а въ 1476 г. онъ занималъ невысокій постъ старосты Ѳедоровской улицы. Сынъ его, принадлежавшій по своему званію къ дѣтямъ боярскимъ, не смотря на то является «купецкимъ» старостой (П. С. Р. Л. VI, 203 и 220). Какъ вожди частей вооруженнаго города,

люди этой знати въ Новгородѣ, очевидно, были то же, что «лучшіе мужи», являющіеся посредниками между вѣчемъ и княземъ въ Кіевѣ XII в. На вѣчѣ къ нимъ, разумѣется, примыкали и высшіе сановники, члены совѣта господъ, и всѣ они составляли классъ руководителей вѣча. Правильнымъ приговоромъ вѣча, «новгородскимъ словомъ» признавалось то, что постановлено на собраніи города съ согласія и подъ руководствомъ этихъ властей. Вотъ почему грабежъ нѣмецкаго двора толпой, прибѣжавшей съ вѣча безъ этихъ вождей, «господа» въ своей мировой записи 1331 г. признавали поступкомъ «неразумной черни», сдѣланнымъ безъ новгородскаго слова (sunder der Nogarder wort). Триста—круглое число, приблизительно опредѣлявшее количество всѣхъ мѣстныхъ и общихъ городскихъ властей или показывающее, сколько считалось въ городѣ знатныхъ домовъ, старшіе члены которыхъ были этими властями. Любопытно, что и псковской лѣтописецъ, разсказывая о захватѣ в. кн. Василіемъ «всѣхъ лучшихъ людей» Пскова въ 1510 г., приводитъ ту же круглую цифру 300 чел. съ ихъ семьями (П. С. Лѣт. IV, 287).

VII. Къ стр. 382.

У Страленберга и Фоккеродта, двухъ иностранцевъ, жившихъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ, находимъ изложеніе условій, на которыхъ вступилъ на престолъ царь Михаилъ. По словамъ перваго, новый царь письменно обязался блюсти и охранять православную вѣру, забыть прежніе фамильные счеты и недружбы, по собственному усмотрѣнію не издавать новыхъ законовъ и не измѣнять старыхъ, также не объявлять войны и не заключать мира, важныя судныя дѣла вершить по закону установленнымъ порядкомъ, наконецъ вотчины свои либо отдать родственникамъ, либо присоединить къ короннымъ землямъ (Historie der Reisen in Russland etc. 1730, S. 209. Другое заглавіе: Beschreibung des Nord-und Östlichen Theils von Europa und Asia). Ни о думѣ бояръ, ни о земскомъ соборѣ нѣтъ и помину въ условіяхъ у Страленберга. Извѣстіе Фоккеродта нѣсколько обстоятельнѣе. Оно помѣщено въ запискѣ о состояніи Россіи при Петрѣ Великомъ, составленной въ 1737 г., слѣдовательно можетъ быть названо современнымъ приведенному извѣстію Татищева въ его запискѣ, вызванной событіями 1730 г. (Переводъ записки Фоккеродта въ Чт. Общ. Ист. и Др. Р. 1874, кн. 2). Фоккеродтъ хорошо зналъ положеніе современной ему Россіи, гдѣ онъ жилъ въ послѣдніе годы царствованія Петра I. Онъ имѣлъ свѣдѣнія и о московскихъ дѣлахъ XVII в., но отдѣльныя событія передаетъ въ своемъ трудѣ не всегда ясно и точно. Онъ пишетъ (стр. 21), что при избраніи царя по окончаніи Смуты московская знать составила между собою родъ сената, который назвала соборомъ и въ которомъ не только бояре, но и всѣ другіе, находившіеся на высшей

государственной службѣ, имѣли мѣсто и голосъ. По единодушному рѣшенію этого собора избранный царь долженъ былъ присягой принять на себя слѣдующія обязательства: предоставить полный ходъ правосудію по стариннымъ земскимъ законамъ, никого не судить собственною властію, безъ согласія собора не вводить ни новыхъ законовъ, ни новыхъ налоговъ и ничего не рѣшать въ дѣлахъ войны и мира. Царь Михаилъ не колеблясь принялъ и подписалъ эти условія и нѣкоторое время дѣйствовалъ согласно съ ними. Но отецъ царя, воротившись изъ польскаго плѣна и ставъ патріархомъ, искусно воспользовался значеніемъ своего сана въ народѣ, неудовольствіемъ низшаго дворянства на властолюбивыхъ бояръ и ихъ собственными раздорами, одинъ завладѣлъ опекою надъ сыномъ и самовластно распоряжался всѣми дѣлами, оставивъ собору лишь честь одобрять его распоряженія. Стрѣльцы служили опорой этому самовластію, и это войско дало возможность Михаилу даже по смерти отца продолжать правленіе съ такою же властію, какую имѣлъ отецъ. По этому извѣстію одно и то же учрежденіе издаетъ новые законы и вводитъ новые налоги, тогда какъ договоромъ 1610 г. первое дѣло присвоено земскому собору, а второе боярской думѣ. Но какое это учрежденіе? Фоккеродтовъ сенатъ, названный соборомъ, въ которомъ кромѣ думныхъ людей, бояръ, имѣли мѣсто не представители всѣхъ чиновъ, а какіе-то «всѣ другіе, находившіеся на высшей государственной службѣ», не похожъ ни на земскій соборъ, ни на думу. Очевидно, Фоккеродтъ смѣшалъ соборъ съ думой въ одно учрежденіе, а въ границахъ компетенціи обоихъ этихъ учрежденій и состоитъ весь вопросъ объ устройствѣ высшаго управленія при Михаилѣ. Но мы видѣли, что и въ правительственной практикѣ Михаилова времени эти границы обозначались не вполнѣ согласно съ договоромъ 1610 г. Что касается патріарха Филарета, то онъ имѣлъ большое личное вліяніе на управленіе, но не измѣнилъ его основаній, не произвелъ переворота, какъ расположенъ былъ думать Фоккердотъ. Отъ него много доставалось непріятнымъ ему людямъ; но учрежденія дѣйствовали попрежнему. Такъ смотритъ на него и одинъ близкій къ тому времени памятникъ, хронографъ архіеп. Пахомія, который, характеризуя этого патрірха, говоритъ, что онъ былъ «нравомъ опальчивъ и мнителенъ, а владителенъ таковъ былъ, яко и самому царю боятися его, боляръже и всякаго чина царскаго синклита зѣло томляше заточенми необратными и инѣми наказанми» (*А. Попова,* Изборникъ, 316). Извѣстіе Фоккеродта о самовластіи Михаила по смерти Филарета опровергается свидѣтельствомъ Котошихина, который, разумѣется, зналъ дѣло лучше Фоккеродта.

СКАЗАНІЯ ИНОСТРАНЦЕВЪ

О МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

В. Ключевскаго.

МОСКВА
1916.

Типографія Т-ва Рябушинскихъ. Москва, Страстной бул. соб. д.

СОДЕРЖАНІЕ.

Въ отношеніяхъ западно-европейскаго міра къ древней Россіи есть двѣ черты, повидимому, исключающія одна другую и однакожъ существовавшія рядомъ, благодаря особеннымъ условіямъ, въ которыхъ находилась древняя Россія. Съ одной стороны, вслѣдствіе отчужденія между западною Европою и Россіей, продолжавшагося до самаго XVIII вѣка, западно-европейское общество оставалось почти въ совершенномъ невѣдѣніи о положеніи и судьбахъ Россіи; вслѣдствіе этого невѣдѣнія въ немъ распространились и укоренились странныя представленія объ этой странѣ. Въ началѣ XVIII столѣтія русскій резидентъ при одномъ изъ западно-европейскихъ дворовъ, подыскивая дѣловыхъ людей для Петра, жаловался на то, что эти люди боятся ѣхать въ Россію, думая, что ѣхать туда—значитъ ѣхать «въ край свѣта», что эта страна «съ Индіями граничитъ». [1]) Между тѣмъ, въ то самое время, какъ въ западной Европѣ господствовали такія представленія о Россіи, ни одна европейская страна не была столько разъ и такъ подробно описана путешественниками изъ западной Европы, какъ отдаленная лѣсная Московія. Нетрудно найти нѣкоторую связь между этими противорѣчащими явленіями: чѣмъ первобытнѣе и малоизвѣстнѣе для путешественника страна, въ которую онъ попалъ, чѣмъ болѣе представляетъ она новыхъ для него особенностей, тѣмъ сильнѣе затрогиваетъ она его любопытство и тѣмъ легче дается наблюдающему глазу. Но не одинъ простой инте-

[1]) Поэтому Мейнерсъ имѣлъ полное право сказать, что образованная Европа въ началѣ XVI вѣка знала о Россіи гораздо меньше, нежели о Новой Голландіи въ концѣ XVIII вѣка. «Vergleichung des ältern und neuern Russlandes», Ч. I, стр. 2.

ресъ дикой, невѣдомой страны, съ которымъ описываютъ Новую Голландію или центральную Африку, привлекалъ вниманіе западно-европейскихъ путешественниковъ къ Московскому государству: въ ихъ описаніяхъ сказывается иногда другой, высшій интересъ, руководившій ихъ наблюденіями; у немногихъ изъ нихъ, но за то наиболѣе безпристрастныхъ и основательныхъ, изрѣдка встрѣчаются намеки на то, что они чувствовали въ древне-русскомъ обществѣ подъ его азіатской формой присутствіе началъ, родственныхъ съ тѣми, которыми жила западная Европа, и среди множества явленій, непріятно поражавшихъ европейца, умѣли подмѣтить и такія, къ которымъ послѣ строгой оцѣнки не могли не отнестись съ сочувствіемъ.

Разсмотримъ качества того матеріала, который представляютъ записки этихъ путешественниковъ о Московскомъ государствѣ. Какой интересъ могутъ представить для изученія отечественной исторіи замѣтки иностранца о чужой для него странѣ, о чужомъ народѣ? Чѣмъ шире развивается народная жизнь, тѣмъ доступнѣе становится она для изученія, оставляя болѣе слѣдовъ послѣ себя; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ такой же мѣрѣ развивается народное самосознаніе, выражаясь въ извѣстныхъ органахъ. Такъ съ двухъ сторонъ являются обильные и притомъ свои источники для историческаго изученія. Тогда замѣтки заѣзжаго иностранца, болѣе или менѣе бѣглыя и поверхностныя, могутъ быть любопытны, но и только. Совсѣмъ другое значеніе получаютъ онѣ, когда относятся къ болѣе раннимъ эпохамъ исторіи народа, когда застаютъ его на той ступени развитія, на какой стояло, напримѣръ, Московское государство въ XV—XVII вѣкѣ. Извѣстно, какъ трудно развивается и въ человѣкѣ, и въ народѣ способность оглядки на себя, на пройденное и сдѣланное, какъ вообще трудно отрѣшиться на время отъ окружающаго, стать въ сторонѣ отъ него, чтобы окинуть его спокойнымъ взглядомъ посторонняго наблюдателя. Много говорятъ о русской привычкѣ думать и дѣйствовать толпой, міромъ: правда ли это и,

если правда, составляетъ ли это постоянную, или временную особенность національнаго характера,—все равно: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ это условіе очень неблагопріятствуетъ появленію въ обществѣ людей, которые «приходятъ на житейскій рынокъ не для купли и продажи, а для того, чтобы посмотрѣть, какъ другіе продаютъ и покупаютъ». Мы знаемъ также, какъ много помогаетъ обсужденію себя и своего положенія возможность сравненія, возможность видѣть, какъ живутъ и дѣйствуютъ другіе. Наконецъ, для того, чтобы возникла въ обществѣ потребность обсудить свое прошедшее и настоящее, разобраться въ грудѣ всего, что сдѣлано въ продолженіе вѣковъ, надобно чтобы эта груда достигла значительныхъ размѣровъ и само общество имѣло настолько спокойствія и устоя, чтобъ можно было приняться за такую разборку. Ни того, ни другого, ни третьяго не имѣли наши предки XV—XVII вѣка: въ своихъ лѣсахъ, окруженные враждебными сосѣдями, разобщенные съ другими народами, они были слишкомъ заняты, чтобъ имѣть возможность и охоту приняться за подобную разборку [2]). Такія эпохи не благопріятствуютъ появленію литературныхъ памятниковъ, которые изображали бы съ нѣкоторой полнотой обычное теченіе народной жизни, и тутъ особенно дорого можетъ быть слово иностранца, наблюденію котораго доступно преимущественно это обычное теченіе жизни; а въ древней Россіи именно эта сторона должна была рѣзко броситься въ глаза западному европейцу, представляя во всемъ любопытныя для него, оригинальныя черты. Въ этомъ отношеніи ино-

---

[2]) Только отъ второй половины XVII вѣка имѣемъ мы довольно живую, хотя далеко неполную картину состоянія Московскаго государства, начертанную русскимъ человѣкомъ; но и этотъ человѣкъ прежде, чѣмъ принялся за такой трудъ, бѣжалъ изъ отечества, порвалъ всякія, даже религіозныя связи съ нимъ и имѣлъ случай узнать обычаи и порядки другихъ странъ, непохожіе на то, что онъ видѣлъ у себя дома: сравненіе родило въ немъ первую мысль описать состояніе своего отечества. См. Котошихинъ, изд. 2-е, предисловіе, стр. XI.

странныя извѣстія могутъ быть очень важнымъ матеріаломъ для изученія прошедшей жизни народа. Будничная обстановка жизни, повседневныя явленія, мимо которыхъ безъ вниманія проходили современники, привыкшіе къ нимъ, прежде всего останавливали на себѣ вниманіе чужого наблюдателя; незнакомый или мало знакомый съ исторіей народа, чуждый ему по понятіямъ и привычкамъ, иностранецъ не могъ дать вѣрнаго объясненія многихъ явленій русской жизни, часто не могъ даже безпристрастно оцѣнить ихъ; но описать ихъ, выставить наиболѣе замѣтныя черты, наконецъ, высказать непосредственное впечатлѣніе, производимое ими на непривыкшаго къ нимъ человѣка, онъ могъ лучше и полнѣе, нежели люди, которые пригляделись къ подобнымъ явленіямъ и смотрѣли на нихъ съ своей домашней, условной точки зрѣнія. Съ этой стороны записки иностранца могутъ служить важнымъ дополненіемъ къ отечественнымъ историческимъ памятникамъ.

Всѣмъ сказаннымъ выше о характерѣ и значеніи иностранныхъ извѣстій, опредѣляется и то, что въ нихъ представляетъ большій и что меньшій интересъ для изученія. Внѣшнія явленія, наружный порядокъ общественной жизни, ея матеріальная сторона—вотъ что съ наибольшею полнотой и вѣрностью могъ описать посторонній наблюдатель. Напротивъ, извѣстія о домашней жизни, о нравственномъ состояніи общества не могли быть въ такой же степени вѣрны и полны: эта сторона жизни менѣе открыта для посторонняго глаза, и притомъ къ ней менѣе, нежели къ другимъ сторонамъ народной жизни, приложима чужая мѣрка. Бѣглыя наблюденія, сдѣланныя въ короткое время, не могутъ уловить наиболѣе характеристическихъ чертъ нравственной жизни народа; для оцѣнки ея путешественникъ могъ имѣть предъ собой только отдѣльныя, случайно попавшіяся ему на глаза явленія, а нравственная жизнь народа всего менѣе можетъ быть опредѣлена по отдѣльнымъ, случайнымъ фактамъ и явленіямъ. Наконецъ, въ большей части случаевъ западно-европейскій путешествен-

никъ не могъ даже вѣрно оцѣнить и отрывочныя явленія этой жизни: нравственный бытъ и характеръ русскихъ людей описываемаго времени долженъ былъ казаться ему слишкомъ страннымъ, слишкомъ несходнымъ съ основными его понятіями и привычками, чтобы онъ могъ отнестись къ нему съ полнымъ спокойствіемъ, взглянуть на него не съ своей личной точки зрѣнія, а со стороны тѣхъ историческихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ слагался этотъ бытъ и характеръ. Оттого иностранныя извѣстія о нравственномъ состояніи русскаго общества очень отрывочны и бѣдны положительными указаніями, такъ что по нимъ невозможно составить сколько-нибудь цѣльный очеркъ ни одной изъ сторонъ нравственной жизни описываемаго ими общества; зато въ этихъ извѣстіяхъ дано слишкомъ много мѣста личнымъ, произвольнымъ мнѣніямъ и взглядамъ самихъ писателей, часто бросающимъ ложный свѣтъ на описываемыя явленія. Вотъ какъ, напримѣръ, одинъ изъ иностранцевъ XVII вѣка, принадлежащій къ числу наиболѣе спокойныхъ и основательныхъ иностранныхъ писателей о Россіи, изображаетъ празднованіе Пасхи въ Москвѣ: «Въ продолженіи пасхальной недѣли всѣ, и богатые, и бѣдные, и мужчины, и женщины предаются такой веселости, что, подумаешь, они теряютъ на это время здравый разсудокъ. Работы прекращаются, лавки запираются, одни кабаки и другія увеселительныя мѣста остаются открытыми; судъ умолкаетъ, но за то воздухъ оглашается безпорядочными криками. Знакомые, при первой встрѣчѣ, привѣтствуютъ другъ друга словами «Христосъ воскресе», «воистину воскресе», цѣлуютъ и дарятъ другъ друга куриными или деревянными раскрашенными яйцами. Духовные, въ сопровожденіи мальчиковъ, несущихъ образъ или распятіе, въ самомъ дорогомъ облаченіи бѣгаютъ по улицамъ и перекресткамъ, посѣщая своихъ родственниковъ и друзей, съ которыми пьютъ до опьяненія. Куда ни посмотришь, вездѣ видишь столько пьяныхъ мужчинъ и женщинъ, что всей строгостью своего поста они навѣрное не могли заслужить отъ Бога

столько милости, сколько навлекаютъ гнѣва своимъ необузданнымъ разгуломъ и нарушеніемъ законовъ трезвости [3])». Въ этомъ описаніи мало неточностей; но мы составили бы себѣ слишкомъ узкое, одностороннее понятіе о древне-русскомъ праздникѣ, если бы стали представлять его въ подобныхъ поверхностныхъ чертахъ: а таковы почти всѣ изображаемыя иностранцами картины древне-русскаго быта. Поэтому въ настоящемъ обзорѣ мы ограничимся иностранными извѣстіями только о тѣхъ сторонахъ древней Россіи, изображеніе которыхъ наименѣе могло потерпѣть отъ произвола личныхъ сужденій писателей: таковы ихъ географическія свѣдѣнія объ области Московскаго государства, описаніе нѣкоторыхъ сторонъ и явленій государственной жизни, извѣстія о матеріальныхъ средствахъ страны и т. п. И въ этой области остается еще много неточныхъ, сбивчивыхъ показаній: по крайней мѣрѣ здѣсь эти показанія отличаются большею полнотой и мы имѣемъ больше возможности повѣрить ихъ извѣстіями изъ другихъ источниковъ.

Московское государство долго не обращало на себя вниманія западной Европы, не имѣвшей съ нимъ никакихъ общихъ интересовъ. Только со второй половины XV вѣка, т.-е. съ того времени, когда окончилось образованіе государства, начинаетъ оно завязывать слабыя, часто порывавшіяся сношенія съ нѣкоторыми западно-европейскими государствами. Потому отъ XV вѣка мы имѣемъ немногія краткія замѣтки о немъ отъ иностранцевъ, случайно попавшихъ въ Россію и остававшихся въ ней очень недолго. Но скоро разныя историческія обстоятельства подали поводъ къ болѣе близкимъ и частымъ сношеніямъ между Москвой и нѣкоторыми западно-европейскими дворами,—и, начиная со времени княженія Василія Іоанновича, идетъ длинный рядъ болѣе или менѣе подробныхъ описаній Московскаго государства, составленныхъ или по непосредственнымъ наблюденіямъ, людьми, пріѣзжавшими въ Московское государство съ разными цѣлями, преимущественно въ ка-

---

[3]) Mayerberg, «Voyage en Moscovie», въ «Bibliothèque russe et polonaise», t. I, p. 75—76.

чествѣ пословъ,—или по разсказамъ другихъ путешественниковъ. Описанія, которыми мы пользовались, относятся къ тремъ столѣтіямъ: XV-му, XVI-му и XVII-му; вотъ ихъ перечень въ хронологическомъ порядкѣ, въ какомъ приводитъ ихъ Аделунгъ [4]).

Вѣкъ XV.

1412 и 1421. Voyages et ambassades de Guillebert de Lannoy. Mons, 1840.* Фламандскій рыцарь, служившій въ Пруссіи и Ливоніи (род. 1386 † 1452). Въ 1413 посѣтилъ Новгородъ. Изданъ Лелевелемъ въ 1844 г. съ комментаріями. *

1436. Іоасафа Барбаро, дворянина венеціанскаго, путешествіе къ Дону (въ Азовъ) [5]).

1476. Путешествіе Амвросія Контарини, посла Венеціанской республики, къ Уссунъ-Гассану, царю персидскому, въ 1473 [6]).

Вѣкъ XVI.

1517. Mathiae a Michovia: Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis [7]).

---

[4]) Цифры, поставленныя предъ каждымъ писателемъ въ спискѣ Аделунга и приводимыя здѣсь съ нѣкоторыми измѣненіями, означаютъ время пребыванія писателя въ Россіи; если же писатель не былъ самъ въ Россіи, то поставленная предъ нимъ цифра означаетъ годъ изданія его сочиненія. Въ списокъ Аделунга не вошли изъ приводимыхъ нами писателей только Ланнуа и Михалонъ.

[5]) Барбаро въ 1436 году предпринялъ путешествіе къ Дону, гдѣ прожилъ 16 лѣтъ; потомъ ѣздилъ въ Персію. Неизвѣстно, когда именно былъ онъ въ Москвѣ; извѣстно только, что сочиненіе свое писалъ онъ послѣ изданія сочиненія Контарини, о которомъ не разъ упоминаетъ.

[6]) Сочиненія Барбаро и Контарини помѣщены въ русскомъ переводѣ, съ приложеніемъ итальянскихъ подлинниковъ, въ «Библіотекѣ иностранныхъ писателей о Россіи», В. Семенова, 1836.

[7]) Отрывки изъ сочиненія Мѣховскаго, касающіеся собственно Московскаго государства, помѣщены въ латинскомъ

---

* Эти и другія, отмѣченныя знакомъ * вставки воспроизведены изъ авторскаго экземпляра книги (*прим. изд.*).

1517 и 1526. Rerum Moscoviticarum commentarii, Sigismundo Libero Barone in Herberstein. Neuperg et Guetenhag auctore. 1549 [8]).

1523. Письмо Альберто Кампензе о дѣлахъ московскихъ къ папѣ Клименту VII [9]).

1525. Павла Іовія Новокомскаго сочиненіе о посольствѣ Василія, великаго князя московскаго, къ папѣ Клименту VII [10]).

1525. Moscovitarum juxta Mare Glaciale religio, a D. Ioanne Fabri edita [11]).

1553. The booke of the great and mighty Emperor of Russia and Duke of Muscovia, and of the dominions, orders and commodities thereunto belonging, drawen by Richard Chancelour [12]). Извѣстія, изложенныя Ченслеромъ въ этой запискѣ, повторены съ нѣкоторыми добавленіями Климентомъ Адамомъ въ латинской статьѣ «Anglorum navigatio ad Moscovitas» [13]).

подлинникѣ на стр. 206—209 сборника «Rerum Moscoviticarum auctores varii» (Francofurti, MDC) и въ русскомъ переводѣ, въ третьей статьѣ «Библіографическихъ отрывковъ» (Отеч. Зап. 1854 г., № 12, отдѣл. II, стр. 142—153). Мейнерсъ отказывается опредѣлить, когда явилось въ свѣтъ сочиненіе Мѣховскаго (см. «Vergleichung» etc. I, 4); Аделунгъ ошибочно относитъ первое изданіе его книги къ 1521 г.: это было уже третье изданіе.

[8]) Помѣщено въ «Rerum. Moscoviticarum auctores varii» (стр. 1—117), съ присоединеніемъ статьи о генеалогіи великихъ князей московскихъ; къ сочиненію приложены двѣ географическія карты Московскаго государства, планъ города Москвы и нѣсколько рисунковъ.

[9]) Помѣщено въ «Библіотекѣ» В. Семенова въ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ.

[10]) Тамъ же.

[11]) Помѣщено въ «Rerum Moscoviticarum auctores varii» (стр. 130—141).

[12]) Помѣщено въ Hakluyt's «Collection of the early voyages» etc. a new edition, vol. I. London, 1809 (стр. 263—270).

[13]) Подлинникъ ея помѣщенъ въ «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 142—183; но въ сборникѣ Гаклюйта,

1557. The first voyage made by Master Antony Jenkinson from the City of London toward the land of Russia [14]).

1560. Alexandri Guagnini Veronensis: Omnium regionum Moscoviae Monarchae subjectarum Tartarorumque campestrium etc. sufficiens et vera descriptio [15]).

1568. The ambassage of the right worshipfull Master Thomas Randolfe to the Emperour of Russia, briefly written by himselfe [16]).

1575. Nobilissimi Equitis Dani Iacobi Ulfeldii etc.: Legatio Moscovitika sive Hodopoericon Ruthenicum. Francofurti, 1627.* См. Попова, Прав. Обозр. 1878, 2, стр. 300.*

1576. Письмо о Московіи, Кобенцеля [17]).

1576—1578. Moscoviae Ortus et Progressus. Auctore Daniele Printz a Buchau, August. Imper. Maximiliani et Rudolphi consiliario, nec non bis ad Iohannem Basilidem, Magnum Ducem Moscoviae legato extraordinario. Gubenae anno 1679.

1581 и 1582. Antonii Possevini Societatis Jesu: Moscovia. Antverpiae, 1587.

1583. A briefe discourse of the voyage of Sir Jerome Bowes knight, her Majesties ambassadour to Ivan Vasilivich the Emperour of Muscovia [18]).

1584—1590. Сокращенный разсказъ или меморіялъ путешествій сэра Джерома Горсея [19]).

вслѣдъ за сочиненіемъ Ченслера, помѣщенъ англійскій переводъ записки Климента (стр. 270—284).* Журн. М. Н. П. 1838, окт.*

[14]) Hakluyt, vol. I, 346—368. См. также описанія другихъ путешествій Дженкинсона въ Россію, помѣщенныя у Гаклюйта на стр. 362—375 и 452—463.

[15]) «Rerum Moscoviticaum auctores varii», p. 154—206.

[16]) Hakluyt, vol. I, 422—432.

[17]) Русскій переводъ, сдѣланный проф. Домбровскимъ, помѣщенъ въ Журн. Мин. Народн. Просв. 1842 г., № 9.

[18]) Hakluyt, vol. I, 517—523.

[19]) Переводъ начатъ, но не конченъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1865 г., №№ 4 и 6.

1588 и 1589. Дж. Флетчеръ: О государствѣ Русскомъ или образъ правленія русскаго царя. Лондонъ, 1591.

1590. Iohann David Wunderer: Reisen nach Dennemark, Russland und Schweden 1589 und 1590 [20]).

Вѣкъ XVII.

1601—1611. Состояніе Россійской державы и великаго княжества Московскаго. Сочиненіе капитана Маржерета [21]).

1606—1608. Описаніе путешествія Ганса Георга Паерле, уроженца аугсбургскаго, изъ Кракова въ Москву и изъ Москвы въ Краковъ [22]).

1609—1612. Дневникъ Самуила Маскѣвича съ 1594 по 1621 годъ [23]).

1608—1611. Petri Petreji: Historien und Bericht von d. Grossfürst Muschkow etc. [24]).

1634 и 1636. Relation du voyage d'Adam Olearius en Moscovie, Tartarie et Perse etc. Traduit de l'Allemand par A. de Wicquefort. Tome premier, seconde édition. Paris, MDCLXXIX.

1661. Relation d'un voyage en Moscovie, écrite par Augustin Baron de Mayerberg. 2 vol. Paris, 1858 [25]).

1663. La relation de trois ambassades de Monseigneur le Comte de Carlisle etc. vers Alexey Michailowitz, czar et grand duc de Moscovie, Charles, roi de Suède, et Frederic III, roi de Danemark et de Norvège. Amsterdam, MDCLXIX.

---

[20]) «Frankfurtisches Archiv für ältere deutsche Litteratur und Geschichte», herausegeb. von Fichard. Frankf. a. M., 1811. II B., S. 169—255,

[21]) «Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», ч. III.

[22]) Тамъ же, ч. II.

[23]) Тамъ же, ч. V.

[24]) «Rerum Rossicarum scriptores exteri», a Collegio Archeographico editi, t, I.

[25]) «Bibliothèque russe et polonaise», vol. I et II.

1659—1667. Нынѣшнее состояніе Россіи, описанное однимъ англичаниномъ (Самуиломъ Коллинсомъ), который 9 лѣтъ прожилъ при дворѣ Великаго царя русскаго [26]).

1668—1670. Les voyages de Jean Struys en Moscovie, en Tartarie etc. Amsterdam, MDDLXXXI.* Р. Арх. 1880, I*.

1671—1673. Якова Рейтенфельса: О состояніи Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ [27]).

1675. Relatio eorum quae circa Sacr. Caesar. Majestat. ad Magnum Moscorum Czarum ablegatos Annib. Francisc. de Bottoni et Jann Carol. Terlingerenum de Guzmann gesta sunt, strictim recensita per Ad. Lyseck, dictae legationis secretarium. Salisburgi, 1676.

1678. Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam potentiss. Poloniae Regis ac Reipublicae mandato et consensu, anno 1678 feliciter suscepta, nunc breviter sed accurate quoad singula notabilia descripta a teste oculato B. L. Tannero Böemo Pragense, Dn. Legati principis camerario germanico. Norimbergae, anno 1689.

1686. Voyage en divers états d'Europe et d'Asie entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine, par Ph. Avril (Societatis Jesu). Paris, 1691.* Сол. 14,67*

1689. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, par Neuville. A la Haye, 1696.

1698 и 1699. Diarium itineris in Moscoviam etc., descriptum a I. G. Korb, secretario ablegationis Caesareae. Viennae Austriae, 1700 [28]).* Устр. Ист. П. 4, 82.*

---

[26]) «Русскій Вѣстникъ» 1841 г., №№ 7 и 9; «Чтенія Импер. біщ. Исторіи и Древн. Россійскихъ» 1846 г., № 1.

[27]) «Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ.» 1839., № 7.

[28]) Біографическія и библіографическія подробности объ указанныхъ писателяхъ см. у Мейнерса, I, 1—32, у Аделунга и въ «Библіографическихъ отрывкахъ». Кромѣ приведенныхъ сочиненій, мы пользовались извѣстіями Михалона Литвина (см. Извлеченія изъ сочиненія Михалона Литвина о нравахъ татаръ, литовцевъ и москвитянъ, въ переводѣ С. Шестакова, «Арх. ист.-юрид. свѣдѣній», Н.

Перечисленныя выше сочиненія писаны съ разными цѣлями, по разнымъ случаямъ, и представляютъ матеріалъ, довольно разнообразный по формѣ и по содержанію. Путешественники XV вѣка, Ланнуа, Барбаро и Контарини, попавшіе въ Московію случайно и пробывшіе въ ней недолго, сообщаютъ немногія бѣглыя замѣтки о томъ, что они видѣли и слышали проѣздомъ; такія же бѣглыя замѣтки путешественниковъ, бывшихъ въ Московскомъ государствѣ проѣздомъ, имѣемъ мы и отъ позднѣйшаго времени: таковы путевыя замѣтки Вундерера, Штрауса и Авриля. Эти замѣтки любопытны для географіи страны по непосредственнымъ, иногда мѣткимъ наблюденіямъ надъ мѣстностью, по которой проѣзжалъ путешественникъ.

Религіозное движеніе XVI вѣка заставило римскихъ первосвященниковъ обратить заботливые взоры на восточную Европу, съ цѣлью вознаградить себя тамъ новыми религіозными завоеваніями за огромныя потери, причиненныя римской церкви протестантизмомъ; этому обязаны мы нѣсколькими записками о Московіи, составленными съ цѣлью уяснить, какими путями можно было бы провести въ Московское государство католическую пропаганду и какихъ выгодъ могла ждать римская церковь отъ успѣха въ этомъ дѣлѣ. Согласно съ такой цѣлью, составители упомянутыхъ записокъ преимущественно говорятъ о нравственномъ и религіозномъ состояніи жителей Московскаго государства, о церковной іерархіи и т. п. Таковы записки

Калачева, книги 2-ой половина 2-ая), также нѣкоторыми статьями въ «Historica Russiae Monumenta» и особенно письмами и записками Московской компаніи англійскихъ купцовъ, напечатанными въ 1-мъ томѣ «Сборника» Гаклюйта; указываемъ здѣсь страницы, на которыхъ помѣщены они въ изданіи 1809 года: записка Гасса, 293 и сл.; путешествіе Ст. Бѣроу къ Оби, 306 и сл., замѣтки Джонсона, 316 и сл.; письма компаніи, 331 и 511; письма ея агентовъ, 293, 337—341; записка Лена, 345; путешествіе Саутама и Спарка, 409 и слѣд.; начало записки о путешествіяхъ въ Персію, 471 и нѣк. друг.

Кампензе, Іовія, Фабри и знаменитаго іезуита—Антонія Поссевина. Достовѣрнаго они сообщают мало, ибо писали по чужимъ разсказамъ, за исключеніемъ Поссевина, который самъ два раза былъ въ Москвѣ и посвятилъ весь свой первый комментарій описанію религіознаго состоянія Московскаго государства и изложенію плановъ и средствъ касательно распространенія въ немъ католичества. Отличительная черта этихъ записокъ состоитъ въ томъ, что составители ихъ, не исключая даже и мрачнаго Поссевина, особенно выгодно отзываются о религіозномъ чувствѣ и набожности русскихъ, только жалѣютъ, что такая теплая вѣра и истинно-христіанское благочестіе пропадаютъ безъ пользы, за границею римской церкви, среди ереси и невѣжественнаго суевѣрія [29]).

Въ половинѣ XVI вѣка въ Англіи обнаружилось сильное движеніе къ открытію новыхъ странъ и торговыхъ путей: соперничая съ Испанцами и Португальцами, англійскіе купцы пытались открыть новый сѣверовосточный проходъ въ Тихій океанъ. Прохода не открыли, но открыли на сѣверо-восточномъ краю Европы неизвѣстную страну, которая потомъ оказалась Московіей; вслѣдствіе этого, несмотря на неблагопріятное начало, завязались дѣятельныя торговыя сношенія Англіи съ Московскимъ государствомъ: въ Лондонѣ составилась Московская компанія англійскихъ купцовъ (the Moscovie company of the marchants adventurers), которой мы обязаны множествомъ записокъ, сообщающихъ извѣстія о Московскомъ государствѣ XVI вѣка и напечатанныхъ въ первомъ томѣ «Сборника» Гаклюйта. Сюда вошли описанія путешествій англій-

[29]) Сказавъ о видѣнныхъ имъ святыняхъ Новгорода Великаго и о благоговѣніи, съ которымъ чтутъ ихъ жители, Поссевинъ продолжаетъ: Abeuntes miseram gentis conditionem commiserati eo amplius sumus, quod tanta erga ejusmodi res pietate ferretur, ut si catholici essent, nihil ad summam riligionem eo in genere videri possit desiderandum. «Supplementum ad Historica Russiae Monumenta», № CLXII, p. 398.

скихъ пословъ, ѣздившихъ въ Москву по дѣламъ компаніи, письма и другія дѣловыя бумаги ея агентовъ. Содержаніе и характеръ этихъ описаній и бумагъ опредѣляется тѣми практическими цѣлями, которыми руководились ихъ составители: здѣсь заключается довольно богатый матеріалъ для географіи Московскаго государства, преимущественно сѣвернаго его края, для исторіи торговли, промышленности и вообще матеріальнаго состоянія страны. Дѣловому содержанію этихъ записокъ соотвѣтствуетъ и ихъ изложеніе, рѣзко отличающееся отъ прочихъ иностранныхъ сочиненій о Московіи: не вдаваясь много въ разсужденія объ особенностяхъ страны и ея жителей, послы и агенты сообщаютъ въ на-скоро писанныхъ, большею частью краткихъ запискахъ, письмахъ и отчетахъ почти одни голые, сухіе факты и наблюденія. Зато по достовѣрности и обилію подробностей эти записки можно отнести къ лучшимъ иностраннымъ сочиненіямъ о Московскомъ государствѣ [30]).

Смутному времени мы обязаны нѣсколькими любопытными записками иностранцевъ о шумныхъ событіяхъ этой эпохи. Нѣкоторые изъ этихъ писателей, именно Маржеретъ, Паерле, Маскѣвичъ и Петрей приложили къ запискамъ о событіяхъ того времени болѣе или менѣе подробныя описанія внутренняго состоянія Московскаго государства, не лишенныя нѣкоторыхъ любопытныхъ извѣстій; изъ нихъ особенно можно указать на сочиненіе Маржерета, который довольно долго жилъ въ Россіи, служа капитаномъ отряда иноземныхъ тѣлохранителей при Борисѣ Го-

---

[30]) О возникновеніи компаніи и первомъ прибытіи англичанъ въ Бѣлое море см. «Anglorum navig. ad Moscovitas» въ «Rerum Moscoviticarum auctores varii». Объ открытіяхъ англичанъ на сѣверовостокѣ и объ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Московскимъ государствомъ съ 1553 г. см. письмо Лена у Гаклюйта, I, 523 и сл. и «Исторію Московіи» Мильтона, гл. 5 (въ переводѣ Е. Карновича въ «Отеч. Зап.», т. CXXXI).

дуновѣ и первомъ самозванцѣ, и въ сочиненіи своемъ сообщаетъ любопытныя подробности о московскомъ войскѣ.

Самый значительный по числу и объему сочиненій отдѣлъ изъ выписанныхъ выше матеріаловъ составляютъ описанія посольствъ, пріѣзжавшихъ въ Москву изъ разныхъ государствъ западной Европы, преимущественно изъ Австріи. Къ этому отдѣлу принадлежитъ бо́льшая часть и наиболѣе объемистыхъ иностранныхъ сочиненій о Московскомъ государствѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ видъ путевыхъ записокъ, въ которыхъ замѣтки набросаны безъ строгаго порядка: таковы сочиненія Ульфельда и Мейерберга; другія, какъ, наприм., сочиненіе Флетчера, представляютъ систематическое описаніе разныхъ сторонъ государственнаго устройства, общественной и частной жизни; третьи, наконецъ, къ описанію путешествія и пребыванія въ Москвѣ присоединяютъ болѣе или менѣе подробные очерки исторіи государства и его современнаго состоянія: таковы сочиненія Герберштейна, Олеарія, Корба и др. У Герберштейна, Олеарія и Мейерберга, кромѣ замѣтокъ о мѣстностяхъ, по которымъ они проѣзжали, находимъ довольно подробныя и любопытныя географическія описанія всего Московскаго государства. Но главный интересъ посольскихъ описаній заключается въ извѣстіяхъ о тѣхъ сторонахъ жизни Московскаго государства, съ которыми послы приходили въ непосредственное соприкосновеніе: таковы особенно ихъ извѣстія о городѣ Москвѣ, о московскомъ дворѣ и его дипломатическихъ обычаяхъ.

Главнымъ источникомъ, изъ котораго черпали иностранные путешественники описываемаго времени свои свѣдѣнія о Московскомъ государствѣ, служило, разумѣется, ихъ непосредственное наблюденіе: мы видѣли, въ какой области оно наиболѣе любопытно и надежно. Немногіе изъ иностранцевъ знали русскій языкъ и пользовались для изученія исторіи и современнаго имъ состоянія Московіи туземными литературными памятниками: таковъ былъ Герберштейнъ, хорошо знавшій русскій языкъ; въ своемъ со-

ченіи о Московіи онъ помѣстилъ въ переводѣ значительные отрывки изъ русскихъ лѣтописей, изъ правилъ митрополита Іоанна, изъ «вопрошанія» Кирика, изъ Судебника Іоанна III и другихъ русскихъ сочиненій, какія ему удалось достать въ Москвѣ. Кажется, знали по-русски, хотя немного, Флетчеръ, Маржеретъ и Мейербергъ; первый часто ссылается на русскія хроники и даже приходо-расходныя книги приказовъ. Затѣмъ для иностранцевъ оставался еще одинъ обильный, но довольно мутный источникъ, изъ котораго они могли почерпать свѣдѣнія о Московскомъ государствѣ: это—изустные разсказы самихъ русскихъ. Извѣстно, съ какой подозрительностью смотрѣли люди Московскаго государства на заѣзжаго иностранца; въ его стараніи узнать положеніе ихъ страны они всегда подозрѣвали какіе-нибудь коварные замыслы, а не простую любознательность. Многіе иностранные писатели сильно жалуются на это и сознаются, что отъ самихъ русскихъ немного можно добиться вѣрныхъ свѣдѣній объ ихъ отечествѣ. Русскіе сановники, замѣчаетъ Рейтенфельсъ, посѣщая иноземныхъ пословъ, охотно бесѣдуютъ съ ними о разныхъ предметахъ, но если разговоръ коснется ихъ отечества, они съ такимъ умѣньемъ преувеличиваютъ все въ хорошую сторону, что возвратившіеся иностранцы по совѣсти не могутъ похвалиться знаніемъ настоящаго положенія дѣлъ въ Московіи [31]). Для большей части иностранцевъ, писавшихъ о Россіи въ XVII и даже во второй половинѣ XVI вѣка, самымъ обильнымъ источникомъ служили сочиненія прежнихъ путешественниковъ, ѣздившихъ въ Московію. Особенно много встрѣчается заимствованій изъ Герберштейна и Олеарія: компиляторы выписывали изъ ихъ сочиненій извѣстія цѣлыми страницами безъ всякаго разбора, не обращая вниманія на время, къ которому относились заимствуемыя извѣстія; у Гваньино даже все описаніе Московіи есть не болѣе, какъ почти

---

[31]) Рейтенфельсъ, 31.

дословное повтореніе извѣстій Герберштейна, только расположенныхъ въ другомъ порядкѣ; изрѣдка попадаются скудныя добавленія самого составителя. При этомъ нельзя не указать на Олеарія, который совершенно иначе воспользовался своимъ близкимъ знакомствомъ съ сочиненіями о Московіи прежнихъ путешественниковъ: говоря о той или другой сторонѣ жизни Московскаго государства, онъ не забываетъ упомянуть, какъ описывали ту же сторону прежніе писатели, поправляетъ ихъ, гдѣ находитъ у нихъ неточности или ошибки, указываетъ, въ чемъ измѣнилось состояніе Московіи въ его время сравнительно съ прежнимъ: эти указанія даютъ Олеарію преимущество предъ большею частью другихъ иностранныхъ писателей о Московскомъ государствѣ, у которыхъ не только не находимъ ничего подобнаго, но часто встрѣчаемъ повтореніе и даже развитіе ошибочныхъ показаній, сдѣланныхъ предшественниками. Герберштейнъ первый пустилъ въ ходъ извѣстіе, что русскія женщины упрекаютъ въ холодности мужей, если тѣ не бьютъ ихъ; это извѣстіе онъ подтверждаетъ короткимъ разсказомъ о нѣмцѣ, женатомъ на русской, которую онъ забилъ до смерти, чтобы дать ей требуемое доказательство своей любви. У Петрея изъ этого разсказа вышла цѣлая исторія, украшенная курьезными подробностями.

Понятно, какъ разборчиво и осторожно надобно пользоваться извѣстіями иностранцевъ о Московскомъ государствѣ: за немногими исключеніями, они писали наугадъ, по слухамъ, дѣлали общіе выводы по исключительнымъ, случайнымъ явленіямъ, а публика, которая читала ихъ сочиненія, не могла ни возражать имъ, ни повѣрять ихъ показаній: недаромъ одинъ изъ иностранныхъ же писателей еще въ началѣ XVIII вѣка принужденъ былъ сказать, что русскій народъ въ продолженіе многихъ вѣковъ имѣлъ то несчастіе, что каждый свободно могъ распускать о немъ по свѣту всевозможныя нелѣпости, не опасаясь встрѣтить возраженія [32]).

[32]) «Библіографическіе отрывки» въ «Отеч. Запискахъ», т. XCV, отд. II, стр. 155.

I.

Предѣлы русскаго племени и московской государственной области.

Какъ только западный путешественникъ XV или XVI вѣка, направляясь изъ Германіи къ востоку, заѣзжалъ за Одеръ и вступалъ въ Польскія владѣнія, онъ уже начиналъ чувствовать переходъ въ другой міръ, отличный отъ того, который онъ оставлялъ позади себя. Вмѣсто красивыхъ селеній, каменныхъ городовъ и замковъ съ удобными гостиницами, онъ чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣже встрѣчалъ маленькіе деревянные города и села съ плохими постоялыми дворами [33]). Этотъ переходъ чувствовался все рѣзче, по мѣрѣ приближенія къ восточнымъ предѣламъ польскихъ владѣній. Количество водъ и лѣсовъ увеличивалось; жилыя мѣста встрѣчались рѣже, а вмѣстѣ съ этимъ увеличивалась глушь и неизвѣстность страны. Если, перешедши Вислу въ среднемъ ея теченіи, путешественникъ еще имѣлъ передъ собой, по направленію къ юго-востоку и по юго-восточнымъ берегамъ Балтійскаго моря, страны, нѣсколько извѣстныя по связямъ ихъ съ Польшей и Ливонскимъ орденомъ, то далѣе къ востоку слабѣли и историческія, и географическія связи. Съ какого бы пункта, въ которомъ сѣверо-восточная Европа соприкасалась съ западною, ни двинулся путешественникъ, чтобы пробраться въ эти страны, онъ встрѣчалъ обширныя лѣсныя или степныя пустынныя пространства, гдѣ ему часто приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ. Литва, по выраженію де-Ланноа, большею частію пустынная страна, наполненная озерами и лѣсами [34]). Пробираясь чрезъ владѣнія Ливонскихъ рыцарей въ Новгородъ Великій, онъ долженъ былъ проѣхать значительное пустынное про-

---

[33]) Барбаро, въ «Библіотекѣ иностраннныхъ писателей о Россіи», стр. 63; Контарини, тамъ же, стр. 17.

[34]) «Voyages et ambassades» de Guillebert de Lannoy, p. 24.

странство «безъ всякихъ слѣдовъ человѣческаго жилья»; такія же пустыни встрѣтили его па верховьяхъ Днѣстра и не оставляли потомъ до самой Кафы [35]).

При такихъ условіяхъ сѣверо-восточная Европа не могла имѣть живыхъ сношеній съ западною; потому и на западѣ не могло быть точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о ней. Писатель первой четверти XVI вѣка, приступая къ описанію Московіи, долженъ былъ сознаться, что западные космографы и географы его времени безъ стыда и совѣсти разсказываютъ о сѣверо-восточной Европѣ всякія небылицы, показывающія, что ихъ свѣдѣнія о ней не далеко ушли отъ сказаній древнихъ греческихъ и римскихъ географовъ [36]). Но и самому Кампензе не много вѣрныхъ свѣдѣній могли сообщить его соотечественники купцы, долго жившіе въ этихъ странахъ: тѣмъ менѣе можно ожидать такихъ свѣдѣній отъ путешественниковъ XV вѣка. Сводя иностранныя извѣстія за XV и первую четверть XVI вѣка, мы находимъ въ нихъ слѣдующія географическія представленія о сѣверо-восточной Европѣ.

За Польшей на востокъ и сѣверо-востокъ лежитъ обширная страна, ровная, обильная лѣсами, озерами и рѣками, во многихъ мѣстахъ пустынная и вообще менѣе населенная, нежели Польша [37]). Болѣе извѣстную часть этой страны, ближайшую къ Польшѣ и Литвѣ и подвластную имъ, составляютъ Красная и Нижняя Россія [38]); далѣе на сѣверо-востокъ, до самыхъ границъ Азіи, простирается также Россія, называемая Бѣлой Россіей или Московіей, но независимая, вовсе неизвѣстная западнымъ космографамъ и исторіографамъ [39]) и составляюшая какъ бы другую часть свѣта. Въ первой четверти XVI вѣка можно

---

[35]) Ibid., p. 17, 35.

[36]) Кампензе, въ «Библіотекѣ иностранныхъ писателей о Россіи», стр. 29.

[37]) Барбаро, 62.

[38]) G. de Lannoy, p. 36.

[39]) Кампензе, 12.

было еще сказать, что имя этой страны недавно стало извѣстно западной Европѣ [40]). На западѣ Московія со прикасается съ Литвой и Ливоніей, отъ которой отдѣляется рѣкой Нарвой и Чудскимъ озеромъ. На югъ отъ Московіи, тотчасъ за Рязанью, тянутся обширныя степи, по которымъ кочуютъ Татары. Къ востоку, выходя своими владѣніями за предѣлы Европы, Московія соприкасается съ Скиѳіей или Азіатской Сарматіей, которая за Дономъ или Танаисомъ, древней границей Европы и Азіи, тянется длинною и широкою полосой по Волгѣ на сѣверъ до самаго Океана и населена также Татарами. На сѣверѣ не указывается опредѣленной границы; говорится только, что съ этой стороны Московія простирается до Ледовитаго океана подъ самый сѣверъ; на этихъ пространствахъ живутъ безчисленныя племена въ безграничныхъ лѣсахъ, которые, не прерываясь, тянутся на сѣверо-востокъ до Гиперборейской Скиѳіи и никому неизвѣстнаго Скиѳскаго океана, на разстояніи трехъ мѣсяцевъ пути, по показанію Русскихъ, отъ которыхъ заимствовалъ свѣдѣнія о Московіи П. Іовій. Въ Московіи живутъ Москвитяне и многія другія племена, недавно покоренныя ими. На окраинахъ сѣверо-восточной Европы нашихъ географовъ оставляютъ всякія достовѣрныя свѣдѣнія; по ихъ представленіямъ, эти страны покрыты не только мракомъ неизвѣстности, но и дѣйствительнымъ мракомъ, въ которомъ живутъ дикіе Лапландцы и щебечущіе по птичьему пигмеи, неизвѣстные даже самимъ Москвитянамъ. Западные космографы знаютъ, что Москвитяне говорятъ тѣмъ же языкомъ и исповѣдуютъ ту же вѣру, какъ и Русскіе, подвластные Польшѣ; но историческая связь тѣхъ и другихъ представляется имъ уже смутно. Кампензе остается даже въ какомъ-то недоумѣніи, говоря, что весьма многіе и доселѣ считаютъ Русскихъ или Рутеновъ, подвластныхъ польскому королю, за одно съ Москвитянами, основываясь на одинаковости ихъ языка

[40]) Іовій въ «Библіотекѣ иностранныхъ писателей о Россіи», 22.

и вѣроисповѣданія [41]). Имя Москвитянъ сближается съ разными именами у Плинія, Птоломея и другихъ древнихъ географовъ, а Татары и другія племена, окружающія Московію съ сѣвера и сѣверо-востока, отожествляются съ Скиѳами.—Любопытно это постоянное заимствованіе географическихъ и этнографическихъ названій у древнихъ писателей. Во многихъ случаяхъ къ этому заставляла прибѣгать необходимость: не знали современныхъ мѣстныхъ названій. Но даже тамъ, гдѣ извѣстны были современныя туземныя названія, видимъ стараніе поставить рядомъ съ ними классическія, или изъ послѣднихъ вывести и объяснить первыя. Видно, что историческія воспоминанія о сѣверо-восточной Европѣ, основанныя на сказаніяхъ древнихъ, прерывались для западнаго географа XV или начала XVI в. тамъ, гдѣ оставляли его эти руководители, и, описывая современную Россію, онъ ничѣмъ лучше не надѣялся уяснить своимъ читателямъ собственныя извѣстія, какъ сближая ихъ съ классическими сказаніями. Дѣйствительно, у извѣстныхъ намъ иностранныхъ писателей о Россіи до второй четверти XVI вѣка мы находимъ самыя скудныя и смутныя историческія свѣдѣнія объ этой странѣ. Они помнятъ, что между Борисѳеномъ, Танаисомъ и Меотійскими болотами было когда-то царство Россовъ, столицей котораго былъ Кіевъ: это царство съ своей столицей было завоевано татарскимъ героемъ Батыемъ [42]); они помнятъ и другого татарскаго героя-завоевателя Тамерлана, котораго называютъ сыномъ Батыя. Этимъ почти и ограничиваются ихъ свѣдѣнія по исторіи Россіи до XV вѣка.

Герберштейнъ первый дѣлаетъ довольно точное опредѣленіе главнаго народа, живущаго въ сѣверо-восточной Европѣ за Польшей, и довольно подробно обозначаетъ предѣлы занимаемой ими области. Русскими, говоритъ онъ, называются вообще всѣ народы, говорящіе по-славянски

---

[41]) Кампензе, 20.

[42]) Кампензе, 17, 19.

и исповѣдующіе христіанскую вѣру по обряду греческому; они такъ размножились, что вытѣснили всѣ жившія между ними чуждыя племена или распространили между ними свои обычаи. Область этихъ Русскихъ простирается отъ Сарматскихъ горъ [43]), недалеко отъ Кракова, по Днѣстру до Днѣпра и Понта Эвксинскаго; только съ недавняго времени, на низовьяхъ Днѣстра и Днѣпра, утвердились Турки и Татары и, благодаря ихъ нападеніямъ на Днѣпровскую область, христіанско-русское населеніе не идетъ внизъ по Днѣпру далѣе города Черкасъ. Отъ городка Черкасъ граница русскаго племени идетъ вверхъ по Днѣпру до Кіева, потомъ за Днѣпръ по Сѣверской области и оттуда прямо на востокъ къ верховьямъ Дона, потомъ къ впаденію Оки въ Волгу, гдѣ можно положить границу распространенія христіанства съ этой стороны, ибо за этимъ пунктомъ на востокъ и югъ живутъ дикія племена магометанской вѣры, между которыми еще много язычниковъ. Опредѣляя точнѣе границу государства въ этомъ пунктѣ, Герберштейнъ полагаетъ ее на р. Сурѣ, отдѣляющей владѣнія Московскія отъ Казанскихъ; но при этомъ надо разумѣть только нижнее теченіе Суры, при впаденіи которой въ Волгу великій князь Василій Ивановичъ построилъ Васильсурскъ (Basilgorod). Отъ Нижняго вверхъ по Волгѣ граница идетъ прямой чертой до сѣвернаго Океана, оттуда чрезъ сѣверныя племена, подвластныя королю шведскому и государю московскому, по предѣламъ

---

[43]) Іоаннъ Ласскій такъ опредѣляетъ Европейскую Сарматію: Terra Sarmatica procedit a Polonia minori ex parte Occidentis versus Orientem per fluvium Borysthenem magnum ac per totam Sarmatiam Europaeam inclusive usque ad Tanaim et ad insulam Tauricam. Страна по ту сторону Дона извѣстна была подъ названіемъ Азіатской Сарматіи, которую Ласскій называетъ еще Скиѳіей: Tanais Scythiam et Sarmatiam dividit. «Histor. Russ. Monum.», I, № CXXIII. Такъ же опредѣляетъ границы Сарматіи и М. Меховскій «Библіографическіе отрывки», статья 3-я, «Отеч. Зап», т. XCVII отд. II, стр. 141.

Финляндіи, чрезъ Финскій заливъ (Sinus Livonicus), по восточнымъ краямъ Ливоніи, Самогитіи, Мазовіи и, наконецъ, Польши, гдѣ пограничная черта возвращается къ Сарматскимъ горамъ (по р. Сану). Въ Самогитіи и Литвѣ Русскіе перемѣшаны съ чуждыми иноязычными и иновѣрными племенами; однакожъ первые и здѣсь преобладаютъ. Политически эта область Русскаго племени принадлежитъ двумъ государствамъ: большая часть ея составляетъ Московское государство, меньшая принадлежитъ Литвѣ съ Польшей. Пограничная черта Литвы и Московіи шла въ первой половинѣ XVI вѣка по Днѣпру; правый берегъ принадлежалъ Литвѣ, лѣвый Москвѣ, кромѣ городовъ Дубровны и Мстиславля, входившихъ также въ составъ Польско-Литовскихъ владѣній. Опредѣляя точнѣе эту границу, Герберштейнъ говоритъ, что она начиналась въ 12 миляхъ отъ Смоленска со стороны Дубровны, отъ которой считалось до нея 8 миль. На сѣверо-западѣ граница Московскаго государства шла по пустыннымъ болотистымъ пространствамъ, лежавшимъ по теченію рѣки Великой; потому Герберштейнъ, проѣзжая этой стороной въ Москву, не могъ съ точностью разсмотрѣть и опредѣлить здѣсь пограничную черту; онъ говоритъ только, что эта черта проходитъ западнѣе Корсулы, не доѣзжая Опочки. Далѣе на сѣверъ пограничная черта съ Швеціей шла по р. Польнѣ, въ Корельской странѣ. О Корелахъ Герберштейнъ говоритъ, что они, находясь между Шведскимъ и Московскимъ государствомъ, платятъ дань и тому и другому. Въ концѣ вѣка тоже говоритъ Флетчеръ о Лопаряхъ, жившихъ сѣвернѣе Корелы: они подвластны русскому царю и королямъ датскому и шведскому, которые всѣ берутъ съ нихъ подать; но русскій царь имѣетъ здѣсь самое значительное вліяніе и получаетъ гораздо болѣе доходовъ, нежели прочіе. На сѣверо-востокѣ граница не могла быть точно опредѣлена вслѣдствіе постояннаго движенія завоеваній и колонизаціи въ этой странѣ. Въ русскомъ описаніи пути къ Оби Герберштейнъ прочиталъ,

что князья тюменскіе и югорскіе, племена по Оби и даже далѣе въ глубь Сибири подчинены московскому государю и платятъ ему дань; но и самъ Герберштейнъ усомнился въ вѣроятности этого, соображая, что эти данники не такъ еще давно нанесли много вреда Московскому государству своими набѣгами на его восточныя области [44]). Въ первой половинѣ XVI в. это показаніе дѣйствительно было невѣрно, но зато вѣрно выражало постоянное стремленіе государства, которое историческія условія принуждали двигать свое населеніе все далѣе и далѣе на сѣверо-востокъ, занимая и колонизуя пустынныя пространства сѣверо-восточнаго угла Европы и Сѣверной Азіи. Такой же неопредѣленностью должна была отличаться граница государства и на юго-востокѣ, потому что эти страны носили отчасти тотъ же характеръ и представляли государству ту же задачу, какъ и страны на сѣверо-востокъ отъ него, и если къ концу XVI в. сѣверо-восточное движеніе терялось въ безпредѣльныхъ пустыняхъ Сибири, то на юго-востокѣ оно нѣсколько раньше достигло, наконецъ, по крайней мѣрѣ, въ одномъ пунктѣ, своего естественнаго предѣла.

Позднѣйшіе писатели сообщаютъ намъ объ окраинахъ Московскаго государства болѣе подробныя, хотя далеко не полныя извѣстія, которыя позволяютъ въ общихъ чертахъ слѣдить за постепеннымъ его распространеніемъ на югъ, юго-востокъ и востокъ. Во время Герберштейна, Тула была самымъ крайнимъ городомъ Московскаго государства со стороны южныхъ степей, представлявшихъ привольное и просторное поприще для подвиговъ крымскихъ Татаръ. Этотъ степной край обозначается у писателей XVI и XVII в. общимъ именемъ Малой Татаріи или Европейской Сарматіи. Въ началѣ XVII столѣтія предѣлы государства съ этой стороны простирались уже до Борисова, Бѣлгорода

---

[44]) Herberstein, «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 1, 2, 60, 77, 76, 86, 90, 103.—Флетчеръ «О государствѣ Русскомъ», гл. 20-я.

и Царева города [45]). Впрочемъ по прямому направленію къ югу государство вмѣстѣ съ земледѣльческимъ населеніемъ двигалось медленнѣе, нежели по направленію къ юго-востоку, гдѣ помогалъ этому прямой и открытый водный путь, шедшій изъ средины государства до моря. Въ первой половинѣ XVII в. граница государства по правому берегу Волги настолько уже отодвинулась отъ устья Суры къ югу и настолько была безопасна, что въ Васильсурскѣ, имѣвшемъ первоначальнымъ своимъ назначеніемъ отраженіе татарскихъ набѣговъ, можно было не держать гарнизона [46]). Въ концѣ XVI в. правый берегъ Волги отъ того пункта, гдѣ съ другой стороны впадаетъ въ нее Кама, до Астрахани, назывался «крымскимъ берегомъ» (the Crim Side of Volga), который составлялъ восточный предѣлъ области крымскихъ Татаръ, простиравшейся на западъ до Днѣпра и далѣе, между южными предѣлами Московскаго государства и берегами Чернаго и Азовскаго моря. Въ XVII в. мы уже не встрѣчаемъ этого названія, а встрѣчаемъ по Волгѣ рядъ московскихъ городовъ, возникшихъ въ концѣ XVI в. [47]). Въ XVII в. граница государства значительно углублялась въ юго-восточный уголъ, въ горную область между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ. Герберштейнъ знаетъ Черкасъ (Circassi seu Ciki), обитавшихъ въ горахъ за Кубанью (Cupa), смѣлыхъ пиратовъ, которые по рѣкамъ, текущимъ съ этихъ горъ, выѣзжали въ Черное море и грабили купеческіе корабли, плывшіе изъ Кафы въ Константинополь и обратно. Эти Черкасы не подчинялись ни Туркамъ, ни Татарамъ; въ Россіи сказывали Герберштейну, что эти горцы христіане, въ религіозныхъ обрядахъ сходны съ Греками и отправляютъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, который есть вмѣстѣ

---

[45]) Царевъ-городъ находился въ 8 верстахъ отъ нынѣшняго Изюма. «Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», часть 3-я, примѣч. 15.

[46]) Olearius, 282.

[47]) Hakuyt's Collection, I, 472.

и разговорный ихъ языкъ [48]). Въ XVII в. обитатели этихъ горъ, сохранивъ прежнее имя, были уже магометанами. Подъ именемъ Черкасъ извѣстны были также полумагометанскіе и полуязыческіе обитатели страны, простиравшейся къ сѣверу отъ закубанскихъ горцевъ, между берегами Каспійскаго моря и Кавказскимъ хребтомъ. Здѣсь съ конца XVI в. стало утверждаться чрезъ Астрахань вліяніе Московскаго государства, сосредоточивавшееся въ Терскомъ городѣ [49]), который Олеарій называетъ крайнимъ пунктомъ московскихъ владѣній. Съ того же времени вліянію Московскаго государства открывался путь и далѣе, на Закавказье, но это вліяніе не могло утвердиться тамъ прочно по отдаленности этихъ странъ, хотя имена нѣкоторыхъ изъ нихъ еще съ конца XVI в. вошли въ титулъ Московскаго государя.

Прочнѣе и быстрѣе распространялись предѣлы государства на востокѣ. Страна на востокъ отъ Волги обозначается у иностранцевъ общимъ, неопредѣленнымъ именемъ Татаріи или Азіатской Сарматіи. Часть ея къ югу отъ бывшаго Казанскаго царства, отъ Камы до Каспійскаго моря, между Волгой и Яикомъ, составляла степную страну ногаевъ или мангатъ [50]). Главнымъ пунктомъ этой страны была Астрахань. Любопытно, что нѣкоторые иностранцы въ XVII вѣкѣ, при описаніи этого края, удерживаютъ одно географическое названіе, хотя предмета, имъ обозначившагося, давно уже не существовало: на лѣвой сторонѣ Волги они указываютъ мѣсто древняго Болгарскаго царства и довольно обстоятельно опредѣляютъ границы его

---

[48]) Herberstein, 74.

[49]) Terki, подъ 43° 23 с. ш., по опредѣленію Олеарія, на маленькой рѣчкѣ Теменкѣ, рукавѣ большой рѣки Büstro (стр. 338).

[50]) Olearius, 315.—Hakluyt, I, 363.—А. Дженкинсонъ, нѣсколько разъ ѣздившій по Волгѣ въ Персію и Бухарію, говоритъ, что предѣлы Ногайской области простирались къ юго-востоку до Туркменіи.

области: по ихъ словамъ, это царство находилось между царствомъ Казанскимъ и Астраханскимъ, простираясь между р. Камой и Самарой, отъ Волги до Яика. Столицей его былъ большой городъ Болгары, на лѣвомъ берегу Волги, въ XVII вѣкѣ онъ былъ уже селомъ и имѣлъ смѣшанное населеніе, состоявшее изъ Калмыковъ, Мордвы и Русскихъ [51]). Въ сѣверной полосѣ Ногайской страны обитали Черемисы; южная, большая половина ея была мѣстомъ кочеванья ногайскихъ ордъ. Сюда же, въ прикаспійскія степи на востокъ отъ Астрахани, по временамъ приходили изъ-за Яика Калмыки, тревожа своими разбоями Черемисъ и Ногаевъ [52]). Нельзя, разумѣется, ожидать отъ иностранца точности и опредѣленности въ показаніяхъ о разселеніи этихъ бродячихъ племенъ, чему мѣшалъ самый образъ жизни послѣднихъ. Герберштейнъ неопредѣленно говоритъ, что за Волгой живутъ Татары, называемые Калмыками; но въ его время Калмыки еще не успѣли перебраться изъ-за Яика всей массой и появлялись здѣсь отдѣльными толпами; преобладающимъ кочевымъ племенемъ на этихъ пространствахъ и въ XVII вѣкѣ долго оставались Ногаи, которые потомъ уступили приволжскія степи Калмыкамъ, удалившись на западъ, къ низовьямъ Днѣпра. Изъ словъ Штрауса можно заключить, что Калмыки во второй половинѣ XVII вѣка не появлялись сѣвернѣе Саратова и постоянно враждовали съ Ногаями [53]). Еще болѣе смутны показанія о племенахъ обитавшихъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ Ногайской страны. Герберштейну сказывали въ Москвѣ, что за Вяткой и Казанью, въ сосѣдствѣ съ Пермью, живутъ Татары тюменскіе, шибанскіе и козацкіе; изъ нихъ тюменьскіе обитаютъ въ лѣс-

---

[51]) Olearius, 292.—Mayerberg, II, 79—80.—Struys, 150. На картѣ, приложенной къ книгѣ Авриля, Болгары помѣщены между Казанью и Самарой. На этой картѣ стоитъ надпись: tirée de l'original de la chancellerie de Moscou.

[52]) Avril, 99.—Struys, 164.

[53]) Struys, 162: C'est en ce lieu (около Саратова) qu'on commence à voir de ces derniers (Calmuques).

ной странѣ, простирающейся прямо къ востоку отъ Перми [54]).

Кромѣ тюменскихъ Татаръ въ Москвѣ извѣстны были въ первой половинѣ XVI в. по ту сторону средняго Урала имена Обдорской и Кондійской земли, которыя скоро включены были въ титулъ государя. Въ русскомъ описаніи пути къ Оби Герберштейнъ читалъ, что въ области Иртыша, кромѣ Тюмени, есть городъ Ierom. По рѣкѣ Сосвѣ (Iossa) и къ сѣверу отъ нея по Оби живутъ Вогуличи и Угричи; въ области первыхъ есть городъ Lepin. Въ томъ же описаніи сообщаются смутныя, перемѣшанныя съ сказочными подробностями извѣстія о другихъ сибирскихъ племенахъ, жившихъ далѣе къ востоку, въ области верхней Оби и Енисея. На разстояніи двухъ мѣсяцевъ пути отъ устья Иртыша находится городъ Грустина; здѣсь живетъ народъ Грустинцы; отъ ихъ города до озера Китайскаго, по рѣкѣ Оби, вытекающей изъ этого озера, болѣе трехъ мѣсяцевъ пути. Въ Лукоморіи, горной и лѣсной странѣ, лежащей за Обью подлѣ Ледовитаго Океана, есть городъ Серпоновъ, гдѣ живетъ другой народъ Серпоновцы; съ Густинцами и Серпоновцами ведутъ нѣмой торгъ черные люди, лишенные дара слова человѣческаго, которые приходятъ отъ озера Китайскаго съ разными товарами, преимуще-

---

[54]) Herberstein, 74: Ultra Wiatkam et Kazan, ad Permiae viciniam Tartari habitant, qui Tumenskii, Schibanskii et Casatzkii vocantur.—Мейнерсъ («Vergleichung», I, 74) разумѣетъ подъ шибанскими Татарами Татаръ хивинскихъ; но сосѣдство съ Пермью, въ которое ставитъ Герберштейнъ шибанскихъ и казацкихъ Татаръ, показываетъ, что нѣтъ нужды искать первыхъ такъ далеко. Тѣми же самыми предѣлами ограничиваетъ онъ область, которую называетъ Сибирью, помѣщая ее и на картѣ, и въ описаніи страны въ области верхняго Яика, по обѣ стороны Южныхъ Уральскихъ горъ, т. е. въ нынѣшней Оренбургской губерніи, въ томъ краѣ, который еще въ первой половинѣ XVII в. извѣстенъ былъ въ Москвѣ подъ именемъ Башкиріи. Въ такомъ случаѣ не будетъ затрудненія признать въ Татарахъ казацкихъ Киргизъ-кайсацкія орды, жившія въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Башкирами.

ственно съ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Въ Лукоморіи живутъ другіе дикіе люди, съ однимъ очень страннымъ и баснословнымъ свойствомъ: разсказываютъ, что каждый годъ въ ноябрѣ они умираютъ или засыпаютъ, а на слѣдующую весну, въ апрѣлѣ, оживаютъ, подобно лягушкамъ или ласточкамъ. Грустинцы и Серпоновцы торгуютъ и съ ними, по особеннымъ образомъ. Когда настаетъ урочное время зимняго засыпанія, Лукоморцы кладутъ въ извѣстномъ мѣстѣ свои товары и скрываются; Грустинцы и Серпоновцы приходятъ и берутъ эти товары, оставляя взамѣнъ ихъ свои, въ соразмѣрномъ количествѣ. Если же Лукоморцы, проснувшись, найдутъ, что ихъ обманули, что оставленное ими не стоитъ взятаго, они требуютъ назадъ свои товары; отъ этого происходятъ у нихъ частыя ссоры и войны съ Грустинцами и Серпоновцами [55]). Съ горъ Лукоморіи течетъ большая рѣка Cossin, при устьѣ которой стоитъ городъ того же имени. Оттуда же вытекаетъ другая рѣка Cassima, которая впадаетъ въ большую рѣку Tachnin; за этой послѣдней, какъ разсказываютъ, живутъ также необыкновенные люди, изъ которыхъ одни покрыты шерстью, какъ звѣри, у другихъ собачьи головы, у нѣкоторыхъ вовсе нѣтъ ни головы, ни шеи, лицо помѣщается на груди; ногъ также нѣтъ, а есть длинныя руки [56]).

Такія представленія существовали въ Москвѣ въ первой половинѣ XVI вѣка о странѣ, куда скоро должна была направиться русская колонизація. Подобныя же представленія о сѣверной Азіи издавна распространены были и въ остальной Европѣ. Если Герберштейнъ, относясь къ нимъ съ недовѣріемъ, не находитъ однакожъ возможности совершенно отвергнуть ихъ, то писатели XVII вѣка пы-

---

[55]) Подобную нѣмую торговлю еще недавно вела одна отрасль Тунгусовъ, обитающая въ сѣверныхъ частяхъ Енисейской губерніи и Якутской области. О значеніи Грустинцевъ и Серпоновцевъ см. «Географ. извѣст. о древн. Россіи» въ «Отеч. Зап.» 1853, № 6.

[56]) Herberstein, 60—61.

таются уже по возможности объяснить эти баснословные разсказы. Въ Посольскомъ приказѣ, въ Москвѣ, Олеарій говорилъ съ двумя Самоѣдами, понимавшими по-русски, которыхъ соплеменники ихъ послали къ царю московскому съ подарками; эти Самоѣды передали Олеарію подробности объ образѣ жизни своего племени, и ими онъ объясняетъ нѣкоторые баснословные разсказы о сѣверныхъ странахъ. Разсказы о людяхъ съ собачьими головами, покрытыхъ шерстью и т. п., по его мнѣнію, произошли отъ того, что жители береговъ Ледовитаго Океана носятъ особеннаго рода верхнюю одежду изъ звѣриныхъ шкуръ, обращенныхъ шерстью наружу; она закрываетъ тѣло съ головы до ногъ и имѣетъ одинъ разрѣзъ около шеи; рукавицы пришиваются къ рукавамъ, такъ что когда въ зимнее время дикарь надѣнетъ эту одежду, у него видно только лицо изъ отверстія около шеи [57]). Подобнымъ образомъ объясняетъ Олеарій и басню о сѣверныхъ жителяхъ, умирающихъ на зиму, примѣняя объясненіе къ образу жизни ближайшаго и болѣе извѣстнаго ему племени Самоѣдовъ. Они живутъ въ шалашахъ, построенныхъ наполовину въ землѣ, съ отверстіемъ вверху, которое служитъ имъ трубой, а въ продолженіе зимы и дверью, ибо снѣгъ совсѣмъ засыпаетъ обыкновенный выходъ. Тогда Самоѣды скрываются въ своихъ шалашахъ, рѣдко вылѣзая на открытый воздухъ, и сообщаются между собой подземными ходами, которые они прокапываютъ отъ одного шалаша до другого. Такую подземную жизнь они переносятъ тѣмъ легче, что въ ихъ странѣ зимой нѣсколько мѣсяцевъ продолжается непрерывная ночь. Эта особенность, заключаетъ Олеарій, и послужила основаніемъ басни о народахъ, умирающихъ на зиму и оживающихъ весной [58]). Во второй половинѣ XVII вѣка подобные разсказы считались уже сказками старухъ, по выраженію Мейерберга. Между тѣмъ тотъ же Мейербергъ называетъ Самоѣдовъ людьми, которые ѣдятъ

---

[57]) Olearius, 127.

[58]) Ibid. 125—126.

другъ друга, хотя Олеарій, на котораго онъ при этомъ ссылается, говоритъ объ этомъ, какъ о прошедшемъ, не рѣшаясь признать, чтобы такъ было и въ его время [59]).

Жилища Самоѣдовъ простирались отъ р. Печоры до Каменнаго или Земного пояса (Сѣвернаго Урала), Вайгачскаго пролива и Татарскаго моря [60]), далѣе за Уралъ, по обѣимъ сторонамъ р. Оби, т.е. занимали двѣ области, Югорію,— между Печорой и устьемъ Кары, и Обдорію, по Оби [61]). Въ Печорской области, кромѣ Самоѣдовъ, живутъ Папины, около Папинова города. Весь приморскій край отъ Урала до границъ Норвегіи, съ находящимися къ сѣверу островами Ледовитаго океана, сдѣлался достояніемъ географіи только со второй половины XVI вѣка, благодаря экспедиціямъ, предпринятымъ компаніей англійскихъ купцовъ для открытія новыхъ странъ и рынковъ [62]). Къ западу отъ Бѣлаго моря, по Мурманскому берегу, лежитъ Лапландія, крайніе пункты которой суть Нордкапъ, Святой Носъ (Cape Grace) и Кандалакса. Обитающіе на этомъ пространствѣ Лопари охотно давали дань чиновникамъ, посылавшимся сюда изъ сосѣднихъ государствъ Датскаго, Шведскаго и Московскаго: этимъ средствомъ Лопари надѣялись пріобрѣсть себѣ право оставаться въ покоѣ отъ нападеній этихъ государствъ: такъ простъ и миролюбивъ этотъ народъ, замѣчаетъ одинъ изъ агентовъ англійской компаніи, описывая Лопарей [63]). Въ области мурманскихъ Лап-

---

[59]) Mayerberg, II, 99.—Olearius, 125: ils (Русскіе) vouloient marquer par là (названіемъ Самоѣдовъ) que ces peuples estoient anthropophages; parcequ'en effet ils mangeoient de la chair humaine, et mesmes celle de leurs amis trespassez, qu'ils méloient et mangeoient avec la venaison.

[60]) Такъ называетъ Олеарій, вѣроятно, Карское море.

[61]) Herberstein, 60.—Olearius, loc. cit.—Hakluyt,, I, 317.

[62]) Новая земля и Вайгачъ впервые были открыты и описаны англичанами въ 1556 году. Hakluyt, I, 306.

[63]) Hakluyt, I, 467.—Флетчеръ говоритъ, что Русскіе дѣлили Лопарей на мурманскихъ или норвежскихъ, и дикихъ. Ср. слова Р. Джонсона, Hakluyt, I, 316:

ландцевъ главнымъ пунктомъ служилъ Вардгузъ, далѣе котораго къ западу запрещено было ходить Русскимъ. Въ Лапоніи, принадлежавшей московскому государю, важными въ торговомъ отношеніи пунктами были Кола и Кегоръ [64]). Къ югу отъ Лапландіи, до предѣловъ Новгородской области простирается Карелія, нѣсколько разъ дѣлившаяся и переходившая изъ рукъ въ руки между двумя сосѣдними государствами [65]). Съ этой стороны граница между Швеціей и Московіей около половины XVII вѣка проходила въ нѣсколькихъ миляхъ къ югу отъ Нотебурга [66]). Граница съ Ливоніей шла по р. Наровѣ, Чудскому озеру и Пейпусу, далѣе къ югу пролегала по полямъ не далеко отъ Печорскаго монастыря (въ Псковск. губерн.) [67]). Граница съ Польшей въ XVII вѣкѣ мѣнялась неоднократно. Послѣ смутнаго времени она опять отодвинулась отъ средняго Днѣпра ближе къ Москвѣ, оставивъ за собой Смоленскъ и Сѣверскую область, и только во второй половинѣ XVII вѣка возвратилась на Днѣпръ, захвативъ сверхъ Смоленска съ Сѣверской областью и восточную половину Малороссіи съ Кіевомъ. Со стороны Смоленска она шла даже западнѣе Днѣпра, именно по небольшой рѣчкѣ за Шкловомъ [68]).

Во второй половинѣ XVII вѣка такъ обозначали предѣлы Московскаго государства. Къ востоку оно граничитъ съ рѣками Обью и Днѣпромъ; къ югу съ Малой Татаріей или

---

in which lande (Lappia) be two maner of people, that is to say, the Lappians und the Scrickfinnes, which Scrickfinnes are a wilde people which neither know God nor yet good order.

[64]) Къ сѣверу отъ Колы. Hakluyt, 329.

[65]) Hakluyt, I, 316.

[66]) Olearius, II, ср. Herberstein, 56.

[67]) Mayerberg, I, 63. Во второй половинѣ XVII в. граница съ этой стороны заходила на нѣкоторое время далѣе Чудского озера къ западу, захватывая Дерптъ и нѣкоторые другіе города Ливоніи.

[68]) Tanner, 26.—Avril 284.—Korb, 29. Пограничнымъ литовскимъ городомъ съ этой стороны былъ Kadzin на рѣкѣ Brzeza.

степями крымскихъ Татаръ, отъ которыхъ отдѣляется рѣками Донцомъ, Десною и Псёломъ; къ западу съ Литвою, Польшей, Ливоніей и Швеціей по Днѣпру и Наровѣ; къ сѣверу граница заходитъ за Полярный кругъ и идетъ по Ледовитому Океану [69]). Заключающееся въ этихъ предѣлахъ пространство извѣстно было въ западной Европѣ подъ именемъ Московской или Великой Россіи, чаще же называлось Московіей [70]). Московское государство въ XVII вѣкѣ было самымъ обширнымъ изъ всѣхъ Европейскихъ государствъ: оно простиралось на 30 градусовъ или 450 нѣмецкихъ миль въ длину и на 16 градусовъ или 240 миль въ ширину [71]). * *108.000 кв. м.* X*).

II.

Пріемъ иностранныхъ пословъ въ Москвѣ.

Иностранныя извѣстія XV и XVI в. застаютъ Московское государство въ тотъ многознаменательный періодъ его развитія, когда оно, прочно утвердившись въ своей первоначальной основной области и собравъ средства и силы, обнаруживаетъ въ большихъ размѣрахъ стремленіе къ распространенію этой первоначальной области и быстро присоединяетъ къ ней окрестныя независимыя княжества, съ другой стороны, въ то же время образовавъ

---

[69]) Lyseck, 2: Terminos habet ab ortu communes Europae fines, h. e. Obium et Tanaim fluvios. Авторъ описанія посольствъ Карлиля съ большей точностью передвигаетъ древнюю границу Европы по Дону, далѣе къ востоку, на нижнее теченіе Волги, où il sépare l'Europe d'avec l'Asie. P. 25.

[70]) La grande Russie ou la Russie Moscovite, ordinairement nommée la Moscovie. Mayerberg, II, 37.

[71]) Olearius, 111.—Lyseck, 2. Полагаютъ, что въ началѣ XVII вѣка Московское государство заключало въ себѣ до 154.894 квадр. мил, тогда какъ въ половинѣ XV вѣка оно заключало не больше 15.000 квадр. миль. «Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», ч. 3-я, примѣч. 5.

сильную верховную власть, дастъ ей окончательную побѣду надъ враждебными ей родовыми и дружинными притязаніями, завѣщанными прежней исторіей. Такимъ образомъ два главныя явленія, тѣсно связанныя между собою, характеризуютъ внутреннее государственное движеніе означеннаго времени: объединеніе сѣверо-восточной Руси подъ властью московскаго государя и торжество самодержавія этой власти. Но прежде, нежели войдемъ въ подробности, которыя сообщаютъ иностранцы о Московскомъ государствѣ, познакомимся съ порядкомъ пріема иностранныхъ посольствъ, приходившихъ къ московскому государю и потомъ распространявшихъ у себя дома свѣдѣнія о видѣнномъ и слышанномъ въ Московіи. Это познакомитъ насъ съ первыми впечатлѣніями, которыя испытывали западные европейцы въ Московіи, и вмѣстѣ укажетъ намъ, какъ московскіе люди, особенно московское правительство относились къ заѣзжимъ иностранцамъ, какъ старались держаться передъ ними и въ какомъ видѣ представляли имъ положеніе своей страны.

Иностранный посолъ изъ болѣе отдаленныхъ западноевропейскихъ государствъ былъ въ XV в. рѣдкимъ необыкновеннымъ явленіемъ въ Москвѣ; съ XVI в. эти послы стали появляться здѣсь чаще и чаще, но и тогда появленіе ихъ задавало важную работу разнымъ служилымъ людямъ государства и занимало не одно засѣданіе государевой думы. Пріѣздъ иноземнаго посла, кромѣ того, имѣлъ часто и важное торговое значеніе: часто вмѣстѣ съ посольствомъ пріѣзжалъ цѣлый караванъ купцовъ съ иностранными товарами.

Иностранныя описанія этихъ посольскихъ поѣздокъ съ Запада въ Москву наполнены разсказами о лишеніяхъ и опасностяхъ, которыя посолъ встрѣчалъ на своемъ пути. Въ концѣ XVI в., когда дорога въ Москву была нѣсколько уже проторена для западнаго посла, Поссевинъ, зная по опыту ея трудности, старается однакожъ ослабить господствующее о нихъ представленіе и говоритъ, что на этомъ

пути не приходится переѣзжать ни чрезъ моря, ни чрезъ высокія горы, такъ что посолъ можетъ доѣхать до самой столицы Московіи на томъ же экипажѣ, на которомъ онъ выѣхалъ изъ Рима [72]); но западно-европейскому путешественнику, ѣхавшему въ Москву, едвали было легче отъ того, что ему на этомъ пути не приходилось переѣзжать черезъ моря, а отсутствіе высокихъ горъ съ избыткомъ вознаграждалось обширными лѣсами и пустынями безъ слѣдовъ дороги, гдѣ ему не разъ приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ.

Послы изъ западной континентальной Европы ѣхали въ Москву обыкновенно чрезъ Польшу и Литву; въ Краковѣ, если дѣло было зимой, ставили экипажи на сани и продолжали путь до Вильны. Отсюда открывались двѣ большія дороги къ Москвѣ: одна болѣе длинная, но менѣе трудная, шла чрезъ Ливонію на Новгородъ, другая кратчайшая, но сопряженная съ большими трудностями, шла чрезъ Минскъ, Борисовъ, Оршу, Дубровну на Смоленскъ и оттуда чрезъ Дорогобужъ, Вязьму и Можайскъ. Герберштейнъ въ 1516 году избралъ третій, средній путь—изъ Вильны на Полоцкъ и оттуда чрезъ Опочку и Новгородъ; но, кажется, онъ сильно раскаялся въ этомъ, потому что ему пришлось ѣхать глухимъ лѣснымъ краемъ, пограничнымъ между Литвой и Московіей, и потому страшно разореннымъ набѣгами съ обѣихъ сторонъ, небезопаснымъ отъ разбойниковъ и наполненнымъ такимъ множествомъ озеръ, болотъ и рѣкъ, что и сами туземцы, по его выраженію, не знаютъ имъ ни числа, ни названій. Этотъ путь отъ Вильны до Новгорода онъ проѣхалъ въ мартѣ въ 22 дня; оттуда въ апрѣлѣ въ недѣлю доѣхалъ до Москвы.—Въ началѣ второй половины XVI в. англичане впервые проѣхали въ Москву съ сѣвера, Сѣвернымъ Океаномъ и Бѣлымъ моремъ; но русскіе послы, уже въ концѣ XV в., ѣздили этимъ путемъ въ Данію.

Подъѣзжая къ Московскимъ предѣламъ съ запада, по-

---

[72]) A. Possevini «Moscovia», p. 84,

солъ посылалъ въ ближайшій московскій городъ извѣстить о себѣ намѣстника, при чемъ объявлялось, какого онъ званія, какъ велика его свита, и какимъ облеченъ онъ достоинствомъ или характеромъ. Въ Москвѣ строго различали три степени посольскаго достоинства: высшее достоинство принадлежало большому или великому послу, ниже было званіе посланника, послѣднею была степень гонца. Съ различіемъ этихъ степеней сообразовался самый пріемъ посла. Когда пристава узнали, что Мейербергъ, объявившій себя на границѣ цесарскимъ посланникомъ, въ грамотѣ императора прописанъ большимъ посломъ, они не знали, какъ принимать его и просили вывести ихъ изъ затрудненія, точнѣе объяснивъ имъ свой характеръ. Намѣстникъ тотчасъ посылалъ съ извѣстіемъ о посольствѣ къ государю, а навстрѣчу послу отправлялъ болѣе или менѣе значительнаго человѣка со свитой, смотря по характеру посла и по важности того государя, отъ котораго шелъ онъ. Посланный, въ свою очередь, посылалъ съ дороги кого-нибудь изъ своей свиты объявить послу, что навстрѣчу ему идетъ большой человѣкъ, который дождется посла въ такомъ-то мѣстѣ. Большой человѣкъ встрѣчалъ посла, стоя со свитой среди дороги, и ни на шагъ не сторонился, чтобы дать проѣхать иностранцамъ, которые должны были при проѣздѣ сворачивать съ дороги. Зимой, когда такой объѣздъ былъ не очень удобенъ, подлѣ дороги расчищали снѣгъ, чтобы дать послу возможность проѣхать мимо, не завязнувъ въ снѣгу. Сошедшись, обѣ стороны прежде, чѣмъ начать объясненіе, должны были сойти съ лошадей или экипажей, о чемъ послу дѣлалось внушеніе заранѣе; отговориться отъ этого нельзя было ни усталостью, ни болѣзнью, потому что—объясняли встрѣчавшіе—ни говорить, ни слушать, что говорятъ отъ имени государя, нельзя иначе, какъ стоя. При этомъ, оберегая честь своего государя, московскій большой человѣкъ тщательно наблюдалъ, чтобы не сойти съ лошади первымъ, отъ чего часто происходили важныя недоразу-

мѣнія и споры съ иностраннымъ посломъ. Когда всѣ спѣшивались, большой человѣкъ подходилъ къ послу съ открытой головой и въ довольно длинной рѣчи извѣщалъ его, что онъ посланъ намѣстникомъ великаго государя проводить посла до такого-то города и спросить его, благополучно ли онъ ѣхалъ. При этомъ, гдѣ случалось упоминать имя государя, сказывался его титулъ съ перечисленіемъ главнѣйшихъ княжествъ. Затѣмъ посланный протягивалъ послу руку и, дождавшись, пока тотъ обнажитъ также голову, уже неоффиціально спрашивалъ его, благополучно ли онъ ѣхалъ. Наконецъ, сѣвъ на лошадей или въ экипажи, посолъ съ свитой отправлялся объѣздомъ мимо большого человѣка, который при этомъ справлялся объ имени и родѣ посла и каждаго изъ его свиты, также объ именахъ ихъ родителей, о мѣсторожденіи, какой кто знаетъ языкъ, изъ какого званія, не родственникъ ли послу и т. д., о чемъ тотчасъ въ подробности писали въ Москву. За посломъ и его свитой двигались, на значительномъ отъ нихъ разстояніи, посланный и его спутники, наблюдая, чтобы никто изъ иностранцевъ не отставалъ отъ своихъ. Ѣхали обыкновенно очень медленно, въ ожиданіи отвѣта изъ Москвы, что иногда выводило пословъ изъ терпѣнія. Герберштейнъ на разстояніи 12 нѣм. миль отъ границы до Смоленска ночевалъ три раза, дважды подъ открытомъ небомъ на снѣгу. Проводники готовили ночлегъ и доставляли все нужное. Въ большихъ городахъ, наприм., Смоленскѣ, Новгородѣ, намѣстники угощали пословъ разными родами винъ и медовъ и, если посолъ былъ отъ важнаго государя, дружбой съ которымъ дорожили, его допускали въ крѣпость города, дѣлая ему честь пушечной пальбой. Въ Смоленскѣ или Новгородѣ посла встрѣчали обыкновенно пристава изъ Москвы и провожали до столицы. Если отвѣтъ изъ Москвы не приходилъ долго, то пристава подъ разными предлогами старались какъ можно долѣе проволочить время, не двигаясь впередъ. Съѣстные припасы доставлялись иногда вмѣстѣ съ приставами изъ Москвы и слѣдовали за по-

сольскимъ поѣздомъ, потому что въ пустынной странѣ, по которой лежала иногда дорога, ихъ трудно было доставать въ мѣстахъ стоянокъ. Случалось, что благодаря дорожнымъ приключеніямъ, или корыстнымъ расчетамъ приставовъ, послы оставались на цѣлый день безъ пищи; между тѣмъ пристава строго смотрѣли, чтобы посолъ ничего не покупалъ дорогой. Однажды это такъ раздражило Герберштейна, что онъ пригрозилъ разбить приставу голову, если онъ не будетъ лучше заботиться о пищѣ или не позволитъ покупать ее у мѣстныхъ жителей.

По обычаямъ московскаго двора, иноземное посольство, съ самаго вступленія на почву Московскаго государства, освобождалось отъ всякихъ путевыхъ издержекъ. Не только продовольствіе посольства, но и перевозка его до столицы производилась на счетъ московскаго государя. Для послѣдней цѣли по главнымъ дорогамъ устроены были ямы или станціи, которыя ставили для посольства извѣстное количество верховыхъ лошадей и подводъ для перевозки посольства и его багажа. Подводы состояли изъ телѣгъ, запряженныхъ каждая въ одну лошадь. Съ этими подводами приставамъ и посольству было не мало хлопотъ. Подводчики, стараясь избавиться отъ повинности, иногда тайкомъ убѣгали отъ посольства, уводя съ собой лошадей или даже бросая ихъ на волю посольскихъ служителей. Корбъ совѣтуетъ строго смотрѣть за ямщиками при смѣнахъ, чтобъ они чего не стащили у посольства, потому что, замѣчаетъ онъ, эти извощики страшные воры. Другое затрудненіе происходило отъ дурного состоянія дорогъ: мосты чинили иногда во время самаго проѣзда пословъ, при чемъ происходили шумныя сцены у приставовъ съ мѣстными поселянами [73]). Въ полумили отъ Москвы послу объявляли гонцы, что въ такомъ-то мѣстѣ ждутъ его большіе люди отъ государя, предъ которыми надо сойти съ лошадей или экипажей на землю. Придворные, выѣзжавшіе навстрѣчу по-

---

[73]) Korb, 36.

слу, старались болѣе всего повести дѣло такъ, чтобы посолъ первый обнажилъ голову, первый вышелъ изъ экипажа, или слѣзъ съ лошади: это значило оберегать честь государя. Если посолъ не зналъ хорошо обычаевъ московскихъ дипломатовъ, онъ не обращалъ на это вниманія и много проигрывалъ во мнѣніи послѣднихъ. Но послы, знавшіе, какое значеніе придавали въ Москвѣ этимъ формальностямъ, особенно польскіе, принимали подобныя же мѣры съ своей стороны и оттого при встрѣчахъ происходили безконечныя, часто шумныя ссоры. Въ ожиданіи посла, высланные встрѣчать его стояли на дорогѣ длиннымъ рядомъ и когда обѣ стороны спѣшивались и сходились вмѣстѣ, одинъ изъ большихъ людей отъ имени государя (при чемъ сказывался уже полный титулъ) справлялся о здоровьѣ государя, отъ котораго ѣхалъ посолъ; другой такимъ же образомъ извѣщалъ, что они назначены проводить посла до квартиры и заботиться о доставленіи ему всего нужнаго. Если пословъ было двое или болѣе, то съ такими рѣчами обращались къ каждому отдѣльно. Затѣмъ первый прежнимъ офиціальнымъ образомъ справлялся отъ имени своего государя, благополучно ли посолъ ѣхалъ; другой представлялъ ему осѣдланныхъ лошадей въ подарокъ отъ государя. Пока говорили эти рѣчи и отвѣчали на нихъ, обѣ стороны стояли съ открытыми головами, потомъ подавали другъ другу руки и неофиціально повторяли взаимныя привѣтствія. Затѣмъ обѣ стороны садились на лошадей или въ экипажи, при чемъ вся ловкость московскихъ приставовъ устремлялась на то, чтобъ прежде посла надѣть шапку, первымъ вскочить на лошадь или въ экипажъ. Чтобъ вѣрнѣе успѣть въ этомъ, прибѣгали ко всевозможнымъ уловкамъ: Олеарій разсказываетъ, что при встрѣчѣ турецкаго посла въ 1634 г. послѣднему нарочно подали горячую лошадь, на которую нельзя было сѣсть скоро. По переѣздѣ чрезъ Москву-рѣку поѣздъ встрѣчали многочисленныя толпы народа, сбѣгавшагося изъ города и окрестностей. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ значитель-

ныхъ городахъ при проѣздѣ иностранныхъ пословъ, по приказу государя, обыкновенно собирали народъ въ городъ изъ окрестныхъ селеній, въ праздничномъ нарядѣ, чтобы этимъ внушить посламъ выгодное понятіе о населенности страны и зажиточности ея обитателей. Въ самыхъ городахъ при этомъ случаѣ запирали лавки, торговцевъ и покупателей гнали съ рынка, ремесленники прекращали свои занятія и наполняли улицы, по которымъ проѣзжало посольство.

Въ XVII в. еще чаще, нежели въ XVI-омъ, стали являться въ Москву блестящія посольства изъ западной Европы, и въ Москвѣ старались принимать ихъ съ соотвѣтствующимъ великолѣпіемъ и торжественностью: это былъ лучшій случай блеснуть предъ чужими людьми и внушить гостямъ самое выгодное понятіе о хозяевахъ. Вслѣдствіе этого, обрядность пріема усложнялась еще болѣе. Посольство до въѣзда въ столицу останавливалось въ какомъ-нибудь изъ подмосковныхъ селъ, чтобъ приготовиться къ торжественному въѣзду. Посольство выступало въ сопровожденіи многочисленнаго московскаго конвоя; при въѣздѣ англійскаго посольства въ 1664 г. ѣхали 200 саней, кромѣ посольскихъ служителей, шедшихъ пѣшкомъ. Пословъ съ обѣихъ сторонъ окружали пристава.—По мѣрѣ приближенія поѣзда посольскаго къ Москвѣ, его встрѣчали одинъ за другимъ отряды всадниковъ, въ одеждѣ разныхъ цвѣтовъ; они выстраивались по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой двигалось посольство. Послѣдній отрядъ, встрѣчавшій его подъ самымъ городомъ, былъ самый великолѣпный: это были «жильцы», на бѣлыхъ лошадяхъ, одѣтые всѣ въ красное платье, съ особеннымъ украшеніемъ назади, похожимъ на крылья, которое нѣкоторые иностранцы находили очень красивымъ [74]). Назначалось

[74]) Это были особеннаго покроя терлики, которые надѣвали конные «жильцы» при торжественныхъ придворныхъ случаяхъ. См. «Описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ», ч. I, примѣч. 166.

мѣсто, гдѣ посольство должны были встрѣтить придворные сановники, и чтобы обѣ стороны могли прибыть сюда въ одно время, передъ посольствомъ взадъ и впередъ скакали гонцы изъ города съ приказами ускорить или замедлить, а иногда вовсе остановить на нѣсколько времени движеніе поѣзда. Оттого поѣздъ двигался очень медленно: англійское посольство , вступая въ Москву 6 февраля 1664 г., съ 2-хъ часовъ до ночи не могло проѣхать 3-хъ верстъ. Встрѣтившись съ упомянутыми сановниками и исполнивъ обычныя формальности, послы вмѣстѣ съ новыми своими приставами перемѣщались въ экипажъ, обыкновенно высылавшійся для этого изъ дворца. Иностранцы подробно описываютъ взятыя съ казеннаго двора великолѣпныя одежды, въ которыхъ являлись пристава и вся ихъ свита; но особенно удивлялись множеству и богатству украшеній, которыми покрыты были лошади московскихъ сановниковъ и всадниковъ. При въѣздѣ въ городъ посольская и московская музыка, непрерывавшаяся съ самаго начала поѣзда,начинала играть громче. По обѣ стороны улицъ, по которымъ проѣзжало посольство, стояло рядами нѣсколько тысячъ стрѣльцовъ. Такое событіе, какъ въѣздъ великолѣпнаго иностраннаго посольства, не могло не возбуждать любопытства въ жителяхъ Москвы. Они высыпали изъ домовъ, и во множествѣ покрывали улицы, лавки, окна и кровли домовъ. При въѣздѣ польскаго посольства 1678 г., отличавшагося особенной пышностью, между зрителями видно было даже много дѣвицъ, набѣленныхъ и нарумяненныхъ. Можно было подумать, замѣчаетъ Мейербергъ при описаніи своего въѣзда въ Москву, что въ это время ни одной души не оставалось въ домахъ.

Западная Европа болѣе и болѣе привлекала къ себѣ любопытство московскихъ людей, а чтобы удовлетворить этому любопытству, посмотрѣть на ея представителей, понемногу начинали жертвовать вѣковыми предубѣжденіями, и со второй половины XVII вѣка встрѣчаемъ извѣстія, ярко рисующія это стремленіе. Областные правители, при

проѣздѣ иностраннаго посольства, начали чаще нарушать принятый обычай не видѣться лично съ послами; воеводы открывали имъ доступъ въ крѣпости, приглашали къ себѣ на пиръ, отваживались даже показывать иностранцамъ своихъ женъ, исполнявшихъ при этомъ всѣ обычаи, которыми сопровождалось явленіе хозяйки предъ почетными гостями. Разсказываютъ объ одномъ смоленскомъ воеводѣ, который при въѣздѣ посольства въ городъ, переодѣтый вмѣшался въ толпу крестьянъ, помогавшихъ поднять опрокинувшійся экипажъ посольства. Тоже любопытство проникало и въ такую сферу, гдѣ самое общественное положеніе заставляло съ особенной строгостью держаться въ предѣлахъ принятыхъ обычаевъ. При въѣздѣ Карлиля въ Москву въ 1664 году, царь съ царицей и дѣтьми рѣшились тайкомъ посмотрѣть на блестящій поѣздъ и для этого помѣстился гдѣ-то у воротъ кирпичной стѣны, чрезъ которыя должно было проѣхать посольство. Такъ какъ въѣздъ происходилъ ночью, то около этого мѣста улица была ярко освѣщена. Передъ самыми воротами пристава выдумали какой-то предлогъ къ остановкѣ поѣзда, продолжавшейся около четверти часа, чтобы дать царю и его семейству время насмотрѣться на иностранцевъ. Царица Наталія Кирилловна упросила царя въ 1675 г. назначить аудіенцію цесарскому послу де-Боттони въ селѣ Коломенскомъ, гдѣ ей удобнѣе было смотрѣть на посольство, и, приближаясь къ селу, пристава нарочно вели поѣздъ не прямой дорогой и замедляли его движеніе, чтобъ царица дольше могла любоваться зрѣлищемъ изъ дворцоваго сада. Впродолженіе ауденціи, она, помѣстившись на постели въ сосѣдней комнатѣ, смотрѣла чрезъ отверстіе въ двери на представленіе посольства; но маленькій Петръ выдалъ мать, неосторожно растворивъ дверь прежде, чѣмъ посолъ успѣлъ выйти изъ пріемной залы. Наконецъ въ 1698 г. съ той же цѣлью рѣшились провести посольство чрезъ Кремль, что изумило и иностранцевъ, и москвичей [75]).

---

[75]) Olearius, 24 и слѣд.—Mayerberg, I, 97.—Carlisle, 120.—Lyseck, 34, 48 и слѣд.—Tanner, 43—49.—Korb, 40.

Въ XVI вѣкѣ въ Москвѣ отводили посольству квартиру въ пустомъ зданіи безъ мебели, даже безъ постелей. Когда Герберштейнъ напомнилъ объ этомъ приставамъ, они отвѣчали, что у нихъ не въ обычаѣ давать посламъ постели. Пристава каждый день приходили къ послу, спрашивая, не терпитъ ли онъ въ чемъ недостатка. Съѣстные припасы приносилъ дьякъ, особо для того назначенный. Въ обращеніи съ послами пристава наблюдали строгое различіе, смотря потому, откуда и съ какимъ характеромъ пріѣзжалъ посолъ: съ большимъ посломъ обращались не такъ, какъ съ посланникомъ или гонцомъ; съ посломъ нѣмецкимъ не такъ, какъ съ польскимъ, литовскимъ, и проч. Также строго до мелочей опредѣлено было количество всѣхъ припасовъ, выдававшихся послу ежедневно, хлѣба, соли, мяса, перцу, овса, сѣна, и даже дровъ для кухни. Если посолъ хотѣлъ купить что-нибудь на рынкѣ, пристава очень сердились и всѣми мѣрами старались не допустить до этого, говоря, что это значитъ наносить безчестье государю. Спустя дня два по пріѣздѣ, пристава вывѣдывали чрезъ переводчиковъ, что намѣренъ посолъ дать имъ въ подарокъ, прибавляя, что они должны донести объ этомъ государю. Поссевинъ сильно жалуется на ихъ назойливость въ этомъ случаѣ и совѣтуетъ или прямо отказывать имъ, или обѣщать съ условіемъ, если будутъ хорошо вести себя [76]).

Квартира посламъ обыкновенно отводилась внѣ Кремля; останавливаться въ Кремлѣ не дозволялось. Контарини, по ходатайству русскаго посла, съ которымъ онъ возвращался изъ Персіи, пріѣхавъ въ Москву, поселился-было въ домѣ пріятеля своего Аристотеля, недалеко отъ дворца, но черезъ нѣсколько дней получилъ приказъ перебраться изъ Кремля на посадъ [77]).

Извѣстія XVII вѣка подробнѣе описываютъ и помѣщеніе, и содержаніе пословъ въ Москвѣ. Посольству, съ ко-

---

[76]) Herberstein.—Possevino.

[77]) Контарини, 108.

торымъ въ 1634 г. пріѣхалъ въ Москву Олеарій, отведено было помѣщеніе въ двухъ обывательскихъ домахъ въ Бѣломъ городѣ, потому что случившійся передъ этимъ пожаръ истребилъ домъ, въ которомъ обыкновенно останавливались иностранныя посольства. Во время пребыванія Олеарія въ Москвѣ этотъ домъ былъ возобновленъ. Усиленіе дипломатическихъ сношеній съ иноземными дворами заставило подумать объ устройствѣ для иностранныхъ посольствъ помѣщенія болѣе просторнаго, болѣе соотвѣтствовавшаго достоинству государя и блеску его двора. Вслѣдствіе этого при Алексѣѣ Михайловичѣ построено было великолѣпное каменное зданіе, которое подробно описываетъ Таннеръ. Этотъ новый посольскій дворъ находился въ Китаѣ-городѣ, недалеко отъ кремля [78]). Это было обширное зданіе въ 3 этажа, съ 4 башенками по угламъ. Надъ подъѣздомъ возвышалась пятая, большая башня, вокругъ которой устроены были въ 3 ряда, одинъ надъ другимъ, балконы («гульбища»), откуда открывался красивый видъ на Москву. Въ этомъ зданіи въ 1678 г. безъ труда помѣстилось съ экипажами и лошадьми польское посольство, состоявшее болѣе чѣмъ изъ 1500 человѣкъ. Среди зданія находился квадратный дворъ, съ колодеземъ посрединѣ. Въ комнатахъ вокругъ стѣнъ шли лавки; въ одной палатѣ посрединѣ стояли длинные столы съ такими же длинными скамьями, покрытыми, какъ и лавки, краснымъ сукномъ. Такимъ же сукномъ обита была нижняя часть стѣнъ надъ лавками, сколько могла захватить спина сидящаго человѣка. Въ одной изъ внутреннихъ комнатъ стѣны обиты были златотканными обоями, на которыхъ изображалась исторія Сампсона. Двое обширныхъ сѣней служили мѣстомъ прогулки и пріемными залами. Окна въ зданіи были узки и малы, пропускали скудный свѣтъ; въ нихъ было больше желѣза и камня, нежели сте-

---

[78]) Мейербергъ замѣчаетъ, что онъ находился недалеко отъ церкви Иліи Пророка, куда бывалъ торжественный царскій выходъ 20 іюля. I, 156.

кла, снаружи къ нимъ придѣланы были желѣзныя ставни. При домѣ были три обширныя кухни съ кладовыми, погребами и прочими хозяйственными принадлежностями [79]).

Во все время пребыванія пословъ въ Москвѣ ихъ окружали самымъ бдительнымъ надзоромъ. При дверяхъ занимаемаго ими дома ставились «караульщики», особые приставники сопровождали иностранцевъ, когда они по какимъ-нибудь дѣламъ выходили со двора, что впрочемъ не дозволялось безъ уважительной причины. Никому также нельзя было, не навлекая на себя опаснаго подозрѣнія, приходить къ послу и говорить съ нимъ по частнымъ дѣламъ; даже когда кто-нибудь изъ посольства заболѣвалъ, къ нему не допускались или рѣдко допускались придворные лѣкаря изъ иностранцевъ,—единственные тогда лѣкаря въ Москвѣ [80]).

Всѣ иностранцы XVI вѣка, ѣздившіе послами въ Москву и описавшіе свои поѣздки, съ большей или меньшей горечью жалуются на дурное обращеніе съ ними московскихъ приставовъ, на стѣсненія, которымъ посолъ подвергался въ Москвѣ,—говорятъ, что съ нимъ обращались презрительно, держали его скорѣе какъ плѣнника, нежели какъ министра иностраннаго государя, едва позволяли ему выходить изъ квартиры съ провожатыми, которые зорко слѣдили за каждымъ его шагомъ. Олеарій, всегда такъ акуратно отмѣчающій перемѣны и улучшенія, замѣченныя имъ въ жизни современнаго ему Московскаго государства сравнительно съ прежнимъ временемъ, знаетъ всѣ неудобства, которымъ въ былое время подвергались въ Москвѣ иностранные послы; но онъ оговаривается при этомъ, замѣчая, что въ его время положеніе посла въ Москвѣ много измѣнилось къ лучшему, что пословъ принимали тогда съ большей вѣжливостью, и послѣ первой аудіенціи посолъ и его свита безъ труда могли выходить изъ квартиры и осматривать городъ, даже безъ провожатыхъ. Оттого европейскіе го-

---

[79]) Olearius, 25, 40.—Tanner, 50 и слѣд.

[80]) Possevino, 36, 37, 98.

судари,—добавляетъ Олеарій,—не боятся теперь посылать въ Москву пословъ, а нѣкоторые даже имѣютъ тамъ постоянныхъ резидентовъ. При Олеаріи въ Москвѣ жили шведскій и англійскій резиденты; во второй половинѣ XVII вѣка упоминаются, кромѣ нихъ, резиденты датскій, польскій и персидскій. Но до первой аудіенціи пословъ держали попрежнему въ самомъ строгомъ заключеніи. Тотъ же Олеарій говоритъ, что едва голштинское посольство размѣстилось на своей квартирѣ, пристава принесли ему суточное содержаніе и, удаляясь, заперли ворота и приставили къ нимъ 12 стрѣльцовъ, съ приказаніемъ никого не пускать ни со двора, ни на дворъ; одни только пристава приходили къ посламъ каждый день, чтобъ развлекать ихъ и справляться, не имѣютъ ли они въ чемъ нужды. Послѣ перваго представленія государю посольство получало болѣе свободы. Посольству, съ которымъ Корбъ пріѣзжалъ въ Москву, позволено было даже до первой аудіенціи ѣздить къ резидентамъ, жившимъ въ Москвѣ, и принимать ихъ у себя; но это было уже въ послѣдніе годы XVII вѣка, когда многое пошло не по-старому. Устранены были нѣкоторыя жесткія формальности въ обращеніи съ послами; подозрительность къ иностранцамъ не обнаруживалась такъ рѣзко, какъ это бывало прежде, но она не исчезла и во второй половинѣ XVII вѣка. Съ прежней зоркостью слѣдили за тѣмъ, чтобы посольство не входило въ слишкомъ короткія сношенія съ жителями Москвы, особенно съ иностранцами. Посламъ говорили, что ихъ могутъ посѣщать всѣ, кому будетъ угодно, но на самомъ дѣлѣ устраивали такъ, что немногимъ удавалось проникнуть въ посольскій домъ. Стража подвергала строгому допросу желавшихъ видѣть посла и своей безцеремонностью у многихъ отбивала охоту къ подобнымъ посѣщеніямъ. Если иностранецъ, служившій въ русскомъ войскѣ, просилъ у своего начальника позволенія повидаться съ посольскими людьми, ему не отказывали, но внушали при этомъ оставить свое намѣреніе, чтобъ не возбудить подозрѣнія при дворѣ. Женщинамъ вовсе запре-

щено было входить въ посольскій домъ. Карлиль никакъ не могъ добиться позволенія англійскимъ купчихамъ изъ Нѣмецкой слободы видѣться съ его женой. Изъ отряда стрѣльцовъ, сторожившихъ посольскій домъ и ежедневно смѣнявшихся, нѣсколько человѣкъ размѣщались по потаеннымъ угламъ двора, съ цѣлью предупредить секретныя посѣщенія посольской квартиры; подъ каждымъ окномъ также стояло по нѣсколько сторожей. Такъ же заботливо старались помѣшать сношеніямъ посольствъ со своими дворами. Мейербергъ напрасно просилъ у московскаго двора и устно, и письменно позволенія сообщить въ Вѣну нѣкоторыя извѣстія о себѣ. Письма, посылавшіяся изъ-за границы посламъ въ Москву, вскрывались, прочитывались и потомъ уничтожались [81]).

Въ описаніяхъ иностранныхъ посольствъ находимъ нѣсколько указаній на количество припасовъ, ежедневно отпускавшихся на содержаніе посольства во время его пребыванія въ Москвѣ, равно какъ и на пути къ ней. Англійскому послу Рандольфу со свитой, состоявшей изъ 40 человѣкъ, въ 1568 г. на пути къ Москвѣ пристава ежедневно выдавали припасовъ на два рубля. Гольштинскому посольству 1634 года, свита котораго состояла изъ 34 человѣкъ, ежедневно выдавалось на содержаніе по 2 руб. 5 коп., и благодаря дешевизнѣ жизненныхъ припасовъ, которую послы встрѣчали на пути, этой суммы было совершенно достаточно для продовольствія ихъ со свитой. По прибытіи въ Москву, тоже посольство ежедневно получало на содержаніе по 62 коровая хлѣба, по четверти быка, по 4 барана, по 12 куръ, по 2 гуся, по одному зайцу или тетереву, по 50 яицъ, по 10 коп. на свѣчи и по 5 на мелочные расходы по кухнѣ, по четверти ведра испанскаго вина, по два ведра меда, по три четверти ведра пива и нѣсколько меньше водки [82]); кромѣ того посольскимъ слугамъ отпу-

---

[81]) Olearius, 26, 184.—Mayerberg, I, 132—135; II, 138.—Carlisle, 141.—Lyseck, 89.—Korb, 49.

[82]) Olearius, 96: huit pots d'hydromel, trois pots de

скалось по бочкѣ пива, по боченку меда и по боченку же водки. Сверхъ всего этого выдавали на недѣлю пудъ масла и столько же соли, три ведра уксусу, да по воскресеньямъ прибавляли мяса по 2 барана и одному гусю. Въ день прибытія посольства въ Москву, также въ дни большихъ праздниковъ и придворныхъ торжествъ, содержаніе посольства удвоялось [83]). Иногда пристава приносили посольству уже готовыя кушанья, что ставило иностранцевъ въ большое затрудненіе, потому что московскія блюда рѣдко были имъ по вкусу, и гораздо удобнѣе было для нихъ получать сырые припасы, которые они могли приготовлять по-своему. Съ XVII в. начинаемъ встрѣчать извѣстія о томъ, что пристава на пути къ Москвѣ предоставляли посламъ на выборъ—получать ли содержаніе припасами, или брать прямо деньги, назначенныя для этого изъ казны; послы, разумѣется, охотнѣе соглашались на послѣднее, тѣмъ болѣе, что при покупкѣ припасовъ самимъ посольствомъ, пристава назначали таксу, чтобъ продавцы не могли запрашивать слишкомъ много за свои товары [84]).

Въ первые дни, по прибытіи посольства въ Москву, пока въ думѣ наводились справки и шли разсужденія о немъ, посламъ предоставлялось отдыхать отъ дороги; но иногда это отдохновеніе продолжалось такъ долго, что наскучивало имъ. Здѣсь также дѣло не обходилось безъ проволочекъ, подобныхъ тѣмъ, какія испытывалъ посолъ на пути къ Москвѣ: назначатъ день для представленія государю, потомъ отложатъ и т. д. Наконецъ объявляли рѣшительный срокъ; наканунѣ его пристава нѣсколько разъ приходили къ послу, внушая ему приготовиться къ явленію предъ свѣтлыя очи государя. Утромъ, на другой день, тѣ же

bière et trois petits pots d'eau de vie. Такъ какъ въ спискѣ припасовъ, выдававшихся на содержаніе Боуса, галлонъ, содержащій 8 пинтъ, приравнивается къ тогдашнему московскому ведру, а пинта—$^1/_2$ pot, то мы полагаемъ въ тогдашнемъ ведрѣ 4 pots. См. Hakluyt's Collection, I, 519.

[83]) Olearius, 15, 96.

[84]) Ibid.—Korb, 34.

пристава являлись къ послу въ богатыхъ парчевыхъ одеждахъ, которыя они надѣвали въ сѣняхъ посольскаго дома, и объявляли о приближеніи бояръ, которые имѣли представить посла во дворецъ, добавляя, чтобы посолъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу. Бояре, съ многочисленной свитой подъѣхавъ къ посольской квартирѣ, сходили съ коней, но не входили въ домъ, а ждали выхода посла, стараясь сдѣлать такъ, чтобы посолъ дальше вышелъ къ нимъ навстрѣчу. Сѣвъ на коней или въ экипажи, которые присылались изъ дворца, отправлялись въ Кремль, обыкновенно чрезъ Спасскія ворота. Поѣздъ, какъ и при въѣздѣ въ столицу, двигался между рядами нѣсколькихъ тысячъ стрѣльцовъ, съ прежними замедленіями и остановками, чтобъ привести пословъ во дворецъ именно въ ту минуту, когда царь садился на престолъ. Массы народа по-прежнему наполняли ближайшія улицы и покрывали окна и кровли домовъ. Въ Кремлѣ поѣздъ встрѣчали разные служилые люди въ богатомъ платьѣ, которые вели посла къ дворцу. Въ 1582 г., когда происходили бесѣды Поссевина съ царемъ о вѣрѣ, при проходѣ іезуита во дворецъ, огромныя толпы придворныхъ служителей и народа наполняли кремлевскую площадь, ступени крыльца, сѣни, окна и переходы дворца. Идя на третій диспутъ, Поссевинъ видѣлъ на площади Кремля по крайней мѣрѣ тысячъ пять простого народа. Далеко не доѣзжая до крыльца, всѣ сходили съ коней и шли далѣе пѣшкомъ. Подлѣ крыльца у пословъ и ихъ свиты отбирали оружіе, съ которымъ никто не могъ являться предъ государемъ. Съ Красной площади во дворецъ вели три лѣстницы, изъ которыхъ каждая имѣла, какъ объясняли Лизеку, особенное назначеніе въ обрядѣ пріема посольствъ: среднею вводили во дворецъ пословъ турецкихъ, персидскихъ и прочихъ бусурманскихъ, правою—пословъ христіанскихъ, лѣвою—тѣхъ изъ послѣднихъ, которымъ хотѣли оказать особенную почесть [85]). На половинѣ лѣстницы

[85]) О положеніи этихъ трехъ лѣстницъ см. «Домашній бытъ русскихъ царей» И. Забѣлина, стр. 68.

посла встрѣчали государевы совѣтники, которые вели его до вершины лѣстницы, гдѣ, передавъ его высшимъ совѣтникамъ, сами слѣдовали позади. При входѣ въ палаты посла встрѣчали первостепенные бояре, которые вели его къ государю. Переднія палаты, которыя проходилъ при этомъ посолъ, были наполнены князьями, боярами и другими важнѣйшими придворными людьми, между которыми особенное вниманіе иностранцевъ обращали на себя старики съ длинными сѣдыми бородами, сидѣвшіе и стоявшіе вдоль стѣнъ переднихъ палатъ: это были гости, или важнѣйшіе купцы государевы, присутствовавшіе здѣсь для того, чтобъ своей почтенной наружностью придать больше важности и торжественности обстановкѣ пріема. Какъ на нихъ, такъ и на сановникахъ, находившихся здѣсь, были богатые парчевые кафтаны и превысокія шапки, похожія на башни, по выраженію Рейтенфельса [86]). Проходя мимо этихъ людей, Герберштейнъ былъ нѣсколько удивленъ одной замѣченной въ нихъ странностью, «при нашемъ появленіи, говоритъ онъ, никто изъ нихъ не сдѣлалъ намъ никакого привѣтствія и даже пріятельски-знакомые съ нами, когда мы кланялись имъ и заговаривали съ ними, оставались совершенно неподвижны и ничего не отвѣчали намъ, какъ будто не замѣчали нашихъ поклоновъ и вовсе не были съ нами знакомы. При входѣ посла въ палату, гдѣ находился самъ государь, бояре, сидѣвшіе по лавкамъ въ шапкахъ, вставали и снимали ихъ. На нихъ длинная до пятъ одежда (ферезь), которую иные, за неимѣніемъ своей, брали на этотъ случай изъ государевыхъ кладовыхъ. Ченслеръ, представлявшійся царю въ 1553 г., видѣлъ здѣсь бояръ человѣкъ до 100, во время пріема польскаго посольства 1678 г. Таннеръ насчиталъ ихъ до 500, всѣ они хранили глубокое молчаніе впродолженіе аудіенціи, пристально слѣдя за всѣми движеніями государя [87]). Государь сидѣлъ на возвышен-

---

[86]) Это были такъ-называвшіяся «горлатныя» шапки. См. «Описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ», т. I, рисун. №№ 13 и 14.

[87]) Miro silentio ab ore nutuque Principis pendent, по выраженію Поссевина.

номъ мѣстѣ, на престолѣ, по правую сторону котораго на стѣнѣ висѣлъ образъ Спасителя, а надъ головой государя—образъ Божіей Матери. Престолъ помѣщался не посрединѣ палаты, а къ углу, между двумя окнами [88]). По правую сторону на пирамидальной подставкѣ изъ чеканнаго серебра находилась держава изъ массивнаго золота. По обѣимъ сторонамъ около престола стояли четыре тѣлохранителя (рынды «для береженія») въ бѣлыхъ одеждахъ (турскихъ кафтанахъ) съ серебряными бердышами на плечахъ. На государѣ была также длинная до пятъ одежда; онъ сидѣлъ съ открытой головой; по правую сторону около него на скамьѣ лежала остроконечная шапка (колпакъ), похожая на голову сахара; въ рукѣ держалъ онъ посохъ съ изображеніемъ креста на верху, унизанный довольно большими хрустальными шариками. Олеарій видѣлъ въ рукахъ у государя золотой посохъ, который былъ такъ тяжелъ, что государь для облегченія держалъ его попеременно то въ той, то въ другой рукѣ. Здѣсь же на скамьѣ стояла вызолоченная лохань съ рукомойникомъ, покрытымъ полотенцемъ. Эта лохань должна была непріятно поражать пословъ, ибо извѣстно было, что въ ней государь моетъ руки послѣ пріема иностранныхъ пословъ; если вѣрить словамъ Герберштейна и Мейерберга, это омовеніе совершалось только послѣ пріема католическихъ пословъ. Поссевинъ выходитъ изъ себя при одномъ воспоминаніи объ этой лохани. Впрочемъ, во второй половинѣ XVII вѣка только одинъ Мейербергъ упоминаетъ объ этой лохани; Рейтенфельсъ, напротивъ, говоритъ, что обычай выставлять лохань при пріемѣ и даже мыть въ ней руки по окончаніи его давно уже оставленъ царями.

Какъ только посолъ входилъ въ пріемную палату, думный дьякъ или одинъ изъ первостепенныхъ бояръ докладывалъ о немъ государю. Ставъ противъ престола, посолъ передавалъ письмо и грамоту отъ своего го-

---

[88]) Olearius, 30.

сударя, при имени котораго московскій государь вставалъ и сходилъ съ верхней ступени престола. Когда оканчивались первыя привѣтствія, государь справлялся о здоровьѣ своего брата-государя и, пока посолъ отвѣчалъ, садился на прежнее мѣсто; потомъ, по приглашенію дьяка, посолъ подходилъ къ престолу и цѣловалъ руку государя, который при этомъ спрашивалъ его, благополучно ли онъ ѣхалъ. Затѣмъ поклонившись сперва государю, потомъ на обѣ стороны князьямъ и боярамъ, во все это время стоявшимъ изъ почтенія къ послу, послѣдній, по приглашенію того же дьяка, садился на скамью, которую ставили противъ государя, между тѣмъ какъ свита подходила къ государевой рукѣ. Послы изъ Польши, Литвы, Ливоніи, Швеціи и проч. являлись во дворецъ съ подарками или «поминками», которые думный дьякъ или одинъ изъ приставовъ подносилъ государю. Каждый изъ членовъ посольской свиты приносилъ особенный подарокъ и о каждомъ докладывалось особо, причемъ громко и внятно произносилось его имя и назывался подарокъ. Въ сторонѣ сидѣлъ дьякъ и записывалъ каждый подарокъ съ именемъ того, кто его подносилъ. Герберштейнъ явился безъ поминка, и когда ему напомнили объ этомъ, отвѣчалъ: «у насъ этого не водится». Но въ XVII вѣкѣ и цесарскіе послы обыкновенно пріѣзжали съ подарками. Посидѣвъ немного, посолъ получалъ отъ государя приглашеніе отвѣдать съ нимъ хлѣба-соли. Послѣ того, посла отводили въ другую палату, гдѣ онъ излагалъ и обсуждалъ съ думными людьми дѣла, касавшіяся его посольства. Если посолъ пріѣзжалъ для важныхъ и сложныхъ переговоровъ, эти разсужденія тянулись нѣсколько дней, даже мѣсяцевъ, сопровождаясь многими формальностями, крайне утомлявшими иностранцевъ. Всякій разъ, когда посолъ дѣлалъ новое предложеніе, разсуждавшіе съ нимъ думные люди шли къ государю за отвѣтомъ, который, иногда уже на другой день, въ точности передавали послу. Когда для отвѣта требовалось много предварительныхъ справокъ, его откладывали на нѣсколько дней.

Поссевинъ дивился той тщательности, съ которой московскіе думные люди выкапывали изъ архивныхъ дипломатическихъ актовъ за долгое время все, что могло обратить переговоры въ ихъ пользу. Потому отвѣты выходили иногда очень длинные. Медленность переговоровъ увеличивалась еще отъ порядка, въ какомъ передавались отвѣты. Въ нихъ, гдѣ было нужно, повторялись сполна титулы обоихъ государей, между которыми велись переговоры, и дословно передавались предложенія посла. Изложенный такимъ образомъ на нѣсколькихъ длинныхъ листахъ отвѣтъ раздѣлялся по листамъ между думными людьми и каждый изъ нихъ поочередно прочитывалъ свой листъ послу. Чтеніе это продолжалось иногда часа по 4, хотя, по замѣчанію Поссевина, весь отвѣтъ можно было бы передать менѣе, чѣмъ въ часъ. Копія съ прочитаннаго акта отдавалась послу.

Мейербергъ описываетъ порядокъ переговоровъ, которые онъ велъ въ Москвѣ съ боярами. Посла съ его товарищемъ ввели въ довольно обширную (отвѣтную) залу, въ которой подлѣ угла стоялъ длинный и узкій столъ. Пословъ пригласили сѣсть за столъ на придѣланной къ стѣнѣ лавкѣ; въ углу, на почетномъ мѣстѣ помѣстился первый изъ бояръ, назначенныхъ для переговоровъ, кн. Алексѣй Никитичъ Трубецкой. На одной съ нимъ лавкѣ, но дальше отъ стола, помѣстились двое другихъ бояръ; думный дьякъ сѣлъ особо, на скамьѣ недалеко отъ стола. Когда всѣ усѣлись, первый бояринъ всталъ, за нимъ поднялись и прочіе присутствующіе. Призвавъ Св. Троицу и сказавъ полный титулъ царя, онъ объявилъ посламъ, что государь выслушалъ ихъ предложеніе и велѣлъ перевести письмо цесаря. Второй бояринъ, сдѣлавъ такое же предисловіе, только сокративъ титулъ, сказалъ, что государь прочиталъ это письмо со вниманіемъ и увидѣлъ изъ него, что послы имѣли сдѣлать ему нѣкоторыя предложенія, касающіяся общаго блага обоихъ государствъ. Третій бояринъ тѣмъ же порядкомъ продолжалъ, что въ письмѣ на-

писано, чтобы вѣрили предложеніямъ, которыя должны были сообщить послы, что они, бояре, готовы исполнить. Наконецъ, думный дьякъ, еще разъ повторивъ то же вступленіе, объявилъ, что имъ, думнымъ людямъ, приказано отъ государя выслушать предложеніе пословъ. Тогда послы, вставъ вмѣстѣ съ прочими присутствующими, прочитали полные титулы сперва цесаря, потомъ царя; затѣмъ всѣ опять сѣли, и товарищъ посла прочиталъ по грамотѣ другое предложеніе своего государя, которое переводчикъ, по мѣрѣ чтенія, фразу за фразой, передавалъ по-русски. Выслушавъ предложеніе, бояре потребовали копіи съ него. Поговоривъ потомъ о разныхъ дѣлахъ, бояре съ дьякомъ вышли изъ палаты, чтобы сообщить государю новое предложеніе пословъ; послѣдніе между тѣмъ одни оставались въ палатѣ. Четверть часа спустя, возвратился одинъ дьякъ и объявилъ посламъ, что онъ докладывалъ государю объ ихъ предложеніи, но что отвѣтъ на него они получатъ послѣ, а теперь могутъ возвратиться на свое подворье.

Дипломатическіе пріемы московскихъ бояръ часто повергали въ отчаяніе иностранныхъ пословъ, особенно тѣхъ, которые хотѣли вести дѣло прямо и добросовѣстно. Они горько жалуются на двуличность и безцеремонность московскихъ дипломатовъ, на ихъ непостоянство и легкость, съ которой они давали и нарушали обѣщаніе. Чтобъ не попасть въ ихъ сѣти, недостаточно было увѣриться, что они лгутъ; надо было еще рѣшить, куда мѣтитъ эта ложь, что объ ней подумать. Если ихъ уличали во лжи, они не краснѣли и на упреки отвѣчали усмѣшкой. Какъ бы точно и рѣшительно ни былъ опредѣленъ и установленъ какой-нибудь пунктъ переговоровъ, въ случаѣ нужды они всегда находили возможность посредствомъ разнообразныхъ заученныхъ толкованій, ослабить его силу или даже представить его въ другомъ, неожиданномъ видѣ. Отличаясь такими качествами, московскіе думные люди могли бы назваться ловкими дипломатами, если бы въ равной степени обладали другимъ необходимымъ для этого условіемъ —

знаніемъ политическихъ дѣлъ Европы. Это знаніе было у нихъ крайне бѣдно и черпалось изъ скудныхъ и мутныхъ источниковъ. Прусская или голландская газета, занесенная въ Москву иноземнымъ купцомъ, которой они вѣрятъ, по выраженію Мейерберга, какъ дельфійскому оракулу, плѣнный солдатъ, готовый всего наговорить при допросѣ, лишь бы выпутаться изъ бѣды,—вотъ почти весь кругъ обыкновенныхъ источниковъ, изъ которыхъ заимствовались свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ Европѣ. Все это, по словамъ того же иностранца, до того затрудняло дѣятельность западныхъ пословъ въ Москвѣ, что имъ часто приходилось раскаяваться въ томъ, что они взяли на себя такую обязанность [89]).

Пока посолъ разсуждалъ съ боярами, готовили обѣдъ. При входѣ посла въ столовую всѣ приглашенные, уже сидѣвшіе по мѣстамъ, прежнимъ порядкомъ вставали, на что посолъ отвѣчалъ поклонами и садился на указанное государемъ мѣсто. Среди столовой стоялъ большой поставецъ, снизу квадратный, сверху сужившійся пирамидально, уставленный множествомъ золотой и серебряной посуды, въ которой особенное вниманіе англичанъ обратили на себя въ 1553 г. четыре огромныя вазы до 5 футовъ вышиной. Вокругъ, по сторонамъ столовой, разставлены были столы на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого. Англичане въ 1553 г. видѣли ихъ по 4 на каждой сторонѣ въ золотой палатѣ; эти столы стояли на помостѣ, возвышавшемся надъ поломъ на 3 ступени. Государь передъ обѣдомъ снималъ пышную одежду, въ которой принималъ пословъ, и являлся за столъ въ другой, обыкновенной бѣлой одеждѣ, что, по объясненію Рейтенфельса, означало дружественное расположеніе. Отъ стола государева до другихъ оставляли столько пространства, сколько можно захватить распро-

---

[89]) Mayerberg, I, 115—122. Тоже самое говоритъ и Котошихинъ о характерѣ и пріемахъ московскихъ думныхъ людей, которымъ поручались дипломатическія дѣла. Гл. IV, 24.

стертыми руками. Ниже государя сидѣли его братья или старшіе сыновья, если были. На болѣе значительномъ разстояніи отъ послѣднихъ помѣщались важнѣйшіе князья и бояре, по степени важности и значенія у государя. За дальнѣйшими столами по обѣимъ сторонамъ палаты садились остальные гости, приглашенные по особой милости государя; прямо противъ стола государева садились особо послы, а недалеко отъ нихъ посольская свита. Столы покрывались чистыми, но маленькими скатертями, и уставлялись сосудами съ уксусомъ, перцемъ, солью въ такомъ порядкѣ, что на каждыхъ 4-хъ гостей приходилось по одной уксусницѣ, одной перечницѣ и одной солонкѣ. Всѣ эти сосуды были изъ чистаго золота или серебра. Обыкновенно подавали столько разной посуды, что едва устанавливали ее на столахъ, а между тѣмъ недоставало многихъ необходимыхъ принадлежностей европейскаго стола, что ставило иностранцевъ, обѣдавшихъ у государя, въ большое затрудненіе [90]). Салфетокъ не употребляли вовсе; ножей, вилокъ и тарелокъ подавали очень мало. Бухау на парадномъ царскомъ обѣдѣ не нашелъ въ своемъ приборѣ ни ножа, ни тарелки; у сидѣвшаго подлѣ боярина ему удалось добыть одинъ ножъ для себя и своего товарища, которымъ они и пользовались вмѣстѣ впродолженіе всего обѣда. На обѣдѣ у перваго самозванца Паерле видѣлъ передъ столовой залой кучи серебряныхъ сосудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые были величиной съ котлы и ведра; но на столахъ онъ не замѣтилъ ни тарелокъ, ни ложекъ, кушанья большею частью состояли изъ пастетовъ, дурно приготовленныхъ [91]). Даже при Алексѣѣ Михайловичѣ, когда обѣдалъ у него Карлиль, каждому гостю подали только по одной тарелкѣ на весь обѣдъ. Посуда подавалась

---

[90]) D. Printz a Buchau, p. 194: orbibus et quarum rerum apud nos usus est caruimus.

[91]) Ulfeld, 35: Imperator (Ив. В. Грозный) et filius utebantur cultris ad longitudinem dimidiae ulnae, poculo modo et cochleari ligneo.

не всегда въ опрятномъ видѣ; поданная Карлилю серебряная посуда была такъ нечиста, что походила скорѣе на свинцовую. Пока разставляли посуду, въ столовую входило нѣсколько стольниковъ въ блестящихъ одеждахъ и, никому не кланяясь не снимая даже высокихъ шапокъ, становились вокругъ поставца. Государь, подозвавъ къ себѣ одного изъ служителей, давалъ ему продолговатый ломоть хлѣба и приказывалъ отнести его послу; подошедши къ послѣднему, служитель громко объявлялъ ему, что великій государь жалуетъ его, посылаетъ хлѣба съ своего стола. Пока онъ произносилъ это, посолъ и прочіе гости стояли. Принявъ хлѣбъ и положивъ его на столъ, посолъ молча кланялся сперва государю, потомъ всѣмъ присутствующимъ на обѣ стороны. Такія же посылки дѣлались и нѣкоторымъ другимъ изъ приглашенныхъ въ знакъ особой милости государя, что каждый разъ сопровождалось вставаньемъ всѣхъ гостей и поклонами получавшаго хлѣбъ. Когда государь хотѣлъ оказать кому-нибуль самую большую милость и любовь свою, тому посылалъ соли съ своего стола. Послѣ раздачи хлѣба стольники выходили и приносили водку, которую обыкновенно пили предъ обѣдомъ, потомъ жареныхъ лебедей, составлявшихъ первое блюдо на государевыхъ обѣдахъ, когда не было поста. Государю подносили трехъ лебедей и онъ пробовалъ ножемъ, который лучше. Выбранный тотчасъ выносился, разрѣзывался на части и на 5 тарелкахъ приносился опять государю. Отрѣзавъ по частичкѣ отъ разныхъ кусковъ, государь давалъ прежде отвѣдать ихъ стольнику, потомъ отвѣдывалъ самъ и посылалъ на тарелкахъ послу и кому-нибудь изъ остальныхъ гостей въ знакъ особой милости, причемъ повторялась прежняя церемонія вставаній и поклоновъ, доводившая непривычнаго иностранца до утомленія. Остальные лебеди разрѣзывались и подавались гостямъ на тарелкахъ, по 4 куска на каждый. Лебедей ѣли съ уксусомъ, солью и перцемъ. Для той же цѣли во все время обѣда стояли на столѣ сметана, соленые огурцы и сливы. Въ такомъ же по-

рядкѣ подавались и прочія блюда, съ той впрочемъ разницей, что уже не уносились изъ столовой, подобно жареному. Объ остальныхъ блюдахъ иностранцы не сообщаютъ подробностей; въ подачѣ ихъ они не находили никакого порядка и потому не могли припомнить, при множествѣ разныхъ блюдъ, что за чѣмъ слѣдовало. Въ постъ первымъ кушаньемъ, которымъ открывался обѣдъ, была икра съ зеленью. За ней на обѣдѣ, данномъ Карлилю, подали очень понравившуюся ему уху, потомъ рыбу въ разныхъ видахъ, вареную, жареную, въ пирогахъ; всѣхъ блюдъ подано было до 500. Изъ напитковъ на столахъ стояла обыкновенно мальвазія и другія вина, также разныхъ родовъ меды. Впродолженіи обѣда у поставца стояли 4 прислужника съ перекинутыми черезъ плечо полотенцами и кубками въ рукахъ. Обыкновенно государь приказывалъ подавать себѣ кубокъ одинъ или два раза впродолженіе обѣда. Когда онъ пилъ, подзывалъ къ себѣ посла и ласково приглашалъ его, какъ и прочихъ гостей, хорошенько ѣсть и пить. Многіе иностранцы, зная обычай русскаго гостепріимства, садились за столъ съ тревожной мыслью, что ихъ заставятъ пить много, и Карлиль былъ очень радъ, что его опасенія на этотъ разъ не оправдались, хотя впродолженіе обѣда ему часто напоминали не забывать государева здоровья. За столомъ говорили мало; изрѣдка обращался государь къ послу съ какимъ-нибудь вопросомъ. Такъ в. кн. Василій Ивановичъ между прочимъ спросилъ однажды Герберштейна, брилъ ли онъ бороду, и получивъ утвердительный отвѣтъ, прибавилъ: «и это по-нашему», а самъ первый изъ московскихъ государей, замѣчаетъ при этомъ Герберштейнъ, обрилъ себѣ бороду въ угоду второй своей женѣ. Бесѣда оживлялась предъ дессертомъ, когда посолъ долженъ былъ подойти къ столу государя и взять изъ рукъ послѣдняго заздравный кубокъ. Карлиль при этомъ принужденъ былъ выпить предложенный царемъ кубокъ въ память «мученика» короля Карла I, и царь долго говорилъ съ посломъ объ Англіи, о польской войнѣ, о его посоль-

ствѣ. Между тѣмъ стольники, въ началѣ обѣда бывшіе въ далматикахъ, на подобіе левитовъ, по выраженію Герберштейна, и подпоясанные, среди обѣда переодѣвались въ терлики, усыпанные драгоцѣнными камнями. Этихъ стольниковъ на посольскихъ обѣдахъ насчитывали иногда до 150, и впродолженіе обѣда они три раза перемѣняли платье. Обѣдъ продолжался три или четыре часа, иногда до самой ночи, такъ что оканчивался уже при огнѣ; обѣдъ, данный Карлилю, тянулся отъ 2-хъ до 11-ти часовъ пополудни. По окончаніи стола государь отпускалъ всѣхъ гостей домой; въ 1553 г. Англичане очень удивлялись, когда при этомъ царь назвалъ по имени каждаго изъ многочисленныхъ гостей, и недоумѣвали, какъ могъ онъ помнить столько именъ.

Но угощеніе посла не оканчивалось въ этотъ день пріемнымъ обѣдомъ во дворцѣ. Тѣ же люди, которые привели посла во дворецъ, вели его обратно на квартиру и приносили съ собой серебряныя чарки и другіе сосуды съ напитками, преимущественно съ разными медами. Такимъ образомъ въ посольскомъ домѣ пристава устраивали настоящую попойку; это называлось «поить посла», причемъ главнѣйшей заботой приставовъ было, во что бы ни стало, напоить посла какъ можно пьянѣе. Герберштейнъ дивится ихъ умѣнію потчивать въ этомъ случаѣ. Отказываться отъ приглашеній не позволялось ни подъ какимъ предлогомъ, потому что пили сперва за здоровье великихъ государей, а потомъ ихъ братьевъ, сыновей и другихъ родственниковъ, а когда и ихъ мало, начинали пить за здоровье важныхъ лицъ обоихъ государствъ. Осушивъ нѣсколько чарокъ, говоритъ Герберштейнъ, не иначе можно было избавиться отъ дальнѣйшей попойки, какъ притворившись очень пьянымъ или спящимъ. Изъ разсказовъ о польскихъ и татарскихъ посольствахъ мы знаемъ, что пристава часто вполнѣ достигали своей цѣли—напоить посла, причемъ дѣло не обходилось часто безъ печальныхъ исторій. Но при этомъ достигались иногда и другія важныя цѣли: подпившій посолъ не разъ проговаривался о томъ, что ему приказано было держать только на умѣ.

Олеарій замѣчаетъ, что съ нѣкотораго времени при Московскомъ дворѣ сталъ выводиться обычай приглашать пословъ послѣ первой аудіенціи къ государеву столу; посламъ объявляли обыкновенно, что имъ пошлютъ пищу со стола государева на посольское подворье. Дѣйствительно описанія пріемныхъ обѣдовъ во дворцѣ у иностранцевъ XVII в. встрѣчаются рѣдко; зато находимъ не лишенныя интереса подробности объ угощеніи пословъ на ихъ квартирѣ. По возвращеніи послѣднихъ съ первой аудіенціи, на посольскій дворъ привозили нѣсколько телѣгъ съ напитками и кушаньями, изготовленными на государевой кухнѣ, съ подвижными плитами для ихъ разогрѣванія и т. д. Приставъ покрывалъ скатертью только конецъ стола, гдѣ долженъ сидѣть посолъ, и только для него клалъ ножъ, вилку и ложку; свита должна была обойтись безъ этого. Кушанья, состоявшія преимущественно изъ разнаго рода печеній, затѣйливо приготовленныхъ, такъ щедро приправлялись масломъ, лукомъ и чеснокомъ, что иностранцы съ трудомъ могли ѣсть ихъ [92]); да объ этомъ и не заботились; московское хлѣбосольство выражалось вовсе не въ «ѣствахъ». Приставъ приносилъ съ собой длинный списокъ «здоровій», и впродолженіе стола предлагалъ ихъ одно за другимъ, начиная съ обоихъ государей, титулы которыхъ сказывались при этомъ сполна по бумагѣ, не выходившей изъ рукъ пристава до конца обѣда. Въ подачѣ напитковъ сохранялся строгій порядокъ. Для низшихъ служителей посольства выставлялся среди двора большой сосудъ съ водкой, изъ котораго всякій черпалъ, сколько хотѣлъ.

Въ остальные дни государь часто посылалъ послу кушанья съ своего стола. По окончаніи переговоровъ, для которыхъ пріѣзжалъ посолъ, государь иногда приглашалъ его съ собой на охоту или какую-нибудь другую потѣху,

---

[92]) Lyseck, 48: quibus [cupedinibus, allio et caepis conditis] potius Germanorum oculi, quam stomachus his condimentis non assuetus, cogebantur satiari.

а передъ отъѣздомъ на прощальный обѣдъ. Въ концѣ его, государь, вставъ съ своего мѣста, приказывалъ подать себѣ кубокъ, говоря, что онъ пьетъ въ знакъ любви и за здоровье своего брата-государя, прося посла передать послѣднему все, что онъ здѣсь видѣлъ и слышалъ. Потомъ государь подавалъ кубокъ послу, приглашая выпить его также за здоровье своего государя. Этотъ кубокъ, въ знакъ особенной милости, иногда дарился послу. Принявъ его, посолъ отступалъ нѣсколько назадъ, и, выпивъ, кланялся государю. Кубокъ этотъ былъ довольно великъ, и Контарини, небольшой охотникъ пить, едва могъ выпить четвертую долю того, что въ немъ было. Съ такимъ же приглашеніемъ обращался государь ко всѣмъ присутствовавшимъ на обѣдѣ. Послѣ того онъ подзывалъ посла къ рукѣ и отпускалъ его. Обыкновенно посолъ со всей свитой, не исключая и низшихъ служителей, получалъ отъ государя подарки, состоявшіе изъ шубъ и разныхъ мѣховъ. Герберштейнъ во второй пріѣздъ получилъ, сверхъ собольей шубы, два сорока соболей, 300 горностаевъ и 1500 бѣлокъ. Пословъ изъ западной Европы дарили почти исключительно мѣхами, преимущественно собольими; но пословъ татарскихъ и вообще восточныхъ государь жаловалъ, кромѣ того, разнымъ платьемъ, шапками, сапогами, даже матеріями на платье. Татарскіе послы были особенно падки на эти подарки, которые часто были единственной цѣлью ихъ пріѣзда въ Москву. Олеарій видѣлъ въ 1634 г. кавалькаду трехъ татарскихъ пословъ съ многочисленной свитой, направлявшихся во дворецъ: на нихъ было платье изъ грубаго краснаго сукна, а чрезъ нѣсколько часовъ татары съ гордостью возвращались изъ дворца, одѣтые въ камку, одни въ алую, другіе въ желтую. Того же добивались и разные владѣльцы, посылавшіе этихъ пословъ къ московскому государю. Не проходитъ почти года, замѣчаетъ Олеарій, безъ того, чтобъ татарскіе владѣльцы не посылали въ Москву посольствъ, не столько по дѣламъ, сколько для того, чтобы выманить у царя нѣ-

сколько мѣховъ и шелковыхъ одеждъ [93]). При отъѣздѣ посолъ долженъ былъ въ свою очередь дарить приставовъ; Поссевинъ совѣтуетъ давать имъ 25 или 30 золотыхъ и столько же ихъ служителямъ, если нельзя будетъ дать больше. Прежнимъ порядкомъ пристава провожали посольство до Московской границы и тамъ при разставаніи также получали подарки [94]).

III.

Государь и его дворъ.

Въ такой обстановкѣ являлась въ Москвѣ верховная власть передъ иностранными послами. Далеко отъ столицы, съ первыхъ шаговъ, на почвѣ Московскаго государства, наблюдательный иностранецъ начиналъ уже чувствовать вокругъ себя, на людяхъ, которыхъ онъ встрѣчалъ, могущественно дѣйствовавшее обаяніе этой власти, и долженъ былъ чувствовать это тѣмъ сильнѣе, что въ сосѣднихъ западныхъ государствахъ онъ встрѣчалъ совершенно противоположныя явленія. Умный австрійскій дипло-

---

[93]) Какъ безцеремонно пользовались татарскіе послы случаемъ поживиться въ Москвѣ, видно изъ того, что разсказываетъ Котошихинъ, гл. V, стр. 17: «И иные изъ тѣхъ пословъ, выпивъ романею и медъ, суды (сосуды) берутъ къ себѣ и кладутъ за пазуху; а говорятъ они послы: когда-де царь пожаловалъ ихъ платьемъ и питьемъ, и тѣмъ судамъ годитца быти у нихъ же, и у нихъ тѣхъ судовъ царь отнимати не велитъ, потому что спороватся съ бусурманомъ въ стыдъ: и для такихъ безстыдныхъ пословъ дѣланы нарочно въ англійской землѣ сосуды мѣдные, посеребряные и позолочены».

[94]) Herberstein, 89—97, 101—114.—Ulfeld, 35.—P. a Buchau, 194.—Possevino, 32, 78, 82, 99, 153.—«Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 148.—Контарини, 108—116.—Паерле въ «Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», ч. 2-я, стр. 58.—Olearius, 38, 184.—Maeyerberg, 110—112.—Lyseck, 58.—Tanner, 57—59.

матъ, хорошо знавшій состояніе сосѣднихъ съ Австріей странъ, проѣзжая чрезъ Венгрію, поетъ ей полную грустнаго чувства похоронную пѣснь, видя, какъ разоряютъ ее пышные и лѣнивые вельможи. Такихъ могущественныхъ и пышныхъ вельможъ долженъ былъ онъ прежде всего замѣтить и въ Польшѣ. Въ Литвѣ онъ дивится страшной вольности вельможъ и сосредоточенію въ ихъ рукахъ земельной собственности. Совсѣмъ иного рода явленія встрѣчалъ онъ въ Московскомъ государствѣ. Послѣ всѣхъ церемоній на пути, въ которыхъ московскіе пристава съ такой неумолимой строгостью оберегали честь своего государя, въ полумили отъ Москвы Герберштейнъ встрѣтилъ знакомаго старика, который былъ товарищемъ московскаго посла, ѣздившаго въ Испанію; онъ прибѣжалъ озабоченный, обливаясь потомъ, съ извѣстіемъ, что на встрѣчу посламъ ѣдутъ бояре. Когда Герберштейнъ спросилъ его, зачѣмъ бѣжалъ онъ съ такимъ спѣхомъ, тотъ отвѣчалъ: «у насъ служатъ государю не по вашему, Сигизмундъ»!—Поэтому иностранецъ, пріѣзжавшій въ Москву, и безъ особенной наблюдательности, только присматриваясь и прислушиваясь къ тому, что происходило и говорилось вокругъ него, могъ понять значеніе и размѣры власти московскаго государя. По описанію иностранцевъ, этотъ государь стоитъ неизмѣримо высоко надъ всѣми подданными и властью своею надъ ними превосходитъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ. Эта власть одинаково простирается какъ на духовныхъ, такъ и на свѣтскихъ людей; ни отъ кого не завися, никому не отдавая отчета въ дѣйствіяхъ, свободно располагаетъ государь имуществомъ и жизнью своихъ подданныхъ. Бояринъ и послѣдній крестьянинъ равны передъ нимъ, одинаково безотвѣтны предъ его волей. Такому значенію верховной власти соотвѣтствуетъ высокое понятіе о ней самихъ подданныхъ. Иностранцы дивятся благоговѣйной покорности, съ которой подданные относятся къ московскому государю. Слушая разсказы московскихъ пословъ, вѣнскій архіепископъ приходилъ въ умиленіе отъ такого по-

слушанія подданныхъ государю «яко Богу» [95]). Никто изъ подданныхъ, какъ бы онъ ни былъ высоко поставленъ, не смѣетъ противорѣчить волѣ государя или не соглашаться съ его мнѣніемъ; подданные открыто говорятъ, что воля государя—Божія воля, и государь—исполнитель воли Божіей. Когда ихъ спрашиваютъ о какомъ-нибудь сомнительномъ дѣлѣ, они отвѣчаютъ выраженіями, затверженными съ дѣтства, въ родѣ слѣдующихъ: это знаетъ Богъ да великій государь; одинъ государь знаетъ все; однимъ словомъ своимъ разрѣшаетъ онъ всѣ узлы и затрудненія; что мы имѣемъ, чѣмъ пользуемся, успѣхи въ предпріятіяхъ, здоровье,—все это получаемъ мы отъ милости государя,—такъ что, добавляютъ наблюдатели, тамъ никто не считаетъ себя полнымъ хозяиномъ своего имущества, но всѣ смотрятъ на себя и на все свое, какъ на полную собственность государя. Если среди бесѣды упомянутъ имя государя и кто-нибудь изъ присутствующихъ не сниметъ при этомъ шапки, ему тотчасъ напоминаютъ его обязанность; нищіе, сидя у церковныхъ дверей, просятъ милостыню ради Бога и государя. Разсказывать, что дѣлается и говорится во дворцѣ государевомъ, считается величайшимъ преступленіемъ. Въ день имянинъ царя никто не смѣетъ работать, хотя въ церковные праздники простой народъ вообще не прекращаетъ будничныхъ занятій. Въ челобитныхъ царю всѣ пишутся уменьшительными именами; бояре и всѣ служилые люди прибавляютъ къ этому «холопъ твой», гости,—«мужикъ твой», прочіе купцы—«сирота твой», боярыни—рабица или раба твоя», поселяне—«крестьянинъ твой», слуги бояръ—«человѣкъ твой».

---

[95]) Fabri въ «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 132: At illud singulare est, quod in ipsis summe commendari potest, ut nullus sit eorum tum illustris dives ac praepotens, quin accersitus a duce per quam humillimum etiam praeconem, statim advolet, omnibus mandatis sui Imperatoris, instar Dei, obtemperet, etiam in iis causis, quae vel vitae detrimentum periculumque exigere videntur.

Ясно и скоро, даже не изучая обычаевъ Постельнаго крыльца, поняли иностранцы и значеніе московскихъ вельможъ, ихъ характеръ и отношеніе къ государю. Какъ ни старались иные московскіе послы выставить предъ иностранными дворами могущество и богатство этихъ вельможъ, преобладаніе аристократіи въ Московскомъ государствѣ [96]), но довольно было иностранному послу бросить бѣглый взглядъ вокругъ себя при проходѣ по переднимъ палатамъ дворца и въ самой пріемной палатѣ, довольно было узнать, откуда достали многіе изъ толпившихся здѣсь магнатовъ свои дорогіе блестящіе кафтаны, чтобы понять, что это за вельможи и въ какихъ отношеніяхъ стоятъ они къ своему государю. Поссевинъ дивится отсутствію всякаго аристократическаго гонора въ этихъ вельможахъ, разсказывая, какъ большіе послы московскіе, пріѣхавъ на Киверову гору для заключенія мира съ Польшей, привезли съ собой товары и безцеремонно открыли лавки для торговли съ польскими купцами. Во второй половинѣ XVI вѣка всѣмъ особенно ясно сказывалось безсиліе этихъ вельможъ предъ верховною властью. Государь могъ каждаго изъ нихъ, кого захочетъ, лишить сана и имущества, которые онъ же и далъ ему, и низвести въ положеніе послѣдняго простолюдина. Всѣ вельможи, совѣтники и другіе люди высшаго класа называли себя холопами государя и не считали безчестіемъ для себя, когда государь приказывалъ кого-нибудь изъ нихъ побить за какой-нибудь проступокъ; побитый напротивъ оставался очень доволенъ, видя въ этомъ знакъ благосклонности государя, и благодарилъ его за то, что пожаловалъ, удостоилъ исправить

---

[96]) На основаніи ихъ разсказовъ, довѣрчивый вѣнскій архіепископъ Фабри писалъ въ 1525 г., что преобладаніе аристократіи составляетъ отличительную черту Московскаго государства и что тамъ есть такіе богатые и могущественные вельможи, которые выставляютъ государю во время войны по 30.000 всадниковъ. «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 132 и 141.

и наказать его, своего слугу и холопа[97]). Неудивительно, что люди, привыкшіе къ другимъ порядкамъ, побывавъ при московскомъ дворѣ, уносили съ собой тяжелое воспоминаніе о странѣ, въ которой все рабствуетъ, кромѣ ея властелина.[98]).

О составѣ двора государева иностранцы XVI вѣка сообщаютъ немного подробностей. Іовію русскіе послы говорили, что дворъ государя составляютъ важнѣйшіе князья и военные сановники, которые чрезъ опредѣленное число мѣсяцевъ поочередно вызываются изъ областей для поддержанія придворнаго блеска, для составленія царской свиты и отправленія разныхъ должностей[99]). Подлѣ царя всегда находился окольничій, принадлежавшій къ числу высшихъ совѣтниковъ государя; этотъ окольничій, по словамъ Герберштейна, занималъ должность претора или судьи, назначеннаго отъ государя. Изъ другихъ придворныхъ сановниковъ въ концѣ XVI вѣка упоминаются: конюшій бояринъ, смотрѣвшій за царскими лошадьми,—первый сановникъ при дворѣ; потомъ дворецкій, казначей, контролеръ, кравчій, главный постельничій и 3 фурьера. При дворѣ постоянно находились на стражѣ 200 жильцовъ-стряпчихъ, изъ дѣтей дворянъ. Ночью подлѣ царской спальни нахо-

---

[97]) Herberstein, 10, 11.—Guagnino въ «Rerum Moscoviticorum auctores varii», p. 179, 133.—Possevino, 22—25, 93—99.—Prinz a Buchau, 234.—Mayerberg, II, 32, ср. Котошихинъ, гл. VIII, ст. 5 и 6.—Коллинсъ въ «Русск. Вѣстн.» 1841, № 9, стр. 591.—Tanner, 76.

[98]) Carlisle, 314.

[99]) Іовій, 55.—У Герберштейна читаемъ на стр. 36: Solet (Princeps) quotannis ex suis provinciis ordine quosdam vocare, qui Moscowiae sibi omnia ac quaelibet praestant officia. Въ XVII в. стольники, жильцы и другіе придворные служители дѣлились на двѣ половины, изъ которыхъ каждая поочередно жила въ Москвѣ «для царскихъ услугъ, по полугоду, а другое полугодіе, кто хотѣлъ, отъѣзжалъ въ деревни свои до сроку». Котошихинъ, гл. II, ст. 7 и 20.

дился главный постельничій съ однимъ или двумя приближенными; въ сосѣдней комнатѣ сторожили по ночамъ еще 6 вѣрныхъ служителей, а въ третьей нѣсколько дворянъ изъ жильцовъ—стряпчихъ, которые чередовались каждую ночь по 40 человѣкъ; у каждыхъ воротъ и дверей во дворцѣ стояло на стражѣ по нѣскольку молодыхъ людей истопниковъ. Къ постоянной дворцовой стражѣ принадлежали также 2000 стремянныхъ стрѣльцовъ, которые поочередно стояли день и ночь съ заряженными пищалями и зажженными фитилями, по 250 у дворца, на самомъ дворѣ и у казначейства [100]).

Извѣстія XVII в. описываютъ съ большими подробностями лѣствицу чиновъ, сосредоточивавшихся при дворѣ, около особы государя. На верху ея стояли бояре, которыхъ, по словамъ Олеарія, при дворѣ было обыкновенно до 30; они занимали разныя или чисто-придворныя или государственныя должности, между которыми впрочемъ не проходило рѣзкой разграничительной черты. Трое изъ бояръ занимали три высшія должности въ государствѣ, принадлежавшія по существу своему къ дворцовому вѣдомству. Это были: конюшій бояринъ, дворецкій и оружейничій. Конюшій считался первымъ бояриномъ въ государствѣ [101]). Первымъ послѣ него былъ дворецкій, главный управитель государева двора, или «на́большій во дворѣ», какъ его называли въ простонародьѣ. За нимъ слѣдовалъ оружейничій, вѣдавшій придворный арсеналъ, украшенія дворца, принадлежности торжественныхъ царскихъ выходовъ и вообще все, что составляло обширное

---

[100]) Флетчеръ, гл. 27-я.

[101]) Котошихинъ, гл. VI, ст. 6. «А кто бываетъ Конюшимъ, и тотъ первой бояринъ чиномъ и честію». Въ XVII в. съ царствованія В. И. Шуйскаго, эта должность оставалась незамѣщенной, потому что, какъ говоритъ Котошихинъ, «прежъ сего конюшей Б. Годуновъ, что былъ царемъ, умыслилъ себѣ достать царство чрезъ убіеніе царевича Димитрія, и нынѣ въ такой чинъ допускати опасаются».

вѣдомство Оружейной палаты [102]). За боярами слѣдовали, по порядку чиновнаго достоинства, окольничіе, думные дворяне, думные дьяки или государственные секретари, спальники съ постельничимъ во главѣ, комнатный съ ключемъ, или главный камердинеръ, стольники и кравчій, стряпчіе, дворяне московскіе, наконецъ жильцы или пажи, дьяки и подьячіе. При дворѣ жило также множество низшихъ дворцовыхъ служителей и приспѣшниковъ. Число всѣхъ вообще слугъ, постоянно жившихъ при дворцѣ, на непосредственномъ содержаніи государя [103]), Олеарій полагаетъ больше 1000. Въ это число не входили стрѣльцы, составлявшіе царскую гвардію и находившіеся при дворцѣ «для обереганія». Вотъ люди, которыхъ иностранные послы встрѣчали при дворѣ московскаго государя въ качествѣ придворныхъ сановниковъ или служителей, употреблявшихся «для царскихъ услугъ». Тѣ же люди, восходя изъ чина въ чинъ, размѣщались по разнымъ приказамъ въ Москвѣ, служили орудіями государственнаго управленія, ибо вообще не полагалось строгаго различія между дѣломъ государевымъ и дѣломъ государственнымъ.

Бояре и прочіе люди высшихъ чиновъ, не «спавшіе на царскомъ дворѣ», тѣмъ не менѣе имѣли съ нимъ самую тѣсную связь, были постоянно на глазахъ у государя. Они постоянно жили въ Москвѣ, рѣдко отлучались въ свои деревни, и то не иначе, какъ спросившись у государя. Кромѣ торжественныхъ случаевъ при дворѣ, когда они въ парадномъ нарядѣ окружали государя, въ обыкновенное время они обязаны были каждый день и не одинъ разъ являться во дворецъ ударить челомъ государю. При дворѣ проводили они большую часть дня. По словамъ Маржерета, они вставали лѣтомъ обыкновенно при восходѣ солнца и отправлялись во дворецъ, гдѣ присутствовали въ думѣ

[102]) О составѣ ея вѣдомства см. «Домашній бытъ русскихъ царей» И. Забѣлина, стр. 82—83.

[103]) «Которые спятъ на царскомъ дворѣ», по выраженію Котошихина.

отъ перваго до шестого часа дня (по стариннымъ московскимъ часамъ), потомъ шли съ государемъ въ церковь, гдѣ слушали литургію отъ 7 до 8 часовъ, по выходѣ государя изъ церкви возвращались домой обѣдать, послѣ обѣда отдыхали часа 2 или 3, а въ 14 часовъ (предъ вечерней), по звону колокола снова отправлялись во дворецъ, гдѣ проводили около 2 или 3 часовъ вечера, потомъ удалялись, ужинали и ложились спать. Во дворецъ они ѣздили лѣтомъ на лошадяхъ верхомъ, зимой въ саняхъ; въ каретахъ ѣздили только старики, которые не могли сидѣть верхомъ. Когда бояринъ ѣхалъ верхомъ, у арчака его сѣдла висѣлъ маленькій набатъ, около фута въ поперечникѣ; проѣзжая по улицѣ или рынку, гдѣ было много народа, бояринъ время отъ времени ударялъ по этому набату рукояткой плети, чтобы встрѣчные сторонились съ дороги [104]).

Мы видѣли, въ какихъ рѣзкихъ чертахъ рисуютъ иностранцы власть московскаго государя и его отношенія къ окружающимъ; въ заключеніе наиболѣе спокойные изъ нихъ приходятъ къ нелестной дилеммѣ: трудно рѣшить, говорятъ они, дикость ли народа требуетъ такого самовластнаго государя, или отъ самовластія государя народъ такъ одичалъ и огрубѣлъ. Другіе съ горькой ироніей рѣшаютъ эту дилемму басней о журавлѣ и лягушкахъ. При такомъ представленіи о власти московскаго государя очень легко было причислить его къ восточнымъ, азіатскимъ деспотамъ, или подумать, что онъ старается подражать сосѣду своему, султану турецкому [105]). Сравненіе съ турецкимъ султаномъ стало даже общимъ мѣстомъ для иностранныхъ писателей при характеристикѣ власти московскаго государя. По замѣчанію Поссевина, московскій государь считаетъ себя несравненно выше западныхъ хри-

---

[104]) Маржеретъ въ «Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», ч. 3-я, стр. 38—39.—Olearius, 218—220, 223.—Mayerberg, II, 116.

[105]) Possevino, 77.—Флетчеръ, гл. 7-я.

стіанскихъ монарховъ, и когда папскій легатъ указалъ ему на главнѣйшихъ изъ нихъ, тотъ съ пренебреженіемъ возразилъ: «что это за государи» [106]).

Но какъ ни рѣзки черты, въ которыхъ изображаютъ иностранцы отношенія верховной власти къ ея окруженію, мы не можемъ назвать ихъ преувеличенными. Въ XVI в., къ которому относятся приведенныя извѣстія, между государемъ и людьми, составлявшими его дворъ, его думу, сохранялась прежняя близость, непосредственность отношеній, но не сохранилось прежней свободы, прежняго довѣрія. Близость сохранялась потому, что придворные вельможи сами старались сохранить свое положеніе въ прежнемъ дружинномъ видѣ, оставаясь дружинниками, дворовыми людьми великаго князя, состоящими на личной ему службѣ и на его содержаніи, а князь не имѣлъ причинъ измѣнять такое положеніе; но свобода, довѣріе дружинныхъ отношеній было потеряно, потому что великій князь не остался прежнимъ вождемъ дружины, получилъ другое, болѣе широкое значеніе, получилъ большія силы и средства, предъявилъ новыя требованія, на которыя не могли согласиться прежніе дружинники, не отказываясь отъ своего прежняго характера. Отсюда борьба, результатомъ которой было низведеніе прежнихъ дружинниковъ и вступившихъ въ ихъ число служилыхъ князей, совѣтниковъ и товарищей великаго князя по прежнимъ отношеніямъ, на степень слугъ. Иностранцы не могли во всей ясности разглядѣть всѣ фазы этой борьбы, но результатъ они замѣтили: всѣ эти знатные вельможи и совѣтники, говорятъ они, зовутъ себя холопами великаго князя.

Также не покажутся намъ преувеличенными рѣзкіе отзывы иностранцевъ [во] второй половинѣ XVI в. о произволѣ, съ которымъ московскій государь распоряжался имуществомъ своихъ вельможъ, если сравнимъ ихъ съ мѣрами Василія и Іоанна IV касательно вотчинъ служилыхъ

---

106) Possevino, 55.

князей; такимъ именно произволомъ, и только произволомъ, могли иностранцы объяснить себѣ эти мѣры, не видя другихъ побужденій, коренившихся въ болѣе отдаленныхъ условіяхъ и отношеніяхъ, среди которыхъ росла власть московскихъ государей.

Но если иностранцы не представляли ясно этихъ отдаленныхъ условій и отношеній, подъ вліяніемъ которыхъ начался и продолжался ростъ верховной власти въ центрѣ сѣверовосточной Руси, то они не могли не замѣтить того движенія, которымъ обнаруживалось усиленіе этой власти со второй половины XV в., тѣмъ болѣе, что это было тогда единственное движеніе въ сѣверо-восточной Россіи, которое могло обратить на себя вниманіе иностранцевъ. Они не могли не замѣтить тѣсной связи и послѣдовательности стремленій въ дѣятельности трехъ государей, преемственно занимавшихъ московскій престолъ со второй половины XV и до конца XVI в. Они видѣли, какъ одновременно съ украшеніемъ столицы быстро поднималась и власть живущаго въ ней государя, дѣлаясь все недоступнѣе для подданныхъ [107]). Они не знаютъ, откуда все это взялось, и вмѣстѣ съ недовольными московскими боярами готовы все приписать личнымъ свойствамъ этихъ трехъ государей и другимъ случайнымъ обстоятельствамъ вродѣ появленія Софьи въ Москвѣ и т. п.; но они знаютъ пунктъ, съ котораго начало обнаруживаться такое неожиданное по ихъ взгляду усиленіе. Поссевинъ прямо говоритъ, что нестерпимая надменность московскихъ государей началась преимущественно съ того времени, какъ они сбросили съ себя иго татаръ [108]). Они ясно отмѣчаютъ два явленія, которыми обнаружилось это государственное движеніе: въ то время, какъ извнѣ сказывается все сильнѣе и сильнѣе стремленіе государства къ расширенію своихъ предѣловъ на востокъ и западъ, внутри замѣтно столь же сильное стремленіе къ объединенію; постепенно и быстро исчезаютъ

[107]) Herberstein, 8.

[108]) Possevino, 53.

одинъ за другимъ независимые областные князья, унося съ собою въ Москву или Литву почти одни только названія прежнихъ своихъ вотчинныхъ княжествъ; послѣдній изъ этихъ независимыхъ князей уже въ концѣ первой четверти XVI в. отправляется въ московскую тюрьму, сопровождаемый горькой насмѣшкой московскаго юродиваго, гибнетъ самостоятельность сѣверныхъ вольныхъ городовъ,—и иностранный путешественникъ, пересчитывая въ первой четверти XVI в. города и области сѣверовосточной Россіи, не находитъ вокругъ Москвы ни одного пункта, въ которомъ уцѣлѣли бы какіе-нибудь слѣды прежней политической особности, кромѣ свѣжихъ еще воспоминаній о ней [109]).

Мѣстные князья, выжитые изъ своихъ вотчинъ, перебрались мало-по-малу въ Москву; и здѣсь опять поднялась борьба, которую иностранцы расписываютъ самыми черными красками. Если они не понимали настоящаго характера этой борьбы при отцѣ и сынѣ, которые вели ее осторожно и разсчетливо, то тѣмъ менѣе могли они понять ее при внукѣ, который возобновилъ ее со всею страстностію личной вражды. «По всей Европѣ, говоритъ Одерборнъ, ходитъ молва о его страшныхъ жестокостяхъ и, кажется, въ цѣломъ свѣтѣ не найдется человѣка, который бы не желалъ тирану всякихъ адскихъ мукъ [110])». Гваньини не находитъ ни въ древнемъ, ни въ новомъ мірѣ такихъ деспотовъ, съ которыми можно было бы сравнить Іоанна Грознаго [111]); даже спокойный Герберштейнъ, до котораго также дошелъ слухъ о страшномъ московскомъ царѣ, приходитъ въ недоумѣніе, не зная, чѣмъ объяснить его ожесточеніе, тѣмъ болѣе, добавляетъ онъ, что, говорятъ, въ лицѣ этого тирана нѣтъ ничего напоминающаго свирѣпыя черты Аттилы [112]).

---

[109]) Herberstein, 50 и 51.

[110]) Oderbornii: «Ioannis Basilidis vita» въ «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 242.

[111]) Ibid, p. 183.

[112]) Ibid., «Genealogia Magni Mosc. Ducis.»

Итакъ, не зная истинныхъ, скрытыхъ мотивовъ борьбы, виня во всемъ только одну сторону, иностранцы замѣтили однакоже послѣднія ступени, которыя прошла впродолженіе этой борьбы власть московскихъ государей, начавъ явно усиливаться.

Василій, говоритъ Герберштейнъ, докончилъ то, что началъ отецъ,—именно, добавляетъ онъ въ поясненіе, отнялъ у князей и другихъ владѣтелей всѣ города и укрѣпленія, не довѣряетъ даже роднымъ своимъ братьямъ и не даетъ имъ городовъ въ управленіе. Сынъ Василія заставилъ всѣхъ князей и бояръ писаться своими холопами и названіе слуги сдѣлалъ самымъ почетнымъ титуломъ.

Іоаннъ IV, довершившій образованіе Московскаго государства, едва ли не болѣе всѣхъ государей древней Россіи сдѣлался извѣстенъ въ современной Европѣ, хотя и съ черной стороны. Иностранцы XVII в., писавшіе о Россіи, готовы были отнести къ нему даже и то, что сдѣлали его предшественники для утвержденія своего единодержавія. Описывая неограниченную власть московскаго государя надъ подданными, Олеарій замѣчаетъ, что къ такой покорности пріучилъ ихъ царь Иванъ Васильевичъ, хотя голштинскій ученый, такъ часто ссылающійся на Герберштейна, не могъ не знать, что послѣдній тѣми же самыми чертами описывалъ самодержавную власть великаго князя Василія Ивановича. Такой извѣстности, безъ сомнѣнія, много содѣйствовалъ личный характеръ Іоанна: его страшный образъ въ отечественныхъ, какъ и иностранныхъ, извѣстіяхъ, рѣзко выдѣляется изъ ряда его предшественниковъ, столь похожихъ другъ на друга. При томъ писатели вродѣ Гваньини или Одерборна распространяли въ Европѣ о его жестокости всевозможные разсказы, которые Мейербергъ, далекій отъ желанія оправдывать въ чемъ-нибудь Іоанна, вынужденъ былъ однако же признать слишкомъ преувеличенными [113]). Но была другая, болѣе важная при-

113) Mayerberg, II, 16.

чина, почему Іоаннъ IV оставилъ по себѣ такую черную память въ Европѣ. Недаромъ иностранные писатели XVII в. съ его царствованія, какъ съ поворотнаго пункта, начинаютъ обыкновенно свои очерки русской исторіи. Это царствованіе дѣйствительно было поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Московскаго государства. Іоаннъ IV первый рѣзко столкнулся съ западной Европой, рѣшительно наступивъ на тѣхъ изъ своихъ западныхъ сосѣдей, которыхъ Европа считала своими и которые, обращаясь къ ней съ жалобами на притязанія московскаго государя, старались выставить на видъ, что эти притязанія, въ случаѣ успѣха, не ограничатся какой-нибудь Ливоніей, а пойдутъ дальше за море [114]). Вотъ почему Европа обращала такое вниманіе на Іоанна, что не было сочиненія по исторіи его времени, какъ говоритъ Олеарій, въ которомъ не говорилось бы о его войнахъ и жестокостяхъ. Такъ почувствовались слѣды и другого стремленія, которымъ не замедлило заявить себя сложившееся государство,—стремленіе возвратить себѣ старыя, растерянныя вотчины.

IV.

Войско.

Переходя къ опредѣленію отношеній верховной власти къ подданнымъ вообще, къ изложенію извѣстій, сообщаемыхъ иностранцами о государственномъ управленіи и его органахъ, мы, разумѣется, должны прежде всего остановиться на устройствѣ войска. Если и теперь въ государствахъ вполнѣ сложившихся, давно упрочившихъ свое существованіе, войско составляетъ важнѣйшій предметъ государственныхъ заботъ, то понятно его значеніе для Московскаго государства XV или XVI в., которое только что

---

114) Postquam hanc provinciam (Ливонію) sub imperium suum redegerit, transmaritimas quoque regiones adorietur et invadet. См. письмо изъ Ливоніи отъ 22 мая 1576 г. у Герберштейна въ концѣ «Генеалогіи вел. кн. Московскаго».

начало становиться на твердую ногу и на каждомъ шагу должно было бороться за свое существованіе. Военное дѣло не только стояло тогда на первомъ планѣ, занимало первое мѣсто между всѣми частями государственнаго управленія, но и покрывало собою послѣднія; военная служба сосредоточивала въ себѣ всѣ роды государственной службы и остальныя, не военныя отрасли управленія являлись не только второстепенными по отношенію къ военной, но и подчиненными, назначенными служить интересамъ послѣдней. Князья, бояре, окольничіе, стольники и другіе придворные чиновники, которыхъ иностранные послы встрѣчали во дворцѣ въ такомъ невоинственномъ видѣ, были собственно военные люди, хотя на нихъ не видно было никакихъ знаковъ военнаго званія и жили они при дворѣ больше для личныхъ услугъ государю. Это были высшіе члены того военнаго класса, который еще не такъ давно составлялъ вольную княжескую дружину. Въ XVI в. положеніе прежнихъ дружинниковъ, какъ мы видѣли, значительно измѣнилось. Хотя въ концѣ XV в. въ княжескихъ договорахъ иногда еще повторялось старинное условіе: «а боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и слугамъ между насъ вольнымъ воля», но уже и тогда эта вольность подвергалась сильнымъ ограниченіямъ, главныя дружинныя права постоянно стѣснялись и нарушались; прежніе думцы и слуги вольные низводятся до значенія подневольныхъ служилыхъ людей, всѣми своими отношеніями прикрѣпленныхъ къ особѣ единодержавнаго государя московскаго. Согласно съ такимъ значеніемъ служилаго класса, въ составъ его входитъ новый элементъ, чуждый старинной дружинѣ: подлѣ прежней младшей дружины, наравнѣ съ дѣтьми боярскими и даже иногда выше ихъ, государь ставитъ своихъ дворовыхъ слугъ, дворянъ. Условія государства, въ которомъ эти люди составляли собственно военный классъ, произвели и другую перемѣну въ ихъ положеніи. Прежнія княжескія дружины, постоянно находившіяся при князѣ, содержавшіяся непосредственно на его счетъ,

можно было еще назвать постояннымъ войскомъ: по характеру прежнихъ отношеній княжескаго рода къ странѣ, сравнительно немногіе изъ дружинниковъ князя отвлекались отъ его двора для отправленія невоенныхъ должностей въ странѣ. Съ усиленіемъ Московскаго государства, потребности государственнаго управленія и способъ содержанія служилыхъ людей чаще отвлекали ихъ къ посторонннимъ невоеннымъ занятіямъ и лишали характера постояннаго войска. Хотя войны были очень часты, но въ промежутки мирнаго времени масса служилыхъ людей оставляла оружіе до новаго сбора и расходилась: низшіе чины возвращались въ свои помѣстья, высшіе оставались при дворѣ или отправлялись на правительственныя должности по областямъ.

Главное учрежденіе, которое вѣдало (по крайней мѣрѣ, во второй половинѣ XVI в.) дѣла, относившіяся къ войску, былъ Разрядъ или разрядный приказъ. Здѣсь хранились списки всѣхъ служилыхъ людей; въ эти списки вносились имена всѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, достигшихъ опредѣленнаго возраста. Въ каждой области намѣстникъ также велъ счетъ находившимся въ ней служилымъ людямъ. Каждые два или три года государь производилъ по всѣмъ областямъ общій пересмотръ этихъ людей, чтобъ знать ихъ число и сколько каждый имѣетъ лошадей и служителей. О сборѣ служилыхъ людей имѣемъ извѣстіе отъ конца XVI в. Начальники четвертей въ случаѣ войны разсылали повѣстки къ областнымъ правителямъ и дьякамъ, чтобы всѣ дѣти боярскіе къ извѣстному дню собирались на такую-то границу, туда-то.

Тамъ отбирали ихъ имена писцы, назначенные Разрядомъ. Не явившіеся въ срокъ подвергались штрафу и строгому наказанію. Герберштейнъ говоритъ, что на это время прерывался обычный ходъ замѣщенія очередныхъ должностей и всѣ служилые люди должны были идти въ походъ. Служилымъ людямъ рѣдко дается покой, говоритъ тотъ же иностранецъ. Отношеніе Московскаго государства къ западнымъ сосѣдямъ были такого рода, что не война, а миръ

былъ случайностью; на востокѣ шла непрерывная борьба съ степными хищниками, противъ которыхъ ежегодно выставлялось на украйны значительное войско.

О числѣ войска имѣемъ различныя показанія. Тѣ изъ иностранныхъ писателей, которые не были сами въ Россіи, сообщаютъ огромныя цифры. Кампензе, перечисляя княжества, составлявшія собственно Московское государство (безъ Пскова, Новгорода и Смоленска), говоритъ, что въ одномъ Московскомъ княжествѣ считается до 30,000 бояръ и дворянъ (дѣтей боярскихъ), служащихъ всадниками и всегда готовыхъ къ войнѣ; кромѣ того государь всегда можетъ собрать въ немъ 60,000—70,000 пѣхоты изъ простолюдиновъ. Въ княжествѣ Рязанскомъ считается до 15,000 такихъ же всадниковъ, да изъ простолюдиновъ можно набрать всегда вдвое или втрое больше этого числа; въ Тверскомъ считается 40,000, а изъ простолюдиновъ можно также набрать вдвое или втрое болѣе. По показанію Іовія, великій князь Василій всегда могъ выставить въ поле до 150,000 всадниковъ. По свидѣтельству Іоанна Ласскаго, гнѣзенскаго архіепископа, обыкновенное число коннаго войска московскаго государя превышало 200,000. Адамъ Климентъ со словъ своихъ соотечественниковъ, бывшихъ въ Москвѣ, говоритъ, что, готовясь къ войнѣ, московскій государь никогда не вооружаетъ меньше 900,000 человѣкъ: изъ нихъ 300,000 выводятся въ поле, изъ остальныхъ составляются гарнизоны, располагаемые въ пограничныхъ мѣстахъ для обороны государства. Ченслеръ ограничивается 200,000—300,000 человѣкъ, которыхъ государство могло выставить въ поле, и добавляетъ, что если самъ царь выступаетъ въ походъ, войска при немъ никогда не бываетъ менѣе 200,000: немало ставятъ ратныхъ людей и по границамъ; такъ на западной границѣ, при Іоаннѣ IV стояло 100,000, да по границамъ съ ногайскими Татарами до 60,000 человѣкъ. Такъ какъ приведенныя показанія заимствованы прямо или посредственно изъ разсказовъ русскихъ, то эти, безъ сомнѣнія, преувеличенныя цифры легко объясняются понят-

нымъ желаніемъ разсказчиковъ выставить въ выгодномъ свѣтѣ военныя силы своего отечества. Московскіе послы въ Вѣнѣ говорили довѣрчивому Фабри, что въ ихъ отечествѣ есть такіе могущественные и богатые вельможи, которые въ случаѣ нужды выставляютъ своему государю по 30,000 всадниковъ, и что тамъ въ нѣсколько дней, подобно пчеламъ, можетъ сдѣлаться огромное войско въ 200,000—300,000 всадниковъ. Изъ писателей, бывшихъ въ Москвѣ, Герберштейнъ, отъ котораго мы могли бы ожидать наиболѣе достовѣрнаго показанія, нигдѣ не опредѣляетъ числа всего войска; другіе значительно уменьшаютъ приведенныя цифры. Поссевинъ, имѣя въ виду показаніе Фабри, говоритъ, что какъ ни обширны владѣнія московскаго государя, но въ нихъ больше пустыхъ, чѣмъ населенныхъ мѣстъ, и неосновательны извѣстія нѣкоторыхъ, будто изъ этихъ владѣній выходитъ на войну 200,000 или даже 300,000 всадниковъ. Однакожъ и по его взгляду число войска было очень велико сравнительно съ населенностью страны: онъ говоритъ, что изъ 10 жителей одинъ служитъ или въ царскихъ тѣлохранителяхъ, или въ походѣ, или въ гарнизонахъ по крѣпостямъ. Болѣе опредѣленныя извѣстія находимъ у Флетчера, хотя трудно сказать, насколько они достовѣрнѣе. По его показанію, число коннаго войска на постоянномъ жалованіи простиралось до 80,000. Изъ нихъ 15,000 дворянъ составляли отрядъ царскихъ тѣлохранителей, раздѣляясь на 3 степени: дворянъ большихъ, дворянъ среднихъ и дѣтей боярскихъ. Остальныя 65,000, также изъ дворянъ, ежегодно отправлялись на крымскую границу, если не получали другого назначенія. Въ случаѣ надобности брали еще дѣтей боярскихъ, не получавшихъ постояннаго жалованія, а если и ихъ было мало, то приказывали помѣщикамъ выставить въ поле соразмѣрное съ ихъ помѣстьями число крестьянъ въ полной аммуниціи.

Здѣсь мы должны остановиться на извѣстіи Флетчера о 65,000 ратниковъ, выставляемыхъ ежегодно противъ крымскихъ Татаръ. Герберштейнъ говоритъ, что даже въ

мирное время по Дону и Окѣ ставятся ежегодно гарнизоны и сторожа въ числѣ 20,000 чел. для предупрежденія татарскихъ нападеній. Гваньини, повторяя это извѣстіе въ концѣ XVI в., считаетъ нужнымъ прибавить, что выставляется и больше 20,000. Мы знаемъ, что «береженіе» южныхъ границъ отъ степныхъ кочевниковъ всегда составляло одну изъ важнѣйшихъ заботъ московскаго правительства; знаемъ, какіе страшные слѣды оставляли по себѣ Татары въ Московскомъ государствѣ, когда имъ удавалось тайкомъ пробраться за Оку изъ южныхъ степей. Чѣмъ болѣе московскій государь обращалъ вниманіе на западъ, тѣмъ сильнѣе чувствовалась нужда обезопасить южныя границы отъ азіатскихъ хищниковъ. Во второй половинѣ царствованія Іоанна IV мы видимъ, какъ правительство хлопочетъ о лучшемъ устройствѣ пограничныхъ сторожей, станичной польской службы «для береженія отъ приходу воинскихъ людей». Сличеніе показаній Герберштейна и Флетчера, изъ которыхъ одно относится къ первой, а другое въ послѣдней четверти XVI вѣка, наглядно показываетъ, въ какой мѣрѣ увеличивались усилія Московскаго государства для защиты южныхъ границъ отъ его давнихъ враговъ.

Служилые люди, дѣти боярскія, составляли главную массу войска; но и люди не служилые изъ городского и сельскаго населенія участвовали въ войнѣ личной службой. Въ XV в. посылали въ походъ ратниковъ изъ городскихъ жителей; въ XVI в. города «рубили» пищальниковъ; сельское населеніе издавна участвовало въ отправленіи военной службы, поставляя пѣхоту. Войско преимущественно состояло изъ конницы: въ битвахъ почти исключительно участвовала конница. Пѣхотные отряды были издавна; городовые пищальники и посошные ратники были и конные, и пѣшіе, но послѣдніе употреблялись только для работъ; купцы, смерды, бобыли и прочіе «житейскіе», неслужилые люди также издавна составляли пѣшія рати. По словамъ Ченслера, пѣшіе ратники употреблялись только

при нарядѣ и для работъ; ихъ было 30,000 человѣкъ. Пѣшіе отряды вообще имѣли второстепенное значеніе и большею частію не участвовали въ схваткѣ въ открытомъ полѣ. Это преобладаніе конницы условливалось частію самымъ характеромъ войнъ съ степными юговосточными сосѣдями; Іовій имѣлъ нѣкоторое основаніе сказать, что пѣхота въ обширныхъ пустыняхъ почти безполезна, потому что Татары болѣе выигрываютъ внезапнымъ нападеніемъ и быстротою своихъ коней, нежели фронтовою службою или стойкостію въ схваткѣ. Въ первой половинѣ XVI в., при великомъ князѣ Василіѣ, въ русскомъ войскѣ положено было начало важному нововведенію: въ сраженіе начали вводить пѣхоту. Введеніе пѣхоты какъ главной составной части войска въ Европѣ стоитъ въ тѣсной связи съ введеніемъ огнестрѣльнаго оружія и постоянныхъ армій; этими тремя нововведеніями открывается новая эпоха въ развитіи военнаго искусства. Стефанъ Баторій своею славой и успѣхами на военномъ поприцѣ обязанъ былъ, кромѣ личнаго таланта, и тому, что онъ первый въ сѣверовосточной Европѣ вышелъ въ поле съ закаленной въ бояхъ пѣхотой. По свидѣтельству Герберштейна, Василій вывелъ въ поле пѣхотный отрядъ впервые противъ Татаръ, вмѣстѣ съ пушками; по его же словамъ, у этого князя было 1,500 пѣхоты, состоявшей изъ Литовцевъ и всякаго пришлаго сброда. Ясно, что эта пѣхота имѣла характеръ, отличный отъ употреблявшихся до того времени пѣшихъ отрядовъ; можно думать, что этимъ сброднымъ отрядомъ положено было основаніе постоянной пѣхотѣ въ московскомъ войскѣ.

Во второй половинѣ XVI в. число наемныхъ пѣхотныхъ солдатъ изъ иноземцевъ увеличивается; при Флетчерѣ ихъ было уже до 4,300 челов.; изъ нихъ малороссійскихъ козаковъ(черкасъ)около 4000, Голландцевъ и Шотландцевъ около 150, Грековъ, Турокъ, Датчанъ и Шведовъ одинъ отрядъ изъ 100 человѣкъ. Послѣднихъ, прибавляетъ Флетчеръ, употребляютъ только на татарской границѣ и противъ сибиряковъ, а Татаръ, которыхъ нанимаютъ только

на время, противъ Поляковъ и Шведовъ. Проѣзжая въ Москву, Ульфельдъ видѣлъ больше 25,000 легко вооруженныхъ Татаръ, направлявшихся въ Ливонію. Подлѣ иностранной пѣхоты во второй половинѣ XVI в. видимъ и русскую пѣхоту—стрѣльцовъ. При Флетчерѣ ихъ было 12,000; изъ нихъ 5,000 въ Москвѣ, или гдѣ находился царь, 2,000 (стремянные стрѣльцы) при самой особѣ царя; послѣдніе принадлежали къ дворцовой стражѣ; остальные отправляли гарнизонную службу по городамъ.

Въ первой половинѣ XVII в. конница по-прежнему преобладала въ московскомъ войскѣ, только во второй половинѣ этого вѣка, по показанію Мейерберга и Рейтенфельса, пѣхота превышала численностью конницу и составляла лучшую часть русскаго войска. Конное войско составлялось изъ дворянъ московскихъ, выборныхъ [115]), городовыхъ и дѣтей боярскихъ. Отряды назывались по имени городовъ, въ округѣ которыхъ дворяне имѣли свои вотчины или помѣстья; нѣкоторые города, напр., Смоленскъ, Новгородъ, выставляли отъ 400 до 1,200 всадниковъ. Каждый помѣщикъ и вотчинникъ обязанъ былъ приводить съ собой по одному конному и одному пѣшему ратнику со 100 четвертей владѣемой земли [116]). Такъ составлялось до 100,000 конной рати изъ служилыхъ людей. Къ нимъ присоединяли до 28,000 конныхъ Татаръ, Черемисъ и Мордвы, а въ случаѣ нужды до 10,000 казаковъ. Въ пѣхотѣ первое мѣсто занимали стрѣльцы, изъ которыхъ одни жили въ Москвѣ, другіе по областнымъ городамъ. При Маржеретѣ первыхъ было до 10,000; вторые составляли гарнизоны по городамъ, особенно пограничнымъ съ Татарами. Во второй половинѣ XVII в. число стрѣльцовъ увеличилось; при Невиллѣ ихъ было 18,000, раздѣленныхъ на 28 полковъ [117]), всѣхъ же стрѣль-

[115]) Выборными дворянами, по Маржерету, назывались лучшіе помѣстные владѣльцы, которые поочередно присылались въ Москву изъ областей на три года. Стр. 52.

[116]) Маржеретъ, 59.

[117]) Ср. Котошихинъ, гл. VII, ст. 5.

цовъ, по показанію Мейерберга, было въ Московскомъ государствѣ до 40,000. Они раздѣлялись на приказы, по 500 человѣкъ въ каждомъ. Каждымъ приказомъ завѣдывалъ голова, отъ котораго зависѣли полуголовы, сотники, пятидесятники, десятники, завѣдывавшіе отдѣльными частями приказа. Кромѣ стрѣльцовъ, державшихъ караулы въ Москвѣ, Невиль упоминаетъ объ отрядѣ, который составлялся изъ московскихъ горожанъ и въ мирное время употреблялся для той же цѣли. Когда приходила ихъ очередь замѣщать караулы, они получали одежду изъ казны и, отстоявъ положенное время, возвращали ее. Стрѣльцы имѣли характеръ постояннаго пѣшаго войска; остальная пѣхота собиралась только въ военное время. Эта временная пѣхота составлялась изъ малопомѣстныхъ или безпомѣстныхъ служилыхъ людей, преимущественно же изъ неслужилаго населенія посадскихъ людей и крестьянъ. Въ случаѣ большой потребности въ людяхъ брали изъ этихъ классовъ 10-го, 7-го, и даже 3-го. Духовенство также поставляло «даточныхъ людей» съ своихъ поземельныхъ имуществъ, по одному конному и одному пѣшему со 100 четвертей. У Мейерберга находимъ неопредѣленное извѣстіе о «солдатахъ»: онъ говоритъ, что въ случаѣ нужды царь могъ собрать какое-угодно число пѣшихъ ратниковъ, которые сбѣгаются на звукъ барабана въ надеждѣ поживиться во время похода богатою добычей; въ отличіе отъ стрѣльцовъ ихъ называютъ солдатами; они распредѣляются на полки, подъ командой иностранныхъ офицеровъ. Это извѣстіе, не совсѣмъ точное, указываетъ на особый родъ войска, возникшій или по крайней мѣрѣ развившійся во второй половинѣ XVII в., подъ управленіемъ иноземныхъ офицеровъ. Хорошее жалованье привлекало иностранцевъ въ русскую службу, и въ XVII в. число иностранныхъ офицеровъ въ русскомъ войскѣ увеличилось въ значительной степени. При Мейербергѣ (въ 1662 г.), кромѣ 4 генераловъ, въ Москвѣ было болѣе 100 иноземныхъ полковниковъ множество подполковниковъ, майоровъ и другихъ офицеровъ. Усилив-

шійся наплывъ людей, знавшихъ военное дѣло, далъ правительству возможность ввести хотя въ нѣкоторыя части войска правильное устройство и обученіе военному дѣлу. Такія войска были и конныя, и пѣшія; они назывались рейтарскими и солдатскими полками, которые набирались изъ охочихъ людей, безпомѣстныхъ или малопомѣстныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, а также изъ крестьянъ по всему государству [118]). Ими командовали преимущественно иностранцы. Рейтенфельсъ увѣряетъ, что эти полки могли равняться съ лучшими войсками Европы.

По извѣстіямъ XVII в., въ мирное время содержалось на-готовѣ до 100,000 войска; когда открывалась война, число это возростало до 300,000, кромѣ холопей и обозныхъ служителей, которые не считались въ дѣйствующемъ войскѣ. Задумавъ войну, московское правительство, за годъ до того времени, когда предполагалось открыть ее, приказывало произвести общій осмотръ ратныхъ людей по всему государству, чтобы знать, сколько можно собрать ихъ. Если число оказавшихся находили недостаточнымъ, назначали чрезвычайный наборъ съ крестьянъ и посадскихъ людей, съ русскихъ инородцевъ, по одному съ 10-ти, 7 или даже съ 3, смотря по надобности [119]).

Собравшіеся и осмотрѣнные служилые люди распредѣлялись по десяткамъ, сотнямъ и т. д., высшее дѣленіе было на полки. Каждый полкъ имѣлъ свое знамя и своего воеводу. На знамени главнаго полка изображался Іисусъ Навинъ, останавливающій солнце, на другихъ—Георгій Побѣдоносецъ. Во главѣ всего войска стоялъ большой воевода, непосредственно подчиненный царю, избиравшійся обыкно-

---

[118]) См. Котошихинъ, гл. IX, ст. 2: «А прибираючи тѣхъ рейтаръ полные полки, отдаютъ иноземцомъ и русскимъ людямъ полковникомъ, и бываетъ имъ ученіе». Тоже самое говоритъ онъ и о солдатскихъ полкахъ.

[119]) Ulfeld, 10 и 42.—Маржеретъ, 52 и слѣд.—Mayerberg, II, 125 и 133.—Рейтенфельсъ, 38—40.—Neuville, 41.

венно изъ представителей главныхъ вельможескихъ родовъ въ государствѣ. При этомъ выборѣ не обращалось вниманія на таланты и опытность; для замѣны этихъ недостатковъ къ большому воеводѣ присоединяли въ товарищи болѣе даровитаго и опытнаго, хотя и менѣе знатнаго родомъ человѣка. Эти двое главныхъ воеводъ управляли большимъ полкомъ. Имъ подчинены были воеводы остальныхъ полковъ: передового, праваго, лѣваго и сторожевого или резерва. Каждый изъ этихъ послѣднихъ воеводъ имѣлъ при себѣ по два товарища, которые дважды въ недѣлю должны были дѣлать смотръ своимъ отрядамъ. Подъ воеводами стояли головы, начальствующіе надъ 1,000, 500, 100, 50, 10. Кромѣ воеводъ 5-ти главныхъ полковъ были еще: нарядный воевода, начальникъ гулевого отряда, состоявшаго изъ 1,000 отборныхъ всадниковъ, употреблявшихся для разъѣздовъ и шпіонства. Всѣ эти начальники должны были разъ въ день являться къ большому воеводѣ съ донесеніями и для полученія приказаній. Петрей оставилъ описаніе смотра, который производился собравшимся ратникамъ предъ выступленіемъ въ походъ. Воеводы собираются вмѣстѣ и садятся въ избѣ у оконъ или въ шатрахъ и вызываютъ къ себѣ одинъ полкъ за другимъ. При нихъ стоитъ дьякъ со спискомъ въ рукахъ, по которому онъ вызываетъ по имени каждаго ратника; ратникъ долженъ выступить впередъ и показаться воеводамъ. Если какого ратника не оказывалось налицо, дьякъ ставилъ въ спискѣ противъ его имени отмѣтку для дальнѣйшихъ распоряженій. При смотрѣ не обращали вниманія на то, въ какомъ вооруженіи, съ какими слугами и лошадьми явился ратникъ; смотрѣли только, явился ли онъ самъ лично. Неявка на службу преслѣдовалась строго; виновный терялъ имущество или помѣстье, если таковое имѣлось за нимъ. Никому не позволялось замѣнять себя другими; въ оправданіе неявки не принимали никакихъ отговорокъ, ни старости, ни болѣзни. Смотръ повторялся и во время похода каждую недѣлю. Гваньини и Кобенцель упоминаютъ объ особенномъ спо-

себѣ, посредствомъ котораго царь узнавалъ число отправившихся въ походъ, а также и не вернувшихся изъ него ратниковъ: передъ выступленіемъ каждый ратникъ отдавалъ въ казну одну деньгу (по Кобенцелю 3), которую получалъ назадъ по возвращеніи; деньги не возвратившихся оставались въ казнѣ [120]).

Лошади, на которыхъ всадники выступали въ походъ, были мерины, ниже средняго роста, но обыкновенно быстрые и сильные, неподкованные, съ легкими уздами; кромѣ русскихъ, въ войскѣ употреблялись татарскія лошади. Михалонъ говоритъ, что Москвитяне каждую весну получаютъ изъ Ногайской орды по нѣскольку тысячъ лошадей, годныхъ для войны, платя за это одеждой и другими дешевыми вещами. Сѣдла дѣлались такъ, что всадники безъ затрудненія могли поворачиваться на нихъ и стрѣлять во всѣ стороны. На лошади сидѣли они по-турецки, поджавши ноги, вслѣдствіе чего не могли выдерживать значительнаго удара копьемъ. Шпоры были у очень немногихъ, большая часть употребляли нагайки, которыя вѣшали на мизинцѣ правой руки; повода у узды были двойные, съ отверстіемъ въ концѣ, которымъ они надѣвались на палецъ правой руки, чтобы можно было, не выпуская его, пользоваться лукомъ. Обыкновенное вооруженіе всадника состояло изъ лука на лѣвомъ боку, колчана со стрѣлами подъ правой рукой, топора и кистеня; у нѣкоторыхъ были продолговатые ножи, употреблявшіеся вмѣсто кинжаловъ, глубо запрятанные въ сумѣ; употребляли также, особенно пѣшіе, дротики или небольшія пики. Мечи имѣли только люди познатнѣе и побогаче. Хотя всадникъ въ одно и то же время держалъ въ рукахъ: поводъ, лукъ, мечъ, стрѣлы и нагайку, однако же умѣлъ ловко и свободно управляться со всѣмъ этимъ. Нѣкоторые изъ знатныхъ надѣвали кольчуги искусной работы, латы, нагрудники, но очень немногіе имѣли шлемы съ пирамидальной верхушкой.

---

[120]) Кобенцель, 150.—Guagnino, 177.

Одежда на всѣхъ была длинная до пятъ, у нѣкоторыхъ шелковая подбитая шерстью, чтобъ лучше могла выдерживать удары. У воеводъ и другихъ начальныхъ людей лошади украшались богатой сбруей, сѣдла дѣлались изъ золотой парчи, узды убирались золотомъ съ шелковой бахромой и унизывались драгоцѣнными камнями; сверхъ латъ надѣвали одежду съ горностаевой опушкой, голову покрывали стальнымъб лестящимъ шлемомъ, на боку вѣшали мечъ, лукъ и стрѣлы, въ рукѣ держали копье съ прекраснымъ нарукавникомъ; впереди воеводы везли шестоперъ или начальническій жезлъ. За каждымъ воеводой возили до 10 набатовъ или мѣдныхъ барабановъ, которыми давали знакъ къ сраженію. Сабли, луки и стрѣлы похожи были на турецкіе. Стрѣляли, какъ Татары, взадъ и впередъ. Стрѣльцы носили только бердышъ за плечами, мечъ съ боку и самопалъ въ рукѣ, съ прямымъ, гладкимъ стволомъ, весьма тяжелый, хотя онъ заряжался очень небольшой пулей. Ратники изъ крестьянъ выходили въ поле даже съ рогатинами, удобными только для встрѣчи медвѣдя, по выраженію Маржерета.

Въ XVII в., съ усиленіемъ пѣхоты, стало входить въ большее употребленіе огнестрѣльное оружіе. Солдатскіе полки употребляли мушкеты съ фитилями, рейтары—карабины и пистоли, которыми умѣли дѣйствовать, по словамъ Петрея, не хуже европейскихъ стрѣлковъ. Татары и другіе восточные инородцы долго и въ XVII в. являлись только съ лукомъ и кривыми саблями или пиками, пока и ихъ не стали снабжать карабинами и пистолями. Мы видѣли, что вмѣстѣ съ пѣхотой въ княженіе Василія впервые была выведена въ поле и артиллерія. Пушки упоминаются въ Москвѣ еще въ концѣ XIV в. Въ XVI в. нарядомъ завѣдывали иностранцы. Герберштейнъ говоритъ, что великій князь Василій имѣетъ литейщиковъ изъ Нѣмцевъ и Итальянцевъ, которые кромѣ пушекъ льютъ желѣзныя ядра, подобные тѣмъ, какія употребляются на западѣ, но что Русскіе не умѣютъ употреблять пушки въ сраженіи, пото-

му что главное у нихъ—быстрота движеній. Но въ концѣ XVI в., Гваньини уже говоритъ, что Русскіе въ его время очень часто и очень искусно дѣйствовали пушками, выучившись этому у какихъ-то бѣглыхъ Итальянцевъ, Нѣмцевъ и Литовцевъ. Полагаютъ, говоритъ Флетчеръ, что ни одинъ изъ христіанскихъ государей не имѣетъ такого хорошаго запаса военныхъ снарядовъ, какъ русскій царь, чему отчасти можетъ служить доказательствомъ оружейная палата въ Москвѣ, гдѣ стоятъ въ огромномъ количествѣ пушки, всѣ литыя изъ мѣди и весьма красивыя. Пушки дѣлали за границей и привозили въ Россію чрезъ Архангельскъ, или также и въ Москвѣ. При Олеаріѣ въ Бѣломъ городѣ былъ литейный заводъ, которымъ управлялъ вызванный изъ Голландіи мастеръ Іоганъ Валькъ. Русскіе, работавшіе подъ его руководствомъ на этомъ заводѣ, по отзыву Олеарія, не уступали въ литейномъ мастерствѣ самымъ опытнымъ Нѣмцамъ [121]).

Относительно продовольствія войска во время похода Флетчеръ говоритъ, что царь никому ничего не отпускаетъ, кромѣ иногда нѣкотораго количества хлѣба, и то на деньги служилыхъ же людей; поэтому каждый, идя въ походъ, долженъ имѣть при себѣ провіанта на 4 мѣсяца, а въ случаѣ недостатка можетъ приказать привесть его къ себѣ въ лагерь изъ своего имѣнія. Но изъ Русскихъ извѣстій XVI в. мы знаемъ, что хлѣбъ иногда доставлялся въ лагерь посошными людьми или подрядчиками на казенный счетъ. Обыкновенно же брали кормы по мѣстамъ, по которымъ проходило войско. Русскому войску, прибавляетъ тотъ же иностранецъ, много помогаетъ то, что каждый Русскій въ отношеніи жилища и пищи съ дѣтства готовится быть воиномъ. Люди средняго состоянія обыкновенно имѣютъ при себѣ сухари, нѣсколько крупы, пшена и муки, которую

---

[121]) Petrejus, 301: Sie (москвитяне) machen jetz und selbst Mussketen und Stücken, wie auch andere Kriegsmunition, daran sie ein grosses Vermögen haben und reich seyn.

мѣшаютъ съ водой, дѣлая такимъ образомъ комокъ тѣста; его ѣдятъ сырымъ вмѣсто хлѣба; кромѣ того берутъ фунтовъ 8 или 10 ветчины или другого сушенаго мяса, нѣсколько соли, къ которой у богатыхъ присоединяется перецъ; простые ратники довольствуются сухарями и толокномъ, т.-е. поджаренными и высушеннымъ овсомъ, измолотымъ въ муку. Кто имѣетъ съ собой 6 лошадей и столько же слугъ, на одной лошади укладываетъ обыкновенно всѣ жизненные припасы для содержанія себя и прислуги. Каждый имѣетъ также при себѣ топоръ, трутъ, котелъ или мѣдный горшокъ. Для лагеря избираютъ обширное мѣсто, гдѣ знатнѣйшіе раскидываютъ палатки; здѣсь же выпускаются на пастбище лошади, для чего между палатками оставляютъ большія пустыя пространства. Лагерь не укрѣпляется ни рвомъ, ни обозными телѣгами, ничѣмъ другимъ, если только не попадалась такая мѣстность, которую сама природа оградила лѣсомъ, рѣкою или болотами. Иностранцы съ удивленіемъ говорятъ о терпѣніи и неприхотливости простого московскаго ратника во время лагерной жизни. Простые воины строятъ себѣ шалаши изъ прутьевъ, покрывая ихъ войлоками, гдѣ хранятъ сѣдла, луки и сами защищаются отъ дождя, или, еще проще, прибиваютъ къ землѣ вѣтви кустарника, раскидываютъ сверху собственныя епанчи и укрываются подъ ними отъ непогоды. Довольствовались очень скудными средствами. Имѣя лукъ и чеснокъ, московскій ратникъ легко обходился безъ остальныхъ приправъ. Пришедши въ мѣстность, гдѣ и этого нѣтъ, этотъ житель снѣговъ, этотъ темный и пренебрегаемый сарматъ, по выраженію Климента, разводитъ себѣ небольшой огонь, наливаетъ воды въ горшокъ, кладетъ туда ложку муки или крупы, добавляетъ соли и, сваривъ, довольствуется этимъ наравнѣ съ прислугой; послѣдняя, впрочемъ, когда господинъ въ нуждѣ, голодаетъ дня по два и по три. Когда господинъ хочетъ пообѣдать пороскошнѣе, онъ кладетъ въ котелъ кусокъ ветчины или другого сушенаго мяса. Не лучшимъ продовольствіемъ пользуются и лошади; большею

частію, если онѣ не находятъ подножнаго корма, онѣ питаются древесною корой или мягкими прутьями. Не рѣдко мѣсяца по два терпятъ такую нужду всадникъ и лошадь, и однакоже сохраняютъ прежнюю силу и бодрость. Все это, разумѣется, не относилось къ знатнѣйшимъ и начальнымъ людямъ, которые пользовались въ походахъ большими удобствами: они помѣщались въ палаткахъ и имѣли гораздо лучшіе запасы. Къ своему столу они иногда приглашали людей побѣднѣе,—которые, добавляетъ Герберштейнъ,—хорошо пообѣдавъ у нихъ, послѣ 2 или 3 дня постятся. Государь, когда бывалъ въ походѣ, окружалъ себя особеннымъ великолѣпіемъ; шатеръ его обтягивался золотымъ полотномъ, украшеннымъ узорами и жемчугомъ. Петрей описываетъ порядокъ выступленія московскихъ полковъ изъ лагеря, изъ чего можно отчасти видѣть ихъ ратный строй, какимъ былъ онъ въ началѣ XVII в. и какимъ сохранился до котошихинскихъ временъ. Впереди выступаетъ передовой полкъ, во главѣ котораго идетъ около 5,000 стрѣльцовъ въ зеленой одеждѣ, съ длинными пищалями, по пяти въ рядъ. За ними ведутъ 8 или 10 воеводскихъ коней, богато убранныхъ; сѣдла на нихъ покрыты большими черными медвѣжьими или волчьими шкурами. Затѣмъ слѣдуетъ воевода полка; онъ ѣдетъ одинъ; на сѣдлѣ у него виситъ небольшой котлообразный набатъ. За воеводой движется самый полкъ безпорядочною толпой, и какъ скоро кто-нибудь поравняется съ воеводой или обгонитъ его, послѣдній ударяетъ плетью по набату, давая знать, чтобы тотъ подался назадъ. За передовымъ полкомъ идетъ большой, со множествомъ трубачей и литаврщиковъ, которые бьютъ въ литавры и трубятъ въ трубы.

Эта музыка наводила тоску на иностранцевъ; по словамъ Корба, она скорѣе могла навѣять уныніе, нежели возбудить воинственное одушевленіе. За музыкантами идетъ нѣсколько тысячъ стрѣльцовъ, одѣтыхъ въ красное платье, съ бѣлою горностаевою опушкой, по 5 въ рядъ; за ними ведутъ коней большого воеводы, въ богатомъ убранствѣ;

сѣдла на нихъ покрыты леопардовыми кожами и рысьими мѣхами. Наконецъ за конями ѣдетъ большой воевода, въ сопровожденіи военныхъ совѣтниковъ изъ служилыхъ московскихъ людей и иностранцевъ, за которыми слѣдуетъ толпою большой полкъ; направо отъ него идетъ правый, на лѣво—лѣвый полкъ. Шествіе замыкаетъ огромный обозъ; всѣ кричатъ какъ бѣшеные, ѣдутъ безъ всякаго порядка, обгоняя другъ друга и поднимая такой крикъ, что слабый и малодушный непріятель отъ него одного обратился бы въ бѣгство [122]).

«Еслибы русскій ратникъ, говоритъ Флетчеръ, съ такою же твердостью исполнялъ тѣ или другія предпріятія, съ какою онъ переноситъ нужду и трудъ, или столько же былъ бы способенъ и навыченъ къ войнѣ, сколько равнодушенъ къ своему помѣщенію и пищѣ, то далеко превзошелъ бы нашихъ солдатъ, тогда какъ теперь много уступаетъ имъ въ храбрости и въ самомъ исполненіи военныхъ обязанностей».

Такой нелестный переходъ дѣлаетъ иностранецъ отъ удивленія передъ суровостью и терпѣніемъ, съ которымъ московскій ратникъ переносилъ неудобства и лишенія всякаго рода, къ его военному искусству. Контарини замѣчаетъ, что у московскаго государя довольно ратныхъ людей, но большею частію они никуда не годны. Нѣкоторые иностранцы удивляются физической силѣ московскихъ ратниковъ; Гваньини совѣтуетъ осторожно схватываться съ ними въ сраженіи, чтобъ не попасть къ нимъ въ руки, изъ которыхъ, благодаря ихъ необыкновенно крѣпкимъ мускуламъ, трудно вырваться. Москвитянинъ, говоритъ Гваньини, одинъ безъ всякаго оружія смѣло выходитъ на дикаго медвѣдя и, схвативъ его за уши, таскаетъ до тѣхъ поръ, пока тотъ въ изнеможеньи не повалится на землю. Михалонъ говоритъ, что Москвитяне превосходятъ Литовцевъ дѣятельностію и храбростію; у нихъ не было также недостатка и въ преданности своему дѣлу, въ особенности къ

122) Ср. Котошихинъ, гл. IX, ст. 1.

самопожертвованію. Стефанъ Баторій разсказывалъ Поссевину, что въ литовскихъ крѣпостяхъ находили московскихъ ратниковъ, которые, едва дыша отъ утомленія и голода, еще оборонялись отъ осаждающихъ, чтобы до конца не нарушить вѣрности своему государю: «этимъ только и берутъ они», добавляетъ отъ себя Поссевинъ. Поэтому московское войско дѣйствовало хорошо въ тѣхъ случаяхъ, которые требовали означенныхъ качествъ, гдѣ самая обстановка заставляла брать терпѣніемъ и упорствомъ. Оно рѣдко брало города приступомъ, но предпочитало вынуждать ихъ къ сдачѣ продолжительною осадой, моря осажденныхъ голодомъ или стараясь склонить ихъ къ измѣнѣ, за то оно отлично отстаивало города, обнаруживая здѣсь удивительную дѣятельность и стойкость. Но по общему мнѣнію, московское войско оказывалось несостоятельнымъ, гдѣ требовалось искусство, гдѣ обстановка дѣла не поддерживала твердости и не отрѣзывала путей къ отступленію. По сознанію самихъ иностранцевъ, Московское государство, благодаря своей артиллеріи, какая бы она ни была, стояло въ военномъ отношеніи гораздо выше восточныхъ своихъ сосѣдей. Стефанъ Баторій по свидѣтельству Поссевина, именно тѣмъ и объяснялъ успѣхи Іоанна IV на востокѣ, что его войска дѣйствовали противъ Татаръ съ артиллеріей, незнакомой послѣднимъ, и лучше ихъ владѣли оружіемъ [123]). Но въ какомъ отношеніи стояли Татары къ Москвитянамъ въ дѣлѣ военнаго искусства, въ такомъ отношеніи находились сами Москвитяне къ западнымъ своимъ сосѣдямъ. Открытый бой съ Поляками и Литовцами въ чистомъ полѣ, говоритъ Гваньини, очень рѣдко удается московскому войску и оно рѣдко вступаетъ съ ними въ та-

[123]) Такъ же смотрѣли на дѣло и сами Татары. Когда во время Ливонской войны водили по улицамъ Москвы плѣнныхъ Ливонцевъ напоказъ народу, одинъ татарскій ханъ, тоже плѣнный, сказалъ: «По дѣломъ вамъ, Нѣмцы! вы дали царю въ руки розги, которыми онъ сначала насъ высѣкъ, а теперь сѣчетъ васъ самихъ». Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. VI, стр. 240.

кой бой, потому что не имѣетъ тѣхъ качествъ, которыми враги обыкновенно побѣждаютъ его, не имѣетъ ловкости и стойкости, не умѣетъ драться и владѣть оружіемъ по правиламъ искусства. Подобно всѣмъ восточнымъ ополченіямъ, состоящимъ преимущественно изъ конницы, оно, за недостаткомъ искусства, старалось брать болѣе количествомъ и силою перваго натиска, нежели стойкостію и строгимъ порядкомъ въ дѣйствіи. Вступая въ бой, оно двигалось нестройною, широко-растянутою толпой, сохраняя только дѣленіе по полкамъ. При наступленіи, музыканты, которыхъ всегда въ немъ было множество, всѣ вдругъ начинали играть на своихъ трубахъ и сурнахъ, поднимая странный, дикій шумъ, невыносимый для непривычнаго уха. Къ этому присоединялся при самой аттакѣ оглушительный крикъ, который поднимало все войско разомъ. Въ сраженіи прежде всего пускали стрѣлы, потомъ брались за мечи,—хвастливо размахивая ими надъ головами прежде, чѣмъ доходили до ударовъ.

Первый натискъ старались произвести какъ можно стремительнѣе и сильнѣе, но не выдерживали долгой схватки, какъ будто говоря врагамъ, по замѣчанію Герберштейна: «бѣгите, или мы побѣжимъ». Зная это свойство московскихъ ратниковъ и ихъ мускульную силу, западные враги ихъ остерегались вступать съ ними прямо въ рукопашный бой, но старались стойкостью и изворотливостью выдержать первый напоръ и потомъ обратить ихъ въ бѣгство. Съ своей стороны, московскія войска, съ большею твердостью сражаясь издали, нежели вблизи, больше всего старались обойти непріятеля и напасть на него съ тыла. Первое нападеніе дѣлала обыкновенно конница, а пѣхоту помѣщали въ засадѣ, откуда она могла бы произвести неожиданный и наиболѣе удачный натискъ на непріятеля. Это иногда удавалось московскому войску. Засада рѣшила дѣло въ его пользу въ Ведрошскомъ сраженіи. Но, съ другой стороны, привычкой открывать бой стремительнымъ нападеніемъ и недостаткомъ стойкости въ дальнѣйшемъ дѣй-

ствіи также ловко пользовались иногда и западные непріятели Москвитянъ, какъ было напр., при Оршѣ въ 1514 году.

Вообще въ XVI в. все рѣзче и рѣзче обнаруживалось разстояніе, на которое Москва отстала въ военномъ искусствѣ даже отъ Литвы, не говоря уже о другихъ западныхъ государствахъ.

Польское войско было въ Москвѣ на лучшемъ счету, по словамъ Флетчера. Герберштейнъ, а за нимъ Флетчеръ дѣлаютъ слѣдующее любопытное сравненіе московскаго ратника съ турецкимъ и татарскимъ: «Русскій ратникъ, если онъ уже разъ началъ отступать, все свое спасеніе полагаетъ въ скоромъ бѣгствѣ, а если взятъ непріятелемъ, то не защищается и не молитъ о пощадѣ, зная, что долженъ умереть. Турокъ, потерявъ надежду спастись бѣгствомъ, начинаетъ умолять о жизни, бросаетъ оружіе, поднимаетъ руки вверхъ, какъ бы дозволяя связать себя, надѣясь, что его оставятъ въ живыхъ, если онъ согласится быть рабомъ непріятеля. Татаринъ охотнѣе соглашается умереть, нежели уступить непріятелю, и свергнутый съ коня, обороняется до послѣдняго издыханія зубами, руками и ногами, чѣмъ только можетъ [124]).

Если войско одерживало побѣду, брало городъ, царь посылалъ ратнымъ людямъ награды. Для воеводъ и другихъ начальныхъ людей обыкновенной наградой была золотая деньга овальной формы; простымъ ратникамъ раздавали серебряныя такой же формы медали.

Несмотря на перемѣны, происшедшія въ устройствѣ русскаго войска въ XVII в., тактика до конца вѣка оставалась прежняя: бой открывали стремительнымъ натискомъ, но, встрѣтивъ отпоръ, также неудержимо обращались въ бѣгство; измѣнился только порядокъ нападенія. Пѣхоту, во-

[124]) Кампензе, 23 и слѣд.—Іовій, 53 и слѣд.—Fabri, 132.—Clemens Adam, 149.—Herberstein, 7, 10 и 36.—Possevino, 8, 11, 19 и 60.—Михалонъ, 11, 27 и 29.—Флетчеръ, гл. 15-я, 16-я и 17-я.—Hakluyt, I, 265.

оруженную бердышами, какъ главный оплотъ войска, стали выставлять впередъ. Иностранцы выгодно отзываются о московской пѣхотѣ: подъ управленіемъ мужественнаго вождя, она дралась необыкновенно хорошо, соблюдая пріемы правильнаго боя, если у нея была какая-нибудь опора, ровъ или ограда изъ обозныхъ телѣгъ. Зато о конницѣ, состоявшей изъ служилыхъ людей и ихъ дворовыхъ слугъ, иностранцы самаго дурного мнѣнія: она билась гораздо хуже пѣхоты; сдѣлавъ залпъ и видя, что непріятель не дрогнулъ, она быстро обращалась въ бѣгство, оставляя пѣхоту безъ поддержки.

Вообще служилые люди Московскаго государства, по самому рожденію призванные быть воинами, по отзывамъ наблюдателей, сильно страдали недостаткомъ мужества и военной чести. Они не считали предосудительнымъ, пользуясь продажностью московскихъ дьяковъ, дорогой цѣной откупаться отъ похода или даже, въ случаѣ возможности, убѣгать домой изъ лагеря.

По замѣчанію Корба, они не понимали, какъ можно добровольно подвергаться опасностямъ войны, и считали безумными тѣхъ Нѣмцевъ, которые сами напрашивались на участіе въ походѣ. Понятно, почему и въ XVII в., несмотря на нѣкоторыя перемѣны къ лучшему въ военномъ устройствѣ, московское войско попрежнему оказывалось несостоятельнымъ при встрѣчѣ съ западными войсками, даже польскими. По выраженію Корба, только Татары боялись московскаго оружія; западные сосѣди смѣялись и надъ духомъ, и надъ искусствомъ московскихъ ратниковъ [125]).

Увеличеніе враждебныхъ столкновеній съ западными сосѣдями, тяжелый опытъ, выносимый отсюда, сознаніе отсталости—все это заставляло московское правительство, обыкновенно во всемъ такъ ревниво оберегавшее старину, отцовскій обычай, дѣлать нѣкоторыя перемѣны въ ратномъ

[125]) Korb, 183: Umbratilis certe miles et hostis ludibrium, nisi parem invenerit.

дѣлѣ, хлопотать о нарядѣ, о наймѣ способныхъ заправлять имъ иностранцевъ, о заведеніи постоянной пѣхоты. Недостатокъ искусства заставлялъ увеличивать количество силъ, а увеличеніе количества требовало увеличенія расходовъ. Служилые московскіе люди, говорятъ иностранцы, должны отправляться въ походъ на свой счетъ, а походныя издержки у нихъ не такія ,какъ у насъ, каждый дворянинъ ѣдетъ на войну съ 6-ю или болѣе лошадьми и такимъ же числомъ слугъ. Государство обязывало служилыхъ людей являться на войну «конно, людно и оружно». Откуда добывали они средства для этого?

Служилый классъ составляли бояре, дворяне и дѣти боярскія съ разными подраздѣленіями. Мы видѣли, какая перемѣна произошла въ отношеніяхъ высшихъ членовъ старинной дружины къ ихъ прежнему вождю, великому князю, а потомъ царю московскому; мы знаемъ, что эта перемѣна была не въ пользу первыхъ. Эта перемѣна, разумѣется, должна была отразиться и на низшихъ членахъ дружины; они так же изъ вольныхъ слугъ стали теперь подневольными холопами государя. Но, поставивъ послѣднихъ въ такое положеніе, эта перемѣна имѣла для нихъ и выгодное слѣдствіе, какого не имѣла для бояръ. Борьба государей московскихъ со старыми дружинными притязаніями была собственно борьбой только съ боярствомъ и вообще съ высшими членами дружины; они отстаивали свои старыя права, окружая власть, которая не могла съ ними ужиться. Эта борьба верховной власти съ прежнею старшею дружиной, уничтоживъ прежнее довѣріе между ними, заставила первую обратиться къ младшей дружинѣ, позаботиться объ ея интересахъ, чтобы найти себѣ въ ней опору и противопоставить ее противникамъ. Въ XVI в. правительство старалось поднять значеніе дворянина, дать ему высшее мѣсто передъ сыномъ боярскимъ; но точно также въ концѣ этого вѣка интересы сына боярскаго оно предпочло интересамъ боярина. Это ясно сказалось въ мѣрахъ, которыя правительство принимало для обезпеченія мате-

ріальнаго положенія служилаго класса. Мѣры эти условливались отношеніемъ служилаго класса къ остальному народонаселенію. Въ Россіи, говоритъ Флетчеръ, каждый воинъ есть дворянинъ, и нѣтъ другихъ дворянъ кромѣ военныхъ, на которыхъ такая обязанность переходитъ по наслѣдству отъ предковъ—явленіе, не исключительно-свойственное Россіи,—и каждый иностранецъ изъ какого-нибудь западно-европейскаго государства по одному этому извѣстію могъ составить себѣ понятіе объ отношеніи военнаго класса въ Россіи къ остальному народонаселенію; припомнивъ исторію своей собственной страны, онъ могъ понять, что въ Россіи военный класъ составляетъ особую массу, не смѣшивающуюся съ остальнымъ народонаселеніемъ, и кормится на счетъ послѣдняго. Какъ кормится?—такъ, какъ кормится военная масса, еще не смѣшавшаяся съ остальнымъ народонаселеніемъ, во всѣхъ неразвитыхъ и преимущественно земледѣльческихъ государствахъ, страдающихъ недостаткомъ движимаго капитала, производящихъ мѣну больше натурой, т.-е. кормится натурой же, непосредственно на счетъ рабочаго населенія. Именно въ такомъ первоначальномъ положеніи застали иностранцы XV и XVI в. отношенія между военнымъ и невоеннымъ населеніемъ Московскаго государства; перемѣны, происшедшія въ положеніи различныхъ элементовъ Московскаго государства въ эти два вѣка, не измѣнили сущности отношеній между военнымъ и невоеннымъ населеніемъ страны въ сравненіи съ XIII или XIV в. Еще въ началѣ XV в. живо сохранялось старинное значеніе слова «мужъ»; если понимали прежнее значеніе «мужа», понимали и прежнее значеніе «людей», мужиковъ. Какіе бы чины и дѣленія ни вносило государство въ общество, въ которомъ такія понятія опирались на живую дѣйствительность, въ сущности это общество распадалось на два класса: военный, который защищалъ страну, и невоенный, который непосредственно кормилъ этихъ защитниковъ. Если древняя Россія не оставила намъ слова, которымъ однимъ мы мог-

ли бы назвать и охарактеризовать военный классъ во всемъ его объемѣ, то для невоеннаго мы имѣемъ нѣсколько такихъ характеристическихъ словъ: «люди», «простые, черные люди», «земскіе, тяглые люди»,—каждое изъ этихъ названій близко передаетъ значеніе, какое имѣлъ невоенный классъ въ государствѣ.

Главною, общею формой непосредственнаго кормленія военнаго класса на счетъ черныхъ людей была раздача помѣстій. И здѣсь обнаружилось то различіе, которое, вслѣдствіе извѣстныхъ намъ причинъ, дѣлало правительство между высшими и низшими членами служилаго класса.

Въ то время, когда князья Рюриковичи, переходя на службу къ князю московскому, теряли свои вотчины за исключеніемъ небольшихъ участковъ, когда и эти сильно урѣзанныя отчины, вмѣстѣ съ вотчинами старыхъ бояръ московскихъ, по приказу государя, отнимались, мѣнялись на другія, жалованныя государемъ, и разными средствами, подъ разными предлогами, отписывались на государя,—въ то самое время правительство сильно хлопочетъ о мѣрахъ къ обезпеченію содержанія низшихъ служилыхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ. Когда собираніе сѣверо-восточной Руси, съ такимъ успѣхомъ конченное въ первой половинѣ XVI в., увеличило до громадныхъ размѣровъ количество земли, которою могла располагатъ казна, этою землей прежде всего воспользовались именно для испомѣщенія низшихъ служилыхъ людей. Низшимъ же служилымъ людямъ прежде другихъ положено было и постоянное денежное жалованье; наконецъ, въ ихъ интересахъ, и къ невыгодѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, которыми были тѣ «старѣйшіе бояре», на которыхъ указывалъ цар. В. И. Шуйскій, какъ на противниковъ прикрѣпленія крестьянъ, въ интересахъ именно мелкихъ землевладѣльцевь заказанъ былъ выходъ крестьянамъ. Но если иностранцамъ, пріѣзжавшимъ въ Москву изъ западной Европы, это непосредственное кормленіе военной массы на счетъ невоеннаго народонаселенія, немогло показаться само по се-

бѣ новостью, то въ самомъ устройствѣ этого кормленія, въ отношеніяхъ къ нему правительства, ихъ вниманія не могли не остановить на себѣ нѣкоторыя особенности. Впрочемъ ,мы имѣемъ отъ нихъ очень немногія отрывочныя извѣстія о помѣстьяхъ: короткаго пребыванія въ Москвѣ и разспросовъ здѣшнихъ жителей было слишкомъ недостаточно для того, чтобы составить ясное понятіе объ этомъ предметѣ. Потому иностранныя извѣстія о немъ касаются только внѣшней, наиболѣе видной стороны дѣла, именно нѣкоторыхъ отношеній правительства къ помѣстьямъ и помѣщикамъ. Герберштейнъ говоритъ, что знатнѣйшимъ служилымъ людямъ для отправленія посольствъ и другихъ болѣе важныхъ должностей даются, между прочими средствами содержанія, и помѣстья [126]); но онъ ничего не говоритъ о помѣстьяхъ, которыя давались простымъ служилымъ людямъ для отправленія военной службы,—не говоритъ, можетъ-быть потому, что въ первой четверти XVI в. раздача помѣстій еще не достигла значительныхъ размѣровъ. По словамъ Флетчера, сынъ дворянина, поспѣвшій на службу, являлся въ Разрядъ, гдѣ имя его записывалось въ книгу, а ему самому давались извѣстныя земли для отправленія службы, обыкновенно тѣ же самыя, какими пользовался его отецъ. Послѣднія слова можно принять только въ самомъ общемъ смыслѣ, но совсѣмъ нельзя принять причину, которою Флетчеръ объясняетъ это надѣленіе сыновей обыкновенно тѣми же самыми землями, которыми пользовались ихъ отцы: по его словамъ, это происходитъ отъ того, что земли, опредѣленныя на содержаніе войска, всегда однѣ и тѣ же, безъ малѣйшаго увеличенія или уменьшенія, и эти земли на всемъ пространствѣ государства всѣ уже заняты. Относительно прежняго времени это извѣстіе о постоянно-одинаковомъ количествѣ земель, которыя правительство могло раздавать въ помѣстья, конечно, невѣрно, но оно невѣрно и относительно того времени, когда писалъ Флет-

[126]) Herberstein, 10.

черъ: во 1-хъ, колонизація тогда еще продолжалась и даже, можно думать, въ большихъ размѣрахъ чѣмъ прежде, доставляя правительству новыя пространства земли, постепенно, хотя и медленно населявшіяся; государство, по своимъ отношеніямъ къ чернымъ, тяглымъ землямъ, легчо могло обращать въ помѣстья и даже въ вотчины не только вновь занимаемыя, но и старыя, не испомѣщенныя земли; далѣе, въ какихъ бы широкихъ размѣрахъ ни производилась раздача помѣстій во вторую половину XVI в. [127]), нѣтъ основанія думать, чтобы всѣ земли, которыми правительство могло располагать для этой цѣли, были уже заняты. Есть указанія, говорящія противъ такого предположенія: въ Горетовомъ стану Московскаго уѣзда въ 1586 г. подъ помѣстьями и вотчинами было 5.780 четвертей пахотной земли; порожней и оброчной земли, находившейся въ непосредственномъ вѣдѣніи казны, было 8.639 четвертей [128]); судя по этому образчику, можно полагать что даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы могли бы предположить наиболѣе значительное развитіе помѣстій и вотчинъ, количество свободныхъ земель, которыя правительство могло раздавать въ помѣстья, далеко еще превышало въ концѣ XVI в. количество земель уже отданныхъ въ помѣстья.

Поэтому едва ли можно принять за общее или, по крайней мѣрѣ, обыкновенное явленіе то, что говоритъ Флетчеръ далѣе, будто происходятъ большіе безпорядки отъ того, что когда у помѣщика много сыновей, и только одинъ изъ нихъ получаетъ отъ царя помѣстье, то остальные, не имѣя ничего, принуждены добывать себѣ пропитаніе дурными средствами [129]); если и были подобныя явленія, то уже никакъ

---

[127]) Г. Бѣляевъ гадательно, на основаніи помѣстныхъ раздачъ 1550 года, полагаетъ количество земель, розданныхъ въ помѣстья въ концу царствованія Іоанна IV, около 50.000.000 четвертей. «Крестьяне на Руси», стр. 99.

[128]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. VII, стр. 397.

[129]) Флетчеръ, гл. 15-я.

не отъ недостатка земель для испомѣщенія нуждающихся служилыхъ людей; при нуждѣ въ ратныхъ людяхъ этого не могло быть въ XVI в. и даже долго послѣ. Вообще земли, данныя служилому человѣку, не иначе переходили къ его наслѣдникамъ, какъ по утвержденію государя. Хотя бы послѣ служилаго человѣка осталось много дочерей, земли отходили къ государю, кромѣ небольшой части, остав ляемой дочерямъ для выдачи ихъ замужъ (точнѣе надо было бы сказать: до выдачи замужъ). Пользующійся помѣстьемъ служилый человѣкъ, подъ страхомъ тяжелаго наказанія, обязывался выставлять на войну и содержать во время похода нѣсколько ратниковъ, число которыхъ было опредѣлено государемъ соразмѣрно съ доходами помѣстья. Отъ этихъ помѣстій, жалуемыхъ государемъ за службу и для службы, на время или пожизненно, отличались наслѣдственныя земельныя владѣнія (вотчины); но и эти земли находились въ такой же зависимости отъ воли государя, какъ и помѣстья, ибо если владѣлецъ, умирая, не оставлялъ послѣ себя сыновей, его земельная собственность тотчасъ отписывалась въ казну [130]). О вотчинахъ иностранцы говорятъ еще меньше, чѣмъ о помѣстьяхъ, можетъ быть, потому ,что они смѣшивали ихъ съ помѣстьями, къ чему въ XVI в. могли легко привести распоряженія правительства о вотчинахъ служилыхъ князей, а другіе если и отличали остатки прежнихъ родовыхъ княжескихъ вотчинъ отъ земель пожалованныхъ царемъ, то въ послѣднихъ не видѣли яснаго различія между землями, пожалованными въ вотчину, и землями, пожалованными въ помѣстье. Къ концу XVI в. количество земель, розданныхъ служилымъ людямъ въ томъ или другомъ видѣ, безъ сомнѣнія, было значительнѣе количества старыхъ княжескихъ и боярскихъ вотчинъ; но между всѣми землями, находившимися за князьями, боярами и прочими служилыми людьми, помѣстья едва ли мно-

---

[130]) Herberstein, 10.—Clemens Adam, 149.—Possevino, 22.

го уступали въ количествѣ вотчинамъ (церковныя земли сюда, конечно, не относятся). Если можно такъ думать, то легко представить себѣ, какая перемѣна совершилась въ частномъ землевладѣніи въ эпоху утвержденія въ Москвѣ единовластія, и насъ не остановитъ показаніе Флетчера, что у князей отняты ихъ наслѣдственныя земли и даны имъ другія на помѣстномъ правѣ въ дальнихъ краяхъ государства, гдѣ эти князья не могли пользоваться большимъ вліяніемъ, что точно также и бояре содержатся доходами съ земель, пожалованныхъ государемъ, потому что наслѣдственныхъ у нихъ осталось мало [131]). Доходы какъ князей такъ и бояръ съ жалованныхъ царемъ земель, по свидѣтельству Флетчера, простирались до 1,000 рубл. въ годъ; но при этомъ нельзя забывать, что по характеру господствовавшаго тогда хозяйства трудно было опредѣлить поземельный доходъ, въ томъ видѣ, какъ онъ тогда получался, сколько-нибудь приблизительною денежною суммой. Это замѣчаніе одинаково относится и къ тѣмъ, впрочемъ немногимъ, извѣстіямъ о поземельномъ доходѣ служилыхъ людей, которыя мы находимъ у иностранцевъ XVII в. Петрей говоритъ, что каждый крестьянинъ обязанъ работать на своего владѣльца 5 дней въ недѣлю [132]). Олеарій сравниваетъ московскихъ служилыхъ князей съ простыми дворянами Западной Европы и добавляетъ, что за исключеніемъ тѣхъ изъ этихъ князей, которые занимаютъ высшія должности въ государствѣ, всѣ остальные вообще не богаче западныхъ господъ, получающихъ отъ 8,000 до 10,000 ливровъ поземельнаго дохода [133]). У Невиля есть извѣстіе о доходѣ,

---

[131]) Флетчеръ, гл. 9-я.

[132]) Petrejus, 314.

[133]) Olearius, 26: à la reserve de ceux qui sont employés dans les premières charges de l'éstat, les autres n'ayent pas plus de bien que nos Seigneurs de huit ou dix mille livres de rente». 3 ливра равняются 1 экю, а экю у Олеарія равняется половинѣ тогдашняго московскаго рубля: значитъ, 8,000—10,000 ливр. составляютъ около 1,500 рубл.

который получалъ землевладѣлецъ съ каждой тяглой души: по этому извѣстію, каждый крестьянинъ приносилъ своему господину въ концѣ XVII в. около 4 рубл. ежегоднаго дохода [134]). О доходѣ низшихъ чиновъ служилаго класса нѣтъ у иностранцевъ прямыхъ показаній; но по нѣкоторымъ отрывочнымъ замѣткамъ можно заключать, что если не большинство, то значительная масса низшихъ служилыхъ людей, сверхъ денежнаго жалованія, имѣла очень скудныя средства содержанія. По словамъ Флетчера, низшій слой дворянства составляли лица, называвшіяся князьями, но происходившія отъ младшихъ членовъ главныхъ княжескихъ родовъ. Эти князья не имѣли никакого наслѣдственнаго состоянія, и ихъ было такъ много, что они считались за ничто, и нерѣдко можно было встрѣтить такихъ князей, которые охотно шли служить простолюдину за 5 или 6 рубл. въ годъ. По словамъ Петрея, много было дворянъ, которые, не имѣя средствъ купить сапоги, ходили въ лаптяхъ, какіе носили ихъ крестьяне. О низшихъ дворянахъ, служившихъ при дворѣ, Невиль замѣчаетъ, что они только по имени дворяне, а въ сущности не имѣютъ никакого состоянія, кромѣ 200 ливровъ ежегоднаго седержанія отъ царя [135]).

Помѣстная система могла показаться постороннимъ наблюдателямъ очень удобнымъ для государства способомъ обезпеченія содержанія служилаго класса. Гваньини говоритъ, что московскій государь можетъ долгое время содержать на-готовѣ огромное войско, не обременяя себя расходами, потому что онъ не даетъ ратникамъ денежнаго жалованья, а надѣляетъ ихъ малоцѣнными полями, которыя даютъ имъ содержаніе на время службы [136]). Но потребность

---

[134]) Neuville, 8: «Chaque paysan raporte par an à son maître environ huit écus».

[135]) Neuville, 25. Ср. Олеарій, стр. 221: Les knez qui n'ont point d'employ à la Cour, et qui n'ont pas le moyen d'y faire la dépense, se retirent à la campagne, où leur façon de vivre n'est pas fort differente de celle des paysans.

[136]) Guagnino въ «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 177.

въ денежномъ жалованьи обнаруживалась все сильнѣе и сильнѣе. Мы видѣли, что высшіе служилые люди кромѣ военной службы должны были отправлять на свой счетъ и другія должности, требовавшія иногда значительныхъ издержекъ, но не приносившія особенныхъ доходовъ, напрм., посольства къ иностраннымъ дворамъ: извѣстно что постигло Третьяка Далматова, который осмѣлился отговариваться отъ посольства недостаткомъ средствъ [137]). Только въ концѣ XVI в. встрѣчаются русскія извѣстія о подмогѣ или денежномъ жалованіи посламъ, отправлявшимся къ иностраннымъ дворамъ. Это средство, какъ общая мѣра, приложено было прежде всего къ низшимъ служилымъ людямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Іовію сказывали, что только тѣмъ служилымъ людямъ, которые живутъ въ областяхъ, выдается изъ областной казны въ мирное время незначительное жалованье [138]). По словамъ Герберштейна, кому государь приказывалъ быть при дворѣ, а также отправлять посольскую или воинскую службу, тотъ долженъ былъ исполнять это на свой счетъ, исключая молодыхъ дѣтей боярскихъ, которыхъ государь ежегодно бралъ ко двору и содержалъ на жалованьи. Одни изъ нихъ получали ежегодно по 12 золотыхъ (рублей), другіе по 6 золотыхъ въ каждые три года; первые на свой счетъ должны были исправлять всякое государево дѣло съ извѣстнымъ числомъ лошадей. Вообще жалованье выдавалось тѣмъ, которые не могли на собственныя средства, т. е. на счетъ доходовъ съ помѣстій, отправлять военную службу [139]). Болѣе опредѣленныя и подробныя извѣстія о денежномъ жалованьи имѣемъ отъ конца XVI в., когда и самое дѣло получило большую опредѣленность и большее развитіе. Мы видѣли, какія части войска на постоянномъ жалованьи высчитываетъ Флетчеръ. По его показанію, большіе дворяне

---

[137]) Herberstein, 12.
[138]) П. Іовій, 55.
[139]) Herberstein, 10 и 36.

получали отъ 100 до 70 рублей въ годъ, средніе отъ 60 до 40, дѣти боярскія отъ 30 до 12; всего выдавалось на 15,000 дворянъ тѣлохранителей до 55,000 рубл. ежегодно. Половина жалованья выдавалась имъ въ Москвѣ, другая въ полѣ, если они были въ походѣ. Это жалованье шло имъ сверхъ приписанныхъ къ каждому изъ нихъ земель; кто имѣлъ очень мало земли, получалъ ежегодно по 20 рубл. прибавки. На 65,000 дворянъ, въ мирное время назначавшихся на сторожевую службу по татарскимъ границамъ, выдавалось жалованья до 40,000 рубл. Стрѣльцы получали ежегодно по 7 рубл., по 12 мѣръ ржи и по стольку же овса. О количествѣ жалованья наемнымъ солдатамъ изъ иностранцевъ въ XVI в. нѣтъ извѣстій. Система денежнаго жалованья, разумѣется, въ меньшихъ размѣрахъ и медленнѣе распространилась на высшіе чины служилаго класса; по словамъ Флетчера, князья и бояре получали сверхъ доходовъ съ пожалованныхъ царемъ земель до 700 рубл. въ годъ денежнаго жалованья за военную службу; больше этого, добавляетъ Флетчеръ, никто не получаетъ [140]).

Въ XVII в. система денежнаго жалованья должна была получить большее развитіе, и иностранцы этого времени оставили намъ болѣе подробныя извѣстія объ этомъ предметѣ, иногда указывая вмѣстѣ съ денежнымъ жалованіемъ и количество земель, которыми пользовались разные служилые люди. При Маржеретѣ высшіе члены служилаго класса, составлявшіе государеву думу, князья и бояре, получали отъ 500 до 1,200 рубл. ежегоднаго оклада; окольничіе отъ 200 до 400 рубл. и земли отъ 1000 до 2000 четвертей (при Маржеретѣ окольничихъ было до 15 человѣкъ); думные дворяне, которыхъ было 6, получали отъ 100 до 200 рубл. и земли отъ 800 до 1,200 четвертей; московскіе дворяне отъ 20 до 100 рубл. и земли отъ 500 до 1000 четвертей; выборные дворяне отъ 8 до 15 рубл. и земли до 500 четв,, дѣти боярскія отъ 4 до 5 руб, въ 6 или 7 лѣтъ и

[140]) Флетчеръ, гл. 9-я и 15-я.

земли отъ 100 до 300 четвертей [141]). Стрѣлецкіе головы получали при Маржеретѣ денежнаго жалованья отъ 30 до 60 рубл. и земли отъ 300 до 500 четвертей; сотники, сверхъ земель, отъ 12 до 20 рубл.; десятники до 10 рубл.; рядовые стрѣльцы по 4—5 р. ежегодно; сверхъ того каждому отпускалось по 12 мѣръ ржи и по стольку же овса, какъ и при Флетчерѣ. При Мейербергѣ пятидесятники получали денегъ по 8 рубл. въ годъ; десятники и простые стрѣльцы по 7 рубл.; овса и ржи выдавалось каждому стрѣльцу по 20 мѣръ, цѣной па 18 рубл.; пятидесятникамъ вдвое больше [142]). Кромѣ того, разъ въ годъ стрѣльцамъ выдавали сукна на одежду, которую они должны были шить на свой счетъ; при выходѣ стрѣльца изъ службы (за смертью или старостью) эта одежда возвращалась въ казну. Кромѣ царскаго жалованья стрѣльцы получали большіе доходы отъ промысловъ, которыми имъ позволено было заниматься въ Москвѣ и другихъ городахъ [143]). Русскимъ офицерамъ и рядовымъ ратникамъ конныхъ (рейтарскихъ) полковъ шло жалованье по 30 рубл. въ годъ (по Мейербергу по 50);

---

[141]) Маржеретъ въ «Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», ч. 3-я, стр. 59. При Котошихинѣ помѣстный окладъ былъ всѣмъ чинамъ «противъ денегъ съ рубля по 5 четвертей въ полѣ, а въ двухъ потомужъ». См. Котошихинъ, гл. VII, ст. 8. Если цифры Маржерета вѣрны, то въ началѣ XVII в. низшимъ чинамъ давали помѣстные оклады въ большей пропорціи съ денежными, нежели во времена Котошихина. Причина понятна.

[142]) Маржеретъ, 52.—Mayerberg, II, 123.—У Корба окладъ рядовыхъ стрѣльцовъ показанъ тотъ же, что у Мейерберга; значитъ, во 2-й половинѣ XVII в. онъ былъ увеличенъ въ сравненіи съ первою. Впрочемъ, какъ у Маржерета, такъ и у Мейерберга, денежные оклады ниже тѣхъ, какіе показаны у Котошихина; хлѣбное жалованье, напротивъ, у Мейерберга выше того, какое выставляетъ Котошихинъ. См. Котошихинъ, VII, 5.

[143]) Korb, 183: ex mercimoniis, quae exercere licebat, magnas saepe et invidiosas opes acquisiverant.

во время похода имъ выдавали водку, муку, пшено, сало и сушеною рыбу [144]). Солдатамъ платили во время похода по 5 коп ежедневно [145]). Въ мирное время жалованье служилымъ людямъ выдавалось въ Москвѣ и областныхъ городахъ, по свидѣтельству Петрея, въ два срока: на Пасху и на Михайловъ день. Выдача, по словамъ Мейерберга, производилась съ такою аккуратностью, что если служилый человѣкъ не являлся за нимъ въ назначенный срокъ, ему на другой же день относили жалованье на домъ. Если ратникъ съ честью палъ на битвѣ, назначалось содержаніе его вдовѣ до ея вступленія въ новое замужество, а также и дѣтямъ до возраста. Если ратникъ попадалъ въ плѣнъ, половину его жалованья за это время отдавали его женѣ, а другую ему самому, когда его выкупали [146]).

Отъ XVII в. дошли также извѣстія о жалованьи иностранцамъ, служившимъ въ московскомъ войскѣ. Рейтенфельсъ говоритъ, что положеніе иностранцевъ на русской службѣ значительно улучшилось въ его время въ сравненіи съ прежнимъ. Для привлеченія большаго числа опытныхъ иноземныхъ офицеровъ имъ назначали жалованья гораздо больше, нежели русскимъ. Въ Москвѣ въ XVII в. постоянно жило много иностранныхъ полковниковъ и офицеровъ, которые въ мирное время оставались безъ дѣла, получая половинный окладъ жалованія, такъ какъ войска, которыми они командовали, въ мирное время распускались [147]). Когда открывалась война, иностраннымъ офицерамъ поручали командованіе рейтарскими и солдатскими

---

[144]) Olearius, 225.—Mayerberg, II, 124. По Котошихину также 30 рубл., вопреки Мейербергу (см. гл. IX, ст. 2).

[145]) Mayerberg, II, 125; у Котошихина 60 алтынъ въ мѣсяцъ.

[146]) Mayerberg, II, 126.

[147]) Олеарій, кажется, преувеличиваетъ, говоря, что въ мирное время иностранный полковникъ получалъ по 90 экю, или по 45 рубл. въ мѣсяцъ.

полками и выдавали полные оклады: рейтарскому полковнику шло тогда денежнаго жалованья по 40 рубл. въ мѣсяцъ, подполковнику по 18, майору по 16, ротмистру 13, поручику 8, корнету 7. Въ солдатскихъ полкахъ жалованье было нѣсколько меньше, именно: полковнику 30 рубл. въ мѣсяцъ, подполковнику 15, майору 14, капитану 11, поручику 8, прапорщику 5. При поступленіи на службу иностранецъ получалъ отъ царя въ подарокъ платье, лошадь и проч. Несмотря на выгоды, которыми пользовались иностранные офицеры на русской службѣ, многіе изъ нихъ высказывали Мейербергу сожалѣніе, что оставили свою родину и пошли искать счастья въ Москву; они жаловались на то, что по выслугѣ условленнаго срока нѣтъ возможности вырваться изъ Москвы; если для удержанія иностранца на службѣ долѣе срока не помогали разныя приманки и награды, упрямаго ссылали въ какое-нибудь отдаленное мѣсто, откуда трудно было выбраться. Въ оправданіе такихъ стѣсненій иностранцамъ говорили въ Москвѣ, что не честно покидать службу, когда идетъ или ожидается война; а на это всегда можно было сослаться, такъ какъ Московское государство по характеру своихъ отношеній къ сосѣдямъ постоянно или воевало, или ожидало войны [148]).

V.

Управленіе и судопроизводство.

Отъ описанія устройства служилаго класса всего ближе перейдти къ описанію управленія страной. Управленіе было другой формой кормленія служилыхъ людей на счетъ чернаго, неслужилаго народонаселенія и, разумѣется, должно было отличаться особенностями, которыя неизбѣжно вытекали изъ такой цѣли. Бояринъ или сынъ боярскій за государеву службу получалъ намѣстничество или волостель-

[148]) Mayerberg, II, 124—127.—Рейтенфельсъ, 3.—Korb, 183.

ство; человѣкъ меча на извѣстное время переходилъ въ совершенно другую сферу, вступалъ въ совершенно иныя отношенія, не переставая быть по-прежнему въ сущности военнымъ человѣкомъ, вѣдалъ и судилъ городъ или волость «для расправы людямъ и всякаго устроенія землямъ, себѣ же для покоя и прокормленія», какъ опредѣляло правительство XVI в. цѣль намѣстничествъ и волостельствъ. По окончаніи срока служилый человѣкъ возвращался съ кормленія до новаго мѣста. Понятно, какой характеръ должно было имѣть его управленіе городомъ или волостью: прежде и больше всего имѣлось въ виду полученіе дохода, «чѣмъ мочно быти сытымъ». Иностранцы не могли не замѣтить такого характера областного управленія. Герберштейнъ ставитъ «префектуры» рядомъ съ помѣстьями, какъ средства, служащія для одной и той же цѣли. На образованнаго западнаго европейца, внимательно всматривавшагося въ устройство Московскаго государства, не могло, конечно, произвести выгоднаго впечатлѣнія это смѣшеніе совершенно различныхъ занятій и цѣлей, какое представляло имъ гражданское управленіе посредствомъ военныхъ людей. Таковы же были органы и центральнаго управленія, сосредоточивавшіеся въ думѣ и приказахъ столицы.

Въ устройствѣ управленія Московскаго государства въ XV и XVI в. мы видимъ важное движеніе: тогда произошли двѣ тѣсно связанныя между собою перемѣны, которыя не могли остаться безъ вліянія на ходъ управленія. Эти перемѣны состояли въ появленіи и развитіи приказной системы и въ новомъ значеніи дьяковъ. До этого времени въ каждомъ княжествѣ сѣверо-восточной Руси во главѣ управленія стоялъ князь, какъ установитель порядка въ землѣ и стражъ ея; ему служили бояре—думцы и разные слуги; бояре за службу получали отъ князя волости и города въ кормленіе; бояринъ вѣдалъ и судилъ жителей данной волости, даннаго города, и тіунамъ своимъ ходить у нихъ велѣлъ, а доходъ бралъ «на себя», по наказному списку. Такимъ образомъ извѣстное число намѣстничествъ

и волостельствъ замѣщалось такимъ же числомъ членовъ княжеской дружины, которые назначались и смѣнялись княземъ, во всемъ относились къ князю,—и только. Вотъ всѣ главные органы управленія, т.е. въ управленіи дѣйствовали только извѣстныя лица, но не было присутственныхъ мѣстъ, приказовъ,—по крайней мѣрѣ до XVI в. нѣтъ ясныхъ указаній на подобныя учрежденія. Но развитіе государства и, какъ его слѣдствіе, усложненіе управленія дѣлали необходимыми такія учрежденія, и въ началѣ XVI в. мы встрѣчаемъ извѣстіе о приказахъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будутъ эти приказы размножаться и обособляться вслѣдствіе усложненія правительственнаго дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе того же, болѣе и болѣе будетъ оказываться несостоятельность служилыхъ людей въ дѣлѣ управленія, болѣе и болѣе будетъ чувствоваться нужда въ людяхъ иного рода, которые умѣли бы владѣть не мечемъ, а перомъ, и съ начала XVI в. одновременно съ извѣстіями о приказахъ встрѣчаемъ извѣстія объ усиленіи значенія дьяковъ. Они имѣли важное значеніе въ думѣ государя; они заправляли ходомъ дѣлъ въ приказахъ, они же отправлялись вмѣстѣ съ намѣстниками по областямъ и завѣдывали тамъ всѣми государственными дѣлами, были представителями государственнаго начала въ областяхъ, потому что намѣстники, служилые люди, оказались теперь непригодны и непривычны къ правительственному дѣлу при его новомъ значеніи, при новыхъ чисто-государственныхъ потребностяхъ, и этимъ намѣстникамъ предоставили вѣдать только свои частные интересы кормленія. Чуждые служилымъ людямъ по характеру занятій, дьяки были чужды имъ и по происхожденію, потому что выходили «изъ поповичей и простого всенародства», по выраженію Курбскаго. Были и другія причины, содѣйствовавшія такому усиленію значенія дьяковъ въ XVI в.; эти причины хорошо понимали и ясно высказывали московскіе бояре, боровшіеся съ самодержавными стремленіями своихъ государей. Но каковы бы ни были

эти причины, новыя потребности управленія занимали между ними важное мѣсто: если посторонпія обстоятельства дали дьякамъ возможность «боярскими головами торговать», то этихъ обстоятельствъ было мало для того, чтобы дать имъ возможность и «землею владѣть», какъ выражался одинъ отъѣзщикъ XVI вѣка.

Такъ въ управленіи государствомъ послѣдовали важныя перемѣны, показывавшія переходъ его отъ дружиннаго порядка къ чисто-государственному; явились новые болѣе сложные органы и новые болѣе пригодные къ дѣлу дѣятели. Но высшій правительственный кругъ, дума государева, осталась, повидимому, въ прежнемъ положеніи. По-прежнему высшіе члены старинной дружины по одному изъ исконныхъ правъ своихъ считались думцами князя; попрежнему государь «сидѣлъ съ бояры» о всякомъ земскомъ строеніи. Еще въ началѣ XVI в. при дворѣ считали значеніе боярина тождественнымъ съ значеніемъ совѣтника и первое слово замѣняли послѣднимъ. Такъ же называютъ бояръ того времени и иностранцы. Но какъ дружина XVI в. не была похожа на прежнюю, такъ и въ боярской думѣ, несмотря на ея прежній видъ и составъ, отношенія сильно измѣнились. Въ началѣ XVI в. со стороны государевыхъ совѣтниковъ слышались громкія жалобы на то, что государь перестал совѣтоваться съ боярами, всѣ дѣла рѣшаетъ у себя въ спальнѣ самъ-третей,—и эти двое повѣренныхъ думъ были дьяки, «люди изъ простого всенародства, которыхъ отцы отцамъ тогдашнихъ бояръ и въ холопство не годились». Несмотря на то, что эта перемѣна отношеній не выразилась ни въ какомъ формальномъ нововведеніи, ее скоро замѣтили иностранцы: мы видѣли, какъ отзывается Герберштейнъ объ отношеніи бояръ-совѣтниковъ къ великому князю: «никто изъ нихъ, какъ бы велико ни было его значеніе, не смѣетъ ни въ чемъ противорѣчить государю».

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія о государственномъ управленіи, перейдемъ къ изложеніямъ извѣстій о

немъ иностранцевъ. До конца XVI в. мы имѣемъ отъ нихъ немногія отрывочныя замѣтки объ этомъ предметѣ и только у Флетчера встрѣчаемъ болѣе полный и систематическій очеркъ управленія.

Во главѣ управленія стоялъ государь съ своей думой. Думу составляли думные бояре, отличавшіеся этимъ отъ простыхъ бояръ, которые хотя также назывались совѣтниками государя, но получали это званіе больше какъ почетный титулъ, ибо на общій совѣтъ ихъ приглашали рѣдко или и совсѣмъ не приглашали. Кромѣ думныхъ бояръ, въ думѣ присутствовали («жили») думные дьяки или государственные секретари. Какъ тѣ, такъ и другіе получали свое званіе по волѣ государя. Впрочемъ и думные бояре не всегда всѣ приглашались на совѣщанія, по крайней мѣрѣ такъ бывало, по свидѣтельству Флетчера, въ царствованіе Ѳедора Іоанновича, когда дѣла рѣшалъ Борисъ Годуновъ съ 5-ю или 6-ю лицами, которыхъ онъ находилъ нужнымъ призвать на совѣтъ. Иностранцы ясно даютъ понять, что боярская дума имѣла только совѣщательное значеніе, что дѣла часто рѣшались до обсужденія ихъ въ думѣ и безъ ея утвержденія приводились въ исполненіе. На совѣтѣ, говорятъ они, боярамъ приходится больше слушать, нежели высказывать свои мнѣнія. Дума была высшимъ законодательнымъ, административнымъ и судебнымъ мѣстомъ. Отсюда исходилъ всякій новый законъ или государственное постановленіе. Здѣсь съ утвержденія государя опредѣлялись извѣстныя лица на правительственныя должности и рѣшались важнѣйшія судебныя дѣла. Думѣ докладывали во время ея засѣданій о внутреннихъ дѣлахъ государства начальники четей, или четырехъ главныхъ приказовъ, вѣдавшихъ областное управленіе. Сюда же входили съ доношеніями и начальники разныхъ судебныхъ мѣстъ. Кромѣ дѣлъ государственныхъ, здѣсь разбиралось множество частныхъ по просьбамъ. Думные бояре, по отзыву Поссевина, были недалеки познаніями: при немъ только одинъ изъ чле-

новъ думы зналъ немного по-латыни и очень немногіе знакомы были съ польскимъ языкомъ; притомъ это были почти всѣ дьяки, многіе бояре не умѣли даже ни читать, ни писать. Обыкновенно засѣданія думы бывали по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, съ 7-ми часовъ утра. Когда нужно было назначить чрезвычайное собраніе въ другой день, изъ Разряда давался приказъ писцу разослать повѣстки о томъ членамъ думы [149]).

Въ чрезвычайныя собранія думы по какому-нибудь особенно важному дѣлу на совѣтъ призывалось и высшее духовенство. Флетчеръ такъ описываетъ эти чрезвычайныя собранія думы или соборы. Царь приказывалъ призвать тѣхъ изъ думныхъ бояръ, которыхъ самъ заблагоразсудитъ, человѣкъ 20-ть, вмѣстѣ съ патріархомъ, который приглашалъ митрополитовъ, архіепископовъ и тѣхъ изъ епископовъ, архимандритовъ и монаховъ, которые пользовались особеннымъ почетомъ. Обыкновенно такіе соборы созывались въ пятницу, въ столовой палатѣ. Всѣ собравшіеся встрѣчали царя въ сѣняхъ, причемъ патріархъ благословлялъ царя и цѣловалъ его въ правое плечо. Въ палатѣ царь садился на тронъ; невдалекѣ отъ него, за четыреугольнымъ столомъ помѣщались патріархъ, митрополиты, архіепископы, епископы и нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ бояръ съ двумя думными дьяками, которые записывали все происходившее. Прочіе сидѣли на скамьяхъ около стѣнъ, по чинамъ. Одинъ изъ дьяковъ излагалъ причину созванія собора и предметы для обсужденія. Прежде всего спрашивали мнѣнія патріарха и другихъ духовныхъ лицъ, которыя всегда и на все давали одинъ отвѣтъ, что царь и дума его премудры, опытны въ дѣлахъ государственныхъ и гораздо способнѣе ихъ судить о томъ, что полезно для государства, ибо они, духовные, занимаются служеніемъ Богу и предметами вѣры и потому просятъ царя сдѣлать нужное постановленіе, а они вмѣсто совѣ-

149) Possevino, 26 и слѣд.—Флетчеръ, гл. 7-я и 11-я.

товъ будутъ вспомоществовать молитвами и т. д. Потомъ вставалъ кто посмѣлѣе, уже прежде назначенный для формы, и просилъ царя объявить собранію свое собственное мнѣніе. На это дьякъ отвѣчалъ, что государь, по надлежащемъ обсужденіи со своею думою, нашелъ предложенное дѣло полезнымъ для государства, но все-таки требуетъ отъ нихъ, духовныхъ, богоугоднаго мнѣнія и буде они одобрятъ сдѣланное предложеніе, то изъявили бы свое согласіе и проч. Объявивъ наскоро свое согласіе, патріархъ удалялся съ духовенствомъ, сопровождаемый царемъ до другой палаты; затѣмъ царь, возвратившись на прежнее мѣсто, оставался здѣсь для окончательнаго рѣшенія дѣла, послѣ чего приглашалъ духовенство и думныхъ людей на парадный обѣдъ. Дѣла, рѣшенныя на соборѣ, дьяки излагали въ формѣ прокламацій, которыя разсылались по областямъ [150]).

Характеръ думы не измѣнился и въ XVII вѣкѣ: она попрежнему оставалась совѣщательнымъ собраніемъ, въ которомъ рѣдко слышались независимые голоса; совѣтникамъ внушалось, что если имъ давалось право высказывать свои мнѣнія, то царь и даже его любимцы оставляли за собой право исполнять только то, что находили полезнымъ и нужнымъ. Потому это собраніе не имѣло прямого вліянія на ходъ дѣлъ; мнѣнія у него спрашивали только для формы, чтобы отклонить отъ себя отвѣтственность въ случаѣ неудачнаго исхода дѣла [151]). Число членовъ думы не опредѣлялось закономъ; какъ и прежде, царь назначалъ въ нее, кого находилъ нужнымъ, по своему благоусмотрѣнію. Маржеретъ говоритъ, что онъ зналъ до 32-хъ членовъ думы. При Мейербергѣ дума состояла изъ 26-ти бояръ, 30-ти окольничихъ, 7-ми думныхъ дворянъ, наконецъ изъ 3-хъ думныхъ дьяковъ; послѣднихъ, впрочемъ, бывало и по два; первый изъ этихъ думныхъ дьяковъ за-

---

[150]) Флетчеръ, гл. 8-я.

[151]) Olearius, 181.—Mayerberg, II, 107.

вѣдывалъ обыкновенно дѣлами посольскими и иноземными, былъ управителемъ Посольскаго приказа, а второй управлялъ Разряднымъ приказомъ, завѣдуя дѣлами военными [152]).

Подъ думой, какъ высшимъ правительственнымъ мѣстомъ, стояли приказы, вѣдавшіе отдѣльныя отрасли государственнаго управленія. По извѣстіямъ XVI вѣка, дѣла по этому управленію распредѣлялись между 4-мя главными приказами или четями. Каждый изъ этихъ приказовъ управлялъ одною изъ 4-хъ четвертей, на которыя дѣлилось все государство въ административномъ отношеніи. Эти приказы были: Посольскій, Разрядный, Помѣстный и Казанскій. По словамъ Флетчера, всѣ области государства расписаны были между этими 4-мя четями, изъ которыхъ каждая завѣдывала нѣсколькими областями. Но на такое значеніе четей указываетъ только названіе Казанской чети; названія остальныхъ могутъ навести на мысль, что каждая изъ нихъ управляла не всѣми дѣлами приписанной къ ней части государства, а извѣстнаго рода дѣлами всего государства. Въ другомъ мѣстѣ Флетчеръ говоритъ, что начальники четей дѣлали распоряженія по всѣмъ дѣламъ, исполненіе которыхъ въ мѣстахъ, ими управляемыхъ, возлагалось на нихъ царской думой; эти слова какъ будто указываютъ на то, что каждая четь вѣдала въ своихъ областяхъ не всѣ, но только нѣкоторыя дѣла; значитъ, дѣла другого рода въ тѣхъ же областяхъ принадлежали уже вѣдомству другой чети. Вообще трудно составить себѣ не только по иностраннымъ, но и по отечественнымъ извѣстіямъ ясное понятіе объ устройствѣ и ходѣ управленія посредствомъ приказовъ именно потому, что вѣдомства не были точно разграничены и опредѣлены по извѣстнымъ началамъ; оттого трудно и распредѣлить ихъ на какія-нибудь точно опредѣленныя группы, отнести, наприм., одни приказы къ дворцовому вѣдомству, другіе къ воен-

---

[152]) Маржеретъ, 35.—Olearius, 221.—Mayerberg, II, 107 и 112. Ср. Котошихинъ, гл. II, ст. 5.

ному и т. д. Посольская четь, указывавшая своимъ названіемъ на то, что мы теперь разумѣемъ подъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ вѣдала внутреннія дѣла нѣсколькихъ городовъ. Еще болѣе было запутанности въ приказной системѣ XVII вѣка, когда она усложнилась, когда приказовъ было больше 40. Приказы переплетались между собою дѣлами, однородныя дѣла вѣдались въ нѣсколькихъ приказахъ и, наоборотъ, въ одномъ и томъ же приказѣ сосредоточивались разнородныя дѣла. Эта запутанность отчасти происходила отъ того порядка, въ какомъ учреждались приказы; они явились не всѣ вдругъ, а возникали постепенно, одинъ за другимъ: усложнялись дѣла извѣстнаго рода,—и для нихъ учреждался особый приказъ: между тѣмъ дѣла не переставали вѣдаться и въ тѣхъ приказахъ, къ которымъ они прежде принадлежали. Такъ явились приказы: Стрѣлецкій, Иноземный, Рейтарскій, которые не могли не перепутываться своими дѣлами съ Разряднымъ. Усложнились дѣла по устройству кружечныхъ или питейныхъ дворовъ,—и возникла Новая четверть; но кабацкое дѣло вѣдалось прежде въ другихъ приказахъ, къ которымъ приписаны были какіе-нибудь города и волости; дѣла по этой части остались въ этихъ приказахъ и по учрежденіи Новой четверти, а къ послѣдней приписаны были кружечные дворы только Московской и нѣкоторыхъ другихъ областей. Понятно, какъ много было условнаго и случайнаго въ ходѣ приказнаго управленія и какъ трудно было иногда рѣшить, «кто подъ которымъ приказомъ въ вѣдомости написанъ и судимъ», по выраженію Котошихина. Дробность и неопредѣленность приказной системы подавала нѣкоторымъ иностранцамъ поводъ думать, что въ Московіи столько же судовъ, сколько можетъ быть дѣлъ, что въ одномъ, напр., судили воровъ, въ другомъ разбойниковъ, въ третьемъ мошенниковъ [153]).

---

[153]) Записки Маскевича въ «Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», ч. 5-я, стр. 64.

По описанію Флетчера, Разрядный приказъ управлялъ дѣлами, относящимися къ войску, вѣдалъ земли и доходы на жалованье ратнымъ людямъ, получавшимъ его; Помѣстный велъ списокъ помѣстій, розданныхъ служилымъ людямъ, также выдавалъ и принималъ на нихъ всякія крѣпости; Казанскій вѣдалъ дѣла царствъ Казанскаго и Астраханскаго съ городами по Волгѣ. Что вѣдалъ приказъ Посольскій, объ этомъ Флетчеръ ни говоритъ ни слова. Всѣми этими приказами управляли при Флетчерѣ думные дьяки. Управляющій Посольскимъ приказомъ получалъ въ годъ 100 рубл. жалованья, Разряднымъ столько же, Помѣстнымъ—500 рубл., Казанскимъ—150. Эти приказы принимали просьбы и дѣла всякаго рода, поступавшія въ нихъ изъ подвѣдомственныхъ областей, и докладывали объ нихъ царской думѣ, также посылали разныя распоряженія послѣдней въ подвѣдомственныя области.

Для управленія областями назначались царемъ извѣстныя лица, по одному или по два въ каждую область, которыя должны были во всѣхъ дѣлахъ обращаться къ управляющему той чети, въ которой числилась извѣстная область. На это указываютъ слова Поссевина, что намѣстники знаютъ, къ кому изъ сенаторовъ обращаться съ донесеніями, и что эти сенаторы отъ имени царя отвѣчаютъ имъ, а самъ царь никогда не пишетъ собственноручно никому, даже не подписывается подъ указами. Намѣстникъ отправлялся въ назначенную ему область съ однимъ или двумя дьяками, которые завѣдывали всѣми приказными дѣлами по управленію областью. Областные правители обязаны были выслушивать и рѣшать всѣ гражданскія дѣла своихъ областей, впрочемъ съ предоставленіемъ тяжущимся права апеллировать въ царскую думу; въ дѣлахъ уголовныхъ они имѣли право задержать, допросить и заключить въ тюрьму преступника; но для окончательнаго рѣшенія должны были пересылать такія дѣла, уже изслѣдованныя и правильно изложенныя, въ Москву къ управляющимъ четей для доклада думѣ. Наконецъ, на-

мѣстники обязаны были въ своихъ областяхъ обнародовать (прокликать) законы и правительственныя распоряженія, взимать подати и налоги, собирать ратниковъ и доставлять ихъ на мѣсто. Областные правители и дьяки назначались по царскому указу, и чрезъ годъ (по Герберштейну, чрезъ полтора года) обыкновенно смѣнялись, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, пользовавшихся особенной милостью у царя, для которыхъ этотъ срокъ продолжался еще на годъ или на два. За свою службу намѣстники въ концѣ XVI в. получали 100, другіе 50 или 30 рублей жалованья. Въ ихъ пользу шли пени, которыя они выжимали изъ бѣдныхъ за какіе-нибудь проступки, и другіе доходы. Иногда намѣстнику вмѣстѣ съ городомъ отдавались и доходы съ кружечнаго двора, который находился въ этомъ городѣ. Отъ простыхъ намѣстниковъ отличались намѣстники и воеводы 4-хъ пограничныхъ городовъ: Смоленска, Пскова, Новгорода и Казани; ихъ назначали изъ людей, пользовавшихся особеннымъ довѣріемъ, по два въ каждый городъ. Они имѣли особенное значеніе, больше обязанностей и исполнительную власть въ дѣлахъ уголовныхъ. Поэтому они получали большее жалованье, одни 700, другіе 400 рубл. въ годъ [154]).

Въ такомъ видѣ представляютъ иностранцы устройство областного управленія во второй половинѣ XVI в. Болѣе ранній путешественникъ говоритъ, что московскій государь имѣлъ обыкновеніе ежегодно объѣзжать разныя области своихъ владѣній [155]), но неизвѣстно, съ какой собственно цѣлью совершались эти поѣздки, съ цѣлью ли объѣзда, т.-е. осмотра областей, или на богомолье, или же наконецъ для прохлады: ибо таковы были цѣли всѣхъ государевыхъ поѣздокъ. Москва управлялась особеннымъ образомъ, именно состояла подъ прямымъ вѣдѣніемъ цар-

---

[154]) Herberstein, 10.—Possevino, 27.—Михалонъ, 57.—Hakluyt, I, 351.—Флетчеръ, г. 10-я.

[155]) Контарини, 106.

ской думы, члены которой въ извѣстныхъ судебныхъ мѣстахъ выслушивали всѣ важныя дѣла городскихъ жителей. Для обыкновенныхъ дѣлъ, наприм., относительно построекъ, содержанія улицъ, опредѣлялись два дворянина или дьяка, которые составляли съ подьячими присутственное мѣсто—Земскій дворъ. Каждая часть города имѣла своего старосту, отъ котораго зависѣли сотскіе, а отъ послѣднихъ десятскіе, каждому изъ которыхъ поручался надзоръ за 10-ю домами [156]).

Одною изъ важнѣйшихъ отраслей вѣдомства боярской думы, приказовъ и областныхъ правителей было отправленіе правосудія. Судебная часть была тѣсно соединена съ административной или, лучше сказать, вовсе не была отдѣлена отъ нея; одни и тѣ же органы вѣдали и ту, и другую. Потому на судъ, какъ и на прочія отрасли управленія, смотрѣли прежде всего какъ на статью кормленія, дохода. Таковъ былъ издавна взглядъ на этотъ предметъ. Судъ былъ не общественной должностью, а частнымъ владѣніемъ, дѣлился на части, отдавался на откупъ, какъ частная доходная статья. Съ развитіемъ государства необходимо развивалось и законодательство, развивались юридическія понятія; по крайней мѣрѣ правительство постепенно расширяло кругъ своей дѣятельности на счетъ частнаго права. По двумъ Судебникамъ, великокняжескому и царскому, можно слѣдить, какъ законодательство старается все шире и шире захватить интересы общества, болѣе и болѣе овладѣть ихъ нарушителемъ, дать больше опредѣленій и сдѣлать ихъ болѣе точными и подробными. Въ примѣръ того, какъ законодательство старалось постепенно отнять у преступленія противъ извѣстнаго лица характеръ частнаго явленія и поступить съ преступникомъ, какъ съ нарушителемъ правъ цѣлаго общества, можно сравнить слѣдующія постановленія Судебниковъ между собою и съ прежними постановленіями: въ великокняже-

---

[156]) Флетчеръ, гл. 10-я.

скомъ Судебникѣ месть, самоуправство не допускаются; если у преступника не окажется имущества, чѣмъ вознаградить истца, преступникъ не выдается послѣднему, но подвергается смертной казни; по опредѣленію того же Судебника воръ, пойманный впервые, по наказаніи и доправленіи иска отпускался на волю. Царскій Судебникъ относится къ дѣлу гораздо строже: по его опредѣленію воръ, пойманный впервые, по наказаніи и доправленіи иска, не отпускался, но отдавался на крѣпкую поруку, а если ея не было, сажался въ тюрьму до поруки. Мы напрасно стали бы ожидать отъ иностранцевъ оцѣнки этого движенія въ сферѣ законодательства. Іовій со словъ русскаго разсказчика могъ только записать, что Московія управляется простыми законами, основанными на правосудіи государя и безкорыстіи его сановниковъ [157]). Герберштейнъ приводитъ въ своемъ сочиненіи небольшой отрывокъ изъ Судебника Іоанна III о судныхъ пошлинахъ, но ничего не говоритъ о самомъ Судебникѣ. Флетчеръ говоритъ, что единственный законъ въ Московіи есть изустный, т.-е. воля государя и судей: Судебникъ Іоанна IV не удостоился отъ ученаго англійскаго юриста названія писаннаго закона [158]). Но что даетъ особенный интересъ бѣглымъ и отрывочнымъ замѣткамъ иностранцевъ,—это то, что они вводятъ насъ въ самую практику юридическихъ отправленій, показываютъ, въ какомъ видѣ и въ какой обстановкѣ являлся законъ на самомъ дѣлѣ, а не на бумагѣ.

Во второй половинѣ XVI в. судныя дѣла вѣдали слѣдующія учрежденія: губные и сотскіе старосты, намѣстники и волостели съ дьяками и, наконецъ, высшія правительственныя мѣста въ Москвѣ, чети и дума. Всякое дѣло можно было, по словамъ Флетчера, начинать съ любого изъ трехъ первыхъ учрежденій или переводить его изъ низшаго суда въ высшій посредствомъ апелляціи. Въ гра-

---

[157]) П. Іовій, 47.

[158]) Флетчеръ, въ концѣ гл. 14-й.

жданскихъ дѣлахъ, напримѣръ по взысканіямъ, судъ совершался въ слѣдующемъ порядкѣ. Истецъ подавалъ челобитную, въ которой излагалъ предметъ иска. По этой челобитной ему давалась выпись о задержаніи отвѣтчика, которую онъ передавалъ приставу или недѣльщику [159]). Всѣ иностранцы, разсказывая о московскомъ судопроизводствѣ, рѣзко отзываются о жестокомъ обращеніи этихъ недѣльщиковъ съ подсудимыми и вообще о суровости формъ, въ которыя облекался судъ даже въ незначительныхъ дѣлахъ. По словамъ Флетчера, иногда изъ какихъ-нибудь 6 пенсовъ обвиняемому заковывали въ цѣпи руки, ноги и шею. Пойманный отвѣтчикъ долженъ былъ дать поручительство, что явится къ отвѣту въ назначенный день. Если никто не поручался за него, недѣльщикъ привязывалъ его руки къ шеѣ, билъ батогами по ногамъ и держалъ въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока нужно было представить его на судъ. Ходатаевъ и повѣренныхъ при судѣ не было, каждый самъ долженъ былъ, какъ умѣлъ, излагать свой искъ и защищаться. Когда истецъ и отвѣтчикъ становились предъ судьей, отвѣтчикъ на вопросъ послѣдняго о предметѣ иска отвѣчалъ обыкновенно запирательствомъ. Судья спрашивалъ, что онъ можетъ представить въ опроверженіе требованія истца. Отвѣтчикъ говорилъ, что готовъ поцѣловать крестъ. Послѣ того онъ не подвергался битью батогами до ближайшаго изслѣдованія дѣла. Иногда, за неимѣніемъ ясныхъ доказательствъ, судья самъ обращался къ истцу или отвѣтчику съ вопросомъ, согласенъ ли онъ поклясться и принять крестное цѣлованіе. Флетчеръ такъ описываетъ обрядъ этой клятвы. «Церемонія происходитъ въ церкви; въ то время, какъ присягающій цѣлуетъ крестъ, деньги (если объ нихъ идетъ

---

[159]) У Герберштейна (стр. 40) находимъ такое опредѣленіе недѣльщика: Nedelsnick est commune quoddam eorum officium, qui homines in jus vocant, malefactores capiunt, carceribusque coërcent; atque hi nobilium numero continentur.

дѣло) висятъ подъ образомъ; какъ скоро присягающій поцѣлуетъ крестъ предъ этимъ образомъ, ему тотчасъ отдаютъ деньги». Флетчеръ прибавляетъ, что крестное цѣлованье считалось дѣломъ столь святымъ, что никто не смѣлъ нарушить его или осквернить ложнымъ показаніемъ. Олеарій говоритъ, что обыкновенно старались не доводить дѣло до крестнаго цѣлованья и тяжущіеся вообще неохотно прибѣгали къ нему, ибо и общество, и церковь неблагопріятно смотрѣли на поцѣловавшаго крестъ въ судномъ дѣлѣ. Если обѣ стороны готовы были принять крестъ на душу, бросали жребій, и тотъ, кому онъ доставался, выигрывалъ дѣло. Англичанинъ Ленъ подробно описываетъ порядокъ рѣшенія дѣла посредствомъ жеребья, которымъ рѣшена была въ Москвѣ его тяжба съ нѣкоторыми русскими купцами. При судѣ присутствовало множество народа. Когда истцы не согласились на мировую сдѣлку, предложенную отвѣтчикомъ по приглашенію судей, послѣдніе, засучивъ рукава, взяли два восковые шарика одинаковой величины съ именами обѣихъ тяжущихся сторонъ и вызвали изъ толпы перваго попавшагося на глаза высокорослаго человѣка, которому велѣли снять шапку и держать передъ собой; въ нее положили оба шарика и вызвали изъ толпы другого высокорослаго человѣка, который, засучивъ правый рукавъ, вынималъ изъ шапки одинъ шарикъ за другимъ и передавалъ судьямъ. Судьи громко объявляли всѣмъ присутствовавшимъ, какой сторонѣ принадлежалъ первый вынутый шарикъ; та, сторона и выигрывала дѣло [160]). Виноватый платилъ судной пошлины 20 денегъ съ рубля [161]). Если виновный по окончаніи дѣла тотчасъ не удовлетворялъ истца, его ставили на правежъ. Правежомъ, по описанію Флетчера, называлось мѣсто близъ суда, гдѣ обвиненныхъ по судеб-

---

[160]) Hakluyt, I, 345 и 346. *Въ 1560 г.*

[161]) Русскіе купцы, проигравшіе Лену тяжбу, заплатили царю 10% съ суммы, бывшей предметомъ иска, за такой «грѣхъ», какъ они называли проигрышъ.

ному приговору и отказывавшихся платить били батогами по икрамъ [162]). Расправа производилась ежедневно кромѣ праздниковъ, отъ восхода солнца до 10-ти или 11-ти часовъ утра. Каждый должникъ подвергался правежу по одному часу въ день, пока не выплачивалъ долга. По словамъ Маскѣвича, передъ Разрядомъ всегда стояло по утрамъ больше 10-ти такихъ должниковъ; надъ ними трудилось нѣсколько недѣльщиковъ, которые, раздѣливъ между собою виновныхъ, ставили ихъ въ рядъ и, начавъ съ перваго, били тростью длиною въ полтора локтя, поочередно ударяя каждаго три раза по икрамъ и такимъ образомъ проходя рядъ отъ одного края до другого. Судья между тѣмъ наблюдалъ изъ окна за расправой. Несмотря на это, недѣльщики умѣли извлекать выгоду изъ своего занятія, позволяя должникамъ за деньги класть жесть за сапоги, чтобы сдѣлать удары менѣе чувствительными. Все время послѣ полудня и ночью должниковъ держали скованными въ тюрьмѣ, за исключеніемъ тѣхъ, которые представляли за себя достаточное обезпеченіе, что будутъ сами являться на правежъ въ назначенный часъ. Маржеретъ говоритъ, что онъ видалъ много наказанныхъ, которыхъ везли съ правежа домой на телѣгахъ; по его же словамъ, всадники царской службы были изъяты отъ этого наказанія, имѣя право выставить за себя на правежъ одного изъ своихъ людей. Послѣ годичнаго стоянія на правежѣ [163]), если обвиненный не хотѣлъ или не могъ удовлетворить истца, послѣднему дозволялось брать его съ семьей къ себѣ въ рабство или продать на извѣстное число лѣтъ,

---

[162]) Flagris baculisque per suras et crura pedum graviter absque ulla misericordia caeduntur. «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 179.

[163]) Въ 1555 г. опредѣлено было стоять на правежѣ во 100 рубл. мѣсяцъ, «а будетъ искъ больше или меньше, то стоять по тому же разсчету». Дозволялось переводить правежъ еще на одинъ мѣсяцъ, но не больше.

смотря по величинѣ долга [164]). По показанію Олеарія, годовая работа мальчика, отданнаго кредитору за долгъ отца, ставилась въ 5 рублей, а дѣвушки въ 4 рубля; на стоимость работы взрослыхъ нѣтъ указаній [165]).

Относительно уголовнаго судопроизводства мы видѣли, что, кромѣ 4-хъ пограничныхъ городовъ, намѣстники прочихъ областей не имѣли въ XVI в. права окончательнаго рѣшенія въ дѣлахъ уголовныхъ; рѣшеніе по такимъ дѣламъ принадлежало высшему суду въ Москвѣ. Обвиняемый въ уголовномъ преступленіи задерживался, допрашивался и заключался въ тюрьму правителемъ области, гдѣ совершено преступленіе. Намѣстникъ посылалъ дѣло объ немъ, уже обслѣдованное и правильно изложенное, въ Москву къ управляющему своей четверти, а послѣдній передавалъ его въ думу, которая на основаніи того, какъ изложено дѣло намѣстникомъ и его дьякомъ, произносила окончательный приговоръ, не дѣлая новаго допроса обвиненному [166]). Допросъ состоялъ въ пыткѣ: обвиняемаго били кнутомъ изъ бѣлой воловьей кожи, шириною въ палецъ, такъ что каждый ударъ производилъ рану, или привязывали къ вертелу и жарили на огнѣ, иногда ломали или вывертывали какой-нибудь членъ раскаленными щипцами, разрѣзывали тѣло на пальцахъ подъ ногтями. Самымъ ужаснымъ родомъ пытки была дыба. Подсудимаго съ связанными назадъ руками вздергивали на воздухъ и оставляли висѣть въ такомъ положеніи, привязавъ къ ногамъ толстый брусъ, на который вскакивалъ по временамъ заплечный мастеръ, чтобы тѣмъ скорѣе заставить члены подсудимаго выйти изъ суставовъ; между тѣмъ подъ ногами подсудимаго горѣлъ огонь для усиленія страданій. Иногда на головѣ у подсудимаго выбривали макушку и

---

[164]) Это называлось «выдать истцу головой до искупа».

[165]) Маржеретъ, 38.—Маскѣвичъ, 55.—Olearius, 160. *65*.

[166]) Ср. «Областныя Учрежденія» Б. Чичерина, стр. 45.

въ то время, какъ онъ висѣлъ, лили на нее сверху холодную воду по каплямъ; рѣдкій преступникъ выдерживалъ это послѣднее испытаніе, добавляетъ Олеарій. Управляющій четью пересылалъ приговоръ думы въ ту область, гдѣ находился преступникъ, для исполненія. Если по этому приговору преступникъ присуждался къ смерти, его вывозили на мѣсто казни съ зажженною восковою свѣчей, которую онъ держалъ въ связанныхъ рукахъ. Виды смертной казни были: повѣшеніе, обезглавленіе, умерщвленіе ударомъ въ голову, утопленіе, погруженіе зимою подъ ледъ, сажаніе на колъ и нѣк. друг. По свидѣтельству Герберштейна, всего чаще употреблялось повѣшеніе; другія, болѣе жестокія казни, употреблялись рѣдко, развѣ за какія-нибудь необыкновенныя преступленія. За воровство и даже убійство (кромѣ убійства съ цѣлью грабежа) рѣдко подвергали смертной казни [167]). Герберштейнъ и Флетчеръ говорятъ, что лѣтомъ москвитяне, занятые войной, рѣдко казнили преступниковъ, но большею частью отлагали исполненіе смертныхъ приговоровъ до зимы, когда преступниковъ вѣшали или убивали ударомъ въ голову и пускали подъ ледъ. Святотатцевъ, по свидѣтельству Петрея, сажали на колъ, и когда преступникъ умиралъ, тѣло его снимали, выносили за городскія ворота и здѣсь, предавъ сожженію, засыпали пепелъ землей [168]).

Вообще иностранцы замѣтили, что къ смертной казни въ Москвѣ прибѣгали рѣдко; Олеарій замѣчаетъ, что за воровство совсѣмъ никогда не казнятъ смертью въ Московскомъ государствѣ; гораздо охотнѣе употребляли ба-

---

[167]) Ад. Климентъ добавляетъ: Qui secundo (furto) delinquit, illi nasum praecidunt ac stigmatis frontem signant. Tertia noxa crucem meretur. Multi et insignes sunt crumenisecae: quod si principis severitas illos non tolleret, non esset resistere illorum proventui. «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 152.

[168]) Petrejus, 319: Etliche, so gespiesset werden, leben bisweilen ein halben oder ganzen Tag, ja bisweilen zweene, wenn der Büttel mit dem Staken ult nit das Hertze trifft.

тоги и кнутъ [169]). Иностранцы съ ужасомъ говорятъ о жестокости этихъ наказаній и о равнодушіи, съ какимъ относились къ нимъ Москвитяне. Батоги были самымъ обыкновеннымъ и употребительнымъ наказаніемъ, которому одинаково подвергались и простые, и сановные люди, за важныя и неважныя нарушенія закона. По замѣчанію Таннера, въ Москвѣ рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы кого-нибудь не били на площади батогами [170]). Часто употреблялся и кнутъ, который иностранцы описываютъ какъ самое жестокое и варварское наказаніе. Обыкновенно ему подвергались за воровство. Вора, попавшагося въ первый разъ, во время Олеарія били кнутомъ, ведя его отъ воротъ Кремля до большого рынка, гдѣ рѣзали ему одно ухо и запирали на два года въ тюрьму. За вторичное воровство повторяли тоже наказаніе и держали въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока набиралось достаточное число такихъ преступниковъ, послѣ чего ихъ ссылали въ Сибирь, гдѣ они должны заниматься звѣриной охотой въ пользу казны. Олеарій видѣлъ въ 1634 году въ Москвѣ, какъ наказывали кнутомъ 9 преступниковъ, воровски продававшихъ табакъ и водку; между ними была

---

[169]) Маскѣвичъ разсказываетъ, что въ 1610 г., когда Москва занята была Поляками, одинъ изъ нихъ увелъ дочь у боярина. Наряженный польскій судъ приговорилъ похитителя, по польскимъ законамъ, къ смерти. Но одинъ изъ судей предложилъ судить преступника московскимъ судомъ, на что охотно согласились и Поляки и Москвитяне: виновнаго высѣкли кнутомъ на улицѣ. «Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», ч. 5-я, стр. 55.

[170]) Батоги имѣли широкое приложеніе въ частной сферѣ и не всегда считались позорнымъ наказаніемъ. Olearius, 231: Il n'y a point de père de famille qui ne les fasse donner à ses enfans et à ses serviteurs. О порядкѣ, въ какомъ производилось это наказаніе, см. у Олеарія дальше. Ср. P. a Buchau, p. 231.

одна женщина, [171]) Кнутъ былъ изъ воловьей жилы и имѣлъ на концѣ три хвоста, острые какъ бритва, изъ невыдѣланной лосиней кожи. Преступникамъ дали по 25 ударовъ, преступницѣ 16. Надо быть москвитяниномъ, замѣчаетъ Штраусъ, чтобы выдержать четвертую долю такого наказанія и остаться живымъ. При наказаніи присутствовалъ подьячій съ бумагой въ рукахъ, гдѣ означено было число ударовъ для каждаго преступника; всякій разъ, какъ заплечный мастеръ отсчитывалъ предписанное число ударовъ, подьячій кричалъ: «полно». Послѣ того преступниковъ связали попарно, продававшимъ табакъ повѣсили на шею по рожку съ табакомъ, а продавцамъ водки по стклянкѣ съ этимъ напиткомъ и въ такомъ видѣ повели всѣхъ по городу, хотя нѣкоторые не могли уже стоять на ногахъ; при этомъ ихъ продолжали бить кнутомъ. Прошедши съ полмили, ихъ повели опять на мѣсто наказанія и тутъ отпустили. Часто наказаніе кнутомъ оканчивалось смертью наказаннаго. За употребленіе табаку во время Олеарія рвали ноздри. Таннеръ описываетъ видѣнное имъ въ Москвѣ и сильно поразившее его наказаніе женщины за убійство мужа. Завязавъ преступницѣ руки назадъ, ее (denudatam) закопали по поясъ въ землю; въ такомъ положеніи она должна была пробыть трое сутокъ, не подвергаясь далѣе никакому наказанію [172]). На ея бѣду напали на нее голодныя собаки, во множествѣ бродившія по городу, и послѣ отчаяннаго сопротивленія несчастной защищавшейся зубами, растерзали ее, выкопали изъ земли и разнесли по кускамъ. Все это происходило передъ гла-

[171]) Olearius, 232: Ils (преступники) se mettoient l'un après l'autre sur dos du valet du bourreau, ayans le corps nud jusqu'aux hanches et les pieds attachez ensemble d'une corde, laquelle passoit entre les jambes de ce valet, qui les tenoit par les bras qu'ils avoient à son col, pendant qu'un autre valet tenoit la corde, en sorte qu'ils ne pouvoient pas se remuer.

[172]) По Уложенію, она должна была оставаться въ землѣ, пока умретъ.

зами многихъ зрителей, которые не смѣли подать помощь преступницѣ [173]).

Иностранцы XVII вѣка, описывая московское судопроизводство, умалчиваютъ объ одномъ судебномъ доказательствѣ, именно о полѣ [174]); у иностранцевъ XVI в. находимъ объ этомъ нѣсколько любопытныхъ извѣстій. Когда дѣло не уяснялось допросомъ, и обѣ стороны представляли равносильныя доказательства, отвѣтчикъ или истецъ говорилъ: «поручаю себя правдѣ Божіей и прошу поля». Тяжущіеся могли выходить на поединокъ со всякимъ оружіемъ, кромѣ пищали и лука. Бились пѣшіе; бой открывался копьемъ, потомъ принимались за другое оружіе. Иностранцы, выходя на поединки съ русскими, почти всегда побѣждали послѣднихъ, превосходя ихъ ловкостью и умѣньемъ дѣйствовать оружіемъ. Оба противника имѣли по нѣскольку друзей и доброжелателей, которые, стоя у поля, смотрѣли за боемъ, но безъ оружія, кромѣ развѣ кольевъ, обожженныхъ съ одного конца. Если друзья одного изъ бьющихся замѣчали, что его противникъ бьется не какъ слѣдуетъ, а съ обманомъ, тотчасъ прибѣгали къ своему на помощь; за ними вмѣшивались въ дѣло сторонники другого поединщика,—и съ обѣихъ сторонъ начиналась драка, пріятно занимавшая зрителей, по замѣчанію Герберштейна: обѣ стороны дрались чѣмъ и какъ ни попало, за волосы, кулаками, кольями и проч. [175]). Досу-

---

[173]) Olearius, 231 и 232.—Tanner, 81.—Korb, 203.

[174]) У одного Петрея находимъ извѣстія о полѣ, но они не представляютъ ничего новаго въ сравненіи съ извѣстіями писателей XVI в. и даже, можетъ быть, заимствованы у послѣднихъ. Petrejus, 319.

[175]) Если дѣйствительно такъ происходили судебные поединки при Герберштейнѣ, то во второй половинѣ XVIв. поле должно было принять нѣсколько лучшій видъ: по царскому Судебнику у поля могли стоять только стряпчіе и поручники бьющихся, и то безъ всякаго оружія; стороннихъ людей велѣно было отсылать, а кто не послушается, не пойдетъ, сажать въ тюрьму.

дившіеся до поля могли вмѣсто себя выставлять драться наемныхъ бойцовъ; Ченслеръ говоритъ даже, что тяжущіеся рѣдко бились сами, а выставляли обыкновенно наемныхъ бойцевъ [176]). Въ Москвѣ было много такихъ бойцовъ, которые тѣмъ только и промышляли, что по найму выходили драться за другихъ на судебныхъ поединкахъ [177]). Тотъ, чей боецъ оставался побѣжденнымъ, тотчасъ объявлялся виноватымъ и сажался въ тюрьму [178]).

Такія извѣстія находимъ мы у иностранцевъ о порядкѣ московскаго судопроизводства въ XVI в. Изъ юридическихъ понятій и обычаевъ они указываютъ, между прочимъ, на то, что по взгляду Москвитянъ только государь со своею думой могъ произносить смертные приговоры надъ свободными и несвободными людьми; изъ намѣстниковъ не многіе пользовались этимъ правомъ. Никто изъ подданныхъ не смѣлъ подвергать другого пыткѣ. Михалонъ отдаетъ преимущество московскому суду предъ литовскимъ въ томъ отношеніи, что «право суда у Москвитянъ надъ всѣми подданными бароновъ и дворянъ, какъ въ гражданскихъ такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, принадлежитъ не частному лицу, а назначенному для этого общественному чиновнику [179]).» Не всѣ классы общества имѣли одинаковое

---

[176]) Hakluyt, I, 268: Seldome the parties themselues do fight, except they be Gentlemen, for they stand much upon their reputation, for they wil not fight, but with such as are come of as good house as themselues. So that if either partie require the combate, it is granted into them, and no champion is to serve in their roome; wherein is no deceit: but otherwise by champions there is.

[177]) Clemens въ «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 151: habent pugiles publicos, quibus solo hoc quaestu victus constat.

[178]) Іовій, 48. — Herberstein, 38—40. — Флетчеръ, гл. 14-я.

[179]) Михалонъ, 37. Села и деревни жаловались служилымъ людямъ иногда съ правомъ суда, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ, но въ XVI в. это не было общимъ правиломъ, какъ говоритъ Ченслеръ. Hakluyt, I, 267.

значеніе передъ закономъ, по крайней мѣрѣ въ его приложеніи: показаніе одного знатнаго, по словамъ Герберштейна, имѣло больше силы, нежели показаніе многихъ простолюдиновъ. Если, говоритъ Флетчеръ, дворянинъ обокрадетъ или убьетъ бѣднаго мужика, то иногда вовсе и не призывается къ отвѣту; много-много если за мужика его высѣкутъ. Иностранцы говорятъ о «врожденной» наклонности Москвитянъ къ сутяжничеству и ябедничеству, но съ особенною горечью отзываются они о продажности самаго суда. Судьи, по свидѣтельству Герберштейна, открыто брали взятки, несмотря на строгость государя къ неправдѣ. При этомъ Герберштейнъ передаетъ слышанный имъ разсказъ, рѣзко характеризующій положеніе дѣлъ въ тогдашнемъ московскомъ обществѣ: одинъ судья изъ бояръ былъ уличенъ въ томъ, что съ обоихъ тяжущихся взялъ посулы и рѣшилъ дѣло въ пользу того, который далъ больше. Передъ государемъ онъ не запирался во взяткѣ, оправдываясь тѣмъ, что тотъ, въ чью пользу онъ рѣшилъ дѣло, человѣкъ богатый и почтенный, а потому больше заслуживаетъ довѣрія передъ судомъ, нежели бѣдный и незначительный его противникъ. Государь, смѣясь, отпустилъ его безъ наказанія, хотя и отмѣнилъ его рѣшеніе. Можетъ быть, замѣчаетъ на это Герберштейнъ, причиной такого корыстолюбія и недобросовѣстности служитъ бѣдность самихъ судей, которая заставляетъ государя смотрѣть сквозь пальцы на ихъ поступки [180]). Флетчеръ, сказавъ, что единственный законъ въ Московіи есть законъ изустный, т. е. воля царя, судей и другихъ должностныхъ лицъ, оканчиваетъ свой обзоръ московскаго судопроизводства слѣдующими мрачными словами: «Все это показываетъ жалкое состояніе несчастнаго народа, который долженъ признавать источникомъ своихъ законовъ и блюстителями правосудія тѣхъ, противъ несправедливости которыхъ ему необходимо было бы имѣть значительное количество хорошихъ и

---

[180]) Herberstein, 40.

строгихъ законовъ». Мы знаемъ, какъ правительство въ XVI в. хлопотало о составленіи такихъ хорошихъ и строгихъ законовъ; знаемъ, что одно изъ главныхъ отличій царскаго Судебника отъ великокняжескаго въ томъ именно и состоитъ, что первый, вооружаясь противъ несправедливости судей, не ограничивается строгимъ и грознымъ запрещеніемъ судьямъ дружить, мстить и брать посулы, но присоединяетъ къ этому угрозу строго и подробно опредѣленныхъ наказаній за ослушаніе. Хороши или нехороши были эти законы,—нельзя отвергать, что они были строги. Слѣдовательно главное дѣло было не въ какихъ либо законахъ, а въ исконныхъ привычкахъ и условіяхъ жизни, создавшихъ эти привычки. Если еще въ XII в. съ сомнѣніемъ спрашивали, какая судьба ожидаетъ тіуна на томъ свѣтѣ, потому что тіунъ несправедливо судитъ, взятки беретъ, людей мучитъ; если еще Даніилъ Заточникъ совѣтовалъ не ставить двора близъ княжа двора, потому что тіунъ его какъ огонь, а рядовичи его какъ искры,—то еще съ большею силой можно было повторить и этотъ вопросъ, и этотъ отвѣтъ въ XVI в. и даже гораздо позже, потому что и въ XVI вѣкѣ, и долго послѣ продолжались явленія, вызвавшія этотъ вопросъ и отвѣтъ, а явленія продолжались, потому что продолжали дѣйствовать причины, ихъ производившія.

Что касается вообще до характера управленія въ Московскомъ государствѣ, то мы находимъ у иностранцевъ XVI в. различные отзывы объ этомъ предметѣ. Іовій изъ разсказовъ московскаго посла заключилъ, что по всѣмъ частямъ государственнаго управленія находятся тамъ прекрасныя учрежденія. Михалонъ хвалитъ московскій порядокъ замѣщенія должностей, говоря, что государь московскій соблюдаетъ равенство между своими чиновниками, не даетъ одному много должностей; начальники лучше обращаются съ подчиненными, зная, что осужденному за взятки придется развѣдаться на поединкѣ съ обиженнымъ, хотя бы послѣдній принадлежалъ къ низшему сословію; отъ

этого не такъ часто слышатся во дворцѣ жалобы на притѣсненія [181]). Но совсѣмъ другого рода отзывы находимъ у тѣхъ иностранцевъ, которые сами были въ Москвѣ и внимательно всматривались въ московскіе порядки. Правленіе въ Московскомъ государствѣ казалось имъ слишкомъ тираническимъ для христіанскаго государства. По отзыву Флетчера, московская система областного управленія была бы не дурна для такого обширнаго государства, по своему удобству для предупрежденія нововведеній, еслибы ея не портила недобросовѣстность правительственныхъ лицъ. Областные правители чужды народу по своимъ интересамъ и не пользуются ни его довѣріемъ, ни любовію. Являясь ежегодно въ области свѣжими и голодными, они мучатъ и обираютъ народъ безъ всякой совѣсти, стараясь собрать въ свое управленіе столько, чтобы по окончаніи срока, отдавая отчетъ, можно было, не обижая себя, подѣлиться съ управляющимъ чети, который въ надеждѣ на это смотрѣлъ сквозь пальцы на дѣйствія намѣстника. За это народъ ненавидитъ намѣстниковъ, видя, что они поставлены надъ нимъ не столько для того, чтобы оказывать ему правосудіе, сколько затѣмъ, чтобы угнетать его и снимать съ него шерсть не одинъ разъ въ годъ, какъ владѣлецъ съ своей овцы, а стричь и обрывать его впродолженіе всего года. Далѣе иностранцы указываютъ на недостатокъ единодушія и общности интересовъ не только между правителями и управляемыми, но и вообще между служилыми людьми и простымъ народомъ. Флетчеръ въ раздумьи останавливается на разныхъ элементахъ Московскаго государства и ищетъ, нѣтъ ли гдѣ такихъ общественныхъ силъ, которыя могли бы излѣчить эти язвы государства, но

[181]) Іовій, 55.—Михалонъ, 57. Московское правительство при Іоаннѣ IV жаловалось, между прочимъ, на то, что «какъ съѣдутъ намѣстники и волостели съ кормленій, и мужики многими исками отыскиваютъ и много въ томъ кровопролитія и оскверненія сдѣлалось». Соловьевъ, «Исторія Россіи», VII, 14.

нигдѣ не находитъ такихъ цѣлебныхъ силъ, ни въ дворянствѣ, ни въ дьякахъ, ни въ войскѣ, ни въ простомъ народѣ. Дворянство безсильно предъ государемъ, бѣдно; областные правители также не могутъ достигнуть значительнаго вліянія, потому что назначаются на короткое время и чужды, даже ненавистны народу; управляющіе четями— дьяки, которые хотя и пользуются наибольшимъ вліяніемъ на дѣла, но всѣмъ обязаны царю и служатъ ему одному; войско безусловно предано царю и настоящему порядку, потому что этотъ порядокъ выгоденъ ему, доставляя возможность обижать и грабить простой народъ. Эти части общества всею своею тяжестью лежатъ на простомъ народѣ; одинъ онъ несетъ на себѣ все бремя и не имѣетъ средствъ облегчить его [182]). Въ заключеніе англійскій наблюдатель дивится, какъ московскіе цари, прочно утвердившись на престолѣ, могутъ довольствоваться прежнимъ неудовлетворительнымъ порядкомъ вещей въ своемъ государствѣ.

Мы знаемъ, что въ Россіи и вверху, и внизу не менѣе Флетчера и всякаго посторонняго наблюдателя чувствовали неудовлетворительность и темныя стороны управленія. Правительство XVI в. придумывало и пробовало разныя мѣры для улучшенія управленія; по его распоряженіямъ подлѣ намѣстниковъ и волостелей стали появляться выборные, излюбленные старосты съ важнымъ значеніемъ, чтобы «судили они безпосульно и безволокитно». И правительство, и общество объясняли эту мѣру какъ противодѣйствіе злоупотребленіямъ намѣстниковъ и волостелей съ ихъ тіунами. Со второй половины XVI в. все болѣе и болѣе усиливаются жалобы земскихъ людей на намѣстниковъ и волостелей, которые «многіе города и волости пусты учинили»,—и правительство отмѣняетъ намѣстниковъ и волостелей, объявляетъ учрежденіе излюбленныхъ старостъ общею мѣрою; всякій городъ, всякая волость могла,

---

[182]) Флетчеръ, гл. 10-я.

если хотѣла, избавиться отъ намѣстниковъ и волостелей, получивъ только «откупную» грамоту. Точно также частное распоряженіе великаго князя Василія Іоанновича о введеніи въ судъ намѣстничій и волостелинъ лучшихъ людей и цѣловальниковъ утверждено въ Судебникѣ сына его какъ общій законъ. Во всѣхъ этихъ мѣрахъ выразилось стремленіе удовлетворить усилившимся требованіямъ общественнаго порядка, поставить на мѣсто прежней системы кормленій, основанной на частномъ правѣ, другую систему управленія, основанную на государственныхъ началахъ. Съ этою цѣлью начали стѣснять власть намѣстниковъ и волостелей, какъ несовмѣстную съ возникавшимъ государственнымъ порядкомъ: сперва старались положить предѣлы произволу этихъ кормленщиковъ опредѣленіемъ и ограниченіемъ ихъ правъ на подвѣдомственныхъ имъ жителей, потомъ стали отнимать у нихъ многія права и передавать другимъ органамъ управленія, выборнымъ дьякамъ, городовымъ прикащикамъ. Наконецъ сдѣланъ былъ рѣшительный шагъ: намѣстники и волостели, представители системы кормленія, замѣнены были воеводами, которые стали появляться во второй половинѣ XVI в., въ видѣ частной мѣры, но въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича сдѣлались общимъ учрежденіемъ. По основной мысли этого учрежденія воевода былъ настоящій правитель области, представитель государственнаго порядка, а не кормленщикъ, вѣдалъ дѣла не на себя, какъ послѣдній, а на царя [183]). Такимъ образомъ государственное начало дѣлало несомнѣнные успѣхи; отражались ли эти успѣхи замѣтными улучшеніями въ практической сферѣ, въ отношеніяхъ органовъ управленія къ управляемымъ? Можетъ-быть, какой-нибудь отвѣтъ на это дадутъ иностранныя извѣстія XVII в., тѣмъ болѣе, что они описываютъ не столько устройство управленія, сколько самое его дѣйствіе.

Въ XVII в. система приказовъ еще болѣе усложнилась, и потому еще труднѣе стало распредѣлить ихъ по роду дѣлъ

---

[183]) См. «Областныя учрежденія.» г. Чичерина, стр. 39—54.

на извѣстныя, точно разграниченныя вѣдомства. Олеарій указываетъ на 6 главныхъ отдѣленій или вѣдомствъ, которыя собственно составляли кругъ дѣятельности государева совѣта или думы; это были: дѣла иностранныя, дѣла военныя, доходы съ отчины государя, отчеты отъ разныхъ прикащиковъ и управителей, вѣдавшихъ кабацкое дѣло, апелляціи и рѣшенія по гражданскимъ дѣламъ и наконецъ рѣшенія по дѣламъ уголовнымъ. Каждому изъ этихъ вѣдомствъ соотвѣтствовалъ одинъ или нѣсколько приказовъ [184]). Самыми главными изъ этихъ приказовъ Рейтенфельсъ называетъ: Посольскій, Разрядный, Помѣстный, Сибирскій и Приказъ Казанскаго Дворца. Приказами управляли («сидѣли» въ приказахъ) бояре и другіе думные люди, смотря по важности приказа; только въ двухъ наиболѣе важныхъ приказахъ, Посольскомъ и Разрядномъ, управленіе которыми требовало особенныхъ знаній, сидѣли не бояре, а думные дьяки, какъ люди болѣе свѣдующіе и опытные въ приказномъ дѣлѣ, хотя въ чиновной іерархіи они стояли ниже даже думныхъ дворянъ. Письменною частью завѣдывали въ качествѣ секретарей простые дьяки, которыхъ было по одному или болѣе въ каждомъ приказѣ; подъ начальствомъ ихъ находились писаря и подьячіе. Все дѣлопроизводство въ приказахъ было письменное. Коллинсъ насмѣшливо замѣчаетъ, что тамъ производилось столько бумаги, что ею можно было бы покрыть всю поверхность Московскаго государства. Дьяки и подьячіе были завале-

---

[184]) Наиболѣе полный списокъ приказовъ первой половины XVII в. сообщаетъ Олеарій, насчитывая ихъ 32. Опредѣленіе вѣдомства каждаго приказа у него неполно и часто неточно. За вторую половину вѣка у иностранцевъ не находимъ такого списка. Рейтенфельсъ списываетъ имена и опредѣленія приказовъ у Олеарія, не упоминая о новыхъ приказахъ, явившихся послѣ Олеарія. Мейербергъ насчитываетъ 33 главныхъ приказа. Olearius, 224—229.—Mayerberg, II, 108. Ср. Котошихинъ, гл. VII.

ны работой, которую иногда не успѣвали окончить днемъ и должны были заниматься по ночамъ. Но управляющіе приказами, если вѣрить Маскѣвичу, засѣдали только до обѣдни, при первомъ ударѣ колокола уходили изъ приказовъ, зато строго взыскивали съ подчиненныхъ за упущенія. Корбъ разсказываетъ, что одинъ дьякъ, проработавъ цѣлый день въ своемъ приказѣ, наконецъ рѣшился уйти домой отдохнуть; за нимъ послѣдовали подьячіе и писцы. Но, вѣроятно, дѣло было спѣшное, и на другой день думный дьякъ, управлявшій приказомъ, рѣшилъ наказать подчиненнаго дьяка за самовольный уходъ батогами, а подьячихъ и писарей привязать къ скамьямъ, чтобъ заставить ихъ работать всю слѣдующую ночь. Писали въ приказахъ обыкновенно на бумажныхъ свиткахъ, аршинъ въ 25 или 30 длиной, дѣлая ихъ изъ нѣсколькихъ узкихъ листовъ, склеенныхъ вмѣстѣ; во время письма приказный держалъ такой свитокъ не на столѣ, а на колѣняхъ, что очень удивляло иностранцевъ. Приказнымъ запрещено было брать посулу подъ страхомъ наказанія кнутомъ, но они мало смотрѣли на это. Олеарій разсказываетъ объ уловкѣ, посредствомъ которой приказные выманивали подарки у иностранныхъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ Москву: они вызывались достать послу за извѣстную сумму копію какого-нибудь секретнаго акта или распоряженія правительства, касавшагося этого посла; но такъ какъ приказнымъ запрещалось брать изъ приказовъ бумаги на домъ, то они составляли ложную бумагу и выдавали ее послу за копію съ подлиннаго акта [185]).

Въ областяхъ были особыя земскія и съѣзжія избы, устроенныя по образцу центральныхъ приказовъ; дѣлами заправляли въ нихъ такіе же чиновные люди, дьяки и подьячіе, какіе сидѣли въ столичныхъ приказахъ. Областями управляли въ XVII в. воеводы. Главнымъ правительственнымъ мѣстомъ, изъ котораго посылались и въ которомъ

---

[185]) Маскѣвичъ, 56.—Olearius, 224.—Korb, 52.

вѣдались воеводы, былъ Разрядъ [186]). Воеводы посылались съ однимъ или нѣсколькими товарищами, которыми большею частью были дьяки или подьячіе. Воеводства въ XVII в. давались обыкновенно на три года; рѣдкій воевода правилъ одною областью дольше трехъ лѣтъ. Олеарій считаетъ такую краткость срока очень благоразумною мѣрой, которую онъ объясняетъ чисто-государственными соображеніями, именно намѣреніемъ ограничить злоупотребленіе воеводъ, не дать имъ возможности усилиться, предупредить вредные замыслы и т. п. Съ тою же цѣлью, по истеченіи срока, брали съ воеводы отчетъ въ управленіи, принимали жалобы на него отъ областныхъ жителей.

Посмотримъ, насколько всѣ эти мѣры уменьшали злоупотребленія воеводскаго управленія. Прежде всего встрѣчаемъ извѣстіе, что управители приказовъ, изъ которыхъ посылались воеводы, пользовались этимъ какъ выгодною статьей дохода и торговали воеводствами [187]). Пріѣхавъ въ область, воевода старался прежде всего съ лихвой вознаградить себя за издержки, которыхъ стоила ему покупка воеводства, и бралъ широкой рукой, зная, что начальникъ приказа, отъ котораго онъ зависѣлъ, не дастъ хода жалобамъ обиженныхъ. Былъ особенный, благовидно прикрытый обычаемъ страны способъ, къ которому обыкновенно прибѣгали воеводы для вымоганія подарковъ у областныхъ жителей. Каждый годъ воевода дѣлалъ пиры, на которые приглашалъ наиболѣе зажиточныхъ служилыхъ и торговыхъ

---

[186]) Маржеретъ говоритъ объ одномъ Разрядѣ; но были и другіе приказы, изъ которыхъ посылались воеводы. Воеводы назначались царскимъ указомъ, выдававшимся изъ того приказа, въ вѣдомствѣ котораго состоялъ городъ, куда посылался воевода. См. «Областныя учрежденія» г. Чичерина, стр. 83.

[187]) Въ Разрядѣ и Казанскомъ Дворцѣ, по словамъ Татищева, были положены оклады, что за каждый городъ взять; кто платилъ ихъ, тотъ получалъ воеводство. «Областныя учрежденія», стр. 85.

людей своей области; послѣдніе хорошо понимали цѣль этихъ пировъ и для избѣжанія непріятностей въ будущемъ старались щедро отблагодарить воеводу за честь, которую онъ имъ дѣлалъ. Сытному кормленію, которымъ пользовались воеводы, подобно прежнимъ намѣстникамъ, соотвѣтствовалъ и ихъ наружный видъ и обстановка, которой они окружали себя. Иностранцы посмѣивались надъ боярской дородностью, которою отличались областные правители [188]). Олеарій, описывая пріемъ, который сдѣлалъ ему въ 1636 г. нижегородскій воевода, дивится великолѣпію и важности, которыми послѣдній окружалъ себя дома. У воротъ посѣтителей встрѣтили два дворянина, которые провели ихъ длинными сѣнями въ переднюю комнату; здѣсь ждали ихъ два почтенные старца въ богатой одеждѣ, которые ввели гостей къ воеводѣ. Послѣдній былъ одѣтъ въ парчевое платье и окруженъ множествомъ важныхъ лицъ. Комната была убрана турецкими коврами и украшалась большимъ поставцомъ, который весь уставленъ былъ серебряною посудой [189]).

Мѣры правительства оказывались безсильными противъ обычая. Наказанія за лихоимство въ судѣ, отличавшіяся особенною суровостью, не много имѣли успѣха. Если судья бралъ подарки, его могли уличить собственные его слуги или подарившіе, которые, обманувшись въ надеждѣ выиграть дѣло, нерѣдко пользовались этимъ противъ судьи, чтобъ возвратить свои подарки; даже посторонніе люди могли доносить на взяточника. Уличенный въ лихоимствѣ долженъ былъ возвратить взятые подарки и подвергнуться правежу, пока не выплачивалъ назначенной пени въ 500, въ 1.000 или болѣе рублей, смотря по сану. Незначитель-

---

[188]) О тотемскомъ воеводѣ авторъ посольствъ Карлиля замѣчаетъ: il étoit un homme fait à la mode des boyares, grand, gros et gras, comme sont d'ordinaire tous les gouverneurs des provinces. Стр. 106.

[189]) Маржеретъ, 34 и 35.—Olearius, 152, 181, 277.—Mayerberg, I, 152 и 153.

наго дьяка, уличеннаго въ лихоимствѣ, наказывали кнутомъ, привязавъ лихоимцу къ шеѣ взятую въ подарокъ вещь, кошелекъ съ деньгами, мѣхъ, даже соленую рыбу, потомъ отправляли наказаннаго въ ссылку. Взятки однакожъ не истреблялись; хитрецы придумывали способъ обходить законъ: челобитчикъ входилъ къ судьѣ и привѣшивалъ подарки образамъ будто на свѣчи. Были въ ходу и другія уловки. Олеарій говоритъ, что онъ зналъ въ Москвѣ сановниковъ, которые сами не брали посуловъ, но не мѣшали принимать ихъ своимъ женамъ [190]). Впрочемъ и законъ вынужденъ былъ дѣлать нѣкоторыя уступки укоренившимся обычаямъ: впродолженіе Святой недѣли судьямъ позволено было, вмѣстѣ съ красными яйцами, принимать въ даръ малоцѣнныя вещи и даже деньги отъ рубля до 12; но это не имѣло вида посула. Всѣ судьи и чиновники должны были довольствоваться годовыми окладами и землями, назначенными отъ государя. Эти извѣстія не позволяютъ считать преувеличенными отзывы иностранцевъ XVII в. о продажности суда въ Московскомъ государствѣ, о томъ, что судьи открыто торговали своими приговорами, что не было преступленія, которое не могло бы при помощи денегъ ускользнуть отъ наказанія; и такіе отзывы простираются не на одинъ судъ и не на одни второстепенные или отдаленные отъ центра органы управленія: иностранецъ, пріѣхавъ въ Москву, прежде всего узнавалъ, что здѣсь посредствомъ подарковъ можно всего добиться, даже при дворѣ [191]).

---

[190]) Olearius, 229. Ср. Котошихинъ, гл. VII, ст. 28: «наказанія не страшатся (судьи), отъ прелести очей своихъ и мысли содержати не могутъ и руки свои ко взятію скоро допущаютъ, хотя не сами собою, однако по задней лѣстницѣ чрезъ жену или дочерь, или чрезъ сына и брата, не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто про то и не вѣдаютъ».

[191]) Olearius, 229: Lors que nous arrivasmes à Moscou, l'on nous fit accroire qu'il n'y avait rien que l'on ne pust obtenir de la Cour par le moyens des presens.

Такимъ образомъ черты, которыми описывали московское управленіе иностранцы XVI в., повторяются въ описаніяхъ и XVII, съ тою разницей, что послѣднія больше говорятъ о строгости, съ которой преслѣдовались злоупотребленія. Въ этихъ описаніяхъ ясно видна борьба двухъ противоположныхъ стремленій, господствовавшихъ въ московскомъ управленіи того времени: съ одной стороны правительство старалось ввести понятіе о службѣ государству, какъ объ общественной должности, съ другой— старый обычай заставлялъ смотрѣть на нее только какъ на источникъ кормленія. Само правительство, не вполнѣ освободившись отъ вліянія этихъ старыхъ обычаевъ, дѣлало иногда уступки въ ихъ пользу. Это видно и на важномъ нововведеніи, сдѣланномъ въ чисто-государственномъ духѣ, на утвержденіи воеводствъ: воеводы не получали корма, собирали судебныя пошлины въ казну, а не на себя; но служилый человѣкъ, просясь на воеводство, обыкновенно писалъ въ челобитной: «прошу отпустить покормиться», —и правительство принимало такія просьбы, не видя въ этомъ противорѣчія съ характеромъ воеводскаго управленія; а извѣстія XVII вѣка показываютъ, что приведенныя слова не были одною только формой, удержавшейся по преданію отъ прежняго времени.

Но если органы управленія, подъ вліяніемъ стараго обычая, не во всемъ точно отвѣчали новымъ стремленіямъ и началамъ, которыя проводило государство, то по крайней мѣрѣ взглядъ общества на разныя общественныя явленія дѣлается нѣсколько яснѣе и строже. Олеарій и здѣсь не измѣняетъ своему правилу отмѣчать явленія, которыхъ не находили или не замѣчали предшествовавшіе ему путешественники въ Московію. Наказанія батогами, кнутомъ и т. п. прежде не считались позорными; въ обществѣ не чуждались людей, побывавшихъ за преступленія въ рукахъ заплечнаго мастера; наказаніе кнутомъ за неуголовныя преступленія считали даже царской милостью и наказанные благодарили за него царя; кто попрекалъ ихъ кнутомъ,

тотъ самъ подвергался за это такому же наказанію. Послѣднее продолжалось и въ XVII в., но въ обществѣ, какъ видно изъ словъ Олеарія, уже не такъ снисходительно смотрѣли на людей, побывавшихъ подъ кнутомъ или батогами. Подобная же перемѣна произошла, по словамъ Олеарія, и во взглядѣ на исполнителей наказаній. Должность заплечнаго мастера была очень выгодна: кромѣ царскаго жалованья онъ получалъ значительные доходы, тайно продавая водку содержавшимся подъ его надзоромъ арестантамъ и принимая отъ нихъ посулы за обѣщаніе полегче наказывать. Эта должность считалась даже почетною; оттого значительные купцы охотно покупали ее и черезъ нѣсколько лѣтъ съ выгодой перепродавали другимъ. Олеарій говоритъ, что въ его время, когда Москвитяне начали ближе знакомиться съ болѣе мягкими нравами своихъ сосѣдей, званіе палача не пользовалось уже прежнимъ почетомъ и находило себѣ гораздо меньше охотниковъ [192]).

VI.

Доходы казны.

Во всѣхъ сферахъ государственнаго управленія послѣдовали въ описываемое время важныя перемѣны, вызванныя новыми условіями и потребностями, въ которыя болѣе и болѣе вовлекалось Московское государство. Всѣ эти перемѣны, особенно въ войскѣ, усложняя государственныя отправленія, неизбѣжно требовали у государства большихъ средствъ, большихъ расходовъ. Мы знаемъ, какъ увеличились средства московскаго правительства съ объединеніемъ сѣверо-восточной Россіи; при всемъ томъ мы видимъ, съ какой заботливостью блюдетъ оно интересъ казны, не говоря уже о томъ, что московскіе государи издавна отличались бережливостью и разсчетливостью. Іоаннъ III приказывалъ брать назадъ шкуры барановъ,

---

[192]) Маржеретъ, 37.—Olearius, 232.—Korb, 203.

отпускавшихся на содержаніе иностранныхъ пословъ. Съѣзжалъ намѣстникъ или волостель со своего намѣстничества или волостельства, а на его мѣсто еще не являлся новый,—правительство спѣшитъ приказать, чтобы въ точности собраны были на государя всѣ кормы, которые слѣдовали намѣстнику или волостелю за этотъ промежутокъ времени. Понадобилось отмѣнить намѣстниковъ и волостелей за ихъ недобросовѣстность и поставить на мѣсто ихъ выборныхъ старостъ, которымъ приказано не брать никакихъ пошлинъ и кормовъ за службу, но эти пошлины и кормы нельзя было оставить совсѣмъ и вотъ тщательно высчитываются всѣ расходы города или волости, шедшіе на прежняго намѣстника или волостеля, и переводятся въ оброчную сумму, которую излюбленные головы ежегодно должны были доставлять въ Москву безъ недобору.

Изъ иностранныхъ писателей XVI в. Флетчеръ первый перечисляетъ, хотя далеко не полно, доходы московскаго государя [193]). Въ XVI в., какъ и въ XV-мъ, управленіе Московскаго государства сохраняло еще черты прежняго княжескаго вотчиннаго хозяйства, имѣло чисто-финансовый характеръ; главною цѣлью всѣхъ правительственныхъ учрежденій было собираніе доходовъ. Высшими изъ этихъ учрежденій, вѣдавшими разныя статьи государевыхъ доходовъ, во второй половинѣ XVI в. были: Дворцовый Приказъ, Четверти и Приказъ Большого Прихода. Дворцовый Приказъ, или Приказъ Большого Дворца, получалъ доходы съ городовъ и приписанныхъ къ нимъ селъ и волостей, составлявшихъ собственную отчину царя; эти доходы получались деньгами или натурой; иные крестьяне за пользованіе землей въ царской отчинѣ платили непосредственнымъ трудомъ, обрабатывая въ пользу царя извѣстное количество земли. Доходъ натурой шелъ на содержаніе двора и на дачу для царской чести, или на царское жалованье, излишекъ продавался по выгоднѣйшей цѣнѣ.

193) Флетчеръ, гл. 12-я.

Флетчеръ и Поссевинъ говорятъ, что въ этомъ случаѣ, для скорѣйшаго и выгоднѣйшаго сбыта, запрещалось купцамъ продавать такія же произведенія до тѣхъ поръ, пока не будетъ распроданъ царскій товаръ. При Флетчерѣ отъ продажи этого излишка царская казна выручала до 230,000 рублей въ годъ [194]), но во время Грознаго, который жилъ роскошнѣе, не болѣе 60,000. По показанію Маржерета, въ Дворцовомъ приказѣ обыкновенно хранилось отъ 120,000 до 150,000 рубл. наличными деньгами [195]).

Начальники четвертей собирали чрезъ областныхъ правителей тягло и подать съ остальныхъ земель государства, распредѣленныхъ между этими приказами. Псковская область ежегодно платила тягломъ и податью около 18,000 рублей, область Новгорода Великаго 35,000, Тверская съ Торжкомъ 8,000, Рязанская 30,000, Муромская 12,000, Казанская 18,000, Устюжская 30,000, Ростовская 50,000, Московская 40,000, Сибирская 20,000, Костромская 12,000. Весь годовой итогъ этой статьи простирался до 400,000 рублей. Взносъ въ казну совершался къ 1-му сентября, т. е. къ началу года. По показанію Маржерета, которое впрочемъ трудно принять буквально, тягло и подать были очень высоки, именно съ выти или участка въ 7 или 8 десятинъ казенные крестьяне платили 10—15, даже 20 рублей, смотря по качеству почвы [196]).

Приказъ Большого Прихода принималъ всѣ пошлины. налоги и другіе сборы. Сумма торговыхъ сборовъ съ большихъ торговыхъ городовъ опредѣлялась напередъ и соби-

---

[194]) По вычисленію Карамзина, около 1,150,000 нашихъ серебряныхъ рублей. Т. X, примѣч. 406.

[195]) Маржеретъ, 44.

[196]) Маржеретъ не точно опредѣляетъ выть. Въ выти считалось 12 четвертей посѣва, въ десятинѣ 2 четверти, слѣдовательно выть равнялась 6 десятинамъ. Онъ же говоритъ, что нѣкоторыя чети, какъ Казанская и Новая, пятая, вѣдавшая доходы отъ питейной продажи, сберегали 80—100 тыс. рубл. чистаго дохода.

ралась цѣловальниками или откупщиками. Столица платила ежегодно торговой пошлины 12,000, Смоленскъ 8,000, Псковъ 12,000, Новгородъ Великій 6,000, Старая Руса (отъ соляной промышленности) 18,000, Торжокъ 800, Тверь 700, Ярославль 1,200, Кострома 1,800, Нижній 7,000, Казань 11,000, Вологда 2,000. Пошлинный сборъ съ другихъ городовъ былъ не всегда одинаковъ. Въ тотъ же приказъ шелъ сборъ съ торговыхъ бань и кабаковъ, составлявшихъ монополію казны, также судныя пошлины, простиравшіяся ежегодно до 3,000 рубл.; сюда же поступала изъ Разбойнаго Приказа половина имущества всякаго преступника, которая бралась въ пользу царя, и остатки отъ доходовъ другихъ приказовъ, какъ-то: Разряднаго, Стрѣлецкаго, Иноземскаго, Пушкарскаго, Помѣстнаго, Конюшеннаго, которые всѣ имѣли свои особые доходы. Помѣстный, раздавая земли, взыскивалъ за каждую запись по 2, по 3 и по 4 рубля, смотря по величинѣ отводимаго участка, и собиралъ доходы съ помѣстьевъ опальныхъ, пока государь не отдавалъ ихъ кому-нибудь другому [197]). Конюшенный Приказъ бралъ пошлины съ продаваемыхъ лошадей. Этому приказу доставлялъ большіе доходы конскій торгъ, производившійся въ Россіи ногайскими Татарами; за каждую проданную лошадь взималось съ продавца и покупателя по 5 коп. на рубль. Какъ значительны были пошлины съ этого торга, можно заключить изъ того, что Ногаи ежегодно пригоняли лошадей въ Россію раза два или три, тысячъ по 40 вдругъ [198]). Сумма всего годового дохода, поступавшаго въ Приказъ Большого прихода, по Флетчеру, простиралась до 800,000 рублей; при этомъ Флетчеръ ссылается на приходныя книги приказа.

---

[197]) Ежегодный доходъ этого приказа во время Котошихина простирался до 2,000 рубл. Гл. VII, ст. 8.

[198]) Маржеретъ, 46. Ср. Котошихинъ, гл. VI, ст. 6. Средняя цѣна ногайской лошади, по показанію Маржерета, была 20 руб.

Каждое изъ упомянутихъ трехъ учрежденій передавало собранный имъ доходъ въ главное казначейство, находившееся въ оградѣ Кремля. Чистый годовой доходъ казны простирался до 1,430,000 рублей [199]).

По свидѣтельству Герберштейна, торговой пошлины взималось со всякаго товара, привознаго и вывозного, по цѣнѣ, съ рубля по 7 денегъ, кромѣ воска, съ котораго брали по цѣнѣ и вѣсу по 4 деньги съ пуда [200]). Судной пошлины взималось по 20 денегъ съ рубля, или по 10% за всякое рѣшеніе по гражданскимъ дѣламъ; кромѣ того со всякаго имени, упоминаемаго въ выдававшихся судебными мѣстами бумагахъ, брали, по словамъ Флетчера, въ пользу царя по 5 алтынъ. Потомъ въ мѣстѣ, гдѣ хранилась меньшая печать, за бумагу платили столько же.—Поссевинъ, Флетчеръ и Гваньини говорятъ о невыносимыхъ податяхъ и налогахъ, которыми обременены были горожане и поселяне. Мы не имѣемъ основанія видѣть въ этихъ словахъ преувеличенія, зная, какія огромныя, небывалыя прежде военныя силы должно было выставлять Московское государство въ царствованіе Іоанна IV и на востокъ, и на западъ, какихъ огромныхъ расходовъ требовали продолжительныя войны этого времени. Каждая важная статья расхода на войско вела къ установленію особаго налога: такъ явились «пищальныя деньги», «посошныя деньги», «емчужныя деньги» (на порохъ) и проч. Съ другой стороны, страшное напряженіе и потрясеніе, которое въ это время испы-

---

[199]) Любопытно сравнить показаніе Флетчера съ показаніемъ Котошихина о суммѣ денежныхъ доходовъ казны въ половинѣ XVII в.: «И всего денежныхъ доходовъ, говоритъ онъ, на всякой годъ въ царскую казну приходитъ во всѣ приказы, со всего государства, кромѣ того, что исходитъ въ городѣхъ, зъ десять сотъ съ триста съ одиннатцать тысячъ рублевъ, окромъ Сибирскіе казны». См. гл. VII, ст. 48.

[200]) Въ концѣ XVI в. въ Москвѣ брали торговой пошлины по 8 денегъ съ рубля и эта пошлина называлась малой. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. VII, стр. 382.

тало государство отъ внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ, должно было вредно подѣйствовать на народное хозяйство и сдѣлать еще болѣе чувствительнымъ бремя, лежавшее на тягломъ народонаселенiи.

Кромѣ денегъ, подать шла и натурой, напр., мѣхами изъ Сибири, Перми и Печоры; по словамъ Герберштейна, въ Пермской области подать платили лошадьми и мѣхами. «Въ прошломъ (1588?) году, говоритъ Флетчеръ, собрано въ Сибири царской подати 446 сороковъ соболей, 5 сороковъ куницъ и 180 чернобурыхъ лисицъ». Сверхъ этихъ постоянныхъ доходовъ, по свидѣтельству того же иностранца, много собиралось отъ конфискацiи имущества опальныхъ и отъ чрезвычайныхъ поборовъ съ должностныхъ лицъ, монастырей и проч. По показанiю Поссевина, митрополитъ и архiепископы также платили иногда царю подать, или пособiе, какъ они называли это.

Иностранцы предполагали у московскихъ государей огромныя богатства; Поссевинъ объясняетъ это тѣмъ; что они собирали все серебро и золото, привозимое въ государство изъ-за границы, и не позволяли вывозить его, кромѣ немногихъ случаевъ; даже у своихъ пословъ, ѣздившихъ за границу, они отбирали серебряныя и золотыя вещи, полученныя послами въ подарокъ отъ иностранныхъ государей. То же говоритъ и Герберштейнъ. Золото, серебро и драгоцѣнные камни считались при московскомъ дворѣ преимущественно заслуживающими прiобрѣтенiя; Iоаннъ III постоянно наказывалъ своимъ посламъ искать и добывать ихъ, гдѣ можно. Московскiе государи вообще отличались бережливостью. Михалонъ говоритъ, что московскiй государь отлично распоряжается домашнимъ хозяйствомъ; не пренебрегая ничѣмъ, такъ что продаетъ даже мякину и солому; на пирахъ его подаются большiе кубки, золотые и серебряные, называемые соломенными, т. е. сдѣланными на деньги, вырученные отъ продажи соломы. Иностранцы дивились множеству всякой утвари, дорогихъ и красивыхъ одеждъ, находившихся въ царскихъ кладовыхъ;

многія изъ этихъ одеждъ предназначались только для выдачи на прокатъ, за извѣстную плату, придворнымъ вельможамъ, когда послѣдніе хотѣли получше нарядиться по случаю какого-нибудь торжества, пріема иностранныхъ пословъ, пира съ друзьями, свадьбы и т. п.; если при возвращеніи одежды она оказывалась хотя немного запятнанною, бравшій ее вельможа долженъ былъ заплатить деньги по оцѣнкѣ и даже подвергнуться тѣлесному наказанію, чтобы впередъ этого не дѣлать. Оттуда же брали одежды московскіе послы, отправляясь за границу. Сокровища государевы хранились въ Москвѣ, на казенномъ дворѣ, а въ случаѣ непріятельскаго вторженія увозились на Бѣлое озеро или въ Ярославль; по словамъ Поссевина, въ послѣднихъ двухъ городахъ государь постоянно сталъ хранить часть своихъ сокровищъ послѣ крымскаго разгрома 1571 года [201]).

Въ XVII в. нѣкоторыя статьи государственныхъ доходовъ должны были получить большее развитіе; возникли новые источники доходовъ; и то, и другое было необходимо вслѣдствіе расширенія дѣятельности государства и увеличенія его расходовъ. Въ XVII в. издержки на войско еще болѣе увеличились въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. Мейербергъ называетъ его пропастью, которая поглощаетъ почти всѣ доходы московской казны. Способъ покрытія чрезвычайныхъ военныхъ издержекъ сохранилъ прежній, случайный характеръ: возникала нужда въ деньгахъ,— государство вводило новый налогъ. Въ мирное время, говоритъ Олеарій, налоги не обременительны, но въ военное увеличивались въ огромныхъ размѣрахъ; такъ, на покрытіе издержекъ второй польской войны, въ царствованіе

---

[201]) Herberstein, 44, 62 и слѣд., 11.—Possevino, 24 и 90.—Михалонъ, 57.—Guagnini въ «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 181.—Флетчеръ, гл. 12-я.— Маржеретъ бывалъ на казенномъ дворѣ и сообщаетъ длинный перечень драгоцѣнныхъ вещей, которыя онъ тамъ видѣлъ. «Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», ч. 3-я, стр. 47—49.

Михаила Ѳеодоровича, взимали пятину, или пятую деньгу по всему государству; при Алексѣѣ Михайловичѣ брали въ началѣ войны двадцатую, а потомъ десятую деньгу; наконецъ также стали брать пятую.

Изъ постоянныхъ доходовъ казны, иностранцы XVII в., въ дополненіе къ извѣстіямъ XVI в., указываютъ между прочимъ слѣдующія статьи:

1) Торговыя пошлины съ Архангельска и Астрахани. По словамъ Олеарія, въ иные годы съ одного Архангельска получалось торговой пошлины больше 300.000 рублей. Когда уничтожены были привилегіи иностранныхъ купцовъ, эти пошлины должны были еще увеличиться: Карлиль въ рѣчи, произнесенной предъ царемъ, говорилъ, что съ того времени англійскіе купцы платили въ казну пошлины ежегодно по 6.000 рублей. Торговыя пошлины съ Астрахани не были такъ значительны какъ съ Архангельска: по Олеарію, казна получала съ нея больше 12,000 рублей ежегодно [202]).

2) Доходы отъ питейной продажи. Иностранцы представляли себѣ эти доходы въ огромныхъ, даже невѣроятныхъ размѣрахъ. Кабацкое дѣло въ XVII в. едва ли не было самою выгодною монополіей казны. Во время Олеарія съ трехъ кружечныхъ дворовъ въ Новгородѣ казна получала больше 6.000 ежегоднаго дохода [203]); если вѣрить Коллинсу, были дворы, приносившіе еще больше, по 10—20 тысячъ рубл. ежегодно. Олеарій говоритъ, что въ Московскомъ государствѣ было больше 1.000 кружечныхъ дворовъ, въ которыхъ продажа пива, меда и водки была исключительнымъ правомъ казны; но это показаніе нельзя при-

---

[202]) Корбу, кажется, преувеличили количество пошлиннаго сбора съ обоихъ этихъ городовъ; въ его время, какъ сказывали ему, астраханскій и архангельскій порты доставляли казнѣ до 10 милліоновъ имперіаловъ или рублей. Стр. 184.

[203]) Штраусъ нѣсколько уменьшаетъ эту сумму, говоря, что каждый изъ трехъ новгородскихъ дворовъ приносилъ казнѣ ежегодно по 10.000 ливровъ дохода.

нять и за приблизительное. Въ каждомъ небольшомъ городкѣ непремѣнно было по одному кружечному двору, въ нѣкоторыхъ по два, въ большихъ по нѣскольку. Такіе же дворы ставились и въ селахъ, даже отдѣльно, на дорогахъ: Олеарій, плывя по Окѣ, видѣлъ нѣсколько такихъ уединенныхъ дворовъ. Потому Штраусъ имѣлъ нѣкоторое основаніе сказать, что кабаковъ въ Московіи безконечное множество. Въ послѣдніе годы XVII в. казна получала отъ питейной продажи больше 200.000 рублей ежегодно.

3) Доходы отъ продажи соболей и другихъ мѣховъ, поступавшихъ въ казну въ видѣ подати и другими путями, преимущественно изъ Сибири («Сибирская казна»). Добываніе мѣховъ въ Сибири въ пользу казны производилось ссыльными преступниками и солдатами, которые посылались туда полками обыкновенно на 7 лѣтъ. И тѣ, и другіе должны были добыть въ каждую недѣлю извѣстное урочное количество мѣховъ [204]).

4) Особенный доходъ получался отъ пошлины на икру, которой много шло за границу. При Корбѣ одинъ голландскій купецъ ежегодно платилъ въ казну за право вывоза икры 80.000 рублей.

5) Доходъ отъ желѣзныхъ рудниковъ, который по показанію Невиля, въ концѣ XVII в. простирался до 50.000 рублей.

6) Казна сама была главнымъ купцомъ въ Московскомъ государствѣ; кромѣ продажи произведеній, поступавшихъ въ нее государственнымъ порядкомъ, она совершала и другіе выгодные обороты, скупая и перепродавая внутренніе и привозные товары. Коллинсъ говоритъ, что казна оптомъ скупала всѣ товары, которые привозили Греки и Персіяне, и перепродавала съ большими барышами. Она посылала

---

[204]) Котошихинъ, гл. 7: «а сколько числомъ тоѣ (сибирской) казны придетъ въ году, того описати не въ память, а чаять тое казны приходу въ годъ болши шти сотъ тысечь рублевъ». Продажа самыхъ добрыхъ соболей, цѣной свыше 20 рубл. пара, принадлежала одной казнѣ.

также въ Архангельскъ огромное количество мѣховъ, масла, пеньки, льна, обмѣнивая ихъ тамъ на шелковыя ткани, бархатъ, парчу, сукно и другіе заграничные товары [205]). На московскихъ рынкахъ продавалось мясо, орѣхи, яблоки и холсты, принадлежавшіе казнѣ; продававшіе торговцы и торговки громко зазывали къ себѣ покупателей, крича, что это царскіе товары. Одною изъ выгоднѣйшихъ статей доходовъ казны были также монетныя операціи. За неимѣніемъ своего серебра казна чеканила серебряную монету изъ привознаго металла; преимущественно употреблялись на это нѣмецкіе и голландскіе рейхсталеры, называвшіеся въ Москвѣ ефимками. Казна принимала отъ иноземныхъ купцовъ по 14 алтынъ или 42 коп. ефимокъ, а московской монеты чеканила изъ него на 64 коп., т.-е. получала отъ каждаго ефимка по 22 коп. прибыли.

Иностранцы имѣли вообще преувеличенное понятіе о богатствѣ московской казны, не зная въ точности ея расходовъ. Въ XVII в. государственные доходы, конечно, увеличивались, но не въ такой мѣрѣ, какъ требовали того возраставшія потребности государства. Стоитъ только сравнить показаніе Флетчера о суммѣ денежныхъ доходовъ казны съ такимъ же показаніемъ Котошихина и потомъ взять въ разсчетъ хоть только денежное жалованье войску въ XVII в., чтобы видѣть, что увеличеніе государственныхъ доходовъ не шло въ уровень съ возрастаніемъ государственныхъ нуждъ. Это заставляло правительство прибѣгать къ мѣрамъ, истиннаго смысла которыхъ трудно было не понять. Такова, наприм., была въ царствованіе Алексѣя Михайловича попытка правительства прибѣгнуть къ кредиту для восполненія недостающихъ средствъ на покрытіе военныхъ издержекъ. Правительство стало выпускать въ обращеніе мѣдныя деньги, давая имъ одинако-

---

[205]) Ср. Котошихинъ, гл. XII, ст. 1.

вую цѣнность съ серебряными [206]). Сначала операція пошла удачно; мѣдныя деньги ходили наравнѣ съ серебряными и въ продолженіе 5 лѣтъ выпущено было, по показанію Мейерберга, до 200.000 рублей мѣдной монеты. Но скоро обнаружились поддѣлки, производившіяся въ обширныхъ размѣрахъ, благодаря падкости на посулы царскаго тестя Ильи Даниловича Милославскаго и приказныхъ людей [207]). При Мейербергѣ (въ 1661 г.) въ московскихъ тюрьмахъ содержалось до 400 дѣлателей фальшивой монеты. Потомъ сама казна много повредила ходу мѣдныхъ денегъ, стараясь вытѣснить изъ обращенія и привлечь къ себѣ серебряныя деньги: подати и налоги собирались серебряною монетой, но жалованье ратнымъ людямъ и всѣ уплаты казны выдавалась мѣдною [208]). Мѣдныя деньги стали быстро падать; послѣдовала страшная дороговизна; хлѣбъ продавался въ 14 разъ дороже прежняго. Чернь начала волноваться и правительство принуждено было отказаться отъ неудачной операціи и изъять изъ обращенія мѣдную монету.

Указаніе на сумму всѣхъ доходовъ казны деньгами мы имѣемъ отъ конца предпослѣдняго десятилѣтія XVII в. Невиль говоритъ, что она не превышаетъ 7 или 8 милл. ливровъ, т.-е. была почти та же, какую показываетъ Ко-

---

[206]) Мейербергъ такъ опредѣляетъ прибыль, которую получала казна отъ этой операціи: «ayant dépensé cent soixante copies pour acheter du cuivre, il (царь) en fit à son profit cent rubles dans ses monnoies, de sorte qu' avec la même depense dont il payait auparavant un soldat, il en payoit soixante». Mayerberg, II, 128.

[207]) Мейербергъ говоритъ, что Милославскій даже самъ участвовалъ въ поддѣлкѣ монеты и выпустилъ ея на сумму 120.000 рубл. Ibid. p. 130.

[208]) Мейербергъ прямо указываетъ на это, какъ на одну изъ причинъ упадка мѣдной монеты: «il (народъ) remarqua qu'elle (дворъ) faisait peu d'état de sa monnoie et il commensa de même d'en faire peu d'estime». Котошихинъ также указываетъ на то, что «въ государствѣ серебряными деньгами учала быть скудость».

тошихинъ; слѣдовательно, въ 25 лѣтъ, протекшихъ со времени бѣгства послѣдняго изъ Московскаго государства, до конца правленія Софьи, въ государственныхъ доходахъ не послѣдовало значительнаго приращенія. Но денежные доходы далеко не опредѣляютъ государственныхъ доходовъ того времени; казна по прежнему получала многіе сборы натурой; опредѣлить стоимость такихъ доходовъ затрудняется даже Котошихинъ, такъ близко стоявшій къ дворцовой администраціи [209]).

Таковы извѣстія иностранцевъ объ устройствѣ и управленіи Московскаго государства. Въ XV в. мы находимъ у нихъ немногія бѣглыя замѣтки: государство еще не установилось, не всѣ стороны его опредѣлились и обозначились. Писатели XVI и XVII в. наблюдали его больше, говорятъ о немъ подробнѣе, но между тѣми и другими есть замѣтная разница. Писатели XVII в. меньше поражаются особенностями, которыя представляло Московское государство западному европейцу; они какъ будто уже привыкли къ нимъ, ихъ сужденія объ этомъ государствѣ становятся все спокойнѣе и сдержаннѣе; они видятъ въ немъ не одни темныя стороны, но охотно указываютъ и на многія свѣтлыя явленія, какія удалось имъ замѣтить, не безъ удовольствія привѣтствуютъ первые начатки преобразованій. Не то у писателей XVI в.; чѣмъ больше вглядываются они въ порядки Московскаго государства, тѣмъ жестче и мрачнѣе становятся ихъ отзывы. Герберштейнъ часто будто невольно прерываетъ свой ровный разсказъ сдержанною, но полновѣсной фразой порицанія и неудовольствія. У Поссевина и Гваньини рѣзкость отзывовъ доходитъ иногда до горечи и злости. Наконецъ, Флетчеръ при каждомъ удобномъ случаѣ дѣлаетъ въ своемъ описаніи отступленія, полныя горькихъ и энергическихъ возгласовъ о деспотизмѣ,

---

[209]) Olearius, 221, 275 и 319.—Mayerberg, II, 119—121.—Carlisle, 62 и 257.—Tanner, 41.—Struys, 143.—Neuville, 9, 216 и 217.—Korb, 184—186.

произволѣ и недобросовѣстности, на которыхъ, по его мнѣнію, основанъ весь государственный порядокъ въ Московскомъ царствѣ; во всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ московскаго правительства онъ видитъ одну цѣль—угнетеніе и разореніе народа, къ которому онъ прилагаетъ всевозможные жалкіе эпитеты. Это постепенное усиленіе рѣзкости и порицанія въ отзывахъ иностранцевъ XVI в., наиболѣе знакомыхъ съ описываемой страной, недостаточно объяснять только тѣмъ, что, ближе всматриваясь въ положеніе Московскаго государства, они яснѣе видѣли и темныя стороны, или тѣмъ, что съ развитіемъ самаго государства и темныя стороны усиливались и выказывались яснѣе. Темныхъ сторонъ, язвъ, которыми страдало государство, было много, и онѣ понятны; понятны и тѣ явленія, которыя такъ непріятно поражали иностранцевъ XVI в. при московскомъ дворѣ въ эпоху борьбы самодержавія съ дружинными преданіями: въ борьбѣ за жизнь не разбираютъ средствъ и мало думаютъ о приличіи манеръ. Понятно и неодобреніе, которое вызывали эти темныя стороны въ людяхъ съ лучшими понятіями, привыкшихъ къ лучшимъ порядкамъ. Но эти люди видѣли въ Московскомъ государствѣ болѣе, нежели только темныя стороны, исторически образовавшіяся: Поссевинъ и Флетчеръ видятъ во всѣхъ сторонахъ государственнаго устройства Московіи какую-то широкую, строго разсчитанную систему политическаго коварства, соединеннаго съ произволомъ и насиліемъ. Московскіе государи, конечно, не были похожи на прежнихъ князей—вождей дружинъ, жившихъ день за день, какъ Богъ укажетъ; они рано привыкли заботливо думать о завтрашнемъ днѣ; но видѣть въ созданномъ ими государствѣ то, что видѣли іезуитъ или англійскій докторъ гражданскаго права, значитъ видѣть въ немъ слишкомъ много. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣло было гораздо проще. Но, чтобы уяснить себѣ, какъ могъ составиться такой взглядъ, надобно имѣть въ виду тѣ впечатлѣнія, которыя образованный европеецъ прежде всего выносилъ изъ внимательнаго наблюденія надъ

ходомъ дѣлъ въ Московскомъ государствѣ XVI в. Если бы онъ нашелъ страну въ первобытной дикости, то отнесся бы къ ней съ любопытствомъ,—и только. О степныхъ татарахъ иностранцы не отзываются съ такой горечью, какъ о Московіи, потому что съ нихъ нечего было и взыскивать, у нихъ не замѣчалось и явленій, которыя могли бы особенно сильно затронуть образованнаго европейца и вызвать въ немъ что-нибудь болѣе простого любопытства. Татары прямо говорили, что ихъ родина—степь, и дивились, какъ можно жить постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ душныхъ городскихъ стѣнахъ. Но въ Московскомъ государствѣ XVI в. иностранцы замѣчали широкія претензіи стать наравнѣ съ другими, даже выше многихъ другихъ, замѣчали желаніе вписаться въ число потомковъ Августа и пристать къ семьѣ христіанско-европейскихъ государствъ, при первомъ случаѣ завязать съ ними сношенія, создать общіе интересы,—и при этомъ встрѣчали азіатскую подозрительность къ пришельцамъ изъ христіанской Европы, пренебреженіе, съ которымъ московскій государь отзывался о западныхъ государяхъ, слышали, что этотъ государь моетъ руки послѣ пріема западно-европейскихъ христіанскихъ пословъ. Одни явленія не позволяли имъ отнестись къ Московскому государству, какъ къ первобытной странѣ, а другія отнимали у нихъ желаніе судить о немъ снисходительно, какъ о государствѣ не окрѣпшемъ и не устроившемся окончательно,—и они, не задумываясь долго надъ исторіей, сочли себя въ правѣ приложить къ нему мѣрку своихъ государствъ, предъ которой Московія, разумѣется, оказалась далеко несостоятельной. Допустивъ одну неправильность, они допустили и другую: недостатки неразвитого, молодого государства объясняли причинами, которыя дѣйствуютъ въ государствахъ изжившихся и дряхлѣющихъ. Эта неправильная точка зрѣнія не позволяла имъ видѣть именно ту сторону государства, которая могла дать болѣе простое и естественное объясненіе многихъ явленій, такъ непріятно поражавшихъ въ немъ наблюдательнаго европейца.

VII.

Видъ страны и ея климатъ.

Перейдемъ теперь къ изложенію сообщаемыхъ иностранцами извѣстій о матеріальномъ состояніи страны и ея жителей, о качествѣ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ государство черпало средства для удовлетворенія своихъ съ каждымъ днемъ умножавшихся потребностей. Экономическая жизнь Московскаго государства занимаетъ въ извѣстіяхъ иностранцевъ гораздо меньше мѣста сравнительно съ другими его сторонами, но зато къ извѣстіямъ этого рода мы въ правѣ относиться съ большимъ довѣріемъ, нежели ко всякимъ другимъ извѣстіямъ иностранца. Факты внѣшней матеріальной жизни доступнѣе точному наблюденію; обсужденіе ихъ оставляетъ меньше простора личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ, сильно сдерживаетъ привычку мѣрять явленія чужой жизни своими домашними понятіями. Московія, по описанію иностранцевъ, представляла видъ совершенной равнины, покрытой обширными лѣсами и пересѣкаемой по всѣмъ направленіямъ большими рѣками, обильными рыбой; можно сказать, что вся Московія не что иное, какъ сплошной лѣсъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ его выжгли для обращенія въ поле, годное къ обработкѣ. Поверхность этой равнины рѣдко подымается значительными возвышеніями; часто на обширномъ пространствѣ не встрѣтишь ни одного значительнаго холма. Страна эта имѣетъ огромное протяженіе въ длину и ширину. Съ юга и частію съ востока она окружена неизмѣримыми пустынями, безлѣсными и скудными водою степями, а съ запада и сѣвера обширными дикими лѣсами или болотистыми мѣстностями.

Благодаря этому, трудно проникнуть въ нее или выйти изъ нея окольными путями, и каждый долженъ держаться большихъ дорогъ, чтобы не зайти въ непроходимыя лѣсистыя или болотистыя мѣста. Крымскіе Татары не даромъ

называли лѣса для Московскаго государства «великими крѣпостями». Лѣса богаты пушными звѣрями, невѣроятно высокими соснами, превосходнымъ дубомъ и кленомъ. Московія казалась западнымъ европейцамъ другою частію свѣта, по выраженію Кампензе, не по одному отдаленному своему положенію на границахъ Азіи и Европы, не по одному своему дикому, пустынному виду, но и по многимъ особенностямъ своей природы, своего климата, отличавшагося рѣзкими противоположностями въ явленіяхъ зимы и лѣта. Западные путешественники съ удивленіемъ разсказываютъ о чудесахъ, которые творитъ тамъ морозъ: отъ его суровости земля трескается, образуя широкія разсѣлины, деревья раскалываются сверху до корня; часто лошади привозятъ сани съ замерзшими сѣдоками; хищные звѣри, гонимые голодомъ и стужей, выбѣгая изъ лѣсовъ и нападая на селенія, врываются въ дома жителей, которые отъ страха разбѣгаются и мерзнутъ подлѣ своихъ жилищъ. Зима смѣняется совершенно другими явленіями. Большія рѣки, пересѣкающія Московію, поднимаясь отъ тающихъ весною снѣговъ, во многихъ мѣстахъ превращаютъ поля въ болота, а дороги покрываютъ стоячею водою и глубокою грязью, иногда непросыхающею до тѣхъ поръ, пока рѣки опять не покроются льдомъ и болота не окрѣпнутъ отъ мороза настолько, чтобы по нимъ можно было безопасно ходить. Благодаря множеству лѣсовъ, рѣкъ и озеръ, обилію растеній, страна бываетъ чрезвычайно пріятна и прекрасна весной и въ началѣ лѣта; но неумѣренные лѣтніе жары, подобно зимнимъ холодамъ, дѣлаютъ невыносимымъ путешествіе по странѣ, и сопровождаются печальными явленіями: подъ вліяніемъ знойнаго солнца, отъ громадныхъ лѣсовъ и безчисленныхъ стоячихъ водъ зарождается такое множество комаровъ и другихъ насѣкомыхъ, что съ трудомъ можно защититься отъ нихъ. Рѣки и источники во многихъ мѣстахъ высыхаютъ, трава и хлѣбъ выгораютъ на лугахъ и поляхъ, отъ чего происходитъ страшная дороговизна жизненныхъ

припасовъ [210]). Такіе жары сильно способствовали пожарамъ, и Герберштейнъ видѣлъ, какъ горѣли деревни, лѣса и поля, покрытыя созрѣвшимъ хлѣбомъ, весь округъ наполнялся мракомъ и дымомъ, страшно разъѣдавшимъ глаза.

Въ первой четверти XVI в. встрѣчаемъ краткія указанія на то, что глухія лѣсныя пространства начали уступать усиліямъ осѣдлаго населенія, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ можно предполагать большое развитіе промышленной дѣятельности и большую степень населенности. Іовію разсказывали, что лѣса, наполняющіе большую часть Московіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже расчищены и заселены, и теперь не представляютъ такихъ страшныхъ и непроходимыхъ дебрей, какъ прежде. Герберштейнъ также видѣлъ въ Московской области множество пней большихъ деревьевъ и заключаетъ изъ этого, что недавно страна была еще лѣсистѣе [211]). Воздухъ вообще, особенно въ центральныхъ областяхъ, хорошъ и здоровъ, такъ что тамъ мало слышно о заразительныхъ болѣзняхъ, которыя происходили бы собственно отъ климата. Оттого, когда въ 1654 г. въ Смоленскѣ появилась моровая язва, всѣ были изумлены, тѣмъ болѣе, что никто не помнилъ ничего подобнаго [212]).

Иногда, впрочемъ, сильно свирѣпствуетъ и здѣсь болѣзнь, похожая на язву, отъ которой страдаютъ внутрен-

---

[210]) Герберштейнъ разсказываетъ, что въ 1525 г. вслѣдствіе засухи хлѣбъ такъ вздорожалъ, что мѣру, стоившую 3 деньги, продавали по 20 и по 30 денегъ (стр. 45).

[211]) G. de Lannoy, 21.—Барбаро, 62.—Контарини, 102, 117.—Кампензе, 27—31.—Іовій, 23.—Herberstein, 45.—Olearius, 18, 121.

[212]) По словамъ Коллинса, эта язва истребила въ 1655 г. около 800.000 человѣкъ. Петрей замѣчаетъ, что моровая язва чаще появлялась на границахъ Московскаго государства, нежели во внутреннихъ областяхъ.—Коллинсъ, 177.—Petrejus, 317.

ности и голова; Москвитяне называютъ ее «огнива»; заболѣвающіе этой болѣзнью скоро умираютъ, немногіе выздоравливаютъ [213]).

Пни, видѣнные иностранцами, были остатками вырубленнаго или выжженнаго лѣса: такъ мирный трудъ постепенно завоевывалъ себѣ почву.

VIII.

Почва и произведенія.

Большая часть земель, которыми въ XV и XVI вв. владѣлъ трудъ осѣдлаго московскаго народонаселенія, далеко не принадлежала къ самымъ плодороднымъ мѣстностямъ восточной Европейской равнины. Эти самыя плодородныя мѣстности и въ XVI в., какъ въ X, были притономъ кочевниковъ, и хотя во второй половинѣ XVI в. длинная полоса ихъ по Волгѣ вошла въ составъ Московскаго государства, но большей частію была еще недоступна мирному осѣдлому труду, и эти степи лежали впустѣ, продолжая быть спорною землей между Европой и Азіей. Только по нѣкоторымъ угламъ этихъ степей земля обработывалась и являлась во всей силѣ своего плодородія. Въ мѣстахъ по нижнему теченію Дона, гдѣ въ XV в. Татары, не переставая кочевать, занимались немного и земледѣліемъ, даже и при ихъ небрежномъ способѣ обработки, пшеница очень крупная зерномъ, по свидѣтельству очевидца, родилась самъ 50-тъ, а просо самъ 100, и иногда жатва была такъ обильна, что кочевники не знали, куда дѣвать хлѣбъ, и часть его по необходимости оставляли на мѣстѣ [214]). Но хотя почва Московскаго государства далеко не могла равняться въ плодородіи съ почвою этихъ степныхъ пространствъ, однако же она большею частію вознаграждала

[213]) Герберштейнъ называетъ эту болѣзнь Calor, Гваньини переводитъ словами «ognyowa febris». Ср. Petrejus, 317.

[214]) Барбаро, 37.

трудъ земледѣльца, и, истощаясь въ однихъ мѣстахъ, представляла въ другихъ нетронутыя нивы, обѣщавшія, по крайней мѣрѣ въ первые годы по выходѣ изъ подъ лѣса, богатую жатву. Мейербергъ рѣшается сказать, что едва ли есть въ мірѣ страна, которой Московія могла бы позавидовать какъ въ доброкачественности воздуха, такъ и въ плодородіи полей. О почвѣ Московскаго государства, замѣчаетъ Олеарій, можно сказать вообще, что она производитъ больше хлѣба и корма для скота, чѣмъ сколько потребляетъ страна. Голландцы не даромъ признавались, что Московія для нихъ то же, чѣмъ была Сицилія для Рима. О дороговизнѣ тамъ рѣдко слышно. Притомъ въ краяхъ, отдаленныхъ отъ судоходныхъ рѣкъ, откуда слѣдовательно трудно возить хлѣбъ на продажу, жители обработываютъ землю только въ такихъ размѣрахъ, чтобы можно было просуществовать впродолженіе года, не заботясь объ излишкѣ и запасѣ, ибо они знаютъ, что земля всегда дастъ имъ необходимое. Оттого тамъ много прекрасныхъ, но нетронутыхъ или запущенныхъ земель, на которыхъ растетъ одна трава, да и ту не стараются косить, потому что скотъ и безъ того имѣетъ достаточно корма. Описаніе Герберштейна даетъ намъ возможность сравнить качество почвы и зависѣвшее отъ этого развитіе земледѣлія въ разныхъ краяхъ Московскаго государства. По его словамъ, почва собственно Московской области не отличается особеннымъ плодородіемъ, потому что почти вездѣ песчанистая и убиваетъ жатву при малѣйшемъ излишкѣ влажности или сухости. Хлѣбъ и обыкновенныя овощи Московская область производитъ въ достаточномъ количествѣ, но ей не достаетъ хорошихъ садовыхъ плодовъ. Почва Владимірской и Нижегородской области гораздо плодороднѣе: одна мѣра пшеницы на ней даетъ иногда 20, даже 30 мѣръ; но въ этихъ областяхъ тянутся обширные лѣса. Юго-восточная часть Владимірской области по р. Клязьмѣ отличается особеннымъ плодородіемъ, въ противоположность менѣе плодородной и населенной сѣверо-западной части. Эти

области занимаютъ по плодородію и обилію произведеній второе мѣсто послѣ Рязанской области, которая считается самою плодородною изъ всѣхъ областей Московскаго государства; по разсказамъ, каждое зерно даетъ тамъ по два колоса и больше, отчего нивы лѣтомъ такъ густы, что съ трудомъ пройдетъ лошадь и перепела не могутъ вылетѣть изъ чащи колосьевъ.

Такимъ же плодородіемъ отличаются поля, лежащія по теченію Оки. Въ сѣверной странѣ почва, гдѣ обработывается, даетъ хорошій урожай, но такихъ мѣстъ немного; тамъ и сямъ попадаются обширныя пустыни; особенно много лѣсовъ; вокругъ Брянска тянется огромный лѣсъ, имѣющій 24 мили въ ширину; страна подвержена постояннымъ набѣгамъ Татаръ.

Вокругъ Смоленска лежатъ плодородныя возвышенія, но область большею частію покрыта лѣсами. По ту сторону верхней Волги, въ Новгородской, Вологодской и частію Тверской области почва неплодородна; это страны обильныя водой, во многихъ мѣстахъ болотистыя, скудныя хлѣбомъ, и этимъ онѣ рѣзко отличаются отъ странъ по сю сторону Волги, болѣе сухихъ и почти вездѣ имѣющихъ плодородную почву. Ѣхавшій изъ Новгорода въ Москву рѣзко чувствовалъ это различіе двухъ областей въ образованіи поверхности и въ качествѣ почвы: начиная со средины разстоянія между Вышнимъ-Волочкомъ и Торжкомъ, съ того пункта, гдѣ проходила граница прежнихъ Новгородскихъ владѣній и Московской области, по направленію къ Волгѣ, земля становилась замѣтно ровнѣе, плодороднѣе, воздѣлывалась тщательнѣе и повсюду представляла больше хлѣбныхъ полей. Въ Ростовской и Ярославской области почва еще довольно плодородна, особенно въ мѣстахъ прилежащихъ къ Волгѣ; но далѣе на сѣверъ, въ областяхъ Бѣлозерской, Вологодской и Устюжской лежатъ обширныя, неплодородныя и невоздѣланныя пространства. наполненныя лѣсами, рѣками и частыми болотами. Это страны пушного, рыбнаго и соляного промысла; земле-

дѣліе находится здѣсь въ самомъ жалкомъ состояніи, въ большей части мѣстъ здѣсь не знаютъ хлѣба или очень рѣдко употребляютъ его. Тѣми же самыми чертами отличается почва и на сѣверо-востокъ отъ средняго теченія Волги, въ областяхъ Вятской, Пермской и т. д. Государство присоединяло ихъ къ своимъ владѣніямъ безъ особеннаго труда, но трудно завладѣвало ими мирное населеніе государства; въ XVI в. здѣсь среди лѣсовъ и болотъ много еще бродило хищныхъ кочевниковъ. Герберштейнъ прямо говоритъ, что эти страны пустынны отъ сосѣдства съ Татарами. О Вятской и Пермской области извѣстія и XVI, и XVII в в. говорятъ, что земледѣліе здѣсь не распространено, что туземцы живутъ охотой и рыболовствомъ, не заботясь о хлѣбѣ. Но замѣчательно извѣстіе о горныхъ Черемисахъ и Мордвѣ, жившихъ на правомъ берегу средняго теченія Волги: это также грубые люди, платящіе дань мѣхами; но они народцы осѣдлые, непохожіе на своихъ заволжскихъ сосѣдей, не имѣющіе такой наклонности къ разбойничеству, какъ послѣдніе и заботливо занимающіеся земледѣліемъ. Такимъ образомъ, мы можемъ принять верхнее и среднее теченіе Волги за черту, далѣе которой къ сѣверу и востоку въ XVI в. замѣтно падали успѣхи земледѣлія и культуры [215]). Иностранныя извѣстія не даютъ намъ указаній на успѣхъ, съ какимъ распространялось земледѣліе на сѣверъ и востокъ отъ Волги въ XVII в. сравнительно съ прежнимъ временемъ. Съ конца XVII в. вмѣстѣ съ русскимъ населеніемъ земледѣліе стало распространяться и по ту сторону Камня, но есть ясныя указанія, что и во второй половинѣ XVII в. земледѣльческій промыселъ находился въ Сибири, какъ и въ Перми съ Вяткой, исключительно въ рукахъ русскихъ поселенцевъ, что туземцы рѣчной области Тобола продолжали по-прежнему обходиться безъ хлѣба, питаясь охотой и рыболов-

---

[215]) Herberstein, 44—63.—Ulfeld, 26.—Mayerberg, II, 42, 60, 79.—Olearius, 118.

ствомъ. По описанію Флетчера, плодородныя мѣста лежали между Вологдой и Москвою и далѣе на югъ, до крымской границы, между Рязанью и Новгородомъ, между Москвою и Смоленскомъ[216]).

Извѣстія о земледѣльческомъ хозяйствѣ, впрочемъ немногія, указываютъ, что въ немъ сохранялись еще простые, можно сказать, первобытные пріемы. Пахали деревянными орудіями безъ желѣзныхъ сошниковъ; дальнѣйшее разрыхленіе производилось сучковатыми вѣтвями, кой-какъ сколоченными между собою; эту нехитрую борону лошадь возила по полю, разбивала комы вспаханной земли. При такой простотѣ обработки нельзя отказать въ долѣ правды извѣстію Маржерета, что мальчикъ 12 или 15 лѣтъ могъ съ одною лошадью обработать въ день одну или двѣ десятины. Сжатый хлѣбъ располагали кучами или складывали въ видѣ шалашей съ уступами на подобіе ступенекъ, чтобы вѣтеръ свободнѣе могъ проникать въ снопы и просушивать ихъ. Предъ молотьбой хлѣбъ просушивали въ натопленныхъ шалашахъ (овинахъ); такую просушку считали выгодной въ томъ отношеніи, что отвердѣвшія въ дыму и теплѣ зерна могли долго лежать, не подвергаясь порчѣ. Для молотьбы крестьяне выравнивали передъ овиномъ землю (токъ), въ зимнее время поливали ее водой, и когда такимъ образомъ токъ покрывался льдомъ, на немъ раскладывали снопы и молотили.

Мельницъ водяныхъ и вѣтряныхъ было немного; въ большомъ употребленіи были домашнія ручныя мельницы, состоявшія изъ двухъ круглыхъ жернововъ, посредствомъ которыхъ каждое крестьянское семейство мололо себѣ столько муки, сколько ему нужно. Озимымъ хлѣбомъ была только рожь; остальные хлѣба сѣялись весной. Рожь сѣяли въ началѣ или половинѣ августа, пшеницу и овесъ, смотря по продолжительности зимы, въ апрѣлѣ или маѣ, ячмень въ концѣ мая. Въ сѣверныхъ частяхъ Россіи сѣяли

---

216) Флетчеръ, гл. 2-я.

только за три недѣли до Иванова дня и меньше, чѣмъ чрезъ два мѣсяца хлѣбъ уже поспѣвалъ, благодаря солнечному жару, такъ что въ 9 недѣль успѣвали посѣять, сжать и свозить хлѣбъ на гумна. Если въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ торговыхъ путей, оставалось безъ употребленія много хорошей земли, удобной для обработки, то, разумѣется, не могли много хлопотать объ удобреніи почвы. Маржеретъ, впрочемъ, слышалъ, что кой-гдѣ это удобреніе существовало, разумѣя при этомъ, безъ сомнѣнія, центральныя мѣстности государства, гдѣ при большей густотѣ населенія и сравнительно меньшемъ плодородіи земли съ ней не могли обращаться такъ небрежно, какъ по юго-восточнымъ окраинамъ. Коллинсъ замѣчаетъ даже, что въ его время лучшія земли мало приносили дохода, потому что имъ не давали отдыхать, а другія земли отъ недостатка въ людяхъ оставались необработанными [217]).

Главное произведеніе такой преимущественно земледѣльческой страны, какою было Московское государство, составлялъ, разумѣется, хлѣбъ. Въ Московіи, говоритъ Іовій, нѣтъ ни винограда, ни другихъ нѣжныхъ растеній, но поля покрыты пшеницей, просомъ и другими хлѣбными растеніями, а также всякаго рода зеленью [218]). Главныя изъ этихъ растеній суть: пшеница, рожь, ячмень, овесъ, горохъ, греча, просо. Они произрастаютъ даже въ изобиліи, и потому очень дешевы; четверть пшеницы, по свидѣтельству Флетчера, продавалась иногда по два алтына.

Съ земледѣліемъ тѣсно связывалось скотоводство; оно доставляло важные продукты для заграничной торговли— кожи и сало; оно особенно развито было, по свидѣтельству Флетчера, въ областяхъ Смоленской, Ярославской, Углицкой, Вологодской, Городецкой. Важное мѣсто занимали продукты, которые доставляли лѣсъ и воды. Герберштейнъ

---

[217]) P. a Buchau, 249, 310.—Маржеретъ, 13, 75.—Olearius, 118.—Carlisle, 31.—Коллинсъ, 178.

[218]) Іовій 39,

во всѣхъ почти областяхъ Московскаго государства указываетъ па добываніе мѣховъ, меда, воска и рыбы; жители почти всѣхъ центральныхъ областей, послѣ земледѣлія, болѣе всего промышляли этими предмстами, а въ сѣверныхъ областяхъ, гдѣ земледѣліе было менѣе развито, мѣховой и рыбный промыселъ являлись па первомъ планѣ; къ этому еще присоединялось добываніе соли. Потому здѣсь чувствовался сильный недостатокъ въ хлѣбѣ. Пермяки, по свидѣтельству Флетчера, иногда пекли себѣ хлѣбъ изъ корня и коры сосноваго дерева. По словамъ Іовія, природа за недостатокъ драгоцѣнныхъ металловъ щедро вознаградила Московію рѣдкими мѣхами, высоко цѣнившимися за границей. Лѣса областей, ближайшихъ къ центру государства,—Владимірской, Смоленской, Сѣверской и въ мѣстностяхъ по Окѣ, отличались обиліемъ горностаевъ, бѣлокъ и куницъ.

Чѣмъ далѣе къ сѣверу и сѣверо-востоку, тѣмъ болѣе увеличивалось пушное богатство. По свидѣтельству Флетчера, лучшіе собольи мѣха добывались въ областяхъ Печорской, Югорской и Обдорской; низшихъ сортовъ—въ Сибири, Перми и проч. Мѣха черныхъ и красныхъ лисицъ добывались въ Сибири, а бѣлыхъ и бурыхъ въ Печорской и Двинской области; лучшіе мѣха россомахи на Печорѣ и въ Перми, а лучшіе куньи въ Сибири, Муромѣ, Перми и Казани; лучшіе бѣличьи, рысьи и горностаевые шли изъ Галича и Углича, также въ большомъ количествѣ изъ областей Новгородской и Пермской. Лучшіе бобры водились на Мурманскомъ прибрежьѣ, близъ Колы. По свидѣтельству Герберштейна, въ приморскихъ краяхъ Двинской области добывали и отвозили въ Москву много мѣховъ бѣлыхъ медвѣдей. Сибирь, вошедши въ составъ Московскаго государства, заняла почетное мѣсто въ его мѣховой промышленности. Мѣха, особенно куньи, которыхъ, если вѣрить Коллинсу, ниоткуда кромѣ Сибири не вывозили въ его время, были главнымъ предметомъ торговли сибирскихъ жителей. Они ѣздили на охоту толпами, недѣль на 6 или на 7, отправ-

ляясь на саняхъ, запряженныхъ въ 30 или 40 собакъ [219]). Кромѣ туземцевъ, въ XVI в. звѣриный промыселъ былъ обязанностью ссылавшихся въ Сибирь преступниковъ. Лѣсъ доставлялъ и строевой матеріалъ,—необыкновенно высокія сосны, превосходный дубъ и кленъ. Но самыми главными послѣ мѣховъ произведеніями Московской земли, которыя доставлялъ лѣсъ, были медъ и воскъ. По словамъ Іовія и Кампензе, вся страна изобиловала плодовитыми пчелами, которыя клали отличный медъ не въ искусственныхъ крестьянскихъ ульяхъ, а въ дуплахъ деревьевъ, безъ всякаго присмотра. Въ дремучихъ лѣсахъ и рощахъ, говоритъ Іовій, вѣтви часто бываютъ усѣяны роями пчелъ, и часто можно видѣть, какъ они сражаются между собою и далеко преслѣдуютъ другъ друга. Поселяне, которые держатъ домашнихъ пчелъ и передаютъ ихъ по наслѣдству изъ рода въ родъ, съ трудомъ могутъ защищать ихъ отъ нападеній дикихъ пчелъ. Въ древесныхъ дуплахъ часто находятъ большіе соты стараго меда, оставленнаго пчелами; иногда встрѣчаются очень толстые пни, наполненные медомъ. Русскій посолъ разсказывалъ Іовію, какъ одинъ крестьянинъ, опустившись въ дупло огромнаго дерева, увязъ въ меду по самое горло; тщетно ожидая помощи въ глухомъ лѣсу, онъ два дня питался однимъ медомъ и выведенъ былъ изъ этого затруднительнаго положенія медвѣдемъ, который опустился задними лапами въ то же дупло: поселянинъ схватилъ его руками за хвостъ и закричалъ такъ громко, что испуганный медвѣдь быстро выскочилъ изъ дупла и вытащилъ вмѣстѣ съ собою крестьянина [220]). Медъ въ значительномъ количествѣ шелъ изъ Мордвы и Кадома, близъ земли Черемисъ, также изъ областей Сѣверской, Рязанской, Муромской, Казанской и Смоленской [221]). Рѣки Московіи, говорятъ иностранцы, наполнены рыбой; слѣдовательно, раз-

---

[219]) Коллинсъ, 575.

[220]) Кампензе, 31.—Іовій, 39 и слѣд.

[221]) Флетчеръ, гл. 3-я.

витіе рыболовства, въ извѣстной степени, можно предполагать во всѣхъ областяхъ Московскаго государства. Но рыболовство вмѣстѣ съ звѣроловствомъ усиливалось въ томъ же направленіи, въ которомъ уменьшалось земледѣліе, т.-е. къ сѣверу и сѣверо-востоку.

Нѣкоторыя рѣки извѣстны были особеннымъ обиліемъ и достоинствомъ своей рыбы. Первое мѣсто между рѣками относительно обилія рыбы занимала Волга. По качеству наиболѣе цѣнилась въ торговлѣ окская рыба, особенно пойманная около Мурома, также рыба изъ Шексны; эта рѣка отличается тою особенностью, что заходящая сюда изъ Волги рыба дѣлается тѣмъ лучше, чѣмъ долѣе остается здѣсь; потому опытные рыбаки, поймавъ рыбу въ Волгѣ, сейчасъ узнаютъ, была ли она и долго ли была въ Шекснѣ. Города, замѣчательные по рыбному промыслу, были: Ярославль, Нижній, Астрахань, Казань, Бѣлоозеро [222]). Около Астрахани рыболовство производилось въ большихъ размѣрахъ. Вверхъ и внизъ отъ нея по Волгѣ добывалось множество карповъ, стерлядей и бѣлугъ. Штраусъ описываетъ способъ ловли послѣднихъ: въ рѣкѣ вбиваютъ ряды кольевъ въ видѣ треугольниковъ, оставляя небольшіе входы; попавъ сюда, бѣлуга не можетъ выйти, даже повернуться въ узкомъ пространствѣ. Тогда рыбаки бьютъ ее дротиками и вынимаютъ изъ нея икру; самую бѣлугу солятъ и отправляютъ въ Москву, гдѣ ее покупаетъ простой народъ. Икру, добывавшуюся изъ бѣлуги и осетра, клали въ огромные мѣшки съ солью и, продержавъ тамъ нѣсколько времени, сжимали ее и набивали въ боченки. Астраханская икра славилась въ Европѣ; особенно много вывозили ее въ Италію [223]).

Солевареніе преимущественно развито было въ сѣверныхъ областяхъ,—Новгородской, Двинской и проч.; лучшая соль, и въ большомъ количествѣ, добывалась въ старой

---

[222]) Herberstein, 44—65. Флетчеръ, гл. 3-я.
[223]) Struys, 53.

Русѣ, гдѣ было много солеваренъ. Герберштейнъ оставилъ краткое извѣстіе о способѣ добыванія здѣсь соли: запрудивъ соляную рѣчку въ большой ямѣ, промышленники проводили воду каналами, каждый къ своей солеварнѣ, и здѣсь выварывали соль. Соль также добывалась въ Перми, Тотьмѣ, на Вычегдѣ, по берегу Бѣлаго моря, на Соловкахъ. Въ двухъ миляхъ отъ Нижняго также было много солеваренъ, представлявшихъ видъ цѣлаго городка; за нѣсколько лѣтъ до Герберштейна онѣ были сожжены Татарами, но при немъ возстановлены по указу государя [224]). Ниже Казани извѣстна была по добыванію соли Соляная гора, на правомъ берегу Волги, недалеко отъ впаденія въ нее р. Усы. При подошвѣ горы построено было нѣсколько хижинъ, въ которыхъ жили промышленники; они извлекали соль изъ горы; вываривали ее, потомъ выставляли на солнце и по Волгѣ отправляли въ Москву [225]). Страна по нижнему теченію Волги занимала одно изъ первыхъ мѣстъ въ московской промышленности по богатству соли. Въ степяхъ на западъ отъ Астрахани было много озеръ, доставлявшихъ превосходную соль. Извѣстнѣйшія изъ нихъ были Mozakowski—въ 10 верстахъ, Kainkowa—въ 15 и Gwostoffski—въ 30 верстахъ отъ Астрахани. Озера эти имѣютъ соляныя жилы, изъ которыхъ соль выплываетъ на поверхность воды, слоями, на подобіе льдинъ, толщиною въ палецъ, и отъ солнечнаго жара дѣлается чистою, какъ кристаллъ. Всякій могъ добывать ее, платя въ казну по полукопѣйки съ пуда [226]) Эта соль имѣетъ запахъ фіалки; москвитяне добывали ее во множествѣ, свозя ее кучами на берегъ Волги и отсюда переправляя въ другія мѣста. Въ Смоленской и Двинской области въ большомъ количествѣ гнали деготь; въ Угличѣ, Ярославлѣ, Устюгѣ добывали селитру; по Волгѣ въ маломъ количествѣ добывали сѣру, но не умѣли

---

[224]) Herberstein, l. cit.

[225]) Olearius, 295.

[226]) Olearius, 316.

очищать ее. По словамъ Герберштейна, на разстояніи перелета стрѣлы отъ Бѣлоозера есть сѣрное озеро; вытекающая изъ него рѣчка много уносила сѣрной пѣны, но отъ неумѣнья жителей эта сѣра пропадала безъ пользы. Герберштейнъ указываетъ на добываніе желѣза въ Серпуховѣ, а при Флетчерѣ много добывали его въ Кореліи, Каргополѣ и Устюгѣ. Изъ другихъ произведеній царства ископаемаго въ XVI вѣкѣ добывалась слюда на Сѣверной Двинѣ подлѣ Архангельска и въ Корельской области изъ мягкой скалы. Въ XVII в. рудокопное дѣло въ Россіи приняло большіе размѣры. Къ помянутымъ желѣзнымъ рудникамъ прибавились рудники, открытые, незадолго до пріѣзда Олеарія въ Москву, недалеко отъ Тулы, на границахъ Татаріи; ихъ разрабатывали мастера, высланные царю саксонскимъ курфюрстомъ. Работами заправлялъ извѣстный Петръ Марселисъ, который устроилъ тамъ плавильню, по условію съ царемъ, и ежегодно поставлялъ ему извѣстное число желѣзныхъ полосъ и огнестрѣльнаго оружія. Прінскиваніемъ и разработкой рудниковъ во все описываемое время занимались исключительно иностранцы. Еще въ концѣ XV вѣка нѣмецкіе мастера открыли серебряную и мѣдную руду на рѣкѣ Цымнѣ, въ семи дняхъ пути отъ р. Печоры; но въ XVII в. эти рудники или были оставлены, или разработывались въ незначительныхъ размѣрахъ, такъ что иностранные путешественники почти до конца XVII в. продолжаютъ повторять, что, кромѣ желѣзныхъ, никакихъ другихъ рудниковъ не разработывается въ Московскомъ государствѣ [227]). Однакожъ въ попыткахъ отыскать другіе металлы не было недостатка. Олеарій разсказываетъ, что лѣтъ за 15 до него царю дали знать, что въ одной области непремѣнно найдется золото, если употребить на этотъ предметъ трудъ и деньги; царь поддержалъ предпріятіе, но оно не удалось и повело къ разоренію предпринимателя. Такихъ попытокъ

---

[227]) Только Рейтенфельсъ коротко замѣчаетъ, что гдѣ-то у Новгорода добывается мѣдь.

было нѣсколько; постоянная неудача ихъ научила правительство не довѣрять имъ и оно не иначе соглашалось поддерживать ихъ какъ при надежномъ ручательствѣ. Въ бытность Олеарія въ Москвѣ, одинъ англійскій промышленникъ, надѣясь открыть въ одномъ мѣстѣ золото, уговорилъ нѣкоторыхъ своихъ друзей поручиться правительству за сумму, которую онъ испросилъ у него для своего предпріятія. Но попытка опять не удалась, искателя золота посадили въ тюрьму, а поручители принуждены были заплатить за него.

Только во второй половинѣ XVII в. царь приказалъ нѣсколькимъ иностранцамъ осмотрѣть горы за Казанью, по направленію къ Сибири, гдѣ найдены пріиски золота и серебряной руды [228]).

Путешественники XVII в. оставили нѣсколько извѣстій о садоводствѣ и огородничествѣ въ Россіи. Герберштейнъ не видѣлъ въ Москвѣ ни хорошей вишни, ни орѣховъ, кромѣ простыхъ лѣсныхъ и, судя по климату, даже не считаетъ страну способной производить хорошіе садовые плоды. Почти всѣ путешественники XVII в. находили противное, указывая на успѣшное разведеніе въ Московіи садовыхъ и огородныхъ растеній. Они пишутъ, что въ областяхъ, не слишкомъ удаленныхъ къ сѣверу, особенно около города Москвы, родятся превосходные плоды, между прочимъ яблоки, груши, сливы, вишни, малина, смородина; на огородахъ растутъ разнаго рода овощи и поваренныя травы, огурцы, коренья, дыни и арбузы, особенно много луку и чесноку. Олеарій видѣлъ такія бѣлыя и прозрачныя яблоки, что если смотрѣть сквозь нихъ на солнце, безъ труда можно пересчитать въ нихъ зерна. Дыни растутъ въ очень большомъ количествѣ, очень вкусны и иногда бываютъ необыкновенно велики: Олеарію подарили въ Москвѣ дыню въ пудъ вѣсомъ; дыни вѣсомъ въ полпуда встрѣчались часто. Зато и разведеніемъ ихъ занимались съ особеннымъ стара-

---

[228]) Рейтенфельсъ, 47.

ніемъ и умѣніемъ: сѣмена клали на двое сутокъ въ молоко или въ овечій навозъ, растворенный дождевою водой, чтобы дать имъ размокнуть. Грядки дѣлали для нихъ изъ лошадинаго навоза, который покрывали самой хорошей землей. Въ такія грядки углубляли сѣмена на столько, чтобы они могли быть не только безопасны отъ холода и при этомъ воспринимать дѣйствіе солнечныхъ лучей, но и пользоваться теплотой, которую доставлялъ имъ снизу навозъ на ночь, а иногда и днемъ ихъ покрывали постилками [229]). Олеарій говоритъ, что красивые садовые цвѣты и травы появились въ Москвѣ недавно, здѣсь даже считали ихъ смѣшной забавой; царь Михаилъ Ѳедоровичъ первый началъ украшать свой садъ дорогими травами и растеніями. До этого времени въ Москвѣ знали только дикую розу; гамбургскій купецъ Петръ Марселисъ первый привезъ въ Москву бархатную розу, которая хорошо принялась. Около того же времени голландскіе и нѣмецкіе купцы начали разводить въ Москвѣ спаржу, которая во время Олеарія росла въ изобиліи, въ палецъ толщиной. О салатѣ въ Москвѣ также не имѣли прежде понятія и даже смѣялись надъ иностранцами, что они ѣдятъ траву, какъ животныя; но во время Олеарія и въ Москвѣ начинали находить въ немъ вкусъ, во второй половинѣ XVII вѣка рѣдко можно было встрѣтить въ Москвѣ сколько-нибудь порядочный домъ, садъ котораго не былъ бы наполненъ цвѣтами и салатомъ. Астрахань особенно извѣстна была своими садовыми плодами, яблоками, персиками, дынями, но преимущественно арбузами. Татары привозили ихъ въ городъ возами и продавали по копѣйкѣ пару и больше. Какъ въ Москвѣ западные купцы распространили спаржу и салатъ, такъ и въ Астрахани около того же времени персидскіе купцы положили начало разведенію винограда: одинъ монахъ посадилъ привезенныя имъ виноградныя лозы въ своемъ монастырѣ подлѣ города; онѣ принялись, и въ 1613 г., по цар-

---

[229]) Olearius, 119.—Lyseck, 53.

скому приказу, тотъ же монахъ устроилъ цѣлый виноградникъ. Дѣло шло съ такимъ успѣхомъ, что въ 1636 г., когда пріѣхалъ въ Астрахань Олеарій, тамъ не было почти дома, въ которомъ бы не занимались этимъ производствомъ и оно было такъ выгодно, что иному владѣльцу виноградника приносило болѣе 50 р. дохода. Изъ своего винограда Астрахань выдѣлывала до 60 бочекъ превосходнаго вина [230]).

IX.

Народонаселеніе.

Иностранцы, писавшіе о Московскомъ государствѣ съ чужихъ словъ, какъ Кампензе и Климентъ, говорятъ, что Московія, несмотря на свою обширность, очень хорошо населена; но принявъ въ соображеніе только то, что въ одной, большей половинѣ Московской земли преобладали лѣсъ и болото, а въ другой—открытая степь, сосѣдственная съ хищными кочевниками, иностранецъ могъ уже заключить, что эта страна не только не богата, но даже бѣдна населеніемъ. Это замѣтили всѣ иностранцы, бывшіе въ Московіи и внимательно наблюдавшіе ея состояніе. Если бы, говоритъ Флетчеръ, всѣ владѣнія русскаго царя были заселены такъ, какъ нѣкоторыя мѣста, то онъ превзошелъ бы всѣхъ сосѣднихъ государей своимъ могуществомъ. Подъ этими нѣкоторыми мѣстами англійскій посланникъ разумѣлъ, безъ сомнѣнія, немногія центральныя области государства и немногіе другіе пункты, которые имѣли особенно благопріятныя условія для умноженія народонаселенія. У него и у другихъ иностранцевъ мы находимъ прямыя указанія на скудость населенія по обширнымъ окраинамъ государства и мы видимъ, какъ близко къ центру подходили эти окраины. Земли по Днѣпру въ настоящее время, говоритъ Кампензе, очень мало населены по причинѣ ча-

[230]) Olearius, 317.—Tanner, 71.—Struys,121.

стыхъ набѣговъ Татаръ [231]). Та же причина малонаселенности и пустынности указывается иностранцами и въ Сѣверской области. Изъ словъ Барбаро и Контарини видно, что дорога отъ Москвы до Трокъ, къ концѣ XV вѣка, шла пустынными малонаселенными мѣстами, гдѣ изрѣдка мелькали деревеньки. Такъ же дика и пустынна была дорога отъ Москвы до Новгорода, тогда какъ пространство отъ Новгорода до Пскова было заселено нѣсколько гуще и имѣло много деревень и селъ, вслѣдствіе чего путешественники, ѣхавшіе изъ Польши въ Москву, предпочитали путь на Псковъ и Новгородъ, хотя болѣе длинный, прямому и кратчайшему пути на Смоленскъ. Княжество суздальское и прилежащія къ нему страны въ конецъ разорены и обезлюдили отъ постоянныхъ набѣговъ Татаръ [232]). Если такъ близко къ центру Московскаго государства лежали пустынныя мѣста, то понятно, что населеніе было еще рѣже далѣе за Волгой, къ сѣверу и сѣверо-востоку, въ странахъ, гдѣ условій безлюдности было больше и дѣйствовали они сильнѣе, нежели въ центральныхъ областяхъ. По словамъ Герберштейна, на луговой сторонѣ средней Волги, противъ земли горныхъ Черемисъ и Мордвы, жилыя мѣста рѣже, нежели у послѣднихъ. Англичане писали, что на всемъ пространствѣ отъ Ярославля до Москвы встрѣчаются многолюднѣйшія села; Поссевинъ также говоритъ, ссылаясь на очевидцевъ, что край къ сѣверу отъ Москвы до Вологды вообще имѣетъ сравнительно болѣе густое населеніе, благодаря тому, что сюда не доходятъ татарскіе набѣги; но зато по свидѣтельству Флетчера, по ту сторону Волги, по дорогѣ между Вологдой и Ярославлемъ, на пространствѣ почти 200 верстъ, встрѣчается по крайней мѣрѣ 50 деревень, въ полмили, даже въ цѣлую милю длиной, совершенно оставленныхъ, такъ что въ нихъ нѣтъ ни одного

---

[231]) Кампензе, 19.

[232]) Кампензе, 25.—Іовій, 38.—«Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 207.

жителя; тоже можно видѣть и въ другихъ частяхъ госуд арства,—добавляетъ Флетчеръ,—какъ разсказывали люди, которые путешествовали по этой странѣ болѣе меня. Согласно съ этимъ и Поссевинъ говоритъ, что во владѣніяхъ московскаго государя иногда на пространствѣ 300.000 шаговъ путешественникъ не встрѣчаетъ ни одного жителя, хотя и находитъ пустыя деревни [233]). По этому можно уже судить о степени населенности въ болѣе отдаленныхъ краяхъ государства [234]). Герберштейнъ говоритъ, что села въ Двинской области разбросаны на огромныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга [235]). Англійскій посолъ Рандольфъ и другіе англичане, неоднократно ѣздившіе по Сѣв. Двинѣ, говорятъ, что здѣсь по берегамъ только этой рѣки встрѣчались значительныя селенія; вообще большая часть этого края, по ихъ словамъ, была вовсе необитаема, покрыта лѣсами, среди которыхъ изрѣдка попадались луга и пашни [236]). Тоже самое, если не въ сильнѣйшей степени, можно было сказать и о странахъ къ востоку отъ средней Волги. Герберштейнъ полагаетъ на огромныхъ пространствахъ отъ Перми до Иртыша, въ земляхъ тюменьскихъ Татаръ, не болѣе 10.000 жителей. Скорѣе можно заподозрить это показаніе въ преувеличеніи нежели въ чемъ другомъ, зная, что во второй половинѣ XVI в. ближе къ Волгѣ, по Камѣ Строгановы нашли мѣста пустыя, простиравшіяся на 146 верстъ, «на которыхъ пашни не пахиваны, дворы не стаивали, которыя въ писцовыхъ книгахъ, въ купчихъ и правежныхъ не писаны ни у кого» [237]). Подобныя же извѣстія

---

[233]) Possevino, 12 и 16.—Флетчеръ, гл. 13.

[234]) Въ первой половинѣ XVI в. въ Двинской области находили мѣста съ хорошими угодьями, «въ которыхъ дворовъ и пашней не бывало никогда, отъ волости они за 20 верстъ со всѣхъ сторонъ и никакихъ волостей угодья къ тѣмъ мѣстамъ не пришли». Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. V, стр. 430.

[235]) Herberstein, 59.

[236]) Hakluyt, I. 422.

[237]) Herberstein, 74.—Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. VI, стр. 414.

находимъ и у путешественникавъ XVII в. На пути отъ Новгорода до Москвы Олеарій также встрѣчалъ большія, но опустѣлыя селенія. Карлиль замѣчаетъ, что большая часть странъ, подвластныхъ Московскому государству, вовсе не имѣетъ населенія, что даже въ мѣстахъ наиболѣе населенныхъ, по которымъ онъ ѣхалъ, видны только безконечные лѣса. Во второй половинѣ XVII в. между Можайскомъ и Вязьмой путешественникъ долженъ былъ ѣхать 130 верстъ сплошнымъ лѣсомъ, и на этомъ пространствѣ встрѣчалъ только одно селеніе—Царево-Займище. Подобные лѣса тянулись и дальше къ Смоленску, представляя иногда еще свѣжіе слѣды недавно проложенныхъ здѣсь дорогъ. Въ этихъ лѣсахъ изрѣдка встрѣчались деревни, состоявшія изъ 3—4 хижинъ [238]).

По мнѣнію Поссевина, главною причиной малонаселенности южныхъ и юго-восточныхъ окраинъ Московскаго государства были постоянные набѣги Татаръ и другихъ сосѣднихъ кочевниковъ. Кромѣ того онъ говоритъ, что въ царствованіе Іоанна Грознаго населеніе всѣхъ вообще областей значительно уменьшилось: встрѣчавшіяся во многихъ мѣстахъ опустѣлыя деревни, брошенныя поля и молодые лѣса, растущіе тамъ, гдѣ были прежде пашни,—все это по его словамъ, служитъ признакомъ, что недавно эти мѣста были гораздо населеннѣе. Причиною такой убыли онъ считаетъ продолжительныя и тяжелыя войны Іоанна IV, погубившія много людей. На ту же причину можно было указать и дѣйствительно указывали и въ XVII в.: Коллинсъ завѣряетъ, что въ послѣднее десятилѣтіе (до 1667 г.) русскія области сильно пострадали отъ войнъ, такъ что и въ 40 лѣтъ не поправятся; онъ даже опредѣляетъ, какъ велики были потери въ людяхъ, понесенныя Московскимъ государствомъ отъ этихъ войнъ; онъ не сомнѣвается, что

---

[238]) Carlisle, 61.—Mayerberg, II. 150—152.—Tanner, 42.

народонаселеніе страны убавилось въ это время по крайней мѣрѣ на двѣ пятыя доли [239]).

И войны, и нападенія степныхъ кочевниковъ, безъ сомнѣнія, сильно мѣшали умноженію населенія, особенно по окраинамъ государства. Но была еще другая причина, не замѣченная, по крайней мѣрѣ ясно не указанная ни Поссевиномъ, ни Коллинсомъ, ни другими иностранцами, которая издавна, но преимущественно со второй половины XVI в., мѣшала умноженію населенія во внутреннихъ областяхъ государства; эта причина—колонизація. На долю Московскаго государства выпала тяжелая задача дать исторію обширнымъ глухимъ пространствамъ, простиравшимся на сѣверъ, сѣверо-востокъ и юго-востокъ отъ него. Во второй половинѣ XVI в. эти пространства до Камня считались уже въ числѣ владѣній московскаго государя; но чтобы стать здѣсь твердою ногою, мало было пройти эти страны съ ратными людьми; надо было ратнымъ людямъ остаться здѣсь и ставить городки, чтобы удерживать окрестныхъ жителей въ повиновеніи и защищать страну отъ бродячихъ сосѣдей. Но чтобы довести свое дѣло до конца, правительству недостаточно было наставить городковъ съ ратными людьми: характеръ новопріобрѣтенныхъ странъ и ихъ первобытныхъ обитателей требовалъ еще мѣръ совсѣмъ другого рода для окончательнаго присоединенія ихъ къ государству. Въ этихъ странахъ,—пишетъ Матвѣй Мѣховскій,—ни пашутъ, ни сѣютъ, не употребляютъ ни хлѣба, ни денегъ, питаются лѣсными звѣрями, пьютъ одну воду, живутъ въ дремучихъ лѣсахъ, въ шалашахъ изъ прутьевъ; лѣсная жизнь сдѣлала и людей похожими на звѣрей неразумныхъ: одѣваются они въ грубыя звѣриныя шкуры, сшитыя вмѣстѣ какъ ни попало; большая часть ихъ коснѣетъ въ идолопоклонствѣ, покланяясь солнцу, лунѣ, звѣздамъ, лѣснымъ звѣрямъ и всему, что ни попадется [240]). Изъ этой, можетъ быть, нѣсколько

[238]) Коллинсъ, 176 и 592.

[240]) «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 209.

утрированной картины видно, что предстояло государству сдѣлать въ этихъ странахъ по ихъ завоеваніи: надо было подлѣ городковъ съ ратными людьми поселить рабочихъ, пашенныхъ людей, которые утвердили бы здѣсь начала осѣдлаго труда и гражданскаго общежитія. Вотъ причина, отъ которой пустѣли многія деревни, видѣнныя иностранцами, которая постоянно вытягивала населеніе изъ старыхъ областей государства, и безъ того имъ небогатыхъ. Къ концу XVI в. такихъ пространствъ, требовавшихъ населенія, было уже очень много, когда къ нимъ присоединились еще обширныя пустыни за Камнемъ, въ Сибири, съ тѣми же требованіями. На основаніи всего этого мы можемъ предполагать, что движеніе колонизаціи должно было усилиться во второй половинѣ XVI в. Но если иностранцы не видѣли ясно этого движенія и его значенія для внутреннихъ областей государства, то они не могли не замѣтить нѣкоторыхъ явленій, которыми оно обнаруживалось. Герберштейнъ говоритъ, что изъ Рязанской области, по ея присоединеніи къ Москвѣ, много жителей было выведено и разсѣяно по разнымъ колоніямъ. Описывая состояніе русской церкви, тотъ же Герберштейнъ замѣчаетъ, что русскіе пустынники, обратившіе уже многихъ идолопоклонниковъ къ вѣрѣ Христовой, и въ его время продолжали это дѣло безъ всякихъ корыстныхъ разчетовъ, съ единственною цѣлью сдѣлать угодное Богу, отправлялись въ разныя страны на сѣверъ и востокъ, перенося голодъ и всевозможныя лишенія, даже подвергая жизнь свою опасности, распространяли тамъ слово Божіе и иногда запечатлѣвали его собственною кровію. По словамъ того же иностранца, въ пермскихъ лѣсахъ и послѣ св. Стефана оставалось еще много язычниковъ, но иноки, отправляясь туда изъ московскихъ областей, доселѣ не перестаютъ выводить ихъ изъ тьмы заблужденій [241]). По словамъ Матвѣя Мѣховского, въ московскихъ владѣніяхъ переводятъ людей съ мѣста на мѣсто, изъ страны въ стра-

[241]) Herberstein, 48, 31 и 32, 62.

ну, на новые поселки, замѣщая выведенныхъ другими [242]). Поссевинъ и Флетчеръ говорятъ, что, завоевавъ царства Казанское и Астраханское, московскій государь построилъ по западному берегу Волги нѣсколько крѣпостей и поставилъ въ нихъ гарнизоны, чтобы тѣмъ удобнѣе было удерживать покоренныхъ въ повиновеніи [243]). Флетчеръ говоритъ также, что для удержанія жителей Перми, Печоры и Сибири въ повиновеніи, царь поселилъ въ этихъ областяхъ столько же русскихъ, сколько тамъ туземцевъ, и еще гарнизоны, и что въ Сибири, гдѣ продолжаются еще завоеванія, число ратныхъ людей въ построенныхъ тамъ крѣпостяхъ простирается до 6. 000 человѣкъ изъ Русскихъ и Поляковъ, въ подкрѣпленіе которымъ царь отправляетъ новыя партіи для поселенія въ новопріобрѣтаемыхъ странахъ. У Герберштейна встрѣчаемъ любопытныя слова, бросающія нѣкоторый свѣтъ и на результаты колонизаціи: описывая Бѣлоозерскую область, онъ говоритъ, что туземцы имѣютъ свой языкъ, но теперь почти всѣ говорятъ по-русски; въ Устюжской области туземцы также имѣютъ свой языкъ, но большею частію говорятъ по-русски [244]). Это извѣстіе застаетъ финскихъ туземцевъ въ томъ моментъ, когда они, еще сохраняя черты своей особности, мирно и постепенно сливались съ жившимъ между ними русскимъ населеніемъ. О туземцахъ Перми и Печоры онъ говоритъ только, что они имѣютъ особый языкъ, непохожій на русскій; но если онъ читалъ въ русскомъ описаніи пути къ Оби, что въ первой четверти XVI в. христіанство проникло даже къ простодушнымъ дикарямъ, жившимъ при устьяхъ Печоры, то къ концу вѣка мирный подвигъ московскаго населенія не могъ не оставить здѣсь, какъ и въ Перми, еще болѣе замѣтныхъ слѣдовъ по себѣ, которые могли хотя нѣсколько оправдать преждевременно сдѣлан-

---

242) «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 209.

243) Possevino, 60.—Флетчеръ, гл. 2-я и 18-я.

244) Herberstein, 57, 59.

ное Мѣховскимъ замѣчаніе, что какъ Вогулы, такъ и обитатели Вятки—Русскіе, говорятъ по-русски и имѣютъ одну религію съ Русскими [245]).

Позднѣйшіе писатели сообщаютъ нѣсколько другихъ извѣстій о распространеніи вліянія Московскаго государства на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ. Агентъ англійской компаніи Берроу доносилъ въ 1576 г., что несмотря на соперничество шведскаго и датскаго королей, московкій царь имѣетъ рѣшительный перевѣсъ во вліяніи на Лопарей, которые принимаютъ его законы и платятъ ему пошлины и налоги. Они язычники, но если кто-нибудь изъ нихъ захочетъ принять христіанскую вѣру, то принимаетъ ее отъ Русскихъ, по русскому обряду. Указывается и одинъ изъ проводниковъ этого вліянія: между Кергоромъ и предѣлами Финмарка есть монастырь Печинго (на р. Печенгѣ), настоятель котораго назначается изъ Москвы. Если между Лопарями возникаетъ тяжба, они обращаются за рѣшеніемъ къ царскимъ чиновникамъ, а если послѣдніе не рѣшатъ дѣло, отправляются въ Москву, къ царю [246]). Съ конца XVI въ Сибири, вмѣстѣ съ распространеніемъ тамъ русскаго населенія, стало распространяться и земледѣліе, и одинъ за другимъ основывались русскіе города [247]). Описывая эти города, Мейербергъ указываетъ на нѣкоторыя черты отношеній русскихъ колонистовъ къ туземцамъ. Въ городахъ Тобольскѣ и Тюмени живутъ только Русскіе; туземцамъ здѣсь не позволяютъ жить, и они селятся небольшими мѣстечками подлѣ города, обыкновенно на противоположномъ берегу рѣки, на которой стоитъ городъ. Въ извѣстное время года сюда собираются туземцы изъ окрестныхъ мѣстъ, что-

---

[245]) «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 208.

[246]) H a k l u y t, I, 467.

[247]) До начала XVII в. основаны были въ Сибири Тобольскъ въ 1587 году, Пелымъ, Березовъ въ 1592, Тара въ 1594, Нарымъ и Кетскій острогъ въ 1596. Къ концу XVI в. въ Сибири считалось уже 94 города.—К а р а м з и н ъ, X, примѣч. 44.

бы вымѣнять свои мѣха на товары, привозимые изъ Архангельска. Туземцы занимаются звѣринымъ и рыбнымъ промысломъ, но не воздѣлываютъ земли; послѣднимъ занимаются исключительно русскіе колонисты и ратные люди, поселенные въ городахъ [248]). Колонисты скоро двинулись за Обь и, поселяясь тамъ, привлекали своимъ примѣромъ туземцевъ къ осѣдлости [249]).

Медленно, но безостановочно шло заселеніе пустынныхъ пространствъ на сѣверо-востокѣ; насельникамъ надо было выдерживать упорную борьбу съ природой, но по крайней мѣрѣ здѣсь не предстояло такой же борьбы съ людьми. Колонизація южныхъ и юго-восточныхъ степей представляла больше затрудненій и шла еще медленнѣе. Извѣстія XVI вѣка говорятъ о построеніи городковъ по западному берегу Волги, на Мошкѣ, при устьѣ Суры, значитъ, колонизація, хотя медленно, но все-таки овладѣвала теченіемъ Волги, двигаясь по ея горному берегу. Но Донъ оставался пустыннымъ, жилыя мѣста осѣдлаго народонаселенія оканчивались по нему не далеко отъ истоковъ. Герберштейнъ упоминаетъ о монахахъ и пустынникахъ, приносившихъ христіанство къ дикимъ, но не отличавшимся особенною воинственностью сѣвернымъ народцамъ. Необходимость упорной борьбы съ хищными кочевниками южныхъ степей вызывала для колонизаціи дѣятелей другого рода—козаковъ, воинственныхъ пролагателей путей. Герберштейнъ называетъ Вятскую область убѣжищемъ бѣглыхъ рабовъ; но мы знаемъ, что вообще люди, «которые изъ городовъ и селъ выбиты», безземельные и бездомные, которыхъ было не мало въ Московскомъ государствѣ, стремились преимущественно въ другую сторону, къ степнымъ окраинамъ государства. Такіе же пролагатели путей выходили и изъ

---

[248]) Mayerberg, II, 59 и 60.

[249]) Avril, 162: Les Moscovites ont attirez plusieurs de ces peuples errans qui après s'être fixez à leur imitation, ont pris goût insensiblement au comm

другого государства, облегавшаго степь съ сѣверо-запада; наконецъ, магометанскій міръ, навстрѣчу московскимъ и литовскимъ козакамъ, высылалъ своихъ козаковъ съ юга, по нижнему Дону. Такъ съ трехъ сторонъ высылались передовыя воинственныя дружины на эту издавна спорную землю, чтобы открыть дорогу другимъ, болѣе мирнымъ поселеніямъ: такія поселенія нужны были каждой сторонѣ, чтобъ обезопасить свои границы. У Г. де-Ланноа находимъ любопытный разсказъ, какъ во время его пребыванія въ Монкастро (при устьѣ Днѣстра) въ 1421 г., въ пустынное мѣсто въ степи неподалеку отъ этого города, гдѣ не было ни лѣса, ни камня, прибылъ подольскій правитель съ 12.000 человѣкъ и 4000 возовъ съ камнемъ и лѣсомъ, и менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ построилъ совершенно новую крѣпость, отъ имени Витовта, противъ сосѣднихъ степныхъ кочевниковъ [250]). Въ половинѣ XV вѣка Барбаро, во время пребыванія своего на Дону, подымался далеко вверхъ по этой рѣкѣ, но изъ этого разсказа не видно, чтобы здѣсь гдѣ-нибудь были постоянныя жилища; онъ видѣлъ только бродячихъ Татаръ, которые по-временамъ останавливались для посѣва и снятія жатвы [251]). Въ первой четверти XVI вѣка, когда здѣсь уже владѣли Турки, пространства отъ Волги до Днѣпра были по-прежнему пустынныя; но на берегу Дона, въ 4-хъ дняхъ пути отъ Азова, былъ уже, по словамъ Герберштейна, городъ Ахасъ, а по Донцу жили осѣдлые Татары, занимавшіеся земледѣліемъ [252]).

По словамъ козаковъ, изъ Московскаго государства шло въ южныя степи земледѣльческое населеніе.

Въ первой половинѣ XVI вѣка русскія поселенія не шли далеко южнѣе Тулы. Въ началѣ XVII вѣка Маржеретъ говоритъ, что южныя степи населяются болѣе и болѣе, что русскіе построили тамъ много городовъ и крѣпостей. Съ

---

[250]) G. de Lannoy, 39.

[251]) Барбаро, 9 и 37.

[252]) Herberstein, 74.

этой стороны Россія обитаема до Ливенъ, т.-е. на 700 верстъ отъ Москвы.

Подъ прикрытіемъ ратныхъ людей русское земледѣльческое населеніе шло и дальше, по рѣкъ Псела и Донца, возвращаясь такимъ образомъ въ страну, которую нѣкогда оно должно было бросить на волю степныхъ кочевниковъ. Но здѣсь оно еще ступало робко, жалось къ опорнымъ пунктамъ, гдѣ можно было найти защиту отъ этихъ кочевниковъ. Тотъ же Маржеретъ замѣчаетъ, что несмотря на плодородіе края, жители осмѣливаются воздѣлывать землю только въ окрестностяхъ городовъ[253]). Условія Волжскаго края не позволяли русскому земледѣльческому населенію распространяться въ немъ съ такою же быстротой, съ какою заняло его государство. Благодаря торговымъ сношеніямъ Западной Европы съ Персіей чрезъ Московское государство, мы имѣемъ отъ XVI—XVII вѣковъ нѣсколько описаній путешествій по Волгѣ, которыя живыми чертами рисуютъ состояніе этого края со времени его завоеванія и мѣры, которыя принимало Московское государство для закрѣпленія его за собой. Въ то время по берегамъ Волги сохранились еще свѣжіе слѣды стихавшей борьбы съ азіатскимъ востокомъ. Между Казанью и Астраханью путешественнику показывали на обоихъ берегахъ Волги развалины когда-то бывшихъ здѣсь большихъ городовъ, съ которыми связывались болѣе или менѣе сказочныя преданія о татарскихъ завоевателяхъ, преимущественно о Тамерланѣ [254]). Но вмѣсто этихъ исчезнувшихъ городовъ

[253]) Маржеретъ, 12.

[254]) Христ. Берроу, плывшему по Волгѣ въ 1579 году, на половинѣ пути между Казанью и Астраханью указывали на высокомъ холму мѣсто, гдѣ стояла прежде каменная крѣпость Oueak (Овечій бродъ) и вокругъ нея городъ, который русскіе называли Содомомъ; по разсказамъ русскихъ, этотъ городъ и часть крѣпости были поглощены землей за преступленія жителей. Hakluyt, I, 472.—Олеарій перечисляетъ слѣдующіе города, когда-то стоявшіе на Волгѣ: Unerofskora, исчез-

путешественники чѣмъ дальше тѣмъ рѣже встрѣчали по Волгѣ жилыя мѣста. Хр. Бёрроу не указываетъ между Казанью и Астраханью ни одного значительнаго поселенія на берегу Волги. Изрѣдка попадались путешественникамъ хижины рыбаковъ и показывались въ прибрежныхъ степяхъ орды кочевниковъ, тащившихъ съ собою на верблюдахъ по нѣскольку сотъ кибитокъ, которыя издали показались Дженкинсону какимъ-то страннымъ подвижнымъ городомъ [255]).

Между тѣмъ на концѣ пустыннаго воднаго пути государство стало твердою ногой и принимало дѣятельныя мѣры, чтобы связать этотъ отдаленный пунктъ съ центральными своими областями. Вскорѣ послѣ занятія Астрахани, въ 1558 году, Дженкинсонъ видѣлъ въ Нижнемъ отъѣздъ воеводы, назначеннаго въ Астрахань; онъ отправлялся въ сопровожденіи 500 большихъ кораблей, изъ которыхъ одни были нагружены желѣзными припасами, оружіемъ и ратниками, а другіе везли купеческіе товары и пристали къ первымъ, какъ къ надежной защитѣ. По словамъ Дженкинсона, въ Астрахань ежегодно посылались транспорты съ людьми, жизненными припасами и лѣсомъ на постройку крѣпости [256]). Гарнизонъ Астрахани долженъ былъ постоянно держаться на-готовѣ, потому что очень обыкновенны были явленія, подобныя тому, которое описываетъ Бёрроу,

---

нувшій татарскій городъ въ 65-ти верстахъ къ югу отъ Тетюши; далѣе два города, разрушенные Тамерланомъ, изъ которыхъ одинъ назывался Simberska-gora; за ними на горѣ Arbeuchem видны слѣды города того же имени; за нимъ на правой сторонѣ рѣки видны плодородныя равнины, покрытыя высокою травой, но совершенно необитаемыя; видны лишь слѣды городовъ и селъ, разрушенныхъ Тамерланомъ. Въ 7-ми верстахъ къ югу отъ Царицына видны развалины построеннаго Тамерланомъ (sic) Царева-города (Сарая) съ остатками кирпичныхъ стѣнъ; кирпичи эти возили въ Астрахань на постройку церквей, монастырей и стѣнъ. Olearius, 292—307.

[255]) Hakluyt, I, 364.

[256]) Ibid., 365.

бывшій очевидцемъ его во время своего пребыванія въ Астрахани въ 1580 г. 7-го марта въ городѣ поднялась тревога: появились ногайскіе и крымскіе Татары, числомъ до 1500, и стали по обоимъ берегамъ Волги, верстахъ въ 2-хъ отъ острова, на которомъ расположена была Астрахань. На другой день Татары отправили къ воеводѣ гонца съ извѣстіемъ, что они придутъ къ нему въ гости; послѣдній отвѣчалъ, что онъ готовъ принять ихъ, и взявъ пушечное ядро, велѣлъ гонцу передать своимъ, что у него не будетъ недостатка въ этомъ угощеніи. На третій день пошелъ слухъ, что Татары рѣшились напасть на городъ и готовили фашины изъ тростника, чтобы переплыть на островъ. Но простоявъ еще два дня, Татары ничего не сдѣлали и удалились [257]). Для вѣрнѣйшаго закрѣпленія за собой Астрахани государству надо было обезопасить самый удобный путь къ ней по Волгѣ, гдѣ свободно разбойничали окрестные кочевники и козаки,—тѣ самые козаки, которые пролагали государству путь въ эти страны. Дженкинсонъ, проѣзжая въ Астрахань въ 1558 году, еще не видѣлъ по Волгѣ военныхъ поселеній; Берроу, проѣзжая туда же въ 1579, насчитываетъ между Переволокой и Астраханью шесть такихъ поселеній или карауловъ, расположенныхъ по берегамъ и островамъ Волги: первый находился въ семи верстахъ къ югу отъ Переволоки и состоялъ изъ 50 стрѣльцовъ, охранявшихъ это мѣсто впродолженіе лѣта; второй находился въ 113 верстахъ отъ перваго, третій въ 50 верстахъ отъ второго, четвертый въ 120 верстахъ отъ третьяго, пятый въ 50 верстахъ отъ четвертаго, наконецъ шестой въ 30 верстахъ отъ пятаго и въ такомъ же разстояніи отъ Астрахани [258]). Скоро эти караулы одинъ за

---

[257]) Hakluyt, I, 473.

[258]) Первый находился на островѣ Tsaristna, второй назывался Cameni Carawool, третій Stupino, четвертый Palooy (Polowon у Олеарія), пятый Keezeyur (Копаный Яръ у Олеарія), шестой Ichkebre (на томъ же мѣстѣ у Олеарія островъ Itziburski). Hakluyt, I, 472.

другимъ стали превращаться въ городки, не теряя своего прежняго значенія сторожевыхъ постовъ: двигаясь среди степей по теченію Волги, государство выводило на правомъ ея берегу рядъ этихъ городковъ и такимъ образомъ связывало съ своимъ центромъ крайній пунктъ волжскаго пути. Не развитіе промышленности и народонаселенія въ центральныхъ областяхъ, а чисто государственныя соображенія создали эти сторожевыя поселенія: здѣсь, какъ и на другихъ окраинахъ государства, торговый человѣкъ и земледѣлецъ шли по слѣдамъ стрѣльца и подъ его защитой. Любопытно сравнить приведенное извѣстіе англійскаго купца о волжскихъ караулахъ въ послѣдней четверти XVI в. съ замѣтками, которыя сообщаетъ о городкахъ по нижней Волгѣ Олеарій, проѣхавшій здѣсь во второй четверти XVII вѣка. Саратовъ расположенъ на равнинѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ Волги, и населенъ одними московскими стрѣльцами подъ начальствомъ воеводы, котораго посылаетъ туда царь для охраненія страны отъ Калмыковъ, разбойничающихъ значительными толпами въ степяхъ между этимъ городомъ и Астраханью. Въ 350-ти верстахъ ниже, на холму, стоитъ городокъ Царицынъ, построенный въ видѣ параллелограмма, съ 5-ю деревянными больверками и башнями; все его населеніе состоитъ изъ 400 стрѣльцовъ, которые сторожатъ страну отъ набѣговъ Татаръ и козаковъ и провожаютъ суда, плывущія по Волгѣ. Въ 300 верстахъ отъ Царицына, на высокомъ прямомъ берегу, построенъ городокъ Черный-Яръ, обнесенный оградой изъ толстыхъ досокъ, съ 8-ю деревянными башнями; живутъ въ немъ одни ратные люди, числомъ до 400, которые охраняютъ страну отъ набѣговъ козаковъ и Калмыковъ. Городокъ имѣетъ видъ квадрата, и на каждомъ углу его возвышается караульня, построенная на 4-хъ высокихъ столбикахъ, откуда во всѣ стороны открывается видъ на безпредѣльныя ровныя и безлѣсныя степи. Этотъ городокъ построенъ 9 лѣтъ тому назадъ [259]), съ цѣлью противодѣй-

[259]) Олеарій ѣхалъ по Волгѣ въ 1636 году.

ствовать разбоямъ козаковъ, которые незадолго передъ тѣмъ разбили здѣсь торговый караванъ, состоявшій изъ 1500 москвитянъ, несмотря на охранявшій его конвой стрѣльцовъ [260]). Спустя 33 года послѣ Олеарія (въ 1669 г.), по тому же пути проѣхалъ Штраусъ, который, повторяя извѣстія Олеарія о городкахъ по Волгѣ, добавляетъ, что въ Черномъ-Яру гарнизонъ составляетъ половину населенія этого города и что при впаденіи рѣки Камышенки въ Волгу за годъ до него построенъ городокъ того же имени, съ цѣлью прекратить разбои донскихъ козаковъ, которые спускались по рѣкѣ Камышенкѣ въ Волгу и разбивали здѣсь торговыя суда. Козаки впрочемъ не унимались и умѣли обходить городъ, перетаскивая свои лодки сухимъ путемъ на колесахъ изъ р. Камышенки въ Волгу [261]).

Иностранныя извѣстія бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на жизнь кочевниковъ этого края и на отношенія, въ которыя становилось къ нимъ государство, чтобы подчинить ихъ своему вліянію. Вскорѣ послѣ занятія Астрахани московскими войсками, въ 1558 г. въ приволжскихъ степяхъ вслѣдствіе междоусобій кочевниковъ появился голодъ, сопровождавшійся страшнымъ моромъ, который истребилъ, если вѣрить Дженкинсону, до 100,000 человѣкъ; Русскіе, добавляетъ тотъ же путешественникъ, были очень довольны этой смертностью, помогавшей имъ вытѣснить кочевниковъ изъ занимаемыхъ ими степей. Бѣдствіе распространилось и на Астрахань. Дженкинсонъ, пріѣхавшій тогда въ Астрахань, былъ свидѣтелемъ сценъ, какія происходили въ этомъ городѣ и около него. Мучимые голодомъ и язвой, Ногаи во множествѣ подступили къ Астрахани, отдаваясь на волю русскихъ и прося у нихъ хлѣба. Но въ Астрахани приняли ихъ дурно: многіе изъ нихъ были распроданы Русскими, большая часть погибла отъ голода, не получивъ просимой помощи; жалко было смотрѣть, пишетъ Дженкин-

---

260) Olearius, 301, 307 и 310.
261) Struys, 163 и 164.

сонъ, на груды мертвыхъ тѣлъ, лежавшихъ по всему острову вокругъ города; остальныхъ прогнали назадъ въ степи. Въ это время, добавляетъ тотъ же путешественникъ, было бы очень легко обратить это злое племя въ христіанскую вѣру [262]). Съ теченіемъ времени Москва завязывала черезъ Астрахань болѣе дружелюбныя сношенія съ приволжскими кочевниками, по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыми ихъ ордами. Здѣсь, какъ и на другихъ окраинахъ государства, кочевникамъ не позволяли селиться въ самыхъ городахъ, подлѣ московскихъ гарнизоновъ. Мирные Ногаи лѣтомъ кочевали по астраханскимъ степямъ [263]), а съ наступленіемъ зимы подходили къ Астрахани и располагались около нея ордами, неподалеку одна отъ другой, огораживая свои шатры плетнями, что давало поселенію видъ отдѣльнаго города. Этотъ временный ногайскій городъ, или юртъ, по свидѣтельству Хр. Бёрроу, въ 1580 году находился въ трехъ четвертяхъ мили отъ астраханской крѣпости и заключалъ въ себѣ приблизительно до 7,000 жителей. Зимой, когда замерзали рѣки, на этихъ Ногаевъ часто нападали Калмыки съ Яика. Чтобы дать юртовымъ ногаямъ возможность защищаться отъ этихъ разбойниковъ, астраханское начальство выдавало имъ на зиму оружіе изъ царскаго арсенала, которое они обязаны были возвратить съ наступленіемъ весны, когда откочевывали въ степи. Они не платили податей царю, но были обязаны служить ему на его недруговъ, что они исполняли охотно, въ надеждѣ поживиться на походѣ добычей. Они имѣли своихъ князей, или мурзъ, но въ обезпеченіе вѣрности царю нѣкоторые изъ послѣднихъ содержались въ Астрахани заложниками [264]). Въ послѣдней четверти XVII в. юртъ мир-

---

[262]) Hakluyt, I, 364: At that time it had bene an easie thing to have converted that wicked nation to the christian faith, if the Russes themselves had bene good christians.

[263]) Olearius, 319: c'est pourquoi les Moscovites les appellant Poloutski, c'est à dire des vagabonds.

[264]) Hakluyt, I, 473.—Olearius, 319 и 320.

ныхъ Ногаевъ около Астрахани увеличился; въ его оградѣ была одна мечеть; Авриль насчитываетъ въ немъ до 2,000 шалашей, построенныхъ изъ камыша; по островамъ и берегамъ Волги, въ окрестностяхъ Астрахани, также видно было много ногайскихъ поселеній. Москвитяне, по словамъ Авриля, обходились съ этими Ногаями скорѣе какъ съ союзниками нежели какъ съ подвластными людьми. Москва завязывала дружественныя сношенія и съ калмыками, мирила ихъ съ Ногаями. При Аврилѣ первые каждую зиму уже мирно приходили изъ-за Яика къ Астрахани и кочевали съ стадами въ степяхъ между Астраханью и Каспійскимъ моремъ. Этихъ гостей бывало больше 100,000. Авриль описываетъ, какъ астраханское начальство встрѣчало «чудовищную толпу этихъ бродягъ», шедшихъ на зимовку къ Астрахани. Едва заслышавъ объ ихъ приближеніи, воевода посылалъ къ мурзамъ увѣрить ихъ въ скорой доставкѣ поминковъ, а потомъ отправлялъ множество возовъ съ хлѣбомъ, арбузами, водкой и табакомъ, что составляло какъ бы ежегодную дань кочевникамъ, которою откупались отъ ихъ разбоевъ. Зимой Калмыки приходили въ самую Астрахань и продавали здѣсь мѣха и лошадей съ большой выгодой для астраханскихъ купцовъ [265]).

Движеніе государства въ степяхъ, отдаленныхъ отъ водныхъ путей, шло, разумѣется, медленнѣе, нежели по берегамъ большихъ рѣкъ. Направляясь изъ Астрахани къ Москвѣ, Авриль ѣхалъ отъ Саратова трое сутокъ сухимъ путемъ, по пустынѣ, простиравшейся въ длину миль на 40 или даже больше, въ которой онъ нигдѣ не встрѣчалъ ни лѣса, ни человѣческаго жилья. Эта пустыня кончалась не доходя нѣсколько миль до городка Pinzer [266]). Но начиная отъ этого мѣста, по направленію къ Москвѣ, путешественникъ встрѣчалъ много городковъ и деревень. Въ этихъ мѣ-

---

[265]) Avril, 100.

[266]) Не Пенза ли, которая означена и на картѣ Авриля вмѣстѣ **съ** Verchnilomen, Саранскомъ и Кадомомъ.

стахъ, говоритъ Авриль, землю стали обработывать съ недавняго времени. Въ послѣднія войны съ Польшей москвитяне брали множество плѣнныхъ, которыхъ и поселили въ этомъ краѣ; имъ давали здѣсь нетронутыя земли для расчистки и обработки, и теперь, добавляетъ Авриль, эти земли принадлежатъ къ лучшимъ въ государствѣ [267]).

Государство, а за нимъ и русское народонаселеніе утверждалось болѣе и болѣе въ приволжскихъ степяхъ. Иностранные путешественники XVI и XVII в. живыми чертами рисуютъ этотъ полумагометанскій, полуязыческій приволжскій міръ: видно, что это былъ тогда еще первобытный, темный міръ, котораго едва начинало касаться вліяніе гражданственности и культуры. Во второй половинѣ XVI в. приволжскіе Татары смѣялись надъ христіанами за то, что они ѣдятъ верхушки травы и пьютъ сдѣланные изъ нихъ напитки [268]). Для насъ особенно любопытны немногія указанія на слѣды, которые оставляло здѣсь вліяніе завладѣвшаго этимъ міромъ государства. Въ первой половинѣ XVII в. самымъ употребительнымъ языкомъ въ приволжскомъ краѣ былъ русскій. Астраханскіе Ногаи были магометане, но, по свидѣтельству Олеарія, было довольно и такихъ, которые принимали отъ Москвитянъ христіанство. Есть впрочемъ нѣкоторыя любопытныя извѣстія другого рода, показывающія, какъ дикіе обитатели приволжскихъ степей и лѣсовъ относились къ обычаямъ и понятіямъ сосѣдняго христіанскаго народа. Олеарій передаетъ свой любопытный религіозный разговоръ съ черемисомъ, котораго онъ встрѣтилъ въ Казани,—съ человѣкомъ бывалымъ и неглупымъ, знавшимъ русскій языкъ. Олеарій сказалъ ему, что безумно поклоняться животнымъ и другимъ тварямъ, какъ дѣлаютъ его соплеменники. Черемисъ отвѣчалъ на это, что поклоняться животнымъ всетаки лучше нежели деревяннымъ расписаннымъ богамъ

---

[267]) Avril, 152 и 153.

[268]) Hakluyt, I, 363.

которые висятъ на стѣнахъ у Москвитянъ[269]). Проѣзжая изъ Саратова страною Мордвы, іезуитъ Авриль жалуется на недостатокъ въ Москвитянахъ ревности къ обращенію этихъ язычниковъ, на то, что Мордва, спокойно живя въ своихъ лѣсахъ, доселѣ остается погруженною во мракъ идолопоклонства, и никто не дастъ себѣ труда извлечь ее изъ него. Но вліяніе сосѣдняго народа проникло и сюда: наканунѣ Николина дня Мордва пьянствовала, какъ и Москвитяне [270]).

X.

Города.

Между тѣмъ какъ съ распространеніемъ Московскаго государства и народа строились новые городки въ пустынныхъ отдаленныхъ мѣстахъ, иностранныя извѣстія показываютъ, въ какомъ незавидномъ положеніи находился городъ въ старыхъ областяхъ государства. Мы видѣли, какія особенности должны были броситься въ глаза западному европейцу въ сѣверо-восточной Европѣ: въ формѣ поверхности преобладаніе равнины и лѣса, въ формѣ жилыхъ мѣстъ преобладаніе села, деревни. Россію и доселѣ называютъ страною селъ и деревень; тѣмъ лучше шло это названіе къ Московскому государству XVI или XVII в. Когда-то скандинавскія сказанія называли полосу земли по водному пути изъ Варягъ въ Греки «страною городовъ»; и въ XVI в. эта рѣчная полоса не теряла права на такое названіе; къ ней присоединились еще другія рѣчныя полосы со многими городами, и иностранцы XVI в. не могли не замѣтить, что наибольшее количество городовъ, и наиболѣе значительныхъ, лежитъ по большимъ рѣкамъ, Днѣп-

---

[269]) Olearius, 281 и 283. Я спросилъ его, говоритъ Олеарій, можетъ ли онъ сказать мнѣ, кто создалъ небо и землю. Собесѣдникъ отвѣчалъ: tzort snait.

[270]) Avril, 154—156.

ру, Окѣ, Волгѣ; но назвать всю область Московскаго государства страною городовъ въ XVI в. было бы слишкомъ неточно какъ по отношенію количества городовъ къ пространству страны, такъ и по характеру самихъ городовъ, изъ которыхъ многіе и очень многіе только носили громкое имя города, но имѣли видъ и значеніе большого села. XV-й и XVI-й вѣка были временемъ политическаго упадка старыхъ русскихъ городовъ, вслѣдствіе новыхъ историческихъ условій, среди которыхъ они тогда очутились. Старинныя вѣча этихъ городовъ давно замолкли; дольше всѣхъ слышался ихъ голосъ въ Новгородѣ и Псковѣ; наконецъ пали и эти послѣдніе остатки вѣчевого быта, одинъ въ концѣ XV, другой въ началѣ XVI в. Въ то же время въ нихъ происходитъ усвоеніе чужихъ формъ устройства, различныхъ по различію историческихъ судебъ, которыя они испытали. Эти историческія судьбы раздѣлили ихъ на двѣ стороны: одни пристали къ Литвѣ и потомъ соединились съ Польшей, другіе отошли къ Московскому государству. Этимъ опредѣлились и тѣ формы устройства, которыя они должны были принять волей или неволей со стороны, такъ какъ свои оказались несостоятельными или несогласными съ тѣми новыми началами, которымъ они должны были подчиниться. Западные и юго-западные города чрезъ Польшу принимаютъ во второй половинѣ XV-го и въ первой XVI-го в. Магдебургское право; Новгородъ и Псковъ принимаютъ устройство низовыхъ городовъ Московскаго государства. Но одновременно съ тѣмъ какъ падаютъ старые вѣчевые города, въ сѣверо-восточной Россіи поднимаются новые, великокняжескіе. Во главѣ послѣднихъ явилась Москва, которая какъ по географическому положенію, такъ и по значенію стала центромъ государственнаго развитія.

Почти всѣ иностранцы, писавшіе о Московскомъ государствѣ, сообщаютъ намъ болѣе или менѣе подробныя извѣстія о его столицѣ, самое обстоятельное описаніе ея въ XVI в. находимъ у Герберштейна, который приложилъ къ своимъ комментаріямъ и планъ Московскаго кремля. По

словамъ послѣдняго, городъ Москва лежитъ далеко на востокъ, и если не въ Азіи, то по крайней мѣрѣ на самомъ краю Европы. Іовій говоритъ, что по выгодному положенію своему въ самой населенной странѣ, въ срединѣ государства, по своему многолюдству и удобству водяныхъ сообщеній Москва есть лучшій городъ въ государствѣ, преимущественно предъ другими заслуживаетъ быть его столицей и, по мнѣнію многихъ, никогда не потеряетъ своего первенства. Такъ думали въ XVI в. московскіе люди и думали справедливо; только относительно удобствъ водяныхъ сообщеній Герберштейнъ замѣчаетъ, что судоходство по Москвѣ-рѣкѣ, между городами Москвой и Коломной, затрудняется извилинами рѣки. Самый городъ весь почти деревянный и очень обширенъ, но издали кажется еще обширнѣе. Это происходитъ отъ того, что почти при каждомъ домѣ есть обширный садъ и дворъ; кромѣ того на краю города длинными рядами тянутся зданія кузнецовъ и другихъ мастеровъ, употребляющихъ огонь при своихъ работахъ; между этими зданіями также находятся обширныя поля и луга. Поссевинъ приблизительно опредѣляетъ пространство, которое занимала Москва до сожженія ея Татарами (въ 1571 г.), въ 8.000 или 9.000 шаговъ. По Флетчеру, она имѣла тогда до 30 миль въ окружности. Этимъ объясняется, почему Мѣховскій говоритъ, что Москва вдвое больше Флоренціи и Праги, а англичанамъ, пріѣзжавшимъ въ Россію въ 1553 году, она показалась съ Лондонъ [271]); Флетчеръ считаетъ Москву съ слободой Наливками даже больше Лондона. Съ начала XVI в., кажется, стало заселяться и Замоскворѣчье: по словамъ Герберштейна, за нѣсколько лѣтъ до его пріѣзда въ Москву великій князь Василій велѣлъ построить тамъ новую слободу Нали (отъ слова «налей», infunde) для своихъ тѣлохранителей, которымъ позволено было держать и пить водку, медъ и пиво во всякое время, тогда какъ прочимъ жителямъ это раз-

---

[271]) Лондонъ въ XV в. имѣлъ не больше 50.000 жителей.

рѣшалось только въ большіе праздники; поэтому, чтобы другіе не заражались примѣромъ государевыхъ тѣлохранителей, послѣднимъ выстроили жилища за рѣкой, внѣ города. Гваньини прибавляетъ къ этому, что здѣсь же имѣли пребываніе наемные солдаты и пріѣзжіе иностранцы, которые пользовались тою же привилегіей относительно питей. Городъ широко раскидывался большею частью по ровной мѣстности, не сдерживаясь никакими предѣлами, ни рвомъ, ни стѣнами, никакими другими укрѣпленіями. Улицы на ночь загораживались поперекъ положенными бревнами [272]), какъ только зажигались вечеромъ огни, около этихъ загородокъ становились сторожа, которые никому не позволяли ходить по улицамъ позже урочнаго часа, а кто попадался, того караульные били и обирали или бросали въ тюрьму. Но если шелъ ночью какой-нибудь извѣстный и знатный человѣкъ, сторожа провожали его до дома. Ходить ночью по городу позволено было только по крайней нуждѣ и непремѣнно съ фонаремъ. Такіе же сторожа ставились по той сторонѣ города, съ которой находился открытый входъ въ него, потому что съ другихъ сторонъ городъ окруженъ рѣками Москвой и Яузой; черезъ послѣднюю трудно было переходить, по высотѣ ея береговъ; на ней стояло множество мельницъ. На Москвѣрѣкѣ было нѣсколько мостовъ. Зимой, когда она покрывалась твердымъ льдомъ, купцы ставили на немъ свои лавки, прекращая почти совсѣмъ торговлю въ городѣ. Сюда свозили на продажу хлѣбъ, дрова, сѣно и битую скотину. Любо смотрѣть, восклицаетъ Контарини, на это огромное количество мерзлой скотины, совсѣмъ уже ободранной и стоящей на льду на заднихъ ногахъ. Здѣсь же происходили конскія скачки и другія увеселенія, откуда многіе возвращались съ сломанными шеями. Городъ въ дождливое

[272]) «Рѣшетками», которыя вмѣстѣ съ рѣшеточными прикащиками заведены въ Москвѣ въ 1494 году.

время былъ очень грязенъ, потому на площадяхъ и улицахъ строились кой-гдѣ мосты. По словамъ Климента, улицъ было очень много, но расположены онѣ безпорядочно. Флетчеръ упоминаетъ о мостовой, состоявшей изъ обтесанныхъ бревенъ, положенныхъ одно подлѣ другого безъ всякой связи. Среди города стоитъ крѣпость, омываемая съ одной стороны рѣкой Москвой, а съ другой Неглинной, которая, вытекая изъ болотъ, у верхней части крѣпости разливалась въ видѣ пруда; вытекая отсюда, наполняла рвы крѣпости, на которыхъ стояли мельницы, и наконецъ подъ самою крѣпостью впадала въ Москву. Крѣпость очень велика: въ ней, кромѣ обширныхъ дворцовыхъ зданій, находились дома митрополита, братьевъ великаго князя (по извѣстію Герберштейна), вельможъ и многихъ другихъ лицъ; кромѣ того въ ней было много церквей, такъ что все это вмѣстѣ давало крѣпости видъ отдѣльнаго, довольно значительнаго города. Въ XV в., по словамъ Барбаро, крѣпость со всѣхъ сторонъ окружена была рощами, но писатели XVI в. о нихъ не упоминаютъ. Путешественники XV в. не сообщаютъ никакихъ извѣстій о стѣнахъ крѣпости. Герберштейнъ говоритъ, что до Іоанна III она окружена была бревенчатыми стѣнами; но мы знаемъ, что каменную стѣну начали строить еще при Димитріѣ Донскомъ и послѣ неоднократно обновляли. По извѣстіямъ XVI в., крѣпость окружали кирпичныя стѣны съ башнями и бойницами, построенныя итальянскими мастерами, о чемъ Поссевинъ прочиталъ надпись надъ одними изъ кремлевскихъ воротъ, подъ образомъ Богоматери. Во время пребыванія Ченслера въ Москвѣ, здѣсь строились стѣны изъ кирпичей въ 18 футовъ толщиной. По извѣстіямъ конца XVI в., къ главной крѣпости, называвшейся большимъ городомъ, примыкалъ Китай-городъ [273]), также обнесенный стѣнами, въ которомъ Поссевинъ видѣлъ новыя лавки (вѣроятно, вновь по-

---

[273]) Построенъ въ 1534 году.

строенныя послѣ 1571 года), расположенныя улицами, по родамъ товаровъ; но эти лавки были такъ малы, что, по выраженію Поссевина, въ одномъ венеціанскомъ магазинѣ найдется больше товаровъ, нежели въ цѣломъ ряду московскихъ лавокъ. Барбаро и Контарини говорятъ, что всѣ зданія въ Москвѣ деревянныя, хотя послѣдній засталъ уже здѣсь Аристотеля, и съ конца XV вѣка столица начала украшаться каменными зданіями. Впрочемъ каменныя постройки распространялись медленно. Въ первой половинѣ XVI в. на посадѣ было очень немного каменныхъ домовъ, церквей и монастырей; даже въ кремлѣ дома и церкви были большею частью деревянные; изъ церквей каменныя были Архангельскій и Успенскій соборы. При Герберштейнѣ начинали строить и другія каменныя церкви. Во второй половинѣ XVI в. ихъ было уже довольно, но изъ домовъ вельможъ было только три каменныхъ. Всѣхъ церквей въ Кремлѣ, по показанію того же иностранца, было 16. На посадѣ было очень много церквей, и многія изъ нихъ, по словамъ Поссевина, стояли, кажется, больше для украшенія города, нежели для богослуженія, потому что большую часть года были заперты. Дома были не очень велики и внутри довольно просторны, отдѣлялись другъ отъ друга длинными заборами и плетнями, за которыми жители держали весь домашній скотъ, что, говоритъ Поссевинъ, даетъ имъ видъ нашихъ сельскихъ домиковъ. Дома строились очень скоро и дешево; порядочный домъ можно было построить рублей за 20 или 30. Герберштейну сказали, что въ Москвѣ всѣхъ зданій болѣе 41,000; но онъ самъ называетъ это число едва вѣроятнымъ. Это показаніе повторяетъ и Флетчеръ. О числѣ жителей въ Москвѣ у Герберштейна нѣтъ извѣстія; по показанію Поссевина, ихъ считалось не болѣе 30,000; но при Поссевинѣ, 11 лѣтъ спустя, послѣ разгрома 1571 года, Москва была далеко не тѣмъ, чѣмъ была она при Герберштейнѣ. Вокругъ города видно было нѣсколько монастырей, изъ которыхъ каждый казался издали небольшимъ городомъ. Городъ со всѣхъ

сторонъ окруженъ былъ пространными полями, за которыми видны были обширные лѣса [274]).

Съ большими подробностями говорятъ о Москвѣ путешественники XVII вѣка. Иностранцы съ любопытствомъ осматривали этотъ большой городъ, давшій имя цѣлой странѣ, тянувшій къ себѣ всю ея жизнь. Наиболѣе полное описаніе Москвы въ XVII в. находимъ у Олеарія и Таннера. Москва лежала въ самой срединѣ государства, почти въ равномъ разстояніи отъ всѣхъ границъ, приблизительно во 120 миляхъ, по показанію Олеарія. Издали Москва производила выгодное впечатлѣніе на путешественника своими безчисленными церквами и бѣлыми стѣнами Кремля, возвышавшимися надъ громадной черной массой домовъ. Авриль замѣчаетъ, что видъ на Москву издали есть одно изъ прекраснѣйшихъ зрѣлищъ, когда-либо имъ видѣнныхъ, по величинѣ и великолѣпію города. Но очарованіе исчезало, какъ скоро путешественникъ въѣзжалъ въ самый городъ: ему представлялись здѣсь неправильныя, неопрятныя улицы, маленькія церкви и множество невзрачныхъ, бѣдныхъ домиковъ; городъ по замѣчанію Олеарія, казавшійся издали великолѣпнымъ Іерусалимомъ, внутри являлся бѣднымъ Виѳлеемомъ. Улицы были широки, но неровны и большею частью немощены; въ ненастное время на нихъ вязли по колѣно въ грязи, хотя кой-гдѣ клались, какъ ни попало, бревна и небольшіе мосты. Нѣкоторыя улицы вымощены были досками и круглыми бревнами, положенными поперекъ улицы съ насыпанной въ промежуткахъ землей; оттого по нимъ обыкновенно ѣздили на некованныхъ лошадяхъ. По замѣчанію Рейтенфельса, на этихъ улицахъ въ лѣтнее время было или пыльно, или грязно, но за то зимой—гладь. Только при кн. В. В. Голицынѣ и по его распоряженію весь

---

[274]) Барбаро, 58.—Контарини, 108 и слѣд.—Кампензе, 23.—Іовій, 33—37.—Herberstein, 45 и 46.—Clemens Adam, 147.—Guagnini, 155.—Possevino, 14—17.—Флетчеръ, гл. 4-я.

городъ былъ вымощенъ досками; но со времени опалы этого вельможи мостовая его, по словамъ Невиля, поддерживалась только на главныхъ улицахъ. Неопрятность улицъ заставляла иногда принимать мѣры, которыя очень удивляли иностранцевъ: во время крестныхъ ходовъ, впереди духовенства и образовъ шло до 130 человѣкъ съ метлами, которые расчищали улицы и усыпали ихъ пескомъ. Путешественники XVII в. говорятъ, что городъ наполненъ деревянными домами. Дома казались иностранцамъ низкими и некрасивыми, строились обыкновенно въ два жилья, изъ сосновыхъ или еловыхъ брусьевъ, крылись тесомъ или берестой, которую иногда обкладывали сверху еще дерномъ. Только у вельможъ, нѣкоторыхъ богатыхъ купцовъ и Нѣмцевъ были каменные дома, но съ маленькими окнами, къ которымъ придѣлывались жестяные или желѣзные ставни, для защиты дома на случай пожара. Съ тою же цѣлью дома ставились на большомъ разстояніи одинъ отъ другого; при каждомъ былъ обширный дворъ и садъ. Каменныя постройки особенно усилились во второй половинѣ XVII в. Мейербергъ говоритъ, что съ нѣкотораго времени появилось въ городѣ значительное число каменныхъ зданій; особенно распространялъ каменныя постройки въ Москвѣ В. В. Голицынъ; при немъ по свидѣтельству Невиля, построено было въ Москвѣ больше 3,000 каменныхъ домовъ. Впрочемъ, распространенію каменныхъ домовъ мѣшало между прочимъ и то, что они считалась нездоровыми; оттого каменныя стѣны внутри компатъ обшивали тесомъ, подкладывали подъ него мохъ. Украшеніемъ улицъ и всего города были церкви. Въ началѣ XVII в., по свидѣтельству Маржерета, было еще очень много деревянныхъ церквей, хотя, добавляетъ тотъ же иностранецъ, съ нѣкотораго времени построенно довольно и каменныхъ. Во второй половинѣ XVII в., если вѣрить Рейтенфельсу, почти всѣ церкви были уже каменныя. Каменныя церкви были всѣ круглыя, пятиглавыя съ широкими куполами, покрытыя жестью. Колокола помѣщались и на колокольняхъ, и внизу въ цер-

ковной оградѣ, на столбахъ; Олеарій говоритъ даже, что чаще встрѣчалось послѣднее. При каждой церкви было по крайней мѣрѣ 6 колоколовъ, но большею частью они вѣсили не болѣе 4 или 5 пудовъ. Иностранцевъ изумляло множество церквей въ Москвѣ; весь городъ наполненъ ими, говоритъ Таннеръ; сами жители сознаются, что они не знаютъ точнаго ихъ числа; по свидѣтельству Олеарія, на каждые пять домовъ приходилось по церкви. Всѣхъ церквей въ городѣ и предмѣстьяхъ съ монастырями считали во время Олеарія больше 2,000 [275]). Такое множество церквей Олеарій объясняетъ тѣмъ, что въ Москвѣ всякій сколько-нибудь знатный господинъ имѣлъ при домѣ свою церковь, гдѣ онъ одинъ только со своими родственниками слушалъ божественную службу. Впрочемъ, церкви были очень небольшія; многія имѣли, по словамъ Олеарія, не болѣе 15 пядей въ ширину. Не меньше изумляла иностранцевъ и обширность пространства, на которомъ раскинулась Москва. Въ XVII в. это пространство далеко не могло равняться тому, какое занимала Москва въ половинѣ XVI в.: такіе годы, какъ 1571 и 1611, не могли не оставить на городѣ глубокихъ слѣдовъ, которые трудно было загладить. Съ трудомъ поправлялась Москва; но уже не достигала прежнихъ объемовъ: до конца XVII в. мы встрѣчаемъ у иностранцевъ замѣчаніе, что, по словамъ самихъ жителей Москвы, прежде она была гораздо обширнѣе и многолюднѣе. Несмотря на это, и въ XVII в. городъ былъ очень обширенъ и принадлежалъ къ числу самыхъ большихъ городовъ Европы [276]); по свидѣтельству Олеарія, онъ имѣлъ въ окружности около 3 миль, а по Мейербергу около 19 верстъ [277]). О размѣ-

[275]) По Буссову по крайней мѣрѣ 3,000, по Петрею даже около 4,500, по Таннеру и Штраусу 1,700, по Корбу больше 200.

[276]) Olearius: il est certain, que c'est aujourd'huy une des plus grandes villes de l'Europe.

[277]) Буссовъ говоритъ, что до пожара въ 1611 году столица имѣла въ окружности больше 4-хъ миль. «Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», ч. 1-я, стр. 208.

рахъ города можно заключить также по числу домовъ, какое показываютъ иностранцы XVII в., и по обширности пустыхъ мѣстъ между домами и улицами. Несмотря на разгромъ 1611 года, уже во второй четверти XVII в. въ Москвѣ считалось болѣе 40,000 домовъ. Писатели второй половины XVII в. показываютъ еще больше; по Лизеку, домовъ въ Москвѣ было больше 42,000, а по Штраусу около 95,000. О числѣ жителей также имѣемъ нѣсколько несходныхъ показаній; но всѣ почти иностранцы говорятъ, что оно соотвѣтствовало обширности города. Изъ одного мѣста въ лѣтописи Буссова видно, что до польскаго разгрома въ смутное время не только русскіе, но и поляки полагали въ Москвѣ около милліона жителей. Позднѣйшія извѣстія значительно уменьшаютъ это число: по Рейтенфельсу и Аврилю, жителей въ Москвѣ было около 600,000, по Невилю—отъ 500,000 до 600,000. Кромѣ Русскихъ, въ Москвѣ жило очень много Грековъ, Персіянъ, Нѣмцевъ, Турокъ и Татаръ, но Жидовъ не было вовсе, ибо ихъ не терпѣли не только въ столицѣ, но и въ предѣлахъ государства.

Исторія государства положила рѣзкую печать на всю физіономію его столицы, на ея расположеніе и укрѣпленія: видно было, что этотъ городъ росъ медленно, расширяясь отъ центра во всѣ стороны, захватывая окрестныя селенія, слагался подъ вліяніемъ постоянныхъ внѣшнихъ опасностей. По описанію Олеарія, городъ состоялъ изъ 5 главныхъ частей; три изъ нихъ имѣли видъ особыхъ городовъ, огибавшихъ одинъ другой: это были Китай-городъ съ Кремлемъ, Бѣлгородъ, и Земляной городъ. Китай-городъ занималъ средину и былъ окруженъ толстою каменною стѣной, которую называли К р а с н о й с т ѣ н о й. Съ юга эту часть омывала рѣка Москва, а съ сѣвера Неглинная. Почти половину Китая-города занималъ царскій замокъ Кремль[278]) онъ расположенъ въ самой срединѣ города, составляя какъ

[278]) Иначе называемый у О л е а р і я и другихъ К р ы м ъ - г о р о д ъ.

бы его сердце, по выраженію Таннера, и окруженъ былъ тройною толстою каменною стѣною и глубокимъ рвомъ [279]). Въ Кремль вели 5 воротъ; тѣ, которыя выходили въ Китай-городъ и Бѣлгородъ, затворялись каждыя тремя дверьми. У этихъ воротъ, съ внѣшней стороны Кремля, сдѣланы были черезъ ровъ мосты на сваяхъ. Подъ одними изъ воротъ, ведшихъ въ Китай-городъ (Флоровскими), возвышалась башня съ часами, показывавшими время по московскому счисленію; когда царь уѣзжалъ изъ Кремля, эти ворота запирались. Въ самомъ Кремлѣ вниманіе наблюдателя прежде всего останавливали на себѣ двѣ башни, возвышавшіяся на срединѣ его: одна изъ нихъ, Иванъ-Великій, очень высокая, со множествомъ колоколовъ [280]) другая была замѣчательна по висѣвшему на ней громадному колоколу, слитому при Борисѣ Годуновѣ и имѣвшему 346 центнеровъ вѣса; въ него звонили только по большимъ праздникамъ и во дни придворныхъ торжествъ; его раскачивали 24 человѣка, которые стояли внизу, на площади [281]). Въ Кремлѣ было два монастыря, мужской и женскій, и больше 50 каменныхъ церквей; Коллинсъ насчитываетъ ихъ даже до 80; башенки на нихъ, какъ и на Ивановской колокольнѣ, покрыты были густо-вызолоченною мѣдью, которая, блестя на солнцѣ, представляла издали очень красивый видъ. Въ углубленіи Кремля расположены были многочисленныя царскія па-

---

[279]) Таннеръ принялъ этотъ ровъ за другой рукавъ Неглинной.

[280]) По описанію Таннера, на этой колокольнѣ было 37 колоколовъ, висѣвшихъ по окнамъ четырехъ ярусовъ колокольни въ гармоническомъ порядкѣ; подробности см. у Таннера на стр. 59—61.

[281]) При Алексѣѣ Михайловичѣ слитъ былъ другой колоколъ, еще больше, подъ которымъ, говоритъ Мьежъ, могли помѣститься 40 человѣкъ. Изъ этого колокола при Аннѣ Іоанновнѣ слитъ былъ тотъ, который нынѣ лежитъ около Ивановской колокольни. «Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», ч. 5-я, примѣч. 59.—Рейтенфельсъ видѣлъ второй колоколъ и говоритъ, что онъ вѣсилъ 320.000 фунт.

латы; передъ ними, на Красной площади, Таннеръ видѣлъ до 200 пушекъ, разставленныхъ рядами; незадолго до Олеарія построенъ былъ великолѣпный каменный дворецъ (Теремный) въ итальянскомъ вкусѣ, но царь продолжалъ жить въ деревянныхъ хоромахъ, находя ихъ болѣе здоровыми. Въ Кремлѣ же находились домы многихъ бояръ [282]); но выше всѣхъ ихъ поднимались великолѣпныя каменныя палаты патріарха, находившіяся подлѣ царскаго дворца. Кромѣ того, въ Кремлѣ находилась царская казна, провіантскій и пороховой дворъ и приказы, большая часть которыхъ расположена была между Спасскими воротами и Архангельскимъ соборомъ; при В. В. Голицынѣ здѣсь построено было огромное зданіе для приказовъ, состоявшее изъ четырехъ корпусовъ, со множествомъ залъ [283]). Вся крѣпость застроена была царскими и боярскими хоромами, церквами и другими зданіями, такъ что въ ней почти не оставалось пустого мѣста. Кромѣ царской придворной службы, въ Кремлѣ находилось постоянно, по свидѣтельству Лизека, до 20.000 царскихъ тѣлохранителей [284]).

Внѣ Кремля, въ отдѣленіи Китая-города, вниманіе иностранцевъ прежде всего останавливали на себѣ церковь Св. Троицы (Василій Блаженный), которую московскіе Нѣмцы называли обыкновенно Іерусалимомъ; она удивляла иностранцевъ оригинальностью своей архитектуры, и нѣкоторые называютъ ее очень изящной. Подлѣ этого храма, на площади, лежали на землѣ двѣ огромныя пушки, обращенныя на пловучій московскій мостъ и на улицу, от-

---

[282]) При Коллинсѣ здѣсь были хоромы Черкасскаго, Морозова, Трубецкого, Милославскаго, Одоевскаго и др.

[283]) Прежде приказы помѣщались «dans quelques granges», по выраженію Невилля.

[284]) Домы патріарха и бояръ исчезали въ массѣ дворцовыхъ зданій, такъ что намъ понятна неточность нѣкоторыхъ иностранцевъ, говорившихъ, что весь Кремль есть не что иное, какъ дворецъ царя: Cremelinum civitas est, quam solus czarus inhabitat. Lysek, 62.

куда обыкновенно нападали Татары. Прямо передъ замкомъ находился обширный рынокъ, главный въ городѣ, со множествомъ купеческихъ лавокъ. Этихъ лавокъ считали здѣсь до 40,000; онѣ наполняли рынокъ и всѣ соприкасавшіяся съ ними улицы; для каждаго товара назначены были особыя мѣста и лавки. Торговки холстомъ помѣщались на срединѣ рынка [285]). Передъ самымъ Кремлемъ, на обширной четыреугольной площади не позволялось ставить лавки; но здѣсь кипѣла разносная торговля. Корбъ пересчитываетъ слѣдующіе ряды съ товарами, расположенные одинъ за другимъ по направленію отъ Кремля: 1) шелковый, 2) суконный, 3) серебряный (съ золотыми и серебряными вещами), 4) мѣховой, 5) сапожный, 6) холстинный, 7) рядъ, гдѣ продавались образа [286]), 8) рядъ готоваго платья, 9) овощной, 10) рыбный, 11) птичій. Были и другіе товары, для которыхъ также назначены были особыя мѣста. На обширномъ ровномъ мѣстѣ между храмомъ Св. Троицы и Красной стѣной, по направленію къ Москвѣ-рѣкѣ, находился обширный гостинный дворъ, называвшійся Персидскимъ, который былъ наполненъ лавками Персіянъ, Армянъ, и Татаръ, числомъ до 200, съ золотыми и серебряными издѣліями, драгоцѣнными камнями и другими восточными товарами. Около этого двора, въ Красной стѣнѣ находились ворота, которыя вели къ пловучему мосту на Москвѣ-рѣкѣ. Кромѣ этого Персидскаго двора, въ Китаѣ-городѣ было еще два гостинныхъ двора для иностранныхъ купцовъ: въ одномъ, старомъ, продавались, по словамъ

---

[285]) Olearius, 108: où il se trouve encore une autre sorte de marchandes, qui tiennent des bagues dans la bouche et debitent avec leurs rubis et leurs turquoises une autre marchandise que l'on ne voit point. Cp. Tanner, 64.

[286]) Таннеръ опредѣляетъ положеніе послѣдняго: est platea perampla, quam ipse dux quoquoversum pergat, pertransit; haec a Krimgorod porrigitur, non aliis quam pictoribus habitata. Hi quia divorum effigies venales faciunt, platea Divina dici meruit a Moscis. P. 64.

Рейтенфельса, товары для ежедневнаго употребленія; въ другомъ, новомъ и самомъ обширномъ, помѣщались нѣмецкіе товары и платилась вѣсчая пошлина. Эти три двора были каменные. Въ другой части Китая, съ той стороны, гдѣ онъ омывался рѣкой Неглинной, находилось до 200 погребовъ съ медами и заграничными винами. Около Казанскаго собора Олеарій указываетъ ножевой рядъ [287]). Здѣсь же, близъ площади, находился городской судъ. Неподалеку отъ Посольскаго двора находилось мѣсто, уставленное множествомъ хижинокъ и называвшееся вшивымъ рынкомъ; здѣсь производилась стрижка волосъ, которые лежали тутъ кучами, такъ что, говоритъ Олеарій, проходя этимъ рынкомъ, ступаешь точно по подушкамъ. На Красной площади всего стояло до 200 извозчиковъ съ маленькими санями или телѣжками въ одну лошадь. Площадь съ утра до вечера кипѣла народомъ; болѣе всего было на ней, замѣчаетъ Олеарій, холопей и праздношатающихся. Особенно оживлены были тѣ мѣста, гдѣ продавали нитки, холсты, кольца и т. п. товары: женщины, продававшія и покупавшія эти товары, по словамъ Олеарія, подымали такой шумъ, что съ непривычки можно было подумать, что горитъ городъ или случилось что-нибудь необыкновенное. Иностранцы второй половины XVII в. говорятъ, что почти всѣ зданія въ Китаѣ были каменныя; между ними особенно отличались размѣрами и красотой Посольскій дворъ, зданіе типографіи, Греческій дворъ, также вышеупомянутые гостинные дворы и дома нѣкоторыхъ вельможъ, наприм. князя Грузинскаго и др. Въ Китаѣ жило много бояръ, а также гостей или лучшихъ купцовъ. При Маскѣвичѣ Красная стѣна имѣла 6 воротъ, а на ней было 10 башенъ; на башняхъ и по стѣнѣ разставлено было множество пушекъ. Улицы въ Китаѣ, какъ и въ другихъ частяхъ Москвы, вымощены были круглыми бревнами; только двѣ главныя,—одна противъ Спасскихъ во-

---

[287]) Olearius, 256: auprès de la rue, où les marchands coustelliers ont leurs boutiques.

ротъ, по которой обыкновенно царь выѣзжалъ изъ города, а другая у посольскаго дома,—выложены были обтесанными брусьями.

Вторую часть города составлялъ Бѣлгородъ; по словамъ Таннера, прежде онъ назывался Царевымъ гоордомъ [288]). Бѣлымъ же сталъ называться съ того времени, какъ были поправлены и выбѣлены его стѣны. Эта часть Москвы огибала въ видѣ полумѣсяца Китай-городъ съ Кремлемъ и окружена была высокою и толстою каменною стѣной, которая называлась Б ѣ л о й; эта стѣна шла отъ Москвы-рѣки вокругъ красной и Кремлевской стѣны, пересѣкая рѣку Неглинную, и наконецъ возвращалась къ Москвѣ-рѣкѣ по другую сторону Кремля. По свидѣтельству Таннера, Бѣлгородъ былъ впятеро больше Китая. Въ этой части города жило много князей и бояръ, сыновей боярскихъ, или дворянъ, значительныхъ купцовъ и ремесленниковъ, особенно булочниковъ; каждый ремесленникъ вывѣшивалъ на окна вещь, указывавшую на его ремесло: сапожникъ вывѣшивалъ сапогъ, портной лоскутки разныхъ матерій и т. п. Между ремесленниками, дѣлавшими обувь, особенно много было такихъ, которые плели лапти для простого народа. Здѣсь было много мясныхъ лавокъ, распространявшихъ невыносимый запахъ отъ множества испорченнаго мяса, которое лежало передъ лавками на солнцѣ непокрытымъ. Здѣсь находился скотный рынокъ и было много кружалъ съ водкой, медомъ и пивомъ, а также множество лавокъ съ квасомъ, мукой и другими товарами. Кромѣ лавокъ здѣсь было два большихъ завода, одинъ пороховой, другой литейный, на которомъ лили пушки и колокола; мѣсто по берегу Неглинной, гдѣ стоялъ этотъ заводъ, называлось Поганымъ прудомъ. Недалеко отъ него, на другой сторонѣ Неглинной, находились двѣ царскія конюшни, въ которыхъ содержалось

---

[288]) М а с к ѣ в и ч ъ называетъ его еще Ивангородомъ. Ср. «Домашній бытъ русскихъ царей», И. З а б ѣ л и н а, стр. 16.

до 1000 лошадей; тамъ же была аптека и двѣ тюрьмы, въ которыхъ, по свидѣтельству Таннера, всегда сидѣло до 2000 плѣнныхъ Турокъ, Татаръ, и др. Остальное пространство Бѣлгорода застроено было церквами, домами разныхъ служилыхъ и посадскихъ людей, съ обширными садами; между этими домами было много красивыхъ каменныхъ и деревянныхъ, принадлежащихъ боярамъ и нѣмцамъ; при Рейтенфельсѣ особеннымъ изяществомъ архитектуры отличались палаты Артамона Сергѣевича Матвѣева [289]). Ряды зданій начинались на значительномъ разстояніи отъ стѣнъ; незастроенными оставались также небольшія площади у воротъ, которыя вели въ Кремль и Китай-городъ.

Третья часть города называлась Скородомомъ; она огибала Бѣлгородъ съ востока, сѣвера и запада; чрезъ нее протекала рѣка Яуза. До пожара въ 1611 году Скородомъ былъ обнесенъ деревянной стѣной, тянувшейся миль на 7 (35 верстъ), какъ сказывали Маскѣвичу, и въ три копья вышиной. Эта стѣна простиралась и за Москву-рѣку, такъ что послѣдняя пересѣкала ее въ двухъ мѣстахъ. Эта деревянная ограда имѣла множество воротъ, между которыми возвышались на ней по двѣ и по три башни, и на башняхъ стояло по 4 и по 6 большихъ орудій, кромѣ полевыхъ пушекъ, которыхъ было на стѣнѣ такъ много, что и перечесть трудно, по выраженію Маскѣвича. Вся ограда была обшита тесомъ; башни и ворота, весьма красивыя, стоили, вѣроятно, много трудовъ и времени, добавляетъ Маскѣвичъ. Церквей было здѣсь множество, каменныхъ и деревянныхъ,—и все это, самодовольно восклицаетъ Маскѣвичъ, въ три дня обратили мы въ пепелъ! При царѣ Михаилѣ (въ 1637) вмѣсто сгорѣвшихъ деревянныхъ стѣнъ насыпанъ былъ высокій земляной валъ, который, по словамъ Коллинса, обложенъ былъ досками и бревнами; съ того времени Скородомъ сталъ называться Землянымъ го-

---

[289]) Любопытное описаніе внутренняго убранства палатъ Матвѣева см. у Лизека на стр. 75 и слѣд.

родомъ. Подлѣ вала шелъ глубокій ровъ, наполненный водой [290]). Таннеру сказывали въ Москвѣ, что этотъ валъ простирался миль на 5. Скородомъ былъ самою большою частью города, но зато много уступалъ двумъ описаннымъ частямъ и въ красотѣ зданій и въ зажиточности населенія. Онъ былъ густо застроенъ бѣдными деревянными домиками, въ которыхъ жили мелкіе ремесленники и другіе посадскіе люди; кромѣ нихъ въ Скородомѣ жило очень немного служилыхъ людей низшихъ чиновъ. Здѣсь находились рынки, на которыхъ продавали лѣсъ и готовые дома; эти рынки были завалены дровами, бревнами, досками, даже мостами, башнями и домами, совсѣмъ уже готовыми.

Три описанныя части находились въ прямой связи между собою и составляли собственно городъ. Къ нимъ примыкали еще двѣ части, расположенныя отдѣльно; это были слободы Стрѣлецкая и Нѣмецкая. Основаніемъ Стрѣлецкой слободы послужила слобода Налейки или Наливки, построенная великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ для иностранныхъ солдатъ; потомъ здѣсь поселены были стрѣльцы. Эта часть города лежала на другой сторонѣ Москвы-рѣки, противъ Кремля и Китая-города; со стороны послѣдняго къ ней велъ пловучій мостъ на судахъ. Стрѣлецкая слобода подраздѣлялась на 8 частей; съ одной стороны ее въ видѣ полумѣсяца огибала Москва рѣка, а съ другихъ сторонъ она окружена была валомъ и деревянными укрѣпленіями, которыя соединялись съ укрѣпленіями Землянаго города. Стрѣлецкая слобода была передовымъ укрѣпленіемъ Москвы противъ крымскихъ татаръ, которые съ этой стороны производили свои нападенія на столицу. Кромѣ стрѣльцовъ, въ Стрѣлецкой слободѣ жили мелкіе торговцы и другіе люди изъ простого народа. Подлѣ слободы, по берегу Москвы-рѣки тянулись длинные сады и обширные луга, на которыхъ паслись царскіе кони.

[290]) Слѣды прежнихъ деревянныхъ стѣнъ видны были еще при Таннерѣ; при Корбѣ Земляной городъ окруженъ былъ тыномъ и валомъ.

Въ верстѣ отъ Скородома, за Покровскими воротами, находилось другое предмѣстье, составлявшее 5-ю часть Москвы и называвшееся Нѣмецкою слободой, или Кокуемъ. Эта слобода отдѣлялась отъ Скородома небольшимъ полемъ и состояла изъ деревянныхъ домовъ нѣмецкой архитектуры. Таннеръ передаетъ слышанные имъ въ Москвѣ разсказы о возникновеніи этой слободы. Когда иноземные солдаты и мастера, привлеченные въ Москву, не могли мирно ужиться съ москвичами въ самомъ городѣ, ихъ поселили за Москвой-рѣкой въ слободѣ Наливкахъ. Но иноземцамъ и тамъ не дали покоя: москвичи постоянно кололи имъ глаза названіемъ ихъ новаго мѣстожительства, упрекая ихъ въ пьянствѣ; чтобы избавиться отъ насмѣшекъ и оскорбленій, иноземцы выпросили у царя позволеніе поселиться въ другомъ мѣстѣ подлѣ города. Здѣсь они построили нѣсколько красивыхъ деревянныхъ домиковъ, и это новое поселеніе названо было Нѣмецкою слободой, которая, по словамъ Таннера, вполнѣ имѣла видъ и устройство маленькаго нѣмецкаго городка. Незадолго до пріѣзда Олеарія, туда же переселены были, вслѣдствіе разныхъ непріятностей, иноземные купцы и офицеры, жившіе прежде въ Бѣлгородѣ. Олеарій разсказываетъ, что жены иноземныхъ купцовъ, не желая уступить женамъ иноземныхъ офицеровъ, которыя большею частью были прежде служанками, однажды подрались съ послѣдними въ лютеранской церкви, находившейся въ Бѣлгородѣ, вслѣдствіе чего патріархъ приказалъ перенести ихъ церковь въ Скородомъ. Къ этому присоединились и другія непріятности. Чтобы не подвергаться насмѣшкамъ и оскорбленіямъ со стороны москвичей, иноземцы, по словамъ Олеарія, стали одѣваться по-русски; но патріархъ, замѣтивъ при одномъ церковномъ торжествѣ, что иноземцы, вмѣшавшись въ толпу русскихъ, непочтительно относятся къ обрядамъ православной церкви, испросилъ у государя указъ, чтобы иностранцы ходили въ своемъ, а не въ русскомъ платьѣ. Тогда иноземцы стали подвергаться еще большимъ насмѣшкамъ и

обидамъ со стороны русскихъ, и чтобъ избавиться отъ этого, выселились, съ разрѣшенія царя, изъ города и основали особое предмѣстіе, Иноземную слободу, подлѣ старой Нѣмецкой, съ которой она скоро и слилась въ одно предмѣстье [291]). Населеніе Нѣмецкой слободы представляло довольно пеструю смѣсь націй и вѣроисповѣданій. Больше всего было нѣмцевъ-лютеранъ: Олеарій говоритъ, что ихъ было больше 1,000 семействъ. Они пользовались свободой богослуженія и имѣли два храма. Были также кальвинисты разныхъ націй; у нихъ былъ одинъ храмъ [292]). Меньше было католиковъ, Итальянцевъ и Французовъ; они не пользовались правомъ публично отправлять свое богослуженіе и не имѣли храма. Иностранные писатели говорятъ единогласно, что въ Москвѣ ни къ какимъ иностранцамъ не относились съ такимъ отвращеніемъ и недовѣріемъ, какъ къ католикамъ. Многіе изъ иностранцевъ принимали въ Москвѣ православную вѣру. Рейтенфельсъ указываетъ около Нѣмецкой слободы особое предмѣстье Басмановку, гдѣ жили иностранцы, принявшіе русскую вѣру, отчего это предмѣстье и называлось «слободою перекрестовъ». По словамъ Таннера, большинство иностранцевъ Нѣмецкой слободы носило платье нѣмецкихъ дворянъ; даже служанокъ своихъ Русскихъ или Татарокъ, они одѣвали по-нѣмецки. Близъ Нѣмецкой слободы находились три завода—стеклянный, желѣзоплавильный и бумажный, послѣдній на рѣкѣ Яузѣ; на нихъ работали иностранцы. На равнинѣ около Нѣмецкой слободы при Алексѣѣ Михайловичѣ были два большіе красивые сада, куда царь по словамъ Таннера, каждую недѣлю ѣздилъ гулять въ хорошую погоду.

Иностранные писатели не сообщаютъ намъ подробностей объ экономической жизни столицы, объ интересахъ и отношеніяхъ различныхъ классовъ ея населенія; но у нихъ

[291]) О другихъ причинахъ выселенія нѣмцевъ см. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. IX, стр. 423 и 424.

[292]) Такъ по Таннеру; Рейтенфельсъ говоритъ, что въ Нѣмецкой слободѣ было 3 лютеранскихъ храма и 2 кальвинскихъ.

есть замѣтки о повседневной жизни этого города, какъ она являлась на улицѣ; они указываютъ на обычныя явленія этой жизни, которыя помогаютъ измѣрить уровень общежитія и гражданственности въ образцовомъ городѣ Московскаго государства. День начинался рано; лѣтомъ съ восходомъ солнца, а зимой еще до свѣта пробуждалось городское движеніе; въ Китаѣ-Городѣ раздавался уже среди толпы набатъ боярина, ѣхавшаго въ Кремль ударить челомъ государю. Москвитяне, замѣчаетъ Невиль, любятъ ходить пѣшкомъ и ходятъ очень быстро. Но это замѣчаніе могло относится только къ людямъ изъ простого народа: служилый человѣкъ считалъ неприличнымъ для своего званія являться на улицу пѣшкомъ; даже отправляясь недалеко, дома за три, онъ бралъ лошадь и если не ѣхалъ на ней, то приказывалъ вести ее за собой. Лѣтомъ бояринъ ѣздилъ обыкновенно верхомъ, а зимой въ саняхъ, запряженныхъ въ одну рослую, обыкновенно бѣлую лошадь, съ сорокомъ соболей на хомутѣ; ею правилъ конюхъ, сидя верхомъ безъ сѣдла. Сани выстилались внутри медвѣжьей шкурой, у богатыхъ бѣлой, у другихъ черной; о коврахъ не было и помину. Передки у саней были обыкновенно такъ высоки, что изъ саней едва можно было видѣть голову конюха. Множество слугъ провожало боярина; одни стояли на передкахъ, другіе посрединѣ, бокомъ къ боярину, а нѣкоторые сзади, прицѣпившись къ санямъ. Лѣтомъ впереди боярина, ѣхавшаго верхомъ, также шло много слугъ. Еще пышнѣе и наряднѣе являлась на улицѣ благородная женщина, зимой въ саняхъ, лѣтомъ въ небольшой колымагѣ, покрытой краснымъ сукномъ и запряженной также въ одну лошадь, увѣшанную мѣхами или лисьими хвостами; что считалось лучшимъ украшеніемъ лошади, хотя по отзывамъ иностранцевъ, это давало ей странный, безобразный видъ. На лошади сидѣлъ парень въ косматомъ полушубкѣ и часто босоногій. Въ экипажѣ сидѣла дородная госпожа въ широкой, нигдѣ не стянутой одеждѣ и такъ густо набѣленная, что съ перваго взгляда, по замѣчанію Таннера, можно

было подумать, что лицо ея обсыпано мукой [293]) Въ ногахъ у нея помѣщалась служанка, замѣнявшая для нея скамейку [294]). Все это въ соединеніи съ тряской, какую производила московская мостовая, дѣлало изъ поѣзда дородной госпожи картину, потѣшавшую иностранца [295]). Знатную боярыню провожала многочисленная толпа слугъ, часто доходившая до 30—40 человѣкъ. Еще большей странностью поражало иностранца появленія въ городѣ царицына поѣзда. Когда, говоритъ Маржеретъ, царица прогуливается, за ея каретою слѣдуетъ нѣсколько женщинъ, которыя сидятъ на лошади верхомъ, какъ мужчины; на нихъ бѣлыя поярковыя шляпы похожія на епископскіе клобуки, длинныя платья изъ алой матеріи, съ большими рукавами шириною болѣе 3 футовъ.—Хотя, говоритъ Невиль, въ Москвѣ болѣе поллумиліона жителей, однакожъ найдется не болѣе 300 каретъ (колымагъ); но за то тамъ по всѣмъ площадямъ стоитъ болѣе 1,000 извозчиковъ съ маленькими тележками или санями въ одну лошадь; за деньгу, говоритъ Маскѣвичъ, извощикъ скачетъ, какъ бѣшеный, съ одного конца города на другой, и поминутно кричитъ во все горло: гись, гись, а народъ разступается во всѣ стороны. Но въ извѣстныхъ мѣстахъ извозчикъ останавливается и не везетъ далѣе, пока не получитъ другой деньги. Встрѣтясь съ другимъ извозщикомъ, онъ согласится скорѣе сломать у себя ось или колесо, нежели свернуть съ дороги. Въ полдень, въ обѣденное время, движеніе стихало, лавки закрывались: передъ ними видны были спящіе купцы или ихъ прикащики. Въ это время ни съ кѣмъ нельзя было вести

---

[293]) Olearius: elles (женщины) n'oublient point de se farder le visage, le col et les bras.

[294]) Tanner: in curru serva scabelli munus peragit, cui praepinguis domina pro lubito et commoditate pedes suos supra caput et humeros superponit.

[295]) Ibid.: spectaculum perjucundum fuit videre, quod ad minutissimum quemlibet currus motum foemineae pondus pinguedinis assidue agitaretur.

никакого дѣла, все засыпало, какъ въ полночь; нѣтъ, говоритъ Олеарій, москвитянина, какого бы ни былъ онъ состоянія, который не спалъ бы послѣ обѣда. Много некрасивыхъ явленій замѣчалъ иностранецъ днемъ на московской улицѣ; особенно поражало его постоянное употребленіе бранныхъ словъ, хотя это было запрещено царскимъ указомъ. По словамъ Олеарія, по рынкамъ ходили особые пристава, которые хватали и тутъ же на мѣстѣ наказывали виновнаго; но и они уставали наказывать на каждомъ шагу ругающійся и бранящійся народъ. Еще больше темныхъ явленій совершалось ночью. День оканчивался рано, какъ рано и начинался; длинная ночь, при плохомъ устройствѣ городской полиціи, давала широкій просторъ для промысла лихимъ людямъ, которыхъ много было въ огромной столицѣ Московскаго государства. Ночью на площадяхъ и перекресткахъ стояла стража, смотрѣвшая за тѣмъ, чтобы никто не ходилъ безъ фонаря; всякій, ѣхавшій или шедшій ночью безъ огня считался воромъ или лазутчикомъ и немедленно отправлялся въ Стрѣлецкій приказъ для розыска и расправы. Всякій разъ, какъ били часы на Спасскихъ воротахъ, стоявшіе здѣсь караульщики ударяли палками по доскѣ столько разъ, сколько пробило часовъ. При домахъ бояръ и богатыхъ купцовъ также стояли сторожа, которые съ прочими городскими дозорами, услышавъ стукъ у Спасскихъ воротъ, вторили ему, давая этимъ знать, что они не спятъ. Между тѣмъ иностранцы единогласно говорятъ, что въ Москвѣ не проходило ночи безъ убійствъ и грабежей; они указываютъ и на главную причину этихъ безпорядковъ. Дворяне, говоритъ Маржеретъ, измѣряютъ здѣсь свое богатство числомъ слуги, а не количествомъ денегъ; поэтому каждый изъ нихъ держитъ множество холопей: по свидѣтельству Олеарія, число ихъ въ нѣкоторыхъ боярскихъ домахъ доходило до 100. Но господа не давали своимъ холопямъ пищи, а платили имъ кормовыя деньги и въ такомъ маломъ количествѣ, что холопи едва могли кормиться на нихъ и отъ того часто промышляли дурными сред-

ствами. Ночные сторожа служили плохою помѣхой лихимъ людямъ, напротивъ, даже помогали имъ и дѣлили съ ними добычу. Еще менѣе можно было обижаемому ждать помощи отъ обывателей: ни одинъ домохозяинъ, говоритъ Олеарій, не рѣшится высунуть голову изъ окна, а тѣмъ менѣе выйти изъ дома на помощь человѣку, подвергнувшемуся нападенію ночныхъ разбойниковъ, боясь, что послѣдніе сдѣлаютъ и съ нимъ то же или еще хуже, подожгутъ его домъ. Коллинсъ указываетъ и на другое явленіе: обыватель боялся подать помощь умирающему, котораго находилъ на улицѣ, зная, что если застанутъ его около мертваго тѣла, сейчасъ поволокутъ въ Земскій приказъ, а тамъ скоро не раздѣлаешься. Оттого ночью по Москвѣ нельзя было ходить безъ оружія и провожатыхъ. Почти каждое утро на московскихъ улицахъ поднимали нѣсколько труповъ; количество ихъ страшно увеличивалось въ праздники и особенно на масляницу, когда къ разбоямъ присоединялись многочисленные смертные случаи отъ пьянства. По замѣчанію Коллинса, въ Москвѣ не проходило масляницы безъ того, чтобы не поднимали на улицахъ отъ 200 до 300 человѣкъ, погибшихъ отъ той или другой причины [296]). Въ праздники множество пьяныхъ валялось по улицамъ, никто не прибиралъ ихъ и на другой день многіе изъ нихъ оказывались мертвыми. Поднятые на улицѣ трупы отвозили на дворъ Земскаго приказа, гдѣ выставляли ихъ на три или на четыре дня, чтобы родственники или друзья погибшихъ могли взять и похоронить ихъ; когда же никто не являлся, трупы отвозили въ одинъ «изъ убогихъ домовъ», бывшихъ въ Москвѣ [297]); тамъ ихъ складывали въ общую яму, въ концѣ мая

---

[296]) Neuville: le desordre est si grand dans ce temps-lá que les étrangers qui logent dans les faubourgs n'oseroient quasi sortir et venir à la ville; car ils (москвичи) s'enyurent et s'assomment comme des bêtes sauvages.

[297]) См. объ этихъ домахъ «Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», ч. I, примѣч. 41 и Adelung, Uebersicht» etc. II, 69.

отпѣвали и хоронили всѣхъ вмѣстѣ, иногда труповъ по 300, по словамъ Коллинса. Лихіе люди часто прибѣгали къ особенному средству поживиться на чужой счетъ: они поджигали дома зажиточныхъ людей, прибѣгали на пожаръ будто для спасенія имущества и воровали въ обширныхъ размѣрахъ. Оттого пожары въ Москвѣ чаще случались по ночамъ, вспыхивали вдругъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Ночныя убійства, воровство и пожары — вотъ обычныя явленія московской жизни, отмѣченныя иностранцами [298]). Кромѣ злого умысла, пожары происходили и отъ неосторожности. Записки иностранныхъ путешественниковъ о Москвѣ наполнены извѣстіями о пожарахъ. Не проходило почти недѣли безъ того, чтобы не сгорали цѣлыя улицы. Пожары были, такъ сказать, привычнымъ, ежедневнымъ явленіемъ, къ которому относились довольно равнодушно; если пожаръ истреблялъ сотню или двѣ домовъ, о немъ и не говорили много; только тотъ пожаръ считался въ Москвѣ большимъ и оставлялъ по себѣ память, который истреблялъ по крайней мѣрѣ 7,000 или 8,000 домовъ. Пріѣхавъ въ Москву въ 1634 г., Олеарій увидѣлъ въ Бѣлгородѣ обширные пустыри съ остатками сгорѣвшихъ зданій; незадолго передъ тѣмъ пожаръ обратилъ въ пепелъ до 5,000 домовъ; погорѣвшіе жили на пепелищѣ въ шалашахъ и палаткахъ. Для предупрежденія подобныхъ несчастій почью ходили по городу стрѣльцы и сторожа съ топорами, которыми въ случаѣ пожара ломали сосѣднія зданія, домовъ 20, пока не доходили до ближняго угла или площади, и отвозили дерево дальше отъ огня; если же какое-нибудь зданіе надо было сберечь, его покрывали воловьей кожей, которую поливали водой. Впрочемъ о сгорѣвшихъ домахъ и не жалѣли много: что было подороже изъ имущества, хранилось въ подземныхъ кладовыхъ, а дома скоро покупались со-

[298]) Въ дневникѣ Корба постоянно встрѣчаются извѣстія о Москвѣ въ родѣ слѣдующаго: exitiali incendio multae aedes perierunt; inventi etiam publicis in plateis duo Mosci quibus capita nefando crimine erant abscissa.

всѣмъ готовые на рынкѣ, гдѣ ихъ продавали тысячами; въ короткое время и безъ особенныхъ издержекъ ихъ разбирали, перевозили въ назначенное мѣсто и опять складывали. Въ Москвѣ были плотники, которые въ однѣ сутки ставили и отдѣлывали домъ. Легко понять, что это были за дома [299]). Лизекъ даже видѣлъ на рынкѣ продававшуюся старую колокольню. Кромѣ того, въ обширныхъ лѣсныхъ рядахъ продавалось столько строевого лѣса, что изъ него можно было, по выраженію Мьежа, выстроить цѣлый городъ [300]).

Первое мѣсто между городами Московскаго государства послѣ столицы въ XVI в. принадлежало Новгороду Великому. Ланноа еще засталъ его такимъ, какимъ былъ онъ въ лучшее время своей жизни, и такъ описываетъ его наружный видъ: «Городъ необыкновенно обширенъ, расположенъ на прекрасной равнинѣ, окруженной лѣсами; но огороженъ онъ плохими стѣнами, состоящими изъ плетней (de cloyes) и земли, хотя башни на нихъ каменныя; на берегу протекающей среди города рѣки расположена крѣпость въ которой находится главная въ городѣ церковь св. Софіи; здѣсь живетъ епископъ города» [301]). Одерборнъ говоритъ, что нѣкогда одно имя этого города приводило въ страхъ сосѣдей и что новгородская поговорка «кто противъ Бога и Великаго Новгорода» очень часто повторялась у саксонцевъ. Иностранцы говорятъ объ огромныхъ богатствахъ независимаго Новгорода, бывшихъ слѣдствіемъ его обширной торговли: по словамъ Кампензе и Гер-

---

[299]) Neuville: chacune de ces maisons ne vaut guères plus qu'une étable à cochon en Allemagne ou en France.

[300]) Avril, 158.—Маржеретъ, 34.—Буссовъ, 79, 95, 100.—Mayerberg, I, 42, 99.—Carlisle, 80, 286.—Olearius, 106, 256, 269, 158, 167, 25.—Lyseck, 95, 62.—Struys, 117—120.—Neuville, 185, 198, 179, 189, 14, 190.—Korb, 194.—Маскѣвичъ, 70—74, 64.—Tanner. 52. Коллинсъ. 175.—Рейтенфельсъ, 18—24.

[301]) G. de Lannoy, 19.

берштейна, московскій государь, завоевавъ Новгородъ, вывезъ оттуда болѣе 300 возовъ, наполненныхъ золотомъ, серебромъ и другими дорогими вещами. Несмотря на страшныя бури, которыя пронеслись надъ Новгородомъ во второй половинѣ XV в., въ XVI его продолжаютъ называть знаменитѣйшимъ и богатѣйшимъ городомъ Московскаго государства послѣ столицы. Къ нему съ большею справедливостью, нежели къ Москвѣ, можно было приложить замѣчаніе Іовія объ удобствѣ водныхъ сообщеній, и англичане не безъ основанія называли его лучшимъ торговымъ городомъ въ государствѣ: хотя государь, пишетъ Ченслеръ, утвердилъ свой столъ въ Москвѣ, но положеніе при рѣкѣ, открывающей путь къ Балтійскому морю, даетъ Новгороду первенство предъ столицей въ торговлѣ, привлекая къ нему больше купцовъ. О наружномъ видѣ его въ XVI в. иностранцы сообщаютъ немного свѣдѣній. По словамъ Іовія, Новгородъ славился безчисленнымъ множествомъ зданій; въ немъ было много богатыхъ и великолѣпныхъ монастырей и изящно-изукрашенныхъ церквей. Зданія впрочемъ почти всѣ были деревянныя. Англичане доносили, что, уступая Москвѣ въ достоинствѣ, онъ значительно превосходилъ ее обширностью. Новгородскій кремль имѣлъ почти круглый видъ и былъ окруженъ высокими стѣнами съ башнями[302]); кромѣ собора и зданій подлѣ него, въ которыхъ жилъ архіепископъ съ духовенствомъ, въ немъ почти не было другихъ зданій. За годъ до пріѣзда Поссевина въ Новгородъ одинъ иностранный архитекторъ окружилъ кремль новой, земляной стѣною, на которой поставилъ нѣсколько бойницъ съ пушками. Въ письмѣ къ начальнику іезуитскаго ордена Поссевинъ прибавляетъ, что въ кремлѣ, кромѣ упомянутыхъ зданій, было еще нѣсколько деревянныхъ хижинокъ, а около города по Ильменю и съ другихъ сторонъ было много монашескихъ обителей; Поссевинъ считаетъ въ Новгородѣ въ мирное время не бо-

---

[302]) Каменный дѣтинецъ построенъ въ Новгородѣ въ 1491 г.

лѣе 20.000 жителей: такова была разница между Новгородомъ XVI-го и Новгородомъ XIV-го вѣка, когда въ немъ считали до 200,000 жителей. Кромѣ матеріальныхъ потерь, понесенныхъ имъ въ XV и XVI в., иностранцы указываютъ и потери нравственныя: Герберштейнъ замѣчаетъ, что жители его отличались прежде большею мягкостью нравовъ и прямотою характера, но что съ тѣхъ поръ, какъ поселились въ немъ болѣе грубые и криводушные жители изъ московскихъ областей, нравы города сильно испортились. Въ XVII в. Новгородъ продолжалъ сохранять важное значеніе въ торговлѣ Московскаго государства; но о томъ, какимъ былъ онъ прежде, во время своего процвѣтанія, можно было только догадываться по скуднымъ остаткамъ: вокругъ города видны были еще слѣды прежнихъ стѣнъ, а также развалины церквей и монастырей, бывшихъ нѣкогда въ чертѣ города [303]).

Псковъ, этотъ младшій братъ Новгорода, подобно ему много потерпѣлъ отъ Москвы, но и въ XVI вѣкѣ сохранялъ еще важное значеніе въ Московскомъ государствѣ. Въ концѣ этого вѣка онъ особенно сталъ извѣстенъ иностранцамъ благодаря знаменитой осадѣ его Ст. Баторіемъ и считался первою крѣпостью въ государствѣ. Ланнуа, проѣздомъ изъ Новгорода посѣтившій и Псковъ, ограничивается относительно послѣдняго немногими словами, что онъ очень хорошо укрѣпленъ каменными стѣнами съ башнями и имѣетъ очень большой замокъ, въ который никто изъ иностранцевъ не смѣетъ входить, въ противномъ случаѣ подвергается смерти [304]). Затѣмъ о внѣш-

---

[303]) Oderbornii «Vita Ioanni Basilidi» въ «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 243.—Кампензе, 22. Iob. 36.—Herberstein, 54.—Possevino, 15, 17 и слѣд.—Ulfeld, 13. «Supplementum ad historica Russiae Monumenta», № CLXII.—Olearius, 90.—Carlisle, 304.

[304]) G. de Lannoy, 22: où nul francq crestien ne peut entrer qu'il ne lui faille murir.

немъ видѣ Пскова мы не встрѣчаемъ у иностранцевъ извѣстій почти до конца XVI в. Герберштейнъ замѣчаетъ только, что Псковъ—единственный городъ въ государствѣ, который весь окруженъ стѣнами. Болѣе обстоятельное описаніе его сообщаетъ Поссевинъ, долго жившій въ польскомъ лагерѣ предъ Псковомъ. По его словамъ, Псковъ окруженъ каменной стѣною, съ башнями, матеріалъ для которой доставляло русло рѣки (Великой); по срединѣ города, имѣющаго видъ продолговатаго треугольника, проходитъ другая стѣна, при которой расположены одинъ за другимъ три замка[305]). Ульфельду сказывали въ Псковѣ, что этотъ городъ имѣетъ 300 церквей и 150 монастырей; и тѣ и другіе почти всѣ каменные. По описанію Вундерера, посѣтившаго Псковъ въ 1589 году, городъ былъ очень многолюденъ и дѣлился на 4 части, имѣвшія видъ особыхъ городовъ, окруженныхъ каменными стѣнами. Здѣсь жило много иностранныхъ купцовъ и ремесленниковъ; люди каждаго ремесла жили особо; жилища кузнецовъ и другихъ мастеровъ, употребляющихъ огонь при своихъ работахъ, расположены были длинными рядами вдали отъ другихъ. Дома простыхъ гражданъ въ Псковѣ были большей частью деревянные и окружались заборами, плетнями, деревьями и огородами; надъ воротами каждаго дома висѣлъ литой или писанный образъ. Въ этомъ городѣ, биткомъ набитомъ, по выраженію Поссевина, деревянными зданіями, по сомнительному показанію Вундерера, считалось до 41.500 домовъ. Въ одномъ изъ замковъ Вундереръ видѣлъ очень красивый дворецъ государя, въ которомъ всѣ покои убраны были краснымъ бархатомъ. Подлѣ замка стоялъ большой каменный домъ, называвшійся Pachmar, въ которомъ иностранные купцы выставляли свои товары, продавали, покупали и мѣняли. Потомъ Вундереру показывали другое зданіе, въ которомъ держали нѣсколько бѣ-

---

[305]) Эти три замка были Кремль, Средній городъ и Большой городъ.

лыхъ медвѣдей, бѣлыхъ волковъ и буйволовъ для боя[306]). Несмотря на множество зданій, какое показываютъ въ Псковѣ Вундереръ и Поссевинъ, послѣдній и въ немъ, какъ въ Новгородѣ, считаетъ въ мирное время не болѣе 20.000 жителей. По словамъ Герберштейна, псковитяне отличались прежде обходительностью, торговыя дѣла вели добросовѣстно, безъ хитрости и обмана; но со времени поселенія между ними москвитянъ нравы въ Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, измѣнились къ худшему[307]). Въ XVII в. Псковъ сохранялъ еще значительные размѣры, имѣлъ въ окружности, по свидѣтельству Штрауса, болѣе 2-хъ миль, но вблизи представлялъ жалкій видъ; дома въ немъ были попрежнему почти всѣ деревянные, а стѣны хотя и каменныя, но съ плохими башнями, улицы нечистыя и немощеныя, кромѣ главной, выходившей на торговую площадь; эта улица вымощена была вдоль положенными бревнами[308]).

Москва, Новгородъ и Псковъ имѣли каменныя крѣпости. Къ такимъ же крѣпостямъ причисляются во второй половинѣ XVI в. Порховъ, Старица, Нижній, Александровская слобода, Бѣлозерская крѣпость и другіе города. Построенная при Іоаннѣ III каменная крѣпость на ливонской границѣ—Иванъ-городъ въ второй половинѣ XVI в. отходила на нѣкоторое время къ шведамъ. Но большая часть крѣпостей и въ XVI в. состояла изъ деревянныхъ укрѣпленій. Въ началѣ этого вѣка Московское государство пріобрѣло важную деревянную крѣпость Смоленскъ[309]), за которую шла давняя борьба между двумя сосѣдними государствами; эта борьба продолжалась и послѣ присоедине-

---

[306]) Darnach führt mann uns in ein ander Hausz, in dem unter der Erde ettlich weisz Beeren, weisz Wölff und Uhrochse zum Kempfen ernehret werden. «Frankf. Archiv für ältere deutsche Litter.» etc., herausgegeb. von Fichard, B. II, S. 202.

[307]) Possevino, 18. — Herberstein, 56. — Ulfeld, 12.

[308]) Struys, 106.

[309]) Clavis Moscuae, по выраженію Таннера.

нія Смоленска къ Московскому государству, весь XVI и даже XVII вѣкъ. По описанію Герберштейна, городъ расположенъ въ долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ холмами и лѣсами; въ окрестностяхъ его видны развалины многихъ каменныхъ монастырей. Кобенцелю Смоленскъ показался величиной съ Римъ; зданія въ немъ всѣ деревянныя, кромѣ соборнаго храма въ крѣпости на горѣ. Крѣпость, расположенная на лѣвомъ берегу Днѣпра, на возвышеніи, была застроена домами и имѣла видъ отдѣльнаго города; съ одной стороны она омывалась рѣкой, а съ другой окружена была глубокимъ рвомъ и заостренными бревнами (тыномъ). Поссевинъ не упоминаетъ о тынѣ, но говоритъ, что крѣпость окружена насыпью, обдѣланной плетнемъ, въ отверстіяхъ которой поставлены пушки. Въ правленіе Бориса Годунова крѣпость обведена была новою, каменною стѣной; по описанію Маскѣвича, присутствовавшаго при осадѣ Смоленска въ 1609 году, эта стѣна имѣла три сажени толщины и 3 копья вышины; на ней было 38 четыреугольныхъ и круглыхъ башенъ, на разстояніи 200 саженъ другъ отъ друга. Въ городѣ до польской осады въ 1609 г. было около 8.000 домовъ; но разореніе, какое потерпѣлъ онъ во время этой осады, было такъ велико, что еще при Мейербергѣ онъ представлялъ однѣ развалины. Проѣзжая чрезъ Смоленскъ въ 1678 году, Таннеръ замѣтилъ въ крѣпости оживленную дѣятельность: достраивали новыя каменныя стѣны. Въ городѣ между товарами на рынкѣ Таннеръ замѣтилъ больше всего горшковъ и деревянной, красиво выточенной посуды[310]).

Нѣкоторые города, по свидѣтельству Поссевина, были окружены бревнами, сложенными въ четыреугольники, ко-

---

[310]) Herberstein, 52.—Кобенцель, 140.—Possevino, 19.—Буссовъ, 29.—Маскѣвичъ, 19.—Mayerberg, II, 154.—Tanner, 32.—Neuville, 4.—Лизекъ называетъ Смоленскъ inexpugnabile patriae totius antemurale et potentissimum Borysthenis frenum (стр. 26).

торые наполнялись землей или пескомъ, отчего ихъ трудно было разбивать, а чтобы они не легко загорались, ихъ обмазывали глиной[311]). Кромѣ упомянутыхъ городовъ въ XVI в. считались важными пограничными крѣпостями Казань и Астрахань. По описанію Олеарія и Штрауса, Казань довольно большой городъ съ деревянными укрѣпленіями и домами; но крѣпость окружена толстыми каменными стѣнами и снабжена артиллеріей и значительнымъ гарнизономъ; русло рѣки Казанки служитъ для нея очень хорошимъ рвомъ. Въ городѣ живутъ Русскіе и Татары; послѣднимъ запрещено входить въ крѣпость подъ страхомъ смертной казни[312]). Тверь, Рязань, Владиміръ и Нижній принадлежали къ числу значительныхъ городовъ, но не считались важными укрѣпленными мѣстами, хотя и въ нихъ были крѣпости, а въ Нижнемъ была даже каменная крѣпость, построенная великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ противъ Черемисъ, какъ замѣчаетъ Герберштейнъ. Тверь, по описанію Поссевина, казалась издали очень большимъ городомъ; она имѣла довольно большое количество домовъ, но населеніемъ много уступала Пскову и Смоленску, т. е. въ ней далеко не было и 20.000 жителей. Городъ расположенъ на лѣвомъ берегу Волги и, если вѣрить показанію Мѣховскаго, имѣлъ 160 деревянныхъ церквей; противъ него, на другомъ берегу рѣки, стояла деревянная крѣпость, въ которой, по свидѣтельству того же иностранца, было 9 церквей, и изъ нихъ только соборная была каменная. Въ смутное время Тверь, подобно многимъ другимъ городамъ Московскаго государства, подверглась страшнымъ опустошеніямъ, отъ которыхъ не могла долго оправиться; отъ прежнихъ стѣнъ ея не осталось и слѣда. Въ половинѣ XVI вѣка она была маленькимъ городкомъ, окруженнымъ деревянными укрѣпленіями, и имѣла не

---

311) Possevino, 17.

312) Olearius, 287.—Struys, 154.

болѣе 150 домовъ[313]). Къ менѣе значительнымъ по величинѣ городамъ причисляются въ XVI в. Вологда и Ярославль; послѣднiй Флетчеръ называетъ самымъ красивымъ по мѣстоположенiю. Вологда имѣла крѣпость; но оба эти города были гораздо важнѣе въ торговомъ отношенiи. Значенiе Вологды увеличилось особенно съ того времени, какъ открылась торговля съ англичанами чрезъ Бѣлое море: выгодное положенiе на торговомъ пути между гаванью св. Николая и Москвой дѣлало ее важнымъ складочнымъ пунктомъ въ этой торговлѣ. По описанiю англичанъ, Вологда довольно большой городъ; посадъ его весь состоитъ изъ деревянныхъ зданiй, не исключая и церквей; крѣпость окружена красивою и высокою каменною стѣною; въ ней много церквей, между которыми есть каменныя. Въ городѣ живетъ много богатыхъ купцовъ. Благодаря его торговому значенiю, тамъ всегда бываетъ большое стеченiе народа, особенно осенью, когда происходитъ движенiе товаровъ между Москвой и гаванью св. Николая; купцы, направляющiеся отъ Бѣлаго моря къ Москвѣ, доплывъ до Вологды, ждутъ здѣсь открытiя саннаго пути, чтобы двинуться къ столицѣ [314]).

Въ XVII в. на двухъ противоположныхъ окраинахъ Московскаго государства съ важнымъ торговымъ значенiемъ являются два города: одинъ новый—Архангельскъ, другой старый—Астрахань. Архангельскъ, по описанiю Олеарiя, построенъ при устьѣ Двины, тамъ, гдѣ она раздѣляется на два рукава и омываетъ островъ Подеземскiй (Пудожерскiй). Сперва корабли входили въ лѣвый рукавъ Двины, при монастырѣ св. Николая; въ этомъ мѣстѣ, столь важномъ въ торговлѣ XVI в., было маленькое поселенiе, состоявшее, по описанiю англiйскаго посла Рандольфа, изъ четырехъ русскихъ домиковъ и одного, принадлежавшаго

---

[313]) «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 207.—Petrejus, 381.—Mayerberg, II, 74.

[314]) Hakluyt, I, 348 и 349, 423.—Carlisle, 107.

англійской компаніи; эти дома расположены были подлѣ деревянныхъ стѣнъ монастыря, въ которомъ было не болѣе 20 монаховъ. Но когда устье лѣваго рукава обмелѣло отъ наноснаго песку, а правый рукавъ сдѣлался глубже, то корабли стали входить въ послѣдній, и здѣсь въ 1584 г. основанъ былъ новый городъ. Горсей, проѣзжая здѣсь въ 1584 г., видѣлъ только небольшую крѣпость [315]), которой управлялъ князь Василій Андреевичъ Звенигородскій; при немъ было нѣсколько стрѣльцовъ. Скоро около крѣпости образовался посадъ, благодаря торговому значенію этого мѣста. По описанію Олеарія, городъ не великъ, но знаменитъ обширною торговлей; ежегодно голландскіе, англійскіе и гамбургскіе корабли приходятъ туда съ разными товарами; къ этому времени съѣзжаются сюда купцы со всего государства, особенно нѣмцы изъ Москвы съ русскими товарами [316]). Астрахань, по описанію того же Олеарія, расположена на песчаномъ островѣ Долгомъ, при главномъ рукавѣ Волги, въ 12 миляхъ отъ ея впаденія въ море. Іоаннъ IV, завоевавъ Астрахань, обнесъ ее толстою каменною стѣною; при Алексѣѣ Михайловичѣ городъ былъ распространенъ; въ немъ возникла новая часть, гдѣ поселены были стрѣльцы, отчего она и названа Стрѣлецкимъ городомъ. Штраусъ называетъ Астрахань однимъ изъ лучшихъ городовъ Московіи, какъ по величинѣ, такъ и по красотѣ. Она имѣла болѣе 1.000 саженей въ окружности. Издали, съ Волги, городъ представлялъ очень красивый видъ, благодаря множеству каменныхъ башенъ и колоколенъ; но вблизи впечатлѣніе перемѣнялось, наблюдатель видѣлъ массу почти только деревянныхъ зданій, дурно построенныхъ. Крѣпость снабжена сильнымъ гарнизономъ и пушками, которыхъ было болѣе 500; гарнизонъ состоялъ изъ 9 стрѣлецкихъ приказовъ, по 500 человѣкъ въ каждомъ. Находясь на границѣ двухъ частей свѣта,

---

315) The new castle called Archangel. Hakluyt, I, 530.
316) Hakluyt, I, 422.—Olearius, 114.

Астрахань служила средоточіемъ обширной торговли; сюда стекались купцы изъ разныхъ странъ Европы и Азіи; на гостиномъ дворѣ въ Астрахани Аврилъ встрѣтилъ представителей почти всѣхъ націй міра. Армяне занимали въ Астрахани цѣлое предмѣстье; кромѣ того, сюда пріѣзжали Бухарцы, Персіяне, Черемисы, крымскіе и ногайскіе Татары, даже Индѣйцы [317]).

Большая часть крѣпостей Московскаго государства и въ XVII в. имѣла деревянныя укрѣпленія; каменныя укрѣпленія имѣли, кромѣ столицы, слѣдующіе города, какъ ихъ перечисляютъ Маржеретъ и Мейербергъ: Борисовъ, Смоленскъ, Можайскъ, Иваньгородъ, Новгородъ-Сѣверскій, Псковъ, Новгородъ-Великій, Нижній, Коломна, Казань, Астрахань, Порховъ, Вологда, Путивль и Тула [318]).

Чѣмъ болѣе поражалъ своею громадностью и многолюдствомъ главный городъ Московскаго государства, находившійся въ центральной его области, тѣмъ замѣтнѣе былъ недостатокъ большихъ городовъ въ другихъ областяхъ. Если и во внутреннихъ областяхъ было много городовъ, едва заслуживавшихъ это названіе, то еще менѣе заслуживала его большая часть городовъ, бывшихъ на окраинахъ государства. Мы имѣемъ нѣсколько указаній на то, каковы были эти города въ сѣверныхъ областяхъ. Пустозерскъ, по одному англійскому извѣстію, имѣлъ въ XVII в. отъ 80 до 100 домовъ; въ городкѣ Печорѣ было всего три церкви; другой городокъ Устьцильма состоялъ изъ 60 домовъ; въ Колѣ была всего одна улица, состоявшая изъ низкихъ деревянныхъ домиковъ, покрытыхъ рыбьими костями [319]).

Что касается вообще до характера городовъ въ Московскомъ государствѣ, то иностранцы замѣчали, что количе-

---

[317]) Olearius, 318 и слѣд.—Struys, 165.—Avril, 96 и 103.

[318]) Маржеретъ, 34.—Mayerberg, II, 62 и 63.

[319]) Мильтонъ, «Исторія Московіи» («Отеч. Зап.», т. CXXXI, отд. I, стр. 106 и 107).

ство населенія въ нихъ гораздо меньше, нежели сколько можно было бы предполагать, судя по количеству зданій. Это происходило отъ того значенія, какое имѣлъ городъ въ Московскомъ государствѣ: онъ былъ прежде всего огороженнымъ мѣстомъ, въ которомъ окрестное населеніе искало убѣжища во время непріятельскаго нашествія. Чтобъ удовлетворить этой потребности, такъ часто возникавшей благодаря обстоятельствамъ, среди которыхъ слагалось государство, города должны были имѣть большіе размѣры, нежели какіе нужны были для помѣщенія ихъ постояннаго населенія,—и мы знаемъ, что окрестные землевладѣльцы и монастыри имѣли въ городахъ «осадные» дворы, куда они перебирались съ своими пожитками въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Поссевинъ, говоря о числѣ жителей въ нѣкоторыхъ городахъ, дѣлаетъ оговорку, что столько бываетъ въ нихъ жителей, когда нѣтъ войны. Эта оговорка была необходима: въ случаѣ нападенія непріятелей окрестное населеніе съ движимымъ имуществомъ сбѣгалось въ ближній городъ, который вслѣдствіе этого непомѣрно наполнялся. Сколько собиралось въ такихъ случаяхъ народа въ городахъ, видно изъ того, что однихъ погибшихъ отъ пожара въ Москвѣ во время крымскаго разгрома въ 1571 году полагали до 800,000 человѣкъ. Но мы напрасно стали бы искать въ русскомъ городѣ XVI или XVII вѣка тѣхъ основныхъ чертъ, которыя мы привыкли соединять съ понятіемъ европейскаго города какъ центра, въ которомъ сосредоточивается торговое и промышленное населеніе извѣстнаго округа. Въ Московскомъ государствѣ, какъ странѣ преимущественно земледѣльческой, гдѣ въ такой степени преобладала первоначальная промышленность и такъ слабо развито было ремесло, очень немногіе города подходили сколько-нибудь подъ понятіе города въ европейскомъ смыслѣ; остальные вообще только тѣмъ отличались отъ окрестныхъ селеній, что были огорожены и имѣли бо́льшіе размѣры; но большинство населенія ихъ промышляло тѣми же занятіями, какъ и окрест-

ные сельскіе жители. Въ странѣ, гдѣ такъ еще слабо было раздѣленіе труда, гдѣ каждый старался по возможности самъ удовлетворить своимъ ограниченнымъ потребностямъ, ремесленный трудъ не могъ достигнуть значительнаго развитія и цѣниться дорого. Иностранцы говорятъ, что только въ Москвѣ можно было найти нѣсколько опытныхъ мастеровъ по разнымъ ремесламъ, да и тѣ были бо́льшею частью Нѣмцы; въ другихъ городахъ почти не было никакихъ мастеровъ, кромѣ сапожниковъ и портныхъ. По свидѣтельству Герберштейна, промышлявшіе ручнымъ трудомъ по найму получали въ Москвѣ $1^1/_2$ деньги за день работы, мастера по 2 деньги; о золотыхъ дѣлъ мастерахъ онъ говоритъ, что трудъ ихъ вообще цѣнился очень дешево. Гваньини прибавляетъ къ этому, что когда жизненные припасы дорожали, трудъ мастеровъ еще болѣе падалъ въ цѣнѣ, такъ что усиленной работою они едва могли заработать себѣ хлѣба на день [319]). Наконецъ, мы знаемъ, что большая часть новыхъ городовъ и городковъ Московскаго государства возникла не вслѣдствіе экономическихъ потребностей страны, но вслѣдствіе государственныхъ соображеній, по распоряженіямъ правительства. Эти причины и производили то любопытное явленіе, что даже въ XVII в. въ описяхъ многихъ городовъ перечисляются дворы служилыхъ людей, пашенныхъ людей, но о посадскихъ, торговыхъ и ремесленныхъ людяхъ говорится, что ихъ нѣтъ.

XI.

Торговля.

Изъ неразвитости искусствъ и ремеслъ и изъ преобладанія промышленности первоначальной можно уже заключать, какіе предметы торговли ставила на рынокъ страна и въ какихъ сама нуждалась: ставила продукты

[319]) Buchau, 245.—Herberstein, 40 и 42.—Guagini, 179.

земледѣлія, мѣха и вообще сырыя произведенія, нуждалась преимущественно въ произведеніяхъ непервоначальной, мануфактурной промышленности, въ предметахъ роскоши и культуры. Главными торговыми городами на сѣверѣ и въ XVI в. оставались Новгородъ и Псковъ, имѣвшіе значеніе преимущественно какъ посредствующіе рынки, чрезъ которые страна отпускала на западъ свои товары и получала иностранные. Во второй половинѣ XVI в. важнымъ торговымъ пунктомъ сдѣлалась гавань св. Николая при устьѣ Сѣверной Двины, благодаря открытію торговыхъ сношеній съ Англіей. Затѣмъ слѣдовали Вологда и Ярославль, имѣвшіе важное значеніе и во внутренней торговлѣ. На югѣ, во второй половинѣ XVI в., государство пріобрѣло важный для восточной торговли городъ Астрахань. Въ XVII в. Астрахань и Архангельскъ были главными пунктами внѣшней торговли Московскаго государства. Москва имѣла значеніе преимущественно какъ центръ внутренняго торговаго движенія. Впродолженіе всей зимы привозили сюда изъ окрестныхъ мѣстъ дрова, сѣно, хлѣбъ и другіе предметы; въ концѣ ноября окрестные жители убивали своихъ коровъ и свиней и во множествѣ свозили ихъ замороженными въ столицу. Рыбу также привозили замороженной и твердой, какъ камень, что очень дивило иностранцевъ [320]). Цѣны этихъ товаровъ, свозившихся въ Москву, казались иностранцамъ необыкновенно дешевыми. Барбаро говоритъ, что говядину продавали не на вѣсъ, а по глазомѣру; за одинъ маркъ (marchetto) можно было купить 4 фунта мяса; 70 куръ стоили червонецъ; по словамъ Іовія, курицу или утку можно было купить за самую мелкую серебряную монету. Во время пребыванія Контарини въ Москвѣ 10 венеціанскихъ старъ (30 четвериковъ) пшеницы стоили червонецъ; такъ же дешево продавался и прочій хлѣбъ; три фунта мяса стоили одинъ сольдъ, 100 куръ или 40 утокъ—одинъ червонецъ

---

[320]) Контарини, 109.—G. de Lannoy, 22.

а самый лучшій гусь не болѣе 3 сольдовъ [321]). Контарини видѣлъ на московскихъ рынкахъ много зайцевъ, но другой дичи почти совсѣмъ не было видно. Герберштейнъ говоритъ, что мѣра хлѣба продавалась въ Москвѣ по 4 или по 6 денегъ. Можно вѣрить такому обилію припасовъ на московскихъ рынкахъ и ихъ дешевизнѣ, зная, что Москва была главнымъ средоточіемъ внутренняго торговаго движенія страны. Англичане писали, что по дорогѣ отъ Ярославля къ Москвѣ они видѣли иногда до 700 или 800 возовъ съ хлѣбомъ и соленой рыбой, направлявшихся къ столицѣ; туда же ѣхали за хлѣбомъ жители отдаленнаго сѣвера и везли съ собой на продажу рыбу, мѣха и кожи [322]). Съ другой стороны направлялись къ Москвѣ Татары съ юга по Волгѣ, Окѣ и Москвѣ-рѣкѣ. До завоеванія Астрахани изъ Москвы ежегодно ходило сюда нѣсколько судовъ за солью и рыбой. Съ присоединеніемъ Астрахани къ Московскому государству, это движеніе по Волгѣ должно было оживиться и принять бо́льшіе размѣры. Въ 1636 году Олеарій видѣлъ на Москвѣ-рѣкѣ много большихъ судовъ, шедшихъ изъ Астрахани къ столицѣ съ медомъ, солью и соленой рыбой. Изъ внутреннихъ областей суда отправлялись къ Астрахани весной, въ полую воду, когда судоходство по рѣкамъ не встрѣчало такихъ затрудненій въ меляхъ, какъ лѣтомъ. Около Саратова тотъ же путешественникъ встрѣтилъ двѣ большія барки, шедшія изъ Астрахани; на каждой было по 400 работниковъ. Одна принадлежала патріарху и везла разные жизненные припасы; другая была царская съ икрой [323]). По Волгѣ шло самое оживленное торговое движеніе; въ рѣчной области Волги указываются и важнѣйшіе пункты внутренней торговли. Въ двухъ миляхъ отъ города Мологи, вверхъ по рѣкѣ Мологѣ, по берегу ея, при церкви, которая вмѣстѣ съ развалинами крѣпости

---

[321]) Сольдъ $^1/_{124}$ червонца или $^1/_{20}$ ливра.

[322]) Іовій, 49.—Herberstein, 58.—Clemens Adam въ «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 150.

[323]) Olearius, 272, 278 и 300.

осталась отъ находившагося здѣсь прежде Холопьяго города, бывала самая многолюдная, по словамъ Герберштейна, ярмарка въ цѣломъ государствѣ, куда кромѣ Шведовъ, Ливонцевъ, Русскихъ съѣзжалось много Татаръ и другихъ иностранцевъ изъ отдаленныхъ сѣверныхъ и восточныхъ странъ. Торговля здѣсь была исключительно мѣновая: стрѣлы, ножи, ложки, топоры, готовыя одежды и другія подобныя вещи мѣняли преимущественно на мѣха. Ярославль славился своей торговлей, главными статьями которой были кожи, сало и хлѣбъ; тамъ продавался также воскъ кругами, хотя этотъ товаръ въ бо́льшемъ количествѣ являлся на другихъ рынкахъ. Герберштейнъ говоритъ, что Дмитровъ лежитъ на р. Яхромѣ, впадающей въ рѣку Сестру, а послѣдняя впадаетъ въ Дубну, притокъ Волги; вслѣдствіе этого въ Дмитровѣ жило много богатыхъ купцовъ, которые привозили товары съ востока Каспійскимъ моремъ и Волгой и разсылали ихъ по городамъ Московскаго государства. Агенты Англійской компаніи писали, что изъ областей по Верхней Волгѣ каждое лѣто ходило къ Астрахани до 500 большихъ и малыхъ судовъ за солью и рыбой. Нѣкоторые изъ этихъ судовъ были въ 500 тоннъ [324]). По значенію въ торговлѣ первое мѣсто послѣ Волги занимала Сѣверная Двина, поддерживавшая торговыя связи отдаленнаго сѣвернаго края съ внутренними областями государства. Въ системѣ Сѣверной Двины также были пункты важные во внутренней торговлѣ Россіи. Такова была Вологда, о которой одинъ агентъ Англійской компаніи писалъ, что нѣтъ города въ Россіи, который не торговалъ бы съ ней. Преобладающими предметами на вологодскомъ рынкѣ были ленъ, пенька и сало. На значеніе Вологды, какъ средоточія торговаго движенія по Сѣверной Двинѣ, указываетъ и другое англійское извѣстіе, что вологодскимъ купцамъ принадлежала бо́льшая часть насадовъ и дощаниковъ, плававшихъ по Сѣверной Двинѣ, на которыхъ перевозилась соль

---

[324]) Herberstein, 50 и 57.—Hakluyt, I, 408.

отъ морского берега въ Вологду. Одной изъ главныхъ статей промышленности и торговли сѣвернаго края были мѣха; важнымъ рынкомъ мѣновой торговли былъ Устюгъ Великій. По свидѣтельству Іовія, сюда съѣзжались промышленники изъ Перми, Печоры, Угоріи и другихъ отдаленныхъ краевъ, привозя съ собою разные мѣха. Но первое мѣсто въ торговлѣ мѣхами и другими произведеніями сѣвера занимали Холмогоры: сюда на зимнюю никольскую ярмарку привозили на оленяхъ изъ Печоры, Пинеги, Лампожни и Пустозерска рѣдкіе и дорогіе мѣха собольи, куньи, лисьи бѣлые, черные и рыжіе, заячьи и горностаевые. Этотъ же городъ въ изобиліи снабжалъ сѣверный край солью и соленою рыбой. Изъ поволжскихъ городовъ значительную торговлю мѣхами производила Казань [325]). О мѣховой промышленности находимъ нѣкоторыя любопытныя подробности у иностранцевъ XVI в., преимущественно у Герберштейна. Іовію объясняли прежнюю дешевизну мѣховъ тѣмъ, что жители отдаленнаго сѣвера по простотѣ своей прежде часто мѣняли ихъ на самыя дешевыя вещи московскимъ купцамъ; такъ жители Перми и Печоры, по его словамъ, еще недавно платили за желѣзный топоръ столько соболей, сколько московскіе купцы, связавъ вмѣстѣ, могли продѣть ихъ въ отверстіе топора, куда влагается топорище. Собольи мѣха цѣнились по густотѣ, чернотѣ и длинѣ волоса, также по времени, въ которое пойманъ былъ звѣрь. Герберштейнъ слышалъ, что въ Москвѣ бывали иногда собольи мѣха, про дававшіеся по 20 и по 30 золотыхъ, или рублей, но ему самому не удалось видѣть такіе. Въ XVII в. нѣкоторые собольи мѣха продавались въ Москвѣ рублей по 100 и болѣе; самые маленькіе стоили 1 рубль. Горностаевые продавались по 3 и по 4 деньги за шкуру; лисьи, особенно черные, изъ которыхъ преимущественно дѣлали шапки, цѣнились очень дорого; иногда десятокъ продавали по 15

---

[325]) «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 151.—Hakluyt, I, 264.—Барбаро, 60.

рублей. Бѣличьи мѣха привозили связками, по 10 шкурокъ въ каждой; изъ нихъ двѣ были самыя лучшія, три похуже, четыре еще хуже и одна послѣдняя самая дурная; каждая порознь продавалась по 1 или по 2 деньги. Бобровые мѣха были въ большой цѣнѣ, ими обшивали полы верхняго платья. Мѣха домашнихъ кошекъ носили женщины. Изъ теплаго песцоваго мѣха дѣлали преимущественно одежды для дальнихъ зимнихъ поѣздокъ. По извѣстіямъ XVII в., въ Москву привозили по Волгѣ много барашковыхъ шкурокъ, очень волнистыхъ, которыя цѣнились довольно дорого [326]).

Герберштейнъ въ географическомъ очеркѣ страны указываетъ и торговые пути отъ Москвы на сѣверъ. Изъ Москвы черезъ Переяславль лежалъ путь къ Костромѣ, Ярославлю и Угличу. Уже здѣсь не знали точно разстояній, по причинѣ множества болотъ и лѣсовъ; то же замѣчаніе постоянно повторяется при описаніи страны далѣе на сѣверъ. Отъ Ярославля шелъ прямой путь къ Вологдѣ, а оттуда къ Устюгу, отъ котораго по Двинѣ шелъ прямой водный путь на сѣверъ; но кратчайшій путь изъ Вологды въ Двинскую область былъ на рѣку Вагу. На Бѣлоозеро изъ Москвы было два пути, — кратчайшій зимній чрезъ Переяславль на Угличъ и лѣтній на Ярославль, но и тотъ, и другой были очень неудобны, особенно лѣтній, по причинѣ множества лѣсовъ, болотъ и рѣкъ, чрезъ которыя во многихъ мѣстахъ надо было дѣлать мосты и гати; трудность этихъ путей за Волгой увеличивалась еще тѣмъ, что они проходили большею частью по малолюдной странѣ, гдѣ земли почти не обрабатывались и рѣдко попадались жилыя мѣста. Въ Вятку было также два пути,—одинъ кратчайшій черезъ Кострому и Галичъ, но болѣе трудный и опасный, по причинѣ болотъ и лѣсовъ между Галичемъ и Вяткой и разбойничества бродившихъ здѣсь Черемисъ; другой болѣе длинный, но и болѣе безопасный шелъ на Вологду и Устюгъ. Въ Пермь сухимъ путемъ ѣздили только

---

[326]) Tanner, 104.

зимой; лѣтомъ ѣхали туда на Вологду и Устюгъ, откуда плыли по Двинѣ въ Вычегду [327]). Ѣхавшіе изъ Перми въ Устюгъ плыли вверхъ по Вышерѣ и прошедши чрезъ нѣсколько рѣкъ, при чемъ иногда надо было перетаскивать лодки изъ одной рѣки въ другую сухимъ путемъ, приплывали наконецъ къ Устюгу. Огромность разстояній и характеръ поверхности земли дѣлали сообщенія въ сѣверныхъ странахъ крайне затруднительными и медленными. Лѣтомъ ѣздить сухимъ путемъ было большею частью невозможно, потому должно было плыть рѣками, хотя отъ этого путь иногда очень удлинялся. Понятно, какое значеніе для торговли имѣла въ этихъ странахъ зима съ своими снѣгами и льдами. Кромѣ оленей для перевозки тяжестей на сѣверѣ употребляли, по свидѣтельству Герберштейна, большихъ собакъ, запрягая ихъ въ сани. Зимой, говоритъ Контарини, на русскихъ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, весьма легко перевозить всякія тяжести, тогда какъ лѣтомъ ѣзда почти невозможна отъ большой грязи и множества мошекъ. Сани, по описанію того же путешественника, были очень похожи на домъ и запрягались обыкновенно въ одну лошадь, которая везла ихъ съ необыкновенною скоростью.

Торговое движеніе на югѣ едва ли встрѣчало меньше затрудненій чѣмъ на сѣверѣ; путь по безводной и безлѣсной степи былъ часто такъ же труденъ и опасенъ какъ и путь по лѣснымъ и болотнымъ пространствамъ сѣвера. Раннія извѣстія говорятъ намъ о сильномъ развитіи торговли по широкому водному пути, который представляла Волга; но тѣ же извѣстія говорятъ и о развитіи разбойничества на ней. Со второй половины XVI в. юго-восточныя степи на-

---

[327]) Въ житіи Стефана Пермскаго указывается послѣдній путь: «всякому хотящему шествовати въ Пермскую землю, удобственъ путь есть отъ града Уствыма рѣкою Вычегдою вверхъ, дондеже внидетъ въ самую Пермь». Соловьевъ, «Исторія Россіи», IV, 264.

чали населяться изъ Московскаго государства; при сынѣ Іоанна Грознаго явились на Волгѣ города: Шанчуринъ, Саратовъ, Переволока, Царицынъ; такимъ образомъ путь къ главному торговому городу на югѣ болѣе и болѣе очищался; но какъ медленно совершалось это, можно видѣть изъ сравненія извѣстій очевидцевъ о путешествіи изъ Астрахани въ Москву въ концѣ XV и въ концѣ XVI в. Контарини, проѣхавшій въ 1476 г. по этому пути съ большимъ купеческимъ караваномъ, пишетъ, что ѣхали въ большомъ страхѣ, поминутно ожидая нападенія, особенно тамъ, гдѣ Донъ подходитъ на ближайшее разстояніе къ Волгѣ, черезъ которую переправлялись на плотахъ, наскоро сработанныхъ въ ближнемъ лѣску; въ степи почти не было видно слѣдовъ дороги; путники ограждались на ночь повозками въ видѣ крѣпости и ставили караульныхъ; ѣхали 47 дней. Очевидцы разсказывали Поссевину, что въ обширныхъ пустыняхъ между Астраханью и Москвой путешественники иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ остаются безъ хлѣба, питаясь рыбой и дичью [328]). Отъ Астрахани до Казани плыли по Волгѣ 10 дней. Другой водный путь для торговли Москвы съ магометанскими странами шелъ по Дону. По словамъ Герберштейна, при Данковѣ, старомъ и разрушенномъ городѣ, нагружались суда, отправлявшіяся въ Азовъ, Кафу и Константинополь; эта нагрузка происходила обыкновенно осенью, въ дождливое время года, потому что лѣтомъ Донъ здѣсь мелководенъ и не подымаетъ значительныхъ судовъ съ грузомъ. До Азова плыли отсюда 20 дней. Въ Азовѣ собирались купцы изъ разныхъ странъ. По словамъ Ласскаго, здѣсь турки и татары производили торговлю съ московскими купцами, вымѣнивая у нихъ мѣха на шелковыя и шерстяныя матеріи и драгоцѣнные камни [329]). Отъ Азова въ 5-ти дняхъ пути находился Пере-

---

[328]) Контарини, 91—104.—Possevino, 12.

[329]) Herberstein, 48 и 49.—«Historica Russiae Monumenta», I, № CXXIII.

ковъ; но сюда изъ Москвы ѣздили другимъ путемъ, чрезъ Путивль; путь этотъ былъ сопряженъ со многими неудобствами, затруднявшими торговое движеніе. По словамъ Герберштейна, въ здѣшнихъ пустыняхъ, при переправѣ чрезъ рѣки, на путниковъ часто нападали бродячіе Татары и уводили ихъ въ плѣнъ. Михалонъ также говоритъ, что когда купцы, для избѣжанія двойной переправы черезъ Днѣпръ и платы литовской пошлины, оставивъ старую дорогу чрезъ литовскія владѣнія, направляются изъ Тавриды прямо въ Московію чрезъ Путивль или возвращаются оттуда непроходимыми степями, то часто дѣлаются добычей бродящихъ въ тѣхъ мѣстахъ разбойниковъ [330]). Михалонъ называетъ путь изъ Тавриды чрезъ Литовскія владѣнія старою дорогой торговли съ Крымомъ. Эта дорога шла на Кіевъ, который, по своему положенію на третьей главной рѣкѣ восточной Европы, текущей на югъ, имѣлъ важное значеніе въ восточной торговлѣ. По словамъ Михалона, Кіевъ изобиловалъ иноземными товарами, ибо для всего, что привозилось изъ Персіи, Индіи, Аравіи, Сиріи на сѣверъ въ Москву, Псковъ, Новгородъ, въ Швецію и Данію, не было, по его словамъ, другой болѣе вѣрной, прямой и извѣстной дороги, какъ отъ порта Эвксинскаго моря, т.-е. отъ Кафы черезъ ворота Тавриды и Тованскій перевозъ на Днѣпрѣ и потомъ черезъ Кіевъ. Этой дорогою часто ѣздили иноземные купцы, собираясь большими караванами человѣкъ по 1000, съ повозками и верблюдами. Какъ иногда была вѣрна и безопасна эта прямая дорога, какъ называетъ ее Михалонъ, можно видѣть изъ его же замѣчанія, что упомянутые караваны, приносившіе большія выгоды кіевскимъ воеводамъ, купцамъ, мѣнямамъ, лодочникамъ и проч., были выгодны и тогда, когда проходили въ зимнее время по полямъ и ихъ заносило снѣгомъ; такимъ образомъ случалось, что грязныя кіевскія хижины наполнялись дорогими шелковыми тканями, мѣхами, ароматами и проч.,

[330]) Михалонъ, 67.

такъ что,—добавляетъ Михалонъ,—я находилъ тамъ шелкъ, продававшійся дешевле льна въ Вильнѣ, а перецъ дешевле соли [331]).

Навстрѣчу торговому движенію изъ Крыма на Кіевъ шло торговое движеніе изъ Московскаго государства по Днѣпру. Контарини говоритъ, что въ Кіевъ съѣзжалось множество купцовъ изъ Великой Россіи съ мѣхами, которые они отправляли въ Кафу [332]). Герберштейнъ указываетъ сборные пункты этого движенія по Днѣпру: на верхнемъ теченіи Днѣпра, тамъ, гдѣ съ нимъ соединяется Днѣпрецъ, нагружались суда товарами изъ Москвы и Холопьяго городка и отправлялись въ Литву; недалеко оттуда находился монастырь св. Троицы, гдѣ купцы останавливались. Подъ Вязьмой течетъ рѣчка того же имени, которая въ двухъ верстахъ ниже впадаетъ въ Днѣпръ; по ней суда, нагруженныя товарами, одни отправлялись отъ этого города въ Днѣпръ, а другія приходили сюда изъ Днѣпра, поднявшись вверхъ по его теченію [333]).

Иностранцы сообщаютъ нѣсколько извѣстій о состояніи средствъ сообщенія въ Московскомъ государствѣ. Сообщеніе между Москвой и пограничными городами производилось посредствомъ ямовъ. Это были мѣстечки съ однимъ или нѣсколькими дворами, которые поставлены были по большимъ дорогамъ отъ важнѣйшихъ пограничныхъ пунктовъ къ столицѣ. По словамъ Горсея, при Іоаннѣ Грозномъ построено было въ пустынныхъ и дикихъ краяхъ государства до 300 ямовъ. Каждому ямщику давался участокъ земли съ обязательствомъ держать извѣстное число ямскихъ лошадей; за то онъ былъ освобожденъ отъ прочихъ повинностей. Олеарій прибавляетъ, что ямщикамъ выдавалось еще денежное жалованье рублей по 30 въ годъ. Ямскіе дворы становились на разстояніи 6, 10, даже 12 миль

---

331) Тамъ же.

332) Контарини, 21.

333) Herberstein, 52.

одинъ отъ другого. Между Москвой и Вологдой, на разстояніи 500 верстъ, было 14 ямовъ. Ямскія лошади предназначались собственно для государевыхъ гонцовъ и вообще людей, ѣхавшихъ по казенной надобности; но изъ донесеній англичанъ, торговавшихъ въ Россіи, видимъ, что этими лошадьми могли пользоваться и купцы, какъ русскіе, такъ и иностранные, имѣя при себѣ видъ изъ приказа и платя извѣстные прогоны. Рейтенфельсъ говоритъ, что почтовыхъ лошадей могъ брать всякій за небольшую плату. О почтовыхъ прогонахъ находимъ извѣстіе у Герберштейна: за 10 или 20 верстъ платили обыкновенно 6 денегъ. Спафари разсказывалъ Невилю, что при кн. В. В. Голицынѣ, для облегченія административныхъ и торговыхъ сношеній съ Сибирью, предпринято было провести кратчайшимъ путемъ отъ Москвы до Тобольска рядъ ямовъ на разстояніи 10 миль одинъ отъ другого, назначивъ въ каждый ямъ на первый разъ по 3 лошади, такъ чтобы этими лошадьми могли пользоваться и частныя лица, проѣзжающія по своимъ дѣламъ въ Сибирь или изъ Сибири, платя по 3 коп. за 10 верстъ. Ямщикъ выѣзжалъ лѣтомъ на небольшой телѣгѣ, запряженной въ одну лошадь, а зимой на небольшихъ саняхъ, также въ одну лошадь. Ѣздили очень быстро, особенно зимой: отъ Архангельска до Вологды ѣздили зимой на саняхъ 8 сутокъ, а отъ Вологды до Москвы не болѣе 5 сутокъ; изъ Новгорода въ Москву ѣздили на ямскихъ лошадяхъ лѣтомъ 6 или 7 сутокъ, зимой 4 или 5 сутокъ; слуга Герберштейна проѣхалъ этотъ путь верхомъ въ 72 часа; такая быстрота, добавляетъ Герберштейнъ, тѣмъ болѣе удивительна, что лошади здѣсь очень малы и содержатся гораздо хуже, нежели у насъ. Особенно быстро производилось движеніе по казенной надобности; благодаря этому, государь, по словамъ Петрея, каждую недѣлю получалъ новыя извѣстія о томъ, что дѣлалось на отдаленныхъ границахъ его государства. Чтобы не было остановки при смѣнѣ лошадей, ямщики, подъѣзжая къ яму, производили громкій свистъ, на который изъ

двора тотчасъ выводили свѣжихъ лошадей. Когда Герберштейнъ, въ качествѣ иностраннаго посла, ѣхалъ изъ Новгорода въ Москву, на всѣхъ ямахъ ему выставляли по 30, 40, 50 лошадей, тогда какъ ему нужно было не болѣе 12; потому каждый изъ его свиты могъ выбирать себѣ любую лошадь. Если лошадь утомлялась или падала, не достигнувъ яма, можно было взять другую изъ ближайшаго селенія или у перваго встрѣтившагося проѣзжаго, исключая государева гонца; ямщикъ долженъ отыскать лошадь, оставленную на дорогѣ, также взятую у кого-нибудь лошадь возвратить хозяину, заплативъ ему при этомъ прогонныя деньги. Изъ словъ Олеарія видно, что кромѣ ямщиковъ извозомъ занимались и простые крестьяне; Олеарій говоритъ, что ѣзда на обывательскихъ лошадяхъ очень дешева, что каждый крестьянинъ согласится везти 50 миль за $1^1/_2$ или по бóльшей мѣрѣ за 2 рубля[334]). По словамъ Дженкинсона, по русскимъ дорогамъ зимой легко было проѣхать 500 верстъ въ трое сутокъ; зато лѣтомъ ѣзда была чрезвычайно затруднительна и медленна. Движеніе затруднялось обширными лѣсами, въ которыхъ дорога часто не была хорошо проложена, шла по пнямъ недавно срубленныхъ деревьевъ; но болѣе всего затрудняли движеніе лѣтомъ многочисленныя топи и болота, на которыхъ, и то не вездѣ, дѣлались плохія гати и мосты. На пути отъ Москвы до Смоленска Таннеръ насчиталъ 533 моста; въ иныхъ мѣстахъ на протяженіи 4 миль попадалось больше 40 мостовъ. Эти мосты дѣлались изъ толстыхъ бревенъ, плохо связанныхъ между собою, и тянулись иногда на цѣлую милю; переѣздъ по нимъ на тяжеломъ экипажѣ былъ очень опасенъ. Невиль встрѣчалъ гати, тянувшіяся верстъ на 12, плохо поддерживавшіяся и чрезвычайно неудобныя для ѣзды. Нерѣдко

---

[334]) Herberstein, 41. — Buchau, 251. — Hakluyt, I, 293, 349, и 408.—Горсей въ «Биб. для Чт.», 1865 г., № 6, стр. 7.—Petrejus, 316.—Olearius, 48, 117 и 184.—Рейтенфельсъ, 45.—Tanner, 33.—Neuville, 222.

встрѣчались на дорогѣ болота и рѣчки, на которыхъ не было и такихъ мостовъ и гатей; путешественники должны были сами рубить лѣсъ и кой-какъ настилать мостъ. На большихъ рѣкахъ бо́льшею частью дѣлались пловучіе мосты; при проѣздѣ польскаго посольства въ 1678 г. по такому мосту въ Дорогобужѣ тяжелые экипажи погружались въ воду до половины. Понятно, какъ медленно совершалось движеніе по такимъ дорогамъ: Невиль говоритъ, что лѣтомъ можно было проѣхать не болѣе 4 или 5 миль въ сутки[335]). При такомъ состояніи путей сообщенія лѣтомъ, понятно значеніе, какое имѣли большія рѣки, идущія во всѣ почти стороны изъ средины Московскаго государства и замѣнявшія для торговаго движенія тѣ удобства, какія доставляла ему зима. Торговое движеніе по большимъ воднымъ путямъ производилось посредствомъ большихъ судовъ съ двумя рулями, но съ однимъ парусомъ, который дѣйствовалъ только при попутномъ вѣтрѣ. На сѣверѣ, между Холмогорами и Вологдой товары перевозились лѣтомъ на стругахъ, дощаникахъ и насадахъ. По описанію Дженкинсона, насады были длинныя и широкія плоскодонныя суда, погружавшіяся въ воду фута на 4 и вмѣщавшія въ себѣ до 200 тоннъ груза. Эти суда строили только изъ дерева, вовсе безъ желѣза; при сильномъ попутномъ вѣтрѣ они плыли съ помощью паруса; въ противномъ случаѣ, плывя вверхъ по рѣкѣ, шли бичевой, которую тянули до 70 дюжихъ работниковъ, между тѣмъ какъ другіе стояли на самомъ насадѣ съ длинными баграми въ рукахъ и направляли его ходъ. По Сѣверной Двинѣ и Сухонѣ ходило много такихъ судовъ; большая часть ихъ принадлежала вологодскимъ купцамъ. Подобныя же суда ходили по Волгѣ и ея большимъ притокамъ. По небольшимъ рѣ-

---

[335]) Lyseck, 29.—Tanner, 38, 108 и 113. Ср. «Дневникъ польскихъ пословъ» въ «Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», ч. IV, стр. 116.—Carlisle, 31.—Neuville, 35.

камъ, напр. Москвѣ, ходили обыкновенно струги тоннъ въ 30. По словамъ Рандольфа, англійская компанія построила для плаванія по Волгѣ барку въ 27 тоннъ; ея постройка и снаряженіе стоило компаніи не больше 100 марокъ. Во время Олеарія по Волгѣ ходили струги тоннъ въ 800 и даже въ 1.000. Англійскіе купцы ѣздили отъ гавани св. Николая въ Вологду водой 14 сутокъ; отъ Вологды до Ярославля ѣхали сухимъ путемъ двое сутокъ; отъ Ярославля до Астрахани по Волгѣ 30 сутокъ; такимъ образомъ весь путь отъ Николаевской пристани при устьѣ Сѣверной Двины до Астрахани совершали лѣтомъ въ 46 сутокъ. Движеніе по Москвѣ-рѣкѣ Герберштейнъ называетъ не совсѣмъ удобнымъ; Олеарій проѣхалъ по ней къ Коломнѣ 120 верстъ въ 24 часа, плывя безостановочно. Гораздо тяжелѣе и медленнѣе было плаваніе вверхъ по рѣкамъ; это происходило отъ того способа, которымъ двигали суда вверхъ по большимъ рѣкамъ, наприм., по Волгѣ: бросали якорь на четверть мили впереди; люди, помѣщавшіеся на баркѣ, которыхъ на большихъ судахъ было человѣкъ по 200 и болѣе, тянули за веревку, къ которой былъ привязанъ якорь; такимъ образомъ имъ удавалось въ день продвинуть барку не далѣе 2 миль впередъ[336]).

Иностранные путешественники сильно жалуются на безчисленныя затрудненія, съ которыми соединено было путешествіе по Московскому государству. Многіе изъ этихъ затрудненій происходили отъ рѣдкаго населенія страны: постоялые дворы попадались рѣдко; въ селахъ не всегда можно было достать хлѣба за деньги. На пути отъ Холмогоръ до Вологды по Двинѣ Дженкинсону не пришлось побывать ни въ одной избѣ; путешественники останавливались на берегу рѣки, подъ открытымъ небомъ, и здѣсь готовили пищу изъ запасовъ, взятыхъ съ собою. Дженкинсонъ совѣтуетъ всякому, предпринимающему поѣздку по

---

[336]) Hakluyt, I, 348, 408 и 423.—Struys, 146.—Olearius, 272 и 281.—Neuville, 215.

Россіи, непремѣнно имѣть при себѣ топоръ, огниво съ трутомъ, котелъ и пищу на всю дорогу, потому что всего этого обыкновенно нельзя достать на дорогѣ. Путешественнику грозила опасность отъ хищныхъ звѣрей, а еще болѣе отъ лихихъ людей, которые промышляли по большимъ дорогамъ. Въ лѣсахъ по дорогѣ нерѣдко встрѣчались кресты на могилахъ путниковъ, убитыхъ разбойниками. Корбъ видѣлъ такой крестъ въ лѣсу между Москвой и Можайскомъ; подъ нимъ схоронено было 30 человѣкъ, погибшихъ въ одно время отъ разбойниковъ. Тоже было и по рѣкамъ, особенно Волгѣ; путешественнику указывали на Волгѣ множество мѣстностей, прославленныхъ разсказами о разбояхъ степныхъ кочевниковъ и козаковъ; ему нерѣдко приходилось испытывать на себѣ справедливость этихъ разсказовъ. На англійскую барку, плывшую въ 1568 году по Волгѣ въ Персію, напало недалеко отъ Астрахани до 300 Ногаевъ, на 18 лодкахъ, и только послѣ двухчасового боя удалось англичанамъ, при помощи огнестрѣльнаго оружія, прогнать разбойниковъ. На возвратномъ пути изъ Персіи въ 1573 году, близъ устья Волги тѣхъ же англичанъ встрѣтили русскіе козаки въ числѣ 150 человѣкъ, вооруженныхъ топорами и пищалями; они прикинулись мирными людьми, обманомъ взошли на корабль и начали рѣзню, которая окончилась тѣмъ, что англичане сдали имъ свой корабль со всѣми товарами, взявъ съ разбойниковъ клятву, что они отпустятъ ихъ живыми[337]).

Стараясь завязать политическія сношенія съ западноевропейскими государствами, московское правительство вмѣстѣ съ тѣмъ старалось завести съ ними и дѣятельныя торговыя сношенія. Въ половинѣ XVI в. открылась торговля съ англичанами; шведскимъ купцамъ, которые во время Герберштейна могли торговать только въ Новгородѣ, дано было право ѣздить не только въ Москву, Казань и Астрахань, но черезъ Россію въ Индію и Китай, съ усло-

---

[337]) Korb, 37.—Hakluyt, I, 443—446.

віемъ, чтобъ и русскимъ купцамъ позволено было изъ Швеціи отправляться въ Любекъ, Антверпенъ и Испанію. Іоаннъ IV долго и упорно добивался гавани на Балтійскомъ морѣ и потратилъ огромныя средства для достиженія этой цѣли. Но если въ Москвѣ сознавали важность торговыхъ связей съ Западомъ и для упроченія ихъ добивались приморской гавани, то также ясно понимали выгоды отъ этого для Москвы и ея сосѣди, стараясь всѣми мѣрами помѣшать ей въ достиженіи ея цѣлей. Московскій государь,—писалъ Сигизмундъ Августъ польскій Елизаветѣ англійской, — ежедневно увеличиваетъ свое могущество пріобрѣтеніемъ предметовъ, которые привозятся въ Нарву; ибо сюда привозятъ не только товары, но и оружіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное, привозятся не только произведенія художествъ, но пріѣзжаютъ и самые художники, посредствомъ которыхъ онъ пріобрѣтаетъ средства побѣждать всѣхъ; Вашему Величеству не безъизвѣстны силы этого врага и власть, какою онъ пользуется надъ своими подданными; до сихъ поръ мы могли побѣждать его только потому, что онъ былъ чуждъ образованности и не зналъ искусствъ; но если нарвская навигація будетъ продолжаться, то что̀ будетъ, ему неизвѣстно»[338]).

Въ одно время съ расширеніемъ западной торговли Московскаго государства усиливалась его торговля и на востокѣ; главнымъ пунктомъ этой торговли была Астрахань. Въ 1395 г. Астрахань была разрушена Тамерланомъ, что нанесло сильный ударъ ея торговлѣ. Еще въ концѣ XV вѣка, когда черезъ Астрахань проѣзжалъ Контарини, она состояла изъ нѣсколькихъ небольшихъ мазанокъ и была окружена низкими стѣнами, хотя кое-гдѣ видны были еще слѣды гораздо большихъ зданій[339]). Открытіе морского пути въ восточную Индію, грозившее торговымъ городамъ южной Европы большими потерями, заставило ихъ искать

[338]) Hakluyt, I, 378.

[339]) Контарини, 91.

новаго пути въ Индію съ другой стороны, болѣе удобной для нихъ, и при этомъ обратить вниманіе на забытую Астрахань. Примѣромъ того, какіе планы строились по этому предмету, можетъ служить разсказъ Іовія объ одномъ антрепренерѣ, искателѣ восточнаго пути, генуэзскомъ капитанѣ Павлѣ. Негодуя на Португальцевъ за то, что они одни скупали всѣ благовонія востока и по непомѣрнымъ цѣнамъ продавали ихъ въ Европѣ и что благодаря имъ почти вовсе прекратилась выгодная для городовъ по Средиземному морю торговля съ востокомъ чрезъ Ефратъ и Персидскій заливъ, онъ построилъ планъ новаго пути для торговли съ Индіей. Въ XV в. Европа потеряла устье Танаиса, гдѣ былъ ея давній складочный пунктъ въ торговлѣ съ востокомъ[340]), а потому Павелъ велъ свой новый восточный путь отъ Риги на Москву, оттуда рѣками Москвой, Окой и Волгой въ Астрахань, далѣе Каспійскимъ моремъ къ Стравѣ (Астрабаду), оттуда рѣкою Оксомъ и черезъ Паропамизъ къ рѣкѣ Инду. Чтобы привести въ исполненіе свой планъ, предприниматель два раза ѣздилъ въ Москву, просилъ у великаго князя Василія поддержки, обѣщалъ его казнѣ и подданнымъ огромныя выгоды, если этимъ путемъ удастся подорвать торговлю ненавистныхъ Португальцевъ; но въ Москвѣ его не поддержали и широкій замыселъ остался безъ исполненія, послуживъ только поводомъ къ отправленію въ Римъ московскаго посла Димитрія Герасимова въ 1525 году[341]). Но если событія на востокѣ повредили торговымъ сношеніямъ южныхъ городовъ Европы съ восточными странами чрезъ Азовъ и Астрахань, то восточная торговля Московскаго государства, вмѣстѣ съ утвержденіемъ и распространеніемъ его вліянія на востокѣ, пріобрѣтала бо́льшую твер-

---

[340]) Вслѣдъ за Астраханью, въ 1395 г. до основанія разрушенъ былъ Тамерланомъ и Азовъ, а въ 1471 г. онъ былъ завоеванъ Турками.

[341]) Іовій, 14—18.

дость и бóльшіе размѣры. Во второй половинѣ XV в. изъ Москвы ежегодно ходили по Волгѣ въ Астрахань суда за солью[342]). По словамъ Контарини, ханъ астраханскій ежегодно отправлялъ къ великому князю московскому посла за подарками; съ этимъ посломъ обыкновенно отправлялся цѣлый караванъ татарскихъ купцовъ съ джездскими тканями, шелкомъ и другими товарами, которые они мѣняли на мѣха, сѣдла, мечи и другія нужныя имъ вещи[343]). Вообще Астрахань и въ XV в. была для Москвы важнымъ посредствующимъ рынкомъ въ торговлѣ ея съ востокомъ. Изъ Дербента ѣздили въ Астрахань купцы съ сарачинскимъ пшеномъ, шелковыми тканями и другими товарами востока, и мѣняли ихъ тамъ русскимъ купцамъ на мѣха и другіе предметы, требовавшіеся въ Дербентѣ[344]). Въ княженіе Василія относительно восточной торговли принята была московскимъ правительствомъ мѣра, имѣвшая важное значеніе какъ для московскихъ, такъ и для восточныхъ купцовъ: желая подорвать торговлю враждебной Казани, великій князь велѣлъ быть ярмаркѣ въ Нижнемъ и подъ страхомъ тяжелаго наказанія запретилъ московскимъ купцамъ ѣздить на казанскую ярмарку, которая собиралась на Купеческомъ островѣ, недалеко отъ города. Казанцы, конечно, много потеряли отъ этой мѣры, но не менѣе ихъ потеряла въ первое время и Москва, потому что во всѣхъ товарахъ, доставлявшихся Каспійскимъ моремъ и Волгой изъ Персіи и Арменіи, оказался на московскихъ рынкахъ большой недостатокъ и они очень вздорожали; особенно поднялась въ цѣнѣ волжская рыба[345]). Восточная торговля Московскаго государства по Волгѣ должна была значительно усилиться, когда все теченіе этой рѣки вошло въ предѣлы государства. Поссевинъ говоритъ, что восточные

---

[342]) Барбаро, 57.
[343]) Контарини, 91.
[344]) Тамъ же, 83.
[345]) Herberstein, 73.

купцы стали меньше посѣщать Астрахань послѣ ея присоединенія къ Московскому государству: это событіе могло подвергнуть астраханскую торговлю нѣкоторымъ колебаніямъ, но нельзя принять, чтобъ явленіе, указываемое Поссевиномъ, дѣйствовало долго, какъ нельзя принять во всей силѣ англійское извѣстіе, что Астрахань вовсе не такой значительный торговый городъ, какъ думаютъ, что Русскіе привозятъ туда однѣ бездѣлицы, какъ то: кожи, деревянную посуду, узды, сѣдла и проч. Магометанскіе владѣльцы еще въ царствованіе Іоанна IV, стараясь побудить султана къ отнятію Астрахани у царя московскаго, указывали на огромный доходъ, который получалъ этотъ царь въ Астрахани отъ таможенныхъ пошлинъ[346]). Кромѣ указанныхъ товаровъ, русскіе купцы отправляли въ Астрахань хлѣбъ и другіе съѣстные припасы, также шерстяныя и полотняныя одежды, ножи, топоры, стрѣлы, зеркала, кошельки; оружіе и желѣзо можно было вывозить только тайкомъ или по особенному разрѣшенію начальства. Въ обмѣнъ на эти товары, въ началѣ XVI в. купцы джагатайскіе (изъ-за Аральскаго моря) снабжали русскихъ въ Астрахани множествомъ шелковыхъ тканей, а татарскіе доставляли имъ лошадей и превосходныя бѣлыя матеріи, не тканыя, а валеныя изъ шерсти, изъ которыхъ дѣлались красивыя и хорошо защищавшія отъ дождя епанчи. Лошадей они пригоняли въ Москву и другіе города табунами отъ 30,000 до 40,000. По англійскимъ извѣстіямъ XVI в., изъ Бухаріи привозили въ Астрахань и Москву пряные коренья, мускусъ, сѣрую амбру, ревень, хлопчатобумажныя матеріи, шелкъ, краски, также мѣха, которые они скупали въ Сибири. По извѣстіямъ XVII в., съ востока шли въ Московское

---

[346]) Ханы хивинскій и бухарскій доносили султану: «въ Астрахань изъ многихъ земель кораблямъ съ торгомъ приходъ великій, доходитъ ему (царю московскому) въ Астрахани тамги въ день по тысячѣ золотыхъ» (Соловьевъ, «Исторія Россіи», VI, 293): извѣстіе, безъ сомнѣнія, очень преувеличенное, но показывающее, что было что преувеличивать.

государство, кромѣ шелковыхъ и хлопчатобумажныхъ матерій, ковры, парча, шелкъ сученый разныхъ цвѣтовъ, драгоцѣнные камни и широкія сабли изъ Бактріи; драгоцѣнные камни привозились въ Москву съ востока въ такомъ количествѣ, что иностранцы изъ западной Европы дивились низкимъ цѣнамъ, по которымъ они продавались въ Москвѣ: мелкіе рубины, по словамъ Таннера, продавали фунтами, по 6 нѣмецкихъ флориновъ фунтъ. Изъ товаровъ, шедшихъ въ Москву изъ Крыма чрезъ Кіевъ, Михалонъ упоминаетъ драгоцѣнные камни, шелковыя и золотомъ шитыя ткани, ладанъ, оиміамъ, шафранъ, перецъ и проч. Съ Турками въ XVII в. шла сухопутная торговля чрезъ Бессарабію: турецкіе купцы привозили въ Москву драгоцѣнные камни и разныя ткани и вывозили отсюда кожи, мѣха и бѣлый моржевый зубъ, изъ котораго въ Турціи искусно дѣлали рукоятки кинжаловъ. По англійскимъ извѣстіямъ XVI в., купцы турецкіе и армянскіе платили въ Москвѣ десятую деньгу со всѣхъ привозимыхъ ими товаровъ, кромѣ того за вѣсъ по двѣ деньги съ рубля. Въ Астрахани, по свидѣтельству Олеарія, торговыя пошлины были очень умѣренны; однакожъ ихъ ежегодно собиралось тамъ болѣе 12,000 рублей. Въ заключеніе о восточной торговлѣ укажемъ на извѣстіе о торговыхъ сношеніяхъ Русскихъ съ Китаемъ во второй половинѣ XVII в.: по словамъ Коллинса, Русскіе привозили изъ Китая чрезъ Сибирь чай и бадьянъ (anisum indicum stellatum), который пили съ сахаромъ отъ стѣсненій въ груди и желудкѣ; эти растенія привозили въ бумажныхъ пакетахъ, по 1 фунту въ каждомъ[347]).

Въ западной торговлѣ Московскаго государства во второй половинѣ XVI в. произошли важныя перемѣны. Возникавшее стремленіе Московскаго государства къ сближенію

---

[347]) Іовій, 26.—Herberstein, 43.—Флетчеръ, гл. 19-я.—Михалонъ, 67.—Hakluyt, I, 372, 352, 286.—Olearius, 319.—Mayerberg, I, 88 и 89. II, 152.—Коллинсъ, 574; ср. Neuville, 228.

съ западной Европой, выразившееся въ усиліяхъ добиться береговъ Балтійскаго моря, встрѣтилось съ стремленіемъ морскихъ западно-европейскихъ государствъ въ противоположную сторону—въ богатыя восточныя страны; вслѣдствіе этого въ западной торговлѣ Московскаго государства образовались новыя связи, явились новые дѣятели и новые рынки, давшіе другое направленіе торговому движенію. Въ концѣ XVI в. ревельскій совѣтъ жаловался, что торговля Ревеля съ Русскими падаетъ, потому что ею завладѣли, ко вреду его и всѣхъ ганзейскихъ городовъ, чужія націи. Кромѣ Шведовъ и Датчанъ, получившихъ право торговли въ Россіи, въ Новгородѣ утвердились Голландцы съ правомъ безпошлинной торговли. Но безъ сомнѣнія всего болѣе тревожили ревельскихъ купцовъ Англичане. Извѣстно, какъ начались торговыя сношенія съ ними; сосредоточіемъ этого торговаго движенія стала пристань въ пустынномъ сѣверномъ краѣ при устьѣ Сѣверной Двины. Компанія лондонскихъ купцовъ, составившаяся для торговли съ Россіей и утвержденная королемъ Филиппомъ и королевою Маріею въ 1555 году, дѣятельно повела завязавшіяся сношенія съ отдаленной Московіей и старалась надежными средствами обезпечить успѣхъ своего дѣла. Инструкціи, которыми она снабжала своихъ агентовъ въ Россіи, всего лучше показываютъ, въ какомъ духѣ и съ какими цѣлями она дѣйствовала. Въ инструкціяхъ 1555 года агентамъ предписывалось изучить характеръ Русскаго народа во всѣхъ его классахъ[348]), его нравы, обычаи, подати, монету, вѣсъ, мѣру, счетъ, товары, какіе нужны этому народу и какіе нѣтъ, чтобы вслѣдствіе незнанія всего этого компанія не потерпѣла какого-нибудь вреда или убытка; агенты обязаны бы-

[348]) Hakluyt, I, 289: that all the saide agents do well consider, ponder and weigh such articles as bee delivered to them to know the natures, dispotions, lawes, customes, maners and behaviours of the people of the countreis where they shall traffike, as well of the nobilitie as of the lawyers, marchants, mariners and common people.

ли также остерегаться, чтобы никакой законъ русскій, ни религіозный, ни гражданскій, не былъ нарушенъ ни ими, ни людьми ихъ, ни моряками, ни кѣмъ-либо изъ англичанъ; смотрѣть, чтобы всѣ пошлины были платимы исправно, дабы не навлечь конфискаціи товаровъ, чтобы все происходило покойно, безъ нарушенія порядка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ англичане будутъ торговать; агенты должны въ Москвѣ или другомъ какомъ-нибудь городѣ, или въ нѣсколькихъ городахъ, гдѣ будетъ выгоднѣе торговать, построить одинъ или нѣсколько домовъ для себя и всѣхъ своихъ людей, съ магазинами, погребами и другими службами, и смотрѣть, чтобъ никто изъ низшихъ служителей не смѣлъ ночевать внѣ агентскаго дома безъ позволенія. Агенты и факторы будутъ ежедневно собираться и совѣтоваться вмѣстѣ о томъ, что было бы всего приличнѣе и выгоднѣе для компаніи. Агенты должны подробно замѣтить всѣ роды товаровъ, которые могутъ быть съ выгодой проданы въ Россіи, должны имѣть постоянно въ умѣ, какъ бы всѣми возможными средствами узнать дорогу въ Китай, моремъ или сухимъ путемъ[349]). Въ 1555 г. суда компаніи совершили второе плаваніе сѣвернымъ путемъ въ Россію, и съ тѣхъ поръ компанія ежегодно посылала къ устью Сѣверной Двины обыкновенно три корабля съ англійскими товарами въ концѣ мая или въ началѣ іюня, чтобы къ осени корабли могли возвратиться въ Англію съ русскими товарами. Въ 1582 г. отправлено было даже 9 кораблей. Одинъ изъ агентовъ Берроу[350]). совѣтовалъ компаніи отправлять корабли изъ Англіи въ началѣ мая, потому что къ концу этого мѣсяца, когда корабли могли достигнуть гавани св. Николая, русскіе товары уже свозились туда по весеннему рѣчному пути, а для тѣхъ товаровъ, которые появлялись на рынкѣ позже этого времени, онъ совѣтовалъ оставлять въ Николаевской пристани одинъ или

---

[349]) Ibid. 288—292. Копіи льготъ см. на стр. 295—298.
[350]) См. его записку у Гаклюйта, I, 513.

два корабля. Пріѣхавъ въ гавань св. Николая, англичане помѣщали свои товары на англійскомъ дворѣ подлѣ монастыря[351]). Изъ записокъ агентовъ компаніи видно, что торговое движеніе, открывшееся между Лондономъ и гаванью св. Николая, произвело неблагопріятное дѣйствіе на страны западной Европы, прежде торговавшія съ Россіей, и онѣ старались помѣшать этимъ новымъ сношеніямъ. Отправляя въ 1582 г. 9 кораблей къ гавани св. Николая, компанія снабдила ихъ сильной артиллеріей и военными людьми подъ управленіемъ адмирала и вице-адмирала, которымъ дала подробныя инструкціи, какъ дѣйствовать въ случаѣ встрѣчи на пути съ непріятелемъ[352]); къ этому присоединялись неудобства и опасности сѣвернаго морского пути: по словамъ агента Лена, со времени открытія торговыхъ сношеній Англичанъ съ Россіей сѣвернымъ путемъ, въ 1560 г. корабли компаніи впервые возвратились въ Англію благополучно, безъ всякихъ потерь и поврежденій, изъ своей ежегодной поѣздки къ гавани св. Николая[353]). Враговъ компанія встрѣчала и въ самой Россіи: когда Ченслеръ пріѣхалъ въ Москву и вступилъ въ переговоры о торговлѣ Англичанъ съ Россіей, голландская компанія въ Новгородѣ обратилась къ царю съ письмомъ, взводя на Англичанъ разныя клеветы и между прочимъ стараясь увѣрить царя, что это—морскіе разбойники, которыхъ слѣдуетъ задержать и посадать въ тюрьму. Узнавъ объ этомъ, Англичане отчаялись даже возвратиться въ отечество; но царь не повѣрилъ доносу и дѣло уладилось[354]). Предъ пріѣздомъ Боуса въ Москву та же голландская компанія хлопотала объ уничтоженіи торговыхъ льготъ, данныхъ Англичанамъ московскимъ правительствомъ, и пріобрѣла себѣ въ Москвѣ друзей—Никиту Романовича, Богдана Бѣль-

---

[351]) Ibid., 517.

[352]) Ibid., 511 и 512.

[353]) Ibid., 525.

[354]) «Rerum Moscovitacarum auctores varii», p. 150.

скаго и Андрея Щелкалова, ибо, кромѣ ежедневныхъ подарковъ этимъ совѣтникамъ царскимъ, Голландцы заняли у нихъ столько денегъ по 25 процентовъ, что платили одному изъ нихъ ежегодно по 5.000 рублей; англійскіе же купцы не имѣли въ это время при дворѣ ни одного доброжелателя[355]). Съ своей стороны, и Англичане старались иногда не совсѣмъ чистыми средствами помѣшать утвержденію въ Москвѣ посторонняго вліянія, которое находили для себя невыгоднымъ. Въ 1582 г. Поссевинъ писалъ, что въ бытность его въ Москвѣ, англійскіе купцы, здѣсь жившіе[356]), подали царю записку, въ которой «какой-то еретикъ» старался доказать, что римскій первосвященникъ—антихристъ; это заставило и Поссевина подать царю записку съ цѣлію оправдать папу отъ еретическаго обвиненія. Агенты посылали компаніи донесенія о ходѣ ея дѣлъ въ Россіи; письма, посылавшіяся съ нарочными чрезъ континентъ и содержавшія въ себѣ секретныя извѣщенія о мѣрахъ, которыя могли бы дать компаніи въ торговлѣ съ Россіей перевѣсъ надъ купцами другихъ странъ, агенты должны были писать цифирью[357]). Компанія прежде всего хлопотала о томъ, чтобы привлечь къ себѣ русскихъ торговыхъ людей и захватить въ свои руки всѣ важнѣйшіе товары Россіи. Компанія писала агентамъ, чтобы они предлагали русскимъ купцамъ по возможности выгодную цѣну за ихъ товары, чтобы эти купцы охотнѣе везли свои товары въ Вологду къ Англичанамъ, чѣмъ въ Новгородъ къ купцамъ ганзейскимъ. Компанія не даромъ хлопотала объ этомъ: во время мира между Москвой и ея западными сосѣдями оживлялись и торговыя сношенія между ними, конкурренція для Англичанъ усиливалась, вслѣдствіе чего цѣ-

---

[355]) Hakluyt, I, 517.

[356]) Possevino, «Moscovia», p. 194. «Supplementum ad historica Russiae Monumenta», № CLXII: qui (Angli) in ea civitate commercia continenter exercent, a vectigalibus ea lege immunes (?), ut semper eorum XII in Moscovia vivant.

[357]) Hakluyt, I, 336.

ны на русскіе товары, особенно на воскъ, поднимались; на это именно жаловалась компанія, указывая агентамъ своимъ, что всѣ эти обстоятельства поведутъ къ пониженію цѣнъ на англійскіе товары. Потому компанія находила нужнымъ обратиться къ московскому царю съ просьбой запретить движеніе русскихъ товаровъ къ Ревелю и Ригѣ и направить его къ Вологдѣ и Холмогорамъ, за что компанія готова была обязаться брать русскіе товары и продавать свои по выгодной для русскихъ купцовъ цѣнѣ; иначе, заключаетъ компанія въ письмѣ отъ 1560 года, намъ не остается надежды на выгодное веденіе дѣлъ въ Россіи[358]). Компанія уговорила въ Лондонѣ русскаго посла согласиться на ея просьбу о дозволеніи агентамъ ея покупать въ Россіи товары въ долгъ, и приказывала послѣднимъ закупать этимъ или другимъ способомъ какъ можно болѣе воску, не заставляя его долго лежать на рукахъ продавцовъ, чтобъ, съ одной стороны, захватить весь этотъ товаръ въ свои руки и снабжать имъ не только свою страну, но и чужія, а съ другой — привлечь къ себѣ русскихъ купцовъ, облегчая имъ сбытъ ихъ товаровъ; слыша, что наибольшее количество воска, получавшагося въ Данцигѣ Любекѣ и Гамбургѣ, идетъ изъ Россіи чрезъ Новгородъ, Ригу и Ревель, компанія надѣялась такимъ образомъ отвлечь этотъ товаръ отъ помянутыхъ рынковъ и направить его къ Николаевской пристани и другимъ пунктамъ, гдѣ господствовали англичане[359]). Съ тою же цѣлію компанія предписывала агентамъ дать ей знать, какого рода шерстяныя ткани привозятся въ Россію изъ Риги, Ревеля, Польши и Литвы, съ подробнымъ описаніемъ ихъ ширины и длины, цвѣта и цѣны, и какое количество ихъ можно сбыть въ годъ, чтобъ такое же могла заготовлять компанія; также выслать всякаго рода кожи, ибо компанія слышала, что Нѣмцы и Голландцы закупаютъ ихъ въ Россіи

---

[358]) Hakluyt, 342.
[359]) Ibid., 335.

большое количество[360]). Таковы были цѣли и пріемы, съ которыми англійская компанія вела свои дѣла въ Россіи.

Англія снабжала Россію чрезъ компанію не только своими, но и чужими произведеніями. Изъ счета, представленнаго Іоанну IV агентами компаніи, видно, какіе товары поставляли они ко двору: въ 1574 году взято было у англійскихъ купцовъ для царя 12 пуд. сахару, по 8 рубл. пудъ, и 200 стопъ бумаги, по 20 алт. стопа; въ 1576 г. взято мѣди на 1082 рубл., въ слѣдующ. году взято сукна разныхъ сортовъ нѣсколько кусковъ, въ 1580 г. взято свинцу на 267 рубл. и 15 кусковъ толстаго сукна на 210 рубл.[361]). Въ 1557 г. компанія отправила въ Россію 4 корабля съ товарами, между которыми было 25 тюковъ толстаго сукна, одинъ тюкъ фіолетоваго и одинъ алаго, 40 тюковъ бумажной матеріи, 518 кусковъ гемпширской каразеи, именно 400 синей, 43 голубой, 53 красной, 15 зеленой, 5 коричневой и 2 желтой, и 9 бочекъ олова. Компанія обозначаетъ цѣны и этихъ товаровъ: кусокъ толстаго сукна 5 фунт. стерл. 9 шил., тонкаго фіолетоваго 18 фунт. 6 шил. 6 пенс., алаго 17 фунт. 13 шил. 6 пенс., тюкъ бумажной матеріи по 7 кусковъ въ каждомъ, 9 фунт. 10 шил., кусокъ каразеи 4 фунт. 6 шил.[362]). Изъ письма компаніи къ агентамъ отъ 1560 г. узнаемъ, что она посылала въ Россію бастръ, изюмъ, чернословъ и миндаль[363]). Англичане привозили въ Россію оружіе и лошадиную сбрую[364]). Горсей пишетъ, что онъ закупалъ въ Англіи для царя львовъ, позолоченныя алебарды, пистоли, ружья и другое оружіе, разныя аптекар-

---

[360]) Hakluyt, 333 и 336. We must procure to utter good quantitie of wares, especially the commodities of our realme, although we afford a good penyworth, to the intent to make other that have traded thither, wearie, and so to bring our selves and our commodities in estimation etc.

[361]) Ibid., 522 и 523.

[362]) Ibid., 332.

[363]) Ibid., 344.

[364]) Hakluyt, 340.

скія снадобья, органы, клавикорды и другіе музыкальные инструменты, карминъ, нитки жемчуга, посуду вычурной работы; въ 1585 г. накупилъ такихъ вещей на 4.000 ливровъ[365]). Агентъ Гассъ писалъ въ 1554 г., чтобы компанія доставляла Русскимъ такіе товары, которыми снабжали ихъ Голландцы, именно голандскія фландрскія сукна, указывая на то, что англійская компанія можетъ доставлять ихъ черезъ гавань св. Николая съ меньшими расходами, нежели купцы голландскіе чрезъ Ригу, Ревель или Дерптъ[366]).

Согласно съ инструкціями компаніи, агенты ея скоро указали въ Россіи города, которые могли служить главными складочными пунктами для ея товаровъ и вмѣстѣ лучшими рынками для покупки русскихъ товаровъ. Джонъ Гассъ доносилъ въ 1554 г., что лучшимъ мѣстомъ для склада англійскихъ товаровъ онъ считаетъ Вологду, потому что это городъ большой, находящійся на удобномъ водномъ пути, въ сердцѣ Россіи, окруженъ многими большими и хорошими городами, изобилуетъ хлѣбомъ, вообще жизненными припасами и всѣми русскими товарами, особенно льномъ, пенькой, воскомъ и саломъ, всѣ вещи здѣсь вдвое дешевле чѣмъ въ Москвѣ или Новгородѣ; нѣтъ города въ Россіи, который не торговалъ бы съ Вологдой; даже Москва не такъ удобна для компаніи въ этомъ отношеніи, ибо тамъ, благодаря пребыванію двора, компаніи придется тратить половину своихъ барышей на подарки царскимъ чиновникамъ и другіе расходы[368]). На основаніи этого донесенія Гасса, компанія устроила въ Вологдѣ контору. Другой важный пунктъ сѣверной торговли находился почти на концѣ воднаго сѣверо-двинскаго пути: это были Холмогоры. Здѣсь сосредоточивалось торговое движеніе

---

[365]) Записки Горсея въ «Библ. для Чт.» 1865 г., № 6, стр. 19.

[366]) Hakluyt, I, 287.

[368]) Ibid., 286.

сѣвернаго поморскаго края. Сюда, по словамъ Гасса, на большую ярмарку въ зимній Николинъ день свозились всѣ роды товаровъ, какіе производилъ сѣверный край Россіи, какъ то: тюленій жиръ, соль, рыба (семга и треска), ворвань, мѣха; ворвани, замѣчаетъ Ченслеръ, въ Двинскомъ краѣ добывалось больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Рыбу привозили сюда изъ Мурманскаго моря[369]), а мѣха съ Пинеги, изъ Лампаса и Пустозерска; промышленники этихъ мѣстъ скупали ихъ у Самоѣдовъ и мѣняли холмогорскимъ купцамъ на сукно, олово, мѣдь и другіе товары. Изъ Холмогоръ мѣха отвозили въ Новгородъ, Вологду или Москву; въ Новгородъ возили также съ Холмогорской ярмарки въ большомъ количествѣ тюленій жиръ и вяленую рыбу и сбывали тамъ эти товары голландскимъ и ливонскимъ купцамъ[370]). Холмогоры, по словамъ Ченслера, снабжали Новгородъ, Вологду, Москву и всѣ окрестности страны солью, добываемою изъ морской воды, и соленою рыбой. Жители Пустозерска и другихъ приморскихъ мѣстностей промышляли ловлей моржей, изъ которыхъ добывали цѣнный моржевый зубъ; его вмѣстѣ съ другими произведеніями сѣвера возили на оленяхъ въ Лампасъ, а изъ Лампаса въ Холмогоры[371]). Холмогоры такъ же, какъ и Вологда, скоро сдѣлались важнымъ складочнымъ пунктомъ англійской торговли; въ концѣ XVI в. здѣсь жило много англійскихъ купцовъ, имѣя свою землю и прекрасные дома[372]). Кромѣ дворовъ въ Вологдѣ, Холмогорахъ и у пристани Св. Николая, у Англичанъ былъ еще дворъ въ Ярославлѣ; этотъ городъ былъ важнымъ торговымъ пунктомъ на пути между Москвой и Вологдой; главные товаръ его были хлѣбъ, кожи,

---

[369]) Hakluyt, I, 286: their stockefish and salmon commeth from a place called Mallums, not farre from Wardhouse.

[370]) Ibid., 286.

[371]) Ibid., 264.

[372]) Мильтонъ, «Исторія Московіи» (въ «Отеч. Зап.», т. CXXXI, отд. I, стр. 107).

сало и воскъ[373]). Въ Лампасѣ, откуда привозились много товаровъ въ Холмогоры, два раза въ годъ бывала большая ярмарка, на которую съѣзжалось множество разноплеменного народа—Русскихъ, Татаръ, Самоѣдовъ и проч.[374]).

Приведенныя извѣстія о сѣверной торговлѣ уже опредѣляютъ отчасти, какіе товары могла компанія вывозить изъ Россіи съ наибольшими удобствами: это были преимущественно произведенія сѣвернаго края Россіи, преобладавшія на упомянутыхъ рынкахъ Вологды и Холмогоръ. Компанія скоро обозначила своимъ агентамъ, какіе изъ этихъ товаровъ имѣли наибольшій сбытъ въ Англіи: это были воскъ, сало, ворвань, ленъ и пенька. Послѣдняго товара компанія предписывала не посылать въ Англію въ необработанномъ видѣ, потому что перевозка его обходилась компаніи слишкомъ дорого, по 6 фунт. стерл. за тонну; но компанія послала въ Россію 7 канатныхъ мастеровъ, которыхъ агенты должны были тотчасъ посадить за работу въ Вологдѣ или Холмогорахъ, снабдивъ ихъ работниками и матеріалами; компанія предписывала заготовлять какъ можно больше канатовъ, потому что, добавляла она, это главный русскій товаръ, и приготовленіе канатовъ такимъ образомъ обойдется компаніи дешевле, нежели выписыванье ихъ изъ Данцига. Согласно съ этими предписаніями построенъ былъ домъ въ Холмогорахъ для канатнаго производства, и 8 мастеровъ ежегодно передѣлывали въ канаты болѣе 90.000 фунтовъ пеньки[375]). Изъ мѣховъ наибольшій сбытъ имѣли въ Англіи бѣличьи, лисьи и куньи; компанія предписывала высылать изъ Россіи больше дешевыхъ мѣховъ и меньше дорогихъ, потому что послѣдніе трудно сбывались въ Англіи. Вообще мѣха далеко не составляли главной статьи въ торговлѣ компаніи съ Россіей; какъ на причину малаго сбыта мѣховъ въ Англіи, компанія указы-

---

[373]) Hakluyt, I, 264.
[374]) Hakluyt, 338.
[375]) Ibid., 332 и 338.

вала въ 1560 г. на распоряженіе правительства не носить иноземныхъ мѣховъ. Напротивъ, увеличивался спросъ на сало, и компанія въ томъ же году предписывала увеличить присылку этого товара, хотя бы пришлось возвысить нѣсколько покупную цѣну его; она требовала, чтобъ агенты ежегодно отправляли въ Англію по 3.000 пудовъ сала[376]). Второстепенными статьями вывоза были мачты, смола и нѣкоторые другіе товары, перевозка которыхъ обходилась компаніи слишкомъ дорого. Но кромѣ товаровъ, появлявшихся въ изобиліи на русскихъ рынкахъ, компанія старалась отыскать и захватить въ свои руки такіе товары, которые дотолѣ не имѣли важнаго значенія во внѣшней торговлѣ Россіи, но о которыхъ компанія слышала, что ихъ можно добывать тамъ въ изобиліи; такъ компанія предписывала агентамъ выслать образцы мѣди и желѣза, ибо она слышала, будто въ Россіи и Татаріи добывается большое количество этихъ металловъ; также прислать на пробу извѣстное количество земель или травъ или чего бы то ни было, чѣмъ Русскіе красятъ свои льняныя и шерстяныя матеріи, кожи и т. п., а равно выслать и тѣ красильныя вещества, которыя Турки и Татары привозятъ въ Россію, съ описаніемъ, какъ употреблять ихъ при крашеніи; наконецъ, она посылала знающаго человѣка для отысканія тиса въ Пермской и Печорской областяхъ, указывая на то, что эта статья хорошо пошла бы въ Англіи [377]). Соли компанія не вывозила изъ Россіи: предписывая агентамъ высылать изъ Россіи значительное количество соленаго мяса, компанія посылала для этого соль изъ Англіи, находя ее лучше русской [378]).

Мы видѣли, какія цѣны назначала компанія нѣкоторымъ англійскимъ товарамъ, которые она отправляла въ Рос-

---

[376]) Hakluyt, 333 и 342.

[377]) Ibid., 333 и 335.

[378]) Ibid., 345. Ср. жалобу вологодскихъ и бѣлозерскихъ купцовъ въ «Исторіи Россіи» Соловьева, VII, 63.

сію. О томъ, какія выгоды получала она отъ продажи здѣсь этихъ товаровъ, можно отчасти составить себѣ понятіе по донесенію агента Гудсона, который продавалъ въ Нижнемъ Новгородѣ сукно, стоившее на мѣстѣ 4 фунт. стерл., по 17 руб. за кусокъ, что̀, по его словамъ, составляло почти тройную цѣну [379]); въ Москвѣ товары, стоившіе 6608 фунт., проданы были за 13,644. Другой агентъ не согласился продать русскому купцу сукно, стоившее компаніи около $5^1/_2$ фунт. за кусокъ, по 12 руб., надѣясь получить больше [380]) Въ донесеніяхъ агентовъ компаніи находимъ нѣсколько указаній на цѣны, по которымъ она покупала русскіе товары. Агентъ Киллингуортъ покупалъ воскъ по 7 пенс. за фунтъ; пенька продавалась въ Вологдѣ въ 1557 г. по $2^1/_2$ руб. за берковецъ, но въ то же время другіе агенты купили въ Новгородѣ пеньки на 700 руб. по $1^1/_2$ руб. за берковецъ; бѣлый новгородскій ленъ продавался по 3 руб. за берковецъ. Въ томъ же году Англичане купили въ Вологдѣ 400 пудовъ сала за 77 руб., 17 берк. 6 пуд. 6 фунт. небѣленаго льна и пеньки за 28 руб. 11 алт. 2 деньги; въ Холмогорахъ куплено въ 1558 г. 13 пуд. 7 фунт. пеньки за 2 руб. 28 алт. 4 деньги. На цѣну ворвани въ Россіи нѣтъ указаній въ донесеніяхъ агентовъ: но въ 1560 г. компанія жаловалась въ письмѣ къ агентамъ, что въ Англіи цѣна на ворвань была не такъ хороша какъ прежде, именно бочка продавалась по 9 фунт. стерл. [381]).

Утвердившись въ гавани св. Николая, англичане простерли отсюда свои торговыя предпріятія въ страны, лежащія на востокъ и западъ отъ Бѣлаго моря, и оставили намъ любопытныя извѣстія о промышленности и торговлѣ

---

[379]) Компанія принимала русскій рубль за 16 шиллинг. 8 пенс., хотя и замѣчала, что онъ стоитъ не больше 13 шиллинг. Hakluyt., I, 337.

[380]) Ibid., 293.

[381]) Ibid., 295, 337, 338 и 344. См. цѣны привозныхъ и вывозныхъ товаровъ въ Архангельскѣ, по отпискамъ 1604 и 1605 годовъ, у Карамзина, т. X, стр. 234 и 235, примѣч. 435.

на отдаленныхъ сѣверныхъ окраинахъ Московскаго государства. Выше мы привели извѣстія агентовъ о торговомъ движеніи въ странѣ на востокъ отъ устья Сѣверной Двины; другіе агенты сообщаютъ извѣстія о торговлѣ на Мурманскомъ берегу. Начало сношеній компаніи съ жителями этого края сдѣлано было въ 1557 году: агентъ ея Стефанъ Бёрроу, отыскивая пропавшіе англійскіе корабли, приплылъ лѣтомъ этого года въ заливъ, недалеко отъ мѣстечка Кегора, къ сѣверу отъ устья р. Колы, и встрѣтилъ здѣсь нѣсколько норвежскихъ и голландскихъ судовъ, пришедшихъ сюда для мѣнового торга съ Русскими и туземцами, Лопарями и Корельцами. Голландцы привезли сюда серебряную посуду, ложки, позолоченныя кольца, украшенія для поясовъ, ожерелья съ серебряными цѣпочками, сукна разныхъ цвѣтовъ, и очень выгодно обмѣнивали на эти товары или покупали у туземцевъ треску и семгу. Голландцы не хотѣли сказать англійскому агенту, по какой цѣнѣ покупали они здѣсь эту рыбу, но онъ узналъ, что они брали по 100 штукъ трески за 1 долларъ. Голландскіе купцы сказывали англійскому агенту, что они ежегодно пріѣзжали къ Кегору, гдѣ добывалась лучшая треска, и съ большою выгодой нагружали здѣсь свои суда этою рыбой. Корельцы и Лопари предлагали и англичанину купить у нихъ рыбы, и когда послѣдній сказалъ имъ, что онъ не за тѣмъ прибылъ сюда, они просили его побывать у нихъ на слѣдующее лѣто. Бёрроу замѣтилъ имъ, что тогда у нихъ не достанетъ рыбы, чтобы удовлетворить запросамъ голландскихъ и англійскихъ купцовъ; но туземцы отвѣчали, что если больше будетъ приходить къ нимъ кораблей, то и у нихъ больше народа будетъ заниматься рыболовствомъ, что и теперь для этого нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжаютъ сюда на оленяхъ издалека, но жалѣютъ, что некому сбывать рыбу, и потому должны отдавать ее Голландцамъ по цѣнѣ, какую назначатъ послѣдніе. Русскимъ они продавали 24 рыбы (семги или трески) за 4 алтына. То же сказалъ агенту и московскій чиновникъ, который собиралъ подать съ Лопарей и пригласилъ Бёрроу въ свою палатку. Онъ совѣтовалъ Англичанамъ

начать торговыя сношенія съ туземцами, и на вопросъ агента, какіе товары всего лучше привозить сюда, отвѣчалъ: серебро, жемчугъ, сукно, муку, крѣпкое пиво, вино, олово и золото. Агентъ обѣщалъ, что въ будущемъ году сюда прибудетъ англійскій корабль,—и сношенія завязались. Тотъ же агентъ въ другомъ донесеніи писалъ, что въ Кегоръ къ 29-му іюня сбиралось множество Русскихъ, Норвежцевъ, Корельцевъ и Лопарей, и происходилъ большой мѣновой торгъ; туземцы вымѣнивали на рыбу, рыбій жиръ и мѣха товары пріѣзжихъ купцовъ. Главный надзоръ и сборъ пошлины на этомъ торгу принадлежалъ московскому чиновнику; но кромѣ того здѣсь присутствовали съ тою же цѣлью чиновники датскій и шведскій. Прежде, чѣмъ открывался торгъ, московскій чиновникъ осматривалъ товары у Лопарей и Корельцевъ, подвластныхъ московскому государю, и давалъ имъ разрѣшеніе на продажу; то же дѣлали и другіе чиновники. Бёрроу добавляетъ, что за право рыболовства у Лапландскихъ береговъ, отъ монастыря на Печенгѣ до монастыря св. Николая, подданные московскаго царя платили значительныя суммы въ казну. Добываніемъ рыбы и рыбьяго жира у Лапландскаго берега занимались и Англичане: въ 1577 г. рыболовы компаніи, имѣя при себѣ одну рыболовную лодку, поймали около 10.000 штукъ трески, что̀ вмѣстѣ съ добытымъ изъ нея жиромъ доставило компаніи 320 фунт. стерл.; кромѣ того англійскій корабль вымѣнялъ у туземцевъ рыбьяго жира и другихъ товаровъ на 100 кусковъ сукна. Однакожъ агенты жаловались компаніи, что она не обращаетъ достаточно вниманія на торговлю съ Лапландіей и этимъ уступаетъ преобладающее значеніе въ той странѣ другимъ европейскимъ промышленникамъ; одинъ агентъ писалъ, что въ 1574 году два англійскіе корабля вывезли изъ Лапландіи только 300 бочекъ рыбьяго жира, тогда какъ другіе купцы, преимущественно голландскіе, купили тамъ у Русскихъ, Корельцевъ и Лопарей 1183 бочки [382]).

[382]) Hakluyt, I, 329, 467, 469, 464.—Флетчеръ. гл. 20-я.

Въ концѣ царствованія Іоанна IV льготы англійской компаніи были ограничены, но въ царствованіе Ѳеодора, благодаря пріязни Бориса Годунова къ Англичанамъ, послѣдніе опять добились позволенія торговать въ Россіи вольною торговлей, освободившись отъ платежа пошлинъ, простиравшихся со времени ограниченія льготъ болѣе, чѣмъ на 2.000 фунт. стерл. въ годъ[383]). Но Англичане добивались не одной свободы отъ пошлинъ: они добивались права исключительной торговли въ Россіи. На предложенія объ этомъ со стороны королевы Елизаветы изъ Москвы отвѣчали, что дѣло несхожее указывать царю въ его государствахъ тому торговать, а иному не торговать. За старанія компаніи вытѣснить изъ Россіи другихъ иноземныхъ купцовъ, даже Англичанъ, не принадлежавшихъ къ компаніи, послѣдніе преслѣдовали ея суда и агентовъ, на что она сильно жалуется въ своихъ инструкціяхъ и письмахъ къ агентамъ; но она и сама прибѣгала къ подобнымъ же средствамъ съ цѣлью избавиться отъ соперниковъ. Въ Москву приходили жалобы другихъ иностранныхъ купцовъ, что Англичане не пропускаютъ ихъ кораблей къ Московскому государству [384]). Вытѣснить соперниковъ не удалось компаніи: Горсей пишетъ, что лѣтомъ въ гавани св. Николая всегда можно было найти кромѣ англійскихъ суда нѣмецкія, голландскія и французскія [385]). Но во внутреннихъ областяхъ государства Англичане не встрѣчали такихъ сильныхъ соперниковъ, какъ на пограничныхъ рынкахъ Россіи.

---

[383]) Hakluyt, I, 521.

[384]) По поводу этихъ жалобъ царь писалъ Елизаветѣ: «Если такъ дѣлается въ самомъ дѣлѣ, то это твоихъ гостей правда ли, что за наше великое жалованье иноземцевъ отгоняютъ? Божію дорогу, Океанъ-море какъ можно перенять, унять и затворить». Соловьевъ, «Исторія Россіи», VII, 335.

[385]) Изъ переговоровъ съ Боусомъ узнаемъ, что къ Николаевской пристани приходилъ извѣстный антверпенскій купецъ Иванъ Бѣлобородъ (Iohn de Wale), а Кольскую пристань посѣщали купцы французскіе. Соловьевъ, «Исторія Россіи», VI, 400.

Агенты компаніи доносили, что Англичане пользуются большимъ довѣріемъ русскихъ купцовъ, что послѣдніе съ особенною охотой предлагаютъ имъ свои товары, зная ихъ какъ хорошихъ покупателей и исправныхъ плательщиковъ; но изъ инструкцій компаніи видно, какими соображеніями руководилась она, стараясь привлечь къ себѣ русскихъ торговыхъ людей: ей хотѣлось вытѣснить иноземныхъ конкурентовъ и господствовать на русскихъ рынкахъ, потому что конкурренція возвышала цѣны русскихъ товаровъ и понижала цѣны англійскихъ. Дѣйствуя такимъ образомъ съ помощью льготъ, испрошенныхъ у московскаго правительства, компанія давила русскихъ торговыхъ людей; послѣдніе чувствовали свое безсиліе предъ богатыми и ловкими англійскими купцами, которые дѣйствовали соединенными силами, систематически; русскіе торговые люди не могли стянуть съ ними и ненавидѣли ихъ за ихъ привилегированное положеніе въ Россіи. Горсей разсказываетъ, что когда Боусъ ѣхалъ на аудіенцію во дворецъ, народъ въ Москвѣ, догадываясь о цѣли его пріѣзда въ Россію, поносилъ его обидными прозвищами [386]). Въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича Англичане получили грамоту на свободную и безпошлинную торговлю въ Россіи; русскіе торговые люди жаловались на стѣсненія и потери, которымъ они подвергаются отъ иноземныхъ купцовъ, преимущественно Англичанъ, желали удаленія этихъ купцовъ изъ внутреннихъ областей государства [387]); по Спафари сказывалъ Невилю, что Англичане сохраняли преобладающее значеніе въ русской торговлѣ до смерти короля Карла I [388]). Въ 1649 году наконецъ исполнено было давнее желаніе русскихъ торговыхъ людей: Англичане, по царскому указу, высланы были изъ внутреннихъ областей государ-

---

386) Горсей въ указан. мѣстѣ, № 4, стр. 62.

387) См. объ этихъ жалобахъ Соловьевъ, «Исторія Россіи», IX, 416 и слѣд.

388) Neuville, 210.

ства, и имъ позволено было торговать только у Архангельскаго города. Въ объясненіе этой мѣры Карлилю говорили въ Москвѣ, что Англичане продавали въ Россіи табакъ вопреки царскому запрещенію и не доставляли въ царскую казну англійскихъ товаровъ, сукна, олова, свинцу по цѣнѣ, по какой продавались они въ Англіи, о чемъ постановлено было условіе въ царствованіе Михаила [389]). По высылкѣ изъ внутреннихъ областей и уничтоженіи льготъ Англичане платили въ казну пошлины 6.000 руб. ежегодно [390]). Послѣ этого преобладающее значеніе въ торговлѣ на сѣверѣ Московскаго государства получили купцы голландскіе, несмотря на то, что платили царю 15% пошлины съ привоза и вывоза; по словамъ Невиля, они держали въ Архангельскѣ болѣе 200 агентовъ, которые зимой ѣздили въ Москву и другіе города для закупки русскихъ товаровъ. Къ Архангельску приходили также суда изъ Гамбурга и другихъ ганзейскихъ городовъ. Въ XVII вѣкѣ Архангельскъ былъ главнымъ мѣстомъ сбыта хлѣба за границу, который покупали преимущественно голландцы [391]). По извѣстіямъ XVII вѣка, по Сѣверной Двинѣ ходило вверхъ и внизъ множество судовъ; русскіе купцы свозили по ней къ Архангельску воловьи и лосиныя кожи, пеньку, смолу, льняное сѣмя, золу, разные мѣха, мѣняя все это на товары, привозившіеся голландскими и англійскими купцами изъ Испаніи, Италіи, Франціи, Голландіи и Англіи, какъ то: пряные коренья, сахаръ, шафранъ, соленыя сельди, вина, разныя ткани, голландскія сукна и полотна, зеркала, ножи, шпаги, ружья, пистолеты, мушкеты, мѣдь, свинецъ, олово, серебро и золото, тафту, атласъ, бархатъ, парчу, шерстяные и

---

389) О другомъ побужденіи, которымъ правительство объясняло высылку англичанъ, см. Соловьевъ, «Исторія Россіи», X, 161.

390) Carlisle, 189, 200, и 257.

391) Carlisle, 72. Продажа хлѣба за границу была монополіей казны. См. грамоту объ этомъ въ «Исторіи Россіи» Соловьева, IX, 419.

бумажные чулки, волоченое золото, жемчугъ, алмазъ и другіе драгоцѣнные камни, наконецъ большое количество серебряной и золотой монеты [392]). Купцы фламандскіе и гамбургскіе, по свидѣтельству Невиля, вывозили изъ Россіи чрезъ Архангельскъ преимущественно воскъ и желѣзо. Иноземные корабли приходили къ Архангельску въ іюлѣ и уѣзжали въ сентябрѣ. Ежегодно приходило сюда до 30 иностранныхъ кораблей [393]). Сѣверная иностранная торговля чрезъ пристань св. Николая и потомъ Архангельскъ имѣла важное вліяніе на сѣверо-двинскій край: ей приписывали увеличеніе народонаселенія и развитіе промысловъ въ этомъ краѣ [394]). Кромѣ западныхъ купцовъ, сюда пріѣзжали и восточные—Татары, Бухарцы, Персіяне [395]). О значительности архангельской торговли въ XVII вѣкѣ можно судить по величинѣ таможенной пошлины, которой, по свидѣтельству Олеарія, въ иные годы собиралось въ Архангельскѣ больше 300.000 руб. [396]).

Перемѣна, начавшая обнаруживаться въ торговлѣ Московскаго государства съ западною Европой съ половины XVI вѣка, состояла въ томъ, что движеніе этой торговли стало болѣе и болѣе отклоняться отъ прежнихъ своихъ средоточій и направляться въ другую сторону—на сѣверъ, къ устью Сѣверной Двины. Но прежнія средоточія западной торговли и послѣ открытія сѣверной торговли не потеряли своего значенія. Мы упоминали о торговомъ движеніи по Днѣпру, передававшемъ въ Литву русскіе товары изъ Москвы и Холопьяго города. Ланноа встрѣчалъ въ Литвѣ вещи съ названіемъ русскихъ, именно шубы, постели, перчатки и чашки [397]); по извѣстію Герберштейна, въ Калугѣ

[392]) Mayerberg, II, 56 и 57. Иногда на одномъ кораблѣ привозилось до 80.000 ефимковъ, съ которыхъ платили пошлину, какъ съ товаровъ. Карамзинъ, X, 235.

[393]) Neuville, 213.

[394]) Mayerberg, II, 55.

[395]) Рейтенфельсъ, 43.

[396]) Olearius, 221.

[397]) G. de Lannoy, 35 и 37.

искусно вырѣзывали изъ дерева чарки и другую домашнюю посуду, которую отправляли на продажу въ Литву [398]). Въ торговлѣ Московскаго государства съ Польшей важное значеніе имѣла Люблинская ярмарка, куда вмѣстѣ съ купцами изъ Пруссіи, Ливоніи, Германіи, Венгріи, Литвы, Татаріи пріѣзжало много и московскихъ купцовъ [399]). Но главное мѣсто въ торговлѣ съ западомъ занимали города, находившіеся въ сторонѣ отъ большихъ рѣчныхъ системъ, на рѣкахъ сравнительно менѣе значительныхъ, но зато имѣвшихъ прямую и близкую связь съ Балтійскимъ моремъ: это были Новгородъ и Псковъ. Въ началѣ XVI вѣка купцы московскіе, особенно изъ Новгорода и Пскова, складывали свои товары на правомъ берегу рѣки Нарвы, въ деревянномъ городкѣ того же имени близъ Иванъ-города, и потомъ отправляли ихъ рѣкой къ морю [400]). Во второй половинѣ XVI в. Нарвская пристань была нѣкоторое время во власти московскаго царя; но и послѣ того, какъ она отошла къ Шведамъ, торговое движеніе къ ней изъ Россіи не прекращалось. Изъ Пскова и Новгорода отправляли туда ленъ, пеньку, сало, воскъ, и кожи; въ торговлѣ этими товарами Новгородъ и Псковъ занимали первое мѣсто въ Россіи. Особенно славился между иностранными купцами новгородскій ленъ; по словамъ одного англійскаго агента, въ Новгородъ привозили лучшій русскій ленъ и продавали связками; было два сорта льна: 100 связокъ высшаго сорта продавались 4-мя рублями дороже такого же количества низшаго сорта. Ленъ высшаго сорта былъ длиннѣе и чище; пудъ его выходилъ изъ 22—24 связокъ, тогда какъ пудъ

---

398) Herberstein, 50.

399) Ibid. 102.

400) О положеніи Русской Нарвы Олеарій пишетъ: Au pied de ce chateau (Иванъ-города) se voit un bourg que l'on nomme la Nerva Moscovite, pour la distinguer d'avec la Nerva Teutonique ou Allemande. Ce bourg est habitè par des Moscovites naturels (pag. 86). Слѣдовательно Русскою, или Московскою Нарвой назывался посадъ Иванъ-города.

низшаго сорта выходилъ изъ 27 или 28 связокъ [401]). Англичане отдавали Новгороду рѣшительное преимущество предъ Москвой въ торговомъ отношеніи. Въ первой половинѣ XVI вѣка Голландцы имѣли въ немъ свой дворъ и торговали безпошлинно; незадолго до открытія сношеній Россіи съ Англіей они потеряли свои льготы за какіе-то противозаконные поступки и снова возвратили ихъ, заплативши 30.000 руб. [402]). Псковъ и въ концѣ XVI вѣка былъ наполненъ иностранными купцами, по выраженію Вундерера. О значеніи Пскова для прибалтійскихъ городовъ можно составить себѣ понятіе изъ того, что̀ писалъ въ Любекъ въ 1593 г. ревельскій совѣтъ; онъ писалъ, что торговля съ Русскими чрезъ Псковъ всегда составляла для жителей Ревеля и другихъ ганзейскихъ городовъ одинъ изъ главныхъ источниковъ пропитанія и благосостоянія. Расширеніе западной торговли Московскаго государства во второй половинѣ XVI вѣка чрезъ Нарву, появленіе въ Нарвской пристани кораблей изъ отдаленныхъ морскихъ государствъ западной Европы грозило ганзейскимъ городамъ большими потерями, и совѣтъ города Ревеля, жалуясь въ упомянутомъ письмѣ на эти перемѣны, указываетъ на необходимость перевести торговый портъ изъ Нарвы въ Ревель, чтобъ удалить чужихъ купцовъ изъ Россіи или по крайней мѣрѣ заставить ихъ дѣйствовать въ интересахъ Ревеля и другихъ ганзейскихъ городовъ [403]). Соображенія, высказанныя въ письмѣ ревельскаго совѣта, объясняютъ намъ извѣстіе агента англійской компаніи Лена, который пишетъ, что

---

[401]) Hakluyt, I, 468, 287.

[402]) Ibid. 286 «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 150.

[403]) Wir aber nun mit höchsten Schmerzen vernehmen, wie zu dieser Zeit derselbe Handel zur Pleskow der erbaren Stetters Inwohner unndt Bürgers je lenger je mehr durch die frembde Nationen zu Schaden, Verderb unndt Untergang getrieben werden etc. Въ 1596 г. совѣтъ опять жалуется, что торговля Ревеля съ Россіей падаетъ и торговый портъ попрежнему въ Нарвѣ. «Supplementum ad histor. Rus. Monumenta», №№ LXXXVII—XCIV.

Англичане давно имѣли торговыя сношенія съ Ригой и Ревелемъ, но до 1560 г. ничего не знали о нарвской торговлѣ, которую тщательно скрывали отъ нихъ купцы Данцига и Любека [404]). Въ 1560 г. корабли англійской компаніи въ первый разъ посѣтили нарвскій Портъ, и съ тѣхъ поръ начались постоянныя сношенія Англичанъ чрезъ этотъ портъ съ важнѣйшими торговыми городами Московскаго государства, которые ссужали приходившіе къ Нарвѣ корабли своими товарами. Какія выгоды получала компанія отъ этой торговли, можно заключать по извѣстію о торговой поѣздкѣ агента ея Гудсона, который въ 1567 г. приплылъ въ Нарву съ товарами на 11,000 фунт. стерл.; товары эти состояли изъ сукна, каразеи и соли; при продажѣ ихъ компанія получила 40% прибыли. Но и нарвская торговля Англичанъ соединена была съ такими же затрудненіями, какъ и бѣломорская. Въ 1569 г. тотъ же агентъ Гудсонъ приплылъ изъ Лондона въ Нарву на трехъ корабляхъ и писалъ компаніи, чтобы на слѣдующую весну она прислала 13 кораблей, которые всѣ онъ надѣется нагрузить товарами; но при этомъ онъ писалъ, что корабли надобно хорошо снабдить огнестрѣльнымъ оружіемъ на случай встрѣчи съ корсарами. Дѣйствительно, англійскіе корабли встрѣтили 6 кораблей польскихъ корсаровъ; бой былъ неравный: одинъ корсарскій корабль ушелъ, другой былъ сожженъ, остальные 4 были приведены въ Нарву и 82 человѣка плѣнныхъ выданы были московскому воеводѣ [405]). Несмотря однакожъ ни на жалобы ревельцевъ, ни на разбои польскихъ корсаровъ, Нарва и въ XVII вѣкѣ продолжала быть важнымъ посредствующимъ рынкомъ въ торговлѣ ближайшихъ къ ней городовъ Ливоніи и Московскаго государства съ приморскими странами западной Европы. По извѣстію, сообщенному Олеаріемъ, туда привозили воднымъ путемъ товары изъ Дерпта и Пскова;

---

[404]) Hakluyk, I, 525.

[405]) Hakluyt, I, 451.

въ 1654 году къ Нарвѣ пріѣзжало болѣе 60 судовъ, которыя нагрузили здѣсь товаровъ болѣе чѣмъ на 500,000 экю [406]).— Кромѣ Нарвы, товары изъ Россіи шли по Западной Двинѣ къ Ригѣ; это были: мыло, кожи, хлѣбъ, смола, ленъ, пенька, медъ, воскъ, сало и мѣха; эти товары шли чрезъ Ригу въ Пруссію, Швецію, Данію и Германію [407]). По словамъ Рейтенфельса, русскіе купцы имѣли складочные дворы въ Ригѣ, Ревелѣ и Вильнѣ; если имъ нужно было везти товары за море, они нанимали суда у иностранцевъ за высокую плату [408]).

Сличая изложенныя извѣстія о восточной и западной торговлѣ, Московскаго государства, мы находимъ любопытную разницу между той и другой относительно предметовъ вывоза: въ товарахъ, отпускавшихся на востокъ, преобладали произведенія не первоначальной промышленности, продукты болѣе или менѣе обработанные; на западъ, напротивъ Московская земля отпускала почти исключительно сырыя произведенія,—медъ, воскъ, сало, мѣха, кожи, ленъ, пеньку, лѣсъ. Во время Іовія мѣха по значительному спросу на нихъ до такой степени возвысились въ цѣнѣ, что мѣхъ для шубы стоилъ не менѣе 1,000 золотыхъ; западные купцы вывозили изъ Россіи въ большомъ количествѣ дубъ и кленъ, высоко цѣнившіеся въ западной Европѣ; Кампензе, соображая обиліе меда и лѣса въ Московскомъ государствѣ, думаетъ, что все количество воска и смолы, а также мѣховъ, потребляемое Европой, вывозится изъ Московскихъ владѣній [409]). Медъ и воскъ Олеарій называетъ лучшими вывозными статьями внѣшней торговли Россіи; за внутреннимъ потребленіемъ, весьма значитель-

---

[406]) Olearius, 85.

[407]) Mayerberg, I, 50.

[408]) Рейтенфельсъ, 43.

[409]) Іовій, 40. Относительно смолы и воска это извѣстіе не совсѣмъ точно, ибо воскъ и смола шли въ Европу и изъ Литовскихъ владѣній; но оно указываетъ, откуда привозилось наибольшее количество этихъ товаровъ.

нымъ, воску, по свидѣтельству Флетчера, вывозилось за границу въ его время до 10,000 пуд., но прежде гораздо больше—до 50,000 пуд.; по показанію Олеарія, воску вывозилось въ XVII вѣкѣ ежегодно болѣе 20,000 центнеровъ[410]). За указанными статьями вывоза слѣдовали мѣха; московскіе купцы сказывали Флетчеру, что за нѣсколько лѣтъ до его пріѣзда въ Москву купцы турецкіе, персидскіе, бухарскіе, грузинскіе, армянскіе и изъ разныхъ христіанскихъ странъ вывозили мѣховъ на 400,000 или 500,000 руб. Въ XVII вѣкѣ вывозъ мѣховъ усилился: Олеарій пишетъ, что въ иные года русскіе купцы продавали за границу мѣховъ болѣе, чѣмъ на милліонъ рублей [411]). Относительно другихъ статей вывоза Флетчеръ оставилъ намъ цифры, показывающія, насколько уменьшился вывозъ разныхъ товаровъ въ его время, въ сравненіи съ прежнимъ; при этомъ Флетчеръ ссылается на свидѣтельство людей знающихъ, говоря, что отъ нихъ такъ слышалъ. Сала вывозилось прежде до 100,000 пуд., а теперь, во время Флетчера, не болѣе 30,000; кожъ прежде вывозили до 100,000 штукъ, а теперь около 30,000; льномъ и пенькой ежегодно нагружалось въ Нарвской пристани до 100 большихъ и малыхъ судовъ, а теперь не болѣе 5. Здѣсь Флетчеръ не опредѣляетъ ясно, что разумѣетъ онъ подъ словомъ прежде; изъ приводимыхъ имъ причинъ уменьшенія вывоза, именно отнятія Нарвской пристани у Москвы и закрытія сухопутнаго сообщенія чрезъ Смоленскъ и Полоцкъ по случаю войны съ Польшей (которой въ царствованіе Ѳедора не было) можно заключать, что онъ разумѣлъ время до царствованія Іоанна IV или по крайней мѣрѣ всю первую половину XVI вѣка [412]).

Между тѣмъ, съ половины XVI вѣка торговыя связи Московскаго государства расширяются; видимъ со стороны

---

[410]) Флетчеръ, гл. 3-я. Olearius, 120.
[411]) Флетчеръ тамъ же. Olearius, 121.
[412]) Флетчеръ, тамъ же. Ср. Carlisle, 72.

московскаго правительства попытки завести дѣятельную торговлю съ западными европейскими государствами, открыть русскіе рынки бóльшему числу иностранныхъ купцовъ, съ условіемъ, чтобъ и русскимъ торговымъ людямъ открыто было больше заграничныхъ рынковъ. Въ первой половинѣ XVI вѣка въ Москву могли пріѣзжать для торговли купцы польскіе, литовскіе и изъ нѣкоторыхъ восточныхъ странъ; во второй половинѣ XVI вѣка туда допущены были еще купцы шведскіе и англійскіе; но купцамъ изъ Ливоніи и Германіи открыты были только рынки въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ первой половинѣ XVII вѣка по всему государству вели дѣятельную торговлю купцы голландскіе, ганзейскіе, англійскіе, датскіе, шведскіе, нѣмецкіе, татарскіе, польскіе, персидскіе, армянскіе и другіе. По словамъ Невиля, въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ жило въ его время больше 1000 купцовъ голландскихъ, гамбургскихъ, англійскихъ и итальянскихъ [413]). Впрочемъ, и въ XVI в. бывали случаи, когда всякій иностранный купецъ могъ попасть въ Москву съ товарами: когда, говоритъ Герберштейнъ, отправляются въ Москву послы изъ какого-нибудь государства, къ нимъ обыкновенно пристаютъ купцы изъ разныхъ странъ, потому что подъ покровительствомъ пословъ всякіе купцы могли свободно пріѣзжать въ Москву и торговать здѣсь безпошлинно; иногда они получали въ Москвѣ даже содержаніе отъ государя какъ члены посольства, съ которымъ они пріѣхали [414]). Привезенные въ Москву заграничные товары тотчасъ предъявлялись таможеннымъ приставамъ, которые осматривали и оцѣнивали ихъ; но и послѣ того нельзя было еще продавать эти товары, пока ихъ не показывали государю или назначеннымъ для этого сановникамъ; при этомъ осмотрѣ лучшее покупалось въ государеву казну. Отсутствіе прямыхъ и правильныхъ торговыхъ

---

[413]) Neuville, 211.

[414]) Possevino, 26: nec aliquid pendunt et aluntur a Principe. Ср. «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 156.

сношеній производило иногда странныя явленія въ торговлѣ съ иностранцами. Своевременный привозъ даже дешевыхъ товаровъ непомѣрно обогащалъ продавцовъ; но не легко было разсчитать эту своевременность. Часто случается, пишетъ Герберштейнъ, что является сильный спросъ на какой-нибудь товаръ, и кому первому удавалось привезти его, тотъ получалъ непомѣрные барыши; но потомъ, когда другіе купцы навозили много этого товара, онъ такъ падалъ въ цѣнѣ, что первые купцы, которые продали свой товаръ по высокой цѣнѣ, опять скупали его по гораздо меньшей цѣнѣ и возвращались на родину съ большими барышами. Мы видѣли, какъ выгодно отозвался Герберштейнъ о торговыхъ обычаяхъ жителей Пскова. Совсѣмъ иначе отзывается тотъ же иностранецъ о торговыхъ людяхъ другихъ городовъ, особенно Москвы. Они,—говоритъ Герберштейнъ,—ведутъ торговлю съ величайшимъ лукавствомъ и обманомъ. Покупая иностранные товары, они всегда понижаютъ цѣну ихъ на половину, и этимъ поставляютъ иностранныхъ купцовъ въ затрудненіе и недоумѣніе, а нѣкоторыхъ доводятъ до отчаянія; но кто, зная ихъ обычаи и любовь къ проволочкѣ, не теряетъ присутствія духа и умѣетъ выждать время, тотъ сбываетъ свой товаръ безъ убытка. Иностранцамъ они все продаютъ дороже, такъ что иная вещь стòитъ имъ самимъ 1 дукатъ, а они продаютъ ее за 5, 10, даже за 20 дукатовъ, хотя случается, что и сами покупаютъ у иностранцевъ за 10 или 15 флориновъ какую-нибудь рѣдкую вещь, которая не стоитъ и одного флорина. Если при сдѣлкѣ неосторожно обмолвишься, обѣщаешь что-нибудь, они въ точности припомнятъ это и настойчиво будутъ требовать исполненія обѣщанія, а сами очень рѣдко исполняютъ то, что̀ обѣщаютъ. Если они начнутъ клясться и божиться,—знай, что здѣсь скрывается обманъ, ибо они клянутся съ цѣлью обмануть. Я просилъ одного боярина, разсказываетъ Герберштейнъ, помочь мнѣ при покупкѣ мѣховъ, чтобы купцы не обманули меня; тотъ сейчасъ обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе, но по-

томъ поставилъ меня въ большое затрудненіе: онъ хотѣлъ навязать мнѣ свои собственные мѣха, а тутъ еще начали приставать къ нему другіе продавцы, обѣщая заплатить за трудъ, если онъ спуститъ мнѣ ихъ товаръ по хорошей цѣнѣ. Есть у нихъ обычай ставить себя посредниками между продавцомъ и покупателемъ, и взявъ подарки особо и съ той и съ другой стороны, обѣимъ обѣщать свое вѣрное содѣйствіе. Есть у нихъ обширный дворъ недалеко отъ Кремля, называемый Гостиннымъ дворомъ (Curia dominorum mercatorum), въ которомъ купцы складываютъ свои товары; здѣсь перецъ, шафранъ, шелковыя матеріи и т. п. товары продаются гораздо дешевле, чѣмъ въ Германіи. Причину этого надобно полагать въ преобладаніи мѣновой торговли. Если московскіе купцы назначаютъ очень высокія цѣны своимъ мѣхамъ, пріобрѣтеннымъ ими очень дешево, то и иностранные купцы, чтобы не быть въ убыткѣ, даютъ имъ въ обмѣнъ на эти мѣха дешевые товары, назначая имъ высокія цѣны; но въ этой мѣнѣ московскій купецъ выигрываетъ столько, что можетъ продавать иностранные товары, вымѣненные на мѣха, по такой низкой цѣнѣ, по какой не могъ бы продавать ихъ иностранный купецъ, привезшій ихъ въ Москву. Изъ всѣхъ этихъ извѣстій видно, что торговля московскихъ купцовъ съ иностранцами носила на себѣ въ сильной степени характеръ игры. Олеарій указываетъ на другія операціи московскихъ купцовъ, которыя еще лучше характеризуютъ дѣло: я изумлялся,—пишетъ онъ,—видя, что московскіе купцы продавали по $3^1/_2$ экю аршинъ сукна, которое они сами покупали у англичанъ по 4 экю; но мнѣ сказывали, что это имъ очень выгодно, потому что, купивъ у англичанъ сукно въ долгъ и продавая его за наличныя деньги, хотя и дешевле своей цѣны, они обращаютъ вырученныя деньги на другія предпріятія, которыя не только покрываютъ потери, понесенныя ими при продажѣ сукна, но и доставляютъ сверхъ того значительные барыши. Московскіе купцы, по словамъ Олеарія, высоко ставили въ купцѣ ловкость и изворотли-

вость, говоря, что это—даръ Божій, безъ котораго не слѣдуетъ и приниматься за торговлю; одинъ голландскій купецъ, самымъ грубымъ образомъ обманувшій многихъ изъ московскихъ торговыхъ людей, пріобрѣлъ между ними такое уваженіе за свое искусство, что они, нисколько не обижаясь, просили его принять ихъ къ себѣ въ товарищи, въ надеждѣ поучиться его искусству [415]). Одинъ Герберштейнъ оставилъ намъ извѣстіе о ростѣ; онъ называетъ его невыносимо-большимъ, именно брали, по его словамъ, обыкновенно не менѣе 20 процентовъ, и только церкви соглашались давать ссуды по 10 процентовъ [416]).

XII.

Монета.

Оканчивая изложеніе извѣстій иностранцевъ о промышленности и торговлѣ Московскаго государства, изложимъ нѣкоторыя сообщаемыя ими свѣдѣнія о монетѣ. Рубруквисъ, проѣхавшій по южной Россіи въ половинѣ XIII в., говоритъ, что обыкновенная русская монета состоитъ изъ кожаныхъ пестрыхъ лоскутковъ [417]). Эти кожаныя деньги еще ходили на Руси въ началѣ XV в., и ихъ видѣлъ Ланнуа, бывшій въ Новгородѣ въ 1412 году. Этотъ путешественникъ пишетъ, что монетой въ Новгородѣ служатъ куски серебра [418]) около 6 унцій вѣсомъ, безъ всякаго изображенія; золотой монеты нѣтъ, а мелкою монетой служатъ головки бѣлокъ и куницъ [419]). Съ этимъ извѣстіемъ согласно и свидѣтельство Герберштейна, который говоритъ

415) Herberstein, 42 и 43.—Olearius, 145.

416) Herberstein, 44.

417) Карамзинъ, IV, 60,

418) Рубли, или прежнія гривны серебра. Счетъ гривнами замѣнился счетомъ рублями въ первой половинѣ XIV вѣка.

419) G. de Lannoy, 20: Et est leur monnoye de keucelles d'argent, pesans environ six onces, sans empreinte; et est leur menue monnoye de testes de gris et de martres.

что за сто лѣтъ до него въ Россіи отливали продолговатые кусочки серебра цѣною въ рубль, безъ надписи и изображенія; онъ прибавляетъ, что въ его время такихъ рублей уже не было въ обращеніи [420]). Въ то же время, продолжаетъ Герберштейнъ, оставили мордки и ушки бѣлокъ и другихъ звѣрей, употреблявшіяся до того времени вмѣсто денегъ [421]). Въ первой половинѣ XVI в. въ Московскомъ государствѣ ходила монета 4-хъ родовъ: московская, новгородская, тверская и псковская. Низшею монетною единицей была деньга. Московская деньга имѣла овальную форму съ различными изображеніями. Герберштейнъ различаетъ въ этомъ отношеніи древнія и новѣйшія деньги; древнія имѣли на одной сторонѣ изображенія розы, а на другой надпись; на новѣйшихъ по одну сторону изображался человѣкъ на конѣ, а по другую была надпись. Изъ сложенія денегъ составлялись высшія счетныя единицы: 6 денегъ московскихъ составляли алтынъ, 20—гривну, 100—полтину, 200—рубль; во время Герберштейна чеканились новыя монеты (полденьги), съ надписями по обѣ стороны; въ рублѣ ихъ было 400. Тверская деньга имѣла надписи по обѣ стороны и по цѣнѣ равнялась московской. Новгородская деньга по цѣнѣ была вдвое больше московской; на одной сторонѣ ея изображался государь на престолѣ и преклоняющійся передъ нимъ человѣкъ, а на другой была надпись; въ новгородской гривнѣ считалось 14 денегъ, а въ рублѣ 222. Псковская деньга имѣла на одной сторонѣ изображеніе увѣнчанной головы быка, а на

---

[420]) Герберштейнъ говоритъ, что до этого времени на Руси вовсе не было серебряной монеты: vix centum annis utuntur moneta argentea, praesertim apud illos cusa. Но существованіе серебряной монеты до XV вѣка доказывается неоспоримыми свидѣтельствами. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. III, стр. 53.

[421]) Объ отмѣнѣ кожаныхъ денегъ и перемѣнахъ въ звонкой монетѣ въ Псковѣ и Новгородѣ въ первой половинѣ XV вѣка см. «Полн. Соб. Р. Лѣт»., V, 21 и 24, Соловьевъ, «Исторія Россіи», IV, 262 и 263.

другой надпись. Золотой монеты въ Московскомъ государствѣ не дѣлали; но въ обращеніи было много золотыхъ венгерскихъ и рейнскихъ. Ходили еще рижскіе рубли, изъ которыхъ каждый равнялся двумъ московскимъ. Московская монета дѣлалась изъ хорошаго чистаго серебра. Почти всѣ золотыхъ дѣлъ мастера въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Твери, по свидѣтельству Герберштейна и Гваньини, чеканили монету. Желавшій обмѣнять кусокъ серебра на деньги приносилъ его къ мастеру и получалъ равное по вѣсу количество серебряной монеты, платя мастеру указную, очень незначительную сумму за трудъ. Въ правленіе Елены (въ 1535 году) произошли перемѣны въ монетной системѣ: счетная единица рубль понизилась въ значеніи, стала обозначать меньшее количество металла. При Герберштейнѣ въ рублѣ считалось 200 московокъ, или московскихъ денегъ; во второй половинѣ XVI вѣка, по словамъ Гваньини и другихъ иностранцевъ, въ рублѣ считалось 100 денегъ. На степень пониженія рубля указываютъ извѣстія о цѣнѣ венгерскаго золотого въ Москвѣ: при Герберштейнѣ обыкновенная цѣна его была 100 денегъ московскихъ, т.-е. полрубля; во время Гваньини венгерскій золотой стоилъ 60 денегъ, т.-е. больше новаго полурубля. Монетная единица также уменьшилась въ достоинствѣ: при Герберштейнѣ за московку давали 60 мѣдныхъ пулъ, а во время Гваньини только 40 [422]). Герберштейнъ, Гваньини и англичане XVI вѣка пишутъ, что въ Московскомъ государствѣ не чеканили золотой монеты; въ обращеніи были

[422]) Эти извѣстія о перемѣнѣ въ денежной системѣ объясняются словами лѣтописи: «Повелѣ Великій Князь дѣлати новые деньги на свое имя безъ всякаго примѣса изъ гривенки изъ каловые 300 денегъ новгородскихъ, а въ московское число три рубля ровно; а по указу отца его изъ гривенки дѣлали 250 денегъ новгородскихъ, а въ московское число полтретья рубли съ гривною. А при Великомъ Князѣ Василіи Іоанновичѣ бысть знамя на деньгахъ князь великій на конѣ, а имѣя мечъ въ руцѣ; а князь великій Іоаннъ Васильевичъ учини знамя на деньгахъ князь великій на конѣ, а имѣя копіе въ руцѣ, и оттолѣ прозвашася деньги копейные». Карамзинъ, VIII, примѣч. 67.

только иностранные золотые, но Бухау говоритъ, что попадались, хотя очень рѣдко, и золотыя монеты, дѣланныя въ Московскомъ государствѣ, съ такимъ же изображеніемъ и надписью, какъ на серебряныхъ деньгахъ; эти золотыя монеты были нѣсколько меньше венгерскихъ золотыхъ. Всѣ упомянутые иностранцы XVI вѣка указываютъ на употребленіе въ Московскомъ государствѣ маленькихъ мѣдныхъ монетъ, называвшихся пулами; при Герберштейнѣ ихъ ходило за московскую деньгу 60, а при Гваньини 40; но такихъ монетъ было немного въ обращеніи; по свидѣтельству Гваньини и Бухау, они дѣлались преимущественно для бѣдныхъ и употреблялись на мелкія покупки и на милостыню нищимъ [423]). Такимъ образомъ ходячею серебряною монетой были полденьги, или полушки, деньги, или прежнія московки, и копѣйки, или прежнія новгородки; изъ сложенія копѣекъ составлялись высшія счетныя единицы— алтынъ, гривна, полтина, рубль, которыя не имѣли соотвѣтствующихъ имъ металлическихъ знаковъ [424]).

Въ первой половинѣ XVII вѣка въ достоинствѣ монеты не произошло перемѣны, по крайней мѣрѣ значительной.

Изъ этого видно, что названіе копѣйки перешло на новгородскую деньгу, только уменьшенную въ количествѣ металла, названіе же деньги, какъ половины копѣйки, удержалось за московской деньгой. Этимъ объясняется, какія деньги разумѣлъ Гваньини, говоря, что въ новомъ рублѣ 100 московскихъ денегъ. Московки и въ XVII в. имѣли прежнее изображеніе человѣка на конѣ съ саблею. Котошихинъ, гл. VII, ст. 9.

[423]) Herberstein 41 и 42.—Guagnini 157 и 158.—Printz á Buchau, 243—245. Агентъ англійской компаніи Гассъ прибавляетъ: there is a coine of copper, which serveth for the reliefe of the poore in Mosco and no where else. Hakluyt, I, 285. Такихъ мѣдныхъ монетъ, или пуль, ходило 18 за полденьгу, т. е. почти столько же, сколько показываетъ Гваньини. Въ торговлѣ мѣдныя монеты, по словамъ Гасса, не обращались: it is no currant money among merchants.

[424]) Мелкій денежный счетъ былъ такой: въ рублѣ 400 полушекъ, 800 полуполушекъ, 1.600 пироговъ, 3.200 полупироговъ, 6.400 четв. пироговъ.—Карамзинъ X, прим. 435.

По словамъ Петрея, 36 денегъ (т.-е. новгородскихъ или копѣекъ) вѣсили немного менѣе 2 лотовъ; слѣдовательно, въ рублѣ было немного менѣе 16 золотниковъ серебра; по указу 1535 года, изъ полуфунта серебра велѣно чеканить ровно три рубля [425]). Ходячей серебряной монетой въ первой половинѣ XVII вѣка продолжали быть копѣйки, цѣною около 16 денаріевъ, по Маржерету и Олеарію, московки и полушки; послѣднія были такъ мелки, что, по словамъ Петрея и Олеарія, русскіе на рынкѣ горстями клали ихъ въ ротъ, чтобъ не потерять, и это нисколько не мѣшало имъ говорить. Чеканили монету по-прежнему въ 4-хъ городахъ,— Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Твери (гдѣ право на это, по Петрею и Олеарію, иногда отдавалось на откупъ богатымъ купцамъ). Серебряная монета чеканилась изъ привознаго серебра, особенно «ефимочнаго», т.-е. изъ перелитыхъ рейхсталеровъ, привозившихся въ Россію, какъ мы видѣли, во множествѣ чрезъ Архангельскъ въ видѣ товара [426]); на то же употреблялись, по свидѣтельству Олеарія, и испанскіе реалы. Ефимки, по свидѣтельству того же иностранца, были по вѣсу немного болѣе полурубля [427]), но въ Москвѣ принимали ихъ отъ иностранныхъ купцовъ по гораздо низшей цѣнѣ. По словамъ Маржерета, цѣна ихъ иногда падала

---

[425]) Маржеретъ говоритъ, что московскій рубль его времени равнялся 6-ти ливрамъ и 12-ти су; на этомъ основаніи Карамзинъ цѣнитъ рубль второй половины XVI в. въ 5 серебр. рублей своего времени, «Исторія Государства Россійскаго», т. X, прим. 404. Но г. Устряловъ, на основаніи извѣстія Петрея, считаетъ рубль начала XVII в. почти равнымъ 3 руб. 30 коп. серебромъ по курсу 30-хъ годовъ текущаго столѣтія. «Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», ч. 3-я, примѣч. 63.

[426]) Ефимками, по Олеарію, назывались въ Москвѣ рейхсталеры потому, что нѣкогда на нихъ дѣлалось изображеніе св. Іоахима и эту монету сперва чеканили въ Богеміи, въ городѣ Ioachimsthal. См. Олеарій, 183.

[427]) Именно рубль вѣсилъ на $1/2$ лота менѣе 2-хъ ефимковъ: mais d'autant qu'il s'en faut deux gros que les cent copecs ne pesent deux rixdalers, les Moscovites etc.—Olearius, 182.

до 12 алтынъ или 36 денегъ [428]); какъ видно изъ иностранныхъ извѣстій, мѣна иностранныхъ монетъ была для московскихъ торговыхъ людей предметомъ настоящей биржевой игры, въ которой большею частью проигрывали иностранцы. Герберштейнъ говоритъ, что какъ скоро иностранецъ покупалъ что-нибудь на свою монету, московскіе купцы понижали ея цѣну; но если иностранецъ продавалъ свой товаръ московскимъ купцамъ или, уѣзжая изъ Москвы, искалъ иностранной монеты, ему предлагали ее по возвышенной цѣнѣ. Особенно сильно колебалась цѣна иностранной золотой монеты, даже во внутреннемъ обращеніи; по словамъ Маржерета, русскіе покупали и продавали золотую монету, какъ и прочіе товары; иногда за червонецъ платили 24 алтына, а иногда 16; обыкновенная же цѣна имъ была 18—21 алт. Но бывали случаи, когда цѣна червонцевъ возвышалась до 2 рублей, и тогда сильно наживались купцы, успѣвшіе во-время запастись ими: такая дороговизна случалась во время царскаго коронованія или брака, также при крестинахъ, ибо тогда много червонцевъ шло на подарки царю и царицѣ. То же было и за нѣсколько дней до Пасхи, ибо на Пасху Русскіе, христосуясь съ боярами и другими вліятельными людьми, подносили имъ вмѣстѣ съ красными яйцами и червонцы [429]). Вслѣдствіе этихъ колебаній цѣнъ на иностранную монету заграничные купцы въ Москвѣ предпочитали мѣновую торговлю, платя за русскіе товары своими товарами, а не деньгами. Во время Петрея мѣдныхъ денегъ въ Московскомъ государствѣ уже не было въ обращеніи. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича выпускъ мѣдныхъ денегъ по одинаковой цѣнѣ съ серебряными не удался, и только въ царствованіе Петра мѣдная монета вмѣстѣ съ другими нововведеніями въ денежной системѣ вошла въ обращеніе.

---

[428]) Царская казна принимала отъ иностранцевъ ефимки въ уплату за свои товары по 40 или по 42 коп.—Котошихинъ, гл. VII, ст. 9.

[429]) Маржеретъ, 50 и 51.—Petrejus, 309.—Olearius, 182.

ПРИЛОЖЕНІЕ [1]).

I.

«Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ» были представлены В. О. Ключевскимъ «для полученія степени кандидата по историко-филологическому факультету»; аттестатъ на эту степень былъ выданъ ему 25 іюня 1865 года; въ слѣдующемъ году «Сказанія» были напечатаны въ «Извѣстіяхъ Московскаго Университета» (Приложенія, № 7, стр. 3—80; № 8, стр. 81—160; № 9, стр. 161—264); тогда же они появились отдѣльно, въ оттискахъ (М., въ Университетской типографіи, 8°, стр. 1—264) и въ изданіи Общества распространенія полезныхъ книгъ (М., 1866, 8°, стр. 1—264); спустя пять лѣтъ Василій Осиповичъ представилъ «Сказанія» въ совѣтъ Московской духовной академіи въ качествѣ диссертаціи (pro venia legendi) и защитилъ ее публично въ присутствіи профессоровъ церковно-историческаго отдѣленія; 8 іюня 1871 онъ прочелъ пробную лекцію на тему, по назначенію комиссіи, «О житіяхъ русскихъ святыхъ, какъ источникѣ свѣдѣній для Русской гражданской исторіи»: «какъ защищеніе Ключевскимъ его кандидатскаго сочиненія, такъ и пробная его лекція найдены комиссіею

---

[1]) Сост. для настоящаго изданія Я. Л. Барсковымъ.

удовлетворительными» и онъ былъ избранъ, по баллотированію, на должность приватъ-доцента [1]).

Новое изданіе «Сказаній» появляется полвѣка спустя послѣ ихъ появленія въ свѣтъ. На перепечатку «Сказаній» Василій Осиповичъ не соглашался—онъ считалъ необходимымъ передѣлать или значительно исправить книгу. Въ настоящемъ изданіи текстъ оставленъ безъ перемѣнъ; лишь въ примѣчаніяхъ подъ строкой измѣнена нумерація; въ дополненія къ примѣчаніямъ внесены замѣтки, сдѣланныя авторомъ въ печатномъ экземплярѣ «Сказаній» (рукопись не сохранилась). Согласно желанію Василія Осиповича, выраженному въ послѣдній годъ его жизни, въ дополненіяхъ помѣщены также свѣдѣнія о новыхъ переводахъ Герберштейна, Мейерберга, Олеарія, Флетчера и др. и составленъ указатель личныхъ и географическихъ именъ.

До половины XIX вѣка библіографія извѣстій иностранцевъ о Россіи наиболѣе обстоятельно была разработана въ двухъ трудахъ:

1) Meiners, C., Vergleichung des ältern und neuen Russlandes, in Rücksicht auf die natürlichen Beschaffenheiten der Einwohner, ihrer Cultur, Sitten, Lebensart und Gebräuche so wie auf die Verfassung und Verwaltung des Reichs. Nach Anleitung älterer und neuerer Reisebeschreiber. B. I—II., L., 1798;

2) Adelung, F., Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind. B. I—II. St.-P.—L., 1846 (Русскій переводъ А. Клеванова въ Чтеніяхъ О. И. и Д. Р., 1848, кн. 9 (22), стр. III—VIII, 1—48; кн. 1 (23), стр. 49—104; 1863, кн. 1 (44), стр. 105—174;

---

[1]) Василій Осиповичъ Ключевскій. Изданіе Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. М., 1914, стр. 388 и 442.

кн. 2 (45), стр. 175—301; кн. 3 (46), стр. 1—86; кн. 4(47), стр. 87—168; 1864, кн. 1(48), стр. 169—264, I—V, I—IV). На трудъ А. Н. Шемякина «Жизнеописанія древнихъ, средневѣковыхъ и новаго времени путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію или говорившихъ о ней и другихъ сосѣдственныхъ съ ней странахъ» (переводъ съ нѣмецкаго), изданный Обществомъ И. и Д. Р. при Московскомъ Университетѣ (М., 1865; Чтенія О. И. и Д. Р., 1864, кн. 2., отд. IV, стр. 1—77; кн. 3, отд. IV, стр. 79—210; кн. 4, отд. IV, стр. 211—292; 1865, кн. 1, отд. IV, стр. 293—359; кн. 2, отд. IV, стр. 361—479; кн. 3, отд. IV, стр. 481—521) въ «Сказаніяхъ» нѣтъ ссылокъ.

Хотя въ «Сказаніяхъ» отдается рѣшительное предпочтеніе подлинникамъ, но иногда Василій Осиповичъ долженъ былъ пользоваться переводами — такъ, напримѣръ, у него не было подъ руками лучшихъ изданій Олеарія и Мейерберга. Въ теченіе полувѣка «разсужденіе» студента Ключевскаго сохраняло свою научную цѣнность: другого труда, въ которомъ съ такой же законченностью и полнотой были бы изучены извѣстія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ, все еще нѣтъ. Большой интересъ представляютъ «Сказанія» и для того, кто сталъ бы изучать жизнь и творчество Василія Осиповича Ключевскаго—уже въ этой юношеской работѣ отчетливо выступаютъ черты, какими отличаются его позднѣйшіе труды.

Далѣе, въ дополненіяхъ къ примѣчаніямъ, указаны важнѣйшіе труды русскихъ ученыхъ, посвященные извѣстіямъ тѣхъ иностранцевъ, на которыхъ ссылается В. О. Ключевскій въ своей книгѣ; болѣе полныя библіографическія свѣдѣнія заключаются: 1) въ «Русской исторической би-

бліографіи» В. И. Межова, Т. I, С.-П.Б., 1892; 2) въ «Опытѣ русской исторіографіи» В. С. Иконникова, Т. I, кн. 1, Кіевъ, 1891, кн. 2, 1892; т. II, кн. 1 и 2, 1908; 3) въ «Обзорѣ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ» С. Р. Минцлова, Вып. 1, Новгородъ, 1911; а также въ «Catalogue de la section des Rossica ou écrits sur la Russie en langues étrangères», V. I—II, St.-P., 1873.

II.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ПРИМѢЧАНІЯМЪ:

(Въ этомъ спискѣ принята во вниманіе только русская литература. Работы, указанныя В. О. Ключевскимъ, здѣсь не повторены).

2) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Сочиненіе Григорья Котошихина. Изданіе четвертое. СПБ., 1906.

[4 а] *Минцловъ*, *28*.

«Фламандскій рыцарь, служившій въ Пруссіи и Ливоніи (род. 1386, † 1452). Въ 1413 посѣтилъ Новгородъ. Изданъ Лелевелемъ въ 1844 г. съ комментаріями». [*Замѣтка въ авторскомъ экземплярѣ книги*].

Ф. Брунъ. Путешествія и посольства господина Гилльбера де Ланнуа, кавалера Золотого руна, владѣльца Санта, Виллерваля, Троншіена, Бомона, Васени; въ 1399—1450 годахъ. [«Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей», III, 433—465 (Одесса. 1853)].

Небольшой отрывокъ изъ путешествія 1421 года по Южной Россіи, съ обширными примѣчаніями Бруна. Онъ изданъ и отдѣльнымъ оттискомъ (33 стр.)—Одесса. 1852.

[К. Говорскій?] Путешествіе по Литвѣ въ XV вѣкѣ Жильберта де Лянуа. [«Вѣстникъ Западной Россіи», 1867, № 7, стр. 38—47 (Вильна. 1867)].

Отрывокъ изъ путешествія 1433 года.—Ср. «Ковенскія Губернскія Вѣдомости» 1845, №№ 1, 2, 5 и 7.

Емельяновъ. Путешествія Гилльбера де-Ланноа въ восточныя земли Европы въ 1413—14 и 1421 годахъ. [«(Кіевскія) Университетскія Извѣстія» 1873, № 8, стр. 1—46].

Наиболѣе обширный отрывокъ.—См. еще: П. С. Савельевъ. Очеркъ путешествія въ прибалтійскія страны, Великій-Новгородъ и Псковъ, со-

вершеннаго рыцаремъ Гильбертомъ де-Ланноа, въ 1412—1414 годахъ. [«Географическія Извѣстія» 1850, стр. 17—35].

5) *Минцловъ*, *29*.

6) *Минцловъ*, *35*.

7) Матвѣй изъ Мѣхова, польскій историкъ и продолжатель хроники Длугоша, профессоръ и ректоръ Краковскаго университета, род. 1457 въ Мѣховѣ, ум. 1523 въ Краковѣ. См. о немъ въ Wielka encyklopedya powszechna ilustrowana, serya I, tom XLV—XLVI, стр. 1007—1010 (Warszawa. 1911).

8) *Минцловъ*, *47*.

«Записки» Герберштейна, пер. А. Старчевскаго. Берлинъ. 1841.

Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи. Отдѣленіе первое. Томъ вторый. Сигизмунда Герберныштейна [sic !]. Часть первая. Санктпетербургъ, 1847. 8°; стр. 2 нен.+128 русскаго перевода+32 латинскаго подлинника.

Рѣдкость; изданіе осталось недопечатаннымъ и не выпущено въ продажу; оба текста, русскій и латинскій, обрываются на полусловѣ.

Записки о Московіи (Rerum Moscoviticarum commentarii) барона Герберштейна. Съ латинскаго базельскаго изданія 1556 года перевелъ И. Анонимовъ. С.-Петербургъ. 1866. 8°; стр. 2 нен.+VI+230+XIV.

Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ. Записки о московитскихъ дѣлахъ. Павелъ Іовій Новокомскій. Книга о московитскомъ посольствѣ. Введеніе, переводъ и примѣчанія А. I. Маленна. [Съ приложеніемъ 2 портретовъ въ краскахъ, 8 рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ, 34 рисунковъ въ текстѣ и подробныхъ указателей. С.-Петербургъ, А. С. Суворинъ, 1908; стр. 4 нен.+XLVI+12 нен.+384+9 табл.

Свѣдѣнія о частичныхъ переводахъ, помѣщенныхъ въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ, см. у Минцлова.—Ср. Иванъ Лобойко. О важнѣйшихъ изданіяхъ Герберштейна «Записокъ о Россіи» съ критическимъ обозрѣніемъ ихъ содержанія. С. Петербургъ. 1818.—Е. Е. Замысловскій. Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи. (Съ приложеніемъ матеріаловъ для историко-географическаго атласа Россіи XVI в. СПБ., 1884.

9) *Минцловъ*, *51*.

10) *Минцловъ*, *52*.

Новый переводъ проф. Маленна изданъ А. С. Суворинымъ въ одномъ томѣ съ Герберштейномъ, стр. 251—275 (см. выше). — Объ извлеченіяхъ см. у Минцлова.

11) *Минцловъ, 54.*

Доносеніе Д. Іоанна Фабра Его Высочеству Фердинанду, Инфанту Испанскому, Ерцгерцогу Австрійскому, Герцогу Бургундскому и Правителю Австрійской Имперіи, о правахъ и обычаяхъ Московитянъ. Съ латинскаго К. У. [«Отечественныя Записки», XXV, 285—305 и XXVII, 47—67 (1826, №№ 70 и 75)].

Переводъ по тексту «Rerum Moscoviticarum auctores».—Извлеченія см у Минцлова.

12, 14, 16, 18) *Минцловъ, 62.*

Извѣстія англичанъ о Россіи во второй половинѣ XVI вѣка. Переводъ съ англійскаго, съ предисловіемъ, С. М. Середонина. [«Чтенія въ И. О. И. Д. Р.» 1884, кн. 4, стр. IV+106].

Здѣсь помѣщены въ сокращенныхъ переводахъ:

I. Ричардъ Ченслеръ (стр. 1—12).
II. Неизвѣстный (стр. 12—29).
III. Антонъ Дженкинсонъ (стр. 30—91).
IV. Томасъ Рандольфъ (стр. 91—95).
V. Ер. Баусъ (стр. 95—109).

Отдѣльнаго изданія не было.—Ср. I. Гамель. Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ. СПБ., Ст. I, 1865; ст. II, 1869; стр. 1—308. Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіею и Англіею. 1553—1593. Грамоты собранныя, переписанныя и изданныя Юріемъ Толстымъ. СПБ., 1875. Стр. 441+VIII. Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. СПБ., 1883 (Сборникъ И. Р. И. О., т. XXXVIII). С. Середонинъ. Англійскія извѣстія о Россіи во второй половинѣ XVI вѣка [Ж. М. Н. П., CCXLII, 116—165 (1885, № 12)]. С. М. Середонинъ. Извѣстія иностранцевъ о вооруженныхъ силахъ Московскаго государства въ концѣ XVI вѣка. С.-Петербургъ. 1891. Приложеніе къ журналу «Библіографъ» 1891, № 2 и № 3—4]. Инна Любименко. Исторія торговыхъ сношеній Россіи съ Англіей. Выпускъ 1.—XVI вѣкъ. Юрьевъ, 1912.—Другіе переводы и выдержки указаны у Минцлова.

13) *Минцловъ, 63.*

Первое путешествіе англичанъ въ Россію, описанное Климентомъ Адамомъ, другомъ Чанселера, капитана сей экспедиціи, и посвященное Филиппу, королю англійскому. Съ латинскаго К. У. [«Отечественныя Записки», XXVII, 368—395; XXVIII, 83—103 и 177—188 (1826, №№ 77—79)].

Первое путешествіе англичанъ въ Россію, въ 1553 году. Съ латинск. И. Тарнава-Боричевскій. [Ж. М. Н. П., XX, 35—64 (1838, № 10)].

Ср. П. Ивановъ. Собраніе свѣдѣній о пріѣздѣ Ченслера. [«Архангельскія Губернскія Вѣдомости» 1869, № 63].

«Журн. М. Н. П. 1838, окт.». [*Замѣтка въ авторскомъ экземплярѣ книги*].

14) В. Н. Берхъ. Путешествіе англійскаго купца Антона Дженкинсона изъ Лондона въ Москву въ 1557 году. [«Сынъ Отечества», LXXVIII, 113—129 (1822)].

15) *Минцловъ 95*; указаны незначительныя выдержки въ журналахъ 20-хъ—40-хъ годовъ.

[16 a] *Минцловъ, 83.*

Путешествіе въ Россію датскаго посланника Якова Ульфельда въ XVI вѣкѣ. Переводъ съ латинскаго, съ предисловіемъ Елпидифора Барсова. Москва. 1889. Стр. 2 нен.+IV+62.

(Изъ «Чтеній въ И. О. И. Д. Р.» 1883, кн. 1—4).

«См. Попова. Прав. Об. 1878. 2. стр. 300». [*Замѣтка въ авторскомъ экземплярѣ книги*].

17) *Минцловъ, 88 и 89.*

Выписки изъ иностранной книги о старинѣ Русской. [В. Е., CXIII, 196—208 (1820, № 19); статья осталась безъ окончанія].

Письмо Іоанна Кобенцеля о Россіи XVI вѣка. [Перевелъ Экстраординарный Профессоръ Кіевскаго Университета Домбровскій. [Ж. М. Н. П., XXXV, 127—153 (1842, № 9)].

Өедоръ Вержбовскій. Матеріалы къ исторіи Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Выпускъ I. Посольство Іоанна Кобенцеля въ Москву въ 1575—1576 гг. Историческій очеркъ Өедора Вержбовскаго. Варшава. 1896. 8°; стр. 4 нен.+68.

Выпускъ IV. Донесеніе Іоанна Кобенцеля о Московіи отъ 1576 года. Издалъ [въ оригинальномъ нѣмецкомъ текстѣ] Өедоръ Вержбовскій. Варшава. 1901. 8°; стр. XII+68.

[17 a] *Минцловъ, 86.*

Начало и возвышеніе Московіи. Сочиненіе Даніила Принца изъ Бухова, совѣтника Августѣйшихъ Императоровъ Максимиліяна II и Рудольфа II и дважды бывшаго чрезвычайнымъ посломъ у Ивана Васильевича, Великаго Князя Московскаго. Съ латинскаго перевелъ Ив. А. Тихомировъ. Москва, И. О. И. Д. Р., 1877. Стр. 10 нен.+IV+74.

(Изъ «Чтеній въ И. О. И. Д. Р.» 1876, кн. 3).

Отрывокъ указанъ у Минцлова.—Ср. Ив. Сн[егиревъ]. Объ иностранныхъ посланникахъ въ Россіи. [Ж. М. Н. П., 1845, ч. 45, отд. II, стр. 45—56].

[17 b] *Минцловъ, 100 и 146.*

Повѣствованіе о Димитріи Самозванцѣ, собранное Бареццо Барецци [=Антоніемъ Поссевиномъ]. Москва, И. О.

И. Д. Р., 1847. Стр. 4 нен.+VIII+22+16 (вмѣсто 20; дефектъ во всѣхъ экземплярахъ). (Иностранные сочиненія и акты, относящіеся до Россіи, собранные К. М. Оболенскимъ. 4).

(Изъ «Чтеній въ И. О. И. Д. Р.» 1848, кн. 5, стр. VIII+22+20).

Ср. П. Пирлингъ. Барецпо Барецци или Поссевинъ? [«Русская Старина», CIV, 193—200 (1900, № 10)].—Н. П. Лихачевъ. Дѣло о пріѣздѣ въ Москву Антонія Поссевина. С.-Петербургъ. 1903. [Изъ «Лѣтописи занятій Археографической Комиссіи», вып. XI].

19) *Минцловъ, 76.*

Путешествія въ Московію Еремея Горсея. Переводъ съ англійскаго Юрія Толстого. Москва. 1907. Стр. 4 нен.+ 2 нен.+110.

(Стр. 2 нен. и 1—30 изъ «Чтеній въ И. О. И. Д. Р.» 1877, кн. 1; стр. 4 нен. и 31—110 допечатаны въ 1907 году).

Россія въ концѣ шестнадцатаго столѣтія. Записки о Московіи XVI вѣка сэра Джерома Горсея. Переводъ съ англійскаго Н. А. Бѣлозерской. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. И. Костомарова. С.-Петербургъ, А. С. Суворинъ, 1909. Стр. 160.

Ю. Толстой. Сказанія англичанина Горсея о Россіи въ исходѣ XVI столѣтія. [«Отеч. Зап.» 1859, т. CXXVI (сентябрь), стр. 99—158].

[19 а] *Минцловъ, 115.*

О государствѣ Русскомъ. Сочиненіе Флетчера. Москва, И. О. И. Д. Р., 1848. Стр. 2 нен.+XVI+106.

(Изъ «Чтеній въ И. О. И. Д. Р.» 1848, кн. 9).

Fletcher. О государствѣ Русскомъ или образъ правленія русскаго царя (обыкновенно называемаго царемъ московскимъ) съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ жителей этой страны. Сочиненіе Флетчера. [Лондонъ? Базель ?] En vente chez tous les libraires. 1867. Стр. XVI+116.

О государствѣ Русскомъ. Сочиненіе Флетчера. С.-Петербургъ, А. С. Суворинъ, 1905. Стр. 2 пустыя+XXII+138+2 пустыя.—Изданіе второе. 1905.—Изданіе третье. 1906.

Ю. Толстой. Флетчеръ и его книга «О Русскомъ государствѣ при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ». [«Библіотека для Чтенія» 1860, январь, стр. 35—44, февраль, стр. 45—74].—А. П[ыпинъ?] Джильсъ Флетчеръ. [«Современникъ» 1865, мартъ, стр. 105—132].—С. М. Середонинъ. Сочиненіе Флетчера «Of the Russe common wealth» какъ историческій источникъ. С.-Петербургъ, 1891. [Изъ «Записокъ историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета», часть XXVII].

21) *Минцловъ, 152.*

Состояніе Россійской державы и великаго княжества Московскаго, съ присовокупленіемъ извѣстій о достопамятныхъ событіяхъ, случившихся въ правленіе четырехъ государей,

съ 1590 года по сентябрь 1606. Сочиненіе Капитана Маржерета. Переводъ съ французскаго [Н. Устрялова]. Санктпетербургъ. 1830. Стр. XXVI+122+62+1 табл.

Историческія записки, содержащія въ себѣ повѣствованіе о знаменитѣйшихъ происшествіяхъ, случившихся въ царствованіе пяти Государей, какъ-то: Іоанна Васильевича Грознаго, сына его Θеодора Іоанновича, Бориса Θеодоровича Годунова, Лжедимитрія и Василья Ивановича Шуйскаго, начиная съ 1590 по 14-е сентября 1606 года; съ присовокупленіемъ описанія нравовъ и обычаевъ Двора Россійскаго и нравовъ народа въ то время. Сочиненныя очевидцемъ Маржеретомъ. Переводъ съ французскаго. Москва. 1830. Стр. 218.

22) *Минцловъ, 152.*

Свадьба Отрепьева. Изъ Записокъ Георга Паерле. Перевелъ съ нѣмецкой рукописи Николай Устряловъ. [«Сынъ Отечества», CXLV, 353—370 и CXLVI, 21—29 (1831, №№ 44—45)].

23) *Минцловъ, 152.*

Дневникъ Самуила Маскѣвича, бывшаго въ Россіи во время втораго Самозванца, называемаго Тушинскимъ воромъ. [«Сѣверный Архивъ», XIII, 3—20, 109—128, 221—242; XIV, 117—136, 217—245 (1825, №№ 1—3, 6—7)].

Москва въ 1612 году. (Отрывокъ изъ Записокъ Маскѣвича). [«Сѣверная Пчела» 1834, № 249, стр. 994—996].

24) *Минцловъ, 151.*

Исторія о великомъ княжествѣ Московскомъ, происхожденіи великихъ русскихъ князей, недавнихъ смутахъ, произведенныхъ тамъ тремя Лжедимитріями, и о московскихъ законахъ, нравахъ, правленіи, вѣрѣ и обрядахъ, которую собралъ, описалъ и обнародовалъ Петръ Петрей де Ерлезунда въ Лейпцигѣ 1620 года. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Шемякина. Москва. 1867. Стр. 2 нен.+XII+478 [sic, не 578].

(Изъ «Чтеній въ И. О. И. Д. Р.» 1865—1867).

[24а] *Минцловъ, 203.*

Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ, составленное секретаремъ посольства Адамомъ Олеаріемъ. Перевелъ съ нѣмецкаго Павелъ Барсовъ. Москва, И. О. И. Д. Р., 1870. Стр. 2 нен.+XIV+76+1040+32+X.

(Изъ «Чтеній въ И. О. И. Д. Р.» 1868—1870).

Адамъ Олеарій. Описаніе путешествія въ Московію и черезъ Московію въ Персію и обратно. Введеніе, переводъ,

примѣчанія и указатель А. М. Ловягина. Съ 19 рисунками на особыхъ листахъ и 66 рисунками въ текстѣ. С.-Петербургъ, А. С. Суворинъ, 1906. 4⁰; стр. 8 нен.+XXVIII+4 нен.+582+2 пустыя+17 табл.

Объ извлеченіяхъ см. у Минцлова.

25) *Минцловъ, 267.*

Донесеніе Августина Майерберга императору Леопольду I о своемъ посольствѣ въ Московію. Переводъ съ латинскаго съ предисловіемъ и примѣчаніями Е. В. Барсова. Москва, И. О. И. Д. Р., 1882. 4⁰; стр. 2 нен.+II+54.

(Изъ «Чтеній въ И. О. И. Д. Р.» 1882, кн. 2).

Путешествіе въ Московію барона Августина Майерберга, члена императорскаго придворнаго совѣта, и Горація Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственнаго совѣта Нижней Австріи, пословъ августѣйшаго римскаго императора Леопольда къ Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, въ 1661 году, описанное самимъ барономъ Майербергомъ. [Переводъ А. Н. Шемякина]. Москва, И. О. И. Д. Р., 1874. 4⁰; стр. 2 нен.+VIII+216+XXX.

(Изъ «Чтеній въ И. О. И. Д. Р.» 1873, кн. 3—4 и 1874, кн. 1).

[Томъ I]. Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи. Съ присовокупленіемъ рисунковъ, представляющихъ виды, обряды, портреты и т. п. въ продолженіе сего путешествія собранныхъ. Издано Ѳедоромъ Аделунгомъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Санктпетербургъ. 1827. 8⁰; стр. VIII+374.

[Томъ II]. Рисунки къ путешествію по Россіи римско-императорскаго посланника барона Мейерберга въ 1661 и 1662 годахъ, представляющіе виды, народные обычаи, одѣянія, портреты и т. п. Изданы Ѳедоромъ Аделунгомъ. С. Петербургъ. 1827. f⁰ obl.; стр. 4 нен.+64 табл.+1 портретъ+1 фронтисписъ.

Одновременно вышло и нѣмецкое изданіе; оба—на средства гр. Н. П. Румянцова. Значительно выше по воспроизведенію рисунковъ стоитъ:

Альбомъ Мейерберга. Виды и бытовыя картины Россіи XVII вѣка. [Томъ I—Томъ II]. С.-Петербургъ, А. С. Суворинъ, 1903.

[Томъ I]. Рисунки дрезденскаго альбома, воспроизведенные съ подлинника въ натуральную величину, съ приложеніемъ карты пути цесарскаго посольства 1661—62 гг. f⁰ obl.; листовъ 4 нен.+61+2 нен.

[Томъ II]. Объяснительныя примѣчанія къ рисункамъ. Составлены Ѳ. Аделунгомъ, вновь просмотрѣны и дополнены А. М. Ловягинымъ. 8⁰; стр. XVIII+192.

Объ извлеченіяхъ изъ «Донесенія» и «Путешествія» см. у Минцлова.

[25 а] Новое изданіе, сдѣланное подъ редакціей русскаго ученаго:

La relation de trois ambassades de Monseigneur le comte de C a r l i s l e, De la part du Sérénissime et très puissant prince Charles II roi de la Grande-Bretagne, vers leurs Sérénissimes Majestés Alexey Michailovitz, czar et grand duc de Moscovie; Charles, roi de Suéde, et Frédéric III, roi de Danemark et de Norvège, Commencées en l'an 1663 et finies sur la fin de 1664. Nouvelle édition revue et annotée par le prince Augustin Galitzin. Paris, P. Jannet, 1857. Стр. XXXII + 368. (Bibliothèque Elzevirienne). Редакторъ разъяснилъ въ предисловіи вопросъ объ участіи въ первыхъ изданіяхъ Мьежа (Guy Miége). См. примѣчаніе 281.

26) *Минцловъ*, *261*.

Нынѣшнее состояніе Россіи, изложенное въ письмѣ къ другу, живущему въ Лондонѣ. Сочиненіе Самуила К о л л и н с а, который девять лѣтъ провелъ при дворѣ московскомъ и былъ врачемъ царя Алексѣя Михайловича. [Эпиграфъ]. Перевелъ съ англійскаго Петръ Кирѣевскій. Москва. 1846. стр. VIII+48.

(Изъ «Чтеній въ И. О. И. Д. Р.» 1846, кн. 1).

Переводъ главъ XX—XXII:

О Дворѣ Россійскомъ при Царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ. [«Московскій Вѣстникъ», VII, 243—256 (1828, № 2)].

Здѣсь на стр. 245—246 переведены 12 строкъ въ главѣ XX (о Б. И. Морозовѣ), отсутствующія у Кирѣевскаго на стр. 31.

[26 а] *Минцловъ*, *277*.

Путешествіе по Россіи Голландца С т р ю й с а. Переводилъ П. О. Юрченко. [«Русскій Архивъ» 1880, кн. I, стр. 5—128.]

«Р. Арх. 1880, I». [*Замѣтка въ авторскомъ экземплярѣ книги*].

Библіографическая замѣтка о нѣмецкомъ переводѣ книги Штрауса [Johann Jansen Straussens Reise durch Italien etc., Gotha und Erfurt, 1832, помѣщена въ Ж. М. Н. П., II.—Ж. М. Н. П., 1834, ч. 2, стр. 326—328]. Ср. Adelung, II, стр. 344—346. Приводя отрывокъ изъ путешествія Стрюйса, А. Корниловичъ называетъ его: «голландецъ Янъ Янсенъ Стрейсъ» [«Сѣверный Архивъ», 1824. № 5, стр. 275—290; № 7, стр. 26—40].

Объ извлеченіяхъ см. у Минцлова.

27) *Минцловъ*, *281*.

Яковъ Р е й т е н ф е л ь с ъ. Сказанія свѣтлѣйшему герцогу тосканскому Козьмѣ Третьему о Московіи. Падуя, 1680 г. Иждивеніемъ книгопродавца Петра Марія Фрамботти. Съ разрѣшенія старшихъ. Съ латинскаго перевелъ Алексѣй Станкевичъ. Москва. 1905 [на обложкѣ—1906]. Стр. X+228.

(Изъ «Чтеній въ И. О. И. Д. Р.» 1905).

Объ извлеченіяхъ см. у Минцлова.

[27 a] *Минцловъ, 287.*

Посольство Боттони отъ Австрійскаго Императора Леопольда къ Царю Алексѣю Михайловичу въ 1675 году, описанное Адольфомъ Лизекомъ, секретаремъ посольства. Съ латин. К. У. [«Отечественныя Записки», XXXIII, 290—316; XXXV, 280—296, 301—332 (1828, №№ 94, 100, 101)].

Сказаніе Адольфа Лизека о посольствѣ отъ Императора Римскаго Леопольда къ Великому Царю Московскому Алексію Михаиловичу, въ 1675 году. Перевелъ съ латинскаго И. Тарнава-Боричевскій. С. Петербургъ, 1837. Стр. 2 нен.+68.

[Изъ Ж. М. Н. П., XVI, 327—391 (1837, № 11)].

[27 b] *Минцловъ, 292.*

Бернгардъ Таннеръ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 году. Переводъ съ латинскаго, примѣчанія и приложенія И. Ивакина. Москва. 1891. Стр. XII+204+5 табл.

(Изъ «Чтеній въ И. О. И. Д. Р.»

[27 c] *Минцловъ, 310.*

Свѣдѣнія о Сибири и пути въ Китай, собранныя миссіонеромъ Ф. Аврилемъ, въ Москвѣ, въ 1686 году. [«Русскій Вѣстникъ» VI, 69—104 (1842, № 4)].

«Сол. 14, 67». [*Замѣтка въ авторскомъ экземплярѣ книги*].

[27 d] *Минцловъ, 312.*

Любопытныя и новыя извѣстія о Московіи, 1689 года (де ла Нёвилля). [«Русскій Вѣстникъ», III, 596—614 и IV, 95—157 (1841, №№ 9 и 10)].

Записки де-ла Невилля о Московіи 1689 г. Перев. съ французскаго А. И. Браудо. [«Русская Старина», LXXI, 419—450 и LXXII, 241—281 (1891, №№ 9 и 11)].

28) Корбъ, Іоганнъ Георгъ *(Минцловъ, 333).*

Дневникъ поѣздки въ Московское государство Игнатія Христофора Гваріента, посла императора Леопольда I къ Царю и Великому Князю Московскому, Петру Первому, въ 1698 году, веденный секретаремъ посольства Іоанномъ Георгомъ Корбомъ. Переводъ съ латинскаго Б. Женева и М. Семевскаго. Москва, И. О. И. Д. Р., 1867 [на обложкѣ—1868]. Стр. 2 нен.+XII+382+XXIV+6 табл.

(Изъ «Чтеній въ И. О. И. Д. Р.» 1866—1867).

Іоаннъ Георгъ Корбъ. Дневникъ путешествія въ Московію (1698 и 1699 гг.). Переводъ и примѣчанія А. І. Малеина. Съ приложеніемъ 19 рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ и указателей.

С.-Петербургъ, А. С. Суворинъ, 1906. Стр. 4 неп.+XX+
+322+19 табл.

«Устр. Ист. II. 4, 82». [*Замѣтка въ авторскомъ экземплярѣ книги*]. Переводы отрывковъ указаны у Миицлова.

Михаилъ Литвинъ (*Минцловъ*, 58).

Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Выпускъ I (XVI ст.). Михаилъ Литвинъ. Б. де-Виженеръ. Л. Горецкій. Э. Ляссота. Переводъ К. Мельникъ (подъ редакціею В. Антоновича). Кіевъ. 1890. Стр. 2 неп.+IV+192.

(Изъ «Кіевской Старины» 1889, № 5—6 и сл.).

В. И. Берхъ. Судъ англійскаго купца Генриха Лена съ московскимъ жителемъ Ширяемъ Костромитскимъ въ 1560 году. [«Сынъ Отеч.» 1822, ч. LXXVIII, стр. 258—261].

30) *Минцловъ*, 57.

Московія Джона Мильтона, съ статьею и примѣчаніями Юрія Вас. Толстого. Москва, И. О. И. Д. Р., 1875. Стр. 6 неп.+24+2 неп.+II+84.

(Изъ «Чтеній въ И. О. И. Д. Р.» 1874, кн. 3).

43) Янъ Ласки (Iohannes de Lasco), архіепископъ гнезненскій, получилъ на Латеранскомъ соборѣ (1515) титулъ «legatus novus». См. Zeisberg, Iohannes Laski, Erzbischof von Gnesen [Е. Е Замысловскій. Герберштейнъ, стр. 40, прим. 15 и слѣд.].

92) Полный текстъ у Лизека (стр. 47—48) слѣдующій:

[Царь] in triginta enim argenteis majoribus patinis, per totidem bajulos, varias huic nationi imprimis charas cupedias, allio et cepis non parce conditas, addito insuper in duodecim cantharis potu, mulso nimirum, cremato et cerevisia transmisit, quibus potius Germanorum oculi, quam stomachus, his condimentis non assuetus cogebantur satiari.

281) Meiners, I, 26: «La Relation de trois Ambassades de... Carlisle de la part de... Charles II... Diese Reisebeschreibung erschien zuerst in Englischer Sprache. Ich habe die erste Englische Ausgabe eben so wenig, als die erste französische gesehen und kann also auch von beiden das Jahr nicht angeben. Die französische Edition hatte vor dem ersten Englischen Druck den Vorzug, dass sie das Original war. Dies sagt der Herausgeber, Guy Miége, in der Dedication an den Sohn des Grafen von Carlisle. Ich führe diese Reisebeschreibung unter dem Namen Miége an». Ср. изданіе подъ редакціей кн. Голицына (Paris, 1857), стр. XXII—XXX.

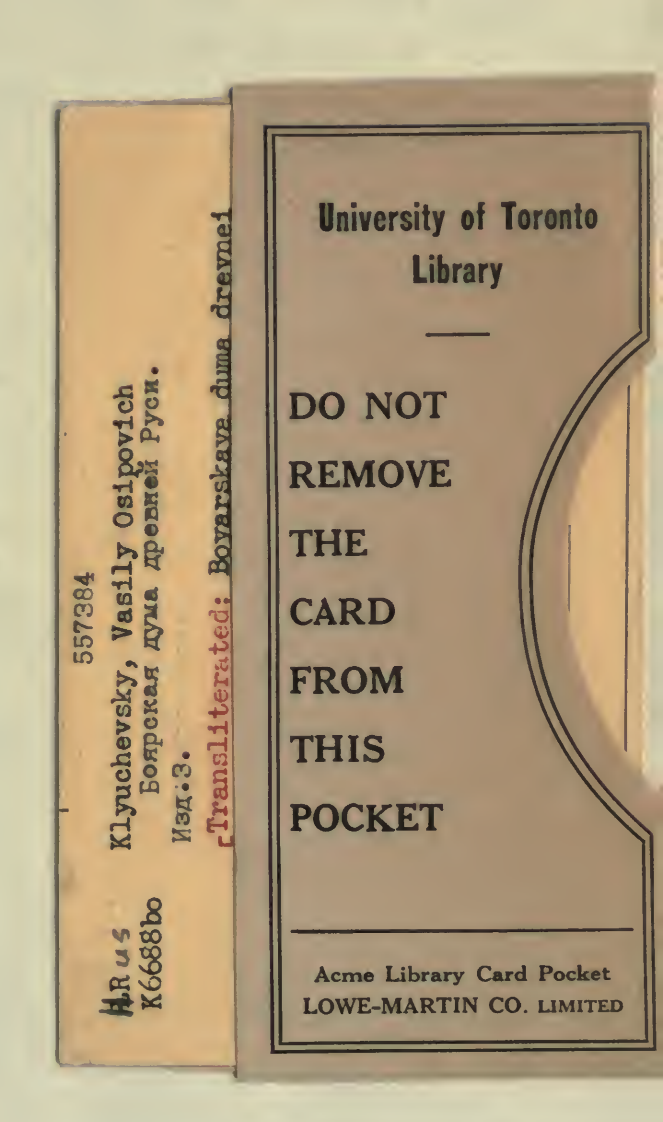
III.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЙ.

IV.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

557384
Klyuchevsky, Vasily Osipovich
Боярская дума древней Руси.
Изд.3.
[Transliterated: Boyarskaye duma drevnei
HRus
K6688bo
University of Toronto
Library
DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET
Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED